ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПОСОБІЕ
ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ
Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе четвертое безъ перемѣнъ со втораго изданія, исправленнаго и дополненнаго

Я. ГУРЕВИЧЕМЪ,

директоромъ С.-Петербургской гимназіи и реальнаго училища Гуревича.

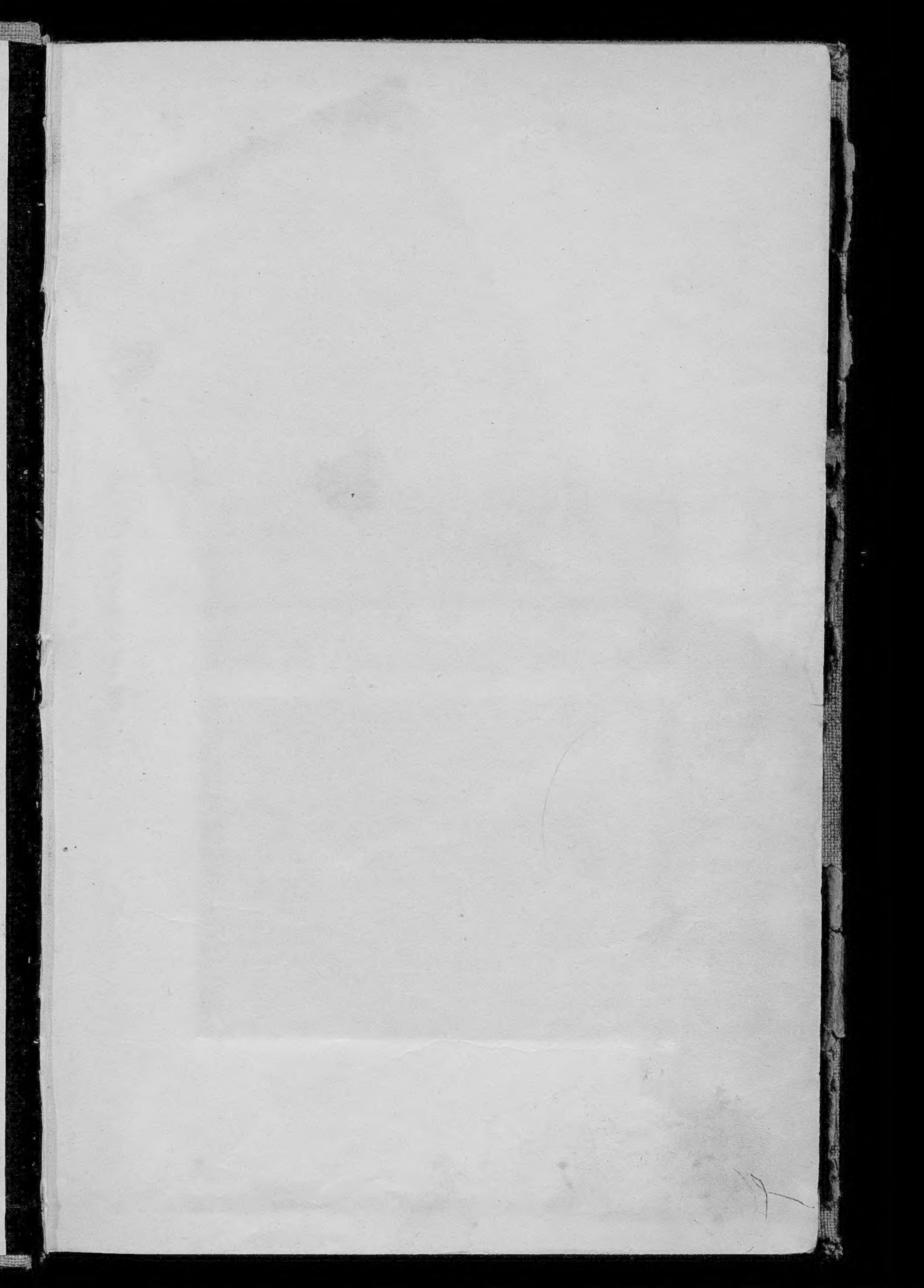
…МЕНДОВАНО въ второмъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Минист. Народ. Просвѣ…ія, какъ полезное учебное пособіе при изученіи русской исторіи въ гимназіяхъ.
…МЕНДОВАНО также Учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія, какъ полезное пособіе при …даваніи исторіи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи.

Цѣна 1 р. 75 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня Я. И. Либермана. Фонтанка, № 86.
1896.

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.
Не загибайте углов.
Не делайте надписей на книге.
Не смачивайте пальцев слюною, перелистывая книгу.
Завертывайте книгу в бумагу.



ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ

для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній.

СОСТАВИЛИ

Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

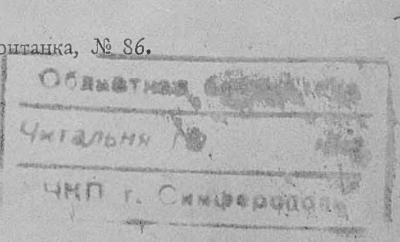
Изданіе четвертое безъ перемѣнъ со втораго изданія, исправленнаго и дополненнаго

Я. ГУРЕВИЧЕМЪ,

директоромъ С.-Петербургской гимназіи и реальнаго училища Гуревича.

РЕКОМЕНДОВАНО въ второмъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Минист. Народ. Просвѣщенія, какъ полезное учебное пособіе при изученіи русской исторіи въ гимназіяхъ.
РЕКОМЕНДОВАНО также Учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія, какъ полезное пособіе при преподаваніи исторіи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня Я. И. Либермана. Фонтанка, № 86.
1896.



ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Приступая къ составленію этой хрестоматіи, мы имѣли въ виду удовлетворить насущной потребности, которая давно уже чувствуется у насъ въ такомъ пособіи. При выборѣ матеріала, мы стремились, главнымъ образомъ, удовлетворить требованіямъ школы, не упуская при этомъ изъ виду и требованій научныхъ. Мы старались прослѣдить послѣдовательно всѣ главные моменты отечественной исторіи, пользуясь для этого всѣмъ научнымъ матеріаломъ, который представляетъ наша современная историческая литература, а отчасти и первоначальными источниками. Само собою разумѣется, что, при сравнительной молодости научной литературы по русской исторіи, намъ невозможно было ограничиться только выборомъ матеріала изъ сочиненій немногихъ корифеевъ русской исторической науки: пришлось также пользоваться и второстепенными изслѣдованіями.

Въ виду того, что многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи, каковы вопросы о призваніи варяговъ, о происхожденіи и сущности удѣльной системы, о личности перваго самозванца и нѣкоторые другіе, представляются еще въ наукѣ вопросами спорными, мы считали необходимымъ, относясь къ матеріалу съ полною объективностію, познакомить нашихъ читателей, въ отрывкахъ или въ извлеченіи, съ сочиненіями, служащими выраженіемъ различныхъ или даже противоположныхъ воззрѣній нашихъ историковъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся явленій отечественной исторіи. Такъ, по вопросу о призваніи варяговъ мы дали въ этой части хрестоматіи двѣ статьи: одну, составленную по изслѣдованіямъ Погодина, какъ представителя теоріи норманистовъ, другую—взятую изъ сочиненія Иловайскаго: „Розысканія о началѣ Руси“, чтобы представить выводы и воззрѣнія антинор-

манистовъ. Съ такою же цѣлью дали мы нѣсколько статей относительно удѣльно-вѣчеваго устройства. И въ слѣдующихъ частяхъ хрестоматіи мы намѣрены держаться того-же пріема.

Чтобы сдѣлать нашу хрестоматію какъ можно болѣе доступною для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, а также избѣгнуть растянутости и распространенности въ изложеніи, мы считали необходимымъ, приспособляясь къ требованіямъ школы, сообщить значительную часть статей въ извлеченіи, или, по крайней мѣрѣ, въ сокращенномъ изложеніи, устраняя все, что, по нашему мнѣнію, могло бы затруднять учениковъ даже старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Статьи, заимствованныя нами изъ первоначальныхъ источниковъ, мы предпочли дать ученикамъ въ переводѣ на современный намъ литературный языкъ, будучи увѣрены, что только въ такомъ случаѣ онѣ навѣрное прочтены будутъ учениками и могутъ быть ими усвоены вполнѣ. Чтеніе этихъ отрывковъ въ подлинникѣ и уясненіе особенностей ихъ формы изложенія составляетъ уже предметъ преподаванія русскаго языка и литературы. (Тѣ немногія статьи, которыя предназначены для чтенія ученикамн не иначе, какъ съ помощью преподавателя, напечатаны петитомъ).

Считая письменныя работы по исторіи однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для полнаго уясненія учащимся наиболѣе выдающихся и сложныхъ историческихъ явленій и для возбужденія въ нихъ умственной самодѣятельности, мы позаботились о томъ, чтобы хрестоматія наша могла служить для этого сподручнымъ пособіемъ. Историческія параллели и характеристики, сравненіе извѣстныхъ уже ученикамъ историческихъ событій и личностей, представляющихъ выдающіяся черты сходства и противоположности, составляютъ несомнѣнно отличный матеріалъ для письменныхъ работъ по исторіи; но не менѣе производительною и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе цѣнною въ дидактическомъ отношеніи работою должно быть признано сравненіе соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ различныхъ сочиненій, отрывковъ, относящихся къ одному и тому же предмету. Въ виду этого, мы помѣстили въ нашей хрестоматіи также однородные отрывки и статьи изъ лѣтописи и исторіи Карамзина

и Соловьева относительно первыхъ князей, относительно крещенія Руси, относительно Владиміра Мономаха, и нѣкоторые другіе. Этотъ сравнительный пріемъ имѣемъ мы въ виду примѣнить и въ слѣдующихъ частяхъ нашей хрестоматіи. По нашему мнѣнію, матеріалъ для такихъ письменныхъ работъ долженъ быть подготовленъ внимательнымъ чтеніемъ соотвѣтственныхъ статей въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя и соотвѣтственными вопросами его, которыми бы ученики могли руководствоваться при перечитываніи указанныхъ статей дома и при составленіи, на основаніи всего этого, письменной работы.

Положимъ, что рѣчь идетъ о крещеніи Руси. Въ такомъ случаѣ прочитывается сначала отрывокъ о крещеніи Владиміра изъ лѣтописи, потомъ статья о крещеніи Владиміра и кіевлянъ изъ Карамзина, и посредствомъ цѣлаго ряда соотвѣтственныхъ вопросовъ преподаватель старается привести учениковъ къ уразумѣнію того, въ какомъ отношеніи находится изложеніе Карамзина къ изложенію лѣтописи, какъ понимаетъ Карамзинъ причины крещенія Владиміра и Руси, на сколько онъ старается уяснить то, что не выяснено лѣтописью, какъ связываетъ онъ различныя части разсказа и т. п. Когда все это уяснено ученикамъ, тогда переходятъ къ чтенію статьи Соловьева о крещеніи Владиміра, сравнивая ее съ лѣтописнымъ разсказомъ такъ же, какъ и отрывокъ изъ Карамзина. Затѣмъ уже ученики должны самостоятельно составить письменную работу, въ которой было бы выяснено, чѣмъ отличается изложеніе Соловьева отъ изложенія Карамзина относительно крещенія Руси, чѣмъ отличается отношеніе того и другаго къ лѣтописному матеріалу, одинаково ли понимаютъ Карамзинъ и Соловьевъ отношеніе язычества къ христіанству въ Кіевѣ до крещенія Руси при Владимірѣ, какъ смотрятъ они на самую личность Владиміра, какъ уясняютъ они мотивы крещенія Владиміра и кіевлянъ, и т. п. Цѣль подобныхъ письменныхъ работъ при преподаваніи исторіи состоитъ не въ томъ, чтобы выяснить различіе между исторіею и лѣтописью, между безъискусственнымъ и научнымъ изложеніемъ и т. п., что входитъ въ предметъ преподаванія словесности, а въ томъ, чтобы, при помощи сравненія однородныхъ отрывковъ, полнѣе, всестороннѣе выяснить самую сущность даннаго явленія или

данной эпохи и такимъ образомъ способствовать вполнѣ правильному уразумѣнію ихъ учениками. Конечно, при небольшомъ количествѣ времени, удѣляемаго у насъ на преподаваніе исторіи, нельзя разсчитывать на то, чтобы ученики могли много заниматься такими письменными работами; но мы увѣрены, что даже одна или двѣ такія работы въ году могутъ возбудить въ ученикахъ болѣе серьезное отношеніе къ предмету, чѣмъ цѣлый рядъ уроковъ, ограничивающихся лишь выспрашиваніемъ и объясненіемъ извѣстныхъ страницъ учебника.

Въ этой, первой части хрестоматіи мы остановились на эпохѣ Іоанна Грознаго, такъ какъ весь предшествующій періодъ исторіи представляетъ уже самъ по себѣ нѣчто законченное, и по программѣ гимназической соотвѣтствуетъ курсу одного изъ высшихъ классовъ гимназій (по прежней программѣ V класса, а по вновь опубликованной—VI класса). Во второй части мы имѣемъ въ виду дать подробный обзоръ событій отъ начала царствованія Грознаго до избранія Петра, а также всесторонній обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства. Третья же часть будетъ заключать въ себѣ исторію Россіи съ Петра Великаго до новѣйшаго времени.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу признательность многоуважаемому профессору и ученому С. М. Соловьеву, сочиненіями котораго намъ такъ много приходилось пользоваться, за данное намъ разрѣшеніе—воспользоваться для нашей хрестоматіи всѣмъ, что было имъ написано по русской исторіи, начиная съ монографій и обширной „Исторіи Россіи“ и кончая многочисленными статьями, разбросанными въ различныхъ журналахъ, и спеціальныхъ изданіяхъ еще съ сороковыхъ годовъ и до настоящаго времени.

16 августа 1877 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Принимая во вниманіе тѣ замѣчанія, которыя высказаны были по поводу составленной мною вмѣстѣ съ покойнымъ Б. А. Павловичемъ „Исторической хрестоматіи по русской исторіи“ (т. I и II), какъ учеными комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и IV Отдѣленія, такъ и нѣкоторыми органами періодической печати, я считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ приступить ко второму изданію первой части „Исторической хрестоматіи по русской исторіи“, тщательно пересмотрѣть всѣ статьи ея и сдѣлать необходимыя измѣненія и дополненія соотвѣтственно справедливымъ указаніямъ критики, а также и собственнаго опыта. Измѣненія эти состоятъ въ слѣдующемъ: Во-1-хъ) Нѣкоторыя статьи, оказавшіяся слишкомъ трудными для учениковъ даже старшихъ классовъ гимназій, какъ напр. двѣ статьи, касающіяся спорнаго вопроса о происхожденіи и о призваніи варяговъ *), совершенно опущены мною во второмъ изданіи. Во-2-хъ) Нѣкоторыя статьи входившія въ составъ перваго изданія, сокращены мною во второмъ изданіи, при чемъ опущены большею частію мелкія подробности, заслоняющія главное содержаніе той или другой статьи. Въ-3-хъ) Нѣкоторыя слишкомъ большія по объему статьи разбиты на двѣ отдѣльныя статьи, такъ чтобы онѣ могли быть прочитаны въ классѣ или дома, не требуя затраты большаго количества времени, которымъ, къ сожалѣнію, не располагаютъ ученики нашихъ среднеучебныхъ заведеній для чтенія по исторіи. Въ-4-хъ) Многія статьи, входившія въ составъ перваго тома „Хрестоматіи“ въ первомъ ея изданіи, замѣнены во второмъ изданіи новыми, болѣе цѣнными какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Такъ, статья

*) „Происхожденіе Варяговъ Руси“ Погодина и „О мнимомъ призваніи варяговъ“ Иловайскаго

„О колонизаціи сѣверо-восточной Руси“, заимствованная для перваго изданія изъ соч. Корсакова „Меря и Ростовъ“, замѣнена статьею о колонизаціи сѣверо-восточной Руси, заимствованною изъ соч. Ешевскаго; статья „Слѣдствія монгольскаго ига“ изъ Устрялова замѣнена статьею, заимствованною изъ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина: „Нравственное состояніе древне-русскаго общества подъ владычествомъ татаръ“. Въ-5-хъ) Увеличенъ матеріалъ, заимствованный изъ первоначальныхъ источниковъ. Такъ, прибавлены во второмъ изданіи отрывки изъ арабскихъ писателей начала X вѣка, знакомящіе съ нравами и обычаями русскихъ славянъ, изъ „Даніила Заточника моленія къ своему князю“, изъ „Задонщины“ и пр. Въ-6-хъ) Прибавлено много новыхъ статей и преимущественно такихъ, которыя, по своему содержанію, могли бы расширить знаніе учащихся о бытовой и вообще о культурной сторонѣ жизни древне-русскаго общества; таковы, напр., статьи: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“, заимствованная изъ капитальнаго труда Котляревскаго; „О дружинѣ и объ отношеніяхъ ея къ князю и къ земщинѣ“; „О вліяніи Византіи на развитіе государственныхъ и юридическихъ понятій древней Россіи“ изъ соч. Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“. Всѣхъ статей прибавлено во второмъ изданіи болѣе двадцати. Но, вводя много новаго матеріала, я старался, по мѣрѣ возможности, избѣжать значительнаго увеличенія объема книги, что оказалось возможнымъ, благодаря многимъ сокращеніямъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ первое изданіе „Хрестоматіи“, вслѣдствіе опущенія нѣкоторыхъ статей изъ перваго изданія, оказавшихся не подходящими. Въ общемъ объемъ книги увеличенъ лишь на два съ половиною листа, что дало возможность, не смотря на улучшенія внѣшности изданія, оставить почти неизмѣненною прежнюю цѣну книги (1 р. 75 к., вм. 1 р. 60 к.). Соотвѣтственныя измѣненія будутъ сдѣланы мною и во второй части „Исторической Хрестоматіи по русской исторіи“ во второмъ изданіи ея.

Я. Гуревичъ.

1 ноября 1880 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Восточные славяне и Русь до начала государственной жизни ея.

Стр.

I. Разселеніе славянъ. (Изъ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина, т. I) . . 1

II. Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію. (Изъ „Исторія Россіи“ Соловьева, т. I и т. XIII) 3

III. Нравы и обычаи русскихъ славянъ по сказаніямъ арабскихъ писателей начала X-го вѣка. (Изъ соч. Гаркави: „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ съ половины VII до конца X-го вѣка“). 12

IV. Очеркъ нравовъ и обычаевъ славянъ во времена языческія. (Изъ статьи Соловьева, помѣщенной въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева за 1850 г., кн. I) 17

V. Переходъ отъ родового быта къ общинному. (Изъ соч. О. Миллера: „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности“. Часть I, выпускъ I) . . 26

VI. Языческая религія русскихъ славянъ. (Изъ „Исторіи русской жизни“ Забѣлина, ч. II) 29

VII. Борьба началъ свѣта и тьмы по воззрѣніямъ славянъ. (Составлено по соч. Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. I и II) . 38

VIII. Праздники языческихъ славянъ. (Изъ соч. Костомарова: „Славянская миѳологія“). 46

IX. Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ. (По соч. Срезневскаго: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ“). 54

X. Погребальные обычаи языческихъ славянъ. (Изъ соч. Котляревскаго: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“). 58

XI. Русскіе инородцы. (Изъ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина, т. I) . . 68

XII. Мнѣнія о происхожденіи варяговъ-руси. (Изъ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина, т. I) 76

Русь при первыхъ князьяхъ. Крещеніе Руси и распространеніе въ ней христіанства.

XIII. Нападеніе Руси на Царь-Градъ въ 865 г. (Изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго, ч. I-я, Кіевскій періодъ) 79

XIV. Лѣтописное сказаніе объ Олегѣ. (Изъ Лаврентьевской лѣтописи). . . 86

XV. Договоры Руси съ греками. (Изъ Лаврентьевской лѣтописи) 88

XVI. Походъ Игоря на древлянъ. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 92

XVII. Мщеніе Ольги за смерть Игоря. (Изъ „Исторіи русской жизни“ Забѣлина, ч. II) 93

XVIII. Княженіе Ольги и крещеніе ея. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 98

XIX. Лѣтописное сказаніе о крещеніи Ольги. (Изъ Лаврентьевской лѣтописи). 101

XX. Святославъ и его походы. (Изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго, ч. I, Кіевскій періодъ) 10

Стр.

XXI. Владиміръ Св. и борьба языческой и христіанской партіи въ Кіевѣ до крещенія Руси. (Сост. по соч. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ и „Исторія Россіи“ . . 110
XXII. Принятіе христіанства Владиміромъ Святымъ. (Изъ Лаврентьевской лѣтописи) 115
XXIII. Крещеніе Владиміра Св. и кіевлянъ. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 119
XXIV. Крещеніе Руси. (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева) 125
XXV. Вліяніе христіанства на жизнь древне-русскаго народа. (Изъ статьи Аристова „Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей“. Изъ журнала „Духъ христіанина“ 1861 г.). 134
XXVI. Ярославъ Мудрый. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова) 141
XXVII. Начало Печерскаго монастыря. (Изъ Лаврентьевской лѣтописи). . . 147
XXVIII. Значеніе монастырей и распространеніе ихъ въ древней Руси въ періодъ до монгольскаго ига. (По „Исторіи русской церкви“ Макарія и по „Руководству къ русской церковной исторіи“ Знаменскаго) . . 152
XXIX. Церковь и ея отношенія къ обществу. (Изъ соч. Хлѣбникова: „Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи“) . . . 155
XXX. О русскихъ лѣтописяхъ. (Изъ „Лекцій по русской исторіи“ Костомарова) 162
XXXI. Объ авторѣ лѣтописи, называемой Несторовою. (Изъ „Лекцій по русской исторіи“ Костомарова). 164
XXXII. Изъ „Русской Правды“ 166
XXXIII. Значеніе законовъ Ярославовой Правды. (Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства“ Бѣляева) 168
XXXIV. О сословныхъ отношеніяхъ по Русской Правдѣ. (Изъ соч. Ланге: „Изслѣдованіе о Русской Правдѣ“) 172
XXXV. Дружина и отношеніе ея къ князю и къ земщинѣ до начала удѣловъ. (Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства“ Бѣляева) . . . 177
XXXVI. О судопроизводствѣ по Русской Правдѣ. (Изъ соч. Ланге: „Изслѣдованіе о Русской Правдѣ“) 183

Русь въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

XXXVII. Различныя мнѣнія объ удѣльномъ періодѣ. (Изъ соч. Бестужева-Рюмина: „Русская исторія“, т. I) 186
XXXVIII. О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ въ началѣ удѣльнаго періода. (По соч. проф. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“). 189
XXXIX. Вѣче и князь въ удѣльный періодъ. (Изъ соч. Сергѣевича: „Вѣче и князь“) 196
XL. Дружина и отношеніе ея къ князю и къ земщинѣ въ удѣльный періодъ. (Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства“ Бѣляева). 209
XLI. Владиміръ Мономахъ, какъ примиритель княжескихъ усобицъ. (Изъ соч. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ и изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго, ч. I, Кіевскій періодъ). 213
XLII. Владиміръ Мономахъ, какъ защитникъ Русской земли отъ половцевъ. (Изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго, ч. I, Кіевскій періодъ) 220
XLIII. Владиміръ Мономахъ, какъ законодатель. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова). 224
XLIV. Изъ „Поученія“ Владиміра Мономаха. (Изъ Лаврентьевск. лѣтописи). 227
XLV. Русская колонизація сѣверовосточнаго края. (Изъ статьи Ешевскаго: „Русская колонизація сѣверовосточнаго края“. Собраніе сочиненій, т. II). 230
XLVI. Юрій Долгорукій. (Изъ соч. Корсакова: „Меря и Ростовское княжество“). 239
XLVII. Андрей Боголюбскій. (По „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова). 244
XLVIII. Значеніе эпохи Андрея Боголюбскаго. (Изъ соч. Корсакова: „Меря и Ростовское княжество“). 251

Стр.

XLIX. Изъ „Слова о полку Игоревѣ“ 252
L. Личность и міросозерцаніе пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“. (Изъ соч. Стоюнина: „О преподаваніи русской литературы“) 256
LI. Историческое значеніе „Слова о полку Игоревѣ“. (Изъ статей Барсова: „Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“, помѣщ. въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1878 г.). 258
LII. Изъ „Даніила Заточника моленія къ своему князю Ярославу Всеволодовичу“ 260
LIII. О „Словѣ Даніила Заточника“. (Изъ „Исторіи русской словесности“ Порфирьева) 262
LIV. Политическое устройство Новгорода. (Изъ соч. Бѣляева: „Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія“). . . 263
LV. Договорная Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ тверскимъ. 278
LVI. Составъ новгородскаго общества. (Изъ соч. Бѣляева: „Исторія Новгорода Великаго съ древнѣйшихъ временъ“) 279
LVII. Церковныя дѣла Великаго Новгорода. (По соч. Костомарова: „Сѣверно-русскія народоуправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада“) 291
LVIII. Торговля Великаго Новгорода. (По соч. Костомарова: „Сѣверно-русскія народоуправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада“) . 293
LIX. Князь новгородскій Мстиславъ Удалый. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ и изъ „Сѣверно-русскихъ народоуправствъ“ Костомарова). 296
LX. Отношенія Пскова къ Новгороду и постепенное пріобрѣтеніе самостоятельности Псковомъ. (Сост. по соч. Бѣляева: „Исторія города Пскова и Псковской земли“ и по соч. Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“) 306
LXI. Особенности общественнаго строя Пскова. (Изъ соч. Бѣляева: „Исторія города Пскова и Псковской земли“) 315

Русь во время татарскаго ига.

LXII. Первое татарское нашествіе. (Изъ соч. Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига“) 325
LXIII. Нашествіе Батыя и покореніе Руси монголами. (Изъ „Древней русской исторіи“ Погодина и изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 329
LXIV. О нравахъ и обычаяхъ татаръ. (Изъ соч. Плано Карпини: „Historia Mongolorum“) 336
LXV. Утвержденіе меченосцевъ въ Остзейскомъ краѣ. (По „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина и „Сѣверно-русскимъ народоуправствамъ“ Костомарова) 344
LXVI. Крестоносцы и Литва. (Изъ статьи Соловьева: „Крестоносцы и Литва“ въ „Отеч. Запискахъ“ за 1853 г.). 347
LXVII. Борьба православія съ католицизмомъ въ Литвѣ до Ягайла, крещеніе Литвы и соединеніе ея съ Польшею. (Изъ соч. Васильевскаго: „Очеркъ исторіи города Вильны“, помѣщ. въ „Памятникахъ русской старины“) 357
LXVIII. Княжество Галицко-Волынское при Романѣ и Даніилѣ. (Изъ статьи Соловьева: „Даніилъ Романовичъ, король галицкій“, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1847 г.) 368
LXIX. Князь Александръ Ярославичъ Невскій и его побѣды. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова) 375
LXX. Политика Александра Невскаго по отношенію къ татарамъ. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина). 379

Возвышеніе Москвы.

LXXI. О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III. (Изъ статьи Станкевича, помѣщенной въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета“ за 1834 г., т. V) 384

Стр.

LXXII. Борьба между Москвою и Тверью за первенство. (Изъ соч. Борзаковскаго: „Исторія Тверскаго княжества“) 392
LXXIII. Іоаннъ Даниловичъ Калита. (Изъ соч. Вешнякова: „О причинахъ возвышенія Московскаго княжества“) 402
LXXIV. Состояніе монашествующаго духовенства въ XIV вѣкѣ и преподобный Сергій. (Изъ „Руководства къ русской церковной исторіи“ Знаменскаго). 407
LXXV. Изъ „Сказанія о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго“ 409
LXXVI. Изъ „Задонщины“ 411
LXXVII. Куликовская битва. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 413
LXXVIII. Изъ статьи Костомарова: „Куликовская битва“. (Приложеніе къ академическому мѣсяцеслову за 1864 г.) 418
LXXIX. Междоусобія въ княженіе Василія II Темнаго. (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева) 427
LXXX. Нравственное состояніе древне-русскаго общества подъ владычествомъ татаръ. (Изъ „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина) . . . 430
LXXXI. Характеръ и значеніе Іоанна III. (Изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина) 434
LXXXII. Софія Палеологъ (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева) 436
LXXXIII. Концъ удѣловъ. (Изъ „Исторіи русскаго народа“ Полеваго) . . 443
LXXXIV. Постепенное паденіе Великаго Новгорода. (По соч. Бѣляева: „Исторія Новгорода Великаго съ древнѣйшихъ временъ до паденія“) . 446
LXXXV. Покореніе Великаго Новгорода Іоанномъ III. (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. V) 450
LXXXVI. Сверженіе татарскаго ига. (Изъ „Исторіи русскаго народа“ Полеваго) 460
LXXXVII. Отношенія Московскаго государства къ Литовскому въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. (По соч. Карпова: „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ“) 466
LXXXVIII. Изъ „Судебника“ Іоанна III 474
LXXXIX. Новгородскій архіепископъ Геннадій и борьба его съ ересью (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова) 476
XC. Иностранцы въ Москвѣ при Іоаннѣ III. (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева) 487
XCI. Борьба съ Польшею и возвращеніе Смоленска. (Изъ „Исторіи русскаго народа“ Полеваго) 490
XCII. Постепенное паденіе самостоятельности Пскова. (Изъ „Очерка внутренней исторіи Пскова“ Никитскаго) 497
XCIII. Паденіе Пскова. (Изъ „Исторіи города Пскова и Псковской земли“ Бѣляева) 507
XCIV. Политика Василія III. (Изъ „Записокъ о Московіи“ барона Герберштейна) 516
XCV. Разводъ Василія Іоанновича съ Соломоніей и бракъ его съ Еленой Глинскою. (Изъ „Записокъ о Московіи“ Герберштейна) 519
XCVI. Максимъ Грекъ. (Изъ „Исторіи древней русской словесности“ Галахова) 520
XCVII. Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. (Изъ соч. Иконникова: „Максимъ Грекъ“ 526
XCVIII. Вліяніе Византіи на развитіе государственныхъ и юридическихъ понятій древней Россіи. (Изъ соч. Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи къ русской исторіи“) . . 532
XCIX. Вліяніе Византіи въ церковномъ и литературномъ отношеніи на жизнь древнерусскаго общества. (Изъ статей Пыпина: „Древній періодъ русской литературы и образованности“, помѣщ. въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 г.). 538
C. Общій обзоръ древней русской исторіи до Іоанна Грознаго. (Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева) 544

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И РУСЬ ДО НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЕЯ.

I. РАЗСЕЛЕНІЕ СЛАВЯНЪ.

(Изъ „Русской Исторіи" Бестужева-Рюмина, т. I).

Основнымъ элементомъ образованія русской народности послужили племена славянскія, издавна жившія на территоріи нынѣшней Русской имперіи. Когда пришли славяне въ Европу, мы съ достовѣрностью не знаемъ. Съ большею точностью можемъ мы опредѣлить ту мѣстность, которая постоянно, со временъ глубокой древности, заселена была славянами. Средствомъ для этого могутъ служить названія живыхъ урочищъ. Большія урочища всегда называются первыми поселенцами. Такимъ образомъ, если на Востокѣ Россіи мы слышимъ названія, которыя звучатъ не по-славянски: Ока, Кама и т. п., а на западѣ—чисто-славянскія: Березина, Припять и т. д., то позволительно заключить, что западъ ранѣе востока населенъ славянами и что первымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ надо считать край Подкарпатскій. Сюда же, къ Карпатамъ, приводятъ насъ и саги многихъ славянскихъ народовъ, въ особенности чеховъ и ляховъ. Отсюда уже славяне распространились въ разныя стороны: на сѣверъ—до моря Балтійскаго и на югъ—до Адріатическаго. Наша древнѣйшая лѣтопись передаетъ преданіе о томъ, что „по мнозѣхъ временахъ (послѣ столпотворенія) сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарска, откуда, изгнанные волохами *), разошлись они по разнымъ сторонамъ. Это, такъ сказать, дунайское преданіе, попавшее, быть можетъ, въ лѣтопись изъ письменнаго источника, едва-ли не записанное у славянъ придунайскихъ, кажется, не слѣдуетъ принимать безусловно за доказательство первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ на Дунаѣ; болѣе вѣроятно то, что сюда переселились они изъ другаго первоначальнаго жилища, гдѣ они основались при переходѣ въ Европу.

Древніе не знали славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Греки и римляне знали славянъ подъ различными именами, между которыми преобладающимъ дѣлается имя венетовъ, венедовъ. Плиній и Тацитъ

---

*) Волохи, по Шафарику—кельты; по мнѣнію же Гильфердинга—древніе даки, предки нынѣшнихъ Румыновъ.

упоминаютъ о венедахъ, жившихъ около Вислы; географъ Птоломей называетъ Балтійское море Венедскимъ заливомъ. Этимъ именемъ обыкновенно означались два крайнія племени славянскія: славяне прибалтійскіе, знакомые древности классической по торговлѣ янтаремъ, и славяне адріатическіе, первые вошедшіе въ прямыя сношенія съ римлянами и скоро олатинившіеся.

Достовѣрныя свѣдѣнія о территоріи нашего отечества начинаются съ V в. до Р. Хр. Геродотъ знаетъ здѣсь господствующее племя скиѳовъ; онъ же описываетъ и племена, платившія дань скиѳамъ. Между этими племенами знатоки славянской древности (преимущественно Шафарикъ) указываютъ съ полною вѣроятностію нѣкоторыя племена славянскія. Ученые до сихъ поръ спорятъ еще о томъ, кто такіе скиѳы: иные считаютъ ихъ монголами, другіе финнами; теперь, впрочемъ, начинаетъ преобладать то мнѣніе, что скиѳы были кочевники арійскаго племени. Отъ скиѳовъ, кромѣ подробностей объ ихъ нравахъ и преданіяхъ, сохраненныхъ Геродотомъ, дошли до нашего времени нѣсколько именъ и курганы, между которыми самые важные—царскія могилы. При раскопкѣ кургановъ находятъ разныя вещи, дающія понятіе о бытѣ скиѳовъ. Изъ этихъ находокъ особенно обращаетъ на себя вниманіе хранящаяся въ эрмитажѣ серебряная ваза, выкопанная изъ Чертомлыкскаго кургана (въ Екатеринославской губерніи). На этой вазѣ, работы греческихъ художниковъ изъ понтійскихъ колоній, представлены скиѳы, ведущіе лошадей. Черты лица этихъ скиѳовъ принадлежатъ несомнѣнно къ арійскому типу. Берегъ Чернаго моря въ эпоху скиѳскую занятъ былъ греческими колоніями; у Керченскаго пролива существовало полуэллинское, полуварварское царство — Воспорское. Едва-ли этимъ колоніямъ слѣдуетъ приписывать значительное вліяніе на судьбы русской земли. Греки держали себя всегда въ сторонѣ въ сношеніяхъ съ варварами, и только художники ихъ на службѣ варварскихъ царей оставили памятники своего искусства, которымъ грубо начали подражать и сами варвары. Около времени Р. Хр. господство скиѳовъ смѣнилось господствомъ сарматовъ—народа тоже арійскаго племени. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что степи Азіи постоянно выкидываютъ на нашу равнину племена кочевыя. Рядъ этихъ кочевниковъ, начавшійся скиѳами, закончился монголами.

Первою попыткою народа европейскаго основать государство въ нынѣшней Россіи было царство готовъ (въ IV в.). Вопросъ о томъ, какъ и когда появились на русской почвѣ готы, еще темный. Едва-ли только они пришли изъ Скандинавіи. По свидѣтельству Іорнанда, много племенъ славянскихъ и финскихъ подчинены были ихъ власти. Готское царство было разрушено гуннами (376 г. по Р. Хр.), которые послѣ того двинулись въ Паннонію. Съ гуннами, монгольскимъ племенемъ, было увлечено и много славянъ. Городъ Аттилы представляетъ въ описаніи Приска черты славянскія. Здѣсь мы встрѣчаемъ и бани, и деревянный городъ, и медъ, и просо, и какой-то напитокъ „камасъ", вѣроятно квасъ. Вообще эпоха переселенія народовъ произвела движеніе и въ мірѣ славянскомъ: едва-ли въ толпахъ вандаловъ не было славянъ. Когда германскія дружины отхлынули отъ Балтійскаго моря, славяне распространились отъ Одры до Лабы (Эльбы), чехи заняли мѣста маркоманъ въ древней землѣ боевъ. Послѣ гунновъ частью племенъ, имъ подчинен-

ныхъ, владѣли авары (обры). Въ нашей первоначальной лѣтописи читаемъ описаніе насилій, которыя творили обры надъ женами дулѣбскими (дулѣбы жили въ Волынской губ.). Аварское царство разрушено отчасти славянами Само, отчасти франками.

Съ конца V в. появляются па Дунаѣ болгары, тюркскаго племени, часть орды, господствовавшей на берегахъ Волги и Камы и представляющей вслѣдствіе того значительную помѣсь съ финнами. Эта орда скоро основала государство между славянами въ Мизіи. Въ VII в. появилось государство Само, основанное для противодѣйствія аварамъ съ одной стороны и франкамъ—съ другой. Нѣсколько позднѣе основывается государство Хорватское, а вслѣдъ за нимъ—Сербское. Въ VIII в. основывается въ Панноніи государство Велико-моравское, гдѣ проповѣдывали въ IX в. Кириллъ и Меѳодій. Мы не знаемъ въ точности, когда образовались государства Ляшское (польское) и Чешское, но участіе дружинъ въ ихъ образованіи несомнѣнно; такое же дружинное происхожденіе имѣетъ и Русское государство: славяне, жившіе разсѣянными племенами, постоянно враждебными между собою, соединялись только или для защиты отъ окрестныхъ народовъ, или насильственно пришлою дружиною.

Въ IX в. сложилось Русское государство. Въ эту эпоху въ географическихъ предѣлахъ русскаго міра жили слѣдующія племена славянскія: славяне у озера Ильменя и по Волхову, кривичи по Зап. Двинѣ и на верховьяхъ Днѣпра; отъ Березины до Припяти и пинскихъ болотъ жили дряговичи; между Днѣпромъ и Сожью—родимичи; по Днѣпру отъ Десны до Сулы—сѣверяне, по Днѣпру, отъ Припяти до Роси—поляне; по Припяти, Горынѣ, Случю и Тетереву—древляне; по зап. Бугу—волыняне (бужане, дулѣбы); въ степяхъ Припонтійскихъ, отъ Днѣпра до Дуная—угличи и тиверцы; въ горахъ Карпатскихъ—хорваты; самымъ сѣверовосточнымъ славянскимъ племенемъ были вятичи по Окѣ; но, вѣроятно, и колонизація верхняго Поволжья (земли Суздальской) относится къ этой отдаленной эпохѣ. Сосѣдями русскихъ славянъ были на СЗ. литовцы и ятвяги; на С. и СВ. финскія племена, на В. и ЮВ.—тюркскіе народы. Литовское племя населяло восточный берегъ Балтійскаго моря отъ нижней Вислы и по Нѣману. Финское племя заселяло весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Къ тюркскимъ народамъ принадлежали болгары, основавшіе царство по Камѣ и Волгѣ, и хозары, господствовавшіе между Дономъ и Волгою. Въ IX в. они покорили себѣ племена приднѣпровскія; и въ то же время варяги изъ-за моря наложили дань на сѣверныя славянскія и финскія племена. Съ этихъ поръ начинается настоящая исторія Россіи.

II. ПРИРОДА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ И ЕЯ ВЛІЯНІЕ НА ИСТОРІЮ.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. XIII и т. I).

При первомъ взглядѣ на карту Европы насъ поражаетъ различіе между двумя ея неровными половинами, западною и восточною. На западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова, на западѣ горы, на за-

надѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ; на востокѣ сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этомъ, что двѣ, столько разнящіяся между собою, половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни сосѣдство моря, длинная береговая линія, умѣренная величина рѣзко-ограниченной государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ, подавляющихъ размѣровъ во всемъ, благорастворение воздуха, безъ африканскаго зноя и азіатскаго мороза: эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта; на эти выгоды указываютъ, какъ на причину блестящаго развитія европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частей свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только Западную Европу, ибо восточная ихъ не имѣетъ; природа для Западной Европы, для ея народовъ была мать; для восточной, для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачиха. Если исчисленныя природныя выгоды содѣйствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древній цивилизованный міръ (Римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значитъ, южную и западную окраины. Средняя и сѣверозападная Европа, Германія и Скандинавія, присоединились къ римскому міру, т. е. къ греко-римской цивилизаціи, послѣ; за ними примкнули къ ней западныя славянскія племена, и наконецъ, уже очень поздно, предъявляетъ свои права на европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ восточную Европу. Такимъ образомъ, въ исторіи распространенія европейской цивилизаціи мы видимъ постепенное движеніе отъ запада къ востоку, по указанію природы, ибо на западѣ сосредоточиваются самыя благопріятныя условія для раннихъ успѣховъ цивилизаціи и постепенно ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе на востокъ.

Исторія—мачиха заставила одно изъ древнихъ европейскихъ племенъ (именно славянъ) принять движеніе съ запада на востокъ и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихою для человѣка. Въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, германское и славянское, племена братья одного индо-европейскаго происхожденія: они подѣлили между собою Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлежѣ, въ этомъ начальномъ движеніи—нѣмцевъ съ сѣверовостока на югозападъ, въ области Римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, и славянъ, наоборотъ—съ югозапада на сѣверовостокъ, въ дѣвственныя и обдѣленныя природою пространства—въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ. О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного передъ другимъ и о вліяніи этого различія на исторію—мы не имѣемъ никакого права заключать по недостатку извѣстій; мы видимъ только, что одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, другое—при самыхъ неблагопріятныхъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи, отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго, путешествен-

никъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними. Великая равнина открыта на юговостокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи; толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими. Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ запада, навстрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ. селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ, но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами. Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ, и не съ моремъ, но соприкасается со степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность—свободная, разгульная жизнь въ степи: вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населились казацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нерѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самыхъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ казаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя на юговостокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣнявшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверозападѣ—страну, покрытую дѣвственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое гдѣ блуждали орды звѣролововъ, великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія.

Племена славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ, они должны были встрѣтиться съ племенами финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно разселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что славяне и финны дѣйствуютъ заодно; какимъ образомъ ославянились финскія племена—Меря, Мурома, какимъ образомъ Двинская область получила русское народонаселеніе, и стала владѣніемъ Великаго Новгорода?—все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли, никому не принадлежащей.

Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель въ ущербъ государственному интересу, вызывали мѣры, имѣвшія цѣлью удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Это и привело мало-по-малу къ прикрѣпленію крестьянъ въ концѣ XVI вѣка. Такимъ образомъ въ русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенемъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени, славянскому—сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: „Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны“. Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ, рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города. Такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокѣ или юговостокѣ, то этимъ обусловливалось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область западной Двины, т. е. область Кривская или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская въ отношеніи географическомъ и историческомъ посредничаетъ между западной Европой и Россіею. Здѣсь славянское племя сталкивается съ скандинаво-германскимъ; здѣсь шелъ великій водный путь изъ сѣверо-западной Европы въ юго-восточную и

въ Азію, „изъ варягъ въ греки“,—путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ для опустошенія береговъ имперіи: этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя въ Ловать. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось въ половинѣ IX в. нигдѣ на берегахъ моря; навстрѣчу медленному движенію славянъ видимъ быстрое движеніе варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море. Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами: русскими и шведами. Наконецъ, Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути, именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе въ началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь въ IX вѣкѣ началась первая половина русской исторіи; здѣсь въ XVIII вѣкѣ началась вторая ея половина. Движеніе восточныхъ славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII в. окончательно достигло своей цѣли—морскаго берега. Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно, естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близьлежащихъ озеръ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ озерныхъ и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ, Кривичи изборскіе находятся въ союзѣ съ славянами новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей; несмотря однако на эту тѣсную связь, не смотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду,—Псковъ, жившій въ началѣ своей исторіи общей жизнью съ Новгородомъ, начинаетъ мало-по-малу стремиться къ самостоятельности и наконецъ достигаетъ ея; здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ обусловливаются и самое различіе, и границы племенъ; народонаселеніе Изборской области принадлежало къ кривскому племени. Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; югозападная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница

славянскаго и финскаго племени; извѣстно, что вездѣ при своихъ столкновеніяхъ, славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, финны-же—низменныя, болотистыя; такъ точно и здѣсь означенная граница, по качеству почвы, соотвѣтствуетъ границѣ между славянскимъ и финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Шелонью и Ловатью: здѣсь главныя селища славянскаго племени; далѣе къ сѣверозападу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства—почва финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же ильменскіе славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверовостоку, мало населенному финскими племенами, со стороны которыхъ новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой земли: князь послѣдней, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли, Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверовосточныхъ товаровъ въ Европу; отсюда понятно, что, когда на востокѣ отъ него явилось могущественное владѣніе—государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. То же самое должно сказать и о Псковѣ.

Несмотря на то, что на западѣ въ средніе вѣка существовало мнѣніе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью, тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшій Новгородскую озерную область отъ Западнодвинской и Днѣпровской. На пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область, область полоцкихъ кривичей, вошла въ связь съ новгородцами и князьями ихъ прежде области кривичей смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло, при медленномъ движеніи своемъ, достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся славянорусской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость вслѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе нѣмцевъ, предъ которыми полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны.

Какъ полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша область Вислы. Литовская область вмѣстѣ

съ областью ятвяговъ, лежащею между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣетъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы. покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы русскихъ славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странные народы — литва и ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, литовцы и ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ, пруссы, подверглись тяжкому игу нѣмцевъ, литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ прусскими выходцами, литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки русскія соединялись съ рѣками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеномъ, связующимъ Русь съ Польшею.

Югозападная древняя собственная Русь есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверозападною и юговосточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ: его устье, хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т. е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце—Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною казаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ. Но если по причинамъ естественнымъ югозападная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ

Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей русскихъ относительно климата и качества почвы. Древнюю Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля полянъ.

Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю бужанъ и, принадлежа, съ одной стороны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ: отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особенность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, лежащая по Деснѣ и ея притокамъ. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую. На верхнемъ Днѣпрѣ и, слѣдовательно, въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи югозападной Руси, борятся съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служитъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверовосточною, или Московскою, и югозападною, или Литовскою Русью, почему ни московское, ни литовское (польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Почва Смоленскаго княжества вообще не плодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ русскихъ областей необходимо обусловливали развитіе торговой промышленности у смолянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій, при самомъ началѣ Русской исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣ же заморскіе варяги, которые брали дань на новгородскихъ славянахъ и на чуди, берутъ на мери, финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, причемъ не упоминается о походѣ, о покореніи, слѣдовательно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ новгородцами и чудью варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что

Бѣлоозеро было связано съ Ростовомъ водною нитью: эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска.

Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростова на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ сѣвера. Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и съ сѣверозапада границами новгородскихъ владѣній; на сѣверѣ естественною границею ея служили увалы, отдѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и югозапада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ, мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части обусловливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Итакъ, цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги.

Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Русской имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію,—слѣдовательно, вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Намъ извѣстно, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность, производящую для сѣвернаго, дополняя, слѣдовательно, одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей можайскихъ-смоленскихъ, устье во власти князей рязанскихъ; здѣсь былъ ихъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна. Князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною. Наконецъ, природа страны имѣетъ важ-

ное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ и неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ,—въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ. Но среди природы, относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго—чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества мужчинъ, что, разумѣется въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ.

Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

III. НРАВЪ И ОБЫЧАИ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ ПО СКАЗАНІЯМЪ АРАБСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА X-го ВѢКА.

*А. (Изъ „Книги драгоцѣнныхъ сокровищъ" арабскаго писателя Ибнъ-Диста *) въ русскомъ переводѣ Гаркави, въ его соч. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ съ половины VII в. до конца X в.").*

.... Страна славянъ—страна ровная и лѣсистая; въ лѣсахъ они и живутъ... Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ, и медъ пчелиный сберегается...

*) Абу-Али Ахмедъ бенъ-Омаръ-Ибнъ-Даста, родомъ персіянинъ, жившій въ началѣ X вѣка въ Хоросанѣ (Хивѣ), написалъ на Арабскомъ языкѣ историко-географическую энциклопедію „Книга драгоцѣнныхъ сокровищъ"; отъ нея въ британскомъ музеѣ сохранилась только седьмая часть и то въ позднѣйшей рукописи. Изъ этой-то рукописи профессоръ Хвольсонъ и Гаркави перевели то, что относится къ славянамъ.

Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ. Черезъ годъ по смерти покойника берутъ кувшиновъ 20 меду и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ собирается семейство покойнаго, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было три жены, и одна изъ нихъ утверждаетъ, что она (особенно) любила его, то приноситъ она къ трупу его два столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи. Когда она такъ сдѣлала, скамья принимается изъ-подъ нея, и она остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ, а по смерти ее бросаютъ въ огонь, гдѣ она и сгораетъ. Всѣ они идолопоклонники.

Болѣе всего сѣятъ они просо. Во время жатвы берутъ они просяныя зерна въ ковшѣ, поднимаютъ ихъ къ небу и говорятъ: „Господи, ты, который снабжалъ насъ пищей (до сихъ поръ), снабди и теперь насъ ею въ изобиліи".

Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Ихъ свирѣли длиною въ два локтя, лютня же ихъ осмиструнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меда. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою милости, оказанной ему (покойнику) Богомъ. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ.

Глава ихъ коронуется; они ему повинуются, и отъ приказаній его не отступаютъ. Жилище его находится въ срединѣ страны славянъ. Помянутое выше лицо, котораго титулуютъ они „главою главъ", зовется у нихъ святъ-царь.

Съ рабами обращаются хорошо... Городовъ у нихъ большое число и живутъ на просторѣ. Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужестранцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто у нихъ бываетъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его

Они мужественны и храбры. Когда нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего: насилуютъ побѣжденныхъ и обращаютъ ихъ въ рабство. Они высокорослы, имѣютъ хорошій видъ и смѣлость въ нападеніяхъ; но смѣлости этой на конѣ не обнаруживаютъ, а всѣ свои набѣги и походы совершаютъ на корабляхъ...

Когда умираетъ у нихъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

---

*В. (Изъ „Записки" арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана *) въ русскомъ переводѣ Гаркави въ его соч. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ").*

...Я видѣлъ руссовъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по рѣкѣ Итиль, и я не видалъ болѣе совершенныхъ членами, чѣмъ они, какъ будто они пальмовыя деревья; они рыжи, не надѣваютъ ни куртокъ, ни кафтановъ, но у нихъ мужчина надѣваетъ кису **), которою онъ обвиваетъ одинъ изъ боковъ и одну руку выпускаетъ изъ-подъ нея. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру; мечи же ихъ суть широкіе, волнообразные клинки франкской работы. Каждая же ихъ женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза ли, изъ мѣди ли, изъ серебра, либо изъ золота, смотря по состоянію мужа и его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ, также на груди. На шеѣ онѣ имѣютъ золотыя и серебряныя цѣпи.

...Лучшее украшеніе у нихъ—зеленыя бусы изъ глины... они стараются всѣми силами достать ихъ... и нанизываютъ ими ожерелья своихъ женъ.

Они грязнѣйшія твари Божіи... Каждый день утромъ у нихъ непремѣнно приходитъ дѣвушка съ большою лоханью воды и ставитъ ее передъ своимъ хозяиномъ, который моетъ въ ней лицо, руки и волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лохани, потомъ высморкается и плюнетъ въ нее, и не оставляетъ грязной вещи, которой не дѣлаетъ въ этой водѣ. Когда онъ кончилъ все нужное ему, дѣвушка несетъ лохань къ тому, который сидитъ близъ него, и онъ дѣлаетъ подобно товарищу; она же не перестаетъ переносить лохань отъ одного къ другому, пока не обходитъ кругомъ всѣхъ, находящихся въ домѣ, и каждый изъ нихъ сморкается и плюетъ въ нее, умываетъ въ ней лицо и волосы.

Во время прибытія ихъ судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому вставленному столбу, имѣющему лицо, похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія; позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: „О, господине! Я пришелъ издалека, со мной дѣвушекъ столько-то и столько-то головъ, соболей—столько-то и столько-то шкуръ", пока не упомянетъ всего, что онъ привезъ съ собой изъ своего товара. Затѣмъ говоритъ: „Этотъ подарокъ принесъ я тебѣ", и оставляетъ принесенное имъ предъ столбомъ, говоря: „желаю, чтобъ ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю (продать) и не прекословилъ бы мнѣ во всемъ, что я ему ни скажу". Послѣ онъ удаляется. Если продажа бываетъ затруднительна и время ея про-

---

*) Ахмедъ Ибнъ-Фодланъ участвовалъ, въ качествѣ секретаря, въ посольствѣ, отправленномъ багдадскимъ халифомъ Муктадиромъ, по просьбѣ болгарскаго царя Альмаса, къ новообращеннымъ въ исламъ волжскимъ болгарамъ съ цѣлью укрѣпленія ихъ въ исламѣ. На пути въ Болгарію изъ Багдада посольство останавливалось въ столицѣ хозаръ Итилѣ, гдѣ, равно какъ и въ Болгаріи, Ибнъ-Фодланъ видѣлъ русскихъ купцовъ. О своемъ путешествіи Ибнъ-Фодланъ составилъ халифу „записку", въ которой онъ сообщаетъ, между прочимъ, интересныя свѣдѣнія о встрѣченныхъ имъ русскихъ славянахъ.

**) Киса—простое одѣяніе, собственно: покрывало.

должается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ, и если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ... и онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ и не кланялся бы ему униженно. Часто же продажа бываетъ ему легка и, когда онъ продаетъ, говоритъ: „Господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то". И беретъ онъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, убиваетъ ихъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приноситъ и бросаетъ предъ большимъ столбомъ и малыми, его окружающими, и вѣшаетъ головы рогатаго скота и овецъ на столбы, вставленные въ землѣ, а когда настаетъ ночь, то приходятъ собаки и съѣдаютъ это; тогда тотъ, который это сдѣлалъ, говоритъ: „мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и съѣлъ мой подарокъ".

Когда одинъ изъ нихъ заболѣваетъ, то они разбиваютъ ему палатку вдали отъ нихъ, бросаютъ его туда и кладутъ съ нимъ кое-что изъ хлѣба и воды, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не посѣщаютъ его во все время (болѣзни), особенно, когда онъ бѣдный или невольникъ. Если онъ выздоравливаетъ и встаетъ, то возвращается къ нимъ; если же умираетъ, то они его сжигаютъ, а если онъ рабъ, то оставляютъ его въ этомъ положеніи, пока его не съѣдаютъ собаки и хищныя птицы...

Мнѣ говорили, что они дѣлаютъ съ своими главами при смерти ихъ такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе; посему я весьма желалъ присутствовать при этомъ, какъ я узналъ про смерть знатнаго у нихъ человѣка. Они положили его въ могилу и накрыли его крышкой въ продолженіе 10 дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его. Это дѣлается такъ: бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ его туда и сжигаютъ его; у богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ на три части: треть даютъ семьѣ, за треть кроятъ ему одежду, а за треть покупаютъ горячій напитокъ, который они пьютъ въ тотъ день, когда убивается одна изъ дѣвушекъ покойника и сжигается вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ. Они же преданы виву, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что иногда умираетъ одинъ изъ нихъ съ кружкой въ рукѣ. Когда же умираетъ у нихъ глава, то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умретъ съ нимъ? и кто-нибудь говоритъ: я! Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него, ему никакъ не позволительно обратиться вспять, и еслибъ онъ даже желалъ, это не допускается. Большею частью дѣлаютъ это дѣвушки.

Посему, когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: кто умретъ съ нимъ? и одна изъ нихъ отвѣтила: я! Посему назначили двухъ дѣвушекъ, которыя бы стерегли ее и были бы съ ней, куда бы она ни пошла; иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ они взялись за него, за кройку его одежды и приготовленіе ему нужнаго. Дѣвушка же пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь. Когда наступилъ день, назначенный для сожженія его и дѣвушки, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло его судно, и вотъ, оно уже было вытащено (на берегъ) и для него сдѣлали 4 подпоры изъ дерева... а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ. Судно они потащили на эти дерева (столбы), и начали ходить взадъ и впередъ, и

говорить слова, мнѣ непонятныя, а онъ (мертвецъ) еще былъ въ своей могилѣ, они еще не вынули его... Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли ее вышитыми коврами. Затѣмъ пришла старая женщина, которую называютъ „ангеломъ смерти", и выстлала на скамью все вышеупомянутое; она же управляетъ шитьемъ и приготовленіемъ его; она также принимаетъ дѣвушку, и я видѣлъ ее черною, толстою, съ лютымъ видомъ.

Послѣ того какъ они пришли къ могилѣ его, они сняли землю съ дерева, равно какъ самое дерево, вынули мертвеца въ покрывалѣ, въ коемъ онъ умеръ, и я видѣлъ его почернѣвшимъ отъ холода, господствующаго въ этой странѣ. Они прежде поставили съ нимъ въ могилу горячій напитокъ, плоды и лютню (балалайку); теперь же они вынули все это. Онъ ни въ чемъ, кромѣ цвѣта, не перемѣнился. Ему надѣли шаровары, носки, сапоги, куртку и кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, надѣли ему на голову калансуву изъ дибаджа съ соболемъ, понесли его въ палатку, которая находилась на суднѣ, посадили его на коверъ и подперли его подушками; принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили передъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о-бокъ ему; затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли; затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же. Дѣвушка же, долженствующая умереть, ходила взадъ и впередъ, заходила въ каждую изъ палатокъ...

Когда настало среднее время между полуднемъ и закатомъ, въ пятницу повели они дѣвушку къ чему-то, сдѣланному ими на-подобіе карниза у дверей, она поставила ноги на руки мужчинъ, поднялась на этотъ карнизъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена. Затѣмъ подняли ее вторично, она сдѣлала то же самое, что въ первый разъ, и ее спустили; подняли ее въ третій разъ, и она дѣлала, какъ въ первые два раза. Я же спросилъ толмача объ ея дѣйствіи, и онъ мнѣ отвѣтилъ: въ первый разъ она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою"; во второй разъ: „вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими"; въ третій же разъ сказала она: „вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики, онъ зоветъ меня, посему поведите меня къ нему". Ее повели къ судну, она сняла запястья, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой „ангеломъ смерти"; эта же женщина убиваетъ ее. Затѣмъ сняла она пряжки, бывшія на ея ногахъ, и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей; онѣ же дочери, извѣстной подъ прозваніемъ „ангела смерти". Потомъ ее подняли на судно, но не ввели ее въ палатку, и мужчины пришли со щитами и палками, и подали ей кружку съ горячимъ напиткомъ, она пѣла надъ нею и выпила ее; толмачъ же сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается съ своими подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимости, она желала войти въ палатку и всунула голову между палаткой и судномъ; старуха же взяла

ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать палками по щитамъ, для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ, и чтобъ это не удержало другихъ дѣвушекъ, такъ что онѣ не пожелаютъ умереть съ своими господами; затѣмъ ее простерли ó-бокъ съ ея господиномъ-мертвецомъ; двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая „ангеломъ смерти", обвила ей вокругъ шеи веревку, противоположные концы которой она дала двоимъ, чтобы они тянули, подошла съ большимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и начала вонзать его между реберъ ея и вынимать его, а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умерла. Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ этого мертвеца, взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, пошелъ задомъ вспять къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, а другую руку назади, пока не зажегъ того дерева, которое они расположили подъ судномъ послѣ того уже, какъ положили умерщвленную дѣвушку подлѣ ея господина. Послѣ того подошли (остальные) люди съ деревомъ и дровами, каждый имѣлъ зажженный кусокъ дерева, который онъ бросалъ въ эти дрова, и огонь охватилъ дрова, затѣмъ судно, потомъ палатку съ мужчиной (мертвецомъ), дѣвушкой и всѣмъ въ палаткѣ находящимся, потомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя огня усиливалось и все болѣе разжигалось неукротимое воспламененіе его.

Подлѣ меня стоялъ человѣкъ изъ руссовъ, и я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ толмачемъ, бывшимъ при немъ. Я его спросилъ, о чемъ онъ велъ съ нимъ рѣчь, и онъ отвѣтилъ, что руссъ сказалъ ему: „Вы, арабы, глупый народъ, ибо вы берете милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ изъ людей и бросаете его въ землю, гдѣ его съѣдаютъ пресмыкающіяся и черви; мы же сжигаемъ его въ огнѣ въ одно мгновеніе, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай". Затѣмъ засмѣялся онъ чрезмѣрнымъ смѣхомъ и сказалъ: „по любви господина его (Бога) къ нему, послалъ онъ вѣтеръ, такъ что (огонь) охватилъ его въ часъ". И подлинно, не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка совершенно превратились въ пепелъ. Потомъ построили они на мѣстѣ (стоянки) судна, когда его вытащили изъ рѣки, что-то подобное круглому холму, вставили, въ средину большое дерево халанджъ *), написали на немъ имя (умершаго) человѣка и имя русскаго царя и удалились.

IV. ОЧЕРКЪ НРАВОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ СЛАВЯНЪ ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

(Изъ статьи Соловьева, помѣщенной въ архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева за 1850 г., кн. I).

Нравственная природа человѣка такъ сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и вѣрную оцѣнку. Сколько противорѣчій, сколько взглядовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаемъ мы при оцѣнкѣ характера одного какого-нибудь человѣка?

*) Халанджъ—буковое дерево или береза.

Тѣмъ труднѣе уловить черты характера цѣлаго народа. Менѣе трудно это сдѣлать, когда народъ уже сошелъ съ исторической сцены. Труднѣе очертить характеръ народа живого, еще не окончившаго свое историческое поприще, хотя и здѣсь можно еще уловить нѣкоторыя характеристическія черты, если народъ прожилъ уже много вѣковъ, ознаменовалъ чѣмъ-нибудь свое историческое бытіе; высказался въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Но всего труднѣе опредѣлить характеръ народа младенствующаго, который не высказался ничѣмъ, о которомъ дошли до насъ отрывочныя извѣстія чужеземцевъ, или и своихъ, но уже отдаленныхъ вѣками и смотрѣвшихъ на нравы и обычаи предковъ съ извѣстной точки зрѣнія, мѣшающей вѣрной оцѣнкѣ.

Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще славяне своею нравственностью производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась въ рѣзкой противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тотъ же самый писатель, Прокопій, который хвалитъ доброту славянъ, разсказываетъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными; Адамъ Бременскій и Гельмольдъ также говорятъ о свирѣпости славянъ противъ проповѣдниковъ христіанства: здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ; такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы.

Прокопій называетъ славянъ нелукавыми: повидимому, противный отзывъ находимъ у императора Маврикія, который называетъ ихъ вѣроломными. Но Маврикій тотчасъ же и объясняетъ эту черту ихъ характера; между ними, говоритъ онъ, господствуютъ постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство славянъ. Императоръ Маврикій говоритъ о южныхъ славянахъ, что они ласковы къ иностранцамъ, съ усердіемъ провожаютъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отомстить за странника. Гельмольдъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство славянъ сѣверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось позволеннымъ даже украсть для угощенія. Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ славянамъ: у грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить божество Зевеса, и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей Сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, которые сами подвергаются безпрерывной опасности изгнанія, всегда готовы взять въ руки страннический посохъ и предаться на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; слѣдовательно, славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и со

своими, и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Человѣкъ, много странствовавшій, слѣдовательно, много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; отъ такого человѣка можно было многому научиться; оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и цѣломъ племени гостепріимныхъ. Что у нѣкоторыхъ славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, нѣкотораго рода хвастовство щедростію, указываютъ свидѣтельства, находимыя у Гельмольда, и нельзя сказать, чтобы эта черта истребилась изъ народнаго характера. Писатели хвалятъ обхожденіе славянъ съ плѣнными. Императоръ Маврикій говоритъ, что у славянъ плѣнники не рабствуютъ цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи бываетъ сильно, во-первыхъ, у народовъ нѣсколько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; вовторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ остальныя хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкать: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но славяне, во-первыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго, ихъ хозяйственныя отправленія были нетрудны и несложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во-вторыхъ, славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями; наконецъ, они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи: онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику;

отсюда имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи: отрокъ означаетъ мальчика и раба. Писатели хвалятъ цѣломудріе славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ, за которыми они слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родоваго быта, когда вся жизнь замыкалась въ семьѣ, отдѣльной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была служанкою. При замкнутости въ чужой семьѣ, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала любви и покровительства; умри мужъ—положеніе жены, лишенной единственной подпоры, единственнаго звена, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько, нестерпимо; она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что славяне жили подъ формами родоваго быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при описаніи древнихъ обычаевъ славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на славянъ восточныхъ, то, при описаніи нравовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальный нашъ лѣтописецъ. Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, и они отзываются о нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ славянскимъ нравамъ и обычаямъ свои писатели, духовные, христіанскіе, которые съ омерзѣніемъ смотрѣли на все то, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ нашъ начальный лѣтописецъ.

Исключая полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, витячи и сѣверяне имѣли одинаковый обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. По разсмотрѣніи этого описанія, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними.

Основа семьи, узелъ ея—это бракъ, который тогда, при господствѣ родоваго быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лицо, перемѣнялъ отношенія,— однимъ словомъ, былъ единственнымъ событіемъ, которое сильно волновало родъ, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у славянъ былъ событіемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ, какъ основное нравственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женихъ не ходилъ за невѣстою, но ее приводили вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у полянъ бракъ совершался съ согласія родственниковъ невѣсты. Но странно было бы предположить, что обычай купли,

существовавшій у всѣхъ народовъ, не существовалъ первоначально у славянъ, особенно при условіи того разрозненнаго родоваго быта, въ которомъ жили славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но, кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ естественно еще отъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ русскихъ. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь? Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе: я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ.—Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко.—Много! Восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ-за стола; на его мѣстѣ садится князь (женихъ). Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣдовательно взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ, купля была выгодна для обѣихъ сторонъ. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго. Обычай давать приданое долженъ былъ произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, гдѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя, родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа.

Но если нѣжность родительская стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ

былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія къ браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобы они не мѣшали выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды, такъ напр.: „женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто него и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?—Денегъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты“. Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобы на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ.

Легко понять, что вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ у разныхъ племенъ въ одно и то же время могли быть разные обычаи относительно брака: въ то время, какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласія родителей невѣсты, даже могло быть въ обычаѣ приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похищенной сдѣланное, не могло обусловливать уваженія къ женщинѣ и стыдливости въ членахъ семьи: „срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами“. Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ... При такихъ понятіяхъ, что могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что мѣшало ему имѣть двѣ или три жены? „Имяху же по двѣ и по три жены“, говоритъ лѣтописецъ.

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у радимичей, вятичей, сѣверянъ и кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ на распутіи. Въ чемъ состоялъ обычай погребенія у полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ и тѣмъ даетъ знать, что обычай полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ. Что тризна была въ употребленіи и у полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ

Кіевѣ среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны нельзя разумѣть ничего иного, какъ игры въ честь умершаго, борьбы и т. п.

Одновременно съ обычаемъ сожиганія покойниковъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, преимущественно на мѣстахъ видныхъ, холмахъ и горахъ: Аскольда и Дира погребли на горѣ; Ольга велѣла насыпать надъ Игоремъ могилу велику и проч. Не должно думать, чтобы этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ славянскимъ, былъ занесенъ варягами изъ Скандинавіи: онъ существовалъ и у другихъ племенъ, не знавшихъ варяговъ, напр., у поляковъ.

Изъ свидѣтельствъ всѣхъ писателей, и своихъ, и чужихъ, оказывается, что славянскія племена жили подъ формою родового быта. Каждая многочисленная, развѣтвленная семья или родъ жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника, имѣя свой обычай; объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря: „Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“. Эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ владыкъ, князей; послѣднее названіе было особенно въ употребленіи у славянъ русскихъ. Слово князь имѣетъ значеніе чисто родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ, рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр.: „Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Полянахъ“. Значеніе князя или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ въ отца мѣсто, какъ выражались впослѣдствіи наши князья. Такъ, извѣстная старинная чешская пѣсня говоритъ: „Когда умретъ глава племени, то всѣ дѣти сообща пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку“. Такъ теперь у южныхъ славянъ, удержавшихъ формы древняго родоваго быта, часто деревня состоитъ изъ одной семьи, которая управляется сама собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ судья или отецъ не всегда бываетъ физически самымъ старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе—посадить князя; избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи домовладыки, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, торжественно кадитъ домашній иконостасъ. Прокопій говоритъ о славянахъ, что они не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ, могутъ являться

въ видѣ правителей, съ другой, родовыя отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему не могли быть понятны для грека, привыкшаго къ отношеніямъ государственнымъ, и онъ поэтому имѣлъ поводъ сказать, что славяне живутъ въ демократіи; да и самъ Маврикій, который упоминаетъ о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что славяне не знаютъ правительства. Но всѣ писатели, хваля славянъ, между тѣмъ единогласно говорятъ объ ихъ несогласіи, сильной враждѣ другъ съ другомъ; эти свидѣтельства могутъ быть объяснены только родовымъ бытомъ. Маврикій говоритъ, что славяне питаютъ другъ къ другу ненависть; онъ же говоритъ, что они ни въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и что ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много царьковъ, продолжаетъ Маврикій, и эти царьки между собою несогласны, то полезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону. Но, при всей враждебности отношеній, какая могла существовать между родами, необходимость нерѣдко должна была заставлять ихъ соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; являлись вѣча, сходки. По всѣмъ вѣроятностямъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя, знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ, по случаю осады Бѣлгорода печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться печенѣгамъ. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣча, не созывая новаго.

Слово „вѣче“ означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ; изъ этой неопредѣленности значенія видно уже, что вѣче не могло имѣть какихъ нибудь опредѣленныхъ формъ, уставовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, здѣсь не могло быть рѣшенія по большинству голосовъ; такъ какъ розням щійся во мнѣніи вовсе не считалъ себя обязаннымъ повиноваться рѣшенію другихъ, то большинство должно было постоянно прибѣгать къ физической силѣ для того, чтобы заставить меньшинство принять свое рѣшеніе, вслѣдствіе чего вѣча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитіемъ или вообще насиліемъ надъ меньшинствомъ, чему лучшимъ примѣромъ служатъ вѣча новгородскія. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ о вѣчахъ лутичей, что здѣсь въ рѣшеніяхъ всѣ должны быть согласны; если же кто противорѣчитъ, того бьютъ розгами; если и послѣ того опять будетъ явно сопротивляться приговору, то теряетъ все свое имущество отъ огня и разграбленія, или долженъ откупаться деньгами. Что касается до отношенія къ собственности, то родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе обусловливало необходимо и расторженіе родовой связи. Приведенная не разъ старинная чешская

пѣсня говоритъ: „Когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода". Общее владѣніе родовою собственностію необходимо заставляло родичей возстановить значеніе отца, выбрать кого нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдовательно возобновленіе прежнихъ отношеній, какія были при жизни отца, обусловливалъ необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Несмотря на давнее существованіе городовъ среди славянскихъ земель, родовой бытъ не могъ благопріятствовать ихъ размноженію, ибо при немъ каждый родъ любилъ жить особо, чему много способствовало неизмѣримое, дѣвственное, мало населенное пространство земель, обитаемыхъ славянами.

Прокопій говоритъ о славянахъ, что они живутъ въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняютъ мѣсто жительства. Но эта непрочность и частая перемѣна жилищъ не была слѣдствіемъ малой осѣдлости, еще неискоренившагося влеченія къ кочевой жизни; она была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: „У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землю, не имѣя ничего лишняго снаружи, но живя какъ разбойники". Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готовымъ покинуть жилище поддерживала въ славянинѣ любовь къ свободѣ и отвращеніе къ чуждому игу, что замѣтилъ Маврикій. Родовой бытъ, обусловливавшій разъединеніе, вражду и, слѣдовательно, слабость между славянами, обусловливалъ необходимо и образъ веденія войны, рѣдко наступательной, большею частью оборонительной. Не имѣя одного начальника и враждуя другъ съ другомъ, славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ, возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движеніямъ бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другого племени: они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ. Кромѣ этихъ извѣстій Маврикія, у Прокопія читаемъ еще, что славяне, вступая въ битву, не надѣваютъ латъ; на нѣкоторыхъ нѣтъ даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ ихъ за опрятность, говоритъ, что, подобно массагетамъ, они были покрыты грязью и всякою нечистотою. Какъ всѣ народы, въ про-

стотѣ быта живущіе, славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны и крѣпки; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнорусые, лицо красноватое.

V. ПЕРЕХОДЪ ОТЪ РОДОВОГО БЫТА КЪ ОБЩИННОМУ.

(Изъ соч. О. Миллера: „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности". Часть I, вып. I).

Что служитъ основою родового быта? Связи исключительно родственныя, кровныя. Рождающій, дающій существованіе другимъ, чрезъ то самое получаетъ надъ ними право неограниченной власти—той же власти, какую имѣетъ владѣлецъ надъ вещью: отъ него зависитъ еще при рожденіи вопросъ о томъ, быть имъ, или не быть; въ первомъ случаѣ онъ признаетъ ихъ дѣтьми, въ послѣднемъ—можетъ велѣть ихъ убить (если сложенье ихъ слабо, ежели онъ найдетъ, что ихъ у него и безъ того много, и т. п.); затѣмъ и взрослыми онъ всегда можетъ продать дѣтей въ рабство, отдать въ заложники и т. д. У государя-родителя въ безпрекословномъ, рабскомъ повиновеніи его порожденіе, весь его *родъ*. На древнемъ языкѣ русскомъ слово это имѣетъ именно такой тѣсный смыслъ—семьи. *Глава рода* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого слова есть глава *семьи*. Онъ имѣлъ, впрочемъ, и свое особое названіе—*князь*, которое только гораздо позже получило значеніе болѣе широкое, сперва общественное, потомъ государственное. Первоначальное же *кънязь* сродно съ древне-германскимъ Kon-ung Kun-ing; сюда же затѣмъ относится готское Kuni, кельтическое cine, ginel; греческое *геносъ*, латинское genus, наконецъ санскритское *gana*; въ основѣ же всего этого лежитъ корень gan, имѣющій въ санскритѣ значеніе—рождать, порождать. Остатокъ такого значенія слова *князь* надо видѣть въ народномъ названіи князёмъ—молодого супруга, а княгинею—молодой супруги (такимъ образомъ и величаются они въ свадебныхъ обрядовыхъ формулахъ). Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы званіе княгини придавало женѣ уравнивающее ее съ княземъ-мужемъ значеніе главы семейства. Только въ позднѣйшее время, рядомъ съ древнимъ величаніемъ отца *государемъ-батюшкою*, могло появиться и дѣйствительно приравнивающее къ нему величаніе матери *государыней-матушкой*. Конечно, для дѣтей она уже издавна могла и должна была стать предметомъ глубокаго уваженія,—для дѣтей, но никакъ не для мужа. Добытая имъ силою или посредствомъ купли, она, въ патріархальныя времена, должна была и оставаться просто вещью мужа, имѣвшаго право даже продать ее. Такимъ-то положеніемъ ея въ семьѣ поддерживалось и то, что власть послѣ смерти мужа переходила не къ ней, а къ старшему сыну, и сама мать такимъ образомъ попадала къ нему въ зависимость. Но если таково было положеніе жены и матери, то тѣмъ зависимѣе должно было быть положеніе дочерей и сестеръ. На нихъ, имѣющихъ выйти изъ рода, быть или увезенными, или проданными

въ чужой родъ, смотрѣли какъ на *глядящую вонъ*, а отсюда—и полная ихъ безправность. Правда, повидимому, *крѣпкою дому*, а потому и иначе цѣнимою могла бы навсегда оставаться пребывшая *дѣвою*; но самая возможность пребывать въ этомъ положеніи, избѣгая, съ одной стороны—насильственнаго увоза, съ другой—выгоднаго сбыта въ чужія руки самими родными, самая эта возможность служитъ уже признакомъ смягчившихся отношеній, освобожденія отъ родовыхъ оковъ.

Мы начали съ рода въ древнѣйшемъ смыслѣ — рода-семьи. Само собой ясно, что съ теченіемъ времени онъ разростался, изъ одного становилось нѣсколько; но всѣ они долгое время оставались съ другой стороны крѣпко сплоченными въ *одинъ родъ*, только родъ уже въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ. И при дальнѣйшемъ разростаніи вѣтвей этого *корня рода* въ новыя вѣтви, все еще могло сохраняться единство. Вотъ такой-то, еще болѣе разросшійся, родъ обозначается въ нашей родной поэзіи сложнымъ названіемъ рода-племени. Отъ него, *отъ согласія всѣхъ его членовъ*, долгое время зависѣлъ вопросъ о бракѣ; у черногорцевъ же и до сихъ поръ просватываетъ *вся родня*—въ этомъ же расширенномъ смыслѣ. Но возможность не распадаться и при весьма значительномъ разростаніи вширь могла представляться лишь до тѣхъ поръ, пока существовали условія кочевого быта, когда, пася стада свои на обширныхъ пространствахъ, родичи только на время раскидывали по нимъ и свои подвижныя жилища, которыя и умножить, и иначе размѣстить было очень легко. Но съ переходомъ къ осѣдлости, съ построеніемъ постоянныхъ, такъ сказать, *окрѣплыхъ* жилищъ, должно было многое измѣниться. По мѣрѣ нарожденія новыхъ членовъ, помѣщеніе, когда-то просторное, становится все болѣе и болѣе тѣснымъ, тѣмъ самымъ уже заставляя свое населеніе расходиться, разъединяться. И при частыхъ примѣрахъ подобнаго раздѣленія долгое время могла сохраняться связь, но все уже постепенно слабѣя. Если первоначально не чѣмъ другимъ, какъ единствомъ рода, связывались между собою родители даже цѣлаго какого-нибудь села, то, по мѣрѣ его разростанія, связь эта неминуемо позабывалась; предпринимались въ различныя стороны выселки, и люди, происходившіе отъ одного корня, могли, съ совершенной утратой воспоминаній о томъ, даже очутиться между собою въ отношеніяхъ враждебныхъ. И дѣйствительно, дальнѣйшимъ признакомъ такъ-называемаго родового быта считаютъ, и вполнѣ справедливо, замѣченныя нами въ цѣломъ множествѣ свадебныхъ пѣсенъ враждебныя отношенія между различными родами, при самой тѣсной замкнутости и сплоченности въ каждомъ изъ нихъ. Это уже вторая ступень въ развитіи *рода*. На этой же ступени является и *родовая местъ*—обязанность за каждаго изъ своихъ хотя бы и дальнихъ родичей отомщать хотя бы и самому дальнему между родичами обидчику,—обязанность, и до сихъ поръ еще свято соблюдаемая въ Черногоріи, какъ одинъ изъ неоспоримыхъ обломковъ родового быта.

Выше уже замѣчено было объ участіи цѣлаго рода-племени въ дѣлѣ *просватанія*. Не трудно понять, что въ подобномъ общемъ участіи есть уже нѣчто уравнивающее, т. е. противодѣйствующее тому исключительному деспотизму родоначальника, какимъ ознаменовалась первая ступень въ развитіи родового быта. Съ другой же стороны, и право распоряжаться заработками каждаго родича, которое первоначально должно было неограниченно принадлежать лично тому же родоначальнику, съ тече-

ніемъ времени перешло къ собирательной единицѣ—роду, какъ *суммѣ всѣхъ родичей*. Вмѣсто прежняго, такъ сказать, *львинаго дѣлежа* явилась *общность имущества*; ясно, что въ самомъ родѣ какъ бы завелась такимъ образомъ община. Но намъ попадалось и указаніе на то, что послѣ смерти отца власть переходила къ старшему сыну; далѣе же являются свидѣтельства и о томъ, что она могла переходить къ нему даже и при отцѣ, въ случаѣ его преклонной старости и соединеннаго съ нею упадка силъ. За старшимъ братомъ слѣдовалъ второй, и такъ далѣе; въ случаѣ же несовершеннолѣтія старшаго сына при смерти отца, власть, по крайней мѣрѣ временно, переходила къ ближайшему и старшему родственнику, становившемуся опекуномъ. Такимъ образомъ, самая непрочность человѣческой жизни должна была вносить измѣненія въ кровное право владычества. Если же, вслѣдствіе случайностей смерти, власть могла очутиться въ рукахъ хотя бы и совершеннолѣтняго, но все-таки молодого, то почему же было не прійти къ мысли, что по смерти естественнаго главы рода, отца, наслѣдовать можетъ и не случайно, а по согласію всѣхъ остальныхъ, не старшій изъ сыновей, а достойнѣйшій или вообще пригоднѣйшій? Такимъ образомъ могъ произойти переходъ къ *избирательному началу*, и вмѣсто прежней исключительности *правъ крови* являлись уже совершенно другія права. А такъ какъ избирательство было общимъ дѣломъ, то оно является новымъ успѣхомъ *общины* въ самыхъ предѣлахъ рода. Между тѣмъ, о томъ, что у славянъ уже издавна послѣ смерти *главы челядиной* (главы челяди, чади, рода) избирали *владыку изъ всей родни*, свидѣтельствуетъ уже древнѣйшій письменный памятникъ чешской народной поэзіи „Судъ Любуши". То же самое избирательство сохранилось и до сихъ поръ въ сербскомъ народномъ быту, гдѣ, съ другой стороны, сохраняется и *общность хозяйства* у цѣлой обширной родни. Но у тѣхъ же сербовъ, именно и отличающихся соблюденіемъ старины, также существуетъ допущеніе въ свою родню людей, по рожденію къ ней вовсе не относящихся, но готовыхъ, въ обмѣнъ за предоставляемыя имъ права, принять на себя какъ бы родственныя обязанности. Соотвѣтственно такой, вовсе некровной стихіи и самый союзъ, по основѣ своей родовой, носитъ уже названіе, указывающее на свободныя, добровольныя связи—*задруга*. Эта сербская *задруга* такимъ образомъ, со своимъ общимъ хозяйствомъ, со своимъ избирательнымъ началомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, со своимъ допущеніемъ дружества въ предѣлы родства, является какъ бы переходной ступенью отъ рода къ общинѣ. И эта переходная ступень оказывается застывшею въ Сербіи, подобно тому, какъ въ Черногоріи во многихъ отношеніяхъ застывшею оказывается древнѣйшая родовая ступень. Въ Сербіи же рядомъ съ задругой являются уже и союзы, совершенно свободные отъ родового начала, союзы *общинные* въ полномъ смыслѣ этого слова. Уже не зная родовой мести (сохранившейся въ Черногоріи), сербы, при отсутствіи *большихъ родовъ*, представляютъ многочисленные примѣры соединенія семей въ общину на основаніи взаимнаго договора, а не родства и одинаковости происхожденія.

И не трудно понять, что послѣ того, какъ община зародилась въ родѣ, она уже не могла не выступить и за его предѣлы: связи должны были завязываться и между разрозненными родами, имѣвшими мало-помалу соединяться въ общины. Изъ цѣлаго ряда свадебныхъ пѣсенъ мы

видимъ, какимъ образомъ утвердившаяся, наконецъ, благодаря нарушенію первоначальной патріархальности, свобода союзовъ брачныхъ должна была повести и къ упроченію свободныхъ союзовъ между родами. Къ тому же въ одинаковой мѣрѣ велъ и господствовавшій у всѣхъ первобытныхъ народовъ, у славянъ же едва ли не больше, чѣмъ гдѣ-либо, смягчающій и облагораживающій обычай гостепріимства. Къ тому же неминуемо велъ, наконецъ, и равно распространенный повсюду обычай поступленія въ чисто свободныя отношенія *дружбы*. У славянъ это—такъ называемое *побратимство* и *посестримство*, или *братство названное*, получившее подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанства названіе братства крестоваго. Если же о *брачныхъ союзахъ*, какъ средствахъ *общенія* между родами, уже ясно свидѣтельствуютъ намъ пѣсни свадебныя, то съ двумя другими средствами такого общенія *гостепріимствомъ* и *братствомъ названнымъ*, знакомятъ насъ былевыя пѣсни.

Бытъ родовой въ томъ значеніи, о какомъ нами было говорено, одинаково существовалъ въ свое время у всѣхъ народовъ и, сохранившись тамъ или здѣсь въ болѣе или менѣе живучихъ остаткахъ, ни у одного историческаго народа не могъ застыть навсегда, какъ исключительная и неподвижная форма быта. Въ силу самаго естественнаго, хотя бы медленнаго, но все же неудержимаго хода развитія, долженъ былъ совершиться,—ранѣе, можетъ быть, здѣсь, нѣсколько позже тамъ,—переходъ къ отношеніямъ уже не единственно кровнымъ, но и свободнымъ общественнымъ. Но оказывается, что у славянъ даже тверже, чѣмъ гдѣ-либо, должна была постепенно подготовиться и сложиться община именно потому, что она, какъ мы видѣли, зарождалась уже въ *самомъ родѣ*. У германцевъ, напротивъ того, по изслѣдованіямъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, оказывается несуществовавшею, или, по крайней мѣрѣ, мало развитою *родовая общность имущества*. И славяне издавна уже чувствовали въ этомъ отношеніи все свое отличіе отъ германцевъ. Уже „на судѣ Любуши“ говорили они о томъ, что имъ нехвально ходить за правдою къ нѣмцамъ, „что у нихъ своя правда по святому закону боговъ вѣкожизненныхъ“; правда же эта оказывается состоящею въ томъ, чтобы обладаніе „отцовской дѣдиной“ (родовымъ имуществомъ) было у дѣтей „во едино“.

Таковы заключенія о родѣ и общинѣ на двухъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія. Къ этимъ заключеніямъ приводитъ сравнительное изученіе быта народовъ при переходѣ ихъ отъ доисторическаго вѣка къ историческому.

VI. Языческая религія русскихъ славянъ.

(Изъ „Исторіи русской жизни“ Забѣлина, ч. II).

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многоразличіе его божествъ вполнѣ зависѣло отъ многоразличія явленій самой жизни. А онъ, исполненный чувства жизни, встрѣчалъ ея обликъ повсюду, и не было предмета въ окружающемъ

мірѣ, который бы не свѣтился ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрывались источники языческаго удивленія и поклоненія матери-природѣ, источники такъ-называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго міровоззрѣнія, пониманія всѣхъ вещей: тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія; тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, поэзію, онъ видѣлъ само божество.

Его небо, его солнце съ своей недосягаемой высоты глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви и заботились обо всемъ, чего только желалъ этотъ робкій, но очень внимательный ихъ сынъ. Ихъ случайный гнѣвъ былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтищу были безпредѣльны. Свѣтлыя звѣзды наблюдали самый часъ рожденія этого дѣтища и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемый разговоръ, или призывая на свои поля и въ свою храмину ея благодать и всякое добро, или отгоняя отъ себя ея вражду и ненависть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что, обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые образы поэтическаго религіознаго чувства, язычникъ въ своей миѳологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и въ немъ самомъ—въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдающій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его миѳы, таковы и его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественнаго и политическаго во всѣхъ подробностяхъ. Чего не существуетъ въ странѣ и въ быту язычника, того не существуетъ и на его Олимпѣ, въ святилищѣ его боговъ, въ кругу его миѳическихъ созерцаній.

На европейской почвѣ особенное поэтическое богатство миѳологіи выразилось въ двухъ мѣстахъ: на греческомъ югѣ и скандинавскомъ сѣверѣ; и тамъ, и здѣсь на Средиземныхъ моряхъ. Выразилось оно въ равной мѣрѣ сильно по той причинѣ, что и тамъ, и здѣсь человѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинакія условія мѣстности и жизни. Полуостровная и многоостровная приморская страна, очень богатая просторомъ мореходства и передвиженія во всѣ окружающія мѣста, и тамъ, и здѣсь уносила человѣка и самымъ дѣломъ, и еще болѣе воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Отсюда, конечно, самъ собою нарождался и поэтическій просторъ для міросозерцанія и для могущества народной фантазіи. Однако, природа той и другой страны наложила неизгладимую печать на миѳическое творчество человѣка и рѣзко обозначила предѣлы и характеръ суроваго и мрачнаго сѣвера Скандинавіи и свѣтлаго и любовнаго юга Греціи. Принесенные изъ далекой прародины первичные миѳы этихъ европейцевъ и на сѣверѣ, и

на югѣ были воздѣланы въ томъ особомъ характерѣ, какой давала сама природа каждой страны. Точно такъ и пришедшіе въ наши мѣста славяне, живя въ этой равнинѣ, подъ этимъ небомъ, должны были воздѣлать свое принесенное первородное міросозерцаніе въ томъ особомъ характерѣ, какимъ отличалась сама здѣшняя природа. Русская природа не изумляла человѣка своими дивами. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманіе она не представляла ни для мысли, ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду однообразное раздолье на югъ—дикаго чистаго поля, на сѣверъ—дикаго и дремучаго лѣса и болота. И тамъ, и здѣсь пытливая мысль нигдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то развѣ одна безмѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, убѣгая въ этотъ глубокій, однообразный, неподвижный просторъ, совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолвствуютъ, какъ самая пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо разстилается какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ той красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятъ его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль мірового пространства. Для поэтическаго міросозерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ недоставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе миѳическаго творчества. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые боги должны были отличаться тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которыя охватываютъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвиганія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ же, посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера, ихъ высокіе, крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеный колодезь, родникъ, орошающій наше поле; глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ либо спокойно лежащая посреди чистаго поля—вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и въ даль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ, очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отъ чего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и красными скалами скандинавскаго сѣвера; солнце наше не горитъ египетскимъ или индѣйскимъ огнемъ, и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Сиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего во-

ображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка—была гроза, громовая туча, сверкающая молніями. Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ было первою причиною, которая заставила почувствовать небесное существо вполнѣ живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозный всемогущій образъ. Повсюду человѣкъ его понялъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы, и потому явленіе грозы тамъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ казалось господиномъ неба и земли. Нѣтъ сомнѣнія, что и миѳъ, и имя Перуна славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдалившись отъ своихъ азіатскихъ родичей, вѣроятно, еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ.

Оттуда они принесли и имя Сварога, который означалъ небо, свѣтъ небесный, означалъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что небесный сводъ, какъ пространство, невозможно было представить въ опредѣленныхъ, законченныхъ чертахъ какого-либо живаго образа. Это былъ богъ неба, богъ-свѣтъ, какъ обнаруживается и по корнямъ Сварогова имени. Это былъ прабогъ, великій, старѣйшій богъ, небесное естество. Можно полагать, что другіе боги неба, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особые образы того же Сварога неба, были только Сварожичами, дѣтьми Сварога, почему въ представленіяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцомъ. Вотъ почему византіецъ Прокопій еще въ половинѣ VI в. могъ весьма справедливо замѣтить, что славяне поклонялись единому Богу, единому владыкѣ вселенной, творцу молніи. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ воззрѣніи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и донынѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все-таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Поэтому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога.

Очевидно, что въ миѳѣ Перуна язычникъ поэтически олицетворилъ жизнь неба, т. е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представленія о жизни земли, какъ эта земля проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожденія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производитъ на землѣ дѣйствительныя чудеса и, если въ единичныхъ случаяхъ грозитъ и поражаетъ, за то въ общемъ своемъ дѣяніи разноситъ и разливаетъ по всей землѣ явную благодать плодорожденія и всякаго земнаго обилія. Только въ этомъ живомъ образѣ небеснаго божества язычникъ явственно могъ подмѣтить благое плодородящее сни-

схожденіе неба на землю и потому обоготворилъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совсѣмъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно проходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо—звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна; это какъ бы зависимое, подчиненное ему свѣтило, которое, очевидно, сынъ Сварога, Дажь-Богъ, какъ именуетъ его лѣтопись и поэтическое Слово объ Игорѣ. *Дажь* происходитъ отъ санскритскаго *dag*, горѣть, жечь, и родственно съ готскимъ *dags*, *Tag*—день, и съ славянскимъ (хорутанскимъ) *дъжница*—ранняя заря,—слѣдовательно, это Богъ-Свѣтъ-День.

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Киросъ, Коросъ, Куросъ; новоперсидское Хоръ или Хуръ,—имя, вообще указывающее на тѣсныя связи и сношенія восточныхъ славянъ съ древне-персидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Но въ славянскомъ миѳическомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имени и по корнямъ, и по смыслу. Это *Кърть*—огонь, свѣтъ, солнце, а также слово *Крѣсъ*, означающее пламя, огонь. Съ миѳическимъ именемъ Хорса связаны слова *хороводъ* или *короводъ*.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичъ—Огонь, въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое миѳическое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно.

Поклоненіе огню и обозначаютъ два имени боговъ, совсѣмъ чуждыхъ славянству, но не чуждыхъ Руси по ея давнимъ и близкимъ связямъ съ обитателями Киммерійскаго Боспора и южнаго Черноморья. Это имена Сима и Регла, извѣстныя и по древней греческой надписи понтійской царицы Комосаріи (II или III в. до Р. Х.),—надписи, открытой въ мѣстахъ нашей древней Тьмутораканы, на Таманскомъ полуостровѣ. Въ нашей лѣтописи они чаще всего пишутся слитно: Симарьгла, Сѣмарьгла. Такъ они написаны въ греческой надписи.

Въ сонмѣ русскихъ миѳовъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ-Дажь-Богъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ послѣ Перуна—Волоса, или, какъ у западныхъ славянъ, Велеса, скотьяго бога. По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ солнце, т. е. новое имя того же Хорса-Дажь-Бога. Подобно Аполлону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно также игравшій на гусляхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусляръ, именуется (въ Словѣ о полку Игоревомъ) внукомъ Велеса. Какъ скотій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ Русской земли состоялъ изъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ.

Въ ряду боговъ въ начальной лѣтописи стоитъ и женское имя не-

извѣстнаго божества—Мокошь. Нѣкоторые (древне-русскіе) книжные памятники, упоминая о поклоненіи Роду и Роженицамъ, приводятъ имя Мокоши наряду съ Перуномъ и Хорсомъ и упоминаютъ вслѣдъ за нею о поклоненіи Виламъ. „И теперь, говорятъ они, по украйнамъ молятся проклятому Перуну и Хорсу, и Мокоши, и Виламъ, и то дѣлаютъ тайно. Начавши въ поганствѣ, и до сихъ поръ не могутъ оставить проклятое ставленіе второй трапезы, т. е. послѣобѣденной, нареченной *Роду* и *Роженицамъ*". Не соотвѣтствуетъ ли въ этомъ случаѣ имя *Родъ*, въ значеніи рожденія, рожанія—Мокоши, а имя *Рожеництъ*—Виламъ?

На Руси, по свидѣтельству поучительныхъ словъ въ спискахъ XIV в., идоломольцы бабы, не токмо худые люди, но и богатыхъ мужей жены, молились и ставили трапезу Виламъ (Роженицамъ) и Мокоши. Сопоставленіе въ духовныхъ поученіяхъ, направленныхъ противъ идолопоклонства, Мокоши рядомъ съ гекатою (луною) и рядомъ съ Вилами и названіе Рода—Артемидомъ, а Роженицы—Артемидою заставляютъ предполагать, что именемъ Мокоши обозначалось въ дѣйствительности поклоненіе Діанѣ Артемидѣ—лунѣ, покровительницѣ женъ-родильницъ, божеству родовъ, судьбы и счастья, какъ понималъ ее античный міръ. Луна отъ глубокой древности почиталась божествомъ женщинъ. Мѣсячныя рожденія луны необходимо связывались съ понятіемъ о рожденіи человѣческомъ, о судьбѣ и счастіи родившихся. Вотъ почему съ поклоненіемъ лунѣ естественно связывалось и поклоненіе Виламъ, тоже дѣвамъ жизни, судьбы и счастья, иначе звѣздамъ-роженицамъ, паркамъ, предвѣщавшимъ и предопредѣлявшимъ судьбу и счастье новорожденнаго, которыя были властны при рожденіи дать человѣку добро или зло. Слово *роженицы* въ новыхъ переводахъ замѣняется словомъ *счастье*. Отсюда самое гаданіе по звѣздамъ-роженицамъ называлось *Родо-словіемъ*, т. е. гаданіемъ о томъ, что будетъ *на роду* написано, гаданіемъ о счастіи. Въ прямомъ смыслѣ *родъ* означалъ счастіе, какъ и *роженицы* означали дѣвъ жизни и судьбы счастія.

Въ лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства, упоминается еще божество Стри-богъ, существо котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками,—слѣдовательно, и самъ дѣдушка былъ вѣтеръ. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, миѳическое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ которыхъ трудно объяснить.

Чтобы яснѣе себѣ представить живой обликъ каждаго миѳа, т. е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или другой миѳическій образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ въ сущности только единое существо—онъ обожалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлять себѣ въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если вникнемъ въ смыслъ миѳовъ, еще доселѣ живущихъ подъ именами домоваго, водянаго, лѣшаго, русалки и т. п. Всѣ они—представители или выразители языческихъ и болѣе всего

поэтическихъ понятій и представленій о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ, въ образѣ домового олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій возлѣ домашняго очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего поднимается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняй и что ни дѣлай. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Съ другой стороны, въ образѣ домового олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и всяческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Извѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляетъ какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согрѣвающая во время холода, изготовляющая всякую снѣдь, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Отсюда ясно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ изъ старой печи въ новую, съ привѣтомъ: „Милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!"

Обыкновенно домовой живетъ за печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Его вообще покармливаютъ, какъ человѣка, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками; оставляютъ ему на ночь накрытый ужинъ. Но важнѣйшая для него жертва—это пѣтухъ. Эта жертва его вполнѣ умилостивляетъ, если онъ чѣмъ-либо раздраженъ. Тогда въ полночь колдунъ рѣжетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ и голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ приличными заклятіями. Какъ житель печки, домовой не боится мороза. Въ какой хороминѣ ставилась печка, тамъ непремѣнно и жилъ домовой.

Домовой очень добрый и самый заботливый хозяинъ во дворѣ. Вновь купленная скотина, лошадь, корова, отдавалась ему на руки съ привѣтомъ: „полюби, пои, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай и дѣтей унимай!" Веревку, на которой приводили скотину на дворъ, вѣшали у печки.

Домовой любитъ только свой домъ, свой дворъ, такъ что иной разъ таскаетъ даже изъ чужихъ сѣноваловъ и закромовъ кормъ для своей скотины. Въ сущности это идеалъ хорошаго хозяина. Онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и наготовѣ,—здѣсь подсобитъ, тамъ поправитъ промахъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопочетъ за разными подѣлками. Если жилье придется ему по душѣ, то онъ смотритъ за всѣмъ домомъ и дворомъ пуще хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ пуще заботливаго мужика: охраняетъ, лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней; смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшнею, хлѣвами, амбарами. По всѣмъ этимъ качествамъ домовой иначе называется *доможилъ*, *хозяинъ*,

жировикъ, что уже прямо означаетъ привольную жизнь. Его также называютъ *сусѣдка, отецъ, дѣдушка.*

Очевидно, весь этотъ образъ домашняго духа есть въ сущности олицетвореніе домашняго счастья, домашней благодати. Онъ—хранитель дома. По этой мысли и осязательный образъ домового представляется обросшимъ густою, мохнатою шерстью и мягкимъ пушкомъ. Даже ступни и ладони у него тоже покрыты волосами. По почамъ онъ сонныхъ обитателей дома гладитъ ладонью; если она тепла и мягка—къ счастью и богатству; холодна и щетиниста—не къ добру. По ночамъ онъ душитъ соннаго, но ради шутки. Такъ точно и во дворѣ по почамъ онъ возится, проказитъ—все только тѣшится, безъ злобы. Домовой лихъ только до чужихъ дворовъ, и большое зло дѣлаютъ только чужіе домовые.

Если домовой былъ олицетвореніемъ домашней работы, домашняго счастья, богатства, всякой благодати, то, по естественному родству понятій, въ немъ же почитался и духъ умершихъ родителей—предковъ, ибо кто же больше можетъ желать счастья жильцамъ дома, какъ не умершіе родители или самые близкіе родные. Отъ этого домовой называется *дѣдушка*, не только какъ владѣющій духъ, но какъ родной, настоящій дѣдъ—предокъ. Быть можетъ, на этомъ основаніи домовой принималъ иногда человѣческій образъ и казался иногда мальчикомъ, иногда старикомъ. Такимъ образомъ, въ понятіяхъ о домовомъ сосредоточивались представленія о жизни дома и двора съ его прошедшимъ и будущимъ, съ его счастьемъ и невзгодами и всѣми заботами и работами его хозяйства. Это была сама жизнь людей въ границахъ дома и двора.

Тѣмъ же самымъ путемъ создавался и образъ Лѣшаго. Лѣшій въ существѣ своихъ качествъ олицетворяетъ жизнь лѣса, совокупность явленій, предъ которыми человѣкъ терялся и которыхъ не могъ постигнуть. Лѣшій осенью пропадалъ и появлялся весною: стало быть, это не былъ лѣсъ только стоячій, деревянный,—это былъ лѣсъ живой, одѣтый живою зеленью, лѣсъ, пѣвшій весеннею птицею, рыскавшій всякимъ звѣремъ, свиставшій зловѣщимъ свистомъ незнаемаго существа—дива. Лѣшій былъ такъ высокъ, какъ самое высокое дерево, и такъ малъ, какъ самая малая травка. Это самъ лѣсъ не въ смыслѣ количества деревьевъ, а въ живой полнотѣ того понятія о лѣсномъ царствѣ, какое неизмѣнно воплощалось въ представленіяхъ язычника цѣльнымъ, единымъ существомъ. Волоса у него на головѣ и бородѣ длинные, косматые, зеленые. Онъ остроголовый, мохнатый. Онъ любитъ вѣшаться, качаться на вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ или въ качеляхъ. Онъ свищетъ, хохочетъ, такъ что на 40 верстъ кругомъ слышно; хлопаетъ въ ладоши, ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкой, плачетъ ребенкомъ, стонетъ умирающимъ, шумитъ рѣчнымъ потокомъ. Всякій лѣсной звѣрь и всякая лѣсная птица находятся подъ его покровительствомъ. Лѣшій иногда заводитъ путника въ непроходимыя трущобы и болота и потѣшается надъ нимъ, перепутывая его дорожныя примѣты, станетъ передъ нимъ тѣмъ самымъ деревомъ, тѣмъ пнемъ, тою тропою, куда слѣдовало по примѣтѣ идти, и непремѣнно собьетъ съ дороги, заливаясь самъ громкимъ хохотомъ. Иногда обращается въ волка, въ филина. Иногда въ образѣ старика, такого же путника, въ звѣриной шкурѣ, или въ образѣ мужика съ котомкою, самъ выходитъ на встрѣчу, заво-

дитъ разговоръ, проситъ пирога, проситъ подвезти въ деревню, садится, ѣдетъ, глядь—а его ужъ нѣтъ, а путникъ съ возомъ уже въ болотѣ, въ оврагѣ или на крутомъ обрывѣ. Обошедши подобнымъ образомъ путника, онъ принимается его щекотать и можетъ защекотать на смерть. Онъ уноситъ ребятъ, которые приходятъ домой иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Лѣшій большой охотникъ до женскаго пола. Все это рисуетъ извѣстныя обстоятельства, когда мальчики и дѣвушки или женщины, ходя въ лѣсъ за ягодами и грибами, теряютъ дорогу и, заблудившись, пропадаютъ на нѣсколько дней, а иногда и совсѣмъ. Чтобы избавиться отъ такого несчастья, обыкновенно переодѣваютъ все платье наизнанку.

Однако, это духъ добрый и благодарный, если его задобрить жертвою. Пастухъ, начиная пасти стадо, долженъ пожертвовать ему корову,—тогда онъ самъ съ охотою пасетъ стадо. Охотники всегда приносятъ ему на поклонъ краюху хлѣба съ солью, блинъ, пирогъ, и кладутъ эту жертву на пень. Другіе жертвуютъ первый уловъ птицы или звѣря и т. д. На Ерофѣя, 4 октября, Лѣшій пропадаетъ. Въ то время онъ бѣсится, ломаетъ деревья, гоняетъ звѣрей и проваливается. Жизнь лѣса умираетъ на всю осень и на зиму.

Точно также и въ образѣ Водяного олицетворилась жизнь воды, жизнь рѣки, озера, болота, т. е. та совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ, но живыхъ явленій этой стихіи, въ ея мѣстныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ человѣкъ не могъ подмѣтить истинной причины и, одухотворяя своимъ чувствомъ весь міръ, находилъ и здѣсь такую же живую волю и силу, какими обладалъ самъ.

Водяной живетъ въ омутахъ, водовертяхъ и особенно у мельницы, у этой мудреной постройки, которая и человѣка-мельника непремѣнно дѣлала колдуномъ и другомъ Водяного.

Водяной—нагой старикъ съ большимъ, одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ — образъ утопленника. Волоса на головѣ и бородѣ длинные, зеленые. Онъ является иногда весь въ тинѣ, въ высокой шапкѣ изъ водорослей, подпоясанъ поясомъ также изъ травы. Всякая водяная трава—это его одежда, его кожа. Но онъ является иногда и въ образѣ обыкновеннаго смертнаго мужика. Тогда его легко узнать: полы его платья всегда мокры; съ лѣвой полы всегда каплетъ вода; гдѣ сядетъ—то мѣсто всегда оказывается мокрымъ. Въ омутахъ онъ живетъ богато: у него есть каменныя палаты, стада лошадей, коровъ, овецъ, свиней (утонувшихъ). Женится онъ на русалкѣ (утопленницѣ). Онъ можетъ загонять въ рыболовныя сѣти множество рыбы. Ѣздитъ онъ на сомѣ и очень его жалуетъ. Днемъ водяной сидитъ въ глубинѣ омута. Съ закатомъ солнца начинается его жизнь; тогда и купаться очень опасно, и даже дома опасно ночью пить воду — можно схватить болѣзнь водянку. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью. Вдругъ гдѣ завертится и заклубится и запѣнится вода — это Водяной. Онъ бодрствуетъ только лѣтомъ, а зимою спитъ. Онъ просыпается отъ зимней спячки на Никитинъ день, 3 апрѣля. Ломится и претъ по руслу весенній ледъ, бурлитъ и волнуется рѣка—значитъ просыпается дѣдушка водяной, рѣка оживаетъ. Тогда приносятъ ему въ жертву лошадь, и онъ успокоивается. Рыбаки возливаютъ ему масло, мясники приносятъ черную откормленную свинью. На прощанье, когда жизнь рѣки приходила къ концу, Водяному приносили въ жертву гуся.

Какъ въ домѣ—Домовой, въ лѣсу—Лѣшій, въ водѣ—Водяной, такъ и въ нивѣ живетъ ея живой духъ, дѣдъ Полевой или Полевикъ, ростомъ равный высотѣ хлѣба, а послѣ жатвы—каждому оставшемуся срѣзанному стеблю.

Ясно, что всякій духъ, жившій въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ полѣ, на вѣтвяхъ дерева, какъ русалка и т. п., былъ сама жизнь, которую понять и представить себѣ язычникъ иначе не могъ, какъ въ образѣ духа. Въ этотъ образъ живого духа онъ облекалъ и все умершее, не вѣря отъ полноты созерцанія жизни, что въ мірѣ что-либо умираетъ навѣки.

Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ онъ боготворилъ существенное одно—онъ боготворилъ жизнь во всѣхъ ея образахъ и видахъ, даже и тамъ, гдѣ жизнью являлась одна его мечта. Яснѣе всего раскрывалось это боготвореніе жизни, поклоненіе ея силамъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ, въ этомъ чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и свѣта. Этотъ чередъ возрожденія и угасанія жизни, быть можетъ, и служилъ прямымъ и непосредственнымъ источникомъ для воспитанія и развитія языческихъ созерцаній о жизни, какъ единомъ существѣ всего міра.

VII. БОРЬБА НАЧАЛЪ СВѢТА И ТЬМЫ ПО ВОЗЗРѢНІЯМЪ СЛАВЯНЪ.

(Составлено по соч. Аѳанасьева „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, Т. I и II).

Въ своемъ младенчествѣ народъ такъ же мало понимаетъ все, что его окружаетъ, что происходитъ на землѣ и на небѣ, какъ ребенокъ то, что происходитъ въ домѣ его родителей и внѣ дома. Какъ ребенокъ чувствуетъ свою зависимость отъ старшихъ, его окружающихъ, такъ и народъ чувствуетъ свою зависимость отъ олицетворяемыхъ имъ явленій окружающей его природы. Нашъ простолюдинъ небо называетъ отцомъ-батюшкою, а землю — матушкой-кормилицей; въ сказкахъ нашихъ и пѣсняхъ часто вспоминается мать-сыра-земля. Небо, солнце, земля, по представленію первобытнаго человѣка, грѣютъ, питаютъ, кормятъ народъ, хотя хлѣбъ добывалъ-то онъ собственнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему приведетъ трудъ земледѣльца, когда земля недобрая, безплодная, когда солнце не будетъ грѣть вдоволь, а небо заупрямится, не смилуется надъ человѣкомъ, не пошлетъ благодатнаго дождика? За блага, даруемыя природой человѣку, народъ въ своемъ младенчествѣ любитъ ее, обожаетъ, поклоняется ей, какъ Богу, обращается къ ней въ своихъ нуждахъ, въ горѣ, въ болѣзни.

Небо, солнце, земля—эти силы природы, казались славянамъ добрыми, благодатными богами.

Но не однѣ только добрыя, благодѣтельныя силы видѣли предки наши въ природѣ: еслибъ одни только добрые боги владычествовали въ мірѣ, какъ доброе солнышко, откуда бы тогда взялись всѣ несчастія, постигающія человѣка: и голодъ, и холодъ, и болѣзнь, и смерть? Солнце, думали, доброе, не допуститъ человѣка голодать; значитъ, есть въ мірѣ и въ природѣ злыя силы, злыя божества; навѣрное, это они мѣшаютъ

исполниться добрымъ желаніямъ бога-солнца, это они ниспосылаютъ стужу и всякія напасти на человѣка, и разрушаютъ все то, что создано благотворными богами. Такимъ образомъ, у славянъ, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, были боги добрые и злые.

И самые добрые боги, каково солнце, не всегда бываютъ милостивы къ людямъ: вѣдь и добрые люди подчасъ прогнѣваются и творятъ зло. Солнце—творецъ урожая, податель пищи, покровитель всѣхъ бѣдныхъ и сирыхъ; но когда люди прогнѣваютъ доброе солнышко, оно шлетъ на землю свои огненныя стрѣлы, жгучіе палящіе лучи солнца, причиняющіе засуху, а съ ней голодъ и моръ. Солнце праведно: оно караетъ человѣка за всякую неправду, нечестіе.

Когда вы днемъ взглянете на небо, вы видите передъ собою голубой или сѣрый сводъ неба и движущееся будто-бы по небу солнце. Чѣмъ кажется вамъ это солнце? Большимъ, огненнымъ, жгучимъ, ослѣпительно-свѣтящимъ шаромъ—и только. Вы не видите въ немъ ничего живого, человѣческаго; вы не считаете его способнымъ ни на милость, ни на гнѣвъ; вы равнодушно, безъ всякаго чувства благодарности, смотрите на этотъ шаръ, ложитесь спать съ полною увѣренностью, что завтра утромъ, когда проснетесь, это солнце опять будетъ уже высоко на небосклонѣ, и опять будетъ грѣть и свѣтить по-прежнему: не въ волѣ солнца свѣтить или не свѣтить на землѣ. Когда солнце скрывается за тучами, вы не печалитесь о немъ: вы знаете, что тучи скоропроходящи, и что скоро опять солнце выглянетъ изъ-за нихъ. Но не такъ, какъ мы, смотрѣли первобытные люди на солнце и вообще на природу. Наши праотцы, видя солнце движущимся будто бы по небу, видѣли въ этомъ огненномъ шарѣ живое существо: имъ представлялось оно богомъ, выѣзжающимъ каждое утро изъ своего золотого дворца: выѣзжаетъ солнце-богъ въ своей свѣтозарной колесницѣ, запряженной бѣлыми огнедышащими конями, ѣдетъ по небу, откуда ниспосылаетъ оно на землю благодатное тепло и свѣтъ. При этомъ первобытному человѣку невольно приходили въ голову вопросы: „Какъ идетъ солнце по небу? Отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? Отчего не скатится солнце внизъ съ своего небеснаго пути?“

Утренняя и вечерняя заря представлялись двумя божественными сестрами, которыя постоянно находятся при солнцѣ, этомъ свѣтломъ божествѣ дня, и прислуживаютъ ему. Утренняя заря предшествуетъ солнцу, выводитъ на небесный сводъ его бѣлыхъ коней и яркими стрѣловидными лучами солнца поражаетъ мракъ и туманы ночи, разсѣваетъ ихъ; вечерняя заря принимаетъ ослѣпительно-бѣлыхъ коней солнца, когда оно, совершивши свой дневной поѣздъ, скрывается на западѣ, за горизонтомъ.

Показываясь раннимъ утромъ на краю неба, одѣтаго темною ночною пеленою, солнце казалось нашимъ далекимъ предкамъ какъ бы рождающимся изъ тьмы; наоборотъ, когда солнце заходило вечеромъ, оно казалось умирающимъ. Прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ увѣрились, что одно и то же солнце должно восходить ежедневно, и что, удалившись отъ земли во время холодной зимы, оно не покинетъ ея навсегда, а опять приблизится къ землѣ и принесетъ съ собой весну и лѣто.

Согласно поэтическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу, на небѣ постоянно происходила борьба между свѣтлыми существами, какъ солнце, гроза, и другими, враждебными имъ, темными, злыми божествами, какъ

облака, омрачающія ясное небо. Каждый разъ, когда эти свѣтлыя и темныя божества вступали въ борьбу, первобытные, младенческіе народы мучились сомнѣніями и вопросами: „Чѣмъ можетъ кончиться эта борьба? Не скроется ли уже солнце навсегда и перестанетъ грѣть и свѣтить землѣ? Что станется тогда съ людьми? Или же солнце выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ темными силами и опять покажется на небосклонѣ? Да и то же ли будетъ это солнце, или замѣнитъ его какое-нибудь новое?“

Такъ думали и тревожились наши отдаленные предки каждый разъ при наступленіи ночи или зимы. Зато какъ велика была ихъ радость при наступленіи каждой весны! Сколько веселья, пѣсенъ и радостей приносила она! Какими шумными, торжественными праздниками привѣтствовалось возрожденіе весны.

Младенческіе народы, простодушные еще, какъ дѣти, заставляли своихъ боговъ творить на небѣ то же, что дѣлалось на землѣ: вѣдь ссорятся же и враждуютъ между собою люди,—отчего же не ссориться самимъ богамъ, когда они являлись воображенію народа въ человѣческомъ образѣ? Къ тому же наши предки думали объяснить себѣ, такимъ образомъ, этой вѣчной враждой и борьбой боговъ свѣта и тьмы непонятныя еще въ то время явленія природы, каковы смѣна дня и ночи, смѣна временъ года и проч.

У словаковъ сохранилось вотъ какое преданіе про солнце. Когда съ наступленіемъ утра солнце готово выйти изъ своихъ чертоговъ, чтобы совершить свою дневную прогулку по бѣлому свѣту, то нечистая сила собирается и выжидаетъ появленія солнца, надѣясь захватить его, это божество дня, и умертвить его. Но, при одномъ приближеніи солнца, разбѣгается нечистая сила, чувствуя свое безсиліе. Такимъ образомъ первые лучи солнца, показывающіеся на небосклонѣ, прогоняютъ мракъ ночи: будто испуганный, бѣжитъ онъ и прячется въ разщелины скалъ, въ подземныя пещеры и глубокія бездны. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ богъ-солнце: едва только заслышитъ нечистая сила грозный для нея крикъ пѣтуха, предвѣщающій утро, какъ она мгновенно исчезаетъ.

День и ночь представлялись въ воображеніи нашихъ предковъ въ постоянной враждѣ; народная загадка называетъ день и ночь раздорниками, т. е. ссорющимися. „Кои два супостата препираются?“ спрашиваетъ старинная народная загадка, и тутъ-же сама отвѣчаетъ: „День и ночь“.

Они постоянно враждуютъ и сражаются: то день, то ночь побѣждаетъ. Одолѣвая въ вечернюю пору своего противника, ночь налагаетъ на него свои оковы, день лежитъ связаннымъ плѣнникомъ и не можетъ до утра показываться людямъ на глаза, пока не разорветъ наложенныхъ на него ночью цѣпей.

Та же борьба, какая видѣлась нашимъ предкамъ при ежедневной смѣнѣ дня и ночи, видѣлась имъ и въ смѣнѣ лѣта и зимы. Когда, съ приходомъ весны, снова раздавались удары грома, умолкавшіе на зиму, то въ этихъ раскатахъ грома слышались нашимъ предкамъ удары, наносимые Перуномъ, богомъ грома и молніи, тучамъ, этимъ демонамъ, злымъ богамъ; въ молніяхъ видѣлся блескъ несокрушимой палицы Перуна и его летучихъ стрѣлъ, въ шумѣ бури слышались воинственные клики сра-

жающихся. Грозныя и мрачныя тучи надвигались на небо и закрывали собой ясное солнышко—это, должно быть, злыя, враждебныя ему существа брали его въ плѣнъ и удерживали въ своихъ затворахъ въ плѣну золотые лучи солнца. Чѣмъ долѣе оставались на небѣ тучи, чѣмъ долѣе продолжалось ихъ движеніе, тѣмъ страшнѣе становилось за солнце.

Лунныя и солнечныя затмѣнія предки наши объясняли себѣ по-своему тѣмъ, что свѣтила небесныя во время затмѣнія находятся въ пасти чудовищъ, собирающихся поглотить солнце или луну; поэтому во время затмѣнія старались производить всѣми возможными мѣрами шумъ, думая, что чудовища испугаются и выронятъ изъ пасти свою добычу. „Погибло, съѣдается солнце!“—вотъ, что восклицали наши предки при видѣ солнечнаго затмѣнія. И теперь во время затмѣнія солнца или луны, крестьяне, чтобы прогнать злыхъ боговъ, пожирающихъ небесныя свѣтила, бѣгаютъ по деревнямъ и селамъ съ бѣшенымъ крикомъ и гамомъ; чтобы еще больше напугать нечистую силу, ударяютъ они въ бубны, тазы, сковороды и чугунныя доски, брячатъ колокольчиками и бубенчиками, хлопаютъ бичами и стрѣляютъ изъ ружей; а пройдетъ часъ затмѣнія, и вотъ радуются крестьяне, въ полной увѣренности, что недаромъ кричали да шумѣли,—прогнали-таки нечистую силу.

Славяне вѣрили, что въ громѣ и молніи живетъ и дѣйствуетъ сила бога Перуна, который считается главнымъ изъ боговъ. Его представляли себѣ наши предки разъѣзжающимъ по небу въ пламенной колесницѣ, запряженной крылатыми огнедышащими конями. Старинная русская поговорка: „ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ“, указываетъ на то, что въ раскатахъ грома, дѣйствительно, представлялся нашимъ предкамъ поѣздъ бога-громовника; перище—это страшное оружіе, которымъ, какъ полагалъ народъ, богъ грома и молніи наносилъ страшные удары. Перунъ являлся въ воображеніи народа вооруженнымъ палицей или лукомъ и огненными стрѣлами. Какъ солнечные лучи представлялись стрѣлами бога-солнца, которыми онъ гонитъ поутру ночь, разсѣваетъ туманы и разбиваетъ при началѣ весны льды и снѣга, такъ и молніи казались стрѣлами бога-громовника. Какъ молніи представлялись славянамъ молніеносными стрѣлами Перуна, такъ радуга являлась въ воображеніи народа огненнымъ лукомъ, съ котораго спускались стрѣлы Перуномъ. До сихъ поръ говорятъ въ народѣ: „Ахъ ты, радуга-дуга, ты убей мужика“. Такъ-то смотрѣли славяне на явленіе грома и молніи, И что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не напоминаютъ намъ раскаты грома грохотъ быстро ѣдущей колесницы и топотъ отъ копытъ быстрыхъ коней? Развѣ быстрота молніи не напоминаетъ быстроту, съ какою летитъ пущенная съ лука стрѣла? Грохотъ грома и вой бури во время грозы не напоминаютъ ли намъ свистъ летящей стрѣлы, шумъ копья, брошеннаго сильною рукою? Страшные удары молніи, производящей убійства и пожары, не такъ же ли ужасны, какъ на смерть поражающее остріе стрѣлы или копья? И теперь еще поселяне наши, заслышавъ перекаты грома, думаютъ, что это Илья-пророкъ ѣдетъ по небу въ огненной колесницѣ; отъ грохота ея колесъ и происходитъ слышимый нами громъ. На одной лубочной картинкѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненныя; лошадьми управляетъ ангелъ. Видимая нами часто въ лѣтніе вечера зарница есть,

какъ думаютъ болгары, огонь, который выдыхали изъ ноздрей кони пророка, только что запряженные въ колесницу его. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи Илью-пророка представляетъ себѣ народъ въ мантіи огненнаго цвѣта, въ красной шапкѣ на головѣ и съ мечомъ, на остріѣ котораго горитъ пламя. Въ московской губерніи крестьяне объясняютъ себѣ раскаты грома поѣздкою Ильи-пророка по небу на шести жеребцахъ: отъ удара ихъ копытъ будто происходитъ и громъ, и молнія. А откуда взялось у народа нашего такое представленіе о громѣ и объ Ильѣ-пророкѣ? Это остатокъ отъ старины глубокой. Хотя народъ нашъ давно уже принялъ христіанство, но все еще не отдѣлался отъ своихъ старинныхъ языческихъ понятій; только то, что прежде язычники-славяне думали о своихъ богахъ, то потомъ, когда сдѣлались христіанами, стали думать объ ангелахъ, да о святыхъ христіанскихъ. Славяне перестали чествовать своихъ языческихъ боговъ подъ ихъ прежними именами, а о томъ, что думали праотцы наши о своихъ богахъ, память въ народѣ нашемъ осталась. Такъ вотъ почти все то, что теперь разсказываютъ въ народѣ объ Ильѣ-пророкѣ, говорили въ старину про Перуна. Такъ какъ Ильинъ-день, празднуемый въ память св. Ильи, приходится по времени къ началу жатвенной поры, когда древніе славяне чествовали своего бога Перуна, то народъ и связалъ съ Ильей-пророкомъ всѣ свои воспоминанія о Перунѣ. Слово Перунъ значитъ творецъ, производитель. Въ теплые дни весны Перунъ являлся съ своими молніями, оплодотворялъ землю дождями и выводилъ изъ-за разсѣянныхъ тучъ солнце. Тучи, разрываемыя вѣтрами и разсѣкаемыя молніями, ниспадаютъ на землю дождемъ, орошаютъ ее и даютъ обильный урожай. Холодная зима налагаетъ льды на земные источники и рѣки, а также налагаетъ оковы и на дождевыя облака. Сковывая облака, зима запирала небесныя воды, и тогда кругомъ все дряхлѣло, замирало, и земля, какъ мертвая, одѣвалась въ бѣлоснѣжный саванъ. Но весною могучій Перунъ разбивалъ эти крѣпкія оковы своей палицей или молотомъ, и тогда открывался свободный путь дождевымъ потокамъ; а они, омывая землю, возвращали ей силу плодородія, убирали поля и лѣса роскошною зеленью и цвѣтами, творили изъ устарѣвшей зимней природы юную, весеннюю. Когда раздавался ударъ перваго весенняго грома, вся природа, словно очнувшись отъ долгаго сна, снова пробуждалась къ жизни, созидался новый міръ. Такимъ образомъ, явилось вѣрованіе, что дождь, особенно весенній, даетъ тѣмъ, кто умывается имъ, силы, здоровье, красоту, счастье; дождь у крестьянъ нашихъ называется „кормилецъ“. При накрапываніи перваго весенняго дождя крестьяне спѣшатъ умываться этой, какъ говорятъ, *живой водой*. Понятно послѣ всего этого, что Перуна, какъ божество, посылающее дожди, считали творцомъ земныхъ урожаевъ, подателемъ пищи, установителемъ и покровителемъ земледѣлія. Земля, по народному русскому повѣрью, не растворяется до перваго весенняго грома, т. е. до выѣзда на небѣ Перуна въ его громовой колесницѣ. Такъ какъ богу-громовнику приписывали дары плодородія, то его и молили орошать пашни и давать ростъ и зрѣлость нивамъ. Отъ св. Ильи, думаетъ и теперь народъ нашъ, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха. 20 іюля, въ день св. Ильи, ожидаетъ народъ грозы и дождя, который непремѣнно долженъ пролиться въ этотъ день, а не пролился, ну, значитъ, чѣмъ-нибудь прогнѣвили св. Илью, и онъ выпросилъ у Бога, чтобы не было на этотъ день дождя

да грозы. По русскимъ поговоркамъ: „Илья грозы держитъ“, „На Ильинъ день гдѣ-нибудь отъ грозы загорается“. Гроза называется въ народѣ „божьей милостью“ или „божьимъ милосердіемъ“. Церковная пѣснь молитъ Илью-пророка, чтобы раскрылъ онъ небеса и ниспослалъ дождь; поселяне наши ставятъ иногда на воротахъ чашку съ зерномъ ржи и овса и просятъ священника провеличать Илью и молить его, чтобы уродился хлѣбъ. Но Перунъ, какъ и богъ-солнце, творилъ не одно добро и не всегда являлся для людей благодатнымъ божествомъ. Когда люди прогнѣваютъ его непочтеніемъ къ нему или чѣмъ другимъ, тогда Перунъ является божествомъ гнѣвнымъ, карающимъ; появленіе его возбуждаетъ страхъ и трепетъ; гроза становится для людей угрозой. На Руси мѣстами слышатся и до сихъ поръ грозныя клятвы: „Убей тебя Перунъ!“ „Кабы тебя Перунъ треснулъ!“ Какъ божество-солнце, будучи разгнѣвано людьми, посылаетъ жгучіе лучи, которые порождаютъ засуху, безплодіе и моръ, такъ и богъ-громовержецъ насылаетъ временами на людей градъ, бури и безвременные ливни, караетъ людей грѣшныхъ неурожаемъ, голодомъ, повальными болѣзнями, которыхъ не минуетъ никто. Если градъ выбиваетъ мѣстами хлѣбъ, то поселяне наши говорятъ: „Это Богъ караетъ, онъ и велитъ Ильѣ-пророку: когда ѣздишь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздаютъ хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою, а которые жадны, обмѣриваютъ и не вѣдаютъ милосердія, у тѣхъ истребляй“. На Ильинъ день поселяне наши не косятъ и не убираютъ сѣна; а станешь косить, то Илья за непочтеніе къ назначенному ему празднику убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей. По русской поговоркѣ: „Илья-пророкъ въ полѣ копны считаетъ“. Сохранилось вотъ еще какое старинное преданіе въ нашемъ народѣ про Илью-пророка. Въ давнія времена жилъ-былъ мужикъ—Николинъ-день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ-день нѣтъ-нѣтъ, да и работать станетъ; Николѣ угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчу поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ. Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николою полемъ этого самаго мужика, идутъ они да смотрятъ на нивѣ зеленя (восходящій хлѣбъ) стоятъ такія славныя, что душа не нарадуется. „Вотъ будетъ урожай, такъ урожай“, говоритъ Никола. „А вотъ посмотримъ“, отвѣчалъ Илья, „какъ спалю я молніей, какъ выбью все градомъ поле, такъ будетъ мужикъ правду знать, да Ильинъ день почитать“. Поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: „Продай, говоритъ, скорѣе ильинскому попу весь хлѣбъ на корню, не то ничего не останется, все градомъ повыбьетъ“. Мужикъ послушался. Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ градомъ и ливнемъ разразилась она надъ нивою мужика, весь хлѣбъ, какъ ножомъ, срѣзала. Хорошо, что вступился за мужика св. Никола, а то куда какъ горько пришлось бы мужику за непочитаніе Ильина дня. Такъ-то переноситъ народъ свои старинныя понятія о языческихъ своихъ богахъ на христіанскихъ святыхъ и пророковъ.

Какъ солнце представлялось нашимъ праотцамъ въ вѣчной борьбѣ съ демонами, темными, нечистыми силами, враждебными свѣту, такъ и богъ-громовникъ. Не даромъ этотъ богъ-громовержецъ представлялся въ воображеніи народа вооруженнымъ огненными стрѣлами или копьями, молотомъ, палицей, или огненнымъ мечомъ. А то какъ могъ бы богъ-громовникъ вести борьбу съ великанами тучъ и зимнихъ тумановъ? А поражая

ихъ своимъ оружіемъ, онъ низводитъ на жаждущую землю дождевые потоки и даетъ просторъ ясному солнцу. Вѣдь это они, эти мрачные, окаянные демоны тучъ, производятъ все зло въ природѣ. Не они ли ужъ затягиваютъ облачными покровами блестящія свѣтила и страшными заклятіями задерживаютъ паденіе дождя? Не они ли похищаютъ въ знойные дни лѣта дождепосныя облака и поражаютъ губительную засуху? Не они ли скрываютъ золотые солнечные лучи въ темныхъ пещерахъ тучъ? А чья же это работа, какъ не этихъ злыхъ, враждебныхъ людямъ, демоновъ, что въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ воды сковываются льдами, дождь не орошаетъ земли, и блескъ солнца помрачается туманами? Да, въ это безотрадное время пагубные демоны не сидятъ безъ дѣла: тогда-то они и строятъ въ небѣ крѣпкіе города и заключаютъ въ нихъ плѣненныя и скованныя дождевыя облака и золотые солнечные лучи. Но не долго торжествовать вамъ свою побѣду, окаянные демоны! Вотъ ужъ скоро настанетъ весна, и тогда выступитъ во всей своей силѣ и во всемъ блескѣ своего мѣткаго оружія могучій Перунъ, своей палицей разобьетъ онъ воздвигнутые вами въ небесахъ укрѣпленные города, пробуравитъ облачные скалы и прольетъ скрытыя въ нихъ благодатныя воды на томимыя мучительной жаждой поля, и снова загорится ослѣпительнымъ блескомъ свѣтильникъ солнца.

Такимъ-то образомъ происходитъ вѣчная вражда между богомъ-громовникомъ и злыми губительными демонами тучъ, и каждый разъ, послѣ каждаго пораженія ихъ, они возстаютъ съ новою силою и снова вызываютъ на бой Перуна. Хорошо еще, что у Перуна есть вѣрные и дружные помощники, какъ напримѣръ, вѣтры, которые помогаютъ ему въ этой нескончаемой борьбѣ съ безчисленными полчищами облачныхъ демоновъ. А демоны эти вѣдь всѣ чудовищные великаны и драконы, огромнѣйшіе змѣи, и что мудренаго въ томъ, что не справиться бы, пожалуй, съ ними Перуну одному. Въ раскатахъ грома слышится стукъ небеснаго оружія, въ воѣ бури звуки военныхъ роговъ и клики сражающихся, а въ блескѣ молніи свѣтятся искры отъ ударовъ мечей.

Когда наставала весна и приводила съ собой дождевыя тучи, когда раздавались удары грома и сверкали молніи, предки наши привѣтствовали появленіе ихъ военными играми, воинственными кликами и стукомъ оружія; всѣмъ этимъ они старались подражать тѣмъ дѣйствіямъ грозы, которыя усматривали на небѣ: во всемъ этомъ изображалась борьба бога-громовника съ демонами-тучами. До сихъ поръ сохранилось у славянъ повѣрье, что нечистые духи и вѣдьмы боятся звона колоколовъ, который напоминаетъ имъ удары грома, и вотъ, заслышавъ звонъ колоколовъ, черти улетаютъ, какъ можно дальше. Если звонъ застигнетъ ихъ вблизи, то охватываетъ своими звуками, какъ волнами, и вертитъ въ страшномъ вихрѣ словно легкую ладью, попавшую въ стремительный водоворотъ.

Поэтому въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ во время грозы звонятъ въ колокола и стрѣляютъ изъ ружей, чтобъ разогнать чертей, которые угрожаютъ людямъ бурею и опустошеніемъ. Народъ нашъ и понынѣ увѣренъ въ томъ, что во время грозы разъѣзжаетъ по небу въ колесницѣ разгнѣванный богъ и преслѣдуетъ молніеносными стрѣлами дьявола. У малороссовъ сохранилась старинная сказка про чорта. Изъ этой сказки видно, что чортъ, какъ только занадобится ему, съумѣетъ обернуться тучей. Занялъ мужикъ у чорта деньги; по условію, мужикъ дол-

женъ былъ возвратить чорту его деньги только тогда, когда со всѣхъ дубовъ поспадаютъ листья. Пришла поздняя осень, опали листья съ простыхъ дубовъ, а вѣчнозеленый дубъ стоитъ въ вѣчномъ убранствѣ. Что тутъ дѣлать? Пошелъ попавшійся въ бѣду чортъ въ лѣсъ, да давай прикидываться то бурею, то дождемъ,—да напрасно: ничего не помогло! Вѣчнозеленый дубъ, словно на зло чорту, стоитъ все въ прежнемъ убранствѣ, а мужикъ потираетъ руки отъ удовольствія, что остался въ дуракахъ чортъ, и денегъ ему не отдаетъ. Народъ нашъ и теперь считаетъ молнію за стрѣлу, которую бросаетъ Илья-пророкъ въ змѣя или въ дьявола, который, какъ только завидитъ молнію, тотчасъ прячется отъ нея, нерѣдко въ косматыхъ животныхъ, каковы кошка, собака. Поэтому поселяне наши во время грозы выгоняютъ изъ избы кошекъ и собакъ, чтобы избѣгнуть удара отъ небеснаго пламени. Но не укрыться дьяволу нигдѣ отъ преслѣдованій: находитъ-таки его вездѣ и поражаетъ на смерть небесная стрѣла. Мѣстами у насъ народъ вѣритъ, что Илья-пророкъ побиваетъ нечистыхъ дьяволовъ каменными стрѣлами, и что на мѣстѣ пожара, произведеннаго ударомъ молніи, и вообще послѣ грозы, можно находить чудесную громовую стрѣлку. По этому повѣрью, стрѣлы громовыя, когда ниспадаютъ изъ тучъ, входятъ далеко въ глубь земли, а года черезъ три, или черезъ семь лѣтъ возвращаются на поверхность земли въ видѣ чернаго или сѣраго продолговатаго камешка.

Наши простолюдины вѣрятъ, что человѣкъ, убитый громомъ, очищается отъ своихъ грѣховъ, потому что бываетъ невинною жертвою укрывшагося за нимъ дьявола; а дьяволъ не дуракъ и не спроста прячется за человѣкомъ: знаетъ онъ, плутъ, что человѣка-то Богъ любитъ, но изъ-за дьявола Богъ и человѣка подчасъ не пожалѣетъ, лишь бы только дьявола докапать. Славяне вообще убѣждены, что молнія, эта стрѣла божія, всегда бьетъ въ то мѣсто, гдѣ бываетъ дьяволъ. Во время грозы нечистый только и хлопочетъ объ одномъ, какъ бы укрыться отъ ея пламеннаго острія: онъ спѣшитъ въ горы или въ лѣсъ, прячется тамъ подъ деревьями, влѣзаетъ въ пустое дупло, а нерѣдко ищетъ убѣжища и въ жилыхъ домахъ. Этимъ народъ объясняетъ себѣ, почему громовые удары всего чаще падаютъ на высокія деревья и строенія. Боязливые и набожные хозяева во время грозы опрокидываютъ горшки, кадки, вообще порожнюю утварь и затворяютъ двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молніеносными стрѣлами бога-громовника, не спрятались въ избѣ и не привлекли громового удара. Сказаніе о борьбѣ Ильи-пророка съ змѣемъ-дракономъ (съ тучею) существуетъ у славянъ издавна. Это видно изъ сказанія, сохранившагося донынѣ у одного изъ славянскихъ народовъ (у хорутанъ).

„Однажды вышелъ лѣсникъ на охоту; вдругъ надвинулись тучи, загремѣлъ громъ, засверкала молнія и полилъ дождь. Лѣсникъ не могъ дальше идти и легъ подъ дерево. Онъ оглядывается по сторонамъ и вдругъ видитъ при блескѣ молніи какую-то звѣрскую образину. Лѣсникъ подумалъ, что это звѣрь, прицѣлился и выстрѣлилъ. „Дождусь, думаетъ, дня я и тогда увижу, что застрѣлилъ“. Въ то самое время подошелъ къ лѣснику старецъ: „Знаешь-ли, спросилъ онъ, какого ты звѣря застрѣлилъ? Ты убилъ чорта, въ котораго я семь лѣтъ направлялъ удары и не могъ попасть. Я—святой Илья, и надѣлю тебя за это счастіемъ и богатой невѣстой“.

VIII. ПРАЗДНИКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

(Изъ соч. Костомарова «Славянская миѳологія»).

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада,—воскресеніе или возвращеніе солнца. И теперь у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Время съ 23 мая до 23 іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвба кончается, а покосъ еще не начатъ.

Праздникъ весны начинался очень рано: какъ только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ. Памятниками этого древняго обычая у славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи, и 2) обычай водить козла: это наблюдаютъ въ Украйнѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По-русски этотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцаренія весны. Прежде всего весь хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у поляковъ стадо, *купался* въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался въ Украйнѣ еще въ XVII в. обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ юноши бѣгали съ ведрами за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы тѣмъ же отплачивали мужчинамъ; въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на провеснѣ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершался символическій обрядъ утопленія зимы и закликанія весны. Въ XVII в. въ Польшѣ дѣлали соломенное чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось Маржаною и означало у славянъ смерть или зиму, т. е. воду въ стоячемъ положеніи. Тогда пѣли: „Смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы". У чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ убитой зимы и воскресенія весны. Потомъ, другое соломенное чучело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Эти два обряда означали распусканіе воды и умерщвленіе Маржаны или зимы—воды мертвой, посредствомъ сочетанія огнесвѣта съ водою живою и плодородящею.

Потомъ совершалось закликаніе или призываніе весны. Это торжество у русскихъ называется красною горкою. Какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во-первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призваніями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли тор-

жественные гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли священныя пѣсни въ честь воды, совершали моленія о плодородіи и ниспосланіи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться, призывали птицъ развеселить пѣніемъ расцвѣтающія дубровы. Потомъ отправлялись символическія игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другія означали воспоминанія миѳологическихъ событій. Припѣвы: Ладо-Дидо-Ладо! (т. е. великій Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ исторіи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто-и-водо-поклоненіе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно тому, какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, у грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха. Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

Второе значеніе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр., извѣстная игра сѣяніе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханіе вообще, сѣяніе мака, хмѣля, ячменя и пшеницы, льна и разныя сельскія работы. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ-бы освящало полевые труды поселянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это праздненство имѣло значеніе для пастуховъ. Дитмаръ говоритъ, что у славянъ весною былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку, держащую желѣзный шаръ. Пастухъ кричалъ: „Гопило! стереги!“ и всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ. Гопило значитъ гонящій. Кажется, шаръ на палкѣ есть символъ солнца.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуются въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовича и Дѣваны. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій расцвѣтъ, радость, свѣжесть. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божествъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потому въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при концѣ праздника, а до того времени въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь для прославленія верховной любви. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. „царевичъ и царевна“, или „сѣяное просо“, гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ, и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность красной горки, были, кажется, началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли

на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили-ѣли званые и незваные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начинались борьба и ристанія, подобно какъ въ древности у грековъ. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря, княгиня Ольга пригласила древлянъ на состязаніе съ кіевлянами. Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе.

Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводѣ, обыкновенно у воды или въ рощахъ. Это-то были тѣ игрища „межю-селы“, на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця“.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое семикомъ. Праздникъ этотъ былъ тотъ же, который называется у русскихъ Яриломъ, а у словаковъ Турицами и Лѣтницами. Подобно красной горкѣ, семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть, собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купалы, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника. Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, вѣрно прежде символическими знаками, служитъ непремѣннымъ условіемъ этого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно это дерево—береза, и, кажется, оно символизовало мать Ладу, природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Къ этому же торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ: встарину человѣкъ разрумяненный, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона, который истребилъ и проклялъ идола. Въ другихъ мѣстахъ Яриломъ называютъ истукана, одѣтаго въ мужское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако, видно, что Ярило однозначителенъ съ Ладомъ, ибо во Владимірской губерніи называютъ Ярила Ладомъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта, изображаемаго въ смыслѣ любовной плодотворной силы. Праздникъ приходится въ то время, когда вся природа бываетъ,

по русскому выраженію, въ яру. Принадлежность этого праздника есть гаданіе, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, славяне отправляли въ то время люстрацію полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру кротко, обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любящихся, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ; въ другой—сожалѣетъ о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсенъ, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: „Гуляй, дочь моя, сколько хочешь! два раза не будешь молодою". А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься. Рядомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми поминали мертвыхъ. Хороводъ переходилъ отъ священныхъ рощъ и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми, какъ и весною. И теперь, около этого времени, въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднуя полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечъ свѣта поразитъ „смока" (дракона) и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ то же время отправлялись жертвоприношенія русалкамъ; и теперь недѣля, послѣ духовой, называется русальною.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не оставалось съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ праздникъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и не могли до сихъ поръ; они оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI в.) жалуются, „что противъ праздника рождества Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи, и жены, и дѣти въ домахъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ омываются водою и, пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю". Въ Польшѣ такой обычай назывался соботка и въ XVI ст. служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса. Огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23 іюня вечеромъ, горы Судетскія и Карпаты кажутся пылающими.

Слѣды этого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ, въ сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура; въ Германіи онъ называется Johannisfeuer: нѣмцы переводили чрезъ него стада

свои. У литовцевъ этотъ праздникъ назывался Росса, и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ. У древнихъ римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палилія, когда перескакивали чрезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды. У грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха. Въ глубокой древности, на праздникѣ Весты, 23 іюня, кропили водою дома и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры. Такимъ образомъ, торжество Купала у славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ, какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи: прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно—чучело наподобіе человѣка, другое—дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками. Дерево обыкновенно бываетъ чернокленъ. Потомъ раскладываютъ кучи соломы и, ставши кругомъ, поютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія, попарно, парень съ дѣвкою, прыгаютъ чрезъ огонь; когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Вслѣдъ затѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Ивана) купался, что играло на немъ солнце и что, наконецъ, купавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

Два изображенія—мужское и женское, Купало и Марена, означаютъ, очевидно, Лада-Свантовита—свѣтоносное начало, и женское водное начало или Дѣвану: теперь они называются въ народѣ царь-огонь и царица-водица. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты, и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; поэтому тогда солнце представляется на высочайшей степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ этотъ день былъ великъ у славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіи праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія, по большей части, однѣ и тѣ же, что свадебныя; въ нихъ уже мало поется о любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя. золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиваніе черезъ огонь—обряды брачные и, кажется, у славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчаніе. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI в., жаловался митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья. Огонь же употребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже вѣнки съ праздника купальскаго признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебряную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папортникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатію полевыхъ работъ и полагая, что они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому справедливо называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ, дѣйствительно, былъ божествомъ плодородія.

Неизвѣстно навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ русскіе объясняли арабскому путешественнику Ибнъ-Фодлану, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобы умершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно, достигли блаженства посредствомъ огня. Въ Богеміи, если и хоронили трупы, не сжигая, то считали необходимымъ, чтобы на могилѣ 3 или 7 дней горѣлъ огонь. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада, начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту-Ладу, теперь называемый „обжинки". Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у прибалтійскихъ славянъ такимъ образомъ: „Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, едва переводя отъ благоговѣнія дыханіе, и смотритъ, есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Ежели нѣтъ или мало, это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма: жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовый пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: „Что, видите вы меня?" Если ему отвѣчаютъ: „Не видимъ", то говоритъ: „Ну, чтобы же вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ!" Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ считать относящимся и къ нашему отечеству. До сихъ поръ у малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный ко времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: „Видите ли вы меня, дѣти?" Ему отвѣчаютъ: „Не видимъ". Онъ говоритъ: „Ну, дай Богъ, чтобы и на этотъ годъ не увидѣли". Послѣ обряда праздникъ прово-

дился славянами въ пиршествахъ и забавахъ. Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды, истинно-миѳологическіе, напр., дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и жнецы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей степени своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ миѳологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. У римлянъ тогда отправлялись Януарскія Календы (называвшіяся также Natales Solis invicti). Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Іолы, въ знакъ возвращающагося солнца. У славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь колядою; утверждали, что коляда есть испорченное слово Calendae и зашло въ Малороссію отъ поляковъ, которые заимствовали его отъ западныхъ европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя коляды; притомъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними подобными миѳологическими торжествами. Имя коляда, какъ можно полагать, не произошло отъ Calendae, а скорѣе однознаменательно со словомъ Іола, означающимъ колесо—кругъ солнца; тоже значитъ и коляда отъ коло—кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца, изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ славяне начинали съ зимняго поворота. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою постоянно и сначала оно является въ маломъ видѣ, то оттого и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины—олицетворенной природы—съ младенцемъ. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась коляда
Накапунѣ рождества.

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ, кажется, имѣетъ также значеніе. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще незнающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ, юноша изображается съ аттрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, то прельщая красотою. Дѣвицѣ расхваливаютъ ея наряды, ея красоту и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре (т. е. женихи), будутъ искать любви ея и наконецъ возьметъ доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части, гаданія, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади: дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его чрезъ бревно: ежели конь не

зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ—сердитый. Гаданье посредствомъ кольца—также древнее. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. п., сходно съ гаданьями римскихъ авгуровъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ и, по скорому зажженію, заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданія исключительно семейныя. Очень вѣроятно, что въ язычествѣ на праздникѣ коляды—рожденія солнца—составлялся и хороводъ, котораго члены—юноши и дѣвицы—долженствовали на будущую весну своею любовью прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ жизнью, а въ языческой миѳологіи—символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, праздникъ коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такого же благоденствія на другой годъ. „Богъ тебе кличе!—говорится въ одной щедровкѣ; даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса“. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ, въ благодарность за хорошее желаніе, долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ—принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. Обычай посыпать зерномъ на новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется авсень у великоруссовъ, а у малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ, вѣроятно, значеніе освященія зернъ, приготовляемыхъ для посѣва. У малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита и гдѣ махнетъ ею—тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ-свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо начало—Бѣлый Богъ, Свантовичъ, покровитель земледѣлія.

———

IX. СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ СЛАВЯНЪ.

(По соч. Срезневскаго „Святилища и обряды Языческаго богослуженія древнихъ славянъ").

Чувствуя силу природы, славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ—въ громѣ и молніи, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклонялись воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной, молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хотя отчасти, на понятіи древнихъ славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданья. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судьею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: коляда и купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. „Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ", говорилъ русскій проповѣдникъ XII ст. Кириллъ, увѣщевая русскихъ, еще не крѣпкихъ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы; къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ славянъ были жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполиновыхъ горахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ

нимъ питали славяне и сохранили отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ славянъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ и на землѣ, славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію славянъ, жизнью каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роженицами и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. „Молятся и роду, и рожаницамъ", говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божье. Русскіе говорятъ: „Чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь", или, какъ выражались прежде: „Ни хитру, ни горазду суда Божія не минути". Сербы говорятъ: „Отъ Божьей воли нельзя никуда уйти". Славяне вѣрили, что боги и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ—во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у славянъ. „Вѣруемъ", говорилъ Кириллъ,—„въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда, и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? Если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: „а что, не воротиться ли?" Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ,—вѣруемъ въ нихъ, въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!"

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все—и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка: богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе и пр. Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено кольями, иногда завѣшано тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи, гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ бо-

жественнаго духа, какъ предъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельщики выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Пѣніе было принадлежностью языческой религіи славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что „пѣвца добра милуютъ боги", и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотя благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ славянъ, не совсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ коляды, или новогодія, и въ праздникъ купалы, или креса, въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: „Ему, какъ Богу, жертву приносили и огонь негасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили". Возношенія яствами были также обыкновенны: „Ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше", говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. „Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы котѣйныя", сообщаетъ одно обличительное русское слово. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и. кромѣ того, при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ, такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ

жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; онѣ были вообще въ большомъ обычаѣ у славянъ. Самое слово жертва или жаризна происходитъ отъ жрѣти—сожигать. Было у славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у русскихъ, поляковъ и балтійскихъ славянъ; можно догадываться, что онъ былъ нечуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. „Русскіе во время язычества, говоритъ ихъ лѣтописецъ, приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ".

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему волю свою и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, славянинъ-язычникъ допрашивалъ божество, во-первыхъ,—о томъ, быть ли чему, или не быть, дѣлать ли ему что, или не дѣлать, во-вторыхъ—о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простого народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ-славянъ. составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную, и общественную. Гаданіемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у славянъ, особенно судъ Божій. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы. сухопутные и морскіе; гаданіемъ назначались дни богослужебныхъ праздниствъ; гаданіемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

X. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

(Изъ соч. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“).

Множество древнихъ миѳовъ свидѣтельствуютъ, что въ ежедневномъ движеніи солнца первобытный человѣкъ видѣлъ цѣлую жизнь живого существа, подобіе своей собственной: оно *рождалось*, быстро становилось *юношей*, затѣмъ—*мужемъ*, исполненнымъ силъ, постепенно *старѣло*, наконецъ—*умирало*. Во время своей жизни великое свѣтило дня согрѣвало міръ живительной теплотой, одушевляло его дѣятельностью и трудомъ, весельемъ и радостью; умирая, оно погружало природу въ мертвенность, мракъ и холодъ. Переводя такія воззрѣнія въ собственную жизнь, человѣкъ-младенецъ выразилъ ихъ рядомъ подражаній тѣмъ явленіямъ и картинамъ природы, которыми сопровождалось жизненное теченіе свѣтила. Представимъ теперь явленіе солнечнаго заката, или смерти солнца, вообразимъ природу, среди которой совершалось это величественное, поражающее зрѣлище, и мы будемъ имѣть первообразы, съ которыхъ юныя племена сняли обыкновенія погребать своихъ мертвецовъ: у племенъ приморскихъ *солнце*, окончивъ жизненный путь свой, *сгорало и погружалось въ море*; у жителей равнинъ и горъ—*оно сожигалось и уходило въ землю или за горы*. То мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось оно, представлялось человѣку обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью... И вотъ онъ хочетъ помочь своимъ близкимъ усопшимъ переселиться въ это жилище и избираетъ тѣ же пути и способы, какъ и великое небесное существо: онъ отправляетъ ихъ въ страну блаженства на ладьѣ, которую иногда *зажигаетъ и опускаетъ въ открытое море*; *онъ сожигаетъ* и опускаетъ прахъ ихъ въ *землю* или въ *земляную гору*.

Такъ, нужно полагать, возникли важнѣйшіе способы погребальной языческой почести: отправленіе мертвеца на ладьѣ въ открытое море, сожженіе и похороны праха.

Была, конечно, нѣкоторая историческая послѣдовательность въ появленіи погребальныхъ обычаевъ, но все, что можно сказать относительно историческаго движенія ихъ, это фактъ старшинства погребенія мертвецовъ въ землѣ. Вѣрованіе, что покойникъ продолжалъ жизнь въ могилѣ, существовало уже въ глубокой древности: душу не отдѣляли отъ тѣла и, предавая погребенію мертвеца, думали, что онъ живетъ, имѣетъ такія же нужды и потребности, какъ и въ земной жизни.

Можно полагать, что въ жизни арійскихъ племенъ имѣлъ мѣсто и обычай отправленія мертвеца на ладьѣ въ море. Смыслъ этого обычая кроется въ миѳическихъ представленіяхъ неба (воздушнаго пространства), какъ *моря—пустыни* и облаковъ, какъ *кораблей*, плывущихъ (по воздушному) морю: мертвецовъ хоронили или сожигали въ лодкѣ, на которой они переплывали воздушное пространство и достигали вѣчнаго жилища.

Несомнѣнно, что въ арійскую эпоху существовалъ и обычай сожженія тѣлъ. Сожженіе усопшихъ тѣмъ легче могло войти въ жизнь и стать обычаемъ, что народъ соединялъ съ понятіемъ огня смыслъ священнаго

элемента, посредника между небомъ и землею, а душу представлялъ, какъ воплощеніе небеснаго огня. Далѣе, самый образъ жизни молодого арійскаго племени не мало способствовалъ такому обычаю: оно, быть можетъ, начинало уже свое великое кочевое движеніе, осѣдлость уступала мѣсто роковымъ стремленіямъ на западъ, а при непосѣдной жизни, умѣстнѣе было сожженіе, чѣмъ погребеніе въ собственномъ смыслѣ. Погребальный обычай сожженія, взятый съ природнаго явленія огненной смерти солнца, распространился не въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, но обставился частностями старшаго погребальнаго порядка и такимъ образомъ очутился среди противорѣчій: съ покойникомъ сожигалась и его собственность, хотя совсѣмъ не трудно было понять, что послѣ такого обряда мертвецъ уже не воспользуется ею; остатки сожженныхъ предметовъ полагались вмѣстѣ съ прахомъ въ могилу, мертвецу приносились покормы, хотя душа отрѣшалась огнемъ отъ плоти и не нуждалась въ матеріальныхъ потребностяхъ. Однимъ словомъ, въ этой области народнаго благочестія, куда ни взглянемъ мы, насъ отовсюду окружаютъ противорѣчія младенческой жизни.

Сравнивая славянскія воззрѣнія на существо души и образы посмертнаго ея существованія съ тѣмъ, что отмѣчено нами въ первое время общеплеменной арійской жизни, мы не увидимъ ни коренныхъ различій, ни слѣдовъ замѣтнаго поступательнаго движенія: только немногія частныя черты представленій указываютъ, что измѣняющая сила времени и жизненныхъ условій не оставалась праздною, кое-гдѣ работала и мысль человѣка, пополняя или отвергая испоконъ вѣка шедшія воззрѣнія, но общимъ основаніемъ все же служила праотеческая старина, переходившая по наслѣдству черезъ тысячи поколѣній.

И для язычника-славянина понятія жизни и смерти опредѣлялись видимой природой въ ея ежедневныхъ и годовыхъ измѣненіяхъ. Какъ природа начинаетъ ежедневную жизнь свою утромъ и оканчиваетъ вечеромъ, одѣваясь сумрачнымъ покоемъ, какъ она весною расцвѣтаетъ для жизни и постепенно, съ приближеніемъ зимы, теряетъ силы и погружается въ сонъ и холодъ, такъ и жизнь человѣка, по славянскимъ понятіямъ, имѣетъ свое утро и свой вечеръ и ночь, свою красную весну и свою черную зиму: при рожденіи возжигается свѣтильникъ жизни, со смертію онъ погасаетъ, и человѣкъ отходитъ въ область черной ночи, засыпая въ ней; но какъ природа, умирая, не уничтожается, но только облекается холоднымъ мракомъ и покоемъ, такъ и человѣкъ не гибнетъ, но только отходитъ на покой, засыпаетъ сномъ.

Понятіе о матеріальномъ существѣ души человѣка обусловливаетъ необходимость другаго понятія—о загробномъ ея существованіи, и у славянъ-язычниковъ оно выражалось съ тѣмъ разнообразіемъ и съ тѣми же противорѣчіями, какъ и у ихъ арійскихъ праотцевъ: вѣря, что покойникъ продолжаетъ жить въ гробѣ, они тѣмъ не менѣе отдѣляли существованіе души отъ тѣла и назначали особую область для ея пребыванія и дѣйствія.

Слѣды древней вѣры въ матеріальную жизнь мертвецовъ ясно видны изъ многихъ произведеній славянской народной поэзіи; отвѣчая на призывы родственнаго чувства или необходимости, усопшіе часто прерываютъ свой могильный сонъ и выходятъ изъ жилищъ или подаютъ свой голосъ, чтобы попросить живыхъ о какой-либо услугѣ и дать имъ

наставленіе; на такомъ вѣрованіи основанъ обычай вызыванія душъ усопшихъ, обычай, естественно вытекавшій изъ сознанія непрерывной связи между поколѣніемъ живущимъ и сонмомъ усопшихъ. Могила—жилище усопшаго, но мрачное и безотрадное: сырая земля и камень налегли на сердце, руки и ноги замерли, глаза сомкнулись—вотъ образы, какими обыкновенно рисуетъ мертвецъ свою жизнь въ отвѣтъ на земные призывы, онъ не можетъ подняться и принять участія въ горѣ или радостяхъ своихъ близкихъ.

Рядомъ съ этимъ первобытнымъ и грубымъ представленіемъ было и другое, по которому душа, существо воздушное, вѣтеръ, птица или огонь, оставляетъ тѣло и отлетаетъ въ воздушную область. Эпическій мотивъ души, которая *порхаетъ по деревьямъ*, въ древности могъ имѣть болѣе широкій смыслъ пребыванія души въ сферѣ воздушной, на *небесныхъ деревьяхъ* (облакахъ): народныя повѣрья представляютъ новорожденныхъ младенцевъ сидящими на деревьяхъ; на вѣтвяхъ играютъ и мавки-русалки, которыя первоначально были *облачными* олицетвореніями душъ усопшихъ, впослѣдствіи же получили значеніе рѣчныхъ и лѣсныхъ существъ. Понимая облака, какъ *небесныя горы*, фантазія помѣщала въ нихъ и души усопшихъ: въ горы уходятъ и богатыри русскіе при своей погибели. Вообще въ поэтическихъ преданіяхъ славянскаго язычества почти нѣтъ такихъ образовъ, которые, олицетворяя явленія воздушной природы, не связывались бы съ представленіями душъ усопшихъ: онѣ воплощаются въ различные образы ея и дѣйствуютъ, какъ элементарные духи огня, вѣтра, тучъ и т. д.

Но какъ разнообразіе природной жизни отражалось въ умѣ и фантазіи человѣка-младенца измѣнчивымъ разнообразіемъ представленій, такъ и судьба міра усопшихъ и мѣсто ихъ пребыванія не имѣли въ его понятіяхъ строго опредѣленнаго, установившагося характера. Страна усопшихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ носитъ названія: *рая*, *нави* и *пекла*. Слова эти, кажется, обозначали въ старѣйшемъ язычествѣ одинъ и тотъ же предметъ, или вѣрнѣе—различные образы, въ какихъ подземная облачная страна усопшихъ представлялась живой фантазіи язычника-славянина; опредѣляемые послѣднею, образы эти не имѣли твердости религіознаго догмата.

При нетвердости понятій о загробномъ мірѣ, языческіе славяне не могли имѣть и опредѣленной мысли о возмездіи. Правда, чувства родственной любви и уваженіе предъ добромъ населяли рай сонмомъ блаженныхъ, отвращеніе ко злу и пороку внушало мысль о мукахъ для людей злыхъ и враговъ ихъ; но и добродѣтельные той страны могли терпѣть нужды и горести; и злые, и рабы могли быть въ раю, хотя бы только предназначенные на служеніе блаженнымъ отцамъ. Вообще понятіе языческихъ славянъ о жизни въ загробномъ мірѣ было отраженіемъ земнаго быта и его условій: какъ здѣсь одни были свободны отъ тягостей и заботъ, другіе были рабами, такъ и въ жизни посмертной. Въ періодъ юности народовъ понятіе добра опредѣляется отношеніями родственными или племенными и не выходитъ за черту ихъ; потому и въ томъ мірѣ, по понятіямъ языческихъ славянъ, враги и чужіе были рабами, или вовсе исключались изъ блаженной жизни; подвигъ не цѣнился во врагѣ или въ рабѣ: какъ врагъ, онъ велъ злую жизнь и терпѣлъ муки за гробомъ, какъ рабъ—онъ оставался рабомъ. Языческіе славяне были совершенно

чужды понятія о загробной наградѣ за земныя горести и страданія: язычникъ уносилъ съ собой въ могилу твердую вѣру о продолженіи матеріальной жизни, именно той, которую онъ оставлялъ на землѣ; а какъ нужды были всегда удѣломъ человѣчества, то и загробная жизнь представлялась несвободною отъ нихъ, и притомъ не въ равной степени несвободною; ибо одни имѣли достатокъ и слугъ, другіе ихъ не имѣли; наконецъ, третьи сами несли рабскую повинность. Нуждамъ усопшихъ помогало благочестивое чувство живыхъ; оно начинало свою благотворительность у постели больного и продолжало ее до той поры, пока, по вѣчному закону природы, и само потребовало посмертной услуги.

Страна отцовъ отдѣлена отъ міра живыхъ воздушнымъ моремъ; чтобы достигнуть новаго жилища, душа или должна идти по *мосту, небесной дорогѣ,* подъ которой славянскія повѣрья понимаютъ то радугу, то млечный путь, или переплыть по морю на ладьѣ. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ древности, у славянъ существовало представленіе о *проводникѣ душъ,* который сопровождаетъ ихъ на этомъ трудномъ пути и водворяетъ на мѣстѣ.

Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему была забота облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ, закрыть глаза ему; для этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Руси снимаютъ потолокъ надъ мертвецомъ, у болгаръ снимаютъ все, что виситъ на потолкѣ сметаютъ пыль, паутину, какъ бы съ той мыслью, что, имѣя предъ собою открытое пространство, душа легче выйдетъ изъ тѣла. Почти у всѣхъ славянскихъ племенъ имѣется обычай облегчать предсмертную борьбу положеніемъ умирающаго на полъ, на землю или на солому, въ томъ убѣжденіи, что на постели онъ нелегко разстается съ душой, иногда же вовсе умереть не можетъ.

Какъ скоро человѣкъ скончался, немедленно отворяли окно, на которое иногда ставили чашку съ водою, чтобы душа могла умыться и улетѣть. Славянскія преданія вообще связываютъ существо души съ элементомъ воды; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси обмываютъ умирающаго еще заживо, и даже думаютъ, что дѣлать это послѣ кончины грѣшно. Впрочемъ, душа не удаляется отъ тѣла до исполненія погребальнаго обряда и даже возвращается въ домъ по его совершеніи, почему въ Галичинѣ на окно ставятъ кружку съ водой и хлѣбъ для покорма души. Породнивъ душу съ огнемъ, народная мысль выразила это и въ обычаѣ поставлять при усопшемъ свѣчу; у чеховъ и у галичанъ онъ продолжается донынѣ; въ другихъ мѣстахъ влагаютъ возженную свѣчу въ руки умершему.

Съ кончиной кого-нибудь, въ домѣ прекращается работа, чтобы не нарушить покоя усопшаго; потребности живыхъ уступаютъ мѣсто исполненію долга къ усопшему: одни заботятся о томъ, чтобы *опрятать* его и снарядить въ *далекій* путь, другіе идутъ возвѣстить событіе смерти тому округу, которому принадлежалъ покойникъ.

Опрятываніе покойника имѣло цѣлью удовлетворить его загробныя потребности, которыя, по понятіямъ языческой старины, ни въ чемъ не отличались отъ потребностей земной жизни: вѣря, что мертвецъ продолжаетъ жизнь, люди снабжали его всѣмъ необходимымъ какъ для того, чтобъ онъ могъ безпрепятственно совершить далекій путь и достигнуть страны отцовъ, такъ и для довольства существованія, чтобы онъ не

почувствовалъ нужды и лишеній и имѣлъ все, что пріобрѣлъ своимъ трудомъ и чѣмъ владѣлъ въ земной жизни.

Какъ въ славянской древности совершалось опрятываніе мертвеца, можно судить и по краткому извѣстію Ибнъ-Фодлана и по многимъ народнымъ обычаямъ. По смерти русскаго купца, тѣло его вынесли изъ дому, опустили въ особую могилу съ крышею и занялись приготовленіями къ погребенію, шитьемъ платья и заботой о будущей женѣ покойника; всѣмъ этимъ распоряжалась особая старуха, главное лицо погребальнаго обряда. Очень много разнообразныхъ обычаевъ опрятыванія сохранилось въ современномъ бытѣ славянскихъ племенъ. Это дѣло кое-гдѣ и донынѣ состоитъ въ вѣдѣніи особой старухи: она умываетъ усопшаго, одѣваетъ его въ лучшую одежду и у словинцевъ сторожитъ его цѣлую ночь. Со всевозможною заботливостью снаряжаютъ простолюдины-славяне своего покойника; особенно наблюдается, чтобы онъ былъ снабженъ *платкомъ* и *монетою*; первый повязываютъ на шеѣ, или за поясомъ, вторую влагаютъ въ руку мертвеца или завязываютъ въ тотъ же платокъ. При этомъ монета, очевидно, имѣетъ значеніе платы проводнику и перевозчику небесному, который переправляетъ душу черезъ великій потокъ или воздушное море; что же касается платка или полотенца, которое даютъ покойнику, то можно полагать что и его назначеніе было не иное: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ не полотномъ могъ заплатить покойникъ небесному перевозчику въ ту эпоху славянской жизни, когда еще не существовало монеты, какъ представителя цѣнности? Обычай перевозной платы наблюдается почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, но у нѣкоторыхъ онъ выродился въ странное обыкновеніе закрывать деньгами глаза усопшаго; у другихъ монета бросается въ гробъ или могилу при самомъ погребеніи.

Опрятавъ мертвеца, его клали на лавку, или усаживали на особомъ мѣстѣ. Затѣмъ присутствовавшіе, родные и близкіе покойника, начинаютъ обрядъ прощанія. Къ нему приготовляется хлѣбъ и вино, люди *пьютъ чашу на добрую дорогу* усопшему. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что у русскихъ язычниковъ одна часть имущества назначалась именно на покупку напитка. Въ современномъ бытѣ поселянъ, почти у всѣхъ племенъ, вино, питье чаши составляетъ предметъ первой необходимости. Такую же важную роль имѣетъ въ погребальныхъ обычаяхъ и хлѣбъ. Обычай осыпать жилище и особенно мѣсто, гдѣ лежалъ мертвецъ, зерновымъ хлѣбомъ существуетъ у простолюдиновъ Червонной и Малой Руси; онъ имѣетъ, конечно, очистительное значеніе: жизнь (жито) возвращала силу тому, что осквернялось прикосновеніемъ смерти. Такимъ образомъ прощаются съ усопшимъ, желая ему счастливаго пути.

Душа мертвеца, по понятіямъ славянскаго язычества, слѣдовала за тѣломъ. По вѣрованію болгаръ, душа, въ образѣ птички или бабочки, летитъ за тѣломъ до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребенія; по совершеніи его, она отправляется со своимъ проводникомъ въ далекій путь; мазуры также думаютъ, что до погребенія душа находится вблизи тѣла и даже бываетъ видима; за гробомъ она слѣдуетъ и улетаетъ по окончаніи обряда. На основаніи такого вѣрованія провожающіе мертвеца бросаютъ на встрѣчный перекрестокъ или границу пучекъ соломы, чтобы душа могла отдохнуть.

Отсюда становится яснымъ важное значеніе погребальнаго обряда

у языческихъ славянъ: онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться; иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга.

Изъ глубочайшей древности доносятся къ намъ глухіе отголоски, позволяющіе думать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы: тамъ кое-гдѣ и теперь хоронятъ некрещенныхъ младенцевъ; тамъ, по повѣрьямъ, живутъ домашніе пенаты—покровители, которыми становились души предковъ; примѣръ прочихъ народовъ какъ-будто даетъ поддержку этой догадкѣ; ничего несогласнаго съ понятіями языческой жизни не имѣетъ она и сама по себѣ, ибо мощи родителей составляли домашнюю святыню, на которой основывалось благосостояніе дома.

Балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ по лѣсамъ и полямъ: по лѣсамъ—въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста, по полямъ же—кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ понятіемъ можно объяснить и замѣченный нашимъ лѣтописцемъ русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ *на путяхъ*, ибо пути были межею поземельной собственности, а пограничными стражами ея стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Потому кажется, что въ славянской языческой сторонѣ не было опредѣленнаго обычая хоронить мертвецовъ на общемъ кладбищѣ: кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, неимѣющихъ ни роду, ни племени. Археологическія раскопки подтверждаютъ это мнѣніе: могилы славянскихъ земель стоятъ или одиночно, или группами (семейными); кладбища встрѣчаются рѣдко.

„Рабу не оказываютъ погребальной почести, бѣднаго человѣка погребаютъ просто, но когда умретъ какой-нибудь знатный, его хоронятъ торжественно, вмѣстѣ съ имуществомъ, слугами и женой". Вотъ общій, предварительный выводъ, какой можно сдѣлать о характерѣ погребальнаго обряда языческой славянской старины. Разсмотримъ теперь частные порядки погребальнаго обряда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у языческихъ славянъ рабы не получали той погребальной почести, какую оказывали человѣку свободному. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что русскіе, въ случаѣ естественной смерти раба, вовсе не заботились о немъ и оставляли его на произволъ судьбы. Явленіе было совершенно въ порядкѣ древняго быта: погребальный обрядъ имѣлъ цѣлью обезпечить будущее существованіе покойника; что же могло вызвать такую заботу о рабѣ-иноплеменникѣ, который при своей жизни цѣнился только, какъ рабочее орудіе или предметъ торговли? Могла вызвать такую заботу мысль о необходимости погребальнаго обряда для *человѣка* вообще, но юныя племена не доросли до этой мысли. Рабы включались въ погребальный обрядъ, но на столько, на сколько входили въ него и всѣ прочіе предметы домашняго хозяйства: они предавались смерти, погребались вмѣстѣ съ свободнымъ покойникомъ для того, чтобы и въ загробной жизни служить его нуждамъ и потребностямъ; такъ Ибнъ-Фодланъ передаетъ, что у русскихъ съ умершимъ сожигались обыкновенно отроки или рабыни; Массуди говоритъ то же о сербахъ и болгарахъ дунайскихъ. Обычай погребать заживо отроковъ

и дѣвушекъ съ ихъ господиномъ у Ибнъ-Фодлана является уже въ смягченной формѣ: у нихъ предварительно спрашиваютъ на то согласія: но въ болѣе отдаленную и грубую старину, конечно, обходились безъ этого и не требовали добровольнаго согласія.

Но не одни рабы шли въ могилу за господиномъ: шла туда и *порабощенная* жена за владыкою—мужемъ; мы не можемъ иначе объяснить этого варварскаго обычая, какъ крайнимъ общественнымъ порабощеніемъ женщины, которое отозвалось и ея порабощеніемъ умственнымъ. Маврикій и св. Бонифацій объясняютъ это обыкновеніе преданностью къ мужу, чистотою нравовъ народныхъ и сознаніемъ безпомощнаго состоянія вдовы по смерти мужа: такая безграничная преданность жены едва-ли могла существовать у народа, живущаго въ формахъ полигаміи; равнымъ образомъ сознаніе безпомощности положенія вдовы едва-ли одно могло довести женщину до самопожертвованія, здѣсь, очевидно, дѣйствовала мысль болѣе сильная и рѣшительная: женщина думала, что она создана только для мужа, какъ созданъ рабъ для господина; она вѣрила, что только черезъ мужа, т. е. вмѣстѣ съ нимъ, она можетъ войти въ рай и блаженствовать. Чтобы дойти до такого понятія, чтобы увѣрить себя въ собственномъ ничтожествѣ и рабскомъ назначеніи, необходимо пережить цѣлые вѣка самой тяжелой и унизительной жизни, необходимо чувствовать полную и постоянную зависимость отъ мужа. Умиралъ мужъ—должна была умереть и жена, и не потому только, что существованіе ея оказывалось совершенно лишнимъ, но и потому, что оно было необходимо для умершаго мужа: владѣлецъ бралъ съ собою собственность ради удовлетворенія собственныхъ потребностей. Обычай славянскихъ женщинъ умирать на гробѣ мужа засвидѣтельствованъ древними и несомнѣнными источниками: онъ существовалъ почти у всѣхъ славянскихъ племенъ: и теперь, кажется, память о немъ, какъ неясный сонъ, видиѣется въ народныхъ понятіяхъ и въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи. Болгары думаютъ, что мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ и по смерти, потому женщины рѣдко выходятъ во второй разъ замужъ, а равно и дѣвушка рѣдко выходитъ за вдовца: она останется одинокою на томъ свѣтѣ, потому что мужа отниметъ первая жена; то же думаютъ и сербы.

По извѣстію Массуди, если у славянъ и русскихъ кто умираетъ холостъ, его женили по смерти. Основываясь на этомъ показаніи, можно догадываться, что русскіе купцы въ Булгарѣ, обычаи которыхъ описалъ Ибнъ-Фодланъ, выдавали замужъ дѣвушку за своего покойника. Какъ отголосокъ этого обычая, должно, кажется, признать слѣдующія обыкновенія: въ Малороссіи умершую дѣвушку наряжаютъ, какъ подъ вѣнецъ, и къ погребальному обряду присоединяются свадебные; то же дѣлаютъ и при смерти парубка. Самое уподобленіе смерти браку, столь обычное въ народной поэзіи, какъ бы указываетъ, что старина не находила страннымъ такое соединеніе двухъ разнородныхъ житейскихъ событій: для нѣкоторыхъ смерть была, дѣйствительно, бракомъ!

Частности похороннаго славянскаго обряда зависѣли отъ состоянія и образа жизни покойника: богатый и знатный хоронился богато, бѣдный же—просто, съ удовлетвореніемъ только первыхъ необходимостей загробной жизни. Воинъ погребался съ воинскою обстановкой, земледѣлецъ—съ земледѣльческою. Однимъ словомъ, загробный міръ,

жизнь въ немъ и ея условія въ понятіяхъ язычниковъ были тѣ же, что и на землѣ.

Неизвѣстно съ точностью, когда у славянъ совершалась погребальная *тризна*: передъ началомъ обряда, или по окончаніи его. Держась письменныхъ свидѣтельствъ, должно принять первое. Тризна отличалась отъ поминокъ: она была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристанія, игры или битвы. О такомъ воинственномъ характерѣ обычая свидѣтельствуютъ многіе источники древности. Тризна могла родиться не иначе, какъ среди воинскаго быта: только воину прилично отдавать прощальную честь усопшему собрату воинской игрой или битвой; племена мирныя не знаютъ тризны и обходятся вмѣсто нея мирными поминками; потому, кажется, не всѣ славяне имѣли этотъ обычай, какъ не всѣ были воинами: исторически засвидѣтельствовано существованіе его у русскихъ и у чеховъ. Съ теченіемъ времени обычай тризны слабѣлъ, такъ что въ современныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ почти не сохранилось его отголосковъ: онъ уступилъ мѣсто *стравѣ*, или поминкамъ, которыя совершались въ заключеніе погребальнаго обряда.

Несомнѣнныя свидѣтельства древности указываютъ на два способа славянской погребальной почести: погребеніе въ собственномъ смыслѣ, т. е. похороны въ землѣ безъ сожженія, и сожженіе съ погребеніемъ праха. По свидѣтельствамъ древности видно, что въ позднѣйшую эпоху язычества не только у различныхъ славянскихъ племенъ, но и у одного и того же племени и у различныхъ вѣтвей его одновременно употребляются разные погребальные обычаи, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ исторической преемственности; равнымъ образомъ нѣтъ и слѣдовъ того, что такая разница зависѣла, какъ полагали нѣкоторые ученые, отъ разности религіозныхъ понятій племенъ или матеріальнаго достатка покойниковъ. Напротивъ, религіозныя понятія кривичей и сѣверянъ едва-ли въ чемъ отличались отъ понятій древлянъ, а между тѣмъ эти племена имѣютъ различные обычаи погребенія; богатство же или бѣдность усопшихъ опредѣляли не самый обрядъ, но его внѣшнюю обстановку: бѣднякъ также сожигался, какъ богатый, послѣдній былъ также погребаемъ въ землѣ, какъ первый. Тѣмъ не менѣе, причина различія должна была существовать, и ее можно предугадывать. Мы знаемъ, что еще въ эпоху глубокой древности возникъ и распространился обычай сожженія тѣлъ, но что онъ не исключалъ совершенно старѣйшаго обычая погребенія въ землѣ, а бытовалъ совмѣстно съ нимъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что иначе было и въ послѣдующее время: еслибы сожженіе окончательно вытѣснило похороны въ землѣ, то христіанство застало бы первый обычай повсемѣстнымъ, а этого не было; наоборотъ,— если-бы погребеніе въ землѣ пересилило обычай сожженія, то христіанство не могло бы застать сожженія. Остается полагать, что какъ погребеніе въ землѣ, такъ и сожженіе бытовали совмѣстно и одновременно съ древнѣйшей эпохи до самой поры распространенія христіанства. Что такой фактъ, дѣйствительно, существовалъ, на это есть прямыя доказательства; при раскопкахъ нерѣдко встрѣчаютъ разные обычаи въ одной и той же могилѣ: возлѣ *сожженнаго* лежатъ иногда останки *погребеннаго*. По всему этому можно дозволить себѣ догадку, что развитіе двухъ способовъ погребенія въ славянской языческой древности было различіемъ не вѣрованій и исторической жизни, а различіемъ преданія, хранившагося съ

незапамятной древности въ отдѣльныхъ семьяхъ и родахъ. Союзъ семей различнаго преданія черезъ женитьбу можетъ служить объясненіемъ, почему одна и та же могила иногда принимала какъ сожженные, такъ и несожженные останки усопшихъ.

Покойнику погребаемому приготовляли посмертное жилище или домъ: вырывали въ землѣ могилу на подобіе просторной комнаты и полагали туда мертвеца.

Намъ неизвѣстенъ способъ устройства могилы, но можно предполагать, что онъ зависѣлъ отъ состоянія покойниковъ: бѣдные прямо опускались въ землю, для болѣе богатыхъ усыпальница отстраивалась деревомъ или камнемъ. Такого рода могилы, дѣйствительно, находятся на пространствѣ, занятомъ славянскимъ племенемъ. Усопшаго полагали или просто, или въ особомъ помѣщеніи, въ выдолбленной колодѣ или ладьѣ. О послѣдней говоритъ Ибнъ-Фодланъ, хотя въ примѣненіи къ покойникамъ *сожигаемымъ*. Имѣя однако въ виду указаніе первоначальной лѣтописи, позволительно думать, что ладью иногда давали и *погребаемымъ*. Мысль язычниковъ не стѣснялась непослѣдовательностью: и погребаемый въ землѣ могъ, по ихъ понятіямъ, воспользоваться ладьею для отплытія въ страну отцовъ, лежащую за моремъ.

Усопшій, котораго сожигали, не нуждался въ вырытой могилѣ: ему, какъ видно изъ Ибнъ-Фодлана, строили иное жилище: ладью подымали на столбы или костеръ, на нее ставили смертное ложе, убирали его, раскидывали надъ нимъ шатеръ, и на ложе полагали снаряженнаго покойника. Людей бѣдныхъ просто сожигали въ ладьѣ или на кострахъ. Такъ было у русскихъ язычниковъ.

Полагая, что усопшій и за гробомъ продолжаетъ ту же жизнь, языческая славянская старина равно надѣляла, какъ погребаемыхъ, такъ и сожигаемыхъ всѣмъ необходимымъ для будущаго существованія: жены, рабы, домашнія животныя, одежда, украшенія и оружіе, домашняя утварь, яства и питья и вообще всѣ предметы житейской необходимости, житейскихъ занятій и симпатій покойника полагались ему въ могилу. Предметы назначались для прямого удовлетворенія нуждъ усопшаго и для того, чтобы облегчить ему переходъ въ вѣчность. Покойнику давали и молотъ, вѣроятно, по связи этого символа молніи съ представленіемъ души и ея посмертнаго мѣстопребыванія.

Показанія византійскихъ и арабскихъ писателей и „Повѣсти временныхъ лѣтъ" о томъ, что славяне надѣляли покойниковъ имуществомъ, находятъ полное оправданіе въ другихъ источникахъ древности. Археологическія раскопки свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ распространеніи этого обычая: могила безъ житейскихъ предметовъ—рѣдкость и исключительный случай въ археологическомъ мірѣ; она указываетъ на полную бѣдность и круглое сиротство усопшаго. Нѣкоторыя могилы предлагаютъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ.

Изъ Ибнъ-Фодлана видно, что обрядъ сожженія происходилъ при громѣ палицъ въ щиты; при громѣ небесномъ, по народнымъ повѣрьямъ, отворялись небеса—рай. Подражая небесному явленію, наивное вѣрованіе думало отворить двери рая для новаго пришельца, точно такъ, какъ оно и теперь думаетъ, что душа человѣка, убитаго громомъ, войдетъ въ

рай, что случайный громъ при погребеніи обозначаетъ отвореніе небесныхъ воротъ для принятія души.

Надъ домомъ усопшаго *погребеннаго* насыпали холмъ, который долженъ былъ увѣковѣчить его память; останки же *сожженнаго* на другой день собирались въ сосудъ и ставились на холмѣ. Такъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Даста относительно славянъ. По словамъ же Ибнъ Фодлана, вслѣдъ за сожженіемъ на жаровищѣ былъ насыпанъ круглый холмъ, который и скрылъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства взаимно пополняютъ другъ друга. Извѣстіе Ибнъ-Фодлана о насыпаніи холма вполнѣ подтверждается археологическими раскопками.

По возвращеніи домой участники погребальнаго обряда подвергались очищеніямъ отъ слѣдовъ общенія со смертью. Главными очистительными элементами являются огонь и вода: въ южнославянскихъ земляхъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются; на Руси—берутся руками за печь или заглядываютъ въ нее. За очищеніемъ слѣдовали поминки, въ которыя непремѣнно входитъ питье чаши вина въ память покойника и поминальный пиръ, иногда состоящій изъ особенныхъ жертвенныхъ яствъ.

Подобно прочимъ народамъ, и славяне въ язычествѣ чтили усопшихъ: они видѣли въ нихъ боговъ-покровителей, домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, родного крова и семейной собственности. Слѣды такой вѣры до сихъ поръ еще ясны въ многочисленныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ славянскихъ племенъ. *Чуръ, домовой, вилы, русалки,* цѣлая толпа предковъ-пенатовъ подъ именемъ *людковъ, кроснятъ, шетковъ*—встарину стояли въ гораздо болѣе близкомъ общеніи съ семьей, чѣмъ нынѣ: они были предметомъ благочестиваго чествованія, имъ приносились жертвы и покормы. Какъ высоко чтили славяне своихъ покойниковъ, видно изъ того, что ихъ останки были святыней, надъ которой производилась присяга; къ могилѣ, хранившей мощи покойниковъ, прибѣгали въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причитаніями.

Угощенія усопшихъ покормомъ и поминки по нихъ совершались сначала на 3-й, 6-й, 9-й и 40-й день по погребеніи, потомъ періодически: въ день смерти покойника — частныя его поминки и весною— поминки общія всѣхъ *родителей.* На Руси праздникъ усопшихъ носитъ названіе *Радуницы,* т. е. обѣта.

Весеннія поминки усопшихъ были столько же грустнымъ, сколько и веселымъ празднествомъ: мысль о смерти родныхъ требовала плача; вѣра, что усопшіе низошли на землю и принимаютъ участіе въ жизни близкихъ, вызывала радостное чувство, и оно выражалось игрой, обрядовой пляской и веселыми пѣснями. Игры въ честь предковъ совершались, такъ сказать, въ ихъ присутствіи, на распутьяхъ, потому что самыя жилища ихъ, хранители семейныхъ полей, стояли на *межахъ,* возлѣ которыхъ шли пути и встрѣчались раздорожья. Прошло много вѣковъ, жилища старыхъ боговъ-терминовъ стали чуждыми чувству человѣка, заглохли и часто сравнялись съ землею; но, привыкнувъ праздновать память отцовъ на мѣстахъ путей, простолюдинъ и до сихъ поръ съ понятіемъ перекрестковъ соединяетъ много суевѣрныхъ преданій.

XI. РУССКІЕ ИНОРОДЦЫ.

(Изъ „Русской Исторіи" Бестужева-Рюмина, т. I).

Въ эпоху основанія Русскаго государства на его теперешней территоріи рядомъ съ племенами славянскими живутъ племена другого происхожденія: финны, тюрки, литва. Часть этихъ племенъ существуетъ еще до сихъ поръ; другія исчезли или замѣнены новыми выходцами, или слились, главнымъ образомъ, съ славянами, преимущественно въ Великой Россіи. Великоруссы, какъ всѣ великіе историческіе народы—римляне, англичане, французы,—являются народомъ смѣшаннымъ. Славянская колонизація сѣвера и сѣверо-востока, начавшаяся еще во времена доисторическія, успѣла мало-по-малу отождествить съ собою разрозненныя финскія племена. Ни лѣтописи, ни преданія не знаютъ ни общаго истребленія финскихъ племенъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зналъ ихъ первоначальный лѣтописецъ, ни общаго переселенія ихъ оттуда, а между тѣмъ современный этнографъ не находитъ ихъ на этихъ мѣстахъ; стало быть, они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерожденіе это началось въ эпоху доисторическую и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говоритъ въ пользу сравнительно мирныхъ нравовъ нашихъ предковъ.

Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ теперешней Россіи населенъ былъ въ древности племенами финскими, которыя нашими предками назывались чудью. Писатели классической древности знаютъ чудскія племена сначала подъ разными именами (антропофаги, меланхлены и нѣкоторыя другія племена Геродота могли быть, какъ многіе думаютъ, финнами), а потомъ подъ ихъ германскимъ названіемъ: финны. Подъ этимъ именемъ Тацитъ такъ описываетъ ихъ состояніе: „у финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ; ихъ пища—трава, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково и мужчинъ, и женщинъ, которыя всюду сопровождаютъ мужей и требуютъ себѣ части добычи; дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ, они достигли труднодостижимаго: они ничего не желаютъ". Позднѣе скандинавскія саги знаютъ финновъ, какъ колдуновъ и ковачей оружія. Скандинавскіе путешественники упоминаютъ объ эстахъ и финнахъ; Адамъ Бременскій—о Чуди, Веси, Мерѣ. Но самыя важныя свѣдѣнія для этнографіи чудскихъ народовъ даетъ нашъ первоначальный лѣтописецъ: „На Бѣлоозерѣ сѣдятъ Весь, говоритъ онъ, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещикѣ озерѣ Меря-же; по Оцѣрѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиса свой языкъ, Мордва свой языкъ". Далѣе, исчисляя народы, платящіе дань Руси, онъ указываетъ слѣдующія чудскія племена: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Ливъ. Не менѣе, если не болѣе, важны были бы разсказы восточныхъ писателей; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія критики, еще многое

въ этихъ разсказахъ кажется темнымъ, непонятнымъ, а нерѣдко и баснословнымъ. „Царь болгаровъ (жившихъ у Оки и Волги) разсказывалъ Ибнъ-Фодлану, что за его землею, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, есть народъ, называемый Вису (Весь), у котораго ночь иногда продолжается всего часъ"; „По Волгѣ,—говоритъ Якутъ въ своемъ словарѣ, компиляціи XII в.,—купцы ѣдутъ до Вису и везутъ оттуда много мѣховъ: бобровъ, соболей и бѣлокъ". Какъ производилась эта торговля, разсказываетъ Казвини, писатель XIII в. Болгаре приносятъ свои товары для продажи, и каждый, означая свой товаръ знакомъ, оставляетъ его здѣсь. Потомъ онъ приходитъ опять и находитъ на томъ же мѣстѣ товаръ, употребляемый въ его землѣ. Если онъ имъ доволенъ, то, оставляя свой, беретъ взамѣнъ его товаръ, оставленный туземцами; если же нѣтъ, то беретъ свой товаръ. Чтобы отвадить другіе народы торговать съ Весью, болгаре пустили въ ходъ сказку, которая повторялась еще въ XIV в.: „Обитатели Вису,—говорили они,—не ходятъ потому въ землю болгаръ, что какъ только они придутъ, то воздухъ измѣняется и наступаетъ такой холодъ, что, хотя бы это было лѣтомъ, гибнутъ растенія". О буртасахъ любопытныя извѣстія сообщаетъ Ибнъ-Даста: „Буртасы выставляютъ въ поле 10,000 всадниковъ; но нѣтъ у нихъ верховнаго главы, который управлялъ бы ими, и власть котораго признавалась бы законною; есть у нихъ въ каждомъ селеніи только по одному или по два старшины, къ которымъ обращаются они за судомъ въ своихъ распряхъ. Настоящимъ образомъ подчиняются они только царю хозаръ". Кажется, что и другія финскія племена остановились на такой же степени разноплеменности, и таковы были, вѣроятно, мордовскіе князья, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи XIV в., и вогульскіе, встрѣчающіеся позднѣе: и тѣ, и другіе, вѣроятно, были только старшинами селеній. „Занимаются они земленашествомъ, но главное ихъ богатство составляютъ медъ, куньи мѣха и мѣха вообще", какъ говоритъ тотъ-же писатель. Извѣстно, что изъ земли буртасовъ вывозили чернобурыхъ лисицъ.

Сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Европейской Россіи отъ Двины и, вѣроятно, до Уральскихъ горъ занимала знаменитая въ сѣверныхъ сагахъ Біармія. Множество находокъ, дѣлаемыхъ въ нынѣшней Пермской губерніи, свидѣтельствуетъ, что нѣкогда страна эта была важнымъ торговымъ центромъ. Первое извѣстіе о Біарміи сообщаетъ норвежецъ Отеръ, бывшій въ службѣ у короля Альфреда въ IX в. Послѣ продолжительнаго плаванія, Отеръ съ своими спутниками вошелъ въ устье Большой рѣки (Двины),—до сихъ поръ онъ видѣлъ по берегу только разсѣянныхъ рыбаковъ и звѣролововъ—финновъ. „Біармійцы многочисленны въ своей землѣ, отчего онъ не осмѣлился, ни самъ выйти, ни своихъ пустить на берегъ". Много разсказывали они ему о своей землѣ и объ окружающихъ странахъ, но онъ не знаетъ, что въ этихъ разсказахъ правда, ибо не видалъ своими глазами. Что касается до языка, то ему кажется, что у бармійцевъ одинъ языкъ съ финнами. Онъ пріѣхалъ въ эту землю не только для познанія ея, но и для добыванія моржей, которыхъ зубы превосходны—нѣсколько зубовъ получилъ король въ подарокъ,—и кожа которыхъ удобна для дѣланія канатовъ. Съ тѣхъ поръ викинги нормандскіе часто стали посѣщать Біармію, прославленную въ сагахъ богатствомъ золота и серебра (вспомнимъ „закамское серебро" нашихъ лѣтописей и чудскія копи).

Къ сожалѣнію, въ смутныхъ извѣстіяхъ о Біарміи мы не находимъ ничего опредѣленнаго ни объ общественномъ бытѣ, ни о государственномъ устройствѣ (о другихъ финнахъ мы знаемъ, что они жили въ разрозненности племенного быта), ни о религіи: только одно имя Юмалы доказываетъ намъ, что это общефинское божество неба было чтимо и въ Біарміи. Вопросъ о финской миѳологіи болѣе сложенъ, чѣмъ онъ кажется съ перваго взгляда: у большей части финскихъ народовъ мы встрѣчаемся съ самыми первоначальными формами миѳологіи, со страхомъ передъ внѣшними явленіями, который, быть можетъ, не безъ содѣйствія окружающей природы, создалъ обширную демонологію. Академикъ Шифнеръ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе: „Западныя вѣтви финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста своего жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія, но узнали и приняли готовое только тогда, когда пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами индо-германскаго племени, опередившими ихъ въ образованіи. Что же до тѣхъ поръ имѣли у себя финскіе народы, то было немного выше шаманства, или, по крайней мѣрѣ, ограничивалось какимъ-нибудь числомъ стихійныхъ существъ". При такомъ положеніи дѣла становится яснымъ подчиненіе финскаго элемента славянскому, хотя, конечно, и при подчиненномъ своемъ положеніи онъ не остался безъ извѣстной доли вліянія.

По Волгѣ и Камѣ въ эпоху образованія Русскаго государства существовало государство Болгарское, сложенное изъ элементовъ тюркскихъ, финскихъ, а можетъ быть, отчасти и славянскихъ. Поселеніе болгаръ на Волгѣ относится, вѣроятно, къ очень давнему времени; отдѣлившаяся отъ нихъ орда тѣснила еще въ V в. славянъ въ степяхъ черноморскихъ и гнала ихъ на территорію Византійской имперіи; въ концѣ V в. эти болгары начали сами дѣлать нападенія на грековъ; отъ нихъ въ V в. императоръ Анастасій построилъ стѣну, которой назначеніе было охранять Царьградъ; въ VI в. ихъ покорили авары. Въ царствованіе Ираклія (610—641) они освободились отъ власти аваровъ, и въ 668 г., подъ начальствомъ Аспаруха, одна изъ ордъ ихъ заняла Буджакъ, отсюда мало-по-малу распространилась по Мизіи и основала здѣсь, между славянскими племенами, царство Болгарское. Между тѣмъ, единоплеменники ихъ оставались на Волгѣ, распространяясь иногда до Каспійскаго моря, которое у насъ извѣстно было подъ именемъ Хвалисскаго—отъ болгарскаго племени хвалисовъ. Точныхъ свѣдѣній о болгарахъ волжскихъ мы не имѣемъ до 922 г., когда царь болгарскій Алмусъ (Альмушъ) принялъ исламъ, для чего отправлялъ посольство къ калифу Муктадиру съ просьбою прислать людей, свѣдущихъ въ законѣ, и архитекторовъ для построенія мечети и крѣпости, гдѣ онъ былъ бы безопасенъ отъ нападенія враждебныхъ царей. Съ отвѣтомъ отъ калифа ѣздилъ въ Болгарію Ибнъ-Фодланъ, оставившій описаніе своего посольства. Послы ѣхали изъ Урженджа (Хивы) 70 дней (что составляетъ около 2500 верстъ); болгары ихъ встрѣтили съ большимъ почетомъ: на встрѣчу вышли дѣти и братья царя и 4 подвластныхъ ему царя, неся хлѣбъ, мясо и просо; царь самъ встрѣтилъ ихъ за 8 верстъ отъ своего жилища, онъ угостилъ ихъ обѣдомъ въ своей палаткѣ и самъ раздавалъ куски мяса. „Таковъ тамъ обычай,—говоритъ Ибнъ-Фодланъ,—что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска, и тогда уже тому, кто получилъ кусокъ, подаютъ

особый столъ"; на торжественной аудіенціи съ царемъ рядомъ сидѣла царица.

Многое поражаетъ Ибнъ-Фодлана въ странѣ болгаръ: и сѣверное сіяніе, и краткость ночи, и обычаи земли. Встрѣчаясь съ царемъ, всякій болгаринъ снимаетъ шапку и кладетъ ее подъ мышку; ему кланяются въ поясъ; купаются вмѣстѣ мужчины и женщины, но строго наказываютъ за прелюбодѣяніе: „Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачиваютъ въ землю, и топоромъ ему разсѣкаютъ тѣло отъ шеи до бедра. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ женщинами. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Вора наказываютъ такимъ же образомъ". По другому арабскому извѣстію, убійцу „запирали въ ящикъ изъ дерева халенджъ (береза) и вѣшали на высокій шестъ, гдѣ онъ и умиралъ отъ жара или холода". Ибнъ-Фодланъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее странное извѣстіе: „Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ: „ему въ пору служить Богу"; потомъ схватываютъ его, вѣшаютъ на дерево и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадается на части". В. Григорьевъ полагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о знахаряхъ. Подобное толкованіе можетъ быть подкрѣплено разсказомъ Абу-Хамидъ-Андалузи (посѣтившаго Болгарію въ XII в.) объ обращеніи болгаръ съ вѣдьмами: „Каждыя 20 лѣтъ,—говоритъ этотъ путешественникъ,—старухи въ этой странѣ заподозрѣваются въ колдовствѣ, что производитъ сильное волненіе въ народѣ. Тогда собираютъ старыхъ и, связавъ имъ руки и ноги, кидаютъ въ большую рѣку, тамъ протекающую. Которая выплыветъ, ту считаютъ колдуньею и сожигаютъ; которая же станетъ тонуть, ту объявляютъ невинною и освобождаютъ". Наши лѣтописи различаютъ разные роды болгаръ: волжскіе, серебряные, или нукратскіе (по Камѣ), чермшанскіе, хвалисскіе. „Пища болгаръ,—говоритъ Ибнъ-Фодланъ,—состоитъ большею частью изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменя родится очень много". Болгары—народъ земледѣльческій,—говоритъ Ибнъ-Даста,—и воздѣлываютъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ-то: ячмень, просо и другіе". Главнымъ ихъ занятіемъ, впрочемъ, была торговля: „Хозары ведутъ торгъ съ болгарами,—говоритъ Ибнъ-Даста,—равнымъ образомъ и Русь привозитъ къ нимъ свои товары. Везутъ къ нимъ товары свои всѣ изъ нихъ (руссовъ), живущіе по обоимъ берегамъ упомянутой рѣки; товары же эти суть мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и другіе". „Главное ихъ богатство,—говоритъ тотъ же писатель,—составляетъ куній мѣхъ". Чеканной монеты у нихъ своей нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха. Каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиною (45 к.). Крупные серебряные диргемы приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ путемъ мѣны за ихъ товары". „Если кто нибудь изъ нихъ, —говоритъ Абу-Хамидъ-Андалузи,—ведетъ торговлю съ иностранцами и обанкрутится, то продаютъ его жену, дѣтей, жилище и его самого, чтобы удовлетворить претензіи иностранца". Воинскіе подвиги также не чужды были болгарамъ: „Отъ земли буртасовъ,—говоритъ Ибнъ-Даста,—до земли болгаръ три дня пути. Послѣдніе производятъ набѣги на первыхъ, грабятъ ихъ и въ плѣнъ уводятъ. Болгары ѣздятъ верхомъ, носятъ кольчуги и упо-

треблююшъ острое оружіе“. Враждебныя столкновенія болгаръ съ русскими случались также нерѣдко.

На югѣ нынѣшней Россіи въ IX в. владычествовали хозары. Происхожденіе хозаръ довольно темно, хотя большинство изслѣдователей считаетъ ихъ тюрками. Достовѣрныя извѣстія о хозарахъ восходятъ ко II в. по Р. Х., когда они жили между морями Чернымъ и Каспійскимъ, и вели войны съ армянами; пашествіе гунновъ постигло и хозаръ, которые покорились имъ. Освободившись отъ гунновъ, хозары начинаютъ славиться своими воинственными подвигами: въ VI в. персидскій царь Кобадъ оградилъ сѣверную границу Ширвана большимъ валомъ отъ нападенія хозаръ, а сынъ его Хозрой построилъ стѣну. Съ VII в. начинаются болѣе тѣсныя, то враждебныя, то дружескія, сношенія хозаръ съ Византійскою имперіею; они помогали Ираклію въ войнѣ съ персами; въ томъ же вѣкѣ подчинили они себѣ болгаръ и овладѣли Таврическимъ полуостровомъ, гдѣ находилъ у нихъ убѣжище Юстиніанъ II, женившійся на сестрѣ кагана; въ VII в. вели хозары 70-ти-лѣтнюю войну съ калифатомъ, въ которой, по большей части, терпѣли неудачи; а между тѣмъ, на сѣверѣ власть ихъ усилилась, и они подчинили себѣ въ IX в. разныя славянскія племена: полянъ, сѣверянъ, вятичей и радимичей, о чемъ свидѣтельствуетъ нашъ первоначальный лѣтописецъ. Новые выходцы изъ-подъ Урала, печенѣги, заставили хозаръ принимать средства обороны: противъ нихъ, съ помощью византійцевъ, построили хозары Саркелъ (Бѣлую Вѣжу). Нападеніе печенѣговъ, усиленіе русскихъ князей, въ особенности походы Святослава и Мстислава Удалого, разрушили хозарское государство; но остатки хозаръ еще долго существовали въ Крыму и на Кавказѣ.

Хозары были народъ полуосѣдлый, подобно болгарамъ: „Зимою мѣстное населеніе,—говоритъ Ибнъ-Даста,—живетъ въ городахъ, съ наступленіемъ же весны выходитъ изъ нихъ въ степи, гдѣ и остается до приближенія зимы“. „Въ мѣсяцѣ нисанѣ (апрѣлѣ),—пишетъ хозарскій царь,—оставляемъ мы городъ, и каждый отправляется въ свое поле и огородъ, который и воздѣлываетъ, ибо у каждаго семейства своя вотчина, въ которую онъ и отправляется весело и радостно... Я же съ моими вельможами и слугами кочую по пространству 20 парасанговъ до великой рѣки Арзакъ“. Главный городъ хозаръ назывался Итиль и стоялъ близко отъ того мѣста, гдѣ теперь Астрахань. Городъ этотъ, по описанію царя хозарскаго, Іосифа, сличенному съ арабскими писателями, состоялъ изъ трехъ частей: двухъ—по обоимъ берегамъ рѣки и третьей—на островѣ; въ этой послѣдней жилъ самъ царь съ своими вельможами и слугами. Народонаселеніе города было разноплеменное и разновѣрное, вслѣдствіе чего хозары для людей каждой вѣры установили особыхъ судей. „Учреждено семь судей,—говоритъ Масуди:—два для магометанъ, два для хозаръ, которые судятъ на основаніи закона Моисеева, два для живущихъ здѣсь христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія, и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ“. Большинство писателей восточныхъ, а согласно съ ними и Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ, что хотя верховная власть принадлежала кагану, но управляло собственно другое лицо, называемое пехъ, вѣроятно бегъ. Что каганъ имѣлъ значеніе религіозное, видно въ особенности изъ слѣдующаго разсказа Масуди: „Когда землю

хозаръ посѣщаетъ голодъ или какое другое бѣдствіе, или тѣснятъ чужеземныя войска, то собираются знатные и незнатные къ царю хозаръ (т. е. бегу, который живетъ въ дворцѣ кагана и управляетъ отъ его имени) и говорятъ ему:—этотъ каганъ и его жизнь приносятъ намъ несчастіе; мы считаемъ это за дурное знаменіе; умертви его или выдай намъ, чтобы мы его умертвили". Слѣдовательно, особая милость Божія должна проявляться въ каганѣ. Въ VIII ст., при царѣ Буланѣ, каганъ принялъ еврейскую вѣру, но народъ оставался разныхъ вѣръ, и послѣ проповѣди Кирилла было въ Хозаріи много христіанъ.

Любопытныя подробности о поставленіи намѣстника (бега) передаютъ арабскіе писатели. Новому намѣстнику каганъ сначала дѣлаетъ увѣщанія, потомъ накидываетъ петлю на шею и спрашиваетъ, сколько лѣтъ онъ намѣренъ управлять? Сколько лѣтъ онъ назначитъ, столько и долженъ править, иначе его умерщвляютъ. Ибнъ-Фодланъ, не разсказывая объ этомъ обрядѣ, говоритъ, что его умерщвляютъ, если онъ управляетъ болѣе сорока лѣтъ. Любопытно, что подобный же обычай встрѣчается и у другихъ тюркскихъ племенъ. Каганъ очень рѣдко показывался народу, и доступъ къ нему имѣлъ только его намѣстникъ и нѣкоторые другіе вельможи, которые подходили къ нему съ знаками высочайшаго благоговѣнія: намѣстникъ приходилъ къ нему босикомъ, держалъ въ рукахъ лучину и, когда она сгорала, садился рядомъ съ нимъ; другіе, входя въ случаѣ крайней необходимости, ложились на землю и не вставали, пока каганъ не позволитъ говорить. Онъ жилъ въ своемъ дворцѣ, окруженный гаремомъ: у него было 25 женъ и 60 наложницъ; если каганъ приказывалъ кому-нибудь убить себя, тотъ исполнялъ это приказаніе. Войскомъ предводительствовалъ бегъ. Войско это состояло частью изъ наемниковъ, которые были мусульмане и назывались ларсіею, а частью изъ ополченій: „царь Иша, говоритъ Ибнъ-Даста, возложилъ на зажиточныхъ и богатыхъ обязанность поставлять всадниковъ, сколько могутъ они по количеству имущества и по успѣшности промысловъ своихъ"; онъ же дѣлитъ добычу, лучшее беретъ себѣ; онъ же распоряжается податями. Подати эти состояли изъ пошлины, взимавшейся съ проѣзжихъ, и изъ десятины съ товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ и водою. Подати платились натурою, ибо хозары не знали монеты. Торговля у хозаръ, по свидѣтельству восточныхъ писателей, была транзитная: товары получались изъ Руси, Болгаріи и отправлялись по Каспійскому морю; драгоцѣнныя ткани, шедшія на одежду хозаръ, получались изъ Греціи, странъ кавказскихъ и южнаго берега Каспійскаго моря. Таково было это восточное государство, долго владычествовавшее надъ южною Россіею и оставившее память въ названіяхъ множества урочищъ.

На западъ отъ племенъ славянскихъ жили племена литовскія, прилегая къ Балтійскому морю въ нынѣшней Пруссіи, Курляндіи и частью Лифляндіи; сверхъ того, они населяли губернію Ковенскую, часть Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литовское племя принадлежитъ къ арійской семьѣ; оно, по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, отдѣлилось отъ славянскаго позднѣе, чѣмъ славянское отдѣлилось отъ германскаго, греко-италійскаго и т. д. Благодаря своему уединенному положенію, незначительной исторической роли, которую оно играло, ибо Литовское великое княжество, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было скорѣе русское, чѣмъ литовское,—

литовское племя и въ языкѣ, и въ преданіяхъ, и даже въ бытѣ сохранило много первоначальныхъ чертъ, быть можетъ, общихъ всему арійскому племени до его раздѣленія. Сначала литовское племя было извѣстно подъ именемъ эстовъ (т. е. восточныхъ); подъ этимъ именемъ зналъ ихъ Вульфстанъ, сообщающій любопытныя подробности о погребальныхъ обрядахъ у эстовъ, о продолжительномъ времени, пока трупъ остается несожженнымъ, о пирахъ въ это время изъ имѣнія покойника, о скачкахъ послѣ сожженія трупа, въ которыхъ призомъ служитъ оставшееся имущество покойника. Изъ разсказа Вульфстана, упоминающаго о короляхъ (т. е. старѣйшинахъ), видно, что у литовцевъ было уже общественное устройство. Адамъ Бременскій описываетъ пруссовъ, жителей Самландіи. Они, по его словамъ, помогаютъ потерпѣвшимъ крушеніе или пострадавшимъ отъ пиратовъ, ни за что считаютъ серебро и золото; у нихъ такъ много мѣховъ, что они мѣняютъ ихъ на льняныя одежды; въ священныя рощи и къ священнымъ источникамъ никого не пускаютъ; ѣдятъ конину и пьютъ кобылье молоко; живутъ они за недоступными болотами и не терпятъ надъ собою господства. Польскій лѣтописецъ XII в. Мартинъ Галлъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о пруссахъ: „Живутъ они безъ царя и безъ закона, ибо земля ихъ такъ охранена болотами и лѣсами, какъ не была бы охранена городами и крѣпостями“. „Туда, въ Пруссію, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, вошелъ Болеславъ (въ 1110 г.), воспользовавшись, какъ мостомъ, льдомъ озеръ и болотъ, ибо туда нѣтъ другого доступа, кромѣ болотъ и озеръ. Вошедши въ самую землю, онъ не оставался на одномъ мѣстѣ, не осаждалъ городовъ и крѣпостей, ибо ихъ тамъ нѣтъ. Земля ихъ представляетъ какъ бы острова, окруженные озерами и болотами, они-то раздѣлены между жителями селеній на наслѣдственные участки“. Со временъ появленія тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей, свѣдѣнія о Литвѣ становятся болѣе полными и ясными; самыя удовлетворительныя изъ этихъ свѣдѣній принадлежатъ начальному лѣтописцу ордена, Петру Дюисбургскому: „У пруссовъ нѣтъ понятія о Богѣ,— говоритъ онъ,—ибо они просты, и потому не могутъ понять разумомъ, а такъ какъ у нихъ нѣтъ письменъ, то и не могутъ обратиться къ писанію: они вначалѣ безъ мѣры удивлялись тому, что можно письмомъ сообщить отсутствующему свои намѣренія. Такъ какъ Бога они не знаютъ, то, по заблужденію, за бога считаютъ всякую тварь, какъ-то: солнце, луну и звѣзды, громъ, четвероногихъ, птицъ и рыбъ. Есть у нихъ также священные лѣса, поля и воды, гдѣ они не смѣютъ ни рубить деревья, ни пахать, ни ловить рыбы. Было въ срединѣ этого развратнаго народа, т. е. въ Надровіи, мѣсто, называемое Ромовъ, котораго названіе происходитъ отъ Рима, гдѣ жилъ криве, котораго почитаютъ они за папу. Ибо, какъ господинъ нашъ папа управляетъ всеобщею церковью вѣрныхъ, такъ однимъ знакомъ или приказомъ его управлялись не только названные народы, но и летты и другіе народы земли Ливонской. Власть его была такъ велика, что если не только онъ самъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ, но даже его посланный съ его палкою или другимъ опредѣленнымъ знакомъ проходилъ по землѣ невѣрныхъ, то всѣ князья и знатные, и простой народъ оказывали ему величайшее почтеніе. Какъ въ ветхомъ завѣтѣ, сохраняютъ они постоянный огонь. Пруссы вѣрятъ въ воскресеніе тѣла, но не такъ, какъ слѣдуетъ, ибо вѣрятъ, что если кто былъ въ этой жизни знатный или незнатный, богатый или

бѣдный, сильный или слабый, такимъ возстанетъ и въ будущей жизни: отчего и бываетъ, что съ знатными умершими сожигаютъ оружіе, лошадей, рабовъ и рабынь, одежды, охотничьихъ собакъ, хищныхъ птицъ и все, что относится до военнаго быта; съ незнатными сжигаютъ то, что относится къ ихъ занятію, ибо вѣрятъ, что все сожженное воскреснетъ съ умершимъ и будетъ служить ему, какъ прежде. Послѣ побѣды приносятъ жертву своимъ богамъ, и тѣ, которые принимали участіе въ битвѣ, приносятъ треть добычи названному криве, который и сожигаетъ все. Теперь летты и другіе невѣрные тѣхъ странъ сожигаютъ жертвы по своему обычаю въ какомъ-нибудь мѣстѣ; лошадь, прежде чѣмъ сжечь, до того утомляютъ бѣгомъ, что она не держится на ногахъ. Пруссы рѣдко предпринимаютъ что-нибудь важное, не спросивъ прежде у боговъ своихъ посредствомъ жребія, получатъ ли благо или зло. Они не заботятся и не заботились о лишнихъ или дорогихъ одеждахъ: сегодня раздѣлся, завтра одѣвается, не обращая вниманія на то, что надѣваетъ наизнанку. У нихъ нѣтъ ни мягкаго ложа, ни тонкаго обѣда. Питье у нихъ—чистая вода, медъ и кобылье молоко, которое предварительно освящаютъ; другого питья въ древнія времена они не знали. Гостямъ оказываютъ всякую ласку: нѣтъ въ домѣ ни съѣстнаго, ни напитка, котораго бы они не предложили гостю. По мнѣнію ихъ, если гость не напился пьяный, то не хорошо угощенъ. Есть у нихъ обычай, по которому въ попойкахъ всѣ обязываются пить равно неумѣренно, потому, предлагая напитокъ гостю, ставятъ условіемъ, что и сами выпьютъ столько же; такія изліянія вина повторяются, пока гость и хозяинъ, жена и мужъ, сынъ и дочь, всѣ не будутъ пьяны. По старому обычаю, пруссы до сихъ поръ покупаютъ женъ за извѣстную сумму денегъ, почему и служатъ онѣ, какъ рабы, не обѣдаютъ съ мужемъ за однимъ столомъ и въ извѣстные дни моютъ ноги домашнимъ и гостямъ. Нищенства между ними не допускается, бѣдный свободно заходитъ въ каждый домъ и безъ боязни ѣстъ, сколько вздумаетъ. Если случится у нихъ убійство, то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ". Далѣе разсказываетъ Петръ, какъ пруссы обозначаютъ дни зарубками на деревѣ или узелками. Таковъ былъ простой бытъ народовъ литовскихъ, не смотря на то, что еще въ XI вѣкѣ они вели торговлю, по свидѣтельству Адама, снаряжая свои корабли. Въ общественномъ устройствѣ ихъ, на сколько мы его знаемъ изъ лѣтописей прусскихъ и ливонскихъ, встрѣчается раздѣльность небольшихъ племенъ, управляемыхъ своими князьками (ригасами, конунгасами); эта раздѣльность и погубила ихъ въ войнѣ съ рыцарями. Немудрено, что при такой простотѣ жизни, защищенные лѣсами и болотами, они долѣе другихъ народовъ сохранили первоначальныя вѣрованія; не забудемъ притомъ, что лѣсъ наиболѣе развиваетъ въ своихъ жителяхъ суевѣріе. Отсюда власть криве.

XII. МНѢНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВАРЯГОВЪ-РУСИ.

(Изъ „Русской Исторіи“ Бестужева-Рюмина, т. I).

Разрозненныя племена славянскія и чудскія, населяющія теперешнюю территорію Русскаго государства, соединены были въ одно цѣлое властію варяго-русскихъ князей. Составляли-ли варяги отдѣльную народность, и если составляли, то внесли-ли они въ русскую жизнь какой-нибудь новый этнографическій элементъ? Вотъ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ болѣе ста лѣтъ трудится русская наука и которые, несмотря на то, что на обсужденіе ихъ употреблено столько трудовъ, остроумія и знаній, до сихъ поръ еще остаются безъ удовлетворительнаго отвѣта. Вопросы эти несомнѣнно важны, ибо такой или другой отвѣтъ на нихъ измѣняетъ взглядъ на всю древнюю Русь: если варяги были скандинавы, они должны были принести къ намъ свое скандинавское устройство, свои скандинавскія вѣрованія; ихъ скандинавскій языкъ долженъ былъ оставить ясные слѣды своего владычества въ языкѣ русскомъ. То же надо сказать и о всякой другой народности, если допустить, что варяги, пришедшіе къ намъ, были народомъ, племенемъ. Вслѣдствіе этого соображенія изслѣдователи, отыскивая варяговъ на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ, ищутъ въ русской жизни вліянія тѣхъ или другихъ народностей. Перечитывая множество сочиненій о варяжскомъ вопросѣ, невольно припоминаешь слова, сказанныя еще въ XV вѣкѣ: „разногласіе писателей о происхожденіи русскихъ болѣе затемнило, чѣмъ разъяснило это происхожденіе“. Это разнообразіе пробуютъ согласить тѣмъ, что варяги не были особымъ племенемъ, а дружинами, набираемыми изъ разныхъ прибалтійскихъ племенъ, и слѣдовательно—не принесли къ намъ никакого этнографическаго элемента. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что варяги скоро распустились, такъ сказать, въ славянскомъ элементѣ. Это послѣднее мнѣніе однако пока еще нельзя считать вполнѣ признаннымъ, и потому слѣдуетъ изложить главное основаніе всѣхъ важнѣйшихъ мнѣній. Въ настоящее время изслѣдователи распадаются на три главныя школы: одни защищаютъ происхожденіе варяговъ изъ Скандинавіи, другіе ведутъ ихъ съ Поморья славянскаго, третьи видятъ въ нихъ сбродную дружину *).

По времени появленія, первымъ ученымъ мнѣніемъ о происхожденіи варяговъ было то, которое ведетъ ихъ изъ Скандинавіи. Одинъ изъ первыхъ академиковъ—Байеръ—высказалъ это мнѣніе. Байеръ не считалъ варяговъ-Русь за какое-либо изъ скандинавскихъ племенъ и не отыскивалъ мѣста ихъ жительства: „я утверждаю“, говоритъ онъ, „что варяги русскихъ писателей были благородные люди изъ Скандинавіи и Даніи, союзники на войнѣ и наемные воины русскихъ, спутники князей, стражи границъ, употребляемые и въ дѣлахъ гражданскихъ. Отъ нихъ потомъ всѣ вообще шведы, готы, норвежцы и датчане назвались варягами“. Байеръ первый высказалъ главнѣйшія изъ тѣхъ доказательствъ норманскаго происхожденія варяговъ, которыя до сихъ поръ употребляются послѣдователями скандинавской теоріи, подкрѣпляемыя или другими второстепенными доказательствами, или новыми, болѣе тщательными и точными изслѣдованіями. Перечислимъ существеннѣйшія изъ доказательствъ Байера. Онъ указываетъ на знаменитое мѣсто Бертинскихъ лѣтописей, гдѣ подъ 837 годомъ разсказывается, что императоръ Ѳеофилъ прислалъ своихъ пословъ къ императору Людовику Благочестивому и съ ними какихъ-то людей, которые себя называли *Росъ*, а своего короля *каганомъ*; возвращаться домой имъ было трудно, ибо приходилось ѣхать черезъ земли варварскихъ народовъ. Людовикъ, тщательно разслѣдовавъ, кто были эти пришельцы, узналъ, что они шведы. Это извѣстіе до сихъ поръ представляетъ еще непреоборимыя трудности для изслѣдователя: всего вѣроятнѣе, что эти шведы служили у какого-нибудь намѣстника каганова между руссами кіевскими, какъ полагаетъ Гедеоновъ, если даже не допустимъ, что Аскольдъ и Диръ основали особый каганатъ русскій. Байеръ первый обратилъ вниманіе на то, что многія имена князей русскихъ и ихъ дружинниковъ звучатъ по-скандинавски; новая критика подвергла этотъ вопросъ многостороннему обсужденію, въ результатѣ котораго ока-

*) Слѣдуетъ упомянуть еще о мнѣніи Эверса, выводившаго варяговъ съ береговъ Чернаго моря. Еще не такъ давно Костомаровъ защищалъ происхожденіе Руси изъ Литвы, что въ свое время вызвало полемику.

зывается, что, даже отвергнувъ увлеченія скандинавской школы, нельзя не признать того факта, что именъ скандинавскихъ встрѣчается весьма много на первыхъ страницахъ русской лѣтописи. Байеръ обратилъ также вниманіе на названіе пороговъ Днѣпровскихъ, сообщенныхъ Константиномъ Багрянороднымъ. Извѣстно, что, по словамъ Константина, пороги имѣли двоякое названіе: одно—славянское, другое—русское. Послѣ продолжительныхъ изысканій изслѣдователи должны были согласиться въ томъ, что если не всѣ названія варяговъ объяснимы изъ языка скандинавовъ, то, по крайней мѣрѣ, четыре изъ этихъ названій иначе трудно объяснимы. Варяговъ Байеръ сближаетъ съ греческими Βαραγγοί и Waeringiar Снорро (наемная гвардія византійскихъ императоровъ). Остальныя доказательства, приводимыя Байеромъ, имѣютъ болѣе или менѣе второстепенное значеніе. Послѣ Байера представители скандинавскаго воззрѣнія вооружились средствами новой науки для доказательства мнѣній, высказанныхъ или намѣченныхъ Байеромъ: употреблены въ дѣло русскія лѣтописи (Шлецеромъ), представлены сближенія права скандинавскаго съ Русскою правдою; въ особенности важно приложеніе филологіи къ этому вопросу Куника; призваны на помощь арабскіе писатели; но новыхъ доводовъ почти не найдено. Самый важный изъ вновь указанныхъ источниковъ—свидѣтельство Ахмедъ-Эль-Катиба (писателя IX в.) о нападеніи руссовъ на Севилью въ 844 г.; какъ ни важно это свидѣтельство, но пока не будетъ основательно опровергнуто возраженіе Гедеонова, что это названіе Руси заимствовано отъ приволжскихъ мусульманъ, до тѣхъ поръ оно не имѣетъ рѣшительнаго значенія. Байеръ не искалъ того мѣста Скандинавіи, гдѣ жили варяго-руссы, но его послѣдователи выводили Русь изъ всѣхъ угловъ Скандинавскаго міра. Изъ указаній мѣстожительства руссовъ наиболѣе упорно держится мнѣніе, высказанное Шлецеромъ, что они пришли изъ Швеціи. Мнѣніе свое Шлецеръ подтверждаетъ финскимъ названіемъ шведовъ *Rootzi* и существованіемъ на берегахъ Швеціи общины гребцовъ—*Rodslagen*; едва-ли, впрочемъ, названіе народа происходитъ отъ общины гребцовъ и еще неизвѣстно, точно-ли финское слово не имѣетъ другого происхожденія. Какъ-то странно допустить, чтобы скандинавы сами называли себя именемъ, даннымъ имъ финнами. Защитники скандинавскаго происхожденія варяговъ-Руси ищутъ главнаго подкрѣпленія себѣ не столько въ изслѣдованіяхъ филологическихъ, сколько въ сличеніяхъ быта юридическаго и религіозныхъ воззрѣній; изъ этихъ сличеній вслѣдъ за Шлецеромъ дѣлаютъ они тотъ выводъ, что въ древней Руси все было скандинавское — и религія, и бытъ общественный и юридическій. До сихъ поръ по этому вопросу еще не было сдѣлано полнаго изслѣдованія, соотвѣтствующаго требованіямъ современной науки, учащей отличать коренное сродство отъ заимствованій и опредѣлять самыя эпохи заимствованій; но, кромѣ этихъ сходствъ, могутъ быть еще другія, чисто случайныя: чертами сходства народнаго могутъ быть иногда по недоразумѣнію сочтены общечеловѣческія черты, свидѣтельствующія о той или другой степени цивилизаціи, а вовсе не о заимствованіи,—такъ что этотъ вопросъ потребуетъ еще много труда и знаній прежде, чѣмъ можно будетъ считать его законченнымъ.

Съ XVIII вѣка рядомъ съ защитниками скандинавскаго происхожденія варяговъ стоятъ защитники происхожденія ихъ отъ славянъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ великій Ломоносовъ, выводившій славянъ изъ Пруссіи, населеніе которой онъ считаетъ славянскимъ. Труды славянской школы опровергли не всѣ доказательства, выставленныя школою скандинавскою, но надъ многимъ заставили задуматься и много пересмотрѣть вновь. Главною заслугою этой школы нельзя не считать того, что она отдѣляетъ Русь отъ варяговъ и считаетъ Русь исконнымъ названіемъ Руси Южной, что очень хорошо объясняетъ постоянное сохраненіе имени Русь за Русью Кіевскою. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что арабы знаютъ Русь, какъ народъ многочисленный, а также и то, что Фотій говоритъ о руссахъ 866 г., какъ о народѣ извѣстномъ, хотя и не считавшемся важнымъ у византійцевъ. Къ сожалѣнію, филологическія ихъ доказательства мало убѣдительны: такъ, наука не принимаетъ ни ихъ производства слова *варягъ*, ни многихъ изъ ихъ объясненій именъ князей и дружинниковъ.

Соловьевъ высказалъ то мнѣніе, что варяги собственно не народъ, а дружина, состоявшая изъ разноплеменнаго сброда съ преобладаніемъ скандинавовъ. Ламанскій и Погодинъ указываютъ на свидѣтельство Гельмольда, которое вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе: „Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ марку. Въ славянской землѣ много марокъ,

изъ которыхъ не послѣдняя наша вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ датчанъ, такъ и изъ славянъ". Ламанскій не безъ основанія указываетъ также на то, что славяне находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ норманнами и участвовали въ разныхъ ихъ походахъ, изъ чего, кажется, слѣдуетъ вывести, что, ходя съ ними въ далекія страны, они могли пройти и на Русь. Изъ того, что во главѣ дружины стоялъ норманскій конунгъ, незачѣмъ заключать, что вся дружина была норманская, а тѣмъ менѣе выводить отъ норманновъ всѣ учрежденія Русской земли. Если-бы къ намъ пришло племя, а не дружина, то какъ же случилось, что внукъ Рюрика носитъ славянское имя, а правнукъ его—Красное Солнышко, ласковый князь Владиміръ, идеалъ славянскаго князя? Это тѣмъ страннѣе, что въ первое время не прерывалась связь съ варягами, и они постоянно на службѣ кіевскихъ князей. Осталось одно: осталось допустить, что дружина была разноплеменная и потому не внесла какого-либо племенного начала, а внесла только связь между разрозненными племенами,—связь, состоящую въ единствѣ власти, представляемой князьями, имѣющими право суда и сбора дани и передающими по произволу часть этихъ правъ своихъ дружинникамъ, лицамъ чуждымъ мѣстнаго населенія и тяготѣющимъ къ предводителю дружины князю.

Русь при первыхъ князьяхъ. Крещеніе Руси и распространеніе въ ней христіанства.

XIII. НАПАДЕНІЕ РУСИ НА ЦАРЬ-ГРАДЪ ВЪ 865 Г.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго. Ч. І-я. Кіевскій періодъ).

Когда Константинъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наилучшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ на берегахъ золотоноснаго Пактола; привлекала его также и богатая Ѳессалоника; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виѳинскій городокъ Халкедонъ; наконецъ великій императоръ остановилъ свой выборъ на Византіи, и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведетъ узкій проливъ, который змѣею извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются, и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты. Тамъ, гдѣ проливъ, или т. наз. Воспоръ Ѳракійскій, сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ названіе Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали названіе Золотого Рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ Рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Воспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь, подобно древнему Риму, расположенъ на семи холмахъ и, подобно ему, былъ раздѣленъ на 14 частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перещепывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточивались важнѣйшія и наиболѣе

великолѣпныя постройки, такъ какъ почти весь этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкавшими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовень, внутреннихъ двориковъ, термъ, садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которыя совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлереи и площадки представляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цвѣтовъ, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца-лабиринта носили разныя названія.

На самомъ берегу моря, гдѣ Боспоръ сливается съ Пропонтидой, рядомъ съ императорской гаванью, стоялъ особый замокъ или укрѣпленный дворецъ, называвшійся Вуколеонъ. Названіе это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченнаго львомъ. Этотъ замокъ нерѣдко служилъ настоящимъ жилищемъ императоровъ. Далѣе за нимъ, на возвышенности холма находилась слѣдующая группа дворцовыхъ зданій, между которыми первое мѣсто по своимъ размѣрамъ и украшеніямъ занималъ Хризотриклиній, или золотая палата. Это была украшенная мозаиками главная тронная зала, въ которой совершались важнѣйшія церемоніи и пріемы иностранныхъ пословъ. Затѣмъ слѣдовали другія отдѣленія; напр., Магнаура или большой дворецъ, Халкійскій или мѣдный, получившій свое названіе отъ бронзовыхъ воротъ искусной работы, и др.

Извнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали ипподромъ и форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обведенную стѣнами, украшенную посрединѣ рядомъ нѣсколькихъ громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады котораго императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. священный, представлялъ площадь, окруженную галлереей изъ аркадъ; посрединѣ онъ имѣлъ четырехъугольную тріумфальную арку съ большимъ крестомъ наверху, по бокамъ котораго стояли фигуры Константина и его матери, Елены.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византіи, къ храму св. Софіи. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ; но всѣ они далеко уступали св. Софіи, которая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ, и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійскаго храма! Извнѣ, съ трехъ сторонъ, его окружали величественные закрытые портики или притворы, а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это—продолговатый овалъ, по бокамъ обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абада или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ, потому что назначалась для женскаго пола, который у грековъ слушалъ богослуженіе отдѣльно отъ мужского. Надъ срединною частью зданія возвышается куполъ, очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты, а потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По гармоніи

частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е. разноцвѣтными мраморами и роскошными мозаиками, которыя покрывали его стѣны! Строитель Софіи, Юстиніанъ I, имѣлъ полное право въ день освященія храма воскликнуть: „Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло! Я превзошелъ тебя, Соломонъ!“ (Со времени мусульманскаго ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображено разными пристройками).

Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ, неподалеку отъ св. Софіи или Премудрости Божіей находился храмъ св. Ирины, т. е. храмъ Мира или Согласія, построенный Константиномъ В. Далѣе къ западу находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры. (Турки выбросили изъ него богатые мраморные саркофаги съ ихъ останками, разрушили церковь и на мѣстѣ ея воздвигли мечеть, извѣстную подъ именемъ Могамедіе). Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальныя колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ Гебдомонъ съ храмомъ Іоанна Предтечи. Неподалеку отъ него, въ томъ же углу, ближе къ Золотому Рогу, въ части города, называвшейся Влахернами, находился Влахернскій дворецъ съ термами и знаменитымъ храмомъ Богородицы.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями; но особенною крѣпостью и массивностью отличались большія стѣны, защищавшія его съ сухого пути; онѣ были двойныя и упирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ—въ берегъ Мраморнаго моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморнаго моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города, на холмѣ, расположенъ былъ Студійскій монастырь Іоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчателенъ для насъ по своему послѣдующему вліянію на русское монашество и на русскую письменность.

За большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. За тѣми же стѣнами расположены были и другія селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога, за Влахернами, лежало предмѣстье съ монастыремъ св. мученика Мамы. Въ этомъ предмѣстьи обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившіе въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военныя суда. На другой сторонѣ этого залива,—тамъ, гдѣ онъ соединяется съ Босфоромъ,—лежало предмѣстье Галата, носившее прежде названіе Сике, т. е. Смоковницы. Отъ этого предмѣстья къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противоположной сторонѣ Босфора лежало другое большое предмѣстье или пригородъ Константинополя—Хризоно-

полисъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Скутари. Затѣмъ, по обоимъ берегамъ Босфора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п.

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Византія только что успокоилась отъ внутреннихъ смутъ, причиненныхъ иконоборческой ересью. Θеодора, супруга императора Өеофила, одного изъ ревностныхъ иконоборцевъ, послѣ его смерти получила въ свои руки верховную власть, по малолѣтству своего сына Михаила III. Первымъ ея дѣломъ было возстановленіе иконопочитанія, которое и утверждено созваннымъ ею духовнымъ соборомъ 842 г. Съ возобновленіемъ иконопочитанія вновь оживились и нѣкоторыя отрасли искусствъ. Имперія представила свое обычное явленіе. Сколько разъ во время смутъ, мятежей и непріятельскихъ нашествій она казалась близка къ разложенію или къ совершенному упадку! Но едва наступало затишье или на престолѣ появлялась умная, энергичная личность, какъ опять обнаруживались признаки могущества и процвѣтанія. Столько было еще жизненныхъ силъ въ этомъ, съ виду ненадежномъ, организмѣ и въ этой образованности, представлявшей замѣчательное сочетаніе христіанскихъ началъ съ классическими воспоминаніями, эллинизма съ варварствомъ, неограниченнаго самодержавія съ республиканскими преданіями! Но что особенно служило для Византійской имперіи неистощимымъ источникомъ ея процвѣтанія, ея блеска и обаянія въ глазахъ варварскихъ народовъ, это замѣчательное развитіе ея промышленности и искусствъ. Въ Царьградъ, конечно, стекались изъ провинцій наиболѣе искусные ремесленники и художники; вообще здѣсь искали себѣ счастья и богатствъ наиболѣе энергичные, даровитые и предпріимчивые люди. Изобиліе товаровъ, художественныхъ произведеній и всякаго рода услугъ развивали сильную роскошь въ средѣ столичныхъ обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали въ ней привязанность къ веселой жизни, къ зрѣлищамъ и другимъ удовольствіямъ. Сюда собирались торговцы почти изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на греческія издѣлія. Но наиболѣе роскошныя издѣлія, напримѣръ, самыя дорогія шелковыя ткани (паволоки), византійское правительство даже запрещало вывозить изъ имперіи для того, чтобы варвары и въ одеждѣ своей не могли сравняться съ греками; а къ варварамъ они причисляли и западные, т. е. латинскіе, народы того времени.

Имперія не долго пользовалась благоразумнымъ и бережливымъ управленіемъ Өеодоры. Сынъ ея Михаилъ едва достигъ 15-ти-лѣтняго возраста, какъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и устранилъ свою мать отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Это былъ образецъ тираническаго властителя, преданнаго пьянству и другимъ порокамъ. Своимъ характеромъ и наклонностями онъ напоминалъ римскаго Нерона, съ тою разницею, что имѣлъ вкусы еще болѣе грубые. Неронъ, играя передъ публикою на цитрѣ, добивался славы великаго артиста, а Михаилъ III страстно любилъ лошадей и главное свое достоинство почиталъ въ искусствѣ ристанія. Циркъ или ипподромъ—это любимое зрѣлище византійцевъ—при немъ оживился и получилъ значеніе болѣе важное, чѣмъ всѣ государственныя дѣла. Въ одеждѣ возницы изъ партіи голубыхъ, Михаилъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ конномъ бѣгѣ и добивался побѣды надъ соперниками, которую они, конечно, уступали ему очень легко. На возвышенныхъ пунктахъ Малой Азіи устроены были сигнальные огни,

чтобы извѣщать о непріятельскомъ вторженіи; Михаилъ велѣлъ ихъ уничтожить, такъ какъ эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали ихъ вниманіе отъ ристаній цирка.

Къ этой-то эпохѣ относится первое, извѣстное въ исторіи, появленіе нашихъ предковъ подъ стѣнами Константинополя. Михаилъ III, пожелавшій вдругъ отличиться военными подвигами, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ и приближенныхъ отправился въ Малую Азію, въ походъ противъ сарацинъ, куда увелъ съ собою византійскіе легіоны, а начальство столицы поручилъ патрицію Никитѣ, прозваніемъ Орифа. Послѣдній носилъ еще званіе друнгарія флота, и хотя до того времени не отличился никакими особыми заслугами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но, повидимому, былъ человѣкъ не безъ достоинствъ.

Послѣдующее событіе происходило приблизительно въ маѣ 865 года.

День склонялся къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Ѳракійскаго Босфора, и принесли страшную вѣсть: многочисленные корабли варварскаго народа Рось вошли въ Босфоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей цареградскихъ, которые дотолѣ безпечно предавались своимъ занятіямъ и удовольствіямъ. Вмигъ брошены были всѣ мелкія заботы и попеченія, всѣ забавы и суетныя помышленія; повсюду распространились ужасъ и смятеніе.

Варвары, очевидно, имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствіи императора съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Дѣло въ томъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ-за какого-то незначительнаго долга. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду. Византійцы не обращали вниманія на эти требованія, и вотъ теперь, когда они ничего не ожидали, варвары воспользовались удобнымъ временемъ и внезапно нагрянули на Византію, прежде нежели корсунскіе и синопскіе греки могли извѣстить столицу объ ихъ походѣ. Они, конечно, надѣялись не только отомстить за смерть товарищей, но и обогатиться несмѣтною добычею, которую сулило взятіе такого богатаго и великаго города, каковъ былъ Константинополь.

Впечатлительные византійцы легко переходили изъ одной крайности въ другую; ихъ высокомѣріе и презрѣніе къ варварамъ тотчасъ смѣнились робостью и страхомъ близкой смерти или жестокаго плѣна. Между тѣмъ Орифа и его помощники приняли зависѣвшія отъ нихъ мѣры: они заперли городскія ворота, разставили по башнямъ находившуюся въ ихъ распоряженіи стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятеніе въ городѣ. Наиболѣе робкимъ умамъ ежеминутно представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, и настаеъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскія волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны Босфора и Пропонтиды. Варвары, держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикіе крики. Это были большею частью статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми острыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроко-

печные шлемы покрывали ихъ чубатыя, подстриженныя кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюдо-острымъ лезвіемъ; а щиты, съуживающіеся книзу, были такъ длинны, что покрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, руссы высадились на берегъ, и по обычаю своему начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ то же время часть ихъ разсѣялась по беззащитнымъ предмѣстьямъ и окрестностямъ Константинополя; они съ большою свирѣпостью принялись опустошать селенія и монастыри, истребляя огнемъ и мечомъ нивы, жилища, людей и скотъ, не щадя при этомъ ни младенцевъ, ни стариковъ, не смягчаясь никакими воплями и мольбами. Между прочимъ они захватили островокъ Теревинѳъ съ его монастыремъ. Варвары разграбили здѣсь церковные сосуды и всю утварь; они схватили 22 человѣка изъ его монастыря и слугъ, и всѣхъ изрубили топорами на кормѣ лодки.

Въ отчаяніи своемъ жители Византіи обратились къ тому, о чемъ они легко забывали въ дни мира и веселія, т. е. къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощныя бдѣнія; отверзтые храмы были наполнены молящимся народомъ, причемъ наиболѣе кающіеся стояли на колѣняхъ, били себя въ грудь, плакали и стенали. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ эту торжественную минуту явился вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ замѣчательную силу слова. Съ софійской каѳедры онъ яркими красками изображалъ варварское нашествіе, какъ кару, ниспосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе. При этомъ, смотря по теченію своихъ мыслей, онъ то называлъ варваровъ грозными и неодолимыми, и иногда выражался словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусалима, а людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его, какъ шумъ моря“, и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. „О, градъ! царь едва не всей вселенной!“—восклицалъ онъ,—„какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою: необученное и набранное изъ рабовъ! О, градъ! украшенный добычею многихъ народовъ, что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу! Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя“.

Патріархъ призывалъ къ покаянію, но не наружному только, а глубокому и искреннему. „Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны“, повторялъ онъ, и обѣщалъ заступленіе Божіе, если грѣшники имѣютъ твердое намѣреніе исправиться отъ своихъ беззаконій и поступать согласно съ заповѣдями Господними. „Было что посмотрѣть тогда!“—говорилъ послѣ тотъ же Фотій:—„гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ; жестокосердый сталъ милостивъ; преданный пьянству обѣщалъ не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно далъ обѣтъ

цѣломудрія, и вообще каждый всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и обѣщался впередъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно". Каялись жители Византіи также и въ нарушеніи договоровъ съ варварами, и въ обидѣ, имъ причиненной.

Между тѣмъ, осада продолжалась; валъ, насыпаемый непріятелями, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. „Наконецъ, возлюбленные",— проповѣдывалъ Фотій,—„настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, единной надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатайницею передъ Сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и сподручницею обѣтовъ нашихъ".

Главные византійскіе храмы изобиловали священными предметами; особымъ поклоненіемъ пользовались, конечно, тѣ предметы, которые въ народномъ вѣрованіи были связаны съ земною жизнью Спасителя и Богородицы. Напримѣръ, въ Софійскомъ соборѣ показывали вѣрующимъ пелены младенца Христа, золотые сосуды, принесенные ему въ даръ волхвами, копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и т. д. Во Влахернскомъ храмѣ хранились поясъ Богоматери и ея риза, т. е. какая-либо часть одежды. Эта святыня чтилась въ особенности, какъ надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главною заступницею и покровительницею своего города. Патріархъ взялъ ея ризу, и съ молитвенными пѣснопѣніями обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города. Вслѣдъ затѣмъ непріятели поспѣшно сняли осаду, сѣли на свои корабли и покинули Босфоръ, обогащенные награбленною на его берегахъ добычею. Источники не даютъ намъ ближайшихъ объясненій этого поспѣшнаго отступленія руссовъ. Безъ сомнѣнія, въ это именно время достигло до нихъ извѣстіе о приближеніи византійскихъ легіоновъ и кораблей, ибо Михаилъ III тотчасъ повернулъ назадъ, какъ-только услыхалъ о нападеніи Руси на его столицу.

Русь ушла отъ Царьграда; но византійское правительство должно было озаботиться защитою отъ нея своихъ черноморскихъ областей, особенно Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ, находившихся въ Тавридѣ, по сосѣдству съ таманскими и таврическими владѣніями Руси. Въ этой войнѣ союзницей грековъ явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія. Тотъ же патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, обращенномъ къ восточнымъ епископамъ, извѣщаетъ ихъ, что не только племя болгарское перемѣнило свое древнее нечестіе на вѣру во Христа, но то же сдѣлало и племя русское. „Народъ, столь часто многими превозносимый", пишетъ Фотій, и „превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію, т. е. россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечистое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя, какъ преданные друзья, хотя не задолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе" (т. е. нападеніе на самый Царьградъ).

Но Фотій, очевидно, преувеличивалъ размѣры обращенія и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василію Македонянину, который въ слѣдующемъ 867 году воцарился на мѣстѣ убитаго

имъ Михаила III, удалось богатыми дарами изъ золота, серебра и шелковыхъ тканей склонить русскихъ вождей къ миру и возобновить съ ними торговые договоры. Тогда и обращенiе варваровъ въ христiанство сдѣлало болѣе успѣховъ, такъ что патрiархъ назначилъ особаго архiепископа для этой крещеной Руси.

Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молнiи прорѣзываетъ тучи и на мгновенiе озаряетъ окрестность, такъ нападенiе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучомъ свѣта на горизонтѣ начальной русской исторiи, покрытой густымъ туманомъ.

XIV. Лѣтописное сказанiе объ Олегѣ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6387. Рюрикъ, умирая, передалъ княжество Олегу, своему родственнику, сдѣлавъ его опекуномъ своего сына Игоря, очень малолѣтняго.

Въ годъ 6388. Въ годъ 6389. Въ годъ 6390. Отправился въ походъ Олегъ, взявъ много воиновъ, варяговъ, чуди, словенъ, мери, веси, кривичей, и пришелъ къ Смоленску съ кривичами, и принялъ власть надъ этимъ городомъ, и посадилъ въ немъ мужа своего. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ и посадилъ тамъ своего мужа. Прiйдя къ горамъ кiевскимъ, увидѣлъ Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ. Онъ спряталъ часть воиновъ въ ладьяхъ, а часть оставилъ назади; самъ-же пришелъ, имѣя на рукахъ малолѣтняго Игоря. Онъ приплылъ къ Угорскому и, спрятавъ воиновъ своихъ, послалъ къ Аскольду и Диру, и велѣлъ сказать: „Мы гости, идемъ въ Грецiю, посланные Олегомъ и княжескимъ сыномъ Игоремъ; придите къ намъ съ родомъ своимъ". Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда вышли прочiе люди изъ ладьи, а Олегъ сказалъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго рода, я же рода княжескаго", и, указывая на Игоря, добавилъ: „И вотъ сынъ Рюрика". Воины Олеговы убили Аскольда и Дира, снесли ихъ тѣла на гору и похоронили на горѣ, называемой нынѣ Угорскимъ, гдѣ теперь находится Олминъ дворъ. На ихъ могилѣ построилъ Олма церковь св. Николы. Дирова-же могила находится за церковью св. Ирины. Олегъ сталъ княжить въ Кiевѣ и сказалъ: „Это будетъ мать городовъ русскихъ". Съ нимъ были варяги и славяне и прочiе, прозывавшiеся русью. И вотъ, сталъ Олегъ строить города, установивъ дани со славянъ, кривичей и мери, приказалъ Новгороду платить дань варягамъ 300 гривенъ въ годъ, ради мира, что онъ и платилъ варягамъ до смерти Ярослава.

Въ годъ 6391. Началъ Олегъ воевать съ древлянами, поразилъ ихъ и сталъ брать дань отъ нихъ по черной куницѣ.

Въ годъ 6392. Пошелъ Олегъ на сѣверянъ и побѣдилъ ихъ, и обложилъ ихъ данью легкою, и не дозволилъ имъ платить дань хозарамъ, говоря: „Для хозаръ я врагъ, но не для васъ".

Въ годъ 6393. Послалъ Олегъ къ радимичамъ спросить: „Кому дань даете?" Они же сказали: „Хозарамъ!" И Олегъ сказалъ имъ: „Не давайте хозарамъ, но давайте мнѣ". И стали они давать Олегу по ше-

лягу, какъ давали хозарамъ. Подъ властью Олега были такимъ образомъ поляне, древляне, сѣверяне, радимичи; съ уличами же и тиверцами была война...

Въ годъ 6415. Пошелъ Олегъ на Грецію, оставивъ Игоря въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою много варяговъ, славянъ, чуди, кривичей, мери, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулебовъ, тиверцевъ. Всѣ они назывались великою Скуфью. Съ ними всѣми, отчасти на коняхъ, отчасти на судахъ, пошелъ Олегъ. Судовъ было 2,000. Когда онъ пришелъ къ Царьграду, греки заперли гавань и затворились въ городѣ. Олегъ высадился на берегъ, велѣлъ вытащить на сушу суда, повоевалъ около города, умертвилъ много грековъ, многія зданія разрушилъ, церкви выжегъ. Взявъ многихъ плѣнныхъ, воины Олега однихъ изрубили, другихъ замучили, иныхъ разстрѣляли, иныхъ бросили въ море и сдѣлали вообще много вреда грекамъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ воины. И велѣлъ своимъ Олегъ дѣлать колеса и ставить суда на колеса. При попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса, они двинулись сухимъ путемъ къ городу. Увидя это, греки испугались и сказали Олегу черезъ пословъ своихъ: „Не губи города. Дадимъ дань, какую хочешь". Олегъ остановилъ воиновъ, а греки вынесли ему пищу и вино, но онъ не принялъ ни того, ни другаго, такъ какъ онъ боялся, что сюда была примѣшана отрава. Греки испугались и сказали: „Это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный Богомъ на насъ". И велѣлъ Олегъ дать дань на 2,000 судовъ по 12 гривенъ на человѣка; въ каждомъ же суднѣ считалось по 40 человѣкъ. Греки согласились и просили мира и прекращенія войны въ своей странѣ. Олегъ же, отступивъ нѣсколько отъ города, вступилъ въ переговоры съ царями греческими Леономъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, говоря: „Вы должны дать мнѣ дань". Греки сказали: „Дадимъ чего захочешь". И потребовалъ Олегъ, чтобы дали воинамъ, находящимся на 2,000 судовъ, по 12 гривенъ на ключъ, и, кромѣ того, потребовалъ платежа въ пользу русскихъ городовъ: прежде всего въ пользу Кіева, потомъ въ пользу Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и въ пользу другихъ городовъ, въ коихъ сидѣли князья, находившіеся въ зависимости отъ Олега... И сказалъ Олегъ: „Пусть Русь сошьетъ себѣ паруса изъ паволоки, а у славянъ пусть будутъ паруса полотняные". Такъ и было сдѣлано. Воины Олеговы, повѣсивъ свои щиты на вратахъ въ знакъ побѣды, ушли отъ Царьграда. И распустила Русь свои паволочные паруса, а славяне полотняные. Вѣтеръ порвалъ ихъ, и славяне сказали: „Примемся за свои холстинные паруса, не дано славянамъ парусовъ полотняныхъ". И вернулся Олегъ въ Кіевъ, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, и прозванъ былъ онъ вѣщимъ, такъ какъ люди того времени были язычники и невѣжды.

XV. ДОГОВОРЫ РУСИ СЪ ГРЕКАМИ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

А. Договоръ Олега (911 г.).

Мы, рода русскаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ, посланные отъ великаго князя русскаго Олега, отъ всѣхъ свѣтлыхъ бояръ, состоящихъ подъ его властью, къ вамъ, великимъ самодержцамъ Божьею милостью Льву, Александру и Константину, царямъ греческимъ, чтобы установить и упрочить бывшія впродолженіе многихъ лѣтъ добрыя отношенія между христіанами и русью: этого желаютъ и повелѣваютъ такъ намъ князья наши и всѣ, находящіеся подъ ихъ властью. Наша свѣтлость болѣе другихъ желаетъ съ Божьею помощью удержать и провозгласить такой миръ, какой былъ между христіанами и русью, основанный на зрѣломъ обсужденіи, на правдивости, скрѣпленный письменнымъ договоромъ и клятвою оружіемъ, соотвѣтственно вѣрѣ нашей и обычаямъ нашимъ. И вотъ статьи, составленныя съ Божьею помощью, для мирнаго договора. Вопервыхъ, пусть будетъ миръ между нами и вами, греками: да возлюбимъ другъ друга искренно и отъ всей души, да не допустимъ никого изъ людей, подчиненныхъ нашимъ свѣтлымъ князьямъ, до нанесенія вреда вамъ, но да постараемся со всѣхъ силъ сохранить на будущее время съ вашимъ, греки, народомъ добрыя отношенія неизмѣнно и добросовѣстно, утвердивъ ихъ клятвою и письменнымъ договоромъ. Такъ же и вы, греки, должны имѣть такую же неизмѣнную и искреннюю любовь къ свѣтлымъ князьямъ нашимъ русскимъ и ко всѣмъ, находящимся подъ властью нашего свѣтлаго князя, навсегда. Если совершатся преступленія, то о наказаніяхъ постановляемъ слѣдующее: Нужно имѣть ясныя свидѣтельства для обвиненія въ преступленіи; если истинность свидѣтельствъ будетъ заподозрѣна, допускается присяга не со стороны обвинителя, а со стороны обвиненнаго; каждый долженъ присягать по своей вѣрѣ и подлежать казни, въ случаѣ обнаруженія ложности присяги. Если христіанина убьетъ русинъ или русина христіанинъ, то убійца пусть будетъ казненъ на мѣстѣ преступленія. Если убійца убѣжитъ, то принадлежащее ему имущество, за исключеніемъ части, долженствующей по закону перейти къ женѣ его, будетъ отдано ближайшему родственнику убитаго; если у убѣжавшаго убійцы нѣтъ имущества, пусть онъ считается подъ судомъ, пока не будетъ отысканъ и казненъ. Если будетъ нанесенъ ударъ мечомъ или какимъ-либо другимъ орудіемъ, то за такой ударъ или убійство виновный уплачиваетъ по закону русскому 5 литръ серебра; если же нанесшій ударъ не на столько состоятеленъ, то пусть онъ дастъ, сколько можетъ, пусть отдастъ даже платье, которое носитъ, и клянется по своей вѣрѣ въ томъ, что не имѣетъ никого, кто могъ бы его выручить; тогда искъ прекращается совершенно. Если русинъ украдетъ что-либо у христіанина или, наоборотъ, христіанинъ у русина, и воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, но сопротивляющійся, будетъ убитъ, то убійца его, христіанинъ или русинъ, не виновенъ и въ правѣ взять обратно себѣ свою

собственность; если же воръ не сопротивляется, а сдается, то пусть будетъ взятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что укралъ, связанъ, и затѣмъ пусть возвратитъ трижды противъ украденнаго. Если христіанинъ русину, или наоборотъ, причинитъ мученіе или явное насиліе, дѣлая обыскъ и возьметъ при этомъ что-либо чужое, то пусть вернетъ трижды столько. Если сильнымъ вѣтромъ занесено будетъ на чужую землю греческое судно, то каждый изъ насъ, русскихъ, случившихся тамъ, долженъ охранять судно съ его грузомъ, отослать его обратно въ христіанскую землю, проводить его чрезъ всякое опасное мѣсто, вывести на безопасное. Если судно отъ бури или мелей не въ состояніи двинуться съ мѣста, то мы, русскіе, должны помочь гребцамъ его и препроводить въ цѣлости его съ грузомъ въ греческую землю, если она недалеко. Если такое несчастье случится близъ русской земли, то слѣдуетъ довести судно до русскаго берега, а грузъ и все, что можно изъ судна, будетъ продано, и вырученныя деньги будутъ возвращены черезъ русскихъ людей, отправляющихся въ Грецію по торговымъ дѣламъ, или въ посольствѣ—къ царямъ вашимъ. Если же русскіе побьютъ или убьютъ кого-либо изъ людей, находящихся въ этомъ суднѣ, или украдутъ что-либо изъ него, то виновные должны подвергнуться вышесказанному наказанію. Если, будучи въ чужой сторонѣ, русинъ или грекъ встрѣтятъ тамъ раба изъ земли русской или греческой, то обязаны его купить, но не для себя, а для возвращенія на родину, причемъ купившій получаетъ уплаченныя имъ деньги или обычную цѣну раба. Если кто-либо изъ грековъ взятъ въ плѣнъ во время войны, то да будетъ дана ему свобода вернуться на родину, причемъ плѣнившій его долженъ получить, какъ выше сказано, обычную цѣну раба. Если въ случаѣ войны русскіе пожелаютъ служить у царя вашего, то имѣютъ право на это безъ ограниченія времени службы и числа поступающихъ въ нее лицъ. Если случится, что русскіе невольники будутъ привезены для продажи изъ какой-либо страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники на Русь, то они продаются по 20 червонцевъ и отпускаются на родину. Если рабъ русскій будетъ украденъ, или убѣжитъ, или будетъ проданъ насильно, и хозяинъ раба станетъ жаловаться, то жалоба должна быть подтверждена свидѣтельствомъ самого раба, и тогда хозяинъ можетъ взять его себѣ обратно. Также русскіе купцы, потерявшіе раба, могутъ жаловаться, искать его и, нашедши, взять обратно; тотъ, кто будетъ противиться обыску, проигрываетъ этимъ дѣло свое. Если кто изъ русскихъ, находящихся на службѣ христіанскаго царя въ Греціи, умретъ, не отказавъ своего имущества, и при немъ не будетъ родственниковъ, то имущество его должно вернуться на Русь къ его родственникамъ; если умершій оставитъ завѣщаніе, то лицо, названное въ завѣщаніи, получитъ наслѣдство черезъ посредство русскихъ купцовъ, посѣщающихъ греческую землю и проживающихъ тамъ. Если преступникъ уйдетъ изъ Руси въ греческую землю и Русь будетъ жаловаться христіанскому царю, то преступникъ долженъ быть взятъ и возвращенъ на Русь хотя бы насильно. То же самое обязаны дѣлать и русскіе относительно грековъ въ подобномъ случаѣ. Для утвержденія и ненарушимости заключеннаго мира между нами и греками, мы написали договоръ этотъ на двухъ хартіяхъ съ подписями царя вашего и нашими. Царь клялся Честнымъ Крестомъ и святою Единосущною Троицею единаго истиннаго Бога нашего соблюдать этотъ до-

говоръ. Мы же клялись царю вашему, держащему власть отъ Бога, по обычаямъ нашего народа, въ томъ, что ни мы, ни кто изъ нашихъ, не будемъ нарушать этого договора, назначеннаго для сохраненія мира и любви.

В. Договоръ Игоря (944 г.).

Мы, рода русскаго послы и гости (слѣдуютъ имена пословъ отъ Игоря, жены его Ольги, сына его Святослава, его племянниковъ и т. д.)— посланы отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ князей, и отъ всѣхъ людей земли Русской. Намъ велѣно обновить старый миръ и дьявола, ненавидящаго добро и сѣющаго раздоры, унизить на многія лѣта, утвердивъ любовь между греками и Русью. Великій князь нашъ Игорь, бояре его и всѣ люди русскіе послали насъ къ великимъ царямъ греческимъ, Роману, Константину и Стефану, заключить дружбу съ самими царями, со всѣмъ боярствомъ и всѣми людьми греческими навсегда, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ. Если кто изъ русскихъ возъимѣетъ намѣреніе разрушить эту дружбу, то, если онъ христіанинъ, пусть получитъ возмездіе отъ Бога Вседержителя, пусть будетъ осужденъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ: если онъ не крещенъ, то пусть не имѣетъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, пусть не защитится щитомъ своимъ, пусть погибнетъ отъ меча своего, отъ стрѣлъ или отъ другого своего оружія, и пусть будетъ рабомъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Великій князь русскій и бояре пусть посылаютъ въ греческую землю къ великимъ царямъ греческимъ кораблей, сколько хотятъ, съ послами и купцами, какъ постановлено. Послы имѣли прежде печати золотыя, а купцы серебряныя; теперь же пусть князь вашъ посылаетъ грамоту царямъ нашимъ, свидѣтельствующую, что посылаемые имъ суть именно послы и купцы, имѣющіе грамоту, въ которой написано, сколько послано кораблей. Такимъ образомъ, мы будемъ знать, что они приходятъ съ миромъ. Если же придутъ къ намъ безъ грамоты, то мы будемъ ихъ задерживать подъ стражею, пока не снесемся съ княземъ вашимъ; если при этомъ пришедшіе будутъ сопротивляться, то могутъ быть убиты, и князь вашъ не имѣетъ права мстить намъ за смерть ихъ. Если они убѣгутъ въ Русь, то мы напишемъ объ этомъ князю вашему, чтобы онъ поступилъ съ ними, какъ ему угодно. Если русскіе придутъ не съ торговою цѣлью, то не имѣютъ права на полученіе мѣсячнаго содержанія. Пусть князь запретитъ посламъ своимъ и вообще приходящимъ сюда русскимъ творить безчинства въ селахъ и городахъ нашихъ. Когда они придутъ, пусть живутъ у святого Мамы, а наше правительство пошлетъ чиновниковъ для того, чтобы переписать ихъ имена, и тогда, какъ послы, такъ и купцы получатъ свое содержаніе; первыми получатъ пришедшіе изъ города Кіева, затѣмъ—изъ Чернигова и Переяславля. Пусть входятъ въ городъ одними воротами, съ царскимъ чиновникомъ, безъ оружія, по 50 человѣкъ, пусть совершаютъ торговлю, какъ имъ надобно, и затѣмъ пусть уходятъ. Греческій чиновникъ долженъ охранять ихъ и судить, если кто изъ грековъ или изъ русскихъ поступитъ несправедливо. Войдя въ городъ, русскіе не имѣютъ права купить паволоки дороже 50 червонцевъ, и эти паволоки каждый купившій долженъ показывать чиновнику, который приложитъ къ нимъ клеймо и возвратитъ ихъ. Отходящіе от-

сюда русскіе получаютъ отъ насъ, если надобно, пищу на дорогу и то, что нужно для кораблей, сообразно съ прежнимъ договоромъ, чтобы безопасно вернуться въ страну свою, такъ какъ не имѣютъ права зимовать у святого Мамы. Если уйдетъ рабъ изъ Руси или отъ русскихъ, которые придутъ въ страну царства нашего и будутъ жить у святого Мамы, то рабъ долженъ быть возвращенъ, если его найдутъ; если же не найдутъ, то допускается присяга со стороны христіанъ по ихъ вѣрѣ, и со стороны нехристіанъ по ихъ закону, и тогда потерявшіе раба получаютъ отъ насъ цѣну его, какъ установлено прежде—двѣ паволоки за человѣка. Если отъ людей царства нашего, отъ жителей города нашего или другихъ городовъ, уйдетъ рабъ нашъ къ вамъ и унесетъ съ собою какую-нибудь вещь, то слѣдуетъ возвратить его съ тѣмъ, что онъ принесъ, въ цѣлости, за что будетъ уплачено 2 червонца. Если кто изъ русскихъ попытается взять незаконно что-либо отъ людей царства нашего и сдѣлаетъ это, то пусть будетъ строго наказанъ и взятое пусть возвратитъ вдвойнѣ. Если такъ поступитъ грекъ относительно русина, то и онъ будетъ наказанъ такимъ же образомъ. Если случится русину что-либо украсть у грека, или греку у русина, то должно возвратить не только украденную вещь, но и ея стоимость; если украденная вещь найдется въ продажѣ, то пусть уплачена будетъ двойная стоимость ея, и такое наказаніе считается сообразнымъ съ закономъ греческимъ и съ закономъ русскимъ. Если русскіе приведутъ плѣнника христіанскаго, нашего подданнаго, то слѣдуетъ его выкупить за 10 червонцевъ—если это молодой человѣкъ или взрослая дѣвица, за 8 червонцевъ—если это человѣкъ среднихъ лѣтъ, за 5 червонцевъ—если это старикъ или ребенокъ. Если у грековъ найдутся рабы изъ русскихъ плѣнниковъ, то Русь выкупаетъ ихъ по 10 червонцевъ; если же такого раба грекъ купилъ, то долженъ продать его за ту цѣну, которую самъ заплатилъ, при чемъ справедливость своего показанія на счетъ цѣны онъ подтверждаетъ присягою. Что касается до Корсунской страны и городовъ, находящихся въ этой области, то князь русскій не долженъ имѣть власти надъ ними, воевать съ ними и покорять ихъ себѣ; если же русскій князь будетъ просить у насъ помощи для войны, то мы окажемъ помощь, насколько ему будетъ нужно. Если русскіе найдутъ греческое судно, выброшенное на какой-нибудь берегъ, то пусть обращаются съ нимъ хорошо; если кто украдетъ какую-нибудь вещь, поработитъ или убьетъ человѣка изъ этого судна, то пусть будетъ обвиненъ по закону русскому и греческому. Встрѣтивъ въ Днѣпровскомъ устьѣ корсунцевъ, занимающихся рыболовствомъ, русскіе не должны причинять имъ никакого зла; къ тому же русскіе не имѣютъ права зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, ни у святого Еѳерія, но должны съ наступленіемъ осени идти домой на Русь. Что касается до Черныхъ Болгаръ, приходящихъ разорять страну Корсунскую, то мы требуемъ отъ русскаго князя, чтобы онъ не допускалъ до этого. Если совершено будетъ какое-нибудь преступленіе грекомъ, нашимъ подданнымъ, то русскіе не имѣютъ права казнить его, но виновный получитъ наказаніе повелѣніемъ царства нашего. Если христіанинъ убьетъ русина, или русинъ христіанина, и убійца будетъ захваченъ родственникомъ убитаго, то пусть будетъ убитъ. Если же убійца уйдетъ, то родственники убитаго возьмутъ себѣ имущество убійцы; если бѣжавшій убійца несостоятеленъ, то пусть его ищутъ, пока не най-

дутъ, и, нашедши, пусть лишатъ его жизни. Если русинъ грека или грекъ русина ударитъ мечомъ, копьемъ или инымъ оружіемъ, то виновный долженъ заплатить 5 литръ серебра по закону; если онъ несостоятеленъ, пусть дастъ, сколько можетъ, не исключая и одежды, въ которой онъ ходитъ; что же касается до остального, то виновный долженъ принести присягу въ томъ, что не имѣетъ больше никакого имущества, и тогда будетъ освобожденъ. Если наши цари захотятъ имѣть военную помощь отъ васъ противъ враговъ своихъ, то они напишутъ къ великому князю вашему, а тотъ пошлетъ воиновъ столько, сколько будетъ потребовано. Такимъ образомъ увидятъ иныя страны, какая любовь существуетъ между греками и Русью. Мы написали этотъ договоръ на двухъ хартіяхъ; одна изъ нихъ находится у царей нашихъ, и на ней изображенъ крестъ и написаны наши имена, а на другой имена пословъ и купцовъ вашихъ. Другую пусть люди, отправляющіеся послами нашего царства, препроводятъ къ великому князю русскому и людямъ его; они же, получивъ хартію, присягнутъ хранить истину, какъ мы согласились и написали на хартіи, снабженной нашими именами. Мы же всѣ, крещеные, клялись въ соборной церкви святого Иліи предлежащимъ честнымъ крестомъ и хартіею сею хранить все, что тутъ написано, и не нарушать ничего; если же кто изъ страны нашей, князь или иной, крещенный или некрещеный, нарушитъ договоръ, да не имѣетъ помощи отъ Бога, да будетъ рабомъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, да погибнетъ отъ своего оружія. А некрещеная Русь кладетъ щиты свои и обнаженные мечи, кольца свои и другое оружіе и даетъ клятву хранить договоръ этотъ, заключенный Игоремъ, всѣми боярами и всѣми людьми русскими на все будущее время. Если кто изъ князей или людей русскихъ, христіанъ или нехристіанъ, нарушитъ написанное на этой хартіи, тотъ да погибнетъ отъ своего оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ клятвопреступникъ. Да будетъ благо, да хранитъ великій князь Игорь эту справедливую любовь, да не разрушится она, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ, въ нынѣшніе вѣка и въ будущіе.

XVI. ПОХОДЪ ИГОРЯ НА ДРЕВЛЯНЪ.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина).

Игорь, одаривъ пословъ греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками, отпустилъ ихъ къ императору съ дружественными увѣреніями. Онъ, дѣйствительно, хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. „Мы босы и наги“, говорили воины Игорю: „а Свѣнельдовы отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. Поди въ дань съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны“. Ходить въ дань значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги.

Древніе государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякій годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде апрѣля. Цѣлью сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять

общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ великихъ князей.

Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, вельможъ и бояръ, особенно Свѣнельда, знаменитаго воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ отроками своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Имъ завидовала дружина Игорева, и князь при наступленіи осени исполнилъ ея желаніе: отправился въ землю древлянъ и, забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его, пользуясь, можетъ быть, слабостью князя престарѣлаго, также хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ, но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ данью, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частью своей дружины возвратился къ древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути и сказали ему: „Князь! мы все заплатили тебѣ: для чего же опять идешь къ намъ?“ Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные древляне, видя, по словамъ лѣтописца, что надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою, вооружились подъ начальствомъ князя своего, именемъ Мала, вышли изъ Искоростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго князя къ двумъ деревамъ, разорвали надвое.

XVII. МЩЕНІЕ ОЛЬГИ ЗА СМЕРТЬ ИГОРЯ.

(Изъ „Исторіи русской жизни“ Забѣлина, т. II).

Въ то время, какъ Игорь погибалъ у древлянскаго Искоростеня, въ Кіевѣ осталась его княгиня Ольга съ маленькимъ сыномъ Святославомъ. Княгиню и городъ, и всю землю, вмѣсто князя, оберегалъ воевода Свѣнельдъ. Такое событіе, какъ убійство князя подвластнымъ племенемъ, и притомъ племенемъ, издавна враждебнымъ Кіеву, должно было произвести сильное возбужденіе во всемъ городѣ. Лѣтописецъ объ этомъ умалчиваетъ и передаетъ только народную повѣсть о томъ, какъ совершилось русское мщеніе надъ всею древлянскою землею.

Первую вѣсть о смерти Игоря принесли Ольгѣ древлянскіе послы. Убивши русскаго князя, древляне задумали совсѣмъ упразднить княжій родъ въ Кіевѣ и разсудили такъ: „Русскаго князя мы убили; возьмемъ его княгиню Ольгу въ жены нашему князю, а Святослава тоже возьмемъ и сотворимъ съ нимъ, какъ захочемъ“. Въ этомъ, по виду сказочномъ древлянскомъ рѣшеніи можетъ скрываться дѣйствительное обстоятельство, по которому древляне, какъ побѣдители, намѣревались вообще завладѣть кіевскимъ княженьемъ. Борьба съ Кіевомъ, продолжавшаяся со временъ Аскольда почти сто лѣтъ и окончившаяся теперь такою удачею, давала естественный поводъ возстановить древлянское могущество именно присоединеніемъ кіевскаго княженья къ древлянской землѣ.

Естественно также, что древляне прежде всего желали привести въ исполненіе свой замыселъ мирнымъ путемъ, именно сватовствомъ. Видимо, что теперь они дѣйствуютъ не какъ данники и рабы Кіева, но какъ земля самостоятельная, передъ которою Кіевъ, потерявши своего князя, представляется вполнѣ безсильнымъ и, по народнымъ понятіямъ, въ образѣ своей княгини, получаетъ значеніе невѣсты для древлянскаго князя. Порѣшивши на этой мысли, древляне послали къ Ольгѣ пословъ или сватовъ, 20 человѣкъ лучшихъ мужей, старѣйшихъ бояръ. Послы приплыли къ Кіеву въ ладьяхъ, потому что сообщеніе съ Древлянскою землею шло по рѣкамъ. Древляне сидѣли между рѣками Тетеревомъ и Припетью, которыя обѣ впадаютъ въ Днѣпръ выше Кіева.

Вотъ сказали Ольгѣ, что приплыли подъ Кіевъ древлянскіе послы. Княгиня позвала ихъ къ себѣ. „Добрые гости пришли?“ спросила княгиня. „Добрые пришли, княгиня“, отвѣтили послы. Этотъ вопросъ Ольги, какъ и отвѣтъ пословъ-сватовъ переноситъ насъ въ кругъ свадебныхъ обрядовъ, когда сваты обыкновенно являются, какъ совсѣмъ неизвѣстные люди и объясняютъ только, что они пришли, какъ люди добрые. Очевидно, что народная повѣсть начинаетъ именно свадебнымъ обрядомъ и рисуетъ въ своемъ разсказѣ сочетаніе свадебнаго замысла со стороны древлянъ съ замысломъ Ольги — исполнить свою месть и совершить не простое наказаніе убійцамъ, но торжественные похороны мужа по обрядамъ язычества. Во всей повѣсти разыгрывается въ одно и то же время свадьба и похороны, ожидаемое веселье и горькій плачъ.

„Говорите, съ какимъ дѣломъ сюда пришли?“ вопрошаетъ Ольга.— „Послала насъ Древлянская земля, отвѣчаютъ послы; а велѣла тебѣ сказать: мужа твоего убили! А за то, что былъ твой мужъ, аки волкъ, хищникъ неправедный и грабитель. А у насъ князья добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, какъ добрые пастухи. Пойди замужъ за нашего князя“. Былъ ихъ князь именемъ Малъ.

„Любо мнѣ слушать вашу рѣчь, сказала Ольга. Уже мнѣ своего Игоря не воскресить! Теперь идите въ свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу васъ почтить великою почестью передъ своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугамъ: не ѣдемъ на коняхъ, не ѣдемъ и на возахъ, не хотимъ идти и пѣшкомъ,—несите насъ въ ладьяхъ! И внесутъ васъ въ городъ въ ладьяхъ. Такова будетъ вамъ почесть. Таково я люблю вашего князя и васъ!“

Послы обрадовались и пошли къ своимъ ладьямъ пьяны-веселы, воздѣвая руками и восклицая: „Знаешь-ли ты, нашъ князь, какъ мы здѣсь все тебѣ уладили?“

А Ольга тѣмъ временемъ велѣла выкопать на своемъ загородномъ теремномъ дворѣ, вблизи самаго терема, великую и глубокую яму, въ которую былъ насыпанъ горящій дубовый уголь. На утро она сѣла въ теремѣ и послала звать къ себѣ гостей. „Зоветъ васъ Ольга на любовь!“ сказали посламъ пришедшіе кіевляне. Послы все исполнили, какъ было сказано. Усѣлись въ ладьяхъ, развалившись и величаясь, и потребовали отъ кіевлянъ, чтобы несли ихъ прямо въ ладьяхъ. „Мы люди подневольные, отвѣтили кіевляне, князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ замужъ за вашего князя!“ Подняли ладьи и торжественно понесли пословъ-сватовъ къ княгинину терему. Сидя въ ладьяхъ, древлянскіе послы гордились и величались. Ихъ принесли во дворъ княгини и побро-

сали въ горящую яму, вмѣстѣ съ ладьями. „Хороша-ли вамъ честь?" воскликнула Ольга, приникши къ ямѣ.—„Пуще намъ Игоревой смерти", застонали послы. Ольга велѣла засыпать ихъ землею живыхъ.

Потомъ она послала къ древлянамъ сказать такъ: „Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще пословъ, самыхъ честнѣйшихъ, чтобы могли идти отсюда съ великою почестью, а безъ той почести люди кіевскіе не пустятъ меня". Древляне избрали въ новое посольство самыхъ набольшихъ мужей, державцевъ, что держатъ древлянскую землю.

А древлянскій князь, въ ожиданіи невѣсты, устраивалъ веселіе къ браку и часто видѣлъ сны: вотъ приходитъ къ нему Ольга и даритъ ему многочисленныя одежды, червленыя, всѣ унизаны жемчугомъ, и одѣяла червленыя съ зелеными узорами, и ладьи осмоленныя, въ которыхъ понесутъ на свадьбу жениха и невѣсту.

Какъ пришли новые послы, Ольга велѣла ихъ угощать, велѣла истопить имъ баню, избу любую. Это было старозавѣтное угощеніе для всякаго добраго и дорогого гостя. Влѣзли древляне въ истопку и начали мыться. Двери за ними затворили и заперли, и тутъ же отъ дверей зажгли истопку: тамъ они всѣ и сгорѣли.

Послѣ того Ольга посылаетъ къ древлянамъ съ вѣстью: „Пристроивайте—варите меды! Вотъ уже иду къ вамъ! Иду на могилу моего мужа: для людей поплачу надъ его гробомъ; для людей сотворю ему тризну, чтобъ видѣлъ мой сынъ и кіевляне, чтобъ не осудили меня!" Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась изъ Кіева налегкѣ, съ малою дружиною. Придя ко гробу мужа, стала плакать, а поплакавши, велѣла людямъ сыпать могилу великую. Когда могила была ссыпана въ большой курганъ, княгиня велѣла творить тризну. Послѣ того древляне, лучшіе люди и вельможи, сѣли пить. Ольга велѣла отрокамъ (слугамъ) угощать и поить ихъ вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своихъ послахъ. „А гдѣ же наша дружина, наши мужи, которыхъ послали за тобою?" спросили они у Ольги.—„А идутъ за мною съ дружиною моего мужа, приставлены беречь скарбъ," отвѣтила княгиня. Вотъ уже древляне упились, какъ слѣдовало. Княгиня велѣла отрокамъ *пить на нихъ*, что значило пить чашу пополамъ за братство и любовь и за здоровье другъ друга, отъ чего отказываться было невозможно: таковъ былъ обычай. Это называлось также *перепивать* другъ друга. Сама княгиня поспѣшила уйти съ пира. Въ конецъ опьянѣвшіе древляне были всѣ посѣчены, какъ трава. Тутъ ихъ погибло 5000. Княгиня возвратилась въ Кіевъ и стала готовить войско, чтобы окончательно истребить древлянскую силу.

Окончились торжественныя похороны Игоря; окончилась троекратная месть вдовы за кровь своего мужа: погребеніе живыхъ въ землѣ, въ горящей ямѣ; погребеніе живыхъ въ огнѣ—сожженіемъ; закланіе ихъ жертвами надъ самою могилою убитаго. Теперь поднималась месть сына.

На другое лѣто Ольга привела въ Древлянскую землю многое и храброе войско подъ предводительствомъ маленькаго Святослава съ воеводою Свѣнельдомъ и съ дядькою малютки Асмолдомъ. Древляне тоже собирались и вышли противъ. Полки сошлисъ лицомъ къ лицу и первымъ началъ битву малютка Святославъ. Онъ первый сунулъ копье на древлянъ. Копье полетѣло между ушей коня и упало коню въ ноги.

Княжее дѣло было исполнено. „Князь уже началъ!“ воскликнули воевода и дядька. „Потягнемъ, дружина, по князѣ!“ Поле битвы осталось за кіевлянами. Древляне разбѣжались по городамъ и заперлись въ осаду. Ольга съ сыномъ пошла прямо къ Искоростеню, гдѣ былъ убитъ Игорь. Этотъ городъ зналъ, что ему пощады не будетъ, и потому боролся крѣпко.

Стоитъ Ольга подъ городомъ все лѣто, а взять его не можетъ. Княгиня наконецъ умыслила такъ: послала въ городъ и говоритъ: „Чего вы хотите досидѣть? Всѣ ваши города отдались мнѣ, всѣ люди ваши взялись платить дань; теперь спокойно дѣлаютъ свои нивы, пашутъ землю, а вы хотите, видно, помереть голодомъ, что не идете въ дань“.

„Рады и мы платить дань, отвѣчали горожане, да ты хочешь мстить на насъ смерть мужа“.

„А я уже мстила обиду мужа“, отвѣчала Ольга. „Первое, когда пришли ваши первые послы въ Кіевъ творить свадьбу; потомъ второе со вторыми послами, и потомъ третье, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, въ Кіевъ. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться съ вами. Буду собирать отъ васъ дань легкую“.—„Бери, княгиня, чего желаешь“, отвѣчали древляне. „Рады давать медомъ и дорогими мѣхами“.—„Вы изнемогли въ осадѣ, говоритъ Ольга. Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни мѣховъ. Хочу взять отъ васъ дань на жертву богамъ, а мнѣ на исцѣленіе головной болѣзни,—дайте отъ двора по три голубя и по три воробья. Тѣ птицы у васъ есть, а по другимъ мѣстамъ я повсюду собирала, да нѣтъ ихъ. И то вамъ будетъ дань изъ рода въ родъ!“

Горожане были рады и скоро исполнили желаніе княгини, прислали птицъ съ поклономъ. Ольга повѣстила, чтобъ жили теперь спокойно, а на утро она отступаетъ отъ города и пойдетъ въ Кіевъ. Услышавши такую вѣсть, горожане возрадовались еще больше и разошлись по дворамъ спать спокойно. Голубей и воробьевъ Ольга раздала ратнымъ, велѣла къ каждой птицѣ привязать горючую сѣру съ трутомъ, обернувши въ лоскутъ и завертѣвши ниткою, и какъ станетъ смеркаться, выпустить всѣхъ птицъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда, голуби въ голубятни, а воробьи подъ застрѣхи. Городъ въ одинъ часъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ, загорѣлись голубятни, клѣти, вежи, одрины, всѣ дворы; такъ что и гасить было невозможно. Люди повыбѣжали изъ города; но тутъ и началась съ ними расправа: однихъ убивали, другихъ забирали въ рабство; старѣйшинъ всѣхъ забрали и сожгли. Такъ совершилось русское мщеніе за смерть русскаго князя. Все это были жертвы душѣ убитаго. Сожженъ цѣлый городъ съ его старѣйшинами. Само имя его Искоростень, по всему вѣроятію, означаетъ зажженный.

Совершивъ мщеніе, Ольга положила на древлянъ тяжкую дань: по 2 черныхъ куны, по 2 веверицы, кромѣ мѣховъ и меда. Для устройства дани Ольга съ сыномъ и съ дружиною прошла по всей Древлянской землѣ, вдоль и поперекъ, уставляя уставы и уроки.

Весь этотъ разсказъ о мщеніи Ольги за смерть Игоря, очевидно, записанъ лѣтописцемъ со словъ народнаго преданія, которое красками эпическаго созерцанія рисуетъ однако дѣйствительное событіе и отнюдь не сказку-складку. Всѣ обстоятельства разсказа и даже всѣ ихъ подробности очень просты и очень согласны съ дѣйствительною правдою. По-

вѣсть особенно заботится только выставить на видъ *остроуміе* или собственно хитрость Ольги. Оттого и древляне, затѣявши точно также остроумно владѣть Кіевомъ, являются предъ хитростью русской княгини сущими простаками. Впрочемъ, они ведутъ себя добродушно и довѣрчиво, какъ подобаетъ простымъ и добрымъ людямъ, вполнѣ увѣреннымъ, что они устраиваютъ очень выгодную свадьбу своему князю. Преданіе вовсе не ставитъ ихъ людьми глупыми. Напротивъ, при всякомъ случаѣ оно рисуетъ ихъ людьми разсудительными, поступающими весьма осторожно. Они, какъ лѣсные обитатели, представляются только простѣе, добродушнѣе промышленныхъ кіевлянъ, этихъ ловкихъ людей съ большой днѣпровской дороги, руководимыхъ къ тому же и местью за смерть князя, и своею княгинею, *умнѣйшею отъ человѣкъ*. Самая дань городскими птицами объясняется разсудительно и согласно съ настоящею правдою, ибо Ольга требуетъ птицъ на жертву богамъ, что, въ глазахъ язычника, не могло казаться чѣмъ-либо необычайнымъ и нелѣпымъ,— тѣмъ болѣе, что древняя дань распространялась на всевозможные предметы, какіе только могли идти въ потребленіе. Лѣтописецъ видимо желалъ показать, что и разумные, и разсудительные люди все-таки не устояли передъ остроуміемъ Ольги.

Для язычника, который имѣлъ свои понятія о нравственномъ законѣ, хитрость ума, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, представляла высокое нравственное качество, всегда приводившее его въ восторгъ и восхищеніе и всегда имѣвшее для него значеніе вѣщей силы. Въ древнихъ понятіяхъ хитрость, даже обманная, означала собственно искусство побѣждать остротою ума и враговъ, и всякія препятствія, стоявшія на пути къ достиженію цѣли. Это—въ кругу нравственныхъ дѣяній. Въ кругу всякихъ другихъ дѣлъ хитрость прямо значила искусство, художество; хитрецъ, хитрокъ—художникъ, творецъ, отчего и Творецъ всѣхъ вещей именуется *Всехитрецомъ, Доброумомъ Хитрецомъ.*

Тонкимъ искусникомъ и хитрецомъ обрисовывается и Ольга въ своей мести за смерть мужа и за смерть русскаго князя. Прямой нравственный долгъ княгини, матерой вдовы, за малолѣтствомъ сына державшей русское княженіе, требовалъ отъ нея безпощадной мести старымъ врагамъ, древлянамъ. Въ этомъ заключался высокій нравственный законъ языческаго общества. Месть могла подняться общимъ походомъ на древлянъ, но сами же древляне дали поводъ исполнить ее безъ особыхъ потерь. Они завели сватовство своего князя съ русскою княгинею, главною цѣлью котораго было совсѣмъ присоединить Кіевскую область къ своей Древлянской землѣ. Въ этой мысли нѣтъ ничего необычайнаго, сказочнаго или глупаго. Напротивъ, древляне здѣсь дѣйствуютъ столь же умно, какъ дѣйствовала и Ольга. Посредствомъ княжескихъ браковъ соединялись въ одно цѣлое и не такія земли. Вспомнимъ соединеніе Литвы съ Польшею. Ольга воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и притворилась желающей выйти за князя Мала. Отсюда и начинается ея искусство вести дѣло. Она совершаетъ упомянутые три порядка мести въ честь убитаго мужа и приноситъ въ жертву его душѣ честнѣйшихъ людей Древлянской земли. Во всѣхъ случаяхъ гибнутъ избранные лучшіе люди, старѣйшины, державцы, защитники и управители. Выясняется извѣстная политика умныхъ князей-завоевателей—вынимать душу земли, т. е. истреблять или выводить ея верхній, дѣйствующій, руководящій, богатый

и знатный слой. Безъ того нельзя было покорить, какъ слѣдуетъ, ни одной земли. Это была ходячая и въ своихъ цѣляхъ мудрая и дальновидная житейская практика при распространеніи владычества надъ странами.

Въ числѣ бытовыхъ порядковъ, сопровождавшихъ разныя обстоятельства этого событія, обращаетъ вниманіе ношеніе дорогихъ гостей въ лодкахъ. Мы не думаемъ, чтобы эти ладьи являлись здѣсь только сказочною прикрасою. Видимо, что онѣ употреблялись, какъ и сани, въ качествѣ почетныхъ носилокъ, когда требовалось дѣйствительно оказать кому-либо высокую честь. Могло случаться, что, при особомъ торжествѣ, въ лодкахъ вносились прямо съ берега въ городъ любимые люди и особенно любимые князья. Лодками дарила Ольга князя Мала, какъ онъ видѣлъ во снѣ, и именно для того, чтобы въ нихъ нести его съ невѣстою на бракъ. Изъ этой отмѣтки видно, что лодка и въ свадебномъ обрядѣ занимала свое мѣсто. У людей, проводившихъ большую часть жизни на водѣ, жившихъ постоянно въ лодкѣ, каковы были первые руссы, лодка очень естественно въ необходимыхъ случаяхъ могла замѣнять сухопутную колесницу или носимый чертогъ, и потому могла получить обрядовое значеніе. Въ лодкѣ же язычники руссы хоронили (сожигали) своихъ покойниковъ, какъ видѣлъ арабскій писатель Ибнъ-Фодланъ.

Изображая такую языческую старину о порядкахъ княжескаго мщенія и погребенія, народная повѣсть рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя воззрѣнія на значеніе личности князя въ тогдашнемъ обществѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ князь является сыномъ земли. Не самъ князь, а вся Древлянская земля, какъ родная мать устраиваетъ его бракъ съ Ольгою. Во всѣхъ дѣйствіяхъ личность князя стоитъ позади и ничего личнаго не предпринимаетъ. Князь вообще не представляетъ въ себѣ ничего господарскаго, самодержавнаго; онъ и послѣ именуется только *господиномъ*, что имѣетъ большое различіе съ именемъ *государь*, *господарь*, обозначавшимъ вообще владѣльца-собственника земли. Стало быть, кругъ понятій о значеніи князя для земли не заключалъ въ себѣ представленія о самодержавномъ собственникѣ, но ограничивался больше всего представленіями о пастырѣ-водителѣ, какъ и разумѣютъ древляне своихъ князей, выражаясь, что они *распасли* Древлянскую землю. Первая и главнѣйшая обязанность князя выставляется въ дѣйствіи малютки Святослава—починать сраженіе, битву. Все это самородныя бытовыя черты, отзывающіяся глубокою древностью.

XVIII. Княженіе Ольги и крещеніе ея.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина).

Великая княгиня Ольга, провождаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, уставляя налоги въ пользу казны государственной; но жители Коростеня долженствовали третью часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ въ ея собственный удѣлъ, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ великаго

князя. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія. Ольга, кажется, утѣшила древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ, всѣ ея памятники—ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ героевъ, забавлялась ловлею звѣрей—долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новгородскую: учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на погосты или волости; сдѣлала, безъ сомнѣнія, все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Черезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностью вспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пскова хранили еще сани ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія княгиня, рожденная во Псковѣ, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которую онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицей области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу въ Кіевъ и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовью своего признательнаго сына и не менѣе признательнаго народа. Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей церковной исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея передъ собою и чувствуетъ суетность земного величія. Тогда истинная вѣра болѣе, нежели когда-нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли особы княжескія: ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царьградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу; послѣ чего императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день, 9-го сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой храминѣ Юстиніановой, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ и гдѣ княгиня россійская, въ знакъ почтенія къ су-

пругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе царскому дому, и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: племяннику княгини дали 30 миліаризій или $2^1/_2$ червонца, каждому изъ восьми ея приближенныхъ—20, каждому изъ двадцати пословъ—12, каждому изъ сорока трехъ купцовъ тоже, священнику или духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, двумъ переводчикамъ—24, Святославовымъ людямъ—5 на человѣка, посольскимъ—3, собственному переводчику княгини 15 миліаризій. На собственномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и восемнадцати служительницамъ каждой 8. 18-го октября княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ императрицею, съ невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе государи россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но одна учтивость, безъ сомнѣнія, заставила великую княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что императоръ, плѣненный разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону, но что Ольга—нареченная во святомъ крещеніи Еленою—отвергла его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ, Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ, Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою.

Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но, кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ; слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ греческіе послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: „Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ (гавани Константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско“,— съ чѣмъ послы и возвратились къ императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу въ городъ и что обыкновенная надменность двора византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

XIX. ЛѢТОПИСНОЕ СКАЗАНІЕ О КРЕЩЕНІИ ОЛЬГИ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6463 отправилась Ольга въ Грецію и прибыла въ Константинополь. Царствовалъ тогда въ Константинополѣ Цимисхій *). И пришла къ нему Ольга, и увидѣлъ царь, что она весьма красива лицомъ и умна, и удивился разуму ея и, бесѣдуя съ нею, сказалъ ей: „Достойна ты того, чтобы здѣсь въ Царьградѣ царствовать съ нами". Она же, понявъ рѣчи царя, сказала ему: „Я язычница; если хочешь, чтобъ я крестилась, крести меня и будь моимъ воспріемникомъ; если же нѣтъ, то не крещусь". Ее крестили царь съ патріархомъ. Крестившись, она радовалась душой и тѣломъ; патріархъ преподалъ ей поученіе о вѣрѣ и сказалъ: „Благословенна ты въ женахъ русскихъ за то, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: будутъ благословлять тебя люди русскіе до послѣдняго рода внуковъ твоихъ". И бесѣдовалъ онъ съ ней о церковномъ уставѣ, о молитвѣ, о постѣ, о милостынѣ и о содержаніи тѣла въ чистотѣ. Она же, преклонивши главу, стояла, какъ губа напояемая, внимая ученію; поклонившись патріарху, она сказала: „Молитвы твои, владыко, да сохранятъ меня отъ сѣтей непріязненныхъ". Было наречено ей въ крещеніи имя Елена, какъ называлась и древняя царица, мать великаго Константина. Благословилъ ее патріархъ и отпустилъ.

Послѣ крещенія позвалъ ее царь и сказалъ: „Хочу взять тебя за себя замужъ". Она же отвѣчала: „Какъ хочешь взять меня, когда крестилъ меня самъ и назвалъ меня дочерью? ты самъ знаешь, что у христіанъ нѣтъ такого закона". И сказалъ царь: „Перехитрила ты меня, Ольга". Давъ дары многіе, золото и серебро, матеріи дорогія и сосуды различные, царь отпустилъ ее, назвавъ своею дочерью. Она же, собираясь домой, пришла къ патріарху, прося благословенія на обратный путь, и сказала ему: „Люди мои и сынъ мой язычники; о, если бы Богъ сохранилъ меня отъ всякаго зла!" И сказалъ патріархъ: „Чадо вѣрное! во Христа крестилась ты и во Христа облеклась, Христосъ сохранитъ тебя, какъ сохранилъ Еноха въ первыхъ родахъ и потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ пещи, Даніила отъ звѣрей; подобнымъ образомъ и тебя сохранитъ отъ непріязни и отъ опасностей". Благословилъ ее патріархъ, и отправилась она съ миромъ въ землю свою и вернулась въ Кіевъ... Прибыла Ольга въ Кіевъ, и прислалъ къ ней царь греческій, говоря: „Я много дарилъ тебя, ибо ты говорила мнѣ, что когда возвратишься въ Русь, то пришлешь многіе дары: рабовъ, воску, мѣховъ и войско на помощь". Отвѣчала Ольга посламъ: „Скажите отъ меня царю, что если онъ постоитъ у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я у него стояла въ гавани, то тогда дамъ требуемое".

---

*) Въ *Ипатіевской* лѣтописи, вмѣсто имени Цимисхія, значится имя императора Константина, сына Льва, что, конечно, вѣрнѣе: Іоаннъ Цимисхій вовсе не былъ современникомъ Ольги и царствовалъ позже.

XX. Святославъ и его походы.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Иловайскаго, ч. I, Кіевскій період).

Ольга употребляла, конечно, всѣ усилія склонить къ принятію крещенія своего сына Святослава, но тщетно. Религія христіанская, проповѣдующая миръ и любовь, была не по нраву молодого воинственнаго князя; онъ мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ совершалъ свои походы налегкѣ и ходилъ быстро подобно барсу. Онъ не тащилъ за собой обоза, не бралъ ни шатра, ни посуды: спалъ на конскомъ потникѣ, съ сѣдломъ въ головахъ; мяса не варилъ въ котлахъ, а, изрѣзавъ на куски конину, звѣрину или говядину, пекъ на угляхъ и ѣлъ. Такова была и вся его дружина. Усмиривъ древлянъ, Святославъ обратился противъ другого славянскаго племени, вятичей, обитавшихъ на верхней Окѣ и дотолѣ не платившихъ дани русскимъ князьямъ. Но подчиненіе этого племени удалось окончить только преемникамъ Святослава.

Для его неукротимой отваги представилось широкое поле на востокѣ въ борьбѣ съ народами, обитавшими на Волгѣ и въ странахъ прикавказскихъ. Тамъ еще стояла сильная Хозарская держава, съ которою руссы вели значительную торговлю, а иногда вступали въ жестокую борьбу. Причиной столкновенія, во-1-хъ, служили владѣнія въ Тавридѣ и на Тамани. Кіевская Русь успѣла уже освободить большую часть жившихъ тамъ черныхъ болгаръ отъ хазарскаго владычества и основать особое русское княжество, извѣстное подъ именемъ Тмуторакани. Но на Таврическомъ полуостровѣ продолжали еще существовать вассальныя хозарскія владѣнія; а со стороны Кавказа тмутораканская русь терпѣла отъ набѣговъ косожскихъ или кабардинскихъ князей, которые также считались вассалами верховнаго хозарскаго кагана, жившаго въ Итилѣ. Во-2-хъ, русь, проживавшая въ этомъ городѣ и приходившая сюда для торговли, по всей вѣроятности, терпѣла иногда разныя обиды и притѣсненія, за которыя она всегда готова была платить кровавымъ возмездіемъ. Наконецъ, хозарская твердыня Саркелъ на Дону и самъ столичный городъ Итиль на Волгѣ препятствовали Руси пробираться на своихъ судахъ въ Каспійское море и грабить его юго-западныя прибрежья, изобильныя богатыми городами и селеніями.

Святославъ вступилъ въ упорную борьбу съ хозарами и побѣдилъ ихъ. Онъ взялъ и раззорилъ Саркелъ или Бѣлую Вежу, какъ его называетъ наша лѣтопись. Онъ побѣдилъ также хищныя племена косоговъ и ясовъ (аланъ) и тѣмъ упрочилъ съ этой стороны существованіе русской Тмуторакани. Съ раззореніемъ Саркела для Руси открылся свободный путь изъ Дона въ Волгу, которые раздѣлены небольшимъ волокомъ, и она не замедлила нанести рѣшительные удары враждебнымъ ей государствамъ, Болгарскому и Хозарскому. По извѣстіямъ восточныхъ писателей, въ 968 г. руссы по Волгѣ поднялись до столицы Камскихъ болгаръ и сильно раззорили этотъ торговый городъ. Потомъ они спустились внизъ по рѣкѣ, опустошили страну бутрасовъ (мордвы) и напали на Итиль, обширную и богатую столицу хозарскихъ кагановъ. Большая часть ея жителей разбѣжались уже при первомъ извѣстіи о приближеніи

руси. Ограбивъ Итиль, русь берегомъ Каспійскаго моря достигла другого богатаго хозарскаго города Семендера (близъ Тарку), который былъ столицею особаго князя, зависимаго отъ верховнаго кагана и также исповѣдующаго іудейскую религію. Этотъ городъ обиловалъ мечетями, церквами и синагогами, такъ какъ здѣсь жили вмѣстѣ христіане, мусульмане и евреи; однихъ виноградниковъ онъ имѣлъ до 4000. Русь разграбила и раззорила его, подобно Булгару и Итилю. Долго послѣ того на востокѣ со страхомъ и ужасомъ вспоминали о пашествіи свирѣпаго, неукротимаго народа руссовъ. Хозарской державѣ этой войной нанесенъ былъ такой сильный ударъ, что она уже не могла болѣе оправиться и снова стать грозною для своихъ сосѣдей.

Около того времени на Балканскомъ полуостровѣ случились обстоятельства, которыя отвлекли вниманіе Руси отъ Волги и Каспійскаго моря на Дунай и Черное.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства во время знаменитаго царя Симеона, который распространилъ его предѣлы на западъ и югъ, и едва не овладѣлъ самою Византіей. Но послѣ его смерти могущество это оказалось непрочно. Вожди дунайскихъ болгаръ не успѣли сплотить воедино южныхъ и балканскихъ славянъ такъ, какъ совершили это князья русскіе по отношенію къ славянамъ восточнымъ. Главнымъ препятствіемъ къ тому послужило слишкомъ близкое сосѣдство Византіи, съ ея искусною, дальновидною политикою. За принятіемъ греческой религіи послѣдовало быстрое пересажденіе въ Болгарію и греческой образованности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесены были и нѣкоторыя начала разложенія. Излишнее подражаніе византійской роскоши со стороны высшихъ классовъ и заимствованіе многихъ византійскихъ порядковъ часто вызывали народное неудовольствіе. Византійская политика напрягала всѣ усилія подорвать болгарскую силу, захватившую многія греческія области и не разъ угрожавшую самой столицѣ имперіи. Она постоянно возбуждала противъ Болгаріи ея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, насылала на нее печенѣговъ, угровъ и подавала помощь славянамъ, возставшимъ противъ болгарскаго владычества, н. п. сербамъ.

Сынъ и преемникъ Симеона, Петръ не былъ способенъ бороться съ тѣми затрудненіями, которыя его окружали, и его царствованіе представляетъ эпоху быстраго политическаго упадка Болгаріи. Хотя онъ и былъ женатъ на греческой царевнѣ, однако греческая политика вполнѣ пользовалась его слабостью для своихъ цѣлей. Между болгарскимъ царемъ Петромъ и византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокою возникли неудовольствія. Никифоръ, занятый дѣлами на востокѣ, прибѣгъ къ обычной византійской политикѣ: вооружать сосѣдніе варварскіе народы другъ противъ друга, такимъ образомъ ослаблять ихъ и отклонять отъ замысловъ противъ имперіи. Въ 967 г. онъ поручилъ патрицію Калокиру вступить въ переговоры съ русскимъ княземъ Святославомъ и склонить его къ нападенію на дунайскихъ болгаръ. Переговоры, подкрѣпленные со стороны грековъ золотомъ и разными льстивыми обѣщаніями, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Князь призвалъ къ оружію храброе русское юношество и въ слѣдующемъ году съ сильною ратью вступилъ на своихъ ладьяхъ въ Дунай. Тщетно болгарское ополченіе собралось на берегу этой рѣки и пыталось помѣшать высадкѣ руссовъ. Бол-

гаре были разбиты; затѣмъ покорены и разграблены многіе дунайскіе города, въ томъ числѣ Малая Преслава или Переяславецъ и сильно укрѣпленный Дористолъ. Побѣда досталась легко, потому что значительная часть болгаръ отложилась отъ своего царя и, вѣроятно, дѣйствовала заодно съ соплеменною ей русью. Старый Петръ отъ огорченія получилъ параличный ударъ и умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоеванія, пріятность климата, а также выгодное торговое положеніе Болгаріи между Византіей и Придунайскими странами такъ привлекли русскаго князя, что онъ уже не желалъ разстаться съ завоеванною землею и, если вѣрить нашей лѣтописи, вмѣсто родного Кіева, задумалъ утвердить свой столъ въ Переяславѣ. „Сюда, говорилъ онъ, сходится все благое: отъ грековъ золото, паволоки, вина и разныя овощи, отъ чеховъ и угровъ—серебро и кони, изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и невольники". Поэтому весною 969 г. Святославъ только на короткое время отправился въ Кіевъ, и со свѣжими силами вернулся на берега Дуная. Тогда онъ завладѣлъ самою столицею Болгарскаго царства, Великою Преславою, захватилъ въ свои руки сыновей Петра и, признавая царскій титулъ за старшимъ изъ нихъ, Борисомъ, въ сущности сдѣлался настоящимъ государемъ Болгаріи, по крайней мѣрѣ ея восточной половины.

Никифоръ Фока съ ужасомъ увидѣлъ свою ошибку: сосѣдство съ такимъ могучимъ племенемъ, какова была Русь, подвергало имперію великимъ опасностямъ. Доходили до него слухи и о замыслахъ коварнаго Калокира. Этотъ грекъ съумѣлъ пріобрѣсти дружбу Святослава и поощрялъ его желаніе утвердиться въ Болгаріи, съ условіемъ получить отъ него помощь для достиженія византійскаго престола. Никифоръ началъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ руссами и въ то же время вошелъ въ сношенія съ болгарами: послѣдніе, будучи христіанскимъ народомъ, съ неудовольствіемъ переносили господство языческой Руси и особенно были раздражены произведенными ею раззореніями и свирѣпствами. Между прочимъ говорятъ, будто Святославъ, завладѣвъ Филиппополемъ, посадилъ на колъ до 20000 плѣнныхъ, и тѣмъ навелъ такой страхъ, что заставилъ себѣ покориться и другіе города. Поэтому неудивительно, что многіе болгаре съ радостью встрѣтили предложеніе Никифора общими силами воевать противъ Руси. Но посреди этихъ приготовленій Никифоръ Фока, снискавшій себѣ уваженіе строгимъ своимъ правленіемъ, погибъ жалкою смертью.

Прекрасная наружностью, но крайне испорченная нравомъ, императрица Ѳеофано отравила своего перваго мужа Романа II, чтобы вмѣстѣ съ своею рукою доставить престолъ Никифору Фокѣ. Теперь она приготовила ту же участь и второму своему мужу. Изъ числа византійскихъ полководцевъ этого времени особенно выдвигался Іоаннъ Цимисхій, родомъ армянинъ, а прозваніе Цимисхій на армянскомъ языкѣ значило „Малорослый". Онъ былъ родственникъ Никифору и былъ его сподвижникомъ на поляхъ битвъ, но по своему смѣлому, честолюбивому характеру возбудилъ противъ себя подозрѣнія, лишенъ начальства надъ легіонами и нѣкоторое время жилъ въ уединеніи. Ѳеофано выпросила ему позволеніе явиться въ столицу. Никифоръ очень ее любилъ и не могъ отказать ея просьбамъ. Но Іоаннъ воспользовался пребываніемъ въ Константинополѣ для того, чтобы вмѣстѣ съ вѣроломною Ѳеофано устроить

заговоръ противъ Никифора. Въ одну глухую ночь Цимисхій на лодкѣ подплылъ ко дворцу со стороны моря и на веревкахъ былъ поднятъ на кровлю Вуколеона ожидавшими его соумышленниками. Онъ немедленно ворвался съ ними въ царскую спальню и безчеловѣчно умертвилъ спавшаго Никифора. Цимисхій былъ провозглашенъ императоромъ.

Умный, дѣятельный, отважный Цимисхій спѣшилъ великими дѣяніями и хорошимъ управленіемъ загладить пятно своего преступленія. Во всѣхъ дѣлахъ имперіи почувствовалась новая сила, новая энергія. Одною изъ первыхъ его заботъ было удаленіе руссовъ изъ Болгаріи. Сначала онъ пытался склонить къ тому Святослава переговорами и предлагалъ вознаградить его на основаніяхъ договора, заключеннаго съ Никифоромъ. Но русскій князь потребовалъ огромнаго выкупа за всѣ завоеванные города, за всѣхъ плѣнныхъ, и вообще далъ такой гордый отвѣтъ, что война сдѣлалась неизбѣжною. Не ограничиваясь собственною ратью, Святославъ вооружилъ вспомогательное войско изъ покоренныхъ болгаръ; кромѣ того, нанялъ угровъ и печенѣговъ и послалъ ихъ раззорять Ѳракію. Подъ стѣнами Адріанополя эти хищники потерпѣли пораженіе отъ искуснаго византійскаго полководца Варды, по прозванію Склира (крѣпкаго). Но такъ какъ Варда вслѣдъ за тѣмъ былъ отправленъ въ Малую Азію для усмиренія мятежа, поднятаго тамъ племянникомъ убитаго императора Никифора, то отряды варваровъ распространили свои набѣги и опустошенія во Ѳракіи и Македоніи. Зимнее время прошло безъ важныхъ событій. Но Іоаннъ не терялъ времени. Сдѣлавъ Адріанополь опорнымъ пунктомъ для будущихъ военныхъ дѣйствій, онъ приготовлялъ тамъ склады оружія и съѣстныхъ припасовъ; а между тѣмъ снаряжалъ многочисленный флотъ изъ мелкихъ судовъ для дѣйствій на Дунаѣ и усердно обучалъ свои полки военному искусству, при чемъ составилъ отдѣльный отрядъ тѣлохранителей, набранный изъ храбрѣйшихъ молодыхъ людей и названный „безсмертнымъ". Къ веснѣ приготовленія были окончены, мятежъ въ Малой Азіи усмиренъ, и восточные легіоны переправились въ Европу, имѣя во главѣ побѣдоноснаго Варду-Склира.

Выступленіе въ походъ противъ руссовъ сопровождалось большою торжественностью. Онъ всенародно молился въ знаменитѣйшихъ храмахъ столицы, сдѣлалъ смотръ и примѣрное сраженіе своего флота въ Золотомъ Рогѣ передъ отплытіемъ его въ Дунай, и затѣмъ направился съ легіонами въ Адріанополь. Отсюда онъ послалъ развѣдать о положеніи непріятеля и съ удивленіемъ узналъ, что Балканскія тѣснины (клисуры), ведущія изъ Ѳракіи въ Болгарію, не были заняты русскими. Этихъ проходовъ болѣе всего опасались греки, вспоминая о пораженіяхъ, которыя они понесли здѣсь въ прежнихъ своихъ войнахъ съ болгарами. Русь, повидимому, не ожидала такого ранняго движенія со стороны грековъ. Какъ бы то ни было, но Русь показала большую безпечность и допустила захватить себя въ расплохъ. Императоръ поспѣшно прошелъ ущелья и явился на сѣверномъ склонѣ Балканъ подъ Преславой. Неожиданность нападенія помогла ему овладѣть столицею Болгаріи. Стоявшій тамъ русскій отрядъ сначала бился въ открытомъ полѣ передъ городомъ; потомъ защищался въ стѣнахъ; вытѣсненный изъ города, онъ сосредоточился въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдѣльномъ возвышеніи и окруженъ особою стѣною. Когда греки, не смотря на всѣ усилія, не могли взять этого замка, они начали съ разныхъ концовъ бросать въ

него огонь; тогда руссы покинули пылавшее зданіе и, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, были истреблены послѣ отчаянной обороны. Только начальникъ ихъ Сфенкелъ съ немногими успѣлъ спастись, и ушелъ къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Дористолѣ. Въ Преславѣ греки плѣнили молодого болгарскаго царя Бориса съ его семействомъ. Іоаннъ, какъ искусный политикъ, обошелся съ нимъ ласково, заявляя, что онъ ведетъ войну не съ болгарами, а только съ Русью. Не теряя времени, императоръ двинулся къ Доpистолу.

По всей вѣроятности, не одна оплошность руссовъ была причиною ихъ неудачъ съ самаго начала войны и ихъ оборонительнаго, а не наступительнаго образа дѣйствій. Очевидно, наемныя полчища угровъ и печенѣговъ покинули Святослава въ самое нужное время, вѣроятно, склоненные къ тому греческимъ золотомъ. Значительная часть болгаръ возстала противъ Руси и начала помогать грекамъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается извѣстіемъ, что Святославъ, рѣшаясь защищаться въ Доpистолѣ, поспѣшилъ обезпечить себя со стороны жителей жестокою мѣрою: онъ собралъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ гражданъ и велѣлъ до 300 человѣкъ обезглавить, а остальныхъ заключить въ оковы и содержать въ темницахъ.

Первая битва Цимисхія и Святослава подъ Доpистоломъ была весьма упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты и копья, стояли стѣной передъ городомъ, когда Іоаннъ повелъ на нихъ свои стройные легіоны. Грековъ одушевляли недавніе успѣхи и присутствіе ихъ искуснаго мужественнаго вождя; а руссы, гордые своими завоеваніями и побѣдами надъ сосѣдними народами, считали пораженіе для себя невыносимымъ бѣдствіемъ; они дрались съ неукротимою яростью и съ дикимъ крикомъ поражали непріятелей. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Наконецъ Іоаннъ выдвинулъ всю свою конницу и велѣлъ ей стремительно ударить на варваровъ. Послѣдніе не выдержали этого натиска и заключились въ городѣ. Императоръ немедленно устроилъ укрѣпленный лагерь на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; греки окопались и поставили свои шатры. Въ то же время греческій флотъ вошелъ въ Дунай и отрѣзалъ русскимъ отступленіе въ отечество. Флотъ этотъ былъ страшенъ для нихъ своими огнеметательными снарядами. Они еще живо помнили разсказы отцовъ о томъ, какъ этотъ огонь истребилъ суда Игоря. Русь собрала свои ладьи и держала ихъ подъ самыми стѣнами Доpистола, не смѣя приблизиться къ греческимъ судамъ. Итакъ, съ прибытіемъ греческаго флота она была окружена непріятелемъ. Началась знаменитая осада, которая по своему упорству и подвигамъ, совершеннымъ съ обѣихъ сторонъ, напоминаетъ нѣсколько баснословную осаду Трои, прославленную древними поэтами.

Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, руссы защищались съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. Они не прятались за городскими стѣнами и рѣдкій день не выходили на битву съ непріятелемъ. Русь, приплывшая на судахъ, составляла собственно пѣшую рать, за исключеніемъ предводителей и знатныхъ людей. Видя, какое превосходство даетъ грекамъ ихъ броненосная конница, руссы въ началѣ осады попытались и съ своей стороны выставить конное войско; но ни лошади, набранныя у туземцевъ, не годились къ бою, ни сами всадники, не привыкшіе къ конному строю, не могли

соперничать съ хорошо обученной конницей Цимисхія. Обыкновенно русская кольчужная рать, выступивъ изъ города и закрывшись своими длинными щитами, стѣною шла на непріятеля и сокрушала все передъ собою до тѣхъ поръ, пока Цимисхій и его полководцы клинообразнымъ построеніемъ своей пѣхоты, неожиданными нападеніями съ боковъ и съ тыла, или стремительными ударами конницы успѣвали разстроить сомкнутую русскую фалангу и принудить ее къ отступленію, но не къ бѣгству, ибо руссы шли назадъ медленно, закинувъ за спину свои огромные щиты. По ночамъ они выходили иногда въ поле, собирали тѣла павшихъ товарищей и сожигали ихъ на разложенныхъ кострахъ, причемъ заколали своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, а также по извѣстному славянскому обычаю убивали и женщинъ (вѣроятно принадлежавшихъ болѣе знатнымъ покойникамъ); кромѣ того, приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ опускали въ Дунай. Эти погребальные обряды они сопровождали дикимъ воемъ и плачемъ въ честь покойниковъ. Нерѣдко греки, снимая доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, открывали между ними трупы женщинъ, которыя въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими господами и на поле сраженія.

Цимисхій устроилъ метательные снаряды, которые бросали камни въ городъ и убивали многихъ осажденныхъ. Русь однажды сдѣлала нечаянную вылазку, чтобы сжечь эти машины; но подоспѣвшая конница спасла ихъ отъ истребленія. Въ другой разъ Святославъ, выбравъ темную, бурную ночь, съ 2000 воиновъ сѣлъ въ ладьи и, незамѣченный греческими судами, собралъ въ ближнихъ селеніяхъ муки, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ осажденные терпѣли крайнюю нужду. На обратномъ пути онъ успѣлъ еще истребить цѣлый греческій отрядъ, безпечно разсыпавшійся для водопоя и для рубки дровъ въ лѣсу. Императоръ сильно досадовалъ на начальниковъ своего флота за ихъ оплошность и грозилъ имъ смертною казнью, если подобная вылазка повторится. Съ этого дня греки еще тщательнѣе начали оберегать всѣ пути, ведущіе въ Дорпстолъ, и лишили осажденныхъ всякой возможности промышлять себѣ припасы.

Осада длилась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Русскій князь потерялъ большую часть своей дружины и лучшихъ своихъ воеводъ. Въ числѣ павшихъ находился и Сфенкелъ. Съ его смертью первое мѣсто въ войскѣ послѣ Святослава занялъ Икморъ по своимъ подвигамъ, необычайной силѣ и росту. Въ вылазкѣ 20 іюля онъ съ особою яростью поражалъ грековъ во главѣ отборнаго отряда. Тогда одинъ изъ конныхъ тѣлохранителей Цимисхія (по имени Анемасъ), отличавшійся также большимъ мужествомъ и силою, разгорячивъ своего коня, понесся на Икмора и поразилъ его прямо въ шею съ такою мощью, что голова русскаго богатыря упала на землю вмѣстѣ съ правою рукою. Увидавъ его паденіе, руссы подняли отчаянные вопли, а греки ободрились, ударили съ новой энергіей и заставили своихъ непріятелей уйти въ городъ. Съ паденіемъ Икмора, уныніе и отчаяніе проникли въ среду неукротимой русской рати. Святославъ созвалъ на совѣтъ воеводъ и старшую дружину и спросилъ, что дѣлать. Нѣкоторые предлагали выбрать глухую ночь и, сѣвъ на суда, спасаться бѣгствомъ, но другіе, указывая невозможность пройти мимо огненосныхъ греческихъ кораблей, совѣтовали заключить миръ съ императоромъ. Тогда князь сталъ напоминать товарищамъ славу непобѣди-

маго русскаго оружія, которое покорило цѣлыя страны. „И къ чему послужитъ намъ жизнь, спасенная бѣгствомъ или униженіемъ?“ говорилъ онъ: „насъ будутъ презирать тѣ самые народы, которые доселѣ трепетали передъ нами. Нѣтъ, если не можемъ добыть побѣды, то добудемъ себѣ славной смерти“. Въ такомъ смыслѣ Святославъ говорилъ своей дружинѣ, и онъ, дѣйствительно, съумѣлъ вдохнуть въ нее новое мужество и новыя силы. Опять послѣдовали отчаянныя битвы. Во время одной изъ нихъ и самой упорной Анемасъ, усмотрѣвъ Святослава, примѣромъ своимъ одушевлявшаго русскіе полки и сильно тѣснившаго грековъ, вздумалъ повторить тотъ же ударъ, который ему удался противъ Икмора. Мечомъ своимъ онъ проводилъ себѣ дорогу къ русскому князю и поразилъ его въ самую ключевую кость. Ударъ былъ такъ силенъ, что Святославъ упалъ съ коня; но крѣпкая кольчуга и щитъ охранили его. Окруженный непріятелями, Анемасъ многихъ побилъ, но наконецъ палъ подъ ударами русскихъ копій. Смерть его ободрила руссовъ и опечалила грековъ. Послѣдніе начали отступать. Императоръ, видя крайнюю опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, и самъ съ копьемъ въ рукѣ, во главѣ своего отряда безсмертныхъ, понесся на русскія дружины. Греки возобновили битву; на помощь къ нимъ явилась внезапная буря, которая понесла облака пыли на русское войско и заслѣпила ему глаза. Между тѣмъ, особый греческій отрядъ, предводительствуемый Вардою-Склиромъ, зашелъ въ тылъ русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города. Тогда руссы поспѣшно отступили. Самъ Святославъ, израненный и истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна.

Наконецъ, когда всѣ средства для борьбы были истощены и въ Дористолѣ насталъ ужасный голодъ, Святославъ рѣшился просить мира. Цимисхій охотно согласился: хотя греки не имѣли ни въ чемъ недостатка и получали подкрѣпленія, однако и они были утомлены отчаянною обороною и сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнниковъ, сдать Дористолъ и уйти изъ Болгаріи. Онъ обязывался и впредь не помышлять о войнѣ съ греками, не нападать на Корсунскую область, а также на страну дунайскихъ болгаръ. Обязательства эти Русь должна была подтвердить обычною клятвою на своемъ оружіи Перуномъ и Волосомъ. Съ своей стороны императоръ давалъ Руси свободный путь для возвращенія въ отечество, а также согласился по-прежнему допускать русскихъ торговцевъ въ Византію и обходиться съ ними по-дружески.

Цимисхій велѣлъ раздать голодающей Руси хлѣбъ, по двѣ мѣры на человѣка. Византійскій историкъ Левъ Діаконъ говоритъ, что изъ 60000, приведенныхъ Святославомъ въ Болгарію, насчитали теперь только 22000; но и изъ этого числа едва-ли болѣе половины оставалось способныхъ къ бою. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ императоромъ и получилъ согласіе. Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ; за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ. Святославъ же подъѣхалъ къ берегу въ ладьѣ, при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ прочими гребцами. Греки съ любопытствомъ разсматривали наружность русскаго князя. Онъ былъ средняго роста статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей; имѣлъ голубые глаза и густыя брови, носъ немного плоскій, подстриженную бороду и длинные

усы. Съ его оголенной головы спускался на бокъ локонъ волосъ, по обычаю знатныхъ русскихъ людей. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу, украшенную рубиномъ и двумя жемчужинами. Выраженіе его лица показалось грекамъ суровымъ и мрачнымъ. На немъ былъ наброшенъ бѣлый плащъ, такой же, какъ и у всѣхъ его товарищей. Не выходя изъ ладьи, онъ черезъ переводчика поговорилъ немного съ императоромъ и отъѣхалъ назадъ. По всему вѣроятію, при этомъ свиданіи Святославъ просилъ императора, чтобы онъ потребовалъ отъ печенѣговъ свободнаго пропуска руссовъ въ отечество. Цимисхій обѣщалъ.

Когда Русь сѣла на свои суда и удалилась, императоръ занялъ Дористолъ и другія дунайскія крѣпости, а затѣмъ воротился въ столицу. Побѣда надъ такимъ храбрымъ непріятелемъ, какова была Русь, и избавленіе имперіи отъ грознаго Святослава покрыли Цимисхія громкою славою. Патріархъ, епископы, сенаторы и огромная толпа византійскихъ гражданъ встрѣтили его за стѣнами города съ побѣдоносными пѣснопѣніями и поздравленіями. Столица принимала его, изукрашенная лавровыми вѣтвями, коврами и другими разноцвѣтными тканями. Прежде всего императоръ отправился въ св. Софію, гдѣ совершилъ благодарственное моленіе и посвятилъ храму дорогой вѣнецъ болгарскихъ царей. Затѣмъ онъ вступаетъ на форумъ Августеонъ, сопутствуемый плѣннымъ болгарскимъ царемъ Борисомъ, и здѣсь, въ присутствіи народной толпы, приказываетъ ему снять съ себя царскіе знаки, т. е. шитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ шапку, багряный плащъ и красную обувь. Вмѣсто нихъ, Борисъ получилъ достоинство римскаго магистра. Такимъ образомъ, знаменитое царство дунайскихъ болгаръ, сломленное руками единоплеменной имъ Руси, объявлено простою областью Византійской имперіи.

Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ русскаго князя и войска, хищныя печенѣжскія орды до того усилились, что во время пребыванія Святослава въ Болгаріи напали на самый Кіевъ и едва не овладѣли русскою столицею. Посольство, отправленное Цимисхіемъ къ этимъ кочевникамъ, предложило имъ вступить въ союзъ съ греками, при чемъ потребовало, чтобы они не переходили Дунай для опустошенія Болгаріи и не препятствовали возвращенію руссовъ въ отечество. Печенѣги согласились на первое, но въ послѣднемъ требованіи отказали. Такъ повѣствуютъ византійскіе историки. Сомнительно, чтобы греки искренно хлопотали о безопасности руссовъ. Вѣроятнѣе, что они дѣйствовали при этомъ не безъ лукавства и не прочь были погубить такого предпріимчиваго, опаснаго сосѣда, какимъ былъ Святославъ.

Узнавъ, что печенѣги заступили дорогу, русскій князь зазимовалъ въ Бѣлобережьѣ, гдѣ-то около Днѣпровскаго устья. Здѣсь русская рать принуждена была терпѣть страшную нужду въ пищѣ и питалась кониною. Князь, конечно, поджидалъ помощи изъ Кіева. Но, очевидно, или въ Русской землѣ въ то время дѣла находились въ большомъ разстройствѣ, или тамъ не имѣли точныхъ свѣдѣній о положеніи князя. Помощь ни откуда не приходила. На весну Святославъ рѣшился оружіемъ пробиваться въ отечество. Съ остаткомъ своей рати онъ поплылъ въ ладьяхъ по нижнему Днѣпру; но около пороговъ Русь должна была выйти на берегъ и идти степью, такъ какъ на ладьяхъ невозможно было пройти пороги противъ теченія. Тогда-то подстерегавшія руссовъ печенѣжскія орды окружили ихъ. Произошла отчаянная сѣча. Святославъ палъ, и

только немногіе руссы успѣли воротиться въ Кіевъ съ воеводою Свѣнельдомъ (972 г.). Въ русской лѣтописи сохранилось извѣстіе о какомъ-то упрямствѣ князя, который не послушалъ совѣта Свѣнельдова, не пошелъ въ Кіевъ окольнымъ путемъ, а съ свойственною ему отвагою хотѣлъ пробиться сквозь печенѣжскую орду. Та же лѣтопись прибавляетъ, что печенѣжскій князь Куря велѣлъ черепъ Святослава оковать металломъ и на пирахъ пилъ вино изъ этой чаши—обычай, существовавшій не только у дикихъ турецкихъ кочевниковъ, но даже у германскихъ и славянскихъ народовъ во времена ихъ варварства. Такъ погибъ знаменитый русскій князь, котораго излишняя отвага и жажда къ завоеваніямъ завлекли слишкомъ далеко.

XXI. ВЛАДИМІРЪ СВ. И БОРЬБА ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТІАНСКОЙ ПАРТІИ ВЪ КІЕВѢ ДО КРЕЩЕНІЯ РУСИ.

(Составлено по соч. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ и „Исторія Россіи“).

Когда Святославъ, спѣша окончить свое княженіе на Руси, рѣшился навсегда оставить Кіевъ и окончательно поселиться въ завоеванной имъ Болгаріи, въ Переяславцѣ на Дунаѣ, то Русскую землю, которая, по понятіямъ того времени, считалась владѣніемъ общимъ, родовымъ, онъ оставилъ своимъ двумъ сыновьямъ: Ярополку и Олегу; при этомъ старшаго сына, Ярополка, посадилъ онъ въ Кіевъ, другого—Олега въ землѣ Древлянской. Это дѣленіе Святославово означаетъ, очевидно, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости, кіевская и новгородская, такъ какъ уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было во владѣніи русскихъ князей; остальныя волости оба брата также должны были подѣлить между собою. Младшему же сыну, Владиміру, Святославъ не далъ спачала никакой волости, а уже послѣ отправилъ его къ новгородцамъ, по требованію послѣднихъ. По разсказу лѣтописи дѣло было такъ: новгородцы, не любившіе жить безъ князя, любившіе, чтобы у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычаи, терпѣли до сихъ поръ посадника кіевскаго лишь потому, что во всей Руси былъ одинъ князь. Но теперь, когда съ удаленіемъ Святослава въ Болгарію, древляне получили особаго князя, новгородцы также захотѣли имѣть своего князя. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: „Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя“. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя“. Ярополкъ и Олегъ были спрошены—хотятъ ли идти въ Новгородъ; но оба они отказались, такъ какъ не любили сѣверныхъ волостей и предпочитали княжить въ привольной родинѣ своей, около Днѣпра. Тогда Добрыня, бывшій посадникомъ кіевскаго князя въ Новгородѣ, внушилъ новгородцамъ, чтобы они просили себѣ Владиміра. Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: „Дай намъ Владиміра“; князь отвѣчалъ имъ: „Возьмите“. Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ

Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ, въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ. Святославъ отпустилъ Владиміра въ Новгородъ, могши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другого князя. Добрыня же хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и не надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую волость.

То обстоятельство, что Святославъ не далъ сначала самъ никакой волости Владиміру, лѣтописецъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣдовательно, рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому обращался въ раба. Итакъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности дѣтей: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но различіе это было далеко не такое, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что новгородцы приняли Владиміра, какъ князя, и что и послѣ между нимъ и братьями не полагается никакого различія. Здѣсь, естественно, имѣло силу не столько различіе между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость ея происхожденія: разумѣется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать наряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая, впрочемъ, у него отцовскихъ правъ. Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ, послѣ полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни.

По смерти Святослава Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ княжескомъ, и при немъ въ большой силѣ отцовскій воевода Свѣнельдъ. Для объясненія послѣдующихъ явленій мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ. Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ; слѣдовательно, при немъ долженъ былъ находиться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ былъ отношеніи къ нему Свѣнельдъ, и какъ онъ получилъ важное значеніе—объ этомъ лѣтописецъ ничего не говоритъ. Древлянскому же князю Олегу было въ то время не болѣе 10 лѣтъ; слѣдовательно, воля его также была подчинена вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, въ родѣ Свѣнельда.

Единственнымъ событіемъ Ярополкова княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Поводомъ къ ней послужило нарушеніе права охоты въ лѣсахъ древлянскаго князя сыномъ Свѣнельда. Мы знаемъ, что охота послѣ войны была господствующею страстью средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ касательно охоты большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго лѣтописцемъ подъ 975 годомъ: Олегъ, князь древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія, встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ

въ нихъ то-же самое удовольствіе. Узнавъ, что то былъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, боярина кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта. Пролитая кровь требовала мести со стороны Свѣнельда. И вотъ, по просьбѣ и настоянію его, Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взять его волость; Олегъ не хотѣлъ уступить: враждебныя войска встрѣтились у Овруча, и древлянскій князь погибъ въ битвѣ. Тогда Владиміръ новгородскій, услыхавъ, что Ярополкъ убилъ брата и захватилъ его владѣніе, побоялся той же участи и убѣжалъ за море къ варягамъ, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси. По понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ, очевидно, мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ разсчетъ родовыя отношенія, мы увидимъ ясно, что Владиміръ не могъ мстить Ярополку, потому что послѣдній былъ ему старшій братъ, а старшій братъ всегда въ отца мѣсто; мстить же отцу за брата есть несообразность. Вотъ почему лѣтописецъ, говоря о войнѣ Владиміра съ Ярополкомъ, хранитъ глубокое молчаніе о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнельдъ уговаривалъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына.

Итакъ, Владиміръ не имѣлъ обязанности мстить за смерть младшаго брата старшему, ибо внутри рода месть не существовала, но имѣлъ право вооруженною рукою воспротивиться притязаніямъ Ярополка, столь ясно имъ обнаруженнымъ. По возвращеніи изъ-за моря съ варяжскими полками, Владиміръ нашелъ въ Новгородѣ Ярополковыхъ посадниковъ; онъ прогналъ ихъ оттуда, приказавъ имъ сказать брату: „Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ“, а самъ между тѣмъ оставался въ Новгородѣ, затѣвая свадьбу. Желая, вѣроятно, привлечь на свою сторону владѣльца Полоцкаго, Рогволода, Владиміръ послалъ къ нему свататься за дочь его Рогнѣду, которая была сговорена за Ярополка; Рогволоду предстоялъ выборъ между двумя соперниками. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери; Рогнѣда же отвѣчала, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т. е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра пересказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско отъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Въ то время, когда Рогнѣду готовились вести за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ и убилъ Рогволода съ двумя сыновьями, а безродная Рогнѣда должна была неволею выдти за сына рабы. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ, что онъ посылалъ сватать Рогнѣду за Владиміра; онъ, послѣ гордаго отказа полоцкой княжны, повелъ племянника и войско противъ Рогволода, позоромъ отомстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы предположить, что Владиміръ, будучи очень молодъ, по прямому указанію преданія, могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ ему преимущественно былъ обязанъ новгородскимъ княженіемъ. И такъ, говоря о дѣйствіяхъ Вла-

диміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ послѣдняго мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жестокій; на его жестокость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцомъ ея; сохранилось также извѣстіе объ его жестокихъ, насильственныхъ поступкахъ съ новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство; слѣдовательно, если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодого Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что же касается поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ, сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядей князю; словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мститъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка, тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему и затворился въ Кіевѣ. Здѣсь Владиміра ждалъ легкій успѣхъ вслѣдствіе измѣны Блуда, главнаго боярина Ярополка. Въ то время, какъ, повидимому, Владиміръ слѣдовалъ благородному обычаю отца, пославъ сказать брату, что идетъ на него,—въ то самое время онъ велъ переговоры съ Блудомъ, склоняя его къ измѣнѣ: „Если ты мнѣ поможешь убить брата, велѣлъ онъ сказать ему, то будешь мнѣ вмѣсто отца",—самое большое обѣщаніе, какое только можно было дать въ то время, при господствѣ родовыхъ понятій и отношеній. Въ лѣтописи помѣщены также слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ свое поведеніе относительно брата: „Не я, говорилъ новгородскій князь, началъ избивать братью, но онъ; я пришелъ на него единственно изъ страха подобной же участи". Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Дѣйствительно, Блудъ является главнымъ совѣтникомъ Ярополка, главнымъ дѣятелемъ во время событія: князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣдовательно, Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. Понятно, что лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступить къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка. Увидавъ, что со стороны гражданъ нельзя ему ожидать содѣйствія для осуществленія своего злого умысла, Блудъ замыслилъ погубить князя лестью и коварствомъ. Сперва онъ представилъ Ярополку, что нечего бояться Владиміра, который не посмѣетъ будто стать въ полѣ противъ многочисленныхъ полковъ кіевскихъ; потомъ, зная уже о приближеніи Владиміра, началъ уговаривать Ярополка оставить Кіевъ, представляя, что жители послѣдняго сносятся съ врагомъ. Ярополкъ послушался и удалился въ Родню, гдѣ былъ осажденъ войсками Владиміра и терпѣлъ голодъ. Тогда тотъ же Блудъ началъ представлять невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и уговорилъ Ярополка помириться съ младшимъ братомъ на всей волѣ послѣдняго, вопреки увѣщанію вѣрнаго отрока Варяжко,

который догадывался объ измѣнѣ и совѣтовалъ князю бѣжать къ печенѣгамъ за помощью. Но Ярополкъ не послушался добраго совѣта, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери и не далъ своимъ идти за нимъ. Такъ былъ убитъ Ярополкъ. Владиміръ же занялъ столъ кіевскій. Слѣдовательно, изъ начальной кіевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ обязанъ своею побѣдою,—во 1-хъ, тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы стать противъ него въ чистомъ полѣ; во 2-хъ, измѣнѣ Блуда, который, стращая князя вѣроломствомъ кіевлянъ, не пускалъ его на вылазки, и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разсказѣ объ этомъ событіи нельзя умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Татищева; не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной кіевской лѣтописи, Іоакимова лѣтопись главною причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ. Если бы даже это объясненіе было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинахъ князя, онъ воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба, и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Одна смерть гонителя положила конецъ бѣдствіямъ русской церкви. Но, отказавшись отъ принятія христіанства, самъ Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получать отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовой лѣтописи говорится, что Ярополкъ былъ человѣкъ кроткій и милостивый, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился изъ боязни народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи. Этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (или, вѣрнѣе, Добрыня) и успѣлъ отнять и жизнь, и владѣнія у брата. Ярополкъ, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщевать брата къ миру и вмѣстѣ съ тѣмъ повелъ войско въ землю кривичей. Владиміръ испугался и хотѣлъ-было уже бѣжать къ Новгороду; но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ нелюбимъ язычниками, удержалъ племянника и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при р. Другчѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовой лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностью къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ

кіевскихъ; дядя его, Добрыня, поступаетъ точно также въ Новгородѣ. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія, хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально. Началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернили землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская. Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіанскихъ мученикахъ въ Кіевѣ. Намъ извѣстно также, что славяне-язычники сильно негодовали на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства; въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіанству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ.

XXII. ПРИНЯТІЕ ХРИСТІАНСТВА ВЛАДИМІРОМЪ СВЯТЫМЪ.

(*Изъ Лаврентьевской лѣтописи*).

Въ годъ 6494. Пришли къ Владиміру болгаре магометанской вѣры и сказали ему: „Ты, князь, мудръ и смышленъ, а не знаешь истинной религіи; прими нашу вѣру и поклонись Магомету“. Владиміръ спросилъ „А какова вѣра ваша?“ Они же отвѣчали: „Мы вѣруемъ въ Бога, а Магометъ учитъ насъ, что должно совершить обрядъ обрѣзанія, не употреблять въ пищу свинины, не пить вина; но за это въ будущей жизни правовѣрный получитъ 70 красивыхъ женъ...“ И говорили они еще многое другое, чтобы привлечь къ себѣ Владиміра; но объ этомъ, ради скромности, писать нельзя. Владиміръ слушалъ ихъ, потому что самъ имѣлъ много женъ; но ему не понравилось ни обрѣзаніе, ни запрещеніе ѣсть свиное мясо; что касается до запрещенія пить вино, то онъ выразился такъ: „Пить—веселіе Руси, не можемъ безъ того быть“. За магометанами-болгарами пришли нѣмцы и сказали: „Мы папскіе посланники. Папа говоритъ тебѣ, что твоя земля такая-же, какъ и наша, но вѣра твоя не такая. Наша вѣра—свѣтъ; мы поклоняемся Богу, Творцу неба и земли, звѣздъ, луны и всякаго живого созданія; ваши-же боги—дерево“. Владиміръ спросилъ: „Какова заповѣдь ваша?“ Послы отвѣчали: „Посильный постъ; всякій ѣдящій и пьющій дѣлаетъ это во славу Божью, какъ говоритъ нашъ учитель св. Павелъ“. Владиміръ сказалъ нѣмцамъ: „Удалитесь, отцы наши не принимали вашей вѣры“. Услышавъ объ этомъ, хозаре, послѣдователи іудейской вѣры, пришли и сказали: „Мы слышали, что приходили къ тебѣ болгаре и христіане, учившіе каждый

своей вѣрѣ; но тотъ, въ кого вѣруютъ христіане, распятъ нами. Мы вѣруемъ въ единаго Бога Авраама, Исаака и Іакова". И спросилъ Владиміръ: „Въ чемъ заключается законъ вашъ?" Они-же отвѣчали: „Обрядъ обрѣзанія, неупотребленіе въ пищу свинины и заячины, празднованіе субботы". Онъ спросилъ опять: „А гдѣ земля ваша?" Послы отвѣчали: „Въ Іерусалимѣ". Владиміръ спросилъ: „Тамъ-ли живете?" Послы отвѣчали: „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ, ради грѣховъ нашихъ, по разнымъ странамъ, а земля наша перешла во власть христіанъ". Владиміръ сказалъ: „Какъ-же вы, будучи отвержены и разсѣяны сами, учите другихъ? Если-бы Богъ благоволилъ къ вамъ и къ вѣрѣ вашей, не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ; не думаете-ли и насъ привести къ тому-же?" Послѣ этого прислали греки къ Владиміру философа, который говорилъ такъ: (затѣмъ слѣдуютъ указанія на неистинность вѣръ предъидущихъ проповѣдниковъ и изложеніе главныхъ догматовъ восточной церкви). Въ заключеніе философъ показалъ Владиміру картину; на ней былъ изображенъ страшный судъ, съ праведниками, идущими съ веселіемъ въ рай по правую сторону, и съ грѣшниками, идущими въ адъ—по лѣвую. При этомъ философъ сказалъ Владиміру: „Если хочешь стать по правую сторону, то крестись". Но Владиміръ, подумавъ отвѣчалъ: „Немного подожду". Онъ хотѣлъ испытать всѣ вѣры, а философа отпустилъ съ великою честью, одаривъ богато.

Въ годъ 6495. Созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и городскихъ старѣйшинъ и сказалъ имъ: „Вотъ ко мнѣ приходили болгаре, убѣждавшіе принять ихъ вѣру; потомъ приходили нѣмцы и хвалили свою вѣру; за ними приходили и іудеи. Послѣ всѣхъ приходили греки. Они порицали всѣ религіи, а свою восхваляли, разсказывали много о началѣ міра, объ устройствѣ вселенной. Рѣчи ихъ прекрасны, слушать ихъ пріятно; они говорятъ о существованіи другого міра, о томъ, что человѣкъ, вступившій въ ихъ вѣру, хотя и умретъ, но потомъ воскреснетъ и будетъ жить вѣчно; тотъ же, кто вѣру ихъ отвергнетъ, будетъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть. Какъ думаете? что отвѣтите?" Отвѣчали бояре и старѣйшины: „Ты знаешь, князь, что своего никто не порицатъ, а восхваляетъ; если хочешь основательно испытать, то снаряди мужей своихъ въ путешествіе, чтобы они побывали у каждаго народа, узнали его законъ и его богослуженіе". Князь и всѣ люди согласились съ этимъ мнѣніемъ. Были выбраны надежные и разумные мужи, числомъ 10, и имъ было сказано: „Ступайте сначала въ Болгарію и испытайте вѣру ея народа". Мужи пошли, увидѣли въ Болгаріи скверныя дѣла, поклоны въ мечетяхъ и вернулись обратно. Владиміръ имъ сказалъ: „Идите теперь къ нѣмцамъ, присмотритесь тамъ, а оттуда ступайте къ грекамъ". Они пришли къ нѣмцамъ, присмотрѣлись къ ихъ богослуженію, затѣмъ отправились въ Царьградъ и явились къ царю. Царь спросилъ ихъ о причинѣ ихъ прибытія, они же разсказали все, какъ было. На слѣдующій день царь послалъ сказать патріарху слѣдующее: „Пришли русскіе, чтобы испытать нашу вѣру: пристрой церковь и клиросъ, самъ облачись въ святительскія ризы; пусть русскіе увидятъ славу Бога нашего". Услышавъ это, патріархъ велѣлъ созвать клиросъ, сотворилъ по обычаю торжество, зажегъ кадила, собралъ пѣвчихъ и устроилъ лики. И пошелъ съ послами въ церковь, и поставилъ ихъ на просторномъ мѣстѣ, откуда видно было великолѣпіе храма, службу архіерейскую, было слышно пѣніе. Пристав-

ленный къ нимъ діаконъ объяснилъ имъ божественную службу. Послы были въ восторгѣ, удивлялись и хвалили богослуженіе. И, призвавъ ихъ къ себѣ, цари Василій и Константинъ сказали имъ: „Ступайте въ свою землю", и отпустили ихъ съ честью и съ великими дарами. Когда послы возвратились въ отечество, Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и старѣйшинъ и сказалъ: „Вотъ пришли посланные мужи наши, послушаемъ, что они видѣли"; и, обратившись къ посламъ, прибавилъ: „Разсказывайте въ присутствіи дружины". Послы сказали: „Когда мы были у болгаръ, то видѣли, какъ они кладутъ поклоны въ храмѣ своемъ, т. е. въ мечети, стоя безъ пояса. Молящійся поклонится, потомъ сядетъ и глядитъ по сторонамъ, словно бѣшеный; нѣтъ у нихъ веселья, но печаль и великій смрадъ; вѣра ихъ не хороша. Мы были у нѣмцевъ, видѣли въ ихъ храмахъ разныя службы, но красоты не замѣтили никакой. Когда же, послѣ прибытія въ Грецію, насъ повели туда, гдѣ греки служатъ своему Богу, то мы не знали, были ли на небесахъ, или на землѣ, ибо на землѣ не бываетъ ни такого вида, ни такой красоты, которой мы не въ состояніи выразить; лишь то знаемъ, что именно тамъ Богъ пребываетъ съ людьми: греческая служба лучше, чѣмъ во всѣхъ странахъ. Мы не въ состояніи забыть этой красоты, а какъ всякій человѣкъ, попробовавшій сладкаго, не пожелаетъ потомъ принять горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться". Въ свою очередь бояре сказали: „Будь недобръ законъ греческій, и бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣйшая изъ людей". Владиміръ сказалъ: „Гдѣ же намъ принять крещеніе?" „Гдѣ тебѣ угодно", былъ отвѣтъ. Прошелъ еще годъ и

Въ годъ 6496 Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій. Корсунцы заперлись въ городѣ. Владиміръ расположился около города на разстояніи одного выстрѣла.

Осажденные храбро защищались, и Владиміръ окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Когда защитники города стали изнемогать, Владиміръ велѣлъ сказать имъ: „Если не сдадитесь, буду стоять подъ городомъ три года". Корсунцы не слушали этого, и Владиміръ, устроивъ войска свои, велѣлъ насыпать валъ около города. Пока валъ насыпался, корсунцы подкопались подъ городскую стѣну, тайно уносили землю къ себѣ въ городъ и высыпали ее посреди города; воины все болѣе и болѣе сыпали, а Владиміръ стоялъ. Одинъ корсунецъ, по имени Настасъ, пустилъ стрѣлу со слѣдующею надписью: „Прегради воду, идущую по трубамъ изъ колодцевъ, которые находятся къ востоку за тобою". Владиміръ, услышавъ это и взглянувъ на небо, сказалъ: „Если это сбудется, то я крещусь",—и велѣлъ немедленно рыть и разрушить трубы, преградилъ доступъ водѣ къ городу, и осажденные, томимые жаждою, сдались. Войдя въ городъ вмѣстѣ съ дружиною, Владиміръ послалъ къ царямъ Василію и Константину и велѣлъ имъ сказать: „Я взялъ вашъ славный городъ: слыхалъ я, что у васъ есть сестра дѣвица; если не отдадите ее за меня, то съ вашей столицей поступлю такъ же". Услышавъ это, цари опечалились и отвѣчали: „Христіанамъ неприлично выдавать сестру за язычника; если крестишься, то и желаніе твое будетъ исполнено, и получишь царствіе небесное, и будешь единовѣрцемъ нашимъ; если же этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать за тебя замужъ сестру нашу". Услышавъ это, Владиміръ сказалъ посланникамъ царскимъ: „Скажите царямъ, что я крещусь, потому что еще раньше ознакомился съ вашей вѣрой;

вѣра ваша и богослуженіе ваше понравились мнѣ по разсказамъ мужей, которыхъ я посылалъ". Цари, услышавъ это, возрадовались, умолили свою сестру Анну согласиться на бракъ и послали Владиміру слѣдующій отвѣтъ: „Крестись, и тогда отправимъ къ тебѣ сестру". Владиміръ же сказалъ: „Пусть прибывшіе съ вашею сестрою крестятъ меня". Цари послушались, послали сестру съ нѣсколькими сановниками и священниками. Анна шла неохотно и говорила: „Иду будто въ полонъ, лучше бы мнѣ умереть". Братья ей говорили: „Вѣдь чрезъ тебя Богъ приведетъ Русскую землю къ покаянію, ты избавишь Грецію отъ жестокой войны; ты знаешь, сколько зла причинила Русь грекамъ; теперь, если откажешься идти, Русь снова вооружится на насъ". Такимъ образомъ Анну принудили согласиться: она сѣла на корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла къ Корсуни. Когда она прибыла, то корсунцы вышли съ поклономъ ей навстрѣчу, привели ее въ городъ и помѣстили во дворцѣ. У Владиміра, по волѣ Божьей, разболѣлись глаза въ то время, такъ что онъ ничего не видѣлъ и былъ очень печаленъ. Царевна послала сказать ему: „Если хочешь избавиться отъ этой болѣзни, немедленно крестись; если же этого не сдѣлаешь, то не излѣчишься". Услышавъ это, Владиміръ сказалъ: „Если это сбудется, то по истинѣ великъ христіанскій Богъ!" и велѣлъ окрестить себя. Епископъ корсунскій вмѣстѣ съ священниками царевны, огласивъ, крестилъ Владиміра. Лишь только епископъ возложилъ на Владиміра руку, послѣдній немедленно прозрѣлъ. Увидѣвъ свое чудесное исцѣленіе, Владиміръ прославилъ Бога и сказалъ: „Теперь я познналъ истиннаго Бога". Многіе изъ дружины, видя это, крестились также. Крещеніе Владиміра совершено было въ церкви св. Василія, находящейся въ Корсуни посреди города, на рынкѣ; дворецъ Владиміра, рядомъ съ этой церковью, существуетъ и донынѣ; дворецъ же царевны— за алтаремъ. Послѣ крещенія совершился бракъ. Люди, плохо знающіе дѣло, говорятъ, что онъ крестился въ Кіевѣ, иные говорятъ, что въ Васильевѣ, иные, что въ другомъ мѣстѣ. (Слѣдуетъ исповѣданіе вѣры Владиміромъ).

Затѣмъ Владиміръ взялъ съ собою царевну, Настаса и священниковъ корсунскихъ, а также мощи св. Климента и св. Фива, ученика его, сосуды церковные и иконы на благословеніе себѣ. Онъ построилъ въ Корсуни церковь на той горѣ, которую насыпали осажденные, унося въ городъ землю съ вала; церковь эта существуетъ и до сихъ поръ. Кромѣ того, Владиміръ взялъ съ собою двѣ статуи, четырехъ мѣдныхъ коней, которые до сихъ поръ стоятъ за церковью св. Богородицы и считаются отъ невѣжественныхъ людей мраморными. Корсунь отдана была грекамъ, какъ вѣно за невѣсту, и Владиміръ воротился въ Кіевъ. Возвратившись, онъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ, однихъ изрубить, другихъ предать огню, велѣлъ привязять Перуна къ хвосту коня и спустить его съ горы на Боричево, на ручей; 12 мужей сопровождали Перуна и били палками. Это дѣлалось не потому, чтобы дерево чувствовало боль, а на поруганіе бѣсу, прельщавшему людей этимъ идоломъ, чтобы онъ получилъ возмездіе отъ людей. Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои! Идолъ этотъ вчера почитался людьми, а сегодня подвергся поруганію! Когда влекли идола по ручью къ Днѣпру, язычники плакали, ибо они еще не приняли крещенія; наконецъ, идолъ былъ привлеченъ на берегъ и вверженъ въ Днѣпръ. Владиміръ приставилъ къ нему людей и сказалъ: „Если онъ

гдѣ-либо пристанетъ къ берегу, отталкивайте его до тѣхъ поръ, пока онъ перейдетъ за пороги, и тогда бросьте". Приставленные исполнили повелѣніе. Пройдя пороги, идолъ былъ выброшенъ на мысъ, который сталъ съ тѣхъ поръ называться Перуновымъ и слыветъ до сего дня подъ этимъ именемъ. Затѣмъ Владиміръ велѣлъ объявить въ городѣ слѣдующее: „Каждый, богатый-ли, убогій-ли, нищій-ли, рабъ-ли, кто не пойдетъ къ рѣкѣ, будетъ мнѣ противенъ". Услышавъ это, люди шли охотно, радовались и говорили: „Будь это не добрая вѣра, князь и бояре не приняли бы ея". На слѣдующій день вышелъ Владиміръ со священниками царевны и корсунскими на берегъ Днѣпра, гдѣ собралось безчисленное множество людей: одни вошли въ воду и погружались въ нее до шеи, другіе по грудь, молодые стояли у берега, дѣти на рукахъ, крещеные переходили съ мѣста на мѣсто, священники же стояли, творя молитву. И была великая радость на небѣ и на землѣ отъ спасенія столькихъ душъ, а дьяволъ говорилъ, издавая стоны: „Горе мнѣ! Меня гонятъ отсюда! Тутъ я расчитывалъ имѣть жилище, ибо здѣсь не было апостольскаго ученія, не было людей, знающихъ Бога, а были, напротивъ, такіе, которые, къ моему удовольствію, мнѣ служили. И вотъ теперь я побѣжденъ отъ невѣждъ, не отъ апостоловъ или мучениковъ, не буду уже царствовать въ сихъ странахъ". Крестившись, народъ разошелся по домамъ; Владиміръ же, въ восторгѣ отъ того, что позналъ Бога и просвѣтилъ народъ свой, воззрѣлъ на небо и произнесъ: „Боже, создавшій небо и землю! Посмотри на этихъ обновленныхъ людей и дозволь имъ увидѣть Тебя, истиннаго Бога, какъ увидѣли Тебя христіанскіе народы; утверди въ нихъ вѣру правую и неизмѣнную, а мнѣ, Господи, помоги въ борьбѣ съ врагами, чтобы я, надѣясь на Твое покровительство, побѣдилъ ихъ козни". Сказавъ это, онъ велѣлъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кумиры, и построилъ церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна и другихъ боговъ, и гдѣ приносили имъ жертвы князь и народъ. Онъ велѣлъ строить церкви по другимъ городамъ, назначалъ туда священниковъ, заставлялъ народъ принимать христіанство по городамъ и селамъ.

XXIII. КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА СВЯТАГО И КІЕВЛЯНЪ.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго", Карамзина).

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуну съ серебряною головою и поставилъ его близъ теремнаго дворца, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами. Тамъ, говоритъ лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля оскверпялась кровью жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровью примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ; ибо и самая вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній... Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымъ-Городомъ, также поставилъ на берегу Волхова богатый кумиръ Перуновъ.

Но эта Владимірова набожность не препятствовала ему утопать въ

наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка; отъ другой законной супруги, чехини или богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей—Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близь Кіева), и 200 въ Берестовѣ. Однимъ словомъ, лѣтописецъ называлъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владиміръ вмѣстѣ со многими героями древнихъ и новыхъ временъ, любя женъ, любилъ и войну. Польскіе славяне, ляхи, наскучивъ бурною вольностью, подобно славянамъ россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ единовластію. Мечиславъ, государь знаменитый въ исторіи введеніемъ христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ польскимъ. Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ государству Польскому. Онъ взялъ города Червень, Перемышль и другіе, которые съ этого времени, будучи собственностью Россіи, назывались Червенскими. Въ слѣдующіе два года храбрый князь смирилъ бунтъ вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ С.-З. онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, лѣтописца исландскаго, принадлежала Владиміру, котораго чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровью человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ бояръ и старцевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ, и жребій палъ на юнаго варяга, прекраснаго лицомъ и душою, коего отецъ былъ христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живого Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли христіанство; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостью сказалъ: „Ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій". Народъ, въ иступленіи ярости, умертвилъ отца и сына, которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ святыми подъ именемъ Θеодора и Іоанна.

Теперь приступимъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ исторіи.

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало-по-малу укоренялось христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею.

Самое раздѣленіе церквей восточной и западной имѣло полезное слѣдствіе для истинной вѣры, ибо главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній лѣтописецъ намъ повѣствуетъ, что не только христіанскіе проповѣдники, но и магометане, вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ Хозарской, или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонить Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также, увидѣвъ, наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества, искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ волжскихъ или камскихъ болгаръ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ аравитянъ. Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. „Вино, сказалъ онъ, есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него“. Послы нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: „Идите обратно; отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Выслушавъ іудеевъ, онъ спросилъ: гдѣ ихъ отечество? „Въ Іерусалимѣ“, отвѣтствовали проповѣдники, „но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ“. „И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?“ сказалъ Владиміръ: „мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества“. Наконецъ, безъименный философъ, присланный греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе библіи, ветхаго и новаго завѣта, исторію творенія рая, грѣха первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіанства, семи соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!“ „Крестися“, отвѣтствовалъ философъ, „и будешь въ раю съ первыми“.

Лѣтописецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели греческій философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника, разумнаго, въ великомъ превосходствѣ закона христіанскаго. Вѣра славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселялись ихъ кровью. Хотя славяне признавали также и бытіе единаго существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: одно земное было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того, христіанство, представляя въ единомъ невиди-

момъ Богѣ создателя и правителя вселенной, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ и награждающаго добрыхъ, здѣсь—миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тьмою временной смерти—блаженствомъ вѣчной жизни, удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честью собралъ бояръ и градскихъ старцевъ, объявилъ имъ предложенія магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!“ сказали бояре и старцы: „всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе поклоняется божеству“. И великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаръ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ прибыли въ Константинополь. „Да созерцаютъ они славу Бога нашего!“ сказалъ императоръ и, зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облеченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ—изумили россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется... Возвратясь въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: „Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго: такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной“. Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. „Когда бы законъ греческій,—сказали они,—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его“. Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и потому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего россійскаго посольства въ страну католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія закона христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной греческой древней рукописи, хранимой въ парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго царя византійскаго, названнаго въ ней Македонскимъ, вмѣсто Багрянороднаго.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при этомъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія; онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранялъ еще въ X в. бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ скиѳовъ до хозаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть императоровъ греческихъ, но не платилъ имъ дани, избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. Владиміръ, остановясь въ гавани-заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся, но граждане отвергли его предложеніе въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ грековъ, старались уничтожить всѣ работы осаждающихъ и, сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастью, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ россіянамъ стрѣлу, съ надписью: „За вами, къ востоку, находятся колодези, дающіе воду херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее“. Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ и велѣлъ перекопать водоводы. Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти героя Цимисхія, была жертвою мятежей и безпорядка: военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили императоровъ забыть обыкновенную надменность грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ надѣялись помощью сильнаго князя россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что, принявъ вѣру христіанскую, онъ получитъ и руку царевны и царство небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостью изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть,

что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру. Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за которымъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія и, соорудивъ въ Херсонѣ церковь на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъясненіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ: вмѣсто дани, взялъ церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива, ученика его, также истукана и коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ. Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и это мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данью суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и, по данному знаку, безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ, іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо громко произнесъ молитву: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощью въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!..“ Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь св. Василія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Кон-

стантинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за вѣру благочестивый варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ государства. Многіе люди крестились, разсуждая, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и граждане кіевскіе; другіе, привязанные къ закону древнему, отвергали новый, ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти, но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить россіянъ. Чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ кіевскимъ христіанамъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда страшною новостью, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

XXIV. КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

(Изъ „Исторіи Россіи", Соловьева).

Торжество Владиміра надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владиміра и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы проистекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства хотя что-нибудь противопоставить другимъ религіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вели прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывали его несостоятельность.

У насъ, на Руси, въ Кіевѣ, произошло то же самое, что въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Римской имперіи, при Юліанѣ: ревность этого императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому что Юліанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче высказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣлыхъ обществъ; вотъ почему и не удивительно видѣть, какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ неожиданно покидаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностью; это происходитъ именно оттого, что въ ихъ сознаніи истощились всѣ средства прежняго предмета поклоненія.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ". Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою; на этого-то молодого варяга и палъ жребій.

Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому варягу и сказали ему: „Палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву". Варягъ отвѣчалъ: „У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!" Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „Дай сына своего богамъ". Онъ отвѣчалъ: „Если они боги, то пусть пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?" Яростный крикъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ. Не смотря на то, что смѣлый варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ, сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: ваши боги дерево, Богъ единъ, Которому кланяются греки, Который сотворилъ все.— И безотвѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами, и что могла, въ самомъ дѣлѣ, славянская религія сказать въ свою пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важные изъ нихъ были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ славянъ, какъ на другіе народы, видно изъ преданія о томъ, какъ царь болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра: послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалитъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и греки, хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ во вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность; въ душѣ самаго простого человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ,

при чемъ раздражала исключительность извѣстныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускалось неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай Магометовъ; но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣзаніе, отказаться отъ свинаго мяса и отъ вина: „Руси есть веселье пить, говорилъ онъ, не можемъ быть безъ того“. Что вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ языческіе народы сѣвера и могущественно содѣйствовалъ распространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовлетворительное рѣшеніе его, это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей англо-саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Быть можетъ, ты припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета для нея пріятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко: вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностью времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время мрачно и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностью познать его; такъ, если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его“. Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность этого преданія времени и обществу. Видно, что все было приготовлено для переворота въ нравственной жизни новорожденнаго русскаго общества на югѣ, что религія, удовлетворявшая разсѣяннымъ, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удовлетворять кіевлянъ, познакомившихся съ другими религіями; они употребляли всѣ средства для поднятія своей старой вѣры въ уровень съ другими, и всѣ средства оказались тщетными; чужія вѣры, и особенно одна, тяготили явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должны были вести къ раздраженію, которое, въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ потугамъ, но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Послѣднее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность русской исторіи: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями, но не такъ было на востокѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, а именно—магометанская, іудейская и христіанская. Хозарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; хозарскимъ каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями; они выбрали іудейскую; для азіятцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Хозарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, русское, съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану русскому и его

народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская: европейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія іудеевъ Владиміромъ; когда онъ спросилъ у нихъ: „Гдѣ ваша земля?" и они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: „Какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?" Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, вслѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу. Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ: Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ; не одинъ варягъ могъ удостовѣрить его въ преимуществахъ вѣры греческой передъ всѣми другими. Митрополитъ Илларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о греческой землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: „Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся". Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ; у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: „Если бы дуренъ былъ законъ греческій,—говорили они,—то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣе всѣхъ людей". Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва-ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе, варяговъ, славянъ новгородскихъ, чудь, кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что и было причиною явленій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владиміра; но потомъ время и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ, должны были ослабить языческую ревность и склонить дѣло въ пользу христіанства. Такимъ образомъ, все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая.

„Подожду еще немного", говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевскаго. Удобный случай представился въ войнѣ съ греками: преданіе тѣсно соединяетъ походъ на грековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что первый былъ предпринятъ для второго. Владиміръ спросилъ у бояръ: „Гдѣ принять намъ крещеніе?" тѣ отвѣчали: „Гдѣ тебѣ любо". И, по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались, не смотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но корсуняне подкопали городскую стѣну и уносили присыпаемую русскими землю къ себѣ въ городъ; русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ корсунянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: „За тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай и перейми ее". Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ: „Если это сбудется, я крещусь". Извѣстіе вѣрно ходу событій; это не первый примѣръ, что князь языческаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, которую долженъ получить съ помощью новаго божества. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, вода была перенята; херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: „Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же, что съ Корсунемъ". Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ, императоры велѣли отвѣчать Владиміру: „Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя". Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: „Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служеніе, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи". Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйти за Владиміра и послали сказать ему: „Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру". Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня". Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти: „Иду, точно въ полонъ,—говорила она,—лучше бы мнѣ здѣсь умереть"; братья утѣшали ее: „А что, если Богъ обратитъ тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же". И едва уговорили ее идти. Анна сѣла на корабль, простилась съ роднею и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй; если же не крестишься, то и не вылѣчишься". Владиміръ сказалъ на это: „Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то по истинѣ великъ бу-

детъ Богъ христіанскій", и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ: „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!" Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною. Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствамъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Прежняя вѣра была во Владимірѣ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія, могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно. Владиміръ вышелъ изъ Корсуня съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана и четыре мѣдныхъ коня; Корсунь отдалъ грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунь же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою русскою церковью,—извѣстіе очень вѣроятное, потому что константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ. По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ и людей близкихъ. Вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа; ниспроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ и, дѣйствительно, было таковымъ; кромѣ того, ревность новообращеннаго не могла позволить Владиміру удержать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоявшихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города, и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ, если не всѣ, то большая часть истукановъ, напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ ниспровергнутыхъ идоловъ однихъ разсѣкали на части, другихъ сожгли, а главнаго, Перуна, привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей; такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кіевскаго народа, митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдью; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Многіе съ радостью крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ; другіе же не хотѣли креститься по

упорной привязанности къ старой вѣрѣ; они даже не хотѣли и слушать о проповѣди. Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотно, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали только чего нибудь рѣшительнаго, чтобъ креститься; не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими. „Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея", говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію, нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ сошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещенные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно, уча некрещенныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ; священники на берегу читали молитвы.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской землѣ было, разумѣется, построеніе церквей; Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви и ставитъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ, поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ.

Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Царьграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути—Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, шекснинскимъ, проповѣдники отправились къ востоку до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 г. онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре, скоро былъ призванъ изъ Царьграда новый митрополитъ, Леонъ; съ помощью поставленнаго имъ въ Новгородъ епископа Іоакима корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ называемой Іоакимовой лѣтописи: „Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда

Добрыня пришелъ, новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ-было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машиныя (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами ихъ, какой-то Богомолъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей, сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: „Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе". Народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ ростовцевъ пятьсотъ человѣкъ, почью перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Какъ вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5,000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войска, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ: деревянныхъ сжечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Мужчины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?" и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились мужчины выше моста, а женщины ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что они крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею крестъ, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметенную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для новгородцевъ пословица: „Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ". Такимъ образомъ, христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и Верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, не смотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; впослѣдствіи иноки Печерскаго монастыря были проповѣдниками христіанства у вятичей и мери и мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время вятичи сохраняли еще языческіе обычаи; наконецъ Илларіонъ, современ-

никъ сына Владимірова, называетъ русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ. Самому князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ къ Польшѣ. Есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ епископами на югозападъ, училъ, крестилъ людей, а въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы. Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная русская церковь получила себѣ священнослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царьграда; въ Кіевѣ, если прежде были христіане, была церковь, то были, разумѣется, и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуни священниковъ тамошнихъ и священниковъ, пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все-таки этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы, и даже митрополитъ Михаилъ были изъ Болгаръ. Но сколько бы ни пришло священниковъ греческихъ и болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить дѣтей при нихъ значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобы сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцовъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе: матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту. Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали Владиміру: „Разбойники размножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?“ Владиміръ отвѣчалъ: „Боюсь грѣха“. Епископы возразили на это: „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе: тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло“. Владиміръ послушался, отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣ же епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: „Рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней“. Владиміръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ такъ“; и сталъ онъ жить опять по устроенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный; не о церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами, но

о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ со старцами епископы предлагаютъ князю о томъ, куда употреблять виры, заботятся о внѣшней безопасности, и князь соглашается съ ними.

XXV. ВЛІЯНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА ЖИЗНЬ ДРЕВНЕ-РУССКАГО НАРОДА.

(Изъ статьи Аристова „Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей". Журн. „Духъ христіанина" 1861 г.).

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ славянинъ-язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти. Всѣ его вѣрованія ограничивались грубымъ обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра. Миѳологія его была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества почти не были установлены у славянъ и первыя условія общественнаго быта. Князь почти не соединенъ былъ съ подданными властью; существовалъ обычай мести; однимъ словомъ—не сложился еще опредѣленный характеръ жизни. Находясь въ первой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго, зрѣлаго новой, возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо въ сравненіи съ этой непобѣдимой духовной силой, что онъ сдался послѣ краткой борьбы. Вѣра христіанская, согласная съ мирнымъ характеромъ русскаго народа, быстро принята была и сдѣлала поворотъ въ умственной и нравственной его жизни. Но не одинъ истинный свѣтъ богопознанія и богопочтенія она внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на народномъ языкѣ, безконечно превышающая всѣ современныя ей начала народной жизни, вѣра Христова сдѣлалась главнымъ началомъ, одушевляющимъ всѣ отрасли жизни русскаго человѣка. Она обусловливала собою другой, лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ опредѣленію порядка и устройству внутренняго быта.

Вмѣстѣ съ вѣрою перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало-по-малу проникать въ составъ государства. Кормчею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ вѣра Христова подчинила своему вліянію и водительству все духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера.

При такомъ преобладающемъ господствѣ начала христіанства, такъ сказать, поглотившемъ всѣ другія юныя и безсильныя начала народной мысли и жизни, вся почти древняя русская письменность, какъ выра-

женіе народной жизни, носитъ на себѣ печать характера церковнаго. Посланія и сочиненія свѣтскихъ лицъ исполнены текстами св. писанія и выражаютъ религіозное настроеніе. Самыя повѣсти, былины и сказки, созданныя фантазіей русскаго народа, отражаютъ въ себѣ слѣды религіознаго взгляда и дѣйствительности. Въ лѣтописяхъ, которыя служатъ довольно полнымъ выраженіемъ ума и чувства народнаго, церковно-историческій элементъ стоитъ наряду съ гражданскимъ.

Въ теченіе всей древней русской исторіи вѣра и благочестіе нашихъ предковъ отличались почти исключительно направленіемъ церковно-обрядовымъ, богослужебнымъ. Съ одной стороны это и естественно. Славянинъ-язычникъ жилъ внѣшнею, непосредственною жизнью природы и на все смотрѣлъ сквозь ея формы и свойства. Божествамъ своимъ онъ приписывалъ тотъ же видъ, свойства и дѣйствія, какіе природѣ и человѣку, только, конечно, въ бо́льшихъ размѣрахъ. Этимъ понятіемъ о богахъ опредѣлялся характеръ и славянскаго богослуженія. Чувственная обрядность замѣняла славянину-язычнику его нравственныя обязанности. Безъ сомнѣнія, онъ не въ состояніи былъ, по принятіи христіанства, тотчасъ отрѣшиться и отъ самаго язычества, и отъ прежняго пониманія вѣры, и вдругъ довести до сознанія возвышенное евангельское ученіе, проникнуть въ глубину мудрости Христовой вѣры, назначеніе которой—возраждать умъ, волю и всю природу человѣка.

Храмъ являлся въ воззрѣніи нашихъ предковъ, какъ живое лицо, исполненное благодати духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ іерарховъ по жребію, и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ ему и проч. Самый матеріалъ зданія церковнаго, мѣста, на которыхъ устроились храмы, и всѣ принадлежности ихъ считались неприкосновенною святынею. Что говорилось въ греческихъ сочиненіяхъ о церкви, какъ объ обществѣ христіанъ, наши предки относили къ храму, даже самыя слова символа: во едину св. соборную и апостольскую церковь. „Церковь бо земное небо, говорили они. Та есть на земли Богомъ создана въ жилище св. Духа и на просвѣщеніе всего міра, еже молитвѣ домъ наречется, въ ней же есть оправданіе и очищеніе, и радость, и отпущеніе грѣховъ многихъ". Кромѣ этого общаго священнаго значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенное значеніе. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, храмъ со своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ, и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремятся наружу и требуютъ немедленнаго удовлетворенія, храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ. При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться и, въ случаѣ невозможности, считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обез-

печить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и незрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя граматы, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя дѣла. Въ случаѣ голода или общаго несчастія изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богадѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостью.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго, мирнаго и благодатнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простого и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человѣка и вошло въ Россіи во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшеніе семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ посѣтитель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ ней утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ древній русскій человѣкъ считалъ безчестнымъ дозволять себѣ какія-нибудь предосудительныя вольности. Вмѣсто старыхъ кудесниковъ, стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою, въ надеждѣ получить помощь въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обѣщаніяхъ; во время недовѣрчивости другъ къ другу они призывались во свидѣтельство правоты дѣла, и люди увѣрены были въ ихъ правомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскомъ человѣкѣ, что онъ вооружился крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлью побѣдить ихъ. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества нравственныя начала. Понятно, почему при заключеніи мира поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣненныхъ непріятелемъ.

На ряду съ извѣстіями о храмахъ и другихъ священныхъ предметахъ, въ лѣтописяхъ стоятъ часто описанія крестныхъ ходовъ. Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокаивали страждущій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія

и забвенія нравственныхъ обязанностей. Лѣтописи сообщаютъ, что даже люди жестокосердые, которые разсчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время мора и пожара, крамольники во время мятежа,—и они умилялись душою, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній Божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое, спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ, отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Пастыри церкви не однѣми молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ начинать и продолжать войну, содѣйствовать всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали со стороны іерарховъ то краткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,—и духовная сила торжествовала надъ матеріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которые они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ. На духовныхъ возлагались большею частью обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и, слѣдовательно, безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору іерархи облегчали участь недоумѣвающаго правительства и убитаго народа не однимъ сладостнымъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила, спуды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ.

Русское духовенство не усиливалось соединяться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, входило въ непосред-

ственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще не ознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: „Что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить?“ Впослѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при каждомъ семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр., кровную месть, поединокъ, многоженство и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ Божіихъ для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства лѣтописи передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ. „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре, и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ“, замѣчается о пастыряхъ того времени.

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая сильно способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ или выгодахъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Въ мірѣ большею частью хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными разсчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе къ богатству, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря, а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію. На встрѣчу богатырю,

гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотью, выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другого, болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда „собирались князья и вельможи и прочіе люди за духовною пользою"; тамъ получили правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ Божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые иноки русскіе были самые практическіе люди, обращали свои взоры въ міръ и тамъ преслѣдовали личныя страсти и общественные безпорядки, нерѣдко съ опасностью жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались селенія, и такимъ образомъ заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли бѣжали крестьяне отъ поработительнаго деспотизма и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда стонала Россія подъ игомъ татарскимъ. Грозившее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое, и монастырь нерѣдко превращался въ крѣпость. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные—во врачебномъ пособіи.

Малѣйшее отступленіе отъ церковно-богослужебнаго чина, или измѣненіе какой-либо черты священныхъ предметовъ и изображеній рѣзко бросалось въ глаза русскому человѣку; онъ придавалъ подобному обстоятельству огромное значеніе, считалъ посягательствомъ на святыню, такъ сказать, на жизненную силу вѣры, и глубоко возмущался въ своей совѣсти. Высокое благоговѣніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая всякое событіе непосредственному вліянію Божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Въ лѣтописяхъ нерѣдко говорится, что ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозившихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва Господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали, какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землетрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего уси-

ливпая народное благоговѣніе къ нимъ. Это—явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы Божіей. Чудеса совершались большею частью въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатаицы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа. Чудесная сила изливалась отъ нетлѣнныхъ останковъ мощей, къ которымъ съ вѣрою притекали страждущіе. Живя болѣе чувствомъ, не занимаясь научными вопросами, когда умственная сила находилась въ усыпленномъ состояніи, русскій человѣкъ безусловно вѣрилъ въ чудесныя откровенія Божіи.

Благодѣтельное вліяніе монашества на образованіе духовной жизни древней Россіи и содѣйствіе благоустройству житейскаго быта вызвало сильное уваженіе къ монастырямъ и монахамъ, которое ставятъ лѣтописцы на высокую степень добра и нравственности. Въ похвалу благочестивыхъ князей они говорятъ: „Воздавалъ честь епископамъ и пресвитерамъ, излиха же любилъ черноризцевъ". Прославляютъ также тѣхъ князей, которые „утѣшали братію" пищею и одеждою и давали монастырямъ разныя пожертвованія и льготы.

При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и пр тиводѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго. Чувственныя страсти сильно одолѣвали и подавляли народъ древней Руси: пьянство, съ своими неразлучными спутниками, и старая языческая привычка къ тѣлеснымъ наслажденіямъ не погасли въ обществѣ. Очень естественно, что постъ и умерщвленіе плоти, трезвость и воздержаніе, чистота тѣла и цѣломудріе, въ понятіи нашихъ предковъ, были недосягаемыми добродѣтелями. Умерщвленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственныя средства. Постъ уравнивалъ и богача-сластолюбца, и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали того, кто ѣстъ мясо въ великое говѣнье. Въ старое время смотрѣли на постъ не какъ на средство только усовершенствованія нравственности, но онъ самъ въ глазахъ нашихъ предковъ былъ величайшимъ совершенствомъ жизни. Изъ уваженія къ посту даже не начинали войны, и лѣтописцевъ поражало, при описаніи голода, то, что многіе принуждены были ѣсть мясо въ постные дни, или конину въ великое говѣнье. Строгость соблюденія поста до того простиралась, что пастыри должны были писать, чтобы не морили голодомъ больныхъ дѣтей.

Древній русскій человѣкъ, какъ дитя, жилъ и руководился въ своей дѣятельности преимущественно христіанскимъ чувствомъ, и, при недостаткѣ сознанныхъ нравственныхъ правилъ, побужденіемъ къ добру, главнымъ образомъ, служили ему представленіе награды и страхъ наказанія. Строилъ ли онъ храмъ, содѣйствовалъ ли благолѣпію богослуженія, благоговѣлъ ли передъ духовными и монахами, жертвовалъ ли отъ своего пріобрѣтенія въ церковь, монастырь, бѣднымъ и несчастнымъ, старался ли погасить буйныя страсти тѣла, заботился ли о правосудіи и проч.,—все это онъ совершалъ не изъ прямой любви къ вѣчному добру, не изъ сознанія долга, основаннаго на достоинствѣ своего лица, какъ образа Божія, и на достоинствѣ человѣка, какъ брата, но дѣлалъ это болѣе по одному побужденію и съ единственною цѣлью:

„на очищеніе своимъ грѣхамъ и на поминокъ единородныхъ и безсмертныхъ своихъ душъ и всего роду своего, еже есть во искупленіе дому и во изрученіе грознаго и неизбѣжнаго онаго мѣста мучимаго, идѣже онъ богатый немилостивый страждетъ“. Въ дѣлѣ добра древній христіанинъ видѣлъ болѣе путь къ собственному спасенію и счастью, услаждался внутреннимъ добрымъ движеніемъ и умиленіемъ, не заботясь о плодахъ постороннихъ, независимыхъ отъ плодовъ лично-душевныхъ. Не опираясь на сознательныя правила и отличаясь неопредѣленностью цѣли, древній русскій человѣкъ дѣлалъ добро отрывочно, сообразно частнымъ обстоятельствамъ личной жизни или внѣшнихъ побужденій. Поэтому добрыя дѣла особенно замѣтны въ минуты радости и во дни несчастія. Опустошительныя нашествія иноплеменниковъ, грозныя и разрушительныя явленія природы производили сильное впечатлѣніе на совѣсть христіанина, образумляли его среди грубой и низкой жизни, побуждали къ немедленному раскаянію и удовлетворенію карающаго правосудія. Въ такое время отказывались многіе отъ міра; духовенство пѣло молебны и совершали крестные ходы; міряне молились съ горькими вздохами, творили милостыни и дѣлали разныя пожертвованія, налагали на себя суровый постъ и строили церкви. Мысль о кончинѣ міра, предсказанной Спасителемъ, въ связи съ грозными явленіями природы, тотчасъ приходила на память, какъ громъ поражала немощную совѣсть, усиливала всеобщій ужасъ, наполняла сердце отчаяніемъ и сокрушеніемъ: всѣ готовились къ разставанію съ міромъ, мучительно скорбѣли о грѣхахъ и прощались другъ съ другомъ. Доселѣ сохранилась пословица: „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“. И стремленіе къ добру въ грустное время было пламенно, но не продолжительно; оканчивалась гроза, и все шло по-старому. Радостныя событія въ отечествѣ возбуждали также религіозное чувство и усиливали проявленіе его въ добрыхъ поступкахъ.

—

XXVI. ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ.

(Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, Костомарова, т. I).

Княженіе Ярослава можетъ назваться продолженіемъ Владимірова, какъ по отношеніямъ кіевскаго князя къ подчиненнымъ землямъ, такъ и по содѣйствію къ расширенію въ Руси новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ.

Ярославъ является въ первый разъ въ исторіи мятежнымъ сыномъ противъ отца. По извѣстіямъ лѣтописи, будучи на княженіи въ Новгородѣ въ качествѣ подручнаго кіевскаго князя, Ярославъ собиралъ съ новгородской земли 3000 гривенъ, изъ которыхъ 2000 долженъ былъ отсылать въ Кіевъ къ отцу своему. Ярославъ не сталъ доставлять этихъ денегъ, и разгнѣванный отецъ собирался идти съ войскомъ наказывать непокорнаго сына. Ярославъ убѣжалъ въ Швецію набирать иноплеменниковъ противъ отца. Смерть Владиміра помѣшала этой войнѣ. По соображеніямъ съ тогдашними обстоятельствами можно, однако, полагать, что были еще болѣе глубокія причины раздора, возникшаго между сыномъ и отцомъ.

Дѣти Владиміра были отъ разныхъ матерей. Владиміръ передъ кончиною болѣе всѣхъ сыновей любилъ Бориса. Вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ Глѣбомъ онъ въ нашихъ лѣтописяхъ называется сыномъ „болгарыни", а по другимъ, позднѣйшимъ извѣстіямъ—сыномъ греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти извѣстія, полагали, что царевна, отданная въ замужество за Владиміра св., была не родная, а двоюродная сестра греческихъ императоровъ, дочь болгарскаго царя Петра. Была-ли она двоюродная сестра Василія и Константина, или же родная—до сихъ поръ не рѣшено, но во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что Борисъ и Глѣбъ были дѣти этой царевны, и Владиміръ, какъ христіанинъ, оказывалъ имъ предпочтеніе передъ другими сыновьями, считая ихъ болѣе законными по рожденію, такъ какъ съ ихъ матерью онъ былъ соединенъ христіанскимъ бракомъ, и они, кромѣ того, предпочтительно передъ другими имѣли право на знатность происхожденія по матери отъ отцовской крови.

Владиміръ, размѣстивши сыновей по землямъ, держалъ близь себя Бориса, явно желая передать ему послѣ себя кіевское княжество. Это, какъ видно, и вооружало противъ отца Ярослава, который лѣтами былъ старше Бориса, но еще болѣе вооружало это обстоятельство Святополка, который по возрасту былъ старше всѣхъ прочихъ сыновей Владиміра. Смерть не допустила Владиміра до войны съ сыномъ. Бориса въ то время не было въ Кіевѣ: онъ былъ отправленъ отцомъ на печенѣговъ. Бояре, благопріятствовавшіе Борису, три дня скрывали смерть Владиміра, вѣроятно, до того времени, пока можетъ возвратиться Борисъ: но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владиміра. Святополкъ дарами и ласкательствомъ расположилъ къ себѣ кіевлянъ; они признали его кіевскимъ княземъ: хотя старшинство рожденія давало ему право на княженіе, но нужно было еще утвердить его и народнымъ согласіемъ, особенно въ такое время, когда существовали другіе соискатели. Положеніе его, однако, и при этомъ было нетвердо. Купленное расположеніе кіевлянъ могло легко измѣниться. Дѣти христіанской царевны имѣли передъ нимъ нравственное преимущество, и особенно Борисъ могъ во всякомъ случаѣ быть для него опаснымъ соперникомъ. Святополкъ избавился отъ обоихъ, подославши тайныхъ убійцъ. Борисъ былъ умерщвленъ на берегахъ Альты, близь Переяславля; Глѣбъ—на Днѣпрѣ, близь Смоленска. Такая же участь постигла и третьяго брата, Святослава древлянскаго, который, услышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Двое первыхъ впослѣдствіи причислены къ лику святыхъ. Эти князья долго считались покровителями княжескаго рода и охранителями русской земли, такъ что многія побѣды русскихъ надъ иноплеменниками приписывались непосредственному вмѣшательству святыхъ сыновей Владиміра. Третій братъ, Святославъ, не удостоился такой чести, вѣроятно, оттого, что первыхъ возвысило въ глазахъ церкви рожденіе отъ матери, принесшей съ собою христіанство въ Русскую землю.

Ярославъ, ничего не зная о смерти отца, привелъ въ Новгородъ варяговъ и разставилъ ихъ по дворамъ. Пришельцы начали безчинствовать; составился противъ нихъ заговоръ, и послѣдовало избіеніе варяговъ. Ярославъ, въ отмщеніе за это, зазвалъ къ себѣ зачинщиковъ заговора, подъ видомъ угощенія, и приказалъ перебить. Въ слѣдующую

ночь затѣмъ пришло ему изъ Кіева извѣстіе отъ сестры Предславы о смерти отца и объ избіеніи братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче, изъявилъ сожалѣніе о своемъ вѣроломномъ поступкѣ съ новгородцами и спрашивалъ, согласятся ли ему помочь. „Хотя, князь, ты и перебилъ нашу братью, но мы можемъ за тебя бороться", отвѣчали ему. Новгородцамъ былъ разсчетъ помогать Ярославу: ихъ тяготила зависимость отъ Кіева, которая должна была сдѣлаться еще тягостнѣе при Святополкѣ, судя по его жестокому нраву; новгородцевъ оскорбляло и высокомѣрное поведеніе кіевлянъ, считавшихъ себя ихъ господами. Они поднялись за Ярослава, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и за себя, и не ошиблись въ разсчетѣ, такъ какъ впослѣдствіи Ярославъ, обязанный имъ своимъ успѣхомъ, далъ имъ льготную грамату, освобождавшую ихъ отъ непосредственной власти Кіева и возвращавшую Новгороду съ его землею древнюю самобытность.

Ярославъ выступилъ въ походъ противъ кіевскаго князя въ 1016 г. съ новгородцами, которыхъ лѣтописецъ считаетъ до 40000; съ нимъ было также до тысячи варяговъ. Святополкъ выступилъ противъ него осенью съ кіевлянами и печенѣгами. Враги встрѣтились подъ Любечемъ и долго стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ Днѣпра. Ни тѣ, ни другіе не смѣли первые перебраться черезъ рѣку; наконецъ, кіевляне раздражили новгородцевъ презрительными насмѣшками. Святополковъ воевода, выѣхавши впередъ, кричалъ: „Ахъ, вы, плотники этакіе, чего пришли съ этимъ хоромцемъ (охотникомъ строить); вотъ, мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!"—„Князь, закричали новгородцы, если ты не пойдешь, то мы сами ударимъ на нихъ", и они перевезлись черезъ Днѣпръ. Ярославъ, зная, что одинъ изъ воеводъ кіевскихъ расположенъ къ нему, послалъ къ нему ночью отрока и приказалъ сказать ему такого рода намекъ: „Что дѣлать? меду мало варено, а дружины много". Кіевлянинъ отвѣтилъ: „Хотя меду мало, а дружины много, но къ вечеру надо дать". Ярославъ понялъ, что слѣдуетъ въ ту же ночь сдѣлать нападеніе и двинулся въ битву, отдавши такой приказъ своей дружинѣ: „повяжите свои головы платками, чтобы отличать своихъ". Святополкъ заложилъ свой станъ между двумя озерами и, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ и веселился съ дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на него. Печенѣги стояли за озеромъ и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули кіевлянъ къ озеру. Кіевляне бросились на ледъ, но ледъ былъ еще тонокъ, и многіе потонули въ озерѣ. Разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ своему тестю Болеславу, а Ярославъ вступилъ въ Кіевъ.

Болеславъ, прозванный Храбрымъ, стремился къ расширенію своихъ польскихъ владѣній. Онъ увидѣлъ благопріятный случай вмѣшаться въ междоусобія русскихъ князей для своихъ выгодъ и въ 1018 г. пошелъ вмѣстѣ съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ, предупреждая враговъ, двинулся противъ нихъ на Волынь и встрѣтился съ ними на берегахъ Буга. Тутъ опять повторился русскій обычай поддразнивать враговъ. Кормилецъ и воевода Ярославовъ, Будый, ѣздя по берегу, кричалъ, указывая на Болеслава: „Вотъ мы тебѣ щепкою проколемъ черево твое толстое". Не стерпѣлъ такого оскорбленія храбрый Болеславъ: „Если васъ не трогаетъ такой укоръ", сказалъ онъ своимъ, „я одинъ погибну", и бросился вбродъ черезъ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ

готовъ къ бою, не выдержалъ напора и убѣжалъ съ четырьмя изъ своихъ людей въ Новгородъ.

Болеславъ овладѣлъ Кіевомъ, не возвративъ его Святополку, а засѣлъ въ немъ самъ и приказалъ развести свою дружину по городамъ. Болеславъ хотѣлъ, пребывая въ Кіевѣ, править своимъ государствомъ и отправлялъ оттуда посольства въ Западную и Восточную имперію. Но такое поведеніе скоро раздражило какъ Святополка, такъ и кіевлянъ. Святополкъ очутился въ своемъ княженіи подручникомъ иноземнаго государя, а поляки начали обращаться съ кіевлянами, какъ господа съ рабами. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать поляковъ. Разставленные по городамъ, поляки не въ силахъ были помогать другъ другу. Болеславъ бѣжалъ.

Тѣмъ временемъ Ярославъ, прибѣжавши впопыхахъ въ Новгородъ, хотѣлъ бѣжать дальше, за море. Но бывшій тогда новгородскимъ посадникомъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустилъ его и велѣлъ разрубить лодки. Новгородцы кричали: „будемъ еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ". Наложили поголовную подать, наняли варяговъ, собрали многочисленную рать и двинулись на Кіевъ.

Святополкъ, освободившись отъ Болеслава вѣроломнымъ образомъ, не могъ уже болѣе на него надѣяться. Не въ силахъ будучи удержать Кіевъ, Болеславъ все-таки захватилъ червенскіе города, отнятые отъ Польши Владиміромъ. Святополкъ обратился къ печенѣгамъ: на помощь кіевлянъ онъ, какъ видно, также не разсчитывалъ. Ярославъ сталъ на берегу Альты, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ братъ его Борисъ. Тамъ, въ одну изъ пятницъ 1019 г., на восходѣ солнца, произошла кровавая сѣча. Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, на него нашелъ какой-то безумный страхъ: онъ такъ разслабѣлъ, что не могъ сидѣть на конѣ и его тащили на носилкахъ. Такъ достигъ онъ Берестья. „Бѣжимъ, бѣжимъ, за нами гонятся!" кричалъ онъ въ безпамятствѣ. Бывшіе при немъ отроки посылали провѣдать, не гонится-ли кто за ними; но никого не было, а Святополкъ все кричалъ: „Вотъ, вотъ, гонятся, бѣжимъ!" и не давалъ остановиться ни на минуту; и забѣжалъ онъ куда-то „въ пустыню между чеховъ и ляховъ" и тамъ кончилъ жизнь. Память Святополка покрылась позоромъ между потомками, и прозвище „Окаяннаго" осталось за нимъ въ исторіи.

Ярославъ сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, но долженъ былъ выдержать борьбу и съ другимъ братомъ, Мстиславомъ. Этотъ князь, по древнимъ извѣстіямъ, плотный тѣломъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвѣ, щедрый къ дружинѣ, получилъ отъ отца удѣлъ въ отдаленной Тмуторакани, прославился своею богатырскою удалью и въ особенности единоборствомъ съ касожскимъ княземъ Редедею, которое долго помнилось на Руси. Этотъ-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава съ подчиненными ему касогами и призвалъ на помощь хозаръ. Сначала онъ, пользуясь отъѣздомъ Ярослава въ Новгородъ, хотѣлъ-было овладѣть Кіевомъ, но кіевляне его не приняли; насильно покорить ихъ онъ, какъ видно, не могъ. Ярославъ пригласилъ изъ-за моря варяговъ. Приглашенными варягами предводительствовалъ Якунъ (Гаконъ). Ярославъ и Мстиславъ вступили въ бой въ сѣверской землѣ, близь Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой былъ жестокій. Мстиславъ выставилъ противъ варяговъ сѣверянъ; враги одолѣвали сѣ-

верянъ, но бросился на варяговъ отважный князь Мстиславъ со своею удалою дружиною—и побѣжали варяги. Побѣдитель не сталъ болѣе вести войны съ братомъ. Онъ послалъ Ярославу, бѣжавшему въ Новгородъ, такое слово: „ты старѣйшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ лѣвая сторона Днѣпра!“ Ярославъ долженъ былъ согласиться. Мстиславъ избралъ себѣ столицею Черниговъ и заложилъ тамъ церковь св. Спаса. Съ тѣхъ поръ братья жили между собою душа въ душу и въ 1031 г., пользуясь слабостью преемника Болеслава Храбраго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславомъ червенскіе города (Галичину); тогда Ярославъ привелъ изъ Польши много плѣнниковъ и поселилъ ихъ у себя по берегамъ Роси; Мстиславу также достались плѣнники для поселенія въ своемъ удѣлѣ.

Въ 1036 году Мстиславъ умеръ. Онъ не оставилъ по себѣ дѣтей. Удѣлъ его достался Ярославу, и съ тѣхъ поръ кіевскій князь остался до смерти единымъ властителемъ русскихъ земель, кромѣ полоцкой. Въ Новгородъ Ярославъ спачала самъ часто наѣзжалъ и живалъ тамъ подолгу, а въ отсутствіи своемъ управлялъ черезъ посадниковъ. Въ 1038 году Ярославъ посадилъ въ Новгородъ сына своего Владиміра, а послѣ его смерти посаженъ былъ сынъ Ярослава, Изяславъ, и съ тѣхъ поръ въ Новгородѣ постоянно уже были особые князья.

Ярославъ расширялъ область русскаго міра подчиненіемъ новыхъ земель. Кромѣ пріобрѣтенія червенскихъ городовъ отъ Польши, онъ счастливо воевалъ съ Чудью, и въ 1030 г. основалъ въ чудской землѣ городъ Юрьевъ, названный такимъ образомъ по христіанскому имени Ярослава, нареченнаго Юріемъ въ крещеніи. Онъ предпринималъ также походы на ятвяговъ и литву и заставилъ ихъ платить дань. Не такъ счастливо кончилась у Ярослава морская война съ Греціею, послѣдняя въ русской исторіи. Раздоръ произошелъ по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русскаго. Ярославъ въ 1043 году отправилъ противъ Византіи сына своего Владиміра и воеводу Вышату, но буря разбила русскія суда и выбросила на берегъ Вышату съ 6000 воиновъ. Греки окружили ихъ, взяли въ плѣнъ и привели въ Царьградъ. Тамъ Вышатѣ и многимъ русскимъ выкололи глаза. Но Владиміръ на морѣ счастливо отбилъ нападеніе греческихъ судовъ и воротился въ отечество. Черезъ три года заключенъ былъ миръ; слѣпцовъ отпустили со всѣми плѣнными, а въ утвержденіе мира греческій императоръ Константинъ Мономахъ отдалъ дочь свою за сына Ярослава, Всеволода. Это было не одно родство Ярослава съ иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежскимъ королемъ Гарольдомъ. Другая дочь Анна вышла за французскаго короля Генриха I. Сыновья Ярослава (вѣроятно Вячеславъ и Святославъ) были женаты на нѣмецкихъ княжнахъ. Ярославъ болѣе всего оставилъ по себѣ память въ русской исторіи своими дѣлами внутренняго устроенія. Не даромъ, во время борьбы съ Святополкомъ, кіевляне называли его „хоромцемъ“, охотникомъ строить. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ страсть къ сооруженіямъ. Въ 1037 году напали на Кіевъ печенѣги. Ярославъ былъ въ Новгородѣ и поспѣшилъ на югъ съ варягами и новгородцами. Печенѣги огромною силою подступили къ Кіеву и были разбиты на голову. (Съ тѣхъ поръ уже набѣги ихъ не повторялись). Въ память этого

событія создана была Ярославомъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила самая жестокая сѣча съ печенѣгами.

Храмъ св. Софіи построенъ былъ греческими зодчими и украшенъ греческими художниками. Не смотря на всѣ послѣдующія перестройки и пристройки, храмъ этотъ до сихъ поръ можетъ служить образцомъ византійскаго зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европѣ. У насъ это единственное зданіе XI в., сохранившееся сравнительно въ большей цѣлости. Въ первоначальномъ своемъ видѣ это было продолговатое каменное зданіе, сложенное изъ огромныхъ кирпичныхъ плитъ и отчасти дикаго камня. Вышина его была отъ 60 до 70 аршинъ. На сѣверной, западной и южной сторонахъ сдѣланы были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами съ тремя арками внизу и вверху на южной и сѣверной сторонахъ; алтарь трехчастный, полукруглый съ окнами, а рядомъ съ нимъ два придѣла. Зданіе освѣщалось пятью куполами, изъ которыхъ самый большой приходился надъ срединой церкви, а четыре надъ хорами. Алтарныя стѣны, алтарные столбы и главный куполъ были украшены мозаикой, а прочія стѣны стѣнною живописью. Снаружи церковь была обведена папертью, изъ которой на двухъ сторонахъ—южной и сѣверной—шли двѣ витыя лѣстницы на хоры. Эти лѣстницы были расписаны изображеніями разныхъ случаевъ изъ свѣтской жизни, какъ-то: княжеской охоты, народныхъ увеселеній и т. п. (фрески эти существуютъ и до сихъ поръ, хотя нѣсколько подправленныя).

Кромѣ св. Софіи, Ярославъ построилъ въ Кіевѣ церковь св. Ирины, монастырь св. Георгія, распространилъ Кіевъ съ западной стороны и построилъ такъ называемыя Золотыя Ворота съ церковью Благовѣщенія надъ ними. По его повелѣнію, въ Новгородѣ сынъ его Владиміръ воздвигъ церковь св. Софіи по образцу кіевской, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Церковь эта сдѣлалась главною святынею Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространеніемъ христіанской религіи по всѣмъ русскимъ землямъ. Тогда уже выросло поколѣніе тѣхъ дѣтей, которыхъ Владиміръ отдавалъ въ книжное ученіе. Ярославъ въ этомъ отношеніи продолжалъ дѣло своего отца. Мы имѣемъ извѣстіе, что онъ въ Новгородѣ собралъ 300 дѣтей у старостъ и поповъ и отдавалъ ихъ „учиться книгамъ". Въ суздальской землѣ самъ Ярославъ боролся противъ язычества. Сдѣлался въ этой странѣ голодъ. Волхвы научили людей, будто старыя бабы скрываютъ въ себѣ жито и всякое обиліе. Народъ волновался, и нѣсколько женщинъ было убито. Ярославъ прибылъ въ Суздаль, казнилъ волхвовъ и поучалъ народъ, что голодъ происходитъ отъ кары Божіей, а не отъ чародѣйства старыхъ бабъ. Христіанство сильнѣе стало распространяться въ этой землѣ между мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вѣра въ Кіевѣ, и потому тамъ строились одинъ за другимъ монастыри. Умноженіе епископскихъ каѳедръ потребовало установленія главной каѳедры надъ всѣми, или митрополіи. Ярославъ положилъ начало русской митрополіи вмѣстѣ съ основаніемъ св. Софіи. Первымъ митрополитомъ при немъ является Ѳеопемптъ. Въ 1051 году, вмѣсто Ѳеопемпта, поставленъ былъ соборомъ русскихъ епископовъ Илларіонъ, родомъ русскій, человѣкъ замѣчательно ученый по своему времени. Самъ Ярославъ любилъ чтеніе и бесѣды съ книжными людьми; онъ собралъ знатоковъ и поручилъ переводить съ греческаго на русскій языкъ разныя сочиненія духовнаго содержанія и переписы-

вать уже переведенныя; такимъ образомъ составилась библіотека, которую Ярославъ приказалъ хранить въ св. Софіи. Ярославу принадлежитъ начало сборника древнихъ законовъ подъ названіемъ „Русской Правды". Сборникъ этотъ существуетъ въ нѣсколькихъ различныхъ, то болѣе, то менѣе полныхъ редакціяхъ. Самая старѣйшая, дошедшая до насъ, редакція не восходитъ ранѣе конца XIII вѣка. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ статей были составлены при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, о чемъ прямо говорится въ самыхъ статьяхъ. Ученые признаютъ принадлежащими времени Ярослава первыя 17 статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть можетъ, многія изъ послѣдующихъ статей первоначально относятся къ его же времени. Главнымъ предметомъ Ярославовыхъ законоположеній—случаи обидъ и вреда, наносимыхъ одними лицами другимъ. Вообще, какъ за убійства, такъ и за увѣчье и побои предоставлялась месть. Если же мести не было, тогда платилась князю вира, имѣвшая разные размѣры, смотря по свойству обиды и по званію обиженнаго.

Еще до своей смерти Ярославъ размѣстилъ по русскимъ землямъ своихъ сыновей. Въ Новгородѣ былъ старшій сынъ его Владиміръ, умершій еще при жизни отца въ 1052 году. Въ Туровѣ былъ второй сынъ Ярослава, Изяславъ, которому отецъ, по смерти Владиміра, отдалъ новгородское княженіе и назначилъ послѣ своей смерти кіевское; въ Черниговѣ—Святославъ, въ Переяславлѣ—Всеволодъ, во Владимірѣ-Волынскомъ—Игорь, а въ Смоленскѣ—Вячеславъ.

Ярославъ скончался 20 февраля 1054 года на рукахъ у любимаго сына Всеволода и погребенъ въ церкви св. Софіи въ мраморной гробницѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ.

XXVII. НАЧАЛО ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

Въ годъ 6559 Ярославъ, собравъ епископовъ, поставилъ въ митрополиты въ св. Софіи Илларіона, по происхожденію русскаго. По этому поводу прилично разсказать, откуда произошло названіе Печерскаго монастыря. У Ярослава, любившаго село Берестово и его церковь св. Апостоловъ, уважавшаго духовныхъ лицъ, былъ священникъ по имени Илларіонъ, мужъ благой, знающій и постникъ. Онъ ходилъ изъ Берестова на берегъ Днѣпра на холмъ, гдѣ теперь старый Печерскій монастырь, и здѣсь творилъ молитву. Тогда былъ здѣсь большой лѣсъ. Онъ вырылъ себѣ небольшую пещеру въ двѣ сажени и, приходя изъ Берестова, въ ней отпѣвалъ часы и тайно молился Богу. Затѣмъ самъ Богъ внушилъ князю мысль поставить Илларіона митрополитомъ въ св. Софіи, а вырытая имъ пещера такъ и осталась. Немного лѣтъ спустя, нашелся человѣкъ, мірянинъ изъ города Любеча; этому человѣку Богъ внушилъ мысль странствовать. Онъ отправился на Святую гору, увидѣлъ находящіеся тамъ монастыри и, посѣтивъ ихъ, возлюбилъ иноческое житье, пришелъ въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей и упрашивалъ игумена принять его въ число монаховъ. Игуменъ исполнилъ его просьбу, по-

стригъ его, нарекъ ему имя Антоній, наставилъ его, научилъ правиламъ монашескаго житья и сказалъ: „Иди на Русь обратно, и да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы, ибо отъ тебя произойдутъ многіе чернцы". Затѣмъ игуменъ благословилъ и напутствовалъ словами: „Иди съ миромъ". Антоній пришелъ въ Кіевъ и размышлялъ, гдѣ ему поселиться. Онъ посѣщалъ монастыри, но они не нравились ему, ибо такъ хотѣлъ Господь. Тогда онъ началъ ходить по дебрямъ и горамъ, ища мѣста, которое для него назначилъ Богъ. Такимъ образомъ онъ пришелъ на холмъ, гдѣ Илларіонъ вырылъ пещеру, возлюбилъ это мѣсто, поселился здѣсь и такъ молился Богу со слезами: „Господи! утверди меня на мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе Святой горы и игумена, постригшаго меня". И сталъ жить здѣсь, молясь Богу, питаясь сухимъ хлѣбомъ и то черезъ день, выпивая умѣренное количество воды, роя пещеру. Онъ не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, пребывалъ постоянно въ трудѣ, бдѣніи и молитвѣ. Когда узнали о немъ добрые люди, то приходили къ нему и приносили ему все необходимое; и распространилась слава о великомъ Антоніи, и стали приходить къ нему, прося благословенія. Когда князь Ярославъ преставился, и власть въ Кіевѣ принялъ сынъ его Изяславъ, Антоній былъ уже извѣстенъ во всей Русской землѣ. Изяславъ, узнавъ про его житье, явился къ нему съ дружиною, прося благословенія и молитвы. И всѣ узнали про великаго Антонія, чтили его; приходила къ нему братья, и онъ началъ принимать и постригать ее. Братьи собралось къ нему 12 человѣкъ. Они ископали большую пещеру и церковь, и кельи, которыя существуютъ и теперь подъ старымъ монастыремъ. Собравъ братью, Антоній сказалъ: „Васъ, братья, соединилъ Богъ, и благословеніе Святой горы надъ вами, а я васъ постригалъ. Да будетъ же надъ вами, во-первыхъ, благословеніе Бога, а во-вторыхъ, благословеніе Святой горы". И дальше говорилъ: „Живите же себѣ, и поставлю вамъ игумена, а самъ хочу идти на ту гору одинъ, потому что и прежде я привыкъ къ уединенію". И поставилъ игуменомъ надъ ними Варлаама, а самъ пошелъ на гору и вырылъ пещеру, которая и находится подъ новымъ монастыремъ. Въ ней онъ кончилъ жизнь свою, полную добродѣтели, не выходя никуда изъ пещеры въ продолженіе 40 лѣтъ; въ ней же и по сей день находятся мощи его. Братья жила со своимъ игуменомъ. Когда число ея возрасло, возникло намѣреніе построить монастырь внѣ пещеры. Игуменъ пошелъ къ Антонію и сказалъ ему: „Отче, братья умножилась и не можетъ помѣститься въ пещерѣ. Еслибъ повелѣлъ Богъ и твоя молитва, мы бы построили церковку около пещеры. Антоній повелѣлъ имъ сдѣлать это. Они же поклонились ему и построили маленькую церковь во имя Успенія святой Богородицы надъ пещерою. И сталъ Богъ увеличивать число черноризцевъ по молитвамъ святой Богородицы. Братья съ игуменомъ сотворили совѣтъ построить монастырь. Они пошли къ Антонію и сказали: „Отче, братья умножается, мы бы хотѣли построить монастырь". Антоній былъ радъ этому и сказалъ: „Благословенъ Богъ за все, и молитва святой Богородицы и отцовъ, которые на Святой горѣ, да будетъ съ вами". Сказавъ это, онъ послалъ одного изъ братьи къ князю Изяславу со слѣдующими словами: „Мой князь! Вотъ Богъ умножаетъ братью, а мѣста мало; далъ бы ты намъ ту гору, которая находится надъ пещерою". Услышавъ это, Изяславъ согласился, послалъ своего

мужа и отдалъ имъ ту гору. Игуменъ же и братья заложили большую церковь и огородили монастырь заборомъ, поставили многія кельи. Окончивъ постройку церкви, они украсили ее иконами. Такимъ образомъ получилъ начало Печерскій монастырь и назвался такъ оттого, что чернцы его жили въ пещерѣ; онъ произошелъ отъ благословенія Святой горы. Когда монастырь былъ оконченъ въ игуменство Варлаама, Изяславъ построилъ монастырь св. Димитрія и пригласилъ Варлаама быть тамъ игуменомъ, желая сдѣлать этотъ монастырь высшимъ, чѣмъ Печерскій, надѣясь на богатство. Ибо бываютъ многіе монастыри, построенные царями и боярами, возникающіе отъ богатства; но эти монастыри не таковы, какъ построенные слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ. Антоній же не имѣлъ ни золота, ни серебра, но прославился слезами и пощеніемъ, какъ было сказано выше. Когда Варлаамъ ушелъ въ монастырь св. Димитрія, братья, посовѣтовавшись, послала къ старцу Антонію и сказала: „Поставь намъ игумена". Онъ же спросилъ: „Кого хотите?" Они же сказали: „Кого хочетъ Богъ и ты". Антоній тогда сказалъ: „Кто изъ васъ послушнѣе, кротче и смиреннѣе Θеодосія, тотъ да будетъ вашимъ игуменомъ". Братья была довольна отвѣтомъ, поклонилась старцу и поставила Θеодосія игуменомъ надъ собою. Она состояла тогда изъ 20 человѣкъ. Когда Θеодосій сталъ игуменомъ, монастырь началъ отличаться великимъ воздержаніемъ и пощеніемъ, число чернцовъ стало возрастать и дошло до 100 человѣкъ. И начали тогда искать иноческаго устава и, найдя Михаила, монаха Студійскаго монастыря, прибывшаго изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ, просили у него устава студійскаго. Получивъ этотъ уставъ, списали его и ввели въ своемъ монастырѣ правила, какъ вести монастырское пѣніе, какъ совершать поклоны, устраивать чтенія, стояніе въ церкви и весь рядъ церковный, какъ сидѣть за трапезой, что ѣсть въ какіе дни, и все по уставу. Θеодосій все это учредилъ и передалъ монастырю своему. Отъ этого монастыря всѣ монастыри заимствовали уставъ: этимъ-то и почтенъ Печерскій монастырь, какъ старѣйшій изъ всѣхъ...

Въ годъ 6582 Θеодосій, игуменъ Печерскій, скончался. Скажемъ немного по поводу его смерти. У Θеодосія былъ обычай—когда приближалось постное время, въ воскресенье на масляницѣ вечеромъ, цѣловать всю братью и наставлять ее, какъ проводить постное время въ дневныхъ и ночныхъ молитвахъ, остерегаться скверныхъ мыслей, бѣсовскаго навожденія. Онъ говорилъ: „Бѣсы внушаютъ черноризцамъ помышленія и желанія нечестивыя, смущаютъ ихъ душу и такимъ образомъ вредятъ ихъ молитвамъ. Когда такія мысли приходятъ, отгоняйте ихъ крестнымъ знаменіемъ, говоря такъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь". Къ тому же нужно воздерживаться отъ лишней пищи, ибо отъ обильнаго яденія и безмѣрнаго питья возрастаютъ помыслы лукавые, а отъ нихъ совершается и грѣхъ. Слѣдуетъ противиться вліянію и хитрости бѣсовъ удаленіемъ лѣности и продолжительнаго сна, быть бодрымъ на церковное пѣніе, на преданія отеческія, на чтеніе книгъ; больше всего чернцамъ подобаетъ имѣть въ устахъ псалтырь Давидовъ, чѣмъ прогоняется бѣсовское уныніе. Но самое важное любить меньшихъ, покоряться старшимъ и слушаться ихъ, ибо старшіе для меньшихъ должны быть образцомъ въ поведеніи, воз-

держанiи, бдѣнiи, хожденiи, смиренiи. Итакъ, поучая меньшихъ и утѣшая ихъ, должно проводить постъ".

И теперь Θеодосiй, по обычаю, цѣловалъ братью, праздновалъ съ нею Вербное Воскресенье, затѣмъ праздникъ Пасхи и наконецъ впалъ въ болѣзнь. Когда прошло пять дней болѣзни, онъ велѣлъ вечеромъ вынести себя на дворъ и братья, помѣстивъ его въ сани, поставила его у церкви. Онъ же сказалъ: „Братья мои, отцы мои, дѣти мои! Вотъ я удаляюсь отъ васъ, какъ сообщилъ мнѣ о моей кончинѣ Господь во время поста, когда я былъ въ пещерѣ. Кого хотите имѣть игуменомъ, пусть бы я тому далъ благословенiе". Монахи отвѣчали: „Ты намъ отецъ, и кого самъ пожелаешь, тотъ будетъ отцомъ и игуменомъ нашимъ, того будемъ слушаться, какъ слушались тебя". Θеодосiй сказалъ: „Послѣ меня поставьте игуменомъ, кого хотите, исключая двоихъ изъ братьи, Николая и Игната; въ выборѣ остальныхъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ, вы свободны". Монахи выслушали, отошли немного къ церкви и рѣшились послать къ Θеодосiю двоихъ изъ среды своей со слѣдующими словами: „Кого изволитъ Богъ и твоя честная молитва, кто тебѣ любъ, того назови". Θеодосiй отвѣчалъ: „Если отъ меня требуете назначенiя игумена, то я это сдѣлаю не по своему желанiю, а по Божьему устроенiю", и назвалъ священника Iакова. Братьи это не правилось, и они говорили: „Онъ не здѣсь постриженъ" (Iаковъ пришелъ изъ Бетца вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ), и стали просить о назначенiи Стефана, бывшаго тогда ученикомъ Θеодосiевымъ, говоря: „Онъ возросъ подъ твоею рукою и у тебя служилъ; его назначь". Θеодосiй сказалъ: „Я по Божьему повелѣнiю назвалъ-было Iакова, а вы хотите сдѣлать по вашей волѣ". Онъ однако послушалъ братью и указалъ на Стефана, какъ игумена, благословилъ его со словами: Чадо! передаю тебѣ монастырь; будь для него защитою, поддерживай тѣ порядки, которые я установилъ, не измѣняй преданiй и уставовъ монастырскихъ, но дѣлай все по закону и чину монастырскому". Послѣ этого братья взяла Θеодосiя, снесла его въ келью и положила на одръ. На шестой день, когда болѣзнь значительно усилилась, пришелъ къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. Θеодосiй сказалъ въ то время, когда они были у него: „Я умираю и передаю подъ твое покровительство монастырь, если бы въ немъ возникло смятенiе; Стефана, назначеннаго мною игуменомъ, не давай въ обиду". Князь, поцѣловавъ его и, пообѣщавъ заботиться о монастырѣ, ушелъ. На седьмой день Θеодосiй, уже изнемогающiй, призвалъ Стефана и братью и говорилъ имъ слѣдующее: „Если послѣ моей кончины окажется, что я угодилъ Богу и Онъ меня принялъ, то монастырь будетъ расширяться и число монаховъ умножится. По этому признаку узнаете, что Богъ меня принялъ. Но если послѣ моей смерти монастырь станетъ оскудѣвать монахами и потребами монастырскими—знайте, что я не угодилъ Богу". Плачущая братья отвѣчала: „Отче! Моли Бога за насъ; вѣдь мы знаемъ, что Богъ трудовъ твоихъ не отвергнетъ". Всю эту ночь братья провела при умирающемъ, а на восьмой день, во вторую субботу послѣ Пасхи, во второмъ часу дня, онъ предалъ духъ свой въ руки Господа, мѣсяца третьяго мая, индикта въ 11-е лѣто. Братья плакала о немъ. Θеодосiй велѣлъ себя похоронить въ пещерѣ, въ коей совершалъ много душеспасительныхъ подвиговъ, при чемъ онъ говорилъ: „Въ ночь похороните тѣло мое". Такъ и было сдѣлано. Когда насталъ вечеръ, братья

взяла тѣло его, положила его въ пещеру, проводила съ пѣніемъ, со свѣчами, честно, на хвалу Богу нашему Іисусу Христу. Стефану былъ переданъ въ управленіе монастырь и блаженное стадо, собранное Ѳеодосіемъ и состоящее изъ черпецовъ, сіяющихъ на подобіе свѣтилъ на Руси. Ибо одни изъ нихъ были великіе постники, иные неутомимы въ бдѣніи, иные въ колѣнопреклоненіи, иные въ пощеніи черезъ день или два дня, иные ѣли только хлѣбъ съ водою, иные только вареные плоды, иные же—сырые. Они пребывали въ любви, младшіе покорялись старшимъ, не смѣли говорить въ ихъ присутствіи, но вели себя смиренно и послушно; и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, наставляли и утѣшали ихъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей. Если одинъ изъ братьи впадалъ въ какое-либо прегрѣшеніе, утѣшали его и втроемъ или вчетверомъ съ любовью раздѣляли его эпитемью. Такова была любовь въ этой братьи, отличавшейся великимъ воздержаніемъ. Если одинъ изъ братьи уходилъ изъ монастыря, вся братья печалилась отъ этого, посылала за нимъ, уговаривала вернуться, шла съ поклономъ и мольбами къ игумену и принимала возвратившагося въ монастырь съ радостью. Таковы-то были эти любвеобильные, воздержанные, постящіеся мужи. О нѣкоторыхъ изъ числа этихъ чудныхъ мужей скажемъ отдѣльно. Первый изъ нихъ—священникъ Демьянъ. Онъ былъ такъ воздержанъ и такъ постился, что до смерти питался лишь хлѣбомъ и водою. Когда случилось, что приносили въ монастырь дѣтей, одержимыхъ какою-либо болѣзнью, или приходили взрослые больные къ блаженному Ѳеодосію, то сей послѣдній повелѣвалъ Демьяну сотворить молитву надъ болящимъ, и послѣ молитвы и помазанія масломъ немедленно слѣдовало исцѣленіе. Когда онъ самъ заболѣлъ и лежалъ въ ожиданіи смерти, то къ нему пришелъ ангелъ въ образѣ Ѳеодосія, даруя ему царствіе небесное за труды его. За симъ пришелъ Ѳеодосій съ братьею. Когда они сидѣли у умирающаго, то послѣдній сказалъ, взглянувъ на игумена: „Не забывай, игуменъ, что ты мнѣ обѣщалъ". И понялъ великій Ѳеодосій, что умирающему было видѣніе, и сказалъ ему: „Братъ Демьянъ! Что я обѣщалъ, то да будетъ тебѣ". Онъ же, закрывъ глаза, предалъ духъ въ руки Господни. Игуменъ и вся братья похоронили тѣло его. Былъ и другой братъ, по имени Іеремія, помнившій крещеніе земли Русской. Его Богъ надѣлилъ даромъ предвидѣть будущее. Если онъ замѣчалъ у кого-либо недобрыя помышленія, то такого обличалъ втайнѣ и наставлялъ, какъ остерегаться дьявола. Если кто изъ братьи, бывало, возъимѣетъ намѣреніе уйти изъ монастыря, то Іеремія, догадавшись объ этомъ, приходилъ къ нему, обличалъ его умыселъ, утѣшалъ. Если онъ предсказывалъ что-либо доброе или худое, то слово его сбывалось. Былъ и другой старецъ, по имени Матѳій, тоже очень прозорливый. Ибо только онъ одинъ, стоя въ церкви на своемъ мѣстѣ и окинувъ взоромъ братью, поющую по обѣимъ сторонамъ, увидѣлъ бѣса, въ образѣ ляха въ шлемѣ, обходившаго братью. Бѣсъ носилъ въ приполѣ цвѣты, называемые лѣпками. Проходя мимо монаховъ, онъ вынималъ изъ-за пазухи лѣпокъ, и бросалъ его на кого-либо. Если цвѣтокъ прилѣплялся къ кому-либо изъ поющихъ, то тотъ, постоявъ немного, чувствовалъ умственное расслабленіе и сотворялъ какую-нибудь вину: выходилъ изъ церкви, уходилъ въ свою келью, засыпалъ и не возвращался въ церковь до конца пѣнія. Тѣ же, на которыхъ былъ брошенъ цвѣтокъ, но не прилѣплялся къ нимъ, продолжали пѣть по-преж-

нему до конца заутрени и тогда расходились по кельямъ своимъ. Все это видѣлъ названный старецъ и разсказывалъ братьи своей... Таковы-то были черноризцы Ѳеодосьева монастыря, которые и по смерти па подобіе свѣтилъ сіяютъ и молятъ Бога за всю сущую братью, и за міранъ, и за благодѣтельствующихъ монастыря, въ коемъ и донынѣ иноки ведутъ добродѣтельную жизнь, всѣ вмѣстѣ, въ пѣніи, молитвахъ, послушаніи, на славу Богу всемогущему, охраняемые молитвами Ѳеодосія, которому да будетъ слава.

XXVIII. ЗНАЧЕНІЕ МОНАСТЫРЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ИХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ ВЪ ПЕРІОДЪ ДО-МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

(По „Исторіи русской церкви“ Макарія и по „Руководству къ русской церковной исторіи“ Знаменскаго).

При окончательномъ насажденіи христіанства въ Россіи монастыри имѣли высокое значеніе въ церкви восточной, давно уже пріобрѣтенное ими. Кромѣ того, что въ св. обителяхъ находили себѣ пріютъ и руководство всѣ, стремившіеся къ подвижнической жизни для спасенія души своей; здѣсь же приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры и благочестія, которые, будучи свободны отъ узъ семейныхъ, по первому гласу церкви, шли для проповѣди Слова Божія въ странахъ невѣрныхъ, или для защиты православія посреди ересей и расколовъ и вообще готовы были жертвовать всѣмъ для спасенія ближнихъ; наконецъ, монастыри, по духу своихъ строгихъ правилъ, по своимъ благоговѣйнымъ, ежедневнымъ службамъ и по образу жизни благочестивыхъ иноковъ, давно уже сдѣлались лучшими училищами для нравственнаго воспитанія народа.

Очень естественно поэтому, если вслѣдъ за крещеніемъ земли русской, какъ свидѣтельствуетъ Илларіонъ, у насъ „монастыреве на горахъ сташя, черноризцы явишася“; они явились, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ первыми пастырями, пришедшими къ намъ изъ Греціи. И преданіе говоритъ, что первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кіевскихъ монастырь и церковь во имя своего ангела, архистратига Михаила, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ прежде стоялъ Перунъ, а иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близь Вышгорода, на высокой горѣ, доселѣ называемой, по бывшему монастырю, Бѣлый Спасъ или Спащина. Супрасльская лѣтопись свидѣтельствуетъ, будто самъ Владиміръ въ 996 г. создалъ, вмѣстѣ съ Десятинною церковью, и монастырь при ней во имя пресв. Богородицы.

Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ „до излиха“, они еще болѣе начали умножаться, а съ ними монастыри. Въ послѣдніе годы своей жизни Ярославъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ, и это, сколько извѣстно, были первые собственно княжескіе монастыри (если исключить Десятинный, устроенный св. Владиміромъ), которые впослѣдствіи у насъ такъ умножились.

Кто жилъ и подвизался въ первоначальныхъ кіевскихъ монастыряхъ, свѣдѣній не сохранилось; но, вѣроятно, жили не одни греки, а вмѣстѣ и русскіе, судя уже по количеству монастырей. Равнымъ образомъ есть извѣстія, что не въ одномъ Кіевѣ, а и въ другихъ областяхъ Россіи были основаны тогда обители, хотя извѣстія самыя скудныя и неопредѣленныя. Такъ о первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ лѣтопись супрасльская говоритъ, что онъ „уряди себѣ монастырь Десятинный"; но что это былъ за монастырь и гдѣ находился, не опредѣляетъ.

Другое преданіе гласитъ, что вскорѣ послѣ крещенія новгородцевъ, вслѣдъ затѣмъ, какъ свергнутъ былъ истуканъ Перуна, стоявшій на холмѣ при истокѣ Волхова изъ Ильменскаго озера, основанъ на этомъ самомъ мѣстѣ мужской монастырь съ храмомъ Рождества Богородицы, прослывшій въ народѣ подъ именемъ Перыня или Перынскаго: названіе монастыря, дѣйствительно, показываетъ, что онъ получилъ свое начало, по всей вѣроятности, тогда, когда еще очень свѣжа была память о свергнутомъ Перунѣ, и трудно представить, чтобы въ то время, какъ, по приказанію равноапостольнаго Владиміра и христіанскому благоразумію, у насъ повсюду на мѣстахъ прежнихъ идольскихъ капищъ заботились устроить храмы, не былъ поставленъ храмъ или монастырь на мѣстѣ главнаго кумира новгородскаго.

Но, между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри были созидаемы то князьями, то іерархами, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ основателями обителей явились частныя лица, подвижники. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ". Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава, явился монастырь Кіево-Печерскій, основанный преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Печерскій монастырь мало-по-малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическое настроеніе распространялось и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь.

По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII вѣкѣ игуменъ Поликарпъ первый на Руси получилъ званіе архимандрита; по всей вѣроятности, въ описываемое же время обитель получила наименованіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ: Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженикъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея св. стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ Владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются на священной печерской землѣ. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ пишетъ: „Кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой, суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той собираютъ десятину и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы въ прахъ, если бы мнѣ привелъ

Богъ хоть хворостиною торчать за вратами или соромъ валяться въ монастырѣ Печерскомъ и быть попираемому людьми". По мѣрѣ распространенія славы своей, Печерская обитель обогащалась пожертвованіями князей и благочестивыхъ людей и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Князь Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ съ челядью, Ефремъ, епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковью и селами. Монастырь получилъ возможность предпринимать богатыя постройки и украшенія своихъ церквей и совершать дѣла монастырской благотворительности въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ, преимущественно со второй половины XII в. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ — 3, въ Полоцкѣ тоже 3, а въ Смоленскѣ 5 монастырей. Въ югозападной Руси возникновеніе обителей сильно стѣснялось набѣгами половцевъ и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основанія монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя, и гдѣ, кромѣ того, сама природа среди своихъ лѣсовъ представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ. Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній ихъ было болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ основанный Ярославомъ Юрьевъ монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ Антоніевъ и Хутынскій. Первый основанъ въ началѣ XII в. преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ XII в. преподобнымъ Варлаамомъ на пустынномъ мѣстѣ, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Въ Ростовской землѣ также было довольно монастырей. Въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ—4, во Владимірѣ—5, въ Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по 1. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настоятельствомъ былъ здѣсь Рождественскій владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь Боголюбовъ, основанный въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Богоматерь и велѣла нести свою икону во Владиміръ. Въ началѣ XIII в. супруга Всеволода III Марія создала владимірскій Успенскій монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія.

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіево-Печерская лавра, владѣли недвижимою собственностью и рабами. Такъ до насъ дошли: граматы великаго князя Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамата Варлаама Хутынскому монастырю на земли, огороды, ловища, пожни, челядь и село; купчая и духовная граматы Антонія Римлянина его монастырю на земли и рабовъ и др. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

XXIX. ЦЕРКОВЬ И ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ ОБЩЕСТВУ.

(Изъ соч. Хлѣбникова: „Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи“).

Каково было нравственное вліяніе церкви на наше общество и насколько оно измѣнилось подъ этимъ вліяніемъ,—вотъ чрезвычайно трудные вопросы, которые тѣмъ не менѣе требуютъ отвѣта. Нѣтъ возможности вполнѣ исчерпать этотъ вопросъ; но можно указать, какъ характеръ церковнаго вліянія, такъ и способъ воспринятія обществомъ этого вліянія. Едва ли многія лица, по необыкновенной дороговизнѣ книгъ, были въ состояніи сами черпать духовныя истины изъ непосредственнаго чтенія священнаго писанія, а потому тѣмъ важнѣе для насъ оставшіяся поученія и проповѣди, потому что они были главнымъ источникомъ церковнаго вліянія: въ нихъ отражалось собственное пониманіе христіанскихъ истинъ представителями церкви. Но какъ ни важенъ этотъ источникъ церковнаго вліянія, не нужно преувеличивать его значенія, такъ какъ онъ могъ касаться лишь высшихъ слоевъ общества. Онъ можетъ служить намъ лишь указаніемъ высшей точки, до которой достигало пониманіе передовыхъ членовъ христіанской церкви, а также служить указателемъ, какіе пороки общества были наиболѣе выдающимися, или какіе пороки церковь признала наиболѣе опасными.

Однимъ изъ первыхъ и вліятельнѣйшихъ проповѣдниковъ древней Руси былъ Ѳеодосій, игуменъ Печерскаго монастыря. Отъ него дошло до насъ нѣсколько поученій, изъ которыхъ приведемъ наиболѣе замѣчательныя мѣста.

Въ одномъ изъ первыхъ поученій Ѳеодосій старался провести новую для языческаго общества мысль, что народныя бѣдствія, какъ голодъ, нашествіе поганыхъ, бездождіе—посылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Съ этой мыслью мы весьма часто встрѣчаемся въ лѣтописи, гдѣ она повторяется почти послѣ каждаго бѣдствія; но послѣ нашествія половцевъ въ 1066 г. лѣтописецъ приводитъ почти цѣлое обширное размышленіе по этому поводу, которое есть не что иное, какъ проповѣдь Ѳеодосія, занесенная въ лѣтописи, что показываетъ необыкновенную важность для вѣка мыслей, въ ней высказанныхъ. Важность этихъ идей вполнѣ понятна, если мы вспомнимъ, что русская земля, послѣ раздѣленія, въ первый разъ подверглась нападенію чуждыхъ племенъ, которыя до раздробленія должны были смиренно подчиняться силѣ нашего оружія. Весьма естественно, что новые христіане, видя эти бѣдствія, могли колебаться въ вѣрѣ. Главная основа язычества—это сила Бога и покровительство Его всѣмъ Ему поклоняющимся и приносящимъ жертвы. Язычникъ могъ понять, что за недостаточное приношеніе жертвъ Богъ будетъ наказывать; но идея сознательнаго наказанія Богомъ за грѣхи людей была совершенно чуждой языческому міровоззрѣнію. Главная основа міровоззрѣнія Ѳеодосія та, что иноплеменниковъ Богъ наводитъ на землю, какъ казнь, чтобы люди вспомнили о Немъ, а междоусобія, убійства, ревность между князьями происходятъ отъ внушенія дьявола. „Понимая это“, говоритъ Ѳеодосій, „постараемся жить добродѣтельно, праведно судить, избавлять обиженнаго, не воздавать зла за зло, клеветы за клевету, но съ любовью прилѣпиться къ Господу Богу

нашему, съ постомъ и рыданіемъ оплакивая слезами наши согрѣшенія. Не язычески ли мы живемъ, вѣруя въ встрѣчу? Если кто встрѣтитъ монаха или свинью, то возвращается домой... Не дьяволъ ли соблазняетъ насъ, заставляя удаляться отъ Бога для скомороховъ, трубъ и гуслей? Мы видимъ игрища, всегда полныя людей, гдѣ отъ множества одинъ толкаетъ другого, а церкви стоятъ пусты".

Мысль, что несчастія жизни происходятъ отъ наказанія Божія, имѣетъ высокій нравственный смыслъ, необходимый для успокоенія измученныхъ бѣдствіями людей эпохи, еще не твердыхъ въ вѣрѣ. Еще важнѣе было бы развитіе второй мысли Ѳеодосія, какъ полнѣйшее отрицаніе мести, жившей еще вполнѣ въ нравахъ общества. Къ сожалѣнію, проповѣдники только мимоходомъ обращаютъ свое вниманіе на это существенное зло общества, которое дышало местью. На третью выдающуюся черту общества — на общественныя собранія и игры — церковь обратила гораздо больше вниманія, хотя она и гораздо менѣе этого заслуживала; но это объясняется тѣмъ, что церковь видѣла въ этихъ собраніяхъ остатки язычества и его богослуженій и смѣшивала, такимъ образомъ, невинныя забавы съ язычествомъ, обращая меньше вниманія на то, что было гораздо важнѣе изъ остатковъ язычества, какъ напр., языческое міросозерцаніе, или идея мести. Весьма серьезно церковь возстаетъ противъ процентовъ, настоящей язвы того времени. Изъ вопросовъ Кирика мы узнаемъ, что церковь запрещала службу священнику, если онъ давалъ деньги на проценты. Мірянамъ она не запрещала брать проценты, но только, чтобы они брали ихъ въ самомъ маломъ размѣрѣ, не болѣе четырехъ или пяти процентовъ.

Пьянство было однимъ изъ тѣхъ пороковъ общества, на который церковь смотрѣла какъ на остатки веселаго язычества, а потому она преслѣдовала его всѣми силами, которыми она располагала. Всѣ лучшіе проповѣдники общества говорятъ объ этомъ злѣ и рисуютъ его ужасающими красками. „О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! восклицаетъ Ѳеодосій. Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злого бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Святаго Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются пьянству и, радуясь, приносятъ дьяволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Дьяволъ, радуясь, говоритъ: „никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія..." И посылаетъ дьяволъ бѣсовъ, говоря: „идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія".—„Болѣе всего берегись отъ запоя, говоритъ Яковъ-черноризецъ, современникъ Ѳеодосія, въ посланіи къ князю Изяславу, — потому что таковыхъ избѣгаетъ Духъ Святый, и еще берегись гордости, потому что гордымъ противится Богъ". Митрополитъ Никифоръ, въ посланіи къ Владиміру Мономаху, рисуетъ намъ картину обычаевъ того общества — обычаевъ, которые были непріятны церкви, хотя онъ не находилъ возможности въ чемъ-либо упрекнуть князя: „Что я могу сказать такому князю,—говоритъ митрополитъ,—который болѣе спитъ на землѣ, избѣгая дома, не любитъ блестящихъ одеждъ и скитается по лѣсамъ въ платьѣ крестьянина, и только по нуждѣ ходитъ въ городъ, надѣваетъ одежду князя? который точно также относится къ пищѣ и питью? Я знаю, что ты для гостей готовишь великолѣпные обѣды, гдѣ всѣмъ даютъ всевоз-

можное, куда принимаешь, ради княжескаго величія, какъ правыхъ, такъ и беззаконныхъ, и гдѣ ты самъ служишь и разносишь кушанья, дѣлая все это, конечно, для утвержденія своей княжеской власти. Когда иные упиваются и объѣдаются, ты самъ сидишь спокойно и только смотришь на пьяныхъ и пьющихъ, лишь для примѣра немного вкушая самъ. Такъ ты угождаешь твоимъ подданнымъ и терпишь, чтобы они напивались предъ твоими глазами, и тѣмъ поистинѣ угождаешь имъ и покоряешь ихъ". Какъ ни мягко написано это наставленіе для лучшаго русскаго князя, но и въ немъ скользитъ ясно та же мысль, что хотя онъ самъ и остается внѣ порока, но потакаетъ ему косвенно, ради жажды власти.

Изъ церковнаго правила митрополита Іоанна мы узнаемъ, что даже въ монастыряхъ поминальные обѣды обращались въ настоящіе пиры. „Въ монастыри, говоритъ правило, поминающіе созываютъ вмѣстѣ мужей и женъ и соревнуютъ между собою, кто сдѣлаетъ лучшій пиръ. Эта ревность не отъ Бога, а отъ лукаваго, который, подъ образомъ милости и духовнаго утѣшенія, сотворяетъ пагубу. Архіереямъ подобаетъ возбранять силой пьянство, какъ главный корень всего зла, за которымъ слѣдуютъ всѣ другія". Затѣмъ, обращаясь къ священникамъ, ближе всего сталкивающимся съ жизнью, Іоаннъ дозволяетъ имъ являться на мірскіе пиры, но требуетъ, чтобы они уходили тотчасъ, когда начнется играніе, гудѣніе и плясаніе.

Вторая сторона общественной жизни, противъ которой все еще справедливо возставала церковь, было невоздержаніе. Въ этомъ обществѣ одноженство въ высшихъ классахъ было лишь формальностью, потому что всѣ богатые люди, рядомъ съ женою, имѣли наложницъ, въ лицѣ своихъ рабынь, какъ на это прямо указываетъ Русская Правда. Кромѣ того, какъ видно изъ правилъ Іоанна, весьма часто совершался разводъ безъ всякаго вѣдома церкви, а просто мужья отсылали неугодныхъ женъ и брали себѣ другихъ. Въ низшемъ же классѣ бракъ устраивался въ то время все еще безъ всякаго участія церкви. „У простыхъ людей, говоритъ правило Іоанна, не бываетъ благословенія и вѣнчанія; они думаютъ, что вѣнчаніе необходимо лишь для бояръ, а сами берутъ себѣ женъ съ гудѣніемъ и плясаніемъ, то-есть по языческому обряду". Принимая во вниманіе этотъ характеръ общества, гдѣ чувственная жизнь была почти единственнымъ наслажденіемъ, духовная проповѣдь церкви должна была имѣть важное значеніе. „Берегись беззаконнаго смѣшенія, говоритъ Яковъ-черноризецъ въ посланіи къ Изяславу; какъ честный мужъ не захочетъ войти въ нечистое жилище, такъ и Богъ (въ оскверненное тѣло)". „Могуча сила желанія, какъ сила дикой были, возникающей на невоздѣланной землѣ. Если ты имѣешь силу одолѣть ее страхомъ Божіимъ, то будешь похожъ на садовника, уничтожающаго въ саду желѣзомъ дурныя травы, или на кормчаго, минующаго пропасти благодатію Божіею, не сворачивая съ праваго пути. Ты имѣешь жену, мать желаній, ради которыхъ она оставила отца и матерь, и ложе которой, по апостолу, не скверно, но чисто; какъ не можетъ сравняться смрадъ съ благовоніемъ, беззаконіе съ закономъ, такъ ложе наложницы не можетъ сравниться съ ложемъ жены. Живи въ чистотѣ, какъ въ святой церкви, стремись совѣстью въ горній Іерусалимъ, чтобъ тамъ быть записаннымъ въ число праведниковъ".

Вотъ почти все, что мы имѣемъ изъ церковныхъ поученій, изъ ко-

торыхъ можно видѣть духъ и направленіе общества. Для полноты пониманія направленія церковной дѣятельности, мы имѣемъ еще два важные документа, а именно: Вопросы Кирика-черноризца къ епископу Нифонту и другимъ духовнымъ особамъ и Церковное правило митрополита Іоанна. Оба эти документа обрисовываютъ пониманіе того, что считалось важнымъ въ эту эпоху, о чемъ весьма заботились. Послушаемъ же разговоры между чернецомъ и епископомъ,—разговоры, въ которыхъ ярко отразился духъ вѣка.

„Можно-ли,—спрашиваетъ Кирикъ,—крестить дитя и дать ему св. причастіе, если его не принесутъ ни на вечерню, ни на часы, но только къ обѣднѣ?"—„Можно, но въ такомъ случаѣ мать или кормилица не должны ѣсть до обѣда, а послѣ въ теченіе 8-ми дней не ѣсть ни мяса, ни молока". Когда человѣкъ дѣлался взрослымъ, то, чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, онъ долженъ былъ избѣгать множества соблазновъ. „Если кто, послѣ тяжбы предъ тобой, владыко, расторгнетъ бракъ съ своей женой, какая ему эпитемія?"—„Не давай ему до смерти причастія".—„Но если мужу будетъ невозможно держать своей жены, или женѣ жить съ мужемъ, такъ какъ у мужа будутъ большіе долги, или онъ станетъ грабить или продавать ея платья?—„Ни по какой причинѣ не можетъ жена оставить своего мужа; если она оставитъ его, то виновна въ прелюбодѣяніи. Точно также, если и мужъ оставитъ свою жену для другой, онъ дѣлается виновникомъ въ прелюбодѣяніи, потому что заставляетъ жену прелюбодѣйствовать. Мужъ и жена должны строго соблюдать посты, пятницу, субботу и воскресенье, подъ страхомъ двухлѣтней эпитеміи".—„Что можно ѣсть всѣмъ міряпамъ?" спрашиваетъ Кирикъ.—„Можно ѣсть всякую рыбу или мясо, если оно не противно".—„А кровь рыбью можно ѣсть?"—„Нѣтъ въ этомъ бѣды, только нельзя ѣсть крови животныхъ и птицъ".—„Вотъ я слышалъ, говорятъ про нѣкоторыхъ епископовъ, что они разрѣшили ѣсть птицу, которую ловчій, заставъ въ силкѣ уже удавленною, не вынимая ея изъ силка, зарѣжетъ?"—„Лгутъ, не говорилъ того ни одинъ епископъ. Господь сказалъ: Я разрѣшаю вамъ ѣсть мясо и кровь всякихъ животныхъ и птицъ на землѣ, но заколовъ ихъ и проливъ кровь; если не прольешь крови, то противенъ будешь Богу".—„А вотъ одному человѣку принесли на пиръ тетеревину, и онъ ѣлъ?"—„Не надо давать причастья".—„А вотъ смерды, что по селамъ живутъ, а къ намъ ходятъ на покаяніе, и иные ѣдятъ бѣлокъ и другихъ животныхъ?"—„Не хорошо, не хорошо ѣсть давленую, а если не давлена, то и бѣлку можно ѣсть".—„А относительно платья, въ чемъ можно ходить?"—„Нѣтъ бѣды хотябъ и въ медвѣдинѣ".—„А что если кто яйцомъ простучитъ о зубы до обѣдни?"—„Если малъ, то не бѣда, а если совершеннолѣтній, то если разъ, то еще ничего, а нѣсколько разъ—возбраняй".—„Можно-ли въ воскресенье зарѣзать скотину или птицу?"—„Нѣтъ въ этомъ бѣды, если случится ѣсть, то можно зарѣзать и въ воскресенье, и въ праздникъ".—Таковы вопросы, опредѣляющіе, чего нужно беречься живому; но смерть и поминки тогда были еще болѣе важнымъ актомъ, о которомъ должны позаботиться наслѣдники. Едва-ли былъ случай, когда умирающій не оставлялъ чего-либо на поминки души, потому что Русская Правда установляетъ положительно, что часть имѣнія должна идти на поминки души. Не мудрено, что этотъ вопросъ занимаетъ и Кирика. „Не нужно хоронить человѣка,—

говоритъ Нифонтъ Кирику,—при захожденіи солнца. Не говори самому себѣ: скоро все сдѣлаемъ, такъ что успѣемъ хоронить до заката, а лучше хоронить, когда солнце еще высоко, потому что мертвый въ послѣдній разъ видитъ солнце".

Средствомъ наказанія за всѣ преступленія, указанныя выше, была эпитемія, а высшимъ наказаніемъ было отлученіе отъ церкви. Уже въ Церковномъ уставѣ Ярослава мы читаемъ, что съ отлученнымъ отъ церкви никто не могъ ѣсть и пить, подъ страхомъ такого же отлученія. Достойно замѣчанія, что Нифонтъ не дозволяетъ замѣнять эпитеміи служеніемъ обѣдни, какъ думалъ Кирикъ, по мнѣнію котораго 10 литургій замѣняли два мѣсяца эпитеміи, а 30—годовую эпитемію, потому что, какъ справедливо выразился Нифонтъ, цари и богатые люди, такимъ образомъ, легко бы замаливали свои грѣхи, платя только за служеніе обѣденъ. Эпитемія состояла въ постѣ, а также, вѣроятно, и въ земныхъ поклонахъ. Состоящій подъ эпитеміею лишался на все это время причастія; за тяжкіе грѣхи міряне лишались причастія на 10, 15 лѣтъ и даже на всю жизнь. Въ исполненіи эпитеміи жена могла помогать мужу. Весьма замѣчательно отношеніе церкви этого времени къ святымъ странствованіямъ. „А вотъ многіе,—говоритъ Кирикъ,—спрашивали меня, идти ли имъ въ Іерусалимъ, и я не дозволялъ, говоря, чтобы здѣсь лучше были добры; не грѣхъ ли это?"—„Хорошо это дѣлать, лишь бы не ходили для того, чтобы даромъ все ѣсть и пить, а если такъ, то лучше запрещать". Нужно замѣтить, что къ дорожнымъ людямъ церковь была снисходительнѣе въ отношеніи пищи, а потому легко могло случиться, что нѣкоторые такими святыми путешествіями хотѣли замѣнить эпитемію, на что, какъ видно, церковь не соглашалась. Въ XIV-мъ столѣтіи сталъ развиваться обычай — предъ смертью отпускать на волю рабовъ, что считалось, какъ можно думать, однимъ изъ добрыхъ дѣлъ; но этотъ обычай еще не существовалъ въ это время, какъ видно изъ одного вопроса Кирика: „а хорошо-ли, владыко, отпускать раба на волю?"—„Здѣсь нѣтъ такого обычая, отвѣчалъ владыка, а лучше выкупить изъ плѣна человѣка".

Въ вопросахъ Кирика рисуется еще другая сторона жизни этого общества, а именно: отношеніе церкви къ своимъ служителямъ и самихъ служителей церкви къ своимъ обязанностямъ. Не весьма строгая къ міранину, церковь строга къ своимъ членамъ. Церковь ревниво относится къ репутаціи желающихъ сдѣлаться ея членами; если ставленникъ съ большимъ скандаломъ обвинялся при дворѣ князя въ воровствѣ, то онъ не могъ быть поставленъ даже въ діакона; но если преступленіе не доходило до слишкомъ большой огласки, то дозволялось ставить такое лицо въ санъ діакона. Очень любопытны нѣкоторые вопросы Кирика объ отправленіи священникомъ своихъ обязанностей. „Что, если священникъ не успетъ ночь, проведя ее въ молитвѣ и пѣніи, такъ что послѣ ужина онъ ни на минуту не приляжетъ, можетъ-ли онъ служить обѣдню?"—„Что же лучше справедливо отвѣчалъ епископъ, спать или молиться? можно и не поспавши служить".—„Можно-ли вечеромъ умыться, а утромъ, не умывавшись, начать службу?" Епископъ велѣлъ уклоняться этого. „Если женскій платокъ попадетъ въ карманъ платья священника, можетъ ли онъ служить?"—„Отчего же не можетъ? развѣ жена погана?" отвѣтилъ епископъ.

Церковное правило митрополита Іоанна добавляетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей, рисующихъ взглядъ церкви на преступленія противъ ея законовъ. „Тѣхъ лицъ, говоритъ правило, которыя во время поста будутъ ѣсть мясо, подобаетъ поучать и наказывать всѣми возможными мѣрами, а если не остановятся, не перестанутъ, то отлучать отъ церкви и смотрѣть на нихъ, какъ на язычниковъ. Также поступать и съ тѣми, кто явно живетъ съ двумя женами. Лицъ, занимающихся волхвованіемъ и чародѣйствомъ, наказывать сильно, но не убивать до смерти и не обрывать членовъ, чего не принимаетъ церковь.

Всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя приносятъ жертвы, по языческому обряду, болотамъ и колодцамъ, которыя женятся безъ благословенія церкви, имѣютъ многихъ женъ, самовольно расторгаютъ бракъ и женятся на другихъ, которыя не причащаются каждый годъ святыхъ таинъ.—на всѣхъ этихъ лицъ смотрѣть какъ на чужихъ нашей вѣрѣ, и если, не смотря на всѣ поученія, они не перестанутъ творить, то отлучить отъ церкви.

Отлученіе отъ церкви состояло въ отлученіи отъ всего общества мірянъ, исповѣдовавшихъ православіе. Только члены одной православной церкви могли поддерживать между собою настоящее общеніе въ мысляхъ, пищѣ и питьѣ. Всѣ невѣрные, не принадлежащіе къ церкви, какъ отлученные отъ нея, не могли имѣть такого общенія съ вѣрными. Это постановленіе церкви мало-по-малу входило въ нравы и дѣлало изъ общества православныхъ замкнутое цѣлое.

Уже въ Уставѣ Ярослава сказано: „съ некрещенымъ не пить, не ѣсть, доколѣ не крестится; если же кто, по невѣдѣнію, будетъ пить или ѣсть, то откройся митрополиту въ винѣ“. Но трудно было полянамъ избѣжать общенія съ половцами, у которыхъ они, еще по извѣстію Константина Багрянороднаго, покупали скотъ; церковное правило митрополита Іоанна касается этого жизненнаго вопроса. „Если кто по своей волѣ ходитъ къ поганымъ язычникамъ ради купли и ѣстъ тамъ скверное, то, хотя по отношеніи этихъ лихоимцевъ и сребролюбцевъ церковное правило и повелѣваетъ отлучать отъ церкви, хотя и велико ихъ согрѣшеніе, такъ какъ ради богатства и скотолюбія оскверняются съ погаными, но можно этимъ лицамъ, послѣ эпитеміи и очищенія постомъ отъ грѣха, дать причастіе“.

Какой выводъ можно сдѣлать, на основаніи этихъ данныхъ, объ отношеніяхъ церкви къ обществу? Едва-ли можно отрицать, что рядомъ съ важными вопросами, имѣющими, дѣйствительно, громадное значеніе для общества, церковь занималась массою менѣе важныхъ вопросовъ, которые могли только наносить вредъ болѣе важнымъ. Когда человѣку, для спасенія его души, совѣтуютъ нѣсколько важныхъ и трудныхъ дѣлъ и, рядомъ съ ними, массу менѣе трудныхъ, но имѣющихъ и малое нравственное значеніе дѣлъ, то, безъ сомнѣнія, онъ постарается исполнить массу мелкихъ церковныхъ постановленій, чтобы тѣмъ успокоить свою совѣсть въ неисполненіи крупныхъ и важныхъ церковныхъ заповѣдей. Когда мы вспомнимъ это общество, въ которомъ люди не питали ни малѣйшаго довѣрія другъ къ другу, въ которомъ обманы и насилія играли важную роль, то, конечно, не можемъ не согласиться, что дѣйствіе церкви въ отношеніи къ этимъ порокамъ было слишкомъ слабо. Ни изъ лѣтописи, ни изъ другихъ какихъ-либо доказательствъ, мы не видимъ, чтобы Святополкъ и Давидъ были наказаны церковью за ослѣп-

ленie Василька, чтобы черниговскie князья подпали карѣ церкви за попытку убить Изяслава. Правда, что во всѣхъ этихъ случаяхъ церковь увѣщевала дѣятелей уклоняться отъ преступленiя; но было бы странно думать, чтобы такiя дѣянiя могла одобрять церковь; уже то, что она не наказывала ихъ, доказываетъ ея слабость. Но, указавъ на ея слабость, не надо забывать о великихъ услугахъ, которыя она, дѣйствительно, оказала обществу. Главная изъ этихъ услугъ заключается въ установленiи христiанскаго брака; хотя отъ этого установленiя было еще множество уклоненiй, но нѣтъ сомнѣнiя, что церковь преслѣдовала за нихъ весьма строго, насколько была въ силахъ преслѣдовать. Конечно, цѣломудрiе и одноженство еще далеко не составляютъ всѣхъ добродѣтелей, необходимыхъ для существованiя общества; но нѣтъ сомнѣнiя, что эти добродѣтели чрезвычайно важны во всякомъ цивилизованномъ обществѣ и что безъ нихъ невозможна и настоящая цивилизацiя.

Но, указывая на дѣятельность церкви для нравственнаго направленiя общества, должно сказать, что уже въ это время, частью сознательно, частью безсознательно, церковь способствуетъ отдаленiю русскаго общества отъ связи съ европейскимъ и кладетъ первыя основы того страннаго явленiя, которое впослѣдствiи становится извѣстнымъ подъ именемъ старообрядческаго раскола. X, XI и XII вѣка были временемъ, когда восточная церковь отдѣлилась окончательно отъ западной; когда борьба между церквами и указанiе обоюдныхъ различiй и уклоненiй занимала еще всецѣло умы общества. Игуменъ Θеодосiй Печерскiй, митрополитъ Георгiй, митрополитъ Никифоръ посвящаютъ этому вопросу длинныя, по тому времени, сочиненiя. Намъ нѣтъ дѣла останавливаться на тѣхъ уклоненiяхъ, которыя православная церковь замѣчала въ церкви католической; но весьма важенъ окончательный выводъ, который сдѣлала наша церковь объ отношенiяхъ, въ которыя должны отнынѣ стать православные мiряне къ мiрянамъ католическимъ. Православная церковь, которая запрещала всякое общенiе съ язычниками и отлученными отъ церкви, то же суровое запрещенiе перенесла и въ отношенiя къ католикамъ, хотя здѣсь была явная натяжка. Справедливо и нравственно было наказывать отлученнаго отъ церкви, какъ не исполняющаго святыхъ основъ христiанства, но справедливо ли было относиться ко всѣмъ мiрянамъ-католикамъ, какъ къ язычникамъ, и запретить съ ними всякое общенiе въ мысляхъ, пищѣ и питьѣ? А между тѣмъ, это было именно такъ. Однимъ изъ основанiй этого отчужденiя было то, что, какъ мы видѣли выше, наша церковь придавала большое значенiе вопросу о пищѣ, тогда какъ западная церковь смотрѣла на этотъ вопросъ гораздо снисходительнѣе. Вотъ замѣчательное посланiе Θеодосiя къ Изяславу, въ которомъ ярко выразился взглядъ церкви на отношенiя православныхъ къ католикамъ. „У меня есть слово къ тебѣ, князь Боголюбивый! Я, Θедосъ, худой рабъ Пресвятой Троицы, рожденъ въ чистой православной вѣрѣ и воспитанъ православными отцомъ и матерью, которые крѣпко наказывали мнѣ не прiобщаться въ вѣрѣ латинской, не имѣть съ латинами ничего общаго, бѣгать всякаго ихъ ученiя, *гнушаться ихъ обычаевъ, не давать за нихъ своихъ дочерей, не брать у нихъ, не брататься съ ними, не кланяться, не цѣловатися, не ѣсть изъ одного сосуда, не пить изъ одной чаши, не принимать отъ нихъ пищи.* Если они будутъ ради Бога просить ѣсть и пить—дать имъ, но въ ихъ со-

судахъ; если же у нихъ не будетъ своихъ сосудовъ, то дать и въ своихъ, но послѣ этого выполоскать ихъ и дать имъ молитву, потому что они неправо вѣруютъ и нечисто живутъ: ѣдятъ съ псами и кошками и пьютъ свой напитокъ, ѣдятъ львовъ и дикихъ коней, ословъ, удавльчину, мертвечину, медвѣдицу, бобровину, хвостъ бобра; въ посты ѣдятъ мясо, а во время первой недѣли поста, до вторника, попы ихъ ѣдятъ скоромное, постятся въ субботу, а вечеромъ въ день поста ѣдятъ молоко и яйца. Если кто у нихъ согрѣшастъ, то не отъ Бога проситъ прощенія, но даютъ его попы за дары. А попы ихъ не женятся законнымъ образомъ, но живутъ съ рабами и дѣтей приживаютъ, и служатъ въ церкви невозбранно... Нѣтъ иной вѣры лучше нашей, по своей чистотѣ и святости. Въ этой вѣрѣ живучи, спасемся, увидимъ царство Божье, а армяне и латине не увидятъ жизни вѣчной. Не подобаетъ, чадо, даже и хвалить чужой вѣры; кто хвалитъ чужую вѣру—тотъ, значитъ, хулитъ свою, а кто хвалитъ обѣ—тотъ двоевѣрецъ. Не сходись съ ними, но бѣгай ихъ и подвизайся въ своей вѣрѣ добрыми дѣлами, но милостынею милуй не только своей вѣры, но и чужой: если видишь нищаго или голоднаго, или на холодѣ, или одержимаго какою-либо бѣдою, то можешь подать помощь, хотя бы это былъ жидъ, сарацинъ или еретикъ".

Это возведенное въ религіозную теорію отвращеніе къ чужой жизни должно было въ высшей степени вредно дѣйствовать на общество, почти нетронутое цивилизаціей, но которое, тѣмъ не менѣе, боготворило не только догматы своей церкви, но и свои обычаи, считая ихъ тоже святыми. А между тѣмъ уже въ это время церковь дозволяла себѣ освятить предметы, совершенно чуждые христіанству. Уже въ церковномъ уставѣ Ярослава сказано: „аще кто пострижетъ голову и бороду—митрополиту 12 гривенъ, а князь казнитъ". Въ состязаніи митрополита Георгія съ латинами, второй причиной разрыва, послѣ служенія на опрѣснокахъ, поставлено: „иже постригаютъ бороды своя бритвою, иже есть отмѣнено отъ закона евангельска". Такимъ образомъ, уже въ это время въ идеяхъ передовыхъ людей общества составилось то узкое обожаніе себя, какъ единственныхъ представителей не только христіанской вѣры, но и христіанскихъ обычаевъ, то дѣтское освященіе собственныхъ обычаевъ и привычекъ, которое обнаружилось въ такой рѣзкой и ужасающей формѣ въ жизни и идеяхъ XVI и XVII вѣковъ.

XXX. О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

(Изъ „Лекцій по Русской Исторіи", Костомарова).

Самымъ важнымъ источникомъ для ознакомленія съ событіями и характеромъ древней Руси являются лѣтописи. Сперва объяснимъ и покажемъ общій ихъ характеръ и значеніе.

Лѣтописи наши—это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество; большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ находятся въ рукописяхъ, какъ, напр., *нижегородская*, *вятская*, чрезвычайно важная, и *тверская*. Лѣтописи имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ исходятъ отъ одного начала, такъ что до XII

вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ Русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ея въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насъ: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насъ, и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, на которыхъ видны слѣды первоначальнаго состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простого любопытства, но и для спеціальныхъ практическихъ цѣлей: они имѣли оффиціальный характеръ. Доказательствомъ ихъ оффиціальности служатъ слѣдующіе примѣры: въ Никоновской лѣтописи говорится: „*Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся... написовати*"; это служитъ доказательствомъ того, что князья, дѣйствительно, повелѣвали писать эти лѣтописи. Въ волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь Василько Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу города Берестья; слѣдовательно, слѣды этого обыкновенія мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юріемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по „отечеству и дѣдеству", а Юрій „*искаше престола лѣтописцы и старыми списки*". Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою человѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ найдены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ греками, Русская Правда, разные другіе договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ вліяніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей, были еще лѣтописи церковныя. При церквахъ и монастыряхъ были люди, записывавшіе событія, касающіяся церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церкви, для вѣчнаго поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ лѣтописяхъ записывались разныя естественныя событія, предзнаменованія и также бѣдствія народныя, имѣющія, по народному вѣрованію, связь съ предзнаменованіями. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы благочестивые люди на будущее время могли остерегаться, замѣчая что-либо, и молитвами отклонять гнѣвъ Божій. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи Нестора подъ 1071 годомъ сказано: „Въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ, пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьски земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися: его же невѣгласи послушаху, а вѣрнии же насмѣхаются, глаголюще ему: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ". Далѣе говорится о погибели этого кудесника въ одну ночь отъ бѣса.

Можно себѣ представить, какое огромное число лѣтописей было у насъ, если въ каждомъ монастырѣ велась своя отдѣльная лѣтопись. Дѣйствительно, нѣсколько такихъ монастырскихъ записокъ до насъ дошло цѣликомъ; напримѣръ, 3-я новгородская лѣтопись, приложеніе къ 2-й новгородской, въ которой отмѣчены только церковныя событія, перечень новгородскихъ владыкъ и проч.

Другое важное значеніе нашихъ лѣтописей то, что онѣ были писаны большею частію современниками и очевидцами событій. Это можно заключать, какъ по слогу и характеру разсказа, такъ и по тому, что въ лѣтописи вошли многія событія, о которыхъ никто не могъ написать, кромѣ лицъ, прямо участвовавшихъ въ нихъ: наконецъ, это можно видѣть особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о себѣ. Такъ, напримѣръ, подъ 1051 г., объ основаніи Печерской Лавры и ея дальнѣйшей исторіи ясно сказано, что эти событія описаны современникомъ; лѣтописецъ говоритъ, что онъ пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь къ преподобному Ѳеодосію: „Къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя сущю 17 отъ роженья моего". Подъ 1064 годомъ

лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предвѣщаніяхъ и, между прочимъ, говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кіевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтями урода, „его же позоровахомъ до вечера". Подъ 1093 годомъ, описывая погребеніе св. Ѳеодосія, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событія. Подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ о нашествіи половецкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскій монастырь, читаемъ: „И придоша въ монастырь Печерскій, *намъ* сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени... *намъ* же бѣжащимъ за домъ монастыря... *намъ* нисходящимъ (со стѣпы) съ оружіемъ". Ясно, что писавшій былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знавшій всѣ подробности событія.

Этихъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современниками. Эти два качества нашихъ лѣтописей: оффиціальное значеніе, какое онѣ имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ,—составляютъ важное достоинство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно цѣлое до начала XII вѣка, именно, до 1110 года; съ этихъ поръ лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ развѣтвляться: образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ русскихъ земель, и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Такъ, въ видѣ продолженія послѣдней, является *кіевская* лѣтопись, обнимающая событія южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева; она прерывается на 1200 годѣ. Съ этого времени безъ начала (по всему видно, нѣкогда существовавшаго, но теперь утраченнаго) слѣдуетъ лѣтопись, названная *волынскою*, но которая правильнѣе должна быть названа *галицко-волынскою;* она прерывается на 1305 годѣ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись *суздальская*, примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до второго десятилѣтія XIII вѣка, составляетъ лѣтопись *переяславльская*. Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись *тверская*, которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западно-русскія лѣтописи XIV и XV вѣка. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ событія со времени образованія Литовской державы. Существовали еще нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшія до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи: вятская, нижегородская, Устюга-Великаго.

По мѣрѣ того, какъ земля Русская начинаетъ подходить къ единодержавному укладу, лѣтописи наши сводятся въ огромные своды, въ которыхъ отдѣльныя лѣтописи опять соединяются вмѣстѣ; таковы своды: софійскій, воскресенскій и никоновскій.

XXXI. ОБЪ АВТОРѢ ЛѢТОПИСИ, НАЗЫВАЕМОЙ НЕСТОРОВОЮ.

(*Изъ „Лекцій по Русской Исторіи", Костомарова*).

Первоначальная лѣтопись (до 1110 г.) извѣстна подъ именемъ *Несторовой*. Ее приписывали преподобному Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря, извѣстному въ житіяхъ подъ именемъ Нестора, чудотворца печерскаго, и доказывали принадлежность ему лѣтописи тѣмъ, что на нѣкоторыхъ спискахъ было подписано имя Нестора. Но всѣ такія приписки и надписи сдѣланы переписчиками или владѣльцами списковъ уже въ позднѣйшія времена, и онѣ доказываютъ только то, что существовало преданіе, приписывавшее Нестору составленіе первоначальной лѣтописи. Другое приводимое доказательство—это посланіе кіево-печерскаго монаха Поликарпа къ Акиндину, помѣщенное въ патерикѣ. Тамъ говорится, что Несторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ святыхъ Даміана, Іереміи, Матѳія и Исакія; и эти самыя житія есть и въ лѣтописи; по этому заключили, что лѣтопись писалъ Несторъ; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ

при самомъ началѣ лѣтописи находится заглавіе: *Повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Өеодосіева монастыря Нестера,* а въ воскресенскомъ спискѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Өеодосія, сочинитель даетъ о себѣ знать, что онъ печерскій инокъ и писалъ лѣтопись (азъ же грѣшный инокъ и лѣтописаніе ее въ то время писахъ), въ патерикѣ же этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при открытіи мощей св. Өеодосія, названъ Несторомъ.

Точно существовалъ Несторъ, лѣтописецъ печерскій, и дѣйствительно участвовалъ въ составленіи нашей старой лѣтописи; но вся ли лѣтопись написана Несторомъ? Конечно, нѣтъ, когда въ ней же указываются другіе составители. Подъ 1110 годомъ говорится: „Игуменъ Сильвестеръ написалъ книги си“; а нѣсколько ранѣе, именно, подъ 1098 г., говоритъ о себѣ лично другое лицо, какой-то Василій, жившій не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ Волынскомъ; слѣдовательно, лѣтопись писана разными лицами.

О Несторѣ мы знаемъ изъ свидѣтельства Поликарпова, что онъ списывалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ, и эти житія вошли въ лѣтопись. Въ печерскомъ патерикѣ говорится о немъ, какъ о лѣтописателѣ Печерскаго монастыря, передавшемъ потомству разсказъ объ открытіи мощей Өеодосія. Въ монастыряхъ издавна было въ обычаѣ вести лѣтописныя записки; безъ сомнѣнія, онѣ велись и въ Печерскомъ монастырѣ, который рано прославился передъ другими обителями, и потому его записки могли имѣть особенную важность. Вѣроятно, Несторъ писалъ печерскую лѣтопись, и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея; вѣроятно, все, что въ ней относится къ Печерскому монастырю, взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной между прочимъ и Несторомъ; но не все, заключающееся въ ней, слѣдуетъ приписывать монаху или вообще Печерской обители, въ особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси. Укажемъ на старинное произведеніе нашей литературы: „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба“. Оно извѣстно намъ по списку XIV в., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что составлено гораздо раньше, ибо въ публичной библіотекѣ существуетъ отрывокъ ея, писанный въ XII в. Это сочиненіе составлено Несторомъ, о чемъ говорится прямо: *Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чудѣсѣхъ святою и блаженною страстотерпцю сею опаснѣ вѣдущихъ исписавы а другыя самъ свѣды отъ многихъ мало въ писахъ.* Оно представляетъ важныя противорѣчія съ тѣмъ, что сказывается объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ лѣтописи. Такъ напр., въ житіи говорится, что до Владиміра Святаго ни одного апостола не было въ Россіи, а въ лѣтописи помѣщена легенда объ апостолѣ Андреѣ, который водрузилъ крестъ на горѣ въ Кіевѣ и доходилъ даже до Новгорода. Въ житіи говорится, что Владиміръ далъ Борису городъ Владиміръ на Волыни, а въ лѣтописи—Ростовъ. Въ житіи говорится, что когда Владиміръ умеръ, то Святополкъ *прибылъ* въ Кіевъ, а въ лѣтописи—что онъ *находился* въ Кіевѣ. Наконецъ, и въ самомъ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба, помѣщенномъ также и въ лѣтописи, есть мѣста, взаимно противорѣчащія. Такъ, въ лѣтописи говорится, что убійцы только ранили Бориса, привезли его на телѣгѣ еще дышащимъ, и Святополкъ приказалъ варягамъ добить его, а въ житіи,—что убійцы, ударивъ Бориса въ сердце, умертвили сразу и привезли его къ Святополку уже мертвымъ. Въ житіи говорится, что когда убійцы пришли умертвить Глѣба, то онъ не зналъ о злодѣйскомъ намѣреніи убить брата, а въ лѣтописи,—что онъ былъ объ этомъ предувѣдомленъ. Наконецъ, по житію Борисъ отправился на войну противъ какихъ-то невѣдомыхъ враговъ, а по лѣтописи—противъ печенѣговъ.

Всѣ эти противорѣчія показываютъ, что если житіе писано неоспоримо Несторомъ, то лѣтопись никакъ нельзя приписывать ему же. Кромѣ того въ самой лѣтописи встрѣчаются такія противорѣчія, которыя были бы невозможны, если бы писалъ ее одинъ человѣкъ, а произошли, конечно, только тогда, когда существовали только отдѣльныя части, писанныя разными лицами и уже послѣ сложенныя. Напр., какъ могъ одинъ и тотъ же лѣтописецъ составить сказаніе объ Олегѣ и Владимірѣ, когда при первомъ Переяславль является въ числѣ городовъ русскихъ, а въ княженіи второго подробно говорится объ основаніи этого города? Эти несообразности не позволяютъ думать, что всю лѣтопись писалъ одинъ и тотъ же Несторъ.

Еще важнѣе разница въ тонѣ и характерѣ разсказа лѣтописи. Безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ показываетъ, что многія мѣста въ лѣтописи писаны мірянами, особенно въ началѣ, потому что монахъ XII в. никакъ не могъ выра-

зить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь. Кто же связалъ эти части? Отвѣтъ мы находимъ въ самой лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 г., встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣялся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимірѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ". Въ другомъ мѣстѣ, именно при началѣ лѣтописнаго повѣствованія, онъ тоже говоритъ о себѣ, указывая и на время, когда онъ жилъ. Онъ разбиваетъ описываемое древнее время на періоды отъ одного князя до другого: „Отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка лѣтъ 60". Смерть Святополка послѣдняя, извѣстная ему эпоха; слѣдовательно, писавшій жилъ при Владимірѣ Мономахѣ. Сильвестръ и говоритъ о себѣ то же самое. Очевидно, что приведенная выше приписка подъ 1110 г. и послѣднее мѣсто, изъясняющее способъ составленія всей лѣтописи, принадлежатъ одному и тому же лицу. Выше того онъ сказалъ о себѣ: „Числа положимъ". И такъ, кто полагалъ числа, то-есть, кто разбивалъ повѣсть по годамъ, или, что все равно, составлялъ лѣтопись, тотъ игуменствовалъ при Владимірѣ Мономахѣ; а подъ 1110 годомъ былъ игуменомъ тотъ же Сильвестръ. Итакъ, Сильвестръ есть составитель лѣтописи, и лѣтопись, по справедливости, должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Но несходство въ тонѣ, несообразность частей и, наконецъ, встрѣчаемыя противорѣчія показываютъ, что части лѣтописи писаны разными лицами, и Сильвестру могутъ принадлежать только ближайшія къ его времени извѣстія и распредѣленіе по числамъ другихъ съ нѣкоторыми дополненіями. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства; подъ 1051 годомъ, лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ, говоритъ о прибытіи своемъ въ Кіево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Θеодосія. Прежде это мѣсто приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI в. говорится, что Несторъ пришелъ не при Θеодосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ, и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежитъ не Нестору, а какому-то другому лѣтописцу, писавшему прежде его.

XXXII. Изъ „Русской Правды".

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать 40 гривенъ; будетъ ли убитый русинъ или гридень, или купецъ, или должностное лицо, или мечникъ. Если то будетъ изгой или словенинъ, также полагается 40 гривенъ.

2. Или если кто будетъ избитъ до крови или синихъ пятенъ, то такому человѣку не искать свидѣтелей. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то онъ обязанъ представить свидѣтелей: и буде не можетъ того сдѣлать, то и конецъ дѣлу. Если кто не въ состояніи мстить за себя, то взять ему 3 гривны да плату лѣкарю.

3. Если кто кого ударитъ бичемъ, или палкой, или пястью, или чишею, или рогомъ, или тупой стороною меча, тотъ платитъ 10 гривенъ. Если бы его и не настигли, то все онъ платитъ 10 гривенъ битому, чѣмъ и кончится дѣло.

4. Если кто кого ударитъ мечемъ, не вынувъ его изъ ноженъ, или его рукояткою, съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

5. Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится или отсохнетъ, то платитъ 40 гривенъ. Если нога останется цѣла или же только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненаго смирять дерзкаго.

6. Если кто отсѣчетъ у кого какой-нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды тоже.

8. Если кто вынетъ мечъ, и однакожъ не ударитъ, тотъ платитъ гривну.

9. Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ, то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же это будетъ варягъ или колбягъ, то онъ дастъ только присягу.

10. Если рабъ укроется или у варяга, или у колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ спознаетъ его въ третій день, то хозяину взять своего раба да 3 гривны за обиду.

11. Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны.

12. Если кто возьметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду, и хозяинъ спознаетъ ихъ у кого-нибудь въ своемъ округѣ, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяинъ спознаетъ свою вещь, однакожъ не получитъ ея, то онъ не въ правѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: „Это мое", онъ долженъ сказать ему такъ: „Пойдемъ со мною на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это". Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на 5 дней.

14. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего-нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ идти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ неправо, не давая требуемой вещи, то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ да за обиду 3 гривны.

15. Если кто, спознавъ своего раба, захочетъ взять его, то отвѣтчикъ долженъ вести господина того раба къ тому, у кого онъ купилъ спознаннаго раба, а этотъ обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: ты мнѣ отдай твоего раба, а ты свой скотъ отыскивай помощью свидѣтелей.

16. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то платитъ господинъ за него 12 гривенъ. Послѣ ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, имѣетъ право бить его.

17. Если кто испортитъ копье, или щитъ, или одежду, и пожелаетъ испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то съ него скота. Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою, то платитъ ему скота столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

18. Если огнищанинъ будетъ убитъ умышленно, то убійца платитъ за него 80 гривенъ одинъ, а люди не платятъ ничего, за подъѣзднаго княжескаго тоже 80 гривенъ.

19. Если огнищанинъ будетъ убитъ разбоемъ или убійца не отъищется, то пеню за него платить верви, въ которой найденъ трупъ.

20. Если огнищанинъ, совершая воровство въ домѣ, или воруя лошадей, скотъ и коровъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, то убить его, какъ собаку; это относится и къ тіуну.

21. За княжескаго тіуна 80 гривенъ, за старшаго конюха у стада 80 гривенъ.

22. За сельскаго старосту и за военнаго старосту вознагражденія князю 12 гривенъ, за простого воина 5 гривенъ.

23. За смерда и холопа 5 гривенъ.

24. За раба кормильца или сына кормильца 12 гривенъ.

25. За коня, принадлежность коего князю обозначена штемпелемъ, 3 гривны, за коня смерда 2 гривны.

26. Если будетъ уведенъ чужой холопъ или раба, то за обиду платится 12 гривенъ.

27. Если мужъ имѣетъ на тѣлѣ ясные слѣды побоевъ „кровавъ или синь", то не нуждается въ свидѣтеляхъ.

28. За истязаніе, безъ дозволенія князя, смерда—3 гривны за обиду.

29. За истязаніе огнищанина, тіуна или мечника 12 гривенъ.

30. За нарушеніе межи и захватъ поля 12 гривенъ за обиду.

31. За воровство ладьи вознагражденія 30 рѣзанъ и пени 60 рѣзанъ.

32. За воровство собаки, ястреба и сокола 3 гривны за обиду.

33. За убійство вора во дворѣ, у дома, у хлѣва не отвѣчаютъ: захвативъ его и продержавъ до разсвѣта, слѣдуетъ вести его на княжескій дворъ; но если будетъ убитъ воръ, котораго прежде видѣли связаннымъ, то платить за него.

34. За кражу сѣна 9 кунъ, за кражу дровъ 9 кунъ. Тому, кто поймалъ вора, 10 рѣзанъ, мечнику отъ трехъ гривенъ куна, въ пользу церкви 15 кунъ, князю 3 гривны; а отъ двѣнадцати гривенъ мечнику 70 кунъ, въ пользу церкви 2 гривны, а князю 10 гривенъ.

XXXIII. ЗНАЧЕНІЕ ЗАКОНОВЪ ЯРОСЛАВОВОЙ „ПРАВДЫ".

(Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства", Бѣляева).

Законы Ярославовой Правды по содержанію дѣлятся на три отдѣла: первый содержитъ въ себѣ узаконенія объ убійствѣ, второй — о личныхъ оскорбленіяхъ, третій — о дѣлахъ по нарушенію правъ собственности.

Отдѣлъ первый. Первому вопросу у Ярослава посвящена одна первая статья. Въ ней сказано: „*Аще убъетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо брату — чаду ли братню сынови, оже не будетъ кто его мьстяй, то положить за голову 80 гривенъ, аще ли будетъ княжь мужъ, или тіунъ княжь. А если будетъ Русинъ, горожанинъ, любо гридь, или купецъ, или тіунъ болярьскый, или мечникъ, любо изгой, ли Словенинъ, 40 гривенъ положити за нь*".

Изъ этой статьи ясно, что въ дѣлахъ по убійству и въ Ярославово время основнымъ закономъ была месть. Русское общество того времени не могло еще отказаться отъ этого исконнаго своего обычая. Но тѣмъ не менѣе настоящая статья свидѣтельствуетъ, что русское общество подвинулось впередъ въ періодъ времени отъ Олега и Игоря до Яро-

слава. По законамъ сихъ послѣднихъ, месть за убитаго была предоставлена всѣмъ родственникамъ его, и единственное спасеніе отъ мести было бѣгство. По закону же Ярослава месть ограничивалась степенями родства, такъ что только ближайшіе родственники убитаго—отецъ, сынъ, братъ, племянникъ, дядя—могли мстить убійцѣ. Если же не было ближайшихъ родственниковъ, то никто не имѣлъ права мстить, а только взыскивалась съ убійцы въ пользу родственниковъ убитаго опредѣленная пеня. Далѣе, по Олегову договору, все имущество убійцы безъ изъятія слѣдовало ближайшимъ родственникамъ убитаго, хотя бы и у самого убійцы оставались дѣти. Напротивъ того, по Ярославовой Правдѣ, не все имѣніе достается родственникамъ убитаго, а лишь опредѣленная пеня, смотря по общественному состоянію убитаго. Это положеніе Ярослава указываетъ на ограниченіе мести. Здѣсь является, предварительно, оцѣнка преступленія на мѣсто прежней безотчетной мести. Дѣти преступника не лишаются всего состоянія, у нихъ берется лишь законная пеня. Это постановленіе указываетъ на вліяніе христіанства и сильное развитіе общественной жизни. По Ярославовой Правдѣ вознагражденіе за убійство есть дѣло частное. Дальнія степени родства не имѣли права вознагражденія. Слѣдовательно, Русская Правда не уничтожаетъ частнаго, личнаго характера наказанія. По Русской Правдѣ видно, что законъ не разбиралъ, какъ убилъ убійца—злонамѣренно, или нѣтъ. Во время Ярослава всѣ убійцы были одинаково виновны и одинаково подвергались мести родственниковъ, которые не заботились о причинахъ и побужденіяхъ, которыя были мотивомъ къ убійству, а довольствовались однимъ простымъ фактомъ. Изъ Ярославовой Правды видно, что законъ заботился не объ уничтоженіи прежней мести, а только о томъ, чтобы ограничить ее, чтобы остановить безконечную рѣзню. Такимъ образомъ, законы Ярослава объ убійствѣ суть ограниченіе, видоизмѣненіе мести.

Второй отдѣлъ Правды содержалъ въ себѣ узаконенія *о личныхъ оскорбленіяхъ.* Онъ состоитъ изъ 8 частей, въ которыхъ разбираются разнаго рода побои и опредѣляются наказанія за нихъ. Личнымъ оскорбленіемъ тогда считались только побои, а оскорбленіе словами, какъ напр. брань, клевета, не считались оскорбленіемъ. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ въ Русской Правдѣ и другихъ позднѣйшихъ узаконеніяхъ, чтобы что-либо, за исключеніемъ побоевъ, запрещалось закономъ, какъ личное оскорбленіе. Уже только въ Судебникѣ мы встрѣчаемъ запрещеніе „лаянія“, т. е. брани, на которую законъ смотритъ, какъ на личное оскорбленіе. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ законѣ объ убійствѣ, основной законъ—право частной мести. Обиженному предоставлялось на выборъ—или мстить обидчику, или взыскать съ него плату за оскорбленіе. Плата эта по Ярославовой Правдѣ опредѣлялась такъ: 1) Если кто кого прибьетъ до крови, или надѣлаетъ синяковъ руками, а не оружіемъ, тотъ платитъ три гривны выкупа за обиду и, сверхъ того, платитъ обиженному за леченіе. Статья (ст. 2 Ак. сп.), въ которой изложено это законоположеніе, представляетъ любопытный фактъ борьбы нашего законодательства съ византійскимъ. Статья эта есть явно передѣлка подобной статьи Суднаго Закона (въ 25 главѣ), но въ Правдѣ эта статья принимаетъ чисто русскій характеръ и подводится подъ русское начало мести. 2) Если кто кого ударитъ палкой или инымъ чѣмъ и даже мечомъ, но не обнаженнымъ, то платитъ 12 гривенъ за обиду.

Статьи (ст. 3 и 4 Ак. сп.), сюда относящіяся, представляютъ повтореніе Олегова и Игорева договоровъ о побояхъ; въ нихъ даже сохранены всѣ формы прежнихъ законовъ, именно,—по законамъ Олега и Игоря, за ударъ мечомъ, или другимъ орудіемъ, назначалось 5 литръ серебра; та же пеня назначается и Ярославовой Правдой, только греческіе литры перемѣнены здѣсь на русскія гривны и посему положено 12 гривенъ. Далѣе, по Олегову закону, если кто не могъ уплатить 5 литръ серебра, то платилъ обиженному, сколько могъ, а въ остальномъ клялся, что ему негдѣ взять. Тотъ же порядокъ сохраненъ и въ Ярославовой Правдѣ. 3) Если кто кого ударитъ обнаженнымъ мечомъ по ногѣ, или по рукѣ, такъ что нога или рука отпадутъ, то платитъ за это 40 гривенъ. 4) Если кто кому отрубитъ палецъ, то платитъ за это три гривны. 5) Если кто у кого вырветъ бороду, или усъ, то платитъ ему за обиду 12 гривенъ (ст. 5, 6 и 7 Ак. сп.). Замѣчательно, что борода или усъ цѣнились дороже, чѣмъ палецъ. Это свидѣтельствуетъ о сильномъ развитіи на Руси личности, такъ какъ замѣтное обезображеніе цѣнилось дороже, чѣмъ незамѣтное увѣчье. 6) Если кто на кого вынетъ мечъ, но не ударитъ, то платитъ за это одну гривну. Статья (ст. 8 Ак. сп.), въ которой изложено это узаконеніе, замѣчательна тѣмъ, что здѣсь наказывается и самое покушеніе на убійство, или насиліе, что указываетъ на строгое охраненіе въ обществѣ тишины и мира и свидѣтельствуетъ о сильно развитомъ общественномъ устройствѣ. 7) Если кто толкнетъ кого отъ себя, или къ себѣ, то платитъ за это три гривны обиженному. Во всѣхъ этихъ статьяхъ законъ, какъ и при Олегѣ, поддерживаетъ права мести. Очевидно, эти статьи были изданы въ отмѣну статей Суднаго Закона, несогласныхъ съ духомъ общества. Но вліяніе Суднаго Закона было такъ сильно, что Ярославъ не могъ уже вполнѣ отрѣшиться отъ византійскаго права и обратиться къ старымъ русскимъ обычаямъ. По старымъ русскимъ обычаямъ, въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ судебными доказательствами было знаменіе (знаки отъ побоевъ) и рота. Ярославъ отмѣнилъ роту и ввелъ новое судебное доказательство, чисто византійскаго происхожденія,—свидѣтелей или видоковъ. Въ Правдѣ сказано: „*Оже пріидетъ кровавъ мужъ, или синь, то видока ему не искати. Аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ*“; а если обвиненный не могъ найти свидѣтелей, то искъ его прекращался. Ярославъ оставилъ роту въ одномъ только случаѣ—если обиженный былъ варягъ, или колбягъ. Это, вѣроятно, потому, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи не было введено христіанство, и потому Ярославъ не хотѣлъ подчинить варяговъ и колбяговъ христіанскимъ законамъ.

Третій отдѣлъ Ярославовой Правды заключаетъ въ себѣ узаконенія по дѣламъ нарушенія собственности. Статьи, сюда относящіяся, числомъ 8, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Статьи перваго разряда говорятъ о наказаніи преступниковъ, а во второмъ излагается порядокъ судопроизводства по дѣламъ нарушенія права собственности. Законъ, въ случаѣ нарушенія права собственности, не думаетъ объ общественномъ наказаніи преступника, а только взыскиваетъ съ него за обиду, помогаетъ частному лицу возстановить право, взыскивая съ преступника въ пользу обиженнаго. Ясно, что и здѣсь самое наказаніе преступника является еще въ формѣ частной мести. Первыя три статьи взяты изъ Суднаго Закона, только тѣлесное наказаніе замѣнено здѣсь

пенею въ три гривны. Пеня эта налагалась: 1) за укрывательство чужого раба; 2) за своевольное и безъ вѣдома хозяина употребленіе чужого коня, и 3) за произвольное присвоеніе себѣ оружія, коня, платья, или иной какой-нибудь вещи (ст. 10, 11 и 12 Ак. сп.). Преступникъ въ этомъ случаѣ, кромѣ цѣны покраденной вещи, долженъ былъ платить еще пеню въ три гривны собственнику. Эти статьи подтверждаютъ высказанную выше мысль, а именно—что основаніемъ законныхъ преслѣдованій преступника было вознагражденіе; слѣдовательно, наказаніе являлось въ формѣ частной мести, хотя произволъ лица былъ устраненъ и его мѣсто заняло правительствомъ опредѣленное мщеніе. Ту же пеню, т. е. три гривны, долженъ былъ платить должникъ, отвергающій свой долгъ (ст. 14 Ак. сп.). Онъ считался воромъ и судился, какъ таковой.— Второй разрядъ узаконеній настоящаго отдѣла представляетъ важное свидѣтельство о тогдашнемъ порядкѣ суда и вообще объ устройствѣ тогдашняго общества. Въ этихъ статьяхъ говорится, во-1-хъ, что укрывателю чужого раба давалось три дня сроку, чтобы объявить объ укрывающемся рабѣ и вывести его на торгъ; если же онъ этого не дѣлалъ, то считался воромъ и подвергался пенѣ въ три гривны (ст. 10 Ак. сп.) 2) Хозяинъ, увидавшій у другого своего коня, оружіе, платье или другую вещь, не могъ взять ее, но могъ только требовать, чтобъ тотъ, у кого онъ ее увидѣлъ, указалъ на того, отъ кого онъ ее получилъ, и велъ бы его на сводъ къ нему; если же тотъ не шелъ на сводъ, то ему давалось 5 дней срока найти поручителей, что вещь не украдена, а пріобрѣтена законно (ст. 13 Ак. сп.). Если въ предшествующихъ узаконеніяхъ мы видимъ преобладаніе частнаго произвола надъ началомъ общественнаго благоустройства и порядка, то въ этой статьѣ замѣчаемъ обратное явленіе. Въ ней законъ ограждаетъ неприкосновенность владѣнія противъ предъявленія недоказанныхъ правъ на вещь. Въ этой же статьѣ мы встрѣчаемъ поручителей и судебные сроки, что указываетъ на развитіе судебнаго устройства на Руси. 3) Если должникъ станетъ отпираться отъ долга, то кредитору предоставлялось право представить 12 свидѣтелей, которые могли бы подтвердить, что кредиторъ, дѣйствительно, давалъ взаймы то, что требуетъ съ должника (ст. 14 Ак. сп.). Статья, гдѣ излагается это узаконеніе, есть единственная статья во всей Ярославовой Правдѣ изъ гражданскаго права. Она вошла сюда потому, что ея нѣтъ въ Судномъ Законѣ; слѣдовательно, на Руси въ Ярославово время долги взыскивались инымъ путемъ, чѣмъ въ Византіи. Византійскіе законы о кредитѣ были неприложимы у насъ, такъ какъ у насъ не было маклеровъ, заемныхъ писемъ и прочихъ мѣръ, которыми ограждался кредитъ. 4) Господинъ, отыскавшій своего пропавшаго раба у какого либо хозяина, могъ требовать у послѣдняго, чтобы тотъ велъ его на сводъ къ тому, у кого онъ купилъ раба, а этотъ долженъ былъ привести его къ другому, у кого онъ купилъ, а другой къ третьему, у котораго господинъ бралъ его раба, или вмѣсто раба деньги, и предоставлялъ ему дальнѣйшія розысканія вора (ст. 15 Ак. сп.). Порядокъ суда, засвидѣтельствованный этими статьями, былъ чисто общинный по дѣламъ о нарушеніи правъ собственности. Дѣла рѣшались сводомъ, свидѣтелями, или поручителями, для отысканія которыхъ предоставлялось пять дней сроку. Судъ производился міромъ, обществомъ, безъ участія князя и его посадника,—слѣдовательно, на чисто-общинномъ началѣ. Всѣ сдѣлки

производились публично, при свидѣтеляхъ, такъ что, въ случаѣ иска, каждый членъ общества ограждалъ свое право сводомъ, поручительствомъ и свидѣтелями, а если не могъ этого сдѣлать, то признавался виновнымъ.

Опредѣливъ пени и порядокъ суда въ дѣлахъ о нарушеніи собственности, законъ опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ нарушеніе права собственности не бываетъ преступно, не подлежитъ наказанію. Этихъ исключительныхъ случаевъ два. Во-1-хъ, когда рабъ ударилъ свободнаго человѣка, то обиженный могъ безнаказанно убить его. Мало того, если ударившій рабъ укрывался въ домѣ своего господина, то послѣдній долженъ былъ выдать его обиженному, или заплатить 12 гривенъ; но и затѣмъ обиженный, встрѣтя гдѣ-нибудь оскорбившаго его раба, могъ убить и не платить пени (ст. 16 Ак. сп.). Здѣсь обида, полученная отъ раба, оцѣнивается въ 12 гривенъ, одинаково съ обидою отъ свободнаго человѣка, очевидно потому, что здѣсь вину его принимаетъ на себя его господинъ,—слѣдовательно, и обида перестаетъ быть обидою отъ раба. Но отсюда нельзя заключать, чтобы обида отъ раба считалась наравнѣ съ обидою отъ свободнаго человѣка. Обиженный имѣлъ право убить раба даже и тогда, когда онъ получилъ отъ господина полное вознагражденіе за обиду. Слѣдовательно, безъ вмѣшательства господина рабъ платитъ за обиду жизнью, а не пенею, и слѣдовательно, обида отъ раба не считалась наравнѣ съ обидою отъ свободнаго человѣка. Второй случай состоялъ въ томъ, что кто, взявши съ дозволенія хозяина оружіе или платье, испортилъ бы его, то, по закону Ярослава, пени онъ не платитъ, а долженъ отдать только цѣну вещи.

XXXIV. О СОСЛОВНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ПО „РУССКОЙ ПРАВДѢ“.

(Изъ соч. Ланге „Изслѣдованіе о Русской Правдѣ“).

Изъ Правды видно, что все народонаселеніе современной ей Россіи дѣлилось на княжихъ людей и людиновъ. Такое дѣленіе подтверждается общимъ между тѣми и другими противупоставленіемъ, сдѣланнымъ въ статьѣ Правды: „аже кто убіетъ княжа мужа... то 80 гривенъ, аще-ли людинъ, то 40 гривенъ“. Подъ княжими мужами разумѣли вообще всѣхъ состоявшихъ въ службѣ князя, даже княжескихъ поваровъ и конюховъ. Къ людинамъ причисляли простыхъ, т. е. недолжностныхъ людей. Изъ этого видно, что служебный элементъ проводилъ въ древности рѣзкую черту между сословіями; служилый человѣкъ принадлежалъ къ высшимъ сословіямъ, неслужилый—къ низшимъ.

Приступая въ частности къ отдѣльному разсмотрѣнію каждаго изъ сословій, мы не будемъ останавливаться на упомянутыхъ въ Правдѣ боярахъ. Объ нихъ, какъ о княжихъ людяхъ, т. е. какъ о высшемъ сословіи, не можетъ быть никакихъ споровъ и сомнѣній. Значеніе же огнищанъ въ точности не опредѣлено. Они до сихъ поръ даютъ поводъ къ противоположнымъ мнѣніямъ. Принимая, что огнищанами назывались всѣ вообще должностныя лица, состоящія при княжескомъ дворцѣ, мы

думаемъ, что подъ огнищанами въ древности разумѣли то же, что впослѣдствіи стали разумѣть подъ дворянами, и слово огнищане есть только старинное названіе дворянъ. Между огнищанами и боярами было то различіе, что огнищане, какъ всѣ въ совокупности взятые дворцовые чиновники и служителя разныхъ наименованій, такъ и возникшее отъ ихъ потомковъ особое благородное сословіе, имѣли значеніе единственно отъ службы, образовались изъ людей неродословныхъ, т. е. составляли дворянство выслуженное и, вѣроятно, не могли пользоваться правомъ перехода къ другимъ князьямъ; бояре же, напротивъ, были дворянствомъ родословнымъ и могли по произволу избирать службу у того или у другого князя. Но какъ огнищане, такъ и бояре назывались княжими мужами и принадлежали къ высшему сословію.

Низшія сословія вообще назывались людинами. Людины раздѣлялись на людей свободныхъ и несвободныхъ. Къ первымъ принадлежали смерды, къ послѣднимъ—закупы и холопы. Закупы находились во временномъ рабствѣ, а холопы—въ постоянномъ. Но намъ могутъ возразить: какимъ образомъ подъ названіемъ *людины* могли разумѣть смердовъ и холоповъ, когда за убійство тѣхъ и другихъ платилось во времена Правды 5 гривенъ, а за людина 40 гривенъ? Не значитъ ли это, что людинъ не одно и то же, что смердъ и холопъ? На такое, повидимому, основательное возраженіе мы отвѣтимъ слѣдующее: 5 гривенъ были частнымъ вознагражденіемъ въ пользу родственниковъ убитаго смерда (головничествомъ) или въ пользу владѣльца за умерщвленнаго холопа, тогда какъ 40 гривенъ составляли поступавшую въ казну князя виру, т. е. пеню за то самое преступленіе,—слѣдовательно, одна плата не исключала другой.

Но въ Правдѣ говорится еще о русинѣ, славянинѣ и изгоѣ, которые тоже, безъ сомнѣнія, принадлежали къ простолюдинамъ, такъ какъ за убійство ихъ назначалась 40-гривенная вира. Теперь представляется вопросъ, кого собственно считали русиномъ, а кого изгоемъ и славяниномъ? Для опредѣленія понятія о русинѣ необходимо имѣть въ виду, что въ XII и XIII вв. Русь отличали не только отъ Новгорода, но отъ Владиміра и Суздаля, и что подъ нею разумѣли Кіевское княжество и вообще княжества южной Россіи; слѣдовательно, русинами, именовались обитатели этихъ княжествъ; такъ напр., Ларіонъ изъ Берестова, поставленный въ митрополиты, названъ у Нестора русиномъ. Такой выводъ тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что руссы иногда различаются въ нашихъ лѣтописяхъ отъ варяговъ и словенъ. Въ одной изъ нихъ сказано: „Ярославъ, совокупивъ Русь, варяги и словѣнѣ, поиде противу Болеслава и Святополка“, т. е. Ярославъ соединилъ жителей княжества Кіевскаго, варяговъ, пришедшихъ изъ-за моря, и новгородцевъ, у которыхъ прежде княжилъ. Въ томъ же самомъ значеніи, безъ сомнѣнія, принимаются названія русинъ, славянинъ и варягъ и въ изданной Ярославомъ Правдѣ.

Людины по состоянію дѣлились на смердовъ, закуповъ и холоповъ, а по мѣсту жительства на русиновъ, изгоевъ и славянъ; каждый русинъ, изгой и славянинъ могъ быть смердомъ, закупомъ или холопомъ и наоборотъ. Кромѣ того, по племенному различію людины дѣлились: на славянъ въ обширномъ смыслѣ и на варяговъ и колбяговъ.

Объяснивъ общее названіе людины, изложимъ теперь въ частности

наше понятіе о двухъ главныхъ видахъ людиновъ, вмѣщавшихъ всѣ прочіе, т. е. о людинахъ свободныхъ, или смердахъ, варягахъ и колбягахъ, и о людинахъ несвободныхъ или закупахъ и холопахъ.

Смердами называли всѣхъ свободныхъ людей низшаго сословія, состоявшихъ подъ данью. Это видно изъ того, что въ 1071 году Янъ, сынъ Вышаты, посланный въ Бѣлозерскъ для сбора дани, узнавъ о злодѣйствѣ двухъ волхвовъ ярославцевъ, прямо предлагаетъ о нихъ бѣлозерцамъ вопросъ: „чья еста смерда?" т. е. какого князя? Такой вопросъ Яна относительно случайно ему попавшихся и неизвѣстныхъ дотолѣ преступниковъ показываетъ, что слово *смердъ* принималось въ обширномъ значеніи, именно въ смыслѣ подданнаго по понятію тогдашняго времени, т. е. человѣка податного. Если же такое значеніе давалось названію смердъ, то, само собою разумѣется, оно могло принадлежать классу общества самому многочисленному, какимъ и было низшее сословіе свободныхъ людей, платившихъ князю дань. Что смерды, дѣйствительно, были люди свободные, это доказывается назначеніемъ съ нихъ продажъ за преступленія, тогда какъ съ холоповъ продажа не взыскивалась именно потому, что они были несвободные. Итакъ, всѣ свободнаго состоянія люди, платившіе дань, назывались смердами, и потому ни бояре, ни огнищане, т. е. вообще княжи мужи, ни холопы и закупы, какъ не платившіе податей, не принадлежали къ смердамъ. Не могли также именоваться ими варяги и колбяги, которые, хотя и были людинами свободнаго состоянія, но не составляли податныхъ сословій.

Несвободные людины, какъ мы уже сказали, раздѣлялись на холоповъ и закуповъ. Древній русскій холопъ не совсѣмъ одно и то же, что servus у римлянъ. Нашего холопа, по уничтоженіи обычая кровавой мести, никто не могъ убить безнаказанно. Въ Правдѣ въ окончательномъ періодѣ ея развитія выставленъ лишь одинъ случай безнаказаннаго убійства, именно убійство на татьбѣ; слѣдовательно, всякое лишеніе кого-либо жизни при другихъ обстоятельствахъ считалось умерщвленіемъ безъ вины и подлежало наказанію; но это относилось, кромѣ холоповъ, и ко всѣмъ свободнымъ людямъ. Посему выраженіе: „яже будетъ безъ вины убіенъ", вовсе не показываетъ, чтобы въ отношеніи предѣловъ отвѣтственности и безнаказанности за убійство свободныхъ людей и холоповъ существовала какая-либо разница. Холопы, однакожъ, не имѣли своей собственности. Все, что они пріобрѣтали, принадлежало господину; на послѣднемъ же лежала обязанность платить ихъ долги, если онъ не хотѣлъ лишиться задолжавшихъ холоповъ; но кто давалъ имъ куны взаймы, зная ихъ состояніе, тотъ самъ лишался своей собственности и не могъ требовать уплаты. Право имѣть холоповъ предоставлялось не всѣмъ свободнымъ людямъ. Холопами не могли владѣть даже огнищане, а только князья, бояре, и монастыри, и соотвѣтственно съ этимъ самые холопы раздѣлялись на княжихъ, боярскихъ и чернечихъ. Холопство устанавливалось четырьмя способами: 1) рожденіемъ отъ рабовъ; но если свободный человѣкъ, бояринъ или князь, имѣлъ дѣтей, незаконно прижитыхъ съ рабою, то по смерти его имъ давалась свобода съ матерью; 2) покупкой; 3) обращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закуповъ въ холоповъ; и 4) безусловнымъ поступленіемъ („безъ ряда") въ услуги, безъ сомнѣнія, къ лицамъ и установленіямъ, имѣвшимъ право владѣть холо-

пами. Вѣроятно, смерды часто поступали въ услуги безусловно и становились кабальными холопами.

Закупами, иначе наймитами, назывались свободные люди, бывшіе во временномъ рабствѣ, однакожъ съ тою разницею отъ настоящихъ холоповъ, что могли имѣть свою собственность. Закупы были двухъ разрядовъ: 1) нанимавшіеся въ услуги къ князьямъ, боярамъ и монастырямъ для отработки занятыхъ у нихъ денегъ или вещей; 2) проданные тѣмъ же лицамъ и установленіямъ на торгу за долги. Относительно послѣдняго разряда слѣдуетъ замѣтить, что уплачивавшій кредитору долгъ выведеннаго на торгъ человѣка бралъ послѣдняго къ себѣ въ закупы, если имѣлъ на то право. Нельзя думать, чтобы должникъ, свободный человѣкъ, продавался прямо въ холопство, но, безъ сомнѣнія, въ закупы, тѣмъ болѣе, что въ Правдѣ постановленія о послѣднихъ тотчасъ слѣдуютъ за статьею о продажѣ за долги. Закупы за воровство и побѣгъ отъ господина обращались въ холоповъ. Изъ этого слѣдуетъ заключать, что первыхъ могли пріобрѣтать только лица и установленія, которымъ предоставлялось право имѣть послѣднихъ, т. е. князья, бояре и монастыри. Замѣчательно, что закупъ, обращенный въ раба, назывался *обѣльнымъ холопомъ*. Слово *обѣльный* вообще означаетъ освобожденнаго отъ какой-либо повинности, отъ какого-нибудь налога, и потому слѣдуетъ полагать, что закупъ, становясь рабомъ, освобождался черезъ то самое отъ всѣхъ своихъ прежнихъ долговъ господину, и по этой причинѣ назывался холопомъ обѣльнымъ. Такъ какъ закупы были только во временномъ рабствѣ, то оно оканчивалось, какъ скоро они, находясь въ услугахъ, своимъ трудомъ пополняли лежавшій на нихъ долгъ. Впрочемъ, Правда не указываетъ на основанія, по которымъ производилась оцѣнка труда. Само собою разумѣется, она опредѣлялась вообще существовавшей тогда платой за работу. Во всякомъ случаѣ закупъ былъ, по возможности, обезпеченъ въ этомъ отношеніи отъ обидъ и притѣсненій со стороны господина правомъ жалобы.

Перейдемъ теперь къ изслѣдованію о занятіяхъ смердовъ, закуповъ и холоповъ. Изъ одного мѣста Лаврентьевской лѣтописи видно, что смерды были по преимуществу земледѣльцы. Неизвѣстно, занимались ли земледѣліемъ холопы, но о ролейныхъ холопахъ упоминается въ Правдѣ. Кромѣ земледѣлія, занятія смердовъ опредѣляются въ ней словами: ремественникъ, ремественница, купецъ и рядовичъ. Значеніе словъ: ремесленникъ и купецъ не требуетъ никакихъ поясненій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что смерды, кромѣ земледѣлія, занимались также ремеслами и торговлею, потому что не могли же производить ихъ княжи мужи, т. е. служилые люди. Относительно холоповъ и закуповъ должно замѣтить, что ни тѣ, ни другіе, какъ несвободные, не могли быть купцами; но нельзя отрицать, чтобы холопы не занимались ремеслами въ пользу своихъ господъ, а закупы—даже въ свою собственную пользу. Но какъ опредѣлить смыслъ слова рядовичъ? Подъ рядовичами разумѣли свободныхъ людей, добровольно поступившихъ къ кому-нибудь въ услуги, но по извѣстному ряду или договору. Такимъ образомъ, рядовичъ былъ наемникомъ и отличался отъ закуповъ тѣмъ: 1) что не служилъ, подобно имъ, для отработки долговъ; 2) что ни въ какомъ случаѣ не обращался въ холопа, и 3) что его могли имѣть всѣ свободные люди, тогда какъ закупы составляли исключительную принадлежность князей, бояръ и монастырей.

Безъ сомнѣнія, рядовичами могли быть только смерды, а не холопы и закупы, потому что ни тѣ, ни другіе не имѣли личной свободы—необходимаго условія для совершенія ряда или договора. Къ особымъ видамъ рядовичей слѣдуетъ отнести: 1) варяговъ и колбяговъ, т. е. военныхъ наемниковъ; 2) ратайныхъ тіуновъ, т. е. сотскихъ въ войскахъ; 3) сельскихъ тіуновъ княжихъ; 4) посадничихъ или вирничихъ мечниковъ, и 5) тіуновъ боярскихъ.

Въ Русской Правдѣ, въ числѣ словъ, до сихъ поръ окончательно необъясненныхъ, встрѣчается и слово изгой. Въ недавнее время найдены въ отечественныхъ памятникахъ указанія къ объясненію названія изгой. Въ уставѣ великаго князя Всеволода Гавріила о судахъ церковныхъ въ Новгородѣ и Псковѣ сказано: „изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ... то люди церьковныи, богадѣльнии“.

Для составленія точнаго понятія объ изгоѣ, обратимся сначала къ филологическому разбору этого слова. Глаголъ *гоить*, составляющій корень слова изгой, по объясненію г. Буслаева, имѣетъ смыслъ *жить*. Малороссіяне и теперь говорятъ: рана загоилась, т. е. зажила. Но въ старину слово жить значило имѣть матеріальныя средства для поддержанія жизни. На это указываютъ не только производныя слова: прожитокъ, зажиточный, нажить, прожить, но и самое существительное жизнь, которое въ нашихъ лѣтописяхъ именно принимается въ смыслѣ средствъ къ жизни. Такимъ образомъ, если понятія, выражаемыя словами *гоить* и *жить*, въ старину непосредственно связывались съ представленіемъ о матеріальныхъ средствахъ къ жизни, то, само собою разумѣется, подъ словомъ *изгой* разумѣли лишеннаго этихъ средствъ. Выводы наши подкрѣпляются тѣмъ, что въ уставѣ князя Всеволода, какъ мы видѣли выше, изгои названы людьми церковными, богадѣльными. Такое названіе становится совершенно естественнымъ, если подъ изгоями разумѣть нуждавшихся и нищенствовавшихъ, искони состоявшихъ подъ особымъ покровительствомъ церкви.

Итакъ, подъ изгоями разумѣли вообще тѣхъ, коихъ прежнее состояніе измѣнилось вслѣдствіе лишенія средствъ къ жизни. Поэтому въ уставѣ Всеволода между изгоями поименованы, кромѣ холопа, выкупившагося изъ холопства, оставшагося безъ средствъ, еще купцы одолжавшіе, т. е. банкроты, и поповы сыновья, грамотѣ неумѣющіе. Всѣ они, само собою разумѣется, только въ такомъ случаѣ считались изгоями, когда не обладали капиталомъ и, не имѣя возможности снискивать себѣ пропитаніе занятіями, свойственными своему сословію, впадали въ нищету, потому что при деньгахъ всѣ они могли сдѣлаться, напр., купцами. Такимъ-то бѣднымъ людямъ, или изгоямъ, оставалось: снискивать себѣ пропитаніе испрошеніемъ подаянія и быть людьми церковными, богадѣльными, или, что, безъ сомнѣнія, случалось чаще, пользоваться какъ средствомъ къ жизни возможностью поселенія по вызову на пустопорожнихъ владѣльческихъ земляхъ, такъ какъ владѣльцамъ именно иногда давалась поземельная собственность съ изгои, т. е. съ правомъ поселенія на ней такихъ людей. Впослѣдствіи образовался цѣлый классъ народа, переходившій по произволу съ одной частной земли на другую, и тогда въ противоположность ему могли разумѣть подъ смер-

дами преимущественно людей, поселенныхъ на княжескихъ земляхъ. Изъ означенныхъ-то поселенцевъ въ частныхъ владѣніяхъ, или изгоевъ, по уничтоженіи права перехода, и образовались помѣщичьи крестьяне. Если же въ уставѣ Всеволода сказано: „А се четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ", то здѣсь не разумѣется какой-либо особый родъ изгоевъ, а употреблено слово изгойство, какъ производное отъ названія изгой, въ смыслѣ вообще несчастія, лишенія, т. е. не въ прямомъ, а въ переносномъ значеніи, въ видѣ простого уподобленія. Но повторяемъ, что изложенное нами понятіе объ изгояхъ возникло позднѣе времени Правды.

Окончивъ изслѣдованіе о сословіяхъ, сдѣлаемъ общій имъ обзоръ, но для полноты включимъ въ него и духовенство, о которомъ хотя и не говорится въ Правдѣ, но въ существованіи котораго, какъ сословія, нѣтъ никакого сомнѣнія. Изъ всего нами сказаннаго видно, что въ древней Руси было четыре сословія: 1) княжи мужи, т. е. служилые люди: они состояли изъ бояръ и огнищанъ; 2) духовенство, раздѣлявшееся на черное и бѣлое; 3) людины свободные, т. е. смерды и простые варяги и колбяги. Смерды могли быть земледѣльцами, купцами, ремесленниками, рядовичами; варяги же и колбяги несли только военную службу. Гридины, варяги и колбяги были простые ратники. Слова: гридинъ и варягъ тождественны и равно означаютъ норманскихъ воиновъ, служившихъ у князей по найму; подъ словомъ же колбягъ (отъ турецкаго слова кулъ-бегъ, военнослужащій) разумѣли тоже военнаго наемника, но изъ половцевъ или, можетъ быть, изъ другихъ племенъ турецкаго происхожденія, кочевавшихъ на югѣ Россіи. Что подъ варягами слѣдуетъ понимать норманскихъ воиновъ, въ этомъ всѣ согласны; а такъ какъ въ Правдѣ на ряду съ варягомъ стоитъ всегда колбягъ, то, безъ сомнѣнія, и послѣдняго также должно считать воиномъ. Притомъ не иначе, какъ принявши варяговъ и колбяговъ за воиновъ, можно объяснить себѣ удовлетворительно преимущество, которое было имъ предоставлено въ Правдѣ. Безъ сомнѣнія, варягамъ и колбягамъ, какъ воинамъ наемникамъ, съ цѣлью отклоненія съ ихъ стороны повода къ неудовольствіямъ и жалобамъ, предоставлено было больше средствъ оправдывать себя отъ обвиненій въ убійствѣ; 4) людины несвободные, т. е. закупы и холопы.

XXXV. ДРУЖИНА И ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КНЯЗЮ И КЪ ЗЕМЩИНѢ ДО НАЧАЛА УДѢЛОВЪ.

(Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства", Бѣляева).

Дружина. Первою составною частью русскаго общества, съ призванія варяжскихъ князей, была дружина, какъ орудіе княжеской власти. До призванія Рюрика ни у одного изъ славянскихъ племенъ не было и помина о дружинѣ. Стало-быть, дружина—элементъ новый, выросшій не на славянской почвѣ; она пришла на Русь вмѣстѣ съ скандинавскими князьями, а поэтому и устройство ея было скандинавское. Стрингольмъ, скандинавскій ученый позднѣйшаго времени, такъ описываетъ сканди-

навскую дружину: „Конунги содержали при себѣ собственный отрядъ бойцовъ и воиновъ, готовыхъ во всякое время къ исполненію военныхъ порученій. Они принадлежали къ дворцу конунга и составляли его домашнее войско. Обязанностью дружинниковъ было защищать владѣнія конунга, сопровождать его въ походахъ, пріобрѣтать добычу торговлею и войною, собирать дань съ подчиненныхъ племенъ, править посольства отъ имени конунга въ чужія земли и исполнять другія порученія. Одни изъ дружинниковъ жили при дворѣ конунга и назывались *Hirdmänner* (по нашему—гриди); они отъ конунга получали все содержаніе, ѣздили съ нимъ по селамъ для суда и расправы, изъ нихъ конунгъ выбиралъ надежнѣйшихъ мужей для управленія областями и начальствованія надъ другими дружинниками, не жившими при дворѣ; послѣдніе назывались *младшими*, а первые *старшими*". Почти то же устройство встрѣчаемъ мы и у нашихъ князей, впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями, согласно съ тѣмъ условіемъ, что у насъ князья владѣли въ чужеплеменной землѣ, гдѣ они поселились или по приглашенію, или по соглашенію съ туземцами. Этого важнаго условія не было въ Скандинавіи. Конунги тамъ были свои и дружина была для своихъ; здѣсь же напротивъ—и князь чужеземный и дружина пришлая, стало-быть, и отношенія должны измѣниться.

Отношеніе дружины къ земщинѣ. По словамъ Нестора, Рюрикъ призелъ со своими братьями въ Новгородскую землю все племя Русь, которое, по самому отношенію своему къ соплеменнымъ князьямъ, естественно составило княжескую дружину. Новгородцы уступили приглашеннымъ извѣстныя области, гдѣ они и утвердились; но какъ князья, естественно, не могли жить во всѣхъ имъ уступленныхъ городахъ, особенно по смерти Рюриковыхъ братьевъ, то нѣкоторые отдѣльные отряды дружины подъ начальствомъ вождей, назначаемыхъ княземъ, заняли нерезидентные города. Такъ въ лѣтописи читаемъ: „*И прія власть Рюрикъ и раздая мужамъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро, и по тѣмъ городамъ суть находници Варязи*" (Лавр. сп., стр. 9). Кромѣ того, дружинники, пользуясь свободой не служить при князѣ, могли или воротиться въ Скандинавію, или идти туда, какъ угодно; такъ и сдѣлали Аскольдъ и Диръ съ своими товарищами. Они отпросились у Рюрика въ Константинополь, но, не дошедши до него, утвердились въ Кіевѣ, какъ независимые владѣльцы. Занятіе городовъ варягами, казалось, должно было колонизировать ихъ, подчинить ихъ варягамъ, или слить пришлый варяго-русскій элементъ съ туземнымъ, но этого не случилось. Съ одной стороны этому воспрепятствовалъ чисто скандинавскій характеръ дружинниковъ, искавшихъ войны и добычи; варяги постоянно были въ походахъ, а оставшіеся въ городахъ были слишкомъ малочисленны для развитія варяжскаго элемента. Съ другой стороны, устройство земщины было слишкомъ прочно для того, чтобы поддаться вліянію варяжскаго элемента. Притомъ, варяги и славяне стояли на одной степени развитія, а извѣстно, что одна нація можетъ подчиниться вліянію другой только тогда, когда эта послѣдняя обладаетъ высшей цивилизаціей. Но всего болѣе сліянію двухъ племенъ препятствовало то обстоятельство, что дружинники не имѣли поземельной собственности; земля принадлежала земщинѣ и если давалась, то князю, а не дружинѣ. Такимъ образомъ, еще при Рюрикѣ дружина была слаба, какъ физически,

такъ и нравственно по своей цивилизаціи. По смерти Рюрика, занятіе Олегомъ Кіева, усиливши значительно власть князя, не только не измѣнило значенія дружины, но даже еще болѣе представило препятствій къ соединенію ея съ земщиной. Олегъ, ослабивши дружину на сѣверѣ ради похода на югъ, долженъ былъ постоянно ослаблять ее съ занятіемъ каждаго новаго города, ибо для поддержанія своей власти всегда принужденъ былъ оставлять отряды дружинниковъ. Это необходимо вело къ тому, что, вѣроятно, еще при Олегѣ княжая дружина еще не состояла изъ одной Руси, приведенной Рюрикомъ, но постоянно пополнялась вольными пришельцами изъ Скандинавіи и разныхъ славянскихъ и другихъ племенъ. Для князя было все равно, кто бы ни служилъ ему, для него даже выгоднѣе была разноплеменность дружинниковъ, потому что она болѣе привязывала ихъ къ князю и его службѣ. Разноплеменность дѣлала дружинниковъ слугами князя; она не дозволяла имъ ни соединиться съ общиною, ни жить самостоятельно, безъ службы князю. Потерявъ свою цѣльность и одноплеменность, дружина, естественно, не могла оказывать сильнаго вліянія на земщину; но кромѣ разноплеменности, дружина много потеряла тѣмъ, что не имѣла земли и не заботилась объ этомъ. Военные походы, обогащая дружинниковъ добычею, отбивали у нихъ всякую охоту къ мирнымъ занятіямъ земледѣліемъ и другими промыслами, кромѣ торговли, которая и въ Скандинавіи, и у насъ на Руси уважалась дружинниками въ одинаковой степени съ военнымъ ремесломъ. Все это дѣлало дружинниковъ безпечными въ отношеніи къ пріобрѣтенію поземельной собственности; они беззаботно жили на княжихъ земляхъ, какъ княжіе слуги, и получали отъ него содержаніе; къ тому же свобода дружинника переходить отъ одного князя къ другому дѣлала его характеръ подвижнымъ и еще болѣе отдѣляла отъ земщины. Дружинники по отношенію къ послѣдней являются только или правителями областей, или судьями и сборщиками разныхъ податей и оброковъ. Другихъ отношеній, правъ и привилегій они въ общинѣ не имѣли. Они не были завоевателями, а потому у общинниковъ осталось ихъ старое внутреннее устройство; общинники имѣли свое начальство—старостъ, сотскихъ, десятскихъ, тысяцкихъ, даже въ судѣ и управленіи дружинники иначе не могли дѣйствовать, какъ черезъ посредство и при помощи земцевъ.

Слабая связь дружины съ земщиною лучше всего выразилась по смерти Олега. Пока онъ былъ живъ и обогащалъ дружину воинскими походами, дружинники скоплялись къ нему со всѣхъ сторонъ и жили въ русской землѣ. Но въ первый годъ княженія Игоря, не ознаменовавшаго себя воинскими предпріятіями и, можетъ быть, скупого, большая часть дружинниковъ оставила князя и въ качествѣ новольниковъ, въ числѣ 50000 на 500 лодкахъ, поплыла Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, Азовскимъ и Дономъ въ Хозарскую землю, а оттуда Волгою спустилась въ Каспійское море и, какъ свидѣтельствуетъ тогдашній арабскій историкъ Массуди, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ опустошала тамъ всѣ приморскія страны до Адербайджана и на возвратномъ пути погибла, разбитая хозарами, послѣ трехдневнаго боя. Объ этомъ походѣ дружинниковъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій, потому что онъ былъ не по княжескому приказанію, а собственно по волѣ дружинниковъ. Въ другой разъ дружинники сдѣлали то же въ 944 году;

когда опи шли съ Игоремъ на Царьградъ, то на Дунаѣ имъ встрѣтилось посольство и предложило дань, съ тѣмъ, чтобы они ушли назадъ. Игорь, по обыкновенію, созвалъ дружину и сообщилъ ей предложеніе императора. Старшая дружина согласилась принять это предложеніе и, такимъ образомъ, походъ не состоялся; младшая же дружина пе была этимъ довольна и, оставивши князя и старшую дружину, ушла старымъ путемъ по морямъ Черному и Азовскому и рѣкамъ Дону и Волгѣ и опять явилась на Каспійскомъ морѣ. По свидѣтельству арабскихъ писателей — Якути, Абульфеды и др., руссы изъ Каспійскаго моря рѣкою Курою проникли до Берды, столицы Аррана, нынѣшняго Карабага, заняли этотъ городъ и, оставшись тамъ жить, дѣлали набѣги до Тебриза; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой многіе изъ пихъ погибли, остальныхъ же мусульмане успѣли вытѣснить. Въ оба набѣга на прикаспійскія земли дружинники ясно показали, что кромѣ службы князю ихъ ничто не удерживало на Руси. Новое доказательство непривязанности дружинниковъ къ Русской землѣ мы встрѣчаемъ при Святославѣ, который со своею дружиною вовсе не хотѣлъ было оставить Приднѣпровье, и думалъ-было утвердиться въ Болгаріи на Дунаѣ. Все это показываетъ, что у дружинниковъ Игоревыхъ и Святославовыхъ не было поземельной собственности въ Приднѣпровьѣ, что они, какъ и дружинники Рюрика и Олега, жили на княжихъ земляхъ, получали содержаніе отъ князя и все обезпеченіе свое полагали въ княжескомъ жалованіи и военныхъ добычахъ. Тотъ же характеръ имѣла и дружина Владиміра, и только подъ конецъ его княженія стала въ другія отношенія къ земщинѣ. Разсмотрѣвши отношенія дружинниковъ къ землѣ и земщинѣ, обратимся къ отношеніямъ ихъ къ князю.

Отношеніе дружины къ князю. По отношенію къ князю дружинники были не только воинами и слугами князя, но и совѣтниками его. Такъ въ 946 году Игорь совѣтовался со своею дружиною—продолжать ли ему походъ на грековъ, или, взявъ съ нихъ дань, предложенную императоромъ, заключить миръ. Дружина предпочла дань, „*и послуша ихъ* (т. е. дружинниковъ) *Игорь*“ — говоритъ лѣтописецъ — „*и повелѣ печенѣгомъ воевати Болгарскую землю; а самъ веземъ у Грековъ злато и паволоки и на вся вои и възратися вьспять, и пріиде къ Кіеву въ свояси*“. По требованію дружины, ходилъ Игорь и на древлянъ, гдѣ и погибъ. То же значеніе совѣтниковъ имѣли дружинники при Святославѣ и Ярополкѣ. Когда Цимисхій прислалъ Святославу дары, прося мира, то Святославъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ дружиной. Сынъ Святослава, Ярополкъ, по совѣту дружинника Свѣнѣльда, напалъ на своего брата Олега, князя древлянскаго. Какъ дорожилъ князь мнѣніемъ о себѣ дружинниковъ, видно изъ того, что Святославъ, не смотря на просьбы матери своей Ольги принять христіанство, оставался язычникомъ только изъ опасенія, что принятіе имъ чужой вѣры не понравится дружинникамъ. Участіе дружинниковъ въ дѣлахъ князя засвидѣтельствовано оффиціальными актами. Такъ, въ договорѣ Игоря, гдѣ послы называютъ себя: „*мы... посланіи отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій русскія земли*“. Здѣсь между посольскими именами даже отдѣльно обозначены послы отъ Игоря, отъ его жены, отъ сына и отъ знаменитѣйшихъ дружинниковъ, напримѣръ Прасьтѣнъ

отъ Турда, Либіаръ отъ Фаста, Сфаньдръ отъ жены Улѣба, и др. Даже Святославовъ договоръ съ Цимисхіемъ былъ заключенъ отъ имени Святославова и старшаго дружинника его Свѣнѣльда. Все это показываетъ, что участіе дружинниковъ въ управленіи и въ совѣтѣ княжескомъ было оффиціальное и составляло одно изъ важнѣйшихъ правъ дружины, такъ что объ немъ необходимо было упоминать въ договорахъ съ иностранными государями, и имя одного князя было какъ бы недостаточно для обезпеченія договора.

Кромѣ участія въ совѣтѣ княжескомъ, старшіе дружинники были предводителями войскъ, *воеводами*, которымъ князья иногда поручали вести войны съ сосѣдями и пользоваться выгодами отъ сихъ войнъ. Такъ, Свѣнѣльдъ былъ воеводою при Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Ярополкѣ; ему дано было порученіе вести войну съ уличами и тиверцами съ тѣмъ, чтобы онъ набралъ себѣ дружину и содержалъ ее на доходы отъ этой войны. При Владимірѣ былъ воеводою одинъ дружинникъ, по прозванію Волчій-Хвостъ, который покорилъ ему родимичей. Самое воспитаніе малолѣтнихъ князей поручалось дружинникамъ, которые поэтому назывались *кормильцами*. Такъ у Святослава воспитателемъ былъ Асмульдъ, у Владиміра—Добрыня. Это обычай чисто-скандинавскій; тамъ дружинники также были и воеводами, и кормильцами конунговъ.

Кромѣ военной службы и участія въ совѣтахъ и управленіи, дружинники вели отъ имени князя *торговлю* княжими товарами въ чужихъ земляхъ и *отправляли посольства*. Въ договорѣ Олега съ греками упоминается, напр., о послахъ и гостяхъ русскаго князя, пріѣзжавшихъ въ Константинополь, и въ числѣ условій договора говорится, чтобы греки выдавали посламъ посольское содержаніе, а гостямъ — гостинное; а въ договорѣ Игоря греки говорятъ: „*А великій князь русскій и боярѣ его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотятъ, съ послы и съ гостьми, яко же имъ установлено есть*“. Этотъ обычай былъ также чисто-скандинавскій, гдѣ къ числу королевскихъ службъ, которыя несли дружинники, принадлежала и торговля товарами конунга, и отправленіе посольствъ въ чужіе края. Торговля составляла важнѣйшую часть доходовъ князя и была тѣмъ болѣе необходима для него, что большая часть дани, получаемой имъ, состояла изъ произведеній земли. Торговля, по своей важности, приравнивалась къ войнѣ. Указаніе на это находится въ былинахъ, гдѣ говорится, что лучшіе дружинники посылаются торговать. Дружинникамъ же поручалось *устройство колоній и городовъ*, надзоръ за княжескими имѣніями, *судъ и расправа*, однимъ словомъ, они исполняли всѣ порученія князя. Однако, такъ какъ каждый дружинникъ служилъ по доброй волѣ, то ему нельзя было давать порученій, для него унизительныхъ; иначе обиженный могъ всегда оставить князя и увести съ собою цѣлую толпу своихъ воиновъ. Примѣръ этого мы видимъ въ Аскольдѣ и Дирѣ. Они отпросились у Рюрика въ Царьградъ и увели съ собою цѣлую толпу воиновъ, съ которыми и заняли Кіевъ, встрѣтившійся имъ на дорогѣ.

Устройство дружины. Пріемъ въ дружинники сопровождался нѣкоторыми обрядами. Дружинникъ, желавшій поступить на службу къ князю, являлся къ княжескому воеводѣ, который приводилъ его къ князю и дружинѣ. Князь и дружина спрашивали его, какого онъ происхожденія и какіе совершилъ подвиги, дабы по происхожденію и подвигамъ

назначить ему достойную степень въ службѣ и жалованье. Въ былинѣ объ этомъ говорится такъ: *„Ты скажи, молодецъ, кто твой родъ и племенъ? по роду тебѣ мѣсто дати, по племени жаловати“*. Объявляя о своихъ подвигахъ, дружинникъ долженъ былъ подтвердить ихъ доказательствомъ своей силы. Такъ, при поступленіи Добрыни Никитича кіевскій воевода сказалъ: *„А провѣдать всѣмъ богатырямъ силу съ Добрынею Никитичемъ“*.

Дружинники имѣли предводителя, который назывался воеводою. Воеводы были двухъ родовъ: одни назначались княземъ и предводительствовали дружиной, другіе же имѣли свои собственные полки. Изъ княжескихъ воеводъ намъ извѣстны—Свѣнѣльдъ при Игорѣ и Святославѣ, Блудъ при Ярополкѣ, Волчій-Хвостъ при Владимірѣ. Кромѣ главнаго предводителя, были еще воеводы частные, которымъ подчинялись извѣстные отряды дружинниковъ; таковыми были при Рюрикѣ Аскольдъ и Диръ. Отряды частныхъ воеводъ были въ полной зависимости отъ послѣднихъ и получали отъ нихъ содержаніе. Свѣнѣльдъ самъ содержалъ свою дружину, которая считалась богаче Игоревой. Между дружинниками были и скандинавскіе конунги, которымъ русскіе князья поручали управленіе городами и областями. Такъ, скандинавскія саги говорятъ, что конунги Сигуръ и Олавъ Тригвесонъ, находясь на службѣ у Владиміра, управляли отъ его имени нѣсколькими городами. По нашимъ лѣтописямъ конунгъ Туръ княжилъ въ Туровѣ, Рогвольдъ въ Полоцкѣ; скандинавскіе конунги жили въ городахъ съ своими дружинниками,—такъ, Рогвольдъ воевалъ даже съ Владиміромъ.

Лучшіе изъ дружинниковъ, довѣреннѣйшіе и ближайшіе къ князю, назывались боярами. Они, кажется, преимущественно участвовали въ совѣтѣ и управленіи. Названіе *„мужъ“* не обозначало особаго класса дружинниковъ, а принадлежало одинаково и князьямъ, и боярамъ и вообще этимъ именемъ означалась старшая дружина, ближайшая къ князю, въ отличіе отъ младшей дружины, носившей названіе *отроковъ*, *дѣтскихъ*. Эти послѣдніе исправляли разныя низшія должности, какъ при князѣ, такъ и при старыхъ дружинникахъ. Отроки, жившіе при самомъ дворѣ, назывались *гридями*; по сходству слова *„гридь“*, *гридень* съ скандинавскимъ Hirdmänner, которое означало воина, живущаго при дворѣ конунга, можно заключить, что гриди были тѣлохранителями князя. Отъ гридей произошло названіе компатъ гридницъ, куда собирались гриди для принятія княжескихъ приказаній. Въ этихъ же комнатахъ князь пировалъ съ своею дружиною. Вѣроятно, старшая дружина и младшая, по отношенію къ своему внутреннему устройству, имѣли и другія подраздѣленія съ особыми наименованіями, смотря по должностямъ. Такъ, въ лѣтописи упоминается о старшемъ конюхѣ Олега, о сторожевомъ воеводѣ при Святославѣ,—такимъ воеводою былъ Претичъ. Въ исландскихъ сагахъ и нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчаются названія стольниковъ, чашниковъ, приворотниковъ и постельниковъ. Про Добрыню Никитича говорится, что онъ три года стольничалъ, три года чашничалъ, три года приворотничалъ. Здѣсь заключается нѣкотораго рода постепенность должностей, но въ какомъ отношеніи находились эти должности, которая изъ нихъ считалась высшею и низшею—этого мы не можемъ опредѣлить за неимѣніемъ опредѣленныхъ лѣтописныхъ и оффиціальныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ.

Составъ дружины. Первоначально составъ дружины, пришедшей съ Рюрикомъ, былъ варяжскій; но Олегъ, удаляясь изъ Новгорода, принялъ въ свою дружину охотниковъ изъ новгородцевъ, кривичей и финновъ, а Игорь, Святославъ и Владиміръ принимали въ дружину уже, безъ различія, всякаго, кто желалъ поступить въ нее. Такимъ образомъ, составъ дружины при этихъ князьяхъ былъ самый разнообразный: тутъ были варяги, финны, славяне, печенѣги, ятвяги и др. Но, не смотря на это, преобладающій элементъ дружины все еще былъ варяжскій, потому что отъ времени до времени изъ Скандинавіи приходили толпы варяговъ и поступали въ дружину русскихъ князей. Впрочемъ, эти пришельцы рѣдко оставались на жительство въ русской землѣ; они обыкновенно, сдѣлавши нѣсколько походовъ съ княземъ и обогатившись добычею, уходили обратно въ Скандинавію. Постоянный же элементъ, ядро дружины, составляли варяги русь, для которыхъ Русская земля сдѣлалась отечествомъ: у нихъ уже не было другой родины, куда бы они уходили доживать свои дни. Но и этотъ элементъ дружины былъ непроченъ. По своему національному характеру варяги не были усидчивы, не были привязаны къ Русской землѣ и всегда были готовы одни, или вмѣстѣ съ княземъ, оставить ее, какъ это и случилось при Игорѣ. Сынъ Игоря, Святославъ, хотѣлъ даже самъ со своею дружиною переселиться въ Дунайскую Болгарію.

XXXVI. О СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО „РУССКОЙ ПРАВДѢ“.

(*Изъ соч. Ланге „Изслѣдованіе о Русской Правдѣ“*).

Русская Правда по преимуществу содержитъ въ себѣ законы уголовные. Въ Правдѣ, однакожъ, нѣтъ общихъ постановленій о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ, но въ частности иногда при томъ или другомъ преступленіи излагаются и способы, которыми доказывается или опровергается обвиненіе. Чтобы получить цѣльное представленіе о содержаніи и характерѣ нашего перваго уголовнаго кодекса, какимъ является Русская Правда, изложимъ здѣсь судопроизводство Правды въ общихъ выводахъ.

I. Каждое уголовное дѣло могло начинаться тремя способами: 1) поимкою съ поличнымъ; 2) отысканіемъ или указаніемъ слѣдовъ преступленія и 3) поклепомъ. Въ первомъ и во второмъ случаяхъ отысканіе трупа убитаго человѣка, опознаніе украденнаго или потеряннаго имущества, усмотрѣніе слѣдовъ татьбы, предъявленіе избитаго лица, ранъ или увѣчій—считались доказательствами того, что преступленіе, дѣйствительно, совершено, и потому всѣ эти данныя представляли твердое основаніе къ начатію истцами изслѣдованія, при которомъ отвѣтчикъ могъ обнаружить свою невинность. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ поклепѣ, имѣвшемъ мѣсто только тогда, если истецъ, для подтвержденія справедливости своего иска, не могъ представить ни поличнаго, ни слѣдовъ преступленія, требовалось, чтобы обвинитель, для удостовѣренія въ справедливости своего поклепа, представилъ противъ обвиняемаго или свидѣтелей и очевидцевъ, или предъявилъ основательное на него подозрѣніе, подкрѣпленное рѣчами стороннихъ людей. Безъ этихъ условій тяжа по клепу не могла начаться. Всѣ эти выводы какъ-будто указываютъ на то, что у насъ во времена Правды всякая тяжа начиналась не иначе, какъ только по желанію самого истца. Такое заключеніе едва-ли будетъ согласно съ истиной. Тяжи доставляли князьямъ доходы, именно виры и продажи, а судьямъ—судныя пошлины; слѣдовательно, нельзя думать, чтобы производство суда даже надъ извѣстными правительству преступниками не начиналось, если ни отъ

кого не было предъявлено иска. Впрочемъ, нельзя отвергать, что, вѣроятно, большая часть дѣлъ во времена Правды (какъ и въ наше время) начиналась по жалобамъ истцовъ, потому что такія жалобы составляютъ самый скорый и во многихъ случаяхъ единственный путь къ обнаруженію передъ правительствомъ преступленія.

II. Самое производство изслѣдованія по тѣмъ или другимъ тяжамъ было дѣлаемо самимъ истцомъ и заключалось: 1) въ опросѣ обвиняемаго; 2) въ слѣдованіи по слѣдамъ, проложеннымъ преступникомъ; 3) въ очныхъ ставкахъ или сводѣ; 4) въ опросѣ свидѣтелей; 5) въ испытаніи желѣзомъ и водой и 6) въ приводѣ къ ротѣ (присягѣ) отвѣтчика.

Если истецъ, по окончаніи изслѣдованія, не находилъ отвѣтчика виновнымъ, то, безъ сомнѣнія, не имѣлъ надобности прибѣгать къ суду; но если слѣдствіе обнаруживало преступленіе отвѣтчика, то истецъ могъ стать съ нимъ передъ судьею для производства суда. Судъ заключался въ повѣркѣ произведеннаго истцомъ изслѣдованія и въ произнесеніи приговора. Повѣрка изслѣдованія заключалась въ допросѣ истца, отвѣтчика, свидѣтелей, въ разспросѣ о результатахъ произведенныхъ испытаній желѣзомъ и водою и выполненіи роты. Если дѣло не требовало какихъ-либо предварительныхъ изслѣдованій, то истецъ и отвѣтчикъ могли прямо явиться на судъ и привести видоковъ, или же, гдѣ это дозволялось, истецъ могъ на судѣ выполнить присягу въ подтвержденіе своего иска. Такой непосредственной явкой къ суду могли начинаться дѣла о побояхъ. Въ этомъ-то смыслѣ и сказано въ Правдѣ: „Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ“, т. е. на дворъ посадничій или княжій. Когда дѣло начиналъ самъ посадникъ или какой-либо княжъ мужъ, то онъ самъ производилъ изслѣдованіе, онъ же произносилъ и приговоръ.

Собственное сознаніе въ преступленіи считалось доказательствомъ вины, потому что другіе роды доказательствъ употреблялись только въ случаѣ запирательства. Слѣдованіе по слѣдамъ, оставленнымъ преступникомъ, производилось истцомъ не иначе, какъ съ понятыми. Неотведеніе слѣдовъ преступленія считалось на судѣ полнымъ обнаруженіемъ вины.

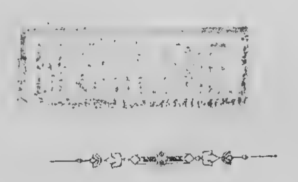
Очныя ставки или сводъ принимались какъ средство къ раскрытію истины, но сами по себѣ, независимо отъ поличнаго, при которомъ онѣ только и имѣли мѣсто, не составляли доказательства къ обвиненію, а только къ оправданію и то въ томъ случаѣ, если лицо, на которое ссылались, подтверждало ссылку отвѣтчика. Относительно свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ замѣтить, что на нихъ могъ опираться, какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ. Послухами, о чемъ бы они ни свидѣтельствовали, не могли быть холопы. Какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ могли выводить послуховъ двухъ родовъ. Отвѣтчику дозволялось выставлять въ свою защиту или послуховъ-видоковъ (очевидцевъ), или послуховъ доброй славы; истецъ для обвиненія отвѣтчика могъ представить или послуховъ-видоковъ, или послуховъ запы, т. е. навлекавшихъ своими рѣчами на обвиняемаго одно только подозрѣніе. По показаніямъ видоковъ или послуховъ доброй славы дѣло оканчивалось; но показаніямъ же послуховъ запы не могъ отвѣтчикъ подвергнуться обвиненію, но его можно было имать на желѣзо, на воду или заставить выполнить роту.

Въ послухи запы допускались и холопы, съ тою только, конечно, разницею, что хотя бы они и положительно кого обвиняли въ томъ или другомъ преступленіи, какъ видоки, отвѣтчикъ по ихъ рѣчи не присуждался прямо къ наказанію, а истецъ могъ его подвергнуть испытанію желѣзомъ, водою или требовать выполненія роты.

Изученіе Русской Правды совершенно убѣждаетъ въ томъ, что испытаніе желѣзомъ и водою не было простою пыткою, и что въ этихъ случаяхъ обвиненіе или оправданіе кого-либо въ преступленіи вовсе не зависѣло отъ сознанія или запирательства подсудимаго, а основывалось на другомъ началѣ. Обвинялся въ преступленіи тотъ, кто при испытаніи горячею водою или раскаленнымъ желѣзомъ обжигался, а оправдывался тотъ, кто при тѣхъ же условіяхъ, по какому-то чуду, не получалъ обжога. Итакъ, Правда испытаніе желѣзомъ и водою допускала не иначе, какъ въ смыслѣ суда Божія. Если принять во вниманіе, что такому суду подвергали только тѣхъ, на кого падало основательное подозрѣніе въ совершеніи преступленія, и коихъ поведеніе не было одобрено, тогда не будетъ удивительно, что на обжогъ при испытаніи желѣзомъ и водою смотрѣли, какъ на внѣшнее подтвержденіе виновности, въ которой внутренно были уже убѣждены. Имѣя въ виду

притомъ всю осмотрительность, съ какою допускали во времена Правды испытаніе желѣзомъ и водою, становится понятною и та вѣра, что правосудіе Божье непремѣнно придетъ на помощь немощи человѣческой и, измѣнивъ законы природы, обнаружитъ лицо невинное, еслибы, по умышленной ошибкѣ, свойственной людямъ, оно было подвергнуто испытанію.

Всякое испытаніе желѣзомъ или водою производилось не иначе, какъ по княжескому слову. Подвергнувшій кого-либо испытанію желѣзомъ или водою произвольно, безъ княжескаго слова, долженъ былъ заплатить продажу князю и обиженному гривну кунъ *) за муку, какой бы ни былъ результатъ испытанія. Позволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ давалось только тогда: 1) если не было поличнаго; 2) если было совершено убійство или цѣна тяжи была не менѣе полугривны золота и 3) если истецъ взводилъ на кого-либо подозрѣніе по рѣчамъ постороннихъ людей, а обвиняемый не могъ въ свое оправданіе представить послуховъ доброй славы. Тѣ же самыя условія соблюдались и при дачѣ разрѣшенія на испытаніе кого-либо водою, съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ требовалось, чтобы тяжа была менѣе полугривны золота, но не менѣе двухъ гривенъ кунъ. Давая истцу позволеніе на испытаніе кого-либо желѣзомъ или водою, князь или посадникъ взыскивали съ истца пошлину. Къ ротѣ всегда почти допускался только отвѣтчикъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, въ которыхъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, дозволялось присягать истцу. Истцу дозволялось присягать единственно тогда: 1) если онъ при запирательствѣ отвѣтчика въ полученіи кунъ въ рѣзъ (въ проценты), не имѣлъ въ свою пользу свидѣтелей, а самый искъ притомъ не превышалъ трехъ гривенъ кунъ, и 2) когда варягу или колбягу была нанесена личная обида. Итакъ, какія же Правда, вообще, принимала доказательства для обвиненія или оправданія въ преступленіи? Доказательства къ обвиненію были слѣдующія: 1) собственное сознаніе; 2) неотведеніе поличнаго сводомъ или показаніемъ послуховъ-видоковъ; 3) неотведеніе слѣдовъ преступленія; 4) полученіе обжога при испытаніи желѣзомъ и водою; 5) показаніе противъ отвѣтчика послуховъ-видоковъ, выставленныхъ истцомъ, и 6) присяга истца. Доказательствами къ оправданію были: 1) сводъ, которымъ подтверждалась ссылка отвѣтчика; 2) показаніе послуховъ-видоковъ; 3) отведеніе слѣдовъ преступленія; 4) показаніе послуховъ доброй славы; 5) неполученіе обжога при испытаніи водою или желѣзомъ и 6) подтвержденіе отвѣтчикомъ своей невинности присягою.



---

*) Гривна серебра равнялась $7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ, гривна золота—50 гривнамъ кунъ. Цѣнность гривны кунъ можно опредѣлять въ сумму отъ 1 р. до 1 р. 18 к.

Русь въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

XXXVII. РАЗЛИЧНЫЯ МНѢНІЯ ОБЪ УДѢЛЬНОМЪ ПЕРІОДѢ.

(Изъ соч. Бестужева-Рюмина „Русская Исторія“, т. 1).

Періодъ удѣльный обыкновенно и весьма основательно считается самымъ труднымъ для пониманія и объясненія: многочисленность разрозненныхъ центровъ исторической жизни, множество лицъ, постоянно борющихся между собою изъ-за причинъ, не совсѣмъ ясныхъ для насъ, отдаленныхъ потомковъ, участіе населенія городовъ въ этихъ распряхъ—все это заставляетъ смотрѣть на время отъ Ярослава до нашествія татаръ, какъ на самый мрачный по событіямъ и темный для изслѣдованія періодъ. Ясно, слѣдовательно, что должно было появиться много попытокъ найти руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ переплетающихся отношеній. Два вопроса представляются изслѣдователю: 1) какъ образовалась удѣльная система? и 2) чѣмъ поддерживалось единство Русской земли?

На вопросъ о томъ, какъ образовалась удѣльная система, почему Русская земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ земель, даваемы были различные, непохожіе одинъ на другой отвѣты: историки прежняго времени, и даже *Карамзинъ*, полагали, что раздѣленіе Руси на удѣлы есть слѣдствіе личной слабости князей, ихъ любви къ дѣтямъ; *Полевой* видитъ въ надѣленіи князей удѣлами противодѣйствіе развивающемуся будто феодализму; *Надеждинъ*, находя совершенно основательно, что въ нашей удѣльной системѣ нѣтъ ничего общаго съ феодализмомъ, приходитъ къ тому выводу, что полное объясненіе факта раздѣленія Руси надо искать въ обычаяхъ славянскихъ народовъ; впослѣдствіи этотъ намекъ не остался безъ исполненія; *М. П. Погодинъ* видитъ причину образованія удѣловъ въ общемъ правѣ княжескаго рода владѣть землею, пріобрѣтенною трудами ихъ отцовъ и дѣдовъ; таково же мнѣніе *С. М. Соловьева*, хотя и опирающееся на другое основаніе—на родовой бытъ; то же думаетъ и большинство новыхъ изслѣдователей. Слѣдственно, принадлежала къ княжескому роду, каждый князь считалъ себя въ правѣ получить во владѣніе извѣстный участокъ территоріи съ соединеннымъ съ нимъ правомъ на судъ и дань. Примѣръ другихъ славянскихъ племенъ подтверждаетъ эту мысль: удѣльные князья являются у другихъ славянскихъ племенъ точно такъ же, какъ и на Руси. Противъ этого мнѣнія въ недавнее время послышались возраженія, изъ которыхъ самое вѣское принадлежитъ *В. В. Пассеку*, видящему главную причину образованія удѣловъ не столько въ княжескихъ отношеніяхъ, сколько въ стремленіи городскихъ общинъ къ самостоятельности. Прежде всего, по его мнѣнію, выдѣляются старыя общины и получаютъ своихъ отдѣльныхъ князей; затѣмъ нѣкоторые изъ пригородовъ, находившихся въ полной зависимости отъ старыхъ городовъ, становятся сильнѣе и стремятся тоже къ самостоятельности: этимъ В. В. Пассекъ объясняетъ борьбу Ростова и Суздаля, старыхъ пригородовъ, съ Владиміромъ. Къ этому мнѣнію отчасти склоняется и *Н. И. Костомаровъ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такой основной фактъ, какъ дробленіе государственной территоріи, не можетъ быть вызванъ только одною

причиною; въ этомъ едва-ли не всѣ согласны; но, выдѣляя одну причину, какъ главно-дѣйствующую, къ сожалѣнію, мало обращаютъ вниманія на остальныя, отчего многія явленія остаются необъяснимыми. Такъ и въ настоящемъ случаѣ княжескія стремленія совпадаютъ съ желаніемъ городовъ имѣть князя у себя, и едва ли можно сказать, чтобы одинъ изъ этихъ фактовъ былъ причиною другого. Они встрѣчаются, и взаимодѣйствіе ихъ образуетъ тотъ порядокъ вещей, который мы называемъ удѣльною системою.

Единство Русской земли въ періодъ удѣльный одними объясняется родовыми отношеніями между князьями, другими—господствомъ въ этотъ періодъ федеративнаго начала; наконецъ, существуетъ еще объясненіе всѣхъ отношеній этого періода договорами князей съ народами и князей между собою.

Главными представителями теоріи родовыхъ отношеній, въ настоящее время наиболѣе распространенной, являются *М. С. Соловьевъ* и *К. Д. Кавелинъ*, выходившіе изъ ученія знаменитаго Эверса, объяснявшаго всѣ явленія русской жизни въ періодъ варяжскій родовымъ бытомъ. По мнѣнію ученыхъ представителей этой теоріи, варяжскіе князья, призванные въ Россію, подчинялись общему строю жизни, приняли господствовавшія у славянъ родовыя понятія и положили ихъ въ основаніе своихъ взаимныхъ отношеній: такъ сложилось понятіе о родовомъ старѣйшинствѣ, опредѣляемомъ степенью близости къ родоначальнику, причемъ дяди первенствуютъ надъ племянниками, которые становятся старшими только послѣ всѣхъ дядей. У Ярослава шесть сыновей: Володиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. По смерти Ярослава старшимъ долженъ былъ быть Володиміръ, но онъ умеръ, а право представительства не допускается въ древней Руси, и сынъ его не можетъ быть старшимъ; слѣдовательно, старшинство переходитъ къ Изяславу и потомъ по порядку къ каждому изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, а послѣ нихъ къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ княземъ. При каждомъ возвышеніи одного изъ князей на кіевскій столъ, его собственный столъ переходитъ къ старшему по немъ. Слѣдственно, князья не осѣдаются на одномъ мѣстѣ, а постоянно движутся. Въ подкрѣпленіе этой мысли приводятся слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „Яко же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княжество Кіевское, еще и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти“. Волости князей, умершихъ, не достигнувъ старшинства, дѣлятся между оставшимися, а сыновья ихъ не получаютъ никакой доли и становятся *изгоями* (сыновья Ростислава Владиміровича, Игоря и Вячеслава Ярославичей); если же за ними и остается ихъ волость, то въ качествѣ совсѣмъ особаго владѣнія (Полоцкъ, позднѣе Галичъ). Первая борьба между князьями, по мнѣнію М. С. Соловьева, начата именно этими князьями-изгоями при Изяславѣ Ярославичѣ; оканчивается она при Святополкѣ—Михаилѣ на Любечскомъ съѣздѣ, когда всѣ князья получаютъ волости. Мономахъ грозно держитъ великокняжеское достоинство, также и сынъ его, Мстиславъ; но послѣ Мстислава снова начинаются усобицы: сначала черниговскіе князья добиваются возвратить право на старшинство, потерянное тѣмъ, что ихъ предокъ Святополкъ Ярославичъ не былъ законнымъ великимъ княземъ; ихъ стремленія поддерживаютъ сыновья Мстислава, чтобы не уступить дядѣ Юрію. Когда послѣ Всеволода Ольговича Изяславъ Мстиславичъ свергаетъ брата его Игоря, начинается усобица между нимъ и Юріемъ, который поддерживаетъ права дяди, а Изяславъ защищаетъ права племянника отъ старшаго брата, но долженъ, наконецъ, прикрыться именемъ другого дяди—Вячеслава. Родовыя отношенія сами собою не могли ослабнуть, по мнѣнію С. М. Соловьева, ибо когда родъ распадается на семьи, то въ каждой семьѣ начинаются тѣ же явленія, и потому на смѣну родовому началу должно было выступить иное—начало территоріальное. Происхожденіе этого начала, выступившаго со времени Андрея Боголюбскаго, С. М. Соловьевъ объясняетъ своею гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ: у старыхъ городовъ, имѣвшихъ свое самоуправленіе, были пригороды, которые отъ нихъ зависѣли: „на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ“. Отчего же это было такъ? Оттого, что пригороды были колоніями стараго города; слѣдственно, если пригородъ построенъ княземъ, то всѣ права стараго города переходятъ на князя. Оттого князь Суздальской земли, гдѣ, кромѣ старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля, всѣ остальные построены княземъ, является такъ силенъ; вслѣдствіе этого, возникаетъ борьба старыхъ городовъ съ новыми по смерти Андрея, и побѣда новыхъ городовъ есть побѣда князя. Эта особенность Суздальской земли породила новое начало въ русской исторіи

и повела къ созданію государства. Когда территоріальное могущество смѣнило родовые счеты, борьба пошла изъ-за него; въ этой борьбѣ побѣдили князья московскіе. Такъ представляетъ себѣ С. М. Соловьевъ ходъ древней русской исторіи, и поэтому мало значенія даетъ татарскому владычеству, все объясняя причинами внутренними. *К. Д. Кавелинъ*, соглашаясь во многомъ съ С. М. Соловьевымъ, иначе объясняетъ переходъ отъ родового быта въ государственный: онъ полагаетъ, что на ослабленіе родовыхъ связей имѣло вліяніе раздробленіе рода на вѣтви, при чемъ каждая вѣтвь усѣлась на мѣстѣ и явилось понятіе о вотчинѣ: затѣмъ интересы владѣльческіе, территоріальные, должны были одержать перевѣсъ надъ кровными; родъ княжескій превратился во множество отдѣльныхъ владѣльцевъ. И то, и другое объясненія равно односторонни, ибо самое понятіе отчины явилось гораздо ранѣе, чѣмъ они допускаютъ; что же касается старыхъ и новыхъ городовъ, то здѣсь еще многое остается доказать. Напримѣръ, хоть бы то, отчего старые города продолжаютъ считать Владиміръ своимъ пригородомъ, въ чемъ соглашается и лѣтописецъ, называя володимірцевъ: „Новіи люди мизиніи"; потомъ, отчего же новые города по Стугнѣ, Росѣ и т. д., и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ результатамъ? Впрочемъ, самъ С. М. Соловьевъ указываетъ на другую причину различія сѣверной (преимущественно суздальской) Руси съ южною въ различіи характера населенія; но и здѣсь причину различія находитъ только въ природныхъ условіяхъ, что нѣсколько односторонне. Вообще теорія эта, любопытная, какъ попытка осмыслить русскую исторію, во многомъ неудовлетворительна: 1) она ограничивается только княжескимъ родомъ, а онъ былъ далеко не единственнымъ дѣятелемъ исторіи, 2) она имѣетъ въ виду идеалъ, а въ дѣйствительности мы видимъ, что родовыя отношенія наблюдались очень мало: столы получались вслѣдствіе призванія, завѣщанія и т. д. Важно то, что она указала на княжескій идеалъ; но идеалъ еще далеко не дѣйствительность.

Другая теорія, теорія господства въ древней Руси федеративнаго начала, была высказана *Н. И. Костомаровымъ*. Теорія эта состоитъ въ томъ, что княжества (или системы княжествъ) соотвѣтствуютъ первоначальнымъ племенамъ, на которыя дѣлилась русская отрасль славянъ, и что удѣльный періодъ связалъ эти части въ одну федерацію. Теорія эта по частямъ высказывалась нерѣдко: такъ многіе говорили, что раздѣленіе Руси по княжествамъ соотвѣтствуетъ раздѣленію на племена; но точность соотвѣтствія границъ княжествъ съ границами племенъ опровергается тѣмъ замѣчаніемъ, что нерѣдко племя раздроблено между двумя княжествами. Самая мысль о федераціи впервые высказана кн. *М. М. Щербатовымъ*, сравнивавшимъ устройство древней Руси съ устройствомъ Священной Римской имперіи. Н. И. Костомаровъ ставитъ свою теорію нѣсколько иначе: онъ говоритъ, что въ періодъ удѣльный (удѣльно-вѣчевого уклада, какъ онъ выражается) „части начали проявлять свою самобытную жизнь одну за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, зато докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ". Такихъ большихъ народностей онъ насчитываетъ шесть: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) великорусская, 4) бѣлорусская, 5) псковская и 6) новгородская. При чемъ полагаетъ, что и до сихъ поръ онѣ сохранились. Вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ разныхъ мѣстностей до сихъ поръ еще не достаточно разъясненъ: нужны болѣе точныя наблюденія, нужны мѣстные словари; но и теперь уже несомнѣнно, что эти мѣстныя особенности не образуютъ не только особыхъ народностей, но даже и особыхъ племенъ, что разница между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіемъ менѣе сильна, чѣмъ между hoch deutsch и plat deutsch, между langue d'oc и langue d'oil и т. п. Эти *народности* соединились между собою федеративною связью. Въ чемъ же выражалась федерація? Во-1-хъ—въ единствѣ происхожденія и языка, во-2-хъ,—въ единомъ княжескомъ родѣ, въ-3-хъ—въ христіанской вѣрѣ и единой церкви. Но гдѣ же единыя связующія учрежденія? Федераціею наука называетъ такое устройство, при которомъ части, пользуясь значительною самостоятельностью, уступаютъ часть своей самодержавности въ пользу одной центральной власти, представляемой какимъ-либо постояннымъ учрежденіемъ или конгрессомъ и президентомъ или сеймомъ. Въ древней Руси не было такихъ учрежденій: власть великаго князя покоилась на обычаѣ.

По мнѣнію *В. И. Сергѣевича*, столы не наслѣдовались, а *добывались* въ древней Руси. Основа этого воззрѣнія—въ ученіи *Б. Н. Чичерина*, что въ Руси княжеской преобладало начало частное, личное. Частное начало, какъ полагаетъ В. И. Сергѣевичъ, ограничивалось договорами; такимъ образомъ, весь бытъ этой эпохи

сложился подъ вліяніемъ договоровъ: княжескія отношенія опредѣлялись договорами, отношенія князя къ народу—тоже. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что договоры существовали въ древней Россіи; но вопросъ въ томъ, когда и гдѣ они появились? Даровитый профессоръ дѣлаетъ важную ошибку; онъ излагаетъ свой предметъ не въ историческомъ развитіи, а догматически, вслѣдствіе чего смѣшиваются эпохи. Къ тому же *ряды*, упоминаемые въ лѣтописи, еще не договоръ, хотя въ нихъ зерно договора. Договоръ есть явленіе позднѣйшее, результатъ сознанія и необходимости тѣхъ или другихъ условій, отчего эта форма такъ развита въ Новгородѣ и между князьями московской эпохи; многое должно было опредѣлиться прежде, чѣмъ появится эта форма. Мы знаемъ, что до сихъ поръ русскіе люди многія сдѣлки совершаютъ на вѣру, по душѣ, безъ подробныхъ договоровъ. Потому едва ли не правѣе были славянофилы (Аксаковъ), полагавшіе, что основа отношеній князя къ народу была вѣра, а не договоръ. Не надо также забывать обычаи, „пошлины", которые являются прежде всякихъ договоровъ и составляютъ столь же прочное основаніе общественнаго развитія.

Изъ всего сказаннаго ясно, что мы не довольны ни одною изъ теорій, взявшихся объяснить государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнѣнія, что одного движущаго начала не было и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ.

XXXVIII. О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ въ началѣ удѣльнаго періода.

(По сочиненію проф. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома").

Мы привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I-го до конца XVI вѣка, была раздѣлена, ставимъ удѣлъ на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система.

Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? Встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? Происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другого, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность: идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ,—за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣнія, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно смѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономахови-

чами есть борьба удѣловъ? Борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: „Мы внуки одного дѣда", говорятъ Святославичи, и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба, въ семьѣ Мономаха, между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ, третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобы старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи: если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: волость и столъ. Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система—приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Разсмотримъ же поближе, въ чемъ состояла сущность этихъ родовыхъ отношеній.

Значеніе старшаго въ родѣ или великаго князя. Старшій въ родѣ княжескомъ, или великій князь, принималъ въ отношеніи къ младшимъ членамъ рода значеніе отца, былъ для нихъ *въ отца мѣсто*, по тогдашнему выраженію. Принимая на себя такой характеръ, великій князь имѣлъ обязанность блюсти интересы рода; такъ Ростиславичи въ 1195 г. говорили великому князю Всеволоду III: „А ты, братъ, въ Володимера племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей". Съ своей стороны, младшіе князья обязаны были великому князю, какъ отцу, глубокимъ уваженіемъ и покорностью. Формулы для выраженія отношеній младшихъ князей къ великому были слѣдующія: 1) *младшій обязанъ былъ ѣздить подлѣ стремени старшаго;* такъ Давидовичи говорятъ Изяславу Мстиславичу: „А пусти брата нашего, а мы подлѣ тебе ѣздимъ", т. е. если ты освободишь нашего брата, то мы признаемъ тебя старѣйшимъ. Младшій имѣлъ старшаго господиномъ, *былъ въ его волѣ:* „Вельми радъ, господине отце", говоритъ Ростиславъ Мстиславичъ дядѣ Вячеславу: „Имѣю тя отцемъ господиномъ, яко же и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли были". *Младшій смотрѣлъ на старшаго:* „Ониже же вси (рязанскіе князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ". Великій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; Ростиславъ Юрьевичъ говоритъ Изяславу Мстиславичу: „А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди". Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ совѣта родичей наказать Давида Игоревича: „Яко бѣ Давидова сколота; то иди, ты, Святополче, по Давида, и любо ими, любо прожени". Однако, великій князь не могъ лишить волости младшаго князя или наказать его другимъ какимъ-нибудь образомъ по произволу, безъ обличенія въ винѣ; князья говорятъ Святополку Изяславичу: „Чему еси ослѣпилъ братъ

твой? аще бы ти вина кая была намь, обличалъ бы еси предъ нами, и упрѣвъ, сотворилъ ему". Ростиславичи говорятъ Боголюбскому: „А намъ путь кажеши изъ Руськой земли, безъ нашеѣ вины"; слѣдовательно, они признавали право великаго князя лишить волости, если младшій провинится. Наконецъ, младшій долженъ былъ соглашаться на распоряженія старшаго безъ возраженій, не имѣлъ права подавать совѣта старшему, и когда послѣдній спрашивалъ его мнѣнія, то считалъ это за большую для себя и честь и снисхожденіе.

Изъ этихъ свидѣтельствъ легко можно заключить, какую обширную власть имѣлъ старшій въ родѣ надъ младшими; но тѣ же самыя родовыя понятія, которыя придавали ему такое высокое значеніе, тѣ же самыя понятія, стѣсняли его власть, ограничивали ее въ пользу младшихъ членовъ, а именно: старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, т. е. пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды, выгоды дѣтей своихъ интересамъ родичей, то онъ терялъ свое значеніе старшаго и отца: всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ раздора между князьями, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ. Такъ, когда Всеволодъ Ольговичъ, доставши кіевскій столъ, пренебрегъ интересами рода Святослава, котораго былъ старшимъ, и для выгодъ собственнаго сына искалъ дружбы Мстиславичей, не давая хорошихъ волостей братьямъ, то послѣдніе сказали ему: „Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати... и не любяхутъ сего Олговичи, братья Всеволода". Такъ, Ростиславъ Юрьевичъ, видя несправедливость отца, не давшаго ему волости, отступилъ отъ него и обратился къ врагу его, Изяславу Мстиславичу; послѣдній при этомъ случаѣ говоритъ, что отецъ Ростислава, Юрій, старше ихъ всѣхъ, но что они младшіе, не могутъ признать этого старшинства, ибо Юрій не исполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и что онъ, Изяславъ, принялъ въ такомъ случаѣ старшинство на себя, и клянется выполнить свои отеческія обязанности: „Всѣхъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, яко и душю свою".

Наконецъ, младшіе отказывали въ повиновеніи старшему, если тотъ хотѣлъ обращаться съ ними не по-родственному, не какъ съ сыновьями, а какъ съ подчиненными правителями, подручниками; такъ, Мстиславъ Ростиславичъ говоритъ Андрею Боголюбскому: „Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ". Обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода, имѣть всѣхъ своихъ родичей „акы и душю" не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по произволу; онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами и распоряжался волостями сообща съ ними; этимъ объ-

ясняются множественныя формы, встрѣчаемыя въ лѣтописи, *посадиша*, *выгнаша* и проч., которыми означается распоряженіе цѣлаго рода, хотя, повидимому, дѣйствуетъ одинъ великій князь; напримѣръ: „преставись Вячеславъ, сынъ Ярославль, въ Смоленскѣ, и посадиша Игоря въ Смоленску“. Вотъ почему старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто*, по занятіи старшаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею касательно распредѣленія родовой собственности. При этихъ рядахъ опредѣляли не только, какому князю владѣть какою волостью, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи. Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды—если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другому какую-нибудь область. Ясно, что если каждый великій князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братьею, то завѣщанія въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу.

Какъ пріобрѣталось великокняжеское достоинство или старшинство въ родѣ? Первымъ, главнымъ правомъ на великокняжеское достоинство было старшинство физическое; слѣдовательно, дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшими, мужъ старшей сестры надъ младшими шурьями, старшій шуринъ надъ младшими зятьями. Касательно старшинства дяди предъ племянниками Изяславъ Мстиславичъ говоритъ о Вячеславѣ Владиміровичѣ: „Язъ Кыева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячеславъ братъ старѣй, а тому его ищю“. Ростиславъ Мстиславичъ говоритъ Юрію Долгорукому: „Отче! кланяютися, стрый ми еси яко отецъ“. Касательно преимущества старшаго брата надъ младшимъ св. Борисъ говоритъ про Святополка: „Тось ми буди въ отця мѣсто“. Итакъ, по первому, естественному представленію о старшинствѣ, дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: по смерти отца, старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцомъ въ отношеніи къ нимъ,—слѣдовательно, его дѣти должны были стать братьями дядямъ своимъ; и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядямъ своимъ; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу Мстиславичу: „Се, брате, на мя еси приходилъ“, и проч. Глѣбъ, сынъ Юрія, ясно говоритъ Изяславу, что онъ для него имѣетъ совершенно то же значеніе, какое и отецъ Юрій: „Ако мнѣ Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ, а язъ ти ся кланяю“. Но при такомъ представленіи необходимо рождался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцомъ для младшихъ братьевъ, сталъ по этому самому братомъ дядямъ своимъ, но какимъ братомъ, старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основываясь на физическомъ старшинствѣ, отдавало всегда преимущество дядямъ предъ племянниками, сыновья старшаго брата были братьями дядямъ своимъ, но братьями младшими. Но въ пользу племянниковъ скоро явилось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцомъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями,—слѣдовательно, старшій племянникъ старше дядей. Глѣбъ Юрьевичъ называлъ своего двоюроднаго

брата Изяслава такимъ же отцомъ, какимъ былъ для него самъ Юрій, но на какомъ основаніи Мстиславъ Изяславичъ, старшій сынъ этого отца, не будетъ для него старшимъ братомъ? Послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ старшинствѣ дядей надъ племянниками: отсюда произошли страшныя войны между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ и потомствомъ его, въ продолженіе которыхъ и до самаго разъединенія югозападной, старой Руси отъ сѣверовосточной, новой, торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками. Такъ, лѣтописецъ укоряетъ Ростиславичей въ томъ, что они хотѣли занять Ростовскую область мимо дядей Михаила и Всеволода, и не честили старшаго брата. Такъ, самъ Изяславъ Мстиславичъ въ борьбѣ съ дядею не смѣлъ задѣвать господствующее понятіе, основывалъ свои права не на старшинствѣ старшаго племянника, а на дурномъ характерѣ дяди, ясно говорилъ, что старшинство принадлежитъ дядѣ Юрію, и подъ конецъ принужденъ былъ раскаяться въ своихъ притязаніяхъ и признать старшинство дяди Вячеслава. Такъ, Юрій, четвертый дядя, торжествуетъ надъ сыновьями старшаго изъ Мономаховичей и получаетъ великокняжеское достоинство; сынъ его Андрей торжествуетъ надъ Мстиславомъ Изяславичемъ, старшимъ сыномъ старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ, и Ростиславичи признаютъ его отцомъ; мало того, братъ его Всеволодъ III, самый младшій сынъ 4-го Мономаховича, признается старшимъ отъ Ростиславичей, внуковъ самаго старшаго изъ потомковъ Всеволода. Но въ потомствѣ Всеволода III, въ Руси сѣверовосточной, пересиливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата уже не надъ одними младшими, но надъ всѣми дядями, при чемъ, однако, до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дяди самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ перваго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, не допускаютъ ничего средняго. Такъ, когда Василій Дмитріевичъ требуетъ отъ братьевъ, чтобъ они признали старшинство его сына Василія, пятый и самый младшій изъ братьевъ, Константинъ, вооружается противъ этого требованія. Но въ другихъ родахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядями, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества. Отчего же произошло это различіе? Во 1-хъ, оттого, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, проявившееся на сѣверо-востокѣ вслѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставило старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія собственной семьи на счетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріальную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ естественно и незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во 2-хъ,

въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ больше высшей власти въ обществѣ, старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь; значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ, слѣдовательно, гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и, естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи великаго князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ великомъ князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе, и младшіе находятся въ одинаковыхъ подданническихъ отношеніяхъ,—слѣдовательно, здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата.

Случаи, исключившіе князей изъ старшинства и даже изъ владѣнія родовою собственностью. Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ; каждый младшій могъ, въ свою очередь, сдѣлаться старшимъ. Такъ, напримѣръ, у Ярослава I-го было 5 сыновей: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь, которые по смерти отца были старшими членами рода, ихъ дѣти и внуки младшими, но не всѣ, а именно: Изяславъ Ярославичъ, какъ старшій, заступилъ мѣсто отца для братьевъ, слѣдовательно, его сыновья стали также братьями дядямъ своимъ, и потому также старшими членами рода; итакъ, старшими членами рода были 5 сыновей Ярослава, сыновья Изяслава; эти старшіе родичи назывались между собою братьями, и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностью; всѣ остальные, т. е. ихъ дѣти и внуки, были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтними, неспособными владѣть родовою собственностью, быть совладѣльцами со своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ, т. е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и слѣдовательно, сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали-бы изъ племянниковъ братьями дядямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д. переходили-бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнимъ, слѣдовательно, навсегда неспособнымъ не только получить великокняжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ со своими старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или великимъ княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда младшими,—напримѣръ, у Ярослава I-го было сначала 6 сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. Если бы Владиміръ остался живъ, то, по смерти отца, сталъ бы великимъ княземъ и отцомъ для младшихъ братьевъ; тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядямъ своимъ, слѣдовательно, получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣдовательно, не былъ отцомъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его Ростиславъ не имѣлъ уже возможности быть братомъ дядямъ своимъ,

остался навсегда племянникомъ, младшимъ, неспособнымъ ни къ великокняжескому достоинству, ни къ владѣнію родовою собственностью. Однимъ словомъ, можно выразить такъ: племянники не могли быть совладѣльцами съ своими дядями. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и, слѣдовательно, не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ великокняжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностью, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дядей, или какому-нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына св. Владиміра, умершаго при жизни отца, потомство Владиміра, старшаго сына Ярослава I-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ такой участи, князья давали другъ другу клятву, что, въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобъ дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностью; такую клятву дали другъ другу Юрій и Андрей Владиміровичи.

Князья, которыхъ отцы умерли при жизни дѣдовъ, назывались изгоями: „Изгои трои: попъ сынъ грамоты не имѣетъ; холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, аще князь осиротѣетъ“. Второе обстоятельство, исключившее князя изъ права старшинства или изъ пользованія какою-нибудь волостью, было насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе изъ волости, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, битва была судомъ Божіимъ, гдѣ побѣжденный, слѣдовательно, являлся виновнымъ въ глазахъ всѣхъ, его пораженіе и изгнаніе считали праведнымъ наказаніемъ за грѣхи, при чемъ побѣдитель былъ только исполнителемъ воли Божіей. Если побѣжденный, изгнанный князь силою оружія возвращалъ свое право, свою волость, то въ этомъ видѣли возвращеніе къ нему благосклонности Божіей, прощеніе грѣха; если же не успѣвалъ возвратить потерянное, то онъ и потомство его навсегда исключались изъ права на владѣніе. Въ нашихъ лѣтописяхъ князья постоянно именуютъ битву судомъ Божіимъ; такъ, Изяславъ Мстиславичъ велѣлъ сказать сыну своему Мстиславу: „Се уже мы идемъ на судъ Божій, а вы намъ, сыну, всегда надоби“.

Въ заключеніе должно упомянуть, что послѣ, когда линіи разошлись, младшія линіи выбирали себѣ по произволу одного изъ старшихъ князей *въ отца мѣсто*, иногда совершенно изъ другого рода. Это именно принуждены были сдѣлать князья рязанскіе, рода Святослава: отдѣлившись отъ своего рода, вслѣдствіе изгнанія отъ Ольговичей и не могши однако существовать отдѣльно и независимо, рязанскіе князья выбрали себѣ въ старшіе Ростислава Мстиславича смоленскаго, изъ рода Мономахова. Такіе князья, въ отношеніи къ старшему, назывались ратниками. Иногда даже младшіе князья, обиженные старшими, отступали отъ нихъ и примыкали къ чужому роду, прибѣгая къ покровительству его старшаго.

Мы видѣли, что великій князь не имѣлъ неограниченной власти надъ родовою собственностью, но владѣлъ ею сообща съ цѣлымъ родомъ;

вотъ почему, когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и племянниковъ изъ Ростовской области, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ захотѣлъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, т. е. такимъ властителемъ, который распоряжается всѣмъ самовластно, не стѣсненъ отношеніями, не ограниченъ правами родичей.

Для означенія верховной власти, не стѣсненной родовыми отношеніями, власти крѣпкой, постоянной, не зависящей ни отъ какихъ перемѣнъ, употреблялось названіе царь, царскій. Такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя въ Кыевѣ", т. е.: а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому. Подъ именемъ великаго князя разумѣлся только старшій въ родѣ княжескомъ; вотъ почему, когда родъ Ярослава I-го раздѣлился на многіе независимые роды, то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ называться великимъ княземъ, хотя былъ владѣльцемъ самой ничтожной области и признавалъ надъ собою власть другого великаго князя, литовскаго или московскаго; такъ, напримѣръ, князь пронскій назывался также великимъ княземъ, подобно московскому, тверскому и рязанскому, потому что былъ старшимъ въ своемъ родѣ. Великій былъ синонимомъ „старшій", и потому къ именамъ нѣкоторыхъ князей прибавляется даже послѣ существительнаго, напр., Мстиславъ великій, Всеволодъ великій, для отличія ихъ отъ множества другихъ младшихъ Мстиславовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь прибавляемъ слово „великій" къ именамъ историческихъ лицъ, напримѣръ: Петръ Великій, Карлъ Великій.

XXXIX. ВѢЧЕ И КНЯЗЬ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Сергѣевича „Вѣче и Князь").

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика. Такъ, описывая кіевскія событія, послѣдовавшія за смертью трехъ братьевъ Кія, Щека и Хорива, лѣтописецъ говоритъ: „Поидоша козаре на полянъ... и реша платите намъ дань. Сдумавше же кыяне и вдаша отъ дыма мечь". Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія: „Поищемъ себѣ князя", рѣшили кривичи, славяне, чюдь и меря, не находя возможности установить изъ своей среды такую власть, которая бы удовлетворила всѣхъ одинаково.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, ко-

торая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, есть разница количественная, а не качественная.

Не всѣ города оставили намъ свои лѣтописи, а потому свидѣтельства источниковъ о вѣчевой жизни древней Россіи, распредѣляется далеко не въ равной мѣрѣ между отдѣльными ея частями. Мѣстные же лѣтописцы, какъ напр. кіевскій, волынскій, суздальскій и др., труды которыхъ вошли въ составъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, далеко не восполняютъ этотъ недостатокъ особыхъ лѣтописей; описывая довольно подробно происшествія своего родного города, они только мимоходомъ и вскользь касаются внутренней жизни чуждыхъ имъ городовъ. Не смотря на эту неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ однако указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія.

Мы указали уже на то, что наши вѣчевыя собранія возникли до призванія князей и существовали въ то время, когда княжеская власть еще не располагала сколько-нибудь значительной самостоятельной силой. Согласно съ этимъ, вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ.

Это раздѣленіе возникло, однако, никакъ не въ силу теоретическаго сознанія его необходимости; оно является, какъ необходимое слѣдствіе и характеристическая особенность нашего вѣчевого быта. До призванія Рюрика славянскія племена не жили независимой политическою жизнью: одни изъ нихъ платили дань варягамъ, другія—хозарамъ, говоря иначе, они откупались деньгами отъ порабощенія. Первая попытка сѣверныхъ племенъ жить независимо окончилась неудачно. Не прошло 3-хъ лѣтъ съ изгнанія варяговъ, которымъ они платили дань, какъ внутренняя неурядица, ничѣмъ неумѣряемая борьба партій, принудила ихъ къ призванію князей. Эти первые факты нашей исторіи чрезвычайно характеристичны для древнѣйшаго быта славянскихъ племенъ. Вѣчевыя собранія существуютъ: кіевляне думаютъ и рѣшаютъ платить дань хозарамъ; кривичи и славяне также думаютъ и рѣшаютъ изгнать варяговъ за море. Но этой вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія; самоуправленіе не въ средствахъ вѣча. Эта особенность нашего древняго быта удержалась и въ періодъ князей; но для правильнаго ея пониманія необходимо сдѣлать оговорку. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія, но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ, какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: во-1-хъ—народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и во-2-хъ—

условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Говоря о правѣ вѣча призывать князей, мы не хотимъ сказать, что вѣче не осуществляло свое право при всякомъ измѣненіи въ распредѣленіи столовъ, что преемство ихъ опредѣлялось исключительно народною волею. Дѣйствительный переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ борьбы весьма разнобразныхъ интересовъ. Право вѣча имѣть князя по собственному призванію не всегда выходило побѣдителемъ изъ этой борьбы; столы нерѣдко занимались князьями не только безъ предварительнаго призванія, но и прямо противъ воли народа, въ силу военнаго превосходства князя. Эти случаи насильственнаго занятія столовъ, въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что право призванія жило не только въ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, не отрицаютъ существованія самаго права: они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свои права на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности создать изъ собственныхъ элементовъ главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей извнѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Первое извѣстіе о призваніи дошло къ намъ отъ 862 г.

Было ли призваніе 862 года первымъ или нѣтъ, оно имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые, въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя, считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени призванія дѣлаются не изъ-за моря, а изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, замкнутое и потомственное сословіе князей. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ случаевъ призванія, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ; ограничимся только нѣкоторыми изъ нихъ, особенно характеристичными. Народъ осуществляетъ свое право призванія, не смотря ни на взаимныя соглашенія князей, установляющихъ между собой тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія. Въ 1113 году, по смерти Святополка Изяславича, кіевляне зовутъ къ себѣ Владиміра Мономаха. Не смотря на то, что это призваніе прямо противорѣчило постановленію князей на Любечскомъ съѣздѣ 1097 г., на которомъ присутствовалъ и самъ Мономахъ,—онъ послѣдовалъ ему, и такимъ образомъ нарушилъ, какъ тотъ порядокъ, въ установленіи котораго принималъ самъ немалое участіе, такъ и клятву, которою онъ былъ скрѣпленъ: „Да будетъ, клялись князья, на нарушителя крестъ честный и вся земля Русская“. Такъ, въ силу народнаго призванія было отмѣнено постановленіе Любечскаго съѣзда, самаго полнаго изъ всѣхъ княжескихъ съѣздовъ.

Юрій Владиміровичъ, желая передать по смерти свой столъ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ меньшимъ сыновьямъ, помимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это согласіе жителей Ростовской во-

лости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. По смерти Юрія, воля его не была исполнена. Это отступленіе отъ крестнаго цѣлованія лѣтописецъ старается смягчить великими достоинствами Андрея: „зане бѣ прелюбимъ всѣми за премногу его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ“. Андрей не только послѣдовалъ на призывъ, несогласный съ волею его отца, но и изгналъ своихъ меньшихъ братьевъ изъ Ростовской волости. Подобные примѣры встрѣчаемъ и въ другихъ волостяхъ. Изъ краткихъ и, къ сожалѣнію, очень немногочисленныхъ отрывковъ, сохраненныхъ лѣтописями отъ тѣхъ условій, которыя заключались между вѣчемъ и призваннымъ княземъ, слѣдуетъ, что призваніе обыкновенно было временное, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. На этотъ временный, хотя и несрочный характеръ призванія указываютъ тѣ пункты условій, въ силу которыхъ князь получалъ извѣстный столъ „до своего живота“, или даже „и съ дѣтьми“. Если передачу стола пожизненно или съ потомками надо было особенно оговорить, то понятно, что она не разумѣлась сама собой въ призваніи, сдѣланномъ просто, безъ подобной оговорки. Такъ въ 1154 году кіевляне передаютъ Ростиславу Кіевъ „до его живота“. Въ 1146 году кіевляне, призывая Изяслава Мстиславича и преступая такимъ образомъ крестное цѣлованіе Всеволоду Ольговичу, которому они обѣщали посадить въ Кіевѣ послѣ его смерти брата его Игоря, такъ мотивируютъ это нарушеніе клятвы: „не хощемъ быти, аки въ задничи“. Такимъ образомъ, переходъ княжескихъ столовъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ шло наслѣдованіе частной собственности отца къ сыну, отъ брата къ брату, не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ-то неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Приверженцы Изяслава Мстиславича отклоняютъ народъ отъ вѣрности слову, данному Всеволоду, намекомъ на то, что, признавъ Игоря, они переходятъ къ нему какъ бы по наслѣдству отъ Всеволода.

Утвержденіе князя на извѣстномъ столѣ вмѣстѣ съ его потомствомъ нуждается въ особомъ признаніи со стороны народа. Образчикъ такого признанія сохранился намъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. По смерти Михаила Юрьевича, владимірцы призываютъ къ себѣ его брата Всеволода и цѣлуютъ къ нему крестъ „и на дѣтяхъ его“. Для правильнаго пониманія этого послѣдняго условія необходимо сказать въ его поясненіе нѣсколько словъ. Цѣлуя крестъ Всеволоду и на дѣтяхъ его, владимірцы не отказываются отъ своего права призванія, они только ограничиваютъ его нисходящими потомками Всеволода, т. е. они обѣщаютъ Всеволоду не призывать къ себѣ князей изъ другихъ линій, помимо линій его сыновей. Согласно съ этимъ объясненіемъ, какъ самъ Всеволодъ, назначая себѣ преемника, такъ и сыновья его, получая отъ отца тотъ или другой столъ, входятъ всякій разъ въ новое соглашеніе съ народомъ и скрѣпляютъ это соглашеніе новымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Итакъ, подъ призваніемъ надо разумѣть призваніе на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія, или пока господствуетъ единеніе между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и пожизненное призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Признаніе того или другого князя наслѣд-

ственнымъ неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой-либо отраслью потомковъ Рюрика. Соглашеніе народа съ княземъ о его преемникѣ есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому онъ получаетъ значеніе смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и др. волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Такимъ образомъ, по отношенію къ призванію вѣчу принадлежитъ, какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе. Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе установляетъ извѣстную форму государственнаго устройства, а потому въ сущности оно есть ничто иное, какъ законодательный актъ. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, немыслимо.

И дѣйствительно, наши источники сохранили свидѣтельства объ условіяхъ, которыя заключались между народомъ и призываемымъ княземъ. Законодательная дѣятельность вѣча, составляя такимъ образомъ необходимое дополненіе къ праву призванія, не ограничивалась однако одними дѣйствительными случаями призванія. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи. Это и понятно: княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ нерѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно или, по крайней мѣрѣ, безъ прямого сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія народъ имѣлъ бы однимъ, и чрезвычайно важнымъ, поводомъ больше къ неудовольствію, къ образованію партіи, враждебной князю, а наконецъ и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ. Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительное названіе ряда или порядка (отъ *рядиться*). Такъ, въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ, призванный кіевлянами, заключаетъ съ ними рядъ; то же самое повторяетъ онъ и при вторичномъ занятіи Кіева въ 1172 г. Рядъ съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ. Мы находимъ очень любопытное указаніе на это подъ 1154 г. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго кіевскій столъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, кіевляне призываютъ Ростислава и признаютъ его своимъ княземъ „до живота его“ на томъ условіи, чтобы онъ честилъ Вячеслава такъ же, какъ это дѣлалъ его братъ, Изяславъ. Рядъ, опредѣлявшій права и обязанности князя, скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ, какъ князя, такъ и народа. Крестныя цѣлованія князя и народа непремѣнно совпадали въ одномъ моментѣ:

они могли слѣдовать одно за другимъ. Образчикъ такихъ послѣдовательныхъ крестныхъ цѣлованій встрѣчаемъ подъ 1146 г.: кіевляне, по соглашенію съ Всеволодомъ Ольговичемъ, признаютъ своимъ княземъ брата его, Игоря, и еще при жизни перваго цѣлуютъ Игорю крестъ, говоря: „Ты намъ князь!“ По смерти Всеволода, Игорь, дѣйствительно, вступаетъ па кіевскій столъ, при чемъ рядится съ кіевлянами и „цѣлуетъ къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ“. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного текста древнѣйшихъ договоровъ народа съ князьями. Самые древніе изъ сохранившихся относятся ко второй половинѣ XIII в., и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: во-2-хъ, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другого отъ князя; во-2-хъ, что князь, для того, чтобы вести войну силами цѣлой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда свидѣтельствъ. Въ 1015 г. Ярославъ Владиміровичъ, узнавъ о намѣреніи Святополка избить всю свою братью, собираетъ новгородцевъ, выражаетъ на вѣчѣ свое раскаяніе по поводу того, что мстилъ имъ за избіеніе варяговъ, и проситъ помочь ему на Святополка. „И рѣша новгородци: аще, княже, братья наши изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти“. Въ 1067 г. кіевляне требуютъ отъ своего князя Изяслава, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ печенѣговъ. Когда онъ отказался, они освободили плѣнника его, полоцкаго князя Всеслава, и посадили у себя на столѣ, а Изяславъ долженъ былъ бѣжать. Въ 1147 г. кіевляне, на приглашеніе князя своего, Изяслава Мстиславича, идти войною къ Суздалю на Юрія и его союзниковъ, отвѣчаютъ отказомъ: „Не можемъ на Владимірово племя руки поднять“... Въ 1149 г., во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, кіевляне говорятъ послѣднему: „Мирися, княже, мы не идемъ“... Этими тремя предметами—призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ—почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя, вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча назначать, помимо князя, еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. и составляетъ особенность новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ новгородцы сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія.

Князь не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти въ томъ смыслѣ, какой мы теперь соединяемъ съ этимъ понятіемъ. Начало раздѣленія властей, болѣе или менѣе строго проводимое въ новѣйшее время, было совершенно чуждо духу нашего древняго государственнаго устройства. Если бы дѣятельность князя была ограничена

только заботой о приведеніи въ исполненіе постановленій вѣча, безъ участія въ ихъ возникновеніи, онъ былъ бы самымъ малоправнымъ членомъ волости, гдѣ каждый приносилъ свою собственную волю на вѣче и могъ проводить ее всѣми отъ него зависящими средствами. Такое ограниченіе личныхъ правъ князя нисколько не соотвѣтствовало ни его значенію, какъ свободнаго человѣка вообще, ни, еще болѣе, его значенію, какъ представителя общественной власти. Безъ князя не былъ возможенъ сколько-нибудь прочный порядокъ: онъ призывался именно для водворенія наряда въ обществѣ, которое не могло изъ собственныхъ своихъ средствъ установить сколько-нибудь удовлетворительные органы суда и управленія. При отсутствіи всякаго начала дѣленія властей, призваніе судить и володѣть возлагало на князя обязанность заботиться объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя, касались его въ большей мѣрѣ, чѣмъ каждаго другого члена волости, отдѣльно взятаго, ибо онъ былъ призванъ для водворенія порядка. Въ нашихъ источникахъ не встрѣчаемъ ни одного указанія на то, чтобы народъ смотрѣлъ на князя только, какъ на исполнителя вѣчевыхъ постановленій. Князь постоянно принимаетъ дѣятельное участіе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ и приводитъ въ исполненіе только тѣ изъ нихъ, на которыя даетъ свое согласіе. Такимъ образомъ, князю принадлежитъ не только правительственная и судебная власть, но и участіе въ законодательствѣ. Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча должно было быть единеніе, одиначество. По отношенію къ этому началу единенія или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ „людей“, стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя. Равноапостольный князь Владиміръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Извѣстно, какой любовью пользовались у кіевлянъ правнукъ Владиміра Святаго, Владиміръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья. О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владиміромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ Черниговскимъ и условиться объ оборонѣ Русской земли отъ половцевъ, Владиміръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: „Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о русской землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ“. Такимъ

образомъ горажане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей. Лѣтопись сохранила намъ чрезвычайно любопытное свидѣтельство о порядкѣ переговоровъ народа съ княземъ въ описаніи совѣщаній, происходившихъ между внукомъ Владиміра Мономаха, Изяславомъ Мстиславичемъ, и кіевлянами, по поводу войны съ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ. Получивъ приглашеніе черниговскихъ князей выступить противъ Юрія, Изяславъ созываетъ бояръ своихъ и кіевлянъ и говоритъ имъ: „Я сгадалъ съ братьею своею, съ Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами и съ Всеволодовичемъ Святославомъ, хочемъ пойти на Юрія, на стрыя своего, и на Святослава, къ Суздалю: зане Юрій прииялъ подъ защиту свою врага моего, Святослава Ольговича. Братъ Ростиславъ также къ намъ присоединится съ смольнянами и новгородцами“. На это изложеніе обстоятельствъ дѣла, имѣвшее цѣлью побудить кіевлянъ къ войнѣ съ Юріемъ, послѣдніе даютъ такой отвѣтъ: „Княже! Не ходи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь“. Чтобы разсѣять это недовѣріе кіевлянъ къ Ольговичамъ, Изяславъ ссылается на то, что они цѣловали къ нему крестъ, и заключаетъ свою рѣчь приглашеніемъ вооружиться: „А вы доспѣвайте“, говоритъ онъ. Кіевляне отвѣчаютъ прямымъ отказомъ: „Княже! Ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми“. Не получивъ согласія вѣча, Изяславъ отправился на помощь къ Ольговичамъ съ одними охотниками. Ближайшія событія показали, что недовѣріе кіевлянъ къ черниговскимъ князьямъ было совершенно основательно. Еще не достигнувъ Чернигова, Изяславъ узналъ, что союзники его отступили отъ него и цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу. Изяславъ рѣшился возвратиться въ Кіевъ и послалъ впереди себя двухъ мужей, Добрынку и Радило, къ брату Владиміру, остававшемуся въ Кіевѣ, и къ Лазарю, тысяцкому, съ такими рѣчами: „Брате! Ѣди къ митрополиту и созови кыяны всѣ, пусть мои послы разскажутъ имъ лесть черниговскихъ князей“. На это новое обращеніе князя кіевляне отвѣчали: „Ради, еже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти, идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, акоже хощеши“. Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе. Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни, была необходима значительная доля уступчивости, какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія. Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ, про Ярополка Святославовича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился „народа ради“. Въ 1097 г. волынскій князь Давыдъ Игоревичъ очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, но уступилъ волѣ владимірскаго вѣча, когда оно свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей поставило въ зависимость отъ этой выдачи. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ, послѣ несчастной для него Липецкой битвы, созываетъ вѣче и предла-

гаетъ затвориться въ городѣ. Владимірцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выдти изъ города. На это владимірцы согласились. При отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ. При возможномъ столкновеніи вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха. Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи, или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только, какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе оставить свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе, дѣйствительно, оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Укажемъ примѣръ подобной побѣды князя надъ противной ему партіей. Въ 1144 г. приверженцы Ивана Ростиславовича, воспользовавшись отсутствіемъ князя Владиміра изъ Галича, призвали своего любимца изъ Звенигорода и посадили на галицкомъ столѣ. Владиміръ не захотѣлъ уступить княженія безъ борьбы, собралъ своихъ сторонниковъ и осадилъ Галичъ. Счастье войны было на его сторонѣ: Иванъ принужденъ былъ бѣжать; „Владиміръ же—продолжаетъ лѣтописецъ—вшедъ въ Галичъ, многи люди изсѣче, а иныя показни казнью злою“. Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напримѣръ, когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кіевляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1175 году смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. владимірцы и переяславцы—Мстислава и Ярополка Ростиславовичей, и пр.

Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Это дѣлалось въ видахъ безопасности, напр. до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону прогоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этого находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по по-

воду особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ „Настаськѣ и Чагровой чади“. Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чагрова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, сколько было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе объясняетъ нерѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя. Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче, въ борьбѣ съ княземъ, нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только-что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ польскою помощью, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе кіевлянамъ: „Мы пошлемъ къ брату своему: если пойдетъ на васъ съ ляхи губить васъ, то мы выйдемъ противу ему ратью, не дадимъ погубить града отца своего; аще ли хощетъ съ миромъ, то въ малѣ придетъ дружинѣ!“ Въ надеждѣ на эту помощь, кіевляне условились и приняли Изяслава. Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь. Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Во 1-хъ, война никогда не ведется противъ княжескаго правленія, какъ формы государственнаго быта; она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе неизвѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя, и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможности достиженія цѣлей призванія. Князь есть въ высшей степени народная власть. Во 2-хъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется на столько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ, напр., выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться со своими боярами и затѣмъ послать бирючей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самого народа, напр., для отраженія половцевъ и т. п. По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужого рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣ-

чевого рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и немало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя такимъ образомъ ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. То же самое явленіе замѣчаемъ и по отношенію къ законодательству. Законодательная власть принадлежала вѣчу и князю вмѣстѣ; но это вовсе не значило, что князь не могъ издать ни одного постановленія безъ предварительнаго соглашенія съ вѣчемъ. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и устаповлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напримѣръ, чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протестъ вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя.

Таковы были отношенія князя къ вѣчу. Въ заключеніе мы должны остановиться на тѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ отношеній, которыя условливались взаимными отношеніями князей между собой. До сихъ поръ мы имѣли исключительно въ виду волость и ея князя. Но князь не стоитъ изолированно среди другихъ князей: онъ находится къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непремѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Такъ, въ недавно приведенномъ примѣрѣ, кіевская волость отказалась помогать Изяславу Мстиславичу въ войнѣ его съ Юріемъ; хотя въ войнѣ Изяслава и участвовали кіевляне, но война была предпринята не отъ имени волости, а лично княземъ и на его собственный страхъ. При враждебныхъ столкновеніяхъ князей мы усматриваемъ даже нерѣдко прямое желаніе послѣднихъ щадить волость, не распространять на ея жителей гибельныхъ послѣдствій войны, по возможности, ограничивать ея дѣйствіе однимъ княземъ и его ближайшими приверженцами. Такъ, напр., Всеволодъ Ольговичъ, изгнавъ изъ Чернигова въ 1127 г. дядю своего Ярослава, бьетъ и грабитъ только дружину послѣдняго. Подобно этому, Мстиславъ Изяславичъ въ 1156 г., напавъ внезапно на дядю своего Владиміра, занимавшаго владимірскій столъ, принуждаетъ его бѣжать изъ Владиміра въ Перемышль, и затѣмъ довольствуется грабежомъ имущества князя и его дружины. Такое стремленіе ограничить бѣдствія войны сколько возможно тѣснымъ кругомъ совершенно понятно: щадя имущество и жизнь жителей волости враждебнаго имъ князя, они тѣмъ самымъ облегчаютъ себѣ соглашеніе съ этими послѣдними, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность. Не смотря, однако, на нѣкоторую возможность ограничить враждебныя столкновенія князей тѣснымъ кругомъ ближайшей княжеской дружины, взаимныя отношенія князей не могли оставаться и не оставались безъ вліянія на отношенія вѣча къ своему князю. Главнѣйшимъ образомъ это вліяніе сказывалось на осуществленіи народомъ права призванія. Войны князей другъ съ другомъ хотя и не были направлены противъ народа, но все-таки эти войны касались народа. Какъ же народъ относился къ нимъ? Положеніе, которое принимала волость, въ случаѣ враждебнаго столкновенія князей, было различно, смотря по различію самыхъ случаевъ столкновенія. Для его пониманія должно имѣть въ виду: во 1-хъ, хотя для волости князь и составляетъ необхо-

димость, но различіе между тѣмъ и другимъ княземъ въ данномъ случаѣ могло быть далеко не такъ велико, чтобы волость поддержаніе своего князя противъ его противника должна была считать необходимымъ во что бы то ни стало. Для примѣра укажемъ на кіевскія событія отъ 1067 до 1077 года. Въ 1068 г. кіевляне, опасаясь мести изгнаннаго ими князя, Изяслава Ярославича, который приближался къ Кіеву съ лядскою помощью, шлютъ приглашеніе къ братьямъ его, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ. Святославъ и Всеволодъ отказались отъ предложеннаго имъ стола, но обѣщали помочь кіевлянамъ въ томъ случаѣ, если бы Изяславъ вздумалъ мстить имъ. Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Подъ 1073 г. лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: „Воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей, въ Ярославичахъ; бывши распри межи ими, быста Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изыде Изяславъ изъ Кыева. Святославъ же и Всеволодъ снидоста въ Кыевъ... и сѣдоста на столѣ"... Эта перемѣна произошла чрезвычайно спокойно, кіевляне не приняли въ ней участія, чѣмъ и надо объяснять совершенное молчаніе лѣтописца о вооруженномъ столкновеніи между противниками. Это и понятно. Дѣятельная поддержка Изяслава могла вовлечь кіевлянъ въ рискованную войну съ двумя сильными князьями, тогда какъ пассивное положеніе не заключало въ себѣ ни малѣйшей для нихъ невыгоды: князь мѣнялся, но вмѣсто Изяслава они получили Святослава и Всеволода, которыхъ призывали сами незадолго передъ тѣмъ. Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя—значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Въ 980 г. кіевляне были очень далеки отъ того, чтобы оказать дѣятельную помощь князю Ярополку, убійствомъ Олега навлекшему на себя преслѣдованіе со стороны Владиміра. Судя по словамъ Блуда, они даже вступили въ тайное сношеніе съ Владиміромъ, обѣщая ему сдать городъ. Блудъ имѣлъ побужденіе именно въ такомъ свѣтѣ представить Ярополку положеніе дѣлъ, а потому мы и не можемъ вполнѣ полагаться на его слова; но не подлежитъ сомнѣнію, что какъ только Ярополкъ оставилъ Кіевъ, кіевляне не оказали ни малѣйшаго противодѣйствія Владиміру и признали его своимъ княземъ. Подобно этому Давыдъ Игоревичъ, навлекшій на себя преслѣдованіе братьевъ ослѣпленіемъ Василька, не находитъ больше поддержки въ своей волости и ищетъ помощи у ляховъ: окруженный Святополкомъ во Владимірѣ, Давыдъ принужденъ былъ выдти изъ города, не испробовавши ни разу силы своего оружія: несомнѣнный знакъ, что владимірцы не рѣшились выступить на его защиту. Во 2-хъ, такое пассивное положеніе волости въ княжескихъ усобицахъ хотя и требуется иногда здравой политикой, но никакъ не можетъ составить общаго правила. Постоянное невмѣшательство волостей въ княжескія отношенія, возведенное въ правило, отдало бы ихъ въ жертву княжескихъ усобицъ. Волости нуждались въ мирѣ и не могли не подавать своего голоса въ его пользу. Любопытный образчикъ такого голоса находимъ подъ 1097 г.: Владиміръ Всеволодовичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, подозрѣвая Святополка кіевскаго въ участіи при ослѣпленіи Василька, вознамѣрились изгнать его изъ Кіева. Получивъ вѣсть объ этомъ, Святополкъ рѣшается бѣжать; кіевляне, зная, что бѣгствомъ распря братьевъ не кончится, что Святополкъ можетъ вернуться отыскивать кіевскаго стола съ чужой помощью, удержали его и послали къ Владиміру такое посоль-

ство: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо возьмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, возьмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отцы ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ поборюще по Русьскѣй земли, ины земли пріискиваху: а вы хочете погубити землю Русьскую“. Князья остановились и заключили миръ. Съ другой стороны, въ договорахъ, заключаемыхъ между народомъ и княземъ, нерѣдко помѣщалось условіе: не разлучаться съ княземъ ни въ какомъ случаѣ, умереть съ нимъ вмѣстѣ. Невмѣшательство въ войну князей въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы прямымъ нарушеніемъ обязательства, принятаго на себя народомъ. Точно также необходимо было вмѣшательство, когда опасность потерять столъ угрожала любимому народомъ князю. Итакъ, хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ, совершенно чуждымъ интересамъ волости, хотя прямая польза народа нерѣдко требуетъ самаго строгаго вмѣшательства и ограниченія враждебныхъ дѣйствій возможно тѣснымъ кругомъ, тѣмъ не менѣе есть случаи, въ которыхъ участіе въ войнѣ не только составляетъ обязанность волости, но и предписывается ея прямыми интересами. Выборъ между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ условливается особенностями каждаго даннаго случая и составляетъ задачу современной политики. Если народъ рѣшался силою поддержать своего князя—случай далеко не рѣдкій, онъ долженъ былъ подчиняться и всѣмъ послѣдствіямъ войны. Какъ невмѣшательство, такъ и вмѣшательство для побѣжденной стороны имѣло послѣдствіемъ разрушеніе связи съ разъ признаннымъ уже княземъ и принятіе на столъ побѣдителя. Измѣненіе изображенныхъ нами отношеній князя къ вѣчу заключалось главнымъ образомъ въ этомъ первомъ моментѣ, насильственномъ занятіи стола, устранявшемъ осуществленіе права призванія. Послѣдующія же отношенія князя-побѣдителя къ вѣчу не представляли существенныхъ особенностей: ему также было необходимо соглашеніе съ народомъ, какъ и князю призванному. При отсутствіи постояннаго войска, большія войны могли быть ведены только съ помощью народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Если бы князю, съ помощью населенія своей волости или чужеземной, и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеванной волости могла остаться, и обыкновенно оставалась, только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или, по крайней мѣрѣ, составить себѣ среди нихъ сколько-нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукаго: онъ не успѣлъ ладить съ кіевлянами, и потому, не смотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на кіевскомъ столѣ. Подобно этому, и его внуки Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміръ и Переяславль, были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной волостью не можетъ быть единенія. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось ни-

какихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ. Во весь разсматриваемый періодъ отдѣльныя волости относились одна къ другой, какъ разныя государства. Это отсутствіе всякаго высшаго единенія давало полную свободу эгоистическимъ стремленіямъ князей.

XL. Дружина и отношенія ея къ князю и къ земщинѣ въ період удѣловъ.

(Изъ „Лекцій по исторіи русскаго законодательства", Бѣляева).

Характеръ княжеской дружины потерпѣлъ сильное измѣненіе въ періодъ удѣловъ. Еще при Владимірѣ святомъ варяжскій элементъ дружины потерялъ свое первенствующее значеніе. Владиміръ, отнявши Кіевъ у Ярополка, выпроводилъ въ Грецію буйныхъ варяговъ-дружинниковъ и оставилъ изъ нихъ только немногихъ, людей смышленныхъ и храбрыхъ. Онъ понималъ, что эти вольные и безпокойные дружинники могли быть большой помѣхой для его власти и что гораздо лучше замѣнить ихъ русскими, незнакомыми съ характеромъ старой дружины и съ ея отношеніями къ князьямъ. Преемники Владиміра подражали его примѣру, и варяги перестали наполнять княжескія дружины, такъ что хотя при Ярославѣ еще отъ времени до времени они и появлялись въ Новгородѣ и Приднѣпровьѣ, но уже не какъ дружинники, а какъ наемники, подобно печенѣгамъ, и по окончаніи похода, за очень немногими исключеніями, удалялись на родину. По смерти же Ярослава, лѣтописи уже больше не упоминаютъ о варяжскихъ дружинахъ. Князья нашли средства наполнять свои дружины, не вызывая варяговъ; въ дружину стали поступать охотники изъ туземцевъ и пришельцевъ изъ разныхъ странъ—изъ Венгріи, Польши, отъ торковъ, печенѣговъ, половцевъ, ясковъ, коссоговъ и др., въ чемъ можно убѣдиться по именамъ дружинниковъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ. Такъ, у Бориса Владиміровича мы встрѣчаемъ дружинникомъ Георгія, родомъ угрянина, или венгерца, у Святополка—Ляшко, очевидно ляхъ, полякъ, у Глѣба—Торчино; у Андрея Боголюбскаго былъ ключникъ Амбалъ, ясинъ родомъ; у Владиміра Мстиславича въ 1149 году былъ въ числѣ дружинниковъ нѣмчинъ.

Новый составъ дружинъ съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ туземцевъ, хотя и не слилъ ихъ съ земщиною, но тѣмъ не менѣе далъ нѣсколько иное направленіе ихъ характеру. Дружинники со временъ Ярослава много утратили отъ своей прежней подвижности, они сдѣлались болѣе осѣдлыми. Это произошло съ одной стороны оттого, что дружинники, принадлежавшіе по своему происхожденію къ туземцамъ, привязывались къ мѣсту родственными связями съ земщиною и недвижимыми имѣніями, имъ принадлежавшими, а съ другой стороны дружинники и изъ чужеземцевъ скоро обзаводились поземельными владѣніями частью на помѣстномъ правѣ, полученными отъ князя, а частью вотчинами—по покупкамъ, приданому за женами и другимъ способомъ пріобрѣтенія. Впрочемъ, дружинники въ это время не на столько еще были привя-

запы къ землѣ, чтобы она всегда могла удержать ихъ въ случаѣ перехода князя въ другое владѣніе; личная привязанность къ доброму князю, а чаще всего богатая добыча и смѣлыя предпріятія князя побуждали дружинниковъ оставлять пріобрѣтенныя земли и слѣдовать за нимъ. Такъ, въ 1150 году, когда Изяславъ Мстиславичъ былъ прогнанъ Юріемъ Долгорукимъ изъ Кіева на Волынь, то многіе изъ дружинниковъ, имѣнія которыхъ лежали въ кіевскомъ княжествѣ, послѣдовали за Изяславомъ на Волынь. Нерѣдко дружинники шли за княземъ, но имѣнія ихъ все-таки оставались за ними, если имѣнія эти были родовыя. Но не всѣ дружинники слѣдовали за своимъ княземъ: многіе оставались въ прежней области на правахъ земцевъ. Впрочемъ, для дружины было не безопасно оставаться по переходѣ князя въ другое владѣніе. Въ этомъ случаѣ не только имущество, но и жизнь ихъ бывали въ опасности отъ земцевъ, а иногда и отъ новыхъ князей. Лѣтописи представляютъ много доказательствъ на это; такъ, подъ 1158 годомъ говорится, что кіевляне, по удаленіи изъ Кіева Юрія Долгорукаго, стали грабить и убивать дружинниковъ, оставшихся послѣ него въ кіевскомъ княжествѣ. Сами дружинники, если они были пришельцами изъ другого княжества, плохо сживались съ земцами, грабили ихъ и вообще дѣлали разныя насилія; такъ напр., дружинники, приведенные въ Суздальскую землю Ростиславичами изъ Приднѣпровья, отягощали народъ вирами и продажами. Въ самомъ законодательствѣ того времени княжая дружина была рѣзко отдѣлена отъ земщины и въ нѣкоторомъ отношеніи поставлена даже выше ея. Такъ, въ троицкомъ спискѣ Русской Правды за убійство дружинника положено виры 80 гривенъ, а за убитіе земца 40 гривенъ. Впрочемъ, должно допустить, что дружинники въ разное время и въ разныхъ княжествахъ находились не въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ земщинѣ; такъ, дружина тѣснѣе сливалась съ земщиною въ тѣхъ княжествахъ, въ которыхъ удавалось владѣть безъ перерыва нѣсколькимъ поколѣніямъ изъ одного и того же княжескаго дома, въ силу перехода владѣній отъ отца къ сыну, или даже и отъ брата къ брату, и отъ дяди къ племяннику, лишь бы только новые владѣльцы проживали прежде въ томъ же краю и не приводили съ собой новой дружины, незнакомой туземцамъ. Такъ это и было, по свидѣтельству лѣтописи, въ Галичѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и въ Рязани, исторія которыхъ рѣзко отличается отъ исторіи другихъ княжествъ русскихъ, и именно тѣмъ, что здѣсь дружина является почти совершенно слитою съ земщиною. Дружинники въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, проживая на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, до того привязывались къ своей новой родинѣ, что уже не отличали своихъ интересовъ отъ интересовъ земщины и превратились въ совершенныхъ земцевъ. Въ самыхъ лѣтописяхъ мы уже не встрѣчаемъ различія между дружинниками и земцами ни въ Галичѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Смоленскѣ, ни въ Рязани; во всѣхъ событіяхъ, принадлежащихъ исторіи этихъ княжествъ, лѣтописи ни разу не говорятъ о княжей дружинѣ,—у нихъ вездѣ являются полки смолянъ, полочанъ, бояре галицкіе, бояре рязанскіе, состоящіе на службѣ у тамошнихъ князей, но не княжіе дружинники въ смыслѣ пришельцевъ съ княземъ. Совершенно иное видимъ мы въ Кіевѣ, Черниговѣ, а въ началѣ и въ Суздалѣ, который по характеру дружины рѣзко отличался, напр., отъ Рязани. Въ немъ дружина была пришлая, постоянно измѣнявшаяся, тогда

какъ въ Рязани она сдѣлалась постоянной. Въ Рязани, напр., у князя было 500 совѣтниковъ, а въ такомъ огромномъ числѣ непремѣнно должно предполагать и земскихъ бояръ; въ Кіевѣ же и Суздалѣ земщина не принимала никакого участія въ дѣлахъ князя. Такимъ образомъ, мы видимъ два рода отношеній дружины къ земщинѣ: въ однихъ княжествахъ дружинники находились въ очень близкихъ отношеніяхъ къ земщинѣ; въ другихъ же, напротивъ, дружинники такъ мало сближались съ нею, что при переходѣ князя въ другое владѣніе должны были слѣдовать за нимъ, потому что въ противномъ случаѣ они потерпѣли бы различныя притѣсненія отъ земцевъ.

Въ отношеніи къ князю дружина по-прежнему была главной опорой его власти, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. Дружинники составляли непосредственное войско князя,—съ ними онъ добывалъ себѣ волости, съ ними защищалъ свою власть. Дружинники переходили съ княземъ изъ одного владѣнія въ другое и даже бывали при князьяхъ, не имѣвшихъ владѣнія; такъ, сыновья Ростислава—Рюрикъ, Володарь и Василько—имѣли при себѣ дружины прежде, нежели успѣли добыть себѣ волости. Олегъ Святославичъ, лишенный отцовскихъ владѣній, также имѣлъ при себѣ дружину и, съ помощью ея и половцевъ, успѣлъ возвратить себѣ отчину. Вообще, каждый князь, имѣвшій хоть какія-нибудь средства и пріобрѣтшій извѣстность своею храбростью, ласкою или щедростью, не имѣлъ недостатка въ дружинникахъ, хотя не многочисленныхъ, но храбрыхъ и преданныхъ ему. По свидѣтельству Даніила Заточника, имѣть много дружины считалось честью и славою князя. Князья принимали въ дружину всякаго, къ какому бы онъ роду или племени ни принадлежалъ; сначала вновь поступившему давали должности самыя незначительныя; но впослѣдствіи, по заслугамъ, онъ могъ достичь высшихъ степеней, сана боярскаго и богатства.

Дружина княжая раздѣлялась на старшую и младшую. Старшую дружину составляли бояре и мужи, думцы князя, занимавшіе важныя должности; къ младшей же принадлежали отроки, дѣтскіе, слуги, гриди, мечники и другіе мелкіе прислужники. Различіе между старшею и младшею дружиною было рѣзко обозначено и въ самомъ законодательствѣ, ибо въ одномъ изъ списковъ Русской Правды за старшаго дружинника виры положено 80 гривенъ, а за младшаго, наравнѣ съ земцемъ, 40 гривенъ. Впрочемъ, въ сущности, какъ старшіе, такъ и младшіе, были равны; каждый дружинникъ могъ дослужиться до высшихъ государственныхъ должностей. Условія службы, какъ въ старшей, такъ и въ младшей дружинѣ, были одни и тѣ же; основаніемъ же дѣленія были заслуги и богатство каждаго.

Старшіе дружинники постоянно представляются въ лѣтописяхъ думцами князя, княжими мужами, боярами: безъ ихъ совѣта князь почти ничего не предпринималъ. Даже о своихъ намѣреніяхъ князья всегда напередъ объявляли своей дружинѣ, въ противномъ случаѣ дружинники отказывались помогать князю и прямо говорили: „*О собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тебѣ; мы того не вѣдали*",—какъ это было съ Владиміромъ Мстиславичемъ, который, не посовѣтовавшись съ старшею дружиною, хотѣлъ ѣхать къ берендеямъ. Иногда старшіе дружинники являются главными, предводителями войскъ при младшихъ князьяхъ. Такъ, въ 1116 году Владиміръ Мономахъ посылалъ вмѣстѣ съ своимъ

сыномъ молодымъ Вячеславомъ, главнымъ предводителемъ войскъ, Ѳому Ратибора на Дунай. При выступленіи въ походъ старшіе дружинники приводили съ собою значительные отряды вооруженныхъ слугъ на своемъ иждивеніи, и чѣмъ кто больше водилъ на войну слугъ, тѣмъ больше имѣлъ значенія у князя, такъ что въ лѣтописи мы встрѣчаемъ особыя дружины, принадлежащія боярамъ, или старшимъ княжимъ мужамъ. Бояре или старшіе дружинники иногда вступали въ бой только съ своимъ полкомъ. Иногда же старшіе мужи держали своими людьми города. Старшіе дружинники были какъ бы посредниками между князьями. Князья сносились другъ съ другомъ не иначе, какъ черезъ старшихъ дружинниковъ, и всѣ договоры между князьями скрѣплялись клятвою, какъ самихъ князей, такъ и дружинниковъ. Старшимъ дружинникамъ поручалась даже опека надъ малолѣтними князьями. Въ этомъ отношеніи князья руководились прямымъ интересомъ: отдать сына въ опеку другому князю, даже своему родственнику, значило подчинить ему свою волость, а на это земщина никогда не соглашалась,—поэтому князья болѣе довѣряли дружинникамъ. Вообще, всѣ близкія родовыя дѣла свои князья поручали дружинникамъ, какъ самымъ довѣреннымъ людямъ.

Должности старшихъ дружинниковъ были: тысяцкіе, дворскіе, посадники, княжескіе тіуны, печатники, стольники и дьяки.

Младшая дружина, т. е. отроки, гриди, дѣтскіе, пасынки и подобные имъ составляли отдѣльный классъ отъ старшей дружины; они также были люди вольные и могли, смотря по службѣ и по распоряженію князя, поступать въ старшую дружину; но, будучи младшими дружинниками, не были думцами князя и исправляли только незначительныя придворныя должности. Этотъ отдѣлъ княжей дружины былъ очень многочисленъ; къ нему причислялись всѣ разряды вольныхъ слугъ государевыхъ, состоящихъ, по тогдашнему обычаю, въ одно и то же время при дворѣ и войскѣ. Младшая дружина рѣзко отличалась отъ старшей и въ законодательствѣ того времени, и въ лѣтописяхъ, гдѣ первая постоянно называется молодью, дѣтскими, дружиной отроковъ, дружиной молодшей. Впослѣдствіи, въ XIII столѣтіи, младшая дружина получила другое общее названіе слугъ, и съ этого времени замѣтно ея преобразованіе.

Младшая дружина имѣла одинаковое происхожденіе съ старшею, т. е. состояла какъ изъ туземцевъ, поступавшихъ въ княжескую службу, такъ и изъ пришельцевъ изъ разныхъ странъ. Люди богатые или знаменитые по своему происхожденію и своимъ подвигамъ поступали въ старшую дружину, а люди бѣдные и неизвѣстные—въ младшую. Переходъ изъ младшей дружны въ старшую былъ возможенъ или по особому расположенію князя, или по особымъ заслугамъ и подвигамъ. Такъ, тотъ отрокъ, который при Владимірѣ Святославичѣ побѣдилъ на поединкѣ печенѣжскаго воина, былъ сдѣланъ бояриномъ съ отцомъ своимъ. Другой примѣръ того же находимъ въ лѣтописи: Ясипъ Амбалъ, пришедшій и поступившій въ службу къ Андрею Боголюбскому безвѣстнымъ бѣднякомъ, впослѣдствіи былъ любимцемъ князя и имѣлъ въ своихъ рукахъ весь княжій дворъ и власть надъ всѣми слугами.

Такъ какъ старшіе и младшіе дружинники были свободными пришельцами и поступали въ службу добровольно, то посему также добровольно и свободно они могли переходить изъ службы одного князя къ другому. Въ московскихъ договорныхъ граматахъ мы постоянно встрѣ-

чаемъ статью, которой князья обязывались не препятствовать свободному переходу дружинниковъ отъ одного князя къ другому: *„а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“*. Въ извѣстіяхъ же разсматриваемаго времени мы имѣемъ только намеки на свободный переходъ дружинниковъ или на отсылку ихъ самимъ княземъ въ случаѣ какой-либо вины. Подъ 1237 годомъ лѣтопись очень ясно говоритъ, что дружинники имѣли право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Былъ ли утвержденъ договорными граматами свободный переходъ дружинниковъ, или основывался на одномъ обычаѣ, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго по неимѣнію историческихъ свидѣтельствъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что переходъ поддерживался обычаемъ, и князья не имѣли надобности договариваться объ этомъ со своими дружинниками.

XLI. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ КАКЪ ПРИМИРИТЕЛЬ КНЯЖЕСКИХЪ УСОБИЦЪ.

(Изъ соч. Соловьева: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ и изъ „Исторіи Россіи“, Иловайскаго, ч. I-я).

Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностью умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ, и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существовавшій порядокъ вещей; но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей онъ прикрывалъ недостатки существующаго порядка вещей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не *которовался* съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью. Мономахъ, во время злой вражды между братьями, заслужилъ названіе братолюбца, умными совѣтами и рѣшительностью отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ *которъ*, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза. Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей христіанскихъ; Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ Общество требовало отъ князя строгаго правосудія; Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ. Въ то время, когда другіе князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интересовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное европейско-христіанское общество, окруженное

варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности: Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ настороже Русской земли; въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не диво, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство. По смерти отца, Мономахъ не встрѣтилъ бы никакого препятствія со стороны гражданъ, если бы захотѣлъ тотчасъ занять престолъ отцовскій. Но Мономахъ ненавидѣлъ усобицы, и потому не хотѣлъ возбудить новаго кровопролитія со стороны Святополка Изяславича, которому принадлежало старшинство между двоюродными братьями. Узнавъ о насильственной смерти брата своего Ярополка, видя, что теперь уже некому заботиться объ интересахъ его рода на югѣ, Святополкъ, княжившій въ это время въ Новгородѣ, покинулъ новгородцевъ и поспѣшилъ въ Русь, гдѣ занялъ Туровъ. По смерти Всеволода, Мономахъ послалъ звать его, какъ старшаго въ родѣ, на кіевскій престолъ. Если бы мы не знали всей правоты и простоты Мономахова характера, то можно было бы подумать, что онъ нарочно хотѣлъ дать старшинство Святополку, дабы показать народу все различіе между нимъ и собою. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было найти противоположность болѣе поразительную. Со слабостью характера въ Святополкѣ соединялось властолюбіе и, что еще хуже, ненасытное корыстолюбіе, порокъ, который всего болѣе ненавидѣли въ князѣ. Кіевляне жаловались на Всеволода, что онъ пренебрегалъ старою дружиною и давалъ волю пришельцамъ недавнимъ; Святополкъ не думалъ пріобрѣсть расположенія гражданъ исправленіемъ дядиной ошибки: онъ также пренебрегалъ старыми боярами кіевскими и слушался только тѣхъ, которыхъ привелъ съ собою. Эти люди, не говоря уже о томъ, что, какъ пришельцы, не имѣли съ кіевлянами общихъ интересовъ, но, будучи набраны на сѣверѣ, гдѣ князь ихъ провелъ большую часть жизни, не знали состоянія дѣлъ на югѣ и, слѣдовательно, могли только вредить своею неопытностью. Самъ Святополкъ позволялъ себѣ грабежи и насилія въ своей области: такъ, однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобы продавать ее самому дорогою цѣною. Но и тутъ Мономахъ служилъ грозою для беззаконнаго князя; изъ страха вооружить противъ себя Владиміра, Святополкъ возвратилъ изъ изгнанія игумена Іоанна, который ревностно обличалъ корыстолюбіе и жестокость князя. Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошаго отъ такого князя? И вотъ усобицы не замедлили открыться на востокѣ за область Черниговскую, на западѣ— за Владиміро-Волынскую. Въ 1094 году явился Олегъ изъ Тмутаракани съ половцами у Чернигова; Мономахъ сказалъ: „Не хвалиться поганымъ", и отправился княжить въ свою отчину Переяславль, уступивъ Черниговъ Олегу. Владиміръ думалъ, что, загладивъ несправедливость дяди и отца, возвративъ Святославичамъ отцовскую волость, онъ тѣмъ самымъ усмирилъ Русь, ибо исключенные князья не будутъ уже болѣе наводить на нее половцевъ; но, къ несчастью, ошибся въ своемъ разсчетѣ. Мономахъ для успокоенія Руси хотѣлъ возстановить родственную любовь, крѣпкій семейный союзъ между ея князьями, но въ характерѣ

Олега встрѣтилъ сильное тому препятствіе. Несправедливость дядей ожесточила въ молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчудила его отъ родины, заставила думать только о самомъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ: потерпѣвъ гоненіе отъ родственниковъ, онъ уже не вѣрилъ болѣе родственной любви, святости семейнаго союза, въ поступкахъ братьевъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя въ правѣ быть также коварнымъ; добывъ мечомъ часть въ родовой собственности, онъ полагался только на одинъ мечъ и не любилъ никакихъ дружественныхъ, миролюбныхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ Олегъ Святославичъ; между нимъ-то и Святополкомъ поставленъ былъ Мономахъ съ своимъ высокимъ стремленіемъ поддержать семейный союзъ князей. Мономаха и великаго князя особенно безпокоило поведеніе Олега Черниговскаго. Когда они соединенными силами ходили въ степи противъ половцевъ, Олегъ не давалъ имъ никакой помощи. Тщетно послѣ того соединенные князья звали его въ Кіевъ для совѣщанія, по обычаю, съ епископами, боярами и гражданами; Олегъ видѣлъ въ этомъ приглашеніи только ковы, думалъ, что въ Кіевѣ произведутъ надъ нимъ судъ; особенно долженъ былъ оскорбить и устрашить его намекъ на присутствіе въ совѣтѣ епископовъ и гражданъ, ибо онъ зналъ, что духовенство и граждане ненавидятъ его за опустошеніе страны половцами. Вотъ почему Олегъ отвѣчалъ: „Не пойду на судъ къ епископу, или къ игумену или смердамъ“. Этотъ отвѣтъ показалъ князьямъ, что имъ нечего ждать болѣе отъ Олега. Святополкъ хотѣлъ непремѣнно войны, Мономахъ послушался его, и оба повѣстили князю Черниговскому: „Ты не помогаешь намъ въ войнѣ съ половцами, ты не идешь къ намъ на совѣтъ: изъ этого ясно видимъ, что ты въ союзѣ съ погаными, и потому идемъ на тебя съ помощью Божіею“. Услышавъ о приближеніи князей, Олегъ ушелъ изъ Чернигова и заперся въ Стародубѣ; князья осадили его здѣсь; Святополкъ хотѣлъ непремѣнно погубить Святославича, но Мономахъ воспротивился; Олегъ былъ выпущенъ съ условіемъ идти въ Смоленскъ къ брату Давиду и вмѣстѣ съ нимъ явиться на общій съѣздъ. Но, вмѣсто того, чтобъ сдержать свое обѣщаніе, Олегъ пошелъ къ Мурому, убилъ въ кровопролитномъ сраженіи сына Мономахова Изяслава, потомъ бросился въ землю Суздальскую и Ростовскую и укрѣпился тутъ, сбираясь овладѣть и Новгородомъ. Это заставило вооружиться Мстислава Владиміровича, князя новгородскаго. Мстиславъ, прямой наслѣдникъ своего отца, свято чтившій родственный союзъ, тщетно уговаривалъ Олега рѣшить дѣло мирнымъ расспоряженіемъ со старшими князьями; не могши побѣдить племянника силою, Олегъ хотѣлъ побѣдить коварствомъ; но и это не удалось.

Въ 1097 году въ Любечѣ, на одномъ коврѣ, въ знакъ односемейности, сидѣли внуки Ярослава и разсуждали о средствахъ умирить землю: „Зачѣмъ губимъ Русскую землю, подымая *котору* на самихъ себя“, говорили двоюродные братья, „а между тѣмъ половцы несутъ нашу землю розно и радуются, что между нами идетъ безпрерывная рать; возьмемся же наконецъ въ одно сердце блюсти Русскую землю“. Положено было, чтобъ каждый князь держалъ ту волость, которую имѣлъ отецъ его: Святополкъ—старшій столъ, Кіевъ, Мономахъ—Переяславль, Святославичи: Олегъ, Давидъ и Ярославъ—область Черниговскую съ принадлежавшими къ ней землями на востокѣ. Что же касается князей, исключенныхъ

преждевременною смертью отцовъ своихъ, то рѣшено было держаться распоряженій послѣдняго изъ Ярославичей, Всеволода, вслѣдствіе чего Давидъ Игоревичъ получилъ Владиміръ; Ростиславичи: Володарь—Перемышль, Василько—Теребовль; брата ихъ Рюрика уже не было въ живыхъ. Мономахъ достигъ своей цѣли: семейный союзъ между князьями былъ возстановленъ, Русь усмирена; въ самомъ дѣлѣ, Святославичи, увидя искренность двоюродныхъ братьевъ и введенные снова во владѣніе родовою собственностью, начинаютъ жить съ этихъ поръ спокойно.

Но въ то время, какъ миръ былъ возстановленъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за правой, въ области Владимірской, возникли опять усобицы, ибо земля Черниговская отдана была въ исключительное владѣніе одному роду Святославичей, тогда какъ Владимірская область была подѣлена между двумя враждебными линіями, изъ которыхъ каждая считала себя въ правѣ на обладаніе цѣлою волостью. Давидъ Игоревичъ, которому достался Владиміръ, опасался, что Ростиславичи, сгубившіе Ярополка, не оставятъ и его въ покоѣ. Особенно боялся онъ младшаго изъ нихъ, Василька, который отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ и питалъ геройскіе замыслы. Надѣлавъ много зла Польшѣ во время господствовавшихъ въ ней смятеній послѣ Болеслава II, Василько хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ этой державѣ; потомъ сбирался идти на дунайскихъ болгаръ и поселить ихъ у себя; наконецъ, Василько думалъ ударить на половцевъ и либо стяжать себѣ славу, либо положить голову за Русскую землю. Ясно, что сосѣдство такого князя, прямого внука стараго Святослава, не могло нравиться Давиду. Притомъ узнали, что толпы степныхъ варваровъ, берендѣи, торки, печенѣги, идутъ къ Васильку. Давидъ не могъ не встревожиться этимъ извѣстіемъ; скоро явились люди, которые начали подтверждать его опасенія; то были трое изъ близкихъ къ нему дружинниковъ—Турякъ, Лазарь и Василь. Они увѣряли Давида, что двое самыхъ доблестныхъ князей, Мономахъ и Василько, сложились вмѣстѣ, чтобы выгнать Святополка изъ Кіева, а его, Давида, изъ Владиміра. Игоревичъ повѣрилъ, но рѣшеніе, принятое на съѣздѣ, что всѣ князья должны вооружиться на зачинщика усобицъ, связывало ему руки, и потому онъ рѣшился употребить орудіемъ вел. князя. Съ этою цѣлью Давидъ на возвратномъ же пути изъ Любеча, заѣхавъ въ Кіевъ, сталъ наговаривать Святополку, что имъ обоимъ не ждать добра отъ Ростиславичей, что они убили Святополкова брата и теперь въ союзѣ съ Мономахомъ хотятъ завладѣть Кіевомъ, что должно предупредить враговъ, для чего необходимо захватить Василька. Напоминаніе о несчастной кончинѣ брата взволновало Святополка; съ другой стороны, онъ боялся нарушить клятву, только-что данную цѣлому роду; напослѣдокъ злые совѣты перемогли: Святополкъ рѣшился задержать Василька, коварно зазвавъ его къ себѣ на перепутьи. Но, начавъ дѣло, опять не зналъ, какъ кончить, созвалъ совѣтъ изъ бояръ и гражданъ: совѣтники отвѣчали уклончиво, что если слова Давида справедливы, то Василько достоинъ казни, духовенство же прямо заступилось за плѣнника. Тогда Давидъ началъ говорить, что, по крайней мѣрѣ, нужно ослѣпить Василька, и увезъ, наконецъ, свою жертву у полусогласнаго Святополка. Злодѣяніе было совершено на дорогѣ: Ростиславичъ ослѣпленъ. Легко себѣ представить отчаяніе Мономаха при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ повѣстилъ Святославичамъ о случившемся, приглашая ихъ поправить

зло. Черниговскіе князья изъявили равный ужасъ и поспѣшили соединить полки свои съ Мономаховыми. Союзники послали къ Святополку требовать отчета въ преступленіи: они говорили велик. князю: „Зачѣмъ сдѣлалъ ты зло въ Русской землѣ и ввергнулъ въ насъ ножъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если онъ былъ виноватъ, то ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ преступленіе, наказать его; а теперь объяви вину его, за которую подвергся онъ такой лютой казни". Святославъ сложилъ всю вину на Давида. Тогда союзники хотѣли-было уже приступить къ Кіеву, но Мономахъ испугался ненавистной усобицы, склонился на просьбу мачихи своей и духовенства, и вступилъ въ переговоры съ кіевскимъ княземъ, на котораго, какъ на старшаго въ родѣ, возложена была обязанность наказать виновнаго Давида. Святополкъ отправился, имѣя другое въ виду: онъ хотѣлъ, изгнавъ Давида, изгнать вмѣстѣ и Ростиславичей, потому что считалъ всю Владимірскую область владѣніемъ отца и брата. Старинная распря за Волынь между тремя княжескими линіями возобновилась теперь съ новою силою. Давидъ, видя бѣду, отослалъ ослѣпленнаго Василька къ брату его Володарю и спѣшилъ призвать на помощь поляковъ; Святополкъ, съ своей стороны, обратился къ нимъ же: поляки брали дары отъ обоихъ и не помогали ни одному. Тогда Давидъ нанялъ половцевъ, а Святополкъ—венгровъ. Венгры были разбиты половцами, но Давидъ все же не могъ удержаться. Владиміръ былъ занятъ Святополкомъ, но Ростиславичи отбили нападенія послѣдняго и сохранили свою волость. Изгнанный Давидъ послалъ сказать князьямъ, что хочетъ жаловаться имъ на обидчиковъ. Родичи снова съѣхались вмѣстѣ въ Витичевѣ въ 1101 году, и послали за Давидомъ. Черезъ 20 дней Игоревичъ явился, сѣлъ на общій коверъ и спросилъ: „Зачѣмъ прислали за мною? Я явился и готовъ отвѣчать на жалобы, какія будутъ противъ меня". Тогда Мономахъ отвѣчалъ ему: „Не мы призвали тебя, но ты самъ присылалъ, говоря, что хочешь жаловаться братьямъ на обидчиковъ: теперь ты сидишь на одномъ коврѣ съ нами, для чего же не жалуешься?" Давидъ молчалъ. Тогда князья встали, сѣли на коней, разъѣхались каждый порознь со своею дружиною и начали совѣщаться о Давидѣ. Потомъ, собравши мнѣнія, послали каждый отъ себя по боярину объявить Давиду: „Ты ввергнулъ въ насъ ножъ, сдѣлалъ зло, какого не бывало на Руси; однако, мы не хотимъ заключить тебя въ оковы или наказать какъ-нибудь иначе; но вотъ Святославъ даетъ тебѣ три города, а Владиміръ, съ своей стороны, 200 гривенъ денегъ, и Святославичи столько же отъ себя". Давидъ повиновался. Послѣ Святополкъ далъ ему вмѣсто трехъ городовъ одинъ Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ. Святополкъ достигъ своей цѣли, хотя потерялъ сына Мстислава, убитаго въ усобицѣ: Владиміръ остался за его родомъ, онъ помѣстилъ тамъ сына своего Ярослава. Ростиславичи удержали за собой прежнія волости, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей, которые, разсуждая, что слѣпецъ Василько не въ состояніи будетъ управлять самъ своимъ княжествомъ, и не желая усиливать Володаря, хотѣли оставить обоимъ братьямъ одинъ Перемышль, обязываясь содержать Василька на свой счетъ, если Володарь будетъ этимъ тяготиться.

Такъ оба княжескіе съѣзда достигли своей цѣли: одинъ, любечскій, кончилъ усобицу за область Черниговскую, другой, витичевскій, за волость Владиміро-Волынскую. По настоящему, право оканчивать всѣ споры

съ братіею, рядить и судить между ними принадлежало старшему въ родѣ; но Святополкъ не былъ въ уровень своему положенію.

Уступивъ ему старшинство для избѣжанія усобицы, Мономахъ, для прекращенія другихъ смятеній, долженъ былъ прибѣгнуть къ другому средству, чтобъ замѣнить власть великокняжескую. Это средство было— съѣздъ всѣхъ князей для братскаго совѣщанія, для распоряженія волостьми, для суда надъ виновными родичами.

Въ апрѣлѣ 1113 года скончался великій князь Святополкъ-Михаилъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ. Ближайшее право на великокняжескій столъ имѣли Святославичи, Давидъ или Олегъ; впрочемъ, старшинство ихъ было спорное, такъ какъ ихъ отецъ, Святославъ, насильно отнялъ кіевскій столъ у своего старшаго брата Изяслава и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ рѣшенъ голосомъ народнымъ, который единодушно указывалъ на Владиміра Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу съ половцами и многія разоренія, причиненныя ими Русской землѣ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче и послали въ Переяславль къ Владиміру просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владиміръ медлилъ: можетъ быть, старшинство Святославичей приводило его въ раздумье. Между тѣмъ, въ Кіевѣ, при отсутствіи княжеской власти, начались безпорядки. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ, именно тысяцкаго Путяты и нѣкоторыхъ сотскихъ, и разграбила ихъ; потомъ пограбила дворы жидовъ, которые купили себѣ разныя льготы у Святополка II и, по обыкновенію своему, многихъ повергли въ нищету, въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ.

Тогда лучшіе граждане послали сказать Владиміру: „Князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, то знай, что поднимется большое зло; уже не сотскихъ и не жидовъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри, и ты будешь отвѣчать передъ Богомъ, если разграбятъ монастыри". Владиміръ послѣ того не медлилъ болѣе и поспѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ городомъ, и онъ торжественно сѣлъ на столѣ своего отца и дѣда. Мятежъ утихъ; настало твердое, умное правленіе Мономаха. Онъ достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста, когда занялъ великокняжескій столъ.

Вообще лѣтописецъ изображаетъ намъ Владиміра Мономаха идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе, подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему, какъ отцу, а тѣхъ, которые пытались завести распри, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли. Однако и при этомъ великомъ князѣ были двѣ междоусобныя войны—одна въ Полоцкой землѣ, другая на Волыни.

Прежними своими походами и подвигами Владиміръ Мономахъ настолько обезопасилъ предѣлы Руси, что во время своего княженія онъ уже не ходилъ лично на сосѣдей, а посылалъ своихъ мужественныхъ

сыновей. Такъ, старшій сынъ его Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ, совершилъ съ новгородцами и псковичами большой походъ на озеро Пейпусъ, въ землю Ливонской Чуди, и взялъ ея городъ Оденпе или Медвѣжью Голову (1116 г.). Другой его сынъ Юрій (Долгорукій), посаженный отцомъ въ Ростовской землѣ, ходилъ на судахъ Волгою въ землю камскихъ болгаръ и вернулся съ большимъ плѣномъ и добычею (1120 г.). Третій, Ярополкъ, ходилъ съ войсками за Донъ, гдѣ погромилъ половцевъ и ясовъ, или аланъ (1116 г.). Ко времени Владиміра Мономаха относится еще одно столкновеніе Руси съ греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великіе князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государями европейскими, именно польскими, угорскими, нѣмецкими, скандинавскими и греческими. Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ вступалъ въ бракъ три раза, и первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда, павшаго въ битвѣ при Гастингсѣ; а старшій сынъ его Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна изъ дочерей Мономаха, Евфимія, сдѣлалась супругой угорскаго короля Коломана (впрочемъ, старый и ревнивый мужъ потомъ отослалъ ее къ отцу); а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ. Этотъ царевичъ былъ сыномъ злополучнаго византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ плѣнъ къ туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ войскомъ, набраннымъ, вѣроятно, изъ Руси и половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Знаменитый византійскій императоръ Алексѣй Комненъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ соперника съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Онъ подослалъ двухъ сарацинъ, которые пришли въ Дористолъ къ Леону съ предложеніемъ своихъ услугъ и, улучивъ минуту, убили его. Тогда Владиміръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя, или, вѣрнѣе, вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука Василія, отправилъ на Дунай войско подъ начальствомъ Ивана Войтишица, который и размѣстилъ въ дунайскихъ городахъ русскихъ посадниковъ. Но Дористолъ вскорѣ былъ захваченъ греками. Владиміръ послалъ для взятія этого города одного изъ своихъ сыновей, Вячеслава, съ воеводою Ѳомою, сыномъ извѣстнаго боярина Ратибора, но и они не могли взять Дористола. А потомъ и остальные дунайскіе города снова перешли въ руки грековъ, вѣроятно, по мирному договору съ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, подъ конецъ Мономахова княженія мы видимъ его опять въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей; въ 1122 г., уже по смерти Алексѣя Комнена, при его сынѣ Іоаннѣ Комненѣ, онъ выдаетъ свою внучку, дочь Мстислава, замужъ за какого-то греческаго царевича.

Какъ и всѣ великіе государственные люди, Владиміръ Мономахъ славенъ не однѣми военными доблестями; онъ былъ замѣчателенъ и на поприщѣ мирной гражданской дѣятельности. На его заботы о правосудіи указываетъ Русская Правда, которую онъ дополнилъ новыми статьями. Владиміръ любилъ также строиться, и ему принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ сооруженій. Между прочимъ, лѣтопись упоминаетъ о мостѣ, устроенномъ черезъ Днѣпръ (вѣроятно, мостъ судовой, разводный). Въ его княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ каменною стѣною. Ему приписываютъ основаніе города

Владиміра въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ которую онъ предпринималъ довольно частыя поѣздки. По примѣру дѣда и прадѣда, онъ много заботился о созиданіи храмовъ; при немъ довершенъ въ Вышгородѣ каменный храмъ Бориса и Глѣба, куда и были перенесены останки этихъ мучениковъ. Памяти послѣднихъ онъ оказывалъ особое уваженіе и въ честь ихъ создалъ „прекрасную" церковь на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса.

При всемъ своемъ стремленіи къ единству русскихъ земель подъ верховною властью кіевскаго князя, Владиміру Мономаху не могла и въ голову придти мысль объ уничтоженіи удѣльнаго порядка, который вполнѣ сроднился съ духомъ и понятіями того времени. Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ только о томъ, чтобы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своихъ и своего потомства. Черниговскіе Святославичи, галицкіе Ростиславичи и отчасти полоцкіе Всеславичи отстояли свои наслѣдственные удѣлы; но зато Владиміру, въ качествѣ Великаго князя кіевскаго, оружіемъ и ловкой политикой удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома почти всѣ остальныя русскія области.

Владиміръ Мономахъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія, 19 мая 1125 года, во время своей поѣздки въ родной Переяславль. Тамъ онъ наблюдалъ за окончаніемъ упомянутой выше „прекрасной" церкви Бориса и Глѣба, которую соорудилъ на берегу Альты, недалеко отъ самаго города. Сыновья, внуки и бояре перенесли его въ Кіевъ и погребли въ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ отцомъ его Всеволодомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ „дѣти по отцѣ или по матери". По его выраженію, это былъ „братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю", о которомъ слава прошла по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ „поганымъ", т. е. половцамъ.

XLII. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ, КАКЪ ЗАЩИТНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ОТЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

(Изъ „Исторіи Россіи", Иловайскаго, ч. 1-я. Кіевскій періодъ).

Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра Мономаха и соединенными силами обратились теперь на своихъ общихъ враговъ, т. е. на дикихъ половцевъ. Борьба Руси съ этими кочевниками около того времени принимаетъ ожесточенный, упорный характеръ. Столь же коварные, какъ и хищные, половецкіе ханы часто заключали миръ съ русскими князьями, причемъ брали дары и клялись не нападать на русскія земли; но вслѣдъ затѣмъ забывали о своихъ клятвахъ и вновь приходили жечь, грабить и уводить въ плѣнъ русское населеніе. Такое вѣроломство ожесточило русскихъ людей, и только этимъ общимъ ожесточеніемъ можно объяснить слѣдующій поступокъ Владиміра Мономаха, наиболѣе уважавшаго клятвы и договоры, наиболѣе рыцарственнаго изъ русскихъ князей того времени.

Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, пришли къ Владиміру въ Переяславль для заключенія мира. Итларь съ своими людьми вошелъ въ самый городъ и расположился на дворѣ Ратибора; а Китанъ сталъ за городомъ между валами, взявъ къ себѣ въ заложники одного изъ сыновей Владиміровыхъ, Святослава. Ратиборъ былъ старый, знатный бояринъ, служившій воеводою еще отцу Мономаха. Этотъ бояринъ и его семья почему-то особенно злобились на половцевъ, и задумали вѣроломнымъ образомъ перебить своихъ гостей. Въ то же время въ Переяславлѣ находился кіевскій бояринъ Словята, присланный отъ Святополка съ какимъ-то порученіемъ (очевидно, относившимся къ тѣмъ же половцамъ). Заодно съ нимъ Ратиборовичи начали уговаривать Владиміра на истребленіе половцевъ. Князь колебался, говоря: „Какъ можно это сдѣлать послѣ только-что данной присяги?“ Дружина успокаивала его совѣсть словами: „нѣтъ въ томъ грѣха; половцы всегда даютъ клятву сохранять миръ и всегда ее нарушаютъ, безпрестанно проливая кровь христіанскую“. Владиміръ, хотя и неохотно, но далъ свое согласіе. Въ ту же ночь Словята съ отрядомъ изъ русскихъ и торковъ подкрался къ стану Китана: сначала выкрали молодого Святослава; а потомъ бросились на половцевъ и всѣхъ перебили вмѣстѣ съ ханомъ. Итларь съ своими людьми, между тѣмъ, ночевалъ на дворѣ Ратибора, ничего не зная объ участи Китана. Поутру его пригласили въ избу, чтобы позавтракать и обогрѣться, такъ какъ дѣло было въ концѣ февраля. Но едва ханъ и его свита вошли въ избу, какъ ихъ заперли, вскрыли потолокъ, и оттуда первый Ольбегъ Ратиборовичъ угодилъ стрѣлою прямо въ сердце Итларя; затѣмъ избили и всѣхъ его людей. Такое вѣроломство, конечно, не принесло никакой существенной пользы Русской землѣ. Оно только еще болѣе ожесточило обѣ стороны. Вслѣдъ затѣмъ Святополкъ и Владиміръ соединенными силами предприняли походъ въ степи, раззорили нѣкоторыя половецкія вежи и воротились съ большою добычею, состоявшею изъ челяди, коней, верблюдовъ и прочаго скота.

Половцы въ томъ же году отомстили нашествіемъ на кіевскіе предѣлы; они долго осаждали городъ Юрьевъ, на рѣкѣ Роси, и наконецъ зажгли его, послѣ того какъ онъ былъ оставленъ своими жителями.

Этихъ выходцевъ изъ Юрьева Святополкъ поселилъ на мѣстѣ древняго Витичева, на высокомъ холму праваго днѣпровскаго берега, и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ своимъ именемъ Святополчъ.

Въ слѣдующемъ 1096 году, когда великій князь и Владиміръ были заняты междоусобною войною съ Олегомъ Святославичемъ, половцы воспользовались удобнымъ временемъ и усилили свои набѣги. Свирѣпый ихъ ханъ Бонякъ раззорилъ правый берегъ Днѣпра до самаго Кіева; причемъ опустошилъ окрестности столицы и обратилъ въ пепелъ загородный великокняжескій дворъ на Берестовѣ; а другой ханъ, Куря, свирѣпствовалъ на лѣвой сторонѣ около Переяславля. Пришелъ тесть Святополка Тугорканъ и осадилъ самый Переяславль, въ отсутствіе Владиміра. Тогда Святополкъ и Владиміръ, соединясь, переправились за Днѣпръ у Заруба и неожиданно для половцевъ явились подъ Переяславлемъ. Варвары были разбиты на-голову. Въ числѣ убитыхъ былъ и Тугорканъ; великій князь велѣлъ его, какъ своего тестя, отвезти въ столицу и погребсти у Берестова. Но между тѣмъ, какъ князья еще находились въ Переяславлѣ, Бонякъ, пользуясь отсутствіемъ войска,

явился опять около Кіева и едва не ворвался въ самый городъ. Онъ сжегъ нѣсколько монастырей и селъ, въ томъ числѣ и красный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ на Выдубецкомъ холму. При этомъ неожиданномъ нашествіи пострадала и знаменитая Печерская обитель. Варвары съ дикими криками напали на нее въ тотъ часъ, когда иноки послѣ заутрени спали по своимъ кельямъ. Вырубивъ монастырскія ворота, они принялись грабить, поджигать храмъ Богородицы и рыскать по пустымъ кельямъ, изъ которыхъ монахи успѣли спастись бѣгствомъ. Услыхавъ объ этомъ нашествіи, Святополкъ и Владиміръ спѣшили ударить на Боняка; но онъ съ такою же быстротою ушелъ въ степи, съ какою пришелъ. Русскіе князья погнались за нимъ, но не могли настичь.

Подобныя нападенія половцевъ повторялись почти ежегодно; русскимъ князьямъ иногда удавалось во-время собрать силы и поразить ту или другую толпу варваровъ. Нерѣдко князья съѣзжались вмѣстѣ съ половецкими ханами, заключали съ ними миръ, скрѣпляли его взаимными клятвами и даже браками съ ихъ дочерьми. Но ничто не могло прекратить губительныхъ половецкихъ набѣговъ. Оборонительная война оказывалась слишкомъ недостаточною; надобно было повести борьбу болѣе энергичную и дружную, чтобы отбить движеніе степи на южную Русь. Благодаря усиліямъ Владиміра Мономаха, такую именно наступательную борьбу повели русскіе князья въ началѣ XII вѣка. Это наступленіе восточно-европейскаго народа на своихъ турецкихъ сосѣдей совпало по времени съ такимъ же движеніемъ западно-европейскихъ народовъ противъ другой части того же турецкаго племени, которая вышла изъ тѣхъ же закаспійскихъ степей и, объединясь подъ знаменемъ Сельжукидовъ, распространило свое господство почти на всю переднюю Азію. Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владиміръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя, одновременно подвизавшіеся на защиту христіанскаго міра противъ враждебнаго ему востока. Въ 1103 г. Владиміръ пригласилъ Святополка весною вмѣстѣ выступить въ походъ на половцевъ; но дружинники отсовѣтовали походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ князья съѣхались недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра, у Долобскаго озера, и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своей дружиной. Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

„Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?“

Святополкъ отвѣчалъ: „Братъ, лучше ты начни“.

„Какъ же мнѣ говорить!—возразилъ Владиміръ—противъ меня и моя, и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ, и пашни. Но вотъ, что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади, а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно сожжетъ. Почему же объ этомъ-то вы не подумаете?“

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ идти съ тобою“, сказалъ Святополкъ.

„Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ“, замѣтилъ Владиміръ.

Князья встали, поцѣловались и послали звать съ собою въ походъ Святославичей. Олегъ отговорился болѣзнью, но братъ его Давидъ пошелъ. Кромѣ этихъ старшихъ князей, въ походъ отправилось нѣсколько изъ младшихъ родственниковъ съ своими дружинами. Князья двинулись съ конною и пѣшею ратью; послѣдняя плыла на лодкахъ по Днѣпру, а вторая вела своихъ коней берегомъ. Миновавъ пороги, лодки остановились у острова Хортицы; пѣхота вышла на берегъ, всадники сѣли на коней и, соединясь, пошли въ степь. Послѣ четырехдневнаго похода Русь достигла непріятельскихъ кочевьевъ. Приготовляясь къ битвамъ, князья и воины усердно молились и творили разные обѣты: одинъ обѣщалъ раздать щедрую милостыню, другой сдѣлать пожертвованіе на монастырь.

Между тѣмъ, половецкіе ханы, заслышавъ о русскомъ походѣ, также собрались на съѣздъ, и начали совѣщаться. Старшій изъ нихъ, Урусоба, совѣтовалъ просить мира. „Русь будетъ крѣпко съ нами биться, ибо много зла надѣлали мы Русской землѣ“, говорилъ онъ. Но болѣе молодые предводители не хотѣли его слушать, и хвалились, избивши Русь, идти въ ея землю и взять ея города. Половцы выслали впередъ Алтунопу, который славился у нихъ своимъ мужествомъ. Онъ столкнулся съ сторожевымъ русскимъ отрядомъ, былъ окруженъ, побитъ и самъ палъ въ этой сѣчѣ. Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе полки смѣло ударили на главные силы половцевъ. Варвары, подобно густому бору, покрывали широкое поле, но не было въ нихъ бодрости; по словамъ нашей лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой-то дремотѣ. Половцы недолго выдерживали стремительное нападеніе руси, и побѣжали. Битва происходила 4-го апрѣля. Въ ней пало до двадцати половецкихъ князей, въ томъ числѣ и Урусоба. Одинъ изъ сильнѣйшихъ хановъ, Бельдюзъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и началъ предлагать великому князю за себя выкупъ, обѣщая много золота, серебра, коней и всякаго рода скота. Святополкъ отослалъ его къ Владиміру.

„Сколько разъ клялись вы не воевать Русской земли?“ сказалъ ему Мономахъ „Зачѣмъ не удерживалъ своихъ сыновей и родичей, чтобы они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови?“ —и велѣлъ изрубить его на части. Русскіе разорили многія вежи половецкія и взяли большую добычу плѣнниками, конями, верблюдами и прочимъ скотомъ. Они захватили также нѣкоторыя вежи печенѣговъ и торковъ, соединившихся съ половцами. Съ великою честью и славою воротились князья въ свои города.

Но сила кочевниковъ далеко не была сломлена этимъ блистательнымъ походомъ. На слѣдующіе годы варвары отомстили Руси новыми набѣгами.

Еще были живы свирѣпый Бонякъ и старый Шаруканъ. Однажды они вмѣстѣ пришли на Русь и остановились подъ городомъ Лубно, на берегахъ Сулы. Святополкъ и Владиміръ соединились на этотъ разъ съ Олегомъ Черниговскимъ. Они ударили на половцевъ такъ неожиданно, что тѣ не успѣли „и стяга поставить“, и были разбиты на-голову. На Успеньевъ день, въ храмовой праздникъ Печерскаго монастыря, Святополкъ воротился изъ похода и отправился прямо въ обитель благодарить за побѣду. Русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами; причемъ на дочери одного изъ этихъ хановъ Владиміръ женилъ своего

младшаго сына Юрія, знаменитаго впослѣдствіи Долгорукаго. Олегъ Святославичъ женилъ своего сына Святослава на дочери другого хана. Но эти мирные договоры и брачные союзы, по обыкновенію, не прекратили враждебныхъ дѣйствій и набѣговъ половецкихъ. Тогда Мономахъ убѣдилъ русскихъ князей совершить новый большой походъ общими силами, чтобы разгромить половецкія вежи и въ самыхъ степяхъ задонскихъ.

Во главѣ соединеннаго ополченія снова стали Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославичъ. На этотъ разъ князья выступили еще въ болѣе раннее время, чѣмъ прежде, именно въ концѣ февраля, чтобы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Пселъ, Ворсклу, Донецъ и прочія рѣки, а на шестой недѣлѣ во вторникъ достигло береговъ Дона. На этихъ берегахъ находились осѣдлыя становища главныхъ половецкихъ хановъ. Русь облеклась въ брони, которыя во время похода обыкновенно складывались на воза.

Полки устроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ городу хана Шарукана; по распоряженію Владиміра, священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Шаруканцы вышли на встрѣчу руси съ поклономъ, съ рыбою и виномъ, чѣмъ и спасли свои жилища отъ раззоренія. Слѣдующій затѣмъ городокъ хана Сугра былъ сожженъ Въ четвергъ русская рать отъ Дона пошла далѣе. На другой день 24 марта, она встрѣтилась съ половецкою ордою. Русскіе остались побѣдителями и праздновали свою побѣду вмѣстѣ съ днемъ Благовѣщенія. Главная битва произошла въ страстной понедѣльникъ, на берегахъ Сала. Враги были очень многочисленны и опять, подобно густому бору окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду. По словамъ лѣтописной легенды, половцы оправдывали свое пораженіе чудесною помощью, которую оказывали христіанамъ какіе-то свѣтлые воины, носившіеся надъ русскими полками. Снова съ огромнымъ количествомъ плѣнниковъ и всякаго скота воротились русскіе изъ похода.

Лѣтописецъ прибавляетъ, что слава этихъ побѣдъ далеко разнеслась между другими народами, какъ-то: греками, уграми, ляхами, чехами, и дошла до самаго Рима.

XLIII. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ, КАКЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬ.

Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, Костомарова).

Владиміръ Мономахъ является въ русской исторіи законодателемъ. Еще ранѣе его, при дѣтяхъ Ярослава, въ „Русскую Правду“ вошли важныя измѣненія и дополненія. Важнѣйшее изъ измѣненій было то, что месть за убійство была устранена, а вмѣсто того введено наказаніе платежомъ виръ. Это повлекло къ усложненію законодательства и къ установленію многихъ статей, касающихся разныхъ случаевъ обидъ и

преступленій, которыя влекли за собой платежъ виръ въ различномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, различные размѣры вирныхъ платежей назначались за разнаго рода оскорбленія и побои, наносимые одними лицами другимъ, какъ равно и за покражу разныхъ предметовъ. Независимо отъ платежа виры за нѣкоторыя преступленія, какъ, напримѣръ, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разграбленію—древнему народному способу наказанія преступника. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ. При Мономахѣ, на совѣтѣ, призванномъ имъ и составленномъ изъ тысяцкихъ: кіевскаго, бѣлогородскаго, переяславскаго и людей своей дружины, постановлено было нѣсколько важныхъ статей, клонившихся къ огражденію благосостоянія жителей. Ограничено произвольное взиманіе рѣзъ (процентовъ), которое при Святополкѣ доходило до большихъ злоупотребленій и вызвало, по смерти этого князя, преслѣдованіе евреевъ, бывшихъ ростовщиками. При Владимірѣ Мономахѣ установлено, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты и, если возьметъ три раза, то уже теряетъ самый капиталъ. Кромѣ того, постановленъ былъ дозволенный процентъ: 10 кунъ на гривну, что составляло около трети или нѣсколько болѣе, если принимать упоминаемую гривну гривною кунъ *).

Частыя войны и нашествія половцевъ раззоряли капиталы: являлись неоплатные должники, а подъ видомъ ихъ были и плуты. Торговыя предпріятія подвергали купца опасностямъ; отъ этого и тѣ, которые давали ему деньги, также находились въ опасности потерять свой капиталъ. Отсюда и высокіе проценты. Нѣкоторые торговцы брали у другихъ купцовъ товары, не платя за нихъ денегъ впередъ, а выплачивали по выручкѣ съ процентами: по этому поводу возникали обманы. При Владимірѣ Мономахѣ было положено различіе между тѣмъ неоплатнымъ купцомъ, который потерпитъ нечаянно отъ огня, отъ воды или отъ непріятеля, и тѣмъ, который испортитъ чужой товаръ или пропьетъ его, или „пробьется", т. е. заведетъ драку, а потомъ долженъ будетъ заплатить виру или „продажу" (низшій видъ виры). При несостоятельности купца слѣдовало принимать во вниманіе, отъ какой причины онъ сталъ несостоятеленъ. Въ первыхъ случаяхъ, т. е. при нечаянномъ раззореніи, купецъ не подвергался насилію, хотя не освобождался совершенно отъ платежа долга. Нѣкоторые брали капиталъ отъ разныхъ лицъ, а также и у князей. Въ случаѣ несостоятельности такого торговца, его вели на торгъ и продавали его имущество. При этомъ гость, т. е. человѣкъ изъ иного города или чужеземецъ, имѣлъ первенство передъ другими заимодавцами, а за нимъ князь, потомъ уже прочіе заимодавцы получали остальное. Набѣги половцевъ, процентщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ—все способствовало тому, что въ массѣ народа умножились бѣдняки, которые, не будучи въ состояніи прокормить себя, шли въ наемники къ богатымъ. Эти люди назывались тогда „закупами". Съ одной стороны, эти закупы,

*) Гривна была—гривна серебра и гривна кунъ. Гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая въ серебряныхъ кускахъ, которые попадаются вѣсомъ отъ 43 до 49 золотниковъ, и гривна малая—въ кускахъ отъ 35 до 32 золотниковъ. Слѣдовательно, гривна кунъ, $^1/_7$ часть гривны серебра, составляла приблизительно отъ 6 до 7, или отъ 5 до 6 золотниковъ серебра.

взявши отъ хозяина деньги, убѣгали отъ него, а съ другой—хозяева взводили на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли и даже обращали въ рабство. Законъ Мономаха дозволялъ закупу жаловаться на хозяина князю или судьямъ, налагалъ опредѣленную пеню за сдѣланныя ему обиды и утѣсненія, охранялъ его отъ притязанія господина въ случаѣ пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самомъ дѣлѣ закупъ былъ не виноватъ; но зато, съ другой стороны, угрожалъ полнымъ рабствомъ, въ случаѣ если онъ убѣжитъ, не исполнивши условія. Кромѣ закуповъ, служащихъ во дворахъ хозяевъ, были закупы „ролейные" (поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу). Они получали плуги и бороны отъ владѣльца, что показываетъ обѣднѣніе народа; хозяева нерѣдко придирались къ такимъ закупамъ подъ предлогомъ, что они испортили данныя имъ земледѣльческія орудія и обращали въ рабство свободныхъ людей. Отсюда возникла необходимость опредѣлить: кто именно долженъ считаться холопомъ. Законодательство Владиміра Мономаха опредѣлило только три случая обращенія въ холопство: первый случай, когда человѣкъ самъ добровольно продавалъ себя въ холопы, или когда господинъ продавалъ его на основаніи прежнихъ правъ надъ нимъ (такая покупка должна была непремѣнно совершаться при свидѣтеляхъ); второй случай обращенія въ рабство было принятіе въ супружество женщины рабскаго происхожденія (вѣроятно, случалось, что женщины искали освобожденія отъ рабства посредствомъ замужества); третій случай, когда свободный человѣкъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человѣка (тіунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду). Вѣроятно, это было постановлено потому, что нѣкоторые люди, принявъ должность, позволяли себѣ разные безпорядки и обманы, и, за неимѣніемъ условій, хозяева не могли искать на нихъ управы. Только исчисленные здѣсь люди могли быть обращаемы въ холопы. За долги нельзя было обращать въ холопство, и всякій, кто не имѣлъ возможности заплатить, могъ отработать свой долгъ и отойти. Военноплѣнные, повидимому, также не дѣлались холопами, потому что объ этомъ нѣтъ рѣчи въ Русской Правдѣ при исчисленіи случаевъ рабства. Холопъ былъ тѣсно связанъ съ господиномъ: господинъ платилъ его долги, а также уплачивалъ цѣну украденнаго его холопомъ. Прежде, при Ярославѣ, за побои, нанесенные холопомъ свободному человѣку, слѣдовало убить холопа, но теперь постановили, что въ такомъ случаѣ господинъ платилъ за раба пеню. Холопъ вообще не могъ быть свидѣтелемъ, но, когда не было свободнаго человѣка, тогда принималось и свидѣтельство холопа, если онъ былъ должностнымъ лицомъ у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убійство холопа или рабы безъ вины наказывалось платежомъ князю „продажи".

По нѣкоторымъ даннымъ, ко временамъ Мономаха слѣдуетъ отнести постановленія о наслѣдствѣ. Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, всѣ сыновья наслѣдовали поровну, а дочерямъ обязывались выдавать приданое при замужествѣ: меньшому сыну доставался отцовскій дворъ. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своимъ имуществомъ по завѣщанію. Въ правахъ наслѣдства бояръ и дружинниковъ и въ правахъ смердовъ существовала та разница, что наслѣдство бояръ и дружинниковъ ни въ какомъ случаѣ не переходило къ князю, а на-

слѣдство смерда (простого земледѣльца) доставалось князю, если смердъ умиралъ бездѣтнымъ. Женино имѣніе оставалось неприкосновеннымъ для мужа. Если вдова не выходила замужъ, то оставалась полной хозяйкой въ домѣ покойнаго мужа, и дѣти не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами съ мужчиной. За убійство или оскорбленія, нанесенныя ей, платилась одинаковая вира, какъ за убійства или оскорбленія, нанесенныя мужчинѣ.

XLIV. ИЗЪ ПОУЧЕНІЯ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

(Изъ Лаврентьевской лѣтописи).

...Приближаясь къ смерти, я помыслилъ въ душѣ своей и восхвалилъ Бога, который меня, грѣшнаго, сохранилъ въ живыхъ до сихъ поръ. Дѣти мои или кто другой, читающій это писаніе, не смѣйтесь надо мною; кому же изъ дѣтей моихъ полюбится оно, пусть тотъ приметъ его въ сердце свое, откажется отъ бездѣйствія и начнетъ трудовую жизнь. Тотъ, кому не понравится это описаніе, пусть не гордится, а скажетъ такъ: „отправляясь въ далекій загробный путь, онъ говорилъ безлѣпицу". На Волгѣ встрѣтили меня послы братьевъ моихъ и сказали: „Соединись съ нами, изгонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ: если же ты не съ нами, то не желаемъ имѣть съ тобою ничего общаго". Я отвѣчалъ: „Хотя вы и гнѣваетесь, не могу идти съ вами и совершить клятвопреступленіе". Отправивъ ихъ, я взялъ въ печали псалтырь, раскрылъ его и напалъ на слѣдующее мѣсто: „Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?" и прочая. Я, собравъ эти великія слова, поразмыслилъ надъ ними и написалъ: Если не любите слѣдствій какого-либо дѣла, не предпринимайте самаго дѣла. „Вскую печальна еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Упова на Бога, яко исповѣмся ему". Не помогай лукавящимъ, не завидуй творящимъ беззаконіе, потому что лукавящіе погибнутъ, послушные Господу овладѣютъ землею... По истинѣ, дѣти мои, поймите, какъ человѣколюбивъ Богъ, какъ Онъ милостивъ и премилостивъ, а мы люди грѣшные и смертные. Если кто намъ зло сотворитъ, мы хотимъ того немедленно погубить и кровь его пролить; между тѣмъ, какъ Господь нашъ, властный въ жизни и смерти, терпитъ, когда грѣховъ у насъ выше головы, и во всю жизнь поступаетъ съ нами, какъ отецъ, любящій свое дитя, наказывающій его и опять выражающій къ нему любовь. Господь нашъ указалъ намъ путь къ побѣдѣ, которая достается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Поймите, дѣти мои, что заповѣдь Божья не тяжела, если этими тремя дѣлами можно освободиться отъ грѣховъ своихъ и не лишиться царства Божія. Ради Бога, не лѣнитесь и не забывайте, умоляю васъ, этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки. Не одиночествомъ, не монашествомъ, не голодомъ, коему подвергаютъ себя иные добрые люди, но малымъ дѣломъ можно заслужить милость Божью... Восхвалите, дѣти мои, Бога, давшаго намъ милость Свою, и послушайте мое ничтожное и нескладное наставленіе. Послушайте меня и примите, если не все, то хотя половину. Когда Богъ умягчитъ ваше сердце, испустите слезы о грѣхахъ своихъ

и воскликните: „Какъ блудницу, и разбойника, и мытаря, такъ и насъ, грѣшныхъ, помилуй". Не грѣшите ни одну ночь, если можете, кланяйтесь до земли трижды, не забывайте этого и не лѣнитесь, ибо этими ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и освобождается отъ грѣховъ, совершенныхъ днемъ. Даже ѣздя на конѣ, если ничѣмъ не заняты и другихъ молитвъ не знаете, безпрестанно въ мысляхъ повторяйте: „Господи, помилуй"; молиться такъ гораздо лучше, чѣмъ думать безлѣпицу. Болѣе всего не забывайте бѣдныхъ, по возможности, кормите ихъ, окажите покровительство сиротѣ, сами оправдайте вдову, не допускайте, чтобы сильные обижали слабыхъ. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте и не повелѣвайте убить; если кто будетъ достоинъ смерти, не губите души христіанской. Говоря что-либо, доброе или недоброе, не клянитесь именемъ Бога, не креститесь, ибо во всемъ этомъ нѣтъ надобности; но если будете крестъ цѣловать относительно братьевъ или кого-либо другого, то исполняйте крестное цѣлованіе, чтобы, измѣнивъ ему, не погубить души своей. Уважайте епископовъ, священниковъ и игуменовъ, съ любовью принимайте отъ нихъ благословеніе, не сторонитесь отъ нихъ, любите ихъ и по возможности одаряйте, чтобы они молились Богу за васъ. Болѣе всего не имѣйте въ сердцѣ и умѣ гордости. Мы должны знать, что мы смертны: сегодня живы, а завтра въ могилѣ. Все, чѣмъ мы обладаемъ, не наше, а порученное намъ Богомъ на мало времени. Въ землѣ сокровищъ не зарывайте, ибо это великій грѣхъ. Старыхъ чтите, какъ отца, молодыхъ—какъ брата. Въ домѣ своемъ не бездѣйствуйте, за всѣмъ смотрите. Не полагайтесь на тіуна и отрока, чтобы гости ваши не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и обѣдомъ вашимъ. На войнѣ не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводъ, не предавайтесь ѣдѣ, питью, сну. Сами разставляйте стражу и ночью, все устроивъ, тутъ же лягте, чтобы встать рано; оружія не слагайте съ себя, ибо въ случаѣ тревоги человѣкъ погибаетъ отъ лѣности. Не лгите, не предавайтесь пьянству и разврату; отъ всего этого разрушается и духъ, и тѣло. Путешествуя по своимъ владѣніямъ, не давайте ни своимъ, ни чужимъ отрокамъ возможности наносить вредъ въ селахъ и на поляхъ, чтобы не подвергнуться проклятіямъ. Когда-же остановитесь гдѣ-либо—накормите и напоите хозяина. Особенно почитайте гостей, откуда бы они къ вамъ ни пришли. Будь они незнатны, добры или злы—почтите ихъ если не подаркомъ, то пищею и напиткомъ, потому что они, странствуя, разносятъ по всѣмъ землямъ добрую или недобрую молву о человѣкѣ. Посѣтите больного, сопровождайте покойника, ибо мы всѣ смертны; при встрѣчѣ привѣтствуйте человѣка, сказавъ ему доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою. Въ заключеніе всего—имѣйте страхъ Божій. Добрыхъ знаній, которыя имѣете, не забывайте, притомъ учитесь тому, чего не знаете, какъ мой отецъ, который, сидя дома, зналъ пять языковъ, и была ему за то честь отъ другихъ народовъ. Лѣность—мать всякаго зла; она заставитъ забыть извѣстное и не научитъ новому; привыкнувъ же дѣлать добро, человѣкъ не будетъ лѣнивъ ни въ какомъ добромъ дѣлѣ. Да не застанетъ васъ солнце въ постелѣ; такъ жилъ мой блаженный отецъ и всѣ совершенные мужи. Утромъ онъ воздавалъ Богу хвалу, а потомъ, при восходѣ солнца, прославлялъ Господа съ радостью и говорилъ: „Просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный; и еще, Господи,

приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога". Затѣмъ онъ садился думать съ дружиною или творить судъ, ѣхалъ на охоту или чтобы проѣхаться; и ложился спать, ибо отъ Бога присуждено спать въ полдень: въ это время почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ.

А теперь разскажу вамъ, дѣти мои, о себѣ, какъ я трудился въ походахъ и на охотахъ въ продолженіе 13 лѣтъ. Во-первыхъ, я ходилъ къ Ростову, чрезъ землю Вятичей, куда меня послалъ отецъ... (слѣдуетъ перечисленіе походовъ). А изъ Чернигова въ Кіевъ я ѣздилъ не тихо къ отцу: въ одинъ день, до вечерни. Всѣхъ большихъ походовъ совершено мною 83, числа же малыхъ не помню. Мировъ съ половцами я заключилъ 19 и при отцѣ, и безъ отца, при чемъ раздарилъ много скота и одежды. Я освободилъ изъ оковъ знатнѣйшихъ половецкихъ князей слѣдующихъ: двухъ братьевъ Шаруканъ, трехъ Басубарсовъ, четырехъ Овчинъ, а всѣхъ знатныхъ князей до 100. Богъ мнѣ давалъ въ руки живыхъ князей: Коксуса съ сыномъ, Алкана, Бурчевича... А вотъ какъ я трудился на охотахъ. Вязалъ своими руками дикихъ коней по 10 и 20; два тура метали меня на рогахъ своихъ съ конемъ, олень бодалъ, одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь около колѣна сѣдло прокусилъ, лютый звѣрь вскакивалъ мнѣ на плечи и повергалъ на землю и меня, и коня. Но Богъ меня сохранилъ невредимо. Съ коня я падалъ много разъ, однажды разбилъ себѣ голову, повреждалъ и руки, и ноги, особенно въ юности, когда не дорожилъ жизнью, не щадилъ головы своей. Что нужно было дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ и во время войны, и на охотѣ, и ночью, и днемъ, и зимою, и лѣтомъ, не давая себѣ покоя. Не полагаясь на посадниковъ и бирючей, самъ я справлялъ все нужное, какъ правитель и какъ домохозяинъ. Самъ я заботился объ охотничьемъ нарядѣ, о конюхахъ, о соколахъ, о ястребахъ. Я не далъ сильно обидѣть ни одну вдову, ни одного ничтожнаго смерда, и въ то же время не пропускалъ церковной службы и не уклонялся отъ исполненія церковныхъ порядковъ. Дѣти мои, или кто иной, прочитавшій это! Не охуждайте меня, такъ какъ я не хвалю ни себя, ни своей храбрости; я хвалю Бога и прославляю Его милость, такъ какъ Онъ меня, грѣшнаго и недостойнаго, сохранилъ отъ столькихъ опасностей и сотворилъ меня нелѣнивымъ на всѣ дѣла, достойныя человѣка. Прочитавъ это писаніе, постарайтесь быть прилежными въ добрѣ, славя Бога со святыми его. Не бойтесь, дѣти, смерти ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите мужеское дѣло, какъ Богъ подастъ. Я вѣдь тоже былъ въ опасности и въ битвахъ, и на охотахъ, падалъ съ коня; но никто не убьетъ васъ и не повредитъ вамъ, если не будетъ на то воли Господней; но коль скоро отъ Бога назначено будетъ умереть, то ни отецъ, ни мать, ни братья спасти не смогутъ. Отеческое наблюденіе хорошо, но Божье еще лучше.

XLV. Русская колонизація сѣверовосточнаго края.

(Изъ статьи Ешевскаго: „Русская колонизація сѣверовосточнаго края". Собраніе сочиненій, т. III).

Густыми массами занимали племена финскія сѣверовостокъ Европейской Россіи. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, они никогда не могли составить прочнаго государственнаго организма. Множество князей финскихъ мы знаемъ по именамъ; но это были, по всей вѣроятности, или племенные старѣйшины, или предводители отдѣльныхъ дружинъ, образовавшихся вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Единственное племя, которое положительно опередило другихъ въ политическомъ развитіи, въ которомъ замѣтны болѣе живые слѣды устройства гражданскаго—это волжскіе булгары и буртасы. Здѣсь были города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней мѣрѣ, у булгаръ, торговля и т. д. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило эти начала гражданственности, приведя въ частныя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ. Къ сожалѣнію, этнографическіе элементы земли волжскихъ булгаръ и буртасовъ далеко еще не изслѣдованы. Развалины городовъ булгарскихъ большею частью уже исчезли съ лица земли. Самые булгары, болѣе другихъ извѣстные, изслѣдованы поверхностно, и археологическихъ раскопокъ еще не было произведено. Буртасы оставили память только въ мѣстныхъ названіяхъ рѣки *Буртасъ* и многихъ селеній того же имени. Принятію исламизма и сравнительно высшей степени гражданскаго развитія должно приписать большую крѣпость въ защитѣ своей самостоятельности, какую мы видимъ въ булгарахъ; и, во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя сравнивать съ другими финскими племенами, хотя безспорно, что большая часть финновъ, инородцевъ Казанской губерніи, утратила подъ чуждымъ владычествомъ многое изъ своихъ народныхъ особенностей. Въ нынѣшней мордвѣ и черемисахъ трудно узнать тѣхъ своевольныхъ, необузданныхъ язычниковъ, которые такими опустошительными набѣгами мстили князьямъ русскимъ за попытку покорить ихъ, которые безпрерывными возстаніями принуждали государство Московское держать здѣсь въ сборѣ постоянное войско, долго спустя послѣ ихъ номинальнаго покоренія. Только администрація конца XVII и XVIII столѣтій придавила ихъ окончательно къ землѣ и заставила ихъ признать свою ничтожность.

Юговосточная часть Европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. Уже изъ миѳическихъ преданій грековъ о скиѳахъ можно заключать, что даже эти древнѣйшія племена степей были пришлыми. Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ Азія не переставала высылать скитальческихъ сыновъ своихъ. Слѣдить смѣну однѣхъ ордъ другими такъ же трудно, какъ и объяснить себѣ причины исчезновенія однихъ племенъ и появленія другихъ. За гуннами слѣдо-

вали авары, ихъ смѣнили хозары, печенѣги, половцы, татары. Одни изъ нихъ проходили черезъ юговосточную равнину Россіи, слѣдуя въ своемъ опустошительномъ шествіи далѣе къ западу и пытаясь основать прочныя поселенія среди народовъ германскаго происхожденія; другіе до конца своего историческаго существованія оставались въ приволжскихъ степяхъ южной Россіи, распространяя предѣлы степи на счетъ осѣдлаго славянскаго населенія. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько-нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хозаръ, остающихся загадкою для исторіи. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіатскихъ кочевниковъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Для осѣдлаго населенія одинаково тяжело ихъ владычество. Воображеніе народное всѣмъ имъ приписывало одинаковое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы. Названіе новыхъ кочевниковъ въ былинахъ, пѣсняхъ народа безразлично замѣняло всѣ имена прежнихъ ордъ. Змій, съ которымъ бьются богатыри Владиміра, точно также сближался въ народной фантазіи съ татарами, какъ и съ другими выходцами азіатскаго Востока.

Только съ появленія варяжской дружины и вслѣдъ за нею христіанства начинается первое освобожденіе славянскаго населенія, его распространеніе на сѣверъ и востокъ. До той поры разрозненныя племена славянскія, жившія подъ условіемъ патріархальнаго быта, были легкою добычей для каждой новой орды, явившейся изъ Средней Азіи или возникшей въ степяхъ Южной Россіи. Поставленныя рядомъ съ племенами финскими, стоявшими съ ними на одинаковой степени развитія, довольно близкими съ ними по формамъ быта, славянскія племена могли подвигаться нѣсколько къ сѣверу, селясь на незаселенныхъ пространствахъ, но имѣть рѣшительное вліяніе даже на племена финскія они не были въ состояніи; предъ воинственными же выходцами Азіи они оставались совершенно беззащитными, покорно принимая налагаемыя на нихъ условія подчиненности. Съ племенами финскими находимъ ихъ рядомъ на первыхъ же страницахъ лѣтописи, и притомъ на правахъ совершенно равныхъ. Перевѣсъ данъ былъ славянскимъ племенамъ появленіемъ среди нихъ дружины варяжской. Правда, въ призваніи этой дружины одинаково участвуютъ и племена финскія; но скоро видимъ ее уже среди племенъ чисто-славянскихъ, въ Кіевѣ. Дружина даетъ племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Смѣшно видѣть въ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ государей въ современномъ смыслѣ этого слова—видѣть въ ихъ дѣятельности дѣятельность государственную. Самое понятіе о государствѣ было чуждо этимъ вождямъ сбродной дружины; тѣмъ болѣе чужды были имъ понятія объ администраціи. Но нельзя не признать ихъ великой заслуги предъ будущимъ государствомъ. Своею безпокойною дѣятельностью они расплодили русскую землю, по лѣтописному выраженію; силою оружія впервые соединили племена, жившія до сихъ поръ особо, каждый *родомъ своимъ*: сдержали степныхъ варваровъ и мечомъ намѣтили границы государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—христіанство. Оно давно уже извѣстно было на черноморскомъ прибрежьѣ, но быстрое его распространеніе

въ глубь сѣвера было слѣдствіемъ появленія этой же дружины. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ были варяги. Знаменитая Ольга была варяжскаго рода. И здѣсь, какъ въ великомъ дѣлѣ объединенія племенъ славянскихъ, на первомъ планѣ дружина. И не мудрено: дружинникъ скорѣе другихъ могъ отрѣшиться отъ языческихъ заблужденій. Оторванный отъ семьи, отъ племени, даже отъ извѣстной опредѣленной народности, онъ не могъ сохранить крѣпости языческаго вѣроученія, такъ тѣсно связаннаго съ патріархальнымъ бытомъ. Въ сбродной дружинѣ точно также не могло быть опредѣленной религіи, какъ не было опредѣленной національности.

Одновременное почти появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины, пришедшей съ сѣвера, и христіанства вывело племена славянъ восточныхъ на новый путь. Обладая двойною силою матеріальнаго и духовнаго соединенія, начали они наступательное движеніе въ глубь племенъ чуждыхъ, и чѣмъ крѣпче становилось это внутреннее единство, чѣмъ болѣе уступали формы древняго патріархальнаго быта новымъ формамъ государственнымъ, чѣмъ глубже проникало христіанство въ народное сознаніе,—тѣмъ успѣшнѣе было это распространеніе славянскаго племени и тѣмъ многозначительнѣе становились его результаты. Послѣднее изверженіе азіатскихъ кочевниковъ изъ глубины Востока, на время сдержавъ его, не могло однако же остановить его навсегда. Внутреннее развитіе государственныхъ стремленій и христіанство не были сокрушены монголами, а, одолѣвъ это послѣднее напряженіе азіатскаго міра, Русь, представительница христіанской Европы, тѣмъ быстрѣе пошла къ окончательной побѣдѣ. По самому свойству своему, дружина не могла оставаться въ бездѣйствіи. При Владимірѣ, всѣ племена славянъ восточныхъ признали уже власть князя Кіевскаго, служили одной волѣ, которая могла двинуть ихъ силы по извѣстному направленію. Но въ какую же сторону могли быть они направлены, куда обратится наступательное движеніе соединенныхъ племенъ? Первое движеніе дружины варяжской, располагавшей судьбою славянъ восточныхъ, было къ той же завѣтной цѣли, которая такъ неодолимо влекла къ себѣ всѣ дружины, къ Римской имперіи, т. е. къ восточной ея половинѣ, еще уцѣлѣвшей отъ варварскаго погрома. Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ рвутся къ Византіи. Но Византійская имперія располагала еще огромными средствами. Примѣръ Святослава лучше всего доказалъ это. Отъ Византіи, кромѣ того, отдѣляли Русь степныя низовья Днѣпра и береговъ Чернаго моря—вѣковой притонъ азіатскихъ кочевниковъ. Не было возможности ни кормить эти скитавшіяся орды и очистить свободное сообщеніе съ Греціею, ни сорвать съ почвы всѣ осѣдлыя земледѣльческія племена русскихъ славянъ, чтобы всею массою двинуть ихъ на Византію. Переселенія осѣдлыхъ племенъ цѣлыми массами совершаются только подъ условіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а этихъ обстоятельствъ не было. Отдѣльнымъ же дружинамъ не сломить было Восточной имперіи, хотя бы въ челѣ дружины стоялъ Святославъ. Дружины князей кіевскихъ изъ своихъ походовъ въ Грецію вынесли одно сокровище—христіанство. На юго-западѣ также было сильное препятствіе наступательному движенію славянъ русскихъ. Тамъ были государства Польское и Венгерское, уже болѣе крѣпкія въ своемъ политическомъ составѣ и притомъ опиравшіяся на католическую Германію. Оставался просторъ и свобода дѣйствія по направ-

лению къ сѣверу и сѣверовостоку потому, что открытыя безлѣсныя степи юговостока Россіи не могли манить къ себѣ земледѣльческое населеніе: тамъ никогда не было полной безопасности отъ кочевниковъ. Области Черниговская, Переяславская, Курская всегда были подвержены частымъ набѣгамъ степныхъ варваровъ. Совсѣмъ иное было на сѣверовостокѣ: въ области верхней Волги, въ области Ростова и Суздаля финскія племена, жившія тутъ давно, были въ тѣсной связи съ славянами. По всей вѣроятности, ростовская меря, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, призвала князей варяжскихъ: по крайней мѣрѣ, тамъ мы находимъ уже посадника Рюрикова. При обширности области, при ея малонаселенности, здѣсь было мѣсто для русскихъ поселенцевъ. Сюда обратился первый притокъ русскаго населенія. Заселенія областей, строеніе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ князей русскихъ. Всѣ они чувствовали, что это одно изъ первыхъ условій силы и безопасности. Всѣми силами поэтому старались князья русскіе привлекать населеніе въ свои волости. Василько Ростиславичъ мечталъ даже силою переселить въ свою область болгаръ дунайскихъ. Знаменитый Даніилъ Романовичъ привиллегіями привлекалъ въ Галицкое княжество переселенцевъ изъ сосѣднихъ западныхъ государствъ, даже евреевъ, армянъ и т. д. Тѣмъ болѣе должны были заботиться о привлеченіи переселенцевъ князья, которымъ доставалось владѣть землею Ростовскою. Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій преимущественно отличались этимъ стремленіемъ. Извѣстна привязанность Андрея Боголюбскаго къ бѣдной области Ростовской. Для новаго Владиміра Клязьменскаго онъ пренебрегъ старѣйшимъ городомъ, матерью городовъ русскихъ, Кіевомъ. Охотно шли сюда жители другихъ княжествъ. Правда, природа верхняго Поволожья, средняго и нижняго теченія Оки бѣднѣе природы Малороссіи; но другія выгоды уравнивали положеніе земли Ростовской: сюда не достигали набѣги половцевъ или литовцевъ. Въ теченіе 173 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Ярослава Владиміровича, однихъ большихъ половецкихъ набѣговъ было 37, а они были часты на югѣ. За далекую волость шло мало усобицъ. Князья тѣснились быстро къ Кіеву, бились за право владѣть Переяславлемъ, Туровомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на одинъ изъ младшихъ столовъ на Руси. Умная распорядительность князей суздальскихъ довершила остальное. Въ первой четверти XIII вѣка, въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, мѣшалось съ финскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Когда Кіевъ окончательно утратилъ свое значеніе послѣ татарскаго разгрома, княжество Владимірское сдѣлалось главнымъ среди другихъ княженій. Перенесеніе митрополіи еще болѣе придало ему значенія, перенеся съ югозапада на сѣверовостокъ центръ духовнаго управленія; и когда около Москвы начали сосредоточиваться всѣ области сѣверовосточной Руси, то отсюда началось дальнѣйшее распространеніе русской колонизаціи. Поселеніе русскаго населенія въ Ростовской землѣ среди мери и другихъ финскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстій о насильственномъ покореніи туземцевъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги, и то, впрочемъ, строеніе Костромы, Юрьевца-Поволжскаго и даже Нижняго, городовъ, поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи

въ нее значительныхъ притоковъ, обошлось безъ особенныхъ усилій. Здѣсь при дальнѣйшемъ распространеніи грозило сильное сопротивленіе въ мусульманскомъ царствѣ волжскихъ булгаръ. По всей вѣроятности, это сопротивленіе было бы сломлено, но татары, предъ которыми пали и булгары, и Владиміръ Клязьменскій, остановили дальнѣйшее распространеніе русскихъ племенъ къ востоку внизъ по Волгѣ.

Еще прежде, чѣмъ путемъ мирнаго заселенія заняли русскіе колонисты землю Ростовскую, открывались оружіемъ другіе пути по сѣверо-востоку для русскихъ поселеній. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣверную Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки шли промышленники изъ Новгорода Великаго, и мы должны обратить вниманіе на разселеніе изъ этой мѣстности, потому что оно носитъ особенный характеръ. Страна, простирающаяся по ту сторону уваловъ, въ Заволочьѣ, область Сѣверной Двины, Камы и ея притоковъ, очевидно, не могла представлять тѣхъ удобствъ для земледѣльческихъ поселеній, какія представляла область верхней Волги, Ростова. Необозримые лѣса тянутся и теперь еще отъ сѣверныхъ частей Костромской губерніи къ Бѣлому морю, по тундрамъ береговъ Сѣвернаго океана съ одной стороны, на востокѣ — къ Уралу, съ другой. Въ земледѣліи не могъ найти поселенецъ обезпеченія своихъ потребностей. Звѣроловныя финскія племена вели бродячую жизнь въ дремучихъ лѣсахъ или жили небольшими поселеніями по берегамъ рѣкъ. Въ ихъ характерѣ было болѣе дикости, чѣмъ въ тѣхъ народцахъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ славянами. Пермяки, вогулы, югра не отличались уступчивостью. Безнаказанно они не допускали селиться между ними чужеродцамъ; мѣсто между ними должно было добыть съ оружіемъ въ рукахъ. Сюда, впрочемъ, шли и русскіе изъ иной мѣстности и не съ тѣми цѣлями, съ какими стекалось русское населеніе въ области верхней Волги. Сюда манило богатство пушныхъ товаровъ, которые дорогой цѣной сбывались иностраннымъ торговцамъ; отсюда шло серебро закамское. Мѣха сѣверной Россіи одинаково славились и на Западѣ, и на Востокѣ, за ними пріѣзжали арабскіе купцы въ Итиль и булгары на Волгѣ. Ихъ требовали отъ новгородцевъ ганзейцы. Не мудрено, что рано уже установились сношенія съ страной, доставлявшей такой цѣнный и сильно требующійся предметъ торговли. Съ X вѣка вели мѣновую торговлю съ югрой булгары. Въ XI вѣкѣ имѣемъ разсказъ о югрѣ новгородца, посылавшаго своего отрока на Уралъ, для мѣновой торговли съ нею. Рано находимъ мы Заволочье и заволочскую чудь подъ властью Новгорода, рано находимъ и прочныя поселенія новгородцевъ далеко по сѣверо-востоку. Въ характерѣ новгородцевъ были всѣ условія для отважныхъ, рисковыхъ предпріятій. Мѣстное положеніе способствовало развитію духа предпріимчивости въ новгородскомъ населеніи и указало на торговлю, какъ на главное занятіе. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя извѣстны каждому, въ Новгородѣ выработалось политическое устройство, развивавшее личную самостоятельность гражданъ. Подлѣ власти князя, безпрестанно смѣнявшагося и потому ничѣмъ особенно не привязаннаго къ Новгороду, кромѣ временныхъ и личныхъ выгодъ,—подлѣ этой власти стояла другая власть, ее ограничивавшая, именно—власть вѣча и народнаго сановника-посадника. Неопредѣленное отношеніе двухъ властей, очевидно, враждебныхъ другъ другу, отсутствіе правильныхъ,

всѣми признанныхъ формъ правленія, полная возможность для вскрытія самыхъ противоположныхъ явленій, произволъ, которому давалось широкое мѣсто въ отправленіи общественныхъ дѣлъ,—все это подавало безпрестанные поводы къ столкновеніямъ въ городѣ. Конецъ вооружался на другой, одна улица шла грабить другую. Противъ одного вѣча собиралось также законно другое. Въ этихъ смутахъ, если воспитывалось своеволіе, то воспитывалась также и энергія. Неробкое сердце долженъ былъ имѣть тотъ, кто осмѣливался противорѣчить большинству на вѣчѣ, потому что голосъ меньшинства часто смолкалъ на днѣ Волхова. Промышленныя и торговыя предпріятія новгородцевъ должны были отличаться смѣлостью, если не правильностью и обдуманностью. Колонистъ новгородскій шелъ съ оружіемъ, а не съ плугомъ, готовъ былъ тотчасъ обратиться въ завоевателя, а подчасъ—грабителя. Вѣче и исполнительная власть не могли руководить предпріятіями. Толпы новгородской молодежи шли часто безъ „новгородскаго слова" искать приключеній и истратить на чужой сторонѣ избытокъ силъ. Каковы были эти искатели приключеній, лучше всего видно изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ „ушкуйникахъ" XIV столѣтія. Ушкуями назывались лодки, на которыхъ разбойничали новгородцы по рѣкамъ. Ушкуйники отправлялись обыкновенно внизъ по Волгѣ грабить города булгарскіе, перехватывать купеческіе караваны, шедшіе изъ Каспійскаго моря къ Сараю или булгарамъ. Мусульмане подвергались обыкновенно смерти, но при случаѣ мало щадили и купцовъ христіанскихъ. Города русскіе также не всегда бывали безопасны отъ ихъ нападеній.

Понятно, какой характеръ должно было носить появленіе такихъ поселенцевъ среди полудикихъ зырянъ, вотяковъ и вогуловъ. Какъ образовались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова или Вятки. Въ 1170 году новгородская вольница спустилась по Волгѣ и утвердилась городкомъ на устьѣ Камы. Отсюда высматривали они, куда отправиться. Услыхавъ о поселеніи чуди на Вяткѣ, они раздѣлились на двѣ партіи. Одна половина пошла по Камѣ и доходила до Чусовскихъ мѣстъ; другая осталась въ городкѣ, перебралась потомъ въ Чепцу и по ней спустилась въ Вятку. Здѣсь, на высокой горѣ, завидѣла она чудской городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ; приготовившись постомъ и молитвою и давъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, выстроить церковь во имя Бориса и Глѣба, удальцы взяли приступомъ чудской городокъ, переименовали въ градъ Никулицынъ, поставили по обѣщанію церковь, и поселились тамъ. Скоро объ ихъ удачѣ дошло и до товарищей ихъ, оставшихся на устьѣ Камы. Тѣ рѣшились, въ свою очередь, попробовать счастья. Поднявшись по Камѣ, они вошли въ устье Вятки и плыли вверхъ по ней до черемисскихъ жилищъ и до городка Кокшарова, которымъ владѣли черемисы. Молитва Бориса и Глѣба помогла и имъ. На другой день приступа черемисы выбѣжали изъ городка и покорились. Новгородцы прочно утвердились среди вотяковъ и черемисовъ. Но постоянная опасность заставила обѣ части поселенцевъ подумать о выгодахъ общаго поселенія. Посланцы изъ Никулицына и Кокшарова сошлись и общимъ совѣтомъ выбрали мѣсто на высокой горѣ, близъ впаденія въ Вятку рѣки Хлыновицы. Здѣсь рѣшено было срубить городъ, но чудо указало другое мѣсто, ниже перваго, на самой Вяткѣ. Здѣсь и былъ основанъ Хлыновъ.

Такъ образовалось первое поселеніе русскихъ на великой рѣкѣ вотяцкой. Буйство и своеволіе новгородской вольницы надолго остались въ характерѣ вятчанъ. Не признавая зависимости отъ митрополіи, только по имени признавая власть и сильныхъ государей московскихъ, Вятка управлялась своимъ атаманомъ выборнымъ и служила постояннымъ притономъ для бѣглецовъ со всей Руси. Какъ совершилось заселеніе Хлынова, такъ совершалось и поселеніе на другихъ мѣстахъ. Безпрестанно Новгородъ высылалъ свою молодежь къ Уральскому хребту для сбора дани съ инородцевъ, для приведенія подъ руку Великаго Новгорода новыхъ данниковъ. Къ сѣверо-востоку же стремились водными путями, или пробираясь чрезъ лѣса, промышленныя ватаги; сюда же шли ватаги вольницы. Тѣ и другія одинаково распространяли предѣлы русскаго племени и одинаково открывали новые пути для болѣе мирнаго, осѣдлаго населенія, для христіанства и тѣсно связанныхъ съ христіанствомъ высшихъ формъ быта. Въ 1193 году оружіемъ усмиряетъ Новгородъ своихъ пермскихъ и югорскихъ данниковъ. Шесть лѣтъ спустя, мы читаемъ въ лѣтописи новгородской извѣстіе о новомъ несчастномъ походѣ. Воевода Андрей повелъ войско съ цѣлью овладѣть пермскими и югорскими городками. Измѣнникъ Савко подалъ мысль югорскимъ князьямъ обманомъ заманить къ себѣ лучшихъ мужей новгородскихъ и перебить ихъ. Только 6 недѣль были новгородцы въ Югрѣ, и два года продолжалась экспедиція. Большая часть ихъ была перебита югорцами, только 80 человѣкъ воротились въ Новгородъ, перенеся не даромъ неслыханныя бѣдствія. Такой же характеръ имѣютъ и другія экспедиціи; изъ этого видно, что разсказы о покореніи Перміи Новгородомъ должно принимать съ большою осторожностью. Имена пермскихъ князей хорошо извѣстны. Они сохранили свою самостоятельность даже и по принятіи христіанства. До самаго XV столѣтія мы видимъ частые походы новгородцевъ для усмиренія иноплеменниковъ. Рѣдкія наши поселенія не должны были въ своихъ острожкахъ безпрерывно отбиваться отъ набѣговъ полудикихъ звѣроловов. Новгородъ дорожилъ своимъ моментальнымъ владѣніемъ только для торговыхъ цѣлей, только какъ средствомъ получать оттуда закамское серебро и дорогіе мѣха. Въ послѣднее время самостоятельности Новгорода, князь Иванъ московскій отправилъ въ 1472 году Ѳедора Пестраго съ войскомъ для приведенія Перміи подъ свою высокую руку. Только въ 1505 г. сведенъ былъ послѣдній туземный владѣлецъ Перміи, и посланъ туда великокняжескій намѣстникъ, князь Василій Андреевичъ Коверъ, „первый отъ русскихъ князей", по замѣчанію лѣтописи.

Очевидно, заселенію Перміи должно было предшествовать болѣе сплошное населеніе земель, ближайшихъ по рѣкамъ Югу, верховьямъ Сѣверной Двины, Вычегдѣ и Вяткѣ. Татарское нашествіе, остановивъ распространеніе русскаго племени на востокъ, внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверовосточныхъ лѣсовъ, куда не достигали татарскіе набѣги. Спасаясь отъ татарскихъ опустошеній, отъ ханскихъ баскаковъ и численниковъ, отъ поголовной переписи, земледѣльческое населеніе Средней Руси стремилось по путямъ, проложеннымъ промышленными и разбойничьими ватагами новгородцевъ. Въ лѣсахъ сѣверовосточной части Европейской Россіи искали убѣжища и люди благочестивые, глубоко пораженные униженіемъ христіанской Руси предъ языческими выходцами Азіи. Замѣтимъ особенность русскихъ

поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Распространеніе христіанства всегда шло рука объ руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное осѣдлое населеніе на сѣверовостокѣ. Если въ большей части случаевъ оружіе прокладывало христіанству путь въ глубину неизвѣданнаго еще Востока, то часто случалось и обратное явленіе: проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ.

Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ распространенія русской народности и гражданственности должно быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустыннику, поселившемуся гдѣ-нибудь въ пещерѣ или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ, въ дуплѣ большого дерева, начинала сходиться братія; являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезпечить пустынножителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ построить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Какъ понимали и тогда естественныя слѣдствія основанія монастырей, видно изъ того, какъ вооружались иногда буйные сосѣди противъ ихъ построенія. Терпя между собой отдѣльныхъ христіанскихъ подвижниковъ, они разрушали вновь возникавшія обители. Въ житіяхъ св. Димитрія Прилуцкаго, св. Стефана Махрищскаго находимъ ясные примѣры этого. Проповѣдь св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому поселенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось задолго до окончательнаго ея присоединенія къ областямъ русскимъ. Правительство мало имѣло участія въ заселеніи столь далекихъ странъ. Своевольныя поселенія новгородской вольницы, появленіе христіанскихъ обителей предшествовали заселенію правительства. Правительство часто было не въ силахъ дать защиту поселенцамъ, которые, по господствующимъ понятіямъ, занимая пустопорожнія земли или отнимая ихъ у инородцевъ, тѣмъ не менѣе нуждались въ подтвержденіи правъ на владѣніе со стороны правительства, потому что незаселенныя земли считались собственностью государства. Дѣйствіе правительства ограничивалось признаніемъ правъ поселенцевъ на владѣніе занятыми ими землями, подъ условіемъ отправленія извѣстныхъ повинностей, уступкою имъ земель впустележащихъ и дачею нѣкоторыхъ льготъ поселенцамъ. Заботиться о населеніи, о защитѣ этихъ земель было уже дѣломъ самихъ владѣльцевъ. Самыя права на владѣніе не были опредѣлены, потому что не выработались еще сословныя различія. Уступка земель, считавшихся государственными, производилась на неопредѣленныхъ показаніяхъ объ ихъ протяженіи, сдѣланныхъ желавшими получить ихъ. Зная, въ какомъ невѣдѣніи находилось правительство, даже въ половинѣ XVIII вѣка, относительно положенія отдаленныхъ мѣстно-

стей, относительно числа и состава народонаселенія, мы не будемъ удивляться этому безсилію центральной власти, ея малому участію въ дѣлѣ заселенія русскими выходцами земель инородческихъ. Болѣе прямое вмѣшательство правительства началось съ уничтоженія самостоятельности татарскихъ царствъ на берегахъ Волги. По Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ, верховьямъ Камы, по Чусовой и т. д. русское племя встрѣчалось съ бродячими, звѣроловными племенами финскими, поклонниками грубаго язычества. Только немногіе городки останавливали наступательныя движенія русскихъ поселенцевъ. Разрозненные роды легко уступали мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотяки были отодвинуты хлыновцами далѣе къ востоку, къ самымъ верховьямъ Вятки. Пермяки, разрѣзанные поселеніями по Камѣ, также удалились далѣе къ востоку, за Уралъ, или должны были признать зависимость отъ русскихъ. Вогулы постепенно шли къ востоку, уступая мѣсто русскимъ промышленникамъ, и главныя массы ихъ племени перебрались за Уралъ, куда еще прежде ихъ перешло племя югорское. Подвижность племенъ финскихъ значительно облегчала дѣло колонизаціи. Съ другой стороны, язычество этихъ племенъ не могло оказывать сильнаго сопротивленія христіанству. Смутныя понятія о божествѣ и природѣ, отсутствіе выработаннаго культа обусловливали легкую побѣду христіанской религіи надъ дѣтскими вѣрованіями туземцевъ. Зыряне и пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину, и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ слитію съ племенемъ русскимъ. Область Вятки и верхней Камы покрывается сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Болѣе густыя массы вотяковъ упорнѣе другихъ отстаиваютъ свою народность и вѣрованія, потому что уже примыкаютъ къ областямъ Казанскаго царства. Съ инымъ характеромъ являются племена, признававшія надъ собою верховную власть казанскаго царя, племена по среднему теченію Волги, до ея крутого поворота на югъ у Самарской луки. Правда, Волга давала могущественное орудіе для покоренія всего Приволжья. Оттого быстрымъ и неминуемымъ слѣдствіемъ паденія Казани, было покореніе Астрахани. Но трудность состояла преимущественно въ подчиненіи племенъ средней Волги вліянію русской народности и русской гражданственности. Вглядываясь въ этнографическую карту Россіи, мы видимъ, что тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ въ степи, въ старыхъ кочевьяхъ Золотой Орды, русское населеніе лежитъ болѣе сплошными массами, оттѣснивъ подвижныя орды кочевниковъ далеко къ востоку и юговостоку. По среднему же ея теченію, въ губерніяхъ Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской и къ востоку, въ Оренбургской, живутъ въ большей или меньшей чистотѣ отъ русской примѣси, племена финскаго и монгольскаго происхожденія: черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки. Причины этому должно искать въ особенномъ положеніи этихъ племенъ. Прежде всего, это уже племена или вполнѣ земледѣльческія, или по крайней мѣрѣ вполовину уже осѣдлыя. За исключеніемъ мещеряковъ, отодвинутыхъ къ востоку, въ Оренбургскую губернію, отъ нижнихъ частей Оки, гдѣ жили они еще въ XV столѣтіи между черемисою и мордвою, — всѣ финскія племена остаются на мѣстахъ, гдѣ запомнила ихъ впервые исторія. Сохраняя ясные слѣды своего древняго быта и вѣрованій, эти племена подчинялись однако же верховной власти казанскаго хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, дала имъ возможность дѣй-

ствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало вліяніе исламизма. Принимая ученіе Магомета, туземцы финской расы подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена съ преобладаніемъ однако же татарскаго типа, языка и нравовъ. Финское происхожденіе отатарившихся башкировъ, кажется, не подвержено сомнѣнію. Эти двѣ причины, т. е. большая крѣпость въ соединеніи племенъ Казанскаго царства и могущественное вліяніе исламизма, обусловливаютъ упорное сопротивленіе этихъ племенъ русской народности. И теперь еще русское населеніе идетъ по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ дѣйствію на себя чуждой народности и отличается большею способностью сливаться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Крещеніе черемисы и чувашъ совершалось насильственными мѣрами только въ прошломъ столѣтіи. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои владѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ; нужно было содержать постоянно военную силу въ предѣлахъ и на границахъ Казанскаго царства и въ то же время защищать новообращенныхъ инородцевъ отъ фанатическаго мщенія со стороны ихъ иновѣрныхъ единоплеменниковъ, оберегая ихъ въ то же время отъ соблазна отступничества. Отсюда необходимость правительственныхъ мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими завоеваннаго края.

XLVI. ЮРІЙ ДОЛГОРУКІЙ.

(Изъ соч. Корсакова: „Меря и Ростовское княжество“).

Подъ 988 годомъ у Нестора, вслѣдъ за принятіемъ христіанства Владиміромъ, помѣщено распредѣленіе имъ волостей между сыновьями. По этому распредѣленію, Ростовъ достается Ярославу, который, послѣ смерти старшаго брата Вышеслава, переводится въ Новгородъ, и въ Ростовъ назначается Борисъ. Съ Ярослава и Бориса начинается въ Ростовѣ рядъ князей, которые не живутъ тамъ постоянно, а только наѣзжаютъ въ глухую лѣсистую мѣстность, отдаленную отъ главной исторической арены того времени—Приднѣпровья. Ярославъ, княжившій въ Приднѣпровьи послѣ смерти отца своего Владиміра, бывалъ въ Ростовѣ. Ростовъ вмѣстѣ съ Новгородомъ, какъ видно, принадлежалъ къ его волости. Въ одну изъ поѣздокъ въ Ростовъ былъ имъ срубленъ городъ, названный имъ въ свое время Ярославлемъ. Послѣ Ярослава Ростовская область сначала принадлежала къ владѣніямъ новгородскимъ, а по смерти Святослава Ярославича въ 1076 г., вмѣстѣ со всѣмъ поволжьемъ, составляла волость пятаго сына Ярослава, Всеволода, князя Переяславля южнаго.

Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода, этотъ типическій представитель южнаго князя, который въ свою многотрудную жизнь совершилъ 83 похода, который не зналъ устали, будучи постоянно на конѣ, сражаясь за Русскую землю, который дѣлалъ страшные концы по тогдашней непроѣздной дорогѣ изъ Кіева въ Смоленскъ и оттуда въ Переяславль, пробивая себѣ путь черезъ недружелюбныхъ вятичей и подвергая себя опасности въ путяхъ нападенію дикихъ звѣрей,—этотъ князь былъ нѣсколько разъ въ Ростовской области. Здѣсь срубилъ онъ городъ на Клязьмѣ въ свое имя Володимеръ, который впослѣдствіи, въ отличіе отъ Владиміра Волынскаго, сталъ называться Залѣсскимъ, и построилъ церковь въ Ростовѣ. По смерти Всеволода, Ростовская область стала волостью Мономаха. Въ послѣдніе годы жизни, отвлеченный отъ далекой страны событіями юга и избранный, наконецъ, послѣ смерти Святополка, княземъ кіевскимъ, Мономахъ самъ не ѣздитъ уже въ Ростовскую область, а посылаетъ туда своихъ сыновей. Ростовская область дѣлается, такъ сказать, отраженіемъ южныхъ усобицъ, становясь ареной распри между Изяславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ черниговскимъ. Любечскій съѣздъ укрѣпляетъ Ростовскую область за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ. Съ этого времени тамъ впервые является самостоятельный князь—сынъ Мономаха, Юрій, прозванный Долгорукимъ. Во все это долгое время, отъ Олега до Юрія Долгорукаго, ни одинъ изъ князей не живетъ подолгу въ далекой Ростовской области. Всѣ они являются тамъ гостями и то не частыми. Одинъ Мономахъ туда ѣздитъ усердно. Князей привлекаютъ туда чрезвычайные случаи въ родѣ голода, бывшаго въ 1024 году, и смуты, произведенной по поводу этого голода волхвами, вслѣдствіе чего отправился туда Ярославъ, и то мимоѣздомъ въ Новгородъ. Князья управляютъ своей далекой областью черезъ своихъ „мужей“, черезъ даньщиковъ. Такъ напр., Янъ Вышатичъ собираетъ тамъ дань въ 1071 г. для князя Святослава. Князьямъ некогда заниматься отдаленной областью Ростовскою, ихъ вниманіе приковываетъ къ себѣ „Русь“, южное Приднѣпровье.

Юрій былъ въ Ростовской области еще въ 1096 году. Послѣ этого онъ, по всей вѣроятности, пребывалъ на югѣ. Юрій всѣми своими симпатіями тянетъ къ югу, цѣль его постоянныхъ стремленій есть старшій южный городъ Кіевъ. Добываніе его себѣ по праву старѣйшинства и забота о томъ, чтобы Кіевъ не достался кому-нибудь изъ младшихъ родичей, а тѣмъ паче не перешелъ бы во враждебную линію Ольговичей—вотъ тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ Юрій послѣ смерти Мономаха, тѣ задачи, которыя онъ стойко преслѣдовалъ всю свою жизнь! Поэтому онъ, немедленно послѣ смерти отца, начинаетъ сторожить Кіевъ. 12 лѣтъ пребываетъ въ Ростовской области Юрій, слѣдя за событіями юга. Между тѣмъ, на югѣ произошли событія, которыхъ именно всего болѣе боялся Юрій. Послѣ смерти брата его Ярополка на кіевскомъ столѣ сѣлъ Ольговичъ Всеволодъ, а послѣ его смерти и кратковременнаго правленія брата его Игоря, великимъ княземъ кіевскимъ сталъ Изяславъ Мстиславичъ, племянникъ Юрія, помимо двухъ дядей: Вячеслава и Юрія. Юрій забываетъ враждебныя отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ и соединяется съ Святославомъ Ольговичемъ противъ племянника Изяслава Мстиславича; онъ призываетъ даже половцевъ, этихъ исконныхъ враговъ южной Руси. Съ 1149 по 1155 г. тянется рядъ походовъ Юрія подъ

Кіевъ изъ Ростовско-Суздальской области. Эти далекіе походы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непроѣздныя топи и болота, большія многоводныя рѣки служили главнымъ препятствіемъ весной и лѣтомъ, а зимой затрудняли переходъ глубокіе снѣга; черезъ рѣки весною нельзя было переправляться на судахъ, а лошади тонули. Вслѣдствіе всего этого войска должны были возвращаться съ полудороги. Юрій предалъ раззоренію и грабежу Приднѣпровье, а Изяславъ Мстиславичъ проникалъ въ землю Ростовско-Суздальскую по Волгѣ. Война кончается смертью Изяслава Мстиславича и старшаго брата Юрія, Вячеслава. Юрій, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ треволненій, укрѣпляется въ Кіевѣ. Но недолго наслаждается онъ спокойствіемъ. Юрій не пользуется любовью кіевлянъ, и они входятъ въ переговоры съ Изяславомъ Давидовичемъ черниговскимъ; но не успѣлъ еще счастливый соперникъ Юрія вступить въ Кіевъ, какъ Юрій умеръ, въ 1157 г.

Печальна и весьма замѣчательна судьба этого младшаго изъ сыновей Мономаха. Стоя на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двухъ этнографическихъ формацій русской народности, восточно-русской и южно-русской,—Юрій въ своемъ личномъ характерѣ носитъ ту же двойственность. Съ одной стороны, всѣ его идеалы лежатъ въ южномъ Приднѣпровьи, о „причастьи въ Руси" себѣ и своимъ дѣтямъ заботится онъ всю свою жизнь: его традиціи—традиціи южныхъ князей; съ другой стороны, въ его характерѣ замѣтны нѣкоторыя черты, напоминающія его сына, Андрея Боголюбскаго, положившаго основаніе новому порядку дѣлъ въ княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступаютъ рельефно; онѣ, такъ сказать, еще въ зародышѣ, но и въ этомъ зародышѣ появляется уже „самовластіе", — основная черта характера Андрея. Характеръ Юрія вслѣдствіе этого не представляетъ ничего цѣльнаго. Это переходный типъ отъ южнаго князя къ князю сѣверному, отъ князя Приднѣпровья къ поволжскому князю. Характеръ Юрія представляется намъ промежуточнымъ звеномъ, соединяющимъ его отца, Мономаха, съ его сыномъ, Андреемъ; безъ этого промежуточнаго звена невозможно было бы появленіе Андрея, который такъ рѣзко во всемъ отличается отъ своего дѣда, Мономаха. Нравственный характеръ Юрія весьма несимпатиченъ. Личный разсчетъ есть основная движущая имъ сила, есть причина всѣхъ его дѣйствій. Изъ-за этого личнаго разсчета онъ хитритъ, онъ нарушаетъ крестное цѣлованіе, онъ соединяется съ враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, „наводитъ на югъ половцевъ", исконныхъ враговъ и насильниковъ южно-русской Украйны. Отецъ Юрія, „страдалецъ за Русскую землю"—Мономахъ, былъ не таковъ! Робкій воинъ и храбрый организаторъ, Юрій стремится постоянно на югъ, и между тѣмъ вводитъ „нарядъ" въ своей сѣверо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовыхъ княжескихъ правъ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ, онъ самъ же нарушаетъ эти права, садясь въ Кіевѣ помимо своего старшаго брата Вячеслава. Въ народной памяти Юрій Долгорукій является жестокосердымъ, и, по народному преданію, построенный имъ городъ Москва „стоитъ на крови". Такой князь, конечно, не могъ быть любимъ на югѣ, гдѣ прямота дѣйствій, мужество въ брани, борьба съ „погаными" половцами, служеніе землѣ, а не своей личности—составляли народный идеалъ князя. Такимъ былъ Мономахъ; поэтому онъ и пользовался популярностью на

югѣ; такими являются всѣ Мономаховичи, особенно же потомство Мстислава Владиміровича,—эта „благородная отрасль благороднаго корня“; но Юрій былъ чуждъ югу. Одинокимъ, нелюбимымъ народомъ является онъ въ Приднѣпровьи, куда стремились постоянно всѣ его лучшіе помыслы!..

Значеніе Юрія для Ростовско-Суздальской земли, прежде всего, опредѣляется его колонизаторскою дѣятельностью въ этой землѣ. Колонизаторская дѣятельность Юрія выражается: въ вызовѣ переселенцевъ въ Ростовско-Суздальскую землю, въ построеніи новыхъ городовъ и въ расширеніи и улучшеніи прежде существовавшихъ.

Прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей о томъ, откуда и какъ привлекалъ Юрій колонистовъ въ свою область, мы не знаемъ. Нѣкоторые утверждаютъ, впрочемъ, что Юрій населялъ свои города, созывая людей отовсюду, что онъ давалъ этимъ поселенцамъ не малую ссуду, помогалъ имъ въ строеніяхъ, а также и другими „подаяніями“; что къ нему, кромѣ русскихъ, приходило множество болгаръ, мордвы и венгровъ. За отсутствіемъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, мы не имѣемъ основанія утверждать, что Юрій употреблялъ какіе-нибудь особенные способы для заселенія своей области; косвенныя свидѣтельства лѣтописей даютъ намъ, напротивъ, возможность заключить, что главный, такъ сказать, матеріалъ для заселенія Ростовско-Суздальской земли Юрій Долгорукій имѣлъ въ „повольникахъ“ и „бродникахъ“,—тѣхъ „сходцахъ“, которые съ издавнихъ поръ стремились въ Ростовскую землю. При частыхъ походахъ Юрія на югъ, оттуда очень легко могли приходить съ нимъ въ Ростовскую землю разные сходцы. Юрій покровительствовалъ „большихъ людей“ новгородскихъ, державшихъ его сторону, и переселялъ къ себѣ въ Суздаль ихъ семейства. Такъ, во время смутъ въ Новгородѣ, послѣ бѣгства Святослава Ольговича, постояннаго союзника Юрія, въ 1139 году, къ Юрію въ Суздаль бѣжали сторонники Святослава Судила Нѣжатичъ и Страждка. Двухъ главныхъ сторонниковъ Святослава, пособниковъ его въ бѣгствѣ, посадника Якуна и брата его Прокофья, новгородцы заточили въ Чудь. Юрій освободилъ ихъ и привелъ къ себѣ, а семейства обоихъ, еще раньше ихъ освобожденія, призвалъ въ Суздаль и содержалъ въ почетѣ и милости. Такое обхожденіе Юрія съ „большими людьми“, конечно, не оставалось подъ спудомъ въ Новгородѣ, а становясь извѣстнымъ, оно давало еще болѣе возможности „молодшимъ людямъ“, недовольнымъ тогдашними частыми новгородскими смутами, искать защиты у Юрія и селиться въ его области. Кромѣ того, люди въ родѣ Судилы и Страждки, которые, по тону лѣтописнаго свидѣтельства, были значительными лицами въ Новгородѣ, убѣгали оттуда, по всей вѣроятности, не одни, а съ своею челядью; относительно же семействъ Якуна и Прокофья это можно сказать положительно. Именъ залѣсскихъ городовъ, построенныхъ Юріемъ, передаетъ лѣтопись не много. Она называетъ только: Ксиятинъ, или Константиновъ, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ. Но городовъ, построенныхъ Юріемъ, было, по всей вѣроятности, больше. Москва упоминается впервые въ лѣтописи при Юріи, подъ 1147 г., но лѣтопись ничего не говоритъ объ ея построеніи. Зато народное преданіе приписываетъ ея основаніе Юрію. По этому преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, жилъ во времена Юрія богатый бояринъ и землевладѣлецъ Степанъ Ивановичъ Кучка;

его богатыя села были расположены по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки Разъ Князь Юрій проѣздомъ остановился во владѣніяхъ Кучки. Кучка, „возгордившись зѣло“, не только не почтилъ князя, но поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать боярина смерти, а сыновей его, Петра и Якима, и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею; самъ же, взойдя на гору и обозрѣвъ вокругъ села, лежащія по обоимъ берегамъ рѣки Москвы и за Неглинною, полюбилъ эту мѣстность и повелѣлъ тутъ построить деревянный городъ и прозвалъ его по имени рѣки Москвою. (Въ Москвѣ многія урочища въ своихъ названіяхъ до сихъ поръ сохранили память о Кучкѣ, а въ первое время своего существованія Москва называлась „Кучковымъ“).

Мы уже знаемъ, что до Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ были города: Ростовъ, Суздаль, Ярославль и Владиміръ на Клязьмѣ, а изъ разсказовъ лѣтописца о явленіи волхвовъ въ Ростовской области подъ 1071 г. и о распрѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ и Изяславомъ Владиміровичами въ 1096 г. видно, что Бѣлоозеро и Бѣлоозерскій городъ принадлежали также къ Ростовскимъ владѣніямъ. Бѣлоозеро съ городомъ принадлежитъ къ нимъ и при Юріи Долгорукомъ. Кромѣ того, лѣтопись упоминаетъ еще о нѣсколькихъ городахъ его времени, но существовавшихъ до него, именно: объ Углечѣ-Полѣ, Мологѣ и Переяславлѣ. Ростовъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ земли, называется при Юріи Великимъ. Это названіе показываетъ, что онъ уже въ то время былъ довольно обширенъ по пространству и народонаселенію сравнительно съ другими городами и начиналъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Но Юрій не жилъ въ Ростовѣ; резиденціей своей онъ избралъ Суздаль. Переяславль былъ перенесенъ Юріемъ отъ Клещина озера и увеличенъ. Суздаль, по народному преданію, хотѣлъ онъ также перенести на другое мѣсто, на пять верстъ отъ теперешняго города, гдѣ впадаетъ въ Нерль рѣчка Каменка. Мѣсто это слыло въ народѣ „становищемъ“ святыхъ князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, и Юрій, почитая память этихъ святыхъ своихъ предковъ, хотѣлъ на томъ мѣстѣ основать свою резиденцію. Уже построены были церковь Бориса и Глѣба и дворъ княжій, но Суздаль, вслѣдствіе видѣнія, бывшаго князю, остался на прежнемъ мѣстѣ. Въ Переяславлѣ, Суздалѣ и Владимірѣ Юрій построилъ „каменныя церкви“ и вообще, говоритъ лѣтописецъ, „много каменныхъ церквей созда по Суздальской волости“.

Письменные источники не даютъ намъ почти никакихъ данныхъ для опредѣленія характера княжеской власти Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта власть ничѣмъ не отличалась отъ власти князей на югѣ. Юрій, стремясь къ югу своими идеалами, не могъ имѣть иного представленія объ этой власти, кромѣ того, какое давала ему вѣчевая, княжеско-родовая практика южной Руси. Юрій объѣзжалъ свою волость, по всей вѣроятности, для сбора дани, держалъ совѣтъ съ дружиною и съ дѣтьми своими въ затруднительныхъ случаяхъ, имѣлъ въ городахъ посадниковъ, а въ войскѣ тысяцкаго, поручалъ иныя волости земли Ростовско-Суздальской въ управленіе сыновьямъ и, занявъ Кіевъ, отдалъ всю эту землю сыну своему Васильку.

Соображая географическое распредѣленіе названныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли и припоминая теченіе и направле-

ніе главнѣйшихъ притоковъ Волги, составляющихъ водную сѣть земли мери,—мы можемъ безъ большой ошибки заключить, что Ростовско-Суздальская область при Юріи Долгорукомъ ограничивалась теченіемъ этихъ рѣкъ, т. е., что ея территорія совпадала съ землею народца мери, распространяясь къ С. до Бѣлоозера, вверхъ по теченію Мсты, Мологи, Костромы и Унжи, а къ Ю. ограничиваясь Клязьмою и Москвою-рѣкою. На В. границы Ростовско-Суздальской земли не доходили еще до Оки, а на З. границы шли неопредѣленно между безчисленными рѣчками земель кривской и новгородской. Въ XII в. стали обособляться всѣ земли на Руси. На Ю.-В. Ростовско-Суздальская земля прилегала къ княжеству Рязанскому, на Ю. къ Новгородъ-Сѣверскому, на Ю.-З. къ Смоленскому, а съ З. и С. охватывали ее обширныя волости новгородскія, отдѣляясь отъ нея, быть можетъ, природными увалами. На востокъ, за Окой, шли, какъ и прежде, поселенія мордвы.

XLVII. АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

(По соч. Костомарова: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей").

Суздальское княжество считалось младшимъ въ домѣ Мономаха и досталось сыну его Юрію. Юрій, по прозванію Долгорукій, былъ на столь могуществен, что могъ въ продолженіе многихъ лѣтъ выдерживать трудную и кровопролитную войну за великое княженіе кіевское и въ концѣ концовъ взялъ верхъ надъ своимъ соперникомъ и умеръ великимъ княземъ кіевскимъ. Сынъ Юрія, Андрей, принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ, веденныхъ отцомъ его за обладаніе Кіевомъ, и не разъ ознаменовалъ себя славными подвигами. По всей вѣроятности, Юрій хотѣлъ ему передать послѣ смерти своей кіевскій престолъ, потому что, посадивъ въ своихъ суздальскихъ городахъ, Суздалѣ и Ростовѣ, младшихъ сыновей, онъ далъ Андрею Вышгородъ, чтобы имѣть его всегда близъ себя. Но Андрей не любилъ южной Руси. Онъ не могъ не видѣть, что въ Кіевѣ на суздальцевъ смотрятъ далеко не дружелюбно, что покоряются ихъ князю только изъ страха. Онъ узналъ, что кіевляне привыкли мѣнять своихъ государей, строптивы, непослушны, что князья другихъ княжествъ, стремясь завладѣть Кіевомъ, раньше или позже возобновятъ кровавыя войны. Андрей былъ привязанъ къ сѣверу, гдѣ онъ родился и воспитался, и гдѣ жить было безопаснѣе и отъ соперниковъ, и отъ половцевъ. Онъ рѣшился оставить Вышгородъ даже безъ отцовскаго благословенія и вернуться на свою родину.

У Андрея, какъ видно, созрѣлъ тогда планъ не только удалиться въ Суздальскую землю, но утвердить въ ней средоточіе, изъ котораго можно будетъ ворочать дѣлами Руси. Но Андрею, дѣйствовавшему въ этомъ случаѣ противъ отцовской воли, нужно было освятить свои поступки въ глазахъ народа какимъ-нибудь правомъ. До сихъ поръ въ сознаніи русскихъ для князей существовало два права—происхожденія и избранія, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно въ южной Руси. Князья, мимо всякаго старѣйшинства по рожденію, добивались княжескихъ столовъ, а избраніе перестало быть единодушнымъ выборомъ всей

земли и зависѣло отъ военной толпы—отъ дружинъ. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашелъ его; это право было высшее непосредственное благословеніе религіи.

Была въ Вышгородѣ въ женскомъ монастырѣ икона св. Богородицы, привезенная изъ Царьграда, написанная, какъ гласитъ преданіе, св. евангелистомъ Лукою. Разсказывали о ней чудеса; говорили, между прочимъ, что будучи поставлена у стѣны, она ночью сама отходила отъ стѣны и становилась посреди церкви, показывая какъ-будто видъ, что желаетъ уйти въ другое мѣсто. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумалъ похитить ее, перенести въ Суздальскую землю, даровать такимъ образомъ этой землѣ святыню, уважаемую на Руси, и тѣмъ показать, что надъ этою землею почіетъ особое благословеніе Божіе. Подговоривши одного священника женскаго монастыря и діакона, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря и вмѣстѣ съ княгинею и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю. Путешествіе этой иконы въ Суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своемъ она творила исцѣленія. Уже раньше въ головѣ Андрея была мысль поднять городъ Владиміръ выше старѣйшихъ городовъ Суздаля и Ростова, но онъ хранилъ эту мысль до поры до времени втайнѣ, а потому проѣхалъ Владиміръ съ иконою мимо и не оставилъ ея тамъ, гдѣ, по его плану, ей впослѣдствіи быть надлежало. Но не хотѣлъ Андрей везти ея ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, потому что, по его разсчету, этимъ городамъ не слѣдовало давать первенства. За 10 верстъ отъ Владиміра, по пути въ Суздаль, произошло чудо: кони подъ иконою вдругъ стали: запрягаютъ другихъ посильнѣе, и тѣ не могутъ сдвинуть воза съ мѣста.

Князь остановился. Раскинули шатеръ. Князь заснулъ, а поутру объявилъ, что ему являлась во снѣ Божія Матерь съ хартіею въ рукѣ, приказала не везти ея икону въ Ростовъ, а поставить во Владимірѣ; на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло видѣніе, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. Въ память такого видѣнія написана была икона, изображавшая Божію Матерь въ томъ видѣ, какъ она явилась Андрею—съ хартіей въ рукѣ. Тогда на мѣстѣ видѣнія заложено было село, называемое Боголюбовымъ. Андрей выстроилъ тамъ богатую каменную церковь; ея утварь и иконы украшены были драгоцѣнными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Тамъ поставилъ онъ временно св. икону. Заложенное имъ село Боголюбово сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ и усвоило ему въ исторіи прозвище Боголюбскаго.

Мы не знаемъ, что дѣлалъ Андрей до смерти отца, но, безъ сомнѣнія, онъ въ это время велъ себя такъ, что угодилъ всей землѣ. Когда отецъ умеръ въ Кіевѣ, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушивъ распоряженіе Юрія, отдавшаго Ростовъ и Суздаль меньшимъ сыновьямъ, единодушно избрали Андрея княземъ всей своей земли. Но Андрей не поѣхалъ ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, а основалъ свою столицу во Владимірѣ и построилъ тамъ великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ золотымъ верхомъ. Въ этомъ храмѣ поставилъ онъ похищенную изъ Вышгорода икону, которая съ тѣхъ поръ начала носить имя Владимірской.

Съ тѣхъ поръ Андрей явно показалъ свое намѣреніе сдѣлать Вла-

димiръ, бывшiй до того времени только пригородомъ, главнымъ городомъ всей земли и поставить его выше старыхъ городовъ Ростова и Суздаля. Андрей имѣлъ въ виду то, что въ старыхъ городахъ были старыя преданiя и привычки, которыя ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вѣчѣ. Они считали власть князя ниже своей вѣчевой власти. Живя въ Ростовѣ или Суздалѣ, Андрей могъ имѣть постоянныя пререканiя и долженъ былъ подлаживаться къ горожанамъ, которые гордились своимъ старѣйшинствомъ. Напротивъ, во Владимiрѣ, который ему обязанъ былъ своимъ возвышенiемъ, воля народная должна была идти объ руку съ волею князя.

Городъ Владимiръ, прежде малый и незначительный, сильно разроссся и населился при Андреѣ. Жители его состояли въ значительной степени изъ переселенцевъ, ушедшихъ къ Андрею изъ южной Руси на новое жительство. Андрей строилъ много церквей, основывалъ монастыри, не жалѣлъ издержекъ на украшенiе храмовъ. Кромѣ церкви Успенiя, возбуждавшей удивленiе современниковъ великолѣпiемъ и блескомъ иконостаса, паникадилъ, стѣнной живописью и обильною позолотою, онъ построилъ во Владимiрѣ монастыри Спасскiй, Вознесенскiй, соборный храмъ Спаса въ Переяславлѣ и много другихъ каменныхъ церквей.

Построенiе богатыхъ церквей указываетъ столько же на благосостоянiе края, сколько и на политическiй тактъ Андрея. Всякая новая церковь была важнымъ событiемъ, возбуждавшимъ вниманiе народа и уваженiе къ ея строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умѣлъ прiобрѣсть любовь его, а тѣмъ самымъ укрѣплялъ свою власть въ народѣ. Въ прiемахъ его жизни современники видѣли набожнаго и благочестиваго человѣка. Его всегда можно было видѣть въ храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленiя на глазахъ, съ громкими воздыханiями. Хотя его княжескiе тiуны и даже покровительствуемые имъ духовные позволили себѣ грабительства и безчинства, но Андрей всенародно раздавалъ милостыню убогимъ, кормилъ черпецовъ и черницъ, и за то слышалъ похвалы своему христiанскому милосердiю. Нерѣдко по ночамъ онъ входилъ въ храмъ, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами. Свою ревность въ дѣлѣ вѣры Андрей выказалъ и нѣсколькими походами противъ сосѣдняго Болгарскаго царства, жители котораго были магометане. Походы эти увѣнчались успѣхомъ, и многiе болгары крестились.

Андрей былъ посаженъ на княженiе всею землею, въ ущербъ правамъ меньшихъ братьевъ, которые должны были княжить тамъ по распоряженiю родителя. Рѣшительный въ своихъ дѣйствiяхъ, Андрей предупредилъ всякiя со стороны ихъ попытки къ междоусобiямъ, разомъ выгналъ своихъ братьевъ и удалилъ отъ себя двухъ племянниковъ Ростиславичей. Братья вмѣстѣ съ своею матерью, греческою царевною, отправились въ Грецiю, гдѣ греческiй императоръ Мануилъ принялъ ихъ дружелюбно. Андрей выгонялъ также и бояръ, которыхъ не считалъ себѣ достаточно преданными. Такiя мѣры сосредоточивали въ его рукахъ единую власть надъ всею Ростовско-Суздальскою землею и черезъ то самое давали этой землѣ значенiе самой сильнѣйшей земли между русскими землями, тѣмъ болѣе, что, будучи избавлена отъ междоусобiй, она была въ то время спокойна отъ всякаго внѣшняго вторженiя. Но, съ

другой стороны, эти же мѣры увеличивали число враговъ Андрея, готовыхъ при случаѣ погубить его всѣми возможными средствами.

Забравши въ свои руки власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, Андрей ловко пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмѣшиваясь въ междоусобія, происходившія въ другихъ русскихъ земляхъ, онъ хотѣлъ разрѣшать ихъ по своему произволу. Главною и постоянною цѣлью его дѣятельности было унизить значеніе Кіева, лишить его древняго старѣйшинства надъ русскими городами, перенеся это старѣйшинство на Владиміръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить себѣ вольный и богатый Новгородъ. Онъ добивался того, чтобы, по своему желанію, отдавать эти два важнѣйшихъ города съ ихъ землями въ княженіе тѣмъ изъ князей, которыхъ онъ захочетъ посадить и которые, въ благодарность за то, будутъ признавать его старѣйшинство.

Вмѣшательство Андрея въ новгородскія дѣла началось съ 1160 года. Суздальскій князь питалъ враждебныя чувства къ новгородскому князю Святославу Ростиславичу главнымъ образомъ потому, что не поладилъ съ его отцомъ. У Святослава и въ Новгородѣ было много недруговъ; къ тому же между знатными новгородцами были сторонники Андрея. Ими были торговые люди, имѣвшіе дѣла съ суздальцами, а потому изъ-за личныхъ интересовъ хлопотавшіе объ упроченіи добрыхъ отношеній между Новгородомъ и Суздальскимъ княжествомъ. Все это въ значительной степени способствовало успѣху требованій Андрея; Святославъ долженъ былъ оставить Новгородъ, и новгородцы получили отъ Андрея другого князя, именно Мстислава Ростиславича, племянника Андрея. Но уже черезъ годъ Андрей помирился съ отцомъ Святослава и перемѣнилъ свой гнѣвъ на милость къ послѣднему. Мстиславъ былъ отозванъ, а отъ новгородцевъ стали требовать покорности Святославу. Новгородцы не любили этого князя, но смирились, хотя и не надолго: прошло нѣсколько лѣтъ, и они, выведенные изъ терпѣнія самовластіемъ Святослава, прогнали его вторично. Изгнанный князь обратился, конечно, къ своему покровителю Андрею, который послалъ сказать новгородцамъ, что не быть у нихъ иному князю, кромѣ Святослава. Новгородцы не обратили вниманія на убѣжденія и угрозы и послали къ Мстиславу Изяславичу кіевскому просить у него сына на княженіе новгородское. Кіевскій князь былъ въ отношеніяхъ далеко не дружелюбныхъ съ Андреемъ, а потому послѣдній сталъ еще ревностнѣе настаивать на выполненіи своихъ требованій относительно Святослава. Слѣдствіемъ этого была война. Суздальская партія въ Новгородѣ стояла за примиреніе со Святославомъ и за разрывъ сношеній съ кіевскимъ княземъ; но она оказалась слабою: сторонники кіевскаго князя произвели смуту въ самомъ Новгородѣ, отчасти перебили, отчасти изгнали доброжелателей Святослава и признали княземъ своимъ пріѣхавшаго изъ Кіева Мстиславича.

Этимъ случаемъ Андрей рѣшился воспользоваться для нанесенія удара нелюбимому имъ кіевскому князю. Ростиславичи, оскорбленные тѣмъ, что Мстиславъ послалъ сына въ Новгородъ, вопреки правамъ Святослава Ростиславича, соединились съ Андреемъ. То же сдѣлали князья сѣверскіе, полоцкіе, муромскіе, рязанскіе и другіе—одни изъ ненависти къ Новгороду, другіе изъ ненависти къ Мстиславу, третьи, наконецъ, боясь ослушаться приказаній Андрея. Такимъ образомъ, одиннадцать кня-

зей соединили свои войска противъ Кіева, который былъ осажденъ и взятъ 12 марта 1169 года. Въ завоеванномъ городѣ побѣдители свирѣпствовали страшно: суздальцы мстили за смерть своихъ соотечественниковъ, погибшихъ въ Кіевѣ послѣ смерти Юрія; дома, даже церкви и монастыри, предавались пламени; безоружный народъ, не исключая женщинъ и дѣтей, не нашелъ себѣ пощады; грабежъ и раззореніе совершались въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Нѣкогда богатый и могущественный Кіевъ въ нѣсколько дней потерялъ всѣ свои прежнія преимущества, къ великой радости Андрея, который въ униженіи Кіева видѣлъ залогъ могущества и первенства своей столицы. Глѣбъ, покорный братъ Андрея, получилъ въ удѣлъ развалины Кіева вмѣстѣ съ его областью.

Но торжества надъ стариннымъ великокняжескимъ городомъ было Андрею мало: теперь, по его мнѣнію, настала рѣшительная минута раздѣлаться съ непокорнымъ Новгородомъ. Тѣ же союзники, которые сопровождали въ 1169 году Андрея въ кіевскомъ походѣ, въ 1170 двинулись, по его волѣ, противъ Новгорода. Оскорбленные высокомѣріемъ и требовательностью Андрея, а также ненавидя навязываемаго имъ Святослава, новгородцы рѣшились защищать свою свободу до послѣдней крайности. Опустошивъ значительную часть Новгородской области, союзныя войска явились наконецъ подъ стѣнами самого Новгорода. Они до того были увѣрены въ успѣхѣ, что заблаговременно условливались, кому какую улицу грабить, послѣ того какъ городъ будетъ взятъ. И, дѣйствительно, Новгороду угрожала участь Кіева: защитники его стали ослабѣвать и, вѣроятно, были бы побѣждены, еслибъ ихъ не спасло чудо: какъ говоритъ преданіе, Новгородскому владыкѣ Іоанну было видѣніе: икона Спаса, предъ которой онъ молился, произнесла слѣдующія слова: „иди на Ильину улицу въ церковь Спаса, возьми икону пресвятой Богородицы и вознеси на забрало стѣны; она спасетъ Новгородъ". Владыка поступилъ такъ, какъ ему было приказано, и принесъ икону въ то мѣсто, на которое главнымъ образомъ напирали осаждающіе. Благодаря чудотворному дѣйствію иконы, суздальцы были отражены. На нихъ, по преданію, нашло такое одурѣніе, что они стали пускать стрѣлы другъ въ друга. Неудача заставила Андрея снять осаду, но онъ не отказался отъ своего намѣренія унизить Новгородъ. Съ этою цѣлью онъ не дозволилъ доставлять изъ своихъ областей хлѣбъ въ Новгородъ, отчего въ этомъ городѣ произошелъ не только застой въ торговлѣ, но даже обнаружился голодъ, такъ какъ годъ былъ неурожайный. Къ тому же новгородцы не поладили съ Романомъ Мстиславичемъ, за удержаніе котораго на своемъ престолѣ столь продолжительно вели войну. Это повело къ переговорамъ съ суздальскимъ княземъ, причемъ обѣ стороны сдѣлали уступки: Андрей посылалъ въ Новгородъ тѣхъ князей, которые были ему любы, но новгородцы сохранили за собою свои старинные порядки и права.

Между тѣмъ, возникли новыя междоусобія, вызванныя событіями, происшедшими на югѣ. Глѣбъ Юрьевичъ, княжившій въ Кіевѣ, скончался. Мѣсто его занялъ, съ согласія Андрея, одинъ изъ Ростиславичей, но не надолго. Разгнѣванный какимъ-то незначительнымъ ослушаніемъ со стороны послѣднихъ, Андрей послалъ къ нимъ своего боярина Михна со словами: „Если вы живете по волѣ моей, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлагорода. Остается вамъ Смоленскъ, тамъ себѣ дѣлитесь, какъ знаете".

Ростиславичи не торопились исполнить приказаніе и отправили во Владиміръ посольство для объясненій. Андрей, между тѣмъ, сталъ собирать войска и готовиться къ походу. Прежде чѣмъ двинуться, онъ еще разъ послалъ Михна къ Ростиславичамъ, но требованія его теперь были еще болѣе грозны и рѣшительны: „Вы не поступаете по моей волѣ. За это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а ты, Мстиславъ, всему зачинщикъ: не велю и тебѣ быть въ Русской землѣ". Дѣйствительно, Мстиславъ оскорблялся болѣе другихъ Ростиславичей гордыми поступками Андрея и былъ душою сопротивленія ему. Вспыльчивый Мстиславъ не утерпѣлъ и теперь: онъ приказалъ Михну остричь волоса на головѣ и бородѣ и отправилъ его во Владиміръ съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ

Отвѣтъ Мстислава и оскорбленіе, нанесенное Михну, привели въ ярость Андрея. Суздальскія войска вмѣстѣ съ союзными (рязанскими, муромскими и др.) двинулись въ походъ, и Андрей, не участвовавшій въ немъ лично, далъ военачальникамъ приказъ—захватить во что бы то ни стало Мстислава и доставить его живымъ во Владиміръ. Мстиславъ заперся въ Вышгородѣ, а потому главныя силы Андреевой рати направились на этотъ городъ и осадили его. Осада продолжалась девять недѣль и кончилась торжествомъ Мстислава. Союзники Андрея, сражавшіеся за дѣло, которое мало касалось ихъ интересовъ, не обнаружили здѣсь стойкости и храбрости, а когда стали приходить къ Ростиславичамъ вспомогательные отряды изъ Галича, то осаждающіе отступили отъ Вышгорода такъ поспѣшно, что отступленіе ихъ было скорѣе похоже на бѣгство. Въ это время Мстиславъ сдѣлалъ вылазку изъ города и окончательно разбилъ отступавшихъ. Такимъ образомъ, Андрею не удалось смирить Ростиславичей и утвердить свою власть надъ Кіевомъ. Городъ этотъ продолжалъ переходить изъ рукъ въ руки и быть причиною кровавыхъ распрей, въ которыхъ уже Андрей не имѣлъ рѣшающаго голоса. Наконецъ, онъ сталъ мириться съ Ростиславичами; пошли переговоры о томъ, чтобы въ Кіевѣ княжилъ Романъ Ростиславичъ, но среди этихъ переговоровъ Андрея застигла смерть (1175).

Добившись неограниченной власти въ своей области, Андрей мечталъ о подчиненіи себѣ всѣхъ русскихъ князей. Онъ не думалъ о томъ, чтобы соединить Русскую землю въ одно цѣлое; напротивъ, онъ допускалъ удѣльную систему, но хотѣлъ, чтобы удѣльные князья были въ полной отъ него зависимости, были скорѣе намѣстниками его, чѣмъ самостоятельными князьями. Но не только удѣльные князья не любили Андрея: его собственные бояре питали къ нему не менѣе враждебные замыслы. Съ ними Андрей обходился гордо, не спрашивалъ ихъ совѣта, не терпѣлъ малѣйшаго противорѣчія съ ихъ стороны. Многіе бояре были казнены Андреемъ, другіе принуждены искать спасенія въ бѣгствѣ. Рѣдко Андрей приближалъ къ себѣ бояръ своихъ; напротивъ, наибольшимъ довѣріемъ его пользовались разные чужеземные выходцы въ родѣ ключника Амбала, по происхожденію ясина. Андрей полагалъ, что, приближая къ себѣ такихъ людей, онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на ихъ преданность; но эти ожиданія не оправдались, такъ какъ Амбала мы видимъ въ числѣ заговорщиковъ, умертвившихъ Андрея. Заговоръ былъ составленъ бояриномъ Кучковичемъ, вознегодовавшимъ на Андрея за то, что послѣдній

велѣлъ казнить его брата. „Сегодня того, другого казнилъ, а завтра казнитъ и насъ; раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ", разсуждали заговорщики, и порѣшили умертвить Андрея въ ту же ночь.

Андрей, не предвидя опасности, спокойно легъ спать. Ночью заговорщики стали стучаться въ дверь его спальни, и, на вопросъ Андрея: „Кто тамъ?" отвѣчали: „Прокопій". Прокопій былъ вѣрный слуга Андрея. Андрей сталъ догадываться, въ чемъ дѣло, и принялся искать меча, принадлежавшаго нѣкогда св. Борису и имѣвшаго, по мнѣнію Андрея, чудодѣйственную силу. Мечъ этотъ всегда стоялъ у постели Андрея; но теперь его не оказалось, такъ какъ Амбалъ наканунѣ нарочно унесъ его. Между тѣмъ заговорщики выломали дверь и ворвались въ спальню. Безоружный князь упалъ подъ ударами убійцъ, которые, думая, что покончили съ нимъ, поспѣшно стали удаляться. Но Андрей былъ еще живъ. Собравъ послѣднія силы, онъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни и сталъ звать на помощь. Заговорщики вернулись, отыскали князя за лѣстничнымъ столбомъ и на этотъ разъ уже умертвили. Все это произошло въ любимой резиденціи Андрея—въ селѣ Боголюбовѣ.

Умертвивъ князя, заговорщики умертвили также нѣкоторыхъ слугъ, отличавшихся преданностью. Княжеское имущество было разграблено. Немедленно дано было знать обо всемъ случившемся во Владиміръ. Заговорщики одно время боялись, что владимірцы, городъ которыхъ столь сильно возвысился при Андреѣ, возстанутъ противъ нихъ. Но владимірцы остались спокойны, ростовцы и суздальцы стали нападать на княжескихъ чиновниковъ, и даже боголюбцы бросились грабить дворъ Андрея.

Тѣло убитаго князя долго лежало въ огородѣ; никто не осмѣливался подойти къ нему и отдать послѣдній долгъ, боясь гнѣва заговорщиковъ. Но между вѣрными слугами Андрея, пережившими своего господина, нашелся одинъ кіевлянинъ Кузьма, не побоявшійся и теперь выказать свою преданность. Онъ плакалъ надъ трупомъ Андрея и, увидѣвъ въ окнѣ княжескаго дома ключника Амбала, потребовалъ, чтобы тотъ далъ какія-нибудь одежды для прикрытія нагого тѣла князя. „Прочь! мы выбросимъ его псамъ", отвѣчалъ Амбалъ. Тогда Кузьма воскликнулъ: „Ахъ, ты еретикъ! Какъ псамъ выбросить! А помнишь ли, жидъ, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда? Ты весь въ бархатѣ стоишь, а князь лежитъ голый! Сдѣлай же милость, брось что-нибудь". Абдалъ выбросилъ въ окно коверъ и плащъ. Кузьма обернулъ ими тѣло убитаго и понесъ въ церковь. Но церковь была заперта, и никто не рѣшался открыть ее. Вѣрный слуга положилъ трупъ князя въ притворѣ и такъ причитывалъ надъ нимъ: „Уже, господине, тебя твои слуги не знаютъ! А прежде, бывало, гость прійдетъ изъ Царьграда или изъ иныхъ сторонъ Русской земли, а хоть и латынянинъ, христіанинъ ли, поганый ли, ты, бывало, скажешь: поведите его въ церковь и въ палаты, пусть видятъ всѣ истинное христіанство и крестятся. И болгары, и жиды, и всѣ поганые, видѣвшіе славу Божью и церковное украшеніе, плачутъ о тебѣ, а эти не велятъ тебя въ церкви положить!" Двое сутокъ тѣло Андрея лежало въ притворѣ. Только на третій день, когда народъ поуспокоился, тѣло было внесено въ церковь, и надъ нимъ отслужили панихиду. Прошло еще нѣсколько дней, и нѣкоторыя духовныя лица изъ Влади-

міра прибыли въ Боголюбово за тѣломъ князя, перевезли его съ почестями во Владиміръ и торжественно похоронили тамъ въ церкви св. Богородицы.

XLVIII. ЗНАЧЕНІЕ ЭПОХИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

(Изъ соч. Корсакова: „Меря и Ростовское княжество“).

Время Андрея Боголюбскаго имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи Ростовско-Суздальской земли, но и для исторіи Россіи вообще. Это время есть одна изъ такъ называемыхъ историческихъ эпохъ, въ которыя опредѣляются въ жизни народа новые элементы его гражданственности, выясняются новыя начала его общественнаго развитія. Не будучи явленіемъ случайнымъ, потому что въ мірѣ исторіи, какъ въ мірѣ природы, нѣтъ случайныхъ явленій, эпоха Андрея есть необходимый результатъ всего предъидущаго хода русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина многихъ послѣдующихъ историческихъ явленій.

Два элемента положили основаніе гражданственности, культурному развитію въ землѣ Ростовско-Суздальской: власть князя и христіанство. Княжеская власть, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій Ростовско-Суздальской земли, уже при Юріи Долгорукомъ сталкивается съ другой властью—земскихъ бояръ; Въ эпоху Андрея борьба начинается борьба между княземъ и этимъ боярствомъ. Въ эпоху Андрея борьба эта обрисовывается яснѣе. Въ борьбѣ съ боярствомъ рѣзко выясняется основ- ная черта характера Андрея—„самовластіе“, зародышъ котораго мы замѣтили еще въ Юріи. Этимъ самовластіемъ порождаются въ Андреѣ стремленія къ господству надъ сосѣдними землями: Новгородомъ, Рязанью и Смоленскомъ, къ преобладанію на югѣ, къ пренебреженію родовыми княжескими традиціями, еще столь дорогими для отца Андрея, Юрія. Въ эпоху Андрея опредѣляется типъ сѣверо-восточнаго князя—„самовластца“, типъ чуждый югу, который, развиваясь болѣе и болѣе въ преемникахъ Андрея, вступаетъ съ теченіемъ времени въ новую фазу своего развитія—князя-вотчинника, князя-домовладыки, и подготовляетъ себѣ мало-по-малу Ивана III, Василія и Ивана IV...

Христіанство, утвердившись въ Ростовско-Суздальской землѣ не раньше XI в., только при Андреѣ получаетъ, такъ сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли: Леонтія и Исаіи; владимірская икона Божіей Матери, привезенная Андреемъ съ юга, и икона боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ пріобрѣтать „земское“ значеніе, становясь мало-по-малу у нарождающагося великорусскаго племени символомъ того политическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ „народность“. Подготовляется то многознаменательное единеніе церкви и государства, которое вполнѣ выясняется въ позднѣйшій московскій періодъ русской исторіи и которое составляетъ характе- ристическую особенность исторіи великорусскаго племени.

Въ эпоху Андрея опредѣляется результатъ славянской колонизаціи въ Ростовско-Суздальской землѣ предшествующихъ ему эпохъ. Этотъ результатъ есть образованіе новаго племени съ преобладающимъ элементомъ славянскимъ, но не похожаго по своему складу и характеру ни на одно изъ племенъ славянскихъ, жившихъ прежде на русской территоріи: ни на полянъ, ни на древлянъ, ни на кривичей, ни на новгородцевъ. Задачи этого племени только намѣчаются при Андреѣ, выясняются мало-по-малу въ теченіе цѣлыхъ столѣтій послѣ него, и не опредѣляются совершенно ясно даже въ наши дни, почти на исходѣ XIX столѣтія. Это племя—племя великорусское, самый юный изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, увидавшій міръ Божій только въ XII в. по Р. Х.

Въ эпоху Андрея колонизація княжеско-военная и монастырская подвигаются все далѣе на востокъ, расширяя все болѣе и болѣе предѣлы великорусскаго племени, претворяя въ плоть и кровь этого племени все болѣе и болѣе инородческихъ, чудскихъ элементовъ.

Такимъ образомъ, эпоха Андрея является прототипомъ послѣдующей фор-

маціи Московскаго царства, этого громаднаго и своеобразнаго зданія, созданнаго великорусскимъ племенемъ. Развитіе начала единовластія, борьба съ боярствомъ, политическое значеніе, православіе, единеніе церкви и государства и распространеніе великорусскаго племени на востокъ—вотъ тѣ основные элементы общественнаго строя Ростовско-Суздальской земли, которые являются впослѣдствіи основными же элементами Московскаго царства.

XLIX. Изъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Не умѣстно ли намъ, братья, начать страдную повѣсть о битвѣ Игоря, Игоря Святославича? И начаться этой пѣсни по происшествіямъ нашего времени, а не по вдохновенію Бояна; потому что вѣщій Боянъ, если хотѣлъ кому-нибудь сложить пѣснь, то уносился мыслью по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками; тогда онъ пускалъ 10 соколовъ на стадо лебедей, и до какой лебеди долеталъ соколъ—та лебедь и пѣсню пѣла. Старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ косожскими полками, прекрасному Роману Святославичу... Не *10* соколовъ пускалъ Боянъ на стадо лебедей—то вѣщіе свои пальцы вкладывалъ на живыя струны, и струны сами играли славу князю.

Мы же, братья, начнемъ эту повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который укрѣпилъ свой умъ, изощрилъ его мужествомъ своего сердца и, исполнившись ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце — и увидѣлъ, что оно покрыло тьмою всѣхъ его воиновъ. И сказалъ Игорь своей дружинѣ: „братья и дружина, лучше же намъ быть изрубленными, чѣмъ взятыми въ плѣнъ! а сядемъ, братья, на своихъ лихихъ коней, да поглядимъ синій Донъ!“ Пришла князю охота отвѣдать Дону, а знаменіе заслонило-было это желаніе.—„Я хочу, сказалъ онъ, сломить копье на концѣ поля половецкаго, съ вами, русскіе, хочу либо свою голову сложить, либо напиться шлемомъ изъ Дону.

. . . .

Трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.

А ему говоритъ Буй-Туръ Всеволодъ: „Одинъ у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорь! оба мы съ тобою Святославичи. Сѣдлай ты, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы, впереди стоятъ, у Курска. Они-то у меня опытные дружинники; подъ трубами ихъ пеленали, подъ шлемами взлелѣяли, съ конца копья вскармливали, дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли отпущены; сами скачутъ въ полѣ, какъ сѣрые волки, отыскивая себѣ чести, а князю славы“.

Тогда князь Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце тьмою застилало ему путь. Ночь, грозя ему, ужасомъ возбудила птичій свистъ; дичь пробудилась; поднялся дивъ, крича вверху дерева, велитъ послушать землѣ невѣдомой: и Волгѣ, и Поморью, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню...

А половцы непроложенными дорогами побѣжали къ великому Дону; шумятъ ихъ телѣги въ полуночи, словно лебеди вспугнутыя.

Игорь къ Дону ведетъ воиновъ, а ужъ въ бѣдѣ его птицы, сидя на деревьяхъ, чуютъ себѣ пищу, волки по оврагамъ воемъ возбуждаютъ ужасъ, орлы своимъ крикомъ зовутъ звѣрей на кости: лисицы лаютъ на красные щиты.

О, Русская земля, ты уже за холмами!

Долго тянется темная ночь. Какъ только заря возвѣстила свѣтъ, туманъ покрылъ поле; пѣніе соловьевъ смолкло; пробудился говоръ галокъ. Русскіе перегородили обширныя поля красивыми щитами, отыскивая себѣ чести, а князю славы.

Раннимъ утромъ въ пятницу они смяли половецкіе поганые полки и, разсѣявшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото и ткани и драгоцѣнную парчу. Плащами и кожухами и всякими половецкими украшеніями начали мостъ мостить по болотамъ и топкимъ мѣстамъ. Красное древко съ бѣлою хоругвью и красный бунчукъ на серебряномъ копьѣ—храброму Святославичу.

Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо. Далеко залетѣло. Не было оно рождено для обиды ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ!—И Гза убѣгаетъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему путь кажетъ къ Великому Дону.

На другой день, очень рано, кровавыя зари возвѣщаютъ разсвѣтъ. Черныя тучи идутъ съ моря—хотятъ прикрыть четыре солнца, а въ тучахъ трепещутъ синія молніи. Быть грому великому. Идти дождю стрѣлами съ великаго Дону! Тамъ-то копьямъ ломаться, тамъ-то саблямъ притупиться о половецкіе шлемы—на рѣкѣ Каялѣ, у великаго Дону!

О, Русская земля, ты уже за холмами!

Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля стонетъ; рѣки мутно текутъ; пыль покрываетъ поля; знамена лепечутъ. Половцы идутъ отъ Дону и отъ моря—и со всѣхъ сторонъ обступаютъ русскіе полки.—Дѣти бѣсовы крикомъ огласили поля, а храбрые русскіе загородили ихъ щитами.

Яръ-Туръ Всеволодъ, ты стоишь впереди всѣхъ, прыщешь стрѣлами на воиновъ, гремишь о шлемы сильными мечами. Гдѣ Туръ проскакалъ, сверкая своимъ шлемомъ золотымъ, тамъ лежатъ половецкія головы; изщеплены аварскіе шлемы твоими саблями, Ярый-Туръ Всеволодъ! Какія раны страшны для того, братья, кто забылъ и почесть, и жизнь, и городъ Черниговъ—отцовскій золотой престолъ и привязанность, и любовь своей милой жены, прекрасной Глѣбовны.

Были вѣка Трояновы, миновали лѣта Ярославовы, были битвы Олеговы, Олега Святославича... а о такой войнѣ и не слыхано:

Спозаранку до вечера, съ вечера до свѣта летятъ каленыя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальныя копья въ невѣдомомъ полѣ, среди земли Половецкой. Черна земля подъ копытами была костьми засѣяна, а кровью полита. Горемъ взошли эти кости по Русской землѣ!

Что за шумъ, что за звонъ слышался мнѣ давеча поутру, передъ зарею? Это Игорь полки заворачиваетъ, потому что ему жаль милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третій день, къ полудню, пали знамена Игоря. Тамъ, на берегу быстрой рѣки Каялы, разлучились братья; тамъ кроваваго вина не достало; тамъ храбрые русскіе докончили пиръ: сватовъ напоили, и сами полегли за Русскую землю.

Никнетъ трава отъ жалости, и дерево гнется отъ печали!..

Уже настало, братья, не веселое время. Уже обильная страна покрылась пустотою. Встала обида въ силахъ Даждь-божьяго племени; вступила она дѣвою на землю у Дона и плескомъ лебединыхъ крыльевъ прогнала счастливыя времена... братъ брату сталъ говорить: „Это мое и то мое же", начали князья про пустое говорить: „это важное", и сами противъ себя создаютъ крамолу. А поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на Русскую землю. О, далеко зашелъ соколъ, загоняя птицъ къ морю—и храбраго Игорева полка не воскресить. Крикнули Карна и Жля, и поскакали по Русской землѣ, разнося огонь въ пламенномъ рогѣ. А русскія жены заплакали, говоря: „Ужъ намъ милыхъ своихъ мужей ни въ мысляхъ не представить, ни думою не вздумать, ни глазами на нихъ не смотрѣть; а золота и серебра уже не держать въ рукахъ".

Застоналъ, братья, Кіевъ отъ горести, а Черниговъ отъ напасти. Тоска разлилась по Русской землѣ, сильная печаль распространилась по землѣ Русской.

Князья-же сами противъ себя ковали крамолу, а поганые, набѣгая съ побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора.

Два храбрые Святославича, Игорь и Всеволодъ, снова пробудили ту вражду, которую усыпилъ-было отецъ ихъ Святославъ, грозный великій князь кіевскій. Онъ страхъ нагналъ на половцевъ своими сильными полками и стальными мечами. Наступилъ на Половецкую землю, притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ болота и потоки. Онъ поганаго Кобяка вихремъ вырвалъ изъ Лукоморья, изъ середины сильныхъ многочисленныхъ полковъ половецкихъ, и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святослава.

Тамъ нѣмцы и венеціанцы, греки и моравцы поютъ славу Святославу и оплакиваютъ князя Игоря, который утопилъ счастье на днѣ Каялы, рѣки половецкой.

. . . .

Тогда Великій Святославъ выронилъ золотое слово, смѣшанное со слезами, и сказалъ: „О, мои дѣти, Игорь и Всеволодъ, не во время вы начали тревожить мечами Половецкую землю, а себѣ славы искать; но и побѣдили вы, и кровь поганыхъ пролили, не добывши себѣ славы. Ваши храбрыя сердца скованы изъ крѣпкой стали и закалены въ смѣлости— и вотъ что причинили вы моей серебряной сѣдинѣ—я ужъ не вижу власти сильнаго и многочисленныхъ воиновъ моего брата, Ярослава, съ черниговскими боярами, съ сильными, могущественными.

Развѣ диво, братья, мнѣ, старику, помолодиться; но вотъ бѣда, князья мнѣ не могутъ помочь—совсѣмъ времена измѣнились. Вотъ кричатъ подъ саблями половецкими, а Владиміръ стонетъ подъ ранами.

Печаль и тоска сыну Глѣбову! Великій Всеволодъ, не думаешь ли ты прилетѣть издалека, поберечь отцовскій золотой престолъ? Ты вѣдь можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами; ты вѣдь можешь и по суху стрѣлять живыми копьями: сынами Глѣбовыми! Ты, отважный Рюрикъ, и Давидъ, не ваши ли золоченые шлемы плавали въ крови? Не ваши ли храбрые дружинники, раненные калеными саблями, рыкаютъ, словно быки, въ незнакомомъ полѣ?

Вступите же, братья, въ золотое стремя за обиду нашего времени, за Русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича.

Галицкій Ярославъ-Осмомыслъ! высоко ты сидишь на своемъ злато-

кованномъ престолѣ, подперши своими сильными полками горы Карпатскія, заслонивши путь венгерскому королю, преградивши доступъ къ Дунаю, бросая тяжести за облака, творя судъ до Дуная. Молва о твоихъ грозныхъ подвигахъ распространяется по всѣмъ странамъ. Ты отворяешь ворота Кіева, поражаешь съ отцовскаго золотого престола султановъ въ чужихъ земляхъ. Направь, государь, стрѣлу въ Кончака, поганаго раба, за Русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича.

А ты, отважный Романъ и Мстиславъ! Смѣлая мысль устремляетъ вашъ умъ на подвигъ. Въ своей смѣлости высоко ты заносишься, Романъ, въ этихъ подвигахъ, какъ соколъ, ширяясь по воздуху, желая быстротой превзойти птицу. У обоихъ васъ желѣзные нагрудники подъ латинскими шлемами; отъ нихъ грянула земля и многія ханскія страны, Литва, ятвяги, деремела и половцы, побросали свои копья, и головы свои преклонили подъ тѣ стальные мечи!

Но, князь (Романъ), ужъ для Игоря померкъ солнечный свѣтъ, а деревья не добромъ сронили листья, враги подѣлили города по Роси и по Сулѣ, а храбраго Игорева полка не воскресить. Донъ тебя, князь, кличетъ, и прочихъ князей зоветъ на побѣду!

Храбрые князья Ольговичи готовы на войну. Ингварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича немалаго гнѣзда шестокрыльцы! Вы безъ побѣдъ пріобрѣли себѣ области. Что ваши золотые шлемы, и польскія копья, и щиты? Преградите доступъ къ роднымъ полямъ своими острыми стрѣлами, за Русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича.

Уже Сула не течетъ серебряными струями къ городу Переяславлю.

. . . .

Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! опустите свои знамена, вложите свои поврежденные мечи,—потому что уже вы отложились отъ дѣдовской славы. Вы своими раздорами начали наводить поганыхъ на Русскую землю, на богатство Всеслава. Такое же насиліе было отъ Половецкой земли.

. . . .

На Немигѣ снопы стелютъ изъ головъ, молотятъ стальными цѣпами, кладутъ жизнь на току, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не добромъ были засѣяны, засѣяны костями русскихъ сыновъ.

. . . .

О, стонать Русской землѣ, помянувши прежнее время и прежнихъ князей!

Копья свистятъ на Дунаѣ; слышится голосъ Ярославны; какъ неизвѣстная кукушка, она рано плачетъ: „Полечу я, говоритъ, какъ кукушка, по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, утру князю раны на крѣпкомъ тѣлѣ".

Ярославна рано плачетъ, въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: „О, вѣтеръ, вѣтеръ, зачѣмъ, господинъ, такъ бурно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крылышкахъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего мужа? Развѣ мало тебѣ вѣять вверху подъ облаками, лелѣя корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господинъ, мое веселье по ковылю развѣялъ?"

Ярославна рано плачетъ на стѣнѣ города Путивля, говоря: „О, славный Днѣпръ! ты пробилъ каменныя горы черезъ всю Половецкую землю; ты лелѣялъ на себѣ лодки Святослава до полка Кобякова. Принеси, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобы не слала я рано къ нему слезъ на море".

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: „Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и ясно, зачѣмъ же простерло ты свой жгучій лучъ на воиновъ мужа, и въ безводномъ полѣ засухою у нихъ луки согнуло, натуго у нихъ колчаны сомкнуло“.

Прыснуло море, къ сѣверу идутъ тучи. Тучами Богъ указываетъ путь князю Игорю изъ Половецкой земли въ землю Русскую, къ отцовскому престолу.

Погасли вечернія зори. Игорь будто спитъ, но онъ бодрствуетъ,— онъ мысленно мѣритъ поля отъ Великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь Овлуръ свистнулъ, велитъ князю разумѣть; но князь Игорь не понялъ. Крикнулъ Овлуръ такъ, что земля дрогнула, трава зашумѣла, тронулись вежи половецкія. Тогда князь Игорь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ спустился на воду, кинулся на лихого коня, прыгнулъ съ него, и сѣрымъ волкомъ побѣжалъ къ луговому берегу Донца, и соколомъ полетѣлъ подъ туманами, избивая гусей и лебедей на завтракъ, на ужинъ.

. . . .

Солнце свѣтится на небѣ. Игорь князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются голоса черезъ море до Кіева. Страны рады, города веселы.

Сперва пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, потомъ молодымъ, слѣдуетъ пѣть: Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Да здравствуютъ князья и дружина, сражаясь за христіанъ съ погаными полками. Слава князьямъ и дружинѣ. Аминь.

L. ЛИЧНОСТЬ И МІРОСОЗЕРЦАНІЕ ПѢВЦА „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ“.

(*Изъ соч. Стоюнина: „О преподаваніи русской литературы“*).

За авторомъ „Слова“ всѣ единогласно признаютъ званіе лица свѣтскаго, но намъ кажется, что можно еще ближе опредѣлить его званіе, если вглядѣться въ его отношеніе къ князьямъ, дружинѣ и народу. Онъ ставитъ себя въ одинаковое положеніе съ поэтомъ Бояномъ, который, по его же описанію, видимо, былъ поэтомъ или пѣвцомъ дружины: воинственные подвиги князя и его дружины—вотъ предметъ его пѣсенъ. Тотъ дружинный эпосъ, отрывки котораго вошли въ лѣтопись Нестора, развивался дружинными поэтами, въ родѣ Бояна. Русскіе бояны—это барды, скальды, минезенгеры другихъ народовъ, питомцы воинственныхъ вѣковъ, вѣщіе истолкователи дружинной жизни. Понятно, что они должны были воспитаться дружиною, ея духомъ, проникнуться ея идеалами, участвовать въ ея подвигахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и могли сохраняться только въ дружинѣ и могли переходить, какъ бы по наслѣдству, отъ одного пѣвца къ другому. Лучшія изъ нихъ были образцами другимъ, которые ими развивали свой поэтическій даръ. Такъ, Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу „Слова о полку Игоря“, котораго мы также должны назвать дружиннымъ пѣвцомъ. Онъ воспѣваетъ Игоря и буй-туръ Всеволода за ихъ отвагу, мужество, за добываніе воинской славы и чести за все то, за что пѣснотворцы стараго времени восхваляютъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ русскихъ князей. Эти главныя свойства эпическаго Святослава Несторовой лѣтописи являются и здѣсь, какъ лучшія и блестящія качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго одушевленія. Поэтъ

знаетъ не только „былины своего времени“, т. е. всѣхъ современныхъ ему князей, какъ пѣвецъ дружины, близкой князю, который считаетъ себя членомъ общей княжеской семьи, родовичемъ; но онъ знаетъ и „былины стараго времени“, знаетъ не по отрывочнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, а по живымъ преданіямъ, по пѣснямъ Бояна и, можетъ быть, другихъ пѣснотворцевъ стараго времени. Сочувствіе его ко всѣмъ имъ опредѣляется тѣми же самыми чертами удали, которыя дѣлали князя идоломъ дружины. Онъ описываетъ ихъ личности по удалымъ ихъ подвигамъ, по такимъ, которые доставляли князю славу, а дружинѣ честь. А эти подвиги могли совершаться только на полѣ битвы съ врагами для охраны родины. Наконецъ, близкое, какъ бы родственное отношеніе пѣвца къ дружинѣ ясно говоритъ намъ, въ какой средѣ могли развиваться его идеалы. Онъ самъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ мы и свои сложимъ“, говорила дружина Святославу, и въ этомъ заключалась воинская честь ея. Та же самая тѣсная связь на полѣ брани между княземъ и дружиною является и у пѣвца „Слова“; отношенія не измѣнились. Князь говоритъ дружинѣ: „лучше быть побиту, чѣмъ полонену“, и дружина идетъ храбро за княземъ; и пѣвецъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за дружиною, такъ какъ всѣ ея интересы близки ему самому. Зато въ какомъ идеальномъ изображеніи онъ представляетъ ее: это народъ опытный, подъ трубами повитый, подъ шлемами взлелѣянный, концомъ копья вскормленный, пути и овраги знакомы ему; колчаны у него отворены, сабли наточены, и цѣль всего этого добыть себѣ чести, а князю славы. Все это заставляетъ насъ предполагать, что дружинная жизнь близко знакома пѣвцу „Слова“. Но наше вниманіе не можетъ остановиться только на этой сторонѣ личности поэта; въ ней ярко выступаетъ еще и другая, на которой нельзя не остановиться. Поэтъ вездѣ высказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдствію и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и раззореній половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Ее, раздѣленную на удѣлы, онъ признаетъ за страну единую, и негодуетъ на тѣхъ князей, которые говорили: „и то мое, и это мое“, за малое спорили, какъ за великое, и изъ личныхъ интересовъ проливали русскую кровь. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ онъ не признаетъ за доблесть, называетъ ихъ крамолами и этимъ взглядомъ руководствуется также при оцѣнкѣ княжеской дѣятельности. Тутъ онъ является строгимъ судьею и не стѣсняется въ приговорахъ. Олегъ Святославичъ превращается у него въ Олега Гореславича; потому что, по его взгляду, много горя посѣялъ онъ на русской землѣ, указывая къ ней дорогу половцамъ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными интересами, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всею землею, съ народомъ; сознаніе единства Русской земли, не смотря на ея раздробленность, ясно высказывается поэтомъ; онъ чуждъ всякаго—мѣстнаго, удѣльнаго—патріотизма: онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, терпящихъ бѣды, за княжескія крамолы. Самыя вѣрованія его мы должны назвать народными. Въ его время они были еще въ полной силѣ въ народѣ, вдали отъ русско-христіанскаго центра, Кіева, хотя уже не могли быть господствующими въ дружинѣ. Эти вѣрованія еще миѳическія и являются не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорса, и въ Велеса, котораго въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, почему лѣтописецъ считаетъ нужнымъ опредѣлить его эпитетомъ „скотій богъ“, тогда какъ тутъ же рядомъ Перуна оставляетъ безъ всякаго опредѣленія, какъ бога, еще всѣмъ хорошо знакомаго. Поэтъ вѣритъ и въ миѳическую силу стихій, къ которымъ заставляетъ обращаться плачущую Ярославну, какъ дѣйствительно къ живымъ божествамъ, на что, между прочимъ, указываетъ и эпитетъ „господине“, относимый къ каждой стихіи порознь, эпитетъ, который выражаетъ живую, одушевленную силу. Наконецъ, хорошее слѣдствіе этой миѳической молитвы высказывается тотчасъ же въ спасеніи князя Игоря: стихійныя божества какъ-будто услышали скорбное моленіе тоскующей жены и помогли ея мужу воротиться на родину. Все это миѳическое міросозерцаніе сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ образовъ, невыходящихъ изъ круга родныхъ вѣрованій. У него сохраняется то же миѳическое отношеніе къ природѣ, та же вѣра въ оборотней, волкодлаковъ, въ добрыя и злыя предвѣщанія, какія еще живо сохранялъ русскій народъ.

Во всемъ этомъ мы еще не видимъ вліянія христіанства. Только въ концѣ

поэмы одинъ маленькій эпизодъ говоритъ, что идетъ рѣчь о князѣ-христіанинѣ, но собственно для характеристики самыхъ идеаловъ поэта онъ не имѣетъ никакого значенія.

Трудно сказать, въ такомъ ли видѣ вышло „Слово" изъ устъ поэта, и самъ ли онъ его записалъ, или оно записано кѣмъ другимъ, не умѣвшимъ сохранить пѣсеннаго размѣра. Но, соображая обстоятельства, мы склонны предполагать это послѣднее. Грамотность была потребностью только людей религіозныхъ, слѣдственно, только они преодолѣвали трудъ ученія. Всѣмъ же другимъ умѣнье читать и писать не представляло никакого интереса. Пѣвецъ „Слова", если и считался христіаниномъ, то уже никакъ не былъ религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ христіанскими идеями и стремленіями, которыя внутренно даже и не коснулись его. Итакъ, если онъ могъ быть грамотнымъ, то вслѣдствіе какой-нибудь особенной случайности; но вѣрнѣе, что онъ и не принимался за эту науку. Обыкновенно учились читать по часослову, по псалтырю или по другимъ священнымъ книгамъ, потому что иныхъ не было. Странно было бы предположить, что нашъ поэтъ, учась, конечно, по этимъ книгамъ, не принималъ оттуда никакихъ идей, а принявъ хотя нѣсколько, онъ невольно бы разрушилъ ту цѣлость миѳическаго міросозерцанія, которую мы замѣтили въ его поэмѣ. Онъ не могъ бы быть такъ наивно искреннимъ, касаясь того, другого или третьяго миѳическаго образа. Съ другой стороны, поэтъ въ то время не былъ писателемъ, и, слѣдовательно, поэтическія стремленія не имѣли ничего общаго съ умѣньемъ читать и писать. Боянъ, кого хотѣлъ воспѣть, брался за гусли, а не за перо, и былъ, по всей вѣроятности, безграмотный. То же мы думаемъ и о пѣвцѣ „Слова". Значитъ, остаемся на предположеніи, что его поэма прошла черезъ чужое перо,—слѣдственно, могла нѣсколько измѣниться въ формѣ изложенія.

LI. Историческое значеніе „Слова о полку Игоревѣ".

(Изъ статей Барсова: „Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ", помѣщ. въ „Вѣстникѣ Европы" за 1878 г.).

Главное значеніе „Слова", сравнительно съ Кіевскою лѣтописью, состоитъ въ томъ, что она рисуетъ предъ нами приднѣпровскую Русь XII в. въ цѣлой ея картинѣ и представляетъ намъ рядъ князей въ краткихъ, но характерныхъ очертаніяхъ.

„Слово" рисуетъ передъ нами цѣлое поколѣніе тогдашнихъ передовыхъ князей и въ ихъ изображеніяхъ даетъ намъ разумѣть ихъ кипучую дѣятельность и политическіе замыслы.

Вотъ предъ нами Всеволодъ III (Большое Гнѣздо). Удалившись на сѣверъ, онъ поглощенъ здѣсь своей государственной задачей, подбирая князей подъ свою мощную руку. Онъ можетъ веслами раскропить Волгу и Донъ вылить шлемами, но онъ уже не думаетъ о Кіевѣ и не несется туда мыслью издали поблюсти древняго златого престола отцовскаго.

Вотъ предъ нами знаменитый Романъ Галицкій, котораго издали разглядѣлъ зоркій папа Иннокентій III-й, угадывая его замыслы, предлагалъ ему королевскую корону надъ всей Русской землей, подъ условіемъ, конечно, признанія его главенства. Высоко взлетѣлъ этотъ Романъ въ своихъ замыслахъ, говоритъ о немъ „Слово", какъ-будто соколъ на вѣтрахъ ширяясь и готовясь въ буйствѣ одолѣть птицу.

Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, что горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками и стрѣлялъ султановъ за землями. Грозы отъ его престола, говоритъ „Слово", по землямъ текутъ.

За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), имя котораго въ лѣтописяхъ стоитъ рядомъ съ богатырями, которые, какъ львы и медвѣди, не слышатъ на себѣ ранъ. Предъ нимъ и Романомъ Галицкимъ—отъ ихъ храбрости и оружія, говоритъ „Слово", треснула земля и многія страны... копья свои повергли и головы преклонили подъ ихъ мечи харалужные.

Помянутъ въ „Словѣ“ и Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, съ золотого престола былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и опять-таки добылъ Кіевъ. Онъ названъ здѣсь „буйнымъ“: шеломъ его плавалъ въ крови, какъ и шеломъ Давида—и храбрая дружина ихъ рыкала, какъ туры, раненые калеными саблями.

Въ такихъ же яркихъ краскахъ изображены здѣсь и три Мстислава: „*не худа гнѣзда шестокрыльцы*“ — и „всѣ внуки Всеслава, выскочившіе изъ дѣдней славы“.

Уже въ XI в. слышался голосъ со стороны смысленныхъ людей или думающихъ бояръ, что княжескіе раздоры наводили поганыхъ на Русскую землю; а затѣмъ, по мѣрѣ усиленія раздоровъ, поганые еще болѣе радовались „княжеской свадѣ и которамъ“ и устремлялись съ побѣдами на землю Русскую. Въ XII в. дѣйствительность была такова, что производила отрезвляющее дѣйствіе и давала чувствовать всю глубину зла, къ которому вели княжескіе раздоры.

Всѣ усобицы, по свидѣтельству „Слова“, развились именно отъ того, что князья забыли великую идею *единства* земли Русской, эту святыню, завѣщанную имъ исторіей, и, вмѣсто того, чтобы всѣмъ княжить подъ ея воздѣйствіемъ, стали водиться самолюбивыми цѣлями и мелкими побужденіями, — „*стали говорить: се мое, а то мое же, и о маломъ стали говорить: се великое*“. Вотъ историческій лучъ, который озаряетъ для историка разрозненность кіевской Руси такими психологическими опредѣленіями, которыхъ напрасно сталъ бы онъ искать въ лѣтописяхъ XII в.

Всѣ бѣдствія Русской земли: раззоренія городовъ и страданія жителей происходили, по свидѣтельству „Слова“, именно изъ-за этихъ мелкихъ и самолюбивыхъ княжескихъ интересовъ, столь противныхъ историческому преданію и завѣтной идеѣ единства народа русскаго. „И начали князи крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю Русскую...“ Съ этой стороны „Слово“ есть настоящій „плачъ Іереміи“, указующій истинную причину всѣхъ бѣдъ, разразившихся надъ Русской землей.

Окончивъ золотое слово Святослава, авторъ какъ бы изнемогаетъ при мысли о княжескихъ крамолахъ, и изъ стѣсненной души его какъ бы невольно вырывается почти отчаянное слово: „О, стонать Русской землѣ, вспоминая первую годину и первыхъ князей. Уже нельзя пригвоздить того стараго Владиміра къ горамъ кіевскимъ. Знамена его стали теперь однѣ Рюрика, другія Давида, а разладивъ, они дѣйствуютъ вкривь и вкось“.

Что касается въ частности похода Игорева, то нельзя не замѣчать, что „Слово“, сравнительно съ „Лѣтописью“, не столько занято его подробностями, сколько передаетъ впечатлѣнія очевидца, подъ дѣйствіемъ гнетущей скорби за эти стоны и бѣдствія Русской земли. Оно не распространяется о томъ, какъ проводили время и что затѣвали русскіе послѣ первой побѣды надъ половцами въ пятницу, у р. Сюрлія, что сообщается „въ Кіевской лѣтописи“. Оно лишь кратко замѣчаетъ объ этомъ ночлегѣ: „Дремлетъ въ полѣ гнѣздо храброе Олега;... далече залетѣло“.

Точно также, опуская подробности битвы въ субботу, оно изображаетъ предъ нами лишь только князя Всеволода—въ его рукопашномъ бою... Бой русскихъ въ этотъ день былъ такъ страшенъ, что авторъ слилъ его съ старымъ временемъ Ярослава и Олега. „То было,—заканчиваетъ онъ эту картину,—въ ты рати и въ ты полки, ни сицей рати не слышаны... зачернѣла земля подъ копытами, костьми была призасѣяна и кровію полита“.

„Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зорями? Полки Игорь заворачиваетъ...“ Такъ начинаетъ „Слово“ описаніе третьяго, воскреснаго, дня, и пропуская подробности несчастнаго боя и плѣна своихъ героевъ, подробно разсказанныя въ „Лѣтописи“, изображаетъ только печальный конецъ его: „бились день, бились другой, а на третій къ полудни стяги Игоревы пали“. Говоря короче, въ „Словѣ“ читаемъ не разсказъ событія, но впечатлѣнія и думы дружинника, вызванныя этимъ походомъ.

Таково историческое значеніе „Слова“. Оно самымъ тѣснымъ образомъ связано съ понятіями, отношеніями, бытомъ, культурою, языкомъ и политическими стремленіями дружинно-княжеской приднѣпровской Руси XII вѣка. Возникнувъ лишь только въ этой дѣйствительной средѣ, оно могло отразить для насъ такъ наглядно и осязательно въ общей картинѣ историческій фактъ.

LII. ИЗЪ „ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА МОЛЕНІЯ КЪ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВСЕВОЛОДОВИЧУ“.

...Зная, господинъ князь, твое добросердечіе, я прибѣгалъ къ постоянной любви твоей: въ Св. Писаніи сказано: просящему у тебя дай, стучащему отвори, чтобы не лишился царства небеснаго...

А я, вѣдь, князь, что трава поблекшая, растущая за стѣною: ея не согрѣетъ лучъ солнца, ея не оросить и дождь; такъ и я, князь, всѣми обиженъ.

Не гляди ты на меня, князь, какъ волкъ на ягненка, а гляди на меня, какъ мать на своего младенца. Смотри, князь, и птицы небесныя не сѣютъ, не орютъ, въ житницы не собираютъ, а уповаютъ на милость Господню. И мы, князь, ждемъ твоей милости. Кому благо любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло-озеро, а мнѣ смолы чернѣе, кому Лачь-озеро, а мнѣ, сидящему на немъ, плачъ горькій; кому Переяславль, а мнѣ Гореславль... нѣтъ у меня доли, нѣтъ счастья.

Друзья мои и ближніе оставили меня — потому что не строю имъ трапезы, не ставлю предъ ними блюдъ разныхъ; глазами плачутъ, а сердцемъ смѣются...

Правду сказалъ мнѣ Ростиславъ, князь: лучше смерть, чѣмъ курское княженіе; лучше умереть человѣку, чѣмъ долго жить въ нищетѣ. И Соломонъ сказалъ: Господи, не дай мнѣ ни богатства, ни убожества, при богатствѣ — возгоржусь, при убожествѣ — преступленіе задумаю. Молю тебя, князь, поэтому, помилуй меня, князь, — я нищій.

Богатаго повсюду знаютъ: въ чужой странѣ друзей имѣетъ; а убогій и межъ своими чужой. Богатый заговоритъ — всѣ замолчатъ и слова вознесутъ до облаковъ, а убогій заговоритъ — всѣ крикнутъ на него и уста ему закроютъ. Князь мой, господинъ мой, избавь меня отъ нищеты этой, — какъ серну изъ западни, какъ птицу изъ тенетъ, какъ утку изъ когтей ястреба, какъ овцу изъ пасти львиной.

...Моль съѣдаетъ ризы, а печаль человѣка снѣдаетъ... Кто призритъ человѣка въ печали — словно водою напоитъ въ жаркій день.

Птица веснѣ рада, младенецъ — матери, а я, князь, радуюсь твоей милости; весна землю украшаетъ цвѣтами, а ты людей оживляешь своею милостью, защищаешь вдовъ и сиротъ отъ вельможъ угнетающихъ.

Князь, мой господинъ, обрати ко мнѣ взоръ лица твоего, твой голосъ сладокъ, твой образъ свѣтелъ; медоточивы уста твои, и разумъ, какъ рай плодовитъ...

Когда веселишься за блюдами роскошными, вспомни меня, ядущаго хлѣбъ сухой; когда пьешь сладкія вина, вспомни меня, пьющаго теплую воду; когда возлежишь на мягкой постели, подъ соболинымъ покрываломъ — вспомни обо мнѣ, подъ редномъ однимъ лежащемъ, умирающемъ отъ стужи зимней, котораго пронизываютъ дождевыя капли, словно сердце стрѣлы пронзятъ.

Да не согнется, князь, рука твоя на подаяніе убогимъ: ни чашею не исчерпать моря, ни подаяніями намъ не истощить твоихъ богатствъ.

...Похвалился Езикіилъ царь передъ послами царя Вавилонскаго своимъ золотомъ и серебромъ, а послы отвѣтили: нашъ царь богаче

тебя—не множествомъ золота, а множествомъ воиновъ; мужи забудутъ золото, а золотомъ не добыть мужей.

....Видѣлъ я звѣря безъ головы—такъ добрые полки погибаютъ безъ добраго князя.

Гусли настраиваются перстами, тѣло основывается на жилахъ, дубъ крѣпокъ корнями многими, а нашъ городъ крѣпится твоимъ державствомъ, ибо щедрый князь—всѣмъ отецъ.

Князь щедрый—что рѣка, сквозь дубраву свободно текущая, безъ береговъ: напоятъ и человѣка, и скотъ, и звѣря; а скупой князь—что рѣка, текущая въ каменныхъ берегахъ—ни самому не пить, ни коня не напоить. Бояринъ щедрый, что колодезь на пути, скупой бояринъ—что соленый колодезь.

Не имѣй себѣ двора близъ княжескаго двора, не держи села близъ княжескаго села—потому что тіунъ его, что огонь пожирающій, а слуги его—что искры: убережешься отъ огня, а отъ искры не убережешься.

Князь, господинъ мой, не лиши хлѣба бѣдняка-мудреца, не вознеси до облаковъ богача-глупца, безумца; мудрецъ убогій—что золото въ грязномъ сосудѣ, а глупый богачъ—что шерстяное сголовье, набитое соломою. Господинъ мой, не гляди на внѣшность мою, взгляни во внутренность; я одеждою бѣденъ, но богатъ умомъ; лѣтами я молодъ, но разумомъ старъ. А какъ въ утлый мѣхъ воду лить—такъ безумнаго учить. Мужа мудраго пошли—мало говори; а глупаго пошли—за нимъ самъ ступай.

....Князь, мой господинъ, не море топитъ корабли, а вѣтеръ; не огонь плавитъ желѣзо, а мѣхи; такъ и князь не самъ дѣлаетъ злыя дѣла, а совѣтники приводятъ къ злу. Съ добрымъ совѣтникомъ князь высоко престолъ держать будетъ; съ злымъ совѣтникомъ думаетъ—и малаго стола лишенъ будетъ.

....Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы, поборница грѣха, засада спасенія. Жена добрая—вѣнецъ мужу и радость ему, а злая жена—печаль лютая, погибель дому. Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа губитъ. Лучше въ утлой ладьѣ по водѣ ѣздить, чѣмъ злой женѣ тайны повѣдать; утлая ладья платье замочитъ, а злая жена всю жизнь мужа погубитъ. Лучше камень сверлить, нежели злую жену учить; желѣзо расплавишь—злой жены не научишь. Злая жена не слушаетъ ученія, пастыря не чтитъ, Бога не боится, людей не стыдится,—все осуждаетъ, всѣхъ порицаетъ. Что злѣе льва между четвероногими? и что злѣе и лютѣе между пресмыкающимися? Злѣе жена злая! Нѣтъ ничего хуже на землѣ злобы женской. Женою изгнанъ Адамъ изъ рая; жены ради, Іосифъ прекрасный заключенъ былъ въ темницу. Жены ради, ввергли Данiила въ ровъ, а львы ему ноги лизали. О, злое оружіе діавольское! У кого-то умерла жена, а онъ, по ея смерти, сталъ дѣтей продавать. Люди говорятъ: зачѣмъ дѣтей продаешь? А онъ отвѣчаетъ: если они уродились въ мать и выростутъ, меня продадутъ.

LIII. О „СЛОВѢ ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА".

(Изъ „Исторіи русской словесности" Порфирьева).

Кто былъ Даніилъ Заточникъ—неизвѣстно. Изъ „Слова" видно, что онъ находился въ заточеніи на озерѣ Лачъ (въ Олонецк. губ.), но за какую вину—не говорится. Находясь въ заточеніи, онъ написалъ „Слово" къ какому-то князю *), съ тою цѣлью, чтобы вымолить у него свободу. Заточникъ — типическое лицо древняго русскаго книжника, воспитаннаго на чтеніи книгъ и преимущественно разныхъ сборниковъ. „Я, княже господине, говоритъ онъ, не за море ходилъ и не отъ философовъ научился, но какъ пчела, припадающая по разнымъ цвѣтамъ и совокупляющая медовый сотъ, *по многимъ книгамъ собиралъ сладость словесную и разумъ*". Все „Слово", дѣйствительно, представляетъ рядъ собранныхъ изъ разныхъ книгъ размышленій и изреченій, между которыми есть и мѣста изъ Св. Писанія, особенно изъ премудрости Соломона и Сираха, и народныя притчи и пословицы, и изреченія изъ разныхъ сборниковъ и, между прочимъ, изъ „Пчелы" **). Набранная изъ разныхъ источниковъ мудрость Заточника вполнѣ отличается характеромъ этихъ сборниковъ: тотъ же взглядъ на все въ жизни, тотъ же поучительный тонъ и украшенный слогъ, то же, наконецъ, отсутствіе прямой связи между разными размышленіями. Размышленія Заточника касаются разныхъ предметовъ: щедрости и скупости, богатства и бѣдности, мудрости и глупости; между этими размышленіями нѣтъ непосредственной связи; они связываются между собою только тою цѣлью, для которой они собраны авторомъ,—цѣлью обратить вниманіе князя на свое положеніе. Это—положеніе человѣка опальнаго, и свойственныя этому положенію чувства, естественно, должны были сообщить общему типу древняго книжника, въ какомъ является передъ нами Заточникъ,—и частныя черты его личнаго характера. Какъ человѣкъ опальный, онъ опасается раздражить князя и потому высказываетъ свои чувства не прямо, а въ разныхъ стороннихъ размышленіяхъ и картинахъ. Онъ, повидимому, шутитъ и смѣется надъ своимъ положеніемъ, какъ-будто хочетъ повеселить князя разными смѣшными изображеніями, но сквозь его смѣхъ и шутки слышится въ то же время горькая жалоба на жизнь и глубокая скорбь человѣка страдающаго, которая часто выражается въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ противъ разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни. Это сообщило его „Слову" характеръ тѣхъ произведеній, которыя обыкновенно называются юмористическими.

Изображая свое бѣдственное положеніе, какъ человѣка опальнаго, Заточникъ сравниваетъ себя съ поблекшею травою, растущею въ такой тѣни, что на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь не идетъ, и съ деревомъ при пути, которое прохожіе посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Потомъ жалуется на свою бѣдность, и при этомъ проводитъ параллель между богатымъ и бѣднымъ. Изобразивъ свое бѣдственное состояніе, Даніилъ проситъ князя, чтобы онъ, веселясь многими брашнами и пія сладкое вино и покоясь на мягкой постели, подъ собольими одѣялами, вспомнилъ, что онъ, Даніилъ, въ это время ѣстъ сухой хлѣбъ, пьетъ теплую воду и умираетъ отъ холода. Потомъ слѣдуетъ нѣсколько параллелей между щедрымъ и скупымъ княземъ, мудрымъ и безумнымъ мужемъ, хорошими и дурными совѣтниками князя, и доброю и злою женою. Особенно замѣчательна рѣзкая сатира на злыхъ женъ: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену; волъ не молвитъ и не мыслитъ зла, а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ (бѣдности) другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы... поборница грѣха, засада спасенія" и т. д. Такой мрач-

*) Предполагаютъ, что это былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Мстиславича, внукъ Владиміра Мономаха, княжившій въ Новгородѣ съ 1182 до 1199 г.

**) Подъ названіемъ „Пчелы" извѣстенъ переведенный на русскій языкъ съ греческаго и латинскаго языковъ сборникъ, въ которомъ соединены были въ одно три сборника: одинъ—Максима Исповѣдника, жившаго въ VII в., и два инока Антонія. „Пчелы" содержатъ въ себѣ собраніе разныхъ, большею частью, краткихъ изреченій Св. Писанія, отцовъ и учителей церкви и древнихъ свѣтскихъ писателей о разныхъ предметахъ нравственныхъ, а иногда и житейскихъ.

ный типъ злой жены списанъ Заточникомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя необразованнаго, но еще молодого русскаго общества, а съ разныхъ восточныхъ сказаній (повѣсти о Соломонѣ) и съ греческихъ поученій о женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византійская женщина и которыя начали распространяться въ нашей письменности съ самаго ея начала. Уже въ сборникѣ Святослава мы встрѣчаемъ такія поученія. Подъ вліяніемъ подобныхъ сочиненій и образовался въ древней письменности тотъ презрительный взглядъ на женщину, который перешелъ изъ нея въ жизнь и выразился здѣсь крутымъ и часто жестокимъ обхожденіемъ съ женщиной, и всего болѣе, конечно, способствовалъ къ ея нравственному униженію.

„Слово“ Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностью въ древнія времена. Въ XIII в. оно было даже передѣлано. Эта передѣлка помѣщена въ одномъ спискѣ „Пчелы“ XV вѣка, подъ заглавіемъ: „Даніила Заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу“. Обращаясь къ князю, авторъ говоритъ въ своемъ „Моленіи“: „кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль“, и потомъ: „княже мой, господине, орелъ—царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрьми, а ты, княже, надъ переяславцы“. Изъ „Моленія“ не видно, былъ ли авторъ въ заточеніи, подобно Даніилу, или просто былъ въ немилости у князя и приноровилъ къ своему положенію „Слово“ Даніила Заточника; равнымъ образомъ, нельзя сказать, точно ли онъ также носилъ имя Даніила, или „Моленіе“ названо Даніиловымъ только потому, что оно составляетъ подражаніе „Слову“ Даніила. Все главное содержаніе „Моленія“ взято изъ „Слова“ Даніила Заточника, на котораго авторъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ. Но, кромѣ мѣстъ заимствованныхъ, есть и мѣста оригинальныя, принадлежащія самому передѣлывателю. Между ними особенно замѣчательно мѣсто о рабскомъ состояніи, проникнутое сильнымъ негодованіемъ. Основываясь на этомъ сильномъ негодованіи противъ холопскаго состоянія, думаютъ, что авторъ самъ находился въ такомъ же состояніи при дворѣ какого-нибудь боярина.

LIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО НОВГОРОДА.

(Изъ соч. Бѣляева: „Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія“).

Владѣнія новгородскія раздѣлялись на три вида: къ первому виду принадлежалъ самъ господинъ Великій Новгородъ, второй видъ составляла новгородская земля, и третій — волости новгородскія. Великимъ Новгородомъ называлось первоначальное поселеніе ильменскихъ славянъ на Волховѣ, гнѣздо Новгородскаго могущества, бывшее постоянно и неизмѣнно средоточіемъ силы и власти новгородскаго племени славянъ.

Землю новгородскую составлялъ край, ближайшій къ Новгороду, занятый древнѣйшими новгородскими колоніями и до того пропитанный новгородскимъ духомъ, что составлялъ одно неразрывное цѣлое съ самимъ Новгородомъ. Волостями новгородскими назывались тѣ земли, которыя хотя и были подчинены Новгороду, но не составляли съ нимъ одного цѣлаго и скорѣе представляли новгородскія провинціи въ чужой землѣ, притянутыя къ Новгороду силою и большею частью не колонизованныя новгородскимъ племенемъ, даже иногда управляемыя своими племенными князьями и старшинами.

Правительство новгородское составлялъ самъ господинъ Великій Новгородъ и власти, имъ избранныя: эти послѣднія были или собственныя новгородскія власти, или приглашенныя Новгородомъ со стороны, не изъ новгородской земли.

Выраженіемъ власти самого господина Великаго Новгорода было вѣче, или народная дума; эта власть была непрерывная и продолжалась

до завоеванія Новгорода великимъ княземъ московскимъ Иваномъ Васильевичемъ. Вѣче было самою верховною властью въ Новгородѣ, выше которой уже не было: оно рѣшало всѣ дѣла и въ своихъ рукахъ держало судьбы Новгорода. Во 1-хъ, вѣче приглашало князя въ Новгородъ и указывало ему путь изъ Новгорода, когда почему-либо князь оказывался неугоднымъ народу; во 2-хъ, вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями въ Новгородѣ, даже надъ княземъ; въ 3-хъ, вѣче избирало всѣхъ властей по новгородскимъ владѣніямъ; въ 4-хъ, вѣче казнило и жаловало; ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды по новгородской землѣ, на которыя не давали управы другія власти; въ 5-хъ, вѣче издавало и отмѣняло законы, давало граматы на земли и разныя привиллегіи; въ 6-хъ, вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами; договорныя граматы писались обыкновенно отъ всего Новгорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ, т. е. отъ вѣча; въ 7-хъ, наконецъ, вѣче установляло подати и повинности, увеличивало ихъ и уменьшало по своему усмотрѣнію, и опредѣляло, какую употреблять монету. Вообще всякое выраженіе воли цѣлаго Новгорода принадлежало вѣчу.

На вѣчѣ, въ правильномъ его составѣ, имѣли право участвовать и имѣть голосъ всѣ члены новгородскаго общества, т. е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, бывшіе дѣйствительными членами той или другой новгородской общины, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди; ибо приговоры или рѣшенія вѣча давались, какъ отъ большихъ, такъ и отъ меньшихъ; но это отнюдь не значило, что на правильномъ вѣчѣ, собранномъ въ узаконенномъ порядкѣ, собирался поголовно весь народъ, т. е. и такъ-называемые вольные люди, не состоявшіе членами ни въ одной новгородской общинѣ. Но совсѣмъ иное бывало, когда во время борьбы партій собиралось заразъ по нѣскольку вѣчей даже по домамъ; здѣсь уже едва ли соблюдался какой порядокъ, и, вѣроятно, не спрашивалось, кто домохозяинъ, кто бездомный бродяга; здѣсь вся забота состояла въ томъ только, чтобы набрать побольше народу, составить толпу и имѣть задорныхъ предводителей толпы. Таковыя вѣча иногда собиралъ одинъ черный народъ безъ участія старѣйшихъ или большихъ. Обычнымъ и законнымъ мѣстомъ собранія правильнаго вѣча были Ярославль дворъ и площадь у Софійской церкви; кромѣ того, обычными законными мѣстами частныхъ вѣчей по концамъ города считались тѣ площади, гдѣ находилось мѣстное управленіе того или другого конца. Вѣча же чрезвычайныя, неправильныя, собиравшіяся во время борьбы партій, не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ для своего собранія; впрочемъ, они собирались преимущественно около церквей, чтобы воспользоваться для сбора народа церковнымъ колоколомъ. Иногда же таковыя вѣча сбирались по всему городу, у всѣхъ церквей.

Правильное вѣче созывалось или княземъ, или посадникомъ, и для этого князь или посадникъ посылали отъ себя бирючей или подвойскихъ, которые ходили по улицамъ и созывали людей, которымъ должно идти на вѣче. Правильное, законное вѣче первоначально собиралось не на Ярославовомъ дворѣ или у церкви св. Софіи, а вѣроятно, на той улицѣ, гдѣ жилъ степенный посадникъ, а потомъ уже торжественно шествовало подъ предводительствомъ посадника на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи. Звонъ колоколовъ для сбора вѣча преимущественно употреб-

лялся только во время вражды партій, или при возстаніи, когда вдругъ являлось по нѣскольку вѣчей и когда не было возможности обращаться къ правильному приглашенію черезъ бирючей и подвойскихъ. Въ обычное время звонъ колокола употреблялся только для открытія засѣданій правильнаго вѣча. На правильное вѣче новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица съ своими кончанскими и уличанскими старостами; какъ бояре, житые люди, купцы, такъ и черные люди шли съ своими старостами и сотскими сперва къ степенному посаднику, повѣщавшему о сборѣ, и потомъ отъ него и подъ его предводительствомъ и при степенномъ тысяцкомъ отправлялись на вѣче на Ярославль дворъ или къ церкви св. Софіи. Когда вѣче собиралъ князь, и вообще когда князь былъ въ согласіи съ новгородцами и на это время былъ въ Новгородѣ, то и онъ являлся на вѣче; за его отсутствіемъ, приходилъ его намѣстникъ. Но на вѣчѣ никогда не присутствовали ни владыка новгородскій и никто изъ духовнаго чина. Владыка только иногда приглашался вѣчемъ для преподанія благословенія, да и то уже по окончаніи разсужденій и споровъ, когда уже вѣче на что-либо рѣшилось; такъ, въ 1398 году новгородцы, порѣшивши на вѣчѣ начать войну съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, просили на это благословенія у своего владыки Іоанна. И владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей и воеводъ новгородскихъ и всѣхъ воиновъ.

Граждане, собранные на правильное вѣче узаконеннымъ порядкомъ, пришедши на Ярославль дворъ, садились на приготовленныхъ для вѣча ступеняхъ, вѣроятно каждый конецъ и каждая улица особо, при своихъ старостахъ и сотскихъ; степенный же посадникъ и степенный тысяцкій и старые посадники и старые тысяцкіе особо. На вѣчѣ, собранномъ правильно, всегда при посадникѣ и тысяцкомъ находился вѣчевой или вѣчный дьякъ и при немъ подъячіе, на которыхъ лежали всѣ письменныя дѣла по вѣчу; дьякомъ составлялись и скрѣплялись вѣчевыя граматы. При правильномъ вѣчѣ были свои оффиціальные служители, новгородскіе бирючи и подвойскіе, которые приводили въ исполненіе опредѣленія вѣча вмѣстѣ съ вѣчевымъ дьякомъ. Когда рѣшеніе вѣча состоялось и нужно было писать грамату, то эта грамата писалась отъ всего Новгорода, такимъ образомъ: „Отъ посадника Великаго Новгорода (такого-то), и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго Великаго Новгорода степеннаго (такого-то), и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ положили сдѣлать то-то“. Вѣче имѣло свою печать, на которой писалось такъ: „Печать новгородская, или печать Великаго Новгорода“. Вѣчевыя граматы иногда утверждались еще печатями посадниковъ, тысяцкихъ и пяти концовъ.

Когда новгородцы почему-либо не надѣялись на успѣхъ вѣча, составленнаго только изъ гражданъ самого Новгорода, то приглашали на свое вѣче и выборныхъ изъ новгородскихъ пригородовъ. Впрочемъ, таковыя приглашенія были весьма рѣдки, нисколько не были нормальны, и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы приговоръ вѣча былъ обязателенъ для всѣхъ новгородскихъ пригородовъ; ибо обязательность приговоровъ новгородскаго вѣча для пригородовъ нисколько не отрицалась, когда правильное вѣче собрано было только изъ однихъ гражданъ са-

маго Новгорода, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „На чемъ то старшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Ибо государемъ всей новгородской земли и всѣхъ волостей былъ господинъ Великій Новгородъ, и посему пригороды постоянно должны были находиться въ повиновеніи у новгородскаго вѣча; оно посылало туда и своихъ посадниковъ и другихъ начальниковъ, или, по крайней мѣрѣ, утверждало выбранныхъ пригородомъ. Хотя и въ пригородахъ были свои вѣча, по этимъ нимало не нарушалось и не стѣснялось значеніе новгородскаго вѣча, какъ выраженіе воли всего Новгорода; пригороды были независимы въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и посему имѣли свои вѣча; но въ общихъ дѣлахъ всей Новгородской земли они повиновались новгородскому вѣчу. Кромѣ правильно составленныхъ общихъ вѣчей, отъ всего Новгорода и частныхъ вѣчей по концамъ и улицамъ, было еще много вѣчей неправильныхъ, чрезвычайныхъ, собранныхъ безъ соблюденія обычныхъ формъ. Эти неправильныя или чрезвычайныя вѣча иногда составлялись однимъ концомъ или одною улицею, иногда нѣсколькими концами и улицами, иногда Торговой стороной противъ Софійской стороны и, наоборотъ, иногда одними черными людьми безъ участія другихъ классовъ. Бывали вѣча даже во время военныхъ походовъ, въ которыхъ, разумѣется, нельзя было соблюдать всѣхъ формъ, требовавшихся въ спокойное время, и въ которыхъ одинаковый голосъ подавали всѣ участвовавшіе въ походѣ. Впрочемъ, неправильныя, самовольныя вѣча начались въ Новгородѣ не раньше второго десятилѣтія XIII вѣка, по крайней мѣрѣ, по лѣтописямъ первое неправильное вѣче упоминается только съ 1218 г. Иногда неправильныя, самовольныя вѣча принимали такіе размѣры и такую силу, что для правильнаго вѣча не было уже и мѣста, такъ что сами степенные посадникъ и тысяцкій присоединялись къ которому-либо изъ самовольныхъ вѣчей, и весь городъ распадался на двѣ противныя стороны. Такъ, это, напримѣръ, было въ 1418 г., когда во время народнаго мятежа составилось два вѣча—одно у св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ, и къ послѣднему пристали степенный посадникъ и степенный тысяцкій, и когда, по усиленной просьбѣ старыхъ посадниковъ и старыхъ тысяцкихъ, архіепископъ Симеонъ вышелъ на Волховскій мостъ въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ и, подавая благословеніе той и другой сторонѣ, убѣдилъ посадниковъ и тысяцкихъ распустить то и другое вѣче. А иногда неправильное, самовольное вѣче одерживало верхъ надъ правильнымъ, лишало власти прежнихъ главныхъ начальниковъ, именно посадника и тысяцкаго, и выбирало своихъ новыхъ начальниковъ.

За вѣчемъ въ новгородскомъ правительствѣ слѣдовали выборныя власти, назначенныя самимъ вѣчемъ, и прежде всего власти собственно новгородскія, свои, домашнія, избранныя изъ новгородскихъ же гражданъ. Къ этому разряду новгородскихъ властей принадлежали: 1) посадникъ, 2) тысяцкій, 3) старосты, 4) сотскіе, 5) бирючи и 6) подвойскіе. Посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властью (изъ новгородцевъ) послѣ владыки. Посадники первоначально, такъ же какъ и епископы, присылались въ Новгородъ изъ Кіева и были не больше, какъ намѣстниками князя; но со времени борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ этотъ порядокъ измѣнился, и посадники изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ выборныхъ отъ народа съ властью

немногимъ меньшею противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ дѣлать безъ посадника. Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный новгородскимъ вѣчемъ въ 1126 г. Въ посадники, по новгородскимъ порядкамъ, выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ боярскихъ фамилій; такъ что въ продолженіе времени отъ 1126 до 1400 г., по лѣтописямъ, мы можемъ насчитать не болѣе сорока фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе; изъ нихъ нѣкоторые дали по нѣскольку посадниковъ, почти слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Избирались ли посадники на опредѣленный срокъ или безсрочно, неизвѣстно; но можно догадываться, судя по общему порядку выборовъ въ Новгородѣ, что въ санъ посадника, равно какъ и въ санъ владыки и въ другія должности, новгородцы выбирали безсрочно, только съ неотъемлемымъ правомъ вѣча смѣнять выбраннаго посадника, какъ скоро вѣче признаетъ его неугоднымъ. А потому нѣкоторые посадники исправляли свою должность по нѣскольку лѣтъ сряду. А были посадники, которые смѣнялись до истеченія года. При правильномъ выборѣ посадниковъ, кажется, наблюдалось старшинство боярскихъ фамилій. Посадники по пригородамъ выбирались также изъ новгородскихъ боярскихъ фамилій. Мы имѣемъ нѣсколько извѣстій, въ которыхъ прямо говорится, что пригородскими посадниками были члены новгородскихъ боярскихъ фамилій, выбираемые на эту должность новгородскимъ вѣчемъ, и которые потомъ опять изъ пригородовъ выбирались вѣчемъ въ новгородскіе посадники, или смѣненные съ посадничества въ Новгородѣ посылались посадниками по пригородамъ. Въ Новгородѣ посадники раздѣлялись на степенныхъ и старыхъ посадниковъ. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время правилъ городомъ, исправлялъ прямыя обязанности посадника; старымъ же посадникомъ назывался тотъ, который прежде былъ посадникомъ и въ данное время не управлялъ городомъ. Какъ въ древнемъ Римѣ разъ бывшій консуломъ на всю жизнь оставался консуляромъ, такъ и въ Новгородѣ разъ бывшій степеннымъ посадникомъ на всю жизнь оставался старымъ посадникомъ и имѣлъ нерѣдко преимущество въ общественной службѣ предъ другими боярами, не бывшими въ посадникахъ. Старымъ посадникамъ въ Новгородѣ преимущественно поручались разныя важныя государственныя дѣла: они предводительствовали войсками и правили посольства въ сосѣднія государства, участвовали въ пріемѣ пословъ отъ сосѣднихъ государей и утверждали договорныя граматы вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; но ихъ именъ въ самыхъ граматахъ не прописывалось, они только прикладывали къ граматамъ свои печати, которыя отличались отъ печати степеннаго посадника тѣмъ, что въ нихъ прописывалось имя того, чья печать, напримѣръ: „Яковлева печать, посадника новгородскаго", тогда какъ на печати степеннаго посадника имени не прописывалось, а обозначалось просто: „Новгородская печать посадника".

Старый посадникъ, т. е. человѣкъ, лишившійся достоинства степеннаго посадника, обыкновенно продолжалъ поддерживаться своею партіею и при удобномъ случаѣ опять получалъ званіе степеннаго посадника; а до прінсканія таковаго случая занималъ какую-либо низшую должность, напр., должность посадника въ пригородѣ, или должность тысяцкаго, или должность кончанскаго или уличанскаго старосты. А когда его

партія вновь получала побѣду надъ противниками, то и онъ возвращалъ свое достоинство, разумѣется, по новому выбору вѣча, на которомъ руководила его торжествующая партія. Иногда же старый посадникъ вовсе не получалъ никакой общественной должности, но тѣмъ не менѣе оставался предводителемъ своей партіи и нерѣдко дѣйствовалъ противъ степеннаго посадника. Степенный посадникъ въ Новгородѣ былъ собственно главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода въ дѣлахъ мира и войны и въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами, замѣняющимъ на данное время волю вѣча. Всѣ договоры съ сосѣдями, если они не были писаны прямо отъ имени вѣча, писались отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго; впрочемъ, имена послѣднихъ иногда и пропускались, отъ ихъ же имени безъ имени посадника не могла быть написана ни одна грамата, относящаяся къ цѣлому Новгороду. Посадникъ собственно былъ правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу вѣчемъ. Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ такъ было велико, что новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя за однимъ посадникомъ; такъ, напримѣръ, лѣтопись подъ 1167 г. говоритъ: „Тогда дали посадничество Якуну; и сидѣли новгородцы безъ князя за Якуномъ отъ Семеня дни до велика дни“, т. е. слишкомъ семь мѣсяцевъ, и притомъ въ самое трудное время, когда Новгородъ тѣснили сосѣдніе князья и навязывали новгородцамъ князя противъ ихъ воли. Посадникъ въ своемъ управленіи на столько былъ самостоятеленъ, что по закону не иначе могъ быть смѣненъ княземъ, какъ только по опредѣленію вѣча, и то по суду, когда онъ окажется въ чемъ-нибудь виноватымъ. Такъ, когда въ 1218 году князь Святославъ прислалъ сказать на вѣчѣ, что не можетъ быть съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество, то вѣче спросило: въ чемъ виноватъ Твердиславъ? и на отвѣтъ князя, что онъ лишаетъ его посадничества безъ вины, новгородцы отвѣчали: „Княже! Ежели нѣтъ за нимъ вины, то ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити; а тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ посадникъ, мы не уступимъ“. Права и обязанности степеннаго новгородскаго посадника состояли въ слѣдующемъ: 1) Посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; даже военные походы князя всегда были въ сопровожденіи посадника, князь былъ непосредственнымъ и главнымъ начальникомъ только надъ своею дружиною или надъ невольниками, если они къ нему присоединялись; полки же новгородскіе всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника, или того воеводы, которому посадникъ или вѣче поручитъ ихъ; и посадникъ или воевода, предводительствуя войскомъ новгородскимъ, отвѣчали не передъ княземъ, а передъ вѣчемъ. 2) У посадника была новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: „Новгородская печать посадника“; эта печать прикладывалась ко всѣмъ граматамъ, выдаваемымъ отъ имени посадника. 3) Посадникъ созывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ и открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣча вопросы по дѣламъ, требовавшимъ вѣчевого рѣшенія; правильно собранное вѣче обыкновенно находилось подъ руководствомъ посадника, онъ смотрѣлъ за порядкомъ и разсуждалъ съ членами вѣча. Въ лѣтописяхъ о правильныхъ вѣчахъ обыкновенно говорится въ

слѣдующихъ выраженіяхъ: „Гадавъ посадникъ и тысяцкій, и весь Новгородъ, рѣшили такъ-то“, или: „Много гадавше съ посадникомъ и тысяцкимъ, рѣшили то-то“. 4) Посадникъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя; такъ посадникъ Якунъ защищалъ Новгородъ въ 1169 г. противъ рати Андрея Боголюбскаго. 5) Посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды по приговору вѣча или по распоряженію князя. 6) Посадникъ отъ имени Новгорода велъ переговоры съ сосѣдними владѣтелями; а посему во всѣхъ договорныхъ новгородскихъ граматахъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ миръ. Иногда посадникъ для переговоровъ ѣздилъ къ тому князю, съ которымъ у Новгорода было какое-либо дѣло, требовавшее переговоровъ; также иногда посадникъ съ владыкою и другими выборными ѣздили приглашать князя въ Новгородъ. 7) Посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, ежели бы тотъ вздумалъ обижать ихъ; по закону, князь не имѣлъ права арестовать и судить новгородца безъ согласія посадника; а посему князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8) Посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго владыку новгородскаго вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе новгородскою церковью. 9) Должности посадника, равно какъ и должности тысяцкаго, были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей, подъ именемъ *поралья* посадника и тысяцкаго. Вліяніе посадника въ Новгородѣ такъ было сильно, что за посадника, въ случаѣ нападеній отъ князя, вступался народъ, бралъ оружіе и защищалъ посадника. Вообще, чтобы ссадить посадника, на это требовалось согласіе большинства, и если у посадника была сильная партія, то дѣло не обходилось безъ боя и грабежа на улицахъ; такъ, напримѣръ, въ 1388 году три конца Софійской стороны возстали на посадника Есипа Захарьинича, созвонили вѣче у св. Софіи и прямо съ вѣча въ оружіи бросились на его дворъ и сожгли хоромы и все разграбили. Посадникъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ и за него стала вся Торговая сторона; начали грабить людей, отбивать перевозчиковъ отъ берега, а перевозныя суда рубить; и въ такомъ положеніи городъ находился цѣлыя двѣ недѣли, и только по истеченіи этого времени, обѣ стороны успѣли согласиться и смѣнили посадника Есипа Захарьинича, и дали посадничество Василію Ивановичу. При общемъ же согласіи народа, смѣна посадника по приговору вѣча производилась тихо, безъ споровъ. Степень посадничества вѣче передавало новому избранному лицу, а посадникъ, лишенный своей степени, или оставался почетнымъ лицомъ съ именемъ стараго посадника, или получалъ другое назначеніе, посылался посадникомъ куда-нибудь въ пригородъ, или отправлялся воеводою въ какой-либо походъ, или посланникомъ къ какому-либо государю. Впрочемъ, такъ мирно кончалась смѣна посадника только тогда, когда посадникъ просто былъ неугоденъ народу или торжествующей партіи. Но когда смѣненный посадникъ подозрѣвался въ измѣнѣ или въ недоброжелательствѣ господину Великому Новгороду, то дѣло кончалось далеко не мирно: таковой посадникъ при смѣнѣ нерѣдко платился жизнью. Тысяцкіе такъ же, какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій—изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались и посадники. Санъ тысяцкаго въ Новгородѣ, очевидно, былъ ниже сана посадника, ибо изъ ты-

сяцкихъ выбирали въ посадники, такъ что санъ тысяцкаго былъ, хотя не необходимою, ступенью къ посадничеству. Тысяцкіе были собственно начальниками черныхъ людей, тогда какъ посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій имѣлъ большое значеніе, онъ черезъ подчиненныхъ ему черныхъ людей могъ многое сдѣлать на вѣчѣ; черные люди составляли большинство и, по его указанію, могли пересилить лучшихъ людей. А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своей партіею, поднималъ вѣче на тысяцкаго. Тысяцкій сперва назначался княземъ. Но, вмѣстѣ съ появленіемъ въ Новгородѣ посадниковъ выборныхъ отъ вѣча, а не по назначенію князя, и тысяцкіе также стали выбираться вѣчемъ; и, конечно, сдѣлавшись выборнымъ отъ вѣча, тысяцкій получалъ большее значеніе, нежели какъ былъ чиновникомъ князя. И уже въ XII ст. имя тысяцкаго въ договорныхъ граматахъ Новгорода ставится вслѣдъ за именемъ князя и посадника. Подобно тому, какъ посадники, сошедшіе съ посадничеcкой степени, получали названіе старыхъ посадниковъ, точно также и тысяцкіе, сошедши со степени, получали названіе старыхъ тысяцкихъ, въ отличіе отъ степенныхъ тысяцкихъ, и принимали дѣятельное участіе и въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ сношеніяхъ Новгорода съ сосѣдними государствами; мы ихъ печати встрѣчаемъ въ договорныхъ и въ другихъ новгородскихъ граматахъ вслѣдъ за печатями степенныхъ тысяцкихъ, а по лѣтописямъ старые тысяцкіе наравнѣ съ старыми посадниками бывали воеводами въ новгородскихъ полкахъ и участниками въ посольствахъ и переговорахъ съ сосѣдними государями, а также членами вѣча вмѣстѣ съ другими боярами. Права и обязанности степеннаго тысяцкаго были слѣдующія: 1) Степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ черныхъ людей. 2) На обязанности тысяцкаго лежало заботиться вмѣстѣ съ посадникомъ о городскихъ укрѣпленіяхъ. 3) Тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ ведутъ переговоры съ сосѣдними государями, отправляютъ посольства и заключаютъ миръ, разумѣется, по рѣшенію вѣча. 4) Степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча; они вмѣстѣ наблюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе; во всѣхъ извѣстіяхъ о правильно созванныхъ вѣчахъ мы непремѣнно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣхъ граматахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степенныхъ посадника и тысяцкаго, вслѣдъ за именемъ владыки новгородскаго или за именемъ князя, если онъ участвовалъ въ изданіи грамaты; всѣ переговоры съ иностранными государствами велись отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ договорныхъ граматахъ также непремѣнно прописывалось имя степеннаго тысяцкаго во всякомъ случаѣ, т. е. писалась ли грамата отъ имени новгородскаго князя или отъ имени вѣча. 5) Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжіе судьи и съ котораго не шло судебныхъ пошлинъ въ казну князя. Тысяцкій съ пятью старостами преимущественно завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также, вѣроятно, судомъ между черными людьми. 6) Тысяцкіе имѣли свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалованнымъ и другимъ новгородскимъ граматамъ вслѣдъ за печатью посадника; а, ко-

нечно, дѣла, подлежащія суду тысяцкаго, утверждались и печатью тысяцкаго. 7) Тысяцкій, также какъ и посадникъ, имѣлъ по закону опредѣленные доходы съ разныхъ новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго. Сотскіе, подобно тысяцкимъ, выбирались вѣчемъ, искони были выборными отъ народа даже тогда, когда посадники и тысяцкіе еще назначались княземъ. Сотскихъ было десять. Сотскіе были изъ значительныхъ боярскихъ фамилій, и бывшіе сотскими выбирались въ тысяцкіе,—слѣдовательно, и въ посадники. Слѣдовательно, сотскіе были одними изъ старѣйшихъ представителей Новгорода, наравнѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ. Но какія прямыя и постоянныя права и обязанности принадлежали сотскимъ, какъ начальникамъ сотенъ, и что такое въ Новгородѣ значила сотня, и какъ она относилась къ концамъ и улицамъ, и какое было отношеніе сотскаго къ старостамъ кончанскимъ и уличанскимъ, къ посаднику, тысяцкому и вѣчу—все это, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, доподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, сотни въ Новгородѣ не были топографическими единицами или бытовыми общинами, какъ концы и улицы; ибо онѣ носятъ названіе не по мѣстностямъ, а по именамъ сотскихъ. А посему должно предполагать, что дѣленіе Новгорода на сотни было чисто административное, а не бытовое: сотня, по всему вѣроятію, выражала десятую долю всего Новгорода, ибо, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, полагалось десять сотенъ и десять сотскихъ; подобно тому, какъ впослѣдствіи было иное дѣленіе всѣхъ владѣній новгородскихъ на пятины—точно также административное, а не бытовое. Сотскимъ вмѣстѣ съ владыкою было поручено попеченіе о главной святынѣ Великаго Новгорода, о церкви св. Софіи. Сотскіе, будучи въ Новгородѣ помощниками или подчиненными тысяцкаго, начальниками десятой доли Новгорода, по пригородамъ и волостямъ замѣняли тысяцкихъ: и какъ въ Новгородѣ на весь городъ былъ одинъ тысяцкій, такъ въ волостяхъ на всю страну, составляющую ту или другую волость Новгорода, былъ одинъ сотскій. По всему вѣроятію, сотскимъ принадлежалъ непосредственный надзоръ за порядкомъ и тишиною въ своей сотнѣ; они же, конечно, должны были водить свою сотню на вѣче—подъ ихъ же наблюденіемъ, кажется, находилась раскладка сбора податей и повинностей въ сотнѣ, т. е. въ десятой долѣ. Старосты, по времени учрежденія города, были самыми старшими выборными начальниками въ Новгородѣ; они первые стали выбираться вѣчемъ, когда еще не выбирались ни сотскіе, ни тысяцкіе, ни посадники; по лѣтописямъ, старосты упоминаются еще при Ярославѣ Великомъ. Въ Новгородѣ каждая община имѣла своего выборнаго старосту, и потому старосты были нѣсколькихъ разрядовъ, отъ выборнаго старосты въ этомъ или другомъ погостѣ между крестьянами до кончанскаго старосты въ Новгородѣ, представителя цѣлаго конца, т. е. пятой части Новгорода. Къ высшему разряду старостъ, принимавшему самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода со всѣми его владѣніями, принадлежали старосты кончанскіе и уличанскіе; за ними слѣдовали старосты отъ житыхъ людей и отъ купцовъ, какъ предводители и непосредственные выборные начальники торговаго класса въ Новгородѣ, заправлявшіе торговыми дѣлами,—слѣдовательно, также имѣвшіе большое вліяніе вообще на общественную новгородскую жизнь, такъ

какъ Новгородъ велъ обширную торговлю и по преимуществу былъ торговымъ государствомъ въ Русской землѣ.

Кончанскіе и уличанскіе старосты созывали кончанскіе и уличанскія вѣча и разбирали всѣ дѣла своего конца или улицы. Въ кончанскихъ и уличанскихъ вѣчахъ одинаково участвовали всѣ классы жителей, конца или улицы; каждая улица и каждый конецъ имѣли и своихъ бояръ, и своихъ купцовъ, и своихъ черныхъ людей, исконныхъ жителей конца или улицы; и, конечно, главными представителями каждой улицы и затѣмъ конца были исконные уличанскіе бояре, которые постоянно пользовались уваженіемъ своихъ уличанъ и руководили ими въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда, естественно, и уличанскіе, и кончанскіе старосты исключительно избирались изъ уличанскихъ боярскихъ фамилій. Уличанскіе и кончанскіе старосты представляли чисто бытовое учрежденіе, независимое отъ административныхъ распоряженій; уличанскій или кончанскій староста былъ собственно представитель данной мѣстности, безъ отношенія къ тому, къ какому классу принадлежатъ жители этой мѣстности, т. е. конца или улицы; онъ собственно представлялъ конецъ или улицу, и его выбирали всѣ жители улицы или конца, безъ различія классовъ, и также всѣ безъ различія подчинялись ему по мѣсту жительства, и онъ ихъ судилъ и рядилъ только какъ жителей его конца или улицы. Кончанскіе или уличанскіе старосты, будучи изъ почетнѣйшихъ боярскихъ фамилій своего конца или улицы, имѣли въ новгородскомъ правительствѣ большое значеніе, не только какъ представители своихъ избирателей, всегда готовыхъ поддержать ихъ своею силою, но и вообще какъ люди богатые, знаменитые и имѣющіе свои связи и партіи; они иногда имѣли такую силу, что дѣлались опасными для вѣча, могли легко поднять не только свою улицу или конецъ, но, по своимъ связямъ, возмутить и другія улицы, особенно во время борьбы партій, что нерѣдко бывало въ Новгородѣ. А посему бывали случаи, что за иного старосту вмѣстѣ съ другими боярами поднималось цѣлое новгородское вѣче. Кончанскіе и уличанскіе старосты, какъ главные начальники концовъ и улицъ, собирали, открывали и руководили кончанскія и уличанскія вѣча, водили своихъ кончанъ и уличанъ на общее вѣче на Ярославовъ дворъ или къ св. Софіи, присутствовали на общемъ вѣчѣ съ своими уличанами и кончанами, имѣли свои кончанскія и уличанскія печати, которыми утверждали не только дѣла своего конца или улицы, но кончанскіе старосты даже нерѣдко прикладывали свои печати къ договорнымъ и другимъ граматамъ отъ общаго новгородскаго вѣча. Кончанскіе и уличанскіе старосты участвовали и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ отъ новгородскаго вѣча.

Бирючи и подвойскіе въ Новгородѣ были собственно исполнителями приказаній вѣча и властей, поставленныхъ вѣчемъ, и должность ихъ состояла въ вызовѣ гражданъ, по требованію вѣча или по суду, въ сборѣ гражданъ на вѣче, по распоряженію князя или посадника, во взысканіи недоимокъ и въ расплатѣ изъ общественной казны, по распоряженію вѣча, и, можетъ быть, въ исполненіи другихъ какихъ общественныхъ распоряженій. Должности бирючей и подвойскихъ въ Новгородѣ имѣли довольно важное значеніе, и на эти должности вѣче, кажется, исключительно выбирало людей изъ боярскихъ фамилій, особенно въ древнее время, когда каждая общественная должность пользовалась большимъ

уваженіемъ и указывала на исправляющаго ее, какъ на народнаго избранника, который потому вездѣ имѣлъ предпочтеніе передъ людьми, неудостоившимися выбора. Да и кромѣ общаго уваженія къ выборнымъ должностямъ, самая власть бирюча или подвойскаго была довольно велика, ибо они одни были уполномочены вѣчемъ взять или арестовать свободнаго гражданина, и по закону имъ въ этомъ никто не смѣлъ сопротивляться. Все это бирючамъ и подвойскимъ сообщало довольно высокое положеніе, такъ что за обиду бирюча иногда поднимался чуть не весь городъ, и наоборотъ, иногда цѣлое вѣче поднималось на бирюча съ другими высшими сановниками, какъ на людей опасныхъ для цѣлаго Новгорода. Точно также и подвойскіе пользовались большимъ уваженіемъ и принимали участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ; по лѣтописямъ, мы ихъ встрѣчаемъ и въ военныхъ походахъ, и въ посольствахъ.

Власть, приглашенную Новгородомъ со стороны, не изъ Новгородской земли, составлялъ князь. Первое приглашеніе князей новгородцами было въ 862 году. Условія, принятыя Рюрикомъ, состояли въ слѣдующемъ: чтобы князь судилъ и управлялъ въ Новгородѣ по исконнымъ новгородскимъ обычаямъ и по взаимному согласію съ земскимъ новгородскимъ правительствомъ; Новгородъ же уступаетъ за это свои пригороды съ прилежащею къ нимъ областью: Рюрику—Ладогу, Синеусу—Бѣлоозеро и Трувору—Изборскъ; въ самомъ же Новгородѣ и въ другихъ новгородскихъ владѣніяхъ управленіе по-прежнему останется за новгородскимъ вѣчемъ и выбранными отъ вѣча властями, а князьямъ съ этихъ областей будетъ идти опредѣленный доходъ. Но условія, принятыя Рюрикомъ, были слишкомъ тяжелы, для того, чтобы какой-нибудь самостоятельный князь согласился постоянно жить въ Новгородской землѣ, не нарушая сихъ условій; а посему уже Рюрикъ не замедлилъ нарушить ихъ и чрезъ два года по приглашенію перебрался изъ Ладоги въ самый Новгородъ и построилъ тамъ себѣ крѣпость. Преемникъ же Рюрика, Олегъ, совсѣмъ оставилъ Новгородскую землю и сдѣлался самостоятельнымъ княземъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ.

Удаленіе Олега въ Кіевъ поставило новгородцевъ въ затруднительное положеніе: имъ нужно было отыскивать новаго князя или вступить въ новыя условія съ Олегомъ; они рѣшились на послѣднее. Новыя условія, предложенныя Олегомъ, были слѣдующія: Новгородъ долженъ уступить Олегу и его преемникамъ всѣ города, уступленные прежде Рюрику, а съ прочихъ владѣній новгородскихъ платить князю опредѣленную дань и, сверхъ того, доставлять въ Кіевъ по 300 гривенъ для свободной торговли новгородцевъ по Днѣпру. Князь же за это обязывался держать въ Новгородѣ своего посадника или намѣстника съ отрядомъ дружины, подъ названіемъ гридей, на содержаніе которыхъ изъ новгородской казны должно выдавать въ годъ по тысячѣ гривенъ. Намѣстникомъ или посадникомъ князя могъ быть только тотъ, кому это довѣритъ князь,—старшій ли дружинникъ, или сынъ, или племянникъ князя. Княжеская власть по этому новому договору была прежняя. Князь или его посадникъ былъ верховнымъ судьею или примирителемъ всѣхъ распрей въ Новгородѣ, верховнымъ блюстителемъ согласія и правды между новгородскими общинами; здѣсь совмѣщалась и гражданская, и военная власть; все, что переходило за эту черту, уже принадлежало вѣчу и домашнимъ

властямъ, отъ него поставленнымъ, а не князю. Начинать войну, заключать миръ, вести переговоры съ сосѣдними владѣніями могло только вѣче. Если князь, самъ пріѣхавши въ Новгородъ, или его посадникъ желалъ начать съ кѣмъ-нибудь войну, то могъ сдѣлать это не иначе, какъ созвавши вѣче и получивши на это отъ него согласіе. Всѣ финансовыя распоряженія, сборы и раскладка податей и повинностей также принадлежала вѣчу; князь или его намѣстникъ даже не имѣлъ права въ этомъ участвовать: онъ довольствовался только доходами, проистекавшими изъ его судебной власти, и тѣми данями, которыя ему уступлены по договору. Земля вся, населенная и ненаселенная, принадлежала господину Великому Новгороду; князь владѣлъ только тѣми областями и городами, которые ему даны вѣчемъ какъ бы въ кормленіе и собственно на помѣстномъ, а не на вотчиномъ правѣ, ибо они принадлежали не лично князю, а княжеской власти, и князь, оставляя Новгородъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и данныхъ ему областей и городовъ.

Новгородъ въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ находился до кончины великаго князя Владиміра Святославича, какъ прямо сказано въ лѣтописяхъ о Владиміровомъ посадникѣ въ Новгородѣ, его сынѣ Ярославѣ, подъ 1015 годомъ: „Ярославъ жилъ въ Новгородѣ и каждогодно, по договору, посылалъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, да тысячу гривенъ раздавалъ гридямъ въ Новгородѣ, какъ это дѣлали всѣ посадники новгородскіе". Ярославъ, получивши по смерти отца Кіевъ при помощи новгородцевъ, въ благодарность за это вступилъ съ Новгородомъ въ новыя отношенія, еще болѣе льготныя для новгородцевъ и стѣснительныя для княжеской власти, и условія этихъ новыхъ отношеній были внесены въ особыя договорныя граматы князя съ Новгородомъ, которыя были извѣстны подъ именемъ граматъ Ярославлихъ. Граматы эти до насъ не дошли, и въ чемъ онѣ состояли по своимъ подробностямъ—мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что таковыя граматы были между Ярославомъ и новгородцами и заключали въ себѣ именно условія отношеній князя къ Новгороду, и условія болѣе выгодныя для новгородцевъ, нежели всѣ прежнія условія съ князьями; ибо впослѣдствіи Ярославовы граматы были постояннымъ закономъ, опредѣлявшимъ отношенія князей къ Новгороду. И новгородцы, приглашая къ себѣ князей, всегда указывали на Ярославовы граматы, какъ на законъ, на основаніи котораго они принимаютъ къ себѣ князя, и обыкновенно говорили приглашенному князю такъ: „На всей воли новгородской и на всѣхъ граматахъ Ярославовыхъ, ты намъ князь". Впрочемъ, по нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ лѣтописяхъ, мы, хотя приблизительно, можемъ опредѣлить тѣ условія отношеній князя къ Новгороду, которыя находились въ Ярославовыхъ граматахъ. Условія эти слѣдующія: 1) княземъ новгородскимъ могъ быть только тотъ князь изъ племени Ярослава, котораго излюбятъ сами новгородцы, котораго сами пригласятъ или согласятся добровольно принять. Новгородъ въ этомъ отношеніи совершенно свободенъ, ему не слѣдуетъ навязывать князя насильно; новгородцы такого князя имѣли право не принять или прогнать его, если онъ пріѣдетъ, показать ему путь. Новгородъ государство самостоятельное: онъ не принадлежитъ къ удѣламъ Русской земли и воленъ въ своихъ князьяхъ. Это условіе новгородцы самымъ дѣломъ приводили въ исполненіе; такъ, они въ 1095 г показали путь Давыду Святославичу, прислан-

ному къ нимъ, по распоряженію князей, безъ ихъ согласія. 2) Князь кіевскій пересталъ уже получать съ Новгородской земли урокъ въ 2000 гривенъ; по смерти Владиміра Святаго объ этомъ *урокѣ* уже нигдѣ не упоминается въ лѣтописяхъ; слѣдовательно, Новгородъ, по Ярославовымъ граматамъ, сталъ свободнымъ отъ обязательныхъ отношеній къ кіевскому князю. 3) Но за княземъ новгородскимъ осталось прежнее право, утвержденное Олеговымъ договоромъ, имѣть въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, по собственному усмотрѣнію, а не по выбору вѣча, и притомъ какъ изъ новгородцевъ, такъ и изъ своихъ дружинниковъ. Равнымъ образомъ изъ Кіева же приходили, конечно, по выбору князей и владыки, или епископы новгородскіе, включительно до епископа Нифонта; слѣдовательно, и назначеніемъ такого важнаго сановника, какъ епископъ, еще распоряжался князь безъ участія вѣча. 4) Наконецъ, по Ярославовымъ граматамъ, новгородскій князь еще могъ судить и казнить новгородскихъ гражданъ даже не въ Новгородѣ, а въ своей вотчиной землѣ; такъ, въ 1118 г. новгородскій князь Мстиславъ съ своимъ отцомъ, Владиміромъ Мономахомъ, вызвали въ Кіевъ новгородскихъ бояръ, привели ихъ къ присягѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ, тамъ же въ Кіевѣ, судили и казнили заточеніемъ.

Но съ 1126 г. отношенія Новгорода къ князьямъ начали измѣняться. 1) Съ этого года новгородцы стали брать съ своихъ князей присягу, что имъ не оставлять Новгорода и управлять по новгородскимъ порядкамъ; такъ, въ этотъ годъ взята была первая присяга съ князя Всеволода Мстиславича, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Новгородъ. 2) Потомъ съ 1130 г. князь лишился окончательно права назначать посадника по своему усмотрѣнію, и посадникъ сдѣлался выборнымъ отъ вѣча, сталъ почти въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ князю. 3) Съ 1136 г. вѣче стало наряжать судъ надъ княземъ, неисполнившимъ своихъ обязательствъ въ отношеніи Новгорода; такъ, въ этомъ году былъ первый судъ надъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. 4) Съ этого же 1136 г. началось изгнаніе князей и приглашеніе новыхъ по приговору вѣча, такъ что князья въ Новгородѣ съ изгнанія Всеволода Мстиславича обратились совершенно въ выборныхъ сановниковъ, точно такъ же, какъ посадники, и поступили въ зависимость не только отъ вѣча, но и отъ партій новгородскихъ, и стали искать новгородскаго престола при помощи партій, и партіи же стали изгонять князей и приглашать новыхъ. Съ этого времени новгородскій княжескій престолъ потерялъ всякую самостоятельность и прочность, и князья искали его только для пріобрѣтенія доходовъ, нисколько уже не думая упрочить его за собою или за своимъ потомствомъ. 5) Князь съ 1156 г. потерялъ право распоряжаться назначеніемъ епископа въ Новгородъ; съ этого года, по смерти владыки Нифонта, епископы новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча. 6) Притязанія новгородцевъ на свободный выборъ князей на основаніи Ярославовыхъ граматъ въ 1196 г. были признаны и самими князьями разныхъ русскихъ владѣній, на съѣздѣ князей, бывшемъ въ этомъ году. 7) Подъ 1218 г. мы уже встрѣчаемъ извѣстіе, что князья, принимаемые новгородцами, клялись ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объявленія вины. 8) Наконецъ, съ 1228 г. мы имѣемъ постоянныя извѣстія въ лѣтописяхъ, что князья не иначе получали нов-

городскій престолъ, какъ по договору съ новгородцами, при чемъ каждый разъ писалось, на какихъ условіяхъ князь принимаетъ новгородскій престолъ; а съ 1265 г. мы уже имѣемъ подлинныя и договорныя граматы новгородцевъ съ своими князьями, продолжающіяся съ этого года слишкомъ двѣсти лѣтъ, до 1471 г., т. е. почти до уничтоженія самостоятельности господина Великаго Новгорода. Во всѣхъ договорныхъ граматахъ Новгорода съ своими князьями, какія только дошли до насъ, отношенія новгородскаго князя къ Новгороду опредѣляются слѣдующими условіями: 1-е, князь, соглашавшійся на приглашеніе новгородцевъ, долженъ былъ присягать Новгороду, что будетъ управлять по старинѣ и по пошлинѣ (по обычаю); въ граматахъ прямо пишется: „На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду; на чемъ то цѣловали дѣды и отцы,— Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ". 2-е условіе требуетъ, чтобы князь держалъ новгородскія волости, т. е. обширныя владѣнія Новгорода, которыя были за рубежомъ новгородской земли, начиная отъ Волока и Торжка, не иначе, какъ новгородскими мужами, а отнюдь не посылалъ туда своихъ правителей или намѣстниковъ, и пользовался отъ сихъ волостей только опредѣленными дарами, а не требовалъ даней со всего тамошняго края. Весь этотъ пространный край, отъ Торжка до рѣки Оби и далѣе за Обь въ Сибири, даже не платилъ дани новгородскому князю, а только давалъ опредѣленные дары и управлялся начальниками изъ новгородцевъ; да и новгородца князь не иначе могъ послать туда, какъ по согласію съ посадникомъ, какъ прямо писалось въ граматахъ: „А безъ посадника, княже, тебѣ волостей не раздавати". 3-е условіе: князь не имѣлъ права ни судить, ни давать граматъ, ни назначать въ должности по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ безъ участія посадника; всякое распоряженіе князя по новгородскому управленію тогда только имѣло силу и считалось законнымъ, когда оно сдѣлано по согласію съ посадникомъ; въ граматахъ постоянно писалось: „А безъ посадника, княже, тебѣ суда не судити, ни волостей раздавати, ни граматъ ти даяти". 4-е: князь не имѣлъ права лишать власти выборнаго начальника по какому-нибудь вѣдомству, не обвинивъ его и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти: „А безъ вины мужа волости не лишити",—обыкновенно пишется въ граматахъ. 5-е: князь не имѣлъ права отмѣнять прежде данныя граматы и перевершать рѣшенныя дѣла. 6-е: князь новгородскій не могъ ни судить новгородцевъ, ни дѣлать другихъ какихъ распоряженій относительно Новгорода внѣ Новгородской земли или въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ. 7-е: княжіе судьи имѣли право ѣздить по новгородскимъ владѣніямъ, которыя имъ назначены только около Петрова дня, и должны были судить по новгородскимъ порядкамъ, а самосуда не замышлять и новыхъ судныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ въ Новгородѣ, не заводить. 8-е: Новгородъ обыкновенно уступалъ князю и его мужамъ опредѣленное пространство пахатной и сѣнокосной земли, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. 9-е: князь не имѣлъ права выводить людей изъ новгородскихъ владѣній въ свои отчинныя владѣнія; также ни князь, ни княгиня, ни княжескіе бояре и слуги не могли покупать селъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, ни ставить слободъ и мытовъ на свое имя. 10-е: князь не имѣлъ права затворять нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ, ни приставлять пристава къ

нѣмецкому двору, да и торговать съ нѣмцами долженъ былъ только чрезъ новгородцевъ, а не чрезъ своихъ людей. 11-е: охотиться за кабанами князю предоставлялось право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; на этомъ пространствѣ новгородцы не иначе могли охотиться, какъ доложа о томъ князю; далѣе же 60 верстъ всякій могъ охотиться, не спрашиваясь князя. 12-е: въ Торжкѣ и Волокѣ князь имѣлъ право держать своего тіуна на своей части, но съ тѣмъ, чтобы въ то же время былъ тамъ тіунъ и отъ Новгорода на своей части. 13-е: гостямъ новгородскимъ князь обязывался давать полную свободу торговли, по всѣмъ своимъ отчиннымъ владѣніямъ съ платежемъ мытныхъ пошлинъ не болѣе, какъ по двѣ векши съ воза и съ ладьи, и съ хмѣльнаго и льняного короба. И, наконецъ, 14-е: новгородцамъ всѣ княжія пошлины платить по старинѣ и по крестному цѣлованію и не скрывать, а князьямъ пошлинъ не прибавлять.

Такимъ образомъ, всѣ условія, на которыхъ князь долженъ былъ владѣть Новгородомъ, сохранившіяся въ дошедшихъ до насъ договорныхъ граматахъ, постоянно одинаковыя въ продолженіе болѣе 200 лѣтъ, ясно опредѣляютъ положеніе князя въ Новгородѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ, почему ни одинъ князь не оставался постоянно новгородскимъ княземъ, хотя новгородцамъ этого очень хотѣлось, и они даже брали съ иныхъ князей клятву до смерти не оставлять Новгорода. Судя по этимъ условіямъ, князю просто не для чего было жить въ Новгородѣ; не даромъ древній Святославъ говорилъ новгородскому посольству, просившему у него князя: „Да кто къ вамъ пойдетъ?“ Здѣсь прямая и ясная разгадка всѣмъ спорамъ и войнамъ новгородцевъ со своими князьями. Условія княжеской власти въ Новгородѣ такъ были стѣснительны въ сравненіи съ условіями княжей власти въ другихъ владѣніяхъ Руси, особенно какъ она стала развиваться съ конца XII ст., что ни одинъ русскій князь не могъ постоянно оставаться новгородскимъ княземъ; и въ то же время всѣ сколько-нибудь сильные русскіе князья желали владѣть Новгородомъ, какъ придачею къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ, ибо съ Новгорода шли князю большіе доходы. Притомъ же каждый русскій князь ясно видѣлъ, по ходу дѣлъ въ Новгородѣ, что тамъ, не смотря на крайне стѣснительныя условія по договорамъ, можно дѣлать многое при помощи сильной партіи, не обращая вниманія на договоры. Все это вело къ тому, что князья держались въ Новгородѣ только при помощи партій, и какъ скоро партія, поддерживавшая князя, терпѣла пораженіе отъ соперниковъ, то и князь долженъ былъ немедленно оставлять Новгородъ, или противная партія предавала его суду и изгоняла силою, приглашая на его мѣсто другого князя; здѣсь уже не принимались въ разсчетъ никакія заслуги князя Новгороду, и самые усердные на пользу Новгорода князья, вмѣстѣ съ паденіемъ ихъ партій, изгонялись точно такъ же, какъ и князья, ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ о стѣсненіи новгородскихъ вольностей и о доставленіи выгодъ своей партіи, и даже послѣдніе нерѣдко держались долѣе первыхъ. Но сколько смутъ ни порождала въ Новгородѣ частая смѣна князей, тѣмъ не менѣе княжеская власть была необходимостью въ новгородскомъ устройствѣ; безъ князя новгородцы не могли оставаться на продолжительное время. Обстоятельства, вызвавшія новгородцевъ въ 862 г. на приглашеніе Рюрика съ братьями, продолжали существовать во всѣ 616 лѣтъ, пока Новгородъ

пользовался самостоятельностью и независимостью. Въ новгородскомъ устройствѣ верховная власть князя была необходимостью, безъ которой въ правительствѣ оставался ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ, такъ что новгородцы, порѣшивши изгнать одного князя, большею частью старались удержать его у себя до тѣхъ поръ, пока не придетъ другой князь, приглашенный ими занять его мѣсто. И, не смотря на стѣснительныя условія, княжеская власть въ Новгородѣ въ дѣйствительности никогда не теряла того большого значенія, какое она имѣла при Рюрикѣ, первомъ варяго-русскомъ князѣ, приглашенномъ въ Новгородъ; новгородцы, постоянно любившіе строго держаться старины, только заботились о томъ, чтобы княжеская власть въ ихъ землѣ, по возможности, не выходила изъ границъ, опредѣленныхъ первымъ приглашеніемъ, и не принимала того опаснаго для новгородской вольности развитія, которое постоянно возрастало въ другихъ владѣніяхъ Русской земли. А посему князь, державшійся договорныхъ условій и ненарушавшій ихъ, всегда могъ разсчитывать на преданность новгородцевъ; они усердно помогали ему во всѣхъ дѣлахъ и обыкновенно говорили такому князю: „Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержемъ". Такой князь пользовался вполнѣ властью, ему опредѣленною договорами; онъ былъ верховнымъ владыкою Новгорода, всѣ государственные акты писались отъ его имени, его намѣстники управляли городами въ Новгородской землѣ, его судьи ѣздили по всѣмъ владѣніямъ въ Новгородской землѣ; князь, по согласію съ вѣчемъ, велъ войну и заключалъ миръ, онъ былъ верховнымъ предводителемъ войскъ новгородскихъ; отъ его имени, не отъ имени Новгорода, отправлялись и принимались посольства. Князь имѣлъ право созывать вѣче и участвовать въ законодательствѣ, даже издавать законы отъ своего лица, если они не противорѣчили правамъ Новгорода. Приглашеннаго князя, при его принятіи, обыкновенно сажали на престолъ въ церкви св. Софіи; но князь не имѣлъ постояннаго двора въ самомъ Новгородѣ: его законное мѣстожительство было на городищѣ, за два поприща отъ Новгорода, гдѣ жила и княжеская дружина.

LV. ДОГОВОРНАЯ НОВГОРОДА СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ЯРОСЛАВОМЪ ТВЕРСКИМЪ (1265).

Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила, отъ тысяцкаго Кондрата, и отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ князю Ярославу. На этомъ, князь, цѣлуй крестъ всему Новгороду: на этомъ цѣловали крестъ дѣды и отцы твои и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ держать тебѣ по старинѣ, по обычаю. Въ новгородскихъ волостяхъ тебѣ, князь, не держать мужей твоихъ, но держать мужей новгородскихъ, а получать тебѣ даръ отъ тѣхъ волостей. Безъ посадника тебѣ не раздавать волостей. Тѣхъ, которые получили волости и отъ брата твоего Александра или Димитрія, съ согласія новгородцевъ, волостей безъ вины не лишать. На Торжкѣ и на Волгѣ тебѣ, князь, держать твоего тіуна, а новгородца держать на своей части. Въ Бѣжицахъ, князь, ни тебѣ, ни твоей княгинѣ,

ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ дворянамъ селъ ни держать, ни покупать, ни принимать въ даръ, равно какъ и по всей Новгородской волости. А вотъ, князь, волости новгородскія: Волокъ съ волостями, Торжекъ, Бѣжицы, городокъ Паличъ, потомъ Мелѣча, Щапино, Егна, Вологда, Заволочье, Три, Пермь, Печера, Югра. А въ Русу тебѣ, князь, ѣздить на Озвадо охотиться за звѣремъ; въ Ладогу тебѣ посылать осетерника и медовара, по граматѣ отца твоего Ярослава. Димитрій, съ согласія новгородцевъ, отдалъ на три года судъ бѣжичанамъ и обонежанамъ, и потому тебѣ туда судій не посылать. Изъ Бѣжицъ, князь, людей въ свою землю не выводить, равно какъ изъ иныхъ волостей новгородскихъ, ни граматъ имъ не давать, ни закладниковъ не принимать, ни изъ смердовъ, ни изъ купцовъ. То же относится къ княгинѣ твоей, къ боярамъ твоимъ и къ дворянамъ твоимъ. Ты не долженъ мужа лишить волости безъ вины, не долженъ нарушать граматы. Что затѣмъ, князь, назначено тебѣ и твоимъ мужамъ, то твое, а что отнялъ-было твой братъ Александръ, то тебѣ не принадлежитъ. Отъ насилій, какія дѣлалъ твой братъ Александръ въ Новгородѣ, ты, князь, долженъ отказаться. Твоимъ дворянамъ и тіунамъ прогоны получать такъ, какъ это было прежде. На всемъ этомъ тебѣ, князь, крестъ цѣловать искренно въ присутствіи нашихъ пословъ, а мы тебѣ, господинъ князь, кланяемся. Что касается до торговыхъ пошлинъ и по той землѣ, и по иной волости, и по Суздальской землѣ, то ты, князь, долженъ получать по двѣ векши съ ладьи и съ воза, и отъ льна, и отъ хлѣбнаго короба. Дворяне твои по селамъ у купцовъ не должны брать подводы, развѣ въ военное время. Такъ, князь господинъ, пошло отъ твоихъ и нашихъ отцовъ и дѣдовъ и отъ отца твоего Ярослава.

LVI. СОСТАВЪ НОВГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Изъ соч. Бѣляева: „Исторія Новгорода Великаго съ древнѣйшихъ временъ“).

Населеніе Новгородской земли главнымъ образомъ состояло изъ двухъ элементовъ—финскаго и славянскаго; старожилами Новгородской земли были различныя финскія племена; пришельцами же, вторыми послѣ финновъ по старшинству—славяне. Но, уступая въ старшинствѣ, славяне во всемъ другомъ превосходили финновъ. Славянами построенъ Новгородъ и всѣ города тамошняго края; славяне собственно устроили новгородское общество и сообщили ему то значеніе, которое оно имѣетъ въ исторіи, ту силу и энергію, которыя сдѣлали Новгородъ господиномъ огромнѣйшихъ странъ отъ Финскаго залива до рѣки Оби. Финны были лишь сподручнымъ и удобнымъ матеріаломъ въ устройствѣ новгородскаго общества; двигателями же и руководителями въ устройствѣ его были славяне; ихъ языкъ и ихъ обычаи были господствующими въ обществѣ, хотя самое общество состояло не изъ однихъ славянъ. Господствовало же славянское племя не столько численностью и матеріальною силою, которыя первоначально были на сторонѣ финновъ, сколько общественнымъ умомъ и предпріимчивостью, словомъ—нравственными силами. Славяне, пришельцы въ финской землѣ, не столько были

завоевателями въ матеріальномъ смыслѣ этого слова, сколько цивилизаторами; они не истребляли финновъ, не обращали ихъ въ рабство, не отнимали у нихъ земли, а только селились между ними; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что до позднѣйшихъ временъ новгородской исторіи, въ самый разгаръ могущества господина Великаго Новгорода, финскія племена,—ижоры, води, корѣлы и другія—жили свободно между новгородцами не только въ новгородской землѣ, но и въ самомъ Новгородѣ, и считались новгородцами наравнѣ съ славянами, и въ общественныхъ дѣлахъ имѣли одинаковое право голоса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самое важное общественное дѣло—призваніе варяго-русскихъ князей, въ которомъ вмѣстѣ съ славянами участвовали и финны, подъ именемъ чуди. Общественные интересы славянъ и финновъ слились до того, что въ новгородскомъ обществѣ и финны, и славяне считались совершенно одноправными, что на общемъ новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ финна имѣлъ одинаковое значеніе съ голосомъ славянина, но что даже въ выборѣ на высшія должности разныхъ правителей не было разницы между финномъ и славяниномъ, и требовалось только одно, чтобы выбираемый былъ новгородскимъ гражданиномъ.

Кромѣ главныхъ и основныхъ элементовъ, финскаго и славянскаго, въ новгородскомъ обществѣ были еще элементы варяжскій и литовскій. Элементы эти вошли въ новгородское общество позднѣе двухъ первыхъ; но и эти два элемента въ новгородскомъ обществѣ подчинились славянскому элементу и слились съ нимъ. Главною причиною обращенія литовцевъ и варяговъ въ славянъ въ новгородскомъ обществѣ былъ тотъ же коренной новгородскій законъ одноправности всѣхъ членовъ новгородскаго общества, который и финновъ претворилъ въ новгородцевъ. Новгородъ для всѣхъ равно отворялъ ворота своей земли, всѣхъ радушно принималъ, только бы пришельцы подчинились его законамъ; это одно условіе сглаживало всѣ разноплеменности въ новгородскомъ обществѣ и было одною изъ главныхъ причинъ могущества господина Великаго Новгорода, тянувшаго къ Новгороду людей со всѣхъ сторонъ—и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и безвѣстныхъ.

Указавши на основные элементы новгородскаго общества, укажемъ теперь на то, что̀ выработалъ Новгородъ изъ этихъ элементовъ, претворивши ихъ въ одно крѣпко-сплоченное общество, какую далъ имъ организацію и какъ размѣстилъ.

Новгородъ состоялъ изъ союза разныхъ обществъ: каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣльную, самостоятельно организованную общину, въ которой были свои бояре, свои купцы и черные люди или людины; слѣдовательно, эти три главные класса новгородскаго общества,—классъ бояръ, классъ купцовъ и классъ черныхъ людей,—не были отдѣльны другъ отъ друга или изолированы, а, напротивъ, находились въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, какъ члены одного общества, были въ живыхъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, сообщавшихъ новгородскому обществу особый характеръ; но въ то же время каждый классъ имѣлъ свое значеніе, давшее ему особое мѣсто въ обществѣ на пользу цѣлаго общества. Чтобы уяснить, какое значеніе имѣли эти классы въ новгородскомъ обществѣ, мы прослѣдимъ каждый классъ отдѣльно и покажемъ, какъ онъ образовался и въ какихъ отношеніяхъ находился къ другимъ классамъ и къ обществу.

Первый классъ въ новгородскомъ обществѣ составляли бояре; они въ Новгородѣ носили разныя названія: вящихъ людей, переднихъ людей, большихъ людей, т. е. считались лучшею, сильнѣйшею частью новгородскаго общества, аристократіею. Какъ и когда образовались большіе люди или бояре въ новгородскомъ обществѣ,—на это мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ какихъ древнихъ памятникахъ; знаемъ только, что новгородцы постоянно раздѣлялись на большихъ и меньшихъ. Несомнѣнно, что большіе люди, владавцы, бояре, были въ Новгородѣ еще до Рюрика, такъ какъ еще передъ призваніемъ варяговъ въ лѣтописяхъ упоминается о созваніи старѣйшиной Гостомысломъ *владавцевъ* новгородской земли на разсужденіе о приглашеніи князей. Извѣстно, что въ Новгородѣ народъ, черные люди, меньшіе люди, не былъ безгласною массою, а принималъ дѣятельное участіе въ правленіи на вѣчѣ; слѣдовательно, бояре, большіе люди, не были особымъ племенемъ побѣдителей, а принадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа. Знаемъ еще, что въ Новгородѣ, при чисто-общинномъ устройствѣ, каждая улица, каждый конецъ составляли свою общину; въ каждой же древней новгородской улицѣ были свои бояре, находившіеся въ тѣсной связи съ своими уличанами; слѣдовательно, бояре происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно и были только лучшими людьми изъ уличанъ. Древнѣйшими земскими боярами въ Новгородѣ, по всей вѣроятности, были богатые землевладѣльцы, имѣвшіе въ своей собственности большія поземельныя владѣнія, что́ и давало имъ преимущество передъ согражданами ихъ, которые, не имѣя средствъ пріобрѣсти участокъ земли въ полную собственность, должны были довольствоваться временнымъ пользованіемъ общинною землею, принадлежавшею всей новгородской общинѣ.

Частная поземельная собственность, образовавшая въ Новгородѣ классъ бояръ, сообщила этому классу и то высокое значеніе, которымъ онъ пользовался въ новгородскомъ обществѣ. Значеніе это, въ сущности одинаковое, представляло различные оттѣнки и степени развитія собственно въ Новгородѣ, въ той новгородской волости, гдѣ находилось поземельное имѣніе боярина, и въ самомъ имѣніи или вотчинѣ его. Въ собственномъ имѣніи или вотчинѣ землевладѣлецъ былъ полнымъ хозяиномъ, владыкою, и даже само имѣнье по-новгородски называлось не иначе, какъ волостью такого-то: волость Ананьина, волость Марѳы Борецкой и т. п. Здѣсь владѣлецъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ: заводилъ села, деревни, торжки, собиралъ вольныхъ охочихъ людей, давалъ имъ пашни и разныя угодья для обработки, налагалъ на нихъ по взаимнымъ условіямъ оброки и дани, даже судилъ этихъ людей, если они на такомъ условіи поступали къ нему въ службу, содержалъ военныя дружины изъ тѣхъ же охочихъ людей, кормилъ, поилъ, обувалъ и одѣвалъ ихъ на свой счетъ и дѣлалъ съ ними походы не только на сосѣднія земли, но иногда въ отдаленныя страны, если гдѣ провѣдывалъ, что можно нажиться грабежомъ или даже захватить выгодную землю. Такъ, изъ новгородскихъ своихъ имѣній бояре ходили на добычу въ Заволочье, въ Пермь или въ Печеру. Хотя поземельныя имѣнія новгородскихъ бояръ были обильно разсыпаны по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ, но такъ какъ особенно много было сосредоточено богатыхъ и обширныхъ боярскихъ имѣній въ Заволочьѣ, на Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ, то здѣсь, въ

этомъ отдаленномъ краю, во всемъ своемъ разгарѣ дѣйствовала никѣмъ нестѣсняемая власть бояръ-землевладѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Сюда они выводили колоніи своихъ кліентовъ ратниковъ, строили тамъ городки, слободы и деревни, здѣсь они съ своими дружинами ратниковъ, собранными изъ всякихъ выходцевъ, отнимали земли у туземныхъ финновъ и отважно разгоняли ихъ нестройныя толпы; въ этомъ-то дикомъ краю вырабатывались чудные типы новгородскихъ бояръ-воителей, въ родѣ боярина Ставра, о которомъ древнія былины разсказываютъ, что „чудь бѣлоглазая трепетала отъ одного его зычнаго голоса“; здѣсь-то складывались тѣ желѣзные, самовластные характеры новгородскихъ бояръ, увлекавшихъ за собою толпу и нерѣдко производившихъ смуты въ самомъ Новгородѣ, куда они иногда являлись съ дружинами своихъ ратниковъ.

Власть, развиваемая боярами до крайнихъ предѣловъ самовластія въ своихъ собственныхъ поземельныхъ имѣніяхъ, распространилась и на цѣлую область или страну, въ которой находились ихъ имѣнія. Конечно, за рубежомъ собственныхъ имѣній боярская власть дѣлалась гораздо слабѣе и принимала закономъ опредѣленныя формы, она тамъ не была уже самовластіемъ; но, тѣмъ не менѣе, бояре-землевладѣльцы имѣли высокое значеніе въ цѣломъ краѣ, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія: они тамъ, подъ именемъ скотниковъ и помужниковъ, имѣли вліяніе и на тѣ земли края, которыя не составляли ихъ поземельной собственности, такъ-что участвовали въ распоряженіяхъ объ отдачѣ этихъ земель въ частное владѣніе и сообщеніи ими разныхъ льготъ. Власть, сообщавшаяся новгородскимъ боярамъ поземельными владѣніями въ провинціяхъ или колоніяхъ, сообщала имъ могущество и власть въ самомъ Новгородѣ, гдѣ они прежде всего являлись представителями той улицы или того конца, въ которомъ они жили въ самомъ Новгородѣ, такъ что древнія новгородскія улицы нерѣдко носили названіе того боярскаго рода, который принадлежалъ къ той или другой улицѣ, напримѣръ: Добрынина улица, Чудинцова улица. Кромѣ того, уличанскіе бояре находились въ такой тѣсной связи съ своими уличанами, что обидѣть улицу или уличанина—значило обидѣть тѣ боярскіе роды, которые принадлежали къ улицѣ, и, наоборотъ, обидѣть который-либо изъ этихъ родовъ—значило обидѣть всю улицу; а посему, какъ бояре поддерживали и защищали своихъ уличанъ, такъ, въ свою очередь, уличане поддерживали и защищали своихъ уличанскихъ бояръ; такъ что новгородскія лѣтописи не рѣдко представляютъ извѣстія о побоищахъ одной улицы съ другою, гдѣ улица поголовно идетъ съ оружіемъ на защиту своего боярина, или мстить его обиду, и иногда бьется по нѣсколько дней съ своими противниками. Вообще уличанскій бояринъ имѣлъ большое вліяніе въ своей улицѣ и по своей волѣ могъ вести уличанъ, куда хотѣлъ, и почти всѣ свои замыслы въ самомъ Новгородѣ приводилъ въ исполненіе главнымъ образомъ при помощи своихъ уличанъ и потомъ одноиончанъ; но здѣсь власть боярина преимущественно держалась на сочувствіи уличанъ. Сочувствіе же уличанъ къ боярину опредѣлялось сколько характеромъ боярина, столько, или даже еще больше, богатствомъ его владѣній на сторонѣ, гдѣ-нибудь въ Заволочьѣ или въ другомъ краю новгородскихъ волостей; слѣдовательно, и успѣхи бояръ въ Новгородѣ обусловливались богатствомъ и успѣхами

въ волостяхъ. Уличане, такъ сказать, льнули къ боярину, извѣстному своею предпріимчивостью, обширностью и богатствомъ владѣній на сторонѣ, ибо надѣялись отъ него не только успѣшнаго покровительства и защиты, но и прямыхъ выгодъ. Богатый бояринъ, владѣлецъ большихъ имѣній, могъ доставлять своимъ уличанамъ выгодныя порученія по управленію своими дѣлами, покупать у нихъ необходимыя въ хозяйствѣ произведенія ихъ промышленности для отправленія въ свои имѣнія. А что всего болѣе дѣйствовало на толпу, бояринъ, пріѣзжая изъ своихъ отъѣзжихъ имѣній, поражалъ согражданъ блескомъ богатства, многочисленностью прислуги и обильными угощеніями уличанъ при наборѣ ратниковъ. Наборъ охотниковъ въ ратники какого-либо богатаго уличанскаго боярина составлялъ настоящій праздникъ для безпокойной уличанской молодежи въ Новгородѣ, и не только молодежи, но и всѣхъ удальцовъ; тутъ, по словамъ народной былины о Васькѣ Буслаевѣ, разсылались ярлыки скорописчаты, приглашались молодцы къ боярину пить, ѣсть готовое, носить платье разноцвѣтное съ одного плеча съ бояриномъ, тутъ выставлялись чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, съ брагой хмѣльною, отворялись ворота на широкій дворъ и гуляли охотники на весь Новгородъ во славу тароватаго боярина, пили, ѣли до отвалу нѣсколько дней сряду, и потомъ, поступившіе въ ратники, вооруженные и снаряженные какъ слѣдуетъ, отправлялись въ походъ. Два, три такихъ набора охотниковъ, особенно если походы боярина были удачны и ратники воротились домой съ большими добычами, дѣлали боярина любимцемъ народа, и его вліяніе и даже власть надъ улицею чуть-ли не равнялись его власти въ собственныхъ имѣніяхъ; онъ въ непродолжительномъ времени получалъ отъ вѣча самыя важныя порученія. Необходимымъ, чисто-историческимъ слѣдствіемъ обширности поземельныхъ боярскихъ владѣній и соединеннаго съ ними богатства и вліянія на общество было то, что бояры въ Новгородѣ постоянно держали въ своихъ рукахъ все управленіе Новгородомъ и всѣ выборныя власти, такъ что при всѣхъ перемѣнахъ посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ важныхъ сановниковъ выборъ всегда падалъ на того или другого боярина и всѣ эти перемѣны выражали только споръ немногихъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ то та, то другая то падала, то возвышалась. И даже можно прослѣдить, какъ однѣ фамиліи замѣнялись другими въ извѣстные періоды времени, и какъ постепенно въ позднѣйшее время новгородской исторіи боярскія фамиліи рѣзче и рѣзче отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа, постоянно поддерживаемыя сосѣдними князьями, которые, начиная съ Юрія Долгорукаго, неуклонно держались одной политики, чтобы владѣть Новгородомъ при помощи своихъ сторонниковъ изъ новгородскихъ бояръ, и мало-по-малу довели дѣло до того, что новгородскіе бояре, продавая свое отечество князьямъ, совершенно разошлись съ народомъ и въ XV ст. такъ стали тѣснить его, что великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, перемѣнивъ политику своихъ предшественниковъ и принявъ подъ свою защиту народъ, обижаемый боярами, безъ большихъ затрудненій овладѣлъ Новгородомъ, переловилъ большую часть бояръ и переселилъ ихъ въ московскія владѣнія, а народъ, разумѣется, не вступился, какъ нужно было, за своихъ притѣснителей. Члены семействъ посадничьихъ и боярскихъ назывались въ Новгородѣ сыновьями или дѣтьми посадничьими и боярскими чисто въ

семейномъ значеніи, т. е. пока они были еще подъ властью отца; но какъ скоро выдѣлялись изъ семьи и дѣлались самостоятельными, то съ тѣмъ вмѣстѣ теряли названіе дѣтей или сыновей и назывались просто боярами, также какъ и ихъ отцы; но они отнюдь не составляли особаго класса, какъ боярскія дѣти въ другихъ краяхъ Русской земли, ибо въ Новгородѣ бояре всегда составляли классъ, а не чинъ, какъ въ Москвѣ; тамъ сыновья бояръ, по самому рожденію своему, были уже боярами, когда дѣлались самостоятельными, независимыми отъ отцовъ, выдѣлялись изъ отцовскаго семейства.

Впрочемъ, и въ Новгородѣ былъ особый классъ гражданъ съ служебнымъ значеніемъ, соотвѣтствовавшій боярскимъ дѣтямъ, какъ понималось это слово въ Москвѣ; только у новгородцевъ этотъ классъ назывался не боярскими дѣтьми, а гридями или гридьбою. Гридями называются люди, состоящіе на службѣ и получающіе жалованье отъ новгородскаго посадника; конечно, гриди первоначально составляли княжью дружину, назначаемую состоять при новгородскомъ посадникѣ, ибо прежде и сами посадники присылались отъ князя, какъ его слуги. Но когда посадники изъ княжихъ слугъ превратились въ выборныхъ отъ народа, то съ тѣмъ вмѣстѣ и гриди сдѣлались земскимъ постояннымъ войскомъ, хотя и не перемѣнили своего прежняго названія, и, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, мы уже встрѣчаемъ ихъ въ числѣ земскихъ людей во второмъ разрядѣ послѣ бояръ. Впослѣдствіи названіе гридьба, гриди, не встрѣчается въ новгородскихъ извѣстіяхъ, а, напротивъ, появляется другое названіе—земецкіе люди, съ тѣмъ же характеромъ, какъ и гриди; слѣдовательно, въ XIV и XV вв. гриди стали называться въ Новгородѣ земецкими людьми, или, какъ въ другихъ краяхъ Руси, помѣщиками оттого, что они, по тогдашнему общему на Руси обычаю, получали за службу, вмѣсто жалованья, землю въ собственность, и отъ этой-то данной вѣчемъ земли, съ условіемъ нести военную службу, они вмѣстѣ съ тѣмъ получали сперва значеніе земскаго класса, а потомъ и стали называться земецкими людьми и даже своеземцами.

Послѣ бояръ и гридей, составлявшихъ какъ бы двѣ степени одного класса, въ Новгородѣ слѣдовали купцы, какъ отдѣльный самостоятельный классъ новгородскаго общества съ своимъ управленіемъ, съ своими начальниками и правами, и принимавшій дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода. Въ Новгородѣ торговать никому не запрещалось, торговать могъ всякій—и князь, и бояринъ, и людины; но тѣмъ не менѣе купцы не смѣшивались съ другими классами общества: чтобы быть настоящимъ купцомъ требовались особыя условія. Чтобы быть *пошлымъ*, настоящимъ купцомъ, нужно было принадлежать къ какой-либо купеческой общинѣ, а каждая купеческая община составляла собою самостоятельное, организованное цѣлое: она имѣла свой капиталъ, свое начальство, свой судъ и управленіе, свою печать. Купцы въ Новгородѣ, принадлежа по мѣсту жительства въ какой-либо улицѣ или концу и состоя членами конца или улицы вмѣстѣ съ боярами и людинами, въ то же время составляли свои общины, которыя въ XIII ст. уже назывались сотнями. Чтобы попасть въ члены какой-либо новгородской купеческой общины, нужно было непремѣнно вложить опредѣленную долю въ общинный капиталъ, именно не менѣе 50 гривенъ серебра, или около 40 фунтовъ серебра на нынѣшній вѣсъ; такой взносъ давался только

однажды при самомъ вступленіи въ общину, и послѣ этого взнесшій оставался навсегда *пошлымъ* купцомъ не только самъ, но и его потомство. Только такіе члены купеческой общины или *пошлые* купцы составляли настоящее новгородское купечество, выбирались въ старосты своей общины и имѣли право на участіе въ правленіи и судѣ по торговымъ дѣламъ своей общины. Каждая купеческая община въ Новгородѣ имѣла свою контору, называвшуюся общиною, гдѣ хранился общественный капиталъ; этою конторою завѣдывали выборные старосты общины. Ихъ полагалось пятеро; имъ принадлежали судъ и управа по торговымъ дѣламъ и защита членовъ своей общины, такъ что, въ случаѣ обиды *пошлаго* купца, его защищала та община или сотня, къ которой онъ принадлежалъ; она въ случаѣ нужды отвѣчала за него, и его никто не могъ взять безъ дозволенія сотскаго, или главнаго выборнаго начальника общины.

Въ Новгородѣ, какъ государствѣ по преимуществу торговомъ, купцы, какъ богатый и хорошо организованный классъ общества, пользовались большимъ уваженіемъ и принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Голосъ купцовъ на вѣчѣ имѣлъ большое значеніе: по ихъ настоянію нерѣдко начиналась и прекращалась война. И тѣмъ сильнѣе былъ голосъ купцовъ на вѣчѣ, что въ Новгородѣ и бояре занимались торговлею, — слѣдовательно, у нихъ нерѣдко были одни интересы съ купцами. Кромѣ сильнаго голоса въ общественныхъ дѣлахъ, они: 1) лично участвовали въ военныхъ походахъ и были не плохими воинами; ибо тогдашняя торговля съ полудикими племенами и по пустынямъ и рѣкамъ, нерѣдко занятымъ разбойниками, была тѣсно связана съ военнымъ ремесломъ. Купеческій караванъ обыкновенно отправлялся въ походъ вооруженнымъ, и здѣсь купцы только въ своей отвагѣ и ловкости находили обезпеченіе своей безопасности. Лѣтописи представляютъ немало свидѣтельствъ объ участіи новгородскаго купечества въ военныхъ походахъ. 2) Купцы участвовали въ переговорахъ Новгорода съ русскими князьями о правахъ князей. Князь, желая условиться съ новгородцами, на какихъ правахъ владѣть ему Новгородомъ, обыкновенно приглашалъ для переговоровъ бояръ и купцовъ. 3) Лучшіе купцы вмѣстѣ съ боярами правили посольства и къ русскимъ князьямъ, и къ нѣмцамъ, ѣздили приглашать князей въ Новгородъ и вели переговоры. 4) Купцы участвовали вмѣстѣ съ боярами въ высшемъ новгородскомъ судѣ.

Новгородское купечество издавна раздѣлялось на вящихъ или лучшихъ, зажиточнѣйшихъ купцовъ, и просто на купцовъ. Съ XIV вѣка вящіе, богатѣйшіе купцы назывались житьими людьми.

Купцы въ Новгородѣ и въ новгородскихъ пригородахъ были и значительными землевладѣльцами, имѣли иногда довольно большія вотчины и волости какъ въ новгородской землѣ, такъ и въ новгородскихъ волостяхъ, особенно въ Заволочьѣ по Двинѣ, Онегѣ, по бѣломорскому поморью и въ Перми, гдѣ въ ихъ владѣніи находились богатѣйшія соляныя варницы и разные морскіе промыслы. По богатствамъ своимъ, купцы соперничали съ боярами; но, будучи сильно заняты своими частными промыслами, они, должно быть, не на столько принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, на сколько бояре, и поэтому они далеко не имѣли того значенія въ управленіи Новгородомъ, какое имѣли бояре: изъ куп-

цовъ мы не встрѣчаемъ ни посадниковъ, ни тысяцкихъ, ни другихъ высшихъ сановниковъ. Вообще во всѣхъ чисто-политическихъ движеніяхъ купцы являлись на второмъ планѣ, видная же роль народныхъ двигателей въ Новгородѣ всегда принадлежала боярамъ.

Третій классъ жителей Новгорода и всѣхъ его владѣній составляли черные люди; къ этому классу принадлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жители низшаго разряда, иначе называемые меньшими людьми. Сюда въ городахъ относились: 1) торговцы, не записанные членами ни въ одну купеческую общину, или, иначе, *не пошлые* купцы, занимавшіеся мелочнымъ торгомъ; 2) ремесленники и 3) разные чернорабочіе люди, жившіе трудами рукъ своихъ. Въ селахъ же къ чернымъ людямъ принадлежали земледѣльцы и другіе сельскіе промышленники, жившіе на земляхъ, принадлежавшихъ общинамъ или частнымъ землевладѣльцамъ, а можетъ быть, и мелкіе земледѣльцы-собственники изъ сельскихъ промышленниковъ и земледѣльцевъ. Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, непремѣнно тянули къ какой-либо городской черной сотнѣ или сельской общинѣ, къ погосту, избѣ и непремѣнно должны были имѣть осѣдлость, т. е. домъ и извѣстную долю городской или сельской земли, что въ городахъ называлось дворомъ, а въ селахъ обжею. Только домохозяинъ владѣлецъ опредѣленнаго двора, считался гражданиномъ, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ; равнымъ образомъ и въ селахъ только тотъ признавался членомъ той или другой сельской общины, кто владѣлъ извѣстною долею общинной земли или обжею. Люди же, не имѣвшіе опредѣленной доли общинной земли, или не причисленные ни къ какой общинѣ, назывались изгоями и оставались въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не получали опредѣленной доли земли и не причислялись къ какой-либо общинѣ. Въ Новгородѣ въ XIII ст. даже были особыя двѣ улицы для изгоевъ; но улицы эти не составляли самостоятельныхъ общинъ, имѣвшихъ свое управленіе чрезъ старостъ или сотскихъ и свой голосъ на вѣчѣ, а состояли подъ покровительствомъ церкви, какъ люди безпріютные и неимѣющіе своего голоса въ новгородскомъ обществѣ. Самыя улицы или слободы изгоевъ, по всему вѣроятію, были устроены на церковной землѣ. Очевидно, что церковь, какъ покровительница изгоевъ, давала имъ свою землю для поселенія, какъ людямъ, неимѣющимъ земли ни въ своей общинѣ и, по законамъ новгородскимъ, немогшимъ управляться своими выборными начальниками. Въ селахъ также изгои имѣли особыя поселенія, отдѣльно отъ сельскихъ общинъ и, вѣроятно, на церковныхъ земляхъ и подъ покровительствомъ церкви, для которой они обязаны были дѣлать разныя послуги и, можетъ быть, обрабатывать на нее землю. Но не всѣ изгои были на церковныхъ земляхъ, они могли жить и у мірскихъ людей въ услуженіи, подъ именемъ или работниковъ, казаковъ или подсусѣдниковъ и захребетниковъ.

Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, будучи членами своихъ общинъ, считаясь полноправными людьми въ новгородскомъ обществѣ и въ Новгородѣ, равно какъ и въ пригородахъ, имѣли своихъ представителей и свой голосъ на вѣчахъ. Они несли всѣ общественныя обязанности наравнѣ съ боярами и купцами, только въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ они были меньшими людьми и имѣли меньше средствъ; ибо въ новгородскомъ государствѣ раскладка всѣхъ повинностей и податей

производилась по капиталамъ, приносящимъ хозяину доходъ, а не по головамъ. Въ селахъ крестьянскія общины также имѣли своихъ старостъ и свое земское управленіе и судъ, и каждый членъ общины, каждый домохозяинъ, имѣлъ голосъ на сельскомъ вѣчѣ и участвовалъ въ выборѣ общинныхъ начальниковъ, въ раскладкѣ податей и другихъ общественныхъ дѣлахъ.

Но черныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, будучи меньшими, младшими, почти всегда подчинялись старѣйшимъ, т. е. боярамъ и купцамъ, и шли за ними. Такъ, въ Новгородѣ и въ пригородахъ, какъ мы уже видѣли, каждая улица и каждый конецъ имѣли своихъ бояръ и своихъ купцовъ, съ которыми заодно дѣйствовали и черные люди въ общественныхъ дѣлахъ; даже по закону черные люди въ уличанскихъ общинахъ не имѣли своихъ выборныхъ изъ своего класса старостъ, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ,—слѣдовательно, были поставлены и по закону въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ старѣйшихъ уличанъ. Въ селахъ же большая часть крестьянскихъ поселеній была на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, бояръ или купцовъ; слѣдовательно, тамошнія черныя общины уже по самой землѣ были въ большей или меньшей зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ. Вообще въ Новгородѣ, гдѣ по преимуществу всѣмъ завѣдывала аристократія, черные или меньшіе люди хотя и были полноправными и принимали дѣятельное участіе на общемъ вѣчѣ, тѣмъ не менѣе состояли въ большой зависимости отъ старшихъ, отъ бояръ и частью отъ купцовъ. Но эта зависимость не столько была юридическая, установленная закономъ, сколько нравственная, основанная на довѣріи младшихъ къ старшимъ, и экономическая, по которой бѣдные глядѣли изъ рукъ у богатыхъ. Впрочемъ, эта зависимость не мѣшала младшимъ возставать на старшихъ и заявлять свои права, какъ скоро старшіе нарушали довѣріе какими-либо неправдами и сильными притѣсненіями.

Собственно юридическія, закономъ опредѣленныя права меньшихъ или черныхъ людей въ Новгородѣ относительно общественныхъ дѣлъ были почти одинаковы съ правами старшихъ или вящихъ людей. 1) Меньшіе или черные люди на вѣчѣ имѣли такое же участіе, какъ и вящіе люди; ихъ голосъ имѣлъ такую же силу, какъ и голосъ вящихъ или старѣйшихъ, и, при несогласіи меньшихъ съ большими, вѣче распадалось и составлялось два вѣча, и дѣло кончалось или битвой на улицахъ, или умиротворительнымъ вмѣшательствомъ владыки и духовенства, которое въ такомъ случаѣ выходило въ полныхъ облаченіяхъ, съ церковными хоругвями, иконами и крестами; слѣдовательно—въ обоихъ случаяхъ взаимнымъ согласіемъ большихъ и меньшихъ; но одни большіе безъ меньшихъ не могли держать вѣча и рѣшать дѣло. 2) Меньшіе вмѣстѣ съ большими участвовали въ защитѣ новгородской земли и во всѣхъ военныхъ походахъ. Представители меньшихъ, наравнѣ съ представителями большихъ, вели переговоры съ сосѣдними князьями, участвовали въ посольствахъ, и даже договорныя грамоты Новгорода заключались отъ имени большихъ и меньшихъ. Впрочемъ, юридическая одноправность меньшихъ съ большими не избавляла первыхъ отъ зависимости, и хотя большіе ни на одномъ вѣчѣ не могли провести закона, который бы уменьшилъ или уничтожилъ равноправность черныхъ людей, тѣмъ не менѣе всегда находили средства руководить черными людьми по сво-

имъ видамъ, такъ-что, при всякомъ возстаніи черныхъ людей на бояръ, борьба кончалась тѣмъ, что черный народъ поражалъ одну боярскую партію и въ то же время подчинялся другой, также боярской партіи.

Исчисленные нами три класса новгородскихъ гражданъ: бояре, купцы и черные люди, еще не даютъ полнаго понятія о составѣ новгородскаго общества; за этими классами была еще огромная масса новгородскихъ людей, состоявшихъ подъ новгородскимъ закономъ, пользовавшихся полными правами личности, но въ то же время имѣвшихъ свои особенности, по которымъ они вполнѣ не причислялись къ помянутымъ тремъ классамъ. Особенности эти, главнымъ образомъ, состояли въ томъ, что эта масса новгородскихъ людей не имѣла по закону никакой общественной организаціи, не несла никакихъ общественныхъ обязанностей отъ своего имени; въ этой массѣ были и свои богачи, и свои бѣдняки; она собственно состояла изъ друхъ разрядовъ людей: изъ вольныхъ людей и повольниковъ.

Вольными людьми въ Новгородѣ назывались тѣ, которые не состояли членами ни въ какой общинѣ, и потому не несли никакихъ общинныхъ обязанностей, но не пользовались и тѣми правами, которыя община даетъ своимъ членамъ. Вольный человѣкъ состоялъ только подъ покровительствомъ новгородскихъ законовъ, которые защищали его отъ обидъ; онъ могъ требовать суда и защиты, когда кто его обижалъ, а равнымъ образомъ и самъ отвѣчалъ передъ закономъ, когда являлся нарушителемъ чьихъ-либо правъ; далѣе этого отношенія вольнаго человѣка къ власти и закону не простирались. Ему была предоставлена полная свобода заниматься чѣмъ хочетъ, жить, какъ знаетъ, и тамъ, гдѣ его примутъ, для него была открыта вся новгородская земля и новгородскія волости; онъ имѣлъ полное право странствовать изъ края въ край по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ и, пока не хотѣлъ этого самъ, не былъ привязанъ ни къ одной новгородской мѣстности, ежели онъ самъ не принялъ на себя обязанности жить у какого-либо домохозяина.

Къ вольнымъ людямъ, во-первыхъ, принадлежали всѣ младшіе члены семействъ, не выдѣлившіеся еще изъ семьи и состоявшіе подъ властью родителей или того старшаго родственника, котораго семья признала своимъ домохозяиномъ; они оставались на правахъ вольныхъ людей до тѣхъ поръ, пока не дѣлались самостоятельными домохозяевами. Таковое положеніе было одинаково для младшихъ членовъ, какъ въ богатыхъ семействахъ, такъ и въ бѣдныхъ; и сынъ богатаго боярина, одинаково съ сыномъ бѣднаго селянина, считался вольнымъ человѣкомъ, пока не дѣлался самостоятельнымъ домохозяиномъ. Второй разрядъ вольныхъ людей составляли люди, уже выдѣлившіеся изъ родительскихъ семействъ, но не поступившіе въ члены ни въ одну общину и не имѣвшіе ни земли, ни домохозяйства отъ своего имени; это были почти сплошь бѣдняки или люди, начинавшіе только разживаться. Одни изъ нихъ ходили изъ края въ край новгородской земли, питаясь ручною работою и разными мастерствами, какія кто зналъ: кто ходилъ по селамъ учить ребятишекъ грамотѣ, кто читалъ псалтырь надъ покойниками, кто портняжничалъ и переходилъ съ своимъ мастерствомъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, кто промышлялъ другимъ какимъ ремесломъ, кто присоединялся къ той или другой бродячей ватагѣ скомороховъ и таскался съ ними по городамъ и селамъ, плясалъ, пѣсенничалъ, игралъ на гудкѣ

или на другомъ какомъ инструментѣ и занималъ любителей веселья прибаутками и другими скоморошьими продѣлками, и тѣмъ добывалъ себѣ деньгу и кормился. Это большею частью былъ самый буйный и безпокойный отдѣлъ вольныхъ людей въ Новгородѣ: отсюда выходили отчаянные пьяницы и гуляки, кулачные бойцы, непрошенные посѣтители чужихъ кармановъ и сундуковъ; отсюда выходили отчаянные молодцы, поджидавшіе путниковъ и обозы по лѣсамъ и большимъ дорогамъ; это былъ собственно произвольный и неугомонный пролетаріатъ Новгорода, самый горючій матеріалъ для всѣхъ возможныхъ мятежей и безпорядковъ.

Но, къ счастью Новгорода, эта бродячая и буйная масса людей далеко не вся оставалась постоянно въ своемъ безпріютномъ положеніи. Наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебѣсившись и наскучивъ своею безпріютною и бродячею жизнью, съ лѣтами старалась гдѣ-нибудь пріютиться и осѣсться, и такимъ образомъ поступала во второй отдѣлъ второго разряда вольныхъ людей; иные дѣлались работниками у зажиточныхъ хозяевъ, другіе поступали въ подсусѣдники и захребетники; они хотя по-прежнему не были членами общины, не несли никакихъ общинныхъ обязанностей и были людьми вольными, но за нихъ отвѣчали въ общину хозяева, и они уже могли имѣть свои дворы и свои участки земли на имя хозяина и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; ихъ положеніе было уже не прежнее безпріютное и бродячее; они уже были недалеки отъ того, чтобы поступить въ члены общины, и община, ежели находила ихъ людьми мирными и заботящимися о хозяйствѣ, всегда охотно принимала ихъ, какъ людей уже извѣстныхъ, надѣляла участками земли и на первые годы съ значительными льготами въ податяхъ и въ повинностяхъ. Наконецъ, у Новгорода было и еще средство, и очень важное, избавляться отъ буйной вольницы: это средство составляло повольничество, куда большею частью сбывалась самая буйная и неугомонная молодежь, которая не успѣла еще перебѣситься и приладиться къ мирной трудовой жизни и которая, по характеру своему или по обстоятельствамъ жизни, безъ повольничества долго еще не могла бы придти въ себя, отрезвиться и полюбить мирный трудъ.

Повольничество было одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ славянскимъ племенамъ на Руси. Общество повольниковъ еще не было новгородскою общиною, а составляло только дружину, въ которой члены были связаны другъ съ другомъ одними личными отношеніями, обѣщаніемъ стоять другъ за друга и клятвою или ротою—не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ, не выдавать товарищей; постоянныхъ же имущественныхъ отношеній у нихъ еще не было, ибо ни одна дружина повольниковъ не имѣла своей земли. Въ повольники легко и безпрепятственно могъ поступить каждый вольный человѣкъ, несвязанный съ общиной: и богатый, и бѣдный, и изъ боярской или купеческой фамиліи, и изъ черныхъ людей; не спрашивалось ни о состояніи, ни о происхожденіи пришельца, а требовались только сила, ловкость и охота; поэтому дружины повольниковъ обыкновенно составлялись изъ самой буйной и неугомонной молодежи, которая не знала, куда дѣваться съ своею силою и молодечествомъ. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ преимущественно были сыновья богатыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ, которые бы могли хорошо

вооружить и на первое время содержать дружину на свой счетъ. Но случалось, что собирали дружины повольниковъ и люди не очень богатые, впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, когда собиратель уже не разъ бывалъ въ отдаленныхъ походахъ и прославился подвигами своего удальства и молодечества, когда объ его удали уже пѣлись пѣсни скоморохами. Къ такому молодцу и богатая молодежь охотно шла въ ратники, и даже сами отцы этой молодежи помогали ему своими матеріальными средствами на содержаніе дружины, ибо видѣли въ немъ надежнаго руководителя своихъ сыновей въ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ. Повольничество, хотя и было иногда соединено и съ грабежами, и съ разбойничествомъ, и разными буйствами, не только не считалось безчестнымъ, но еще пользовалось большимъ уваженіемъ у новгородцевъ. Какъ въ Скандинавіи викингамъ, такъ въ Новгородѣ повольникамъ пѣлись даже пѣсни, въ которыхъ прославлялись ихъ удалые подвиги. И молодые люди изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, достигнувъ 18-ти или 20-ти-лѣтняго возраста, другъ передъ другомъ спѣшили собирать дружины удалыхъ молодцовъ и съ ними пробовать свою удаль гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ—въ древности на Варяжскомъ морѣ, а позднѣе на Волгѣ или на берегахъ „студенаго“ моря.

И дѣйствительно, повольникъ, хотя иногда и грабилъ, и убивалъ людей, и былъ страшенъ для купеческихъ каравановъ, тѣмъ не менѣе, по тогдашнимъ понятіямъ, не былъ безчестнымъ разбойникомъ и пьянымъ головорѣзомъ, котораго бы нельзя принять и въ порядочномъ обществѣ и стоило только сбросить съ Волховскаго моста или вздернуть на висѣлицу. Напротивъ того, отъ новгородскаго повольника требовалось, чтобы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ по тогдашнимъ понятіямъ, ловкимъ, учтивымъ и умѣющимъ вести себя съ достоинствомъ въ какомъ угодно обществѣ; повольникъ долженъ былъ горячо любить родину и заботиться о славѣ господина Великаго Новгорода, онъ долженъ былъ быть великодушнымъ и защищать несчастныхъ людей отъ обидъ и притѣсненій; разумѣется, это великодушіе должно было оказывать къ русскимъ людямъ, православнымъ христіанамъ, а отнюдь не къ бусурманамъ.

Повольники большею частью и грабительство, и буйство оставляли на чужой сторонѣ, домой же приносили тѣ выгоды, которыя доставляло повольничество. Съ одной стороны, повольники, предоставленные самимъ себѣ, съ раннихъ лѣтъ пріучались дѣйствовать самостоятельно: привыкши лицомъ къ лицу встрѣчать всякую опасность и отыскивать средства къ защитѣ и побѣдѣ только въ самихъ себѣ, въ собственной смѣтливости, ловкости и мужествѣ, они въ сильной степени развивали свою личность, дѣлались людьми твердыми, дѣйствующими по убѣжденію и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Такимъ образомъ, повольничество было искони разсадникомъ такихъ людей, какіе были нужны для новгородскаго общества; Новгородъ при помощи повольничества пріобрѣталъ для себя гражданъ, обогащенныхъ опытностью, людей бывалыхъ, которыхъ можно было употребить на какое угодно дѣло, которые, въ случаѣ нужды, привычно встрѣтятъ любую опасность и найдутся, какъ отразить ее. Съ другой стороны, молодежь, составлявшая повольничество, въ своихъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ, открывала для новгородской торговли новыя земли и новые рынки; она знакомилась съ племенами отдаленными, болѣе или менѣе узнавала, въ чемъ они нуждаются и чего у

нихъ было много. Возвратившись на родину, повольники, по миновавіи разгульнаго возраста, наскучивши буйствомъ, принимали участіе въ занятіи своихъ старшихъ соотечественниковъ и, какъ люди бывалые, опытные, или сами начинали торговлю на свои капиталы, можетъ быть собранные изъ добычъ, пріобрѣтенныхъ во время удалыхъ походовъ, или дѣлались помощниками старшихъ, водили ихъ караваны въ новооткрытыя земли. Кромѣ того, повольники, имѣя постоянно въ виду выгоды и славу своего господина Великаго Новгорода, естественно не упускали случаевъ и распространить новгородскія владѣнія. До нашего времени дошелъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій о повольничьихъ походахъ, гдѣ разсказывается о повольникахъ то подъ именемъ молодцовъ, то подъ именемъ ушкуйниковъ—отъ особаго вида употребляемыхъ ими лодокъ, называемыхъ ушкуями. Повольничество пало вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности господина Великаго Новгорода.

LVIII. ЦЕРКОВНЫЯ ДѢЛА ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

(*По соч. Костомарова: „Сѣверно-русскія народоуправства во время удѣльно-вѣчевого уклада“*).

Стремившійся къ самостоятельности въ политическомъ отношеніи, Новгородъ Великій хотѣлъ пріобрѣсти самостоятельность и въ дѣлахъ церковныхъ. Новгородскіе владыки, правда, весьма рѣдко отказывались отъ номинальной зависимости отъ русскаго митрополита, но за то не хотѣли допускать вліянія митрополита на управленіе дѣлами новгородской церкви; эта самостоятельность новгородскихъ владыкъ усиливалась и упадала сообразно съ тѣмъ, какъ усиливалось и упадало политическое значеніе Великаго Новгорода. Въ XI в. зависимость новгородскаго епископа (владыки стали именоваться архіепископами съ 1168 г.) отъ кіевскаго митрополита была еще очень сильна. Въ то время извѣстный своими поученіями новгородскій епископъ Лука Жидята долженъ былъ ѣздить въ Кіевъ для оправданія отъ возводимыхъ на него обвиненій предъ митрополитомъ, который, продержавъ его три года и убѣдившись, наконецъ, въ несправедливости обвиненій, отпустилъ его на родину. Въ числѣ новгородскихъ епископовъ послѣ Жидяты бывали не новгородцы по происхожденію, а кіевляне, назначаемые митрополитомъ.

Около половины XII в. положеніе дѣлъ значительно измѣняется, и уже подъ 1156 г. встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что владыка Аркадій выбранъ былъ на вѣчѣ. Преемникъ Аркадія, Іоаннъ, былъ ревностнымъ защитникомъ церковной автономіи Новгорода. Его молитвамъ приписывалось спасеніе Новгорода отъ рати Андрея Боголюбскаго. Послѣ смерти Іоанна уже не было примѣра, чтобы владыка въ Новгородѣ назначался кѣмъ-нибудь извнѣ. Новгородскій владыка ѣздилъ къ митрополиту для благословенія и посвященія, но этимъ и оканчивалась его зависимость отъ митрополита. Будучи избранъ, владыка еще до посвященія вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ главный начальникъ новгородской церкви. Бывали случаи, что такіе „нареченные“ владыки не получали посвященія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, но это не мѣшало имъ являться совершенно законными представителями

новгородской церкви. Во времена силы и процвѣтанія Новгорода случалось, что не владыки ѣздили за посвященіемъ къ митрополитамъ, а напротивъ, митрополиты пріѣзжали въ Новгородъ, чтобы посвятить владыку. Но какъ ни лестно было для Новгорода такое вниманіе митрополитовъ, онъ тѣмъ не менѣе не особенно любилъ эти посѣщенія, требовавшія довольно значительныхъ расходовъ, и обыкновенно предпочиталъ посылать своихъ новыхъ владыкъ къ митрополиту. Впослѣдствіи, когда стала усиливаться Москва, между новгородскими владыками и московскими митрополитами, не желавшими ограничиваться номинальнымъ главенствомъ надъ новгородскою церковью, возникали неоднократно столкновенія. Владыки жаловались патріархамъ на митрополитовъ, патріархи иногда принимали ихъ сторону, но все же церковная автономія Новгорода все болѣе и болѣе упадала, по мѣрѣ того, какъ приходила въ упадокъ и его политическая самостоятельность, стѣсняемая Москвою.

Новгородскіе владыки избирались на вѣчѣ. Вѣча, созываемыя для избранія владыкъ, собирались не во дворѣ Ярославовомъ, какъ обыкновенно, а въ оградѣ храма св. Софіи, этой святыни, дорогой сердцу каждаго новгородца. „Умремъ за св. Софію!“ кричали новгородцы въ минуты самой грозной опасности, и этотъ кличъ воодушевлялъ ихъ. Вѣче избирало обыкновенно трехъ кандидатовъ, имена которыхъ писались на бумажкахъ, и бумажки клались на престолъ Софійскаго храма. Послѣ этого подводили къ престолу слѣпца или ребенка, который бралъ двѣ бумажки, а тотъ кандидатъ, имя котораго написано было на третьей, провозглашался владыкою, какъ человѣкъ, указанный самою св. Софіею. Случалось, что предъидущій владыка самъ назначалъ кандидатовъ себѣ въ преемники, и тогда, особенно если назначавшій пользовался любовью и довѣріемъ, выборъ происходилъ только между этими кандидатами. При избраніи владыки не соблюдалась строгость іерархическаго достоинства. Поэтому были владыки изъ простыхъ чернецовъ, изъ игуменовъ, а иногда и изъ бѣлаго духовенства. Избранные изъ среды послѣдняго принимали монашество. Митрополитъ, на посвященіе къ которому ѣздилъ „нареченный“ владыка, посвящалъ его послѣдовательно въ предшествующіе чины до іеромонаха включительно; но если „нареченный“ былъ іеромонахъ, то не нуждался въ предварительномъ посвященіи въ санъ игумена или архимандрита, а прямо посвящался въ санъ архіепископа. Избирая своихъ владыкъ, новгородское вѣче считало себя въ правѣ и изгонять ихъ. Нерѣдко владыки, на старости лѣтъ, добровольно оставляли свой постъ и удалялись въ монастырь. Бывали и такіе случаи, что владыки, оставившіе управленіе церковью, вторично вызывались къ той же дѣятельности изъ монастырей, въ которые они удалялись.

Новгородскій владыка пользовался большимъ почетомъ и вліяніемъ. Подъ вѣдомствомъ его находились всѣ люди церковные, принадлежавшіе по занятіямъ своимъ непосредственно къ церковному кругу. Таковы были: монахи, священники, ихъ жены и дѣти, церковные сторожа, нищіе, изгои, поселяне, жившіе въ церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Вслѣдствіе того, что многіе изъ мірянъ отказывали церквамъ и монастырямъ свои земли, число духовныхъ имуществъ было весьма значительно, и многочисленные смерды, жившіе въ нихъ, во все свое пребываніе на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, оставались подъ управленіемъ владыки. Всѣ эти люди носили общее названіе „софіанъ“. Между

софіанами были бояре и дѣти боярскіе, получавшіе отъ владыки волости въ кормленіе на извѣстныхъ условіяхъ. Владыка имѣлъ свой особый штатъ изъ софіанъ, своихъ стольниковъ, ключниковъ, дьяковъ, свой собственный полкъ. Но и на несофіанъ владыка могъ оказывать вліяніе даже помимо того авторитета и уваженія, которымъ пользовался онъ въ глазахъ народа, какъ глава новгородской церкви. Судъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ принадлежалъ владыкѣ, разбиравшему несогласія, возникавшія между дѣтьми и родителями, женами и мужьями. Несогласія, происходившія отъ неправильнаго дѣлежа наслѣдства, тоже подлежали его суду, равно какъ и дѣла святотатственныя, ереси, волхвованіе, соблюденіе языческихъ обрядовъ. Такъ какъ владыка считался высшимъ представителемъ правды и безпристрастія, то онъ имѣлъ право надзора надъ торговлею. Онъ ежегодно провѣрялъ торговые и денежные вѣсы, и если открывалъ при этомъ обманъ, то виновный въ немъ терялъ свое имущество, одна треть котораго шла въ казну св. Софіи, другая въ пользу церкви Іоанна на Опокахъ, а третья отдавалась въ казну Великаго Новгорода. Независимо отъ этого, новгородскій владыка имѣлъ и большое политическое значеніе. Совѣта его искали обыкновенно и князья, и посадники; разбушевавшееся вѣче умолкало при видѣ владыки, который нерѣдко мирилъ враждебныя партіи, возвращалъ увлеченный страстью народъ на путь благоразумія. Договоры съ другими княжествами и съ иностранными государствами заключались всегда съ благословенія владыки. Случалось, что владыка принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ и становился во главѣ посольствъ, ѣздившихъ призывать князей на новгородскій престолъ. Такъ какъ всѣ дѣла совершались подъ благословеніемъ владыки и подъ присягою, то, когда обстоятельства требовали измѣненія, становилось необходимымъ разрѣшеніе владыки отъ присяги, что̀, разумѣется, не могло не усиливать вліянія главы новгородской церкви на свѣтскія дѣла.

LVIII. ТОРГОВЛЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

(По соч. Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства во время удѣльно-вѣчевого уклада“).

Самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси былъ Новгородъ. Развитію торговли въ немъ способствовала близость Балтійскаго моря и удобные пути, преимущественно водные, соединяющіе его какъ съ этимъ моремъ, такъ и съ внутренними частями Руси. Торговыя сношенія Новгорода со Скандинавіею начались очень рано, и они-то, быть можетъ, были первою причиною пришествія и утвержденія варяжскихъ князей въ Русской землѣ. Въ XI и XII вв. Новгородъ ведетъ обширную торговлю съ городомъ Висби на островѣ Готландѣ. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ и свою церковь; на Готландѣ была и русская церковь, построенная тамъ пріѣзжавшими изъ Новгорода торговыми людьми. Такъ какъ Висби находился въ оживленныхъ сношеніяхъ со многими германскими городами, то и новгородскіе купцы рано познакомились съ нѣмцами. Уже въ XII в. рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ возникаетъ нѣмецкій, а между иноземными торговцами, про-

живавшими въ Любекѣ, грамата императора Фридриха называетъ и русскихъ.

Въ XIII ст. германская торговля принимаетъ болѣе обширные размѣры, благодаря образованію извѣстнаго Ганзейскаго союза, центромъ котораго былъ Любекъ. Слѣдствіемъ этого было то, что торговля Висби годъ отъ года упадала и переходила въ руки нѣмецкихъ купцовъ, которые и въ Новгородѣ стали принимать первенствующее положеніе и въ концѣ концовъ совсѣмъ вытѣснили представителей готскаго двора. Нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ составляли совершенно особую, тѣсно замкнутую общину. По договорамъ, заключеннымъ съ Новгородомъ, они пользовались полнѣйшимъ самоуправленіемъ. Новгородскія власти не имѣли права вступаться въ дѣла, возникавшія между нѣмцами; ихъ судили ихъ собственные выборные начальники или альдермены. Даже входъ новгородскимъ чиновникамъ въ нѣмецкій гостиный дворъ былъ запрещенъ безъ разрѣшенія альдермена. Въ случаѣ возникновенія несогласій между нѣмцемъ и новгородцемъ, дѣло разбиралось тоже альдерменомъ, и только тогда, когда новгородецъ оставался недоволенъ рѣшеніемъ послѣдняго, онъ могъ обращаться къ своимъ высшимъ чиновникамъ, именно къ тысяцкому или посаднику. Договорами постановленно было также, что съ задолжавшаго новгородца первое взысканіе дѣлается въ пользу его иностранныхъ кредиторовъ, и только послѣ удовлетворенія послѣднихъ наступаетъ очередь русскихъ кредиторовъ.

Оградивъ себя такими привиллегіями, нѣмецкіе купцы не торговали иначе, какъ цѣлою общиною. Совѣтъ нѣмецкой компаніи установлялъ, какіе товары привозить въ Новгородъ, какіе купить у новгородцевъ, на какую сумму каждый изъ купцовъ долженъ былъ вести торговлю; онъ же опредѣлялъ и цѣны, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ товаровъ. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ купцовъ не смѣлъ, подъ страхомъ строгихъ наказаній, входить въ сношенія съ русскими купцами помимо общины; имъ даже запрещено было учиться русскому языку, чтобы не облегчать возможности уклоненій отъ правилъ, постановляемыхъ компаніею, такъ что сдѣлки заключались всегда при помощи переводчиковъ, находившихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ альдермена. Нѣмецкіе купцы большею частью безъ ропота подчинялись этимъ ограниченіямъ, такъ какъ послѣднія, хотя и стѣсняли ихъ, но тѣмъ не менѣе были въ сущности весьма выгодны. Купцовъ, не принадлежавшихъ къ компаніи, было весьма немного, да они и не могли выдерживать соперничества съ могущественною компаніею; сами новгородцы почти никогда не ѣздили со своими товарами за границу. Все это было причиною того, что компанія оставалась почти единственнымъ какъ продавцомъ чужеземныхъ, такъ и покупщикомъ русскихъ товаровъ въ Новгородѣ; если она держится крѣпко установленныхъ ею цѣнъ, то русскіе торговцы, которымъ не у кого больше купить и некому больше продать, должны волею-неволею принимать предлагаемыя компаніею цѣны. Только такимъ положеніемъ дѣла можно объяснить то обстоятельство, что, не смотря на обширность и продолжительность иностранной торговли, новгородская область отъ нея не богатѣла, служа лишь предметомъ эксплоатаціи для нѣмцевъ. Русскіе оптовые купцы, ведшіе торговыя дѣла съ компаніей (она занималась лишь оптовою куплею и продажею) и отпускавшіе ей исключительно сырые продукты, при существованіи низкихъ

цѣнъ на нихъ, скупали ихъ у производителей по цѣнѣ еще болѣе низкой, а потому улучшеніе матеріальнаго состоянія производителей шло очень туго, и отъ такой торговли могли обогащаться только нѣмцы, да немногіе изъ русскихъ скупщиковъ.

Главные пути, по которымъ шла торговля Новгорода съ заграницею, были водные. Иностранныя суда съ товарами встрѣчались обыкновенно русскими приставами у острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской земли. Пристава провожали чужеземныхъ купцовъ до самаго Новгорода, чтобы охранять ихъ въ случаѣ надобности, устранять затрудненія въ пріисканіи лоцмановъ и т. д. За безопасность иноземныхъ судовъ, пускающихся въ Неву и далѣе безъ новгородскихъ приставовъ, Новгородъ не бралъ на себя отвѣтственности. Пройдя мимо Котлина, суда вступали въ Неву, потомъ въ Ладожское озеро и достигали устья Волхова. Такъ какъ для дальнѣйшаго плаванья уже морскія суда не годились, то купцамъ давались другія, меньшія, на которыя перегружались товары. Отсюда плыли по Волхову. Достигая Гостинополя, товары подвергались осмотру, облагались небольшою пошлиною и отсюда шли къ Новгороду. Здѣсь товары выгружались и на извозчичьихъ телѣгахъ доставлялись въ нѣмецкій дворъ. Для избѣжанія запросовъ со стороны извозчиковъ и могущихъ отсюда произойти неудобствъ и промедленій, новгородское правительство установило постоянную таксу за провозъ товаровъ отъ берега до нѣмецкаго двора. Кромѣ этого пути, нѣмецкіе купцы возили свои товары на Псковъ, черезъ Нарву и на Варландъ по сухопутью, главнымъ образомъ тогда, когда установится санная дорога. Другими же дорогми возить иностранные товары въ Новгородъ запрещалось, а товары, привезенные неуказанными путями, считались контрабандою и брались въ казну.

Что касается предметовъ отпуска за границу, то они состояли преимущественно изъ сырыхъ продуктовъ: лѣсъ, сало, ленъ, конопля, воскъ, мѣха, кожи, иногда хлѣбъ—вотъ, что продавали новгородцы своимъ нѣмецкимъ гостямъ (купцамъ); юфть была чуть ли не единственнымъ русскимъ продуктомъ, уходившимъ за границу въ нѣсколько обработанномъ видѣ. Иностранцы, наоборотъ, привозили произведенія фабричнаго производства, какъ-то: стекло, сукна, полотна. Будучи притомъ почти единственными поставщиками этихъ предметовъ, они не всегда заботились объ ихъ доброкачественности. Это подавало поводъ къ многочисленнымъ нареканіямъ, при чемъ даже альдермены иногда высказывались въ пользу новгородскихъ купцовъ. Новгородское правительство принуждено было неоднократно прибѣгать къ угрозамъ, что, въ случаѣ повторенія подобныхъ обмановъ, оно лишитъ компанію ея привиллегій. Привозилось также въ Новгородъ много вина, которое шло, какъ на обыкновенныя потребности, такъ и для церквей. Ливонскіе нѣмцы не допускали доставки оружія изъ западной Европы въ Новгородъ, который прежде его получалъ главнымъ образомъ оттуда; да и вообще Ливонія, будучи почти постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ то со Псковомъ, то съ Новгородомъ, сильно мѣшала торговлѣ этихъ городовъ.

Иностранные товары Новгородъ покупалъ не только для своего употребленія, но и для перепродажи ихъ въ другихъ русскихъ областяхъ. Новгородскіе купцы постоянно ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ, даже въ Литовское княжество, и тамъ продавали замор-

скіе товары. Въ случаѣ возникновенія несогласій между Новгородомъ и какимъ-либо другимъ изъ русскихъ княжествъ, новгородская торговля немедленно терпѣла сильные убытки, такъ какъ товары у новгородскихъ купцовъ, проживавшихъ во враждебномъ Новгороду княжествѣ, обыкновенно отнимались, а сами купцы заключались подъ стражу. Являясь продавцами, новгородцы являлись также и покупателями тѣхъ товаровъ, которые они отпускали иностранцамъ. Стремленіе пріобрѣтать эти товары заставляло новгородцевъ подвигать далеко на востокъ и сѣверъ свою колонизацію и расширять предѣлы своей области. Жителей своихъ отдаленныхъ земель они облагали данью, которую брали обыкновенно натурою. Мѣха и шкуры занимали въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Нѣкоторые приуральскіе народы платили Новгороду дань серебромъ, которое тоже вымѣнивалось у нѣмцевъ на сукна и другіе фабричные продукты. Но самымъ важнымъ предметомъ торговли Новгорода съ другими русскими княжествами былъ хлѣбъ. Въ хлѣбѣ Новгородъ нуждался не только, какъ въ предметѣ для отпускной торговли, въ немъ онъ нуждался и для себя, такъ какъ неотличавшаяся плодородіемъ Новгородская область не производила сама достаточнаго количества хлѣба для прокормленія своего населенія. Хлѣбъ доставлялся изъ приволжскихъ странъ, а также съ юга. Путемъ для доставки перваго была Волга съ ея притоками, а для доставки второго—Днѣпръ, Ловать (между Днѣпромъ и Ловатью хлѣбъ шелъ волокомъ) и Ильмень. Когда, въ XIII в., послѣ татарскаго нашествія, производительность южно-русскихъ княжествъ страшно упала, волжскій путь сдѣлался почти единственнымъ средствомъ доставки хлѣба въ Новгородъ. Неурожаи или другія случайныя обстоятельства, между прочимъ войны, стѣснявшія доставку хлѣба въ Новгородъ, бывали причиною страшнаго голода въ этомъ городѣ. Такъ, напр., въ 1187 г. въ Новгородѣ, цѣны на хлѣбъ поднялись до того, что родители продавали нѣмцамъ въ рабство своихъ собственныхъ дѣтей, лишь бы только послѣднихъ и себя спасти отъ ужасовъ голодной смерти. Такая зависимость Новгорода относительно хлѣбной торговли отъ другихъ русскихъ земель была причиною того, что Андрей Боголюбскій, пораженный новгородцами въ открытой войнѣ, могъ смирить ихъ тѣмъ, что не допускалъ вывоза хлѣба изъ своихъ владѣній въ Новгородъ.

LIX. Князь новгородскій Мстиславъ Удалый.

(Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ" и изъ „Сѣверно-русскихъ народоуправствъ" Костомарова).

Въ первой четверти XIII в. выдается блестящими чертами дѣятельность князя Мстислава Мстиславича, прозваннаго современниками „Удатнымъ", а позднѣйшими историками „Удалымъ". Эта личность можетъ по справедливости назваться образцомъ характера, какой только могъ выработаться условіями жизни до-татарскаго удѣльно-вѣчевого періода. Этотъ князь пріобрѣлъ знаменитость не тѣмъ, чѣмъ другія передовыя личности того времени. Онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не далъ

новаго поворота ходу событій, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя. Это былъ, напротивъ, защитникъ старины, охранитель существующаго, борецъ за правду, но за ту правду, которой образъ сложился уже прежде. Его побужденія и стремленія были также неопредѣленны, какъ стремленія, управлявшія его вѣкомъ. Его доблести и недостатки носятъ на себѣ отпечатокъ всего, что въ совокупности выработала удѣльная жизнь. Это былъ лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ; и въ этомъ отношеніи жизнь его выражала современное ему общество.

Въ тѣ времена сынъ наслѣдовалъ, въ глазахъ современниковъ, честь или безчестіе своего отца: каковъ былъ отецъ, такимъ заранѣе готовы были считать сына. Этимъ опредѣлялось нравственное значеніе князя при вступленіи его въ дѣятельность. Отъ него всегда ожидали продолженія отцовскихъ дѣлъ, и только дальнѣйшая судьба зависѣла отъ его собственныхъ поступковъ. Отецъ этого князя, Мстиславъ Ростиславичъ, пріобрѣлъ такую добрую память, какою пользовались рѣдкіе изъ князей. Онъ былъ сынъ Ростислава Мстиславича, смоленскаго князя, правнукъ Мономаха, прославился богатырскою защитою Вышгорода, отбиваясь отъ властолюбивыхъ покушеній Андрея Боголюбскаго, а потомъ, будучи призванъ новгородцами, одержалъ блестящую побѣду надъ чудью, храбро и неутомимо отстаивалъ свободу Великаго Новгорода и пользовался восторженною любовью новгородцевъ. Въ 1180 г. онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Новгородѣ и былъ единственный изъ выбранныхъ новгородскихъ князей, которому досталась честь быть погребеннымъ въ св. Софіи.

Память его до такой степени была драгоцѣнна для новгородцевъ, что гробъ его сталъ предметомъ поклоненія и онъ впослѣдствіи причисленъ былъ къ лику святыхъ. Современники прозвали его „Храбрымъ", и это названіе осталось за нимъ въ исторіи. И не только храбростью отличался онъ, но и благочестіемъ, и дѣлами милосердія—всѣми качествами, которыми въ глазахъ его вѣка могла украшаться княжеская личность. До какой степени современники любили этого князя, показываетъ отзывъ лѣтописца: кромѣ общихъ похвалъ, воздаваемыхъ и другимъ князьямъ по лѣтописному обычаю, говоря о немъ, лѣтописецъ употребляетъ такія выраженія, которыя явно могутъ быть отнесены только къ нему одному: „Онъ всегда порывался на великія дѣла. И не было земли въ Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила его. И не можетъ вся земля русская забыть доблести его". Эта-то слава родителя, эта-то любовь къ нему новгородцевъ и всей русской земли проложила путь къ еще большей славѣ его сыну.

Мстиславъ Мстиславичъ получилъ удѣлъ въ Торопцѣ, составлявшемъ часть Смоленской земли, и долго проживалъ тамъ, не выказавъ себя ничѣмъ особеннымъ. Онъ былъ уже не первой молодости и имѣлъ замужнюю дочь, когда новгородскія смятенія вывели его на блестящее поприще.

Великій Новгородъ давно вошелъ въ тѣсную связь, но вмѣстѣ и въ столкновеніе съ Суздальско-Ростовскою землею и съ владимірскими князьями, получившими первенство въ этой землѣ. Со времени Андрея Боголюбскаго князья эти стремились наложить руку на Новгородъ, стараясь, чтобы въ Новгородѣ были князья изъ ихъ дома и оставались ихъ подручниками. Новгородъ упорно отстаивалъ свою свободу, не никакъ

не могъ развязаться съ владимірскими князьями, потому что въ самомъ Новгородѣ была партія, ради выгодъ тянувшая къ Суздальской землѣ. Къ этому побуждали новгородцевъ ихъ торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бѣдна земледѣльческими произведеніями. Благосостояніе Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущною потребностью находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ такою землею, откуда онъ могъ получать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и разныя сырыя произведенія, служившія предметомъ вывоза за границу, особенно воскъ, и куда, съ своей стороны, новгородцы могли сбывать заморскіе товары. Кіевская Русь приходила въ упадокъ: она была безпрестанно опустошаема кочевниками и сильно разстроена какъ княжескими междоусобіями, такъ и пораженіемъ, нанесеннымъ Кіеву Андреемъ Боголюбскимъ. Суздальско-Ростовская земля, напротивъ, сравнительно съ другими землями, болѣе удалена была отъ нападенія иноплеменниковъ, менѣе страдала отъ междоусобій, приходила въ цвѣтущее состояніе, наполнялась жителями и естественно стала удобнымъ краемъ для торговли. Притомъ же она была сравнительно ближе къ Новгороду другихъ плодородныхъ земель и сообщеніе съ нею представляло болѣе удобствъ. Всякая вражда Новгорода съ князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйствѣ Новгорода и его торговыхъ интересахъ: поэтому-то въ Новгородѣ были всегда богатые и вліятельные люди, хотѣвшіе, во что бы то ни стало, находиться въ ладахъ съ этимъ краемъ. Суздальскіе князья хорошо понимали такую зависимость новгородскихъ интересовъ отъ ихъ владѣній и потому смѣло дозволяли себѣ насильственные поступки по отношенію къ Новгороду. Во все время продолжительнаго княженія суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, Новгородъ не любилъ этого князя, ссорился съ нимъ, но отвязаться отъ него не могъ. Съ своей стороны, Всеволодъ, чтобы не ожесточить новгородцевъ, временами льстилъ ихъ самолюбію, оказывалъ наружное уваженіе къ свободѣ Великаго Новгорода, а потомъ, при случаѣ, заставлялъ ихъ чувствовать свою желѣзную руку. Въ 1209 г., угождая благопріятствующей ему партіи, онъ вывелъ изъ Новгорода старшаго своего сына Константина и послалъ другого сына, Святослава, безъ вольнаго избранія, какъ-будто желая показать, что имѣетъ право назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Но въ Новгородѣ, кромѣ партіи, которая склонялась ради собственныхъ выгодъ къ суздальскому князю, была постоянно противная партія, которая ненавидѣла вообще князей Суздальской земли и не хотѣла, чтобы оттуда приходили князья на княженіе въ Новгородъ. Эта партія взяла тогда верхъ и обратилась на своихъ противниковъ—сторонниковъ суздальскихъ князей. Народъ низложилъ посадника Дмитра, обвинилъ его въ отягощеніи людей, разграбилъ и сжегъ дворы богачей, державшихся изъ корысти суздальской партіи; а Всеволодъ, въ отмщеніе за такую народную расправу, приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его волости, отбирать у нихъ товары, и не велѣлъ пускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 году.

Въ это время какъ бы внезапно является въ Новгородской землѣ торопецкій князь Мстиславъ. Въ древнихъ извѣстіяхъ не видно, чтобы его призывалъ кто-нибудь. Мстиславъ является борцомъ за правду, а правда для Новгорода была сохраненіе его старинной вольности. Зимою

нежданно напалъ Мстиславъ на Торжекъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и новоторжскаго посадника, державшагося суздальской стороны, заковалъ, отправилъ въ Новгородъ и приказалъ сказать новгородцамъ такое слово: „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ къ вамъ, услыхавши, что князья дѣлаютъ вамъ насиліе, жаль мнѣ своей отчины".

Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляетъ умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя побужденія, соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу. Князя Святослава, сына Всеволода, и его дворянъ взяли подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали къ Мстиславу съ честною рѣчью: „Поиди, княже, на столъ".

Мстиславъ явился и съ честью посаженъ на столѣ. Собралось ополченіе Новгородской земли, и онъ повелъ его на Всеволода. „Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ, говорили Всеволоводы послы отъ лица своего князя; отпусти моего сына Святослава и мужей его, а я отпускаю новгородскихъ гостей". Мстиславъ не былъ изъ числа забіякъ, жадныхъ къ дракамъ. Онъ радовался, когда безъ боя дѣлалось то, за что онъ готовъ былъ воевать. Съ обѣихъ сторонъ поцѣловали крестъ. Мстиславъ съ новгородскимъ ополченіемъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши крови.

Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимірѣ Мономахѣ. Никогда отношенія народа къ князю не являются въ такихъ согласныхъ чертахъ. Мстиславъ безкорыстно ратовалъ за новгородскіе интересы; новгородцы помогали Мстиславу въ его ратныхъ дѣлахъ. Мстиславъ ходилъ съ новгородцами на чудь по слѣдамъ отцовскимъ и подчинилъ этотъ народъ Новгороду вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ отдалъ двѣ части ея новгородцамъ, третью—своимъ дворянамъ, а себѣ не взялъ ничего...

Мстиславова натура была не склонна къ постоянному пребыванію въ одномъ мѣстѣ. Было у него слишкомъ много охоты къ трудамъ, опасностямъ и подвигамъ. Между тѣмъ, въ это время явилось къ Мстиславу посольство изъ Польши, куда уже проникла его слава. Краковскій князь Лешко приглашалъ его отнять Галичъ у венгровъ, которые, пользуясь смутами въ Галицкой землѣ, посадили тамъ своего королевича. Къ тому же не по душѣ было Мстиславу и то, что въ Новгородѣ не пала партія, расположенная къ Всеволоду и къ союзу съ Суздальскою землею. Простой народъ любилъ Мстислава, но знатныя фамиліи начали составлять тайныя сонмища и намѣревались изгнать князя. Быть можетъ, эти обстоятельства также побуждали Мстислава оставить тогда Новгородъ. Въ 1215 г. онъ явился на вѣче, поклонился вольному Великому Новгороду и сказалъ: „У меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ". Онъ уѣхалъ въ Галичъ съ дружиною.

И едва только уѣхалъ онъ, какъ суздальская партія, послѣ многихъ преній на вѣчѣ, опять захватила господство. Рѣшено просить княземъ въ Новгородъ сына Всеволодова, Ярослава. Звать его послали посадника, тысяцкаго и десять старѣйшихъ купцовъ. Участіе купцовъ въ посольствѣ показываетъ, что торговые интересы руководили этимъ выборомъ. Ярославъ пріѣхалъ; его встрѣчали съ торжествомъ; самъ архіепископъ, сторонникъ Мстислава, долженъ былъ поневолѣ выходить къ нему на эту почетную встрѣчу.

Тотчасъ же волненія вспыхнули снова. Ярославъ захватилъ своихъ недоброжелателей (Якуна Зуболомича и Өому Доброщинича, новоторжскаго посадника), и въ оковахъ отправилъ въ Тверь; потомъ, по наущенію Ярослава на вѣчѣ, сторонники его разграбили домъ тысяцкаго Якуна, схватили жену его, и князь арестовалъ его сына. Противная ему партія въ отместку преслѣдовала его сторонниковъ; дошло дѣло до убійства: прусы (жители прусской улицы) убили нѣкоторыхъ сторонниковъ Ярослава. Ярославъ огорчился этимъ и уѣхалъ изъ Новгорода въ Торжекъ. Онъ взялъ съ собою бояръ и, одаривъ ихъ, отпустилъ снова въ Новгородъ, вѣроятно, чтобъ имѣть тамъ сторонниковъ. Въ Новгородѣ на Городищѣ оставленъ имъ намѣстникомъ Хоть Григоровичъ. Самъ князь Ярославъ утвердился въ Торжкѣ и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ, средоточіемъ власти надъ всею Новгородскою землею, изъ Торжка сдѣлать Новгородъ. Черезъ Торжекъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пересѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжекъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властью Великаго Новгорода, составлялъ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, и такимъ образомъ князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода. Морозъ побилъ хлѣбъ, сдѣлалась дороговизна: Ярославъ не пускалъ черезъ Торжекъ ни одного воза съ хлѣбомъ, начался голодъ. Его размѣры стали особенно ужасны въ сѣверо-западной странѣ Новгородской земли. Новгородцы посылали звать князя; князь не приходилъ и не отпустилъ послапниковъ. Новгородцы послали къ нему еще разъ съ послѣднею рѣчью: „Иди въ свою отчину ко св. Софіи, а не пойдешь, такъ скажи“. Ярославъ не приходилъ въ Новгородъ и не отвѣчалъ ничего Новгороду, и опять, какъ прежде, не отпустилъ посланныхъ, да вдобавокъ приказалъ задерживать новгородскихъ гостей и оставлять ихъ въ Торжкѣ. И были, говоритъ лѣтописецъ, тогда въ Новгородѣ печаль и вопль.

Осталась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. 11 февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ и тотчасъ заковалъ намѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ въ Ярославовъ дворъ на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: „Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ“. „На жизнь и на смерть съ тобою!“—отвѣчали новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. „Сыну!—говорилъ этотъ посолъ отъ имени своего князя:—отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь!“ Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы не допустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торжкомъ новгородцевъ, которыхъ подозрѣвалъ въ

нерасположенности къ себѣ, приказалъ своей дружинѣ перековать ихъ и отправилъ по разнымъ городамъ. Ихъ имущества и лошади были розданы Ярославовымъ дворянамъ.

Пришла вѣсть объ этомъ въ Новгородъ. Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче въ Ярославовомъ дворѣ, явился посреди новгородцевъ и сказалъ: „Пойдемте, братья! Поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волость вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!“

Мстиславъ былъ не одинъ съ новгородцами. По его призыву стали на помощь Великому Новгороду псковичи съ княземъ Владиміромъ, братомъ Мстислава; двинулись и смольняне съ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ. На счастье новгородцамъ, въ самой Суздальской землѣ послѣ смерти Всеволода Юрьевича, шелъ тогда споръ между старшимъ сыномъ его Константиномъ Ростовскимъ и меньшимъ Юріемъ, которому отецъ, вопреки правамъ старшаго брата, завѣщалъ старѣйшинство въ Суздальской землѣ. Мстиславъ объявилъ, что, защищая новгородское дѣло, онъ въ то же время заступается за правду и въ Суздальской землѣ хочетъ возстановить права старѣйшаго брата.

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1216 г., и черезъ два дня нѣсколько знатныхъ особъ убѣжало къ Ярославу. Новгородцы взяли Зубцовъ и стали на Волгѣ. Тутъ къ нимъ присоединились смольняне. Мстиславъ послалъ отъ себя, отъ союзныхъ князей и отъ всего Великаго Новгорода предлагать Ярославу миръ и управу. Ярославъ отвѣчалъ: „Не хочу мира! идите, когда пришли“. Между тѣмъ, его люди работали засѣки по рѣкѣ Тверцѣ. Новгородцы, услышавъ гордый отвѣтъ, кричали:—„Къ Торжку! къ Торжку!“ „Нѣтъ, отвѣчалъ имъ Мстиславъ! коли пойдемъ на Торжокъ, то опустошимъ новгородскую волость; пойдемте лучше на Тверь въ зажитье“. Ополченіе двинулось къ Твери, стало жечь и грабить. Это заставило Ярослава выйти изъ Торжка къ Твери; новгородцы, преданные ему, въ числѣ сотни человѣкъ, отправлены были въ переднюю сторожу. Мстиславъ провѣдалъ объ этомъ и послалъ противъ нихъ своихъ новгородцевъ. Мстиславовы новгородцы разсѣяли Ярославовыхъ.

Послѣ того Мстиславъ отправилъ смоленскаго боярина Явольда со смольнянами и псковичами къ Константину ростовскому и приказалъ опустошать край по Волгѣ, а самъ съ новгородцами шелъ на саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шекспу и Дубпу; все Поволжье страдало отъ огня. Константинъ ростовскій послалъ къ союзникамъ бояръ и отрядъ ратниковъ. „Князь Константинъ кланяется вамъ и радуется вашему приходу; вотъ вамъ въ помощь пятьсотъ мужей ратныхъ; а ко мнѣ пришлите моего шурина Всеволода“, говорили посланные отъ своего князя. Новгородцы отправили къ нему его шурина Всеволода и продолжали идти по Волгѣ. Но скоро ледъ сталъ таять; они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю: разнесся слухъ, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля у Городища, на рѣкѣ Сарѣ, пришли къ нимъ ростовцы съ княземъ Константиномъ. Союзники отрядили псковичей къ Ростову, а сами всѣмъ ополченіемъ подошли къ Переяславлю. Ярослава тамъ не было. Взятый въ плѣнъ подъ городомъ

человѣкъ сказалъ, что Ярославъ ушелъ къ брату Юрію во Владиміръ, и тамъ готовится большое ополченіе.

Въ самомъ дѣлѣ, вступленіе новгородскаго ополченія въ Суздальскую землю всѣхъ растевелило. Вся сила Суздальской земли вооружилась: изъ селъ погнали земледѣльцевъ; кто конный, кто пѣшій, кто съ оружіемъ, кто съ простой дубиной—шли оборонять свой край.

Мстиславъ съ новгородцами и Володиміръ съ псковичами стояли близь Юрьева, а Константинъ съ ростовцами на рѣкѣ Липицѣ, когда завидѣли они полки суздальскіе, стоявшіе на берегахъ рѣки Гзы. Мстиславъ послалъ къ Юрію новгородскаго сотскаго Ларіона.

„Кланяемся тебѣ,—говорилъ онъ отъ лица Мстислава и Великаго Новгорода:—съ тобой нѣтъ намъ обиды. Обидѣлъ насъ Ярославъ“.

„Мы одинъ братъ съ Ярославомъ“, отвѣчалъ Юрій.

Посолъ обратился къ Ярославу:

„Отпусти нашихъ новгородскихъ мужей и новгородцевъ, отдай назадъ новгородскія волости, что ты занялъ—Волокъ; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, и не станемъ проливать крови“.

„Не хочу мира,—отвѣчалъ Ярославъ:—у меня есть мужи: далеко вы зашли, а вышли—какъ рыбы на сухо!“.

Этотъ гордый тонъ показывалъ, что Ярославъ считалъ заранѣе дѣло новгородцевъ проиграннымъ въ срединѣ Суздальской земли: Ярославъ надѣялся на ожесточеніе народа и готовность къ отпору; суздальцы показывали негодованіе и жажду мести. „Сѣдлами закидаемъ новгородцевъ!“—кричали они. Понравились такія слова князьямъ. Они созвали начальныхъ людей и бояръ и сказали имъ такую рѣчь: „Вотъ примемъ товаръ въ руки. Вамъ будутъ и брони, и кони, и платья, а человѣка живого кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ. Всѣхъ бейте, никому пощады не давайте! Хоть и золотое оплечье на комъ увидишь—убей; не оставимъ живого никого! А кто изъ полку убѣжитъ, и того, кого мы поймаемъ, вѣшать и распинать“.

Они послали въ станъ противниковъ, вызывали на бой и указывали для этого мѣсто у Липицъ. Война эта имѣла видъ судебнаго поединка, гдѣ спорныя стороны повѣряли рѣшеніе своего дѣла суду Божію: сходились на бой на опредѣленное заранѣе мѣсто и въ установленное время, а до боя не боялись ни засады, ни нападенія. Союзники получили вызовъ вечеромъ и дали знать тотчасъ Константину и ростовцамъ.

Пошли къ Липицѣ уже ночью. Суздальскіе полки также потянулись въ походъ. Новгородцы и союзники дошли до Липицы. Стало разсвѣтать. Враговъ, сдѣлавшихъ вызовъ, тамъ не было. Вмѣсто того, чтобы остановиться на полѣ, которое сами выбрали и указали противникамъ, суздальцы перешли лѣсъ и стали по другой его сторонѣ. Новгородцы и ихъ союзники должны были въ свою очередь пройти черезъ лѣсъ и очутились на горѣ, называемой Юрьевой; внизу, въ крутомъ оврагѣ, среди зарослей, протекалъ ручей, а на другой сторонѣ оврага была гора. Тамъ стояло суздальское ополченіе. Внизу суздальцы успѣли уже набить кольевъ и заплести плетень.

Враждебныя полчища созерцали другъ друга при утреннемъ весеннемъ солнцѣ. Битва не начиналась. Въ обоихъ войскахъ играли на трубахъ, заохочивали ратниковъ къ предстоявшей борьбѣ. Мстиславъ сохранялъ видъ, что вышелъ на брань только по крайней необходимости,

что упрямство суздальских князей всему виною, а не драчливость его; еще разъ отправилъ онъ къ соперникамъ посольство, и говорило оно такія рѣчи: „Дайте миръ; а не дадите мира, то сойдите отсюда,— мѣсто здѣсь не для битвы: вы сами звали на Липицы; тамъ ровное поле: зачѣмъ же сами стали не такъ? Либо вы отступите подалѣе на ровное мѣсто, и мы къ вамъ перейдемъ; либо мы отступимъ на Липицы, а вы къ намъ придите!“ Юрій съ гордостью отвѣчалъ: „Мира не принимаю; вы прошли чрезъ нашу землю, такъ развѣ не перейдете черезъ эту заросль? Ступайте, ступайте черезъ болота и черезъ дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ и въ грязяхъ валяться!“

Послѣ такого отвѣта Мстиславъ вызвалъ охотниковъ, удалую молодежь, и пустилъ открывать битву. Молодцы спустились въ оврагъ, съ противоположной горы также соскочили въ оврагъ суздальскіе молодцы; началась схватка. Бились очень усердно,—говоритъ современникъ,—къ тому же тогда сдѣлалось очень холодно. Такъ день прошелъ. Войско Мстислава досадовало, что враги уклоняются отъ боя.

„Пойдемте,—стали говорить тогда въ станѣ,—пойдемте къ Владиміру! враги услышатъ—такъ поневолѣ пойдутъ въ бой!“

Такъ и рѣшили. Рано утромъ, на другой день, войска стали сниматься. Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ станѣ суету и закричали: „Они бѣгутъ! бѣгутъ!“ Толпа суздальцевъ стала сходить съ горы, думая ударить новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ.

Тутъ ростовскій князь сказалъ Мстиславу:

— „Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ въ тылъ возьмутъ; а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города!“

Въ самомъ дѣлѣ, тогда только-что прибылъ изъ Ростова Владиміръ псковскій и извѣщалъ, что ростовцы, какъ увидѣли, что ихъ городъ оставленъ безъ ратныхъ людей, то стали безпокоиться, чтобы непріятели не напали на нихъ и не сожгли ихъ города. Ростовцы въ отрядѣ князя роптали. Отдаляться отъ Ростова, не одержавши побѣды, казалось опасно. Тогда Мстиславъ, выѣхавъ съ князьями передъ войскомъ, громко закричалъ: „Братья! Гора намъ не можетъ помочь, гора и не побѣдитъ насъ. Воззрите на силу честнаго креста и на правду! Пойдемте къ нимъ!“

Одушевленные его словами, союзные князья поскакали по своимъ полкамъ и устанавливали ратныхъ въ боевой порядокъ. Суздальцы увидѣли, что противники ихъ остановились, и сами стали устанавливаться.

Мстиславъ, проѣхавъ передъ рядами, говорилъ:

„Братья! Мы вошли въ землю сильную; воззримъ же на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдемъ; забудемъ, братія, и женъ, и дѣтей, и дома свои; идите на бой, кто какъ хочетъ: кто на конѣ, кто пѣшій!“

На коняхъ трудно было сражаться, потому-что надобно было сходить въ оврагъ, а потомъ лѣзть на гору. „Мы на коняхъ не поѣдемъ, сказали новгородцы, мы на коняхъ не хотимъ умирать; мы пойдемъ пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ“. Въ порывѣ удальства они сбросили съ себя и сапоги, и верхнее платье, и босые бросились съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали и смольняне. Съ противной горы первые сбѣжали Ярославовы люди. Смольняне прибавили шагу и опередили новгородцевъ; за ними прибѣжали новгородцы; они, въ пылу воен-

ной охоты, сцѣпились съ непріятелемъ въ оврагѣ, начали вырывать у суздальцевъ изъ рукъ дубины и топоры; потомъ подоспѣли къ нимъ смольняне, но съ противной горы спустились еще свѣжія силы. Закипѣла схватка. Мстиславъ увидѣлъ, что молодцы зашли далеко; удалой князь закричалъ своимъ! „Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!“

Тогда всѣ полки съ крикомъ дружно бросились внизъ, перескочили черезъ оврагъ, быстро вскочили на гору и единодушно ударили на суздальское ополченіе. Суздальцы попятились, побѣжали и Юрій, и Ярославъ, и муромскіе князья. Но то была хитрость. Они покинули свои коши съ надеждою, что новгородцы и ихъ союзники начнутъ грабить обозъ, и тутъ можно будетъ оборотиться и ударить на нихъ. Но Мстиславъ догадался, въ чемъ дѣло. „Братья! — закричалъ онъ: — не пристойте корысти, а пристойте бою! А не то, они обратятся на насъ и изомнутъ насъ“.

Рать повиновалась. Бросились вслѣдъ за врагами. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, поражая ратниковъ топоромъ, который у него висѣлъ на рукѣ. Суздальцы увидѣли, что хитрости ихъ не удаются: новгородцы не останавливалались надъ кошами и преслѣдовали суздальцевъ. Главное суздальское войско побѣжало; обратился по слѣдамъ его и Ярославъ къ своимъ кошамъ, и все пошло вразсыпную. Тогда много пало ихъ подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ, много ихъ утонуло во время побѣга. Суздальцы были тогда разбиты на голову. Побѣда эта произошла 21 апрѣля 1216 г., въ четвертокъ второй недѣли послѣ Пасхи.

Бѣглецы скрывались каждый въ своемъ городѣ: кто бѣжалъ въ Переяславль, кто въ Суздаль, кто въ Юрьевъ. Князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ въ полдень. Въ городѣ оставались одни попы, чернецы, женщины и дѣти,—все народъ невоинственный: какъ они увидѣли бѣгущихъ, то сначала обрадовались; думали, что это возвращаются побѣдители. Но какъ только вбѣжали владимірцы въ свой городъ, тотчасъ закричали: „Твердите городъ!“ И тогда вмѣсто веселья сдѣлался плачъ. Усилился этотъ плачъ ввечеру, когда сходились съ несчастнаго побоища раненые воины, и всю ночь потомъ сходились они въ городъ.

На другое утро князь собралъ вѣче: „Братья владимірцы, — говорилъ онъ имъ:—затворимся въ городѣ, станемъ отъ нихъ отбиваться!“— „Съ кѣмъ затворимся, княже Юріе?—возразили ему:—братья наша избита; другіе въ плѣнъ взяты, да и тѣ, что прибѣжали съ бою, безъ оружія; съ кѣмъ станемъ на бой?“

„Я все это знаю, сказалъ Юрій:—прошу васъ только, не выдайте меня ни Константину, моему брату, ни Мстиславу; лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города?“

Володимірцы обѣщали. Союзники цѣлый день простояли на побоищѣ и уже на другой день отправились ко Владиміру. Они подошли къ нему въ воскресенье, 29-го апрѣля, и объѣхали его кругомъ.

Князь Юрій прислалъ къ союзникамъ съ челобитьемъ: „Потерпите сегодня, завтра я выйду изъ города“.

Утромъ князь Юрій вышелъ съ сыновьями въ непріятельскій лагерь и, поклонившись Мстиславу и смоленскому князю, сказалъ: „Кланяюсь, братія! а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!“

Мстиславъ съ товарищами разсудили такъ: князю Константину слѣ-

дуетъ вступить во Владиміръ, а Юрію вѣдать Городецъ. Сейчасъ изготовили ладьи и посады, сѣли въ нихъ дружины княжескія и люди. Одна ладья ожидала Юрія съ его женой. Юрій въ послѣдній разъ помолился въ церкви Богородицы и плакалъ у отеческаго гроба. „Суди Богъ, сказалъ онъ, брату моему Ярославу; это онъ довелъ меня до сего!"

И онъ сѣлъ на ладью съ княгинею. Отправился съ нимъ и владыка. И потянулась за князьями вереница судовъ съ изгнанниками на новоселье. Сборы ихъ, видно, были невелики. Между тѣмъ, гонецъ бѣжалъ извѣщать Константина ростовскаго и звать его на столъ. Константина ожидала торжественная встрѣча: священническій чинъ со крестами, бояре и люди должны были выказывать радость; Константинъ одарилъ ихъ щедро. По обряду посадили его на столѣ, и всѣ владимірцы цѣловали крестъ новому князю.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища убѣжалъ въ Переяславль и въ первомъ порывѣ досады приказалъ перековать всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какихъ можно было найти въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ, и засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы. Союзники пошли на него въ Переяславль. Вмѣстѣ съ ними отправился съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ вышелъ самъ изъ Переяславля и добровольно явился къ брату своему Константину. „Я въ твоей волѣ,— сказалъ онъ:—но не выдавай меня Мстиславу".

На другой день прибылъ Мстиславъ до того мѣста, куда впередъ дошелъ Константинъ. Онъ согласился примириться, но потребовалъ, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные новгородцы были выпущены на свободу и доставлены къ нему. Ярославъ долженъ былъ исполнить требованія побѣдителя. Мстиславъ не отпустилъ своей дочери къ мужу и, наказавъ его презрѣніемъ, уѣхалъ.

Этою побѣдоносною войною Мстиславъ утвердилъ за Новгородомъ высокое нравственное значеніе и показалъ, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность. Ни одинъ князь не сдѣлалъ того для новгородцевъ, что сдѣлалъ для нихъ Мстиславъ Удалый.

Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 году онъ снова и уже навсегда попрощался съ нимъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, удалой князь сказалъ вольнымъ дѣтямъ Великаго Новгорода: „Кланяюсь святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Дай Богъ лечь близъ отца моего у святыя Софіи!" Новгородцы упрашивали его остаться. Все было напрасно. Онъ уѣхалъ въ Галичъ, и не привелъ ему Богъ ни увидѣть Новгорода, ни костямъ его лечь подъ сводами св. Софіи.

LX. ОТНОШЕНІЯ ПСКОВА КЪ НОВГОРОДУ И ПОСТЕПЕННОЕ ПРІОБРѢТЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВОМЪ.

(Составлено по соч. Бѣляева: „Исторія города Пскова и Псковской земли" и соч. Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова").

Псковъ, родина великой княгини Ольги, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ пригородовъ Новгорода Великаго. Построенный еще въ доисторическія времена новгородской земли и на самомъ боевомъ мѣстѣ, на межѣ новгородскихъ владѣній съ землями чуди, летголы и литвы, дѣлавшихъ частые набѣги на новгородскія владѣнія, Псковъ естественно долженъ былъ находиться въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своею метрополіею, Новгородомъ, чтобы постоянно имѣть поддержку въ борьбѣ съ воинственными сосѣдями; и, дѣйствительно, такая тѣсная связь между Псковомъ и Новгородомъ продолжалась, начиная съ 903 г., въ который впервые лѣтопись упоминаетъ о Псковѣ, въ теченіе болѣе 500 лѣтъ. Во все это долгое время Псковъ жилъ одною жизнью съ Новгородомъ: событія новгородскія были въ то же время и событіями псковскими, войны новгородскія были вмѣстѣ и войнами Пскова; князья новгородскіе—князьями псковскими; одни и тѣ же боярскія фамиліи заправляли дѣлами и во Псковѣ, и въ Новгородѣ, такъ что новгородскіе посадники переводились во Псковъ и наоборотъ—псковскіе въ Новгородъ; смятенія и нестроенія въ Новгородѣ отражались смятеніями и нестроеніями во Псковѣ; словомъ, всякая перемѣна въ общественномъ строѣ въ Новгородѣ вызывала соотвѣтственную перемѣну и во Псковѣ. Главная и существенная разница между Новгородомъ и Псковомъ состояла въ томъ, что Псковъ былъ колонія Новгорода, а Новгородъ—метрополія Пскова, и что Псковъ стоялъ на окраинѣ новгородской земли, прямо лицомъ къ сосѣднимъ немирнымъ иноплеменникамъ, а Новгородъ лежалъ внутри новгородскихъ владѣній среди племенъ мирныхъ и покорныхъ. Это-то положеніе Пскова на границѣ новгородскихъ колоній съ землями чуди, летголы и литвы, упорно противившихся новгородской колонизаціи и отличавшихся характеромъ, если не завоевательнымъ, то грабительскимъ, дало Пскову особенное значеніе и надолго опредѣлило его историческій характеръ, какъ сторожевого бойца, постоянно обязаннаго отражать первые удары враговъ. Новгородъ смотрѣлъ на Псковъ, какъ на стража-оберегателя югозападной окраины новгородскихъ владѣній, и съ этой точки зрѣнія опредѣлялъ свои отношенія къ нему. Точно также и Псковъ понималъ свое историческое значеніе и по мѣрѣ силъ выполнялъ его. Такимъ образомъ, особенность географическаго и стратегическаго положенія Пскова и разница въ этомъ отношеніи отъ Новгорода незамѣтно сообщила Пскову особый характеръ, по которому онъ впослѣдствіи необходимо долженъ былъ отдѣлиться отъ Новгорода и устроить свою жизнь своеобразно, не по-новгородски.

Значеніе Пскова, какъ передового бойца за Русскую землю и крайняго торговаго центра на западѣ, отражалось какъ на внѣшнемъ его видѣ и внутреннемъ устройствѣ, такъ равно и на характерѣ отношеній къ Великому Новгороду. Хотя въ управленіи Псковомъ послѣдній въ

первоначальное время нимало не отступалъ отъ обыкновеннаго пригородскаго порядка, посылалъ туда для завѣдыванія дѣлами княжихъ людей или же новгородскихъ посадниковъ, тѣмъ не менѣе это господство старѣйшаго города значительно смягчалось тѣмъ участіемъ въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, которое было открыто для каждаго пригорода, но которымъ Псковъ, благодаря своему значенію и благопріятнымъ обстоятельствамъ, пользовался въ большемъ, сравнительно съ другими пригородами, размѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, защита своей родины отъ внѣшнихъ враговъ еще не на столько поглощала вниманіе псковичей, чтобы вызвать въ нихъ сознаніе своей мѣстной особенности отъ Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преслѣдованіе однихъ только своихъ интересовъ и цѣлей; напротивъ того, до XIII ст. псковичи не отдѣляли себя отъ новгородцевъ, чувствовали себя еще вполнѣ гражданами Великаго Новгорода и старались выражать свое тождество съ послѣдними постояннымъ появленіемъ на новгородскомъ вѣчѣ и участіемъ въ рѣшеніи вопросовъ, занимавшихъ Новгородъ,—тѣмъ болѣе, что, въ качествѣ богатаго торговаго центра, псковичи имѣли возможность посѣщать Новгородъ весьма часто и даже держали тамъ свой постоянный торговый дворъ. Съ другой стороны, общая опасность, угрожавшая новгородцамъ и псковичамъ со стороны чуди, литвы и летголы, и упорное сопротивленіе, оказываемое ими распространенію новгородской и псковской колонизаціи въ землѣ ихъ, также поддерживали общность и солидарность между новгородцами и псковичами. Такъ мы видимъ, что въ началѣ XII ст. новгородцы и псковичи, чтобы прекратить мелкіе набѣги своихъ немирныхъ сосѣдей и пооблегчить колонизацію чудскаго края, предпринимаютъ сообща цѣлый рядъ походовъ въ чудскую землю подъ предводительствомъ знаменитаго и любимаго новгородцами князя Мстислава Владиміровича. Такъ какъ эти походы, не смотря на свой успѣхъ, не успокоили псковскихъ границъ и чудь и ливь въ скоромъ времени успѣли завладѣть русскимъ городомъ Юрьевымъ Ливонскимъ, опорнымъ пунктомъ для новгородскихъ и псковскихъ колоній въ Чудской землѣ, то новгородцы и псковичи, спустя 14 лѣтъ послѣ Мстиславова похода, вынуждены были предпринять рядъ новыхъ походовъ противъ общаго врага и, дѣйствительно, въ 1130 и 1133 гг. предприняли походы на чудь подъ предводительствомъ князя новгородскаго, Всеволода Мстиславича. Послѣдній походъ увѣнчался значительнымъ успѣхомъ: новгородцы и псковичи не только побили чудь и ливь, но даже возвратили потерянный городъ Юрьевъ, важный передовой пунктъ Новгорода и Пскова въ чудскомъ краю.

Если бы новгородцы и псковичи продолжали дѣйствовать съ большею настойчивостью или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ дѣйствовали при Мстиславѣ и Всеволодѣ, то, по всему вѣроятію, ливи, чуди и летголѣ пришлось бы оставить безполезное сопротивленіе и дать свободный ходъ развитію новгородской колонизаціи въ ихъ краю. Но съ 1137 г. у новгородцевъ началась рознь, которая вскорѣ перешла и во Псковъ. Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи,—одна противъ князя Всеволода, а другая за него, и первая одержала верхъ и успѣла выгнать Всеволода, а вторая потерпѣла пораженіе и удалилась во Псковъ, куда пригласила и Всеволода. Псковичи, руководимые укрывшимися у нихъ новгородскими боярами и довольные недавними походами Всеволода въ Чудскую землю, которые особенно были выгодны для Пскова, охотно приняли сторону

этого князя и рѣшились защищать его во что бы то ни стало, загородили всѣ пути и приняли такое твердое положеніе, что торжествующая новгородская партія, уже выступившая съ тѣмъ, чтобы выгнать Всеволода изъ Пскова, должна была воротиться назадъ. Чѣмъ бы кончилось это междоусобіе, неизвѣстно, такъ какъ Всеволодъ вскорѣ скончался во Псковѣ. Тѣмъ не менѣе псковичи, поддерживаемые и руководимые удалившеюся къ нимъ партіей новгородскихъ бояръ, не хотѣли уступить партіи, распоряжавшейся въ Новгородѣ, и объявили своимъ княземъ бывшаго у нихъ въ то время Всеволодова брата, Святополка Мстиславича, и стали въ такое грозное положеніе, что одинъ разъ новгородцы ожидали ихъ нападенія на самый Новгородъ. Между тѣмъ, въ поддержаніе Святополка и псковичей всѣ князья, родственники Всеволода, вооружились на новгородцевъ, загородили всѣ пути, по которымъ проходили обозы съ хлѣбомъ, и стали морить Новгородъ голодомъ, такъ что новгородцы принуждены были отказаться отъ выбраннаго ими князя Святослава Ольговича и принять къ себѣ князя отъ Юрія Суздальскаго, его сына Ростислава; затѣмъ псковичи примирились съ Новгородомъ, оставивъ, впрочемъ, у себя отдѣльнаго князя, Святополка Мстиславича. Вслѣдъ за примиреніемъ воротились въ Новгородъ и сторонники Всеволода, укрывавшіеся до того времени во Псковѣ; они, дѣйствуя заодно съ псковичами, скоро побѣдили противную партію, отказали Ростиславу и привели Святополка въ Новгородъ въ 1142 г. Такимъ образомъ, псковичи съ новгородцами опять соединились подъ однимъ княземъ. Это скорое примиреніе показываетъ, что псковичи во время этихъ споровъ дѣйствовали не самостоятельно, а подъ вліяніемъ новгородской же партіи бояръ, милостивцевъ Всеволода. И какъ скоро эта партія ввела своего князя въ Новгородъ, то и Псковъ замолчалъ и даже не заикнулся объ отдѣленіи отъ Новгорода. Отсюда ясно, что собственно псковскихъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ новгородскихъ, тогда еще не было, или, по крайней мѣрѣ, они стояли на заднемъ планѣ, и псковичи были еще такъ тѣсно связаны съ Новгородомъ, какъ своею метрополіею, и на столько не сложились въ отдѣльное независимое цѣлое, что не могли или не рѣшались дѣйствовать иначе, какъ подъ руководствомъ и при поддержкѣ хотя какой-либо партіи изъ Новгорода.

Такимъ образомъ, борьба новгородскихъ партій, въ которой и псковичи принимали большое участіе, вертѣлась, главнымъ образомъ, на доставленіи торжества тому или другому лицу изъ претендентовъ на новгородскій княжескій столъ; потому-то, удаляясь послѣ пораженія на новгородскомъ вѣчѣ во Псковъ съ своими новгородскими единомышленниками, старались привлечь туда же и поддерживаемаго ими претендента, въ надеждѣ посадить его на новгородскій столъ въ ближайшемъ будущемъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, во Псковѣ, какъ мы видѣли, неожиданно появлялся отдѣльный князь и успѣшно держался тамъ, не смотря на все негодованіе старѣйшаго города; но было бы, однако, совершенно неосновательно считать подобнаго князя за псковскаго и искать въ этомъ фактѣ какой-либо перемѣны въ псковскомъ устройствѣ. Подобные князья, какъ Всеволодъ Мстиславичъ и его братъ Святополкъ, и во Псковѣ оставались ничѣмъ инымъ, какъ *претендентами* на новгородскій столъ, призывались во Псковъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ княжить, а чтобы перейти при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ самый Новгородъ, дер-

жались тамъ не одними псковичами, но и новгородскою партіею, и скоро оставляли Псковъ, если дѣла въ Новгородѣ долго не принимали благопріятнаго для нихъ оборота, послѣ чего первый самъ собою снова возвращался въ разрядъ простыхъ новгородскихъ пригородовъ.

Подобно всѣмъ пригородскимъ князьямъ, и псковскій князь былъ ничѣмъ инымъ, какъ кормленщикомъ, получавшимъ съ Псковской области хлѣбъ и обязаннымъ за то защищать послѣднюю при помощи своей дружины отъ внезапныхъ непріятельскихъ нашествій. Но главнымъ источникомъ для доходовъ князя служилъ въ древней Руси судъ, который составлялъ естественную принадлежность и псковскаго кормленщика. Новгородцамъ приходилось заботиться только о томъ, чтобы при сборѣ судебныхъ пошлинъ князь не выступалъ изъ опредѣленныхъ предѣловъ. Поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что на судѣ псковскаго князя присутствовали псковскій посадникъ и сотскіе; посадникъ, какъ и князь, присылался во Псковъ изъ Новгорода, а сотскіе, которыхъ во Псковѣ было нѣсколько, представляли собою выборныхъ мѣстныхъ людей. Такимъ образомъ, въ званіи сотскихъ во Псковѣ впервые правительственнымъ лицамъ, назначаемымъ изъ старѣйшаго города, противоставлялся мѣстный элементъ: князь и посадникъ были для псковичей людьми совершенно чужими, тогда какъ сотскіе—своею братьею, согражданами; поэтому сотскіе, какъ псковичи, естественно дѣлались коноводами мѣстныхъ жителей въ случаѣ столкновеній ихъ съ властями старѣйшаго города, особенно въ случаѣ назначенія послѣднимъ князей, неугодныхъ Пскову.

Если назначеніемъ своихъ подручныхъ князей новгородцы и усиливали нѣсколько оборонительныя средства Пскова, за то одновременно съ этимъ, и даже въ большемъ размѣрѣ, усиливались и внѣшнія затрудненія послѣдняго: къ числу его старыхъ враговъ, чуди, ливи и летголы, присоединился еще со второй половины XII в. новый и притомъ гораздо болѣе опасный врагъ—нѣмцы, врагъ, поддерживаемый строго организованнымъ военно-религіознымъ братствомъ подъ именемъ рыцарей меча, или ордена меченосцевъ, и притомъ такой врагъ, который постоянно подкрѣплялъ и пополнялъ убыль своихъ воиновъ и колонистовъ наплывомъ пришельцевъ изъ разныхъ краевъ Германіи, которые толпами шли въ Ливонію по зову папы крестить язычниковъ. Но вмѣсто того, чтобы принять рѣшительныя мѣры противъ новаго врага и прочно установить отношенія всей земли своей къ западнымъ сосѣдямъ, Новгородъ ограничивалъ свою дѣятельность по защитѣ страны совершеніемъ отдѣльныхъ походовъ на непріятеля, опустошеніемъ сосѣднихъ земель и полученіемъ богатой дани, полагая, что враги затѣмъ не посмѣютъ болѣе нападать на Псковскую область. Но едва только полки новгородскіе удалялись на родину, какъ псковичамъ, въ свою очередь, приходилось дѣлаться добычею непріятеля и подвергаться неоднократнымъ вторженіямъ, которыя принимали тѣмъ болѣе грозный характеръ, что новый врагъ ихъ, нѣмцы, не ограничивался, подобно Новгороду, однимъ сборомъ богатой добычи, а старался стать твердой ногой на самой псковской землѣ и даже, при помощи новгородца Твердила Иванковича, успѣлъ на время проникнуть въ самый Псковъ и посадить тамъ своихъ тіуновъ; только благодаря мужеству Александра Невскаго, псковичамъ удалось избавиться отъ ига послѣднихъ. Такимъ образомъ, борьба съ сосѣдними народами, составлявшая одинаковую задачу какъ для Новгорода, такъ и

для Пскова, сопровождалась для нихъ совершенно различными результатами: новгородцы выходили изъ борьбы съ богатою добычею, которую и спѣшили подѣлить между собою и княжескою дружиной, тогда какъ псковичамъ, забываемымъ обыкновенно при дѣлежѣ дани, приходилось только нести месть со стороны ограбленныхъ новгородцами сосѣдей. Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, отношенія Пскова къ Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ, что псковичи, будучи плохо обороняемы новгородцами, естественно должны были придти къ сознанію своей мѣстной особенности, къ необходимости искать въ самихъ себѣ средствъ къ защитѣ и прежде всего устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такъ какъ посѣщеніе вѣча, въ виду постоянной опасности, сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Но сознаніе мѣстной особности не могло не отозваться какъ на отношеніяхъ Пскова къ Новгороду, такъ и на самомъ составѣ вліятельнаго во Псковѣ элемента. До сихъ поръ, вслѣдствіе общности интересовъ псковичей съ новгородцами, въ псковской жизни немалымъ вліяніемъ пользовались новгородскіе изгнанники; теперь же, съ отреченіемъ псковичей отъ участія въ дѣлахъ новгородскаго вѣча, такое вліяніе сдѣлалось неумѣстнымъ, а потому съ этого времени самъ собою прекратился приливъ во Псковъ новгородскихъ изгнанниковъ—тѣмъ болѣе, что послѣдніе слишкомъ эгоистично преслѣдовали свои личныя цѣли и для осуществленія ихъ не пренебрегали даже наведеніемъ на Псковъ иноземцевъ. Такъ приверженцы новгородца Бориса Нѣгоцевича, изгнанные изъ Пскова по случаю примиренія послѣднихъ съ Новгородомъ, овладѣли въ 1233 г. пригородомъ Пскова Изборскомъ, при помощи князя Ярослава Владиміровича и нѣмцевъ, а новгородецъ Твердило Иванковичъ, явившись во Псковъ изгнанникомъ, а можетъ быть и новгородскимъ пригородскимъ посадникомъ, навелъ нѣмцевъ даже на самый Псковъ и сталъ управлять ими отъ имени нѣмцевъ. Псковъ чуть не сдѣлался нѣмецкою провинціею. Но не даромъ псковичи перенесли этотъ тяжелый опытъ: они поняли, что жить такъ, какъ они жили до того времени, не годится, что надо начинать новую жизнь, и начали съ того, что не только окончательно раздѣлились съ руководившею ихъ до того времени, новгородскою партіей бояръ, но и на своихъ псковскихъ бояръ стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на нихъ прежде. Измѣнническая передача Пскова нѣмцамъ въ 1240 г. совершенно измѣнила отношенія вѣча къ боярамъ и выборнымъ или присылаемымъ изъ Новгорода властямъ. Бояре, большею частью друзья и родственники новгородской партіи, сдавшей Псковъ нѣмцамъ и сами замѣшанные въ этой сдачѣ, естественно лишились того довѣрія, которымъ такъ долго пользовались у псковскаго вѣча; выборныя или присланныя изъ Новгорода власти, не умѣвшія или не хотѣвшія открыть измѣну и тѣмъ спасти Псковъ отъ нѣмцевъ, подверглись той же участи, какъ и псковскіе бояре. Псковское вѣче, не вступая въ борьбу ни съ тѣми, ни съ другими, и даже не преслѣдуя тѣхъ, участіе которыхъ въ измѣнѣ было извѣстно, сдѣлало только то, что перестало признавать ихъ своими руководителями и голоса ихъ сравняло съ голосами меньшихъ людей; такъ что преобладаніе на псковскомъ вѣчѣ стало мало-по-малу переходить на сторону послѣднихъ, и Псковъ мало-по-малу обратился въ чисто-демократическую общину, хотя и не унич-

тожилъ у себя аристократіи и ей преимущественно предоставилъ важное право выборной службы. Псковичамъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что псковская аристократія въ прежнее время держалась преимущественно новгородской боярскою партіею и, по пораженіи этой партіи, потеряла эту главнѣйшую свою опору.

Устраненіе отъ дѣятельнаго участія въ новгородской жизни не могло не отразиться и на самомъ взглядѣ псковичей на новгородское владычество. До сихъ поръ за подчиненіе свое Новгороду псковичи вознаграждались только тѣмъ вліяніемъ, которое оказывали они на дѣла новгородскаго вѣча; естественно, что когда возможность вліянія была устранена, тогда и самое господство Новгорода теряло въ глазахъ псковичей значительную долю своей законности и превращалось въ простое внѣшнее иго. Особенно отяготительными были для Пскова, какъ для пригорода, права старѣйшаго города призывать пригорожанъ къ себѣ па судъ въ Новгородъ и посылать оттуда во Псковъ своихъ намѣстниковъ: первое—потому что отрывало псковичей отъ мѣстной дѣятельности; второе же—потому что присланные изъ Новгорода намѣстники рѣдко отвѣчали желаніямъ и нуждамъ псковичей. Поэтому, какъ бы въ вознагражденіе за утрату своего вліянія въ Новгородѣ, псковичи начинаютъ теперь стремиться къ пріобрѣтенію вліянія на ходъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ и заявлять о своихъ притязаніяхъ на право участія въ избраніи собственныхъ князей, первоначально, правда, не болѣе какъ въ формѣ простой просьбы: они начинаютъ выражать предъ новгородскимъ княземъ свое желаніе имѣть новгородскимъ намѣстникомъ то или другое лицо изъ окружавшей его свиты. Но такъ какъ, прося, они могли и не получить тѣхъ лицъ, которыхъ просили, или получить другихъ, то съ теченіемъ времени псковичи уже сами начинаютъ выбирать своихъ князей, не справляясь нимало съ желаніями Новгорода.

Не смотря на этотъ несомнѣнный поворотъ въ событіяхъ, не слѣдуетъ, однакожъ, преувеличивать значеніе этого поворота, видѣть въ немъ доказательство утвержденія во Псковѣ самобытности: съ этимъ поворотомъ нимало не связывалось не только никакого измѣненія въ существенномъ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, но даже простой перемѣны въ отношеніяхъ псковскихъ князей къ Новгороду. Псковъ попрежнему оставался новгородскимъ пригородомъ, равно какъ и князья его продолжали носить характеръ новгородскихъ намѣстниковъ; измѣнился только одинъ способъ назначенія этихъ намѣстниковъ: вмѣсто присылки изъ Новгорода, намѣстники стали теперь по временамъ и выборными—послѣдняя уступка, которою Новгородъ старался удержать свою власть надъ пригородами. Дѣйствительно, постоянныя неудовольствія, которыя возбуждало противъ себя усиленіе новгородскаго вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, нерѣдко заставляли новгородцевъ, тревожимыхъ вдобавокъ вѣчными интригами своихъ партій, не только смотрѣть сквозь пальцы на проявленіе мѣстной самостоятельности, именно на отказъ пригородовъ принимать новгородскихъ посадниковъ, на изгнаніе присланныхъ изъ Новгорода властей и на безчестіе ихъ свиты, но даже допускать и положительное вмѣшательство пригородовъ въ сферу собственныхъ распоряженій, въ самое назначеніе областныхъ правителей. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто преслѣдованія князей, самовольно избранныхъ въ пригородахъ, новгородцы предпочитали временами признавать ихъ своими па-

мѣстниками, чтобы только не возбуждать въ пригородѣ бунта и нимало не рисковать цѣлостью своей территоріи, тѣмъ болѣе, что чрезъ это признаніе они сохраняли за собою право назначенія вновь, по смерти или удаленіи выборнаго князя, своихъ собственныхъ намѣстниковъ. Въ примѣръ князей, носившихъ во Псковѣ характеръ выборныхъ новгородскихъ намѣстниковъ и получившихъ признаніе со стороны Новгорода, можетъ быть приведенъ Довмонтъ, княжившій во Псковѣ почти всю вторую половину XIII ст. Довмонтъ былъ литовскій выходецъ, котораго псковичи, послѣ изгнанія новгородскаго намѣстника Святослава Ярославича, посадили на свой столъ, не спросясь у Новгорода. Это случилось вотъ какъ: когда въ Литвѣ въ 1263 г. былъ убитъ своими родственниками великій князь литовскій Миндовгъ, и между его родственниками началась страшная рѣзня, которая заставила многихъ знатныхъ литовцевъ бѣжать изъ отечества въ чужія страны, то въ числѣ такихъ бѣглецовъ въ 1266 г. пришелъ во Псковъ князь Довмонтъ съ своею дружиною въ 300 чел. и со всѣми ихъ семействами, ища себѣ пріюта и спасая свою голову отъ злыхъ враговъ. Псковичи и тогдашній ихъ князь Святославъ радушно приняли Довмонта и его дружину, убѣдили ихъ оставить языческую вѣру и принять святое крещеніе, на что они и согласились, и Довмонтъ въ св. крещеніи получилъ имя Тимоѳея. Затѣмъ псковское вѣче, поразмысливши, что съ безпріютнымъ и непритязательнымъ Довмонтомъ будетъ легче ладить, чѣмъ съ великокняжескимъ сыномъ Святославомъ, имѣвшимъ опору въ своемъ отцѣ, посадило Довмонта на псковскій престолъ, а Святослава попросило оставить Псковъ. Довмонтъ былъ именно такимъ княземъ, въ какомъ нуждался Псковъ. Съ одной стороны, беззавѣтная храбрость, несправлявшаяся о числѣ враговъ, и умѣніе вести военныя дѣла ставили Довмонта незамѣнимымъ бойцомъ за землю псковскую и ея свободу, а съ другой стороны, безпріютное положеніе Довмонта и самый его характеръ, тихій и уступчивый, обезпечивали псковское вѣче отъ притязаній княжеской власти. Поэтому 34-лѣтнее безпрерывное княженіе Довмонта было самымъ блестящимъ временемъ во всей псковской исторіи. Князь Ярославъ, братъ изгнаннаго псковичами Святослава, совѣтовалъ новгородцамъ идти на Псковъ для изгнанія Довмонта; но новгородцы не послѣдовали совѣту Ярослава и предпочли признать Довмонта своимъ намѣстникомъ,—тѣмъ болѣе, что удачною борьбою съ сосѣдями, именно литовцами и особенно съ нѣмцами, Довмонтъ уже на первыхъ порахъ не только успѣлъ оправдать мѣткость выбора псковичей, но и сдѣлалъ весьма желательнымъ признаніе его княземъ со стороны самого Новгорода. И дѣйствительно, безустанной борьбой за свое новое отечество Довмонтъ не только запечатлѣлъ надолго въ памяти псковичей свой идеальный образъ, но даже въ самомъ Новгородѣ оставилъ по себѣ славу неутомимаго труженика за св. Софію и св. Троицу. Оттого со смертью Довмонта самъ собою возстановился старый порядокъ во Псковѣ: вновь вмѣсто выборныхъ князей являются намѣстники, назначаемые Новгородомъ. Въ началѣ XIV ст. и посадники во Псковѣ дѣлаются выборными; но между тѣмъ, какъ княжеское званіе, со смертью выборнаго князя, легко теряло свой выборный характеръ, посадничество сохраняло усвоенную имъ новую форму даже и при новгородскихъ намѣстникахъ: въ примѣръ можно

указать на посадника Бориса, семья котораго и впослѣдствіи доставляла Пскову посадниковъ.

Такимъ образомъ, вплоть до конца первой четверти XIV в. новгородцы умѣли сохранить за собою власть надъ Псковомъ и въ управленіи послѣднимъ мало въ чемъ отступали отъ обыкновеннаго областного порядка, посылали туда своихъ посадниковъ и служебныхъ князей, какъ и во всѣ остальные пригороды; а если временами и случалось, что во Псковѣ появлялись князья, повидимому, независимые отъ Новгорода, то такіе князья были ничѣмъ инымъ, какъ претендентами на новгородскій столъ, какъ напр. Святополкъ Мстиславичъ, или же тотчасъ послѣ своего избранія псковичами получали признаніе со стороны Новгорода, какъ Довмонтъ. Признанію выборныхъ князей псковскихъ новгородскими намѣстниками содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что первые были обыкновенно изгнанниками, порвавшими всякую связь съ родиной и потому необязывавшими псковичей никакою зависимостью, трудно соединимою съ ихъ подчиненіемъ В. Новгороду. Но лишь только псковичи, для которыхъ князья-изгнанники представляли весьма мало выгодъ, такъ какъ все значеніе ихъ заключалось въ ихъ личной храбрости и дружинѣ, не всегда значительной, стали въ началѣ XIV в. выбирать себѣ князей изъ Литвы, въ надеждѣ получить оттуда вмѣстѣ съ княземъ и военную помощь, то тотчасъ же отношенія псковичей къ Новгороду должны были подвергнуться существенной перемѣнѣ. Помѣщеніе на псковскомъ столѣ князей, призванныхъ изъ Литвы, не только дѣлало невозможнымъ признаніе ихъ новгородскими намѣстниками, но и ставило псковичей въ нѣкоторую зависимость отъ великихъ князей литовскихъ, такъ что послѣдніе съ этихъ поръ начинаютъ уже считать Псковъ въ числѣ своихъ русскихъ владѣній. Такимъ образомъ, ходомъ всей своей предшествующей исторіи Псковъ, повидимому, былъ приведенъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которыми въ другихъ пригородахъ обыкновенно обнаруживались неудовольствія противъ старѣйшаго города, т. е. къ передачѣ подъ защиту какого-либо сосѣдняго владѣльца; однако, въ сущности, появленіе во Псковѣ литовскихъ князей, изъ которыхъ первымъ былъ кажется, нѣкій Давыдко въ 1323 г., имѣло смыслъ не столько подчиненія Литвѣ, сколько вызова старшему брату, было равнозначительно съ провозглашеніемъ полнаго разрыва съ Новгородомъ. Потому и новгородцы отвѣчали на принятіе Давыдка заключеніемъ дружбы съ нѣмцами и противопоставленіемъ союзу псковичей съ Литвою собственнаго союза съ нѣмцами, имѣвшаго цѣлью принудить Псковъ отстать отъ литовцевъ и воротиться снова подъ новгородскую опеку. Въ этой борьбѣ, представляющей послѣдній актъ во взаимныхъ отношеніяхъ пригородовъ и старѣйшаго города и продолжавшейся около 20 лѣтъ, вѣроятность успѣха первоначально была почти вся на сторонѣ Новгорода, такъ что заранѣе никакъ нельзя было предугадать ея конечнаго исхода; но уже въ скоромъ времени собственная слабость Новгорода, раздѣленіе его на враждовавшія между собою партіи, особенно же недостатокъ силъ для защиты своей земли отъ сосѣднихъ народовъ,—причины, уже и раньше содѣйствовавшія развитію во Псковѣ мѣстной самодѣятельности, — привели къ окончательному улаженію долгихъ недоразумѣній со Псковомъ и къ признанію самобытности послѣдняго старѣйшимъ городомъ.

Когда въ 1323 г. Псковъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи вслѣдствіе нападенія нѣмцевъ, и новгородцы, не смотря на мольбы псковичей о помощи, не пришли къ нему на выручку, то Псковъ, освободившись отъ бѣды собственными средствами при помощи литовцевъ, приведенныхъ Давыдкомъ, круто измѣнилъ свои отношенія къ Новгороду, и хотя явно не разрывалъ прежнихъ связей, но уже не соединялъ своихъ дѣлъ съ новгородскими, мирился и воевалъ съ сосѣдями, не сносясь съ Новгородомъ, и въ продолженіе 25 лѣтъ уже ни разу не посылалъ своихъ войскъ по требованію новгородскаго вѣча, да и самъ просилъ помощи у Новгорода, именно противъ нѣмцевъ, только одинъ разъ, въ 1342 г.; но, не получивъ ея и на этотъ разъ, заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ и взялъ себѣ въ князья его сына Андрея. Такимъ образомъ, Псковъ съ 1323 г. въ сущности пересталъ быть пригородомъ Новгорода, успѣлъ сложиться такъ, чтобы быть независимымъ и самостоятельнымъ, и уже былъ признанъ таковымъ отъ всѣхъ сосѣдей, исключая Новгорода. Наконецъ и до Новгорода дошла очередь признать полную независимость и самостоятельность Пскова и отказаться торжественно отъ своихъ притязаній на него, какъ на пригородъ. Въ 1345 г. шведскій король Магнусъ сдѣлалъ нашествіе на Новгородскую землю съ тѣмъ, чтобы обратить новгородцевъ въ латинскую вѣру и подчинить себѣ. Онъ привелъ многочисленное войско, собранное со всѣхъ шведскихъ владѣній, и уже занялъ Ижору и Орѣшекъ. Новгородцы были въ крайности, у нихъ нигдѣ не было союзниковъ, и въ этой крайности они обратились за помощью къ псковичамъ, уже не какъ къ своему пригороду, а какъ къ добрымъ сосѣдямъ и братьямъ по крови и по вѣрѣ; но, опасаясь, что и псковичи имъ откажутъ такъ же, какъ они сами отказали псковичамъ пять лѣтъ тому назадъ, они заключили формальный договоръ съ псковичами въ Болотовѣ, по которому признали Псковъ *младшимъ братомъ* Новгороду и постановили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки новгородскаго быть намѣстникомъ непремѣнно псковитянину, а отнюдь не новгородцу, и изъ Новгорода не звать псковичей ни черезъ дворянъ, ни черезъ подвойскихъ, ни черезъ софьянъ, ни черезъ извѣтниковъ и бирючей, т. е. не вызывать псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Получивши такое важное и полное признаніе своихъ правъ отъ самого Новгорода, псковичи немедленно снарядили войско и, подъ предводительствомъ своего знаменитаго посадника Иліи, отправили его на помощь новгородцамъ осаждать Орѣшекъ, занятый шведами, и тѣмъ самымъ закрѣпили свой договоръ. Такимъ образомъ, съ 1348 г. начинается новая жизнь Пскова: онъ получаетъ формальное утвержденіе прежде уже существовавшаго на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду, своей прежней метрополіи. Послѣ болотовскаго договора новгородцы уже не могли писать псковичей безъ ихъ согласія въ свои договоры съ другими владѣтелями и налагать на нихъ какія-либо обязательства. Со времени болотовскаго договора всякія притязанія Новгорода на верховенство надъ Псковомъ прекратились сами собою.

Первая половина XIV ст. была не только періодомъ внѣшней борьбы Пскова за независимость, но и временемъ усиленной внутренней

жизни, эпохою, въ которую, одновременно съ борьбою противъ Новгорода и его союзниковъ, опредѣлялись и основныя черты псковскаго общественнаго устройства. Будучи все предшествующее время простымъ новгородскимъ пригородомъ, Псковъ, естественно, долженъ былъ подчиняться во всемъ чужому порядку, слѣдовать во всемъ принесеннымъ извнѣ новгородскимъ пошлинамъ и обычаямъ; теперь же наступило время думать и о заведеніи *своей собственной пошлины.*

LXI. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ПСКОВА.

(Изъ соч. Бѣляева: „Исторія города Пскова и Псковской земли").

Псковъ, какъ колонія Новгорода, и притомъ такая колонія, которая постоянно находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своею метрополіею почти до половины XIV ст., естественно долженъ былъ усвоить всѣ новгородскіе порядки, и онъ дѣйствительно ихъ усвоилъ; но, согласно съ мѣстными условіями общественной жизни, далъ имъ свой оттѣнокъ и такимъ образомъ значительно измѣнилъ ихъ, соображаясь съ мѣстными условіями, сообщилъ имъ свой типъ, который при видимомъ сходствѣ, далеко не походилъ на типъ новгородскій. Таковому важному измѣненію прежде всего способствовало то, что Псковъ былъ колонія Новгорода; слѣдовательно, многое въ устройствѣ, что въ Новгородѣ складывалось и выдѣлывалось долгимъ опытомъ жизни общества, во Псковъ было принесено готовымъ и, конечно, не совсѣмъ подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ псковскаго общества, гораздо младшаго, сравнительно съ новгородскимъ обществомъ; и посему старое, готовое устройство во многомъ должно было измѣнять и прилаживать къ новому обществу. Потомъ, съ другой стороны, новгородскіе порядки должны были во многомъ видоизмѣняться во Псковѣ потому, что Псковъ былъ поставленъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ немирныхъ сосѣдей, будучи построенъ на самой границѣ; тогда какъ въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ поставленъ совсѣмъ въ другія условія, по крайней мѣрѣ за то время, когда уже появился Псковъ: первоначально же, конечно, были тѣ же условія и въ Новгородѣ.

Все это заставило псковское общество сложиться иначе, нежели новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей, его составлявшихъ, и самое общественное устройство, и долго находилось въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Самые элементы псковскаго общества были тѣ же, которые были и въ новгородскомъ обществѣ, т. е. ильменскіе славяне, вышедшіе изъ Новгорода, и туземныя финскія племена, жившія по Наровѣ, около Чудскаго озера и по рѣкѣ Великой; даже взаимныя отношенія этихъ двухъ элементовъ, вообще говоря, были тѣ же, какъ и въ Новгородѣ, т. е. отношенія пришельца-колониста къ туземцу-старожилу. Но за колонистомъ-псковичемъ стоялъ новгородецъ; отсюда, естественно, псковичъ дѣйствовалъ смѣлѣе и самонадѣяннѣе, опираясь въ случаѣ нужды на новгородца, что, дѣй-

ствительно, почти всегда и бывало; а съ другой стороны—и туземный чудинъ-эстонецъ, сосѣдъ большого озера и моря, былъ смѣлѣе и напористѣе, нежели тотъ же финнъ, жившій въ средоземьѣ. Объ эстонцахъ скандинавскія саги прямо говорятъ, что это племя отличалось воинственностью и страшно было своими морскими разбоями и жестокостью. Слѣдовательно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, колонизація, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многомъ разнилась отъ мирной колонизаціи новгородской. Волей-неволей война была постояннымъ удѣломъ псковича, и притомъ война мелкая, въ которой каждый поселенецъ былъ въ одно и то же время и земледѣльцемъ или торговцемъ, и воиномъ,—сѣвернымъ казакомъ, человѣкомъ самостоятельнымъ, твердымъ, неподатливымъ на покорность. А посему псковское общество, сложившееся по новгородскому образцу, хоть и признало у себя тѣ же классы, которые были въ Новгородѣ, т. е. большихъ людей и меньшихъ, бояръ, купцовъ и людиновъ, общинниковъ, тѣмъ не менѣе отношенія и значеніе этихъ классовъ, по самому характеру людей, ихъ составлявшихъ, были совсѣмъ не таковы, какъ въ Новгородѣ.

Первый классъ въ псковскомъ обществѣ составляли бояре; но замѣчательно, что въ псковскихъ лѣтописяхъ бояръ нигдѣ не называютъ вящими, передними людьми, большими людьми; хотя самое названіе бояръ и сохранилось. Бояре псковскіе были одни и тѣ же съ новгородскими боярами. По тѣсной связи Пскова съ Новгородомъ и по отношеніямъ Пскова, какъ пригорода, къ Новгороду, какъ къ метрополіи, однѣ и тѣ же фамиліи были боярами и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ, и переходили изъ Новгорода во Псковъ и изъ Пскова въ Новгородъ почти въ продолженіе всего перваго періода псковской исторіи, т. е. въ продолженіе почти 500 лѣтъ, извѣстныхъ исторіи. Такая близкая связь новгородскихъ и псковскихъ бояръ естественно должна была сообщить большую силу и значеніе классу псковскихъ бояръ. И дѣйствительно, исторія свидѣтельствуетъ, что бояре во Псковѣ первоначально имѣли большую силу; ихъ связи, вліяніе и богатство дѣлали ихъ могущественными вождями общества; они нерѣдко скопляли около себя значительныя дружины охотниковъ, поступавшихъ на ихъ содержаніе, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей волѣ поднимали тотъ или другой пригородъ. Такъ, въ 1228 году псковскіе бояре, поддерживая партію новгородскихъ бояръ, недовольныхъ княземъ новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, втянули Псковъ въ войну съ Ярославомъ и въ противонародный союзъ съ ливонскими нѣмцами, которые, при помощи тѣхъ же измѣнниковъ, псковскихъ и новгородскихъ бояръ, даже на время успѣли ввести свой гарнизонъ въ самый Псковъ и передать власть надъ городомъ своему союзнику новгородскому, боярину Твердиславу Иванковичу. Эта послѣдняя продѣлка псковскихъ бояръ верховодовъ, дѣйствовавшихъ заодно съ партіею такихъ же верховодовъ, новгородскихъ бояръ, наконецъ, образумила псковичей, и когда въ 1242 году князь Александръ Ярославичъ Невскій выгналъ нѣмцевъ и новгородскихъ и псковскихъ бояръ-измѣнниковъ, то псковское вѣче стало иначе смотрѣть на своихъ бояръ, и хотя не лишило ихъ правъ службы Пскову, но уже болѣе не признавало ихъ своими руководителями, а, напротивъ, службу ихъ обществу подвергло строгому своему контролю и во все послѣдующее время уже стало держать ихъ въ

строгой зависимости. Послѣ 1242 г. псковскіе бояре, какъ лучшіе люди, по-прежнему пользовались большимъ уваженіемъ отъ народа и были передовыми людьми псковскихъ общинъ, представителями своихъ концовъ, улицъ и пригородовъ, и посему избирались во всѣ важныя общественныя должности: въ должности посадниковъ, сотскихъ, судей, губскихъ старостъ, воеводъ и посланниковъ отъ Пскова. Повидимому, и послѣ 1242 г. вся общественная власть находилась въ ихъ рукахъ; но такъ было только повидимому, на дѣлѣ же, послѣ 1242 г., Псковъ годъ отъ года все болѣе пріобрѣталъ характеръ чисто-демократической республики, и первоначальныя аристократическія начала, принесенныя изъ Новгорода, годъ отъ года теряли свое значеніе, и вся власть постепенно сосредоточивалась въ вѣчѣ, на которомъ были равны и бояре, и купцы, и черные люди.

Псковичи, не менѣе новгородцевъ предпріимчивые въ торговлѣ и другихъ промыслахъ, но гораздо болѣе новгородцевъ вышколенные безпрерывною борьбою то съ чудью, то съ нѣмцами, то съ литвою, выработали себѣ характеръ неуступчивый и неподатливый на покорность; а опытъ прежняго времени, когда псковскіе бояре, дѣйствуя заодно съ партіею новгородскихъ бояръ, чуть не передали Псковъ нѣмцамъ, такъ врѣзался въ память псковскаго вѣча, что оно въ продолженіе всего последующаго времени строго и постоянно смотрѣло, чтобы какая-нибудь власть не затѣяла подчинить своему вліянію власть вѣча. А посему, какъ ни велика была, повидимому, власть псковскихъ бояръ и послѣ 1242 г., но вся эта власть состояла почти исключительно въ исполненіи приговоровъ вѣча, и бояре, повидимому, могущественные и всесильные, въ сущности были только покорными слугами вѣча. И чѣмъ болѣе бояре имѣли видимыхъ средствъ подавить остальныхъ гражданъ, и чѣмъ долѣе жилъ Псковъ, тѣмъ осторожнѣе вело себя вѣче и тѣмъ болѣе съ своей стороны принимало средствъ, которыя развивали его власть и стѣсняли значеніе бояръ. Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ состояло въ томъ, что вѣче, по возможности, старалось уклоняться отъ единичныхъ властей, и функціи той или другой власти стало дѣлить между нѣсколькими выборными лицами, или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вѣчемъ; такой порядокъ постепенно развивался, по мѣрѣ того, какъ Псковъ постепенно отдалялся отъ тѣсныхъ связей съ Новгородомъ и заявлялъ свои права на самостоятельность. Такъ, единичную власть степеннаго посадника, сперва присылаемаго изъ Новгорода, а потомъ обратившагося въ выборнаго сановника, назначаемаго самимъ псковскимъ вѣчемъ, псковичи сперва старались ограничить допущеніемъ старыхъ посадниковъ участвовать въ дѣятельности степеннаго посадника, а потомъ, по мѣрѣ возможности, стали выбирать заразъ по два степенныхъ посадника; впрочемъ, эта послѣдняя мѣра относительно посадничьей власти употреблялась не постоянно. Но зато всѣ остальныя власти, кромѣ княжеской, съ постепеннымъ развитіемъ самостоятельности Пскова, окончательно перестали быть единичными и дѣлились, по крайней мѣрѣ, между двумя лицами: напримѣръ, судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотскихъ постоянно было по нѣскольку; тысяцкаго же, этой важной единичной власти, вовсе не было въ средѣ сановниковъ, избираемыхъ псковскимъ вѣчемъ. Другимъ

важнымъ средствомъ къ ослабленію бояръ, избираемыхъ представлять ту или другую власть, служилъ заведенный во Псковѣ порядокъ, по которому важнѣйшія дѣла не иначе могли быть рѣшены, какъ при участіи нѣсколькихъ властей, хотя бы и безъ представленія вѣчу. Наконецъ, самымъ грознымъ средствомъ противъ своеволія бояръ было право народнаго вѣча отмѣнять всѣ неугодныя ему распоряженія другихъ властей и право вѣча казнить виновниковъ неугодныхъ распоряженій. Такъ, напримѣръ, въ 1458 г. вѣче не только отмѣнило введенную прежними посадниками хлѣбную мѣру, невыгодную въ торговлѣ, но и тутъ же на вѣчѣ избило тѣхъ посадниковъ, которые ее ввели. При помощи такихъ средствъ псковское вѣче, не лишая бояръ правъ первенствующаго сословія и предоставляя имъ всѣ права выборной власти, въ то же время положило этой власти опредѣленныя границы, въ которыхъ она не только не была опасна вѣчу, но и не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ покорнымъ исполнителемъ велѣній вѣча. И посему бояре, при всемъ ихъ большомъ значеніи въ обществѣ, вполнѣ зависѣли отъ вѣча и несли всѣ общественныя тягости наравнѣ съ другими классами и въ этомъ отношеніи не пользовались никакими привиллегіями. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковыхъ порядковъ было то, что съ 1242 г. лѣтописи уже не упоминаютъ ни о какихъ боярскихъ партіяхъ во Псковѣ или о раздѣленіи псковскаго вѣча происками бояръ-верховодовъ; тогда какъ лѣтописи Новгорода переполнены извѣстіями о борьбѣ боярскихъ партій и о разныхъ незаконныхъ вѣчахъ, иногда даже одерживавшихъ верхъ надъ вѣчемъ законнымъ. Основою значенія и могущества бояръ во Псковѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ, была частная поземельная собственность; она главнымъ образомъ сообщала боярамъ ту силу и могущество, которое ставило ихъ выше другихъ классовъ общества, не имѣвшихъ частной поземельной собственности, а владѣвшихъ общинною землею; но и здѣсь псковскіе бояре значительно уступали новгородскимъ боярамъ. Съ одной стороны, между псковскими боярами не было такихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, каковыми были бояре новгородскіе, владѣвшіе необозримыми землями въ Заволочьѣ. Еще въ прежнее время, когда Псковъ вмѣстѣ съ Новгородомъ имѣлъ значительныя колоніи въ земляхъ чуди и летголы, псковскіе бояре могли тягаться своими поземельными владѣніями съ новгородскими владѣльцами въ Заволочьѣ; но съ постепеннымъ распространеніемъ владѣній нѣмецкаго Ливонскаго ордена въ этомъ краѣ, тамошнія владѣнія псковскихъ бояръ постепенно стали уменьшаться и, съ послѣднимъ уничтоженіемъ тамъ псковскихъ колоній въ 1284 г., дошли до нуля. Такимъ образомъ, частная поземельная собственность псковскихъ бояръ должна была ограничиться только псковскою землею, которая была слишкомъ невелика, и притомъ далеко не вся принадлежала боярамъ, а, напротивъ, въ большей своей половинѣ была раздѣлена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими къ классу бояръ. Между псковичами былъ даже обычай, утвержденный закономъ, по которому люди небогатые составляли между собою компаніи и, подъ именемъ сябровъ и пайщиковъ покупали на общій сборный капиталъ землю, а купивши, дѣлили между собою по долямъ въ полную собственность. Таковая мелкая поземельная собственность, легко пріобрѣтаемая въ складчину, естественно должна была сильно конкурировать съ крупной боярской поземельной соб-

ственностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ невыгодно вліять на значеніе бояръ какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и по всей Псковской землѣ, ибо мелкіе поземельные собственники изъ черныхъ людей естественно были болѣе свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущіе по взаимнымъ условіямъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ-бояръ, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе зависѣвшіе отъ нихъ, какъ полныхъ хозяевъ земли, къ тому же псковскіе законы ясно склонялись въ пользу мелкой поземельной собственности противъ крупной, и особенно въ пользу обработки земли противъ владѣнія землею безъ обработки. По псковскимъ законамъ, кто владѣлъ землею 4 или 5 лѣтъ спокойно, выстроилъ на ней дворъ и распахалъ пашню, на того прежній владѣлецъ той же земли уже не можетъ предъявлять своего земельнаго иска, если 4 или 5 человѣкъ сосѣдей подтвердятъ, что тотъ владѣетъ землею 4 или 5 лѣтъ спокойно. При такомъ законѣ предпріимчивые мелкіе поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, если они, будучи заняты другими дѣлами, не обращали надлежащаго вниманія на завладѣніе, не начинали исковъ.

Съ другой стороны, самая форма владѣнія землею и отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земли и къ обществу. Во Псковѣ не давали псковскимъ боярамъ того высокаго значенія, какимъ пользовались новгородскіе бояре, по тамошнимъ формамъ владѣнія землею и по отношеніямъ крестьянъ къ владѣльцу земли и обществу. По псковскимъ порядкамъ, бояринъ или самъ обрабатывалъ свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавалъ въ наймы охочимъ людямъ, на взаимныхъ условіяхъ, по частному договору, съ записью или безъ записи. Нанимателей земли или жильцовъ псковской законъ постоянно старался ставить сколько можно въ болѣе независимое положеніе отъ владѣльцевъ земли, или давать имъ права равныхъ другъ другу договаривающихся сторонъ, и не допускалъ права вотчиннаго суда землевладѣльца надъ жильцами, живущими на его землѣ. Но, конечно, при всемъ стараніи закона, не могло быть равенства между бѣднымъ жильцомъ и богатымъ землевладѣльцемъ, и первый почти всегда находился подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ второго, а посему демократическій Псковъ, чтобы не дать перевѣса на вѣчѣ боярамъ при подачѣ голосовъ смердами или жильцами, живущими на ихъ землѣ и, слѣдовательно, находящимися подъ ихъ вліяніемъ, постоянно держался того правила, чтобы не допускать смердовъ къ общественнымъ дѣламъ и къ подачѣ голосовъ на вѣчѣ. За это правило особенно крѣпко держались черные люди, постоянно бывшіе насторожѣ и опасавшіеся, чтобы бояре какимъ-нибудь образомъ не получили большинства на вѣчѣ. При таковыхъ порядкахъ естественно псковской бояринъ не могъ вести на вѣче толпу своихъ полузависящихъ кліентовъ, какъ это дѣлалъ нерѣдко бояринъ новгородскій, и посему на псковскомъ вѣчѣ бояре всегда оставались въ меньшинствѣ или, по крайней мѣрѣ, не могли проводить законовъ въ ущербъ демократическимъ началамъ псковскаго общества.

Купцы во Псковѣ такъ же, какъ и въ Новгородѣ, составляли отдѣльный классъ общества, занимавшій второе мѣсто послѣ бояръ и имѣвшій свой судъ и управу и свое отдѣльное самостоятельное устройство. Этотъ классъ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и пользовался домашнимъ значеніемъ въ обществѣ, ибо Псковъ, подобно Новгороду, былъ

по преимуществу торговымъ городомъ. Общественное устройство купечества во Псковѣ, происшедшаго отъ купечества новгородскаго, было одинаково съ новгородскимъ, т. е. купцы составляли общины, и только тотъ считался настоящимъ пошлымъ купцомъ, кто былъ членомъ какой-либо купеческой общины, кто вложилъ въ нее извѣстный капиталъ, хотя торговать могъ всякій и невложившійся въ купеческую общину. Каждая купеческая община имѣла своихъ выборныхъ, по общему псковскому порядку, не менѣе двухъ, которые судили и рядили членовъ своей общины и завѣдывали общинными капиталами. Кромѣ старостъ по отдѣльнымъ общинамъ еще выбирались по два старосты отъ всего купечества. А если были выборные старосты отъ всего купечества, слѣдовательно, были и общія купескія собранія или вѣча, независимыя отъ вѣча цѣлаго города изъ всѣхъ классовъ, и на этихъ купеческихъ вѣчахъ разбирались и рѣшались дѣла, относящіяся до всего псковскаго купечества. Таковымъ учрежденіемъ общаго купеческаго собранія или вѣча со своими старостами псковское купечество рѣзко отличалось отъ купечества новгородскаго, неимѣвшаго подобнаго учрежденія, и въ цѣломъ своемъ составѣ поставленнаго въ зависимость отъ тысяцкаго.

Имѣя общее купеческое собраніе или вѣче, псковское купечество тѣмъ самымъ пользовалось не только большею самостоятельностью противъ новгородскаго купечества, но и въ самомъ Псковѣ имѣло сильный перевѣсъ надъ боярами и надъ черными людьми, ибо оно являлось на общенародное вѣче, всегда напередъ уговорившись и уладившись на своемъ купеческомъ вѣчѣ, тогда какъ ни бояре, ни черные люди не имѣли такихъ, закономъ опредѣленныхъ, предварительныхъ собраній и, слѣдовательно, являлись на общенародное вѣче не столько готовыми, какъ купцы. Къ тому же во Псковѣ, какъ преимущественно торговомъ городѣ, купцы имѣли гораздо больше вліянія на черныхъ людей, чѣмъ бояре, которыхъ вліянію сильно вредили мелкіе самостоятельные землевладѣльцы и показанныя выше законныя ограниченія крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это ставило псковскихъ купцовъ въ такое положеніе, что они, хотя считались оффиціально вторымъ классомъ общества, но въ сущности, на дѣлѣ, по своему вліянію на псковское общество, были сильнѣйшимъ и первенствующимъ классомъ: они собственно руководили вѣчемъ; бояре же, хотя и пользовались большимъ уваженіемъ и имѣли большій въ обществѣ вѣсъ, но были поставлены обстоятельствами въ такое положеніе, что въ сущности были не руководителями вѣча, а только безпрекословными исполнителями его опредѣленій. Лучшимъ доказательствомъ такого положенія купцовъ во Псковѣ служатъ всѣ псковскіе порядки, направленные исключительно къ тому, чтобы ограничить вліяніе и значеніе бояръ и утвердить значеніе и силу общенароднаго вѣча, на которомъ передовымъ и лучше организованнымъ классомъ являлись купцы.

Черные люди во Псковѣ были въ иномъ положеніи, нежели въ Новгородѣ; они находились въ меньшей зависимости отъ большихъ людей или отъ бояръ, какъ потому, что бояре во Псковѣ не имѣли такихъ огромныхъ поземельныхъ владѣній, какъ бояре новгородскіе, такъ и потому, что Псковъ, по самому устройству своему, былъ не на сторонѣ бояръ крупныхъ землевладѣльцевъ, а, напротивъ, болѣе покровительствовалъ мелкой поземельной собственности; вслѣдствіе этого, черные или меньшіе люди во Псковѣ пользовались большею независимостью и

самостоятельностью, чѣмъ меньшіе люди въ Новгородѣ. Къ тому же, постоянная и упорная борьба съ чудью, летголою и литвою и потомъ съ нѣмцами, лежавшая одинаково и на большихъ, и на меньшихъ людяхъ во Псковѣ, естественно равняла ихъ между собою и дѣлала меньшихъ людей болѣе твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Псковѣ какой-либо предпріимчивый и храбрый бояринъ могъ скопить около себя охочьихъ людей и повести на какое-либо военное предпріятіе; но охочіе люди во Псковѣ были далеко не то, что повольники въ Новгородѣ: они не были ратниками своего предводителя, и по самому ходу дѣлъ въ псковской исторіи скоплялись около большого человѣка только для воинскихъ набѣговъ на немирныхъ сосѣдей или для отраженія сосѣднихъ нападеній, а не для колонизаціи, какъ это было въ Новгородѣ съ конца XIII ст. Псковичамъ нечего было думать о колонизаціи. Слѣдовательно, предводитель охочьихъ людей во Псковѣ не могъ имъ дать захваченной земли подъ поселеніе и привлечь ихъ къ себѣ разными ссудами на обзаведеніе хозяйствомъ; они шли за нимъ только для того, чтобы поразжиться тѣмъ, что успѣютъ награбить въ непріятельской землѣ. Между тѣмъ, купцы, старавшіеся удержать первенство и силу за своимъ классомъ противъ бояръ, первоначально дѣйствовавшихъ заодно съ боярами новгородскими, естественно должны были ближе соединиться съ черными или меньшими людьми и заодно дѣйствовать въ общемъ вѣчѣ. Первоначальная тѣсная связь псковскихъ бояръ съ новгородскими боярами, передавшая было Псковъ нѣмцамъ, породила тѣснѣйшую связь купцовъ съ черными людьми и, кажется, болѣе всего способствовала той независимости, которою пользовались во Псковѣ черные люди; по всему вѣроятію, ей обязанъ былъ своимъ существованіемъ и законъ, покровительствующій мелкому землевладѣнію и порядку сябреннаго пріобрѣтенія земель въ полную отдѣльную собственность сябровъ.

Все это поставило черныхъ или меньшихъ людей во Псковѣ въ такое положеніе, что они на вѣчѣ были большими людьми, т. е. всегда оказывались въ большинствѣ передъ большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредилъ бы ихъ значенію или давалъ перевѣсъ большимъ людямъ. Имѣя главную опору въ общественномъ вѣчѣ и чувствуя себя сильными, особенно на вѣчѣ, черные люди естественно интересъ вѣча считали своимъ собственнымъ интересомъ, и поэтому заботились, чтобы права вѣча были неприкосновенными, и чтобы вѣче было, дѣйствительно, силою въ управленіи Псковомъ, чтобы партіи верховодовъ не нарушали его спокойной и правильной дѣятельности. Дорожа неприкосновенностью правъ вѣча, черные люди заодно съ купцами крѣпко держались разъ принятыхъ порядковъ и не дробились на партіи, зная изъ опыта въ Новгородѣ, что, при раздѣленіи на партіи, меньшіе люди болѣе всего терпятъ отъ большихъ людей дѣлаясь ихъ орудіемъ. Отъ этого исторія Пскова за все время его самостоятельности не представляетъ борьбы партій; тамъ вѣче никогда не дѣлилось, и не было незаконныхъ вѣчъ. Меньшіе люди, сильные на вѣчѣ, на вѣчѣ же и управлялись съ большими людьми, когда это находили нужнымъ.

Самостоятельность и до нѣкоторой степени равенсто между большими и меньшими людьми во Псковѣ такъ были велики и очевидны, что у псковичей даже выработался особый терминъ въ языкѣ при сношеніяхъ большихъ людей съ меньшими—терминъ, прямо указывающій

на равенсто тѣхъ и другихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Псковичи, большіе и меньшіе люди, относясь другъ къ другу, называли другъ друга господами; такъ что даже предводители войскъ не иначе обращались къ воинамъ, какъ техническимъ выраженіемъ: „господа такіе-то". Черные или маленькіе люди во Псковѣ, такъ же, какъ и въ Новгородѣ, несли всѣ государственныя повинности вмѣстѣ съ большими людьми: по раскладкѣ или разрубу, сдѣланному вѣчемъ, они платили съ капиталовъ (кто какимъ владѣлъ) подати, строили укрѣпленія и несли разныя службы. Въ военное время они также съ большими людьми раскладывались по сохамъ и деньгамъ въ ратную службу. Вообще меньшіе или черные люди во Псковѣ въ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ болѣе или менѣе были сравнены съ большими людьми, и вся разница состояла въ томъ, что большіе люди, бояре, состояли въ постоянной службѣ у Пскова, а черные люди вмѣстѣ съ купцами не состояли въ постоянной службѣ и назывались житейскими людьми, а не служилыми. Черные люди во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, составляли городскія и сельскія общины черныхъ людей съ своими старостами; общинное устройство было однимъ изъ главныхъ основаній силы черныхъ людей; въ общинахъ беззащитная единичная личность бѣдняка находила себѣ убѣжище и защиту отъ притѣсненія сильныхъ людей. Кромѣ полноправныхъ людей, членовъ общинъ, имѣвшихъ право участвовать на вѣчѣ, во Псковѣ были еще два класса служилыхъ людей, не имѣвшихъ права участвовать на вѣчѣ, хотя пользовавшихся всѣми другими правами, предоставленными свободнымъ людямъ во Псковской землѣ; эти два класса имѣли общее между собою то, что жили на чужихъ земляхъ съ обязанностью службы. Одинъ изъ этихъ классовъ, извѣстный подъ именемъ земцевъ, служилъ самому Пскову и жилъ на земляхъ, данныхъ Псковомъ; а другой, подъ общимъ именемъ смердовъ, жилъ на земляхъ, частныхъ землевладѣльцевъ и состоялъ въ службѣ у хозяевъ занятой земли. Земцы составляли постоянное войско Пскова, разселенное по границамъ, и обязанное защищать границы отъ нападенія непріятелей. По всему вѣроятію, учрежденіе класса земцевъ должно отнести къ концу XIV или началу XV в. Земцы получали отъ Пскова на свое содержаніе земли преимущественно на западномъ и особенно на сѣверо-западномъ рубежѣ псковскомъ: земли эти давались въ неполную собственность, подобно помѣстьямъ въ Москвѣ, хотя во Псковѣ онѣ назывались вотчинами: этихъ земель земцы не могли ни продавать, ни дарить, ни другимъ какимъ образомъ отчуждать; въ противномъ случаѣ обязаны были выкупать ихъ назадъ, и затѣмъ уже лишались на нихъ права. Равнымъ образомъ земцы лишались права на эти земли и тогда, когда не исполняли лежащей на землѣ службы, или когда самъ Псковъ, по своему усмотрѣнію, находилъ въ данной мѣстности службу земцевъ ненужною и сводилъ ихъ съ данныхъ вотчинъ. Къ этому же разряду служилыхъ людей во Псковѣ принадлежали жолнеры и пищальники, что-то въ родѣ московскихъ стрѣльцовъ, явившихся впослѣдствіи; этотъ классъ служилыхъ людей явился уже въ послѣднее время самостоятельнаго существованія Пскова.

Смерды, какъ уже сказано выше, жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами земли. Они раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ смердовъ. Городскіе смерды иначе назывались дворными наймитами и обыкновенно состояли у своихъ хозяевъ

на службѣ, по взаимнымъ условіямъ, на опредѣленные годы; они еще назывались подсусѣдниками. Сельскіе смерды жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ безсрочно, сколько поживется, или пока будетъ держать хозяинъ земли. По псковскому закону, относительно свободнаго перехода смердовъ, поставлено было только одно ограниченіе, состоящее въ томъ, что переходъ допускался только въ одинъ срокъ въ году, именно въ Филиппово заговѣнье, т. е. въ шесть недѣль рождественскаго поста. А ежели смердъ проживетъ на хозяйской землѣ до весны и даже весну, то, въ случаѣ перехода на другую землю, обязанъ былъ заплатить хозяину столько, сколько хозяинъ получитъ дохода съ другой такой же доли земли, не оставленной смердомъ.

Смерды, какъ люди свободные, пользовались всѣми правами, какъ личными, такъ и преимущественными. Зависимость смерда отъ хозяина земли была добровольная и временная, и ограничивалась только отношеніями смерда къ хозяину по землѣ и по кругѣ, или ссудѣ на хозяйственное обзаведеніе; но тѣмъ не менѣе эта временная и добровольная зависимость лишала смерда правъ политическихъ. Смердъ, пока онъ былъ смердомъ, не могъ быть членомъ псковскаго общества и не имѣлъ права участвовать своимъ голосомъ на вѣчѣ. Демократическое устройство Пскова допускало на вѣче только людей вполнѣ свободныхъ, и не иначе, какъ членовъ общинъ; а посему псковскій законъ признавалъ за смердомъ гражданскую личность и даже обязывалъ смердовъ наравнѣ съ черными людьми платить подати и отправлять общественныя повинности, но политическихъ правъ имъ не давалъ, и именно за такой порядокъ всегда стояли черные люди, т. е. главная масса демократовъ.

Подобно тому, какъ въ Новгородѣ, и во Псковѣ были вольные люди: къ этому классу принадлежали какъ младшіе члены полноправныхъ семействъ псковскихъ, такъ и пришельцы изъ другихъ краевъ Русской земли и всѣ люди, неимѣющіе ни частной поземельной собственности, ни доли въ общинныхъ земляхъ, и неживущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а состоящіе или на содержаніи своихъ семействъ, или прокармливающіеся своимъ личнымъ трудомъ по найму. Эта огромная масса людей была на такомъ же положеніи во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, т. е. имѣла за собою право личной свободы и труда, но не причислялась ни къ какой общинѣ и не владѣла ни на какихъ правахъ землею, а посему не имѣла никакихъ общественныхъ и политическихъ правъ и не подлежала никакимъ общественнымъ обязанностямъ. Но добровольно вольные люди могли принимать на себя и общественныя обязанности, и, дѣйствительно, подъ названіемъ охочихъ людей часто участвовали въ военныхъ походахъ на защиту Псковской земли. Впрочемъ, охочіе люди никогда не смѣшивались съ рубленою ратью, т. е. собранною по раскладкѣ, по разрубу общинъ, а составляли особые полки и имѣли своихъ отдѣльныхъ воеводъ, выбранныхъ или самими охочими людьми, или назначенныхъ вѣчемъ; даже походы охочихъ людей всегда производились отдѣльно отъ походовъ псковской или рубленой рати, хотя бы они начались самимъ псковскимъ правительствомъ.

Вольные люди во Псковѣ, какъ свои, такъ и пришельцы, подобно тому, какъ въ Новгородѣ, оставались въ своемъ неопредѣленномъ положеніи, не подлежавшимъ никакимъ общественнымъ обязанностямъ, только до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены какой-либо общины, или не

зачислялись въ смерды за какимъ-либо землевладѣльцемъ, чѣмъ почти всегда оканчивалось чисто-переходное положеніе вольнаго человѣка. Бродячее и малоправное положеніе вольнаго человѣка во Псковѣ среди общества людей домовитыхъ, пользовавшихся обширнымъ правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, естественно никогда не могло быть постояннымъ и даже продолжительнымъ. Каждый вольный человѣкъ, чтобы не оставаться безгласнымъ и вовсе безучастнымъ въ общественныхъ дѣлахъ, спѣшилъ освободиться отъ своего черезчуръ свободнаго положенія, и, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, или прямо поступалъ въ члены какой-либо общины и дѣлался полноправнымъ гражданиномъ Псковской земли, или, по крайней мѣрѣ, зачислялся смердомъ за какимъ-нибудь землевладѣльцемъ, чтобы получить осѣдлость и обзавестись хозяйствомъ, и послѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, перейти въ общину и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ. Быть полноправнымъ членомъ общины, участвовать на вѣчѣ и подавать свой голосъ при рѣшеніи общественныхъ дѣлъ было постояннымъ и любимымъ желаніемъ каждаго вольнаго человѣка во Псковѣ; оставаться же навсегда вольнымъ человѣкомъ считалось постыднымъ. А посему хотя вольныхъ людей во Псковѣ всегда было довольно, но они не были пролетаріями, тягостными для общества, а представляли собою разсадникъ будущихъ полноправныхъ гражданъ и ревностныхъ общественныхъ дѣятелей. На пролетаріатъ во Псковѣ никогда не было жалобъ. Были ли во Псковѣ невольники, на это въ памятникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, но, судя по положенію Пскова и по отношенію его къ своимъ сосѣдямъ, для повольниковъ, кажется, не было мѣста въ псковскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ для повольниковъ съ чисто-новгородскимъ характеромъ.

Русь во время татарскаго ига.

LXII. ПЕРВОЕ ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

(Изъ соч. Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига").

Мы видѣли, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ первой четверти XII ст. сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, изъ рода смоленскихъ князей, который призванъ былъ изъ Новгорода въ Галичъ, гдѣ, по смерти знаменитаго Романа Волынскаго, сосредоточились дѣйствія всего юга. Туда въ 1223 г. явился неожиданно изъ своихъ кочевьевъ, въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ, тесть Мстиславовъ, старшій половецкій ханъ Котянъ, въ сопровожденіи своихъ подручниковъ,—всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, назойливости, прежняго высокомѣрія. Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами приходятъ они къ Мстиславу и просятъ: „Помогите намъ, напали на насъ сильные враги и раззорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то же. Помогите намъ!"

„Что сдѣлалось съ вами? Кто погубилъ васъ? Какіе враги?—спрашиваютъ князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, показывали различно, умѣли описать только свое пораженіе: „Враги ихъ пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицомъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначала по предгорію Кавказскому побѣдили они ясовъ, касоговъ. Половцы стали-было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ своимъ княземъ Юріемъ Кончаковичемъ, но не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ валъ половецкій, въ Русскую землю..."

Вотъ все, что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ. Впрочемъ, въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ зовутъ?—спрашиваютъ русскіе, удивляясь, въ свою очередь, смутнымъ разсказамъ.

„Зовутъ ихъ татарами“...

И вотъ въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее, роковое имя!

Мстиставъ рѣшился созвать русскихъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, для обсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ, касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны. Князья собрались: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, молодой Даніилъ Романовичъ Волынскій, Мстиславъ Нѣмый Волынскій, Олегъ Курскій и многіе другіе. Туда прибыли и наибольшіе половцы. Они обходили князей отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ-невольницъ. Одинъ изъ нихъ, Бастѣй, для большаго умилостивленія, принялъ даже христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобы подвинуть русскихъ къ участію и защитѣ. Котянъ дѣйствовалъ въ особенности на зятя своего, Мстислава Галицкаго,—и мудрено ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угашали браннаго духа? Его самого уже волновало любопытство, что̀ это за новые воины, предъ которыми все такъ преклонялось; его самого уже брало нетерпѣніе помѣряться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ противиться—и чудь, и угры, и ляхи, и половцы. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Землѣ Русской предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ убѣдилъ ихъ на общемъ совѣтѣ такимъ соображеніемъ: „Если мы не поможемъ половцамъ, то они передадутся татарамъ и наступятъ вмѣстѣ съ ними на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше“. Опредѣлено было помочь половцамъ, а такъ какъ борьба съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились князья идти имъ на встрѣчу.

Половцы, ждавъ-не дождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отмстить за свое пораженіе. Не медля, князья разъѣхались по своимъ волостямъ строить вои, и по всей Русской землѣ пронеслось рѣшеніе—биться съ татарами. Къ великому князю суздальскому послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились князья. Съ апрѣля мѣсяца потянулись со всѣхъ сторонъ полки—кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшій. Собрались кіяне и черниговцы, галичане и волыняне, смольяне и переяславцы, весь Днѣпръ покрылся ладьями, изъ-подъ которыхъ не видать было и воды: „Мы переходили рѣку по ладьямъ, какъ по суху“, говоритъ очевидецъ. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли коньми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже изъ Залѣсской стороны и Василько Константиновичъ, племянникъ великаго князя Юрія, шедшій съ вспомогательной дружиной ростовской и суздальской. Выгонцы галицкіе въ тысячѣ ладьяхъ приплыли Днѣстромъ въ море, поднялись въ Днѣпръ до пороговъ и стали у рѣки Хортицы. Половцевъ прибывало ежедневно. Услышавъ про новую брань, они какъ-будто изъ земли выростали, и стекались со всѣхъ сторонъ, ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не перепадало ни капли.

солнце палило жестоко. От необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ.

Между тѣмъ, татары, разбившіе половцевъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ землѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія русскаго вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились и выслали пословъ къ князьямъ. „Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши половцамъ; но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не занимали, ни селъ вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ, на конюховъ половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла“. Такъ говорили послы.

А половцы шептали русскимъ князьямъ другое, возбуждая на брань и стараясь всѣми силами, чтобы они не соглашались мириться; и русскіе князья велѣли избить пословъ, пошли, не останавливаясь, далѣе, внизъ по Днѣпру: судьба ихъ какъ-будто влекла, и достигли Олешья (противъ нынѣшняго Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: „Видимъ, что вы слушаетесь половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ; идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ“. Вторыхъ пословъ князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ послышалось въ станѣ, что сторожа завидѣли впереди татаръ, которые пришли высматривать русскихъ людей. Молодой князь Даніилъ Романовичъ Волынскій вскочилъ на коня и понесся впередъ взглянуть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ „къ невидимой рати“. Соглядатаи, впрочемъ, многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностью скрылись.

Впечатлѣніе они произвели различное. Одни говорили, что это „простые люди“, другіе возражали: „Нѣтъ, это ратники, добрые вои“. Молодые князья переспорили всѣхъ и пристали къ старшимъ: „Княже Мстиславе и другій Мстиславе, не стойте! Пойдемъ противу имъ! Мы ихъ побьемъ“. Мстиславу самому скорѣй хотѣлось къ дѣлу: столько же пылкій, онъ послушался молодежи и переправился чрезъ Днѣпръ въ тысячѣ человѣкъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю половецкому, встрѣтилъ сторожей татарскихъ, напалъ— и разбить ихъ стоило ему одного удара. Его вои угнали множество рогатаго скота, который татары водили за собою, такъ что стало его на всю нашу рать,—и пустились въ погоню „сѣкуще“. Первый успѣхъ ободрилъ рать. Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который, въ жару отъ первой удачи, шелъ впередъ, не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они и достигли Калки—роковая черта: за нею стояла вся сила татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспаривать военачальства, велѣлъ Даніилу Волынскому съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими перейти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего вѣрнаго слугу храбраго Яруна съ половцами въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и велѣлъ немедленно готовиться къ бою. Мстиславъ кіев-

скій и Мстиславъ черниговскій стояли поодаль въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва скоро начнется. Ослѣпленный витязь не далъ имъ никакой вѣсти, увѣренный въ побѣдѣ и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Даніилъ ѣхалъ впереди и началъ первымъ битву. Онъ получилъ ударъ въ грудь, но молодой и сильный, „буести ради“, говорить очевидецъ, не почувствовалъ раны и не видалъ, какъ кровь изъ нея лилась. Мстиславъ Нѣмый, увидя его раненымъ и бьющимся, поспѣшилъ къ нему на помощь. Нечего говорить о Мстиславѣ Удаломъ: Олегъ Курскій подвизался съ нимъ крѣпко. Татары бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось, дѣло пошло счастливо. Ярунъ съ половцами началъ тогда биться также на своей сторонѣ, но половцы погубили нашу рать: послѣ перваго столкновенія они дрогнули, замѣшались. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ,—передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ,—еще напоръ, еще ударъ,—и половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ князей, которые, не знавши ничего, не успѣли еще поставить всѣхъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что̀ происходитъ; никто не зналъ, что̀ ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишавшихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны—пѣшіе, конные, съ телѣгами, и произвели общее замѣшательство. Татары навалились на остальные полки всѣми силами; началась сѣча, злая и лютая, но духъ упадалъ, сомнѣніе овладѣвало, а враговъ нагонялось больше и больше; они стрѣляли неудержно и пронзали противниковъ. Князья увидали, что стоять имъ больше нельзя. Храброму Даніилу не стало мочи. Огонь снѣдалъ его внутренность, жажда мучила его; онъ поворотилъ коня къ рѣкѣ и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжитъ во всѣ стороны, и побѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и Мстиславъ Галицкій,—бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, истощивъ всѣ силы въ битвѣ,—бѣжалъ, вѣрно, съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татары погнались за ними до Днѣпра и убили шесть князей. Кіянъ однихъ пало до 10000, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый. Среди общаго бѣгства половцы убили многихъ изъ нашихъ—иного изъ-за коня, иного изъ-за одежды. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился и велѣлъ истребить ладьи, зажечь и изрубить,—чтобы татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ князья русскіе бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ старый, великій князь кіевскій. Непредувѣдомленный о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменной горѣ, надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство русскихъ князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста; онъ рѣшился, кажется, принять смерть за отечество и сохранить честь русскаго имени. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня съ горы бился съ татарами, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры, обѣщая отпустить его на искупъ. Наконецъ воевода Бродниковъ, племени намъ подданнаго, поклялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь повѣрилъ и былъ преданъ измѣнникомъ, связанный, татарамъ. Они взяли укрѣпленіе и изсѣкли людей. Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху обѣдать, со смѣхомъ слушая, какъ подъ досками хрустѣли ихъ кости,—и „тако ту скончаша князи животъ свой“.

Татары остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Нѣко-

торые жители по дорогѣ выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами: пощады не было никому. Дошедъ до Новагорода Святополческаго, на Днѣпрѣ, близъ Вятичева, верстахъ во ста отъ Кіева, грозные враги вдругъ оборотились назадъ и скрылись столь же быстро, какъ быстро появились. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ-будто свирѣпый вихрь пронесся по пространству, ломая и разрушая все встрѣчное, помрачая зрѣніе. Онъ пронесся—и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого они рода?—спрашивали себя русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это прежніе печенѣги, которые нападали при Владимірѣ Святомъ, другіе называли ихъ таурменами, безбожными моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между востокомъ и сѣверомъ, что о нихъ предсказывалъ и св. Меѳодій Патарскій: „Придти имъ къ скончанію вѣка, и отъ Тигра до Понтскаго моря, кромѣ Еѳіопіи". „Нѣтъ", заключали православные, выслушавъ ученыя рѣчи, „Богъ одинъ знаетъ, что̀ это за люди, а насылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши, обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія".

Что же произошло на Руси послѣ этого неожиданнаго нашествія, упавшаго, какъ снѣгъ, на ея голову, послѣ такого ужаснаго пораженія почти совокупныхъ ея силъ? Какое впечатлѣніе осталось въ нашихъ князьяхъ по удаленіи дикой восточной орды? Собирались ли они гдѣ-нибудь толковать о мѣрахъ на случай ея возвращенія? Подумали-ль они о настоящемъ своемъ положеніи? Перемѣнили-ль образъ своихъ дѣйствій въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ виду угрожающей опасности.

Увы! Ничего не перемѣнилось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: ни разсужденій, ни мѣръ, ни совѣщаній никакихъ нигдѣ не было. Все пошло по-прежнему, какъ-будто ничего не случилось особеннаго, какъ-будто никакой опасности извнѣ не грозило имъ ни откуда, и все происшедшее они видѣли только во снѣ. Тотчасъ принялись они за прерванныя нечаянно распри, и междоусобія на всѣхъ концахъ возобновились съ прежнею горячностью—въ Галичѣ и на Волыни, въ Кіевѣ и Курскѣ, Новѣгородѣ и Владимірѣ, Смоленскѣ и Черниговѣ.

LXIII. НАШЕСТВІЕ БАТЫЯ И ПОКОРЕНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ.

(Изъ „Древней русской исторіи" Погодина и изъ „Исторіи государства Россійскаго" Карамзина).

Прошло пять лѣтъ, и опять возобновились междоусобія удѣльныхъ князей, какъ-будто ничего не случилось и нечего было опасаться болѣе бѣды для Русской земли. Вдругъ въ 1229 г. пронесся опять слухъ о татарахъ, показавшихся на рубежѣ Азіи, въ окрестностяхъ р. Яика или

Урала, и опять вздрогнули всѣ сердца русскихъ, чуя бѣду. Впрочемъ, татары подвигались медленно. Только въ 1232 г. подошли они къ Волгѣ и, не доходя до великаго города Болгарскаго (на лѣвой сторонѣ Волги, Казанской губ., въ Спасскомъ уѣздѣ), остановились зимовать. Здѣсь кочевали они больше трехъ лѣтъ и уже въ 1236 г. взяли другую столицу болгаръ, ограбили и сожгли. На слѣдующую зиму явились они въ области Рязанской, подойдя лѣсами съ восточной стороны.

Рязанскій князь Юрій Игоревичъ повѣстилъ родныхъ и сосѣднихъ князей; въ родственный Черниговъ и въ ближній Владиміръ отправлены послы за помощью. Въ Рязань собрались окрестные князья. Сюда прислали татары пословъ, требуя десятины во всемъ: и въ князьяхъ, и въ людяхъ, и въ коняхъ. Князья отвѣчали: „Не будетъ насъ, тогда возьмете все". Послы препровождены были къ князю Юрію Всеволодовичу во Владиміръ. На предложеніе татаръ: „Мирися съ нами", онъ отвѣчалъ: „Брань славная лучше мира постыднаго", и началъ приготовляться къ войнѣ, а рязанцамъ помощи не прислалъ, *хотя особь брань сотворити.*

Изъ Чернигова не было еще помощи, и рязанскіе князья должны были одни идти навстрѣчу татарамъ къ Воронежу, рѣшась умереть, а не покориться. По преданію, рязанскіе князья, посовѣтовавшись между собою, попытались умилостивить хана дарами, съ которыми отправился къ нему сынъ старшаго рязанскаго князя Ѳеодора. Батый принялъ дары ласково и требовалъ у Ѳеодора жены его, славившейся своею красотой. Услышавъ такое требованіе, князь Ѳеодоръ отвернулся съ негодованіемъ, и тутъ же былъ умерщвленъ. Тѣло было брошено звѣрямъ на растерзаніе. Услыхавъ о смерти Ѳеодора, князя рязанскаго, жена его кинулась изъ высокаго терема на берегу Осетра съ младенцемъ на рукахъ и убилась до смерти.

Татары двинулись впередъ къ Воронежу и разбили русскихъ князей, которые спаслись каждый въ свой городъ. Татары устремились впередъ, опустошая Рязанскую область *„грады разбивающе и жгуще, люди сѣкуще и плѣнуще"*. Татарами были раззорены до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Борисоглѣбскъ. Кромѣ Пронска, имена другихъ городовъ исчезаютъ послѣ этого въ лѣтописяхъ. Декабря 16-го обступили татары Рязань. Князья затворились. Осада продолжалась пять дней. Граждане оборонялись отчаянно, все время стояли по стѣнамъ городскимъ, не смѣняясь, тогда какъ татаръ прибывали все свѣжія толпы. Падало множество, но никто и не думалъ о сдачѣ. На шестой день подступили татары съ огнемъ, съ пороками и лѣстницами, и декабря 21-го взятъ былъ городъ копьемъ, разграбленъ и запаленъ. Жители всѣ перебиты: одни разстрѣлены стрѣлами, другіе посѣчены мечами, потоплены въ рѣкѣ; женщины преданы поруганію, дѣти брошены въ огонь, и не осталось въ городѣ никого изъ живыхъ: некому было стонать и плакать, некому скорбѣть о погибшихъ: всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. Изъ князей остался въ живыхъ одинъ, который успѣлъ бѣжать во Владиміръ и повѣдать великому князю о погибели Рязани. Татары пошли впередъ, не останавливаясь, на Владиміръ. Вдругъ сзади, когда они уже выходили изъ области Рязанской,—говоритъ другое сказаніе,—показались русскіе воины и ворвались въ станъ татарскій. Это были воины изъ полка боярина Евпатія Коловрата. Рязанскій бояринъ Евпатій Коловратъ былъ посланъ, при слухахъ о приближеніи къ Рязани татаръ,

за помощью въ Черниговъ. Услышавъ тамъ, что татары явились уже въ области Рязанской, Евпатій поспѣшилъ съ княземъ туда и нашелъ свою родину совершенно опустошенною, собралъ, сколько могъ, дружины, 1,700 человѣкъ, которыхъ „Богъ соблюде“, и погнался за татарами.

Поздно понялъ великій князь Юрій II свое положеніе и свою ошибку. Онъ отрядилъ сына своего Всеволода съ войскомъ къ Коломнѣ, а другого, Владиміра, въ Москву. Подъ Коломною произошло сраженіе. Татары окружили, по обычаю, суздальцевъ со всѣхъ сторонъ и одолѣли ихъ. Всеволодъ съ малой дружиной бѣжалъ во Владиміръ. Татары двинулись къ Москвѣ. Москва, городокъ, только-что возникавшій среди лѣсовъ, ее окружавшихъ, не могла долго противиться. Жители ея были истреблены, имущество пограблено. Татары обратились къ Владиміру.

Великій князь уѣхалъ передъ тѣмъ на Волгу собирать войско для отпора татарамъ. Онъ не ожидалъ, очевидно, что они такъ скоро могутъ очутиться передъ самымъ Владиміромъ, и предполагалъ, что успѣетъ вернуться заблаговременно со свѣжими силами. Онъ могъ думать, что крѣпкій городъ продержится во всякомъ случаѣ до его прибытія, но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Въ то время, какъ Юрій II расположился на Сити, ожидая своихъ братьевъ съ полкомъ, татары 3-го февраля явились предъ Владиміромъ и тьмами темъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Владимірцы затворились накрѣпко съ сыновьями великаго князя. Татары сначала уклонились отъ боя и требовали сдачи. Владимірцы отказались отворить ворота. Епископъ Митрофанъ увѣщевалъ народъ: „Чада, не убоимся смерти, не пріимемъ себѣ во умѣ сего тлѣннаго, скоро минующаго житья, но о томъ нескоро минующемъ житьѣ попечемся, еже ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ копіемъ возьмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога“. „О семъ же словеси слышавше вси, начаша крѣпко боротися“, говоритъ лѣтопись. Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, имѣя при себѣ плѣненнаго при Москвѣ Владиміра Юрьевича, и спросили о великомъ князѣ, тутъ ли онъ въ городѣ. Владимірцы въ отвѣтъ пустили въ татаръ по стрѣлѣ. Татары отвѣтили тѣмъ же; потомъ закричали: „Не стрѣляйте!“ Владимірцы остановились. Тогда татары подошли ближе къ Золотымъ воротамъ и поставили передъ ними Владиміра. „Узнаете ли вы своего княжича?“ спрашивали они осажденныхъ. А узнать его, дѣйствительно, уже нелегко было: такъ перемѣнился онъ въ татарской неволѣ: на несчастномъ не было лица: блѣдный и исхудалый, онъ еле держался на ногахъ. Молодые князья, стоявшіе у Золотыхъ воротъ, увидали брата и залились слезами; бояре и граждане съ ними. „Ударимъ, воскликнули пылкіе молодые князья воеводѣ и дружинѣ, ударимъ: лучше умереть за Святую Богородицу и правую вѣру, чѣмъ быть въ плѣну у поганыхъ“. Воевода удерживалъ, однакожъ, князей. Татары обложили городъ и на виду у жителей приготовлялись къ приступу. Между тѣмъ, одинъ отрядъ татаръ ходилъ къ Суздалю. Городъ былъ взятъ и сожженъ; княжій дворъ, монастырь св. Дмитрія, церковь св. Богородицы ограблены, жители перебиты, другіе отведены въ плѣнъ. Уцѣлѣвшіе нагіе и босые бродили безъ покрова по лѣсамъ и тамъ погибали. Скоро и этотъ отрядъ татаръ воротился къ Владиміру. Приготовленія къ приступу кончились, и татары начали ставить лѣса и пороки отъ утра и до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ. Поутру

князья и граждане увидѣли, что ужъ спастись городу отъ осады нельзя, и что онъ будетъ взятъ. Оставалось только приготовляться къ смерти. Супруга великаго князя съ дочерью, съ женами своихъ сыновей и съ внучатами ушли во храмъ Св. Богородицы, пріобщались тамъ св. таинъ и приняли ангельскій образъ отъ руки св. Митрофана. За ними послѣдовало много бояръ и людей, старики, женщины и дѣти. Всѣ ждали со страхомъ и трепетомъ своей погибели, предаваясь въ волю Божію.

7-го февраля, къ заутрени, татары бросились на стѣны и ворвались въ городъ съ различныхъ сторонъ. До обѣда весь почти городъ былъ занятъ и залился огнемъ. Татары отбили церковныя двери въ соборѣ Божіей Матери. Семейство великаго князя съ ближними людьми укрылось на полатяхъ. Татары ободрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоцѣнности, сосуды, кресты, оклады, ризы и пр. Узнавъ, что великая княгиня съ семействомъ на полатяхъ, татары звали ихъ сойти, обѣщая помиловать, но тѣ не сошли. Тогда татары натаскали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Скоро отъ дыма всѣ задохлись. Епископъ Митрофанъ, уже объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ и воскликнулъ: „Боже, простри руку твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ твоихъ".

Владимірскій соборъ Успенія, памятникъ князя Андрея Боголюбскаго на крутомъ берегу Клязьмы, сохранился до нашего времени. Тамъ по внутренней, узкой, темной лѣстницѣ можно еще и теперь взойти на эти приснопамятныя полати, гдѣ избранные русскіе люди скончали животъ свой, покоряясь волѣ Божіей съ вѣрой и любовью.

Молодые князья Всеволодъ и Мстиславъ, были застигнуты за городомъ и убиты вмѣстѣ съ прочими, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Изъ Владиміра татары разсыпались отрядами къ Ростову, Ярославлю Городцу и поплѣнили все по Волгѣ, даже до Галича; другіе пошли на Переяславль, ограбили и раззорили Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, вплоть до Торжка; въ продолженіе одного февраля мѣсяца взято городовъ 14, кромѣ слободъ и погостовъ. Суздальская и Ростовская области были окончательно раззорены. А великій князь Юрій стоялъ еще станомъ на Сити съ племянниками, дожидаясь братьевъ своихъ съ ихъ дружинами. Вдругъ пришла къ нему роковая вѣсть. „Господи,—воскликнулъ Юрій,—обливаясь слезами: такъ ли судишь Ты? Буди воля Твоя святая, готовъ умереть и я: одному что дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?"

Скоро явились татары, и 4-го марта произошло побоище на Сити. Кучи кургановъ, расположенныхъ по рѣкѣ Сити, по всему ея теченію до ея устья и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, такъ же, какъ и по Мологѣ, обозначаютъ путь грознаго шествія татаръ и гибели русскихъ людей. Судя по расположенію этихъ кургановъ, слѣдуетъ думать, что сраженія происходили во многихъ мѣстахъ. Многіе изъ отрытыхъ въ курганахъ скелетовъ, сохранили на костяхъ слѣды ударовъ, проломовъ, разрубовъ, усѣченій.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новгороду и, взявъ Волокъ Ламскій и Тверь, осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что новгородцы усердною помощью спасутъ ихъ. Но въ это несчастное время всякій думалъ только о себѣ: ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для

его спасенія. Татары взяли, наконецъ, Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло дальше, села исчезали, головы жителей, по словамъ лѣтописцевъ, падали на землю, какъ трава скошенная. Уже Батый находился во ста верстахъ отъ Новгорода, гдѣ плоды цвѣтущей долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу, но вдругъ испуганный, вѣроятно лѣсами и болотами этого края, къ радостному изумленію тамошнихъ жителей, обратился назадъ къ Козельску (въ губ. Калужской). Этотъ городъ имѣлъ тогда особаго князя, бывшаго еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени князей черниговскихъ. Дружина его и народъ совѣтовались между собой, что дѣлать. „Нашъ князь младенецъ,—говорили они,—но мы, какъ вѣрные россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія“. Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостью и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и вошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву, изрубили многія стѣнобитныя орудія татарскія и, положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ злымъ городомъ. Юный князь Василій пропалъ безъ вѣсти; говорили, что онъ утонулъ въ крови. Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, а братъ Юріевъ, Ярославъ, въ надеждѣ, что буря миновала, спѣшилъ изъ Кіева во Владиміръ принять достоинство великаго князя.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землей половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава галицкаго, былъ еще живъ и мужественно противился татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для поселенія. Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыева вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій владимірскому храму Богоматери.

Тогда жители великаго княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса: оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ епископа Симона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ. Черниговцы дали сильный отпоръ. Князь Мстиславъ Глѣбовичъ предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго остававшуюся сомнительной, татары сожгли Черниговъ, но хотѣли отдыха и черезъ Глуховъ отступили къ Дону.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ, Внукъ Чингизхана, именемъ Мангу,

былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ, увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ его. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ въ густой зелени садовъ, высокая бѣлая стѣна, съ высокими, гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми и украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ, сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ) и хотѣлъ лестью склонить жителей столицы къ подданству.

Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровью ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, вслѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Даніила смоленскаго, Ростиславъ Мстиславовичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ монголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ такой великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ жестокихъ варваровъ. Необходимо было оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ охраненіе столицы боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими, причемъ указывалъ на несмѣтное число Батыевой рати. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началась приступомъ къ вратамъ Лядскимъ. Тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ, копья трещали и ломались“: мертвыхъ и издыхающихъ—попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но татары къ вечеру овладѣли стѣной. Еще кіевляне не теряли бодрости, отступили къ церкви Десятинной, и ночью, укрѣпивъ ее тыномъ, снова ждали непріятеля; безоружные граждане, съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имуществомъ, заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однакожъ не было рѣчи о переговорахъ: никто не думалъ молить Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостью, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровью изъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копье и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ, татары отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновился бой и сломили бренную ограду кіевлянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра и что ограда эта есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами, схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Этотъ

грозный завоеватель умѣлъ, однакожъ, цѣнить необыкновенную храбрость и даровалъ ему жизнь.

Татары нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей. Древній Кіевъ исчезъ. Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ разрушенъ до основанія; послѣ изъ развалинъ его воздвигли новый. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ этого мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его. Татары таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ области Галицкую и Владимірскую, осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ 12-ю орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ, ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары взяли Владиміръ, Галичъ и множество другихъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій Димитрій находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить эту землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское, что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную, что надобно предупредить его, или онъ всеми силами ударитъ на татаръ. Батый послѣдовалъ совѣту Димитрія и двинулся изъ Россіи въ Венгрію.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ, что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большей части народа, прибавляютъ: „Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ, искали заступниковъ между невѣрными и не находили; они славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ конями татарскими. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ“. Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Дружины князей и города, не уступая въ мужествѣ татарамъ, не хотѣли соединиться, дѣйствовали разрозненно и, естественнымъ образомъ, не могли устоять противъ полумильонной рати Батыевой, тогда какъ Батый безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ.

LXIV. О нравахъ и обычаяхъ татаръ.

*(Изъ соч. Плано Карпини: „Historia Mongolorum“ *).*

Когда мы должны были, въ качествѣ посланниковъ отъ апостольскаго престола, отправиться къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, и когда мы узнали желаніе государя-папы и достопочтенныхъ кардиналовъ, то рѣшили прежде всего идти къ татарамъ, такъ какъ боялись, чтобы въ ближайшемъ будущемъ съ ихъ стороны не стала угрожать опасность церкви Божіей. И хотя мы боялись, чтобы татары или другіе народы насъ не убили, или на вѣкъ не плѣнили, боялись, чтобы отъ голода, жажды, холода, жара, непріятностей и трудовъ чрезмѣрныхъ не потерпѣть свыше силъ (что все,—въ большей даже степени, чѣмъ мы думали,—сбылось за исключеніемъ смерти и вѣчной неволи), однако мы не пощадили самихъ себя, чтобы, сообразно съ волей Божіей, исполнить порученіе государя-папы и сколько-нибудь принести пользу христіанству и, по крайней мѣрѣ, достовѣрно узнавъ желанія и намѣренія татаръ сообщить ихъ христіанамъ: иначе татары могли-бы двинуться на нихъ совершенно неожиданно, не давъ времени приготовиться къ отпору, какъ это бываетъ въ иныхъ случаяхъ по грѣхамъ человѣческимъ, и сдѣлать большое опустошеніе въ средѣ христіанскаго населенія. Поэтому—всему тому, что мы написали ради пользы вашей съ цѣлью предостеречь васъ, вы должны вѣрить тѣмъ болѣе, что мы все это или видѣли своими глазами, проведя годъ и четыре слишкомъ мѣсяца въ ихъ странѣ, съ ними, въ ихъ обществѣ, или слышали отъ заслуживающихъ довѣрія христіанъ, находящихся у нихъ въ рабствѣ. Отъ первосвященника мы имѣли порученіе все изучать и наблюдать внимательно, что мы, равно какъ и братъ Бенедиктъ полякъ, нашъ товарищъ въ этихъ треволненіяхъ и переводчикъ, исполняли тщательно.

Если въ написанномъ нами окажется что-либо вставленное для свѣдѣнія читателямъ и неизвѣстное въ странѣ вашей, то за это не называйте насъ лжецами, ибо мы передаемъ только то, что видѣли сами или слышали отъ людей, по нашему мнѣнію, заслуживающихъ довѣрія.

О наружномъ видѣ татаръ. Наружный видъ ихъ отличается отъ вида всѣхъ другихъ людей. Глаза у нихъ дальше отстоятъ одинъ отъ другого, чѣмъ у иныхъ людей; скулы также; послѣднія—выдавшіяся впередъ; носъ плоскій и умѣренной величины, глаза малые, рѣсницы доходящія до бровей. Тѣломъ они худощавы, за исключеніемъ немногихъ. Борода почти у всѣхъ растетъ плохо; только у немногихъ растетъ на верхней губѣ и бородѣ достаточно волосъ, которыхъ они никогда не брѣютъ. На верхушкѣ головы выбриваютъ, наподобіе духовныхъ лицъ, корону, и отъ одного уха до другого, на разстояніи трехъ пальцевъ, вообще всѣ брѣютъ волоса, соединяя выбритое пространство съ вышеуказанною короною; также брѣютъ верхнюю часть лба на протяженіи въ два пальца; волоса же, растущіе между короною и прежде указаннымъ выбритымъ мѣстомъ, пускаютъ расти до бровей, подрѣзая по обѣ

*) Joannis de Plano Carpini, Antivariensis episcopi, Historia Mongolorum, quos nos Tartaros appellamus.

стороны лба больше, чѣмъ въ срединѣ. Остальнымъ волосамъ позволяютъ расти такъ, какъ носятъ женщины. Эти волоса они соединяютъ въ двѣ косы, каждую изъ которыхъ перевязываютъ за ухомъ. Ноги ихъ умѣренной величины.

О бракѣ у татаръ. Каждый имѣетъ женъ столько, сколько можетъ содержать. Иной имѣетъ ихъ 100, иной 50, иной 10; одни больше, другіе меньше. Семейныя связи не мѣшаютъ бракамъ, исключая мать, дочь и сестру отъ одной матери. Они считаютъ позволительнымъ брать себѣ въ жены сестеръ, хотя бы отъ одного съ ними отца, но другой матери, и даже женъ отца послѣ его смерти. Жену брата беретъ себѣ, послѣ его смерти, младшій братъ или иной младшій родственникъ. Всѣхъ остальныхъ женщинъ берутъ себѣ въ жены безъ всякаго различія, платя за нихъ очень дорого родителямъ. Жены послѣ смерти мужей не легко вступаютъ въ новый бракъ, за исключеніемъ того случая, если найдется желающій взять свою мачиху въ жены.

О жилищахъ татаръ. Юрты ихъ круглыя, устроенныя на подобіе палатки изъ хворосту и тонкихъ кольевъ. Наверху, въ срединѣ, онѣ имѣютъ круглое отверстіе, посредствомъ котораго входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ, такъ какъ всегда у нихъ огонь разводится въ срединѣ юрты. Стѣны и потолокъ покрыты войлокомъ; двери тоже изъ войлока. Иныя юрты обширны, иныя нѣтъ, сообразно съ положеніемъ хозяина. Нѣкоторыя изъ этихъ юртъ могутъ быть быстро сняты и вновь устроены и перевезены за начальниками; другія не разбираются по частямъ, но перевозятся на телѣгахъ. У простыхъ людей одинъ быкъ впрягается въ телѣгу, у болѣе важныхъ—три или четыре, даже больше, смотря по тому, какъ тяжело то, что везутъ. Татары, куда бы ни шли, на войну ли, или не на войну, все свое имущество имѣютъ при себѣ.

Объ имуществѣ татаръ. Они очень богаты скотомъ, имѣютъ верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей. Вообще домашняго скота у нихъ столько, что во всемъ мірѣ, какъ намъ казалось, столько не могло быть. Свиней и другихъ животныхъ у нихъ очень мало.

О добрыхъ нравахъ татаръ. Вышеназванные люди, т. е. татары, болѣе послушны своимъ властителямъ, чѣмъ какой-либо другой народъ въ мірѣ. Такимъ послушаніемъ отличаются и жрецы, и свѣтскіе люди. Они уважаютъ властителей своихъ и рѣдко говорятъ имъ неправду. Рѣдко или никогда не бранятъ одинъ другого, никогда не дерутся; войны, ссоры, раны и убійства никогда между ними не встрѣчаются. Даже грабители и крупные воры здѣсь не извѣстны. Гдѣ ихъ юрты и телѣги, тамъ весь ихъ скарбъ, не запертый ни вечеромъ, ни ночью. Если потеряются животныя, то нашедшій ихъ возвращаетъ хозяину или передастъ тѣмъ людямъ, которые назначены для этой цѣли; хозяинъ, потерявшій скотъ, спрашиваетъ у нихъ и получаетъ обратно безъ всякаго затрудненія. Другъ друга очень уважаютъ и въ обхожденіи дружественны. Пищу, хотя и не обильную у нихъ, довольно равномѣрно раздѣляютъ между собою. Они очень выносливы. Голодая цѣлый день или два дня, не становятся мрачными, но поютъ и играютъ, будто покушавъ до-сыта. Ѣздя верхомъ, переносятъ сильный холодъ, равно какъ и сильный жаръ. Они не изнѣжены, не завидуютъ другъ другу; у нихъ не бываетъ ничего, что возбуждало бы сильныя желанія. Другъ друга они не презираютъ, но помогаютъ охотно, на сколько могутъ. Жены

ихъ отличаются скромностью. Возмущенія у нихъ бываютъ рѣдко или никогда, и хотя они напиваются до-пьяна, но и тогда ни словами, ни поступками не выказываютъ неуваженія къ своему положенію.

О дурныхъ нравахъ татаръ. Описавъ хорошіе нравы ихъ, нужно сказать и о дурныхъ. Они болѣе горды, чѣмъ другіе народы, и презираютъ другихъ, не обращая вниманія, имѣютъ ли дѣло съ благородными или нѣтъ. Мы видѣли при дворѣ татарскаго императора благороднаго мужа Ярослава, великаго князя русскаго, сына царя и царицы Грузіи, многихъ знатныхъ султановъ, князя Солангoвъ. Никто изъ нихъ не получалъ почета, и татары, сопровождавшіе ихъ, хотя были изъ незнатныхъ, шли впереди и занимали всегда лучшее и первое мѣсто, а имъ нужно было всегда садиться сзади. Очень злобно они смотрятъ на другихъ и склонны по природѣ къ гнѣву. Они лживѣе всѣхъ людей, и почти нельзя найти у нихъ правды: сначала они льстятъ, но въ концѣ жалятъ, какъ скорпіоны. Лицемѣры и обманщики, они готовы, если возможно, всѣхъ надувать. Мужчины неопрятны при ѣдѣ и питьѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Если другимъ желаютъ сдѣлать зло, намѣреніе свое скрываютъ, чтобы не провѣдали про него и не приняли мѣръ. Пьянство у нихъ въ почетѣ, и пьяный тутъ же выбрасываетъ лишнее, что не мѣшаетъ ему приняться за питье снова. Они очень жадны и скупы, мастера выпрашивать и не возвращать взятаго, скупы, когда нужно дать что-либо. Убить человѣка другой народности имъ ничего не стоитъ. Короче говоря, у нихъ столько дурныхъ проявленій, что перечислить ихъ на письмѣ невозможно.

Объ обычаяхъ и законахъ татаръ. У нихъ обычай или законъ — наказывать смертью мужчинъ и женщинъ, уличенныхъ въ развратѣ. Если кто-либо будетъ въ ихъ странѣ уличенъ въ грабежѣ или воровствѣ, то предается смерти безъ милосердія. Если кто изъ нихъ выдастъ намѣренія, особенно когда собираются на войну, то получаетъ сто ударовъ столь сильныхъ, на сколько можетъ ихъ нанести палкою простой человѣкъ. Когда кто-либо изъ меньшихъ совершитъ какой-нибудь проступокъ, то старшіе не щадятъ его, а сильно наказываютъ ударами. Между дѣтьми отъ тѣхъ или другихъ женъ опредѣленной разницы не дѣлаютъ, и отецъ даетъ имъ то, что хочетъ, безразлично, и если онъ князь, то это достоинство переходитъ на сыновей, родившихся отъ которой бы то ни было жены. Если татаринъ имѣетъ нѣсколько женъ, то у каждой изъ нихъ есть своя юрта и своя семья. Съ одной онъ проводитъ время одинъ день, съ другою другой и т. д.; но одна изъ всѣхъ считается главною, и съ нею онъ чаще проводитъ время, чѣмъ съ другими. Жены, хотя ихъ много, между собою ссорятся не часто.

Мужчины работаютъ только надъ изготовленіемъ стрѣлъ и немного наблюдаютъ за стадами. Они охотятся и упражняются въ метаніи стрѣлъ; поэтому всѣ, отъ мала до велика, хорошіе стрѣлки, а дѣти ихъ съ двухъ и трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ, учатся управлять лошадьми и скакать на нихъ. Имъ даютъ лукъ, соотвѣтствующій ихъ возрасту, и показываютъ, какъ должно стрѣлять. Они очень ловки и смѣлы.

Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ и скачутъ на коняхъ не хуже мужчинъ. Мы видѣли ихъ съ луками и стрѣлами. И мужчины, и женщины долго могутъ находиться на конѣ. Женщины занимаются всѣмъ хозяйствомъ, дѣлаютъ предметы изъ кожи, одежду, обувь; онѣ правятъ

въ телѣгахъ, нагружаютъ верблюдовъ; онѣ очень быстры и неутомимы во всѣхъ своихъ работахъ.

О хитростяхъ татаръ во время битвъ. Желая отправиться на войну, высылаютъ передовыхъ, которые ничего не имѣютъ съ собою, кромѣ вооруженія и коней. Эти ничего не грабятъ, домовъ не сожигаютъ, скота не убиваютъ, но только умерщвляютъ и ранятъ людей, а если этого не могутъ, то обращаютъ въ бѣгство. За ними слѣдуетъ уже войско, которое, наоборотъ, захватываетъ все, что можетъ, не исключая и людей, которыхъ, встрѣтивъ, убиваетъ или беретъ въ плѣнъ. Къ тому же начальники войска посылаютъ повсюду развѣдчиковъ, очень опытныхъ въ исканіи, чтобъ открыть людей и запасы.

Когда нужно перейти черезъ большую рѣку, то поступаютъ такъ. Начальники имѣютъ круглую, легкую кожу, на которой придѣланы частые ремни. Между ремней кладутъ сѣно и стягиваютъ его такъ, что образуется нѣчто вродѣ мѣшка, который наполняютъ одеждою и другими вещами. Такіе мѣшки привязываютъ крѣпко одинъ къ другому. Посрединѣ кладутъ сѣдла и другія твердыя вещи; посрединѣ тоже садятся люди. Приготовленное такимъ образомъ судно привязывается къ хвосту лошади, которая вмѣстѣ съ человѣкомъ, управляющимъ ею, плыветъ впереди. Въ иныхъ случаяхъ они имѣютъ два весла, при помощи коихъ плывутъ по теченію и переходятъ такимъ образомъ рѣки. Лошадей же сгоняютъ въ воду, при чемъ они слѣдуютъ за лошадью, плывущею съ человѣкомъ впереди, и такимъ образомъ переходятъ большія рѣки. Другіе же, простые люди, должны имѣть по кожаному мѣшку, хорошо сшитому. Въ эти мѣшки они прячутъ одежды и всѣ свои вещи, мѣшокъ плотно завязываютъ и, прикрѣпивъ къ хвосту лошади, переходятъ рѣки, какъ было сказано.

Нужно знать, что они, завидѣвъ непріятеля, идутъ ему на встрѣчу, пускаютъ въ него три или четыре стрѣлы и, если видятъ, что не могутъ побѣдить, возвращаются назадъ къ своимъ. Это дѣлаютъ и ради хитрости, чтобы противники, погнавшись за ними, попали въ тѣ мѣста, гдѣ устроены засады; и если противники попадутъ въ вышесказанныя засады, то ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ и поражаютъ. Если видятъ, что имѣютъ предъ собою большое войско, отступаютъ назадъ на извѣстное разстояніе и тайно нападаютъ на другую часть страны, убивая людей и все раззоряя. Если же замѣчаютъ, что сдѣлать этого не могутъ, то отступаютъ на болѣе значительное разстояніе; нерѣдко, впрочемъ, остаются въ безопасномъ мѣстѣ, ожидая, пока войско противниковъ не раздѣлится, и тогда, воровскимъ образомъ, набѣгаютъ и опустошаютъ всю страну. Въ войнѣ они чрезвычайно хитры, ибо уже болѣе сорока лѣтъ съ другими народами сражаются постоянно.

Когда желаютъ вступить въ сраженіе, все войско устраиваютъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ должны сражаться. Князья или начальники войска не участвуютъ въ сраженіи, но стоятъ далеко отъ непріятеля, имѣя при себѣ женъ и дѣтей на лошадяхъ. Иногда они дѣлаютъ человѣческія чучела и сажаютъ ихъ на лошадей, для того, чтобы показать, что у нихъ много воиновъ. Противъ непріятеля прямо выставляютъ толпу плѣнныхъ и другихъ народовъ, находящихся между ними, присоединяя къ ней, кажется, нѣсколькихъ татаръ. Другіе отряды, состоящіе изъ сильнѣйшихъ людей, издали посылаются направо и налѣво,

чтобы непріятели не замѣтили ихъ; такимъ образомъ, они окружаютъ непріятелей, собираясь вмѣстѣ. Такъ они начинаютъ сражаться на всѣхъ пунктахъ и, будучи даже незначительными въ иныхъ случаяхъ по числу, заставляютъ думать непріятелей своихъ совершенно противоположное, особенно когда непріятели дадутъ себя обмануть дѣтьми и женами или чучелами, находящимися при начальникахъ, какъ объ этомъ сказано было выше. Но если непріятели хорошо сражаются, то татары уступаютъ и бѣгутъ; когда-же, во время ихъ бѣгства, непріятели раздѣлятся, начавъ гнаться за бѣгущими, они убиваютъ во время ихъ бѣгства большее число людей, чѣмъ во время битвы. Нужно знать, что они неохотно идутъ въ рукопашный бой, избѣгая его, гдѣ возможно, но предпочитаютъ наносить удары людямъ и лошадямъ посредствомъ стрѣлъ и, только ослабивъ непріятеля такимъ образомъ, вступаютъ въ рукопашную.

Пребываніе у Батыя. Когда мы прибыли къ Батыю въ предѣлахъ земли Командовъ, насъ помѣстили въ разстояніи одной мили отъ жилища его. Прежде чѣмъ идти во дворецъ Батыя, намъ сказали, что мы должны проходить между двухъ огней. Мы не хотѣли на это согласиться по нѣкоторымъ причинамъ, но намъ сказали слѣдующее: „Не бойтесь: мы требуемъ, чтобы вы проходили между двухъ огней, лишь затѣмъ, чтобы огонь уничтожилъ зло, если вы имѣете таковое въ намѣреніи вашемъ по отношенію къ нашему повелителю, или если несете съ собою ядъ“. Мы отвѣчали: „Мы готовы проходить, чтобъ не дать повода подозрѣвать себя въ чемъ-либо подобномъ“. Когда мы пришли въ орду, насъ спрашивалъ чиновникъ Батыя, по имени Эдигей, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т. е. какіе несемъ подарки. Мы отвѣчали, какъ и прежде, что государь-папа даровъ не шлетъ, но мы хотимъ отъ себя принести подарки изъ тѣхъ средствъ, которыя получили на расходы по милости Бога и государя-папы. Когда подарки были даны и приняты, тотъ же Эдигей спросилъ насъ о причинѣ нашего прибытія, на что мы отвѣчали то же самое, что и прежде. Послѣ этихъ переговоровъ мы были введены въ юрту, сдѣлавъ прежде поклонъ и выслушавъ на порогѣ наставленіе. Войдя и вставъ на колѣни, мы сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ, которые могли бы перевести письма. Эту просьбу нашу исполнили въ страстную пятницу, и мы внимательно перевели письма на русскій, сарацинскій и татарскій языки. Переводъ былъ представленъ Батыю, который разсматривалъ и читалъ его внимательно.

Этотъ Батый держитъ себя съ великолѣпіемъ, имѣя тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ, какъ императоръ. Садится онъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ-бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія же, какъ братья и сыновья, такъ и прочіе младшіе, садятся ниже, на скамьяхъ; остальные люди—за ними на землѣ: мужчины вправо, женщины влѣво. Палатки Батыя изъ холста; онѣ просторны и очень красивы и принадлежали венгерскому королю. Въ его палатку никто изъ посторонних, кромѣ родственниковъ, какъ бы знатенъ и могущественъ онъ ни былъ, не смѣетъ войти безъ дозволенія Батыя. Мы, объяснивъ дѣло, сѣли по лѣвую сторону, ибо такой обычай существуетъ для прибывающихъ пословъ, между тѣмъ какъ отъѣзжающіе послы садятся по правую сторону. Среди палатки, ближе къ двери, ставится столъ съ напитками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни самъ Батый, ни

татарскіе вельможи, особенно въ собраніи, никогда не пьютъ безъ пѣнія и музыки. Когда Батый ѣздитъ на лошади, надъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ; такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами, и даже женами ихъ. Этотъ Батый къ своимъ людямъ довольно добръ, хотя они его и сильно боятся. Въ битвѣ онъ очень жестокъ; онъ очень находчивъ и очень хитеръ въ войнахъ, такъ какъ съ давнихъ поръ привыкъ къ нимъ.

Въ страстную субботу насъ позвали на ставку, и названный выше чиновникъ Батыя вышелъ къ намъ, говоря, что мы поѣдемъ къ императору Гаюку въ его земли.

Пребываніе у Гаюка. Когда мы прибыли къ Гаюку, то послѣдній велѣлъ намъ дать палатку и отпускать содержаніе, какое у татаръ въ обыкновеніи. Наше положеніе было лучше, чѣмъ положеніе другихъ пословъ. Къ нему самому насъ и не позвали, потому что онъ еще не былъ избранъ и пока не принималъ участія въ правленіи: но переводъ писемъ государя-папы и слова, нами сказанныя, были ему переданы Батыемъ. Пробывъ здѣсь пять или шесть дней, мы были позваны къ его матери, гдѣ было торжественное собраніе. Прійдя туда, мы нашли большую пурпурную палатку, которая, по нашему мнѣнію, была способна вмѣстить въ себѣ болѣе 2,000 человѣкъ. Вокругъ нея сдѣлана была деревянная ограда съ разными рисунками.

На второй или на третій день мы отправились съ приставленными къ намъ татарами къ палаткѣ Гаюка. Сюда сошлись всѣ князья, и каждый изъ нихъ со своею свитою сидѣлъ на конѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ вокругъ палатки. Въ первый день всѣ были одѣты въ бѣлыя одежды, во второй—въ красныя; и тогда въ палатку пришелъ Гаюкъ. На третій день одежды были синеватыя, на четвертый—алыя. Въ оградѣ, около палатки, было два главныхъ входа. Одинъ предназначался только для императора, и этимъ входомъ никто не смѣлъ входить и выходить, хотя онъ былъ открытъ и не былъ охраняемъ стражею. Другой входъ предназначался для всѣхъ приглашенныхъ. При немъ стояли сторожевые воины съ мечами, луками и стрѣлами. Если кто-либо приближался къ палаткѣ ближе опредѣленной черты, то его хватали и били, а если убѣгалъ, пускали въ него стрѣлы безъ желѣза. Въ такомъ положеніи всѣ оставались почти до полудня, а затѣмъ начали пить кумысъ и пили до вечера, что было весьма удивительно.

Насъ позвали во внутрь и дали намъ нѣчто въ родѣ пива, такъ какъ мы не пили совсѣмъ кумыса. Это сдѣлали для насъ ради великой чести. Они насъ принуждали къ питью, что́ съ непривычки было для насъ очень тяжело. Мы объяснили имъ наше положеніе и такимъ образомъ освободились отъ принужденія. Внѣ находились князь Ярославъ изъ Суздаля на Руси, многіе начальники китайцевъ и солангов, два сына грузинскаго царя, посолъ калифа багдадскаго, который былъ султанъ, и болѣе 10-ти другихъ сарацинскихъ султановъ, какъ намъ казалось, и какъ намъ передавали чиновники. Здѣсь вообще было болѣе 4,000 пословъ. Всѣ они располагались внѣ ограды и получали для питья кумысъ. Князю Ярославу и намъ, когда мы находились внѣ, всегда давали первое мѣсто. Въ этомъ мѣстѣ мы провели, если не ошибаемся, около 4-хъ недѣль. Мы думаемъ, что здѣсь происходило избраніе, хотя

провозглашеніе было и не здѣсь... Этотъ лагерь или дворецъ татары называютъ Сыра-Орда.

Выйдя отсюда, мы отправились на лошадяхъ всѣ вмѣстѣ въ другое мѣсто, за три или четыре мили. Тутъ была приготовлена, на прекрасной равнинѣ между горами, на берегу рѣки, другая ставка, носящая у татаръ названіе Золотой Орды. Здѣсь Гаюкъ долженъ былъ торжественно возсѣсть на тронѣ въ день Успенія Богородицы; но торжество это было отложено вслѣдствіе выпавшаго града. Палатка была укрѣплена на колоннахъ, покрытыхъ листами золота и связанныхъ золотыми связями съ другими балками. Потолокъ и стѣны были покрыты дорогими матеріями; съ наружной стороны были другія ткани. Здѣсь мы находились до дня св. Варѳоломея. Въ этотъ день прибыла громадная толпа. Она стояла, обратившись лицомъ къ югу. Нѣкоторые стояли въ извѣстномъ разстояніи отъ другихъ и шли впереди все дальше и дальше, произнося молитвы и дѣлая колѣнопреклоненія по направленію къ югу. Мы же въ то время, когда шли воспѣванія и колѣнопреклоненія въ честь божества, какъ и другіе, не знавшіе, въ чемъ дѣло, на колѣни не становились. Эта церемонія продолжалась долго. Затѣмъ татары вернулись къ палаткѣ, усадили Гаюка на императорскомъ тронѣ; а князья предъ ними стали на колѣни; потомъ и весь народъ сдѣлалъ это, исключая насъ, которые не были ихъ подданными. Затѣмъ начали пить и, сообразно своему праву, провели такъ время до вечера, когда начали развозить въ возахъ мясо, варенное безъ соли, и раздавать его по большому куску на четыре или пять человѣкъ. Въ палаткѣ раздавали мясо и супъ съ большимъ количествомъ соли. Такимъ образомъ шло пиршество во всѣ дни.

Здѣсь же мы были позваны къ императору. Чиновникъ Шингай записалъ имена наши и тѣхъ, которые насъ послали, и вызывалъ громко въ присутствіи императора и всѣхъ князей. Послѣ этого каждый изъ насъ долженъ былъ четыре раза преклонить лѣвое колѣно, и намъ велѣли не касаться порога. Когда насъ обыскали внимательно, нѣтъ ли при насъ оружія, и ничего не нашли, то велѣли войти въ дверь съ восточной стороны, ибо съ западной никто входить не смѣетъ, кромѣ императора да князя, которому принадлежитъ палатка. Однако простые люди мало заботятся о соблюденіи этого обычая. Такимъ образомъ въ первый разъ въ его присутствіи мы вошли въ палатку, когда онъ былъ провозглашенъ императоромъ. Здѣсь онъ принималъ пословъ; но лишь немногіе входили въ самую палатку. Здѣсь же приносились подарки, состоявшіе въ шелковыхъ матеріяхъ, пурпурѣ и другихъ тканяхъ, поясахъ съ золотомъ, великолѣпныхъ мѣхахъ и другихъ приношеніяхъ самыхъ превосходныхъ. Здѣсь же мы видѣли зонтикъ, подаренный для ношенія надъ головою императора, весь усыпанный драгоцѣнными камнями. Здѣсь же правитель одной провинціи представилъ Гаюку много верблюдовъ, покрытыхъ дорогими матеріями, съ сѣдлами, приспособленными такъ, что внутри ихъ могли сидѣть люди. Было много лошадей и муловъ съ вооруженіями изъ кожи или изъ желѣза. Насъ спросили, желаемъ ли дать подарки; но мы, израсходовавъ почти все, что имѣли, ничего дать не могли. Здѣсь, на нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки, на горѣ, стояло болѣе 500 возовъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и дорогими матеріями. Всѣ эти богатства были раздѣлены между импе-

ратором и князьями, каждый изъ коихъ дѣлилъ свою долю между своими людьми, по такъ, какъ ему было угодно.

Въ это время умеръ Ярославъ, великій князь той части Руси, которая называется Суздалемъ. Онъ былъ приглашенъ матерью императора, которая, ради чести кормила и поила его изъ рукъ своихъ. Возвратился онъ въ занимаемое имъ жилище больнымъ и черезъ семь дней скончался. Тѣло его удивительнымъ образомъ сдѣлалось прозрачно-блѣдное, почему полагали, что татары отравили этого князя, чтобы свободно завладѣть его землею. Это подтверждается и тѣмъ, что безотлагательно не увѣдомивъ русскихъ, бывшихъ здѣсь съ княземъ, они поторопились послать сказать на Русь сыну его Александру, чтобы тотъ прибылъ для полученія наслѣдства послѣ отца. Но Александръ не пошелъ, а только далъ письменный отвѣтъ, что прибудетъ. Всѣ полагали, что онъ былъ бы убитъ или задержанъ навсегда въ неволѣ, если бы пришелъ.

Въ продолженіе мѣсяца мы терпѣли голодъ и жажду, такъ что еле могли жить, потому что содержаніе, которое намъ отпускалось на четырехъ, еле хватило на одного; купить же было нечего. Но Богъ послалъ намъ нѣкоего русскаго, именемъ Кузьму, любимца императора и его золотыхъ дѣлъ мастера. Онъ насъ нѣсколько поддерживалъ. Намъ кажется, что мы бы умерли безъ посторонней помощи. Кузьма показалъ намъ императорскій тронъ, который онъ сдѣлалъ до воцаренія Гаюка, и сдѣланную имъ же печать. Онъ даже объяснилъ намъ надписи печати. И иныя секретныя дѣла, касающіяся названнаго императора, мы узнали черезъ пришедшихъ съ другими князьями русскихъ и венгерцевъ, знавшихъ по-латини и по-французски, и отъ русскихъ духовныхъ и другихъ, съ ними бывшихъ. Иные изъ нихъ тридцать лѣтъ участвовали въ войнахъ и другихъ происшествіяхъ и знали многое про татаръ, ибо знали языкъ ихъ и оставались съ ними одни 20, другіе 10, третьи больше, четвертые меньшее количество лѣтъ. Отъ нихъ мы могли все развѣдать, и сами они охотно и нерѣдко безъ вопросовъ съ нашей стороны разсказывали намъ обо всемъ, зная, что это насъ интересуетъ.

Спустя нѣсколько дней, насъ позвалъ императоръ опять и велѣлъ черезъ своего главнаго министра Кадака, въ присутствіи главныхъ секретарей Балы и Шингая и другихъ многихъ писцовъ, разсказать намъ все наше дѣло, что́ мы и исполнили охотно. Переводчикомъ нашимъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, былъ Темиръ, воинъ Ярослава, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его священникомъ и еще однимъ священникомъ, бывшимъ при императорѣ. И спрошены мы были тогда о томъ, есть ли у государя-папы люди, понимающіе по-русски, по-сарацински или по-татарски. Мы отвѣчали, что нѣтъ, но прибавили, что, по нашему мнѣнію, то, что будетъ писано по-татарски, мы переведемъ, напишемъ внимательно и доставимъ государю-папѣ, какъ само письмо, такъ и переводъ.

Въ день св. Мартина мы были опять позваны, и пришли къ намъ Кадакъ, Шингай и многіе вышеуказанные писцы. Мы переводили письмо слово въ слово, и когда писали по-латини, они велѣли намъ объяснять имъ все, желая знать, не дѣлаемъ ли въ чемъ-либо ошибки.

У императора татарскаго обыкновеніе не говорить самому ни съ кѣмъ изъ постороннихъ, какъ бы они знатны ни были: онъ слушаетъ и отвѣчаетъ при посредствѣ третьяго лица. Императоръ Гаюкъ имѣетъ

около 40 или 45 лѣтъ или больше. Онъ роста средняго, очень рассудителенъ, хитеръ, серьезенъ и важенъ. Никто не видѣлъ его смѣющимся изъ-за пустяка и дѣлающимъ что-либо легкомысленное. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили намъ христіане, бывшіе долго при немъ. Эти же христіане, знакомые съ его семействомъ, говорили, что, по ихъ мнѣнію, онъ самъ долженъ сдѣлаться христіаниномъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что онъ имѣетъ при себѣ христіанскихъ священниковъ, даетъ имъ содержаніе, имѣетъ христіанскую часовню предъ своею большою палаткою, и въ часовнѣ этой открыто и публично совершается служба и священное пѣніе по обряду греческому, какъ и въ христіанской странѣ, не смотря на то, что здѣсь большинство татаръ и людей другихъ исповѣданій. Другіе князья не дѣлаютъ этого.

Императоръ предлагалъ отправить вмѣстѣ съ ними своихъ пословъ, какъ говорили приставленные къ намъ татары. Онъ хотѣлъ, чтобы мы объ этомъ просили, какъ намъ сказалъ одинъ изъ нашихъ татаръ, именно старшій, убѣждавшій насъ поступить такимъ образомъ. Но мы отъ этого не видѣли пользы и заявили, что не намѣрены просить; если же императоръ хочетъ, то пусть посылаетъ, а мы постараемся съ Божьею помощью довести пословъ его безпрепятственно. Мы по многимъ причинамъ считали ненужнымъ посольство. Во-1-хъ, мы боялись, чтобы, увидѣвъ наши раздоры и войны, они не возъимѣли еще большаго желанія напасть на насъ. Во-2-хъ, мы боялись, чтобы послы не явились шпіонами. Въ-3-хъ, мы боялись, чтобы ихъ не убили, ибо наши соотечественники вообще драчливы и горды, а у татаръ былъ обычай, никогда не заключать мира съ тѣми, которые убили ихъ пословъ, ибо татары мстительны...

На третій день послѣ того, въ день св. Бриція, насъ отпустили и снабдили письмомъ императора за его печатью, велѣвъ намъ идти къ матери императора. Каждому изъ насъ она подарила лисью шубу, мѣхомъ наружу и подшитую матеріею, и пурпурный кафтанъ. Въ обратный путь мы отправились 14 ноября.

LXV. УТВЕРЖДЕНІЕ МЕЧЕНОСЦЕВЪ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАѢ.

(По „Русской исторіи“ Бестужева-Рюмина и „Сѣверно-русскимъ народоправствамъ“ Костомарова).

Чудскія и латышскія племена, населявшія издревле нынѣшній Остзейскій край, съ давнихъ поръ были въ сношеніяхъ съ сосѣдними славянскими племенами. Въ числѣ племенъ, приглашавшихъ Рюрика и его братьевъ, упоминается лѣтописью чудское племя. Ярославъ въ 1030 г. построилъ городъ Юрьевъ (близъ нынѣшняго Дерпта), а новгородцы и полочане считали прибрежья Рижскаго залива своими владѣніями, съ жителей которыхъ они брали дань. Населеніе Остзейскаго края было грубо и необразовано, оно оставалось при своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованіяхъ, раздѣлялось на множество мелкихъ племенъ, не составлявшихъ одного политическаго цѣлаго. Ни новгородцы, ни полочане не

обращали вниманія на ихъ религію и политическое устройство: они довольствовались данью и дозволяли затѣмъ туземцамъ жить совершенно такъ, какъ имъ было угодно. Но вотъ однажды, именно въ 1159 г., буря занесла корабли съ нѣмецкими купцами изъ города Бремена къ устьямъ Западной Двины. Иностранцы познакомились нѣсколько со страною и пришли къ заключенію, что было бы не безвыгодно завести торговыя сношенія съ туземцами, у которыхъ можно дешево обмѣнивать разныя сырыя произведенія. Слѣдствіемъ этого было то, что почти неизвѣстные дотолѣ берега Рижскаго залива стали отъ времени до времени посѣщаться германскими торговыми людьми.

Весьма естественно, что нѣмцы, познакомившись съ туземцами, пожелали въ средѣ ихъ ввести христіанство. И дѣйствительно, въ 1187 г., вмѣстѣ съ купцами прибылъ католическій миссіонеръ Мейнгардъ, построилъ церковь близь ливонскаго селенія Икемола и началъ проповѣдывать Евангеліе. Мейнгардъ былъ провозглашенъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Такъ какъ онъ поселился на землѣ, считавшейся принадлежащею полоцкому князю, то и обратился съ просьбою къ послѣднему о дозволеніи основать нѣмецкую колонію. Полоцкій князь не воспротивился этому, и такимъ образомъ возникъ укрѣпленный городокъ Динагольмъ.

Проповѣдь Мейнгарда нельзя считать особенно удачною: она вызывала неоднократно сильное неудовольствіе въ туземцахъ, упорно привязанныхъ къ вѣрѣ предковъ. Какъ во время Мейнгарда, такъ и при преемникѣ его Бертольдѣ происходили весьма часто враждебныя столкновенія между нѣмцами и туземцами. Бертольдъ былъ даже убитъ въ одной изъ такихъ схватокъ. Тогда епископомъ назначенъ былъ знаменитый Альбертъ, прочно утвердившій нѣмецкое владычество въ этой странѣ. Онъ выхлопоталъ у папы буллу, разрѣшающую образованіе духовно-рыцарскаго ордена, обязанностью котораго было не только словомъ, но и оружіемъ распространять католицизмъ между языческими туземцами. Орденъ этотъ сначала носилъ названіе „Братьевъ Христова воинства" (Fratres militiae Christi), а потомъ переименовался въ „Меченосцевъ" (Gladiferi). Впослѣдствіи орденъ этотъ слился воедино съ „Тевтонскимъ" или „орденомъ Дѣвы Маріи", утвердившимся по нижнему теченію Вислы и ведшимъ кровопролитныя войны съ пруссами и литовцами. Во время Альберта возникъ уже болѣе значительный нѣмецкій городъ въ Остзейскомъ краѣ, именно Рига, которая съ 1201 г. стала мѣстопребываніемъ епископа. Теперь уже пришельцы не довольствовались проповѣдью слова Божія, а пускали въ ходъ и оружіе, захватывая себѣ земли туземцевъ и обращая послѣднихъ почти въ рабское состояніе. Слухъ объ успѣхахъ первыхъ меченосцевъ скоро распространился по всей Германіи, и потому многіе германскіе дворяне стремились въ Ригу пополнять убыль въ рядахъ бойцовъ за святое, по ихъ мнѣнію, дѣло. Такимъ образомъ, получая постоянно подкрѣпленія изъ Германіи, орденъ Меченосцевъ, какъ и Тевтонскій, сдѣлался многочисленнымъ и могущественнымъ.

Если проповѣдь первыхъ католическихъ миссіонеровъ вызывала неудовольствіе и возмущеніе въ туземцахъ, то теперь, когда она соединялась съ порабощеніемъ, сопротивленіе должно было возрасти еще больше. Но превосходство обыкновенно было на сторонѣ нѣмцевъ: они не страдали

внутренними раздорами, получали постоянно подкрѣпленіе изъ-за-границы, имѣли лучшее оружіе, строили укрѣпленные замки. Насколько имъ уступали туземцы, можно видѣть изъ того, что, дѣлая нападенія на замки своихъ притѣснителей, они пытались стаскивать веревками камни со стѣнъ, полагая, что стѣна состоитъ изъ камней, лежащихъ другъ на другѣ и несвязанныхъ никакимъ цементомъ. Тѣ, которые крестились подъ вліяніемъ насилія, бросались въ Двину, желая смыть съ себя крещеніе и отослать его по теченію рѣки на западъ, туда, откуда оно пришло. Возставшіе обыкновенно вели войну съ крайнимъ озлобленіемъ, безжалостно мучили и убивали попадавшихся къ нимъ враговъ, иногда заживо жарили ихъ и ѣли. Но и нѣмцы, побѣдивъ возставшихъ, поступали съ ними не снисходительнѣе: они казнили ихъ цѣлыми тысячами, выжигали до тла ихъ села и т. п.

Полоцкіе князья, разрѣшившіе Мейнгарду основаніе нѣмецкой колоніи при устьяхъ Западной Двины, скоро поняли свою ошибку и начали рядъ попытокъ вытѣснить нѣмцевъ оружіемъ. Эти же намѣренія были и у псковичей, а преимущественно у новгородцевъ, которые считали нѣкоторыя земли, занятыя нѣмцами (напр. Оденпе или Медвѣжью голову), своею собственностью. Съ 1206 г. начинается почти непрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ между орденомъ и сосѣдними русскими княжествами, при чемъ большинство новыхъ подданныхъ ордена (чудь, ливы, эсты) обыкновенно помогаютъ русскимъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи отвоевать утраченную свободу. Но противники ордена не отличались тѣмъ единодушіемъ, которое одно только могло бы имъ доставить побѣду. Въ самыя рѣшительныя минуты то тотъ, то другой изъ нихъ оставлялъ поле сраженія. Такъ, напримѣръ, одно время полоцкій князь заключилъ миръ съ нѣмцами, обѣщавшими не распространять дальше своихъ владѣній и платить ему дань. Борьба съ Суздалью неоднократно мѣшала Новгороду употребить всѣ свои силы противъ нѣмецкихъ рыцарей. Однажды случилось даже, что псковскій князь Владиміръ, выдавшій сестру свою за брата епископа Альберта Теодориха и поэтому изгнанный изъ Пскова, ушелъ въ Ригу и самъ способствовалъ нѣмцамъ утвердиться въ Остзейскомъ краѣ.

Между тѣмъ около 1237 г. на прибрежьѣ между Финскимъ и Рижскимъ заливами утвердились датчане, построившіе здѣсь городъ Ревель. Датчане иногда вступали въ споры съ ливонскими рыцарями на счетъ земель, но чаще однако поддерживали ихъ въ борьбѣ съ туземцами и русскими, такъ какъ и на тѣхъ, и на другихъ они смотрѣли враждебно. Къ довершенію всего, миссіонеры изъ Швеціи стали ревностно распространять католичество въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Финляндіи. Языческіе туземцы возмущались противъ нихъ и искали помощи у Новгорода. Все это было причиною того, что въ 1239 г. папа велѣлъ проповѣдывать въ Швеціи крестовый походъ какъ противъ язычниковъ, такъ и противъ русскихъ. Въ то время, когда съ одной стороны орденъ сталъ сильно напирать на Новгородъ и Псковъ, съ другой—угрожало крестоносное ополченіе, появившееся въ устьяхъ Невы. Оно шло подъ предводительствомъ Бюргера, который управлялъ дѣлами Швеціи вмѣсто больного короля Эрика Эриксона. Новгородцы вооружились, и война приняла священный характеръ. Къ счастію, она окончилась блистательною побѣдою, одержанною новгородскимъ княземъ Александромъ надъ Бюр-

героамъ при впаденіи Ижоры въ Неву (15 іюля 1240 года). Побѣда эта доставила Александру прозваніе „Невскаго". Она избавила Новгородъ отъ жестокой опасности, но не спасла ближайшихъ частей Финляндіи отъ шведскаго ига, наложеніе котораго шло рука объ руку съ водвореніемъ католицизма, проповѣдуемаго шведскими миссіонерами.

Но блистательная побѣда, одержанная на берегахъ Невы, не предотвратила опасности, грозившей съ другой стороны. Ливонскіе нѣмцы подвигали все далѣе и далѣе свои владѣнія. Они захватили было Псковъ и стали мало-по-малу покорять новгородскія области. Александръ, не поладившій было съ Новгородомъ и оставившій этотъ городъ, снова вернулся и началъ войну съ орденомъ. Копорье, занятое нѣмцами, было отнято, Псковъ также. Орденъ двинулъ значительныя силы противъ новгородскаго князя, и произошла знаменитая битва на льду Чудскаго озера (5 апрѣля 1242 года), въ которой орденъ потерпѣлъ страшное пораженіе. Эта битва положила предѣлъ дальнѣйшему распространенію владѣній ордена, который долженъ былъ отказаться отъ Пскова, Води, Луги и Латыголы. Впрочемъ, она не заканчиваетъ собою столкновеній, которыя часто возобновлялись впослѣдствіи, до тѣхъ поръ, пока Новгородъ и Псковъ пользовались независимостью. Послѣ паденія независимости этихъ городовъ, борьба съ ливонскими нѣмцами и шведами переходитъ какъ бы по наслѣдству къ Московскому государству.

LXVI. КРЕСТОНОСЦЫ И ЛИТВА.

(Изъ статьи Соловьева: „Крестоносцы и Литва", въ „Отеч. Запискахъ" за 1852 г.).

Когда крестовые походы на мусульманскій востокъ не достигли ожидаемыхъ результатовъ, тогда видимъ начало новой крестовой войны, направленной противъ языческаго народонаселенія, затаившагося въ самой Европѣ, на границахъ между восточною и западною ея половинами. Искатели подвиговъ стекаются изъ всѣхъ краевъ западной Европы на пустынные берега Нѣмана, гдѣ загорается страшная, вѣковая борьба, представляющая большой интересъ въ своихъ подробностяхъ и въ своихъ послѣдствіяхъ, особенно для исторіи восточной Европы.

Соприкасаясь съ одной стороны съ Балтійскимъ моремъ, съ другой окруженное племенами славянскими и финскими, племя литовское съ незапамятныхъ поръ обитало въ странѣ своей, покрытой рѣками, озерами, болотами, непроходимыми пущами, съ трудомъ доступной и непривлекательной для завоевателя. Вслѣдствіе такихъ природныхъ причинъ, литовское племя позднѣе всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ познакомилось съ христіанствомъ. Литовскія племена въ глубинѣ лѣсовъ своихъ оставались непричастными великимъ перемѣнамъ, происходившимъ среди сосѣднихъ народовъ въ IX и послѣдующихъ вѣкахъ, и враждебно выступали противъ новорожденныхъ славянскихъ государствъ Русскаго и Польскаго, въ разбойническихъ нападеніяхъ опустошая границы ихъ. Князья русскіе и польскіе мстятъ пруссамъ и литовцамъ вторженіемъ въ ихъ собственные предѣлы; но ни Русь, ни Польша не

могли дѣйствовать противъ варваровъ съ постояннымъ усиліемъ, и потому походы ихъ не достигали цѣли: бытъ пруссовъ и литовцевъ оставался нетронутымъ. Скоро внутреннія смуты и раздробленіе Польши отняли у послѣдней возможность дѣйствовать не только наступательно, но даже и оборонительно противъ пруссовъ. Конрадъ, князь Мазовецкій, ближайшій сосѣдъ пруссовъ, доведенъ былъ до отчаянія опустошительными набѣгами послѣднихъ. Однажды шайка этихъ грабителей прислала къ нему требовать лошадей и платья. Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, и между тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Звалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать пруссамъ. Но не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ, при чемъ обратилъ вниманіе на Тевтонскій орденъ. Въ 1192 г., во время послѣднихъ отчаянныхъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, Тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ свое окончательное утвержденіе. Его рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣры; только нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ. Къ этому-то ордену обратился Мазовецкій князь съ просьбою о помощи противъ пруссовъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое пріобрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство продлить существованіе ордена, которое обусловливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами креста Христова. Въ 1225 г. послы Конрада предложили магистру ордена Герману фонъ-Зальца землю Хелмскую или Кульмскую съ обязанностью защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 г. императоръ Фридрихъ II предоставилъ ордену владѣніе Кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ впередъ у пруссовъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ Мазовецкихъ князей; въ 1228 г. явился въ новыхъ владѣніяхъ ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 г. послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была подѣлена на 11 областей, не связанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицъ и внутренняго нестроенія, но сами, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому соединенному, дружному предпріятію: нападенія пруссовъ на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаекъ; при оборонѣ собственной земли они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролись поодиночкѣ съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ цѣлью постоянной, неусыпной борьбы съ ними, и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ; на его сторонѣ была по-

стоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, было религіозное воодушевленіе; потери ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами; ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобы пролить кровь свою въ священной борьбѣ подъ славною хоругвью Дѣвы Маріи и Св. Георгія. Противъ суроваго дикаря западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣренъ былъ успѣхъ на сторонѣ ордена, но орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ.

Въ 1231 г. Висла впервые увидѣла на себѣ суда рыцарей. Крестоносцы вышли на правый ея берегъ у того мѣста, гдѣ возвышался священный дубъ языческихъ пруссовъ, и немедленно обнаружили характеръ предпріятія, намѣреніе съ самаго начала становиться твердою ногою въ землѣ; на языческомъ требищѣ воздвиглась христіанская твердыня: Торномъ назвали ее завоеватели, какъ говорятъ, въ знакъ того, что отворились для нихъ ворота въ Пруссію. Окружные язычники тщетно нападали на зачинавшійся городъ; рыцари положили доброе начало своему дѣлу; и что шагъ впередъ—то новая твердыня; городки старшинъ прусскихъ падали передъ рыцарями, замки послѣднихъ оставались невредимыми. Но враги еще ни разу не испытывали силъ своихъ въ чистомъ полѣ; на берегахъ р. Сиргуны произошла первая битва между рыцарями и пруссаками; послѣднихъ было вдвое больше числомъ; мужество было одинаково съ обѣихъ сторонъ, но искусство дало побѣду крестоносцамъ.

Однимъ построеніемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ орденъ не ограничился; льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новопостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ ленъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; туземцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди пруссовъ орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію, съ тѣмъ, чтобы эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Но пруссы, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхожденіемъ побѣдителей, ждали только случая, чтобы отречься отъ новой вѣры, насильно ими принятой, свергнуть иго духовное и матеріальное.

Но въ то время, какъ, повидимому, орденъ сталъ твердою ногою въ Пруссіи, опасность встала для него съ востока: тамъ онъ встрѣтился съ племенемъ, о которое должна была разбиться его сила, которому суждено было отмстить рыцарямъ за своихъ единоплеменниковъ, пруссовъ: орденъ встрѣтился съ Литвою. Какая же была главная причина того явленія, что литовцы были счастливѣе пруссовъ въ борьбѣ своей съ орденомъ? Главною причиною неудачи пруссовъ было отсутствіе единства между областями, отсутствіе общаго вождя въ борьбѣ съ завоевателями; но когда орденъ пришелъ въ столкновеніе съ литовцами, то во главѣ этого племени стоялъ князь, способный защитить свою землю отъ завоевателя, гдѣ можно—силою, гдѣ нужно—хитростью: этотъ князь былъ

знаменитый Миндовгъ. Внутри страны Миндовгъ велъ борьбу съ родичами, отдѣлывался отъ нихъ, не разбирая средствъ; но успѣшному окончанію этой внутренней борьбы мѣшали два опасные врага внѣшніе: съ сѣвера Ливонскій орденъ, съ юга Русь. Въ то время, какъ орденъ Тевтонскій утвердился въ Пруссіи, соединенный съ нимъ Ливонскій орденъ рыцарей меча распространялъ свои завоеванія съ сѣвера и началъ утверждать свою власть въ Курляндіи; жители послѣдней обратились къ литовскому князю съ просьбою принять ихъ въ свое подданство и защитить отъ рыцарей. Миндовгъ охотно согласился, но скоро увидалъ, что не въ состояніи бороться вдругъ и съ родичами, которые съ разныхъ сторонъ возбуждали противъ него непріятелей, и съ Ливонскимъ орденомъ, и съ русскимъ княземъ, знаменитымъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ съ обоими, Миндовгъ предложилъ ливонскому магистру Андрею фонъ-Штупланду вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Штупландъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ вступить ни въ какія соглашенія съ язычникомъ, съ которымъ обязанъ вести вѣчную войну; но если литовскій князь захочетъ принять христіанство, то получитъ и миръ, и королевскую корону отъ папы. Миндовгъ согласился и получилъ обѣщанное; но онъ принялъ христіанство точно такъ же, какъ пруссы принимали его подъ мечомъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ. „Крещеніе его было льстиво,—говоритъ лѣтописецъ,—потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на поле, и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то уже ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ“. Миндовгъ предъ рыцарями выказывалъ себя ревностнымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ ордена, уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того, завѣщалъ ему всю Литву, въ случаѣ своей безпотомственной смерти, а между тѣмъ толпы литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и опустошили тамъ орденскія владѣнія; отрядъ тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на встрѣчу; произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для ордена: литовцы одержали блистательную побѣду, которую они отпраздновали сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ.

Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію пруссовъ, подстрекнутыхъ, какъ говорятъ Миндовгомъ. Жители каждой области выбрали себѣ особыхъ вождей, которые всѣ были воспитаны въ Германіи, куда, какъ мы видѣли, орденъ отсылалъ прусскую молодежь; вожди положили срокъ, когда взяться всѣмъ за оружіе для истребленія христіанъ, и въ 1260 г., въ условленный день, вспыхнуло повсемѣстное возстаніе: всѣ христіане, неуспѣвшіе скрыться въ замкахъ и лѣсахъ, были побиты или забраны въ неволю; ихъ домы, церкви были сожжены. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ; наконецъ, видя, что часъ пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Между тѣмъ, рыцари получили сильное подкрѣпленіе изъ Германіи и выступили противъ возставшихъ пруссовъ, но потерпѣли отъ нихъ пораженіе въ двухъ кровавыхъ битвахъ; только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя нѣмцами, оставались вѣрными ордену, за что и были въ конецъ раззорены пруссами и литовцами; въ другихъ же областяхъ прусскихъ

рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, да и тѣ подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ отъ язычниковъ. Такое состояніе дѣлъ продолжалось 14 лѣтъ; казалось, что орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе Причины этого явленія объяснить не трудно. Орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его прусскихъ владѣній: онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изо всей Германіи, изо всей Европы; пусть орденъ лишился бы всѣхъ своихъ замковъ, всѣхъ своихъ земель въ Пруссіи: новый приплывъ крестоносныхъ дружинъ съ юга и запада вполнѣ возобновлялъ его силы, давалъ ему возможность начать снова борьбу. А пруссы? Благодаря побужденію и подкрѣпленію со стороны Литвы, они умѣли единовременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и единовременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ! И точно, когда орденъ началъ снова наступательное движеніе, борьба приняла свой прежній характеръ: каждая область снова защищалась отдѣльно и, разумѣется, при такой особенности не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей; а между тѣмъ Миндовгъ умеръ, въ самой Литвѣ начались смуты, усобицы; пруссы предоставлены были собственнымъ, раздробленнымъ силамъ, и силы эти оказались недостаточными. Наконецъ, продолжительное знакомство съ христіанами, съ высшею образованностью пришельцевъ должно было произвести среди пруссовъ свое дѣйствіе: не смотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ пруссовъ, разумѣется лучшіе, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучшій человѣкъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ: такъ начала обнаруживаться слабость въ религіозномъ воодушевленіи, которое было основою сопротивленія со стороны пруссовъ. Возстаніе, имѣвшее мѣсто въ послѣдней четверти XIII в., показало, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ часѣ; а между тѣмъ рыцари неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и въ 1283 г. покончили завоеваніе Пруссіи, послѣ 52-лѣтней кровавой борьбы.

Кончивъ завоеваніе Пруссіи, орденъ немедленно началъ наступательное движеніе на Литву. Главная сцена борьбы перенеслась съ береговъ Вислы и Прегеля на берега Нѣмана. Уже въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1283 г. магистръ провинціальный прусскій, Конрадъ Тирбергъ, переправился черезъ Нѣманъ и спалилъ на другомъ берегу его литовскій острожекъ; но ужъ съ самаго начала видно было, что война здѣсь приметъ другой характеръ, чѣмъ въ Пруссіи. Послѣдніе годы XIII-го и первые XIV ст. протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на литовскія области и литовцевъ на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Нѣкоторыя подробности этихъ набѣговъ любопытны. Однажды отрядъ рыцарей, плывшихъ вверхъ по Нѣману для опустошенія Литвы, увидалъ на берегу женщину, которая громко и слезно взывала къ нѣмцамъ, что она христіанка, полька, взятая въ плѣнъ и измученная литовцами. Начальникъ отряда сжалился, велѣлъ причалить къ берегу, но едва вышелъ на него, какъ былъ окру-

женъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ выскочившими изъ засады литвинами: мнимая полька была также переодѣтый литвинъ, умѣвшій говорить по-польски. Неудачны были рѣчные походы рыцарей на Литву: еще неудачнѣе были походы, предпринятые сухимъ путемъ вглубь страны. Такъ. въ 1315 г., рыцари вздумали вторгнуться въ области литовской Руси, въ землю кривичей, дошли до Новогрудка, сожгли посады, но города взять не могли и, отягченные добычею, со множествомъ плѣнныхъ, возвращались уже домой, какъ почувствовали недостачу въ съѣстныхъ припасахъ; удвоили шаги, чтобы скорѣе достигнуть мѣста, гдѣ они сложили запасы, подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, но, пришедши туда, увидали только трупы своихъ ратниковъ: литовцы успѣли перебить ихъ и забрать всѣ припасы. Орденское войско осталось безъ хлѣба и въ самой ужасной крайности достигло прусскихъ границъ: часть умерла съ голода на дорогѣ, часть погибла по возвращеніи, отъ заразительныхъ болѣзней, причиненныхъ голодомъ или дурною пищею.

Если и до сихъ поръ покушенія ордена на Литву были большею частью неудачны, то еще менѣе можно было ждать удачи, когда великимъ княземъ литовскимъ сталъ, съ 1315 г., знаменитый Гедиминъ, при которомъ Литва такъ усилилась присоединеніемъ русскихъ областей. Война съ обѣихъ сторонъ продолжаетъ носить характеръ набѣговъ, не имѣющихъ важныхъ слѣдствій: орденскія войска вторгаются въ Литву, литовскія и русскія опустошаютъ Пруссію и союзную ордену Бранденбургію. Такой же порядокъ дѣлъ продолжался и при Ольгердѣ, сынѣ и преемникѣ Гедимина. Какъ трудно было ордену становиться твердою ногою въ Литвѣ, какъ литовцы умѣли защищать свои замки, можетъ показать намъ извѣстіе объ осадѣ Пунэ (Полангена). Въ 1336 г. въ Пруссію прибылъ маркграфъ бранденбургскій, графъ генебергскій и графъ намурскій съ многочисленнымъ войскомъ для помощи ордену въ войнѣ съ язычниками. Великій магистръ воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся съ ними вмѣстѣ на Литву и осадилъ Пунэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ немъ укрылось 4000 окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было множество водяныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, не смотря на то, рѣшились скорѣе погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться. оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ уже была раскачена таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда литвины перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, взгроможденный среди крѣпости, зажгли его и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга. Большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогала Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, увидавъ входящихъ непріятелей. Нѣмцы, видя горящій костеръ и валы безъ защиты, безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ литвины бросились сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ исполнилъ свое слово: онъ бился еще съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, и когда

всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ свою жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1345 г., когда великимъ магистромъ ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Арфбергъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Великій магистръ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности; на поляхъ Аукенскихъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Ольгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Плодомъ побѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Ольгердъ недолго заставилъ ждать мести: съ братьями Кейстутомъ и Наримонтомъ вторгнулся онъ въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы. Литва возвращалась уже домой, обремененная добычею, какъ на р. Стравѣ была настигнута великимъ магистромъ: произошла новая злая сѣча, и снова литовцы потерпѣли пораженіе. Ихъ уронъ считаютъ до 10000 и больше; но зато и орденъ потерялъ 50 рыцарей и 4000 простыхъ ратниковъ. Также неудачно для Литвы шли дѣла и при наслѣдникѣ Арфберга, Винрикѣ фонъ-Книпроде. Въ 1360 г. Ольгердъ и Кейстутъ сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ. Битва продолжалась цѣлый день; наконецъ, рыцари опять одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву: его свалили съ коня. Подоспѣлъ отрядъ литовцевъ, но спасти Кейстута не могъ. Его отвезли въ Маріенбургъ, столицу ордена, и засадили въ тѣсную тюрьму. День и ночь стояла у дверей стража, не пускавшая къ плѣннику никого, кромѣ слуги, приносившаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличавшійся своею вѣрностью, былъ родомъ литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный подъ именемъ Адольфа. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ Адольфѣ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средства Кейстуту уйти изъ заключенія и достичь двора зятя своего, князя мазовецкаго. Литовскій князь не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивъ рыцарямъ; онъ взялъ у нихъ два замка и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея и опять началъ готовиться къ вторженію въ Пруссію.

Великій магистръ, узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, рѣшился предупредить Кейстута и осадить Ковно—важное мѣсто при сліяніи Виліи съ Нѣманомъ. Въ началѣ 1362 г. выступилъ онъ въ походъ съ большимъ числомъ крестовыхъ воиновъ, собравшихся изъ Англіи, Даніи, Богеміи, Германіи, Италіи, окружилъ ковенскій замокъ и началъ машинами громить его стѣны. Литовцы оборонялись отчаянно. Наконецъ, стѣна не выдержала напора орудій и рухнула; орденское войско вломилось въ крѣпость и внесло въ нее огонь; почти всѣ защитники ея погибли отъ меча или отъ пламени и дыма. Ольгердъ и Кейстутъ стояли надъ Нѣманомъ, смотрѣли на гибель Ковна и не могли подать ему помощи. Это случилось въ великую субботу. Весело отпраздновавъ на развалинахъ свѣтлый праздникъ, великій магистръ отправился назадъ; идти дальше было нельзя: впереди была обширная страна съ воинственнымъ народ-

населеніемъ. Братья Ольгердъ и Кейстутъ дѣйствовали всегда заодно, и эти-то согласные братья стояли съ войскомъ, готовые къ защитѣ родной земли. Взятіе Ковна придало, однако, духъ рыцарямъ. Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ годовъ (1363 и 1364) они съ успѣхомъ возобновляли наступательныя движенія на Литву; но всѣ эти удачи не повели ни къ чему. Ольгердъ и Кейстутъ отомстили имъ троекратнымъ опустошительнымъ нападеніемъ на прусскія области; простой народъ литовцы уводили въ неволю, но рыцарей сожигали въ жертву богамъ; рыцари отплатили имъ опустошеніемъ Литвы въ 1366 г., а въ 1369 г. орденъ рѣшился стать твердою ногою на литовской почвѣ и въ милѣ отъ Ковна заложилъ замокъ Готтесвердеръ. Ольгердъ и Кейстутъ поспѣшили взять его, но принуждены были снова отдать нѣмцамъ. Въ 1370 г. огромное ополченіе, состоявшее изъ литвы, жмуди, руси и татаръ, подъ предводительствомъ Ольгерда и Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію; великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудавою. Битва съ одинаковымъ счастьемъ длилась до полудня; наконецъ, лѣвое крыло заколебалось; великій магистръ въ челѣ свѣжей конницы ударилъ на него сбоку и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сломилъ и принудилъ къ бѣгству. Кейстутъ, увидя, что братъ оставилъ поле битвы, обратился и самъ въ бѣгство. Но и эта кровавая битва осталась безъ послѣдствій. Великій магистръ не воспользовался своею побѣдою, не сдѣлалъ ни шага впередъ, и когда прибыли къ нему знатные сподвижники изъ Германіи—герцогъ австрійскій, два герцога баварскіе, два князя польскіе, ландграфъ лейхтенбергскій съ нѣсколькими тысячами войска, онъ, для потѣхи гостей, опустошилъ Жмудь. Кейстутъ немедленно отплатилъ ему опустошеніемъ Пруссіи, и опять нѣсколько лѣтъ прошло во взаимныхъ набѣгахъ, безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія.

Такъ продолжалось до самой смерти Ольгерда, когда орденъ получилъ надежду осилить Литву вслѣдствіе междоусобій между ея князьями. Встала вражда между Кейстутомъ и племянникомъ его, Ягайломъ Ольгердовичемъ; орденъ соединился съ Ягайломъ противъ Кейстута. Измѣною схваченъ былъ старый богатырь, самый страшный врагъ нѣмцевъ, задушенъ въ тюрьмѣ, и орденъ немедленно увидалъ для себя плоды отъ смерти Кейстутовой. Въ 1382 г., на островѣ рѣки Дубиссы, при впаденіи ея въ Нѣманъ, имѣлъ мѣсто съѣздъ сановниковъ ордена съ Ягайломъ. Литовскій князь уступилъ рыцарямъ часть западной Жмуди, обязался въ продолженіе четырехъ лѣтъ помогать ордену во всѣхъ его войнахъ, а самому не начинать ни съ кѣмъ войны безъ его вѣдома и согласія. Не смотря на то, что здѣсь невыгода была на сторонѣ Литвы, подобные договоры (это былъ уже не первый) разительно показываютъ намъ все различіе борьбы ордена съ Литвою отъ борьбы его съ пруссами: цѣль существованія ордена — постоянная, непримиримая борьба съ язычниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не будутъ истреблены или принуждены принять христіанство. Вслѣдствіе этого орденъ не могъ входить ни въ какія соглашенія съ язычниками и князьями ихъ, заключать перемирія; такъ поступалъ онъ и во все продолженіе борьбы съ пруссами и въ началѣ борьбы съ Литвою. Но Литва не была похожа на Пруссію; орденъ имѣлъ теперь дѣло съ княземъ обширнаго объединеннаго владѣнія, который могъ располагать всѣми силами своего госу-

дарства, сообщать имъ постоянное направленіе, и орденъ принужденъ былъ перемѣнить прежній образъ своихъ дѣйствій, вступать въ переговоры, заключать перемиріе съ языческимъ княземъ, чтобы предохранить собственныя владѣнія отъ опустошительныхъ набѣговъ, чтобъ упрочить пріобрѣтенныя выгоды, наконецъ, чтобъ имѣть возможность вмѣшиваться въ усобицы князей, ибо только однимъ этимъ средствомъ можно было обезсилить Литву. Ягайло долженъ былъ во всемъ уступить требованіямъ ордена, потому что двоюродный братъ его, Витовтъ Кейстутовичъ, успѣлъ освободиться изъ плѣна, въ который попалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и такъ какъ единственнымъ средствомъ спастись отъ преслѣдованій Ягайла и получить волость осталось для него — отдаться подъ покровительство того же ордена, то онъ и вошелъ съ ними въ сношенія, обязался, въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратить свою отчину, объявить себя подручникомъ ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: безъ борьбы достигалъ онъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступить во владѣніе отчиною Кейстутовичамъ, находившимся подъ высокою рукою ордена. Ягайло на этотъ разъ не заблагоразсудилъ повиноваться приказу ордена, и война открылась. Самъ великій магистръ Конрадъ Цольнеръ вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ; но подлѣ хоругви ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ первый ударилъ на Троки, стольный городъ отца своего. За нимъ явилось ополченіе рыцарей съ осадными машинами. Стѣна съ одной стороны была разбита; гарнизонъ Ягайла увидѣлъ невозможность защищаться долѣе и сдалъ городъ. Такимъ образомъ Витовтъ получилъ свою отчину. Какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы литвы и жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстутову, который скоро увидѣлъ себя обладателемъ почти всего Троцкаго княжества; но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось многочисленное войско Ягайла и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобы получить болѣе дѣятельную помощь отъ ордена: онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ ордена и уступилъ послѣднему въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 г. Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріаломъ. Положено было возобновить старое Ковно, чтобы изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла; самъ великій магистръ опять предводительствовалъ ополченіемъ. Шесть недѣль безъ отдыха работало множество народа, и стѣны новаго Ковно поднялись; но крѣпость уже носила новое, чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ, ясно становилось, что Литвѣ готовится участь Пруссіи. Къ счастью для Литвы, эти страшныя примѣты поразили князей ея, и они рѣшились во-время прекратить усобицу для спасенія общаго дѣла. Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два орденскіе замка, и оба брата на-

чали сообща собирать силы для борьбы съ нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый ковенскій замокъ—Риттерсвердеръ, ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною энергіей. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, оказалъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки: въ ловкости брали верхъ нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ—литва и русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, литовцамъ и русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ. Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ нанесло ордену страшныя потери: много рыцарей погибло или пошло въ неволю; утрачены четыре крѣпкіе замка, въ томъ числѣ и дорого стоившій Риттерсвердеръ, и слишкомъ сто квадратныхъ миль новопріобрѣтенной земли, вмѣстѣ съ надеждою дальнѣйшихъ завоеваній.

Но эти потери были еще только предвѣстницами страшной опасности, которая начала грозить ордену отъ внуковъ Гедиминовыхъ. Ягайло сталъ свататься за наслѣдницу польскаго престола Ядвигу, а слѣдствіемъ этого брака должно было быть соединеніе Польши съ Литвою, образованіе могущественнаго государства, предъ силами котораго орденъ долженъ былъ поникнуть. Рыцари забили сильную тревогу, стали разглашать, что это соединеніе грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непремѣнно обратитъ Польшу въ язычество; сдѣлали сильное вторженіе въ области литовскія, однако ничто не помогло: въ 1385 году Ягайло принялъ католицизмъ, съ обѣщаніемъ распространить его и въ наслѣдственныхъ областяхъ, въ Литвѣ и на Руси, обвѣнчался съ Ядвигою, короновался королемъ польскимъ и, вопреки увѣреніямъ ордена, что новый король обманываетъ папу и все христіанство, началъ ревностно стараться о распространеніи католицизма въ Литвѣ. Но, не смотря на это, орденъ не оставилъ Литвы въ покоѣ, и когда снова возникли несогласія между Ягайломъ и Витовтомъ, не упустилъ случая вмѣшаться въ междоусобія и попытаться утвердить свое вліяніе въ Литвѣ. Витовтъ отдалъ ордену Жмудь и Гродно подъ залогъ и пользовался помощью нѣмцевъ, въ борьбѣ съ Ягайломъ. Но сыну Кейстутову тяжко было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними опустошать свою отчину; притомъ Ягайло изъявлялъ готовность помириться съ нимъ и дать ему грамоту на великія княженія Литовское и Жмудское. Нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковномъ, гдѣ былъ принятъ, какъ союзникъ и вѣрный слуга ордена; но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ посты, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, велѣлъ разломать мосты на Нѣманѣ и Виліи, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками ордена.

Съ этихъ поръ миръ между двоюродными братьями не прерывался, но у рыцарей оставалась еще надежда волновать Литву и пользоваться смутою: встала вражда между родными братьями, Ягайломъ и Свидригайломъ Ольгердовичами, за материнское наслѣдство—Витебскъ. Лишенный послѣдняго, Свидригайло ушелъ во владѣнія ордена и отдался подъ его покровительство. Въ 1394 г. великій магистръ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ, надѣясь на связи Свидригайла въ Литвѣ, набралъ гостей воен-

ныхъ изъ Силезіи, Германіи, Франціи, взялъ съ собою и Свидригайла съ отрядомъ литовскихъ выходцевъ. Цѣлью похода была Вильна. Осада Вильны въ 1394 г. принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій въ исторіи борьбы ордена съ Литвою. Не смотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что великій магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы. Но кромѣ этихъ неудачъ военныхъ, орденъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и въ другомъ отношеніи: стараніями короля Владислава Ягайла, христіанство, по ученію римской церкви, стало господствующею религіею въ Литвѣ; народъ литовскій сталъ народомъ христіанскимъ; какой же предлогъ оставался ордену вести съ нимъ постоянную ожесточенную войну? Сначала орденъ прибѣгъ ко лжи: старался распускать при дворахъ европейскихъ слухи, будто обращеніе Ягайла и родичей его къ католицизму есть только наружное, что литовскіе князья обманываютъ папу и весь католическій міръ, остаются язычниками въ сердцѣ, а подданные ихъ—и явно. Но долго распространять такія внушенія нельзя было въ Европѣ: легаты папскіе были въ Литвѣ, своими глазами видѣли ревность Ягайла къ распространенію католицизма въ своихъ отчинныхъ земляхъ; императоръ вошелъ въ дружественную связь съ королемъ польскимъ, и нигдѣ уже въ Германіи не вѣрили болѣе ордену, такъ что онъ долженъ былъ набирать охотниковъ сражаться съ врагами христіанства въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, напр., въ Неаполѣ. Со всѣхъ сторонъ, отъ императора, отъ папы, отъ сосѣднихъ государей, великій магистръ получалъ увѣщанія къ миру съ Литвою, и *вѣчный* миръ былъ, наконецъ, заключенъ между нимъ и Витовтомъ въ 1398 г.; но Жмудь была исключена изъ договора, потому что жители ея упорно противились распространенію среди нихъ католицизма.

LXVII. БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ КАТОЛИЦИЗМОМЪ ВЪ ЛИТВѢ ДО ЯГАЙЛА, КРЕЩЕНІЕ ЛИТВЫ И СОЕДИНЕНІЕ ЕЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

(Изъ соч. Васильевскаго: „Очеркъ исторіи города Вильны“, помѣщеннаго въ „Памятникахъ Русской старины“).

Городъ Вильна дѣлается исторически-извѣстнымъ около 1321 г., какъ столица великаго князя литовскаго и русскаго Гедимина. Очень вѣроятно, что еще ранѣе этого времени здѣсь существовали болѣе или менѣе значительныя поселенія, и что Гедимину принадлежитъ постройка только виленскихъ замковъ—верхняго, на теперешней горѣ Замковой, и нижняго, занимавшаго уголъ, образуемый впаденіемъ р. Вильны (теперь Вилейки) въ р. Вилію, или, что то же, нынѣшнюю каѳедральную площадь.

Преданіе, подтверждаемое позднѣйшими историческими данными, представляетъ нижній замокъ средоточіемъ литовскаго язычества. Здѣсь находилась языческая святыня, здѣсь жили жрецы-служители огня Пер-

купова, здѣсь съ самаго древняго времени былъ дворецъ великокняжескій, и около него находились дома приближенныхъ бояръ литовскихъ. Это былъ, можно сказать, центръ національной литовской жизни. Но собственно городъ уже во время Гедимина носилъ другой характеръ. Большинство подданныхъ Гедимина состояло изъ русскихъ; уже съ давняго времени утвердилась крѣпкая связь русскаго народа съ литовскимъ; еще ранѣе Гедимина русская образованность, которая, во всякомъ случаѣ, была выше литовской, проникла въ области, населенныя собственно литовскимъ племенемъ; русскіе были учителями литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же строили въ ихъ землѣ города и потомъ ихъ населяли. Что касается собственно Вильны, то она возникла неподалеку отъ той границы, гдѣ литовское племя соприкасалось съ русскимъ со временъ самой глубокой древности. Самое названіе рѣки, отъ которой заимствовано имя города, принадлежитъ, повидимому, русскому племени. Литовцы называли Вилію Перія или Нергисъ; это имя носила Вилія и въ тѣхъ частяхъ своего теченія, на которыхъ явилась столица Гедимина.

Слѣды литовскихъ поселеній въ столицѣ Гедимина, конечно, существуютъ; но еще многочисленнѣе и яснѣе указанія на искониое существованіе русскаго населенія въ литовской столицѣ. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижній Гедиминовъ замокъ и сохранившихся до начала нынѣшняго столѣтія, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литовскихъ укрѣпленій, мѣстные изслѣдователи старины находили большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи—Кіева и Овруча. Съ самаго древняго времени русскіе населяли лучшую и большую часть города. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что русскіе суть искониые жители города Вильны.

На западной сторонѣ, противъ русской половины, разсѣяны были посады всякаго рода пришельцевъ; тутъ были выходцы изъ Жмуди; тутъ были пруссы, бѣжавшіе отъ меча крестоносцевъ; очень рано появились здѣсь и нѣмцы. Только русскіе составляли сплошную и однородную массу. Они должны были дать городу его типъ и характеръ. Что это было такъ на самомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ языкъ, на которомъ говорили въ Вильнѣ уже въ XIV ст. Языкъ русскій употреблялся не только при дворѣ и не на одной только русской половинѣ: это былъ языкъ всего виленскаго населенія, языкъ общепонятный и общеупотребительный. Самые коренные литовцы очень рано его усвоили, благодаря преобладающему вліянію русской народности.

Нельзя представить себѣ, чтобы тамъ, гдѣ жилъ православный людъ, не было православныхъ храмовъ. Если съ самыхъ временъ Гедимина существовали въ Вильнѣ русскіе люди, то съ того же времени были здѣсь, безъ сомнѣнія, и русскія, православныя церкви, тѣмъ болѣе, что со стороны властей не могло быть никакого препятствія къ ихъ построенію. Двѣ супруги Гедимина, который былъ женатъ три раза, были русскія по происхожденію; между его дѣтьми уже въ 1333 г. были сыновья, крещеные въ православную вѣру; его дочь Анастасія была выдана за сына Ивана Калиты, московскаго князя; самъ Гедиминъ не только изъ политики, но и по убѣжденію склонялся на сторону христіанства. Вопросъ можетъ быть только о томъ, какіе изъ древнихъ православныхъ храмовъ могутъ быть отнесены ко времени Гедимина. Преданіе указы-

ваетъ на двѣ церкви, именуя ихъ самыми древними: это церковь св. Николая Чудотворца и церковь св. Параскевы или Пятницкая.

Католическая пропаганда началась въ Литвѣ очень рано и уже при Гедиминѣ коснулась Вильны. Католицизмъ имѣлъ два военные ордена, Тевтонскій и Ливонскій, соединенные подъ одною властью и учрежденные съ прямою цѣлью обращенія въ христіанство язычниковъ сѣвера. Правда, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населеніе, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ литовцевъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но, кромѣ военнаго меча, у римской церкви было и другое могущественное орудіе. Когда уходила крестоносная рать, оставивъ послѣ себя раззоренные села и города, къ литовскому князю являлись монахи одного изъ ниществующихъ орденовъ, доминиканцы или францисканцы; они говорили огорченному князю, что только одинъ человѣкъ можетъ защищать его отъ страшнаго оружія рыцарей: это—глава католической церкви, св. отецъ, папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣмецкаго города Риги. Городское общество рижское и тамошній архіепископъ находились въ постоянной ссорѣ съ орденомъ и часто призывали литовскихъ язычниковъ противъ своихъ собратій по вѣрѣ. Чтобы снять съ себя упрекъ въ дружбѣ съ язычниками, чтобы подкопать ту нравственную почву, на которой стоялъ орденъ, получившій отъ папы привиллегію обращать сѣверныхъ язычниковъ въ христіанство *силою оружія*, рижскій архіепископъ и его партія желали устроить *добровольно* обращеніе литовцевъ въ католичество. При Гедиминѣ эти старанія, повидимому, готовы были увѣнчаться успѣхомъ. Названный князь внималъ внушеніямъ францисканскихъ монаховъ и совѣтамъ архіепископа тѣмъ охотнѣе, что кровопролитная борьба съ нѣмцами ему наскучила, что у него было стремленіе доставить своему народу спокойствіе, бозопасную торговлю и нѣкоторую образованность. Въ 1323 г. изъ Вильны отправлены были великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ граматы къ папѣ, къ городу Ригѣ и къ приморскимъ ганзейскимъ городамъ, а также къ монахамъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго. Къ папѣ Гедиминъ писалъ, что онъ вовсе не врагъ католической вѣры, какъ представляютъ его рыцари, что онъ самъ готовъ признать отеческую власть папы, что при немъ находятся монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которымъ онъ даетъ полную свободу проповѣдывать христіанское ученіе. Къ начальствующимъ лицамъ духовныхъ орденовъ Гедиминъ обращался съ просьбою прислать къ нему монаховъ, знающихъ литовскій и русскій языки; извѣщалъ миноритовъ (францисканцевъ), что онъ уже построилъ для нихъ церковь въ Вильнѣ. Изъ Риги и другихъ торговыхъ приморскихъ городовъ Гедиминъ приглашалъ въ Вильну купцовъ и ремесленниковъ всякаго рода, обѣщая дать имъ всѣ льготы и самоуправленіе по образцу рижскаго городового устройства.

Планы Гедимина, однако, не исполнились. При авиньонскомъ дворѣ медлили отправленіемъ къ нему посольства, которое должно было разсудить русско-литовскаго князя съ Тевтонскимъ орденомъ, какъ того хотѣлъ Гедиминъ. Орденъ не прекращалъ своихъ нападеній на земли литовскаго государя, не смотря на заключенный миръ. Съ другой стороны, собственные подданные Гедимина, услышавъ о намѣреніи своего государя принять католическое крещеніе, единодушно протестовали и

грозили возстаніемъ. Православные русскіе и язычники жмудскіе нѣсколько разъ приходили къ своему государю и прямо объявляли, что они не хотятъ и слышать о нѣмецкой вѣрѣ, какъ называли тогда католическое исповѣданіе въ Литвѣ и на Руси; они грозили низверженіемъ съ престола, истребленіемъ всего рода Гедиминова, если онъ, Гедиминъ, обратится въ католичество. Въ жмудинахъ говорила ожесточенная ненависть къ вѣрѣ, во имя которой почти каждый годъ сожигаемы были ихъ домы, подвергались истязаніямъ и истребленію ихъ дѣти и родные. Русскіе, съ своей стороны, опасались, что если Гедиминъ сдѣлается католикомъ, то они уже не будутъ пользоваться прежнею свободою вѣроисповѣданія, что Гедиминъ перестанетъ оказывать то расположеніе къ православію, которое они доселѣ видѣли.

Между тѣмъ, пришло въ литовскую столицу и католическое посольство отъ папы Іоанна XXII. Въ ноябрѣ 1324 г. послы прибыли въ Вильну и тотчасъ же представились Гедимину, но тутъ отъ него самого они узнали, что долгій путь сдѣланъ ими совершенно понапрасну. Гедиминъ объявилъ имъ, что онъ никогда не думалъ креститься, что если о томъ было написано въ его граматахъ, то это прибавлено тѣми монахами, которые перелагали посланія на латинскій языкъ. „Я позволю въ своей землѣ каждому жить по своей вѣрѣ,—сказалъ онъ посламъ:—русскіе чествуютъ Бога по своему обряду; поляки почитаютъ Его по своему обычаю; литовцы служатъ Богу опять по-своему; но у всѣхъ насъ одинъ Богъ". Папу Гедиминъ готовъ былъ признавать отцомъ, но только потому, что тотъ былъ старше его лѣтами.

Чтобы понять поведеніе Гедимина, нужно имѣть въ виду, что положеніе его въ виду трехъ вѣръ, которыя предъявляли предъ нимъ свои требованія, было весьма затруднительно. Возвышаясь умомъ и понятіями надъ своими современниками, онъ не могъ раздѣлять суевѣрій язычества, онъ не могъ чувствовать религіознаго уваженія къ священнымъ гадамъ (ужамъ), предъ которыми благоговѣли жмудскіе язычники, или къ священному огню, который пылалъ вблизи его дворца въ „Кривой долинѣ". Гедиминъ имѣлъ довольно ясное понятіе о христіанскомъ ученіи и объ его догматахъ; близкія связи съ русскими князьями, дѣти, крещенныя въ православную вѣру,—все склоняло его въ пользу православія. Но православное крещеніе не спасло бы его отъ меча рыцарей, не привязало бы къ нему Жмуди, въ которой язычество было сильно. Съ другой стороны, принявъ католичество и пріобрѣтя чрезъ то нѣкоторую опору въ папѣ, Гедиминъ вооружилъ бы противъ себя почти всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и язычниковъ. Вотъ почему Гедиминъ оставался до конца въ религіи своихъ предковъ и кончилъ свою жизнь въ борьбѣ съ Тевтонскимъ орденомъ.

При самомъ началѣ правленія Ольгерда (1345—1377) русское вліяніе и успѣхи православной вѣры обнаружились уже съ такою силою въ Вильнѣ, что грозили погасить священный огонь, горѣвшій въ нижнемъ замкѣ. Ольгердъ, рожденный отъ русской матери, прибылъ въ Вильну изъ Витебска, въ сопровожденіи своей жены Маріи Ярославны, которая, будучи послѣднею отраслью витебскихъ князей изъ потомства св. Владиміра, принесла въ приданое мужу свое наслѣдственное княжество. Преданіе приписываетъ Маріи Ярославнѣ основаніе Пятницкой церкви.

Литовскіе язычники, средоточіемъ которыхъ былъ нижній замокъ, до-

вольно спокойно смотрѣли на появленіе христіанскаго храма на мѣстѣ какого-то стариннаго языческаго капища; ихъ не оскорбляло присутствіе въ нижнемъ замкѣ православнаго духовенства, окружавшаго великую княгиню. Только одни жрецы языческіе, уже начинавшіе опасаться полнаго паденія національнаго культа, были недовольны, тѣмъ болѣе, что они замѣчали въ самихъ литовцахъ сильное движеніе въ пользу русской вѣры. Случилось, что духовникъ великой княгини, монахъ, по имени Несторъ, успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ литвиновъ знатнаго рода, приближенныхъ къ великому князю. Это раздражило до послѣдней крайности искреннихъ приверженцевъ язычества, имѣвшихъ пока сильную опору въ жмудинахъ. Положеніе Ольгерда было въ высшей степени затруднительно. Обязанный великокняжескимъ престоломъ своему брату Кейстуту, ревностному защитнику языческой религіи, любимцу всей Жмуди, еще некрѣпкій на своемъ великокняжескомъ престолѣ, онъ долженъ былъ, подобно своему отцу Гедимину, обращать вниманіе на требованія приверженцевъ народнаго жмудско-литовскаго культа. Уступая ихъ настояніямъ, онъ приказалъ, чтобы обращенные Несторомъ литвины (въ православіи Іоаннъ и Антоній) были заключены въ темницу. Въ продолженіе цѣлаго года оставались они въ заключеніи; ни убѣжденія, ни угрозы не могли побѣдить ихъ твердости. Только на короткое время поколебался одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, послѣ годового тяжелаго заключенія. Но, пристыженный примѣромъ своего брата, который остался твердымъ и непреклоннымъ, онъ явился снова къ великому князю и объявилъ, что снова возвращается къ христіанской церкви, готовый претерпѣть всякія мученія. Съ радостью принялъ Антоній своего брата, когда онъ пришелъ къ нему въ тяжелыхъ оковахъ раздѣлить снова темничное заключеніе, а народъ проникся благоговѣніемъ къ такому подвигу. Общая тюрьма двухъ братьевъ превратилась въ мѣсто проповѣди; толпы стали собираться подъ ея окнами, привлекаемыя удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ, и многіе возвращались въ домы свои съ убѣжденіемъ въ истинѣ и превосходствѣ русской вѣры. Послѣдовали новыя обращенія, запечатлѣнныя крещеніемъ. Испуганные жрецы просили князя, чтобы онъ защитилъ религію своихъ предковъ и показалъ строгій примѣръ противъ ея постоянно умножающихся отступниковъ. Они достигли наконецъ того, что князь рѣшился отдать въ ихъ руки своихъ прежнихъ любимцевъ. Новыя усилія жрецовъ возвратить братьевъ къ вѣрѣ предковъ,—усилія, сопровождавшіяся страшными истязаніями, оставались напрасными; тогда Іоаннъ и Антоній приговорены были умереть смертью злодѣевъ. На концѣ города, на взгорьѣ, росло дубовое дерево на которомъ вѣшали преступниковъ; на немъ кончили жизнь и виленскіе мученики. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же самомъ мѣстѣ пострадалъ ихъ родственникъ, также принявшій христіанство подъ именемъ Евстафія и обвиненный, кромѣ того, въ совращеніи въ „русскую вѣру" другихъ литвиновъ. Новый мученикъ погребенъ былъ христіанами тамъ, гдѣ уже покоились тѣла его родственниковъ, „у святаго Николы" въ Вильнѣ, какъ сказано въ русскихъ лѣтописяхъ. Тѣла Антонія, Іоанна и Евстафія, признанныхъ святыми, при митрополитѣ Кіевскомъ Алексіи были перенесены въ церковь св. Троицы.

Русскія лѣтописи относятъ страдальческую кончину Евстафія къ 1347 г.; къ тому же году должна быть отнесена и смерть его родствен-

никовъ. Еще ранѣе, именно въ 1346 г., умерла первая жена Ольгерда, Марія Ярославна, оставивъ послѣ себя пять сыновей, воспитанныхъ въ православіи. Нужно думать, что смерть Маріи много помогла оживленію надеждъ языческой партіи и ея временному торжеству при дворѣ великокняжескомъ. Но этому торжеству суждено было продолжаться недолго. Въ 1349 г. Ольгердъ женился на дочери тверского князя Александра Михайловича, Ульянѣ, снова породнившись такимъ образомъ съ московскимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ. Дворъ великой княгини сдѣлался вновь средоточіемъ и опорою православія. Ея дѣти всѣ воспитывались не только въ русскихъ нравахъ, но и въ вѣрованіяхъ православной церкви; только старшій изъ нихъ, Ягайло, родившійся во время неулегшейся языческой реакціи и предназначаемый въ государи собственно литовскихъ областей, не былъ, повидимому, крещенъ по христіанскому обряду, не смотря на свое знакомство съ вѣрою своей матери.

Кромѣ древнихъ церквей Никольской и Пятницкой, при Ульянѣ Александровнѣ явились двѣ новыя, составлявшія потомъ украшеніе православной Вильны. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики, основана была церковь, а потомъ и монастырь, во имя св. Троицы. Вблизи этого монастыря, говоритъ преданіе, построена была деревянная часовня. Къ концу правленія Ольгерда существовала уже и соборная церковь Пресвятой Дѣвы (Пречистенскій соборъ), освященная, по преданію, митрополитомъ кіевскимъ Алексіемъ во время его пребыванія въ Вильнѣ.

Неизвѣстно, что сталось съ монахами доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которые были въ Вильнѣ при Гедиминѣ. Лѣтопись замѣчаетъ, что при началѣ княженія Ольгерда „римской вѣры уже не было, только русская смѣшалася“. Но около 1365 г. одинъ изъ бояръ, приближенныхъ къ Гедимину, принадлежавшій къ фамиліи Гаштольдовъ, будучи городскимъ намѣстникомъ въ Подоліи, завоеванной племянниками Ольгерда, женился на дочери одного поляка. Вслѣдствіе этого брака Гаштольдъ обратился въ католичество, снова вызвалъ въ Вильну монаховъ францисканскаго ордена и далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ виленскихъ католическихъ епископовъ.

Новые пришельцы недолго пользовались спокойствіемъ. Ненависть литовцевъ къ католицизму обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что рыцари нѣмецкаго ордена незадолго предъ тѣмъ, въ 1365 г., сожгли часть Вильны, а помѣщеніе монаховъ находилось вблизи замка, неподалеку отъ главной языческой святыни. Воспользовавшись отсутствіемъ Ольгерда и Гаштольда, толпа язычниковъ напала на монастырь; семь монаховъ были убиты вблизи его, семь другихъ успѣли бѣжать, но были пойманы на берегахъ рѣки Виліи. Издѣваясь надъ вѣрою пришельцевъ, язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили внизъ по рѣкѣ, приговаривая: „Вы пришли съ запада, ступайте же назадъ“. Возвратившись изъ похода, князь жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства. Если вѣрить литовскому лѣтописцу, онъ казнилъ не менѣе 500 чел. Гаштольдъ вызвалъ, съ своей стороны, другихъ монаховъ того же ордена.

Не смотря на то, что источники, сообщающіе намъ извѣстіе о виленскихъ мученикахъ обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, принадлежатъ позднѣйшему времени, они заключаютъ такія подробности, которыя внушаютъ къ себѣ довѣріе; а на основаніи ихъ мы должны думать, что и въ княженіе Ольгерда, какъ при отцѣ его, восточное православіе

стояло на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ римское католичество. Литвины, принявшіе русскую вѣру, погибаютъ по настоянію фанатическихъ жрецовъ; но масса населенія не только не обнаруживаетъ вражды или ненависти къ новообращеннымъ, а выказываетъ къ нимъ явное сочувствіе. Католическіе монахи, пришедшіе въ Вильну, напротивъ того, погибаютъ вслѣдствіе народнаго движенія, не смотря на покровительство вѣротерпимой верховной власти и лицъ, къ ней приближенныхъ. И это понятно. Католическое исповѣданіе продолжало быть для Вильны враждебною „нѣмецкою вѣрою". Во имя этой вѣры и для увеселенія „гостей", которые стекались со всѣхъ сторонъ Европы, тевтонскіе рыцари совершали свои ежегодныя „военныя прогулки" на литовскія области и два раза, при жизни Ольгерда, посѣтили Вильну. Въ послѣдній разъ это было зимой 1377 г. Подойдя къ городу, рыцари сожгли часть его и расположились въ остальной. Напрасно Ольгердъ просилъ пощадить то, что осталось, напрасно угощалъ хлѣбомъ и медомъ предводителей отряда: нѣмцы все-таки сожгли все, что можно было сжечь.

Не долго пережилъ Ольгердъ раззореніе своей столицы. Онъ умеръ не только православнымъ, но и схимникомъ, говоритъ одна русская лѣтопись, указывая и мѣсто его погребенія въ Пречистенской церкви, имъ самимъ построенной. Впрочемъ, при похоронахъ княжескихъ, литовцы, по своему обычаю, сожгли 18 лошадей и много драгоцѣнныхъ вещей.

Соблазнительный блескъ польской королевской короны, рука красавицы Ядвиги, надежда найти помощь и защиту противъ враговъ своего народа—рыцарей Тевтонскаго ордена—заставили сына и наслѣдника Ольгердова отправиться въ Краковъ, чтобы принять тамъ католическое крещеніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ раззоренія Вильны крестоносцами приближалась къ Вильнѣ католическая миссія, во главѣ которой находился на этотъ разъ уже не магистръ нѣмецкаго ордена съ мечомъ въ рукахъ, а самъ великій князь литовскій Владиславъ Ягайло, принявшій титулъ короля польскаго, окруженный польскимъ духовенствомъ и высшими сановниками коронными. Надѣвая на себя польскую корону, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Для совѣщанія о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія этого обязательства, собрались въ столицу литовскую родные братья Ягайла: Скиригайло, князь трокскій, оставшійся вѣрнымъ православію, Владиміръ, князь кіевскій, Дмитрій Корибутъ, удѣльный князь Новогородка, оба также православные. Здѣсь, далѣе, присутствовалъ Витовтъ, двоюродный братъ Ягайлы, сынъ Кейстута, князь городенскій, перешедшій въ Краковѣ изъ православія въ католичество. Князья были окружены боярами, большинство которыхъ были русскіе по происхожденію, православные по вѣрѣ. При такомъ составѣ великокняжескаго совѣта, не могло быть и рѣчи объ обращеніи въ католичество жителей коренныхъ русскихъ областей, исповѣдывавшихъ православіе со времени Владиміра Равноапостольнаго. Католическая проповѣдь должна была ограничиться одними природными литвинами. Но и здѣсь ревность францисканскихъ монаховъ и польскихъ епископовъ встрѣтила большія затрудненія. Между литвинами, даже въ числѣ приближенныхъ великаго князя, были такіе, которые уже крестились по православному обряду и не хотѣли перекрещиваться въ латинскую вѣру. Ягайло думалъ устрашить строгостью, и двое упорныхъ бояръ литовскихъ преданы были казни. Неизвѣстно, какъ

подѣйствовалъ этотъ примѣръ на виленское населеніе, по сколько извѣстно, удѣльные князья, какъ, напримѣръ, Скиргайло, князь трокскій, православный самъ, не подражали старшему своему брату. Многіе литовскіе роды остались попрежнему православными.

Легче было справиться съ язычниками. Священный огонь, пылавшій въ нижнемъ виленскомъ замкѣ, былъ погашенъ; священныя деревья срублены, священные гады перебиты, и никакой силы, никакого знаменія не явилось для защиты народной святыни. Не трудно было послѣ этого убѣдить литвиновъ въ ея безсиліи; но католическіе миссіонеры не умѣли говорить на языкѣ, понятномъ для народа. Самъ Ягайло явился на помощь проповѣдникамъ, поставленнымъ въ затрудненіе. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, онъ могъ понимать тѣмъ легче польскую рѣчь, что вполнѣ былъ знакомъ и съ содержаніемъ проповѣди, съ основными истинами христіанства, усвоенными отъ матери. Такимъ образомъ языкъ русскій служилъ нѣкоторымъ посредничествующимъ орудіемъ при католической проповѣди въ Вильнѣ. А чего не въ состояніи было сдѣлать убѣжденіе, то восполнила княжеская щедрость. Ягайло привезъ съ собою большой запасъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ, которыя были предназначены въ награду тѣмъ, кто принялъ католичество: бѣдные литовцы, носившіе до сихъ поръ простой холстъ и грубые мѣха, соблазнялись бѣлыми свитками и толпами шли въ Вильну слушать проповѣдь „лядской" (польской) вѣры. Безъ особенныхъ приготовленій ихъ вели къ Виліѣ, католическій священникъ кропилъ святою водою размѣщенныя отдѣльно группы мужчинъ и женщинъ, и каждая отдѣльная группа получала одно общее для всѣхъ имя, сегодня одно, завтра другое. Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ смотрѣли русскіе православные жители Вильны на совершавшееся предъ ихъ глазами. Ихъ самихъ оставили въ покоѣ, согласно съ принятымъ рѣшеніемъ крестить только литвиновъ.

Лѣтопись говоритъ, что Ягайло „крестилъ половину своего города Вильны". Но едва ли эти слова слѣдуетъ понимать въ количественномъ смыслѣ; едва ли среди тогдашняго виленскаго населенія можно было найти такъ много некрещеныхъ литвиновъ, чтобы они могли составить цѣлую половину всего числа жителей. Слова лѣтописи слѣдуетъ понимать въ простомъ топографическомъ смыслѣ. Жители Вильны, подлежавшіе крещенію, находились на „половинѣ" города, противоположной его русской части. Но и тамъ, среди язычниковъ литовскаго и жмудскаго происхожденія, можно было встрѣтить поселенцевъ нѣмецкихъ, уже исповѣдывавшихъ католичество. Число всѣхъ литвиновъ мужескаго и женскаго пола, крещенныхъ въ католичество, простиралось до 30000. Трудно сказать, какая именно часть изъ этого числа приходилась на долю города Вильны, но, во всякомъ случаѣ, часть небольшая.

На томъ мѣстѣ, гдѣ было доселѣ главное языческое капище, заложенъ въ 1387 г. католическій храмъ во имя св. Станислава, долженствовавшій служить каѳедрою вновь учрежденнаго епископства виленскаго. Щедрые вклады, сдѣланные королемъ, обезпечили содержаніе епископа и членовъ капитула; кромѣ земель, селъ и деревень съ ихъ доходами, епископъ получилъ каменный домъ. Почти въ одно время съ каѳедральнымъ соборомъ основанъ былъ въ верхнемъ замкѣ костелъ св. Мартина и еще костелъ св. Іоанна (Свято-Янскій).

При первомъ торжествѣ католицизма въ Вильнѣ обнаружились при-

знаки нетерпимости, всегда его сопровождающей. При тѣсныхъ связяхъ русской народности съ литовскою, браки литвиновъ и литвинокъ съ русскими были многочисленны и часты. Теперь такіе браки постановлено было допускать только подъ условіемъ обращенія стороны православной въ римскую вѣру; если, не смотря на запрещеніе, смѣшанный бракъ будетъ заключенъ, то онъ, хотя и не расторгается, но сторона православная должна быть принуждаема всѣми средствами къ принятію католическаго исповѣданія; съ этою цѣлью допускались и тѣлесныя наказанія. Далѣе, Ягайло вознамѣрился дать городу Вильнѣ самоуправленіе, на основаніяхъ магдебургскаго права, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Но актъ объ этомъ былъ написанъ только на языкѣ латинскомъ, съ умолчаніемъ въ немъ о православныхъ жителяхъ Вильны, чѣмъ Ягайло обнаружилъ явное намѣреніе исключить самый многочисленный и важный элементъ населенія изъ пользованія правами, вновь предоставленными городу.

Такія мѣры поселяли рознь и раздраженіе въ умахъ. Еще сильнѣйшее неудовольствіе возбуждено было въ жителяхъ Вильны появленіемъ польскаго гарнизона въ виленскихъ замкахъ. Литовская хроника говоритъ, что князю Витовту было тяжело и обидно видѣть, что „чужіе“ и „посторонніе“ люди владѣли въ Литовской землѣ. Не менѣе, чѣмъ Витовту, это было тяжело и обидно для многихъ другихъ менѣе видныхъ литовцевъ. Что касается Витовта, то, принявши въ Краковѣ вторичное католическое крещеніе, именно въ той надеждѣ, что ему поручатъ управленіе великимъ княжествомъ, и видя себя обманутымъ, онъ рѣшился воспользоваться неудовольствіемъ виленскаго населенія и сдѣлалъ попытку захватить виленскіе замки неожиданнымъ нападеніемъ. Когда же его хитрость не удалась, онъ обратился къ нѣмецкому ордену, который всегда готовъ былъ поддержать междоусобіе въ землѣ Литовской. Въ настоящій моментъ тевтонскіе братья были очень огорчены тѣмъ, что люди, которыхъ они имѣли право обратить мечомъ въ христіанство, вздумали, повидимому, обратиться помимо ихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, всѣ язычники обратятся въ католиковъ, то зачѣмъ будетъ существовать орденъ, созданный спеціально для обращенія язычниковъ сѣверо-восточной Европы? Боясь, чтобы католическій міръ не почелъ ихъ задачу оконченною, тевтонскіе братья хотѣли поспѣшить завоеваніемъ Литвы и въ союзѣ съ Витовтомъ пошли на Вильну.

Походъ начался въ августѣ 1390 г. Въ немъ участвовало, кромѣ литовскихъ рыцарей, много знатныхъ „гостей“, прибывшихъ изъ западной Европы, въ числѣ коихъ былъ Генрихъ Дерби, сынъ графа Ланкастерскаго, впослѣдствіи знаменитый Генрихъ IV, король Англіи. Въ началѣ сентября крестоносная рать подошла къ Вильнѣ и прежде всего разрушила католическій храмъ св. Дѣвы Маріи на Пескахъ. Но, чтобы привлечь на свою сторону большинство мѣстнаго населенія, нѣмцы, вѣроятно, по совѣту Витовта, щадили православныя церкви. На шестой день послѣ начала осады они взяли штурмомъ одинъ изъ тогдашнихъ виленскихъ замковъ, такъ называемый „Кривой городъ“. При этомъ внутри замка произошелъ пожаръ, началось страшное смятеніе; 2000 чел. были убиты или взяты въ плѣнъ; множество народа погибло въ пламени; братъ короля Казиміръ-Коригайло, начальствовавшій въ „Кривомъ городѣ“, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ схваченъ на пути къ нижнему замку и

убитъ. Взявъ „Кривой городъ“, нѣмцы приступили къ осадѣ „Нижняго замка“, гдѣ начальствовалъ другой братъ Ягайлы —Скиригайло. Благодаря мужественной защитѣ, осада затянулась. Пришлось возвращаться назадъ и отложить взятіе столицы литовской до будущаго года.

Осенью 1391 года великій магистръ ордена Конрадъ Валленродъ, со знатными гостями изъ Германіи, Франціи и Шотландіи, снова двинулся въ походъ. Литовцы, не имѣя силъ противостоять рыцарямъ въ открытомъ полѣ, отступали, истребляя и предавая пламени все, что могло послужить на пользу непріятеля. Въ началѣ сентября рыцари подошли къ Трокамъ и увидѣли на мѣстѣ этого города груду пепла. Скоро они приблизились къ Вильнѣ. Этотъ городъ не былъ истребленъ, но окрестности его на 5 миль кругомъ были опустошены. Встрѣтивъ неожиданно отпоръ, рыцари, послѣ легкой стычки въ предмѣстьяхъ Вильны, принуждены были поворотить назадъ.

Король Владиславъ Ягайло долженъ былъ почувствовать, что ему не справиться съ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ, что онъ не въ силахъ будетъ защищать ее долго, когда среди самаго населенія оказывалось много людей, сочувствовавшихъ Витовту, если не нѣмцамъ, и питавшихъ антипатію къ полякамъ. Онъ послалъ сказать своему двоюродному брату: „Не губи больше земли Литовской, будь съ нами въ мирѣ и возьми себѣ великое княженіе въ Вильнѣ“. Этого только и желалъ Витовтъ. Получивъ надежду владѣть Литвою, онъ въ 1392 г. ушелъ отъ рыцарей и принялъ управленіе великимъ княжествомъ Литовскимъ. Но это вызвало новое нашествіе нѣмцевъ. Орденъ захотѣлъ отомстить своему прежнему союзнику. Въ августѣ 1394 г. великій магистръ вторгнулся еще разъ въ Литву. Онъ снова явился подъ Вильною и осадилъ ее. Витовтъ, стоявшій вблизи города и препятствовавшій подвозу съѣстныхъ припасовъ для крестоносной рати, былъ разбитъ. Между тѣмъ подошелъ и ливонскій магистръ со своимъ отрядомъ. Вильна была окружена и заперта со всѣхъ сторонъ. Не смотря, однако, на всѣ усилія осаждающихъ, виленскіе замки устояли, и въ сентябрѣ враги ушли обратно.

Послѣ неудачнаго похода въ 1394 г. нѣмцы оставили на нѣкоторое время въ покоѣ Вильну, такъ что она получила возможность отдохнуть и оправиться. Витовтъ хотѣлъ сдѣлать Вильну центромъ всего русскаго народа. Заключивъ перемиріе съ орденомъ, онъ думалъ о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Новгорода, Пскова, Смоленска, самой Москвы. Неразборчивый на средства, онъ вступилъ для достиженія своей цѣли въ союзъ съ ханомъ татарскимъ Тохтамышемъ, который былъ изгнанъ изъ Кипчака страшнымъ Тамерланомъ. „Я тебя посажу въ ордѣ на царство, а ты меня посади на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей землѣ Русской“—такъ передаютъ лѣтописи договоръ Витовта съ ханомъ. Первый походъ союзниковъ былъ удаченъ. Подъ Азовомъ Витовтъ разбилъ татаръ, враждебныхъ Тохтамышу, и взялъ въ плѣнъ цѣлый улусъ татарскій. Витовтъ поселилъ своихъ плѣнниковъ вблизи столицы, частью же въ ней самой, и выстроилъ для нихъ мечеть въ одномъ изъ предмѣстій Вильны.

Второй походъ Витовта на орду кончился страшнымъ пораженіемъ на берегахъ Ворсклы (1399). Разбитый въ прахъ, Витовтъ долженъ былъ искать опоры въ Польшѣ, и это повело къ такъ называемой политической уніи между Польшею и Литвою. Въ 1401 г. состоялся сеймъ

въ Вильнѣ, па которомъ подписанъ былъ актъ торжественно провозглашеннаго соединенія Литвы съ Польшею. Этотъ актъ оставался, впрочемъ, долго мертвою буквою, подобно многимъ другимъ попыткамъ политической уніи послѣдующаго времени. Онъ сейчасъ же вызвалъ реакцію въ православномъ населеніи противъ католицизма и полонизма. Родной братъ короля Владислава, Болеславъ-Свидригайло, изъ православія перешедшій въ католичество, но всѣми своими сочувствіями оставшійся на сторонѣ „русской" вѣры и всегда ей покровительствовавшій, взялъ на себя прежнюю роль Витовта. Съ прусскимъ войскомъ явился онъ въ 1402 г. подъ Вильною и нашелъ себѣ союзниковъ въ самихъ жителяхъ Вильны. Шесть виленскихъ гражданъ поплатились головою за приверженность къ нему; русскіе монахи дѣйствовали тоже въ пользу Свидригайла: они будто бы обѣщали зажечь виленскій замокъ внутри, но ихъ планъ былъ открытъ. Вильна устояла. Союзники Свидригайла принуждены были отступить и уйти домой.

Въ 1415 г. Витовтъ рѣшился на важную мѣру по отношенію къ православной церкви. Подъ тѣмъ предлогомъ, что митрополитъ Фотій, подобно своимъ предшественникамъ, жившій въ Москвѣ, не радѣетъ о своей русско-литовской паствѣ, Витовтъ, не смотря на отказъ константинопольскаго патріарха, устроилъ отдѣльную митрополію для южной и западной Руси. „Пусть люди не говорятъ со стороны: государь не въ той вѣрѣ, оттого и царство оскудѣло", пишетъ онъ, объясняя свою заботливость о православной церкви. Соборомъ западно-русскихъ епископовъ избранъ былъ на митрополію Григорій Цамблакъ (родомъ болгаринъ). Онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Вильну.

Есть, однако, основаніе думать, что созданіе отдѣльной митрополіи было вызвано не одною заботливостью о благѣ православной церкви. Желая изъ всѣхъ земель русскихъ и литовскихъ, находившихся подъ его властью, создать единое и независимое государство, Витовтъ хотѣлъ устроить и церковь независимую и притомъ единую, безъ раздѣленія на католическую и православную. Мысль о церковной уніи, проглядывающая въ дѣйствіяхъ Витовта, находилась въ связи съ гусситскимъ движеніемъ, которому великій князь литовскій готовъ былъ подать руку, и съ вопросомъ объ исправленіи римской церкви во главѣ и членахъ. Еще въ 1413 г. былъ въ Литвѣ и въ самой Вильнѣ сподвижникъ и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій; онъ посѣщалъ здѣсь православныя церкви, преклонялъ колѣна предъ мощами и иконами въ русскихъ храмахъ, публично принималъ евхаристію изъ рукъ православныхъ священниковъ, бесѣдовалъ съ Витовтомъ о вопросахъ, относящихся къ различіямъ вѣроисповѣданій. Новоизбранный митрополитъ Григорій, съ другими русскими епископами, былъ посланъ княземъ на констанцкій соборъ, который, кромѣ гусситскаго дѣла, долженъ былъ заняться исправленіемъ католической церкви и вопросомъ о соединеніи церквей. Но православные русскіе епископы, прибывъ въ Констанцъ, узнали, что ихъ прежній знакомецъ, защищавшій ученіе и обрядъ православной церкви, погибъ на кострѣ; они узнали также, что соборъ уже осудилъ причащеніе подъ обоими видами. Явившись въ засѣданіе собора, русскіе іерархи объявили, что они хотятъ остаться тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и не желаютъ быть послушными римской церкви. Польскіе прелаты, которые много толковали о готовности русско-литовскихъ епископовъ признать

власть папы, сдѣлались послѣ этого, говоритъ нѣмецкая хроника, предметомъ смѣха для всѣхъ отцовъ собора. Нѣкоторые благоразумные люди (изъ числа католиковъ) высказали, однако, убѣжденіе, что если бы совершилось преобразованіе католической церкви, то можно бы найти средство къ дѣйствительному соединенію церквей.

Существованіе отдѣльной митрополіи, если оно связывалось въ умѣ Витовта съ мыслью о соединеніи церквей (объ уніи), послѣ неудачной попытки въ Констанцѣ должно было въ его глазахъ утратить большую часть своей цѣны. Къ тому же, зимою 1420 г. митрополитъ Григорій умеръ въ Вильнѣ. Послѣ его смерти митрополитъ Фотій поспѣшилъ въ Литву и былъ благосклонно принятъ Витовтомъ; въ числѣ другихъ городовъ онъ посѣтилъ Вильну (1421 г.). Витовтъ снова призналъ его власть надъ православною западно-русскою церковью и до конца своей жизни оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

LXVIII. Княжество Галицко-Волынское при Романѣ и Даніилѣ.

(Изъ статьи Соловьева: „Даніилъ Романовичъ, король галицкій“, помѣщенной въ „Современникѣ“ 1847 г.).

Присоединенная къ Руси св. Владиміромъ, область Галицкаго княжества была на время захвачена Болеславомъ Храбрымъ, возвращена опять при Ярославѣ и по смерти его составляла часть Владиміро-Волынскаго удѣла. Послѣ долгихъ и кровавыхъ междоусобій, происходившихъ за этотъ удѣлъ, въ юго-западной части его, нынѣшней Галиціи, успѣла утвердиться семья Ростиславичей, потомковъ Владиміра, старшаго сына Ярослава I. Исключенные, по тогдашнимъ понятіямъ, изъ старшинства преждевременною смертью своего родоначальника, Ростиславичи лишены были всякой надежды получить Кіевъ, всякаго участія въ перемѣщеніи другихъ Ярославичей, въ дѣлежѣ остальныхъ областей русскихъ, и должны были ограничиться одною Галиціею, мечомъ ихъ добытою. Такимъ образомъ Галицкое княжество стало удѣломъ особымъ; князья его стали отдѣльными владѣльцами постоянно одной области. Находясь между тремя враждебными странами, Русью, Венгріею и Польшею, Ростиславичи только необыкновенною ловкостью, изворотливостью, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами могли держаться на столѣ своемъ. Благодаря хитрости Владиміра Володаревича и умной распорядительности сына его Ярослава Осмомысла, Галицкое княжество пришло скоро въ цвѣтущее состояніе и получило важное значеніе между сосѣдними государствами, чему содѣйствовало особенно положеніе страны, затруднительное при слабости государства, но чрезвычайно выгодное при его могуществѣ. Умный и сильный галицкій князь былъ единственнымъ посредникомъ между тремя странами—Русью, Польшею и Венгріею: онъ отпиралъ ворота, по древнему выраженію, во всѣ эти страны; безъ его участія не могло рѣшиться никакое дѣло между ними. Всего лучше значеніе и могущество галицкаго князя выражено въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Здѣсь авторъ, обращаясь къ Ярославу Осмомыслу, говоритъ:

„Высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ, ты подперъ Угорскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь королю (венгерскому), затворилъ ворота Дунаю, отворяешь по волѣ ворота Кіеву". Но этого могущественнаго владѣтеля окружали люди, предъ которыми должна была поникнуть его власть, особенно власть его преемниковъ: это были бояре галицкіе.

Въ другихъ княжествахъ древней Руси бояре не могли пріобрѣсть важнаго значенія. Главная причина тому заключалась въ господствѣ родовыхъ отношеній между князьями, которыя, не давая самимъ князьямъ установиться въ постоянныхъ удѣлахъ, заставили и дружины ихъ быть подвижными, отнимали отъ бояръ возможность утвердиться въ княжествахъ, стать въ нихъ постоянными землевладѣльцами. Не такъ было въ Галичѣ. Эта страна, ставши удѣломъ князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностью, не перемѣняла князей своихъ и, съ другой стороны, не дробилась на мельчайшіе удѣлы въ родѣ Ростиславичей, потому что Владиміру Володаревичу удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ своемъ княжествѣ. Это единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ удѣлѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и у бояръ галицкихъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть вліяніе на дѣла княжества. Вотъ почему бояре галицкіе имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси. Бояре въ другихъ областяхъ русскихъ были бояре князей, а бояре галицкіе были бояре княжества, и когда, по смерти Ярослава Осмомысла, настали страшныя смуты въ странѣ, и три народа бились за владычество надъ нею, въ это несчастное время бояре выступили на сцену, захватили себѣ всю власть и дошли даже до необузданнаго своеволія, ни во что ставя князей своихъ. Разумѣется, сосѣдство Польши и Венгріи не могло остаться безъ вліянія въ этомъ отношеніи.

Галицкіе бояре показали свою силу еще надъ самимъ Ярославомъ Осмомысломъ, котораго могущество такъ славилось на Руси. Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любовницы, они схватили ее вмѣстѣ съ Ярославомъ, сожгли живую, убили ея доброжелателя и любимцевъ княжескихъ, а съ самого Ярослава взяли клятву, что онъ будетъ хорошо жить со своею законною женою. Когда Осмомыслъ при смерти завѣщалъ столъ свой незаконному сыну Олегу, мимо законнаго Владиміра, то бояре не думали исполнить завѣщанія: они выгнали Олега и возвели на престолъ Владиміра, однако не могли ужиться съ послѣднимъ по причинѣ глубокой его безнравственности. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галича, княземъ владиміро-волынскимъ, былъ Романъ Мстиславовичъ, внукъ знаменитаго Изяслава Мстиславовича. По смерти отца Романа, Мстислава, старшая линія Мономахова потомства сошла со сцены и уступила мѣсто второй линіи, Ростиславичамъ смоленскимъ. Романъ, довольствуясь отцовскимъ удѣломъ, княжилъ спокойно на Волыни, не принимая никакого участія въ дѣлахъ южной Руси, выжидая удобнаго случая съ успѣхомъ выступить на поприще. Дурное поведеніе Владиміра галицкаго и неудовольствіе бояръ внушили Роману мысль овладѣть этимъ

богатымъ удѣломъ. Не взирая на близкое родство свое съ княземъ галицкимъ, Романъ началъ сноситься съ боярами его, уговаривая ихъ свергнуть Владиміра и принять къ себѣ его, Романа. Бояре приняли предложеніе. Владиміръ былъ изгнанъ; Романъ сталъ княземъ въ Галичѣ. Романъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые не робѣютъ предъ сильными средствами для искорененія сильнаго зла. Будучи еще княземъ волынскимъ, онъ прославился ожесточенною борьбою, которую велъ съ двумя врагами тогдашней Руси—половцами и литовцами. Лѣтописецъ оставилъ намъ отрывки изъ народныхъ думъ, гдѣ такъ величали Романа: „Сердитый, какъ рысь, онъ стремился на невѣрныхъ, какъ левъ, губилъ ихъ подобно крокодилу; храбрый, какъ туръ, онъ орлинымъ полетомъ пролеталъ земли враговъ, ревновалъ дѣду своему Мономаху и тщился погубить иноплеменниковъ“.

Романъ такъ напугалъ половцевъ, что они именемъ его стращали дѣтей своихъ. Еще замѣчательнѣе характеръ борьбы, которую велъ онъ съ Литвою. Здѣсь Романъ преслѣдовалъ цѣль, общую всѣмъ русскимъ князьямъ: онъ заботился болѣе всего о построеніи городовъ и населеніи пустынь; для прекращенія варварскихъ набѣговъ, онъ считалъ единственнымъ средствомъ пріученіе дикихъ и звѣроловныхъ племенъ къ хлѣбопашеству, истребленіе дремучихъ лѣсовъ, расчистку непроходимыхъ пространствъ, превращеніе ихъ въ хлѣбородныя поля. Ожесточенный сопротивленіемъ варваровъ, Романъ, говоритъ преданіе, запрягалъ плѣнныхъ литовцевъ въ плуги и заставлялъ ихъ такимъ образомъ вырывать коренья на новыхъ мѣстахъ, очищать почву. Съ такимъ характеромъ, съ такими привычками сѣлъ волынскій князь на галицкій престолъ. Легко понять, какая страшная, отчаянная борьба должна была возгорѣться между нимъ и боярами. Какъ понялъ Романъ значеніе, пріобрѣтенное боярами въ Галичѣ, и какъ поступалъ съ ними, видно изъ его любимой поговорки: „Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть“. Не смотря, однако, на жестокость и ловкость, съ какими Романъ дѣйствовалъ, не всѣ пчелы были передавлены, и сыну Романову, Даніилу, нужно было перенести много трудовъ и бѣдствій, прежде нежели онъ могъ спокойно ѣсть медъ.

Романъ погибъ въ битвѣ съ поляками въ 1205 г. Послѣ него остались два малолѣтніе сына — Даніилъ и Василько. Противъ малютокъ была ненависть бояръ къ отцу ихъ и честолюбіе сосѣднихъ владѣльцевъ: князья русскіе, польскіе и король венгерскій объявили свои притязанія. Счастливѣе всѣхъ соискателей были трое изъ князей черниговскихъ, сыновья знаменитаго Игоря Сѣверскаго. Съ помощью бояръ они отстранили вмѣшательство Польши и Венгріи, выгнали вдову и сыновей Романа не только изъ Галича, но и изъ Владиміро-Волынскаго удѣла. Даніилъ нашелъ убѣжище въ Венгріи.

Но и Игоревичи не мирились съ могуществомъ галицкихъ бояръ и рѣшились возобновить политику Романа. Болѣе 500 бояръ было умерщвлено; остальные разбѣжались. Трое изъ послѣднихъ, Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ, ушли въ Венгрію и, желая свергнуть Игоревичей, стали просить венгерскаго короля помочь Даніилу. Король далъ сильное вспомогательное войско, которому Игоревичи не могли сопротивляться и были взяты въ плѣнъ. Даніилъ былъ провозглашенъ галицкимъ княземъ. Бояре хотѣли управлять именемъ малютки, и для этого изгнали изъ Галича мать Даніила. Княгиня удалилась въ Венгрію. Король всту-

пился за нее, пришелъ съ войскомъ въ Галичъ, схватилъ главныхъ бояръ, между ними Владислава, который въ оковахъ былъ отведенъ въ Венгрію. Тогда братья Владиславовы возбудили противъ Даніила его родственника, Мстислава Ярославовича Нѣмого, кн. пересопницкаго, который принудилъ Романово семейство снова бѣжать въ Венгрію, и смуты, возникшія въ самой Венгріи, не дозволили этой послѣдней предпринять новое вмѣшательство; но король, желая какъ-нибудь успокоить Галичъ до совершеннолѣтія Даніила, отправилъ туда плѣннаго Владислава съ полномочіями, думая, что этотъ человѣкъ, стоявшій во главѣ галицкаго боярства, одинъ въ состояніи прекратить волненія. Гордый бояринъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Галичъ и началъ властвовать по-княжески. Мать Даніила, видя, что отъ Венгріи нечего надѣяться, удалилась въ Польшу къ Лешку Бѣлому. Лешко принялъ сторону изгнанниковъ и пошелъ на Владислава; за послѣдняго вступился венгерскій король. Тогда Лешко послалъ сказать королю: „Не хорошо, что бояринъ княжитъ въ Галичѣ: жени лучше сына своего Коломана на моей дочери и посади его княземъ". Эта сдѣлка состоялась, а сыновья Романа должны были удовольствоваться Владиміро-Волынскимъ удѣломъ.

Но такое состояніе не было продолжительнымъ. Лешко скоро поссорился съ королемъ и пригласилъ въ Галичъ знаменитѣйшаго изъ русскихъ князей—Мстислава торопецкаго. Этотъ зовъ былъ по сердцу Мстиславу. Кромѣ того, стыдно было русскимъ князьямъ оставлять безъ боя венграмъ пріобрѣтеніе св. Владиміра. У нихъ еще было другое понужденіе: въ Галичѣ венгерское правительство выгнало епископа и священниковъ православныхъ и водворило латинскихъ. Мстиславъ выгналъ венгровъ и самъ сталъ княжить въ Галичѣ, выдавъ дочь свою за Даніила. Лешко не хотѣлъ остаться безъ выгоды при этой перемѣнѣ и захватилъ часть Владиміро-Волынскаго удѣла. Тогда-то Даніилъ въ первый разъ выступилъ на поприще, на которомъ ему суждено было пріобрѣсть такую славу: не смотря на свою молодость, онъ отнялъ оружіемъ у поляковъ захваченную ими область. Галицкіе бояре увидѣли, что сынъ Романа пойдетъ по слѣдамъ отца, и начали стараться всѣми силами отнять у него надежду получить Галичъ отъ Мстислава. Съ этою цѣлью они говорили послѣднему: „Князь! отдай лучше Галичъ венгерскому королевичу, а подъ нимъ можешь взять его назадъ, когда захочешь, отдашь ли разъ Даніилу, то вѣкъ не будетъ твой Галичъ". Мстиславъ послушался, помирился съ королемъ, помолвилъ дочь свою за королевича Андрея, съ тѣмъ, чтобы послѣ отдать ему Галичъ. Отсюда пошло нелюбье между Мстиславомъ и Даніиломъ.

Послѣ калкской битвы Мстиславъ воротился въ Галичъ, гдѣ находился въ затруднительномъ положеніи: законный наслѣдникъ этого удѣла, Даніилъ, возмужалъ и, естественно, долженъ былъ смотрѣть на Мстислава, какъ на похитителя. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Мстиславу. Для того, чтобы обезопасить себя со стороны Даніила, онъ выдалъ дочь за Андрея и отдалъ послѣднему Галичъ.

Мстиславъ умеръ въ 1227 г. По смерти его Даніилъ увидѣлъ себя окруженнымъ врагами: въ Галичѣ княжилъ королевичъ, въ Кіевѣ—одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ, Владиміръ Рюриковичъ. Владиміръ хотѣлъ выместить на Даніилѣ обиды, причиненныя отцомъ послѣдняго его отцу, соединился съ Михаиломъ черниговскимъ и венграми и пошелъ

на Даніила. Но этотъ князь шелъ по слѣдамъ отца: онъ заставилъ союзниковъ просить мира.

Избавившись отъ враговъ, Даніилъ обратился на венгровъ и выслалъ ихъ изъ Галича; но бояре галицкіе, видя его успѣхъ, рѣшились погубить его. Сперва составили заговоръ сжечь князя; но потомъ, когда заговоръ открылся, составили другой—убить на пиру. Но и этотъ планъ разстроился: 28 бояръ было схвачено. Даніилъ простилъ ихъ, но великодушіе дѣйствовало плохо. Дерзость бояръ не знала предѣловъ. Такъ, однажды, когда Даніилъ пировалъ, по обычаю, съ боярами, одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что залилъ князю лицо виномъ. Народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на такіе поступки, а лѣтописецъ называетъ бояръ не иначе, какъ безбожными. У Даніила изъ многочисленной дружины осталось только 18 вѣрныхъ отроковъ: всѣ бояре и остальные отроки были противъ него. Тогда Даніилъ созвалъ этихъ 18 отроковъ на совѣтъ и спросилъ: „Хотите ли остаться мнѣ вѣрными и слѣдовать за мною на враговъ?" Тѣ отвѣчали: „Какъ вѣрны Богу, такъ и тебѣ. Ступай съ Божіей помощью!" Тогда одинъ изъ нихъ напомнилъ Романову поговорку о пчелахъ; но сынъ Романа не наслѣдовалъ отъ отца жестокости: онъ былъ благороденъ не по вѣку и не терпѣлъ насильственныхъ мѣръ.

Между тѣмъ, бояринъ Судиславъ жилъ въ Венгріи и безпрестанно подговаривалъ короля на Даніила. Король пошелъ съ войскомъ въ Галичъ, бояре передались ему, и опять королевичъ получилъ престолъ. Даніилъ не хотѣлъ уступить отчины иноплеменнику и добылъ ее послѣ смерти королевича. Но едва успѣлъ онъ справиться съ венграми, какъ снова былъ лишенъ Галича князьями русскими. Михаилъ Черниговскій при помощи поляковъ и венгровъ овладѣлъ Галичемъ; Даніилъ долженъ былъ ограничиться однимъ Перемышлемъ. Но и въ этой бѣдѣ Даніилъ былъ страшенъ иноплеменнымъ врагамъ: билъ дикихъ ятвяговъ, воевалъ съ Тевтонскимъ орденомъ. Наконецъ, удалось ему возвратить и Галичъ. Узнавъ, что Ростиславъ, сынъ Михаила черниговскаго, оставленный отцомъ княжить въ Галичѣ, занятъ войною съ литовцами, Даніилъ внезапно явился подъ стѣнами города и велѣлъ повѣстить гражданамъ: „Долго ли вамъ терпѣть державу чужихъ князей?" Онъ не обманулся въ любви гражданъ; они пустились къ Даніилу, по выраженію лѣтописца, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, и Даніилъ вошелъ въ городъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Галиціи, когда, въ 1239 г. Батый явился въ южной Руси. Князья ея побѣжали въ Венгрію. Даніилъ не могъ противиться одинъ и послѣдовалъ ихъ примѣру. Взявъ Кіевъ, Батый опустошилъ княжества Владиміро-Волынское и Галицкое, и въ концѣ января 1241 г. монголы, раздѣлившись на два полчища, стояли на границахъ Польши и Венгріи. Тогда-то ужасъ напалъ на государей запада. Извѣстія, прикрашенныя нерѣдко баснями, о татарахъ, ихъ происхожденіи, ихъ жестокости, распространялись по Германіи и далѣе на западѣ. Батый вторгнулся въ Венгрію, разбилъ короля и заставилъ его бѣжать въ Австрію; другая часть татаръ черезъ Польшу достигла южной Силезіи. Здѣсь, у Лигница, Генрихъ Благочестивый, герцогъ Силезскій, встрѣтилъ ихъ, проигралъ битву и палъ самъ. Уже татарамъ былъ открытъ путь во внутренность Германіи, когда, день спустя послѣ лигницкой битвы, встрѣтилъ ихъ Вацлавъ, король чешскій. Монголы

не отважились на вторичный бой и пошли соединяться со своими въ Венгрію. Силезія и Моравія были опустошены на этомъ возвратномъ пути, но при осадѣ Ольмюца татары потерпѣли пораженіе и поспѣшно удалились въ Венгрію. Отсюда, въ томъ же году, они пытались вторгнуться въ Австрію, но, встрѣтивъ ополченія короля чешскаго и герцоговъ австрійскаго и каринтійскаго, безъ битвы вернулись назадъ и скоро очистили Венгрію и Галицію, когда извѣстіе о смерти великаго хана вызвало Батыя на востокъ.

Возвратившись изъ чужбины, Даніилъ нашелъ княжество свое въ страшномъ безпорядкѣ. Бояре завладѣли всѣмъ и грабили несчастный народъ, раззоренный, недавнимъ погромомъ; на увѣщеванія князя они отвѣчали насмѣшками, а между тѣмъ Ростиславъ, сынъ Михаила черниговскаго, поляки и литовцы не давали покоя Даніилу, который долженъ былъ рядить земли внутри, бороться съ боярами и въ то же время отбиваться отъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ. Ревностнымъ поборникомъ во всѣхъ трудахъ Даніила былъ братъ его Василько, „умомъ великій и дерзостью", страшный бичъ невѣрныхъ. Въ то же время, когда Даніилъ утишалъ землю и отбивался отъ враговъ, вдругъ приходитъ къ нему грозное слово изъ Орды: „Дай Галичъ!" Тяжкая скорбь напала на Даніила. Много думалъ онъ съ братомъ, вступить ли въ борьбу съ монголами, или подчиниться; наконецъ, въ виду бѣдственнаго состоянія страны, рѣшился на послѣднее. Не одно униженіе ждало русскихъ князей въ Ордѣ: незадолго предъ тѣмъ Михаилъ черниговскій былъ звѣрски умерщвленъ татарами за то, что не хотѣлъ исполнить ихъ языческихъ обрядовъ. Не смотря на то, Даніилъ отправился въ Орду. По дорогѣ заѣхалъ въ раззоренный Кіевъ. Въ Переяславлѣ уже встрѣтили его татары. На Волгѣ онъ встрѣтилъ Батыя. Тутъ смутилъ его человѣкъ, служившій в. кн. Ярославу; онъ говоритъ: „Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться". Однако Даніилъ былъ избавленъ отъ языческихъ обрядовъ. Батый встрѣтилъ его словами: „Даніилъ! Зачѣмъ давно не приходилъ? Но и то хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли черное молоко, наше питье, лошадиный кумысъ?" Даніилъ отвѣчалъ: „До сихъ поръ не пилъ, но если ты велишь, то пью". Батый сказалъ на это: „Ты уже нашъ, татаринъ, пей наше питье". Даніилъ выпилъ и потомъ пошелъ съ поклономъ къ ханшѣ. Сильно поразила народъ вѣсть о такомъ униженіи, которому подвергся самый любимый, самый благородный изъ князей русскихъ. Изъ словъ лѣтописца можно заключить о томъ ужасѣ и негодованіи, которымъ объяты были современники: „О, злѣе зла честь татарская! Даніилъ Романовичъ, князь великій, обладатель Руской земли, сидитъ на колѣняхъ и холопомъ называется, и дани хотятъ, и жизни не чаетъ, и грозы приходятъ. О, злая честь татарская! Чей отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ половцевъ, воевалъ всѣ другія страны, тотъ не получилъ чести; кто же другой можетъ получить ее?"

25 дней пробылъ Даніилъ въ Ордѣ и получилъ отъ Батыя подтвержденіе на княжество. Утѣшительно было, по крайней мѣрѣ, что его униженіе не было безполезно для страны. Король венгерскій, узнавъ о расположеніи хана къ Даніилу, примирился съ нимъ. Галицкій князь новыми побѣдами надъ Литвою хотѣлъ ободрить народъ.

Галицкій князь видѣлъ единственное спасеніе отъ монголовъ въ тѣсномъ союзѣ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ новомъ крестовомъ по-

ходѣ. Разумѣется, главнымъ двигателемъ этого союза должна была быть религія, а потому глава церкви — папа. Чтобы примкнуть къ такому союзу, Руси необходимо было на время соединиться съ западомъ въ религіозномъ отношеніи. Вотъ почему Даніилъ, еще въ 1245 г., объявилъ папѣ Иннокентію IV о готовности соединиться съ римскою церковью. Легко представить восторгъ папы: письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галича. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ. Но папа сильно ошибся въ разсчетахъ: съ умнымъ Даніиломъ не такъ легко было сладить, какъ онъ думалъ. Даніилъ признавалъ папу верховнымъ первосвященникомъ и только, желая сохранить всѣ догматы и обряды греческой церкви въ неприкосновенности. Мы видѣли, что папа уступилъ русской церкви совершеніе таинствъ на квасномъ хлѣбѣ; мало того: онъ долженъ былъ вооружиться проклятіемъ противъ всякаго хулителя церкви греческой, обѣщать соборъ для изслѣдованія, которое изъ двухъ исповѣданій правѣе; онъ уступилъ требованію Даніила, чтобы никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ особъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ земляхъ безъ позволенія князя. Всѣ эти уступки не помогли: Даніилъ соединился съ Римомъ единственно изъ политическихъ видовъ, съ условіемъ скорой и дѣйствительной помощи противъ татаръ. Но когда Даніилъ получилъ отъ папы не помощь, а только письмо, въ которомъ давалось позволеніе возвращать силою земли, отнятыя варварами, то сынъ Романа прервалъ сношенія съ Римомъ. Тщетно папа присылалъ къ нему епископа съ вѣнцомъ королевскимъ: Даніилъ отослалъ назадъ и посла, и безполезный даръ, велѣвъ сказать папѣ: „Мнѣ нужна твоя помощь, а не вѣнецъ королевскій, о которомъ мнѣ не время думать, когда татары грозятъ каждую минуту“. Въ 1249 г. легатъ папскій выѣхалъ изъ Галича. Венгерскій король усиленно старался помирить Даніила съ папою. Папа, съ своей стороны, въ угоду Даніилу, писалъ ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи, Помераніи, Ливоніи и Пруссіи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ и о проповѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія. Въ 1254 г. опять предъ Даніиломъ предстали папскіе послы со скипетромъ и вѣнцомъ королевскимъ, но Даніилъ отказался вторично короноваться королемъ. Потомъ онъ уступилъ просьбамъ матери и князей польскихъ, которые дали ему слово дѣйствовать вмѣстѣ противъ татаръ, и короновался въ Дрогичинѣ. Но пустой титулъ короля галицкаго не помогъ ему ни въ чемъ: ни папа, ни король венгерскій, ни князья польскіе не думали соединиться съ нимъ противъ татаръ. Въ 1260 г. Даніилъ соединилъ свои полки съ войсками Белы, короля венгерскаго, противъ Оттокара II богемскаго; но союзники были разбиты, и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего Романа на престолѣ австрійскомъ. Въ то же время Даніилъ, видя, что отъ папы ожидать нечего, прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV.

Блестящія побѣды надъ ятвягами нѣсколько вознаградили Даніила за неуспѣхи на западѣ. Дикари эти принуждены были платить дань и, главное, обязались строить для Даніила города въ землѣ своей. Такъ русскіе князья продолжали исполнять свою наслѣдственную обязанность,

заставляя варваровъ волею и неволею привыкать къ гражданственности. Но, принуждая ятвяговъ строить города, Даніилъ всего болѣе заботился объ укрѣпленіи своихъ собственныхъ городовъ, въ чемъ видѣлъ единственное средство съ успѣхомъ противостать кочевымъ татарамъ; но судьба не позволила Даніилу привесть въ исполненіе это намѣреніе: татары проникли его планы и спѣшили предупредить ихъ. Темникъ Батыевъ, Кумерса, былъ робокъ и слабъ силами, и потому позволялъ Даніилу мало-по-малу забирать у татаръ города. Но ему на смѣну пришелъ съ огромными толпами другой темникъ—Бургундай. Онъ отправилъ приказъ русскимъ князьямъ, чтобы тѣ вышли къ нему на встрѣчу. Король Даніилъ не поѣхалъ самъ на встрѣчу варвару, но послалъ брата Василька, сына Льва и епископа. Ихъ встрѣтилъ татаринъ ругательствомъ: „Если хотите со мною мира,—сказалъ онъ въ заключеніе,—то раззорите всѣ города“. Должно было повиноваться; укрѣпленія городовъ были срыты. Даніилъ поѣхалъ въ Польшу и Венгрію, но нигдѣ не нашелъ помощи. Съ разрушеніемъ крѣпостей рушились послѣднія надежды. Онъ не долго пережилъ ихъ.

Въ 1264 г. умеръ Даніилъ, который, послѣ Мономаха, болѣе всѣхъ князей заслужилъ прекрасное названіе страдальца за Русскую землю. Но какъ же думали о Даніилѣ современники, подданные его? Какія черты въ немъ всего болѣе поразили ихъ? Не воинственныя доблести, не многочисленныя побѣды, но то, что Даніилъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ успѣлъ не только загладить слѣды монгольскаго нашествія, но и привести свое княжество въ цвѣтущее состояніе, украсить его богатыми городами, великолѣпными зданіями, усилить промышленность, торговлю. Современниковъ поразило эта умная, хозяйственная распорядительность князя, умѣніе утѣшать народъ въ бѣдствіяхъ, по выраженію лѣтописца; ихъ поразило умѣніе Даніила, при всемъ униженіи отъ татаръ, поддержать достоинство Русской земли, поставить себя необходимымъ и могущественнымъ членомъ славяно-венгерской системы европейскихъ государствъ. Другая черта, поразившая современниковъ въ Даніилѣ, это безпримѣрная привязанность, безпримѣрная дружба къ брату Васильку, вполнѣ его достойному. Съ младенчества неразлучные и въ бѣдствіяхъ, и въ счастіи, оба брата жили одною душою, одною мыслью. Легко понять, какъ важно было такое братское согласіе для Руси въ то ужасное время, и современники умѣли оцѣнить его: они прозвали Даніила братолюбцемъ и вторымъ Соломономъ по мудрости.

LXIX. Князь Александръ Ярославичъ Невскій и его побѣды.

(Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“, Костомарова).

XIII вѣкъ былъ періодомъ самаго ужаснаго потрясенія для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ безчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, раззорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остатокъ народонаселенія; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ католичества. Задачею полити-

ческаго дѣятеля того времени было поставить Русь, по возможности, въ такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости, можетъ называться истиннымъ представителемъ своего вѣка. Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Отрочество и юность его большею частью протекли въ Новгородѣ. Отецъ его, Ярославъ, всю жизнь то ссорился съ новгородцами, то опять ладилъ съ ними. Нѣсколько разъ новгородцы прогоняли его за крутой нравъ и насиліе и нѣсколько разъ приглашали снова, какъ бы не будучи въ состояніи обойтись безъ него. Князь Александръ уже въ молодыхъ лѣтахъ подвергался тому же вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1228 г., оставленный съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, съ двумя княжескими мужами въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ бѣжать, не выдержавъ поднявшагося въ то время междоусобія—явленія обычнаго въ вольномъ Новгородѣ. Въ 1230 г. юноша снова вернулся въ Новгородъ съ отцомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, долго не покидалъ Новгорода. Съ 1236 г. начинается его самобытная дѣятельность. Отецъ его Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ; Александръ посаженъ былъ княземъ въ Великомъ Новгородѣ. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, а голосъ его, по выраженію современника, „гремѣлъ передъ народомъ, какъ труба". Вскорѣ предсталъ ему важный подвигъ.

Вражда нѣмецкаго племени съ славянскимъ принадлежитъ къ такимъ всемірнымъ историческимъ явленіямъ, которыхъ начало недоступно изслѣдованію, потому что оно скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. При всей скудости свѣдѣній нашихъ, мы не разъ видимъ въ отдаленной древности признаки давленія нѣмецкаго племени на славянское. Уже съ IX в. въ исторіи открывается непрерывное многовѣковое преслѣдованіе славянскихъ племенъ; нѣмцы, порабощая ихъ, тѣснили къ востоку и сами подвигались за ними, порабощая ихъ снова, Пространный Прибалтійскій край, нѣкогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпалъ насильственному нѣмецкому игу для того, чтобы потерять до послѣднихъ слѣдовъ свою народность. За прибалтійскими славянами къ востоку жили литовскія и чудскія племена, отдѣлявшія первыхъ отъ ихъ русскихъ соплеменниковъ. Къ этимъ племенамъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. проникли нѣмцы въ образѣ воинственной общины подъ знаменемъ религіи, и такимъ образомъ стремленіе нѣмцевъ къ порабощенію чужихъ племенъ соединилось съ распространеніемъ христіанской вѣры между язычниками и съ подчиненіемъ ихъ папскому престолу.

Властолюбивые замыслы нѣмцевъ, послѣ уступки имъ Ливоніи, обратились на сѣверную Русь. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на западѣ врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самаго христіанства.

Борьба Новгорода съ нѣмцами была неизбѣжна. Новгородцы еще прежде владѣли значительнымъ пространствомъ земель, населенныхъ чудью, и постоянно, двигаясь на западъ, стремились къ подчиненію чудскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они распространяли между послѣдними

православіе болѣе мирнымъ, хотя и болѣе медленнымъ, путемъ, чѣмъ западные рыцари. Какъ только нѣмцы утвердились въ Ливоніи, тотчасъ начались непрерывныя столкновенія и войны съ Новгородомъ; и такъ шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникамъ, не хотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ, и потому-то въ глазахъ западнаго христіанства сами представлялись поборниками язычниковъ и врагами Христовой вѣры. Такія же столкновенія явились у новгородцевъ съ католическою Швеціею по поводу Финляндіи, куда съ одной стороны проникали новгородцы съ православнымъ крещеніемъ, а съ другой— шведы съ западнымъ католичествомъ; споръ между обѣими сторонами былъ также и за обладаніе финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждалъ какъ нѣмцевъ, такъ и шведовъ къ такому же покоренію сѣверной Руси, какимъ уже было покореніе Ливоніи и Финляндіи. Въ завоеванной Ливоніи нѣмцы насильно обращали къ христіанству язычниковъ; точно также приневоливали они принимать католичество крещенныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало: они насиловали совѣсть и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которыхъ отцы еще прежде прибытія рыцарей водворились въ Ливоніи.

Силы ордена Меченосцевъ увеличились отъ соединенія съ Тевтонскимъ орденомъ. Между тѣмъ рыцари, по рѣшенію папы, должны были уступить датчанамъ часть Ливоніи, а папа предоставилъ имъ вознаградить себя за это покореніемъ русскихъ земель. Вслѣдствіе этого, по призыву дерптскаго епископа Германа, рыцари и съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ бросилась на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей, Ярославъ Владиміровичъ, велъ враговъ на своихъ соотечественниковъ. Въ 1240 году нѣмцы овладѣли Псковомъ: между псковитянами нашлись измѣнники; одинъ изъ нихъ, Твердила Иванковичъ, сталъ управлять городомъ отъ нѣмецкой руки.

Между тѣмъ, на Новгородъ ополчились шведы. Папская булла поручала шведамъ начать походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Въ Швеціи, вмѣсто больного короля, управлялъ тогда зять его Биргеръ. Этотъ правитель Биргеръ самъ взялъ начальство надъ священнымъ ополченіемъ противъ русскихъ. Въ войскѣ его были шведы, норвежцы, фины и много духовныхъ особъ съ ихъ вассалами. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ къ князю Александру объявленіе войны, надменное и грозное: „Если можешь, сопротивляйся; знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою“.

У новгородцевъ война также приняла религіозный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги, возбужденные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ помолился у св. Софіи и выступилъ съ новгородскою ратью къ устью Волхова. Къ нему пристали ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы вошли въ Неву и бросили якорь въ устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги врасплохъ: прежде всего слѣдовало взять этотъ новгородскій пригородъ, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій Новгородъ. Въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ не медлилъ и, предупредивши ихъ, приблизился къ Ижорѣ въ воскресенье 15-го іюля (1240). Шведы не ждали

непріятелей и расположились спокойно: ихъ шнеки стояли у берега, раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ 11 утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь богатырскою своею удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, „возложилъ ему печать на лицо", говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненыхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на свои шнеки, чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море.

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заранѣе считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣ Петербургской и отчасти Олонецкой губ.); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. Эзельскій епископъ заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее—рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригородъ Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по неволѣ приставали къ нимъ; тѣ, которые не хотѣли, разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали 30-ти верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына, Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ, и не на чемъ было пахать поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить, и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Александръ не противился.

Немедленно отправился онъ съ новгородцами очищать Новгородскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ началѣ апрѣля 1242 г. Александръ двинулся навстрѣчу врагамъ, и на Узмени произошла другая битва, знаменитая не менѣе Невской, извѣстная въ исторіи, подъ названіемъ: „Ледовое побоище". Враги встрѣтились въ субботу 5 апрѣля при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся вра-

говъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!" Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними 7 верстъ.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей, за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. Навстрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ орденомъ въ кровавыя столкновенія, но уже мысль о покореніи сѣверныхъ русскихъ земель, о порабощеніи ихъ наравнѣ съ Ливоніею, которое подвергло бы ихъ участи прибалтійскихъ славянъ, навсегда оставила нѣмцевъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь въ надеждѣ подчинить себѣ Русь—путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столь же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы. Такимъ образомъ, папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 г. двухъ кардиналовъ. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія, и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Но Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ наотрѣзъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть сѣверною Русью, но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ, нельзя было думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ-подъ власти монголовъ.

LXX. ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ТАТАРАМЪ.

(Изъ „Исторіи государства Россійскаго", Карамзина).

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ во Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ княженіяхъ. Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ Ордѣ, и россіяне еще съ гордостью именовали его своимъ пе-

зависимымъ княземъ, даже стращали имъ монголовъ. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: „Князь новгородскій! Извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе монголовъ". Александръ любилъ отечество болѣе своей княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ и вслѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ монгольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей князь, дѣйствительно, есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовью къ народу россійскому и благородствомъ сердца! Отъ Батыя Александръ и братъ его ѣздили, подобно Ярославу, въ Татарію къ великому хану.

Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ великаго хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыя. Андрей же сѣлъ на престолѣ владимірскомъ, а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ. Удѣльные князья владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ, ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи.

Новгородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостью. Внутреннее спокойствіе Новгорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнью князя Александра, въ коей все государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе монголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, бояръ и духовенства: Александръ выздоровѣлъ.

Братъ Александра Андрей, зять Даніила Галицкаго, княжа во Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ, слушался юныхъ совѣтниковъ и, видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ государствѣ отъ слабости государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостью въ разсужденіи монголовъ облегчить судьбу подданныхъ; въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей, пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ боярами. Неврюй и другіе воеводы татарскіе уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переяславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили князя. Обрадованные случаемъ мстить россіянамъ, какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ владимірскимъ и съ добычею удалились. Александръ благора-

зумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на россіянъ и, признанный въ Ордѣ великимъ княземъ, съ торжествомъ въѣхалъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, игумены, священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и бояре подъ начальствомъ тысяцкаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ великомъ княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и священники къ алтарямъ. Поручивъ Новгородъ сыну своему Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна. Батый умеръ: сынъ его, вѣроятно Сартакъ, хотѣлъ господствовать надъ татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею великаго хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ и ввѣрилъ дѣла россійскія своему намѣстнику Улавчію. Сей вельможа принималъ нашихъ князей и дары ихъ: къ нему явился и Александръ. Вѣроятно, Александръ, свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данью по числу людей, желалъ отвратить сію тягость, но тщетно: пріѣхали чиновники татарскіе въ области Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, сочли жителей и поставили надъ ними десятниковъ, сотниковъ, темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ всей общей дани только церковниковъ и монаховъ. Изъявляя уваженіе къ духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога русскаго, какъ думалъ народъ. Намѣстникъ ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную: герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестью взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостью. Вмѣстѣ съ татарскими чиновниками и съ князьями Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другого. Самъ юный князь Василій, по внушенію своихъ бояръ, уѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ и не могъ ничѣмъ перемѣнить его; они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили монгольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ ханомъ, однакожъ безъ ига рабскаго. Великій князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю, а бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Александръ остался въ Новгородѣ и, предвидя, что ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско ханово уже готово идти къ Новгороду. Сія вѣсть, впрочемъ, ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и великій князь увѣдомилъ монголовъ о его покорности. Чиновники ихъ явились на берегахъ Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань въ окрест-

ностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники монгольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ посадникова сына и боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ дома. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ, Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ монгольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ во Владиміръ. Народъ поколебался: бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную волю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая монголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равна; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. Итакъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду, или чрезъ великихъ князей. Монголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностью и роскошнымъ избыткомъ; добрые простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. Вельможи татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ великое княженіе.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ во Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство монголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ бесерменскимъ, хозарскимъ или хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія. Сіи люди откупали у татаръ дань нашихъ княженій, драли неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, въ случаѣ неплатежа объявляли должниковъ своими рабами и отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи.

Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: на Александра, въ глазахъ хановыхъ, падало подозрѣніе, и великій князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: монголы незадолго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра; онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные россіяне, по крайней мѣрѣ, не проливали крови своей за невѣрныхъ. Александръ нашелъ хана Берку въ волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ искусства и науки, ласкалъ ученыхъ, художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою Кипчакскую столицу и позволилъ россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять христіанское богослуженіе, такъ что митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную

епархію подъ именемъ Сарской. Великій князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе бесерменовъ изъ городовъ суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній-Новгородъ и, пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнью, которая пресѣкла его жизнь 14-го ноября. Истощивъ силы душевныя и телѣсныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концомъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ: постригся, принялъ схиму и, слыша горестный плачъ вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: „Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!" Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда, по собственному выраженію одного изъ нихъ, гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда во Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ великаго князя, онъ въ собраніи духовенства воскликнулъ: „Солнце отечества закатилось!" Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолствовалъ, залился слезами и сказалъ: „Не стало Александра!" Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса, ибо Невскій казался необходимымъ для государства и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народъ въ глубокой скорби повторили одно слово: „Погибаемъ!.." Тѣло великаго князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, митрополитъ, князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ ангеловъ-хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи. Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери, гдѣ покоилось до XVIII вѣка, когда государь Петръ I вздумалъ перенести сіи останки безсмертнаго князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

Возвышеніе Москвы.

LXXI. О ПРИЧИНАХЪ ПОСТЕПЕННАГО ВОЗВЫШЕНІЯ МОСКВЫ ДО СМЕРТИ ІОАННА III.

(Изъ статьи Станкевича, помѣщенной въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета" за 1834 г., т. V).

Первый вопросъ, представляющійся при изслѣдованіи причинъ постепеннаго возвышенія Москвы, есть слѣдующій: съ какого времени начинается это возвышеніе? Съ этимъ вопросомъ сопряженъ другой: въ чемъ заключается первоначальная причина возвышенія Москвы?

Имя Москвы въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1147 г., въ описаніи угощенія, которое давалъ Юрій Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ, Святославу, князю новгородъ-сѣверскому. Изъ этого явствуетъ, что Москва существовала уже въ половинѣ XII ст. Съ тѣхъ поръ до конца XIII ст. имя ея едва мелькаетъ въ лѣтописяхъ. Въ 1237 г. она бѣдствіемъ обращаетъ на себя вниманіе лѣтописцевъ: ее сжигаетъ Батый. Съ конца XIII ст. Москва начинаетъ участвовать въ дѣлахъ прочихъ городовъ и княжествъ. Скоро Можайскъ и Переяславль присоединяются къ Москвѣ. Наконецъ, въ правленіе Іоанна Даниловича Калиты открывается намъ несомнѣнное ея могущество. Въ духовной граматѣ Калиты исчислены города и волости, вошедшіе въ составъ Московскаго княжества, и съ этого времени мы легко можемъ слѣдить за его возрастаніемъ. Здѣсь утверждается престолъ митрополита, къ которому тяготѣютъ епархіи южнаго и сѣвернаго края Россіи, не смотря на то, что послѣдній въ это время совершенно отдѣляется отъ перваго, который къ концу XIV ст. совершенно подпадаетъ власти литовцевъ. Тогда сѣверныя княжества образуютъ особую систему, цѣлость которой поддерживается единствомъ пастыря духовнаго, общимъ игомъ, взаимною нуждою. Московское княжество дѣлается центромъ этой системы и вскорѣ явно получаетъ характеръ главенства, котораго тѣнь сохраняло Владимірское княжество до Іоанна Калиты. Сынъ и пріемникъ его, Симеонъ первый сталъ называться великимъ княземъ всея Руси, заимствуя это названіе отъ титула митрополитовъ, которые удержали его отъ временъ своего пребыванія въ Кіевѣ, средоточіи Руси. Знаменитый племянникъ его, Димитрій Донской, расширяетъ предѣлы своего кня-

жества, заставляетъ удѣльныхъ князей признать себя меньшими, упрочиваетъ существенное вліяніе надъ независимыми владѣтелями. Въ его правленіе восходитъ первая заря свободы для Русской земли. Донская битва не рѣшила судьбы ея: не разъ еще пылали стѣны Москвы, не разъ сокрушался твердый щитъ Россіи—жертва преждевременныхъ, но благородныхъ усилій свергнуть чуждое иго. Могущество Іоанна III, пріуготовленное его родственниками, составило эпоху въ русской исторіи. Онъ, наконецъ, сокрушилъ или, лучше сказать, взялъ въ свои руки тѣ цѣпи, которыми монголы опутали русскія княжества. Такъ незначительный городъ Суздальскаго княжества, едва замѣчаемый лѣтописцами въ первыя времена своего существованія, черезъ три съ половиною вѣка пріобрѣтаетъ господство надъ сильными дотолѣ владѣніями, соединяетъ ихъ въ одно политическое тѣло, водворяетъ въ немъ гражданскую жизнь. Вникая въ эти событія, мы видимъ, что Москва не одной личности князей своихъ обязана своимъ возвышеніемъ, что она не есть произведеніе одной ихъ силы, механически совокупившей разрозненныя до того времени области подъ господство одной, могущественнѣйшей. Хотя личность князей и много участвовала въ дѣлѣ возвышенія Москвы, но одна власть, одна сила никогда не могла бы дать такой прочности ея господству: при первомъ удобномъ случаѣ Москва утратила бы свои пріобрѣтенія, если бы между ними и ею не было связи болѣе естественной, органической. Многія причины совокупились, чтобы возвеличить Москву, чтобы соединить вокругъ нея независимыя владѣнія въ одно стройное цѣлое. Онѣ дѣйствовали совокупно; онѣ сдѣлали Москву естественнымъ средоточіемъ Россіи, не только властительницею, главою, но сердцемъ ея, которое, пустивъ артеріи во всѣ части государства, наполнило ихъ жизненными соками.

Слѣдя за постепеннымъ возрастаніемъ Москвы, внимательно наблюдая всѣ ея отношенія, мы находимъ слѣдующія главныя причины ея успѣховъ: I—самое ея географическое положеніе; II—нашествіе и господство монголовъ; III—пребываніе митрополита въ Москвѣ; IV—характеръ, политика и внѣшнія отношенія московскихъ князей. Постараемся показать дѣйствія этихъ причинъ въ самыхъ событіяхъ.

I. *Географическое положеніе.* Вліяніе его на возвышеніе Москвы можетъ быть разсматриваемо: во-1-хъ, само по себѣ; во-2-хъ, въ совокупности съ другими причинами. Нѣтъ сомнѣнія, что географическое положеніе само по себѣ никогда не могло бы поставить Москву на ту степень величія, на которой она является въ княженіе Іоанна III; несмотря на это, центральное положеніе могло быть благопріятно для населенія, дать городу торговое значеніе, обогатить его. Но еще болѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что княжества: Тверское, Суздальское, или Владимірское, Рязанское, отчасти Смоленское—толпятся вокругъ Москвы; она занимаетъ средину между ними. Чѣмъ болѣе расширялось и пріобрѣтало силы Московское княжество, чѣмъ болѣе слабѣли другія владѣнія, тѣмъ значительнѣе становилось центральное положеніе перваго. Не подвергаясь опасности отъ своихъ сосѣдей, оно имѣло всю возможность утвердить свою власть надъ ними, управлять ихъ дѣйствіями; да и собственнная выгода владѣтелей требовала, чтобы они имѣли одну политическую систему съ московскимъ княземъ: о самостоятельности имъ нельзя было думать. Если отдѣльный владѣтель и могъ противиться

Москвѣ, то на самое короткое время; соединеніе съ другими князьями было для него невозможно: ихъ всегда раздѣляли московскія владѣнія. Призвать на помощь Литву также значило перейти къ ней въ подданство. Но и сами литовскіе князья со времени Витовта страшились борьбы съ Москвою, поэтому искать имъ покровительства значило безъ всякой нужды раздружиться съ Москвою и подать ей поводъ къ притѣсненіямъ, а иногда и лишиться владѣній (какъ это случилось съ послѣднимъ княземъ тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ, при Іоаннѣ III Васильевичѣ). Такимъ образомъ, раздѣляя силы князей русскихъ, Московское княжество пользовалось ихъ слабостью и расширяло предѣлы свои болѣе и болѣе; пріобщая къ себѣ независимыя владѣнія, оно обращало постепенно центръ въ окружность и, наконецъ, образовало Русское государство.

II. *Нашествіе и господство монголовъ.* Съ перваго взгляда кажется, что появленіе монголовъ въ началѣ XIII вѣка, опустошеніе, сдѣланное ими въ это время въ земляхъ русскихъ, имѣли слѣдствіемъ одно: гибель, нищету, страданія людей. Но временное бѣдствіе, если оно не пустило корня, исчезаетъ для исторіи въ строгомъ смыслѣ. Что же касается до опустошеній, сдѣланныхъ монголами въ XIII вѣкѣ, то они имѣли огромныя слѣдствія для нашего отечества *). Съ этого времени южная Россія, пожженная ихъ огнемъ, истерзанная ихъ оружіемъ, отпадаетъ совершенно отъ сѣверной и къ концу XIV вѣка, ослабленная, опустошенная, раздробленная, она падаетъ подъ власть Литвы. Сѣверная Россія составляетъ особую систему. Въ ней, какъ будто по преданію, Владимірское княжество сохраняло тѣнь главенства: всякій владѣтель получалъ титулъ великаго князя не иначе, какъ съ княженіемъ Владимірскимъ. Но, подвергаясь постоянно набѣгамъ монголовъ, оно не могло удержать великаго князя въ своихъ предѣлахъ. Владиміръ пересталъ быть мѣстопребываніемъ великихъ князей. Ярославъ Ярославичъ, принявъ великокняжескій титулъ, остался въ Твери и, учредивъ въ ней особую епископію, образовалъ такимъ образомъ независимое княжество. Великій князь Василій Ярославичъ, сколько можно догадываться, во все свое правленіе оставался въ наслѣдственномъ удѣлѣ, Костромѣ. Итакъ, Владиміръ утратилъ свое первенство: чрезъ это сдѣлалось возможнымъ другимъ городамъ пріобрѣсти оное. Тверь готова была воспользоваться этимъ случаямъ, она усилилась; но ей не доставало другихъ условій, другихъ причинъ, чтобы утвердить за собою первенство. Вотъ первое дѣйствіе монгольскаго ига, монгольскихъ набѣговъ. Южная Русь отдѣлена, первенство Владиміра въ сѣверной уничтожено. Тверь утверждаетъ свою независимость, она дѣлается сильнѣйшимъ владѣніемъ; великокняжеское достоинство переходитъ въ родъ князей тверскихъ; Владиміръ удерживаетъ за собою еще митрополитовъ. Возможность къ первенству одного города, владѣнія уже явилась; Москва, принявшая къ себѣ митрополита и управляемая великимъ княземъ, совокупивъ условія первенства, сдѣлала шагъ къ возвышенію. Полученіемъ великокняжескаго достоинства отъ хановъ первые московскіе князья одол-

*) Прямыя слѣдствія какъ господства, такъ и нашествія монгольскаго, безъ сомнѣнія, были вредны для Россіи во многихъ отношеніяхъ, не говоря уже о порчѣ народнаго характера. Но посредственныя слѣдствія этого ига благодѣтельны, и однимъ изъ нихъ должно признать централизацію Россіи, къ которой вело преимущественно возвышеніе Москвы.

жены были, кажется, своей политикѣ; но, получивъ его, они въ своихъ дѣйствіяхъ опирались на могущество хановъ и тѣмъ поддерживали свой перевѣсъ надъ прочими владѣтелями. Вотъ дѣйствіе уже самаго господства монголовъ. Іоаннъ Калита употреблялъ всѣ средства снискать милость ханскую, старался перехватить враждебныхъ ему князей на пути въ Орду, ѣздилъ къ хану съ сыновьями, льстилъ, дарилъ, чернилъ тверского князя. Наконецъ, ханъ далъ всѣмъ князьямъ повелѣніе слушаться московскаго князя; послѣдній готовилъ уже страшную месть Новгороду, но долженъ былъ, по приказанію хана, обратить силы свои противъ Смоленска, и всѣ князья шли подъ предводительствомъ великаго князя. По смерти его, Симеонъ предупредилъ Константина тверского и Константина суздальскаго, шедшихъ въ Орду искать великаго княженія: онъ купилъ его, вѣроятно, не одною лестью, и всѣ князья русскіе были, по словамъ лѣтописи, „подъ руцѣ его даны".

Когда внутренніе раздоры и междоусобія ослабили Кипчакское царство, московскіе князья были уже довольно сильны и могли собственными средствами поддержать свое первенство. Дмитрій Ивановичъ повелѣвалъ уже многими князьями, которые сражались подъ знаменами его въ Куликовской битвѣ. Съ этого времени монголы становятся полезными для Россіи въ другомъ отношеніи: русскія княжества начинаетъ соединять мысль общей защиты, и уже всегда при первенствѣ великаго князя московскаго.

Но владычество монголовъ было еще важно, какъ источникъ обогащенія князей посредствомъ дани. Дань съ удѣльныхъ князей была собираема великимъ княземъ для доставленія хану, что еще болѣе утверждало перевѣсъ Москвы и ея владѣтеля надъ прочими городами и владѣніями Московскаго княжества. Впослѣдствіи, когда отечество наше освободилось отъ ига монгольскаго, дань, безъ всякаго сомнѣнія, была собираема по-прежнему и обогащала князей. Великіе князья увеличили казну свою, давая татарамъ менѣе, нежели собирали. Такимъ образомъ, Іоаннъ Даниловичъ получалъ возможность скупать владѣнія. Послѣднее обстоятельство, много содѣйствовавшее возвышенію Москвы, есть также слѣдствіе монгольскаго ига. Князья, раззоренные татарами, имѣли нужду въ деньгахъ и, продавая владѣнія свои великому князю, пользовались только нѣкоторыми съ нихъ доходами, нося имя окупныхъ князьковъ.

Вотъ какимъ образомъ чуждое, варварское иго было одною изъ важнѣйшихъ причинъ, способствовавшихъ возрастанію древней нашей столицы. Оно разрушило преграды на пути ея къ возвышенію, подкрѣпило ея князей, заставило ихъ собрать подъ свои знамена другихъ независимыхъ владѣтелей, обогатило первыхъ, дало имъ возможность покупкою пріобрѣсти многіе удѣлы, упрочило первенство Москвы.

III. Вліяніе церкви и перенесенія резиденціи митрополита въ Москву на возвышеніе ея. Отличительный признакъ русской іерархіи заключается въ томъ, что она никогда не имѣла такого непосредственнаго вліянія на гражданскія дѣла, какъ западная. Духовный санъ былъ всегда уважаемъ, народъ благоговѣлъ предъ пастырями церкви; не смотря на это, они не только не присвоивали непринадлежавшей имъ власти, но и были вѣрными поборниками свѣтской: вліяніе свое на народъ употребляли въ пользу князей. Самъ митрополитъ былъ въ зависимости отъ великаго князя, въ зависимости, которая въ иныхъ случаяхъ выка-

зывается слишкомъ ясно: мы видимъ, что онъ подвергался даже гнѣву государя: такъ, Дмитрій Іоанновичъ лишилъ Кипріана митрополіи за то, что онъ покинулъ Москву въ годину бѣдствія. На мѣсто Кипріана великій князь поставилъ Пимена, заточеннаго имъ также за самовольный поступокъ. Такимъ образомъ, пребываніе митрополита въ Москвѣ, само по себѣ дѣлавшее эту столицу средоточіемъ духовной власти и предметомъ народнаго благоговѣнія, было важно для нее еще и тѣмъ, что великій князь могъ употреблять вліяніе митрополита въ свою пользу, ибо отъ него безусловно зависѣли всѣ епархіи, и онъ имѣлъ право поставлять и смѣнять епископовъ.

Въ продолженіе всего времени отъ Іоанна Даниловича Калиты, призвавшаго святителя Петра на жительство въ Москву, до смерти Іоанна III, митрополиты, неограниченные властители въ дѣлахъ духовныхъ, всегда употребляли власть свою въ пользу князей московскихъ. Такъ, Іоаннъ Даниловичъ склонилъ, въ 1320 г., митрополита Ѳеогноста наложить проклятіе на Александра Тверского, не хотѣвшаго, по требованію его, ѣхать въ Орду, и на псковитянъ, поднявшихъ оружіе для его защиты. Митрополитъ Алексій, усердствуя Дмитрію Донскому, велѣлъ святому Сергію, игумену троицкому, затворить всѣ церкви въ Нижнемъ *).

Въ 1471 г. Филиппъ увѣщеваетъ новгородцевъ смириться подъ крѣпкую руку великаго князя Іоанна Васильевича. Митрополиты употребляемы были часто для переговоровъ и сопровождали рать великокняжескую. Такъ, Ѳеогностъ ходилъ съ Симеономъ Іоанновичемъ подъ Новгородъ, отправлялся съ нимъ въ Орду, къ Чанибеку; Алексій исцѣлилъ Тайдулу и ходилъ въ Орду, чтобы смирить гнѣвъ ханскій. Южная Русь, находясь подъ владычествомъ Литвы, въ церковныхъ дѣлахъ до XV ст. зависѣла отъ московскаго митрополита. Князья литовскіе чувствовали всю важность этой зависимости, и Витовтъ, по смерти Кипріана, предложилъ епископамъ южной Россіи избрать особаго митрополита. Ученый болгаринъ Григорій Цамвлакъ былъ рукоположенъ соборомъ епископовъ, ибо константинопольскій патріархъ не рѣшился посвятить его. Ревностныя усилія Витовта объ избраніи особаго митрополита южной Россіи свидѣтельствуютъ, что эта духовная связь была въ глазахъ его весьма важнымъ политическимъ обстоятельствомъ. Итакъ, пребываніе митрополита въ Москвѣ двоякимъ образомъ способствовало ея возвышенію: во-1-хъ, оно дѣлало ее центромъ духовныхъ сношеній, обнимавшихъ всѣ части Русской земли, и возвышало ее въ мнѣніи народномъ; во-2-хъ, оно было важно, какъ орудіе великихъ князей для утвержденія ихъ могущества.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшей причинѣ успѣховъ Москвы.

IV. Характеръ, политика и внѣшнія отношенія московскихъ князей со времени Даніила Александровича. Первый князь, давшій Москвѣ политическое значеніе въ системѣ сѣверныхъ русскихъ владѣній, былъ Даніилъ, сынъ Александра Невскаго. Съ его времени начинается и расширеніе московскихъ владѣній надъ прочими. Дѣйствія каждаго изъ нихъ съ этого времени были непосредственными причинами

*) По случаю несогласія Донского съ Борисомъ, не хотѣвшимъ уступить Нижняго-Новгорода Дмитрію Константиновичу Суздальскому, который прибѣгнулъ къ покровительству великаго князя.

возвышенія Москвы. Даніилъ, въ княженіе Дмитрія Александровича, держался стороны брата его Андрея, съ нимъ враждовавшаго. Когда же Андрей принялъ великокняжеское достоинство, то Даніилъ перешелъ на сторону противника его, Михаила Ярославича тверского, и на судѣ князей во Владимірѣ дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Вооружаясь такимъ образомъ противъ великихъ князей, Даніилъ обнаруживалъ намѣреніе сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ и, вступая въ связь съ другими князьями, утвердить свою независимость. Іоаннъ Дмитріевичъ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ наслѣдственный удѣлъ свой (Переяславль) дядѣ Даніилу. Удѣлъ этотъ былъ большимъ пріобрѣтеніемъ для Москвы: онъ былъ богатъ, населенъ, защищенъ крѣпостью. Андрей отправилъ-было своихъ бояръ въ Переяславль; но Даніилъ, дѣйствуя въ духѣ независимаго владѣтеля, выгналъ ихъ оттуда. Благодаря политикѣ и дѣйствіямъ Даніила, Московское княжество перешло къ Юрію уже сильнымъ и значительнымъ. Первымъ дѣйствіемъ этого князя было завоеваніе Можайскаго удѣла въ 1303 г. На общемъ съѣздѣ того же года въ Переяславлѣ Юрій, не смотря на милость хана Тохтамыша къ великому князю Андрею, умѣлъ удержать Переяславль за собою. Твердый волею, властолюбивый, жестокій, онъ началъ по смерти Андрея бѣдственный споръ съ Михаиломъ тверскимъ о великомъ княженіи и около того же времени умертвилъ рязанскаго князя Константина, плѣненнаго Даніиломъ. Хотя это не упрочило власти его надъ Рязанью, княземъ которой сдѣлался Ярославъ, сынъ Константина, но Коломна досталась Юрію. Московское княжество еще увеличилось. Въ отсутствіе Михаила онъ имѣлъ преклонить къ себѣ Новгородъ, снова завоеванный Михаиломъ (1316).

Мысль овладѣть великокняжескимъ достоинствомъ не покидала Юрія; она заставила его жить три года въ Ордѣ, воевать съ Михаиломъ, погубить его и самому погибнуть. Іоаннъ Даниловичъ княжилъ въ Москвѣ еще при жизни Юрія и умѣлъ склонить митрополита Петра на жительство въ своемъ городѣ (1326); еще при немъ ходилъ Іоаннъ въ Орду; по смерти же брата и тверского князя Дмитрія, онъ опустошилъ Тверское княжество, сообразно съ волею хана, заслужилъ его милость, ходилъ снова въ Орду и сдѣланъ былъ великимъ княземъ. Въ его правленіе Москва получаетъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ прочими владѣніями. Умѣя коварною политикою поддержать милость хана, Іоаннъ опирался на нее въ своихъ дѣйствіяхъ и первый началъ повелѣвать князьями. Такимъ образомъ, онъ не присоединилъ въ Москвѣ ни одного удѣла завоеваніемъ, но въ продолженіе всего своего княженія хитростью поступковъ расширялъ его владѣнія и утверждалъ политическое первенство. Великокняжеское достоинство перестаетъ уже быть удѣломъ князей владимірскихъ: при Калитѣ Владиміръ оставался во владѣніи Александра Васильевича Суздальскаго. По смерти послѣдняго, братъ и наслѣдникъ его въ Суздалѣ долженъ былъ получить и Владиміръ; но Іоаннъ не далъ ему этого удѣла. Чѣмъ нельзя было овладѣть непосредственно, то старался онъ подчинить своему вліянію. Выдавъ дочерей своихъ, одну за князя ярославскаго Василія Давыдовича, другую за ростовскаго князя, Константина Васильевича, онъ присвоилъ всю власть въ ихъ удѣлахъ, и въ Ростовѣ имѣлъ своего уполномоченнаго. Рязанскіе князья одни сохранили свою независимость.

Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ упоминаетъ о многихъ селахъ, куп-

ленныхъ имъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Ростовѣ: такъ вездѣ хотѣлъ онъ распространить свое вліяніе; а изъ духовной граматы Донского видно, что Іоаннъ Даниловичъ пріобрѣлъ покупкою города: Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ. Такимъ образомъ, хитрая политика Іоаннова насиліемъ, коварствомъ, деньгами утверждала первенство Москвы, подготовленное его отцомъ и братомъ; политика Калиты была одной изъ главнѣйшихъ посредственныхъ причинъ ея возвышенія. Принявъ за основаніе духовную Іоанна Даниловича, въ которой исчислены всѣ удѣлы московскіе, мы можемъ съ большою подробностью видѣть постепенное восхожденіе Москвы къ тому величію, въ которомъ является она при Іоаннѣ III.

Начинающіяся съ этого времени граматы могутъ служить важнымъ матеріаломъ для изслѣдователя—важнымъ какъ по фактамъ, которые въ нихъ содержатся, такъ и по своей достовѣрности. Граматы эти могутъ показать намъ: во-1-хъ, постепенное расширеніе московскихъ владѣній; во-2-хъ, возрастаніе многихъ волостей и начало городовъ новыхъ; въ-3-хъ, наконецъ, отношеніе вел. князя къ московскимъ удѣльнымъ и другимъ князьямъ. Правленіе каждаго изъ князей московскихъ, отъ Калиты до Іоанна III, есть извѣстная ступень въ процессѣ возвышенія Москвы.

Іоаннъ Калита въ духовной граматѣ своей отказываетъ сыновьямъ отчизну свою, Москву; старшему, Симеону, даетъ Можайскъ и Коломну съ ихъ волостями; Іоанну—Звенигородъ и Рузу; Андрею — Лопастну, Серпуховъ и Перемышль. Переяславль-Залѣсскій также принадлежалъ къ московскимъ владѣніямъ; Владиміръ находился въ непосредственной власти Іоанна; города Галичъ, Угличъ и Бѣлозерскъ также отъ него зависѣли. Это даетъ намъ приблизительное понятіе о границахъ московскихъ владѣній.

Главная внутренняя политика московскихъ великихъ князей долженствовала съ этого времени состоять въ томъ, чтобы препятствовать соединенію удѣльныхъ князей между собою, утверждать власть свою надъ ними, пользоваться первымъ случаемъ для пріобрѣтенія ихъ владѣній, удерживать характеръ первенства въ сношеніяхъ съ независимыми владѣтелями тверскимъ и рязанскимъ и не дозволять имъ связи съ Литвою. Симеонъ, получивъ отъ хана великокняжеское достоинство, заключилъ во Владимірѣ съ братьями Іоанномъ и Андреемъ договоръ, по которому послѣдніе, признавая старѣйшинство перваго, обязуются имѣть съ нимъ одну политическую систему. Въ походѣ его на Новгородъ видимъ уже съ нимъ князей суздальскихъ, князя ростовскаго и ярославскаго. Около 1351 г. онъ вступилъ въ сношенія съ Ольгердомъ и выдалъ за него свояченицу свою Юліану, дочь Александра Михайловича тверского. Такъ Симеонъ утвердилъ цѣлость Московскаго княжества первымъ договоромъ, упрочилъ свое вліяніе на другихъ князей и, какъ старшій и сильнѣйшій изъ нихъ, вступилъ въ сношенія съ чужеземнымъ владѣтелемъ. Кратковременное правленіе Іоанна Іоанновича ни уменьшило, ни увеличило силъ Московскаго княженія. Въ духовной его граматѣ видимъ лишь нѣсколько волостей, не поименованныхъ въ завѣщаніи Іоанна Даниловича. По смерти Іоанна II, пользуясь малолѣтствомъ Дмитрія Іоанновича, князь суздальскій захотѣлъ присвоить себѣ первенство между русскими князьями; но Дмитрій получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, и князь суздальскій не дерзнулъ идти на бой съ

Москвою. Участіе Дмитрія въ дѣлѣ возвышенія Москвы двоякое, равно какъ и большей части князей московскихъ: онъ расширялъ ея границы и утверждалъ вліяніе свое на другихъ князей. Вліяніе на князей распространялъ Дмитрій оружіемъ и политикою: вскорѣ по восшествіи на престолъ, онъ изгналъ изъ Владиміра Дмитрія Константиновича, пріѣхавшаго туда съ ханскою граматой, и позволилъ ему остаться, какъ своему присяжнику. Потомъ, заключая договоръ съ двоюроднымъ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, онъ явно беретъ перевѣсъ надъ нимъ. Князя ростовскаго Дмитрій обязалъ къ совершенной зависимости отъ своей воли. Въ договорахъ съ князьями рязанскимъ и тверскимъ оставляетъ имъ титулъ великихъ князей, но обязуетъ ихъ признавать себя за старѣйшаго и держаться одной съ нимъ политической системы. Принявъ сторону Дмитрія суздальскаго противъ брата его Бориса, занявшаго, по смерти Андрея Константиновича, Нижній-Новгородъ, Дмитрій Іоанновичъ уже повелѣваетъ Борису пріѣхать къ себѣ судиться.

До этого времени московскіе князья не говорили такимъ тономъ. Доставивъ Нижній Дмитрію Константиновичу, Донской женился на дочери своего соперника и потомъ кліента. Походъ его противъ Михаила тверского можетъ намъ показать князей, болѣе или менѣе находившихся подъ его вліяніемъ. Донского сопровождали: Владиміръ Андреевичъ, Дмитрій Константиновичъ суздальскій съ братомъ и сыномъ, князья ростовскіе, князь смоленскій, ярославскій, моложскій, бѣлозерскій, кашинскій, стародубскій и др. Помогая по смерти Дмитрія Константиновича сыновьямъ его, Симеону и Василію, противъ дяди ихъ, Бориса городецкаго, онъ всѣхъ удержалъ въ зависимости. Назначеніе наслѣдникомъ Василія Дмитріевича было важнымъ шагомъ на пути Москвы къ безусловному первенству; новый порядокъ наслѣдства упрочивалъ великокняжеское достоинство въ родѣ князей московскихъ. Вступивъ на престолъ, Василій продолжалъ начатое дѣло отца и дѣда и успѣлъ выхлопотать въ Ордѣ Нижній-Новгородъ, Городецъ, Мещеру, Тарусу, Муромъ для присоединенія къ московскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ, княжество Суздальское составило часть Московскаго. Женатый на дочери Витовта, Софіи, и находясь въ безпрестанныхъ съ нимъ сношеніяхъ, то дружелюбныхъ, то непріязненныхъ, Василій заключилъ, наконецъ, съ тестемъ миръ, по которому Угра назначена была границею между владѣніями Литвы и московскаго князя, а города Козельскъ и Перемышль поступили во владѣніе къ послѣднему и были отданы Владиміру Андреевичу. Смоленскъ уже находился во власти Витовта.

Василій Темный столько же пріобрѣталъ своимъ коварствомъ, сколько терялъ слабостью: изгнавъ родъ Шемяки и двоюроднаго брата Іоанна можайскаго, онъ увеличилъ собственныя владѣнія. Въ такомъ видѣ было Московское княжество, когда главою его сдѣлался Іоаннъ III Васильевичъ. Въ княженіе его начинается собственно государство Русское: доселѣ его не было, и то, что называютъ Россіею того времени, состояло изъ отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, соединенныхъ однимъ языкомъ, одною вѣрою, но не имѣвшихъ никакой политической связи. Съ постепеннымъ возвышеніемъ Московскаго княжества, эти владѣнія приближались къ политическому единству. Іоаннъ III силою воли и умною политикой окончилъ дѣло, начатое предшественниками: соединилъ удѣлы и

независимыя княжества подъ своею властью и навсегда упрочилъ первенство Москвы.

Такъ великіе князья, пользуясь обстоятельствами, возводили Москву на ту степень могущества, на которой она является въ послѣдніе годы жизни Іоанна III. Даніилъ отторгъ ее отъ системы Суздальскаго княжества и сдѣлалъ независимою; Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый распространили ея владѣнія и упрочили вліяніе на другіе города и княжества; Донской увеличилъ это вліяніе, сталъ судіею князей и началъ освобожденіе земли Русской; Василій Дмитріевичъ еще далѣе раздвинулъ границы Московскаго княжества и началъ стѣснять владѣнія новгородцевъ: Василій Темный присоединилъ многіе частные удѣлы къ великому княжеству и, такимъ образомъ, раздѣливъ владѣнія свои между сыновьями, большую часть оныхъ предоставилъ Іоанну.

Вотъ главныя причины возвышенія Москвы.

LXXII. БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ ЗА ПЕРВЕНСТВО.

(По соч. Борзаковскаго: „Исторія Тверского княжества“).

Въ первый разъ въ лѣтописяхъ Тверь упоминается въ 1209 г., во время войны, веденной Новгородомъ Великимъ съ Всеволодомъ III, по случаю изгнанія новгородцами своего князя Святослава, сына Всеволодова. Въ Твери былъ тогда заключенъ миръ между новгородцами и Всеволодомъ. Но, безъ сомнѣнія, Тверь существовала еще гораздо раньше 1209 г. и, вѣроятно, обязана своимъ происхожденіемъ сильной колонизаціи, которая шла въ мѣстность верхняго Поволжья какъ изъ Новгородской земли, такъ и изъ Суздальской. Край отъ устья Тверцы внизъ по Волгѣ принадлежалъ первоначально Ростовско-Суздальской землѣ. Когда въ послѣдней образовался удѣлъ переяславскій, то къ нему былъ отнесенъ и Тверской край. Въ половинѣ же XIII вѣка Тверской край составилъ самостоятельное Тверское княжество. Ярославъ Всеволодовичъ, бывшій князь переяславскій, сдѣлавшійся великимъ княземъ владимірскимъ послѣ смерти своего брата Юрія на р. Сити, отдалъ Переяславль своему сыну Александру Невскому, а другому, Ярославу, отдалъ Тверь. Такимъ образомъ, Тверское княжество образуется, спустя столѣтіе послѣ того, когда на главную историческую сцену выступила сѣверная Русь вмѣсто южной Руси. Одновременно почти съ возникновеніемъ самостоятельности Твери начинаетъ также возвышаться и Москва, доставшаяся въ удѣлъ младшему сыну Александра Невскаго, Даніилу.

Но въ то время, какъ Москва постепенно усиливалась въ тиши насчетъ своихъ слабыхъ сосѣдей и расширяла свои владѣнія, положеніе Твери было совсѣмъ не таково. Окруженное съ одной стороны сильнымъ Переяславлемъ, а съ другой еще болѣе сильнымъ Новгородомъ, а позже княжествомъ Литовско-Русскимъ, Тверское княжество не могло ни играть особенно важной роли и даже выдерживать соперничества Москвы, ни расширять свои владѣнія. И дѣйствительно, во все время своего слишкомъ 250-лѣтняго существованія, Тверь не сдѣлала никакихъ почти

территоріальныхъ пріобрѣтеній, и границы ея оставались однѣ и тѣ же съ начала и до конца ея политической самостоятельности. При первыхъ двухъ князьяхъ, Ярославѣ Ярославичѣ и сынѣ его Святославѣ Ярославичѣ, Тверь играетъ еще совершенно второстепенную роль. Первый тверской князь уже въ самомъ началѣ своего княженія подвергнулся сильному погрому, принявши участіе въ спорѣ своихъ братьевъ, Александра Невскаго съ Андреемъ суздальскимъ. Во время этого погрома Ярославъ Ярославичъ бѣжитъ изъ Твери, семейство его гибнетъ. Попытка его усилиться на счетъ Новгорода оказывается также неудачною. Онъ рѣшился поступать въ Новгородѣ такъ же самовластно, какъ его отецъ и братъ; хотѣлъ даже нанести Новгороду сильный ударъ при помощи татаръ, но тутъ ему помѣшало соперничество Василія Ярославича костромского. Вообще Ярославъ Ярославичъ руководствовался только узкими интересами—интересами своего княжества, а не общерусскими. Москва, да и то позже, первая подняла знамя народности.

Второй князь, Святославъ Ярославичъ, не хлопоталъ ни о великокняжескомъ владимірскомъ достоинствѣ, ни о захватѣ Новгорода, а думалъ только о томъ, какъ бы сохранить свое княжество во время споровъ его дяди, великаго князя владимірскаго, и двоюродныхъ братьевъ. Его дѣятельность была вообще гораздо скромнѣе дѣятельности его отца.

По смерти Святослава Ярославича вел. княземъ тверскимъ дѣлается Михаилъ Ярославичъ. При немъ Тверское княжество пріобрѣтаетъ на время первенствующее значеніе и вступаетъ въ борьбу за первенство съ Москвою. Въ то же время Михаилъ Ярославичъ ведетъ борьбу и съ Новгородомъ, гдѣ онъ княжилъ 14 лѣтъ: во все это время новгородцы были почти постоянно во враждѣ съ княземъ. Михаилъ, имѣя въ Новгородѣ довольно сильную партію, постоянно притѣснялъ ихъ; новгородцы же постоянно отстаивали свои исконныя права и, стараясь упрочить свою самостоятельность, заключили съ Михаиломъ до 10-ти договорныхъ граматъ, въ которыхъ опредѣлялись отношенія князя къ новгородцамъ, и, кромѣ того, искали также поддержки противъ Твери въ Москвѣ. Такимъ образомъ, Тверь была между двумя врагами: Новгородомъ и Москвой. Борьба съ ними изнуряла Тверь. Тверь раздражала Новгородъ, и Новгородъ дѣйствовалъ противъ Твери то оружіемъ, то деньгами и жалобами передъ ханомъ. Новгородъ помогалъ Москвѣ противъ Твери, какъ противъ общаго врага. Наконецъ, Новгородъ и Москва, при помощи татарскаго временщика Кавгадыя и самого хана Узбека, погубили Михаила.

Продолжительная и упорная борьба Твери съ Москвою начинается съ 1304 г. Въ этомъ году умираетъ в. князь Андрей Александровичъ. Его бояре отъѣзжаютъ въ Тверь. Такой поступокъ бояръ показываетъ, что Тверь считаютъ тогда сильнѣйшимъ княжествомъ; бояре были увѣрены, что за тверскимъ княземъ останется великокняжескій владимірскій престолъ. Михаилъ Ярославичъ, дѣйствительно, поѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ, такъ какъ по старшинству онъ имѣлъ, преимущественно передъ другими князьями, право на великокняжескій престолъ. Но съ Михаиломъ заспорилъ его племянникъ, Юрій Даниловичъ московскій, который также поѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ на великокняжеское достоинство.

Когда въ Орду пріѣхали князья Михаилъ и Юрій, то у нихъ нача-

лись съ татарскими князьями переговоры о ярлыкѣ на великокняжеское достоинство. Начались споры. Князь тверской не жалѣлъ денегъ, чтобъ получить ярлыкъ. Татарскіе же князья сказали Юрію, что если онъ дастъ большой выходъ, то получитъ ярлыкъ. Юрій не былъ въ состояніи этого сдѣлать и потому отказался. Ярлыкъ на великокняжеское достоинство остался за Михаиломъ. Теперь онъ хотѣлъ обезсилить свою соперницу, Москву. Михаилъ пошелъ на Юрія и его братьевъ къ Москвѣ, но не могъ ея взять, а потому помирился съ московскимъ княземъ и вернулся въ Тверь. Также неудачно окончился и второй походъ тверского князя на Москву: хотя онъ отправился на этотъ разъ съ большею ратью, чѣмъ прежде, далъ битву подъ Москвою и „много зла сотворилъ", но города все-таки не взялъ и вернулся въ Тверь. Такимъ образомъ, съ Москвою не удалось справиться.

Вернувшись изъ похода на Москву, Михаилъ Ярославичъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ посаженъ на столъ, хотя у Новгорода и были несогласія съ Михаиломъ. Передъ отъѣздомъ Михаила и Юрія въ Орду новгородцы заключили съ Тверью миръ „до пріѣзда князей", т. е. обѣщали признать своимъ княземъ того, кому ханъ дастъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ Михаилъ получилъ въ Ордѣ ярлыкъ, новгороцы признали его своимъ княземъ и управлялись его намѣстниками. Но до сихъ поръ самъ Михаилъ не былъ въ Новгородѣ; поѣхалъ же туда въ 1307 г., потому что его звали сами новгородцы для разбора своихъ споровъ съ намѣстниками его. Когда же въ 1313 г., по случаю вступленія на престолъ новаго хана Узбека, Михаилъ Ярославичъ поѣхалъ въ Орду, новгородцы воспользовались отсутствіемъ Михаила Ярославича и въ слѣдующемъ году рѣшили на вѣчѣ выгнать его намѣстниковъ, а въ Москву послали звать къ себѣ князя Юрія Даниловича. Юрій согласился на предложеніе новгородцевъ: передъ ханомъ онъ могъ потомъ оправдаться тѣмъ, что онъ не самъ хотѣлъ Новгорода, а, напротивъ, сами новгородцы звали его къ себѣ, не будучи болѣе въ состояніи переносить притѣсненія тверскихъ намѣстниковъ. Юрій послалъ сперва въ Новгородъ князя Ѳедора ржевскаго, который перехваталъ намѣстниковъ Михаиловыхъ и заключилъ ихъ подъ стражу на владычномъ дворѣ. Затѣмъ новгородцы съ княземъ Ѳедоромъ ржевскимъ вошли въ Тверское княжество и пожгли села на лѣвомъ берегу Волги. Такъ какъ самого Михаила Ярославича все еще не было въ Твери, то вмѣсто него выступилъ противъ новгородцевъ его сынъ, 15-лѣтній Дмитрій Михаиловичъ. Тверская и новгородская рать сошлись на Волгѣ; но до битвы дѣло не дошло. Простоявъ въ виду другъ друга шесть недѣль, до наступленія морозовъ, тверичи и новгородцы разошлись, заключивъ между собою миръ. Тверь, очевидно, уступила на этотъ разъ, потому что новгородцы, нимало не медля, послали въ Москву звать къ себѣ Юрія Даниловича на всей своей новгородской волѣ. Впрочемъ, недолго пробылъ Юрій въ Новгородѣ, а Тверь только на короткое время уступила. Юрій долженъ былъ оставить Новгородъ и поѣхалъ въ Орду, куда его звалъ Узбекъ.

Не напрасно провелъ Михаилъ Ярославичъ два года въ Ордѣ. По результату его поѣздки можно видѣть, чего онъ добился отъ Узбека: Узбекъ утвердилъ его въ достоинствѣ великаго князя владимірскаго. Кромѣ того, Михаилъ, какъ видно, нажаловался ему на новгородцевъ и

на Юрія московскаго. Ханъ отпустилъ съ Михаиломъ въ Русь не только своихъ пословъ, но и татарское войско на Новгородъ. Юрія же Узбекъ позвалъ въ Орду. Ханъ могъ звать Юрія не только по жалобѣ Михаила, но также и по своему неудовольствію на него. Когда Узбекъ въ 1313 г. вступилъ на престолъ, то къ нему сейчасъ же поѣхалъ Михаилъ и нѣкоторые другіе князья, а Юрій этимъ временемъ воспользовался, велѣлъ захватить въ Новгородѣ тверскихъ намѣстниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и самъ туда явился, въ Орду же не поѣхалъ.

Между тѣмъ, Михаилъ собралъ большія силы: съ нимъ были низовскіе полки и татары; при немъ же были и ханскіе послы. Михаилъ хотѣлъ покончить съ Новгородомъ однимъ оружіемъ. Его войска вступили въ Новгородскую землю, начали грабить. Михаилъ встрѣтилъ новгородцевъ съ новоторжцами у Торжка. Новгородцы были разбиты, пригородъ Торжка былъ сожженъ. Новгородцы и новоторжцы вбѣжали въ Торжекъ и затворились въ городѣ. Михаилъ могъ теперь захватить въ руки своихъ главныхъ враговъ. У Торжка былъ теперь заключенъ миръ, и новгородцы дали за себя Михаилу окупа 5,000 гривенокъ серебра. По заключеніи мира, Михаилъ призвалъ къ себѣ новгородскихъ бояръ, захватилъ ихъ и отослалъ въ Тверь въ качествѣ заложниковъ. Послѣ этого насилія Михаилъ сдѣлалъ еще новое: съ оставшихся людей въ Торжкѣ сталъ брать еще окупъ, сколько кто могъ дать, отобралъ коней и оружіе и разрушилъ кремль. Послѣ такого раззоренія Торжка Михаилъ послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ. Но хотя Михаилъ и заключилъ миръ, а все-таки тѣснилъ торговлю новгородскую: не пропускалъ ни купцовъ, ни обозовъ съ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, Михаилъ возвратился въ Тверь съ полнымъ успѣхомъ.

Юрій былъ еще на Руси въ это время, выжидая, чѣмъ кончится столкновеніе Михаила съ Новгородомъ. Только черезъ мѣсяцъ послѣ новоторжской битвы онъ поѣхалъ въ Орду вмѣстѣ съ нѣкоторыми новгородцами, которые готовы были подкрѣпить жалобы московскаго князя предъ ханомъ. Послѣ же новоторжской битвы новгородцы опять отправили посольство въ Орду съ новыми жалобами на тверского князя; но на дорогѣ новгородскіе послы были переняты тверичами и приведены въ Тверь.

Насилія тверского князя и тверичей вызывали въ Новгородѣ сильныя волненія и вооружили Новгородъ противъ тверского князя. Новгородцы въ послѣднихъ своихъ неудачахъ обвиняли тверскую партію, бывшую въ самомъ Новгородѣ, и стали подозрѣвать измѣну и отыскивать измѣнниковъ у себя. Въ 1316 году въ Новгородѣ схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчѣ, и потомъ расправились съ нимъ по-новгородски—сбросили съ моста въ Волховъ: его подозрѣвали въ томъ, что онъ тайно сносился съ Михаиломъ. При такомъ настроеніи и раздраженіи противъ Твери, невозможно было тверскимъ намѣстникамъ оставаться долѣе въ Новгородѣ: они должны были его оставить.

Опять тверской князь сталъ собираться въ походъ на Новгородъ: нужно было и за своихъ намѣстниковъ отомстить, и свою партію поддержать въ Новгородѣ. Михаилъ Ярославичъ пошелъ на Новгородъ со всею землею низовскою. Новгородцы приготовились дать отпоръ. Къ нимъ пришла на помощь вся волость новгородская: псковичи, ладожане, вожане, корела и пр. Михаилъ благополучно прошелъ по новгородской

землѣ до Ильменя, и остановился верстъ за 50 отъ Новгорода: сильныя приготовленія Новгорода къ борьбѣ, вѣсть о враждебныхъ замыслахъ Юрія и собственная болѣзнь остановили дальнѣйшій походъ тверского князя. Онъ рѣшилъ отступить. Такимъ образомъ, походъ тверского князя кончился вполнѣ неудачно, Новгородъ же спасся, благодаря разнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ и въ томъ числѣ соперничеству Москвы съ Тверью.

Разсчитывая теперь на свой успѣхъ и на бѣдствіе Твери, Новгородъ послалъ въ Тверь предложеніе—освободить захваченныхъ новгородцевъ и новоторжцевъ, которыхъ Михаилъ все еще не отпускалъ. Въ Тверь пріѣхалъ новгородскій владыка, предлагая окупъ за заложниковъ. Князь не послушалъ владыки. Михаилу, какъ видно, нужно было имѣть въ своихъ рукахъ новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ московскимъ. Дѣйствительно, Михаилу должно было приготовиться къ новой борьбѣ съ Юріемъ, который въ 1317 г. вернулся изъ Орды и шелъ на Михаила. Юрій не даромъ пробылъ въ Ордѣ два года. Онъ съумѣлъ пріобрѣсть милость хана Узбека, женился на его сестрѣ Кончакѣ, принявшей при крещеніи имя Агаѳіи, и затѣмъ получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Князь Юрій вернулся въ Русь не одинъ: съ нимъ были татары и ханскіе послы, въ числѣ которыхъ былъ князь Кавгадый, пользовавшійся большимъ довѣріемъ у хана. Михаилъ не хотѣлъ допустить врага раззорить свое княжество и выступилъ къ нему на встрѣчу. Михаилъ и суздальскіе князья сошлись съ Юріемъ на Волгѣ, у Костромы. Здѣсь они стояли долгое время, въ теченіе котораго Михаилъ сносился съ Кавгадыемъ. Теперь Михаилъ могъ разузнать навѣрно о положеніи дѣлъ—и о бракѣ Юрія въ Ордѣ, и о ярлыкѣ на великокняжеское достоинство. Опасно было Михаилу идти противъ родственника ханскаго. Кромѣ того, прошлогодній неудачный походъ на Новгородъ, несомнѣнно, уменьшилъ силы тверского князя, и потому осторожность требовала пока уступить. Такимъ образомъ, Михаилъ рѣшился выждать болѣе благопріятнаго времени, отказался отъ великокняжескаго достоинства владимірскаго въ пользу Юрія и вернулся въ Тверь.

Тогда-какъ Михаилъ вернулся въ Тверь, Юрій остался въ Костромѣ, собирая войско для похода на самую Тверь. Въ Кострому къ Юрію теперь пришли и суздальскіе князья. Если и самъ Михаилъ не отважился на борьбу съ Юріемъ, то какъ же могли удѣльные князья отказать въ своей помощи Юрію? Это значило бы навлечь раззореніе на свои княжества. Юрій приготовлялъ ударъ вѣрный и сильный для Твери. Тогда-какъ самъ онъ съ союзными князьями готовился напасть на Тверскую землю съ юга, онъ въ то же время приглашалъ новгородцевъ напасть на нее съ сѣвера. Михаилу приходилось теперь защищать свою собственную отчину и быть готовымъ дать отпоръ врагамъ съ двухъ сторонъ. Находясь въ такомъ положеніи, Михаилъ постарался разбить своихъ враговъ отдѣльно. Сперва онъ пошелъ противъ новгородцевъ и нанесъ имъ такое пораженіе, что новгородцы послали къ тверскому князю съ челобитьемъ и заключили миръ, по которому обѣщали не заступаться ни за Михаила, ни за Юрія, и вернулись въ Новгородъ. Управившись съ однимъ врагомъ, Михаилъ выступилъ противъ другого, Юрій со своимъ войскомъ пришелъ къ тверскому городу Клину. При Юріи были суздальскіе князья и Кавгадый съ татарами. Почему-то въ

этотъ походъ съ Юріемъ отправилась и жена его Кончака. Юрій вошелъ въ Тверскую землю и началъ жечь, грабить, разорять, а людей въ полонъ забирать. Однако онъ не рѣшился напасть на Тверь, гдѣ недавно были возобновлены укрѣпленія, и остановился въ 15 верстахъ отъ города и отсюда опустошалъ Тверскую землю въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Кавгадый, какъ видно, игралъ тутъ главную роль.

Что же, между тѣмъ, дѣлалъ тверской князь послѣ побѣды надъ новгородцами? Отчего онъ далъ врагу раззорять свое княжество въ теченіе трехъ мѣсяцевъ? Разбивъ новгородцевъ, Михаилъ засѣлъ въ укрѣпленной Твери. Здѣсь онъ могъ хорошо защищаться. Рѣшиться на битву онъ медлилъ. Какъ видно, онъ не разсчитывалъ на успѣхъ въ битвѣ съ одними своими тверичами противъ союзнаго войска. Дѣйствительно, только когда кашинцы, въ виду близкой опасности, угрожавшей самому Кашину, соединились съ тверичами,—только тогда Михаилъ рѣшился выйти изъ своего бездѣйствія. Михаилъ двинулся противъ Юрія и Кавгадыя съ ихъ союзниками и встрѣтилъ ихъ въ 40 верстахъ отъ Твери, при селѣ Бортеневѣ. Здѣсь произошелъ сильный бой, кончившійся рѣшительною побѣдой тверского князя. Михаилъ Ярославовичъ отбилъ множество плѣнныхъ и самъ захватилъ въ плѣнъ многихъ бояръ и князей, въ томъ числѣ и брата Юріева, Бориса. Жена Юрія, Кончака, также попалась въ плѣнъ къ Михаилу Ярославовичу. Кавгадый, видя, побѣду Михаилову, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и уйти въ станъ. Юрій же съ немногими спутниками убѣжалъ въ Новгородъ.

Михаилъ одержалъ полную побѣду. Но передъ Тверью оставался еще Кавгадый. Михаилъ, зная, какимъ значеніемъ въ Ордѣ пользовался Кавгадый, не только старался его щадить, но и всячески ему угодить; Михаилъ старался даже перетянуть его на свою сторону, а затѣмъ снискать и милость самого хана. Опасаясь озлобленія противъ татаръ со стороны тверичей, Михаилъ не только запретилъ избивать пришедшихъ съ Кавгадыемъ татаръ, но на другой день послѣ битвы самъ видѣлся съ нимъ, примирился съ нимъ и взялъ его въ Тверь со всей его дружиной, гдѣ держалъ ихъ въ большой чести. Кавгадый теперь обѣщалъ Михаилу свою защиту, увѣрялъ, что приходилъ съ Юріемъ безъ ханскаго повелѣнія, притворялся даже, что боится опалы отъ хана; на самомъ же дѣлѣ хитрилъ, думалъ лишь о томъ, какъ бы вывернуться половче.

Между тѣмъ Юрій просилъ покровительства новгородцевъ. Новгородъ, конечно, не хотѣлъ дать перевѣса своему врагу, Твери, надъ Москвой. Притомъ же Юрій былъ родственникъ хана и могъ получить новую помощь изъ Орды; въ случаѣ отказа Новгорода, онъ могъ съ новымъ татарскимъ войскомъ опустошить и новгородскія владѣнія. По такимъ соображеніямъ Новгородъ долженъ былъ помочь Юрію. Но, съ другой стороны, новгородскіе заложники были еще въ рукахъ Михаила; кромѣ того, Тверь могла мѣшать подвозу хлѣба въ Новгородъ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Новгородъ рѣшился принять на себя роль посредника между спорящими князьями, не принимая окончательно стороны ни того, ни другого. Новгородцы и псковичи, взявши съ собою владыку Давыда, пошли съ Юріемъ на Волгу. Михаилъ встрѣтилъ ихъ у Брода. Здѣсь было рѣшено, что оба князя пойдутъ на судъ въ Орду. Въ томъ же году Михаилъ заключилъ договоръ съ Юріемъ и съ Новгородомъ. По этой договорной граматѣ Михаилъ обязался не

задерживать гостей и пословъ новгородскихъ въ своихъ владѣніяхъ, пускать обозы съ хлѣбомъ въ Новгородъ и, наконецъ, возвратить Новгороду села, захваченныя какъ имъ самимъ, такъ и дѣтьми его и боярами его. Послѣ заключенія этого договора Михаилъ обязался еще освободить жену Юрія и его братьевъ, а также и когда-то захваченныхъ новгородцевъ. Но жена Юріева, Кончака, умерла въ Твери, и разнесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ о насильственной смерти Кончаки много повредилъ впослѣдствіи Михаилу.

Хотя Михаилъ и согласился отправиться съ Юріемъ въ Орду на судъ къ Узбеку, онъ не спѣшилъ, однакожъ, ѣхать къ хану, а послалъ вмѣсто себя своего 12-лѣтняго сына Константина, конечно, не какъ заступника, а какъ заложника своей вѣрности и повиновенія хану. Михаилъ, очевидно, хотѣлъ до поѣздки въ Орду покончить миролюбиво всѣ свои споры съ Юріемъ; съ этой цѣлью онъ отправилъ въ Москву посла съ мирными предложеніями. Но Юрій уже хлопоталъ о томъ, какъ бы повѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ, а потому онъ не обратилъ вниманія на мирныя предложенія тверского посла и велѣлъ его убить. Между тѣмъ, Кавгадый, не стѣсняясь обѣщаніемъ своей поддержки Михаилу, давалъ совѣты Юрію, какъ лучше дѣйствовать въ Ордѣ: онъ посовѣтовалъ Юрію взять съ собою въ Орду многихъ князей, бояръ и новгородцевъ, которые должны были всѣ помогать Юрію своими жалобами на Михаила. Особенно надежными помощниками Юрія въ этомъ случаѣ должны были быть, по мнѣнію Кавгадыя, новгородцы, которые уже ѣздили прежде съ Юріемъ въ Орду жаловаться Узбеку и теперь, навѣрно, готовы были воспользоваться новымъ случаемъ повредить Твери и ее ослабить. По совѣту того же Кавгадыя, были написаны многія „лжесвидѣтельства“ на Михаила. Почему же Кавгадый обманулъ Михаила и дѣйствовалъ, какъ самый жестокій врагъ его? Дѣло въ томъ, что не только въ интересахъ Юрія, но и въ собственныхъ интересахъ долженъ былъ Кавгадый стараться всячески погубить Михаила. Если бы Михаилъ оказался правымъ, то Кавгадый въ такомъ случаѣ оказался бы виноватымъ: ханъ довѣрился Кавгадыю, онъ его послалъ въ Русь съ своимъ ярлыкомъ и отрядомъ, и что же?—самъ посолъ захваченъ, какъ плѣнникъ. Чрезъ это падалъ авторитетъ хана, въ этомъ виноватъ былъ Кавгадый, какъ плохой исполнитель воли Узбека. Враги же Кавгадыя въ Ордѣ могли воспользоваться этимъ случаемъ и сильно вооружить хана противъ него. Кавгадый могъ потерять милость, всякое значеніе, а, пожалуй, и голову. И вотъ Кавгадый для собственнаго самосохраненія спѣшитъ дѣйствовать и старается какъ можно болѣе оклеветать Михаила. Кавгадый, между прочимъ, взвелъ на Михаила обвиненіе въ утайкѣ дани. Онъ такъ говорилъ хану: „Тверской князь Михаилъ собралъ по городамъ много дани и хочетъ бѣжать къ нѣмцамъ, а къ тебѣ идти не хочетъ и твоей власти не повинуется“. Ханъ разгнѣвался и велѣлъ было уморить голодомъ Михаилова сына, Константина; но тутъ нѣкоторые вельможи сказали ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ не явится въ Орду. Тогда Узбекъ велѣлъ освободить молодого князя. Кавгадый сталъ внушать хану, что Михаилъ никогда не пріѣдетъ въ Орду, и ханъ хотѣлъ было уже послать на него войско, но скоро самъ Михаилъ прибылъ въ Орду.

Михаилъ Ярославовичъ выѣхалъ изъ Твери въ Орду, принявъ благословеніе отъ своего епископа Варсонофія. По пріѣздѣ во Владиміръ, Ми-

хаилъ встрѣтилъ здѣсь ханскаго посла Ахмыла. Должно быть, этотъ Ахмылъ былъ врагъ Кавгадыю: онъ предупредилъ Михаила, что Кавгадый оболгалъ его въ Ордѣ, а потому торопилъ его въ Орду для скорѣйшаго оправданія. Тогда бояре стали совѣтовать Михаилу не ѣздить самому въ Орду, а послать еще одного изъ сыновей. Дмитрій и Александръ совѣтовали отцу то же самое, предлагая переждать время, пока пройдетъ гнѣвъ хана. Но Михаилъ отвѣчалъ: „Царь хочетъ не кого-либо другого, а именно меня; если я не поѣду, то вотчина моя въ полону будетъ и множество христіанъ убито; придется же когда-нибудь помирать, то не лучше ли теперь положить свою душу за многія души?“ Отославъ своихъ сыновей домой, Михаилъ отправился далѣе въ путь и нашелъ хана на берегу Азовскаго моря, при устьѣ Дона. Узбекъ далъ ему пристава для его безопасности. Михаилъ одарилъ всѣхъ князей ордынскихъ и ихъ женъ, а потомъ и самого хана и ханшъ. Но Юрій и Кавгадый предупредили Михаила: пріѣхавъ въ Орду раньше его, они уже успѣли настроить кого нужно въ свою пользу.

Черезъ полтора мѣсяца Узбекъ велѣлъ судить Михаила съ Юріемъ. Ордынскіе князья собрались въ одной вежѣ за царскимъ дворомъ. Тутъ-то и были представлены противъ Михаила обвинительныя граматы, которыя были раньше составлены по совѣту Кавгадыя. Два разъ Михаилъ являлся въ судъ, на которомъ Кавгадый былъ и обвинителемъ, и судьею. Послѣ перваго же допроса хану сказали, что Михаилъ по суду достоинъ смерти. Ханъ велѣлъ еще разъ разсмотрѣть дѣло Михаила. Кавгадый при этомъ настоялъ, чтобы Михаила на слѣдующій судъ привели связаннаго. Ордынскіе князья обвиняли Михаила въ томъ, что онъ утаилъ отъ хана многія собранныя дани, что онъ гордъ и непокорливъ хану, бился съ его посломъ, побилъ многихъ князей и татаръ, хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ съ казною и, наконецъ, отравилъ Кончаку. На оправданія Михаиловы судьи не обратили вниманія: они всѣ вторили Кавгадыю и помогали Юрію. Кавгадый сказалъ Михаилу, что онъ достоинъ смерти, потомъ всѣ судьи сказали то же самое хану, который и утвердилъ ихъ приговоръ. На другой день Михаила опять привели въ собраніе ордынскихъ князей, но не для суда, а затѣмъ, чтобы приставить къ нему стражу и заковать руки, а вслѣдъ затѣмъ на шею надѣли ему тяжелую деревянную колоду. Въ такомъ видѣ Михаила повели за Узбекомъ. Хотя ханъ и согласился на казнь Михаила, однако объ этой волѣ Узбека сообщили ему почти черезъ мѣсяцъ. Въ одинъ день Кавгадый велѣлъ привести Михаила, словно какого-нибудь разбойника или злодѣя, на торгъ, гдѣ было много народа, и „много зла изглагола на него“, какъ говоритъ лѣтопись. Кромѣ того, Кавгадый велѣлъ созвать всѣхъ заимодавцевъ и велѣлъ поставить Михаила на колѣни. Затѣмъ Кавгадый сказалъ: „Гнѣвъ ханскій на виновныхъ и наказаніе съ милостью всегда пребываетъ, но этотъ достоинъ смерти; извѣстно и достовѣрно слово хана, и судъ его праведенъ. Ханъ нашелъ, что князь Михаилъ милости не достоинъ и заслужилъ смерть своими злыми дѣлами, и вотъ онъ теперь въ тягости и въ нуждѣ и скоро смерть пріиметъ; но, по ханской милости и по его величеству, подобаетъ его почтить, потому что онъ уже при смерти“. Кавгадый велѣлъ расковать Михаила, принести воды, омыть его, надѣть на него дорогую одежду; велѣлъ онъ также принести разныя яства и питія. Таковъ былъ мон-

гольскій обычай. Михаилъ ни до чего не дотронулся. Тутъ было много народа: здѣсь были и греки, и нѣмцы, и литва и русь; всѣ они видѣли, въ какое унизительное положеніе былъ поставленъ сильный русскій князь. Кавгадый потомъ велѣлъ снять съ него дорогую одежду и опять заковать. Еще прошло 26 дней, и наконецъ настало 22 ноября 1318 г. Этотъ день былъ назначенъ для казни Михаила, и Михаилъ, вѣроятно, зналъ объ этомъ, потому что онъ началъ готовиться къ смерти. По отъѣздѣ изъ Владиміра, князь каждую недѣлю постился и причащался, а во время содержанія подъ стражей утѣшалъ себя чтеніемъ псалмовъ Давыдовыхъ. Теперь же, въ день своей кончины, онъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ правило причащенія, исповѣдался бывшему съ нимъ игумену и причастился св. таинъ. Призвавъ сына своего Константина, далъ ему нѣкоторыя наставленія, потомъ началъ читать псалтырь. Вскорѣ въ шатеръ вбѣжалъ одинъ изъ его отроковъ и объявилъ, что къ нему идутъ Кавгадый, Юрій и множество народа. Михаилъ догадался, зачѣмъ они идутъ, и послалъ сына своего къ ханшѣ съ просьбою о защитѣ, которую она обѣщала. Но Кавгадый съ Юріемъ уже были близко. Они впередъ послали убійцъ, а сами сошли съ коней на торгу, недалеко отъ вежи Михаиловой. Убійцы ворвались въ вежу Михаила, разогнали всѣхъ людей его, схватили его за колоду и такъ сильно ударили о стѣну, что вежа проломилась. Онъ вскочилъ. Тогда убійцы бросились на него, повалили на землю и били нещадно пятами. Одинъ изъ убійцъ большимъ ножомъ ударилъ Михаила въ ребра и вырѣзалъ сердце. Его вежу разграбили русскіе и татары, а всѣхъ бывшихъ при немъ, какъ христіанъ, такъ и татаръ, служившихъ ему, обобрали и заковали; но успѣли спастись князь Константинъ и тѣ немногіе бояре и слуги, которые убѣжали къ ханшѣ. Тѣло Михаила было брошено нагое. Когда Кавгадый и Юрій узнали о смерти Михаила, то подъѣхали къ трупу. Кавгадый, которому теперь нечего было бояться убитаго Михаила, съ яростью сказалъ Юрію: „Не братъ ли онъ тебѣ старѣйшій, какъ отецъ,— зачѣмъ же тѣло его лежитъ нагое?“ Тогда, по приказанію Юрія, одинъ изъ свиты покрылъ тѣло своею котыгою. Тогда же князья и бояре въ одной вежѣ пили вино и хвалились тѣмъ, кто что наговорилъ на Михаила. Тѣло положили на телѣгу, увязали крѣпко веревками и повезли въ Русь, въ сопровожденіи московскихъ бояръ. Наконецъ, тѣло привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ.

Не скоро обо всемъ случившемся узнали въ Твери, потому что некому было вѣсти подать. Юрій Даниловичъ, получившій ярлыкъ на великокняжеское достоинство, захватилъ и держалъ, какъ плѣнныхъ, князя Константина, бояръ и слугъ отца его. На слѣдующее лѣто пріѣхалъ Юрій въ Русь на великое княженіе и привелъ съ собою узниковъ. Тогда только узнали въ Твери обо всемъ обстоятельно. Великая княгиня Анна, ея сыновья Дмитрій, Александръ и Василій просили Юрія, чтобы онъ отпустилъ тѣло ихъ отца. Съ такою просьбою ѣздилъ во Владиміръ къ Юрію князь Александръ Михаиловичъ съ тверскими боярами, и они едва умолили Юрія Даниловича. Въ Москву были присланы тверскіе бояре, игумены, священники, которые и привезли тѣло Михаила въ Тверь. Тѣло св. князя оказалось, по словамъ лѣтописцевъ, совершенно нетлѣннымъ. Лѣтописцы заключаютъ разсказъ свой о смерти и погребеніи Михаила похвалою этому князю. Такъ, напр., они говорятъ: „Если

бы князь Михаилъ не пошелъ въ Орду, а убѣжалъ въ другія земли, то пришли бы татары,—сколько бы христіанъ замучили и церкви святыя предали бы поруганію... Но этотъ великій князь за всѣхъ пострадалъ. Хотя онъ былъ убитъ и не ради вѣры, но нѣтъ выше заповѣди, какъ та, если кто душу положитъ за други своя".

По смерти Михаила Ярославича, каждый изъ четырехъ сыновей его долженъ былъ, сообразно тогдашнему порядку вещей, получить особый удѣлъ. Дѣйствительно, Михаилъ, отправляясь въ Орду на судъ къ Узбеку, раздѣлилъ свою отчину между своими сыновьями, хотя мы и не знаемъ, что каждый изъ нихъ получилъ. Дмитрій, какъ старшій, сталъ великимъ княземъ тверскимъ и вскорѣ затѣмъ женился на дочери литовскаго князя Гедимина. Съ этихъ поръ начинаются связи Твери съ Литвою. Твери трудно было бороться одной съ Москвою; она при первыхъ князьяхъ вела частыя войны, а теперь была изнурена недавнимъ опустошеніемъ татаръ и Юрія. Она должна была искать сильныхъ союзниковъ, и поневолѣ Тверь начинаетъ искать поддержки у литовскихъ князей. Литовское же княжество при Гедиминѣ становится княжествомъ сильнымъ. Тверь, какъ видно, не могла теперь разсчитывать на Новгородъ: его силой и богатствами пользуются московскіе князья. Тверь не могла также теперь раздавать такія суммы денегъ, какъ прежде. Ея князья впадаютъ въ долги во время ордынскихъ поѣздокъ. Все это было на руку московскимъ князьямъ, которые начинаютъ съ этого времени усиливаться на счетъ Твери и стремиться къ постепенному подчиненію ея себѣ. Это доказывается, между прочимъ, походомъ, который великій князь Юрій предпринялъ въ скоромъ времени на Кашинъ, главный удѣлъ тверскихъ князей послѣ Твери. Юрій собралъ въ Переяславлѣ всю силу низовскую и суздальскую и пошелъ на Кашинъ. Сыновья Михаила, князь Дмитрій съ братьями, выступили на встрѣчу Юрію; но до битвы дѣло не дошло, потому что между ними было заключено „докончаніе", по которому тверскіе князья должны были отдать Юрію 2000 руб. выходнаго серебра и, кромѣ того, Дмитрій долженъ былъ обѣщать не искать великаго княженія подъ княземъ Юріемъ. Такимъ образомъ, Тверь должна была уступить. Но тверской князь выжидалъ перваго удобнаго случая, которымъ бы онъ могъ воспользоваться для погубленія Юрія, что вскорѣ и случилось. Юрій, взявъ выходное серебро для хана, не отдалъ денегъ „царскому послу", а удержалъ ихъ у себя и уѣхалъ въ Новгородъ. Князь Дмитрій Михаиловичъ сейчасъ же поѣхалъ въ Орду и объявилъ, что Юрій удержалъ у себя взятое для хана тверское выходное серебро. Ханъ далъ Дмитрію ярлыкъ на великое княженіе. Братъ Юріевъ, Іоаннъ Калита, бывшій тогда въ Ордѣ, ничего не могъ сдѣлать въ пользу своего брата. Юрій самъ поѣхалъ въ Орду; при немъ, конечно, было и захваченное тверское выходное серебро. Но Александръ, братъ Дмитріевъ, стерегъ московскаго князя, напалъ на него дорогою и захватилъ всю его казну. Самъ Юрій успѣлъ бѣжать во Псковъ. Дмитрій же Михаиловичъ вернулся въ это время изъ Орды въ Русь съ ярлыкомъ на великокняжеское достоинство и съ татарскимъ посломъ. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ Іоаннъ Калита и съ нимъ также татарскій посолъ, который позвалъ Юрія въ Орду на судъ къ Узбеку, куда тотъ и поѣхалъ. Вслѣдъ за Юріемъ поспѣшилъ въ Орду и Дмитрій Михаиловичъ, боясь, чтобы Юрій не повредилъ ему такъ же, какъ и его отцу; но до суда предъ

ханомъ дѣло не дошло, потому что Дмитрій, характеръ котораго обрисовывается его прозваніемъ „Грозныя очи", понадѣясь на „царево жалованье, безъ царева слова" убилъ Юрія, „мстя кровь отчу" (1324 г.). Такое самоуправство сильно разгнѣвало Узбека; однако онъ еще не рѣшилъ, какъ поступить съ Дмитріемъ, и безпрепятственно отпустилъ въ Русь его брата Александра Михаиловича, за что послѣдній, безъ сомнѣнія, передалъ въ Ордѣ много денегъ. Между тѣмъ ханъ долго колебался, цѣлый годъ не зналъ, на что рѣшиться, и только въ 1325 г. приказалъ убить Дмитрія Михаиловича въ наказаніе за его самоуправство. Узбекъ гнѣвался на всѣхъ тверскихъ князей, называлъ ихъ крамольниками, противными себѣ; однако, не смотря на все это, онъ отдалъ великокняжеское достоинство Александру Михаиловичу, брату Дмитрія, а не Іоанну Калитѣ, тогда также бывшему въ Ордѣ. Почему? Конечно, дары Александра Михаиловича должны были произвести свое дѣйствіе; но, кромѣ того, Узбекъ, навѣрно зная, что Юрій удержалъ ордынскій выходъ, могъ опасаться того же самаго и со стороны его брата Іоанна Калиты.

Такимъ образомъ, Тверь, не смотря на казнь двухъ своихъ князей въ Ордѣ, опять получила первенство въ лицѣ Александра Михаиловича. Но это первенство не долго оставалось въ рукахъ Александра и вскорѣ опять, и уже безвозвратно, перешло къ московскимъ князьямъ. Поводомъ къ этому послужилъ взрывъ народнаго негодованія въ Твери противъ татаръ, навлекшій раззореніе на Тверь и гнѣвъ хана на князя Александра. Можетъ быть, Александръ Михаиловичъ, подобно Александру Невскому, поѣхалъ бы въ Орду, чтобы умилостивить хана, но у него былъ соперникъ, который съумѣлъ ловко воспользоваться обстоятельствами, чтобы погубить своего врага, почти въ конецъ раззорить Тверь, а самому себѣ добыть великокняжеское достоинство и завоевать полное довѣріе хана. Такимъ соперникомъ Александра былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита.

LXXIII. ІОАННЪ ДАНИЛОВИЧЪ КАЛИТА.

(*Изъ соч. Вешнякова: „О причинахъ возвышенія Московскаго княжества"*).

По смерти Юрія Даниловича княженіе Московское, во всей своей цѣлости, перешло къ его единственному наслѣднику—брату Іоанну, ибо остальные братья умерли гораздо ранѣе. Іоаннъ далеко уступалъ брату въ смѣлости, но не имѣлъ и его недостатковъ; съ его честолюбіемъ соединялъ осмотрительность, благоразуміе и тонкое умѣнье выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей. По смерти отца, онъ не спорилъ съ братомъ, нагло завладѣвшимъ всѣмъ удѣломъ Даніила, а спокойно выжидалъ удобнаго случая, дабы сѣсть въ Переяславлѣ. Въ 1304 г., когда Юрій отправился въ Орду, онъ захватилъ Переяславль и съ тѣхъ поръ княжилъ въ немъ до самой смерти брата. Юрій, озабоченный войной съ Тверью, долженъ былъ оставить его спокойнымъ обладателемъ Переяславля, дабы имѣть въ немъ вѣрнаго союзника. Юрій жилъ съ Іоанномъ въ мирѣ, и никогда внутренніе раздоры не ослабляли ихъ; да и вообще

князь московскій дорожилъ союзомъ братьевъ. Іоаннъ отличался дальновидностью. Онъ не скрывалъ отъ себя, что Юрій, нажившій себѣ враговъ и въ Ордѣ, и въ Россіи, былъ въ опасности и могъ легко пасть, а потому заранѣе рѣшился снискать милость Узбека и составить въ Ордѣ партію, для него благопріятную, дабы, въ случаѣ опалы или смерти брата, скорѣе быть утвержденнымъ въ его достоинствѣ. Здѣсь ключъ къ объясненію его частыхъ поѣздокъ въ Орду, которыя, впрочемъ, мало помогли ему, потому что въ преемники Юрію Узбекъ выбралъ не его, а Александра Михаиловича Тверского. Здѣсь снова является соперничество Москвы съ Тверью, и еще разъ оно имѣло результатомъ повышеніе первой и униженіе послѣдней. Іоаннъ, затаившій въ душѣ злобу на Александра, скоро нашелъ случай излить ее на соперника. Пылкій и добродѣтельный Александръ уже въ 1326 г. раздражилъ хана. Не будучи въ состояніи спокойно переносить, чтобы одинъ изъ князей ордынскихъ, близкій родственникъ хана, Щевкалъ или Шелканъ, производилъ насилія въ Твери, Александръ первый подалъ знакъ къ возстанію. Огонь и мечъ истребили большую часть монголовъ; самъ Шевкалъ нашелъ смерть во дворцѣ, зажженномъ неистовою чернью. Узбекъ, очевидно, не могъ оставить такого оскорбленія своей власти. Но кто могъ ревностнѣе наказать Тверь, какъ не родовой ея врагъ, московскій князь Іоаннъ? И его-то выбралъ ханъ орудіемъ своей мести. Подкрѣпляемый ратью татарскою, окруженный пятью великими темниками и цѣлою свитою воеводъ татарскихъ, сверхъ того сопровождаемый княземъ суздальскимъ, выступилъ Іоаннъ въ походъ, по повелѣнію цареву овладѣлъ Тверью и Кашиномъ, опустошилъ волости Торжка, и только оттого не дошелъ до Новгорода, что послы его, явясь съ поклономъ, предложили за себя выкупъ. Это событіе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дѣятельно старался князь московскій объ уничтоженіи Твери. Александръ Михаиловичъ тверской съ семействомъ удалился во Псковъ, а братья его водворились въ его удѣлѣ.

Іоаннъ поспѣшилъ въ Орду донести Узбеку объ успѣшномъ окончаніи похода; въ одно съ нимъ время прибыли посолъ новгородскій и князья тверскіе, Василій и Константинъ, желавшіе умилостивить хана. Довольный Узбекъ всѣхъ принялъ ласково, а Іоанну пожаловалъ великое княженіе.

Съ Іоанномъ Даниловичемъ, именно съ водвореніемъ его на престолѣ владимірскомъ, начался новый порядокъ вещей. Даже наши безстрастные лѣтописцы отмѣтили это, хотя и по-своему: „Сѣде князь Иванъ Даниловичъ на великомъ княженіи, и бысть тишина велика крестьяномъ по всей Русской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша татарове воевать Русскую землю". Слова многозначительныя, указывающія на поворотъ къ лучшему! Іоаннъ, пріобрѣтя покорностью и многими услугами право на довѣренность хана, успѣлъ убѣдить его, чтобы непосредственный надзоръ, такъ сказать, надъ князьями русскими и наказаніе ихъ въ случаѣ какой-нибудь вины были возлагаемы не на татарскихъ князей, а на него, в. кн. московскаго и владимірскаго, а равно, чтобы и выходъ ордынскій былъ собираемъ не такъ, какъ прежде, чиновниками ханскими, а имъ же, великимъ княземъ, и былъ доставляемъ прямо въ Орду. Участь Россіи много облегчалась такою мѣрою. Въ первый періодъ монгольскаго ига русскіе несли по отношенію къ татарамъ самыя тягостныя повинности.

Послы ханскіе безпрестанно приходили въ Россію для удовлетворенія своей алчности, и города подвергались страшнымъ раззореніямъ. Вотъ, что надобно разумѣть подъ приведенными выше словами лѣтописца: „бысть тишина" и т. д. Современники не могли не быть благодарны Іоанну за его нововведеніе, и народъ охотно платилъ ему дань, хотя и довольно тягостную. Но Іоаннъ и для себя извлекъ изъ этого пользу. Собирая подати по всей сѣверо-восточной Руси, онъ, естественно, не могъ устоять противъ искушенія увеличивать извѣстною частью выхода ордынскаго и свою казну. На эти-то деньги накупилъ онъ себѣ селъ въ разныхъ областяхъ, даже цѣлыхъ удѣловъ у мелкихъ князьковъ. Но чтобы эта новая система сбора податей могла утвердиться, чтобы татары не вздумали возвратиться къ старинѣ, чтобы держать ихъ въ постоянномъ отдаленіи отъ Россіи, ихъ надлежало усыпить всѣми возможными знаками покорности, и для того-то Іоаннъ продолжалъ тѣснить Александра Михаиловича и неоднократно ѣздилъ въ Орду. Тщетно призывая къ себѣ Александра, Узбекъ въ 1330 г. вторично поручилъ московскому князю наказать его и представить въ Орду. Соединясь даже съ братьями гонимаго князя, съ Александромъ, княземъ суздальскимъ, и новгородцами, Іоаннъ двинулъ страшныя силы ко Пскову, гдѣ Александръ нашелъ себѣ убѣжище. Посольство, состоявшее изъ одного умнаго боярина московскаго и владыки новгородскаго, едва не убѣдило его идти въ Орду; его удержали псковитяне, сказавъ: „Аже что будетъ на тебѣ, изомремъ съ тобою въ единомъ мѣстѣ".

Іоаннъ, видя рѣшимость Пскова умереть за своего князя и не желая проливать крови русской, прибѣгнулъ къ средству, которымъ нѣкогда на западѣ съ такимъ ужаснымъ успѣхомъ пользовались папы. Онъ убѣдилъ митрополита Ѳеогноста наложить проклятіе и отлученіе на князя Александра и на весь Псковъ. Проклятіе это, какъ громомъ, поразило Псковъ, но благородный Александръ не захотѣлъ подвергать церковному отлученію себя ради людей, доказавшихъ ему свою любовь, и, снявъ съ псковитянъ клятву, данную ими въ вѣрности ему, уѣхалъ въ Литву. Хотя, такимъ образомъ, Іоаннъ и не достигъ вполнѣ своей цѣли, т. е. не представилъ Александра въ Орду, но доказалъ свою готовность угождать Узбеку. А чтобы сохранить благоволеніе хана, усыпить монголовъ и упрочить великокняжеское достоинство за своимъ родомъ, Іоаннъ, не смотря на кратковременность своего княженія, совершилъ пять поѣздокъ въ Орду, возилъ подарки хану и всему двору, жилъ въ Ордѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, нерѣдко по цѣлому году и, въ послѣднее время жизни, бралъ съ собою и посылалъ дѣтей своихъ. Цѣль Іоанна была достигнута: Русь наслаждалась тишиной.

Пользуясь уваженіемъ въ Ордѣ, господствуя неограниченно въ своей родовой отчинѣ, состоявшей уже изъ 8 городовъ, управляя, какъ великій князь, въ княжествѣ владимірскомъ и въ иныхъ многихъ, торжественно признанный въ 1328 году и новгородцами въ достоинствѣ ихъ князя, Іоаннъ могъ требовать отъ князей удѣльныхъ покорности безусловной и дѣятельнаго содѣйствія при усмиреніи Пскова и Новгорода. Дѣйствительно, князья тверскіе, суздальскіе, рязанскіе по первому его требованію становились подъ его знамена. Даже вольныхъ новгородцевъ умѣлъ Іоаннъ держать въ повиновеніи, понимая, какую силу придаетъ ему господство въ Новгородѣ, и какъ прибыльно можетъ быть оно для его ка-

литы. За каждый мятежъ, за каждое неповиновеніе своей власти проявлялъ онъ сильный гнѣвъ противъ новгородцевъ, требовалъ отъ нихъ серебра закамскаго; не получая его, бралъ въ залогъ цѣлые города (Торжекъ и др.), и ни посольство, составленное изъ самаго владыки, духовенства и лучшихъ бояръ, ни предлагаемые 500 рублей сер. не могли убѣдить Іоанна, чтобы „свободы ся отступилъ по крестному цѣлованію и миръ взялъ“.

Новгородцы, очевидно, дорожили его миромъ. Впрочемъ, Іоаннъ умѣлъ и награждать ихъ, когда они были покорны. Владыка ихъ, посадникъ и тысяцкіе были неоднократно честимы въ Москвѣ. Вообще же замѣтимъ, хотя Іоаннъ и цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ новгородской и Ярославовымъ граматамъ, но господствовалъ въ немъ гораздо неограниченнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Такъ, въ 1330 г. онъ сверхъ ордынскаго выхода, уплаченнаго ему сполна, хотѣлъ взять еще запросъ царевъ, а когда новгородцы объявили, что „того у нихъ не бывало и отъ начала міру“, вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, и, по словамъ лѣтописи, „не бѣ ему мира съ Новымгородомъ“. Но не ему, а Симеону суждено было наказать Новгородъ за этотъ дерзкій отвѣтъ.

Іоаннъ, прозванный современниками Калитою, вѣроятно потому, что не забывалъ своей калиты при сборѣ ордынскаго выхода съ князей и народа, первый рѣшился принять титулъ великаго князя всея Руси.

Однимъ словомъ, Іоаннъ имѣлъ въ рукахъ своихъ такую власть, о какой не помышлялъ до сихъ поръ ни одинъ изъ князей великихъ. Но онъ хотѣлъ утвердить ее за своимъ домомъ, хотѣлъ сдѣлать великокняжеское достоинство наслѣдственнымъ въ немъ и хорошо понималъ, что на одномъ благоволеніи хановъ нельзя основывать эту надежду. Какъ непостоянна и непрочна казалась ему милость Узбека, видимъ изъ того, что духовное завѣщаніе 1328 г. писалъ онъ, „идя въ Орду“, т. е. опасаясь найти внутри самой Россіи опору болѣе прочную, опору нравственную, и онъ нашелъ ее въ самой Москвѣ.

За два года до вступленія своего на престолъ владимірскій, убѣдилъ онъ святителя Петра переѣхать изъ Владиміра, гдѣ обыкновенно жили митрополиты со временъ святителя Максима, въ Москву. Св. Петръ охотно согласился, полюбилъ искренно и Москву, и ея князя и предрекъ ей славную будущность словами: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градехъ русскихъ, и взыдутъ руки его на плеща врагъ его, и прославится Богъ въ немъ“. Преемники св. Петра, слѣдуя его примѣру, основали въ Москвѣ свою митрополію, а Іоаннъ впослѣдствіи, въ 1328 г., сдѣлалъ ее столицею великаго княженія.

Князья уважали мнѣнія духовныхъ лицъ и нерѣдко мирились подъ ихъ вліяніемъ. Князья понимали силу духовенства, но ни одинъ не умѣлъ обратить ее въ свою пользу. Іоаннъ Калита первый взялся за эту мысль. Сдѣлавшись княземъ московскимъ по смерти Юрія, онъ склонилъ митрополита Петра переселиться изъ Владиміра въ Москву. Присутствіе въ Москвѣ митрополита возвысило ее въ глазахъ народа. Св. Петръ, желая еще болѣе поднять этотъ городъ, убѣдилъ Іоанна заложить въ немъ храмъ Успенія Божіей Матери, въ которомъ заповѣдовалъ похоронить свои кости. Но, къ сожалѣнію, смерть похитила митрополита Петра слишкомъ рано для Москвы: онъ умеръ въ 1326 году.

Преемникъ его, митрополитъ Θеогностъ, утвердивъ свой престолъ также въ Москвѣ, ревностно поддерживалъ Іоанна, чему разительный примѣръ мы видѣли въ отлученіи имъ Пскова отъ церкви,—отлученіи, сдѣланномъ по настоянію Іоанна. Θеогностъ былъ тѣмъ лучшимъ помощникомъ его, что пользовался милостью хана. Благодарный духовенству за его дѣятельное содѣйствіе во всѣхъ своихъ планахъ, Калита самъ ревностно заботился объ устройствѣ и благолѣпіи церквей. Онъ украсилъ Москву храмами Успенія Богоматери, Іоанна Листвичника, поклоненіе честныхъ веригъ св. Апостола Петра, св. Спаса Преображенія, св. Архангела Михаила. Присутствіе митрополита и созданіе храмовъ въ Москвѣ возвысили ея блескъ.

Народъ начиналъ смотрѣть на нее, какъ на градъ богоспасаемый, и привыкалъ видѣть въ ея князѣ главу всѣхъ князей. Но Іоаннъ чувствовалъ, что ничтожность его родовой отчизны можетъ еще служить Москвѣ препятствіемъ къ достиженію первенства прочнаго, а потому и старался увеличить ее прикупкой селъ и волостей у лицъ духовныхъ и частныхъ во Владимірѣ, въ Костромѣ, даже въ Новгородѣ, вопреки отговоркѣ, встрѣчающейся во всѣхъ договорныхъ граматахъ съ Новгородомъ: „А новгородскихъ селъ ни держати, ни купити, ни даромъ пріимати“.

Сличая два духовныхъ завѣщанія Іоанна, изъ коихъ первое писано имъ въ 1328 г., при отправленіи въ Орду, а второе предъ смертью, мы можемъ сказать, чѣмъ владѣлъ Іоаннъ въ 1328 г., и что оставлялъ дѣтямъ въ 1340 г. Въ 12-лѣтнее свое княженіе Іоаннъ успѣлъ прикупить и вымѣнять довольно много селъ, какъ, напр., Аваковское, Борисовское, Мѣловское и нѣкоторыя другія. Вѣроятно, и города: Руза, Звенигородъ, Перемышль и Серпуховъ были его пріобрѣтеніями, такъ-какъ Юрій, сколько извѣстно, пріобрѣлъ только Можайскъ да Коломну. Іоаннъ скупалъ у мелкихъ князей даже цѣлые города и, оставляя управленіе ими ихъ родовымъ владѣтелямъ, самъ владѣлъ ими на правахъ неполной собственности, т. е. вѣроятно, довольствуясь опредѣленнымъ доходомъ. Онъ даже не смѣлъ упомянуть объ нихъ въ завѣщаніи. Такъ, Дмитрій Донской, окончательно присоединившій эти города или, правильнѣе, удѣлы къ Москвѣ, называетъ въ своей духовной граматѣ Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро куплей дѣда своего.

Земли свои онъ раздѣлилъ предъ смертью между своими тремя сыновьями. Княгиня Іоаннова получила особый удѣлъ и часть городскихъ доходовъ. Но замѣчательно, что Москвы Іоаннъ не представилъ которому-нибудь одному изъ своихъ сыновей, а всѣмъ вмѣстѣ. „Приказываю сынамъ своимъ отчизну свою Москву“, говоритъ онъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Этимъ, кажется, хотѣлъ онъ достигнуть двухъ высокихъ цѣлей: 1) сохраненія единства Московскаго княжества, и 2) упроченія первенства Москвы. Постараемся разъяснить нашу мысль.

Если бы раздѣлъ отчины Іоанновой былъ произведенъ имъ такъ, что каждый изъ его дѣтей могъ основать новое, совершенно отдѣльное и независимое княжество, то естественная связь между дѣтьми его ослабла бы: они разошлись бы, такъ сказать, въ разныя стороны, давъ начало новымъ удѣламъ и, можетъ быть, возобновили бы старыя междоусобія. Напротивъ, если бы Іоаннъ лишилъ младшихъ сыновей, удѣловъ, то оскорбилъ бы тѣмъ понятія вѣка. Предвидя то и другое, онъ рѣшился соединить ихъ интересы и для того отдалъ имъ Москву въ общее вла-

дѣніе, завѣщавъ старшему сыну Симеону „быть начальникомъ по Бозѣ своей княгинѣ съ меньшими дѣтьми". Эта мѣра, хотя и можетъ показаться странною и опасною въ томъ отношеніи, что легко могла произвести раздоръ между братьями, принесла, однако, желаемую пользу. Князья московскіе, имѣя каждый свой жребій на Москвѣ, жили мирно, дѣйствовали всегда заодно, и потому не только не разстроили плановъ отца, но и развели и привели многіе изъ нихъ въ исполненіе.

Другая цѣль Іоанна была упрочить первенство и возвышеніе Москвы, и вотъ какимъ образомъ. У Калиты было три сына; всѣ они, наравнѣ съ отцомъ, пользовались милостью ханскою; слѣдовательно, онъ могъ быть увѣренъ, что достоинство великокняжеское, которымъ неограниченно располагали наслѣдники Чингиса, останется за его родомъ; но ханъ могъ предоставить великое княженіе не тому изъ сыновей его, который владѣлъ Москвою, и Москва по-прежнему осталась бы тогда главою бѣднаго, ничтожнаго удѣла, Іоаннъ долженъ былъ предвидѣть возможность такой участи своей возлюбленной Москвы. Но, съ своимъ дальновиднымъ, разсчетливымъ умомъ, онъ нашелъ средство отклонить эту опасность, грозившую Москвѣ. Назначая каждому изъ сыновей своихъ равную часть въ Москвѣ, онъ достигъ того, что Москва, при утвержденіи за его родомъ великокняжескаго достоинства, должна была возвыситься неминуемо. Принадлежа равно всѣмъ князьямъ московскаго дома, она постоянно должна была оставаться столицею великаго княжества, потому что который бы князь изъ рода Калиты ни былъ избранъ ханомъ на престолъ владимірскій, онъ непремѣнно былъ московскій князь.

Преемники Іоанна поддержали этотъ планъ его и совершенно шли по стопамъ его. Москва до самыхъ временъ Іоанна IV находилась въ общемъ владѣніи многихъ князей.

LXXIV. Состояніе монашествующаго духовенства въ XIV вѣкѣ и преподобный Сергій.

(Изъ „Руководства къ русской церковной исторіи", Знаменскаго).

Съ XIV вѣка начинается у насъ лучшее время для монашества, когда оно въ полтора вѣка успѣло воздвигнуть до 200 новыхъ обителей, выставило изъ своей среды цѣлый сонмъ высокихъ подвижниковъ и проявило необыкновенную общественную дѣятельность. Причинами такого сильнаго развитія монашеской жизни были, съ одной стороны, большее усвоеніе лучшимъ обществомъ христіанства, съ другой—тяжкія обстоятельства времени, которыя естественно возбуждали въ народѣ набожность и заставляли прибѣгать за утѣшеніемъ къ религіи. Не нужно забывать и того, что монашество расширялось и строило свои новыя обители преимущественно въ лѣсахъ сѣвера, гдѣ въ это время господствующимъ явленіемъ была колонизація новыхъ земель; колонизація земская и колонизація монастырская развиваются совершенно параллельно.

Послѣ монгольскаго погрома всѣ лучшія силы Руси отлили съ юга на сѣверъ, и здѣсь завязалось новое сосредоточіе церковной жизни, сюда же переносится и центръ монашества. Кіевская лавра была въ развали-

нахъ и стала поправляться только подъ владычествомъ Литвы. Ея прежнее значеніе наслѣдовала новая обитель пр. Сергія, который сталъ тѣмъ же для сѣвера, чѣмъ были Антоній и Ѳеодосій для юга.

Пр. Сергій, въ міру Варѳоломей, былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла, при Калитѣ переселившагося изъ Ростова въ московскій городъ Радонежъ, родился въ 1313 г. По смерти родителей онъ отдалъ все имѣніе младшему брату, а самъ съ старшимъ братомъ Стефаномъ удалился въ пустыню, верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскій богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ, пр. Сергій всею душою предался подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенія отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Св. Сергій трудился на братію, какъ купленный рабъ, строилъ келіи, рубилъ дрова, мололъ жито въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой. Въ 1354 г. братія почти силой заставила его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ пр. Ѳеодосія: та же строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, обходъ братскихъ келій, обличенія праздныхъ, тихія, кроткія рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религіозной ревности. Новая обитель была очень бѣдна: не доставало ладона и вина для богослуженія, въ церкви служили съ лучиной, книги писали на берестѣ, братія голодала по 2—3 дня безъ хлѣба; однажды отъ утомленія голода самъ игуменъ нанялся построить сѣни въ кельѣ одного брата за куски гнилаго, негоднаго къ употребленію хлѣба. Патріархъ Ѳилоѳей, узнавъ о пр. Сергіи, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно казалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился, по повелѣнію митрополита Алексія и по просьбѣ своей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки.

Между тѣмъ, средства обители значительно увеличились, такъ-что она уже въ состояніи была совершать дѣла благотворительности, раздавать милостыню и принимать странниковъ и больныхъ. Возросла и слава пр. Сергія. Митрополитъ Алексій пользовался его совѣтами, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Не разъ посѣщалъ обитель Димитрій Донской; св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ великаго князя и митрополита посломъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ великимъ княземъ Олега рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донскаго и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіи даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. 25-го сентября 1391 г. почилъ великій святой на 78-мъ году своей жизни, передавъ послѣ себя игуменство ученику своему Никону.

Обитель св. Сергія сдѣлалась первой святыней Москвы и образцомъ

всѣхъ монастырей; при жизни Сергія и послѣ его кончины чрезъ его учениковъ она распространила отъ себя во всѣ стороны множество новыхъ обителей—своихъ колоній и цѣлою сѣтью ихъ охватила всю сѣверную Русь, стягивая ее къ одному центру—Москвѣ. Еще при жизни Сергія явилось нѣсколько монастырей: Киржачскій и Голутвинъ, основанные имъ самимъ, Симоновъ въ Москвѣ, основанный племянникомъ Сергія, св. Ѳеодоромъ, Борисоглѣбскій въ Ростовѣ, Дубенскій, основанный съ благословенія Сергія Дмитріемъ Донскимъ въ память Куликовской битвы, и др. Вездѣ первыми игуменами были ученики Сергія.

LXXV. Изъ „Сказанія о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донского“ *).

...Великій князь Димитрій Ивановичъ вступилъ въ златокованное стремя и сѣлъ на своего любимаго коня. Сѣли на коней и прочіе князья и воеводы. Солнце свѣтитъ съ самаго восхода, вѣтеръ тихій и теплый... Вел. князь Дмитрій Ивановичъ говоритъ брату своему князю Владиміру Андреевичу и другимъ князьямъ и воеводамъ: „Братья милые, не пожалѣемъ жизни за вѣру христіанскую, за святую церковь, за землю Русскую“. И говоритъ князь Владиміръ Андреевичъ: Господинъ князь Дмитрій Ивановичъ, воеводы наши сильны, а русскіе удальцы искусны; подъ ними лихіе кони, на нихъ доспѣхи прочные, латы золоченыя, кольчуги булатныя; дороги имъ знакомы, берега по Окѣ расчищены—они готовы сложить головы за вѣру христіанскую и за тебя, государь великій князь“. Димитрій Ивановичъ направилъ брата своего на Брашевскую дорогу, бѣлозерскихъ князей и на Болвайскую (Деревскую), а самъ направился на Козелъ....

А великая княгиня со снохою и съ другими княгинями и съ женами воеводъ взошла на златоверхій теремъ, на набережной, сѣла у окна, и сказала: „На тебя гляжу я, великій князь“, и слезы мѣшаютъ ей говорить дальше; текутъ слезы, словно рѣка льется. Но вздохнувъ печально и ударивъ рукою въ грудь, взмолилась: „Господи Боже Великій, дай мнѣ еще увидѣть въ живыхъ великаго князя Димитрія Ивановича. Подкрѣпи его, Господи, рукою своею, да побѣдитъ врага своего.....

А князья двинулись, а за ними русскіе сыны—идутъ добыть себѣ чести, а великому князю славы... Трубы трубятъ, кони ржутъ. Звенитъ слава по всей землѣ Русской. Великое вѣче сзываютъ въ Великомъ Новгородѣ. Стоятъ мужи новгородскіе у св. Софіи, говоря между собою: „Ужъ

---

*) „*Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донского*“ по содержанію и подробностямъ очень близко къ разсказу Никоновской лѣтописи, заключающей наиболѣе обстоятельное изложеніе всѣхъ дошедшихъ до насъ сказаній о Куликовской битвѣ; отличается же оно отъ лѣтописнаго разсказа, главнымъ образомъ, по изложенію, переходящему иногда въ піитическій складъ и представляющему нѣкоторымъ образомъ подраженіе „Слову о полку Игоревѣ“. Судя по одному изъ многихъ сохранившихся списковъ „*Сказанія*“, авторомъ его въ древней Руси считался какой-то Софоній Рязанецъ, названный въ Тверской лѣтописи „брянскимъ бояриномъ“. „Повѣданіе и сказаніе“ издано Снегиревымъ и напечатано въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей за 1838 г., т. III.

не поспѣть намъ, братья, на помощь великому князю Димитрію. Орлы уже слетѣлись со всей Русской земли; съѣхались дивные удальцы...

(Князь Олегъ узнаетъ, что прозорливый калугеръ Сергій благословилъ и вооружилъ Димитрія противъ Мамая и устрашается. Ольгердъ, должно быть Ягайло), узнавъ о нерѣшительности Олега, также медлитъ присоединиться къ Мамаю и раскаивается въ своемъ намѣреніи. Князь Димитрій и Андрей Ольгердовичи присоединяются къ Димитрію).

Великій князь повелѣлъ воинамъ переправиться черезъ Донъ. Стража извѣщаетъ о приближеніи татаръ. Русскіе удальцы возрадовались; они предвидятъ желанный подвигъ.

Задолго сбѣжались волки, и воемъ воютъ всю ночь. Слышится страшная гроза, но она крѣпитъ сердца храбрыхъ воиновъ; вороны слетѣлись и каркаютъ неумолчно; галки кричатъ; орлы съ Дону прилетѣли, лисицы лаютъ на щиты, въ ожиданіи грознаго дня, Богомъ избраннаго, когда поляжетъ множество труповъ человѣческихъ—и будетъ кровопролитіе, что волны морскія. Отъ ужаса деревья гнутся и трава стелется—много унынія въ виду грозной смерти.

Поганые омрачены, предвидя погибель свою, правовѣрные ликуютъ—чаютъ вѣнковъ отъ Христа Бога Вседержителя.

Вѣстники извѣщаютъ, что близятся поганые (когда войска переправились, князь сдѣлалъ имъ смотръ).

Великій князь, взявши брата, князя Владиміра, литовскихъ князей, воеводъ и всѣхъ прочихъ князей выѣхалъ на высокое мѣсто. Онъ увидѣлъ образъ; святой Іисусъ изображенъ на знаменахъ, словно солнце свѣтящееся; знамена шумятъ, хоругви развѣваются, доспѣхи русскіе колышутся. Шлемы золотомъ изукрашены и блещутъ, какъ утренняя багряница.... Удивились литовскіе князья и промолвили: „Не быть такому воинству послѣ насъ, какъ нѣтъ его у насъ, какъ не было и прежде такого“. Великій князь Димитрій Ивановичъ, видя свои войска въ стройномъ порядкѣ, возвеселился сердцемъ и, сошедши съ коня, преклонилъ колѣно передъ великимъ полкомъ и чернымъ знаменемъ, на которомъ находился образъ Господа нашего Іисуса Христа, и воскликнулъ изъ глубины сердца:

„О, владыко, Господи Вседержитель, взгляни Своимъ всевидящимъ окомъ на людей Своихъ, созданныхъ Твоею рукою, и внемли, Господи, голосу молитвы моей! Обрати лицо Свое съ яростью на нечестивыхъ, которые наносятъ зло рабамъ Твоимъ!“

Сѣлъ на коня и поѣхалъ на Куликово поле... Насталъ сентябрскій праздникъ Рождества св. Богородицы. Послышались трубы изъ обоихъ лагерей. Трубы татарскія глухи, русскія звучны. Но войска не видны, ибо утро туманно; но земля стонетъ, громъ и молнія на востокъ до моря, на западъ до Дуная. Куликово поле задрожало, луга и болота всколебались; рѣки и озера выступили изъ береговъ: не было никогда такого многочисленнаго войска. Великій же князь во главѣ сидитъ на своемъ борзомъ конѣ, объѣзжаетъ полки свои и говоритъ воеводамъ: „Отцы и братья, Господа ради подвизайтесь во имя церкви и вѣры христіанской. Смерть за нее—не смерть, а жизнь вѣчная; не гонитесь за земнымъ, братья,—увѣнчаемся побѣдными вѣнками, Богомъ данными“.

Вдохновивши войска свои, онъ снова подошелъ къ черному знамени, пересѣлъ на другого коня, снявъ съ себя одежду царскую и облекшись

въ другую. Того коня отдалъ Михаилу Андреевичу и царское одѣяніе надѣлъ на него. Впереди себя приказалъ нести знамя.

...Въ то же время пришло посланіе отъ преподобнаго игумена Сергія, въ немъ написано: „миръ и благословеніе великому князю, всѣмъ русскимъ князьямъ и всему православному воинству".

Великій князь, прослушавъ посланіе преподобнаго, поцѣловалъ посланнаго, а самъ укрѣпился благословеніемъ, словно бронями твердыми... Подобравши уздцы, съ жезломъ въ рукахъ, великій князь выѣхалъ впередъ, съ намѣреніемъ первымъ вступить въ бой. Но князья русскіе и воеводы удержали его, говоря: „Не подобаетъ тебѣ, великій князь, быть самому въ битвѣ, тебѣ подобаетъ стоять вдали и слѣдить за нами. Мы всѣ готовы сложить за тебя головы, за тебя, великаго князя; ты долженъ спасти себя и насъ".

Великій князь отвѣчаетъ: Братія милые, ваши рѣчи добры... но я вамъ глава, и прежде все благое получалъ первый. Хочу первый начать и теперь... Если погибну, то вмѣстѣ съ вами, буду живъ—то съ вами же".

...Великій князь говоритъ своимъ воеводамъ: „Братья, наши гости (враги) близятся—время приблизилось и часъ насталъ". Ударили по лошадямъ и съ восклицаніемъ: „Богъ христіанскій, помоги намъ", пустились... На полѣ Куликовомъ, между Дономъ и Мечею, вступили въ бой сильныя войска; кровь текла ручьями, и молніею сверкали блещущіе мечи и булатныя сабли; громомъ гремѣли удары копьевъ. Страшно было видѣть этотъ грозный часъ смертный. Въ одинъ часъ, въ мгновеніе ока, сколько тысячъ людей погибло!

...Не туры заревѣли — заревѣли удальцы, падая на землю подъ конскія копыта, множество русскихъ сыновъ погибло. Самого великаго князя ранили; онъ сошелъ съ коня и оставилъ битву еле живой...

И возопилъ волынецъ громкимъ голосомъ: „время пришло и часъ насталъ! дерзайте, братья и други, сила Святаго Духа поможетъ намъ". И выскочили изъ дубравы его вѣрные дружинники, словно соколы вылетѣли, и бросились на врага...

Поганые увидѣли—крикнули: „увы намъ, насъ обманули русскіе; бились съ нами худшія силы, лучшія сбережены". И обратились поганые въ бѣгство. Сыны же русскіе били татаръ, а татары падали отъ ударовъ, что трава стелется отъ косы.

(Когда кончилась битва, Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить въ трубы. Всѣ собрались, но князя не было между ними. Его стали искать и нашли вскорѣ недалеко отъ поля битвы, лежащаго въ изнеможеніи, подъ деревомъ; весь панцырь его былъ изрубленъ. Владиміръ Андреевичъ и бояре поздравили его съ побѣдою—и онъ возблагодарилъ Бога).

LXXVI. Изъ „Задонщины" *).

Сойдемся, братья и друзья и сыны русскіе, сложимъ пѣсню, возвеселимъ землю Русскую, оставимъ печаль, воспоемъ побѣду надъ Мамаемъ

*) Полное заглавіе этого произведенія: „Задонщина" или „Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и о братѣ его, князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего, царя Мамая". Неизвѣстный авторъ „Слова о вел. кн. Ди-

поганымъ и воздадимъ хвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату Владиміру Андреевичу.

... О, жаворонокъ, весенняя птица, красныхъ дней утѣха, подымись къ синимъ небесамъ, подлети къ сильной Москвѣ, воспой славу вел. кн. Дмитрію Ивановичу и брату его, князю Владиміру Андреевичу!

...Въ Москвѣ кони ржутъ, звенитъ слава по всей землѣ русской, въ Коломнѣ трубы трубятъ, въ Серпуховѣ бубны бьютъ; на берегу Дуная знамена стоятъ, въ Новгородѣ вѣчевой колоколъ сзываетъ.

Стоятъ новгородскіе мужи у Софіи премудрой и говорятъ: „не поспѣть ужъ намъ на помощь къ великому князю". Только сказали, а орлы слетѣлись, не орлы слетѣлись—7000 войска вышло изъ Новгорода къ великому князю Димитрію Ивановичу и брату Владиміру Андреевичу.

Въ славномъ городѣ Москвѣ собрались всѣ князья русскіе и говорятъ: „У Дуная стоятъ татары поганые, и Мамай-царь на рѣкѣ на Мечи". А Димитрій Ивановичъ говоритъ брату: „братъ, Владиміръ Андреевичъ, идемъ туда, добьемъ себѣ славы... прольемъ кровь за землю Русскую, за вѣру христіанскую". Димитрій Ивановичъ отвѣчаетъ: „братья и князья, мы всѣ изъ гнѣзда великаго князя Владиміра Кіевскаго; мы не родились на обиду ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю этому".

...Быть бою сильному на Непрядвѣ рѣкѣ; пасть людямъ на полѣ Куликовомъ, пролиться крови на рѣкѣ Непрядвѣ! Уже заскрипѣли телѣги межъ Дономъ и Днѣпромъ, и ханы поганые двинулись къ Русской землѣ; прибѣжали сѣрые волки отъ устьевъ Дона и Днѣпра и хотятъ итти въ Русскую землю; то были не сѣрые волки—пришли татары поганые и хотятъ пройти Русскую землю...

...Тогда великій князь Димитрій Ивановичъ вступилъ въ свое золотое стремя, взялъ мечъ въ правую руку и помолился Богу и пречистой Его матери. Солнце свѣтитъ и путь ему кажетъ...

...Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зарею? Князь Владиміръ свои полки смотритъ и ведетъ къ великому хану и говоритъ брату своему, великому князю: „Не поддавайся, братъ, татарамъ поганымъ, они уже на поля русскія наступаютъ и вотчину отнимаютъ".

Отвѣчаетъ великій князь Димитрій Ивановичъ: „Братъ Владиміръ Андреевичъ, сами мы внуки великаго князя Владиміра Кіевскаго, а воеводы у насъ — бояре, а князья у насъ сильные, а воиновъ триста тысячъ вооруженныхъ, и дружинники опытные; подъ ними кони лихіе, на нихъ доспѣхи злаченые, шлемы черкесскіе, щиты московскіе, кинжалы фряжскіе, копья нѣмецкіе, мечи булатные—и хотятъ они головы сложить за землю русскую; за вѣру христіанскую.

...И поѣхали князья русскіе на силу татарскую, ударили копья въ

митріи Ивановичѣ" и пр. прямо ссылается въ началѣ „Слова" на Софонія Рязанца, сочинителя „Повѣданія и сказанія о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго", изъ котораго, повидимому, заимствовано содержаніе „Слова". Но „Слово" не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ подробностей о походѣ и самой битвѣ, а представляетъ лишь нѣсколько поэтическихъ картинъ, составленныхъ, очевидно, по образцу „Слова о полку Игоревѣ". Такъ, изображеніе Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича во время битвы напоминаетъ князя Сѣверскаго Игоря и его брата Буй-Тура Всеволода и т. п. „Слово" издано первоначально съ предисловіемъ Бѣляева во „Временникѣ" Общества Исторіи и Древностей, книга XIV, 1852 г., а также Срезневскимъ въ „Извѣстіяхъ" втораго отдѣленія академіи наукъ, т. XI, вып. V.

доспѣхи татарскіе, взгремели мечи булатные о шлемы ханскіе, на полѣ Куликовомъ, па рѣчкѣ Непрядвѣ. Черна земля подъ копытами, костями татарскими земля засѣяна, а кровью ихъ земля полита, и одолѣли (русскіе) рать татарскую на Куликовомъ полѣ, на рѣкѣ Непрядвѣ.

На томъ полѣ сильныя тучи надвинулись, въ нихъ частыя молніи сверкали, и сильные громы гремѣли—то въ бой вступили русскіе удальцы съ погаными татарами за великую обиду; на нихъ блистали доспѣхи золоченые, гремѣли русскіе мечи булатные о шлемы ханскіе. Бились въ субботу на Рождество Богородицы, съ утра до полудня. Не туры вскричали у Дона великаго, на полѣ Куликовомъ, и не туры побѣждены у Дона великаго—то побиты русскіе князья, и бояре, и воеводы великаго князя Димитрія Ивановича, побѣждены татарами князья Бѣлозерскіе и много дружинъ.

На роковое мѣсто привели чернеца Пересвѣта, боярина брянскаго, и говоритъ онъ великому князю: „Лучше намъ быть изрубленными, чѣмъ въ плѣну у татаръ поганыхъ", и поскакалъ на своемъ добромъ конѣ, золочеными доспѣхами посвѣчивая... Говоритъ ему чернецъ Ослабя: „Братъ Пересвѣтъ, вижу раны большія на твоемъ тѣлѣ,—упасть головѣ твоей на траву-ковыль, а сыну твоему Якову лежать на зеленой травѣ, на Куликовомъ полѣ—за вѣру христіанскую, за землю Русскую, за обиду великаго князя".

...А княгини и боярыни и жены воеводъ плачутъ...

Ѳеодосія, жена Микулы Васильевича, и Марія, жена Димитрія, плачутъ въ Москвѣ на городской стѣнѣ: „О Донъ, рѣка быстрая! ты прорыла каменныя горы, течешь по рѣкѣ Половецкой: взлелѣй ко мнѣ моего господина, Микула Васильевича". Другая скорбитъ: „Уже веселіе мое поникло въ Москвѣ и не увижу болѣе своего государя"...

Другія жены плачутъ: „Москва, ты быстрая рѣка, великій князь, ты Днѣпръ можешь запрудить—запруди рѣчку Оку, чтобы не шли къ намъ татары—уже погубили рать мужей нашихъ.

Того же дня христіане разбили полки татарскіе.

...Великій князь и Владиміръ Андреевичъ обратили полчища въ бѣгство, и начали ихъ бусурмановъ бить и рубить безъ жалости; князья ихъ попадали съ коней, трупы покрывали поля, кровь ихъ рѣкою потекла... Возстонала земля татарская, и скорбь покрыла ихъ сердца...

Вознеслась слава по Русской землѣ... Великій князь разбилъ поганаго Мамая за землю Русскую, за вѣру христіанскую.

LXXVII. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго", Карамзина).

Мамай пылалъ яростью и нетерпѣніемъ отмстить Дмитрію за разбитіе ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но, видя, что россіяне уже не трепещутъ имени монгольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ татаръ, половцевъ, хозарскихъ турокъ, черкесовъ, армянъ и крымскихъ генуэзцевъ: одни служили ему, какъ подданные, другіе—какъ наемники. Нако-

нецъ, ободренный многочисленностью своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ князей ордынскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить государство Россійское. „Казнимъ рабовъ строптивыхъ!“ сказалъ онъ въ гнѣвѣ: „да будутъ пепломъ грады ихъ, веси и церкви христіанскія! Обогатимся русскимъ золотомъ!“ Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ. Олегъ рязанскій, воспитанный въ ненависти къ московскимъ князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужскихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Дмитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитеръ, уменъ, велерѣчивъ, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ. Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію, страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ монголами и Литвою, заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ сентября мѣсяца на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ великомъ княженіи съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками ханскими.

Дмитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ. „Мамай со всѣмъ царствомъ идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя“, писалъ онъ къ великому князю: „Ягайло также; но еще рука наша высока: бодрствуй и мужайся!“ Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслью Дмитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ областямъ великаго княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья ростовскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе, съ своими слугами, бояре владимірскіе, суздальскіе, переяславскіе, костромскіе, муромскіе, дмитровскіе, можайскіе, звенигородскіе, угличскіе, серпуховскіе съ дѣтьми боярскими или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и вѣру. Казалось, что Россія пробудилась отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду вожскую; исчислили всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе 150 лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцовъ. Князья, бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ государь, обнажая мечь по движенію столь добродѣтель-

ному и столь единодушному! Народъ до времепъ Калиты и Симеона, оглушаемый непрестанными ударами монголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ князей московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіи, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечомъ, другіе молитвами и дѣлами христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣни въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно великая княгиня, супруга нѣжная и чувствительная; а Дмитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми князьями и воеводами, принять благословеніе Сергія, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Дмитрію кровопролитіе ужасное—но побѣду, смерть многихъ героевъ православныхъ—но спасеніе великаго князя; упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ военачальниковъ и далъ ему двухъ иноковъ въ сподвижники, именемъ Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда бояриномъ брянскимъ и витяземъ мужественнымъ. Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на схимахъ и сказалъ: „Вотъ оружіе нетлѣнное! Да служитъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ!“ Дмитрій выѣхалъ изъ обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь небесную.

Въ Коломнѣ соединились съ Дмитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Дмитрій, предводительствуя сильною дружиною полоцкою и брянскою. Великій князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: болѣе 150000 всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла литовскаго. Въ то же время явился въ Коломнѣ посолъ ханскій, требуя, чтобы Дмитрій заплатилъ монголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностью погубить отечество, Дмитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира и не отказывается отъ дани умѣренной, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ, но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечомъ.

Дмитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега рязанскаго и тайныя сношенія его съ монголами и Литвою, не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: „Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ!“ И, принявъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, 20-го августа онъ выступилъ къ устью рѣки Лопасти. Тамъ настигъ его князь Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ, и великій воевода Тимоѳей Васильевичъ, со всѣми остальными полками московскими. 26-го августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Дмитрій и дворъ княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что великій

князь не дерзнетъ имъ противоборствовать и захочетъ спастись бѣгствомъ въ Новгородъ, или въ пустыни двинскія. Слыша о силахъ Дмитрія, ровно боясь его и Мамая, князь рязанскій не зналъ, что ему дѣлать: скакалъ изъ мѣста въ мѣсто, отправлялъ гонцовъ къ татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева, трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ. 6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ-ли ожидать монголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою; дабы удержать робкихъ отъ бѣгства, что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее, обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился—и къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Дмитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: „Часъ суда Божія наступаетъ“. 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Дмитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Дмитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи силъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Дмитрій въ умиленіи преклонилъ колѣни и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ далеко превосходила нашу. Дмитрій, пылая ревностью для всѣхъ служить примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“, говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Дмитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья, умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ „Богъ намъ прибѣжище и сила“, первый ударилъ на враговъ

и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ, отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими; вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Дмитріемъ волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Дмитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ, и сказалъ Владиміру: „Теперь наше время“. Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотрѣвшій на кровопролитіе, увидѣвъ общее бѣгство своихъ, терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу—множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Дмитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „Гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили: наконецъ, два воина увидѣли великаго князя, лежавшаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣни, воскликнули единогласно: „Государь! Ты побѣдилъ враговъ!“ Дмитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружавшихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность небу, обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровью невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Дмитрій, сопровождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до 200000. Князья бѣлозерскіе, тарусскіе, дорогобужскій, первостепенные бояре Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго Николай Васильевичъ, Бренко, Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество; а въ числѣ ихъ и Сергіевъ

инокъ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печнѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другого Сергіева священновитязя, Ослябп, покоятся донынѣ близь монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе, какъ въ 30 или 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Дмитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцовъ въ Москву, въ Переяславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки, что Орда пала и не возстанетъ, что кровь христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи и совершенно умилостивила небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Дмитрія, какъ второго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ*, и ставя Мамаево побоище выше Альтскаго и Невскаго. Но оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ прямыхъ слѣдствій, какихъ Дмитрій и народъ его ожидали; однако оно считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, до битвы Полтавской. Оно еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея и, въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными, служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила довершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

LXXVIII. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(Изъ статьи Костомарова: „Приложеніе къ академическому мѣсяцеслову за 1864 г.“).

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только доставило Москвѣ главенство въ Руси. Еще недавно царствовалъ 30 лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немыслимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, 10 русскихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель по произволу—тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена

прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судебъ, которымъ подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсилѣло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ пріемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣянія не мѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мститель: Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца, и съ тѣхъ поръ въ теченіе 10 лѣтъ перемѣнилось хановъ 15; ихъ было иногда по нѣскольку разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство упало до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части Кипчакской орды начали отлагаться и образовались въ самобытныя государства. Такимъ образомъ, въ срединѣ Золотой орды образовалось два ханства: одно—на Волгѣ въ Сараѣ, другое—заложенное Мамаемъ, княземъ Орды, между Волгой и Дономъ. Онъ самъ долго не хотѣлъ принимать на себя ханскаго достоинства, а возводилъ на престолъ и низводилъ съ престола своихъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ мордовской *(нынѣшней Пензенск. губ.)* отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ князь Тигай, основавшій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани—Салчей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская орда, а на Яикѣ—Яицкая орда съ городомъ Сарайчикомъ; далѣе на востокъ выдѣлилась изъ Кипчака самобытная Шейбанская орда,—и такъ пошла врозь *Монархія Батыева.*

Въ это-то время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ русскаго міра; московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ захотѣть также сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе. Таково было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той, и другой партіи. По смерти вел. кн. Ивана Ивановича оказалось двое претендентовъ на великое княженіе: нижегородско-суздальскій князь Дмитрій Константиновичъ и московскій—Дмитрій Ивановичъ, за котораго по несовершеннолѣтію стояли бояре. Они вѣрно проводили дѣло московскаго главенства и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго рода, а всей земли Московской. Ханъ Неврусъ назначилъ вел. княземъ суздальскаго, но самъ этотъ ханъ вслѣдъ затѣмъ былъ низвергнутъ и убитъ Хидибергомъ или Хидеромъ. Воспользовались этимъ москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего

князя: но потомъ вскорѣ Тимуръ Хаджа, сынъ Хидеревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи: одна, противная Мамаю, провозгласила ханомъ Мюрида, другая, Мамаева—Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамая. Услышавъ объ этомъ, москвичи тотчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство вел. кн. Но вслѣдъ затѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ; обратились къ Мамаю и получили для Дмитрія ярлыкъ на вел. княженіе отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отмщеніе за то, вручила ярлыкъ на вел. княженіе сопернику Москвы, Дмитрію Константиновичу суздальскому, чрезъ случившагося въ то время въ Ордѣ князя бѣлозерскаго Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ, бѣлозерскимъ княземъ, и 30-ю татарами, въ челѣ которыхъ былъ посломъ какой-то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимірѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калиты принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владиміръ. На Руси двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій князь долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать раззоренію свою область, и примирился съ Дмитріемъ московскимъ. Чрезъ два года, въ 1364 г., сынъ Дмитрія суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго московской партіи, и опять готовы были отразиться на Руси слѣды ордынскихъ междоусобій; но и на этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Дмитрій Константиновичъ на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Дмитрія Ивановича дочь свою, Евдокію.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Предъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще, сверхъ того, настала засуха и неизбѣжное ея слѣдствіе—голодъ.

Такимъ образомъ, московскій князь утвердился и поддерживался съ момощью Мамая. Разсчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамая и было между ними доброе согласіе. Московскіе и суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ московскаго князя, вел. кн. Тверской земли, Михаилъ Александровичъ, подвигнувши на Дмитрія своего родственника Ольгерда, подорвалъ было его значеніе и у Мамая. Онъ, по преданію, всѣми силами противодѣйствовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали-было въ Москвѣ. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ имени Мамаева царя ярлыкъ на вел. княженіе. Мамаю нужны были деньги. Неизвѣстно, разщедрился ли тверской князь въ Ордѣ, или—что вѣрнѣе—заскупился московскій. Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Дмитрій не ѣхалъ во Владиміръ, да и сами владимірцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Александровича и не хотѣли сажать его на столѣ у себя. Дмитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобы по ханскому ярлыку принудить Русь къ признанію вел. княземъ тверского, уѣхалъ въ Орду самъ хлопотать передъ своимъ царемъ за Дмитрія. За нимъ самъ Димитрій отправился въ

Орду къ Мамаю не съ пустыми руками, и потому былъ принятъ очень любезно. Мамай, именемъ своего царя, утвердилъ его на вел. княженіи снова. Михаилъ тверской остался вполнѣ, какъ говорится, въ дуракахъ. Мамай написалъ ему такого рода отговорку: „Мы тебѣ давали рать и силу, чтобъ тебя посадить на вел. княженіе: зачѣмъ же ты не взялъ? Теперь сиди себѣ съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ не ищи помощи". Въ Ордѣ былъ тогда сынъ Михаила Александровича; онъ тамъ задолжалъ; московскій князь выкупилъ его, привезъ въ Москву и отпустилъ только тогда, когда отецъ его, соперникъ Дмитрія, заплатилъ ему за свободу сына 10000 рублей, конечно, съ значительнымъ барышомъ противъ того, за сколько его выкупилъ изъ Орды московскій князь.

Немного времени спустя, нарушилось это доброе согласіе съ Ордою. Поводомъ къ тому было приключеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ: туда пріѣхалъ посолу Мамаевъ, Сараика, съ дружиною. Обыкновенно, когда такая дружина прибывала въ русскій городъ—это было наказаніемъ для жителей. Нижегородцы же въ то время, какъ и на всей Русской землѣ русскіе люди, страдали снова и отъ возобновившагося мора, и отъ голода разомъ. Возникла ссора съ татарами. Нижегородцы взяли ихъ и привели въ городъ. Князь велѣлъ развести ихъ. Сараика и татары стали сопротивляться. Началась свалка. Сараика бросился на владычній дворъ. Зажгли дворъ владычній. Во время свалки стрѣла попала въ мантію епископа. Тогда народъ ожесточился, бросился дружно на татаръ; убили Сараику; перебили всю дружину его; погибло тогда полторы тысячи татаръ.

Послѣ этого событія, случившагося въ удѣлѣ князя, союзника и тестя московскаго князя, снова открылась тверскому князю дорога заискивать передъ Мамаемъ противъ своего соперника. Явились ему къ услугамъ: москвичъ, сынъ бывшаго тысяцкаго, послѣдняго въ этомъ санѣ, по имени Иванъ, и какой-то сурожанинъ Некомитъ; они настроили его искать снова вел. княженія и отправились отъ его имени въ Орду. Тамъ съумѣли они оговорить московскаго вел. князя. Мамай отправилъ ихъ снова въ Тверь уже съ посломъ своимъ Ачиходжею; тотъ повезъ ярлыкъ на вел. княженіе. Тогда московскій вел. князь вооружилъ противъ тверского много князей. Онъ представилъ соперника общимъ врагомъ и указывалъ на его отношенія въ Мамаю, какъ на заговоръ противъ всей Руси... Съ помощью князей и вдобавокъ Новгорода, мстившаго тверскому вел. князю за прежнія свои ссоры и раззореніе Торжка, Дмитрій побѣдилъ тверского князя и снова заставилъ его согласиться на миръ и отказаться отъ княженія. Такимъ образомъ, въ другой разъ Москва оставила Михаила Александровича въ дуракахъ, да еще съ Мамаемъ вдвоемъ. Мамай и его партія въ Ордѣ ожесточились; они увидѣли и дерзость Руси, и слабость ордынской власти. Прежде Мамай далъ тому же тверскому князю ярлыкъ; Дмитрій тотчасъ побѣжалъ въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками; а теперь, по такому же точно поводу Дмитрій не кланялся, не дарилъ, а расправился самъ и отстоялъ, свои права собственными силами.

Тогда, въ отмщеніе за усмиреніе Михаила тверского, толпы татаръ опустошили тѣ земли, которыхъ ополченія были съ московскимъ подъ Тверью... Самъ московскій князь чаялъ на себя прихода Орды, вооружился и вышелъ за Оку стеречь гостей. Жребій былъ уже брошенъ.

Московскій князь дѣйствовалъ свободно, показывалъ, что не боится Орды, не слушаетъ Мамая. Мамай не приходилъ.

На слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружинами суздальскими и нижегородскими, московскіе полки, подъ начальствомъ воеводы Дмитрія Михаиловича Волынскаго, двинулись на Казань. Война была удачна. Казанцы пугали русскихъ какимъ-то громомъ со стѣнъ своихъ, выпустили верблюдовъ, чтобъ переполошить русское войско. Но всѣ эти хитрости восточнаго искусства не удались имъ. Русскіе вогнали ихъ въ городъ, осадили Казань, а двое казанскихъ князей, Гассанъ и Махметъ, били челомъ великому князю и заплатили большой окупъ и ему, и союзнику его, и воеводамъ съ ратью, всего 5000 р., да вдобавокъ русскіе посадили въ Казани таможниковъ (слѣдовательно, подчинили своей власти управленіе Казани). Это было уже посягательство отплатить татарамъ тѣмъ, что до сихъ поръ отъ нихъ же получалось. Татары были въ зависимости у русскихъ — явленіе невиданное, странное до того времени. Оно указывало, до чего можетъ довести русскихъ борьба съ татарами: если русскіе одолѣютъ — они не ограничатся собственнымъ освобожденіемъ, они завоюютъ въ свою очередь татарщину. Надобно было не допустить Руси и думать, что она можетъ мѣряться съ Ордою; надобно было вогнать ее въ прежнія границы, поработить снова. Еще Мамай не собрался съ силами, чтобъ идти самому, и ограничивался посылкою своихъ подчиненныхъ. Въ 1376 г. какой-то царевичъ Арапша изъ Синей орды пришелъ къ Мамаю, а Мамай послалъ его воевать Русь. Это былъ большой воитель, очень свирѣпый, ростомъ очень малъ, да мужествомъ великъ.

На слѣдующій 1377 г. Мамай послалъ опять орду свою на Русь. Татары напали на Нижній. Князя не было въ городѣ. Люди пустились бѣжать; оставшіеся заперлись и предлагали за себя окупъ. Но татары не приняли окупа, взяли городъ, сожгли его и опустошили весь уѣздъ. Другое Мамаево войско подъ начальствомъ Бегича пошло на великаго князя. Оно шло черезъ Рязанскую землю на Москву. Но великій князь предупредилъ Бегича и самъ вышелъ ему на встрѣчу въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на р. Вожѣ. Москвичи дали врагамъ переправиться на другую сторону Вожи и потомъ ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной — полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой — пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ московскій князь Дмитрій. Татары побѣжали; Москва наперла на нихъ и множество враговъ потонуло. На утро при туманѣ переправились русскіе и погнались за татарами. Татары убѣжали, покидавъ свои шатры, кибитки и телѣги; а въ телѣгахъ нашли русскіе много добра. Тогда поймали москвичи какого-то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысяцкаго сана сынъ, и шелъ изъ Орды съ татарами на своихъ собратій. У него нашли цѣлый мѣшокъ какого-то зелья, должно быть, какъ думали, лихого, и послѣ разспроса послали его въ заточеніе на Лать-озеро, въ Каргополь, въ Новгородскую землю. Это побѣда была предвѣстницей рѣшительной войны. Мамай ожесточился. Онъ рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ. Въ то время Мамай пересталъ ставить куколъ, называемыхъ ханами или царями: онъ самъ назвался, наконецъ, царемъ. Онъ думалъ возстановить потерянное могущество Кипчака и началъ съ русскихъ.

Прежде всего должна была нести отвѣтъ за пораженіе на Вожѣ Рязанская земля, потому что въ этой землѣ случилось посрамленіе Орды...

Самъ вел. князь Олегъ Ивановичъ не въ силахъ былъ противостоять татарамъ. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переяславль, сожгли и другіе города, и, опустошивъ землю, ушли восвояси. Наконецъ, самъ Мамай, панявъ войска, двинулся на Россію. Олегъ рязанскій присталъ къ Мамаю и послалъ къ нему грамату такого содержанія: „Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженикъ твой и присяженикъ Олегъ, князь рязанскій, много молитъ тебя. Я услышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозиться на твоего служебника Дмитрія, князя московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Дмитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ Вел. Новгородъ, или па Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня, Олега рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милости. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостью и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Дмитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужого не похищалъ".

Въ то же время Олегъ отправилъ пословъ къ Ягайлу, вел. кн. литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый литовскій вел. князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягайло имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погибъ дядя Ягайловъ Кейстутъ, Ягайло сдѣлался вел. княземъ литовскимъ. Дмитрій московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей, противныхъ Ягайлу. Братъ Ягайла, Андрей, полоцкій князь, нашелъ пріютъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ московскими войсками, онъ ходилъ па Трубчевскъ; такъ и другой братъ Ягайла, Дмитрій Ольгердовичъ, призналъ надъ собою главенство московскаго князя. Такъ московскій вел. князь распространялъ московское государство и уже посягалъ на то, что успѣло прежде захватить себѣ государство литовское. Олегъ, по увѣренію лѣтописи, писалъ къ Ягайлу: „Ты давно хотѣлъ прогнать московскаго князя и овладѣть Москвою; теперь пришло время; Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ; посылай своихъ пословъ къ нему съ дарами. Самъ лучше меня знаешь, какъ поступить".

Разсчетъ у Олега былъ таковъ: съ помощью Мамая и Ягайла ниспровергнуть московское государство, пресѣчь ходъ московскому самовластію, Москву отдать Литвѣ, а Рязанская земля увеличится частью тѣхъ владѣній, которыя прежде у другихъ захвачены Москвою... Такимъ образомъ, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть ея могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ Русью подобно татарскому.

Всѣ эти сношенія должны были происходить въ 1379 г., и вѣроятно въ концѣ. Весною 1380 г. получилъ Дмитрій извѣстіе, что Мамай уже въ Воронежѣ. Самъ Олегъ рязанскій, скрывая свое соглашеніе съ врагами Москвы, извѣщалъ вел. князя объ опасности какъ-будто дружелюбно. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли послы отъ Мамая съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила при Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой,

которая была постановлена съ Мамаемъ при первомъ признаніи имъ Дмитрія московскимъ княземъ. Дмитрій скорбѣлъ и опечалился зѣло,— говоритъ лѣтопись—и началъ прежде всего молиться... Онъ послалъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамату и дань Мамаю; но дань была не въ той пропорціи, въ какой хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстилъ объ этомъ Дмитрія... Мамай отвергъ умѣренную дань предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли Русской...

Вел. князь послалъ по всѣмъ землямъ русскимъ свои граматы, призывалъ всѣхъ князей и дружины ихъ и всѣхъ людей русскихъ сходиться на рать... Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь...

Готовясь къ выходу, Дмитрій отправился къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни московской земли; его благословенія испрашивалъ Дмитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто прибылъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла св. вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ вел. князю: „Почти дарами и честью нечестиваго Мамая; Господь увидитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ". Дмитрій отвѣчалъ: „Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостію".

Послѣ трапезы Сергій благословилъ вел. князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ св. водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ вел. князю: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя". Эти слова обрадовали вел. князя...

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. Вел. князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра митрополита, благословившаго въ началѣ главенство Москвы... Дмитрій съ московскими полками въѣхалъ въ Коломну; на другой день, въ воскресенье, 21 августа; онъ велѣлъ всѣмъ собраться на лугу, который назывался Дѣвичьимъ полемъ, близь сада какого-то Памфила. Все поле было усѣяно необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы Русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту ея.

Дмитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска, а всѣ вмѣстѣ изображали собранную Русскую землю... Выбрали вожаковъ, знавшихъ дорогу, а это были купцы сурожане. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Дмитрій нашелъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѳѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ 10; они должны были вести войско... Въ первый разъ со времени Батыева ига Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству. Войско двинулось къ Дону и увидѣло его накануне праздника Рождества Богородицы, 7 сен-

тября. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Дмитрій; передовые отряды Семена Мелика уже бились съ татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ татаръ, изсѣченныхъ русскимъ оружіемъ. „Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ—говорилъ Семенъ Меликъ—онъ уже на Гусиномъ броду. Только одна ночь между нашими и ихъ полками. Вооружайся, княже! Завтра нападутъ на насъ татары“.

Русскіе стали строить мосты, искать бродовъ, и перешли черезъ Донъ... Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла русскимъ. Дмитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владиміра серпуховскаго и Дмитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ на верхъ, по теченію Дона, за лѣсъ въ засаду. Наконецъ, туманъ сталъ подниматься, засіяло солнце. Русское войско пошло къ устью Непрядвы... Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть—говоритъ сказаніе—какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай стоялъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ оттуда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга...

Послѣ единоборства Телебега и Пересвѣта, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули русскіе: „Богъ христіанскій, помоги намъ!“ Крикнули татары, призывая Магомета. Началась всеобщая сѣча, и неистовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсноты, умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два татары стали одолѣвать... Было полное пораженіе русскихъ силъ, полное торжество Мамая... Рвались русскіе изъ засады, плакали надъ гибелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать 8-го часа. Русскіе сердились, роптали, и не смѣли поступить противъ Боброка, потому что считали его знахаремъ. Наконецъ, когда уже татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тогда-то приблизился обѣтованный 8-й часъ... Боброкъ сказалъ: „Княже Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ, и поможетъ намъ благодать Св. Духа“. Вѣтеръ южный дулъ имъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо,—говоритъ сказаніе,—съ крикомъ и шумомъ, прямо въ тылъ татарамъ и начали поражать ихъ. Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на татаръ страхъ. Потерявъ уже свой строй, они не могли стать въ боевой порядокъ. „Бѣда намъ! —кричали они,—Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперь на насъ обрушились“. Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить татаръ со всѣхъ боковъ; а татары сначала черезчуръ горячо напали и утомили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились, и руки ихъ ослабѣли, и ноги устали, и въ безпорядкѣ не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и влѣво, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вмѣсто

того, чтобъ послать на помощь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ русскихъ. Однѣ толпы татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ ней: другія толпы бѣжали вправо, къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безпощадно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ... Восемь дней послѣ того стояли русскіе на полѣ, которому суждена была неувядаемая слава въ русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставили татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію съ обрядами. И воспѣли, говоритъ лѣтопись, священники вѣчную память избіеннымъ отъ татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцѣ у русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлить отъ татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклонниками. „Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ", говорили русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каѳѣ. Генуэзцы тамъ и убили его. Ягайло не успѣлъ дойти къ союзнику и, стоя подъ Одоевымъ, услышалъ, что русскіе разбили его союзника; онъ воротился съ своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли, а впослѣдствіи покорился Москвѣ. Русь торжествовала: она одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того, Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была раззорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. Зато Куликовская битва все-таки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между славянами и татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Много разъ послѣ того татары давали русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища: а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища Русь возрастала и ждала лучшихъ временъ, и, когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такимъ образомъ, побѣда Куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ татаръ, но и обратнаго пораженія первою послѣднихъ—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

LXXIX. Междоусобія въ княженіе Василія II Темнаго.

(*По „Исторіи Россіи", Соловьева*).

Великокняжескій престолъ, въ силу завѣщанія Василія Дмитріевича, долженъ былъ перейти и, дѣйствительно, перешелъ къ сыну его Василію Васильевичу. Но братъ покойнаго великаго князя, Юрій Дмитріевичъ звенигородскій, отказался признать законною передачу великаго княженія племяннику. Онъ опирался на древній, все болѣе и болѣе выходившій изъ употребленія порядокъ старшинства въ родѣ и, какъ старшій, заявилъ о правахъ своихъ. Это обстоятельство вызвало войну, во время которой всѣ преимущества, казалось, должны были быть на сторонѣ звенигродскаго князя, которому сочувствовали многіе изъ удѣльныхъ князей и соперникомъ котораго былъ малолѣтній племянникъ. Враждебныя дѣйствія открылись походомъ московскихъ воеводъ на Кострому, удачнымъ для Василія. Слѣдствіемъ этихъ успѣховъ было то, что Юрій заключилъ перемиріе со своимъ соперникомъ; но, отказываясь отъ утвержденія окончательнаго мира, причемъ онъ долженъ былъ бы своего племянника признать великимъ княземъ, предлагалъ рѣшить дѣло не оружіемъ, а положиться на приговоръ татарскаго хана. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ на великое княженіе переходитъ въ Орду и рѣшеніе его ставится въ зависимость отъ ханскаго произвола. Имѣя многихъ вліятельныхъ мурзъ за себя и опираясь на старинные обычаи, Юрій былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Но и Василій имѣлъ за себя ловкаго ходатая въ лицѣ боярина Всеволжскаго, котораго и отправилъ въ Орду ко времени разбирательства дѣла о престолонаслѣдіи. Всеволжскій, которому Василій обѣщалъ жениться на его дочери, въ случаѣ удачи въ Ордѣ, успѣлъ въ значительной степени ослабить приверженцевъ Юрія при ханскомъ дворѣ. Когда Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ ихъ ссылками на ложно толкуемое завѣщаніе Дмитрія Донского и на лѣтописи, хитрый московскій бояринъ твердилъ, что Василій Васильевичъ ищетъ престола, полагаясь на милость ханскую. Хану, которому желательно было видѣть на великокняжескомъ престолѣ человѣка преданнаго и надежнаго, обязаннаго ему своимъ возвышеніемъ, а не человѣка, основывающагося на правахъ и обычаяхъ, понравилась рѣчь Всеволжскаго и Василій получилъ ярлыкъ.

Спустя немного времени, тотъ же самый Всеволжскій сдѣлался однимъ изъ самыхъ жестокихъ враговъ Василія Васильевича и употреблялъ всѣ усилія, чтобы доставить побѣду Юрію, устраненному отъ великокняжескаго престола ханскимъ ярлыкомъ. Дѣло въ томъ, что мать Василія, Софія, дочь великаго князя литовскаго Витовта, не хотѣла, чтобы сынъ ея женился на дочери своего боярина. По ея настоянію, Василій выбралъ себѣ невѣсту княжескаго рода. Пользуясь старииннымъ правомъ отъѣзда, Всеволжскій оставилъ Москву и перешелъ на службу къ Юрію, возбуждая его послѣдняго добиться оружіемъ того, чего нельзя было получить ханскимъ судомъ. Ко всему этому присоединилось еще оскорбленіе, нанесенное сыну Юрія, Василію Косому, на пиру у

великаго князя. Василій Юрьевичъ явился на пиръ въ драгоцѣнномъ поясѣ, который достался еще Дмитрію Донскому въ приданое за его женою, былъ украденъ изъ казны великокняжеской и, наконецъ, долго переходя изъ рукъ въ руки, очутился у Косого. Софія, не любившая Юрьевичей, узнавъ поясъ на Косомъ, велѣла своимъ слугамъ и при всѣхъ отнять у него этотъ поясъ. Косой и братъ его Дмитрій Шемяка, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, немедленно выѣхали изъ Москвы и поклялись отомстить за оскорбленіе.

Въ 1433 году возгорѣлась война. Многочисленная рать Юрія одержала нѣсколько побѣдъ и принудила Василія бѣжать изъ своей столицы. Юрій вступилъ въ Москву и заставилъ москвичей присягать себѣ, какъ великому князю. Что касается до Василія, то этотъ несчастный князь былъ взятъ во время бѣгства въ плѣнъ. Юрьевичи совѣтовали отцу не выпускать плѣнника на свободу и не давать ему удѣла; но Юрій, по совѣту нѣкоторыхъ бояръ, быть можетъ, разсчитывавшихъ, что дѣло Василія еще неокончательно проиграно, не рѣшился такъ поступить со своимъ побѣжденнымъ племянникомъ, а отдалъ ему Коломну. Лишь только Василій утвердился въ Коломнѣ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ стали къ нему стекаться его прежніе бояре, вынужденные необходимостью признать Юрія княемъ, но оставившіе его при первой возможности. Чувствуя непрочность своего положенія въ Москвѣ и узнавъ, что Василій Васильевичъ стоитъ во главѣ очень сильной рати, Юрій вступилъ съ нимъ въ переговоры. Онъ обязывался признать Василія княземъ, отказаться отъ прямыхъ сношеній съ Ордою и не принимать къ себѣ сыновей своихъ, Василія Косого и Дмитрія Шемяки.

Возвратившись въ Москву, Василій велѣлъ схватить и ослѣпить Всеволжскаго, отъѣздъ котораго считалъ измѣною. Имѣнія Всеволжскаго были взяты въ казну. Однако, Василію не долго суждено было пользоваться миромъ: Юрьевичи, стоя во главѣ ополченія, набраннаго изъ галичанъ и вятчанъ, продолжали борьбу и нанесли пораженіе московскимъ воеводамъ. Успѣхъ сыновей ободрилъ и отца, который, не смотря на недавно заключенный договоръ, выступилъ въ поле. Василій не ожидалъ такого вѣроломства со стороны своего дяди; онъ не ожидалъ и того, чтобы нѣкоторые изъ князей, считавшіеся друзьями его, оставили его въ критическую минуту. Все это было причиною того, что Василій вторично долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Немного спустя, скончался Юрій Васильевичъ. Сынъ его, Василій Косой, занялъ тогда Москву, не обращая вниманія на тотъ принципъ старшинства, за сохраненіе котораго боролся отецъ его. Но ни Шемяка, ни третій сынъ Юрія, Дмитрій Красный, не хотѣли признать Косого великимъ княземъ. Они стали сноситься съ Василіемъ, обѣщая содѣйствовать возвращенію его въ Москву, если онъ согласится на нѣкоторыя прибавки къ ихъ удѣламъ. Василій, понятно, принялъ предложеніе, и Косой, нелюбимый въ Москвѣ и лишенный помощи братьевъ, долженъ былъ оставить захваченную имъ Москву и удовольствоваться Дмитровымъ, даннымъ ему Василіемъ взамѣнъ за Звенигородъ, который былъ присоединенъ къ Москвѣ. Косой, однако, не угомонился и возобновилъ смуту; но счастье окончательно оставило его: онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, и ему выкололи глаза по повелѣнію Василія.

Жестокій поступокъ великаго князя съ Косымъ сильно разгнѣвалъ

Шемяку. Къ тому же были и другія причины, вызывавшія негодованіе этого князя: подозрѣвая, что Шемяка находится въ тайныхъ сношеніяхъ со своимъ безпокойнымъ братомъ, Василій велѣлъ его посадить подъ стражу въ то самое время, когда онъ пріѣхалъ въ Москву звать Василія Васильевича къ себѣ на свадьбу. Хотя послѣ окончательнаго паденія Косого Шемяка былъ освобожденъ и безпрепятственно вернулся въ свой удѣлъ, однако все случившееся заставило его глубоко ненавидѣть Василія и ждать удобнаго случая для мести.

Случай этотъ представился пять лѣтъ спустя. Въ 1445 г. татары сдѣлали набѣгъ на Русь. Василій выступилъ противъ нихъ. Шемяка не послалъ ему своей рати на помощь, не смотря на неоднократныя приглашенія. Битва съ татарами окончилась очень несчастливо для русскихъ: они были поражены, и самъ великій князь попалъ въ плѣнъ. Шемяка послалъ своихъ агентовъ въ Орду, чтобы всякими средствами разстроить возможность примиренія татаръ съ Василіемъ и возвращенія послѣднему великокняжескаго престола. Но козни эти не имѣли успѣха, такъ какъ татары, удовольствовавшись большимъ единовременнымъ выкупомъ и обѣщаніемъ платить аккуратную дань, сочли за лишнее вмѣшиваться въ княжескія усобицы. Вернувшійся въ Москву Василій узналъ объ интригахъ Шемяки, хотя до поры до времени не выказывалъ нерасположенія къ Шемякѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній понималъ всю непрочность своего положенія; онъ предвидѣлъ, что при первомъ удобномъ случаѣ великій князь не пощадитъ его, а потому рѣшился на смѣлую мѣру. Узнавъ черезъ своихъ шпіоновъ объ отъѣздѣ Василія на богомолье въ Троицкій монастырь, онъ неожиданно двинулъ войско въ Троицѣ и завладѣлъ монастыремъ раньше, чѣмъ Василій могъ изготовиться къ защитѣ. Великій князь искалъ спасенія въ церкви, но здѣсь былъ взятъ и отвезенъ подъ карауломъ въ Москву, которая тоже была неожиданно для москвичей захвачена Шемякою. Тутъ Василію выкололи глаза и сослали его въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, Шемяка сталъ княжить въ Москвѣ, хотя народъ былъ имъ крейне недоволенъ. Намъ неизвѣстны подробности его княженія, но оно, вѣроятно, было одно не изъ лучшихъ, такъ какъ неправедность „суда Шемякина" вошла у народа въ поговорку. Московскіе бояре втайнѣ ненавидѣли Шемяку и обсуждали средства избавленія отъ него и призванія опять Василія на престолъ. Явные сторонники Василія бѣжали въ Литву и тамъ готовились съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ похитителя. Въ самой Москвѣ нѣкоторыя всѣми уважаемыя духовныя лица убѣждали Шемяку облегчить участь ослѣпленнаго плѣнника. Шемяка, наконецъ, рѣшился освободить Василія и дать ему удѣлъ. Осенью 1446 г. онъ, въ сопровожденіи епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поѣхалъ въ Угличъ, освободилъ Василія изъ заключенія, каялся предъ нимъ и просилъ у него прощенія. Василій отвѣчалъ: „И не такъ мнѣ еще надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвопреступленіе передъ вами, старшими братьями моими, и предъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубить хотѣлъ. Достоинъ былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться". Рѣчь эта, сопровождаемая слезами говорившаго, растрогала Шемяку. Онъ богато одарилъ Василія и назначилъ ему въ удѣлъ Ко-

строму. Василій призналъ его великимъ княземъ и далъ „проклятыя граматы“ не искать великокняжескаго престола.

Но лишь только Василій прибылъ въ Кострому, Шемякѣ стало ясно, что освобожденіе соперника было съ его стороны ошибкою. Василій сталъ собирать рать. Игуменъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря освободилъ его отъ клятвы. Выходцы, проживавшіе въ Литвѣ, стали съ оружіемъ въ рукахъ возвращаться на Русь, умножая собою ряды Васильевой рати. Явились и татарскіе отряды на помощь къ Василію. Шемяка двинуся противъ главныхъ силъ Василія къ Волоку, между тѣмъ какъ бояринъ Плещеевъ неожиданно явился подъ Москвою и наканунѣ Рождества Христова, найдя Никольскія ворота отворенными, вступилъ въ городъ къ великой радости москвичей. Вскорѣ послѣ этого Шемяка счелъ свое дѣло проиграннымъ и просилъ, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, княземъ можайскимъ, мира. Василій согласился и, наказавъ противниковъ отнятіемъ у нихъ нѣкоторыхъ областей, вернулся въ Москву (1447).

Безпокойный Шемяка не угомонился и послѣ этого. Три года спустя, онъ опять своими крамолами навлекъ на себя гнѣвъ Василія. Но на этотъ разъ происшедшая борьба между двумя соперниками была послѣдней. Великокняжеская рать наносила Шемякѣ одно пораженіе за другимъ, и когда, наконецъ, послѣдній оплотъ Шемяки, Галичъ, сдался Василію, то Шемяка искалъ спасенія въ бѣгствѣ и остальную часть жизни провелъ въ скитальничествѣ. Онъ умеръ въ Новгородѣ въ 1453 г. Вслѣдъ затѣмъ Иванъ можайскій, союзникъ Шемяки, принужденъ былъ бѣжать въ Литву, а удѣлъ его присоединенъ былъ къ Москвѣ.

LXXX. НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ТАТАРЪ.

(Изъ „Русской исторіи“, Бестужева-Рюмина).

Господство татаръ надъ Русскою землею обсуждается съ различныхъ точекъ зрѣнія: одни (какъ Карамзинъ и еще болѣе Костомаровъ) приписываютъ татарамъ рѣшительное вліяніе на развитіе русской жизни, Соловьевъ думаетъ, что вліяніе татаръ не сильнѣе вліянія половцевъ. Оба эти мнѣнія представляютъ крайности: вліяніе татаръ нельзя отвергать уже потому, что мы долго находились съ ними въ связи, и потому, что въ своихъ сношеніяхъ съ востокомъ Московское государство пользовалось услугами татаръ; въ администрацію вошло много восточнаго, особенно въ финансовой системѣ—этого, кажется, нельзя отвергать; быть можетъ, найдутся слѣды и въ военномъ устройствѣ. Эти слѣдствія прямыя; косвенныя слѣдствія едва-ли не важнѣе еще, ибо сюда принадлежитъ отдѣленіе Руси восточной отъ западной, значительная доля остановки въ развитіи просвѣщенія и огрубѣніе нравовъ. Сохранилось преданіе, что правежъ, употреблявшійся у насъ для взыканія долговъ до Петра В., есть остатокъ татарскаго ига; но тѣлесныя наказанія нельзя вполнѣ считать татарскими: они были извѣстны въ Византіи и перешли къ намъ въ сборникахъ церковнаго права; были извѣстны и на Западѣ; у насъ встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя мало подчинены

были татарамъ (Псковъ). Мнѣніе же о происхожденіи понятія о царской власти отъ татаръ надо, кажется, вполнѣ отвергнуть, особенно вспомнивъ постоянную проповѣдь духовенства и то обстоятельство, что Иванъ Грозный прямо ссылается на авторитетъ библіи и примѣры римскихъ императоровъ.

Въ татарское время главною сценою дѣйствія является новая часть земли Русской—земля Суздальская, отличающаяся отъ Руси южной и своею природою, и характеромъ своего населенія,—чему же дивиться, если даже помимо татарскаго вліянія мы встрѣчаемъ здѣсь явленія иныя, чѣмъ мы встрѣчали въ періодъ преобладанія Руси южной? Менѣе впечатлительный, болѣе сосредоточенный, съ виду суровый, домовитый характеръ великоруса отпечатлѣвается на всей его исторіи и на всѣхъ особенностяхъ его быта. Татарское владычество должно было положить свою печать на этотъ характеръ: сдержанность и осторожность дошли до высшей степени развитія. Князьямъ пришлось хитрить, лукавить, ибо сила въ деньгахъ, а великоруссъ уже и безъ того былъ разсчетливъ и бережливъ; скудная природа срединной Россіи, въ которой сложилось наше племя, требуетъ упорнаго труда, настойчивой и постоянной энергіи. Съ такимъ характеромъ и выступаютъ великоруссы въ исторіи: упорнымъ трудомъ усвоили они себѣ неблагодарную почву; поживиться легкою, богатою добычею было негдѣ, кромѣ Болгаріи, а борьба съ болгарами стала возможна только съ основанія Суздальскаго княжества, т. е. собственно съ Андрея Боголюбскаго, ибо все вниманіе Юрія было устремлено на югъ и, дѣйствительно, съ этой поры до нашествія татаръ упоминаются самые важные походы на Болгарію. Татарское владычество положило конецъ расширенію русскихъ владѣній въ эту страну, и надолго передовымъ постомъ Руси на востокѣ оставался Нижній-Новгородъ. Съ татарскаго времени добыча военная стала возможною только въ татарскихъ войскахъ, къ которымъ обязаны были примыкать наши князья.

Съ появленіемъ татаръ во многомъ измѣнились самыя условія жизни, но не измѣнились коренныя черты характера народнаго. Конечно, въ тѣ давнія времена жизнь и имущество никогда не пользовались полною безопасностью и огражденіемъ, возможнымъ въ обществахъ, живущихъ жизнью цивилизованною, ибо если воровство было довольно слабо развито, сравнительно съ нашимъ временемъ, то въ сильной степени было развито насиліе. Эта общая необезпеченность еще увеличилась отъ потери независимости и подчиненія хищнымъ кочевникамъ, считавшимъ жизнь и имущество подчиненныхъ имъ народовъ своею полною собственностью и позволявшимъ пользоваться ими только изъ милости. Тогда-то люди зажиточные заперли своихъ женъ въ терема, ибо увозить женъ и дѣвицъ было постояннымъ обычаемъ татарскимъ *); сокровища свои прятали по церквамъ и монастырямъ, которые хотя и не были обезпечены совершенно, но пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ, все-

*) Кажется, что скорѣе можно допустить это объясненіе, чѣмъ объясненіе Соловьева, что теремъ былъ охраною отъ нравственной распущенности. („Ист. Росс." IV, 345). Вліяніе византійскихъ книжниковъ и ихъ грубаго взгляда на женщину здѣсь едва-ли играетъ первостепенную роль. Припомнимъ, что и на западѣ въ средніе вѣка, не смотря на рыцарское поклоненіе женщинѣ, женъ и дочерей запирали; одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія.

таки сравнительно были мѣстами болѣе безопасными. Вообще это сознаніе постоянной опасности довело до высшей степени свойственную великоруссу недовѣрчивость и опасливость, да и было чего опасаться: основы права были пошатаны; ханская милость стала единственнымъ источникомъ всякаго права. Человѣку, владѣющему чѣмъ-нибудь, въ особенности князю, постоянно приходилось быть насторожѣ и охранять свое владѣніе всѣми подручными средствами и преимущественно хитростью; сила матеріальная ничего не значила, ибо у кого же изъ князей было достаточно силы противъ татаръ? О соединеніи князей можно было думать только тогда, когда одинъ сталъ сильнѣе прочихъ, а орда стала слабѣе. Настроеніе князей соотвѣтствовало и настроенію всего народа уже по тому одному, что съ судьбою власти тѣсно соединена была судьба народа. Нравственное начало несомнѣнно падало. На помощь обществу пришла церковь, которая, въ лицѣ своихъ представителей, преимущественно монашествующихъ, осуждала нравственное паденіе общества и призывала уходить изъ растлѣннаго міра въ пустыню: уходъ въ пустыню усилился въ послѣднее время татарскаго владычества. Сюда шли и тѣ, кого влекла жажда душевнаго спокойствія, и тѣ, которые хотѣли болѣе обезпеченной матеріальной жизни. Въ монастыряхъ приходящіе слушали чтеніе житій святыхъ и разныхъ аскетическихъ сочиненій, обличающихъ мірскіе пороки. Монастырь являлся убѣжищемъ отъ волненій жизни; пустыня казалась раемъ. Такъ усилилась аскетическая струя въ религіозномъ настроеніи русскаго народа. Представляя обществу нравственный идеалъ, монастырь давалъ ему тоже примѣръ житейской домовитости, трудолюбія и т. п. Извѣстно, что монастыри много заботились о своихъ угодьяхъ и извлеченіи изъ нихъ большей пользы. Это могло быть еще новою причиною связи общества съ монастыремъ; въ монастыряхъ искали не только духовнаго, но и житейскаго поученія. Если монастырь не всегда былъ огражденъ отъ нападеній извнѣ, то и внутри монастыря не всегда можно было спастись отъ пороковъ, свойственныхъ грубому обществу, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало благодѣтельному вліянію монастыря; пороки эти—явленіе слишкомъ частое, и потому общество относилось къ нимъ болѣе снисходительно, чѣмъ даже должно. Не могли снисходительно относиться къ нимъ учители церкви, и потому между литературными произведеніями этой эпохи преобладаютъ поучительныя посланія и слова, житія святыхъ и разсказы о посѣщеніи св. мѣстъ, которые поддерживали въ народѣ воспоминанія о мѣстностяхъ, наиболѣе прославленныхъ дѣяніями и чудесами древнихъ подвижниковъ. Паломничество, противъ котораго возставали іерархи XII вѣка, теперь получило новый смыслъ: старыя воспоминанія возбуждали религіозное чувство; грустное положеніе христіанъ на Востокѣ, указывая поучительный примѣръ, вызывало къ сожалѣнію о нихъ и къ покаянію въ собственныхъ грѣхахъ. Въ самомъ началѣ татарскаго владычества появляется проповѣдникъ, указывающій на грѣхи народные, какъ на главную причину всѣхъ бѣдствій—это владимірскій епископъ Серапіонъ († 1275 г.). Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ равно поражаетъ и маловѣріе, и суевѣріе: у него находимъ прямое обличеніе тѣхъ, которые, считая волхвовъ способными произвести чарами разныя бѣдствія, сожигали ихъ. Взывая къ покаянію, Серапіонъ считаетъ нравственное очищеніе единственнымъ средствомъ спасенія отъ враговъ иноплеменныхъ. Съ этой стороны слова

его должны были дѣйствовать на современниковъ. Этой эпохѣ приписывается также большее число словъ, направленныхъ противъ языческихъ суевѣрій, частью подъ именами прославленныхъ отцовъ церкви. Преобладающею литературною формою въ то время было посланіе. Въ формѣ посланія выражалось все: церковныя правила для руководства духовенства, наставленіе въ истинахъ вѣры и дѣятельности народу, опроверженіе еретическихъ заблужденій и совѣты по разнымъ случаямъ—князьямъ и боярамъ. Такія посланія оставили многіе іерархи: отъ св. Петра, подъ именемъ поученія „игуменамъ, попамъ и діаконамъ", дошло до насъ также окружное его посланіе, гдѣ онъ убѣждаетъ духовныхъ лицъ быть истинными пастырями и думать о паствѣ; въ другомъ поученіи или посланіи св. Петръ запрещаетъ духовенству отдавать деньги въ ростъ и осуждаетъ убійство на „полѣ", какъ душегубство. Въ поученіи Алексія князьямъ ставится въ обязанность правосудіе, а народу—повиновеніе. Изъ посланій митрополита Кипріана особенно замѣчательно посланіе его къ игумену Аѳанасію, съ мысляли о томъ, что „приходитъ конецъ вѣку"; эта мысль, какъ извѣстно, была сильно распространена: съ концомъ послѣдняго столѣтія седьмой тысячи ожидали свѣтопреставленія. Кромѣ высшихъ іерарховъ, посланія писали и другія духовныя лица: Кириллъ Бѣлозерскій оставилъ три посланія къ сыновьямъ Дмитрія Донского; въ этихъ посланіяхъ видѣнъ скромный пустынникъ, который, однакожъ, горячо любилъ свое отечество и смѣло вѣщалъ правду сильныхъ міра. Это обиліе посланій свидѣтельствуетъ о томъ, что общество въ нихъ нуждалось и ихъ любило. Житія святыхъ издавна составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ, и въ эту эпоху мы видимъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ періодъ дотатарскій. Въ житіяхъ мы находимъ драгоцѣнныя бытовыя черты и даже часто подробности событій. Для нашихъ предковъ житія имѣли иной интересъ: они открывали предъ ними міръ лучше того, въ которомъ они жили—міръ духовныхъ подвиговъ и указывали на несомнѣнную за нихъ награду въ будущей жизни. Любопытными памятниками той эпохи являются записки паломниковъ и вообще людей, побывавшихъ за границею. Они предъ всѣмъ останавливаются, всему дивятся и простодушно вѣрятъ тому, что имъ разсказываютъ. Смѣтливая наблюдательность нигдѣ не оставляетъ русскаго человѣка: по этому умѣнію подмѣчать, особенно замѣчательно „Хожденіе" въ Индію Аѳанасія Никитина, описавшаго главные торговые пути, сообщившаго свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ и проч. Довольно значительное число памятниковъ, однако, не говоритъ о большой распространенности грамотности: если въ Новгородѣ, гдѣ было болѣе досуга, порождаемаго зажиточностью, грамотность была распространена мало, то что должно было быть въ Москвѣ, болѣе бѣдной и занятой въ то время другимъ? И дѣйствительно, мы узнаемъ, что даже князья и бояре были если не совсѣмъ безграмотны, то малограмотны.

LXXXI. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ІОАННА III.

(*Изъ „Исторіи государства Россійскаго“, Карамзина*).

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества, но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты были хитростью умнаго слуги ханскаго. Великодушный Дмитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донского, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостью, и, бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ, наконецъ, внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царьграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростью возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокращая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между ними и Европою, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Внутри государства онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или

бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостью, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ Богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностью волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость въ нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностью, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться. Уже замѣтивъ строгость Іоаннову, прибавимъ, что самые знатные чиновники свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго князя, дворянина Хомутова и бывшаго архимандрита чудовскаго за подложную грамату, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова.

Исторія не есть похвальное слово и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донского, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: она не плѣняетъ насъ подвигами великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными даетъ своимъ твореніямъ прочность. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія—то, которое нынѣ съ любовью и гордостью именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ, въ 1480 году, заключилъ свое тво-

реніе хвалою сего непріятеля Казиміровa. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестаго-на-десять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ.

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, росписавъ земледѣльцевъ на сохи и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ хозяйственныхъ произведеній и деньгами, что записывалось въ особенныя книги.

Торговля также обогащала казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною. Государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными, стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находились для нихъ нѣсколько гостинныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и лавокъ.

Сей монархъ, оружіемъ и политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Въ 1497 г. Іоаннъ велѣлъ дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя граматы, разсмотрѣлъ, исправилъ и выдалъ собственное уложеніе, писанное весьма ясно, основательно.

LXXXII. Софія Палеологъ.

(*Изъ „Исторіи Россіи", Соловьева*).

Іоаннъ III еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельствамъ политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя тверского. Іоаннъ недолго жилъ съ нею: въ 1467 г. Марія скончалась; начали толковать, что княгиня была отравлена, дознались, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя Полуехтова, посылала поясъ къ ворожеѣ; великій князь разсердился и на мужа, и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полуехтова къ себѣ на глаза. Отъ этой первой жены Іоаннъ имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, для отличія называемаго Молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, назвалъ великимъ княземъ, чтобы отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства предъ племянникомъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ павшаго на ея стѣнахъ императора Константина, Ѳома Палеологъ, нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество московскому великому князю, безъ сомнѣнія, желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи

отъ католицизма. Въ февралѣ 1469 года грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ: королю французскому и герцогу медіоланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль,—говоритъ лѣтописецъ,—и, подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго итальянца, монетнаго мастера Ивана Фрязина. Фрязинъ возвратился съ портретомъ царевны и съ пропускными (опасными) граматами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софіею по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лицо жениха при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софію за московскаго князя, возстановить флорентійское соединеніе, пріобрѣсть могущественнаго союзника противъ страшныхъ турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посолъ московскій; а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, разсказывалъ то, чего не было, обѣщалъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣе дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣма въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ іюнѣ 1472 года Софія выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ грековъ, а 1-го октября пригнанъ во Псковъ гонцомъ Николай Ляхъ, отъ моря изъ Ревеля, и объявилъ на вѣчѣ: „Царевна переѣхала море, ѣдетъ въ Москву дочь Ѳомы, князя морійскаго, племянница Константина, царя цареградскаго; внука, Іоанна Палеолога, зятя великаго князя Василія Дмитріевича, зовутъ ее Софія, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили, да приняли честью". Объявивъ это псковичамъ, гонецъ, въ тотъ же день, поскакалъ къ Новгороду Великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сытить и кормъ сбирать; посадники и бояре изъ купцовъ отправились навстрѣчу къ царевнѣ въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на нѣмецкій берегъ; въ шести пасадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софію на устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ и, наливши кубки и позолоченные рога виномъ и медомъ, били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобы поскорѣе покинуть нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои пасады, и поплыли къ русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софія пошла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею,—говоритъ лѣтописецъ,—и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаетъ и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ потчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями; и всѣхъ

пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и купцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 р. деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову: „Теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву, и на вашемъ почетномъ пріемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и медѣ кланяюсь; когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ". Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку и выѣхала изъ города; посадники и бояре съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до новгородскаго рубежа. Въ Новгородѣ была оказана ей такая же честь въ пріемѣ и въ дарахъ.

Софія подъѣзжала къ Москвѣ, а здѣсь, между тѣмъ, шло совѣщаніе: думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями, какъ сдѣлать? Вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софія, папскій посолъ, кардиналъ Антоній, шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни въ совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей землѣ, чтобы латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлалъ это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ отвѣчалъ: „Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался". Тогда великій князь послалъ боярина отобрать у легата крестъ и спрятать его въ саняхъ. Антоній сначала-было воспротивился, но потомъ скоро уступилъ; больше противился московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ, денежникъ: хотѣлось ему оказать часть папѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12 ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву и въ тотъ же день обвѣнчана была съ Іоанномъ, а на другой день легатъ правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу, за которымъ собственно пріѣхалъ,—къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался,—говоритъ лѣтописецъ,—потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича. Иное спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спросить Никиту; кардиналъ не нашелъ, что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: „Нѣтъ книгъ со мною!" Такъ неудачно кончилась попытка римскаго двора востановить флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя московскаго на Софіи Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, промыслы, прибытки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей-собственниковъ, хозяевъ. Такъ, всѣ отношенія, отношеніе духовенства, дружины, остального народонаселенія, клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія: въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ

тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкототорыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Великій князь московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно кланялся въ Ордѣ не только хану, но и вельможамъ его; князья-родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда, а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и пришедши къ концу, давало имъ поводъ думать о старинѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣжалъ отъ одного князя къ другому и считалъ себя въ правѣ знать всѣ думы княжескія; при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ московскимъ великимъ княземъ и выдѣлялись изъ дружины московской, становясь выше ея, слѣдовательно, имѣя еще болѣе притязаній: церковь, содѣйствуя московскимъ князьямъ въ утвержденіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака съ племянницею императора византійскаго, явился грознымъ государемъ на московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго, потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина, должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію грознаго Іоанна, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельства. Князь Курбскій, защитникъ старины, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говоритъ, что перемѣна въ поведеніи князей московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплеменныхъ, и сильно вооружается противъ Софіи, хотя, съ другой стороны, указываетъ начало вражды въ поведеніи предковъ Іоанновыхъ относительно другихъ слабѣйшихъ князей.

Но, кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софіею. Уже въ княженіе сына ея Василія опальный Берсень такъ говорилъ Максиму греку: „Какъ пришли сюда греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царяхъ“. Максимъ замѣтилъ на это: „Господинъ! Мать великаго князя, великая княгиня Софія, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода константинопольскаго, а по матери происходила отъ великаго герцога феррарскаго Италійской страны“. Берсень отвѣчалъ: „Господинъ! Какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои,

та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать?“ Въ чемъ же, по мнѣнію Берсеня, состояла эта перестановка обычаевъ? „Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать, и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ третій у постели, всякія дѣла дѣлаетъ“. И такъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему по-прежнему: „ты князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой, мы объ этомъ ничего не знали“; не смѣла она сказать теперь этого, потому что московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и боярамъ некуда уже стало болѣе отъѣзжать. Но не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельство о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть свидѣтельства болѣе безпристрастныя; Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи, говоритъ о ней: „Это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію, великій князь сдѣлалъ многое“. Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря, напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софіи первый сынъ Василій-Гавріилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоанновъ, молодой великій князь Іоаннъ, разболѣлся ломотою въ ногахъ. Въ это время былъ въ Москвѣ лекарь, мистръ Леонъ, жидъ, вызванный русскими послами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу больного: „вылечу сына твоего, а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью“. Великій князь велѣлъ лечить; Леонъ сталъ давать больному лекарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать склянки съ горячею водою: но отъ этого леченія Іоанну стало хуже, и онъ умеръ 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лекаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертью. Эти подробности важны для насъ, потому что люди, недовольные Іоанномъ III и Софіею, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Молодого. Но послѣдній оставилъ малолѣтняго сына Дмитрія отъ брака своего съ Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавскаго, и потому теперь рождался вопросъ: кому наслѣдовать великое княженіе, сыну или внуку? Если бы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, если бы справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія не по отчинѣ. Но мы видѣли, что отецъ Дмитрія, Іоаннъ, былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна Молодого не лишала сына его правъ на старшинство; при томъ же, московскому государю не было теперь нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Іоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Дмитрію передъ сыномъ Василіемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня: ему, разумѣется, а уже никакъ не Дмитрію, принадлежалъ гербъ Римской имперіи, и Софіи была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права.

Если князья и бояре по смерти Софіи дурно отзывались о ней,

представляли ее виновницею перемѣны, перемѣны къ худшему, по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодого, и сына ея Дмитрія; на сторонѣ же Софіи и сына ея Василія мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Дьякъ Ѳеодоръ Стромиловъ извѣстилъ Василія, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Дмитрія и, вмѣстѣ съ Аѳонасіемъ Яропкинымъ и другими дѣтьми боярскими, началъ совѣтовать молодому князю выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ, и погубить Дмитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ тайно къ крестному цѣлованію. Но заговоръ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 года: Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, и приверженцевъ его велѣлъ казнить; шестерыхъ казнили на Москвѣ-рѣкѣ; Яропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Поярку—руки и голову; двумъ дьякамъ, Стромилову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ отсѣкли головы, многихъ другихъ дѣтей боярскихъ пометали въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софію, за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ; этихъ лихихъ бабъ обыскали и утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены.

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣнчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Дмитріемъ, и бояре, нелюбившіе Софіи за принесеніе новыхъ понятій, пользуются, однако, ими и называютъ Дмитрія царемъ Боговѣнчаннымъ, въ укоръ Василію и сыну его. 4 февраля 1498 года въ Успенскомъ соборѣ среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ, гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Дмитрію и митрополиту; на аналоѣ лежала шапка Мономаха и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебенъ Богородицѣ и Петру чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Дмитрій сталъ у мѣста передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, началъ говорить: „Отецъ митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ, но Божіею волею, сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ“. Послѣ этой рѣчи, митрополитъ велѣлъ Дмитрію стать на его мѣсто и, вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Дмитрій преклонилъ голову и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву, чтобы Господь Богъ далъ поставляемому скипертъ царства, и посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектенья, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митро-

политъ сказалъ Іоанну: „Божіею милостью радуйся и здравствуй преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта“; Дмитрію сказалъ: „Божіею милостью здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Дмитрій Ивановичъ всея Руси, съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта“. Потомъ поздравляли обоихъ великихъ князей дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію и Дмитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ: въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрій Ивановичъ: тоже повторено было передъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами.

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще года послѣ царскаго вѣнчанія Дмитріева, какъ въ январѣ 1499 г. страшная опала постигла два знатнѣйшія боярскія семейства — князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Іоаннъ нашелъ измѣну бояръ и приговорилъ ихъ къ смертной казни: Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи, младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ.

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляютъ, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софіи и ея сына въ пользу Елены и внука Дмитрія: это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ Курбскаго и Берсеня; ясно и изъ того, что за опалою Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Дмитрія, торжество Софіи и Василія.

Послѣ опалы боярской Іоаннъ началъ нерадѣть о внукѣ, по выраженію лѣтописцевъ, и объявилъ сына Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова.

Іоаннъ не хотѣлъ дѣлить великаго княженія, не хотѣлъ раздирать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовавъ сыну внукомъ. 11-го апрѣля 1505 года великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Дмитрія и на мать его Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ ихъ поминать на ектеньяхъ и литіяхъ, не велѣлъ называть Дмитрія великимъ княземъ, а 14-го апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита. Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ граматахъ подлѣ отцовскаго, при чемъ Іоаннъ называется въ отличіе великимъ княземъ Большимъ.

LXXXIII. КОНЕЦЪ УДѢЛОВЪ.

Изъ „Исторіи русскаго народа", Полеваго).

Іоаннъ неуклонно слѣдовалъ одной системѣ правленія, уже оправданной столь блестящими успѣхами. Среди учрежденій земскихъ и сношеній съ иноземцами онъ не переставалъ мыслить о скрѣпленіи разрушенныхъ частей Руси, уничтоженіи монголовъ, борьбѣ съ Литвою,—мыслить и дѣйствовать неутомимо.

Еще въ 1484 году Тверь казалась сохраняющею прежнюю независимость. Въ договорѣ, тогда заключенномъ, великій князь тверской еще свободно говорилъ о неприкосновенности своихъ владѣній, хотя смиренно назывался онъ *младшимъ братомъ сына Іоаннова*, и отказывался отъ дружбы и договора съ королемъ польскимъ, которые осмѣлился заключить безъ воли Іоанна. Но конецъ Твери приближался быстро: подвластные ей князья безпрестанно отъ нея отступались; бояре тверскіе переходили въ Москву; подданные боялись болѣе Іоанна, нежели своего князя. Наконецъ, перехваченъ былъ посланникъ тверского князя въ Польшу. Іоаннъ разгнѣвался, объявилъ, что, сносясь съ врагомъ его, королемъ польскимъ, тверской князь нарушаетъ всѣ договоры, и за то независимость Твери должна быть уничтожена. Владыка тверской и князь Михаилъ Холмскій пріѣхали умолять. Онъ не пустилъ ихъ на глаза. Сильное войско московское двинулось къ Твери немедленно. Самъ Іоаннъ предводилъ имъ; Фіоравенти управлялъ пушками и пищалями. Князь Михаилъ тверской не дождался Іоанна и бѣжалъ въ Литву. Въ сентябрѣ 1485 года москвичи окружили Тверь, зажгли посады, и Тверь покорилась Іоанну, молила его только о милости. Іоаннъ объявилъ, что за измѣну тверского князя онъ лишаетъ его и потомство его навѣки наслѣдія. Подвластные Твери князья холмскіе, дорогобужскіе, микулинскіе перешли въ службу Іоанна; намѣстники московскіе стали управлять городами княжества, нѣкогда превосходившаго силами Москву, столь долго боровшагося съ нею, пятнадцать лѣтъ продолжавшаго кровавую войну съ прадѣдомъ Іоанна,—войну, въ которой три раза Москва видѣла побѣдныя знамена Твери и Литвы подъ своими стѣнами и едва спасалась отъ гибели. Прошло сто лѣтъ, и Тверь, безъ битвъ и защиты, пала по слову правнука Дмитріева.

Верея не могла быть опасна Іоанну; онъ, кажется, любилъ притомъ юнаго князя Василія, храбраго, пылкаго, и за него прощалъ старому крамольнику, отцу Васильеву, уже покорному и смиренному. Но Іоаннъ безпрерывно стѣснялъ Верею; позволилъ Василію заступить мѣсто отца его, но договорился (въ 1482 г.), что послѣ смерти отцовской Василій уступаетъ Бѣлозерскъ великому князю. Тогда же князь верейскій принужденъ былъ выдать всѣ договорныя прежнія граматы; у него взяли потомъ Вышгородъ, подарокъ отца Іоаннова. Юный Василій, можетъ быть, негодовалъ, но таилъ досаду и вскорѣ увидѣлъ, что званіе независимаго князя не охраняетъ его личной безопасности. Женясь на племянницѣ Софіи, Василій получилъ отъ тетки въ приданое за своею женою какое-то драгоцѣнное украшеніе, принадлежавшее первой супругѣ Іоанна. Софія не сказала объ этомъ супругу своему; вдругъ Іоаннъ взду-

малъ подарить то украшеніе своему внуку, узналъ объ отдачѣ драгоцѣнности Василію, разсердился, велѣлъ отобрать у Василія подарокъ Софіи и изъявилъ ему гнѣвъ свой. Василій не смѣлъ болѣе оставаться въ Москвѣ и даже въ Руси; онъ оставилъ отчизну и съ супругою своею бѣжалъ въ Литву. Іоаннъ послалъ за нимъ погоню и требовалъ отъ Михаила верейскаго, чтобы онъ немедленно лишилъ сына своего наслѣдства. Бѣдный старикъ не смѣлъ противиться, и въ 1483 г. заключилъ договоръ съ Іоанномъ, по которому отрекся навсегда отъ сына своего и получилъ удѣлъ его, Верею, въ пожалованіе отъ Іоанна, съ тѣмъ, что по кончинѣ Михаила все безъ остатка должно присоединиться къ великому княжеству. Еще болѣе двухъ лѣтъ князь верейскій жилъ одинокій, безотрадный. Въ духовной своей, предъ кончиною, исполняя договоръ 1483 года, Михаилъ все отдалъ Іоанну; осмѣлился только просить его заплатить долги и не отнимать вотчинъ, пожалованныхъ имъ разнымъ людямъ. Отдавая имѣнія разнымъ церквамъ и монастырямъ, Михаилъ включалъ условіе: „Если они понадобятся великому князю", то обители и церкви должны удовольствоваться небольшою платою денегъ взамѣнъ ихъ. Движимое имѣніе Михаилъ отказалъ также Іоанну, исключивъ весьма немногое дочери своей и на поминъ души. Упоминая о сынѣ своемъ, какъ о преступникѣ и чуждомъ ему человѣкѣ, Михаилъ не смѣлъ отказать ему ни благословенія, ни креста, ни иконы. Михаилъ умеръ въ 1485 г. Изгнанникъ Василій не возвращался уже на родину и умеръ на чужбинѣ: хотя Іоаннъ сжалился надъ нимъ и звалъ его къ себѣ, Василій не вѣрилъ ласкѣ грознаго московскаго государя.

Мать Іоанна скончалась въ 1484 г. Она успѣвала сохранять согласіе между старшимъ своимъ сыномъ и двумя остальными его братьями, Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ. Братья Іоанновы, послѣ примиренія ихъ въ 1480 году, не вступались въ новыя пріобрѣтенія Іоанна. Договорами 1486 года они отреклись отъ всѣхъ притязаній на вотчины, которыя взялъ великій князь у князя верейскаго за вину его, и на то, что, „при Божіей помощи, взялъ у недруга своего князя тверского". Но ничто не спасло ихъ, когда не стало матери. Въ 1491 году, послѣ ласковаго, дружескаго пріема въ московскомъ дворцѣ, неожиданно взяли подъ стражу князя Андрея. Бояринъ Ряполовскій заплакалъ, объявляя ему волю Іоанна. „Воленъ Богъ да государь мой, братъ старѣйшій: но онъ *имаетъ* меня неповинно, и судъ мой съ нимъ передаю Богу!" отвѣчалъ Андрей. Еще незадолго до того Іоаннъ едва не предалъ жестокой казни боярина, остерегавшаго Андрея; теперь взвелъ на Андрея небывалыя вины и посадилъ его въ тюрьму. Владѣнія его были заняты войскомъ; дѣти его, Іоаннъ и Дмитрій, были сосланы въ заточеніе. Андрей находился въ темницѣ болѣе двухъ лѣтъ и скончался въ своемъ печальномъ заключеніи (въ 1493 г.). Жестокій поступокъ этотъ, неприкрытый даже никакимъ благовиднымъ предлогомъ, тревожилъ совѣсть Іоанна. Черезъ пять лѣтъ онъ призвалъ къ себѣ однажды митрополита и духовенство и со слезами каялся имъ, что былъ причиною погибели брата; духовенство простило его въ грѣхѣ и, вѣроятно, не смѣло потребовать свободы племянникамъ его, дѣтямъ Андрея. Немного найдемъ въ исторіи примѣровъ участи столь злополучной, какова была участь несчастныхъ Іоанна и Дмитрія Андреевичей. Во все время правленія дяди своего и потомъ, во все правленіе Василія, они были въ темницѣ

на Вологдѣ въ цѣпяхъ. Дмитрій Андреевичъ пережилъ брата своего, сорокъ девять лѣтъ изнывалъ въ цѣпяхъ и умеръ въ заточеніи; Іоаннъ Андреевичъ скончался за нѣсколько лѣтъ до смерти брата, также въ темницѣ, принявъ передъ кончиною схиму... Борисъ ужаснулся, когда, заключивъ Андрея, Іоаннъ потребовалъ его къ себѣ; онъ не смѣлъ ослушаться, явился и былъ доволенъ, что Іоаннъ отпустилъ его невредимо. Онъ пережилъ Андрея только семью мѣсяцами. Дѣти его, Өеодоръ и Іоаннъ, наслѣдовали послѣ него удѣлъ, но уступили всѣ волости московскія дядѣ, взявъ въ обмѣнъ другія. Іоаннъ Борисовичъ скончался въ 1503 г. и, умирая бездѣтнымъ, отказалъ дядѣ свой удѣлъ (Рузу и половину Ржева), прося только заплатить послѣ него долги и помянуть душу. Онъ не смѣлъ распорядиться ничѣмъ, ни пожаловать кого-нибудь волостью, говоря въ духовной: „*Людцы* мои передъ Богомъ да передъ моимъ государемъ; вѣдаетъ ихъ Богъ да государь, какъ ему Богъ на сердце положитъ".

Управляясь такимъ образомъ съ главными князьями, братьями и племянниками, Іоаннъ еще самовластнѣе оканчивалъ съ князьями меньшими. Едва замѣчали современники, какъ исчезали послѣдніе слѣды удѣловъ, уцѣлѣвшихъ въ лицѣ этихъ князей. Въ 1463 г. добровольно уступили Іоанну послѣднюю независимость свою князья ярославскіе; въ 1474 г. князья ростовскіе продали ему остальную половину Ростова. Зять Іоанна, князь рязанскій Василій скончался въ 1483 году. Іоаннъ не вступался въ его наслѣдство; дѣти Василія, Іоаннъ и Өеодоръ, подѣлили Рязанское княжество; Өеодоръ вскорѣ уступилъ свою часть великому князю (Перевитескъ и Старую Рязань). Іоаннъ умеръ въ 1500 году, передавъ малолѣтнему сыну Іоанну остатки Рязанскаго княжества: Переяславль, Ростиславль, Пронскъ. Мать его Агриппина и бабка Анна правили его именемъ; Өеодоръ же въ своей части считался только намѣстникомъ великаго князя. Анна скончалась въ 1501 г., и великій князь повелѣвалъ внукомъ и матерью его, какъ полный самовластитель.

Сынъ Іоанна III, Василій Іоановичъ, хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды удѣльной системы, и дѣйствительно, при немъ наступилъ конецъ удѣловъ: Рязань, которою уже Іоаннъ III распоряжался во время малолѣтства великаго князя Іоанна Іоанновича, была присоединена къ Москвѣ окончательно въ 1517 году. Послѣдній князь рязанскій Іоаннъ и мать его уже давно томились: онъ—въ темницѣ, она—въ монастырѣ. На нихъ взвели небывалыя преступленія. При набѣгѣ крымскаго хана Мехмета на Москву Іоаннъ успѣлъ бѣжать изъ темницы своей и погибъ безъ вѣсти; мать его умерла монахинею. Оставалось покончить только съ Шемякинымъ Василіемъ Ивановичемъ, внукомъ памятнаго Дмитрія Шемяки. Онъ вѣрно служилъ Василію, но былъ властителемъ сильнаго удѣла—Новгорода Сѣверскаго, а не простымъ царедворцемъ и помѣщикомъ, какъ другіе князья: Оболенскіе, Воротынскіе, Мосальскіе. Шемякина Василія Ивановича особенно ненавидѣлъ князь стародубскій Василій Семеновичъ, внукъ Ивана можайскаго, и безпрерывно клеветалъ на него. Откровенно оправдавшись однажды, Шемякинъ былъ потребованъ снова въ Москву въ 1523 г. Въ безопасности его ручался самъ митрополитъ. Шемякинъ довѣрчиво пріѣхалъ въ Москву, но былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ Литвою и за это былъ осужденъ на вѣчное заточеніе. Послали взять его княгиню, бояръ; княжество его присовоку-

пили къ великому княжеству Московскому; внукъ Шемяки погибъ въ своемъ безвѣстномъ заточеніи, и послѣдніе слѣды удѣловъ погибли навсегда. Напрасно троицкій игуменъ Порфирій вопіялъ о несправедливости, о нарушеніи слова митрополитова: его принудили оставить Троицкую обитель и сослали на Бѣлоозеро. Митрополитъ, не обинуясь, хвалился тѣмъ, что избавилъ своимъ вѣроломствомъ Русскую землю отъ *запазушнаго врага.*

LXXXIV. ПОСТЕПЕННОЕ ПАДЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО.

(*По исторіи „Новгорода Великаго". Бѣляева*).

По мѣрѣ того, какъ усиливалось Московское княжество, отношенія его къ Новгороду становились такими, что ясно обнаруживали стремленіе московскихъ князей оттянуть себѣ разныя новгородскія волости, стѣснить самостоятельность самаго Новгорода и, наконецъ, уничтожить ее окончательно. Между тѣмъ, въ самомъ Новгородѣ не хватило силъ и единодушія для предотвращенія этой серьезной опасности. Бояре, все сильнѣе и сильнѣе захватывающіе въ свои руки правительство, преслѣдуютъ главнымъ образомъ свои эгоистическія цѣли, сбываютъ общественныя дѣла кой-какъ. Всѣхъ заѣдаютъ личныя выгоды; любовь же къ отечеству ежели и проявляется, то только по старымъ воспоминаніямъ о славныхъ боевыхъ временахъ. Когда московскіе князья оттягиваютъ отъ Новгорода одну область за другой, Новгородъ не напрягаетъ усилія для того, чтобы защитить свои торговые интересы, которые должны были неминуемо страдать отъ продолжительныхъ и энергическихъ войнъ, предпочитаютъ откупаться деньгами отъ нападеній того или другаго князя, доставляя такимъ образомъ своему отечеству далеко не почетный и не прочный миръ.

Уже Иванъ Калита неоднократно опустошалъ новгородскія области и бралъ дань съ Новгорода какъ на себя, такъ и на татарскаго хана. Такъ же велъ себя по отношенію къ Новгороду и Семенъ Ивановичъ. По смерти послѣдняго, новгородцы порѣшили прервать связи съ Москвою и избрали своего князя Константина Суздальскаго.

Но желанія Новгорода порвать такимъ образомъ связи съ Москвою не осуществились: послѣ смерти Константина новгородцы принуждены были признать своимъ княземъ Іоанна Іоанновича, а когда, по его смерти, сынъ его Дмитрій добился ярлыка въ Ордѣ, то былъ признанъ княземъ и въ Новгородѣ. Новый московскій князь сначала жилъ мирно съ Новгородомъ. Новгородъ помогалъ ему дѣятельно въ борьбѣ съ Тверью, а послѣ того, какъ послѣдняя была побѣждена, получилъ по мирному договору значительныя выгоды.

Пока великій князь московскій былъ занятъ войною съ Мамаемъ, а потомъ Съ Тохтамышемъ и другими болѣе близкими для него дѣлами, новгородцы попрежнему наслаждались миромъ со всѣми сосѣдями и пользовались ихъ уваженіемъ, а иные изъ сосѣдей даже искали помощи и покровительства у Новгорода.

Зимою 1384 г. отъ в. князя Дмитрія изъ Москвы пріѣхали его бояре брать черный боръ по новгородскимъ волостямъ. Новгородцы, всегда неохотно платившіе черный боръ, завели споръ съ боярами великаго князя и отъ чернаго бора перешли къ другимъ обидамъ. Новгородскіе бояре нѣсколько разъ ѣздили на Городище тягаться съ княжими боярами объ обидахъ и, не покончивъ тяжбы, принудили московскихъ бояръ бѣжать съ Городища въ Москву, даже не добравши чернаго бора. Мало этого—на другой годъ на вѣчѣ бояре и дѣти боярскія и житые и черные люди, всѣ пять концовъ, по общему приговору, торжественно цѣловали крестъ: не зваться на судъ къ митрополиту, ни къ великому князю и его представителямъ. Такимъ приговоромъ вѣча новгородцы за одинъ разъ порѣшили свои мирныя отношенія и къ митрополиту, и къ князю, ибо и у того, и у другаго отняли всѣ судебныя пошлины.

Послѣ такого рѣшительнаго поступка со стороны новгородцевъ Дмитрію Ивановичу оставалось одно—начать войну съ Новгородомъ, и онъ, дѣйствительно,

открылъ походъ противъ Новгорода. Новгородцы, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно отправили къ князю своихъ посланниковъ. Великій князь поспѣшилъ заключить миръ на всей старинѣ новгородской и на условіяхъ уплаты 8000 руб. за грабежи повольниковъ и недобранной княжчины.

По смерти вел. князя Дмитрія Ивановича, новгородцы, какъ только узнали, что его сынъ Василій Дмитріевичъ утвержденъ татарскимъ ханомъ на великомъ княженіи, немедленно отправили въ Москву своихъ пословъ которые отъ имени Новгорода заключили миръ по старинѣ, и в. князь Василій Дмитріевичъ, принявши всѣ предложенныя ему условія, прислалъ въ Новгородъ своего намѣстника.

Зимою 1391 г. прибылъ въ Новгородъ Кипріанъ, митрополитъ московскій и всея Россіи, съ епископомъ рязанскимъ, и былъ принятъ владыкою новгородскимъ и всѣмъ Новгородомъ съ большими почестями: владыка съ духовенствомъ выходилъ его встрѣчать съ крестомъ и иконами. Митрополитъ пріѣзжалъ въ Новгородъ затѣмъ, чтобы убѣдить новгородцевъ уничтожить докончательную грамату, по которой они семь лѣтъ тому назадъ цѣловали другъ другу крестъ не зваться на митрополичій судъ въ Москву, и прожилъ поэтому двѣ недѣли, много говорилъ съ новгородцами и представлялъ разныя убѣжденія; но его убѣжденія на нихъ не дѣйствовали, они наотрѣзъ сказали ему, что граматы не раздерутъ, и онъ съ большимъ нелюбьемъ на Новгородъ уѣхалъ въ Москву.

Нелюбье митрополита отозвалось Новгороду войною съ в. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Въ 1393 г. в. князь прислалъ въ Новгородъ требованіе, чтобы новгородцы прислали свою докончательную грамату митрополиту, прибавляя къ тому „а что на этой граматѣ вы цѣловали крестъ, то митрополитъ этотъ грѣхъ снимаетъ съ васъ“. Новгородъ на это требованіе отвѣчалъ отказомъ, и в. князь, получившій этотъ отказъ, немедленно началъ войну, взялъ Торжекъ, Волокъ-Ламскій и Вологду съ волостьми и опустошилъ другія новгородскія владѣнія; новгородцы же, въ отвѣтъ на это нападеніе, сами напали на великокняжескія владѣнія, сосѣднія съ Заволочьемъ, и взяли города Устюжну, Устюгъ и даже Бѣлоозеро, произвели тамъ страшное опустошеніе и воротились домой съ добычею и множествомъ плѣнниковъ; но, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, удачно начатую, новгородское вѣче, очевидно, руководимое сильными людьми, тяготившимися военными расходами и терпѣвшими въ военное время большіе убытки по торговлѣ, вдругъ перемѣнило образъ дѣйствія и, не смотря на успѣхи войны, первое подалось на миръ и отправило свое посольство къ великому князю и митрополиту. Посольство это не только отослало къ митрополиту окончательную грамату, изъ-за которой началась война, но и согласилось на такія уступки со стороны Новгорода, которыхъ можно бы было ожидать только послѣ значительныхъ пораженій въ войнѣ, а не послѣ недавнихъ успѣховъ; оно уступило великому князю черный боръ, на который прежніе новгородцы обыкновенно смотрѣли, какъ на безчестіе господина Великаго Новгорода, и соглашались на него только въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мало этого, вѣче согласилось еще сдѣлать в. князю и митрополиту небольшую приплату деньгами.

Между тѣмъ, в. князь московскій Василій Дмитріевичъ составилъ себѣ планъ отдѣлить отъ Новгорода Заволочье, или Двинскую область. Заволочьемъ преимущественно владѣли богатые новгородскіе бояре, которые имѣли тамъ свои обширныя земли съ городами и селами; они нерѣдко производили смуты даже въ самомъ Новгородѣ, а въ своихъ владѣніяхъ были почти полными, самостоятельными владыками, а посему многіе изъ нихъ тяготились зависимостью тамошняго края отъ новгородскаго вѣча. Къ этимъ-то своевольнымъ богачамъ великій князь московскій обратился съ разными обѣщаніями и ласками, съ нѣкоторыми изъ нихъ вошелъ чрезъ своихъ агентовъ въ тайныя сношенія, обѣщая Двинской области, подъ своимъ покровительствомъ, такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался самъ господинъ Великій Новгородъ. Наконецъ, это тайное дѣло доведено было до того, что въ 1397 г. московскій в. князь прислалъ въ Заволочье на Двину своихъ бояръ, которые княжимъ именемъ объявили всю Двинскую область свободною и сказали на тамошнемъ вѣчѣ: „разорвите всѣ связи съ Новгородомъ и поцѣлуйте крестъ къ великому князю: онъ хочетъ оборонять васъ отъ Новгорода и стоять за васъ“. Новгородцамъ на этотъ разъ удалось смирить измѣнившихъ имъ двинскихъ бояръ оружіемъ. Но въ 1401 г. московскій князь напалъ на Заволочье безъ объявленія войны. Мало этого, вел. кн. до того простеръ свое презрѣніе къ Новгороду, что предъ нападеніемъ на Заволочье велѣлъ митрополиту Кипріяну вызвать новгородскаго владыку Іоанна въ Москву, какъ-бы на

соборъ по святительскимъ дѣламъ, и засадилъ его въ монастырь. Московская рать, посланная съ новгородскими измѣнниками, пользуясь нечаянностью нападенія, хотя страшно опустошила Двинскую землю, посѣкла и повѣшала множество беззащитнаго народа, но могла только разбойничать и потѣшаться надъ беззащитными, невооруженными, а какъ скоро пришлось ей имѣть дѣло съ ратными людьми, то она оказалась такою ничтожною и неспособною, что даже не потребовалось особой новгородской рати, чтобы остановить ея разбойничьи успѣхи.

Всѣ эти оскорбленія новгородское правительство сносило терпѣливо и, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даже не считало ихъ нарушеніемъ мирныхъ договоровъ. Князь московскій продолжалъ держать за собою Торжекъ, Волокъ-Ламскій и Бѣжецкій Верхъ, томилъ въ заключеніи новгородскаго владыку и знаменитыхъ бояръ, а правители Новгорода протестовали противъ этого только тѣмъ, что удерживали нѣкоторыя княжескія пошлины, слѣдовавшія съ новгородскихъ волостей[1] и не признавали законнымъ насильственнаго задержанія своего владыки въ Москвѣ и посему не выбирали себѣ новаго владыки. Иныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было: они были какъ-бы довольны неопредѣленнымъ и унизительнымъ положеніемъ Новгорода, нѣтъ даже извѣстій о какихъ-либо посольствахъ и жалобахъ на оскорбительныя отношенія московскаго князя.

Между тѣмъ, в. кн. Василій Дмитріевичъ хотя съ 1397 г. постоянно держалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ, слѣдовательно признаваемъ былъ новгородцами своимъ княземъ, тѣмъ не менѣе не оставлялъ замысловъ при удобномъ случаѣ отнять у Новгорода ту или другую область и давалъ у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ и бѣглецамъ новгородскимъ, всѣмъ недовольнымъ новгородскими порядками, чтобы при случаѣ употребить ихъ противъ Новгорода. Великій князь не разрывалъ съ Новгородомъ мира и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ даже тогда, когда, въ 1419 году, новгородцы, по старому обычаю давать у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ приняли къ себѣ изгнаннаго в. княземъ брата его Константина Дмитріевича, дали ему свои пригороды и назначили въ его пользу по всей новгородской волости особый сборъ подъ именемъ коробейщины, такъ что въ одно и то же время сидѣли въ Новгородѣ и намѣстникъ великокняжескій князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, и врагъ великаго князя, братъ его князь Константинъ Дмитріевичъ, и въ 1420 г. оба вмѣстѣ, отъ имени Новгорода, вели переговоры съ нѣмецкими послами и заключили съ нѣмецкимъ орденомъ миръ по старинѣ.

Смерть в. кн. Василія Дмитріевича вполнѣ показала, что новгородцы, одержимые внутреннимъ недугомъ, разъѣдающимъ ихъ общество, рѣшительно утратили способности продолжать независимое и самостоятельное существаніе. По смерти Василія Дмитріевича, въ Москвѣ началась усобица между его малолѣтнимъ сыномъ Василіемъ Васильевичемъ и братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Усобица эта продолжалась 10 лѣтъ и давала новгородцамъ всю возможность утвердить и обезпечить самостотельность и независимость Великаго Новгорода; а между тѣмъ, на дѣлѣ они не только не позаботились объ этомъ, но даже не подумали воротить своихъ волостей, отнятыхъ покойнымъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ; они во все это время оставались безъ князя и, по старому новгородскому обычаю—не принимать участія въ княжескихъ усобицахъ, только ждали, кто изъ спорящихъ князей одержитъ окончательный верхъ, не вступая даже въ договоръ ни съ однимъ изъ соперниковъ и давая свободу современнымъ обстоятельствамъ складываться безъ новгородскаго участія. Во все это время Великій Новгородъ, съ виду сильный и богатый средствамы, подобно одряхлѣвшему богатырю съ разбитыми ногами, только отмахивался, когда на него нападали, самъ же не двигался съ мѣста и не предпринималъ ничего по собственному замышленію.

Между тѣмъ, въ 1432 г., по ханскому суду, Василій Васильевичъ былъ объявленъ великимъ княземъ. Недовольный такимъ ханскимъ рѣшеніемъ, князь Юрій Дмитріевичъ началъ войну съ племянникомъ, и въ 1434 г. занялъ Москву, а Василій Васильевичъ, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ въ Новгородъ и засѣлъ съ своею небольшою дружиною на Городищѣ. Новгородцы такъ мало знали о дѣлахъ въ великомъ княженіи Московскомъ, что при появленіи князя вооружились и думали отражать нападеніе спасающагося бѣгствомъ князя; но, не видя нападенія, воротились, а Василій Васильевичъ, проживши на Городищѣ три недѣли и два дня, удалился сперва на Москву и Кострому, а потомъ въ Нижній-Новгородъ. А въ это время внезапно скончался въ Москвѣ в. кн. Юрій Дмитріевичъ, и сыновья его, поссорясь между собою, отдали Москву Василію Васильевичу. Ва-

силій Васильевичъ, утвердившись въ Москвѣ, обратилъ вниманіе на Новгородъ. Не желая упустить изъ виду этого важнаго владѣнія, онъ въ 1435 г. вступилъ въ переговоры съ новгородцами, а на первый разъ, чтобы получить право быть новгородскимъ княземъ, цѣловалъ къ Новгороду крестъ на томъ, что онъ отступается отъ новгородскихъ отчинъ: Бѣжецкаго Верха, Волока-Ламскаго и Вологды, но не исполнилъ этого обѣщанія и отъ взимавшихся прежде поборовъ не отказался.

Уступая московскому князю, новгородцы также вяло дѣйствовали и въ отношеніи къ вел. кн. литовскому. До насъ дошла договорная грамата Новгорода съ Казиміромъ, относящаяся къ 1440 г. или около этого времени. Изъ этой граматы мы видимъ, что литовскій князь также получилъ право не только сбирать черный боръ съ нѣкоторыхъ новгородскихъ владѣній, но даже держать своихъ тіуновъ, вмѣстѣ съ новгородскими тіунами, въ Великихъ Лукахъ и Ржевѣ. Слѣдовательно, отношенія Новгорода къ Литвѣ, судя по этой граматѣ, едва-ли не были тяжелѣе и постыднѣе, чѣмъ отношенія къ Москвѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій, какъ литовскій князь успѣлъ поставить Новгородъ въ такія унизительныя отношенія; но, тѣмъ не менѣе, отношенія эти, по свидѣтельству граматы, существовали и ясно указываютъ на то омертвѣніе, въ которомъ находилось тогдашнее новгородское правительство, и на ту безчестность, съ которою вожаки новгородскаго вѣча продавали владѣнія и права господина Великаго Новгорода.

Вѣроятно, узнавши о договорѣ новгородцевъ съ в. кн. литовскимъ и не откладывая въ дальній ящикъ, в. кн. Василій Васильевичъ въ 1441 г. объявилъ свой гнѣвъ Новгороду и прислалъ окладную грамату, а вслѣдъ затѣмъ самъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ новгородскія владѣнія, имѣя при себѣ также и войска изъ Пскова и Твери. Новгородцы поспѣшили выслать своего архіепископа Евфимія и съ нимъ бояръ и житьихъ людей, которые и заключили миръ на томъ условіи, чтобы Новгородъ заплатилъ в. князю 8000 руб. и чтобы новгородцы не мстили великокняжескимъ союзникамъ, псковичамъ и тверитянамъ, послѣ чего московскія, псковскія и тверскія войска немедленно очистили новгородскія владѣнія, и великій князь остался княземъ новгородскимъ на прежнихъ условіяхъ. Новгородъ за уступчивость передъ литовскимъ княземъ поплатился опустошеніемъ Новгородской земли и платежемъ 8000 руб. окупа московскому князю.

Между тѣмъ, внутреннее состояніе Новгорода постепенно ухудшалось. Вмѣсто суда и правды, день-ото дня росли своеволія и притѣсненія бѣдныхъ богатыми. Митрополитъ Іона, въ своихъ посланіяхъ къ новгородскому владыкѣ Евфимію и къ новгородцамъ, писанныхъ въ это время, пишетъ: „Слышалъ я, сынове, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло створяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ, отъ великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинается гнѣвъ и оттого ярость, и свары, и прекословія, и многонародное сбираніе съ обѣихъ сторонъ; мало этого, нанимаютъ на это злое и богоненавистное дѣло сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣковъ и бои замышляютъ и кровопролитія и души христіанскія губятъ". Наконецъ великій князь Василій Васильевичъ, поуправившись съ другими дѣлами, зимою 1456 года открылъ походъ на Новгородъ. Прослышавши объ этомъ, новгородцы отправили къ нему посадника Василія Степанова съ челобитьемъ, чтобы отложилъ свой гнѣвъ; но великій князь не принялъ этого посланника, вступилъ съ войсками въ землю Новгородскую. Новгородцы выслали свою рать, но были разбиты и потеряли много своихъ убитыми и плѣнными. Это пораженіе навело ужасъ на Новгородъ: слабое и непользующееся довѣріемъ правительство не знало, что дѣлать; немедленно собралось вѣче, на которомъ били челомъ владыкѣ Евфимію, чтобы шелъ умолять великаго князя. Владыка Евфимій съ большимъ новгородскимъ посольствомъ отправился въ великокняжескій станъ въ Яжелбицѣ и многими просьбами убѣдилъ великаго князя заключить миръ, по которому новгородцы обязались заплатить 8500 рублей и соглашались на новыя, небывалыя отношенія къ великому князю. Во 1-хъ, важное измѣненіе касалось суда, этой главной обязанности новгородскаго князя. По прежнему порядку, князь или его намѣстникъ участвовали только въ одномъ посадничьемъ судѣ; по настоящей же граматѣ, кромѣ посадничья суда, былъ учрежденъ еще другой судъ: отъ князя и отъ Новгорода назначалось по боярину, и если эти бояре-судьи не могли согласиться въ рѣшеніи дѣла, то его рѣшалъ князь съ посадникомъ; къ этому суду относились только тѣ дѣла, въ которыхъ одинъ изъ тяжущихся былъ княжій человѣкъ, а

другой — новгородецъ. Во-2-хъ, отмѣнена въ судныхъ дѣлахъ печать великаго Новгорода, и ея мѣсто заступила печать великаго князя. Въ-3-хъ, отъ опредѣленнаго суда великокняжескихъ намѣстниковъ или самого великаго князя никто не долженъ отговариваться другими дѣлами, исключая двухъ случаевъ—когда нужно сбираться на войну или укрѣплять городъ. Въ-4-хъ, вѣчевымъ граматамъ не быть, т. е. мимо суда княжескаго не быть суду и рѣшенію суда вѣчемъ, или на судъ князя нельзя приносить жалобъ вѣчу. Въ-5-хъ, когда придется великимъ князьямъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, то новгородцамъ дать черный боръ по старинѣ; этимъ условіемъ навсегда отстранялись всѣ споры Новгорода о черномъ борѣ, такъ много ссорившіе Новгородъ съ князьями. Въ-6-хъ. Новгородъ этою граматою навсегда отказался отъ стариннаго и самаго важнаго права—давать убѣжище побѣжденнымъ и изгнанникамъ, названнымъ лиходѣями великаго князя. За всѣ эти уступки со стороны Новгорода великій князь возвратилъ Новгороду Торжекъ со всѣми волостями и тѣ волости, которыя онъ занялъ въ Заволочьѣ.

Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю и старшему его сыну соправителю, и такимъ образомъ терялъ право выбора князей въ случаѣ смерти Василія, слѣдовательно, поступалъ въ разрядъ наслѣдственныхъ владѣній московскаго княжескаго дома; и посему отступленіе отъ московскихъ князей уже должно было считаться измѣною, нарушеніемъ договора. Мало этого—новгородцы даже въ сношеніяхъ съ сосѣдями, послѣ яжелбицкаго мира, должны были спрашиваться у великаго князя московскаго; такъ, напримѣръ, когда въ 1461 году нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ для заключенія перемирія, то и новгородцы приступили къ заключенію перемирія лишь тогда, когда получили на это дозволеніе отъ великаго князя. Конечно, такія стѣснительныя, необычныя отношенія не могли быть желательны Новгороду, и новгородцы, естественно, ими тяготились; но послѣднія договорныя граматы поставили ихъ въ такое безвыходное положеніе, что всякое движеніе, несогласное съ этими граматами, дѣлало ихъ нарушителями договора и, слѣдовательно, виноватыми, а всякое притязаніе московскаго князя ежели не справедливымъ, то извинительнымъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого невыгоднаго положенія было только прямое возстаніе и, слѣдовательно, новая война съ великимъ княземъ. Но положеніе, въ которомъ тогда находился Новгородъ, какъ мы видѣли выше изъ посланій митрополита Іоны, было вовсе неудобно ни для прямого возстанія, ни для войны; Новгородъ для успѣха въ томъ и другомъ прежде долженъ былъ возстать самъ на себя, отыскать силы для перестройки собственнаго общества, вычистить ту гниль и тлю, которая его разъѣдала, а до этого новгородцы и не думали добираться, да едва-ли и могли что-нибудь сдѣлать.

LXXXV. ПОКОРЕНІЕ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА ІОАННОМЪ III.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. V).

Особенный бытъ Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимымъ слѣдствіемъ ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ московскимъ. Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, началъ тяготиться тѣмъ, что Новгородъ не воздаетъ ему достойной чести,—ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей; понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ непріятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Васильева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сто-

ронѣ. Кромѣ великаго князя московскаго, былъ еще великій князь литовскій, который назывался также и русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ сѣверо-восточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчинъ, угрожаемые княземъ московскимъ; къ нему обратилась и новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій былъ католикъ; отложиться отъ московскаго князя и поддаться литовскому, отложиться отъ московскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію,—въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго русскаго народонаселенія,—значило измѣнить православію, прижиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Мысль о подданствѣ великому князу литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ. Такимъ образомъ, Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, обѣщавшаго вѣрную побѣду. Этотъ союзникъ былъ—православіе.

Въ Москвѣ не могли не знать о существованіи литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе неопасно для православія, что въ старомъ Кіевѣ такой же православный митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Въ челѣ стороны литовской стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Вдова Исака Борецкаго, Мароа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла родного города. Существованіе сильной стороны, враждебной Москвѣ, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ новгородцахъ послѣ похода Василія Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Васильева: въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пошлины, стали заводить опять за себя земли и воды, уступленныя прежде по суду Москвѣ; съ большого вѣча шумная толпа людей являлась на княжескій дворъ, на Городище, бранила, безчестила намѣстниковъ, посла Іоаннова. Наконецъ, новгородскіе порубежники нападали на волости московскія.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ ноябрѣ 1470 года, умеръ новгородскій владыка Іона, а черезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ кіевскаго князя-намѣстника Семена, Михаилъ Александровичъ или Олельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казиміра, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы и былъ принятъ съ честью. Принимать съ честью князей литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостью для Новгорода, и подобные пріемы прежде не вели къ разрыву съ московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ. Такъ и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути намѣстникамъ Іоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія: теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у великаго князя литовскаго? При рѣшеніи этого вопроса городъ раздѣлился на двѣ стороны.

Чрезъ десять дней послѣ смерти Іоны посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у св. Софіи, положили три жребія на престолѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника, и Θеофила, ризничьяго архіепископскихъ; вынулся жребій Θеофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ на сѣни и, по старинѣ, отправили посла въ Москву бить челомъ великому князю, просить опасной граматы для пріѣзда Θеофила и посвященія его въ архіепископы у гроба чудотворца Петра. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы. Великій князь велѣлъ сказать: „Отчина моя, великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Θеофилу велю быть у себя и у митрополита для постановленія безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Люди, не хотѣвшіе разрывать съ Москвою, и въ томъ числѣ Θеофилъ, обрадовались такому отвѣту. Но литовская партія не дремала и произвела смуту. На вѣчѣ раздались голоса: „Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ называться его отчиною. Мы люди вольные, не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казиміра!“ Въ отвѣтъ послышались крики стороны противной: „Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ! Нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита латинца“. Вѣчевая усобица должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду, за литовскимъ или московскимъ княземъ. Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки: приверженцы Литвы стали нанимать *худыхъ мужиковъ вѣчниковъ*, которые готовы стать за всякаго; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: „хотимъ за короля!“ и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за московскимъ княземъ. Наконецъ, литовская сторона осилила: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, мужами вольными: обязался держать на Городищѣ намѣстника вѣры греческой; намѣстникъ дворецкій и тіуны королевскіе, живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую землю подниметъ на Великій Новгородъ, то королю садиться на коня за Новгородъ со всею радою литовскою; король не отнимаетъ у новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной; и, гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ онъ и поставитъ себѣ владыку; римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей землѣ Новгородской. Если король помиритъ Новгородъ съ московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ по старымъ граматамъ, а въ иные годы чернаго бора ему не надобно. Король удержитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной граматѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.

Иванъ III, узнавъ о побѣдѣ литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами, „чтобы отчина его, новгородцы, отъ православія не

отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латинству не приставали, а ему бы, великому князю, челомъ били да исправились, а онъ, великій государь, жалуетъ ихъ и въ старинѣ держитъ". Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя граматы.

Всѣ эти увѣщанія не помогли: надобно было садиться на коня. Въ маѣ 1471 года великій князь созываетъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на новгородцевъ за ихъ отступленіе, но спрашиваетъ, выступать ли немедленно, или ждать зимы, потому что земля новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили выступить немедленно, и великій князь занялся распоряженіями къ походу.

Первый отрядъ, подъ начальствомъ кн. Холмскаго и боярина Ѳедора Давыдовича, въ числѣ 10000, выступилъ въ началѣ іюня къ Русѣ; за нимъ пошелъ отрядъ подъ начальствомъ кн. Оболенскаго-Стриги къ Вышнему Волочку и потомъ по Мстѣ; трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее; воеводамъ велѣно было распустить ратниковъ по многимъ мѣстамъ, жечь, плѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ неисправленіе къ своему государю великому князю. Самъ Іоаннъ выступилъ 20 іюня съ главными силами. Въ Торжкѣ явились къ нему воеводы тверскіе со многими людьми, явились и послы псковскіе съ объявленіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду.

Къ московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ; Великому Новгороду не было помощи ни откуда: король Казиміръ не трогался; даже князь Михаилъ Олельковичъ, услыхавъ о смерти брата своего Семена въ Кіевѣ, еще 15 марта уѣхалъ изъ Новгорода да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы. Новгородцы послали просить помощи у ордена; между тѣмъ, передовые полки, подъ начальствомъ кн. Холмскаго, сожгли Русу и на берегу Ильмени, у Коростыни, побили отрядъ новгородцевъ, которые, приплывъ озеромъ, хотѣли нечаянно напасть на москвичей. Въ Новгородѣ приверженцы Литвы, затѣявшіе войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отъ роду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ, набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло оно подъ начальствомъ степеннаго посадника Дмитрія Борецкаго по лѣвому берегу Шелони. Московскіе воеводы, не смотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4000, а у новгородцевъ до 40000), рѣшились вступить въ битву. Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, потеряли двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдители нашли и договорную грамату новгородцевъ съ Казиміромъ и отослали ее къ великому князю.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжелбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ пошелъ къ Русѣ и

вступилъ въ нее. Онъ ждалъ пословъ новгородскихъ съ челобитьемъ, но, вмѣсто того, получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется по-прежнему. Не смотря на шелонское пораженіе, не смотря на то, что здѣсь литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, не смотря на то, что гонецъ, посланный къ Казиміру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстью, что магистръ ливонскій не пропустилъ его черезъ свою землю,—не смотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Іоаннъ въ Русѣ, то всталъ сильный мятежъ, сторожа заняли стѣны и башни, перемѣняясь день и ночь, а люди попрежнему раздѣлились: одни хотѣли за Москву, а другіе за Литву.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: „Вы за короля задаваться хотѣли“, сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготовились защищаться, но скоро увидали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу; можно было найти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржанаго хлѣба поднялись на потребителей пшеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ. Это значило, что московская сторона взяла верхъ, и вотъ нареченный владыка Өеофилъ съ старыми посадниками и жилыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьѣ Шелони, на Коростынѣ. Іоаннъ принялъ новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, а далъ миръ Новгороду по старинѣ, но за новгородскую *проступку* взялъ 15500 рублей, кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ за ходатайство. Въ договорѣ, заключенномъ по старинѣ, новгородцы обязались: за короля и великаго князя литовскаго не отдаться никакою хитростью, быть съ Москвою неотступными и неразлучными, князей у великаго князя литовскаго на пригороды не просить и не принимать, на владычество выбирать по старинѣ и ставить владыку у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ. 1 сентября возвратился Іоаннъ въ Москву; того же 1471 года, въ декабрѣ, пріѣхалъ туда нареченный владыка новгородскій Өеофилъ и былъ посвященъ. Өеофилъ просилъ свободы новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу и отправилъ намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ по-прежнему. Казалось, что все уладилось; но такъ могло только казаться.

При ослабленіи власти княжеской, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей-соперниковъ, образовались стороны, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадника и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое дастъ имъ возможность собраться на вѣче; низложить соперниковъ и посту-

вить съ ними по ихъ же примѣру. Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи,—теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низверженію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій Ананьинъ съ 18-ю другими боярами своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей перерграбилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, имѣнія взялъ на тысячу рублей. Въ то же время староста Ѳедоровской улицы, Памфилъ, вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, бояръ Полинарьиныхъ, людей у нихъ перебилъ, имѣнія пограбилъ на 500 руб. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ имена извѣстныхъ враговъ Москвы; это обстоятельство можетъ навести на мысль, что здѣсь дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ—литовской и московской. 22-го октября 1475 года Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ, миромъ, но со многими людьми; Въ Вышнемъ Волочкѣ встрѣтилъ его посолъ отъ владыки Ѳеофила съ дарами, по всей дорогѣ встрѣчали его и жалобщики. За 90 верстъ отъ города встрѣтилъ князя владыка Ѳеофилъ, воевода новгородскій князь Василій Васильевичъ Шуйскій и посадникъ степенный Ананьинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ. На другой день пошли къ великому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третій явились главные жалобщики—двѣ улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины, и жаловались въ присутствіи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Іоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, потому что я хочу дѣло разсмотрѣть, и ты бы, богомолецъ мой, и вы, посадники, тогда у меня были: хочется мнѣ обиженнымъ управу дать". Новгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье, 26 ноября, обидчики и обиженные всѣ стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствіи Ѳеофила и старыхъ посадниковъ. Начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Посадникъ Ананьинъ, съ тремя главными товарищами, скованные, были отправлены въ Москву. Между тѣмъ, многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; ждать Іоанна, когда онъ опять пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе „на низу новгородца не судить", стали брать приставовъ и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. „Этого не бывало отъ начала, говорилъ лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого".

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій, послѣдній. Все было приготовлено; литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казиміра, безмолвствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на

московскаго князя, какъ на верховнаго судью; мало того, были въ Новгородѣ люди, которыхъ лѣтописецъ называетъ пріятелями вел. князя московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ московскаго намѣстника: надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ новгородскихъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ, вѣчевой дьякъ, которые въ челобитьѣ назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ, какъ земля ихъ стала, говоритъ лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только господиномъ. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь великій Новгородъ: „Какого они хотятъ государства? Хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобы тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?“ Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы назвали Іоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома Великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что новгородцы, услыхавъ запросъ посла московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ. Но пословъ московскихъ держали шесть недѣль съ честью, съ честью и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: „Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить, какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните, какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобы держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію“. Послы и преданные великому князю посадники отправились въ Москву и объявили здѣсь о новгородскихъ событіяхъ. Іоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстью о клятвопреступленіи новгородцевъ. „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили“.

Услыхавъ о вооруженіяхъ, новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомъ объ опасной граматѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и, не смотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отвсюду многочисленные полки къ Новгороду. Прежде, когда Іоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатные новгородцы съ подарками; теперь они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, Іоаннъ послалъ приказъ псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пищалями, самострѣлами, со всею приправою, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьѣ Шелони и дождаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода явились къ Іоанну владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми людьми и сталъ бить челомъ: „Господинъ *государь* князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи! Положилъ ты гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходитъ по Новгородской землѣ, кровь христіанская льется, смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобы кровь христіанская не лилась: господинъ

государь, пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и свелъ ихъ на Москву въ свой первый пріѣздъ: смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій". Великій князь не отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому Андрею Меньшому съ подарками, чтобы просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобы пожаловалъ—велѣлъ съ боярами поговорить: великій князь выслалъ къ нимъ троихъ бояръ на *говорку*. Послы предложили имъ такія условія: чтобы великій князь ѣздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей, велѣлъ бы судъ судить намѣстнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управятъ, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда пріѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвовъ на Москву не было; чтобы князь великій не велѣлъ своимъ намѣстникамъ владычнихъ судовъ судить и посадничьихъ; чтобы великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ новгородцами судились предъ намѣстникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на Городищѣ.

Вмѣсто отвѣта, великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять Городище и подгорные монастыри и, получивъ вѣсть, что приказаніе исполнено, велѣлъ сказать посламъ: „Сами вы знаете, что посылали къ намъ Назара, подвойскаго, и Захара, вѣчевого дьяка, и назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями; мы, великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылывали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но, кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести... Захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить".

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь. Новгородцамъ стало очень тяжко, потому что непріятель расположился въ ихъ же посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, они сначала сѣли всѣ въ осадѣ, Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, народъ сталъ волноваться: одни хотѣли биться съ великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, явился въ московскомъ станѣ опять владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми; послы били челомъ, чтобы государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ ему на сердце свою отчину жаловать? Отвѣтъ былъ прежній: „Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ". Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что, дѣйствительно, Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ и потомъ заперся.—„Если такъ,—велѣлъ отвѣчать Іоаннъ:—если ты, владыка, и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались предъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ, то объявляемъ, что хотимъ такого же государства нашего и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ". Послы просили, чтобы великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня

на размышленіе. Послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: „Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ Низовой землѣ на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть. Какое же послѣ этого будетъ мое государство?" Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ и государству великихъ князей урока не кладемъ; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ низоваго обычая не знаетъ,—не знаетъ, какъ наши государи великіе князья держатъ свое государство въ Низовой землѣ".—„Государство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ, чтобы было, на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ; а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ".

Шесть дней думали новгородцы объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14 декабря, владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущества не вступался, позвы отложилъ и службу имъ въ Низовую землю не наряжалъ. Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ, и получили въ отвѣтъ: „Не быть моему цѣлованію"; просили, чтобы бояре цѣловали крестъ,—и въ томъ получили отказъ; просили, чтобы, по крайней мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнулъ,—отказано и въ этомъ; наконецъ, просили, чтобы великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать,—и этого позволенія не дано.

13 января 1478 г. пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами и принесъ присяжную запись: писалъ ее дьякъ владычный, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложили по печати и со всѣхъ пяти концовъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житые и купцы передъ боярами великокняжескими. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князья Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его Ярославъ Оболенскій, а чрезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе помѣстились на дворѣ Ярославовомъ, самъ же великій князь продолжалъ жить въ станѣ и два раза только въѣзжалъ въ Новгородъ для слушанія обѣдни у св. Софіи, потому что въ Новгородѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Іоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго Марка Панфильева, боярыню Марѳу Борецкую съ внукомъ ея Василіемъ Ѳедоровымъ, еще пятерыхъ новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, имѣніе описалъ на себя; забраны были всѣ договоры, когда-либо заключенные новгородцами съ кн. литовскими. 17 февраля тронулся Іоаннъ изъ стана, 5 марта пріѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколъ и подняли на колокольню на площади Кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобы снова

подняться. Этотъ удобный случай не замедлилъ представиться, когда въ 1477 году ханъ Золотой орды, въ союзѣ съ Казиміромъ литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Іоанну дали тайно знать, что многіе новгородцы пересылаются и съ нѣмцами. Король обѣщалъ явиться съ полками и послалъ, съ одной стороны, къ хану Золотой орды звать его на Москву, а съ другой—къ папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей польскихъ и литовскихъ. Іоаннъ хотѣлъ предупредить Казиміра и застать врасплохъ новгородцевъ; взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ отправился 26 октября къ Новгороду *миромъ*, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Не смотря на то, въ Бронницахъ онъ получилъ вѣсть, что новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ, Іоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ онъ по-прежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться и перебѣгали къ москвичамъ: архіепископъ послалъ за опасною граматою, но Іоаннъ отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и государь вашъ; отворите ворота: когда войду въ городъ, невинныхъ ничѣмъ не оскорблю". А между тѣмъ разрушительная стрѣльба пушекъ не прекращалась. Наконецъ, ворота отворились, и владыка, посадника, тысяцкій (ибо новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти концовъ, бояре и народъ вышли навстрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ благословился у архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: „Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего", и отправился, по обычаю, къ св. Софіи, потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участіи владыки въ заговорѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ московскій Чудовъ монастырь подъ стражу; богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнулись смертной казни, 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по низовымъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачены были четверо новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась, и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ ихъ согражданъ пересылались съ королемъ; по этому доносу человѣкъ тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, домы ихъ разграблены, сами они подвергнуты пыткѣ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ на друга на пыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе.

Въ 1487 году переведено изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ купцовъ. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву

больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника великокняжескаго. Нѣкоторыхъ намѣстникъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владиміръ, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ и дѣти боярскіе и купцы.

LXXXVI. СВЕРЖЕНІЕ ТАТАРСКАГО ИГА.

(Изъ „Исторіи русскаго народа", Полевого).

Утративъ Новгородъ, Казиміръ вошелъ съ ханомъ Золотой орды, Ахматомъ, въ дружескія сношенія и возбуждалъ его на Русь, обѣщая сильную помощь. Еще въ 1465 году Ахматъ собралъ было свои полчища и пошелъ на Москву; но на берегахъ Дона встрѣтилъ его непримиримый врагъ, крымскій ханъ. Крымцы и ордынцы сразились, дрались, Москва осталась спокойною. Въ 1468 г. ордынцы набѣгали на Рязань и были отбиты. Еще не вступая тогда въ битву открытую, Іоаннъ послалъ предложить Ахмату миръ.

Но ханъ уже ничего не слушалъ и лѣтомъ 1472 года быстро пошелъ на Москву. Іоаннъ былъ готовъ къ отпору. Даніилъ Холмскій и Стрига-Оболенскій выступили 16 іюля къ берегамъ Оки. Мать и сынъ Іоанна удалились въ Ростовъ. Братья его двинулись за Холмскимъ. Узнавъ, что Ахматъ стоитъ уже близъ Оки съ полчищами многочисленными, 30 іюля выѣхалъ изъ Москвы самъ Іоаннъ и остановился въ Коломнѣ. Ахматъ окружилъ Алексинъ, жители соглашались дать ему окупа пять рублей. „Дайте еще шестой рубль женѣ моей!" говорилъ ханъ. Трусливый воевода алексинскій бѣжалъ, но жители не сдавались. Монголы зажгли городъ и грабили его. Юрій, братъ Іоанна, и другіе воеводы плакали отъ досады, видя невозможность перейти черезъ рѣку и пособить храбрымъ алексинцамъ. Ободренные неподвижностью русскихъ, монголы бросились черезъ Оку вплавь, напали на русскій отрядъ и погнали его. Тутъ прискакалъ на битву сынъ князя верейскаго, Василій Удалый, сбилъ монголовъ, вогналъ ихъ въ Оку. Разспрашивая плѣнныхъ, узнавъ, что самъ Іоаннъ идетъ съ вспомогательнымъ войскомъ, не видя Казиміровой помощи, Ахматъ съ досадою поворотилъ, началъ отступать и наконецъ побѣжалъ, такъ что Іоаннъ велѣлъ преслѣдовать его, и монголы въ шесть дней достигли улусовъ своихъ, употребивъ шесть недѣль на походъ до береговъ Оки. Этимъ до времени заключились дѣла съ Ордою.

Укротивъ Казань, покоривъ Новгородъ, помѣрявшись силою съ Ордою, Іоаннъ не переставалъ обращать вниманіе на Казиміра и монголовъ. Ни слова не было говорено съ королемъ польскимъ о томъ, что Новгородъ покорился ему и что Іоаннъ успѣлъ отнять у Польши эту богатую добычу, также и о томъ, что нашествіе ордынцевъ было слѣдствіемъ происковъ Казиміра. Съ обѣихъ сторонъ соблюдали миръ, старались прекратить прямые поводы къ войнѣ, пересылали посланниковъ; что у Казиміра было слѣдствіемъ безпечности и того, что онъ былъ занятъ со-

всѣмъ другими дѣлами въ Польшѣ, то у Іоанна оказалось дѣломъ политики дальновидной.

Онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть себѣ неутомимаго, вѣрнаго союзника, поставилъ его гибельнымъ врагомъ Польши, сдѣлавъ въ то же время губителемъ Золотой орды, и съ надеждою побѣды могъ уже осмѣлиться на униженіе государства Витовтова и Ягайлова. Этотъ новый союзникъ Іоанна былъ крымскій ханъ Менгли-Гирей. Хаджи-Гирей, почитаемый родоначальникомъ крымскихъ хановъ, умеръ вскорѣ послѣ битвы съ Ахматомъ въ 1465 году. Послѣ него осталось шесть или восемь сыновей. Старшій, Нордулатъ, занялъ мѣсто отца и былъ низвергнутъ среднимъ братомъ своимъ, Менгли-Гиреемъ. Нордулатъ бѣжалъ въ Литву и искалъ покровительства Казимірова, который поступилъ чрезвычайно неосторожно: обласкалъ Нордулата и обѣщалъ помощь. Отсюда начало вражды Менгли-Гирея противъ Польши. Іоаннъ свѣдалъ о событіяхъ въ Крыму и началъ искать дружбы новаго хана. Менгли-Гирей радъ былъ дружбѣ Іоанна и прислалъ къ нему грамату. Посолъ Менгли-Гирея въ 1473 г. въ Москвѣ утвердилъ первый дружескій оборонительный договоръ съ Крымомъ. Бояринъ Беклемишевъ поѣхалъ въ Крымъ съ соболями для подарковъ хану и его вельможамъ, условился о ежегодныхъ поминкахъ или подаркахъ, но не могъ уговорить Менгли-Гирея на войну противъ Польши; ханъ согласился на войну только противъ общаго врага Руси и Крыма— Золотой орды. Беклемишевъ возвратился съ новымъ посломъ ханскимъ и съ слѣдующею клятвенною записью: „Вышняго Бога волею, я, царь Менгли-Гирей, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ. Отъ дѣтей и на внучатъ быть намъ вездѣ заодно, другу—другомъ, недругу—недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею, твоей земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевать, ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни казакамъ; а безъ нашего вѣданія повоюютъ, намъ ихъ казнить, а взятое и головы людскія безъ окупа отдать. Пошлинъ между нами никакихъ нѣтъ, и послы наши ходятъ безъ пошлинъ. Во всемъ томъ я, Менгли-Гирей съ моими уланами и съ сыновьями, тебѣ, брату Ивану, молвя крѣпкое слово, клятву далъ жить по сему ярлыку“.

Іоаннъ отправилъ въ Крымъ боярина Старкова съ новыми подарками и подробными наставленіями. Льстя самолюбію Менгли-Гирея, онъ правилъ ему челобитья, называлъ его царемъ, хотя ханъ писалъ къ нему только поклонъ, называя его великимъ княземъ.

Но, дружески сносясь съ Менгли-Гиреемъ, Іоаннъ думалъ и о другомъ. Онъ принялъ къ себѣ казанскаго царевича Муртозу и далъ ему во владѣніе Новгородъ-Рязанскій; принялъ также и врага Менгли-Гиреева Зенебека, увѣривъ Менгли-Гирея, что дѣлаетъ это для его безопасности. Іоаннъ не прекращалъ сношеній и съ Золотою ордою, даже изъявлялъ покорность хану Золотой орды.

Предосторожности Іоанновы вскорѣ оправдались. Братъ Менгли Гирея, Айдаръ, напалъ на него нечаянно и заставилъ его бѣжать. Менгли-Гирей укрылся у генуэзцевъ въ Кафѣ и вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ султану. Призванный врагами Генуи, турецкій флотъ осадилъ Кафу (въ 1475 г.), взялъ ее, и жители кафинскіе, а вмѣстѣ съ ними и Менгли-Гирей, увезены были въ Царьградъ. Это послужило, однакожъ, къ счастію бѣднаго хана: султанъ полюбилъ его, велѣлъ ему признать власть

оттоманскую и отправилъ его снова владѣть Крымомъ. Но бѣдствія Менгли-Гирея еще не кончились. Ахматъ уже ждалъ его со своими ордами, вступилъ въ Крымъ и принудилъ крымцевъ избрать въ ханы Зенебека, можетъ быть, нарочно отпущеннаго изъ Москвы въ это время Іоанномъ. По крайней мѣрѣ, Зенебекъ, будучи ханомъ крымскимъ, смиренно относился къ Іоанну, какъ благодѣтелю своему, и, чувствуя непрочность своего владычества, просилъ дать ему пристанище въ Руси, если онъ лишится ханства. Іоаннъ послалъ возобновить съ нимъ союзъ, заключенный при Менгли-Гиреѣ, и велѣлъ сказать Зенебеку: „Я былъ тебѣ другомъ, когда ты скитался бездомнымъ казакомъ и спрашивалъ меня, дамъ ли я мѣсто отдохнуть коню твоему, если онъ утрудится, ѣздя по полямъ; буду другомъ твоимъ всегда".—„Ты видишь власть мою",—говорилъ Іоанну Ахматъ чрезъ посла своего послѣ завоеванія Крыма,—„видишь, что я все дѣлаю, что захочу. Не надѣйся на Крымъ; иди и преклонись предо мною въ ордѣ моей!" Іоаннъ не оказалъ гнѣва за гордыя слова, отвѣчалъ ласково, отправилъ посла хитрить съ Ахматомъ, и вскорѣ перемѣна обстоятельствъ дала Іоанну средства совершить предпріятіе важное. Менгли-Гирей изгналъ Зенебека, снова овладѣлъ Крымомъ и извѣстилъ объ этомъ Іоанна. Зенебекъ бѣжалъ въ Русь; Іоаннъ умѣлъ переманить къ себѣ изъ Литвы Нордулата и Айдара; держалъ ихъ въ почетномъ плѣну и спѣшилъ хвалиться этимъ передъ Менгли-Гиреемъ. „Держу, берегу враговъ твоихъ, и ты безопасенъ; заключимъ же договоръ, какъ старые друзья: ты воюй Литву и отвлеки Казиміра, а я управлюсь съ Ахматомъ, злодѣемъ твоимъ". Менгли-Гирей соглашался на все, клялся въ этомъ послу Іоаннову, боярину Звенцу, и тайно принялъ отъ него особенную грамату съ золотою печатью: въ этой граматѣ Іоаннъ обѣщалъ, если Менгли-Гирей опять утратитъ Крымъ, принять его къ себѣ какъ друга и способствовать ему снова завоевать Крымъ.

Настало рѣшительное время. Судьба Золотой орды положена была на вѣсы судебъ. Послы Ахматовы горделиво явились въ Москву; Іоаннъ изорвалъ басму ханскую, прогналъ ихъ съ безчестіемъ и велѣлъ сказать Ахмату, чтобы онъ не смѣлъ посылать къ нему никого. Ахматъ изумился, не помнилъ себя отъ ярости, велѣлъ сбирать войско, клялся не оставить слѣдовъ Іоанна, переслался съ Литвою и въ 1480 году собралъ все, что могъ собрать, оставивъ беззащитными свои волжскіе улусы. Казиміръ обѣщалъ помогать Ахмату: лѣтомъ Ахматъ выступилъ съ береговъ Волги наказать дерзкаго князя московскаго.

Тогда открылась вся дѣятельность ума Іоаннова и обширная его политика. Крымъ закипѣлъ ратниками; сильныя толпы Менгли-Гиреевы ворвались въ Подолію. Казиміру некогда уже было послѣ этого помогать Ахмату. Нордулатъ съ русскими и татарскими дружинами и съ воеводою Поздреватымъ поплылъ по Волгѣ опустошать Ахматовы улусы. Объемля всѣ возможные способы дѣйствій, еще прежде, въ 1474 году, Іоаннъ отправилъ посла своего даже къ шаху персидскому, убѣждая его помогать въ войнѣ противъ волжской орды. Тѣмъ ревностнѣе сносился Іоаннъ съ ордами ногайскими, потомками Эдигеева заяицкаго царства, ненавидѣвшими Ахмата. Ногаи выступили немедленно, когда узнали о походѣ хана Золотой орды.

Такъ глубоко сообразилъ Іоаннъ свои предпріятія, хотя и былъ увѣренъ, что однѣхъ собственныхъ его силъ достанетъ управиться съ Ордою.

Ахматъ велъ, однакожъ, на Москву сильныя полчища. Надобно было противопоставить имъ силу. Іоаннъ не хотѣлъ ничего дѣлать наудачу, даже давать открытой битвы безъ предварительной увѣренности въ успѣхѣ. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ подданныхъ горячую ревность воинскую. Юный сынъ его, воеводы, войско, жители Москвы думали, что настало время Донского, и, какъ тогда, только храбрость и счастіе должны рѣшить борьбу; они видѣли въ походѣ Ахматовомъ нашествіе, подобное Мамаеву. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ лечь костьми за православную вѣру, и всѣхъ ревностнѣе дѣйствовало духовенство, не щадя пособій, словъ, молитвъ; оно благословляло, убѣждало идти сражаться съ погаными. Іоаннъ не выводилъ никого изъ заблужденія, думалъ иначе, но соглашался со всѣми. Іюня 8-го сынъ его выступилъ къ Серпухову: другіе воеводы заняли все теченіе Оки до впаденія въ нее рѣки Угры. Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы 23-го іюля и остановился въ Коломнѣ. Нетерпѣливо ждали въ Москвѣ извѣстія о побѣдѣ, о битвѣ великой; но время проходило, русскіе стояли по Окѣ и Угрѣ неподвижно и, къ ужасу, къ изумленію москвичей, Іоаннъ вдругъ возвратился въ Москву, велѣлъ сжечь посады московскіе, послалъ охранительныя дружины въ Переяславль, въ Дмитровъ, даже звалъ къ себѣ въ Москву сына своего и князя Даніила Холмскаго, знаменитѣйшаго изъ воеводъ. Уже и то не понравилось никому, что супруга и другія дѣти Іоанна были отправлены на дальній сѣверъ, и Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе. Новыя распоряженія Іоанновы показывали, что онъ ждетъ набѣга монголовъ на Москву и готовится къ осадѣ,—слѣдовательно, не надѣется устоять. „Государь оставляетъ войско, робѣетъ, не щадитъ насъ, спасаетъ только себя и дѣтей, не смѣетъ стать противъ врага", Такъ кричали москвитяне. Іоаннъ далъ имъ волю говорить, не поѣхалъ въ Кремль, остановился въ Красномъ селѣ, сказалъ, что пріѣхалъ въ Москву видѣться съ матерью и посовѣтоваться со святителями и боярами. „Нечего намъ совѣтовать, надобно сражаться!" отвѣчали ему всѣ. Горячѣе другихъ спорилъ Вассіанъ, архіепископъ ростовскій. Онъ называлъ Іоанна бѣгуномъ и грозилъ, что на него падетъ кровь, какую прольютъ татары. „Неужели смерти боишься?" восклицалъ Вассіанъ:—„но человѣкъ не безсмертенъ и рока своего не пройдетъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица! Я старъ и дряхлъ, но дай мнѣ войска твои, я пойду, устыжу тебя, не отвращу лица моего отъ враговъ!" Негодуя на Іоанна, народъ кричалъ, что въ казну сбирали съ нихъ на дань татарскую, какъ прежде, но великій князь не платилъ дани, разгнѣвалъ царя и теперь робѣетъ и бѣгаетъ отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Іоанну на призывъ его въ Москву: „Волей не иду отъ войска!" Пылкій юноша, сынъ Іоанна, также велѣлъ сказать отцу: „Лучше умру здѣсь, но въ Москву не пойду". Между тѣмъ, Іоаннъ спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ братьями, Андреемъ старшимъ и Борисомъ, и 3-го октября снова отправился изъ Москвы прямо на берега Угры.

Туда еще съ лѣта придвинулись всѣ силы Ахмата; но, узнавъ, что берега Оки заняты русскимъ войскомъ, Ахматъ двигался далѣе къ западу отъ Оки, къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія литовскія, звалъ Казиміра, не смѣлъ переправляться ни черезъ Оку, ни черезъ Угру и бездѣйствовалъ. Лѣто прошло, наступила осень; монголы обносились,

были голодны, терпѣли отъ холода. Октября 8-го они начали битву, пуская черезъ Угру стрѣлы; имъ отвѣтствовали изъ пищалей, и Ахматъ прекратилъ дѣйствія, опять остановился, велѣлъ собирать припасы. Іоаннъ пріѣхалъ въ это время къ войску и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ ханомъ, сталъ просить у него мира, длить время. „Пусть придетъ онъ самъ", говорилъ Ахматъ, ободрясь, возгордясь снова и думая, что Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался; „пусть станетъ у моего стремени и молитъ о милости!" Іоаннъ не соглашался. Ахматъ становился сговорчивѣе: упрекалъ, что уже девять лѣтъ не платятъ ему дани, соглашался на миръ, если отдадутъ ее за всѣ протекшіе годы, и если хотя не самъ Іоаннъ, то сынъ его придетъ поклониться, или братъ, даже какой-нибудь знатный вельможа,—соглашался, наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который привозилъ ему посулы въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахматъ еще разъ хотѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опаковымъ Городищемъ; опять монголовъ отбили. Октябрь миновалъ; морозы усилились; Ахматъ былъ въ отчаяніи, слыша, что Крымъ раззоряетъ Литву, и Казиміру не до помощи. Онъ самъ началъ трепетать каждаго движенія русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшительности.

Извѣстія о предложеніи мира и покорности монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство отправило къ Іоанну пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушаться совѣта лукавыхъ льстецовъ, не страшиться силы Ахматовой, надѣяться на Бога и заступленіе Богоматери и святыхъ, молилъ Іоанна вспомнить о клятвѣ своей, приводилъ примѣры изъ русской исторіи, тексты священнаго писанія, даже слова философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что князю надобно имѣть въ дѣлахъ умъ, противъ непріятелей храбрость, а къ своей дружинѣ привѣтъ и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе и приказалъ отступить отъ береговъ Угры, которую многіе называли поясомъ Богородицы, охраняющимъ землю Русскую. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за отступающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя поспѣшное отступленіе русскихъ, онъ боялся, что его заманиваютъ, обходятъ, и ноября 7-го поспѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идти прямо восвояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о раззореніи приволжскихъ улусовъ Нордулатомъ и движеніи ногаевъ на Волгу. Нордулатъ достигъ сарайскихъ обиталищъ хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія монголовъ, говорившихъ ему: „Что ты дѣлаешь? Ты губишь родную мать свою въ угожденіе князю московскому!" Дружины Нордулата благополучно возвратились по Волгѣ, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія.

Полчищъ Ахмата не осталось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его, Муртоза, осмѣлился-было на утекѣ напасть на одинъ русскій отрядъ, но бѣжалъ за отцомъ, слыша, что противъ него отовсюду двинулись полки русскіе.

Съ торжествомъ воротились дружины Іоанновы; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года установили навѣки совершать крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ 23-е іюня—день выступленія противъ Ах-

мата. Благодаря Менгли-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщалъ его о торжествѣ своемъ и погибели хана Золотой орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, истомленный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ толпами, Ахматъ въ бѣшенствѣ грабилъ литовскія земли, по которымъ шелъ, и достигнувъ Дона, хотѣлъ зимовать на берегахъ его. Ногаи ждали его тамъ; напали на него ночью, убили самого Ахмата, взяли его женъ, обозъ, дѣтей и совершенно истребили остальныхъ воиновъ его. Іоаннъ благодарилъ хана Ногайской орды, послалъ ему и другимъ ногаямъ подарки и началъ съ нимъ дружескія сношенія.

Современники не поняли мудрой, изумительной политики Іоанна; не видали битвъ и думали, что Іоаннъ явно робѣлъ, простоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень и не думая сражаться. Они называли даже отступленіе Іоанна къ Боровску бѣгствомъ отъ враговъ и жаловались, что супруга Іоаннова не только бѣжала отъ страха татарскаго, но и не унимала боярскихъ холопей, сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жителей. „Воздай Богъ по дѣламъ всякому, кто какъ дѣлалъ, а видно лучше любимъ мы женъ своихъ, нежели защиту церкви православной", говорятъ лѣтописцы. „Кто спасъ насъ отъ погибели?—Богъ и Пречистая Богоматерь Его, да угодники Божіи; пишемъ мы сіе не въ укоръ, но только ради того, что не долженъ никто хвалиться, несмысленный, и въ безуміи своемъ говорить: мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую! Умолкните, безумные; устыдитесь и воздайте лучше хвалу Богу Спасителю!" Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу современниковъ велерѣчивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Потомство судитъ безпристрастнѣе. Дѣйствіями Іоанна навѣки исчезла Золотая Сарайская орда. Не взятіемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году и походомъ на Угру въ 1480 году положенъ былъ предѣлъ власти ордынцевъ; исчезли дани, исчезъ и запустѣлъ Сарай. Остатки Ахматовой орды удалились съ сыновьями его далѣе, къ Каспійскому морю, и основались въ Астрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣти Ахмата назывались ордынскими ханами, замышляли вредить Крыму, заѣзжали даже за Днѣпръ, скитались по южнымъ областямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, истребляемы, утратили потомъ самое названіе ордынскихъ, принявъ имя астраханскихъ хановъ. Но когда великое дѣло истребленія ордынцевъ занимало Іоанна, онъ не оставлялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были: завоеваніе Перми, совершенное уничтоженіе вольности новгородской, истребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково осторожное мужество и свѣтлый умъ Іоанна, превышавшій современниковъ, ставившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропота людей, не понимавшихъ дѣлъ и мудрости Іоанновой.

LXXXVII. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЛИТОВСКОМУ ВЪ КОНЦѢ XV И ВЪ НАЧАЛѢ XVI СТОЛѢТІЙ.

(По соч. Карпова: „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ").

Князья, притѣсняемые великимъ княземъ московскимъ, надѣялись на Литву и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ граматахъ великаго князя съ князьями имя короля польскаго и князя литовскаго Казиміра упоминается почти постоянно, какъ имя врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ смыслѣ начинаетъ оно упоминаться послѣ похода Ахмата на Угру. Отъѣзжая изъ Россіи въ Литву, князья уносили туда съ собою только одни притязанія. Казиміръ не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи ихъ возвратить свое значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ-соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ были потомки старыхъ отъѣздчиковъ изъ Сѣверской Руси, Шемякинъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ удѣлъ Черниговъ, Стародубъ и др. мѣста, подъ бокомъ у Московскаго государства и на границѣ степей. Къ этимъ отъѣздчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этихъ князей и не ссылаться съ ними.

Граница Московскаго государства съ Литвою при Иванѣ III до девятидесятыхъ годовъ XV ст. была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казиміромъ. Такъ какъ Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣстахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ Ржеву. На юго-западѣ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило оффиціальное названіе страны князей. Одни изъ этихъ князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе—пожалованныя вел. князьями литовскими. Князья, имѣвшіе родовыя владѣнія, опредѣляли свои родовыя отношенія къ своему верховному господину посредствомъ договоровъ. Договоры съ князьями новосильскими, одоевскими и воротынскими показываютъ, что они заключались такъ, что въ нихъ стояли, съ одной стороны, в. князь литовскій, а съ другой—нѣсколько князей вмѣстѣ. Эти договоры сходны одинъ съ другимъ; вотъ ихъ содержаніе: „Били мы челомъ королю Казиміру, государю в. князю, чтобы принялъ насъ на службу по докончанію дяди своего, в. кн. Витовта. Намъ ему служить вѣрою во всемъ, безъ всякой хитрости и во всемъ быть послушными, а ему насъ въ чести держать и въ жалованіи, и въ докончаніи, какъ держалъ дядя его. Поступать намъ по королевской волѣ, и съ кѣмъ онъ будетъ миренъ, съ тѣмъ мы мирны; съ кѣмъ онъ немиренъ, съ тѣмъ и мы немирны. Королю и в. князю насъ защищать. Намъ безъ королевской и великокняжеской воли ни съ кѣмъ въ докончанія не вступать и никому не помогать. По смерти королевской намъ и нашимъ дѣтямъ служить тому, кто будетъ на литовскомъ престолѣ. Если послѣ насъ не будетъ потомковъ, то нашей землѣ отъ Литвы не отступать. Королю, или кто будетъ по немъ на литовскомъ престолѣ, въ наши земли не вступаться. Когда мы помремъ, то нашимъ дѣтямъ король, а потомъ и его дѣти должны дать такое же докончаніе, какъ теперь, и держать по немъ: если же при нашей жизни Божья воля останется надъ королемъ, то его дѣти должны дать намъ такое же докончаніе. Если докончаніе не будетъ дано, или по немъ насъ будетъ держать, то съ насъ крестное цѣлованіе долой, и намъ воля. Судъ намъ съ сосѣдями по старинѣ, а сопремся въ судѣ, то положить все дѣло на короля". Князь, вступающій въ службу къ в. князю литовскому, само собою разумѣется, давалъ присягу въ вѣрности за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался управлять вотчиной по старинѣ, а жителямъ ея приказывалось служить своему князю и быть ему послушными, какъ самому в. князю. Но такъ какъ въ докончаніяхъ говорилось, что великій князь обязанъ держать служебныхъ въ чести, жалованіи и защищать ихъ, то подобныя условія давали мѣсто частымъ недоразумѣніямъ и возможность князьямъ перемѣнить своего господина. Но въ девятидесятыхъ годахъ XV ст. такими верховными

господами были только двое: в. кн. литовскій и в. князь московскій. Великій князь литовскій и въ то же время король польскій, какъ государь двухъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенные интересы, естественно долженъ былъ быть государемъ слабымъ по своей силѣ. Занятый постоянно внутренней борьбой своихъ искусственно соединенныхъ между собою государствъ, в. кн. литовскій не имѣлъ возможности, подобно московскому, не допускать князей враждовать между собою. Они враждовали какъ изъ-за границъ своихъ владѣній, такъ и изъ-за владѣнія своими городами по роду и старѣйшинству. Эти князья въ своихъ ссорахъ за рѣшеніемъ обращались, на основаніи договоровъ, къ своему верховному государю, а такъ какъ король мало вмѣшивался и мало обращалъ вниманія на дѣла своихъ служебныхъ князей, то послѣдніе прибѣгали къ помощи собственной силы. Отъ этого въ странѣ князей, на восточной сторонѣ Днѣпра, происходила постоянная война. Въ ссоры служебныхъ литовскихъ князей вмѣшивались сосѣдніе служебные московскіе. Въ 1487 г. королевскій посолъ въ Москвѣ говорилъ, что одоевскіе князья, служащіе Москвѣ, приходили на отчину мезецкихъ князей, городъ осадили, но не взяли; потомъ, захвативъ много плѣнныхъ, ушли, пограбивъ волость. Князья мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что князья одоевскіе сами жаловались на князей мезецкихъ, нападавшихъ на ихъ отчину.

Ссоры литовскихъ князей не разрѣшалъ ихъ государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда сѣверо-восточная Русь была объединена около Москвы, тогда тамъ не поднималось никакого шума—все было тихо; когда же в. кн. литовскій сдѣлался врагомъ московскаго, назвавшаго себя „Государемъ всея Руси", то къ ссорившимся литовскимъ служебнымъ князьямъ стали являться посланцы изъ Москвы съ объявленіемъ, что государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречь, что они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возьмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ эти завоеванные города и въ ихъ собственные в. князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся на эти предложенія князьямъ посланцы в. кн. давали „правду"; эту правду потомъ подтверждали бояре. Князья при этомъ обязывались иного государя, кромѣ московскаго, не искать и надъ воеводами, которыхъ къ нимъ пришлютъ, никакого лиха и хитрости не учинять. Для пріѣзда въ Москву князьямъ давались опасныя граматы. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ XV ст. начинаются отъѣзды князей изъ литовской службы въ московскую. Князья отъѣзжали при этомъ со своими отчинами, а московскій государь принималъ ихъ. Первый, начавшій это дѣло, былъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ королю человѣка сложить съ себя свое крестное цѣлованіе. Король князя Воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а жаловался Ивану III, что князь пограбилъ предъ отъѣздомъ смоленскихъ мѣщанъ. Отвѣчая на жалобы короля по поводу Воротынскаго, Иванъ III говорилъ: „Король Казиміръ напрасно называетъ князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; эти князья и прежде служили на обѣ стороны". Вскорѣ пріѣхалъ служить Москвѣ и другой Воротынскій, Дмитрій Өеодоровичъ; послѣ него—князь Бѣльскій. Король не выпускалъ и этихъ князей изъ своей службы и объяснялъ московскому государю, что дѣлаетъ это на основаніи докончанія князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами, потому что, по докончанію, эти отчины, если и родъ княжескій прекратится, должны принадлежать Литовскому великому княжеству, да наконецъ и у князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія жалованы имъ и ихъ отцамъ за службу королемъ. Опираясь на обѣщаніе московскаго государя, князья, отъѣзжавшіе изъ литовской службы, вмѣстѣ съ князьями, давно служившими московскому государю, и при помощи московскихъ пограничныхъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій ограбилъ волости брянскія; князь Бѣльскій, когда убѣжалъ изъ Литвы, тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата.

Литовскіе государи, разъ не умѣвшіе удержать князей въ своемъ подданствѣ вслѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были обратно принять ихъ къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли измѣнниками. Къ этимъ князьямъ подсылались литовскіе агенты. Московскіе государи знали объ интригахъ и удерживали князей различными средствами, между прочимъ, привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Средствомъ удерживать князей были также московскія войска, которыя не выходили

изъ Сѣверской области, подъ видомъ охраненія страны отъ литовцевъ и крымцевъ. Наконецъ, князей постоянно окружали московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у князей были сами же князья. Московское правительство не давало князьямъ воевать между собою, и потому они постоянно слали въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и переговорахъ съ королемъ.

Понятно, что служебные князья не могли способствовать поддержанію добрыхъ отношеній между Литвою и Москвою; но главное, чего не могли забыть въ Литвѣ,—это полное подчиненіе Новгорода Москвѣ. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Казиміромъ о Новгородѣ и Псковѣ было постановлено, что Казиміру въ Новгородъ и Псковъ не вступаться: захотятъ эти города отдаться королю, то ихъ не принимать; въ чемъ они королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; если псковичи и новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры королю не вступаться; если же въ чемъ новгородцы и псковичи сгрубятъ князю и захочетъ онъ ихъ казнить, то королю въ это дѣло не вступаться. Но въ Новгородѣ всегда была партія, смотрѣвшая на в. кн. литовскаго, какъ на естественнаго союзника, на тотъ случай, если бы притязанія Москвы перешли извѣстный предѣлъ. Такъ въ 1470 г. былъ отправленъ посолъ къ королю Казиміру, чтобы онъ далъ князя въ Новгородъ. Казиміръ далъ имъ православнаго князя Михаила Олельковича. Этотъ князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно. На вѣчѣ кричали: „не хотимъ зваться отчиною великаго князя! Мы люди вольные, а в. кн. московскій намъ обиды многія чинитъ! Хотимъ за короля польскаго и в. кн. литовскаго Казиміра“. Противники подобныхъ рѣчей говорили: „Нельзя тому быть, чтобы за короля отдаться и архіепископа поставить въ Кіевѣ“. Новгородцы, наконецъ, почти совсѣмъ отступили отъ в. кн московскаго къ королю Казиміру. Казиміръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной граматѣ. Иванъ III долженъ былъ предупредить все, что можетъ произойти отъ того, что хотя на время литовскій князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану III было тѣмъ возможнѣе, что въ самомъ Новгородѣ были люди, немирволившіе Литвѣ и стоявшіе за Москву.

Война началась. Московскія войска пошли безпрепятственно по новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Новгородское войско выступило къ Шелони и было разбито. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія московской рати, для новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; но въ Новгородѣ все спорили на вѣчѣ, и одни хотѣли быть за королемъ, другіе за великимъ княземъ. Когда же Иванъ Васильевичъ сталъ съ войскомъ на устьѣ Шелони, а псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ шелонскій станъ явился нареченный архіепископъ Ѳеофилъ съ посадниками, тысяцкими и житьими людьми отъ всѣхъ концовъ новгородскихъ съ челобитною о мирѣ. Вел. кн. Иванъ обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, отпустилъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщалъ держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предать забвенію. Новгородцы обѣщались прервать всякія сношенія съ Литвою и еще тѣснѣе прежняго должны были примкнуть къ Москвѣ.

Спустя немного времени, самостоятельность Новгорода была окончательно унижена Иваномъ III. Хотя в. князь переселилъ многихъ новгородцевъ съ ихъ семьями во внутреннія области, и этими переселенцами были лица, болѣе другихъ выдвигавшіяся своими литовскими или вообще анти-московскими симпатіями, тѣмъ не менѣе полное спокойствіе водворилось не сразу. Но дальнѣйшія попытки новгородцевъ воротить прежнюю независимость съ помощью Литвы оказывались вполнѣ неудачными и въ самомъ зародышѣ подавляемы были Иваномъ.

Но что дѣлалъ Казиміръ? На него надѣялись новгородцы, отъ него они ждали спасенія; онъ же обѣщалъ имъ помочь, какъ обѣщалъ Ахмату и братьямъ князя, но никому не помогъ. Есть основаніе думать, что Казиміру даны были обѣщанія различныхъ уступокъ со стороны Московскаго государства,—обѣщанія, которыя потомъ взяты были назадъ. Когда возникли переговоры между Москвою и Литвою о вѣчномъ мирѣ уже послѣ кончины Казиміра, при в. кн. литовскомъ Александрѣ Казиміровичѣ, то литовскимъ посламъ велѣно было настаивать, чтобы московскій государь поступился Луками и Ржевомъ и возвратилъ Новгороду положеніе, опредѣляемое договорами Василія II съ Казиміромъ. Если послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то велѣно имъ поступиться и написать Инфлянты на сторону литовскаго государя, точно такъ же, какъ московскій напишетъ на свою сторону Новгородъ; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ будутъ

ужъ очень крѣпко упираться, то уступить все. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра съ дочерью Ивана III и поэтому готовы были утвердить всѣ прежнія пріобрѣтенія не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. Въ дѣлѣ о сватовствѣ московскіе бояре, черезъ которыхъ шли переговоры, стояли твердо на своемъ, намекая литовскимъ посламъ, что сватовство возможно лишь послѣ соглашенія, признающаго за Москвою право обладать тѣмъ, что дали ей ея успѣхи.

Послѣдній посолъ, который при Казимірѣ ѣздилъ въ Литву изъ Москвы, былъ Берсень. Онъ уже не засталъ Казиміра въ живыхъ и поэтому воротился. Въ это время дѣятельность князей, отъѣхавшихъ отъ литовскаго подданства въ московское, продолжалась однообразно: при помощи московскихъ войскъ, одинъ городъ за другимъ захватывался. Литовское правительство не считало, что у него съ московскимъ идетъ война; но все же нужно было думать о томъ, какъ остановить такое движеніе восточнаго сосѣда. Для этой цѣли придумали особенное средство, именно брачную политику. Когда была пущена противъ Ивана III интрига въ формѣ брачной системы, то онъ съ самаго начала извлекъ изъ нея всевозможную пользу для себя, а потомъ, по поводу своего родства съ Ягеллонами, уяснилъ, что далъ за своею дочерью въ приданое всю Русь, которая находится подъ властью Польши и Литвы; но онъ, какъ государь всей Руси, все-таки оставляетъ за собою право наблюдать, какъ управляютъ Русью, и, находя, что дурно, началъ отнимать приданое дочери по кусочкамъ и завѣщалъ потомкамъ отобрать все. Это завѣщаніе окончательно выполнила Екатерина II.

Въ ноябрѣ 1492 г. пріѣхало въ Москву литовское посольство. Содержаніемъ рѣчей пословъ было восшествіе на литовскій престолъ Александра и указанія на то, что на границахъ чинятся многія такія обиды, какихъ прежде не бывало. Литовцы не хотѣли признавать существованія войны и объявляли, что это—пограничныя обиды. Но посламъ еще наказаны были рѣчи, о которыхъ они проговорились въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ. По обычаю, послѣ перваго слушанія, послы обѣдали у в. князя, а потомъ ихъ угощали на подворьѣ. На этомъ пиру пьяные послы говорили о сватовствѣ и докончаніи. Начались переговоры о городахъ и волостяхъ, захваченныхъ москвичами у Литвы. Бояре объявили прежде, что все, что находится теперь во владѣніи обоихъ государствъ, должно быть оставлено за ними; но послы о самомъ важномъ прибыткѣ отъ Литвы, о Вязьмѣ, говорили слѣдующее: такъ какъ одни вяземскіе князья служатъ Литвѣ, другіе Москвѣ, и ихъ владѣнія трудно разобрать, то „когда государи будутъ въ докончаніи и кровномъ связаніи, о Вязьмѣ смолву учинятъ и обыщутъ, куды Вязьма изъ старины была, ино тогда одинъ другому поступится“. Послѣ долгихъ споровъ послы уступили и написали Вязьму на сторону московскаго государя. Точно также и бояре спустили о Мосальскѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ; о Новгородѣ постановили, что его граница по старымъ рубежамъ. Послѣ этого послы сказали боярамъ, что у нихъ есть посольство къ в. кн. Ивану о сватовствѣ. Затѣмъ послы были у в. князя, подали вѣрящую грамату, и старшій изъ нихъ говорилъ отъ имени Александра: „Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе, какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ съ тобою еще лучшихъ отношеній: если на то воля Божья, далъ бы ты за насъ дочь свою, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и радостной связи теперь и навѣки“. Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „Слышали мы ваши рѣчи и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ; какъ Богъ захочетъ, такъ дѣло и будетъ“. Московское правительство постоянно старалось отдѣлить дѣло мира отъ сватовства. Послы опять были у в. князя, и бояре съ ними говорили о докончаніи и велѣли читать предъ ними образцовый списокъ договорной граматы. Въ этомъ спискѣ в. кн. московскій былъ названъ государемъ всея Руси. Кажется, послы не возражали на это. Они похвалили списокъ и велѣли съ него писать начисто. При этомъ они выставили только требованіе, чтобы написать въ докончаніи постановленіе не принимать служебныхъ князей. Бояре дали на это согласіе и на томъ уложили. Послѣ этого отъ в. князя вышелъ кн. Патрикѣевъ съ боярами говорить о сватовствѣ. Бояре сказали отъ имени государя: „Говорили вы отъ своего государя, чтобы намъ дать за него свою дочку, и мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дать ее“. Послы сказали: „Боже, то дай!“ Тогда бояре начали говорить о законѣ греческомъ и римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ государя неволи не было: была

бы она въ своемъ греческомъ законѣ. Послы объявили: „Той неволѣ не быть, и наши головы въ томъ порука; а какъ будутъ послы отъ государя нашего, то и крѣпость на томъ учинятъ“. Такимъ образомъ состоялось соглашеніе насчетъ брака и вслѣдъ затѣмъ обрученіе, при которомъ священники читали молитвы, и мѣсто Александра заступилъ панъ Гаштольдъ, одинъ изъ литовскихъ пословъ.

Вскорѣ затѣмъ отправилось изъ Москвы въ Литву посольство для присутствованія при присягѣ Александра на договорѣ. Пріобрѣтенія Москвы были значительны: между псковскими, новгородскими и тверскими областями, отчинами московскаго государя, границы шли по старымъ рубежамъ; далѣе граница шла отъ Ржева на юговостокъ дугою, оставя Вязьму и Рославль въ московскихъ владѣніяхъ, а Брянскъ въ литовскихъ. Но для насъ не столько важны земельныя пріобрѣтенія, утвержденныя этимъ договоромъ за Москвою, какъ то, что тутъ намѣчена исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ Польско-Литовскому,—тутъ собственно начинается ихъ новая исторія. Стремленіе къ прекращенію средневѣковыхъ отношеній государствъ впервые высказали литовцы именно тѣмъ, что они, хотя побужденные необходимостью, поставили условіе, что впередъ служебныхъ князей съ отчинами не принимать, и тѣмъ дѣлали препятствіе одному изъ старыхъ, средневѣковыхъ порядковъ. Мало того—они допустили употребленіе въ договорѣ титула „Государя всея Руси“ и притомъ, за брачный союзъ Александра съ дочерью Ивана Васильевича, поторопились еще дать обѣщаніе о греческомъ законѣ. Это обѣщаніе развилось впослѣдствіи въ главное отношеніе и право вмѣшательства москвичей во внутреннія дѣла Польско-Литовскаго государства, какъ покровителей лицъ, принадлежащихъ къ восточной церкви. Это новое право развилось въ дѣйствительное обязательство; послѣднему способствовало то, что литовцы, давши собственно право слѣдить за чистотою православія одной Елены, своими поступками и неосмотрительностью,—въ родѣ того, что они постоянно оправдывались, что въ Литвѣ православныхъ не нудятъ къ римскому закону,—такъ сказать, показали москвичамъ, что они признаютъ дѣйствительно, во всей цѣлости, за ними право защитниковъ православія.

9-го марта 1494 года отправилось изъ Москвы посольство съ громаднымъ поѣздомъ. Оно ѣхало для присутствованія при цѣлованіи креста Александромъ на договорѣ о мирѣ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Александру: „Мы, съ Божьею помощью, даемъ свою дочь за тебя и обручили ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о греческомъ законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери греческій законъ, и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ. Да послы взяли съ собою и списокъ, какую тебѣ дать грамату о греческомъ законѣ за своею печатью, и ты бы далъ ее намъ“. Московскимъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, чтобы в. кн. Александръ далъ такую же грамату слово въ слово по списку, а если онъ не захочетъ дать граматы, то о ней не стоять, а утвердить его рѣчами, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что Еленѣ въ вѣрѣ неволи не будетъ. Переговоры о граматѣ, которую литовцы дали только тогда, когда еще нѣсколько разъ обмѣнялись посольствами съ Москвою, затянули отъѣздъ Елены въ Литву. Только на крещеніе 1495 г. пріѣхало въ Москву посольство за княжной. Послы были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ, и сказали, что вѣнчать великаго князя бискупу, а княжну—митрополиту, а если его не будетъ, то владыкѣ. 13-го января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, на которой присутствовали великій князь съ великой княгиней, снохою, дѣтьми и боярами, было прощаніе. Великій князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену въ Литву. Здѣсь, простившись съ дочерью, князь давалъ руку панамъ и приказалъ передать отъ себя Александру поклонъ, а отъ дѣтей челобитье.

Отпуская въ Литву дочь свою, Иванъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о греческомъ законѣ, и, кромѣ того, увѣщевалъ „въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; а захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то посмотрѣть разъ или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильнѣ мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ идти съ собою, то проводить свекровь до божницы и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить“. Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ III своей дочери, чтобы она крѣпко держалась своей вѣры.

Во главѣ посольства къ Александру находились: кн. Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка. Посламъ было наказано, чтобы по дорогѣ княжна заходила въ соборныя церкви и монастыри. Данъ былъ также подробный наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы, а главное то, что Елена, на вопросъ бискупа при вѣнчаніи о томъ, любъ ли ей в. кн. Александръ, должна отвѣчать: „Любъ мнѣ и не оставить мнѣ его до живота, ни которыя ради болѣзни, опричь греческаго закона; держать мнѣ греческій законъ, а ему меня къ римскому не нудить". Кн. Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ бискупу, чтобы и в. кн. Александръ при томъ же вопросѣ молвилъ, что ему къ римскому закону жены не нудить. Остальные пункты наказа были въ томъ же тонѣ.

Всѣ требованія московскаго правительства во время сватовства, повидимому, исполнились. По Ряполовскому съ товарищами велѣно было послѣ свадьбы просить Александра, отъ имени в. кн. московскаго, чтобы онъ построилъ православную церковь во дворцѣ и дозволилъ боярамъ съ ихъ женами, дворецкому и инымъ людямъ побыть у Елены, пока она попривыкнетъ. Первая просьба не была уважена, на томъ основаніи, что есть законъ, возбраняющій увеличивать число православныхъ церквей, и нарушать его не годится, тѣмъ болѣе, что близъ дворца есть церковь, въ которую можетъ ходить великая княгиня. Этимъ въ Москвѣ были крайне огорчены, и когда въ маѣ пріѣхалъ литовскій посолъ, то ему выражено было неудовольствіе отъ в. князя, причемъ еще прибавлялось, что изъ Вильны стараются выжить русскихъ людей, пріѣхавшихъ съ Еленою, а самой Еленѣ не позволяютъ носить московскаго платья. Вскорѣ затѣмъ отправленъ былъ къ Еленѣ гонецъ, который долженъ былъ развѣдать, какъ живетъ дочь в. кн. московскаго. Отецъ приказывалъ Еленѣ черезъ гонца, чтобы она заботилась о томъ, чтобы у нея слуги были греческаго закона, просила бы мужа объ этомъ, равно какъ и о томъ, чтобы онъ дозволилъ продержать бояръ до того времени, пока прійдетъ о томъ посольство отъ отца.

Такимъ образомъ, въ теченіи перваго же года послѣ заключенія между государями родственнаго союза у нихъ произошли недоразумѣнія. Обстоятельства же, какъ нарочно, усиливали недружелюбныя отношенія. Такъ, Иванъ Васильевичъ узналъ, что ѣхалъ къ нему посолъ отъ турецкаго султана черезъ литовскія земли, и тамъ его не пустили. Прошло два года со времени заключенія мира, а новая граница не была еще точно опредѣлена намѣстниками пограничныхъ городовъ, и служебные князья позволяли себѣ дѣлать всевозможныя самоуправства и насилія; суда же по всѣмъ этимъ дѣламъ не было. Литва тяготилась такимъ положеніемъ дѣлъ, и Александръ, отправляя въ Москву посольство, долженствовавшее объясниться по поводу задержанія турецкаго посла, велѣлъ предложить съѣздъ судей на границахъ. Но на это предложеніе бояре отвѣчали: „Сколько разъ было говорено о церкви греческаго закона, о новой утвержденной граматѣ о греческомъ законѣ, о титулѣ государя, который вы до сихъ поръ не пишете по докончанію, и все это не выполнено. Вы намъ о тѣхъ начальныхъ дѣлахъ ничего не говорите, ино нашимъ боярамъ, какъ съ вашими панами съѣхаться? Какъ имъ въ граматахъ наше имя писать, коли братъ нашъ къ намъ о имени ничего не приказываетъ и по докончанію не правитъ"? Этотъ отвѣтъ кончался угрозой: „Мы постоянно посылали къ Менгли-Гирею и Стефану молдавскому, чтобы они были въ мирѣ съ Александромъ, а нынѣ намъ посылать къ нимъ объ этомъ непригоже, потому что Александръ не правитъ по докончанію".

30 мая 1499 г. прислалъ изъ Вязьмы кн. Борисъ Михайловичъ Оболенскій-Туренія грамату, которая передана была ему черезъ нѣсколько рукъ изъ Литвы отъ Шестова, служившаго у Елены Ивановны. „Здѣсь, господинъ, встало великое смятеніе между латинскими и нашимъ христіанствомъ. Въ нашего владыку смоленскаго дьяволъ вселился, да и въ Сапѣгу. Великій князь неволитъ государыню нашу въ проклятую латинскую вѣру; государыню нашу Богъ научилъ, да помнитъ она наказъ государя отца своего, и она отказала". Вслѣдствіе этой граматы Иванъ III послалъ въ Литву Мамонова. Онъ долженъ былъ говорить Еленѣ наединѣ: „Дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ закона греческаго. Ты въ этомъ мужа не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай, къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Отвѣть намъ обо всемъ этомъ, правда-ли то, и мы тогда къ мужу пошлемъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія". Но, не дождавшись отвѣта дочери, Иванъ

велѣлъ Мамонову вывѣдать въ Литвѣ, миренъ ли в. кн. литовскій съ крымцами, волохами и турками.

Вскорѣ начались явно враждебныя для Литвы сношенія Москвы съ крымцами, и война открылась ранѣе, чѣмъ въ Литву была послана разметная грамата. Съ помощью князей было подготовлено все для того, чтобы явились московскія войска и занимали одинъ городъ за другимъ. Князь Шемячичъ и Можайскій, потомъ князья-отъѣздчики изъ Литвы начала девятидесятыхъ годовъ, бывшіе тверскіе служебные князья, наконецъ служебные московскіе татары, всѣ они вмѣстѣ съ московскими князьями и боярами, подъ предводительствомъ князя Даніила Щеняти, около Дорогобужа, у р. Ведрощи, сошлись съ литовскими войсками, предводимыми великимъ гетманомъ литовскимъ, княземъ Константиномъ Острожскимъ, и одержали верхъ. Эта побѣда дала возможность продолжать дальнѣйшія завоеванія литовскихъ владѣній. Князья-отъѣздчики отъ Литвы, старые и новые, спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы захватить въ свою пользу побольше волостей. Александру пришлось еще отбиваться отъ татаръ. Наконецъ, онъ рѣшился вступить въ переговоры о мирѣ съ Москвою. Для его пословъ даны были, отъ имени „Царя всея Руси", опасныя граматы для пріѣзда въ Москву. Послы прибыли 4 марта 1503 года. Они говорили, что слѣдуетъ установить миръ на прежнихъ основаніяхъ съ обоюднымъ освобожденіемъ плѣнныхъ. Они привезли съ собою письма отъ Елены къ отцу, матери и братьямъ, Василію и Юрію. „Отецъ мой Іоаннъ Васильевичъ, Божьею милостью, государь всея Руси, самодержецъ царства Казанскаго и другихъ"; такой титулъ давала Елена своему отцу. „Дочь твоя, писала она далѣе, тебѣ челомъ бьетъ: государь мой мужъ, послалъ къ тебѣ великихъ пословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыхъ отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Вся вселенная вопіетъ и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ дѣтямъ своимъ. Господинъ государь-батюшка! Вспомни, что я есть служебница и дѣвка твоя, и ты далъ меня за такое же брата своего, какъ и ты; а вѣдаешь ты самъ, что ты далъ ему за мной и что потомъ я ему съ собой принесла; однакожъ государь мой держалъ меня въ чести и жалованьи... Всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на поганство; но теперь видятъ, что со мной пришло всевозможное зло... Господинъ батюшка! Съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, государю и отцу, челомъ бью: вспомни, Бога ради, и меня, служебницу, кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и вражду съ сыномъ и братомъ своимъ, а прежнюю любовь и дружбу, которую вы съ нимъ заключили, соблюди, чтобы еще больше кровь христіанская не проливалась, а поганство не смѣялось и измѣнники не радовались". Въ письмѣ также много говорилось о греческомъ законѣ и о томъ, что принужденія никако не было. Но Иванъ не довѣрялъ письмамъ дочери. Отпуская пословъ, онъ говорилъ канцлеру ея, Сапѣгѣ: „Привезъ ты намъ грамату отъ дочери, да и словомъ ты намъ говорилъ отъ нея; но въ той граматѣ она иное не по дѣлу писала, и не пригоже было ей такъ къ намъ писать". При этомъ Иванъ говорилъ то, что обыкновенно говорилось о притѣсненіи православныхъ въ Литвѣ, и кончилъ словами: „Ты, дочка, къ римскому закону не приступай, и хотя-бы тебя за то до крови пострадать, ты бы пострадала, а того не учинила. А если къ римскому закону приступишь волею или неволею, то отъ Бога погибнешь, а мнѣ и твоей матери тебя не благословить, а съ зятемъ нашимъ у насъ за это будетъ безпрестанная рать".

Послы говорили, что пріѣхали возобновить прежнія условія мира. Бояре обвиняли литовцевъ въ нарушеніи мира, утверждали о невозможности возобновлять прежнія условія и, наконецъ, сказали: „Если вашъ государь хочетъ мира съ нашимъ, то онъ послушался бы всей отчины нашего государя, Русской земли". Точки зрѣнія обѣихъ договаривающихся сторонъ были слишкомъ различны, чтобы можно было добиться заключенія вѣчнаго мира. По предложенію папов, принято было лишь перемиріе на шесть лѣтъ, при чемъ рѣшено было, что во время перемирія каждый будетъ владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ во время войны. Срокъ перемирія назначено считать по Благовѣщеніе 1509 г. Теперь граница московскихъ владѣній шла по Семи и Деснѣ до Чернигова, отъ Чернигова на сѣверо-западъ близко Днѣпра къ р. Сожи и вверхъ по ней мимо Мстиславля, потомъ, огибая Смоленскъ, чрезъ Западную Двину мимо Велижа, который остался въ московскихъ владѣніяхъ, и, пересѣкая теперешнюю Витебскую губернію, на сѣверозападъ мимо Себежа (въ литовскихъ владѣніяхъ) къ Опочкѣ.

Послѣ заключенія перемирія старый московскій государь жилъ недолго. Въ концѣ 1505 г. посланный отъ Александра къ тестю для переговоровъ о пограничныхъ дѣлахъ пріѣхалъ въ Москву и правилъ посольство Василію Ивановичу, такъ какъ Иванъ III скончался 27 окт. 1505 г. Вѣсть о смерти завоевателя была въ Литвѣ принята съ удовольствіемъ, и Александръ говорилъ, что теперь насталъ часъ поправить дѣла и вернуться къ старому. Ливонскій орденъ, помогавшій Литвѣ и въ прежнія войны, снова изъявилъ готовность содѣйствовать; такое же содѣйствіе обѣщалъ Махметъ-Аминь казанскій. Но послы послѣдняго явились въ Литву уже послѣ смерти Александра и обратились съ рѣчами къ королю польскому и в. князю литовскому, Сигизмунду. Впрочемъ, Литвѣ невозможно было пока воспользоваться предложеніями казанскаго царя, такъ какъ ей должно было охранять себя со стороны степей, ибо крымцы дѣлали набѣги, а въ то же время изъ Москвы говорили въ прежнемъ тонѣ. Василій Ивановичъ, извѣщая Александра о своемъ вступленіи на престолъ, говоритъ черезъ пословъ, чтобы литовскій государь правилъ по докончанію: своей жены къ римскому закону не нудилъ. На эти старыя рѣчи отвѣчали, что никого къ римскому закону не нудятъ.

Какъ только пришла вѣсть въ Москву о смерти Александра, великій князь послалъ навѣстить сестру и приказалъ ей передать, „чтобы она похотѣла и говорила бы бискупу и панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы похотѣли его государства служить"; если же будутъ опасаться за вѣру, то государь обѣщаетъ не дѣлать никакихъ измѣненій противъ прежняго, а жаловать хочетъ и свыше того. Елена отвѣчала, что Александръ поступился государствомъ брату своему Жигимонду (Сигизмунду). Сигизмундъ же послалъ къ Василію сказать, что хочетъ завести съ нимъ переговоры о мирѣ. Въ концѣ марта 1507 г. явились въ Москву послы и говорили, что теперь слѣдуетъ заключить вѣчный миръ, а захваченныя Иваномъ III земли возвратить. Василій III отвѣчалъ, что „держитъ свою отчину, чѣмъ пожаловалъ его и благословилъ отецъ, и что далъ Богъ отъ прародителей, да и вся Русская земля наша отчина". Такъ какъ послы жаловались на захватъ земель во время перемирія, то имъ было сказано, что перемиріе было только съ Александромъ, а съ Жигимондомъ перемирія не было, но что, впрочемъ, и съ нимъ великій князь хочетъ добрыхъ отношеній. Отпуская пословъ, Василій приказалъ имъ передать королю, чтобы онъ Елену держалъ въ чести и къ римскому закону не нудилъ. Сношенія между двумя государствами этимъ и прекратились.

Чтобы произвести извѣстнаго рода впечатлѣніе на московскаго государя, въ 1507 г. на виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы всѣ владѣльцы переписали въ своихъ имѣніяхъ людей и подали списки для приведенія въ ясность того, какъ кто можетъ служить со своихъ имѣній. Кромѣ того, владѣльцы имѣній должны были выѣхать на войну къ опредѣленному сроку на назначенное мѣсто. Срокъ назначенъ былъ къ Пасхѣ, для того, чтобы, какъ было сказано въ постановленіи сейма, непріятель, заслышавъ, въ чемъ дѣло, не предупредилъ и не вторгнулся въ литовскія земли. Но постановленія сейма не произвели желаннаго впечатлѣнія на Василія: онъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій, но и не обнаруживалъ уступчивости. Одно непредвидѣнное дѣло повело къ войнѣ во второй половинѣ 1507 г. Оно заключалось въ томъ, что паны-рада великаго княжества литовскаго поссорились между собою. Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ, то панъ Забережскій съ товарищами началъ говорить, что кн. Михаилъ Глинскій, заправлявшій литовскими дѣлами при Александрѣ, хочетъ сдѣлаться великимъ княземъ литовскимъ. Жалобы Глинскаго на пановъ по этому поводу Сигизмундъ оставилъ безъ всякаго рѣшенія. Потомъ король уѣхалъ въ Польшу, паны-рада разъѣхались; дѣло Глинскаго, очевидно, считали неважнымъ. Но Глинскій не успокоился: онъ бросился на имѣнія Забережскаго и убилъ его. Послѣ этого Глинскій началъ настоящій бунтъ, въ Москвѣ этимъ воспользовались и двинули войска къ литовской границѣ, а къ Глинскому былъ посланъ дьякъ съ приглашеніемъ вступить въ московскую службу съ отчинами. Глинскій изъявилъ согласіе. Вліянію Глинскихъ поддались князья Друцкіе и присягнули Василію. Между тѣмъ, московскія войска подошли къ Оршѣ и начали осаду этого города, но принуждены были, услышавъ о томъ, что на Оршу идетъ самъ король, снять осаду и удалиться изъ литовскихъ предѣловъ, опустошая все по пути. Этимъ въ сущности и окончились сколько-нибудь крупныя столкновенія, происшедшія въ эту войну. Уже въ сентябрѣ видимъ пословъ Сигизмунда въ Москвѣ, ведущихъ мирные переговоры. Сначала они требовали городовъ, которые издавна принадлежали Литвѣ, но, получивъ обыкновенно даваемый на эти требованія отвѣтъ, объявили, что король поступается тѣми

городами и волостями, которыми въ перемиріе владѣла Москва, но что тѣ, которые она взяла послѣ, слѣдуетъ возвратить, да также возвратить Черниговъ, Любечъ, Дорогобужъ, Торонецъ. Послѣ долгихъ спорныхъ рѣчей послы сказали, что король отступается и отъ этихъ городовъ, но просили, чтобы великій князь отступился отъ смоленскихъ волостей. Послѣ спорныхъ рѣчей и по этому поводу, великій князь велѣлъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, и договаривающіеся на томъ порѣшили, чтобы учинить вѣчный миръ, который и былъ утвержденъ 8-го октября. Плѣнныхъ постановлено выпустить съ обѣихъ сторонъ. Владѣнія служебныхъ князей: Шемячича, Можайскаго, Бѣльскихъ съ товарищами — остались за Москвою. Василій III, принимая Глинскаго на службу, обѣщалъ стоять за его отчины, и потому дозволялось Глинскому съ братьею воевать Литовскую землю за свои обиды, а которые города они возьмутъ, то на нихъ сидѣть Глинскимъ, а великому князю въ нихъ не вступаться. Но это обѣщаніе, при заключеніи мира, не было исполнено: всѣ земли Глинскихъ остались за Литвою, а Глинскимъ съ товарищами отданъ былъ приказъ ѣхать въ Москву.

Таковы были отношенія Москвы къ Литвѣ при Иванѣ III и въ первое время княженія Василія III. Иванъ прямо высказывалъ, что сила, на которую опирается онъ въ борьбѣ съ Польско-Литовскимъ государствомъ, заключается въ томъ, что онъ государь *русскій* и *православный*. Онъ поддерживалъ православіе всюду, гдѣ можно, до того, что, напримѣръ, Еленѣ наказалъ заботиться о томъ, чтобы ея православные люди въ Литвѣ не женились на католичкахъ и за католиковъ дочерей не давали. Но литовцамъ чрезвычайно дорого обошлось православіе московскаго государя: въ ихъ глазахъ, не говоря объ удѣлахъ, повидимому, ради православія былъ подчиненъ Москвѣ Новгородъ и крѣпко къ ней привинченъ; сама Литва лишилась огромныхъ областей, земли ея были разорены московскими войсками, разграблены служебными князьями, внутри государства явился страшный бунтъ; съ юга всѣ русско-литовскія области опустошены татарами, и поводомъ ко всему этому была защита православія. Жалованныя граматы, огромныя льготы жителямъ разоренныхъ областей были для литовцевъ только временнымъ облегченіемъ, и у нихъ явилась мысль усилиться тѣмъ, что было въ сущности главною причиною ихъ несчастій, а именно: кромѣ обращенія главныхъ союзниковъ Москвы, всѣхъ православныхъ, въ католичество, еще болѣе крѣпкимъ политическимъ соединеніемъ великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ.

LXXXVIII. ИЗЪ „СУДЕБНИКА" ІОАННА III (1497 г.).

Въ годъ 7006, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ всея Руси, въ дѣтьми своими и боярами опредѣлилъ, какъ судить судъ боярамъ и окольничимъ.

1) Судъ судить боярамъ и окольничимъ, а на судѣ у бояръ и у окольничихъ быть дьякамъ; боярамъ, окольничимъ и дьякамъ посуловъ (взятокъ) отъ суда и отъ печалованія не брать, и посула отъ суда никакому судьѣ не брать; на судѣ не мстить никому и не руководствоваться дружбою.

2) Если прійдетъ жалобщикъ къ боярину, то жалобщика не удалять, а давать во всемъ управу всякому жалобщику, какъ слѣдуетъ; если жалоба суду неподсудна, то довести объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя или того, кто вѣдаетъ приказныхъ людей.

3) Бояринъ и дьякъ берутъ за судъ съ виновнаго, ответчика или истца, первый—два алтына, а второй—восемь денегъ, если дѣло рублевое; если оно превышаетъ своею стоимостью рубль или меньше, то взимать по разсчету.

4) Если досудятся до поля (поединка), но предъ полемъ помирятся, то бояринъ и дьякъ получаютъ по этому разсчету, первый—два алтына

съ рубля, второй—восемь денегъ; окольничій же дьякъ и недѣльщикъ полевыхъ пошлинъ не получаютъ.

9) Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго вора, похитителя людей, подметчика, поджигателѣ, завѣдомо преступнаго человѣка казнить смертью.

10) Если вора поймаютъ съ украденною вещью въ первый разъ, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а не будетъ доказано, что онъ воровалъ прежде, то подвергнуть его торговой казни, бить кнутомъ, удовлетворить истца и выдать судьѣ на продажу. Если у вора нѣтъ имущества для удовлетворенія истца, то бить его кнутомъ, да выдать его головою истцу на продажу, а судья ничего не получитъ.

11) Если воръ пойманъ съ украденною вещью вторично, то казнить его смертью, истца удовлетворить изъ имущества казненнаго; изъ остатка этого имущества заплатить судьѣ. Если и вора имущества нѣтъ, то его истцу не выдавать, а казнить смертью.

12) Если на кого скажутъ пять или шесть человѣкъ добрыхъ дѣтей боярскихъ подъ присягою, или черныхъ людей пять-шесть добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ, что онъ воръ, а не будетъ доказано, что онъ прежде воровалъ, то взять съ него вознагражденіе истцу безъ суда.

13) Если вора съ поличнымъ поймаютъ въ первый разъ, но пять или шесть человѣкъ подъ присягою заявитъ, что онъ и прежде не разъ воровалъ, то казнить его смертью и истца вознаградить изъ его имущества.

14) Если кого оговоритъ воръ, то произвести разслѣдованіе; если оговоренный человѣкъ подозрителенъ, то его пытать; если прежде на немъ не было никакого подозрѣнія, то на слова вора не полагаться, а оговореннаго отдать на поруки до разлѣдованія.

19) Если бояринъ обвинитъ кого не по суду и дастъ вмѣстѣ съ дьякомъ на него правую грамату, и грамата окажется несправедливою, то взятое отдать обратно; бояринъ и дьякъ за это не отвѣчаютъ, а рѣшеніе отмѣняется.

55) Если купецъ, идя въ торговлю, возьметъ у кого деньги или товаръ, а товаръ у него на пути утеряется по несчастной случайности, потонетъ, сгоритъ, перейдетъ къ грабителямъ, то бояринъ разслѣдуетъ дѣло и велитъ дьяку дать полѣтную грамату (для уплаты съ разсрочкою) съ печатью великаго князя, чтобы потерявшій уплачивалъ долгъ безъ процентовъ. Но если взявшій на пути пропьетъ, или инымъ какимъ-нибудь предосудительнымъ образомъ, не по несчастью, утратитъ товаръ, то такого выдать истцу головою на продажу.

56) Если рать татарская половитъ холопа, а тотъ уйдетъ изъ плѣна, то онъ перестаетъ быть холопомъ своего прежняго господина.

59) Священника, діакона, монаха, монахиню, старую вдову, питающуюся отъ церкви Божьей, судитъ святитель или его судья; если дѣло возникаетъ между міряниномъ и церковнымъ человѣкомъ—то судъ совмѣстный. Если вдова не отъ церкви Божьей питается, а живетъ своимъ домомъ, то не подлежитъ святительскому суду.

60) Если умретъ человѣкъ безъ завѣщанія, а у него сына нѣтъ, то все имущество и земли переходятъ къ дочери; если нѣтъ дочери—то къ ближайшему родственнику.

62) Если ищутъ землю бояринъ на боярынѣ, или монастырь на монастырѣ, или монастырь на боярынѣ, то допускается трехлѣтняя дав-

ность; если ищутъ земли черный человѣкъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ земля великоняжеская, черный или сельскій человѣкъ па помѣщикѣ, помѣщикъ на чернома или сельскомъ человѣкѣ, то въ такомъ случаѣ также судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; если на бояринѣ или монастырѣ ищется великокняжеская земля, то судить за шесть лѣтъ, а далѣе не судить; которыя земли находятся за приставомъ на судѣ (составляютъ предметъ иска), то тѣ земли досуживать.

67) Велѣть объявить на базарахъ въ Москвѣ и всѣхъ городахъ московскихъ и новгородскихъ, объявить во всѣхъ волостяхъ, чтобы истцы и отвѣтчики судьямъ и приставамъ посуловъ не давали, чтобы не было подставныхъ свидѣтелей, чтобы настоящіе свидѣтели говорили правду. Если свидѣтель дастъ показаніе ложно о томъ, чего не видѣлъ, и что потомъ будетъ узнано, то съ такого свидѣтеля взыскивать искъ истца и убытки.

LXXXIX. Новгородскій архіепископъ Геннадій и борьба его съ ересью.

(*Изъ соч. Костомарова: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“*).

Конецъ XV вѣка представляетъ переломъ въ области русской мыслительности, направленной главнымъ образомъ на религіозные предметы: съ одной стороны здѣсь являются начала тѣхъ споровъ и толковъ объ обрядахъ и буквѣ, которые, развившись впослѣдствіи, произвели явленіе громадной важности—расколъ старообрядчества со всѣми его видоизмѣненіями; съ другой—въ это время ярко выказываются признаки религіознаго свободомыслія, стремившагося къ отпаденію отъ основныхъ догматовъ православія. Въ исторіи того и другаго направленія игралъ важнѣйшую роль новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ стойкаго характера и съ замѣчательнымъ образованіемъ по своему времени. Къ сожалѣнію, многое въ жизни и дѣятельности этого человѣка намъ остается неизвѣстнымъ. Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное его прозвище было Гонозовъ или Гонзовъ, и что, вступивши въ монашество, онъ былъ ученикомъ преподобнаго Савватія соловецкаго, а потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремлѣ.

Съ 1485 г. открылась широкая область дѣятельности для Геннадія; онъ получилъ санъ новгородскаго владыки. Въ своей епархіи Геннадій замѣтилъ церковные толки, подобные тѣмъ, какіе были въ Москвѣ. Умы книжниковъ заняты были споромъ объ аллилуіѣ. Во Псковѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли па всенощной пѣть: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!“ или „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже!“ Принимавшіе первый способъ „трегубили“ аллилуіа, а принимавшіе второй—„сугубили“ ее. Сугубившіе опирались на томъ, будто аллилуіа въ переводѣ значитъ: слава тебѣ, Боже! (между тѣмъ аллилуіа, какъ извѣстно, означаетъ: хвалите Господа) и укоряли своихъ противниковъ, что, они, произнося аллилуію, вмѣсто трехъ разъ, четыре раза,

четверятъ Троицу и, такимъ образомъ, впадаютъ въ ересь. Ожесточеніе между партіями дошло до того, что трегубившіе, составлявшіе большинство, запрещали на рынкѣ продавать съѣстные припасы сугубившимъ. Книжники или такъ называемые „философы", державшіеся трегубія, толковали, что ихъ противники заимствовали отъ латинъ свое сугубіе. Споръ этотъ изъ Пскова перешелъ и въ Новгородъ. Геннадій принялъ въ немъ участіе и поручилъ переводчику Димитрію Герасимову, ѣздившему за границу, изслѣдовать: дѣйствительно ли въ западной церкви двоятъ аллилуію? Но Герасимовъ привезъ ему отвѣтъ, что, по воззрѣнію западной церкви, все равно, что двоить, что троить аллилуію. Споръ этимъ, конечно, не порѣшился: сугубившіе съ своей стороны обвинили трегубившихъ не только въ латинствѣ, но въ жидовствѣ и даже въ язычествѣ. Вопросъ объ аллилуіѣ перешелъ въ грядущія столѣтія и соединился со многими другими вопросами, составившими въ свое время сущность старообрядческаго раскола.

Въ православной церкви во всѣ времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклоненіе священнымъ предметамъ и монашескій взглядъ на богоугодную нравственность. При невѣжествѣ народа, это, естественно, давало русской религіозности характеръ перевѣса формы надъ содержаніемъ, выраженія надъ мыслью. Все это перешло къ намъ съ византійскою литературою, но принесло у насъ своеобразные плоды: такія явленія, какъ споры „о хожденіи посолонь" или „объ аллилуіѣ" исключительно принадлежатъ русской жизни. Но съ тою же византійскою литературою заходили къ намъ и взгляды совершенно противоположные: ихъ можно прослѣдить въ разныхъ переводныхъ и подражательныхъ сочиненіяхъ, доступныхъ въ свое время только немногимъ, по причинѣ малограмотности. Взгляды эти клонились, обратно, къ перевѣсу содержанія надъ формою, ставили внутреннее благочестіе выше внѣшняго, христіанскую нравственность выше многомоленія и поста, и обличали безплодность обряда, самого по себѣ неосмысленнаго. Въ то время, когда монашествующая набожность боялась діавола, находились люди, писавшіе: „Все въ человѣкѣ, какъ доброе, такъ и злое, отъ самого человѣка, а діаволъ не можетъ отвлечь человѣка отъ добра и привлечь на зло". Тогда какъ большинство проповѣдовало, что для спасенія души нужно безпрестанно читать молитвы, удручать плоть постомъ, подвергать себя добровольной нищетѣ и лишеніямъ, раздавались такія смѣлыя рѣчи: „Какой успѣхъ человѣку морить себя голодомъ и не дѣлать добрыхъ дѣлъ? Угоднѣе Богу кормить голоднаго, чѣмъ изсушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицамъ, нежели изнурять свои члены, избавлять отъ томленія бѣдняковъ, чѣмъ томиться самому... Старайся лучше внутренній постъ хранить, чѣмъ воздерживаться отъ яствъ по внѣшнему образу. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и внѣшнее подвижничество безъ внутренняго храненія и соблюденія". Вопреки общему вѣрованію о силѣ молитвъ и заступленіи святыхъ передъ Богомъ, встрѣчались такія умствованія: „Если человѣкъ самъ не дѣлаетъ добра, то святые, хотя бы молились за него, не сдѣлаютъ ему пользы; сбудется только пословица: одинъ строитъ, другой раззоряетъ".

Все это не заключало въ себѣ въ сущности ничего неправославнаго, но все это показываетъ, что въ самой благочестивой письменности были сѣмена противодѣйствія тому строю понятій о благочестіи, который былъ

усвоенъ вѣками и принятъ большинствомъ: злоупотребленія въ духовенствѣ всегда могли обращать эти сѣмена въ противодѣйствія самой церкви. Такъ и сдѣлалось. Нигдѣ это противодѣйствіе не могло такъ легко прорваться, какъ во Псковѣ. Псковичи тяготились зависимостью отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду, и между тѣмъ отсутствіе епархіальнаго начальника давно уже лишало во Псковѣ область благочестія правильнаго надзора.

Во Псковѣ свободнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могло воспитаться противодѣйствіе противъ существующаго церковнаго порядка, были постоянныя причины къ этому. Съ одной стороны, духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, съ другой—новгородскій владыка и его софійскій дворъ подавали постоянный поводъ къ жалобамъ, какъ на свою бездѣйственность въ дѣлѣ управленія и суда, такъ и на свою жадность въ собираніи пошлинъ.

Нападки на эти пошлины, упреки, дѣлаемые по духовному управленію въ томъ, что оно посвящаетъ священнослужителей за деньги, положили начало ереси, извѣстной подъ названіемъ „Стригольниковъ".

Намъ неизвѣстно ни точное время явленія этой ереси, ни обстоятельства, служившія ближайшимъ поводомъ къ ея возникновенію: знаемъ только, что около 1374 года изъ Пскова въ Новгородъ бѣжали отъ преслѣдованія трое главныхъ проповѣдниковъ этой ереси: одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ по имени, другой былъ діаконъ Никита, третій—міранинъ, по имени Карпъ. Въ сочиненіи конца XV вѣка, въ „Просвѣтителѣ" Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ „стригольникъ". Что такое „стригольникъ", мы не знаемъ, но ересь эта получила кличку стригольниковъ. Трое проповѣдниковъ нашли себѣ въ Новгородѣ послѣдователей, но вскорѣ возмутили противъ себя народъ и были сброшены съ моста въ Волховъ въ 1375 году. Посѣянное ими сѣмя ереси, однако, не пропало безслѣдно. Въ продолженіе XV вѣка еретики не разъ подвергались преслѣдованію во Псковѣ и Новгородѣ; ихъ умерщвляли, запирали въ тюрьмы; другіе изъ нихъ разбѣгались и разносили съ собою свои еретическія мнѣнія. Какъ всегда бываетъ, гонимая секта укрѣплялась и распространялась отъ гоненій. Въ Новгородѣ, въ послѣднихъ годахъ XV вѣка, Геннадій, не смотря на громадное выселеніе прежнихъ жителей и приливъ новыхъ, указывалъ, что между чернецами есть стригольники. Ересь стригольниковъ своею исходною точкою имѣла порицаніе обычая платить пошлины при посвященіи, а затѣмъ еретики нападали на жадность и корыстолюбіе духовенства. Стригольники начали учить, что таинства, совершенныя недостойными священниками, недѣйствительны, а затѣмъ дошли до того, что признали все существующее и прежнее духовенство неимѣвшимъ дара Духа Святого, отвергли вселенскіе соборы, дозволяли вмѣсто священниковъ учить и проповѣдовать каждому, вооружались противъ монастырей, противъ вкладовъ по душамъ, поминокъ и вообще противъ того, что на благочестивомъ языкѣ называлось „строить душу". Они, какъ видно, какъ-то по-своему толковали таинство причащенія, а вмѣсто исповѣди передъ священникомъ вводили свой обрядъ покаянія припаданіемъ къ землѣ. Отвергая церковныя постановленія, сами стригольники, однако, уважали произвольный постъ, отличались суровымъ воздержаніемъ, молитвою и книжностью. Какъ всегда бываетъ со всякаго рода сектами, и ересь стригольниковъ, распространяясь, развѣтвилась и разбилась на

многіе толки, такъ что въ XV вѣкѣ люди различныхъ мнѣній назывались общимъ именемъ „стригольниковъ". Одни, напримѣръ, не расходились совершенно съ церковью, а только вольнодумствовали надъ ея постановленіями. Другіе, соблазняясь способомъ постановленія духовныхъ лицъ, разошлись съ существовавшею въ ихъ время церковью, но не отвергали необходимости православной церкви и готовы были присоединиться къ существующей, если бы въ ней не было того, что имъ казалось злоупотребленіемъ. Третьи отвергали монашество. Четвертые, оторвавшись отъ церкви, учреждали свое собственное богослуженіе. Пятые, не признавая ни соборовъ, ни церковныхъ уставовъ и преданій, опирались только на одномъ св. писаніи, какъ дѣлали впослѣдствіи протестанты. Шестые доходили до чистаго деизма, отвергали уже евангельскія и апостольскія писанія и поклонялись одному Отцу Богу Небесному. Наконецъ, уже самые крайніе отрицали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь.

Такое броженіе умовъ господствовало въ пятнадцатомъ вѣкѣ на русскомъ сѣверѣ, когда, передъ паденіемъ независимости Новгорода, занесена была туда ересь раціоналистическаго жидовства. Въ 1470 году вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева ученый іудей Схарія. Въ Новгородѣ въ то время были во всеобщемъ ходу религіозные толки: люди всякаго сословія, и мужчины, и женщины, сходились не только въ домахъ, но и на торжищахъ, говорили о духовныхъ предметахъ и часто съ желаніемъ критиковать существующее въ церкви преданіе и постановленіе. Во всеобщемъ хаосѣ споровъ и толковъ удобно было и ученому іудею пустить въ ходъ еще одно еретическое ученіе, имѣвшее цѣлью распространеніе основъ іудейской вѣры. Онъ совратилъ сперва одного попа, по имени Дениса, потомъ послѣдній привелъ къ нему другого попа, по имени Алексія, имѣвшаго приходъ на Михайловской улицѣ. Это были люди мыслящіе и начитанные по тогдашнему времени. Они приняли іудейство, Семейства этихъ священниковъ послѣдовали ихъ примѣру. Вслѣдъ за Денисомъ и Алексіемъ, обратились къ новой ереси зять Алексія Иванъ Максимовъ, отецъ его, попъ Максимъ, зять Дениса Васька Сухой, софійскій протопопъ Гавріилъ и еще много другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Совративъ ихъ, іудеи исчезли безслѣдно: вѣроятно, они уѣхали изъ Новгорода. Когда Иванъ III былъ въ Новгородѣ, то взялъ поповъ Дениса и Алексія къ себѣ въ Москву. Какъ книжные люди, они вскорѣ заняли видныя мѣста: Алексѣй сдѣланъ протопопомъ Успенскаго собора, а Денисъ Архангельскаго. Никто не могъ подозрѣвать въ нихъ и тѣни какого бы то ни было неправовѣрія.

Ученіе, проповѣданное іудеями, имѣло чисто-еврейскія основанія. Они учили отвергать Св. Троицу, божество Іисуса Христа и всѣ церковныя постановленія; неизвѣстно только, передавали ли они новообращеннымъ Талмудъ и принадлежали ли сами къ вѣрующимъ въ Талмудъ, но зато учили астрологіи и кабалистическимъ гаданіямъ: этимъ, вѣроятно, они въ особенности и привлекали къ себѣ. Но, по отшествіи іудеевъ, ученіе ихъ въ Русской землѣ не могло сохраниться во всей своей старозаконной чистотѣ. Русскіе послѣдователи смѣшали его съ разными вольнодумными толками, и отсюда-то и произошло явленіе, приводившее въ недоумѣніе многихъ ученыхъ. Іосифъ, игуменъ волоколамскій, оста-

вившій намъ описаніе жидовствующей ереси, употребляетъ противъ нея такія обличенія, которыя скорѣе показываютъ заблужденія, не сообразныя съ чистымъ іудействомъ, и заставляютъ предполагать или оттѣнки христіанской секты, или чистый матеріализмъ. Такимъ образомъ, онъ обличаетъ между ними такихъ, которые, опираясь на примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ, отвергали въ принципѣ монашество и думали подкрѣпить свои мнѣнія тѣми же текстами изъ апостола Павла, которыми въ XVI вѣкѣ обыкновенно западные протестанты доказывали несообразность учрежденія монашества съ духомъ христіанскаго ученія. Для послѣдователей іудейства не нужно было ссылаться на Павла, такъ какъ онъ имъ ни въ какомъ отношеніи не могъ быть авторитетомъ. Ясно, что Іосифъ Волоцкій, ратуя противъ жидовствующихъ, поражалъ вмѣстѣ съ ними и другія, существовавшія въ его время, еретическія мнѣнія. Согласно съ этимъ и Геннадій жаловался, что въ Новгородѣ, кромѣ „мудрствующихъ по-жидовски", есть еретики, держащіе ереси маркіанскую (отвергающую Троицу), мессальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православія всѣ эти ереси равнымъ образомъ были ненавистны и достойны истребленія.

Ознакомившись со своею епархіею и замѣтивши, что въ ней гнѣздятся ереси, Геннадій дѣятельно принялся ихъ отыскивать. Не легко ему это было. Еретики вели себя хитро и распространяли свои лжеученія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, а передъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и свирѣпыми врагами ересей, и щедро разсыпали на нихъ проклятія; клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. Зато при всякомъ случаѣ они совращали слабаго и потакали разнымъ порокамъ, чтобы привлекать къ себѣ. Главною цѣлью ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, и это удавалось имъ. Не только въ городахъ, но и въ селахъ были на священнослужительскихъ мѣстахъ заклятые еретики, и они завлекали міряпъ, несвѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, прельщали ихъ ласковымъ обращеніемъ и дѣлали имъ всякаго рода послабленія, чтобы привлечь къ себѣ. Еретики выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такія священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ, были незнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать произвольныя толкованія. Понятно, съ такими врагами предстояла трудная борьба, и не ранѣе, какъ въ 1487 году, Геннадію удалось напасть на явный слѣдъ. Случилось, что еретики въ пьяномъ видѣ стали болтать и упрекать другъ друга. Дали знать объ этомъ Геннадію; тотъ извѣстилъ митрополита Геронтія и приступилъ къ обыску. Одинъ изъ попавшихся, попъ Наумъ, открылъ Геннадію все и принесъ ему псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ по іудейскому способу. Геннадій отдалъ подозрѣваемыхъ на поруки до окончанія слѣдствія и прислалъ митрополиту и великому князю свой первый обыскъ; онъ извѣщалъ, что трое еретиковъ, попы Григорій и Герасимъ и дьякъ Самсонъ, обличаются, по показаніямъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ томъ, что хвалили жидовскую вѣру, хулили Сына Божія и Пречистую Богородицу и всю православную вѣру, и ругались надъ иконами.

Между тѣмъ четверо изъ отданныхъ на поруки бѣжали въ Москву.

Геннадій еще не подозрѣвалъ, что въ самой Москвѣ ересь уже пустила корни. Денисъ и Алексій совратили въ Москвѣ либимца великокняжескаго, дьяка Ѳеодора Курицына, архимандрита Симоновскаго монастыря Зосиму, крестовыхъ дьяковъ Истому и Сверчка и другихъ лицъ. Эти лица дѣйствовали на великаго князя и на митрополита, вѣроятно, представляли имъ, что Геннадій преувеличиваетъ дѣло, и новгородскій архіепископъ долго не получалъ изъ Москвы никакого отвѣта. Это заставило Геннадія усиленнно добиваться отъ великаго князя и митрополита приказанія преслѣдовать еретиковъ. Геннадій хлопоталъ черезъ епископовъ, находившихся въ Москвѣ; указывалъ, что въ Москвѣ послабляютъ еретикамъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ они становятся отважнѣе и ругаются надъ святынею. Настойчивость Геннадія привела, наконецъ, къ тому, что великій князь приказалъ созвать соборъ, и на соборѣ постановили троихъ обвиненныхъ предать торговой казни въ Москвѣ, а потомъ послать къ Геннадію на покаяніе; если же они не покаются, то отослать ихъ къ намѣстникамъ великаго князя въ Новгородъ для „градской“ казни. Кромѣ того, Геннадію поручалось дѣлать дальнѣйшій обыскъ и тѣхъ, которые окажутся виновными, предавать намѣстникамъ для „градской“ казни. Соображаясь съ этимъ рѣшеніемъ собора, Геннадій продолжалъ обыскъ (слѣдствіе) и хваталъ подозрительныхъ. Тѣ, которые приносили покаяніе и сами на себя писали признаніе, подвергаемы были церковной эпитиміи; Геннадій оставилъ ихъ на свободѣ, запретивши имъ только ходить въ церковь, а нераскаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру отсылалъ къ намѣстникамъ для преданія ихъ торговой казни. Но всѣ тѣ, которые принесли предъ нимъ притворное покаяніе, бѣжали потомъ въ Москву и тамъ не только жили на свободѣ, но и распространяли ересь. Духовныя лица, которыхъ Геннадій уже считалъ несомнѣнно еретиками, совершали въ Москвѣ богослуженіе. Сильно возмущала Геннадія безнаказанность еретиковъ, да и послѣдніе болѣе всего ненавидѣли новгородскаго владыку.

Въ 1489 г. скончался митрополитъ Геронтій, человѣкъ несомнѣнно православный по своимъ убѣжденіямъ, но дававшій потачку еретикамъ; быть можетъ, ненавидя Геннадія, онъ неохотно принимался за дѣло, поднятое послѣднимъ, и не довѣрялъ справедливости всего, что выставлялъ новгородскій владыка. Еретики до того взяли верхъ при дворѣ Ивана Васильевича, что своимъ ходатайствомъ могли доставить митрополичью каѳедру такому лицу, какое имъ было нужно. Въ сент. 1490 г. состоялся выборъ: духовныя власти избрали митрополитомъ Зосиму.

Какъ только Зосима усѣлся на митрополичьемъ столѣ, тотчасъ потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры. Это значило, что Геннадія подозрѣваютъ въ неправовѣріи. Геннадій ясно видѣлъ, что къ нему придираются, что враги составляютъ противъ него козни: враги эти—еретики, и новгородскій владыка усилилъ противъ нихъ свою ревность. Геннадій не послалъ Зосиму исповѣданія, объяснивши, что онъ уже далъ его, по обычаю, при своемъ поставленіи въ архіерейскій санъ, а съ своей стороны настоятельно требовалъ приняться немедленно за строжайшій обыскъ надъ еретиками и казнить ихъ безъ милосердія. Геннадій напомнилъ митрополиту, что онъ обязанъ настаивать передъ великимъ княземъ на преслѣдованіи еретиковъ, и указывалъ на государева дьяка и любимца, Ѳеодора Курицына, какъ на корень всякаго зла: „Отъ

него вся бѣда стала, онъ отъявленный еретикъ и заступникъ еретиковъ передъ государемъ". Геннадій этимъ не ограничился: онъ смѣло обличалъ распоряженія самого великаго князя, касавшіяся церкви. Настойчивыя требованія Геннадія, обращаемыя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій не разъ уже писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики на еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали хода: очевидно, люди, принадлежавшіе къ ереси и приближенные къ государю, представляли Геннадія задорнымъ, безпокойнымъ человѣкомъ. Но Геннадій, защищая православіе, защищалъ разомъ и самого себя отъ подкопа, который вели противъ него враги. Вслѣдъ за письмомъ къ митрополиту разразился онъ посланіемъ, обращеннымъ къ русскимъ архіереямъ: ростовскому, суздальскому, тверскому и пермскому; онъ убѣждалъ ихъ всѣхъ требовать немедленнаго созванія собора и суда надъ еретиками, и притомъ суда самаго строгаго. Уликами для еретиковъ должны были служить показанія, отобранныя Геннадіемъ подъ пыткою у тѣхъ, которыхъ прежде выслали къ нему изъ Москвы. Уже онъ посылалъ эти показанія въ Москву, но имъ не вѣрили, говорили, что они вынуждены были муками, и на это недовѣріе горько жаловался Геннадій архіереямъ. Геннадій убѣждалъ архіереевъ, чтобы великій князь непремѣнно послалъ за новгородскимъ архіепископомъ, и убѣждалъ ихъ безъ него не начинать никакого дѣла. Въ показаніяхъ Самсонка и другихъ были признанія въ томъ, что еретики изрекали хулу на Христа, Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, ругались надъ иконами и надъ другими священными вещами. Самъ Самсонко сознавался, что онъ съ попомъ Наумомъ расщепляли святыя иконы, а Наумъ, проходя мимо иконы Богородицы, показалъ ей кукишъ. Иные спали на иконахъ, другіе мылись на нихъ. Макаръ, дьякъ, который ѣлъ въ постъ мясо, плевалъ на икону, а Самсонко вырѣзывалъ изъ просфоръ кресты и бросалъ кошкамъ и собакамъ и проч. Геннадіево посланіе оказало немедленное дѣйствіе. Зосима не хотѣлъ собирать собора, но не могъ противиться общему требованію архіереевъ и большинства духовенства, которое единогласно домогалось суда надъ еретиками. Соборъ открылся 17 октября. Геннадія не пригласили, и архіереи рѣшились приступить къ дѣлу безъ Геннадія, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобы его непремѣнно пригласили на соборъ. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ новгородскаго протопопа Гаврила, нѣсколько священниковъ и дьяконовъ въ томъ, что они не поклонялись иконамъ, ругались надъ ними, называя ихъ, заурядъ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ, признавали тѣло и кровь Христовы простымъ хлѣбомъ и виномъ съ водою. Уличили ли ихъ при этомъ въ прямомъ „жидовствѣ", мы не знаемъ. Еретики упорно отпирались отъ обвиненій, а въ томъ, въ чемъ нельзя было отпереться, клялись и просили прощенія. Соборъ лишилъ ихъ духовнаго сана, предалъ проклятію и осудилъ на заточеніе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ ихъ встрѣтить за 40 верстъ отъ города, надѣть на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: „Се есть сатанино воинство". Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ. Со связанными руками, они си-

дѣли обращенные лицомъ на западъ, по выраженію Іосифа Волоцкаго, въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидалъ вѣчный огонь. Владыка велѣлъ народу плевать на нихъ, ругаться надъ ними и кричать: „Вотъ враги Божіи, хулители христіанскіе". Послѣ того на головахъ ихъ зажжены были берестовые шлемы. По извѣстію Іосифа, Денисъ скоро умеръ, за мѣсяцъ передъ смертью лишившись разсудка. Подобная участь постигла и Захара. Но для искорененія еретическаго духа этимъ еще сдѣлано было немного. Соборное осужденіе постигло указанныхъ нами лицъ не за жидовскую или какую-нибудь опредѣленную ересь, а за противные церкви поступки и выраженія, которые могли одинаково быть послѣдствіемъ разныхъ заблужденій и даже просто безпутной жизни и пьянства. Важные еретики оставались безъ преслѣдованія и жили въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ властей. Таковы были: Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Волкъ, Сверчекъ, Семенъ Клеповъ, Максимовъ и друг. Иванъ Максимовъ нашелъ возможность совратить въ ересь невѣстку великаго князя, вдову Елену.

Распространенію всякаго рода безвѣрія, а также и всякихъ еретическихъ толкованій способствовало то обстоятельство, что въ это время окончилась седьмая тысяча лѣтъ, считаемая отъ сотворенія міра. Уже долгое время было въ ходу вѣрованіе не только на Руси, но и на православномъ востокѣ, что міру должно существовать только 7000 лѣтъ. Вѣрованіе это чрезвычайно древнее и исходитъ еще отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Одинъ изъ раннихъ отцовъ церкви, Ириней, конца II вѣка, писалъ, что во сколько дней созданъ міръ, черезъ столько тысячъ лѣтъ послѣдуетъ его конецъ; съ тѣхъ поръ еще это мнѣніе повторялось многими и въ различныхъ видахъ. Сообразно съ этимъ мнѣніемъ, пасхалія, которою руководствовались для преходящихъ праздниковъ, составлена была на 7000 лѣтъ, и русскіе сроднились съ мыслью, что конецъ пасхаліи согласуется съ концомъ міра. Но пасхалія была въ исходѣ, конецъ міра не приходилъ, и надобно было составлять дальнѣйшую пасхалію. Митрополитъ Зосима изложилъ пасхалію только на слѣдующіе двадцать лѣтъ, но въ то же время поручилъ Геннадію, пріѣхавшему для того въ Москву, составить свою пасхалію, чтобы согласіе между тою и другою послужило мѣриломъ истины. Геннадій написалъ пасхалію на семьдесятъ лѣтъ. Она оказалась дословно сходною въ тѣхъ годахъ, на которые составилъ Зосима, и Геннадіева пасхалія была разослана по всей Руси съ предисловіемъ, гдѣ объяснялся процессъ составленія пасхаліи и приводилась мысль, что нельзя человѣку знать времени кончины міра.

Но составленіе пасхаліи не отняло у еретиковъ возможности пользоваться для своихъ цѣлей исходомъ семитысячныхъ годовъ. „Какъ же это?—говорили они,—апостолы написали, что Христосъ родился въ послѣднее лѣто, а вотъ уже 1500 лѣтъ проходитъ по Рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть, апостолы неправду писали. Говорили, что Христосъ скоро придетъ, а его все нѣтъ!" Такія замѣчанія вызывали со стороны православныхъ необходимость опровергать ихъ, вдаваться въ объясненія какъ священнаго писанія, такъ и св. отцовъ. Геннадій опровергалъ эти замѣчанія, ходившія въ то время въ народѣ, и кромѣ книгъ, признаваемыхъ церковью, ссылался даже на апокрифическія или отреченныя сочиненія, которыя были тогда въ большомъ ходу между духовными, не всегда умѣвшими отличать ихъ отъ каноническихъ.

Страсть къ религіознымъ разсужденіямъ все болѣе и болѣе усиливалась. Митрополитъ Зосима явно показывалъ видъ, что защищаетъ православіе, а на самомъ дѣлѣ былъ опорою для еретиковъ.

Это былъ человѣкъ, преданный обжорству, пьянству, всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ, и потому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Въ тѣ минуты, когда вино дѣлало его откровеннымъ, онъ высказывалъ самыя соблазнительныя мнѣнія: что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что евангельскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія— все вздоръ; иконы и кресты все равно, что болваны. Его причисляли также къ послѣдователямъ жидовства, но едва ли было такъ на самомъ дѣлѣ: отрицаніе будущей жизни несогласимо было съ общепринятыми іудейскими вѣрованіями, и, кажется, Зосима не принадлежалъ ни къ какой ереси, а просто ничему не вѣрилъ, потому что ни о чемъ не заботился кромѣ чувственныхъ удовольствій. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякую ересь и говорилъ: не слѣдуетъ наказывать еретиковъ и отыскивать ихъ. Въ томъ же духѣ говорили не только сами еретики, но и православные, побуждаемые добродушіемъ: „Зачѣмъ осуждать и истязать еретиковъ и отступниковъ? Господь сказалъ: не судите, да не судимы будете". Противъ такихъ мнѣній вооружались въ то время строгіе ревнители православія, и главнымъ изъ нихъ былъ неутомимый Геннадій. Онъ, напротивъ, доказывалъ, что не только слѣдуетъ всѣми возможными средствами отыскивать еретиковъ, но даже не вѣрить ихъ покаянію, когда оно приносится поневолѣ обличенными въ ереси. Геннадій требовалъ, чтобы ихъ жгли и вѣшали. Тогда вопросъ о томъ, какъ относиться къ еретикамъ, занималъ умы. Геннадій придавалъ ему огромную важность и для противодѣйствія своимъ противникамъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго товарища въ игуменѣ волоколамскаго монастыря Іосифѣ. Онъ былъ сынъ землевладѣльца близь Волоколамска, по прозвищу Санина, и происходилъ изъ весьма благочестивой семьи. Самъ Іосифъ въ молодости постригся въ Боровскомъ монастырѣ у знаменитаго и уважаемаго за свою святую жизнь игумена Пафнутія, а впослѣдствіи, еще при жизни послѣдняго, сдѣлался его преемникомъ. Онъ хотѣлъ ввести въ монастырѣ чрезвычайную строгость, но вооружилъ противъ себя всю братію и потому удалился изъ Боровска, скитался около года по своей родинѣ близь Волоколамска. Великій князь лично зналъ его и уважалъ за строгое постничество и необыкновенную по тому времени ученость. Съ Іосифомъ сошелся Геннадій, знакомый съ нимъ еще прежде и пожертвовавшій въ Волоколамскій монастырь свое село Мечевское.

Зосима не долго могъ скрываться. Ревнители благочестія скоро разгадали его, усомнились въ его поведеніи, его двусмысленныхъ выходкахъ, о которыхъ слухъ расходился въ народѣ, и стали обличать его. Митрополитъ, прежде проповѣдывавшій милость ко всѣмъ, теперь самъ сталъ жаловаться великому князю на своихъ враговъ, и великій князь подвергъ нѣкоторыхъ заточенію; но въ 1493 году смѣло и рѣшительно поднялся противъ Зосимы Іосифъ Волоцкій, написавшій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ посланіе къ суздальскому епископу Нифонту, призывая его со всѣми товарищами, русскими іерархами, стать за православную вѣру противъ отступника митрополита. Это посланіе, вѣроятно, написанное заодно съ Геннадіемъ, произвело свое дѣйствіе. Въ 1494 году

митрополитъ, увидѣвши, что вся церковь противъ него вооружается, добровольно отказался отъ митрополіи, всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, объявилъ, что по немощи не можетъ быть митрополитомъ и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ слѣдующаго года, избранъ былъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменомъ Троицко-Сергіевскаго монастрыря. Достойно замѣчанія, какъ велъ себя великій князь въ этомъ случаѣ: предшествовавшія событія показывали ему, что церковь, такъ сильно содѣйствовавшая усиленію верховной мірской власти, способна была, однако, заявлять свою независимость противъ этой власти. Мысль эта уже тяготила Ивана, и этимъ-то, должно быть, пользовались приближенные къ нему еретики, отклоняя его отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ. Иванъ былъ отчасти доволенъ: охлажденіе къ духовенству, распространявшееся въ народѣ, могло содѣйствовать видамъ Ивана. Во-первыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви; во-вторыхъ—возможность осуществить современемъ свое тайное желаніе овладѣть церковными имуществами, желаніе, которое уже давно онъ выказалъ своими поступками, отнявши у новгородскаго владыки и у новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имѣній.

При такомъ настроеніи Ивана Васильевича, еретикамъ удобно было поддѣлываться къ нему и пользоваться его покровительствомъ, увѣряя что всѣ обвиненія въ ереси не что иное, какъ слѣдствіе изувѣрства духовныхъ. Иванъ Васильевичъ давно уже не любилъ Геннадія; Іосифа Волоцкаго онъ уважалъ, но когда послѣдній началъ докучать ему просьбами объ отысканіи и преслѣдованіи еретиковъ, государь и ему велѣлъ замолчать. Еретическое направленіе въ особенности укрѣпилось тогда, когда государь охладѣлъ къ своему сыну Василію и оказывалъ расположеніе къ своей невѣсткѣ и ея сыну. Московскіе еретики, а вмѣстѣ съ ними и бояре Патрикѣевы, благопріятели Елены и ея сына, подстрекали великаго князя присвоить себѣ церковное имущество, что было очень по душѣ Ивану Васильевичу, и государь началъ съ имѣній новгородскаго владыки: онъ отнялъ у Геннадія часть архіепископскихъ земель и отдалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ.

Между тѣмъ, Геннадій, ведя неутомимую войну противъ еретиковъ, первый понялъ, что православію нельзя бороться съ ересями только тѣми средствами насилія, какія до сихъ поръ употреблялись. Въ ереси уходило изъ православія то, что по умственному развитію стояло выше общаго уровня; еретики были всѣ люди начитанные и книжные. Глубокое невѣжество господствовало между духовенствомъ. Во всякомъ свободномъ спорѣ еретика съ православнымъ, первый всегда могъ взять верхъ. Геннадій понялъ это и требовалъ заведенія училищъ. Нѣсколько разъ билъ онъ объ этомъ челомъ великому князю, просилъ ходатайствовать и митрополита Симона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій видѣлъ необходимость распространенія св. писанія. До этихъ поръ книги ветхаго завѣта составляли рѣдкость. Геннадій собралъ разныя части ветхаго завѣта, существовавшія въ древнихъ переводахъ, и присовокупилъ къ нимъ новые переводы другихъ частей. Главными сотрудниками Геннадія въ этомъ дѣлѣ были: пере-

водчикъ великаго князя, Димитрій Герасимовъ, и доминиканецъ, принявшій православіе, по имени Веньяминъ. Библія эта носитъ на себѣ сильный отпечатокъ вліянія латинскаго текста. Не смотря на недостатки этого перевода, Геннадій совершилъ очень важный подвигъ въ дѣлѣ умственнаго развитія на Руси, такъ какъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ переводы священнаго писанія на языкъ страны и распространеніе его имѣли болѣе или менѣе важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ умственной дѣятельности. Хотя, при малограматности русскаго народа, священное писаніе очень долго еще оставалось достояніемъ немногихъ, но эти немногіе, послѣ Геннадія, имѣли возможность познакомиться съ священнымъ писаніемъ въ его цѣломъ объемѣ; пріобрѣтали сравнительно большую широту и правильность взгляда на отвлеченные предметы и получали средства къ возбужденію работы мысли.

Торжество еретиковъ было недолговременно. Въ 1499 году опала поразила Патрикѣевыхъ и ихъ партію; Иванъ охладѣлъ къ невѣсткѣ и внуку, примирился съ Софіею и съ Василіемъ; это дѣлалось медленно, и не прежде, какъ въ апрѣлѣ 1502 года, дѣло приняло рѣшительный оборотъ: Елена съ сыномъ были посажены въ темницу; Василій объявленъ государемъ всея Руси; въ Еленѣ потеряли еретики свою важнѣйшую опору. Но настроеніе, сообщенное Ивану еретиками въ прежнее время, все еще оставалось въ немъ и послѣ того. Еретики первые возбуждали Ивана противъ духовенства, нападали на разныя злоупотребленія, на соблазнительное поведеніе духовныхъ, въ особенности выставляли на видъ старинныя обвиненія, поднятыя стригольниками, обвиненія въ томъ, что духовные поставляются за деньги, „по мздѣ“. Въ 1503 году состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона. На немъ были русскіе епископы и въ числѣ ихъ Геннадій, затѣмъ многіе архимандриты и игумены, и между ними знаменитыя въ свое время лица: Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій. Этотъ соборъ сдѣлалъ постановленіе, отсѣкавшее, повидимому, у вольнодумцевъ исходный пунктъ нападокъ на духовенство: соборъ запретилъ брать какія бы то ни было пошлины отъ поставленій на священнослужительскія мѣста.

Лицо, которое первое подвергалось строгости постановленія соборнаго о безплатномъ постановленіи священниковъ, былъ архіепископъ Геннадій. Едва онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ его обвинили въ томъ, что онъ бралъ „мзду“ со священниковъ еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Это сдѣлалось по совѣту Геннадіева любимца, дьяка Михаила Алексѣева. Великій князь и митрополитъ произвели обыскъ и свели Геннадія въ Москву. Вѣроятно, во избѣжаніе соблазнительнаго суда надъ Геннадіемъ, ему позволили или велѣли подать отъ себя митрополиту „отреченную грамату“ (въ іюнѣ 1504 г.). Въ ней онъ отказывался отъ управленія, какъ-будто по причинѣ немощи. Дѣло это остается для насъ темнымъ. Геннадій имѣло столько враговъ, что взводимое на него обвиненіе могло быть несправедливымъ или, по крайней мѣрѣ, преувеличеннымъ. Геннадій поселился въ Чудовомъ монастрѣ, гдѣ и умеръ черезъ полтора года (въ декабрѣ 1505).

Въ то время, когда уже Геннадій доживалъ свой вѣкъ въ уединеніи, дѣло, начатое имъ, доканчивалъ другъ его, Іосифъ Волоцкій. Послѣ собора, будучи въ Москвѣ, онъ видѣлся съ Иваномъ Васильевичемъ наединѣ

и до того подѣйствовалъ на него своими рѣчами, что великій князь далъ ему обѣщаніе искоренить ересь.

Но послѣ даннаго обѣщанія Иванъ долго ничего не дѣлалъ и снова, призвавши къ себѣ Іосифа обѣдать, спросилъ: „Какъ писано: нѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить?“ На это Іосифъ сказалъ, что у апостола Павла въ посланіи къ евреямъ написано: „Кто отвергнется Моисеева закона, тотъ при двухъ свидѣтеляхъ умретъ. Кольми паче тотъ, кто попираетъ Сына Божія и укоряетъ благодать Святаго Духа“. Иванъ замолчалъ и не велѣлъ Іосифу болѣе говорить объ этомъ.

Изъ этого можно заключить, что Иванъ отчасти самъ подпадалъ вліянію еретиковъ и склонялся къ ереси, а потомъ, хотя и раскаявался, но все еще колебался. Лѣта брали свое. Иванъ слабѣлъ здоровьемъ и приближался къ гробу. Страхъ замогильной жизни побуждалъ его искать примиренія своей души съ церковью; но въ немъ еще боролись прежнія еретическія внушенія, нашедшія къ нему доступъ, потому что были согласны съ его практическою натурою. Вѣроятно, ихъ поддерживали и православные, предпочитавшіе кроткія мѣры жестокимъ. Іосифъ дѣйствовалъ на Ивана черезъ его духовника, андрониковскаго архимандрита Митрофана.

Настойчивость Іосифа и государева духовника Митрофана взяла верхъ. Иванъ Васильевичъ, долго колебавшись, въ декабрѣ 1504 года, созвалъ соборъ и предалъ на его рѣшеніе дѣло объ ереси. Соборъ обвинилъ и предалъ проклятію нѣсколькихъ уличенныхъ еретиковъ. Іосифъ настаивалъ, чтобы не обращали вниманія на ихъ раскаяніе, потому что оно вынужденное, и требовалъ самой жестокой казни надъ наиболѣе виновными. Иванъ Васильевичъ не могъ уже, если бы даже хотѣлъ, спасти ихъ противъ воли всего собора, уступившаго во всемъ убѣжденіямъ Іосифа. Дьякъ Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ и Иванъ Максимовъ были сожжены въ клѣткахъ 28 декабря въ Москвѣ. Некрасу Рукавому отрѣзали языкъ и отправили въ Новгородъ; тамъ сожгли Рукаваго, архимандрита Кассьяна, его брата, и съ ними многихъ другихъ еретиковъ. Менѣе виновныхъ отправили въ заключеніе въ тюрьмы, а еще менѣе виновныхъ въ монастыри.

XC. Иностранцы въ Москвѣ при Іоаннѣ III.

(*По «Исторіи Россіи» Соловьева*).

Татарское иго отдѣлило восточную Русь отъ Европы и заставило ее интересоваться болѣе тѣмъ, что происходило въ Азіи, чѣмъ тѣмъ, что происходило за западною границею. Слѣдствіемъ этого была крайняя рѣдкость сношеній съ болѣе просвѣщенными народами Европы. Къ тому же Русь, принявшая христіанство по обряду восточной церкви, видѣла въ своихъ западныхъ сосѣдяхъ неправославныхъ, еретиковъ. Извѣстно, какъ наши предки были преданы своей вѣрѣ, какъ ревниво охраняли свои религіозные обряды. Относясь съ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ къ иновѣрцамъ, особенно къ латинянамъ, предки наши считали признакомъ неблагочестія входить въ сколько-нибудь близкія отношенія съ

ними. Иноземные обычаи во многомъ были непохожи на русскіе, унаслѣдованные отъ предковъ; а уваженіе къ предкамъ у русскаго народа было всегда развито въ высшей степени. „Ты сдѣлалъ это по чужеземному обычаю“—вотъ фраза, считавшаяся крайне оскорбительною для того, къ кому она была направлена. Къ тому же были еще и другія обстоятельства, тормозившія сближеніе Россіи съ Европою. Западные народы, находившіеся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Россіей, напримѣръ литовцы, шведы, ливонскіе нѣмцы, очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ нашими предками. Войны съ ними не могли, конечно, возбудить взаимныхъ симпатій между Россіею и Западомъ—симпатій, къ которымъ не вели, какъ мы видѣли выше, и другія причины. Слѣдствіемъ этого отчужденія отъ Европы была значительная отсталость русскихъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Русскіе не могли не признавать многихъ преимуществъ, которыя имѣла Европа передъ ними, но перенимать у нея, подражать ей считали дѣломъ для себя неподходящимъ.

Нѣсколько иными глазами на Европу взглянулъ Иванъ Васильевичъ. Его преданность православной вѣрѣ, преданность отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ не позволяла ему желать преобразованія своего государства по западно-европейскому образцу; но, тѣмъ не менѣе, онъ не чуждался сношеній съ Западомъ. Добившись самодержавія и сдѣлавшись могущественнымъ государемъ, онъ не могъ не пожелать вступить въ сонмъ западно-европейскихъ монарховъ, величавшихъ себя титулами королей и императоровъ. Иванъ III любилъ обмѣниваться съ ними посольствами, число которыхъ въ это время весьма сильно увеличивается, въ сравненіи съ предъидущими княженіями. Почти неизвѣстная Европѣ дотолѣ „Московія“ все болѣе и болѣе начинаетъ выдвигаться изъ мрака. Послы отъ папъ, германскихъ императоровъ, венгерскихъ королей, не говоря уже о послахъ литовскихъ и польскихъ, все чаще и чаще начинаютъ предпринимать далекія и нелегкія въ то время поѣздки въ столицу Московскаго государства. Съ своей стороны и Иванъ III снаряжалъ посольства къ различнымъ дворамъ, обмѣнивался подарками съ европейскими государями.

Независимо отъ этихъ сношеній съ иностранными дворами, Иванъ III сталъ призывать въ Москву разныхъ мастеровъ изъ-за границы. Иванъ III страстно любилъ постройки, и при немъ столица сѣверо-восточной Руси украсилась многими новыми зданіями. Любя пышность и великолѣпіе, Иванъ III съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Московское государство не имѣетъ опытныхъ ремесленниковъ и художниковъ, могущихъ взять на себя исполненіе той изящной и величавой обстановки, которою московскій государь хотѣлъ окружить свою власть. Къ тому же онъ видѣлъ, что и въ государственномъ отношеніи важно воспользоваться трудами и знаніями иностранныхъ мастеровъ: эти послѣдніе были гораздо опытнѣе русскихъ въ постройкѣ укрѣпленій, въ выдѣлкѣ оружія; они могли научить русскихъ горному дѣлу, познакомить ихъ съ устройствомъ и употребленіемъ разныхъ машинъ и т. п. По всей вѣроятности, жена Ивана III, Софія Палеологъ, проведшая молодость свою въ центрахъ европейской цивилизаціи того времени, дѣйствовала на своего мужа въ томъ же смыслѣ, убѣждая его озаботиться вызовомъ опытныхъ архитекторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, врачей и людей другихъ профессій въ Россію.

Отправляя посла своего, Толбузина, въ Венецію, Иванъ Васильевичъ велѣлъ ему поискать и пригласить въ Москву архитектора, который умѣлъ бы строить церкви. Поводомъ для этого послужило намѣреніе реставрировать соборную церковь Успенія, построенную еще при Калитѣ, но обветшавшую до того, что своды ея тронулись. Реставраціею занялись-было русскіе строители, но не имѣли успѣха: возобновленный ими соборъ рухнулъ, прежде чѣмъ своды его были окончены. Тогда Иванъ рѣшилъ поручить дѣло, вѣроятно, по совѣту Софіи, итальянскому архитектору и повелѣлъ Толбузину пріискивать таковаго. Юрію Трахіоноту, отправлявшемуся въ качествѣ посла къ германскому императору, Иванъ III далъ слѣдующій наказъ: „Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить и рядить ихъ, чтобы ѣхали къ великому князю на наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который умѣлъ бы къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять; да каменщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить; да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“.

Вызовъ, сдѣланный Иваномъ Васильевичемъ, не былъ безуспѣшенъ: правда, первоклассныехудожники и мастера отказывались ѣхать въ невѣдомую Московію; но все же явилось нѣсколько опытныхъ знатоковъ своего дѣла, которые какъ своимъ искусствомъ, такъ и новыми пріемами приводили въ удивленіе москвичей. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ уроженецъ города Болоньи Аристотель Фіоравенти, договоренный Толбузинымъ за десять рублей въ мѣсяцъ. Этотъ человѣкъ зналъ много „хитростей“ и, по пріѣздѣ въ Москву, сталъ строить храмы, чеканить монету, лить пушки, учить, какъ должно стрѣлять изъ нихъ. Фіоравенти было поручено возобновленіе Успенскаго собора. Итальянскій архитекторъ призналъ стѣны, возведенныя прежними мастерами, негодными и сталъ разбивать ихъ. Съ этой цѣлью онъ устроилъ стѣнобитную машину, которая приводила въ восторгъ жителей Москвы. Но восторгъ ихъ увеличился еще болѣе, когда они увидѣли, что архитекторъ устроилъ колесо, поднимавшее на весьма значительную высоту тяжелые камни. Постройка собора продолжалась около четырехъ лѣтъ и окончилась въ 1479 г. Освященіе новаго собора, неимѣвшаго по своему изяществу равнаго въ то время на Руси, было торжественно отпраздновано Иваномъ и всею Москвою.

Къ концу XV ст. въ Москвѣ все чаще и чаще стали появляться иностранцы. Это были лекаря, аптекари, литейщики, архитекторы. Между ними встрѣчаемъ даже „органнаго игреца“. Нѣмецъ Де-Викторъ открылъ серебряную и мѣдную руду въ Печерскомъ краѣ. Венеціанецъ Маркъ Фрязинъ построилъ Грановитую палату, предназначеную для торжественныхъ пріемовъ. Иванъ Васильевичъ же долго еще продолжалъ жить въ деревянномъ дворцѣ; наконецъ, въ 1499 г., приказалъ миланцу Алевизу заложить каменный. Примѣру государя послѣдовали другіе, и Москва стала мала-по-малу украшаться каменными зданіями. Впрочемъ, и нѣсколько раньше, чѣмъ Иванъ Васильевичъ велѣлъ строить себѣ новый дворецъ, каменныя палаты возникли на митрополичьемъ

дворѣ, а также у купца Тараканава, близь Фроловскихъ воротъ. Между иностранными мастерами было два врача, Леонъ и Антонъ, оба нѣмецкаго происхожденія. Имъ очень не повезло въ Россіи. Леонъ лѣчилъ сына Ивана Васильевича, Ивана Молодаго. Онъ ручался своею головою, что больной выздоровѣетъ, но ошибся въ разсчетѣ: больной скончался. Тогда стали ходить слухи о томъ, что Леонъ виновникъ печальнаго исхода болѣзни. Вѣроятно, во всемъ этомъ играло видную роль нерасположеніе къ иностранцамъ, которое питали русскіе. Они могли сознавать, что иностранцы опытнѣе ихъ и могутъ принести имъ извѣстную пользу, но все же смотрѣли на нихъ съ тайнымъ злорадствомъ и недовѣріемъ, толковали всякую ошибку и неудачи съ ихъ стороны имъ же во вредъ. Безъ сомнѣнія, и Иванъ III въ значительной степени раздѣлялъ этотъ взглядъ, потому что велѣлъ отрубить голову Леону. Участь другого врача, Антона, была не менѣе печальна. Онъ пользовалъ одного татарскаго царевича, бывшаго на московской службѣ. Когда больной умеръ, то стали говорить, что нѣмецъ уморилъ его „смертнымъ зеліемъ на смѣхъ". Родственники царевича требовали казни Антона, и Иванъ велѣлъ имъ выдать лѣкаря. Несчастный предлагалъ большой выкупъ, и корыстолюбивые татары готовы были отпустить его; но великій князь считалъ подобную сдѣлку предосудительною и велѣлъ умертвить Антона. Эти варварскіе поступки привели въ сильное негодованіе жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ: нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Фіоравенти, стали проситься на родину, но ихъ задержали силою. Правительство не желало лишиться въ нихъ полезныхъ людей, а съ другой стороны боялось, чтобы они, зная основательно Московское государство, не стали распространять о немъ дурныхъ вѣстей за границею, чѣмъ могли бы воспользоваться враги Московскаго государства. Вообще боязнь какого-нибудь худа отъ того, если иностранецъ близко ознакомится съ Москвою, очень долго замѣчалась въ нашихъ предкахъ. Они старались, чтобы даже и тѣ иностранцы, которые пріѣзжали въ качествѣ пословъ, знакомились со страною и ея населеніемъ, какъ можно, меньше.

XCI. БОРЬБА СЪ ПОЛЬШЕЮ И ВОЗВРАЩЕНІЕ СМОЛЕНСКА.

(Изъ „Исторіи русскаго народа" Полеваго, т. VI).

Прошло около четырехъ лѣтъ послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Сигизмундомъ. Съ обѣихъ сторонъ не думали держать его и ссорились, не боясь войны. Человѣкъ, все потерявшій въ послѣднюю войну, Михаилъ Глинскій, возбуждалъ Василія, надѣясь все выиграть при новыхъ замѣшательствахъ. Сигизмундъ съ завистью смотрѣлъ на обширныя области, отторгнутыя русскими. Онъ надѣялся всего болѣе на помощь Крыма, гдѣ Менгли-Гирей утратилъ волю и власть, совершенно довѣряясь дѣтямъ и вельможамъ своимъ. Польша платила ему ежегодную дань и пріобрѣла его дружбу. Открывались неудовольствія и въ завоеванныхъ русскими областяхъ, гдѣ Василій безпрерывно стѣснялъ права властителей и князей. Не исчисляемъ здѣсь подробностей, мелочныхъ ссоръ и

неудовольствій. Спорили о границахъ, о плѣнникахъ, о людяхъ, перебѣжавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Василій жаловался и на стѣсненное житье Елены въ Литвѣ. Наконецъ, въ маѣ 1512 года неудовольствія возрасли до величайшей степени, и началась десятилѣтняя упорная война. Прежде всего крымскіе хищники напали на Бѣлевъ, Одоевъ, Рязань. Противъ нихъ выступили войска. Часть татаръ ушла, не дожидаясь защитниковъ; другихъ преслѣдовали до самаго Дона. Василій послалъ упрекать Менгли-Гирея въ нарушеніи договоровъ и забвеніи дружбы. Ханъ отвѣтствовалъ, что набѣгъ сдѣланъ безъ его вѣдома. Василій не входилъ болѣе въ переговоры, хотѣлъ дѣйствовать, предупредить Сигизмунда, ибо зналъ, что Крымъ враждуетъ волею Польши. Говорили, что въ гнѣвѣ онъ обѣщалъ воевать съ Польшею до тѣхъ поръ, пока лошадь его будетъ ходить, а сабля рубить. Отправивъ къ Сигизмунду складную грамату, онъ исчислялъ въ ней все, что давало причину къ новой войнѣ: утѣсненіе Елены, неисполненіе условій, подговоръ татаръ на Москву. Объявляя при томъ войну, Василій написалъ имя Сигизмунда безъ титула. Сильное войско русское выступило на Литву отовсюду. Самъ Василій выѣхалъ къ Смоленску 19-го декабря 1512 года. Главное войско, при которомъ былъ самъ великій князь, находилось подъ предводительствомъ царевича Петра, князя Даніила, князя Михаила Глинскаго, двухъ князей Масальскихъ, братьевъ Василія, и многихъ другихъ.

Сигизмундъ, казалось, не страшился огромныхъ силъ русскихъ. Крѣпкимъ Смоленскомъ начальствовалъ храбрый воевода его Сологубъ. Надѣясь, что Крымъ не замедлитъ помощью, Сигизмундъ защитилъ только Литву войскомъ и прислалъ укорять Василія въ вѣроломствѣ. Вмѣсто отвѣта, русское войско облегло Смоленскъ и раззорило всѣ его окрестности. Ночью, напоивъ воиновъ крѣпкимъ медомъ, сдѣлали шумный стремительный приступъ къ городу. Сологубъ отразилъ осаждавшихъ, и нападенія ихъ прекратились. Два мѣсяца послѣ того войско русское стояло безъ дѣйствія подъ Смоленскомъ, и отступило наконецъ, принужденное къ тому разлитіемъ водъ. Въ январѣ 1513 г. скончалась въ Вильнѣ королева Елена. Въ Москвѣ явно говорили, что она отравлена. Не смотря на то, что Василій показывалъ видъ, будто вѣритъ этой клеветѣ, онъ не отвергъ мира, предложеннаго Сигизмундомъ, ждалъ пословъ его, боялся только, не хотятъ-ли его провести, выиграть у него время, и снова, говоря о мирѣ, привелъ въ движеніе войска свои. Въ іюнѣ сдѣланы были распоряженія къ походу; самъ Василій выѣхалъ въ Боровскъ, но медлилъ. Только князь Рѣпня подходилъ къ Смоленску и прогналъ Сологуба, выступившаго навстрѣчу русскимъ. Въ концѣ сентября опять многочисленное войско, при личномъ присутствіи Василія, осадило Смоленскъ и, пока отряды русскіе раззоряли селенія въ Литвѣ, стояло шесть недѣль подъ городомъ, стрѣляло изъ пушекъ, ходило на приступы и отошло безъ успѣха; начались дожди, сдѣлалась непроходимая грязь. Василій возвратился въ Москву.

Зимою, въ февралѣ 1514 г., привезли къ нему отвѣтъ на письмо, писанное имъ къ императору въ 1508 году. Императорскій посолъ увѣрялъ, что государь его готовъ воевать Польшу. Василій обрадовался. Заключили договоръ и въ нѣмецкомъ переводѣ назвали великаго князя императоромъ. Послы русскіе поѣхали въ Германію. Императоръ утвердилъ договоръ золотою печатью, честилъ пословъ Василія, прислалъ

отъ себя новыхъ пословъ, которыхъ великолѣпно и роскошно встрѣчали и угощали повсюду, на пути и въ Москвѣ. Но императоръ не начиналъ войны.

Двукратный безуспѣшный походъ къ Смоленску огорчалъ Василія. Глинскій взялся дополнить то, чего не доставало русскимъ въ искусствѣ или мужествѣ. Онъ требовалъ только, чтобы въ награду отдали Смоленскъ ему и объявили его княземъ Смоленскимъ. Василій обѣщалъ. Глинскій исполнилъ свое слово. Жители Смоленска и безъ того были въ отчаяніи отъ двукратной осады. Видя въ третій разъ подходящія русскія дружины, они пристали къ сторонѣ друзей Глинскаго, находившихся въ Смоленскѣ, изъ коихъ главнымъ былъ епископъ Варсонофій. Въ концѣ іюля Смоленскъ былъ осажденъ снова. Едва загремѣли пушки русскія, въ городѣ сдѣлалось смятеніе. Жители вбѣгали на стѣны, просили пощады, другіе умоляли Сологуба не противиться и сдать городъ русскимъ. Тщетно храбрый защитникъ Смоленска увѣрялъ, что скоро будетъ помощь отъ Сигизмунда, что русскіе и на сей разъ отойдутъ со стыдомъ. Его не слушали. Со стѣнъ не прекращались вопли жителей, молившихъ о помилованіи. Пальба прекратилась. Епископъ Варсонофій явился на городскомъ мосту и извѣстилъ о сдачѣ Смоленска. Августа 1-го Василій торжественно въѣхалъ въ покорившійся городъ и, къ изумленію измѣнника Глинскаго, началъ самовластно распоряжаться, называя Смоленскъ своею отчиною и дѣдиною, древнимъ достояніемъ Руси, нынѣ возвращеннымъ отечеству волею Божіею, оружіемъ и побѣдою. Глинскій, рабски преданный дотолѣ, руководствовавшій политикою Василія, спутникъ во всѣхъ походахъ его, осмѣлился напомнить о данномъ словѣ; вмѣсто отвѣта, Василій смѣялся надъ безразсуднымъ честолюбіемъ измѣнника. Глинскій замолчалъ и продолжалъ усердствовать.

Завоевавъ Смоленскъ, войско немедленно отправилось далѣе, и начало раззорять окрестности Мстиславля. Кричевъ и Дубровна передались русскимъ. Василій подтвердилъ смольнянамъ ихъ права и преимущества, пожаловалъ измѣнниковъ смоленскихъ, одарилъ ихъ. Уважая храбрость Сологуба, онъ отпустилъ его къ Сигизмунду; прибавилъ къ титулу своему названіе „смоленскій“ и, опредѣливъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ князя Шуйскаго, поѣхалъ въ Москву торжествовать. Въ Дорогобужѣ получилъ онъ вѣсть неожиданную.

Главное войско русское, посланное на Литву, находилось подъ начальствомъ Челяднина. Однимъ изъ отрядовъ его начальствовалъ Глинскій. Пылая мщеніемъ за вѣроломство Василія, измѣнникъ предложилъ королю польскому свои услуги, если только король проститъ ему прежнюю вину и возвратитъ прежнія помѣстья и милости. Взятіе Смоленска встревожило Сигизмунда. Крымцы не шли на помощь, а русскіе немилосердно раззоряли Литву. Сигизмундъ зналъ, кому были обязаны русскіе Смоленскомъ; обвинялъ Сологуба въ малодушіи, робости, безпечности, судилъ и казнилъ его, но милостиво принялъ предложеніе Глинскаго. Измѣннику обѣщано было забвеніе всего: Глинскій хотѣлъ показать путь къ побѣдѣ войску польскому, которое поспѣшно выступило тогда противъ русскихъ подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго. Обнадеженный въ будущей судьбѣ, Глинскій оставилъ ввѣренный ему отрядъ и поѣхалъ къ польскому полководцу. Но онъ не зналъ, что отовсюду стерегли его завистливые соглядатаи; письма его были уже пере-

хвачены и пересланы къ Василію; знали даже, гдѣ и когда поѣдетъ Глинскій къ полякамъ, и на дорогѣ захватили его, обезоружили его свиту и представили всѣхъ бѣглецовъ въ Дорогобужъ къ раздраженному Василію, который жестоко началъ упрекать Глинскаго въ измѣнѣ. „Ты самъ измѣнилъ, безчеловѣчный!“ вскричалъ Глинскій. „Я вѣкъ былъ бы тебѣ вѣренъ, если бы ты исполнилъ свое слово и отдалъ мнѣ Смоленскъ! Въ чемъ упрекаешь меня? Я хотѣлъ только удалиться отъ тебя, не предавая тебя и не измѣняя. Вели скорѣе отвести меня на казнь. Лучше умереть, нежели видѣть лицомъ къ лицу тирана ненавистнаго!“ Но не казнь ожидала этого человѣка, столь замѣчательнаго, столь достопамятнаго въ русской исторіи. Его сковали и увезли въ Москву. Вскорѣ отправился туда и Василій, испуганный неожиданною перемѣною обстоятельствъ.

Князь Острожскій хитрилъ нѣсколько дней съ русскими воеводами; вдругъ перешелъ черезъ Днѣпръ и 8-го сентября близъ Орши напалъ на Челяднина, который не ожидалъ его и ссорился съ своими товарищами. Острожскій наголову разбилъ все русское войско, не смотря на превосходство силъ его. Челяднинъ, тридцать семь князей и знатныхъ чиновниковъ, 1500 дворянъ и множество воиновъ отдались въ полонъ; множество было убитыхъ и утонувшихъ въ Днѣпрѣ. Потеря русскихъ простиралась всего до 30000 человѣкъ; пушки и обозы достались непріятелю. Радость о побѣдѣ была всеобщая въ Литвѣ и въ Польшѣ. Острожскаго уподобляли Александру Македонскому и плохими стихами воспѣвали его побѣду. Онъ велѣлъ пѣть благодарственные молебны на литовскомъ и русскомъ языкахъ и построилъ двѣ церкви. Смольняне ужаснулись, боясь наказанія за свое предательство: они прислали тайно звать Острожскаго, обѣщая сдать ему городъ. Острожскій бросился къ Смоленску; русскіе отряды поспѣшно удалились предъ нимъ; но Острожскаго предупредилъ бдительный намѣстникъ смоленскій. Онъ провѣдалъ объ измѣнѣ; схватилъ епископа Варсонофія и отослалъ въ Москву; другихъ измѣнниковъ повѣсили на городской стѣнѣ, надѣвъ на нихъ шубы, подарки Василія и привѣсивъ къ нимъ даже серебряные ковши, какими наградилъ ихъ Василій за первую измѣну. Острожскій приступилъ однакожъ къ Смоленску, осадилъ сей городъ и былъ отбитъ. Все дѣло кончилось только отнятіемъ литовскихъ областей, занятыхъ русскими за Смоленскомъ.

Такимъ образомъ, побѣда оршинская не имѣла важныхъ послѣдствій. Василій оградился остальнымъ войскомъ и терпѣливо ждалъ непріятеля. Сигизмундъ ожидалъ значительнаго пособія, извѣстивъ крымскаго хана о своей удачѣ. Въ самомъ дѣлѣ, крымцы двинулись, думая, что застанутъ Василія врасплохъ. Казаки пристали къ толпамъ татарскимъ. Все ринулось на южные города; но непріятелей вездѣ ожидали воеводы русскіе. Боясь зимы, татары удалились. Все зло Руси отъ крымцевъ кончилось грабежомъ Сѣверскихъ областей. Твердость или, лучше сказать, упрямая настойчивость, была добродѣтелью Василія. Ни за что не хотѣлъ онъ мириться: отложилъ только на время походы въ Литву, искалъ себѣ союзниковъ въ нѣмецкихъ рыцаряхъ, въ императорѣ, а всего дѣятельнѣе старался лишить Сигизмунда помощи крымцевъ. Менгли-Гирей умеръ весною 1515 года. Махметъ-Гирей, старшій сынъ его, буйный, жадный наѣздникъ и властитель честолюбивый, наслѣдовалъ отцу.

Но братья не совсѣмъ слушались Махмета; каждый дѣйствовалъ по-своему. „Чего думаетъ вашъ государь?“ говорилъ посламъ Василія братъ Махмета, Ахматъ-Калга, жившій въ Очаковѣ. „Пусть онъ отдастъ мнѣ Кіевъ, и я помогу ему завоевать Литву. Незачѣмъ посылать къ брату моему. Былъ отецъ нашъ царь, и сынъ его царь, и всѣ князья наши цари!“ Важное пособіе Польшѣ составилось уже между тѣмъ въ казакахъ. Сигизмундъ особенно покровительствовалъ казакамъ, посылалъ имъ оружіе, деньги; дарилъ мѣста для поселеній, и казаки крѣпко стояли за Польшу, бились съ татарами.

Между тѣмъ, Махметъ, получивъ подарки отъ посла Василіева, клялся быть ему союзникомъ; но получилъ подарки отъ Сигизмунда и прислалъ посла въ Москву, угрожая войною, требуя нелѣпостей: отдачи Польшѣ Смоленска, Брянска, Путивля, дани татарамъ съ Одоева. Татары уже готовились къ набѣгу, даже нападали на Русь. Василій снова склонилъ Махмета на союзъ, червонцы польскіе опять разрушили дѣло, и сынъ хана, Баядуръ, опустошилъ предѣлы Рязани и Мещеры; но лѣтомъ 1516 г. татары напали, наконецъ, на Литву. Махметъ прислалъ въ Москву, хвасталъ набѣгомъ и дружбою, просилъ даровъ. Главное, онъ условливался, что Василій будетъ ему помогать противъ непримиримыхъ враговъ его, астраханцевъ и ногаевъ.

Василій обѣщалъ все, требовалъ только одного—войны съ Польшею. Махметъ согласился, заключилъ договоръ, но лѣтомъ 1517 года татары вторгнулись въ Русь и прошли до самой Тулы. Причиною было то, что Василій забылъ послать въ Крымъ дары; Сигизмундъ былъ памятнѣе и щедрѣе. Къ счастью, князья Одоевскій и Воротынскій разбили крымцевъ; князь Шемякинъ прогналъ ихъ изъ Путивля. Русь и Польша дѣйствовали, такимъ образомъ, другъ противъ друга.

Войны не было. Василій не выпускалъ изъ рукъ Смоленска; Сигизмундъ гордился оршинскою битвою. Оба хотѣли мира. Но Василій не искалъ его; король польскій, напротивъ, просилъ императора посредствовать въ мирѣ его съ Русью. Императоръ былъ уже тогда союзникомъ, а не врагомъ Польши. Сигизмундъ видѣлся съ нимъ въ Пресбургѣ, у брата своего, короля венгерскаго. Тамъ обручили сына Максиміліанова съ дочерью венгерскаго короля. Сигизмундъ обѣщалъ императору помощь въ войнѣ противъ турокъ, но за то требовалъ посредства между Польшею и сѣверными варварами.

Василій не изъявилъ ни малаго гнѣва, когда императоръ, обѣщавъ прежде помогать ему, вдругъ сдѣлался другомъ Польши. Въ апрѣлѣ 1517 г. пріѣхалъ въ Москву посолъ Максиміліана: это былъ знаменитый баронъ Герберштейнъ, дипломатъ опытный, умный, памятный для насъ описаніемъ Руси, какое составилъ онъ, дважды посѣтивъ Москву. Герберштейнъ проговорилъ предъ Василіемъ длинную рѣчь, гдѣ истощилъ всѣ тонкости тогдашняго дипломатическаго краснорѣчія, уговаривая его мириться, доказывая пользу мира, вредъ войны. Василій изъявилъ согласіе. Послы польскіе пріѣхали въ Москву въ октябрѣ. Герберштейнъ дожидался ихъ; но переговоры остановились, ибо узнали о внезапномъ началѣ военныхъ дѣйствій. Безъ воли Василія (какъ онъ увѣрялъ), псковскій воевода нечаянно захватилъ и ограбилъ Рославль. Константинъ Острожскій бросился къ Опочкѣ и осадилъ сей городъ.

Воевода Салтыковъ мужественно защищался въ этомъ ничтожномъ городкѣ цѣлыя двѣ недѣли.

Русскія войска спѣшили помогать ему и на пути разбили корпусъ поляковъ. Князь Острожскій снялъ осаду Опочки; дѣйствія военныя прекратились. Тогда начались въ Москвѣ переговоры о мирѣ. Но Герберштейнъ напрасно истощалъ свое краснорѣчіе. Поляки требовали обратно всѣхъ завоеваній Іоанна; русскіе—Кіева, Витебска, Полоцка, даже удѣла Елены въ Литвѣ. Объ отдачѣ Смоленска Польшѣ и слышать не хотѣли. Переговорщики даже едва не поссорились, обвиняя другъ друга въ упрямствѣ. Василій не хотѣлъ также исполнить и особенной частной просьбы императора—отпустить Михаила Глинскаго. Отвѣчали, что только принятіе православной вѣры спасло Глинскаго отъ казни, ибо онъ, происходя отъ православныхъ родителей, вѣроломно перешелъ въ латинскую ересь, а теперь кается и проситъ принять его въ православіе снова. Однакожъ Василій ласково отпустилъ посла императорскаго, и отправилъ дьяка своего Племянникова къ императору, въ ноябрѣ 1517 г. Принятый со всѣми изъявленіями дружбы при дворѣ императора, дьякъ требовалъ помощи его на Сигизмунда, который, какъ видѣли послы императорскіе, обманываетъ императора и великаго князя русскаго и не хочетъ мириться. Послы императорскіе пріѣхали въ іюлѣ 1518 года въ Москву снова говорить о мирѣ. Они говорили много, великолѣпно; изображали необходимость всѣмъ христіанскимъ государямъ жить въ согласіи и соединенно напасть на грозныхъ оттомановъ, стращали Василія опасностью отъ турокъ, но не успѣли ни въ чемъ. Василій спокойно выслушалъ пространныя рѣчи; хотѣлъ уступки Смоленска и только обѣщалъ не воевать съ Польшею въ слѣдующемъ году, но за то требовалъ соединенія императора съ нимъ противъ Польши, ибо императоръ видитъ, что не онъ, а Сигизмундъ не хочетъ мира. И на сей разъ переговоры кончились ничѣмъ. Василій предложилъ-было размѣнять плѣнныхъ, которыхъ въ Польшѣ и Руси содержали жестоко. Сигизмундъ не согласился. За послѣднимъ словомъ Василій отправилъ къ императору дьяка Борисова. Максимиліану было тогда не до войны Руси съ Польшею. Его занималъ соборъ аугсбургскій, гдѣ Лютеръ громко возвысилъ свой голосъ. Января 12-го Максимиліанъ умеръ, возвращаясь изъ Аугсбурга. Карлъ V-й наслѣдовалъ ему. Русь была забыта юнымъ императоромъ.

За то и Василій не сдержалъ своего слова: онъ немедленно послалъ войско осаждать Полоцкъ (въ 1518 году). Русскихъ успѣли прогнать отъ Полоцка; но настоящая опасность Польши только еще приближалась; въ 1519 году, Сигизмундъ узналъ всю мѣру хитрой политики и великой силы русскаго властителя.

Страшнымъ, давно неслыханнымъ набѣгомъ полетѣли крымцы по областямъ Сигизмунда. Тогда же новый, неожиданный врагъ сталъ грозить Польшѣ отъ береговъ Балтійскаго моря. Василій искалъ союза съ нѣмецкимъ или Тевтонскимъ орденомъ. Это военно-духовное братство, болѣе 200 лѣтъ бывшее грозою Литвы и Польши, упало тогда совершенно, стѣсненное отовсюду. Альбертъ бранденбургскій, избранный въ гермейстеры въ 1511 году, тщетно искалъ защиты противъ Польши у императора и рѣшилъ воспользоваться силою русскихъ, желая выиграть утвержденіе своей независимости. Онъ говорилъ объ этомъ посламъ Василія, возвращавшимся въ 1516 г. отъ императора. Дѣло казалось

столь важнымъ, что Шонбергъ, посолъ Альберта, на первой недѣлѣ великаго поста пріѣхавшій въ Москву, велъ переговоры съ боярами и былъ принятъ Василіемъ въ тотъ самый день, когда онъ пріобщался: Альбертъ требовалъ одного—денегъ. Василій согласился, съ тѣмъ, чтобы начать войну немедленно. Въ мартѣ 1517 г. дворянинъ Загряжскій былъ у гермейстера въ Кенигсбергѣ. Ливонскій магистръ не совѣтовалъ Альберту вѣрить русскимъ. Папа Левъ X-й также не совѣтовалъ ему вступаться въ распрю сильныхъ, и лучше ждать всего отъ времени. Но Альбертъ ничего не слушалъ. Василій льстилъ ему всячески: писалъ за него къ королю французскому, соглашался на службу съ папою и наконецъ послалъ даже значительное количество серебра. Альбертъ унижался передъ русскимъ властителемъ до того, что приказалъ посламъ своимъ кланяться ему въ землю. Дѣло было кончено. Получивъ деньги, гермейстеръ набралъ войско и напалъ на занятые Польшею прусскіе города. Въ то же время хищники крымскіе жгли и грабили Волынь. Неоднократный побѣдитель крымцевъ, князь Острожскій, спѣшилъ разбить ихъ и во второй разъ въ жизни испыталъ жестокое пораженіе: подъ Соколомъ Баядуръ, предводитель крымцевъ, жестоко разбилъ его и безпрепятственно опустошилъ земли литовскія и польскія до самаго Кракова. Русскія дружины въ это время вступили тремя путями въ Литву: Шуйскій изъ Новгорода, Курбскій изъ Стародуба прошли до самой Вильны. Воевода Годуновъ и князь Елецкій грабили окрестности Витебска и Полоцка. Царевичъ Ѳеодоръ, сынъ Алегама, раззорялъ Литву налетомъ, соединяясь съ сыномъ Даніила Щени, княземъ Михаиломъ.

Если бы въ этой войнѣ принятъ былъ правильный планъ, если бы Василій былъ одаренъ умомъ отца своего, Сигизмундъ могъ бы погибнуть; по крайней мѣрѣ, Русь могла бы пріобрѣсти тогда великія выгоды. Но Альбертъ тщетно предлагалъ русскимъ завоевать Самогитію и войти потомъ въ Мазовію, гдѣ онъ соединится съ ними и отниметъ у Сигизмунда всѣ средства защиты. Русскіе, по старой привычкѣ, ходили грабить Литву, довольствовались добычею и дѣйствовали наудачу. Василій, можетъ быть, ослѣпленный успѣхами, неосторожно оскорбилъ въ это время Махмета, и сдѣлалъ его изъ союзника врагомъ своимъ. Татары немедленно удалились изъ Польши. Сигизмундъ спѣшилъ предложить Василію перемиріе, польстивъ его уступкою Смоленска. Василій согласился, ввелъ опустошительныя толпы свои обратно въ русскіе предѣлы и въ сентябрѣ заключилъ съ Польшею перемиріе на полгода.

Въ декабрѣ 1522 г., послѣ продолжительныхъ споровъ, заключенъ былъ, наконецъ, миръ съ Польшею; но Василій гордо отвергъ предложеніе вести переговоры въ Польшѣ, требовалъ присылки пословъ въ Москву и упорно настоялъ на отдачѣ Смоленска. Сигизмундъ хотѣлъ за то, по крайней мѣрѣ, прочнаго мира. И въ этомъ было ему отказано. Заключили миръ только на пять лѣтъ; границею положено было теченіе Днѣпра, ниже Смоленска, и по рѣкѣ Мерѣ, вверхъ до рѣки Иваки. Такимъ образомъ, желаніе Василія исполнилось: Смоленскъ, отторгнутый Витовтомъ при его прадѣдѣ, сто двадцать лѣтъ бывшій оплотомъ Литвы противъ Руси, присоединился снова къ Русской землѣ. Ни перемѣны счастья, ни продолжительная война не возвратили Польшѣ завоеваній Іоанна и сына его. Опустошенія Литвы и сговорчивость короля польскаго показывали крѣпость и силу Руси. Ненадежность мира являла, что

при первомъ удобствѣ Польша снова увидитъ хоругви русскія въ своихъ предѣлахъ безъ надежды на успѣхъ въ битвахъ.

Мы видѣли дѣла Василія. Не одаренный ни мудростью, ни мужествомъ, ни твердостью души отцовской, онъ выдержалъ продолжительную войну противъ короля Сигизмунда; совершенно кончилъ исторію удѣловъ и вольныхъ городовъ въ Русской землѣ и, не смотря на частыя неудачи, удерживалъ и успѣлъ удержать успѣхи Крыма и Казани при отважномъ Махметъ-Гиреѣ и смѣломъ Сафа-Гиреѣ. Василій умножилъ великолѣпіе двора и любилъ пышность. Онъ украсилъ Кремль и Москву многими зданіями и церквами; укрѣпилъ многіе города стѣнами каменными; ободрялъ и любилъ переселившихся въ Русь иноземцевъ, художниковъ и торговцевъ. Оршинская битва, набѣгъ Махмета на Москву, неудачи подъ Казанью—все было закрыто однимъ: завоеваніемъ Смоленска.

XCII. ПОСТЕПЕННОЕ ПАДЕНІЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВА.

(*Изъ соч. Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“*).

Московская политика въ борьбѣ съ вѣчевымъ началомъ постоянно отличалась двумя главными чертами: съ одной стороны—большою сдержанностью, совершенно естественною при выжиданіи нарушеній старины отъ самихъ противниковъ, а съ другой—крайнею искусственностью, являющеюся необходимымъ слѣдствіемъ стремленія сохранить за собою внѣшнюю справедливость, при помощи вынужденнаго отступленія отъ старины со стороны самихъ представителей вѣчеваго порядка.

Хотя ближайшая цѣль, которую поставила себѣ политика великихъ князей московскихъ, уже сначала заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ приближеніи псковскаго княженія къ простому московскому намѣстничеству, тѣмъ не менѣе первые шаги на этомъ поприщѣ не произвели особеннаго впечатлѣнія на псковичей,—частью потому, что имѣли мѣсто внѣ предѣловъ собственно псковской жизни, а частью и потому, что касались, повидимому, одной только обрядности. Соединенію съ Москвой псковичи придавали одно только формальное значеніе и въ этомъ смыслѣ регулировали какъ внутреннія дѣла свои, такъ и отношенія къ сосѣдямъ, стараясь въ послѣднемъ случаѣ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы обособить себя не только отъ В. Новгорода, но и отъ Москвы. Подобныя стремленія сдѣлаются отчасти понятными, если только вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось испытывать псковичамъ отъ иноземцевъ, благодаря долгой связи своей съ Новгородомъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкнувъ въ продолженіе новгородскаго владычества смотрѣть на Псковъ, какъ на новгородскій пригородъ, иноземцы не находили нужнымъ оставлять своей привычки и тогда, когда Псковъ уже совершенно отдѣлился отъ Новгорода и сталъ на свои собственныя ноги, и потому въ международныхъ сношеніяхъ обращались не къ самому Пскову, а къ В. Новгороду, сообщали свои объясненія не псковскому, а новгородскому вѣчу, предполагая, такимъ образомъ, умышленно или неумышленно, Псковъ, въ зависимости отъ Новгорода. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ, отношенія Пскова усложнялись еще болѣе, такъ-какъ иноземцы получали чрезъ это двойную возможность посылать извѣщенія о началѣ войны не только въ Новгородъ, но и въ Москву, и, благодаря этому обстоятельству, безнаказанно терзать Псковскую землю внезапными нашествіями; потому въ договорахъ съ сосѣдями псковичи старались выговорить первымъ условіемъ то, чтобы они не посылали разметныхъ граматъ ни въ Новгородъ, ни въ Москву, а доставляли бы ихъ прямо во Псковъ, и только по прошествіи извѣстнаго срока послѣ врученія грамоты, открывали бы войну. Но подобное регулированіе внѣшнихъ отношеній Пскова, очевидно, ставило Москву въ неестественное положеніе: великіе князья должны были тратить свои

силы на защиту Пскова, не имѣя съ своей стороны не только ни малѣйшаго вліянія на улаженіе отношеній послѣдняго къ сосѣдямъ, но даже и достаточныхъ свѣдѣній о предметѣ вражды. Поэтому, подтверждая въ своихъ отдѣльныхъ договорахъ съ западными сосѣдями статьи, обусловливавшія особность существованія названныхъ братьевъ, Новгорода и Пскова, великіе князья московскіе вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили и иныя требованія, обезпечивавшія уже ихъ собственный интересъ. Такъ, въ случаѣ неудовольствій съ Великимъ Новгородомъ или Псковомъ, великіе князья литовскіе, прежде собственной управы, должны были давать знать о нихъ въ Москву, да и вообще не только не питать завоевательныхъ плановъ въ отношеніи псковичей и новгородцевъ, но даже не потворствовать имъ, если бы послѣдніе задумали передаться Литвѣ сами добровольно.

И во внутреннихъ дѣлахъ, какъ во внѣшнихъ, великіе князья московскіе не обнаружили сразу своего завѣтнаго желанія видѣть псковскихъ князей простыми намѣстниками, а подъ предлогомъ обезопасенія своихъ собственныхъ интересовъ, стремились первоначально не болѣе, какъ къ замѣщенію псковскаго стола людьми, по крайней мѣрѣ, невраждебными Москвѣ, и въ этихъ видахъ добивались снисканія для себя тѣхъ же преимуществъ, которыми пользовались при замѣщеніи своего стола сами псковичи. Смотря на своихъ князей, какъ на республиканскихъ чиновниковъ, псковичи обязывали ихъ, при утвержденіи на княжескомъ столѣ, цѣловать крестъ Пскову въ томъ, что они будутъ судить право и строго держаться старины, не преступая ни въ чемъ псковскихъ пошлинъ и обычаевъ; но они нимало не распространяли этой обязанности и на великихъ князей, какъ бы считая присягу намѣстниковъ въ послѣднемъ случаѣ совершенно излишнею. Пока, однако, сами псковичи строго держались старины и призывали къ себѣ князей исключительно изъ Москвы, великіе князья оставляли это обстоятельство совершенно безъ всякаго вниманія; но лишь только въ княженіе Василія Темнаго на псковскомъ столѣ стали появляться разные литовскіе выходцы, лица совершенно чуждыя Москвѣ, какъ тотчасъ же присяга получила особенное значеніе, дѣлаясь въ рукахъ московскихъ князей весьма удобнымъ средствомъ для опредѣленія своихъ настоящихъ друзей и недруговъ. Потому, посылая отъ себя въ 1443 г. намѣстника во Псковъ, Василій II не преминулъ заявить требованіе, чтобы псковскіе князья присягали не только одному Пскову, но и великому князю, и притомъ послѣднему на первомъ планѣ. Псковичи уступили и новый обрядъ посаженія псковскихъ князей, принятый въ 1443 г., сдѣлался съ тѣхъ поръ нормальнымъ для всего послѣдующаго теченія самостоятельной псковской жизни. Посаженіе попрежнему состояло изъ двухъ отдѣльныхъ актовъ—интронизаціи и принесенія присяги, но оба акта совершались теперь не иначе, какъ въ присутствіи великокняжескаго посла, да сверхъ того интронизація получила теперь вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ порученія, такъ-какъ московскій посолъ отъ лица великаго князя поручалъ намѣстнику псковское княженіе, а присяга приносилась намѣстникомъ сначала великому князю, а затѣмъ уже и Пскову. Дальнѣйшія событія показали, что разсчетъ великаго князя не былъ ошибоченъ; ибо, когда въ 1456 г. псковичи приняли къ себѣ на княженіе Александра Чарторижскаго, того самаго, при которомъ впервые введена была присяга московскимъ князьямъ, а въ 1460 г., будучи удручены нѣмцами, просили великаго князя о признаніи его своимъ намѣстникомъ, то Василій Васильевичъ, не отказывая просьбамъ псковичей, потребовалъ отъ Чарторижскаго только одной присяги въ удостовѣреніе того, что послѣдній, княжа во Псковѣ, не будетъ замышлять ничего дурного ни противъ самого великаго князя, ни противъ его дѣтей. Чарторижскій не захотѣлъ выполнить обряда: „Не слуга я“, сказалъ онъ, слагая крестное цѣлованіе Пскову на вѣчѣ, „великому князю, да и вамъ не князь; когда придется псковичамъ бить вороновъ соколомъ,—т. е. когда псковичи будутъ нуждаться въ храбромъ князѣ (соколѣ) для отраженія внѣшнихъ враговъ (вороновъ),—тогда вспомнятъ и меня, Чарторижскаго“, и затѣмъ, простившись, уѣхалъ.

Будучи постоянно отвлекаемы другими, болѣе важными событіями, великіе князья московскіе не могли, однако, заниматься непрерывно псковскими дѣлами, а посвящали себя имъ только урывками, невольно растягивая, такимъ образомъ, борьбу съ псковичами на крайне продолжительное время. Потому, не смотря на свои первые успѣхи, какъ бы побуждавшіе къ дальнѣйшимъ начинаніямъ, великіе князья могли возвратиться къ продолженію начатаго ими дѣла превращенія псковскихъ князей изъ вѣчевыхъ сановниковъ въ простыхъ псковскихъ намѣстниковъ не раньше, какъ чрезъ двадцать лѣтъ по окончательномъ прекращеніи усо-

бицъ, волновавшихъ Москву второй разъ въ правленіе Василія, тѣмъ болѣе, что въ это время изо Пскова стали приходить въ Москву постоянныя просьбы то о содѣйствіи при переговорахъ съ иноземцами, то о военной помощи противъ послѣднихъ. Дѣйствительно, территоріальный споръ Пскова съ нѣмцами, начавшійся за столѣтіе назадъ, не только нимало не подвинулся впередъ, но даже не подавалъ никакихъ надеждъ на скорый исходъ безъ посторонняго вмѣшательства: взять въ твердыя руки „обидную землю" ни у одной изъ спорящихъ сторонъ не хватало силы, а мирное рѣшеніе дѣла было еще менѣе возможно, такъ какъ назначаемые для того съѣзды или совсѣмъ не удавались, благодаря отсутствію нѣмцевъ, отговаривавшихся иногда просто „недосугомъ", а если и удавались, то проходили въ безплодныхъ препирательствахъ и безполезномъ раззореніи окрестной мѣстности. Только при содѣйствіи Москвы удалось псковичамъ заключить въ 1461 году съ нѣмцами перемиріе на пять лѣтъ, по которому каждая сторона обязалась ловить рыбу на спорномъ мѣстѣ только со своего берега, да сверхъ того, нѣмцы возвратили псковичамъ захваченныя на „обидномъ мѣстѣ" иконы и товаръ. Только благодаря вліянію Москвы, удалось въ 1463 году псковичамъ побудить нѣмцевъ къ уступкѣ спорныхъ мѣстъ; только появленіе въ 1474 году московскихъ полковъ во Псковѣ утвердило окончательно за псковичами обладаніе этими спорными землями и опредѣлило въ пользу псковичей ихъ взаимныя отношенія съ нѣмцами.

Усиленіе московскаго вліянія на устройство внѣшнихъ дѣлъ Пскова представляло для великихъ князей благопріятный случай къ тому, чтобы снискать соотвѣтственное усиленіе своей власти и во внутренней жизни послѣдняго. Василій Васильевичъ, дѣйствительно, тотчасъ же ухватился за этотъ случай и, нимало не справляясь съ стариной, спѣшилъ присвоить себѣ право назначать псковскихъ князей по своему усмотрѣнію, въ томъ предположеніи, что, лишивши послѣднихъ выборнаго характера, который только и держалъ псковскихъ князей въ зависимости отъ вѣча, онъ тѣмъ самымъ сдѣлаетъ ихъ изъ вѣчевыхъ сановниковъ послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли. Псковичи, однако, думали иначе и не придавали этому нововведенію никакого особеннаго значенія, пока за ними оставалось еще право изгонять своихъ князей, когда тѣ своими поступками вызывали неудовольствія или оказывались „на народъ не благи". Уже въ 1461 году былъ присланъ изъ Москвы во Псковъ намѣстникъ „не по псковскому прошенію, не по старинѣ", а единственно по иниціативѣ самого великаго князя. Псковичи согласились принять и этого князя, разсчитывая воспользоваться въ затруднительномъ положеніи оставшимся еще за ними правомъ изгнанія. Дѣйствительно, когда князь Владиміръ, первый изъ назначенныхъ Москвою намѣстниковъ, оказался враждебнымъ къ псковичамъ, то они не только показали ему путь изъ Пскова, но и совершили это въ самыхъ грубыхъ формахъ, столкнувъ князя Владиміра со степени, которую занимали псковскіе князья во время засѣданій вѣча. Послѣ этого происшествія обѣ стороны поспѣшили въ Москву: Владиміръ, чтобы довести до свѣдѣнія великаго князя о нанесенномъ ему безчестіи, а псковичи, чтобы оправдаться въ своемъ поступкѣ. Но въ Москвѣ въ это время (въ 1463 году) былъ уже другой великій князь: мѣсто Василія занималъ Иванъ Васильевичъ, убѣжденный въ совершенной безполезности предпринятой отцомъ попытки; поэтому хотя онъ и „подивилъ" на поступокъ псковичей и не пускалъ, въ наказаніе за самоуправство, псковскихъ пословъ три дня на свои княжескія очи, тѣмъ не менѣе высказалъ явное желаніе поддерживать псковскую старину, снова предоставивъ псковичамъ полную свободу выбирать своихъ князей, который „князь Пскову любъ".

Въ уступчивости, обнаруженной Иваномъ III въ вопросѣ о псковскихъ намѣстникахъ, высказывается не отреченіе отъ стремленій своего предшественника, а только превосходство Ивана Васильевича надъ своимъ отцомъ. Новый великій князь нимало не думалъ оставлять мысли о превращеніи псковскихъ князей въ простыхъ московскихъ намѣстниковъ, а только хотѣлъ повести дѣло иначе, начать не съ начала, какъ сдѣлалъ его отецъ, а съ конца, не съ права избранія псковичами своихъ князей, а съ права изгнанія послѣднихъ. Право назначать во Псковъ намѣстниковъ, котораго такъ добивался Василій, не только навлекло на великихъ князей обвиненіе въ нарушеніи псковской старины, но вдобавокъ не ручалось нимало и за упроченіе во Псковѣ московскаго владычества, доколѣ за псковичами оставалось старое право изгонять своихъ князей, да еще и съ безчестіемъ. Кромѣ того, самое право выбора своихъ князей, которымъ псковичи пользовались по старинѣ, еще не такъ рѣшительно противорѣчило московскимъ

интересамъ, чтобы нельзя было допустить его ни подъ какимъ видомъ; и при свободѣ выбора великій князь всегда могъ навязать Пскову такого намѣстника, который готовъ былъ служить послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли: стоило только отказывать подъ благовидными предлогами, напр., подъ видомъ собственной надобности, въ тѣхъ лицахъ, которыя почему-либо были ненадежны, доколѣ сами просители не натыкались на вполнѣ надежнаго человѣка. Такъ, когда въ 1472 г., псковичи просили въ Москвѣ въ намѣстники къ себѣ князя Ивана Стригу, то великій князь отвѣчалъ: „Свою отчину жалую, какого князя хотите, того и дамъ вамъ, князь же Иванъ Стрига мнѣ нуженъ здѣсь самому"; а когда псковичи указали затѣмъ на Ивана Бабича или же Ярослава, брата Ивана Стриги, то отвѣтъ со стороны князя былъ уже болѣе благосклонный: „Иванъ Бабичъ мнѣ нуженъ самому, а княземъ Ярославомъ свою отчину Псковъ жалую". Псковичи узнали уже слишкомъ поздно, что за человѣкъ былъ князь Ярославъ. Такимъ образомъ, отказываясь отъ притязаній на право назначать псковскихъ намѣстниковъ, великій князь въ сущности не терялъ ничего, а между тѣмъ выигрывалъ чрезъ это много, такъ какъ и псковичи, въ свою очередь, должны были сдѣлать ему уступку, отказались отъ права наносить безчестье великокняжескому намѣстнику, а слѣдовательно и изгонять послѣдняго, даже въ томъ случаѣ, когда намѣстникъ началъ бы „творить сильно", то есть, поступать несправедливо, и предоставили разъ навсегда судъ надъ послѣднимъ исключительно самому великому князю. Требованіе не безчестить намѣстника, предъявленное великимъ княземъ псковичамъ, выражало въ болѣе опредѣленной формѣ то же самое, что для В. Новгорода, уже со времени Василія, обозначалось словами: „держать имя великаго князя честно и грозно"; и эта неопредѣленная формула, какъ показываютъ причины неудовольствій въ 1471 г. великаго князя на новгородцевъ, налагала на Новгородъ главнымъ образомъ обязанность чтить въ своихъ намѣстникахъ представителей великаго князя.

Благодаря передачѣ права суда надъ дѣйствіями намѣстниковъ исключительно въ руки одного великаго князя, псковскіе князья не только предоставлялись въ полное распоряженіе Москвы, но освобождались отъ всякой зависимости со стороны псковскаго вѣча: будучи разъ избраны, они уже не нуждались затѣмъ нимало въ согласованіи своей дѣятельности съ желаніями вѣча, и даже, при случаѣ, могли занять относительно послѣдняго угрожающее положеніе, пользуясь для этой цѣли тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое они имѣли въ жалобѣ на безчестье, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ какъ бы казенною. Такимъ образомъ, въ началѣ княженія Ивана III въ псковской исторіи самъ собою совершился крутой поворотъ, сразу низведшій псковскихъ князей на степень простыхъ московскихъ намѣстниковъ. Но, усвоивъ себѣ характеръ простыхъ московскихъ намѣстниковъ, псковскіе князья уже не могли довольствоваться тѣми тѣсными рамками, которыми псковичи ограничивали ихъ дѣятельность, а необходимо должны были стремиться къ полному уравненію своихъ правъ съ правами московскихъ намѣстниковъ въ восточной Руси, что если еще и не вело прямо къ упраздненію вѣчеваго быта, тѣмъ не менѣе сильно подрывало значеніе псковскаго вѣча и дѣлало существованіе послѣдняго какъ бы уже анахронизмомъ. Въ стремленіи къ этому уравненію, получившему вскорѣ весьма широкіе размѣры, власть псковскихъ намѣстниковъ встрѣчала единственный тормазъ развѣ только въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыхъ печальный исходъ сами псковичи считали за предвѣстіе своей окончательной гибели. Подобно тому, какъ въ княженіе Василія смуты въ самой Москвѣ отвлекали отъ псковскихъ дѣлъ вниманіе великаго князя, такъ точно и теперь послѣднія столкновенія съ В. Новгородомъ мѣшали Ивану III сосредоточиться на псковскихъ дѣлахъ, заставляя его бросать безъ исполненія свои планы и даже искать дружбы господина Пскова. Еще большую услугу оказало окончательное паденіе Новгорода, когда великій князь, окрыленный успѣхомъ своего перваго похода на новгородцевъ, снова возвратился во Псковъ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уравненіи правъ псковскаго князя съ намѣстниками восточной Руси.

Нельзя сказать, чтобы планъ уравненія псковскихъ намѣстниковъ съ московскими имѣлъ въ виду расширеніе сферы дѣйствія псковскихъ князей на все псковское управленіе: подобное расширеніе не могло имѣть мѣста уже по тому одному, что въ этомъ отношеніи между обоими явленіями не было никакой существенной разницы. И псковскіе князья, и московскіе намѣстники носили въ сущности одинъ и тотъ же характеръ, были собственно ничѣмъ инымъ, какъ только органами для

суда, имѣвшими въ судебныхъ пошлинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода, а потому, если и различались чѣмъ-либо между собою, то не болѣе, какъ только размѣромъ, въ которомъ та и другая власть пользовалась правомъ суда или же получала средства для своего содержанія. А въ этомъ отношеніи псковскіе князья, дѣйствительно, далеко отставали отъ московскихъ намѣстниковъ; не только кругъ дѣятельности ихъ былъ ограниченъ, не только многія судебныя дѣла совсѣмъ были изъяты изъ вѣдомства псковскихъ князей, но и самый намѣстничій кормъ, который въ XV ст. обыкновенно предоставлялся въ Москвѣ намѣстникамъ въ подспорье судебнымъ пошлинамъ, составлялъ во Псковѣ совершенно неизвѣстное явленіе. Понятно поэтому, что уравненіе псковскихъ князей съ московскими намѣстниками должно было имѣть въ виду главнымъ образомъ поднятіе финансоваго положенія псковскаго князя и, такимъ образомъ, преслѣдовать ту же цѣль, къ которой стремились раньше сами псковскіе намѣстники, съ тою развѣ только разницею, что планъ, составленный Иваномъ III по своимъ размѣрамъ, далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки въ этомъ родѣ. Въ видахъ поднятія финансоваго положенія княжеской власти, этотъ планъ прежде всего обязывалъ теперь псковичей платить намѣстничьи деньги.

Независимо отъ намѣстничьихъ денегъ, по новому проекту не оставался безъ приращенія и первоначальный источникъ княжескихъ доходовъ—судебныя пошлины, которыя, вслѣдствіе незначительности числа дѣлъ, поступавшихъ по псковской правдѣ на разсмотрѣніе князя-намѣстника, никакъ не могли достигнуть во Псковѣ достаточныхъ размѣровъ, особенно когда князю приходилось отдѣлять отъ нихъ часть въ пользу представителей господина Пскова. Новый проектъ расширялъ поэтому значительно и самый кругъ судебной дѣятельности намѣстника, относя къ его вѣдѣнію разныя дѣла по земледѣлію или такъ называемые нивные суды со связанными съ ними пошлинами, а именно разборъ дѣлъ по уборкѣ полевыхъ произведеній, по огражденію полей.

Планъ расширенія финансовыхъ правъ псковскаго князя и его людей былъ задуманъ въ Москвѣ еще въ 1474 г., но отъ псковичей нѣкоторое время сохранялся въ тайнѣ, благодаря тому обстоятельству, что великій князь еще не зналъ какъ согласить съ принятымъ имъ на себя обязательствомъ соблюдать старину тѣ нововведенія, которыя заключались въ его планѣ и рѣшительно выходили изъ круга псковской пошлины. Предвидя, что при предъявленіи его требованій псковичи во всякомъ случаѣ обвинятъ его въ нарушеніи старины, ссылаясь на свои пошлинныя граматы, Иванъ Васильевичъ необходимо долженъ былъ приготовиться къ тому заранѣе, ознакомиться для этой цѣли съ характеромъ псковскихъ граматъ, открыть въ нихъ какую-либо слабую сторону, и такимъ образомъ обезпечить за собою благопріятный исходъ и въ этомъ, повидимому, безнадежномъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, воспользовавшись оплошностью псковичей, приславшихъ къ нему съ благодарностью за помощь противъ внѣшнихъ враговъ простыхъ а не большихъ пословъ или торжественное посольство, великій князь потребовалъ къ себѣ на просмотръ старыя пошлинныя граматы псковскія. Просмотръ граматъ не остался безъ результатовъ: слабая сторона псковской пошлины была скоро открыта и притомъ съ большимъ искусствомъ, такъ что великій князь, не нуждаясь болѣе въ укрывательствѣ своего плана отъ псковичей, уже смѣло могъ заявить предъ господиномъ Псковомъ, въ 1475 году, о своихъ требованіяхъ, имѣя въ запасѣ вѣское возраженіе на всѣ замѣчанія послѣдняго о нарушеніи старины. И когда предположеніе великаго князя, дѣйствительно, оправдалось, т. е. псковичи наотрѣзъ отказались удовлетворять новымъ требованіямъ, заявленнымъ княземъ Ярославомъ, ссылаясь на свои пошлинныя граматы, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о совершенной новизнѣ притязаній псковскаго намѣстника, тогда великій князь въ отвѣтѣ посламъ замѣтилъ, что псковскія пошлинныя граматы писаны просто мѣстными псковскими князьями, подобными Александру Михайловичу и Константину Дмитріевичу, а не великими, и что потому потомки послѣднихъ исторически нимало не обязываются строго придерживаться подобныхъ граматъ въ своемъ поведеніи относительно Пскова. Такимъ образомъ, если въ вопросѣ объ улучшеніи финансоваго положенія псковскаго намѣстника великій князь и позволялъ себѣ значительное отступленіе отъ старины, то это еще не значило, что и въ дальнѣйшемъ онъ отказывался рѣшительно отъ всякаго соблюденія послѣдней, а только то, что нарушаемая имъ старина, исходя не отъ великихъ, а отъ мѣстныхъ князей, казалась ему совсѣмъ необязательною.

Псковичи разсчитывали-было поддерживать свою старину и послѣ категори-

ческаго отвѣта великаго князя, но, испуганные грозною расправою послѣдняго въ Новгородѣ спѣшили въ 1476 году удовлетворить немедленно же всѣмъ требованіямъ своего намѣстника. Иванъ Васильевичъ, конечно, отнесся благосклонно къ этому заявленію покорности со стороны псковичей, но уже не удовольствовался имъ однимъ, а хотѣлъ сразу вывести и послѣднее слѣдствіе изъ своего ознакомленія съ псковскими граматами. Если псковскія пошлинныя граматы оказались совершенно необязательными для великаго князя, то что же долженъ былъ принимать послѣдній за основаніе своихъ приговоровъ при рѣшеніи дальнѣйшихъ столкновеній между псковичами и московскими намѣстниками? Очевидно, только одно собственное усмотрѣніе, доводя о результатахъ его до свѣдѣнія псковичей при помощи особенныхъ, такъ называемыхъ, засыльныхъ граматъ, которыя, накопляясь все болѣе и болѣе, съ теченіемъ времени должны были замѣнить вполнѣ для Пскова его собственную старину. Но, пріобрѣтая, такимъ образомъ, все большее и большее значеніе въ жизни Пскова и распространяя всюду свое непосредственное вліяніе, великій князь, въ то же самое время, какъ бы отодвигался отъ послѣдняго и становился рѣшительно недоступнымъ для псковичей, благодаря коренному измѣненію въ самой формѣ своихъ сношеній со псковичами. Въ прежнее время, въ случаѣ возникновенія во Псковѣ какихъ-либо сомнѣній въ дѣйствительности требованій, шедшихъ изъ Москвы, великіе князья свободно допускали къ себѣ псковичей и охотно удовлетворяли ихъ постоянному желанію знать волю великаго князя не изъ вторыхъ рукъ, а изъ собственныхъ устъ послѣдняго; теперь же Иванъ Васильевичъ сталъ тяготиться этимъ старымъ обычаемъ и требовалъ, чтобы псковичи, не утруждая великаго князя личными сношеніями, довольствовались тѣми сообщеніями, которыя доходили до нихъ отъ великихъ пословъ, чтобы словамъ людей великаго князя придавали точно такую же вѣру, какъ и самому великому князю или его оффиціальной граматѣ. Перемѣна въ характерѣ сношеній Пскова съ великими князьями необходимо должна была сообщить вмѣстѣ съ тѣмъ и особенное значеніе московскимъ боярамъ и дьякамъ, служившимъ посредниками между обѣими сторонами. Покуда доступъ къ великому князю былъ совершенно свободенъ для господина Пскова, до тѣхъ поръ ни бояре, ни дьяки не имѣли никакой возможности открыто повернуться ко Пскову своею дурною стороной; но лишь только великій князь сталъ чуждаться личныхъ сношеній со псковичами и передалъ все это дѣло въ руки своихъ братьевъ и дьяковъ, тотчасъ же со стороны Пскова поднялись громкія жалобы на несправедливыя дѣйствія послѣднихъ. Мало того, что бояре и дьяки, отправляемые изъ Москвы во Псковъ послами, какъ во время своего слѣдованія псковскою землею, такъ и пребыванія на псковскихъ подворьяхъ, не давали пощады ни одному частному лицу, дерзко наносили обиды однимъ и алчно грабили другихъ; но даже и съ самымъ Псковомъ они затѣвали постоянныя тяжбы по поводу тѣхъ даровъ, которыми псковичи обыкновенно чествовали великокняжескихъ посланцевъ. Не довольствуясь поминками, предлагаемыми вѣчемъ „по силѣ", они запрашивали чрезмѣрныя суммы, и когда получали со стороны Пскова отказъ, старались мстить псковичамъ новыми насиліями, тѣмъ болѣе, что великій князь, полагаясь во всемъ на своихъ бояръ, не гнушавшихся подтверждать ложь крестнымъ цѣлованіемъ, не обращалъ никакого вниманія на доходившія до него временами жалобы псковичей.

Положеніе, навязанное Пскову предшествующими событіями, по справедливости должно быть названо невозможнымъ. Фактически уже вся дѣйствительная власть къ этому времени была прибрана къ рукамъ великаго князя московскаго, намѣстникъ хозяйничалъ во Псковѣ, какъ у себя дома, не стѣсняясь нимало псковскою стариной сажалъ въ оковы всякаго, кто только „князю каково слово молвилъ", а въ пригородахъ въ томъ же духѣ дѣйствовалъ чрезъ своихъ послушныхъ подручниковъ, также очень мало щадившихъ псковскіе интересы. А между тѣмъ собственныя власти псковскія, руководившія прежде судьбами Пскова, отнюдь не были уничтожены, вѣче по-прежнему все еще продолжало свое существованіе и, понятно, исполнялось тѣмъ большимъ негодованіемъ на московскій порядокъ чѣмъ больше чувствовало свое рѣшительное безсиліе къ устраненію совершавшихся вокругъ несправедливостей. Конечно, отказавшись отъ права изгонять своихъ князей или наносить имъ безчестіе, псковское вѣче получило взамѣнъ того нѣкоторое оружіе противъ притѣсненій своихъ намѣстниковъ въ жалобѣ великому князю московскому; но кто могъ поручиться, что жалобы его не только будутъ приняты во вниманіе, но даже и просто выслушаны великимъ княземъ, когда послѣдній самъ же старался ограничить личныя сношенія свои со пско-

вичами? Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, взаимное раздраженіе заинтересованныхъ сторонъ дошло до того, что изъ свиты псковскаго князя, или шестниковъ, и псковичей образовались два противуположные лагеря, готовые ежечасно вступить въ свалку при самомъ ничтожномъ поводѣ. Поводъ не заставилъ себя долго ждать, а о ничтожности его каждый можетъ составить себѣ понятіе изъ предлагаемаго разсказа. Одинъ псковичъ везъ возъ съ капустой по торгу мимо княжескаго двора; въ это время одному княжескому человѣку пришло въ голову взять наручье капусты и дать княжескому барану; это несчастное наручье и сдѣлалось предметомъ раздора, открывшагося сначала на княжескомъ дворѣ, а затѣмъ, когда шестники, вооруженные ножами и луками, оттѣснили оттуда псковичей, защищавшихся просто каменьями и палками,—и на самомъ торгу. За шестниками вышелъ на поле битвы самъ намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ, облеченный въ панцырь, и во хмѣлю началъ стрѣлять. Только псковичамъ, прибывшимъ на мѣсто дѣйствія съ оружіемъ, удалось прекратить эту небывалую въ псковской жизни рѣзню съ княжескими людьми и побудить шестниковъ увести князя на свой дворъ. На собранномъ послѣ стычки вѣчѣ псковичи наотрѣзъ отказали Ярославу Васильевичу въ княженіи и освободили изъ заточенія всѣхъ гражданъ, заключенныхъ какъ имъ самимъ, такъ и его пригородскими намѣстниками; однако не рѣшились показать путь князю и выпроводить его изъ Пскова, не дождавшись отъ своихъ пословъ извѣстій о томъ, что скажутъ на это въ Москвѣ. Но великій князь взглянулъ на это дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ сами псковичи. Въ столкновеніи съ Ярославомъ Васильевичемъ онъ увидѣлъ безчестіе князю намѣстнику, отъ права нанесенія котораго псковичи отказались раньше добровольно. Вина послѣднихъ въ его глазахъ нимало не выкупалась даже и тѣмъ, что псковичи вынуждены были въ свалкѣ несправедливыми дѣйствіями князя, Ярослава и его людей: судъ надъ дѣйствіями намѣстниковъ принадлежалъ не псковичамъ, а состовлялъ исключительное дѣло одного великаго князя. Понятно поэтому, что псковскіе послы привезли изъ Москвы совсѣмъ неблагопріятный для вѣча отвѣтъ; великій князь „осаживалъ" на столѣ князя Ярослава, низложеннаго псковичами и требовалъ выдачи головою лицъ, которыхъ псковичи освободили изъ заключенія. А когда псковичи и послѣ того продолжали настаивать на невозможности жить долѣе съ княземъ и выдать въ его руки свою братью—согражданъ, тогда изъ устъ Ивана Васильевича послышалось грозное слово: „Если вотчина наша, Псковъ, дошла до того, что рѣшилась напасть на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, то она сама изъ старины вышла, а не я, князь великій".

Чтобы вѣрнѣе опредѣлить значеніе кризиса, наступившаго въ псковской исторіи, вслѣдствіе столкновенія съ княземъ Ярославомъ, необходимо остановиться нѣкоторое время надъ многознаменательными словами Ивана Васильевича: „Отчина наша сама изъ старины вышла". Слова эти обвиняли псковичей въ нарушеніи старины, а нарушеніе старины одной стороной ни мало не обязывало къ ея соблюденію и другою, и такимъ образомъ какъ бы предавало Псковъ вполнѣ на произволъ великаго князя. Но изъ псковской старины до сихъ поръ нетронутымъ оставалось одно псковское вѣче съ его представителями: понятно поэтому, что, не получая удовлетворенія своимъ требованіямъ со стороны Пскова, великій князь могъ грозить ему ничѣмъ инымъ, какъ именно уничтоженіемъ самаго псковскаго вѣча. И если разсматривать ходъ событій въ его исторической связи, то нельзя не замѣтить, что судьба Пскова въ Москвѣ въ это время была уже рѣшена, что псковское вѣче переживало свои послѣдніе дни, и что такимъ образомъ очередь платить своею послѣднею стариной дошла до Пскова нѣсколько раньше, чѣмъ даже для самаго Великаго Новгорода. Въ сущности, оно такъ и слѣдовало ожидать. Съ одной стороны, было бы совершенно естественно думать, что великіе князья начнутъ борьбу противъ вѣчеваго порядка не съ В. Новгорода, а со Пскова, какъ слабѣйшаго пункта, и если сдѣлаютъ какое-либо отклоненіе со своего пути, то не иначе, какъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: при такомъ предположеніи, поведеніе ихъ явится гораздо болѣе раціональнымъ. Съ другой, эта догадка объяснитъ вполнѣ и ту настойчивость, которую обнаруживали великіе князья въ своихъ отношеніяхъ къ Пскову, сравнительно съ нерѣшительностью ихъ въ дѣлахъ новгородскихъ, и которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ со псковичами великіе князья не думали стоять долго на полудорогѣ и довольствоваться простымъ фактическимъ господствомъ, а хотѣли немедленно же раздѣлаться съ псковскою стариной и отнять у Пскова всякую возможность мѣшаться въ распо-

ряженія, шедшія изъ Москвы. И однакожъ, скажутъ намъ, Псковъ не палъ. Правда, но причина, которой псковичи были обязаны тогда своимъ спасеніемъ, всего лучше подтверждаетъ предположеніе о грозившей ему въ то время гибели: отъ окончательнаго подчиненія Москвѣ въ 1477 г. псковичей спасли дѣла новгородскія. Будучи неожиданно привлеченъ къ рѣшенію участи Новгорода, Иванъ Васильевичъ не желалъ бороться сразу съ двумя врагами, и потому, отказавшись отъ мысли объ окончательномъ подчиненіи себѣ Пскова, круто измѣнилъ тонъ своихъ отношеній съ псковичами: послѣ того, какъ уже произнесены были грозныя слова: „Отчина наша сама изъ старины вышла", не обѣщавшія для Пскова ничего хорошаго, великій князь вдругъ повернулъ назадъ, отозвалъ изъ Пскова ненавистнаго Ярослава со всею его свитой, освободилъ захваченныхъ имъ въ псковской землѣ людей, и далъ псковичамъ князя, котораго указали сами, въ силу своего права выбирать князя, „который князь Пскову любъ".

Такимъ образомъ, новгородская катастрофа не только совсѣмъ не имѣла для Пскова того рокового характера, какой приписываетъ ей псковскій лѣтописецъ, утверждая, что съ паденіемъ Новгорода, кончилось все и для Пскова, но даже повела къ совершенно противоположнымъ результатамъ—продлила самобытное существованіе Пскова чуть не на полвѣка и облегчила самый переходъ подъ московское владычество, давъ псковичамъ достаточное время для основанія съ суровостью московскаго порядка. Правда, самобытность, которою пользовался Псковъ по паденіи Новгорода, была настолько дѣйствительною, сколько призрачною; независимость, сохраненная имъ, носила собственно одинъ формальный характеръ; вѣче и посадники существовали болѣе по имени, не имѣя на ходъ псковскихъ дѣлъ никакого опредѣленнаго вліянія: однако, не должно упускать изъ виду и того, что всѣ эти явленія отнюдь не были слѣдствіемъ паденія Новгорода, а получили свое начало гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе, новгородская катастрофа не осталась безъ нѣкоторыхъ послѣдствій и для псковскаго устройства; только перемѣны, вызванныя ею, имѣли собственно второстепенное значеніе и нимало не свидѣтельствовали о наступательныхъ дѣйствіяхъ великаго князя. Въ знакъ признательности за участіе въ подчиненіи Москвѣ своего старѣйшаго брата, псковичамъ было сообщено и милостивое слово Ивана Васильевича: великій князь изъявляетъ желаніе сохранять псковскую старину и впредь, но только подъ условіемъ тоже не новымъ, чтобы псковичи честно держали слово великаго князя и знаючи помнили его жалованье. Ближайшій смыслъ словъ: знаючи помнить жалованье, налагалъ на псковичей обязанность подчиняться перемѣнѣ, введенной великимъ княземъ въ отношенія между названными братьями. До сихъ поръ сношенія между Новгородомъ и Псковомъ, какъ самостоятельными землями, производились черезъ посольства; теперь же, когда старѣйшій братъ подпалъ окончательно подъ московское владычество, а послѣдній для того же самаго нуждался только въ одномъ оффиціальномъ актѣ, сношенія черезъ посольства сдѣлались неумѣстными; ихъ замѣнили сношенія между московскими намѣстниками, которые, являясь одинаково главными дѣятелями въ той и другой странѣ, должны были естественно взять въ свои руки и всѣ дѣла, касавшіяся взаимныхъ интересовъ новгородцевъ и псковичей. Сюда относились, главнымъ образомъ, поземельныя и территоріальныя тяжбы между новгородцами и псковичами, споры о земляхъ, водахъ и дворахъ, равно какъ и прибрежныхъ владѣніяхъ Пскова на Чудскомъ озерѣ или „берегѣ", наконецъ, дѣла по взаимнымъ обидамъ: обо всемъ этомъ должны были заботиться и пещись великокняжескіе намѣстники, какъ новгородскіе, такъ и псковскіе, и этимъ путемъ водворять въ сосѣднихъ земляхъ „судъ" и управу по обѣ стороны.

Но, отстранивъ на время отъ Пскова окончательную развязку, новгородская катастрофа не могла остановить естественнаго хода исторіи, а потому новый періодъ существованія, въ который Псковъ вступилъ послѣ паденія Великаго Новгорода, представлялъ не что иное, какъ постоянное уничтоженіе и самой формальной независимости, пощаженной предъидущими событіями и выражавшейся въ существованіи вѣча и его представителей. Занятые въ предшествующее время, главнымъ образомъ, мыслью о низведеніи псковскихъ князей на степень простыхъ московскихъ намѣстниковъ, великіе князья не обращали особеннаго вниманія на псковское вѣче, разсчитывая, быть можетъ, избавиться отъ него при случаѣ однимъ рѣшительнымъ ударомъ; теперь же, когда новгородская катастрофа показала неосновательность этого разсчета, Иванъ Васильевичъ и относительно вѣча принялъ такой же образъ дѣйствія, какимъ руководился прежде при подчиненіи себѣ псков-

скихъ намѣстниковъ: сталъ мало-по-малу стѣснять дѣятельность вѣча, подрывалъ вліяніе его въ Псковской землѣ и, такимъ образомъ, подготовлялъ незамѣтно и самое униженіе формальной независимости Пскова: прежде всего псковскому вѣчу пришлось поплатиться своею властью надъ смердами, господство надъ которыми всегда составляло одно изъ важнѣйшихъ условій существованія вѣчеваго порядка.

Обязанности смердовъ къ землевладѣльцу опредѣлялись особенною, такъ называемою смердью граматою, хранившеюся, наравнѣ съ другими бумагами, въ архивѣ Троицкаго собора. Грамата эта налагала на псковскихъ смердовъ обязанность не только платить опредѣленный оброкъ въ пользу князя, и такимъ образомъ восполнять отчасти недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ давать дань и самому господину Пскову, а также исполнять для правительствующаго города разныя натуральныя повинности.

Усиленіе княжеской власти во Псковѣ необходимо должно было вести къ устраненію псковскаго вѣча отъ всякаго господства надъ смердами. Сдѣлавшись почти неограниченными хозяевами во Псковѣ, московскіе намѣстники не могли благосклонно смотрѣть на поборы со смердовъ, которыми обогащалась городская казна въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ, да и сами смерды тяготились, кажется, немало своею двойною обязанностью—поддерживать существованіе не только князя, но и старѣйшаго города. Поэтому между псковскими намѣстниками и смердами легко могла состояться сдѣлка, по которой первые сохраняли, а можетъ быть даже и увеличивали, свои права на дань со смердовъ, но въ вознагражденіе за это обязывались содѣйствовать послѣднимъ въ пріобрѣтеніи полной свободы отъ обязанностей въ пользу старѣйшаго города. Такъ-какъ, однако, въ Москвѣ и теперь еще остерегались явнаго нарушенія старины, то для обхода этого подводнаго камня псковскій намѣстникъ и въ дѣлѣ со смердами долженъ былъ прибѣгнуть къ самому грубому подлогу — къ замѣнѣ граматы, опредѣлявшей положеніе смердовъ, новою, составленною въ духѣ, благопріятномъ для послѣднихъ. Подобный поступокъ, конечно, необходимо требовалъ согласія важнѣйшихъ псковскихъ властей; но добиться этого согласія было нисколько нетрудно, такъ какъ въ это время во Псковѣ было уже немало вліятельныхъ людей, явно державшихъ сторону великихъ князей московскихъ. Ларникъ Еспфъ, завѣдывавшій въ то время архивомъ Троицкаго собора, не былъ человѣкомъ неподкупной честности; да и между боярами нетрудно указать на нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своею дружбою съ великими князьями московскими. По крайней мѣрѣ, оба степенные посадника 1483 г., Стефанъ Максимовичъ и Леонтій Тимофеевичъ, принадлежали къ боярскимъ семьямъ, успѣвшимъ уже заранѣе заслужить благосклонность Москвы. При помощи этихъ и другихъ лицъ, псковскому намѣстнику Ярославу безъ большого труда удалось вынуть изъ ларя грамату, опредѣлявшую положеніе смердовъ, и подмѣнить ее новою,—притомъ все это втихомолку, такъ что Псковъ узналъ о подлогѣ только тогда, когда смерды, скрывъ, въ свою очередь, граматы, касавшіяся отношенія ихъ къ старѣйшему городу, вдругъ отказались отъ исполненія своихъ обязанностей — дачи дани и совершенія различныхъ работъ; и когда псковичи для уличенія непокорныхъ смердовъ, обратились въ архивъ Троицкаго собора за справкой, то, къ своему величайшему удивленію, вмѣсто смердьей граматы, нашли тамъ только бумагу, составленную княземъ Ярославомъ.

Отказавшись нанесть безчестіе великокняжескимъ намѣстникамъ, псковичи уже не могли ничего предпринять противъ главнаго виновника въ подлогѣ граматы, князя Ярослава, безъ того, чтобы не навлечь на себя гнѣва великаго князя; но вѣче все еще считало себя въ правѣ, по крайней мѣрѣ, казнить недруговъ изъ своей братьи-согражданъ и потому на первыхъ же порахъ спѣшило излить свою ярость на лицахъ, заподозрѣнныхъ въ составленіи подложной граматы. Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и разграбленіе, а коноводы смердовъ, отказавшихся отъ исполненія своихъ обязанностей, подвергнуты наказанію на вѣчѣ, а затѣмъ брошены въ тюрьму. Но это была только прелюдія, за которою не замедлила послѣдовать и самая драма: вскорѣ былъ казненъ на вѣчѣ посадникъ Гаврилъ, не поторопившійся почему-то бѣгствомъ, а три другіе посадника, Стефанъ Максимовичъ, Леонтій Тимофеевичъ и Василій Коростовой, принимавшіе главное участіе въ дѣлѣ и уже успѣвшіе скрыться въ Москву, были, по опечатаніи ихъ имущества, животовъ и дворовъ, заочно приговорены къ смертной казни, и самый приговоръ скрѣпленъ такъ-называемою мертвою граматой. Вѣроятно, въ это же время и ларникъ Еспфъ, послѣ различныхъ истязаній, былъ

выведенъ на казнь, но только успѣлъ убѣжать и скрыться. Однако, не смотря на поспѣшное наказаніе своихъ недруговъ, псковичи все-таки ошиблись въ своихъ разсчетахъ, предполагая, что и теперь, какъ въ былое время, еще свободно можно творить у себя дома судъ и расправу. Подобно тому, какъ уже раньше, псковскій намѣстникъ изъявилъ псковичамъ свое неудовольствіе за то, что пригородское вѣче въ Опочкѣ казнило одного конокрада, помимо княжескаго суда, такъ точно и теперь великій князь, съ двухъ сторонъ получившій извѣстія о происшествіяхъ во Псковѣ, отъ князя Ярослава—съ казеннымъ обвиненіемъ псковичей въ нанесеніи ему безчестья, и отъ псковскаго посольства—съ просьбою не гнѣваться на Псковъ за наказаніе преступныхъ смердовъ, остался рѣшительно недоволенъ самоуправствомъ псковскаго вѣча. Начавъ дѣло о смердахъ по собственной иниціативѣ, великій князь естественно не могъ отдать на жертву псковичамъ своихъ мѣстныхъ пріятелей, и потому потребовалъ немедленнаго освобожденія смердовъ, снятія съ посадниковъ „мертвой грамоты" и опечатанія ихъ имущества, равно какъ и удовлетворенія князя Ярослава за безчестье.

Когда и второе псковское посольство получило въ Москвѣ тотъ же отвѣтъ, то въ самомъ Псковѣ возникло сильное раздвоеніе: лучшіе люди, посадники, бояре и житьи, мало заинтересованные въ тяжбѣ, желали какъ можно скорѣе удовлетворить требованіямъ великаго князя, опасаясь въ противномъ случаѣ за самое существованіе вѣча, которое, не смотря на свою ничтожность, все еще напоминало Пскову о его древней свободѣ; но черные люди, тяготившіеся необходимостью отказаться отъ выгодныхъ для нихъ даней и работъ со стороны смердовъ и не понимавшіе настоящаго хода вещей, продолжали стоять на старомъ: не отпускали смердовъ изъ заключенія, не уничтожали мертвыхъ граматъ и, считая себя правыми, не хотѣли бить челомъ князю Ярославу. Увѣренные въ своей справедливости, они даже отправили къ великому князю посольство, составленное изъ людей ихъ собственнаго кружка, такъ-какъ боярамъ они мало довѣряли, предполагая ихъ въ стачкѣ съ псковскими посадниками-бѣглецами. Получивъ изъ Москвы и на этотъ разъ старый отвѣтъ, черные люди, наконецъ, образумились, отпустили смердовъ на свободу, уничтожили мертвую грамату на трехъ посадниковъ, которые послѣ того явились во Псковъ и стали свободно проживать между своими согражданами, и положили просить извиненія у великаго князя въ своемъ самоуправствѣ, въ томъ, что, вопреки повелѣнію великаго князя и въ присутствіи его посла, наказали смердовъ и убили посадника Гаврила. Въ торжественномъ посольствѣ, отправленномъ съ этою цѣлью въ Москву, принималъ участіе и князь Ярославъ; слѣдовательно, псковичи еще раньше добили челомъ и ему. Но потрясеніе, вслѣдствіе котораго вся Псковская земля „мялась" въ продолженіе двухъ лѣтъ и отправила къ великому князю пять посольствъ, тѣмъ еще не окончилось. Вскорѣ послѣ пятаго посольства одному священнику удалось найти у новоровскихъ смердовъ грамату, опредѣлявшую отношенія послѣднихъ къ Пскову; грамата эта, правда, была вырвана смердомъ изъ рукъ священника, но самъ смердъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Въ наивной радости псковичи снова послали въ Москву извѣстіе, что задержанъ смердъ, скрывающій у себя грамату, на которую псковичи раньше ссылались, и старались подкрѣпить свое извѣстіе жалобами на псковскаго намѣстника: какъ-будто бы они не могли догадаться, что тутъ дѣло было не въ граматѣ, а въ желаніи великаго князя. Псковичи почувствовали свой промахъ только тогда, когда отъ великаго князя получили гнѣвный отвѣтъ: „Давно ли я простилъ вамъ вашу вину, а вы теперь опять пристаете со смердами?" Великій князь даже не выслушалъ самъ жалобъ на князя Ярослава, которыя были представлены отъ всей Псковской земли, какъ отъ старѣйшаго города, такъ и отъ пригородовъ и волостей, а представилъ разобрать это дѣло своимъ боярамъ, нарочно для этой цѣли посланнымъ во Псковъ.

Такимъ образомъ, благодаря своей уступчивости, псковское вѣче вышло нетронутымъ и изъ продолжительной тяжбы о смердахъ; однако потери, понесенныя имъ въ теченіе этого спора, до того ограничили кругъ вѣчевой дѣятельности, что дальнѣйшее существованіе вѣча становилось совершенно излишнимъ и могло вести къ однимъ только смятеніямъ въ псковской жизни. Послѣ отнятія власти надъ смердами и лишенія права казнить своихъ недруговъ по собственному усмотрѣнію, за вѣчемъ осталась одна только сфера избранія на псковскій столъ намѣстниковъ изъ среды слугъ великаго князя; фактически, однако, и этимъ правомъ пользовалось оно очень рѣдко, такъ какъ великій князь, вопреки подтвержденной имъ самимъ псковской старинѣ, часто назначалъ намѣстниковъ во Псковъ прямо отъ себя, ни

мало не справляясь съ желаніями псковичей. Самый актъ уничтоженія вѣчеваго быта во Псковѣ былъ исполненъ Василіемъ Ивановичемъ совершенно въ духѣ своего отца, съ крайне осторожностью, по плану, заранѣе составленному и развитому во всѣхъ его подробностяхъ.

XCIII. ПАДЕНІЕ ПСКОВА.

(*Изъ „Исторіи города Пскова и Псковской земли", Бѣляева*).

Послѣднія шесть лѣтъ псковской самостоятельности прошли едва замѣтными для исторіи. Псковская демократія тихо, едва замѣтно, безъ вспышекъ клонилась къ своему паденію: по-старому продолжались мелкіе споры съ князьями-намѣстниками; по-старому эти князья-намѣстники присылались изъ Москвы, не справляясь съ желаніемъ псковскаго вѣча; по-старому значеніе вѣча годъ отъ году съуживалось и ограничивалось почти одними внутренними дѣлами псковскаго общества. Псковское вѣче болѣе и болѣе принимало характеръ сельской или волостной сходки, еще подчасъ грозной и шумной, и даже, по замѣчанію лѣтописи, болѣе шумной нежели прежде, но только дома, въ отношеніи къ своимъ гражданамъ, и никакъ не далѣе.

Всѣ извѣстія о Псковѣ за послѣдніе годы ясно говорятъ, въ какомъ положеніи находилась въ это время самостоятельность Пскова, когда въ шесть-семь лѣтъ было перемѣнено четыре князя-намѣстника, по распоряженію московскаго государя, безъ всякаго участія со стороны вѣча, которое даже не находили нужнымъ спрашивать. Все значеніе вѣча относительно князей намѣстниковъ, ограничивалось уже только однимъ обычнымъ церемоніаломъ,—встрѣчею и посаженіемъ на престолъ, и даже отъ этого церемоніала отвернулся послѣдній князь-намѣстникъ,—князь Репня-Оболенскій, прозванный за то Найденомъ. На безсиліе вѣча даже во внутреннихъ дѣлахъ указываетъ посланіе Панфила, игумена Елизаровой пустыни. Игуменъ Панфилъ, заботясь объ уничтоженіи неприличныхъ языческихъ повѣрій и игрищъ въ народѣ, на праздникъ рождества Іоанна Предтечи и въ день самаго праздника, обращается съ своимъ моленіемъ не къ псковскому вѣчу и посадникамъ, а къ князю-намѣстнику, къ князю Дмитрію Владиміровичу Ростовскому. А по старому, еще недавнему порядку съ подобнымъ прошеніемъ должно было бы обратиться къ вѣчу, ибо вѣче только утверждало законы и отвергало народныя распоряженія другихъ властей. Слѣдовательно, въ послѣднее время вѣче потеряло и законодательную власть; иначе игуменъ Панфилъ, хорошо знавшій псковское устройство, обратился бы съ своимъ моленіемъ не къ князю-намѣстнику, а къ народному вѣчу.

Положеніе псковскаго общества за послѣднее время также представляетъ неутѣшительное явленіе, прямо указывающее на близость окончательнаго паденія. Вотъ краткое, но мѣткое описаніе псковскаго общества за послѣднее время, записанное современникомъ-лѣтописцемъ. Онъ говоритъ о своихъ современникахъ, не отдѣляя и себя отъ другихъ: „мы на большой грѣхъ превратилися, на злые поклепы и лихія дѣла и кричаніе на вѣчѣ; у насъ глава не вѣдаетъ, что говоритъ языкъ, не умѣемъ своего дома строить, а хотимъ управлять городомъ; и это-то

самоволіе и непокореніе другъ другу было виною всѣхъ золъ, насъ постигшихъ". Такое ясное и опредѣленное показаніе современника и притомъ псковича, описывавшаго то самое общество, въ средѣ котораго онъ самъ жилъ, не нуждается ни въ какихъ подтвержденіяхъ и доказательствахъ. И игуменъ Панфилъ недаромъ обратился къ князю-намѣстнику, а не къ вѣчу: ибо зачѣмъ же обращаться въ вѣчу, когда оно потеряло всякую власть и его никто не слушаетъ, когда вѣчемъ завладѣли крикуны, которые и сами не понимаютъ, о чемъ говорятъ; когда на вѣче, вслѣдствіе закона 1483 года, пробрались смерды, никогда прежде не участвовавшіе въ правленіи, и жившіе на чужой землѣ, даже не умѣвшіе править своимъ домомъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. И недаромъ псковская демократія почти два года ратовала противъ этого закона, она чувствовала, и видѣла, какія должны быть послѣдствія закона о смердахъ; и великій князь Иванъ Васильевичъ недаромъ съ особеннымъ упорствомъ отстаивалъ этотъ законъ, очевидно введенный по его распоряженію,—онъ зналъ, что сѣялъ, и хорошо видѣлъ, какіе плоды принесетъ его сѣяніе. И дѣйствительно, посѣвъ его, въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ, принесъ именно тѣ плоды, которые нужвы были для сѣятеля,—чинное и разумное псковское вѣче обратилось въ шумное сборище безсмысленныхъ крикуновъ; мужи совѣта, опыта и порядка смолкли,—имъ зажала уста толпа задорныхъ коноводовъ, не понимавшихъ даже того, что сами говорятъ. Со введеніемъ этой шумной толпы духъ вѣча, столько вѣковъ дававшій ему силу и жизнь, мало-по-малу отлетѣлъ, и въ послѣдніе годы оставалась одна только форма вѣча, одинъ его трупъ, который, по общему закону природы, естественно долженъ былъ скоро разложиться, и, наконецъ, въ 1510 году дошла очередь и до этого трупа.

Псковичи беззаботно доживали 1509 годъ, ссорились другъ съ другомъ, затѣвали тяжбы, клеветали другъ на друга въ судахъ, шумѣли на вѣчѣ: пустые крикуны судили и рядили, не понимая, въ чемъ дѣло; каждый думалъ перестроить общество по своему плану; всѣ были недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ. И особенно всѣмъ не нравился князь-намѣстникъ Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій, прозванный Найденомъ; а князь и не думалъ заискивать расположенія народа, отъ котораго ничего не могъ ожидать, и дѣйствовалъ по приказамъ изъ Москвы, гдѣ уже порѣшили покончить съ псковскимъ трупомъ—вѣчемъ. Все было въ страшной разладицѣ, и каждый съ своей стороны старался увеличить эту разладицу какимъ-нибудь неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла, до него не касающіяся, какъ это всегда бываетъ въ обществахъ, готовыхъ рухнуть. Какъ вдругъ, въ концѣ октября 1509 года, дошла до Пскова вѣсть, что великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ Великій Новгородъ съ своимъ братомъ Андреемъ и съ боярами. Псковское вѣче, получившее эту вѣсть, обрадовалось, что великій князь теперь близко отъ Пскова и что этимъ случаемъ можно воспользоваться для начатія тяжбы съ ненавистнымъ княземъ-намѣстникомъ Репнею-Найденомъ, и вслѣдъ за полученіемъ вѣсти снарядило послами двухъ посадниковъ и бояръ отъ всѣхъ концовъ, вручило имъ въ даръ великому князю полтораста рублей, и дало посламъ наказъ бить „челомъ великому государю о жалованіи и о печалованіи своей отчины, мужей псковскихъ, добровольныхъ людей, что мы-де пріобижены отъ твоего намѣстника, а нашего князя

Ивана Михайловича Репни, и отъ его людей (слугъ), и отъ намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей". Великій князь отвѣчалъ посадникамъ: „я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять такъ же, какъ отецъ нашъ и дѣды наши, великіе князи. А что мнѣ говорите о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Репнѣ, то ежели на него соберется много жалобъ, я его обвиню передъ вами". И съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Посланники, возвратившись во Псковъ, представили вѣчу короткій, но весьма многозначительный отчетъ о своемъ посольствѣ, состоящій въ слѣдующихъ словахъ: „князь великій псковскій даръ принялъ честно, а сердечныя мысли никто же вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину, и на мужей псковихъ, и на городъ Псковъ". Значитъ, псковскіе послы уже изъ московскаго пріема замѣтили, что недоброе что-нибудь замышляется на Псковъ, или можетъ и при московскомъ дворѣ нашлись люди, предупредившіе псковскихъ пословъ о замыслахъ своего государя. Но псковское вѣче, прежде столько предусмотрительное и осторожное, теперь, какъ бы потерявши голову, вовсе не обратило вниманія на столь важное предостереженіе и продолжало ссориться съ княземъ-намѣстникомъ. Князь Иванъ Михайловичъ Репня, немного спустя по возвращеніи посольства во Псковъ, самъ отправился къ великому князю въ Новгородъ съ жалобою на псковичей, что они его обезчестили. Между тѣмъ, дѣти посадничьи и боярскія, въ разное время обиженныя княземъ-намѣстникомъ, основываясь на донесеніи пословъ, что великій князь обвинитъ Репню, какъ скоро на него соберется много жалобъ, многолюдствомъ поѣхали въ Новгородъ съ своими жалобами на князя-намѣстника. Затѣмъ, псковскіе посадники и вѣче, основываясь на томъ же донесеніи пословъ, общимъ совѣтомъ придумали новую неосторожность: стали разсылать по всѣмъ пригородамъ и волостямъ граматы, въ которыхъ писали: „ежели который человѣкъ, какой ни буди, а жаловался на князя-намѣстника и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ Новгородъ бить на него челомъ". Къ тому же посадники Леонтій и Юрій Копыло, поссорившись другъ съ другомъ, поѣхали также въ Новгородъ судиться или тягаться предъ великимъ княземъ. Въ чемъ состояла эта тяжба, мы не знаемъ; но одинъ выборъ времени для тяжбы показываетъ, что ослѣпленные псковичи вовсе не обратили вниманія на важное предостереженіе своего посольства и нисколько не вникали въ положеніе, въ которомъ находился Псковъ. Мало этого, посадникъ Юрій прислалъ оттуда грамату къ псковскому вѣчу, въ которой писалъ: „ежели не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Репни, то вся земля будетъ виновата.

Страшно отозвалось это посланіе посадника во Псковѣ,—„и въ ту пору", говоритъ лѣтописецъ, „псковичамъ сердце уныло". Грамата посадника явилась почти какимъ-то повелѣніемъ, котораго не смѣли ослушаться, и девять посадниковъ и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ поѣхали въ Новгородъ; но тамъ никакой управы не даютъ пріѣхавшимъ, явно по приглашенію, не спрашиваютъ ни о чемъ и не вызываютъ къ суду. Наконецъ, великій князь приказалъ объявить: чтобы всѣ сбирались къ празднику крещенія Господня (6 января 1510 года), и въ этотъ срокъ будетъ дана всѣмъ надлежащая управа, а до этого срока пріѣхавшимъ псковичамъ управы нѣтъ. И возвратились всѣ псковичи домой, и предъ наступленіемъ назначеннаго срока всѣ опять потянулись въ Новгородъ.

На самый праздникъ крещенія Господня вышло повелѣніе отъ великаго князя, чтобы всѣ посадники, бояре и купецкіе старосты и купцы шли на водокрещеніе на рѣку. Въ самый же праздникъ, когда духовенство вышло со крестами на водоосвященіе, явился на Волховъ и самъ великій князь со всѣми своими боярами: туда собрались по приказанію и всѣ псковичи, жалобные люди. По совершеніи водоосвященія, всѣ пошли въ Софійскую церковь, а великій князь сказалъ своимъ боярамъ: распорядитесь, какъ рѣшено въ думѣ. По этому государеву слову бояре стали говорить посадникамъ и всѣмъ псковичамъ, пріѣхавшимъ съ жалобами: собирайтесь всѣ къ владычню двору, и тамъ государь дастъ вамъ всѣмъ управу, а кто не пойдетъ, то боялся бы казни отъ великаго князя. Когда же всѣ сошлись ко владычню двору, то государевы бояре, удостовѣрившись, что всѣ жалобщики сполна налицо, ввели псковскихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ въ палату, а молодшихъ людей оставили на дворѣ. И вошедши въ палату государеву, бояре сказали посадникамъ, боярамъ и купцамъ псковскимъ: вы теперь пойманы Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи;—и тутъ же въ палатѣ и засадили ихъ подъ караулъ, пока будутъ привезены ихъ жены и семейства; молодшихъ же людей, стоявшихъ на дворѣ, переписавъ, отдали на поруки новгородцамъ по разнымъ улицамъ, съ обязанностью стеречь ихъ и кормить, пока не будетъ сказана управа. Во Псковъ печальную вѣсть о задержаніи обидныхъ людей принесъ одинъ купчина, поповичъ Филиппъ, который ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, и узналъ объ этомъ несчастіи псковичей на постояломъ дворѣ на Веряжи; пораженный такой вѣстью, онъ бросилъ свой возъ и верхомъ на лошади поскакалъ назадъ во Псковъ, и сказалъ псковичамъ: „князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ".

Страшная вѣсть, какъ громомъ, поразила несчастныхъ псковичей: на первый разъ они рѣшительно потеряли голову, отъ слезъ и рыданій даже не могли ничего говорить. Лѣтописецъ-современникъ говоритъ: „много несчастій выдержалъ Псковъ отъ нѣмецкихъ нашествій, но такой скорби и печали, какъ нынѣ, никогда не бывало во Псковѣ". По обычаю составили вѣче, но вѣче было не обычное—у крикуновъ прильнулъ языкъ; вопросъ, который нужно было рѣшить, былъ очень громаденъ,—уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ Псковъ привыкъ видѣть въ московскихъ князьяхъ своихъ покровителей и защитниковъ; съ Москвой войны никогда не было, а теперь вышла такая бѣда, что нужно или воевать съ Москвою, или отказываться отъ своей независимости, самимъ признать себя подданными московскаго государя. И начали думать псковичи на своемъ вѣчѣ: ставить ли щитъ противъ государя и запереться въ городѣ? Но мысль о сопротивленіи не нашла поддержки; вспомнили, что Псковъ давно уже цѣлуетъ крестъ московскимъ государямъ и называетъ себя отчиною великихъ князей, да и какъ начать войну противъ государя, когда посадники, бояре и всѣ лучшіе люди задержаны у него. И рѣшило вѣче послать къ великому князю своего гонца Евстафія сотскаго, именемъ всего города бить челомъ со слезами отъ мала до велика: „чтобы ты, государь, нашъ князь великій, Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ неотступны были отъ тебя, государя, и непротивны были тебѣ, государю. Богъ воленъ, да и ты со своею отчиною и съ нами, людишками своими";

Евстафій сотскій, ставъ передъ государемъ въ Новгородѣ, сказалъ всю рѣчь по наказу, и великій князь отвѣчалъ: „я пришлю во Псковъ своего посла съ наказомъ“, и съ тѣмъ отпустилъ гонца.

Пріѣхалъ во Псковъ посолъ великокняжескій, дьякъ Третьякъ Далматовъ, и псковичи съ радостью приняли, надѣясь, что все пойдетъ по прежнему, что государь прислалъ своего дьяка съ пожалованіемъ и стариною. И явился дьякъ па вѣче, сталъ передъ народомъ и сказалъ первую новую пошлину, небывалую встарину,—такой поклонъ отъ великаго князя: „ежели отчина моя, посадники псковскіе и псковичи, хотите еще въ старинѣ прожить, и вы бы двѣ воли мои изволили, чтобы у васъ вѣча не было, да и колоколъ бы вѣчевой сняли, а здѣсь быть двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ же быть, и вы еще въ старинѣ проживете, а только тѣхъ двухъ воль не сотворите, ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, а у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто не исполнитъ воли государевой; да государь нашъ, князь великій, хочетъ побывать на поклонъ ко святой Троицѣ во Псковъ“. И, покончивъ рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени ожидать отвѣта. И Псковъ, присутствовавшій на вѣче, не могъ дать отвѣта, всѣ зарыдали и ударили челомъ въ землю, и сказали дьяку: „посолъ государевъ! дастъ Богъ завтра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ“. Что думали и какъ думали псковичи, выпросивши сроку до утра, мы не знаемъ; только на другой день въ воскресенье съ разсвѣтомъ ударили въ вѣчевой колоколъ, собралось вѣче, пришелъ и дьякъ государевъ за отвѣтомъ; и посадники и вѣче дали слѣдующій отвѣтъ: „такъ у насъ написано въ лѣтописцахъ,—съ прадѣдами и дѣдами, и съ отцомъ его крестное цѣлованіе съ великими князьями положено, что намъ, псковичамъ, отъ государя, своего великаго князя, кто ни будетъ на Москвѣ, и намъ отъ него не отойти ни въ Литву, ни въ Нѣмцы, а намъ жить по старинѣ въ добровольи. А мы, псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или сами по себѣ станемъ жить безъ государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, и огонь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ. А государь нашъ князь великій то крестное цѣлованіе не учнетъ на себя держать, ино на него тотъ же обѣтъ, который на насъ, ежели насъ не учнетъ въ старинѣ держать. А послѣ того нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнить и на себя проклятія принять, и на государя своего руки поднять, и въ городѣ запереться не хотимъ. А государь нашъ князь хочетъ живоначальной Троицѣ помолиться и въ своей отчинѣ, во Псковѣ, побывать; и мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца“. Въ отвѣтѣ, данномъ дьяку Третьяку Далматову, слышно, что онъ былъ данъ еще вольными людьми, въ немъ звучитъ еще свобода и непринужденность. Но увы, эти вольные люди уже чувствовали, что они безсильны, что сила не на ихъ сторонѣ, а одною свободою безъ силы немного сдѣлаешь, особенно ежели самъ сознаешь свое безсиліе, какъ это и случилось со псковичами.

Дьякъ Далматовъ, исполняя повелѣніе своего государя, 13 января 1510 года, приказалъ снять вѣчевой колоколъ отъ живоначальной Троицы, и повезли его на снѣтогорскій дворъ, къ церкви Іоанна Богослова. Псковичи, смотря на все это, плакали по колоколѣ, какъ по символѣ

своей старины и воли; чтобы не огорчать еще болѣе уже сильно огорченныхъ псковичей, дьякъ вывезъ колоколъ ночью и отправилъ въ Новгородъ. На пятый день по отъѣздѣ дьяка Далматова съ вѣчевымъ колоколомъ прибыли во Псковъ воеводы великаго князя: князь Петръ великій, Иванъ Васильевичъ Хабаръ и Иванъ Андреевичъ Челяднинъ съ московскими полками, и стали приводить Псковичей къ крестному цѣлованію, и сказали посадникамъ, чтобы приготовились къ принятію великаго князя, который будетъ во Псковѣ черезъ недѣлю. По этому объявленію воеводъ посадники псковскіе, и дѣти боярскіе, и посадничьи, и купцы поѣхали встрѣчать государя на новгородскую границу, и пріѣхалъ во Псковъ великій князь 24 января, и въ тотъ же день пріѣхалъ коломенскій епископъ Вассіанъ Кривой. И когда священники хотѣли встрѣтить государя съ крестами у церкви нерукотвореннаго Спасова образа на полѣ, то Вассіанъ сказалъ: не угодно-де государю такъ далеко встрѣчать его,—и они не пошли; а псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю; и государь великій князь спросилъ у нихъ о здоровьѣ; и они отвѣчали: „ты бы государь нашъ, князь великій, царь всея Руси, здравъ былъ". И поѣхалъ государь во Псковъ, и встрѣтилъ его владыка коломенскій, что съ нимъ пріѣхалъ, и всѣ священно-иноки, священники и діаконы на торгу, а самъ князь великій слѣзъ съ коня у церкви всемилостиваго Спаса и, получивъ благословеніе, пошелъ къ святой живоначальной Троицѣ. Въ церкви св. Троицы пѣли благодарственный молебенъ и многолѣтіе кликали государю; и владыка, благословляя его, сказалъ: „Богъ тебя, государя благословляетъ, Псковъ вземши". Псковичи, бывшіе въ церкви, слышавши то, заплакали горько и сказали: „Богъ воленъ да государь, отчина мы его были изстари отцовъ его и дѣдовъ и прадѣдовъ его". На четвертый день по пріѣздѣ великій князь велѣлъ посадникамъ псковскимъ, и дѣтямъ посадничьимъ, и боярамъ, и купцамъ, и житьимъ людямъ быть у себя на дворѣ и сказалъ: „я васъ хочу жаловать своимъ жалованьемъ".

Въ назначенный день пошли всѣ псковичи отъ мала до велика на дворъ къ великому князю, и посадники и бояре вошли въ гридню, а иныхъ посадниковъ и бояръ, и купцовъ князь Петръ Васильевичъ великій, бывшій прежде княземъ-намѣстникомъ во Псковѣ, стоя на крыльцѣ перекликалъ по списку, и которые вошли въ гридню, тѣхъ всѣхъ подавали за приставы. А псковичамъ, молодшимъ людямъ, которые на дворѣ стояли, князь Петръ сказалъ: „до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, и онъ тѣхъ къ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею граматою жалованною, какъ вамъ впередъ жить". Тѣ же, которые были задержаны въ гридницѣ и отданы приставамъ, въ ту же ночь получили приказаніе собраться съ женами и дѣтьми и отправляться въ Москву съ своимъ имуществомъ, какое могли взять, а все прочее оставить; и много было плача и рыданія и отъѣзжавшимъ, и остававшимся. А равнымъ образомъ были взяты и отправлены жены и семейства тѣхъ псковичей, которыхъ великій князь задержалъ въ Новгородѣ. Всего въ одну ночь было вывезено изъ Пскова триста богатѣйшихъ семействъ, которыя были извѣстны своимъ настойчивымъ характеромъ, и о которыхъ великій князь легко могъ узнать отъ князей-намѣстниковъ. Потомъ великій князь началъ раздавать деревни сведенныхъ псковскихъ бояръ своимъ боярамъ; затѣмъ посадилъ во Псковѣ двухъ намѣстниковъ

Григорія Θедоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челяднина, при нихъ двухъ дьяковъ, 12 городничихъ, 12 старостъ московскихъ и 12 старостъ псковскихъ; и велѣлъ имъ въ судѣ сидѣть съ намѣстниками и тіунами правды стеречь. Устроивши совершенно новый порядокъ въ самомъ Псковѣ, великій князь, для поддержанія этого порядка, написалъ новый законъ для всей Псковской земли и далъ его псковичамъ, подъ именемъ уставной граматы, на основаніи которой творились бы судъ и управа по всей псковской землѣ, и которая бы служила законною защитой псковичамъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и другихъ властей; и вслѣдъ затѣмъ послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ имъ приводить пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Съ горькими слезами встрѣчали псковичи всѣ эти нововведенія, и современникъ-лѣтописецъ такъ выражается о тогдашнихъ московскихъ порядкахъ во Псковѣ: „и у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много зла было отъ нихъ, были немилостивы до псковичей; а псковичи бѣдные не вѣдали правды московскія“. Нѣтъ сомнѣнія, что много горькой правды въ приведенныхъ словахъ лѣтописца. Москвичи, посаженные великимъ княземъ для суда и управленія во Псковѣ, по всему вѣроятію, не упускали случая пользоваться невѣдѣніемъ псковичей относительно новыхъ порядковъ, вовсе непохожихъ на ихъ прежніе порядки; но нельзя отрицать и того, что для псковичей и самая правда московская казалась неправдою, и тѣмъ больше, что она была навязана имъ насильственно: одно уничтоженіе вольнаго вѣча было для псковичей такимъ уже зломъ, которые способно было отравить всякое добро, шедшее отъ Москвы.

Устроивши псковскія дѣла по-своему, великій князь отправилъ Петра Яковлевича Захарьина въ Москву поздравить ее со взятіемъ Пскова, и приказалъ прислать изъ Москвы богатыхъ людей гостей для введенія московскихъ порядковъ въ торговлѣ и устройства таможенныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ еще псковичамъ, и назначилъ новое мѣсто для торга за среднимъ городомъ, противъ лужскихъ воротъ, за рвомъ, потомъ велѣлъ поставить церковь святой Ксеніи, память которой празднуется въ тотъ день, когда пріѣхалъ великій князь во Псковъ. Проживши четыре недѣли во Псковѣ, великій князь въ четвертокъ на третьей недѣлѣ поста отправился въ Москву, взялъ съ собою и другой колоколъ, иногда замѣнявшій мѣсто вѣчеваго, а во Псковѣ оставилъ 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ своихъ, да 500 человѣкъ пищальниковъ новгородскихъ. Отъѣздъ великаго князя въ Москву отозвался псковичамъ новыми тягостями; по словамъ лѣтописца, намѣстники начали надъ псковичами силу великую чинить, а приставы намѣстничьи отъ поруки стали брать по десяти рублей, и по семи, и по пяти; кто, псковичъ, укажетъ на великаго князя уставную грамату, по скольку тамъ велѣно отъ поруки брать, и они того убьютъ. И отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, оставивши женъ и дѣтей; а которые иноземцы жили во Псковѣ, и тѣ разошлись по своимъ землямъ Въ началѣ мая, по распоряженію великаго князя, пріѣхали во Псковъ гости, сведенные москвичи изъ десяти городовъ, всего триста семей, на мѣсто трехъ сотъ семей псковскихъ, выселенныхъ въ московскіе города; и новопріѣзжихъ стали отдѣлять дворами въ среднемъ городѣ, а всѣхъ жившихъ тамъ

псковичей выпроводили изъ своихъ дворовъ въ окольный городъ и на посадъ; а было въ середнемъ городѣ 6500 дворовъ, которые всѣ, по великокняжескому распоряженію, сведены были за городъ, чтобы тамъ не оставалось ни одного псковскаго двора; точно также велѣно было очистить и Кромъ, гдѣ у псковичей построены были клѣти для храненія общественнаго хлѣба. Такимъ образомъ, всѣ главныя части города,—Дѣтинецъ, Кромъ и средній городъ,—были переданы московскому гарнизону и людямъ, переселеннымъ во Псковъ изъ другихъ городовъ; псковичи же были перемѣщены на посадъ и въ тѣ части города, которыя находились за главными городскими стѣнами.

Все это легло тяжелымъ гнетомъ на несчастныхъ псковичей, и ихъ лѣтописецъ говоритъ: „тогда не можно было жить во Псковѣ, и только одни псковичи остались, которымъ дѣться было некуда, земля не разступалась, а наверхъ не взлетѣть". Но великій князь Василій Ивановичъ, наученный опытомъ своего родителя въ Великомъ Новгородѣ, который приходилось покорять нѣсколько разъ, что стоило страшно дорого и для Москвы, и для новгородцевъ, и хорошо зная, что псковичи даже превзойдутъ новгородцевъ въ любви къ свободѣ и къ самоуправленію, а сосѣди Литва и Нѣмцы не упустятъ случая насолить московскому государю,—призналъ за лучшее за одинъ разъ покончить со Псковомъ и принять мѣры самыя строгія и рѣшительныя, такъ чтобы нельзя было и думать о возстаніи. И планъ государя московскаго увѣнчался успѣхомъ: разъ покоренный Псковъ не дѣлалъ уже возстаній противъ власти московскаго государя, и псковичи волей-неволей сдержали свое обѣщаніе прежняго крестнаго цѣлованія своего не измѣнить, на себя кровопролитія не принять, и на государя своего руки не поднять. Впрочемъ, и великій князь не оставилъ покорныхъ псковичей безъ защиты; мы не знаемъ, какую онъ имъ далъ уставную грамату, но лѣтописецъ нигдѣ не жалуется на эту грамату; значитъ, она была составлена въ пользу псковичей, ограждала ихъ интересы; жалобы раздаются только на намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и дьяковъ, присланныхъ изъ Москвы. Но намѣстникамъ, тіунамъ и дьякамъ великій князь не спускалъ: первые намѣстники и дьяки, на которыхъ особенно жалуется лѣтописецъ, были смѣнены на другой же годъ, изъ Москвы присланы новые намѣстники, князь Петръ Васильевичъ великій, уже прежде бывшій княземъ-намѣстникомъ еще въ вольномъ Псковѣ, хорошо знавшій псковичей и любимый ими, и князь Семенъ Курбскій, о которыхъ самъ лѣтописецъ говоритъ: „и тѣ намѣстники добрые были до псковичей; псковичи, которые было разошлись по разнымъ странамъ, опять стали сходиться изъ разныхъ мѣстъ во Псковъ". И сдѣлался Псковъ городомъ московскимъ, и граждане хотя, по словамъ лѣтописца, долго еще вспоминали свое былое, свою старую пошлину, тѣмъ не менѣе начали привыкать къ новымъ порядкамъ, и не столько тяготиться ими, какъ тяготились въ первый годъ покоренія.

Такъ кончилось самобытное существованіе Ольгиной родины,—древняго вольнаго города Пскова; такъ Псковъ отслужилъ свою службу въ русской исторіи, которую она ему отмѣрила, и смиренно вошелъ въ разрядъ московскихъ городовъ, признающихъ власть великаго князя, а потомъ царей всей Русской земли. Псковскій лѣтописецъ, самовидецъ паденія Пскова, горько оплакалъ послѣдніе дни самостоятельности своей родины, да съ его стороны это и не могло быть иначе: его сердце разрывалось

при одномъ только спускѣ вѣчеваго колокола; у него въ глазахъ потемнѣло отъ слезъ, когда епископъ коломенскій Вассіанъ въ Троицкомъ храмѣ поздравилъ великаго князя „*Псковъ вземши*". Но черезъ три съ половиною столѣтія паденіе Пскова въ нашихъ глазахъ должно представляться нѣсколько иначе. Что псковичи не могли продолжать своего отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія, это не зависѣло ни отъ нихъ, ни отъ великаго князя московскаго,—въ этомъ выражался только непреложный законъ судебъ историческихъ, по которому городъ ли, народъ ли, отслуживши свою службу, отмѣченную исторіей, долженъ сойти со сцены историческаго міра. Но дѣло не въ томъ, чего уже миновать нельзя: всѣ люди и народы живутъ и умираютъ, но какъ кто живетъ и умираетъ,—вотъ, что важно для исторіи. И въ этомъ отношеніи древній свободный Псковъ представляетъ свѣтлый образъ, и такой свѣтлый, какой немногіе города представляютъ въ исторіи.

Первоначально незначительная колонія новгородская, построенная едва ли не на спорной землѣ между чудью и славянами ильменскими, Псковъ, вѣрною, многотрудною боевою службою славянской, или вѣрнѣе, русской цивилизаціею въ тамошнемъ краю честно достигъ сперва значенія важнаго пригорода въ Новгородской землѣ, а потомъ также честно трудомъ и потомъ сдѣлался младшимъ братомъ Новгорода Великаго, вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ. И, что всего замѣчательнѣе, Псковъ, прежде нежели отдѣлился отъ Новгорода, успѣлъ пріобрѣсти себѣ самостоятельность своимъ своеобразнымъ и превосходнымъ внутреннимъ устройствомъ, вышедшимъ первоначально изъ новгородскаго общественнаго устройства, но потомъ мало-по-малу измѣненнымъ и доведеннымъ до того, что псковичи далеко опередили новгородцевъ въ развитіи своего общественнаго строя, и съумѣли ввести такой порядокъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, что въ продолженіе пятисотлѣтняго историческаго существованія Пскова исторія не отыщетъ и пяти общественныхъ смутъ между псковичами, тогда-какъ въ Новгородѣ почти вся общественная жизнь проходила въ смутахъ и борьбѣ партій. Враги Пскова время-отъ-времени смѣнялись,—одни падали, а другіе усиливались,—а Псковъ оставался все одинъ и тотъ же, какъ неприступная крѣпость, поочередно осаждаемая разными войсками, смѣнявшими другъ друга. И такъ продолжалось до самаго окончанія исторической службы Пскова, когда его смѣнилъ другой сильнѣйшій боецъ за русское дѣло,—властительная Москва. Свѣтелъ образъ Пскова въ продолженіе всей его исторической дѣятельности, но онъ является еще свѣтлѣе въ послѣдніе годы, когда Псковъ дослуживалъ свою историческую службу, когда обыкновенно самые свѣтлые образы городовъ и народовъ темнѣютъ и тускнутъ. Псковъ сошелъ съ исторической сцены не какъ дряхлый, искалѣченный старикъ, а какъ бодрый еще воинъ, отслужившій свою срочную службу. Внутреннія смятенія и безпорядки и другіе болѣзненные признаки, обыкновенно сопровождающіе паденіе государствъ, не показывались въ послѣдніе годы сомостоятельной жизни Пскова. Правда, лѣтописецъ жалуется, что въ послѣдніе годы и на псковскомъ вѣчѣ, обыкновенно тихомъ и чинномъ, появились крикуны, у которыхъ голова не знала, что языкъ кричалъ. Конечно, такіе крикуны были неотраднымъ явленіемъ на вѣчѣ; но, судя по ходу дѣлъ во Псковѣ за послѣдніе годы, они не могли возвратить вѣчеваго порядка, укрѣпленнаго вѣками. И Псковъ,

не смотря на крикуновъ, оставался вѣренъ своимъ псковскимъ правиламъ, и также свѣтелъ въ послѣдніе дни, какъ и въ самое цвѣтущее время; онъ скоро съумѣлъ понять свое положеніе, и скорѣе рѣшился честно сойти съ историческаго поприща, чѣмъ измѣнить русскому дѣлу и искать помощи у нѣмцевъ или Литвы и очертя голову броситься въ безумную борьбу, которой конецъ напередъ уже можно было видѣть. Псковичи, вмѣсто всѣхъ подобныхъ уловокъ, столь обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ, прямо и благородно отвѣчали на послѣднемъ вѣчѣ: „а нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнить, и на себя кровопролитіе принять“. И съ тѣмъ вмѣстѣ мирно удалились съ историческаго поприща, не проливъ безполезно ни капли крови и не помрачивъ своего свѣтлаго образа. Подлинно рѣдкая кончина свободнаго народа!

XCIV. ВАСИЛІЙ III, ЕГО ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

*(Изъ „Записокъ о Московіи“ *) барона Герберштейна).*

Умеръ Іоаннъ Васильевичъ въ 7014 году отъ сотворенія міра. Въ достоинствѣ великаго князя московскаго наслѣдовалъ ему сынъ Гавріилъ, потомъ называвшійся Василіемъ. Онъ содержалъ въ заключеніи своего племянника Димитрія, который еще при жизни дѣда (Іоанна III) былъ вѣнчанъ на царство, сообразно народному обычаю. Поэтому, и при жизни, и по смерти племянника, Василій не хотѣлъ торжественно вѣнчаться на царство. Онъ во многомъ подражалъ отцу, сохранилъ въ цѣлости доставшееся ему отъ отца и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ многія области не столько войною, въ которой былъ весьма несчастливъ, сколько хитростью; какъ отецъ привелъ въ зависимость отъ себя Новгородъ, такъ онъ покорилъ прежде дружественный ему Псковъ, также пріобрѣлъ знаменитое княжество Смоленское, которое болѣе 100 лѣтъ было въ подданствѣ литовцевъ. Въ то же время московскій князь также выступилъ противъ царства Казанскаго съ судовою и конною ратью, но воротился, не сдѣлавъ дѣла и потерявъ много воиновъ.

Хотя этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ, тѣмъ не менѣе свои восхваляютъ его такъ, какъ будто-бы онъ велъ свои дѣла счастливо, и хотя иногда едва возвращалась половина воиновъ, они, однако, утверждаютъ, что въ сраженіяхъ не потеряно ни одного. Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра. Онъ исполнилъ то, что началъ его отецъ, именно—отнялъ отъ всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія; даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не ввѣряетъ крѣпостей и не позволяетъ имъ въ нихъ жить. Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ, такъ что тотъ, кому приказалъ онъ быть во дворцѣ или идти на войну, или отправлять посольство, принужденъ

---

*) „Rerum Moscovitarum commentarii“, перев. Анонимова.

исполнять свою должность па свой счетъ, исключая юношей, боярскихъ дѣтей, т. е. благородныхъ людей небольшаго достатка, которыхъ по ихъ бѣдности онъ ежегодно беретъ къ себѣ и которымъ обыкновенно даетъ жалованье, хотя не всѣмъ одинаково: тѣмъ, которымъ онъ кладетъ 6 золотыхъ въ годъ, жалованье выдается только на третій годъ; тѣ же, которымъ выдается каждый годъ по 12 золотыхъ, обязаны быть готовы ко всякой должности на своихъ издержкахъ и съ нѣсколькими лошадьми. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольство или другія важныя должности, даются или управленія областями, или села, смотря по труду и достоинству каждаго. Однако, они платятъ съ нихъ князю извѣстную ежегодную подать. Имъ идетъ только денежная пеня, которую они взимаютъ съ бѣдныхъ, чѣмъ-либо провинившихся, и нѣкоторые другіе доходы. Князь позволяетъ пользоваться такого рода владѣніями большею частью въ продолженіе полутора года; если же онъ оказываетъ кому особое благоволеніе, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; но, по прошествіи этого времени, всякое жалованье прекращается, и цѣлыхъ 6 лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ. При княжескомъ дворѣ былъ нѣкто Василій Третьякъ-Далматовъ, пользовавшійся милостью князя и бывшій въ числѣ ближнихъ дьяковъ его. Князь назначилъ его къ цесарю Максимиліану и приказалъ ему приготовляться. Когда Третьякъ сказалъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и издержки, его схватили, увезли въ Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ и погибъ жалкою смертью. Князь взялъ себѣ его имѣніе, движимое и недвижимое, и нашедши у него 3000 флориновъ чистыми деньгами, не далъ его братьямъ и наслѣдникамъ даже четвертой части. Два брата Третьяка, Ѳедоръ и Захарій, которые были даны намъ приставами на возвратномъ пути изъ Можайска въ Смоленскъ, утверждали, что это было такъ. Если послы, отправленные къ иностраннымъ государямъ, привозятъ какія-либо драгоцѣнности, то князь откладываетъ это въ свою казну, говоря, что дастъ имъ другую награду, а она такова, какъ я сказалъ выше. Такъ, когда вмѣстѣ съ нами возвратились въ Москву послы, князь Иванъ Посечень-Ярославскій и дьякъ Семенъ Трофимовъ, получивъ въ даръ отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя ожерелья, цѣпи, испанскіе дукаты, а отъ брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебряныя чаши, золотыя и серебряныя парчи и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ, то князь отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и большую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это, то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя; другой же говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ цесарскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ; потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а возражали: „Такъ что-же? Если князь вознаградитъ ихъ другою милостью". Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться противорѣчить ему и быть въ чемъ-нибудь другаго мнѣнія. Они открыто

признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божьей. Поэтому они называютъ его Божьимъ ключникомъ, постельникомъ, и вѣрятъ, что онъ—исполнитель воли Божьей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ или другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: „Будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ". Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: „знаетъ Богъ и великій государь".

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя прежніе государи не употребляли другаго титула, какъ титулъ великихъ князей или владимірскихъ, или московскихъ, или новгородскихъ и пр., кромѣ Василія, который называлъ себя господиномъ всей Руси и великимъ княземъ владимірскимъ и проч. Василій же Іоанновичъ присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великій Государь Василій, Божьею милостью, царь и государь всей Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и пр., государь великій князь нижней земли новгородскій, черниговскій, рязанскій, волоцкій, ржевскій, бѣлевскій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, удорскій, обдорскій, кондинскій и проч. Такъ-какъ нынѣ всѣ называютъ его императоромъ, то мнѣ кажется необходимымъ распространиться объ этомъ титулѣ. Слово *царь* на русскомъ языкѣ значитъ *король, rex*. Но у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ славянъ подъ нимъ понимаютъ императора, цесаря, по созвучію; отъ этого полагаютъ, что царемъ называется одинъ цесарь или императоръ. Русскіе же переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать своего государя такъ, полагая, что имя царь почтеннѣе имени короля, хотя это одно и то же. Нѣкоторые называютъ московскаго князя бѣлымъ царемъ. Я тщательно отыскивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде изъ московскихъ князей никто не употреблялъ этого титула. Я думаю, что московскихъ князей называютъ бѣлыми царями отъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь персидскій шахъ называется Кизиль-пашой, т. е. красной головой, отъ красной шапки. Царскій титулъ употребляется имъ въ сношеніяхъ съ римскимъ императоромъ и папой, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ. Его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только ливонцы. Въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великій Государь Василій, Божьею милостью, государь всей Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, болгарскій и пр., пропуская титулъ царя, потому что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не удостоитъ принять грамату другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Нѣкоторые пишутъ, что московскій князь добился отъ папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ преимущественно потому, что московскій князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ, какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его граматъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула.

XCV. РАЗВОДЪ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА СЪ СОЛОМОНІЕЙ И ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ БРАКЪ СЪ ЕЛЕНОЙ ГЛИНСКОЙ.

(*Изъ „Записокъ о Московіи“ барона Герберштейна*).

Когда Василій Іоанновичъ собирался жениться, ему казалось, что лучше взять дочь кого-нибудь изъ подданныхъ, чѣмъ чужестранку, какъ для того, чтобы избѣжать большихъ издержекъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы не имѣть супруги съ чужеземными обычаями и другой вѣры. Виновникомъ этого намѣренія князя былъ Георгій, по прозванію Малый, казначей и высшій совѣтникъ князя; онъ полагалъ, что князь возьметъ въ супруги его дочь. Съ общаго совѣта были собраны въ одно мѣсто дочери бояръ, числомъ 1500, для того, чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію. По осмотрѣ, противъ ожиданія Георгія, онъ выбралъ Соломонію, дочь боярина Іоанна Сабурова. Въ продолженіе 21 года онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Огорчаясь безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь въ Суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самый годъ, въ который мы пріѣхали въ Москву (т. е. въ 1526 году). Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волосы; а когда онъ подалъ ей кукуль, она не допускала надѣть его на себя и, схвативъ кукуль и бросивъ его на землю, топтала его ногами. Іоаннъ Шигона, одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, негодуя на этотъ поступокъ, не только сильно бранилъ ее, но и ударилъ плетью, прибавивъ: „Смѣешь-ли ты противиться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказаній“. Когда Соломонія спросила, по какому праву онъ ее бьетъ, онъ отвѣчалъ: „по приказанію государя“. Тогда съ растерзаннымъ сердцемъ она объявила передъ всѣми, что надѣваетъ монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призывала Бога въ мстители за такую несправедливость. По заключеніи Соломоніи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью уже умершаго князя Василія Глинскаго-Слѣпаго, брата князя Михаила Глинскаго, который тогда содержался въ заключеніи. Вдругъ распространяется слухъ, что Соломонія беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, супруги первостепенныхъ совѣтниковъ, казначея Георгія Малаго и постельничаго Якова Мазура; онѣ говорили, что изъ устъ самой Соломоніи слышали о ея беременности и близкихъ родахъ. Услышавъ это, князь сильно смутился и удалилъ отъ себя обѣихъ боярынь, а одну, супругу Георгія, высѣкъ за то, что она раньше не доложила ему объ этомъ. Вскорѣ, желая узнать дѣло навѣрно, онъ послалъ совѣтника Ѳеодорика Рака и одного дьяка въ монастырь, гдѣ содержалась Соломонія, и поручилъ имъ хорошенько развѣдать истину. Нѣкоторые, въ нашу бытность въ Московіи, утверждали намъ за истину, что Соломонія родила сына именемъ Георгія, однако, никому не хотѣла показывать ребенка. Когда къ ней были присланы люди, чтобы узнать истину, она, говорятъ, отвѣчала, что они недостойны, чтобы глаза ихъ видѣли ребенка, и что когда онъ облечется въ свое величіе (то-есть, взойдетъ на престолъ), то отомститъ за оскорбленіе матери. Нѣкоторые

же не хотѣли признать за истину, что она родила. И такъ слухъ объ этомъ двоякаго рода.

Я слышалъ, что князь по двумъ причинамъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Василія Глинскаго, бѣжавшаго изъ Литвы, сверхъ того, что онъ надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: во-1-хъ, потому, что его тесть велъ свой родъ отъ фамиліи Петровичей, которая нѣкогда въ Венгріи была весьма знаменита, и исповѣдывалъ греческую вѣру; во-2-хъ, потому что дѣти его имѣли бы въ такомъ случаѣ дядею Михаила Глинскаго, мужа особенно опытнаго въ дѣлахъ и отличавшагося рѣдкою храбростью, ибо князь имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ, еще здравствовавшихъ, Георгія и Андрея, и потому полагалъ, что его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ отъ другой супруги, при жизни его братьевъ, не будутъ безопасно обладать царствомъ. Снявъ опалу съ Михаила и освободивъ его, онъ не сомнѣвался, что его сыновья отъ Елены, подъ вліяніемъ дяди, будутъ въ большей безопасности. Объ освобожденіи Михаила разсуждали въ нашу бытность. При насъ сняли съ него оковы и отдали на поруки, а наконецъ дали и полную свободу: въ завѣщаніи государя онъ былъ поименованъ между прочими князьями, и наконецъ назначенъ опекуномъ своихъ племянниковъ, Іоанна и Георгія. По смерти князя, видя, что его вдова сблизилась съ однимъ бояриномъ, Овчиною, безчеловѣчно поступаетъ съ братьями мужа, заключивъ ихъ въ оковы, и управляетъ весьма жестоко, Михаилъ увѣщевалъ ее, чтобы она вела жизнь болѣе честную и добродѣтельную, руководясь при этомъ единственно родственною любовью и своею честностью. Но она худо приняла его увѣщанія и съ того времени начала искать средствъ къ его погибели. Говорятъ, что Михаилъ скоро былъ обвиненъ въ измѣнѣ, снова брошенъ въ темницу и наконецъ жалкою смертью погибъ; вдова (т. е. Елена) въ непродолжительномъ времени также была отравлена ядомъ, а обольститель ея, Овчина, разсѣченъ на части. По смерти матери, старшій сынъ Іоаннъ, родившійся въ 1530 году, наслѣдовалъ царство.

XCVI. МАКСИМЪ ГРЕКЪ.

(*Изъ „Исторіи русской словесности", Галахова*).

Въ исторіи просвѣщенія встрѣчаются лица, ученая дѣятельность которыхъ относится ко всѣмъ важнѣйшимъ явленіямъ современной имъ эпохи. Сочиненія ихъ отвѣчаютъ высшимъ интересамъ общества, религіознымъ и нравственнымъ, и потому служатъ наилучшимъ указателемъ свѣтлыхъ или темныхъ его сторонъ. Такимъ лицомъ у насъ въ XVI в. былъ Максимъ Грекъ († 1556), аѳонскій инокъ, приглашенный для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ князя Василія Іоанновича, и для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно-славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи (1518—1556) составляетъ въ русской исторіи періодъ многихъ настроеній, начало которыхъ восходитъ еще къ XIII вѣку, и которыя, накопляясь и развиваясь въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій, вполнѣ обнаружили свою силу въ XVI в., такъ-что правительство нашлось вынужденнымъ созвать для разсмотрѣ-

нія ихъ особый соборъ, означаемый именемъ Стоглаваго. Раскрытіе этихъ нестроеній и служило существеннымъ предметомъ дѣятельности Максима. Хотя онъ былъ вызванъ для спеціальнаго занятія—разбора великокняжеской библіотеки, но труды его этимъ не ограничились. Какъ человѣкъ, по образованію стоявшій высоко надъ современнымъ русскимъ обществомъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ новомъ его отечествѣ, и на каждое замѣчательное событіе отзывался своимъ словомъ. „Разжигаемый", какъ онъ самъ выражается, „божественною ревностью", онъ не могъ не обращать вниманія на ясно сознаваемые имъ потребности и недостатки. Ему, новому и свѣжему человѣку въ сферѣ чуждой жизни, были замѣтнѣе отступленія отъ христіанскихъ началъ, какъ догматическихъ, такъ и нравственныхъ.

Неустройства, съ которыми пришлось имѣть дѣло Максиму Греку, происходили меньшею частью отъ иноземныхъ вліяній и большею частью отъ внутреннихъ причинъ.

Иноземныя вліянія оказывали свое дѣйствіе преимущественно на религіозныя понятія. Раціонализмъ, католичество, іудейство, Магометово ученіе колебали православныхъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ иновѣрцами. Ересь жидовствующихъ, хотя и осужденная на соборѣ 1504 г., считала еще многихъ приверженцевъ. Притязанія папъ на соединеніе русской церкви съ римскою сдѣлались настоятельнѣе. Въ Москвѣ долго жилъ папскій легатъ Николай Шомбергъ, бывшій впослѣдствіи кардиналомъ и архіепископомъ падуанскимъ; сочиненія его въ пользу этого соединенія читались нѣкоторыми русскими не безъ участія. Иностранцы занесли къ намъ и любовь къ астрологіи, вѣру во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на людей и государства, сильно распространенную тогда на Западѣ.

Общій источникъ всего этого заключался въ отсутствіи образованія, въ невѣжествѣ. Аѳонскій инокъ считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать всѣмъ явленіямъ русскаго быта, которыя шли наперекоръ православнымъ началамъ: повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе монашеской жизни, остатки язычества, суевѣріе, неотличаемое отъ истинной вѣры, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, превратныя толкованія тѣхъ и другихъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ, неправильныя отношенія великаго князя къ духовенству и боярамъ, высшихъ духовныхъ лицъ къ низшимъ, однихъ монастырей къ другимъ,—короче, все, чѣмъ возмущалось законное теченіе жизни, онъ обличалъ, какъ мужъ просвѣщенный, понимавшій значеніе истиннаго христіанства и коротко знакомый съ греческими преданіями.

Максимъ Грекъ былъ совершенно приготовленъ къ той дѣятельности, которую судьба предоставила ему въ Россіи. Онъ получилъ многостороннее образованіе у своихъ соотечественниковъ въ Венеціи и Флоренціи. Извѣстно, что Италія XV в. первенствовала въ Европѣ по своему просвѣщенію. Еще прежде, чѣмъ Византія завоевана была турками, многіе греки, не находя въ родовомъ городѣ спокойнаго пріюта ученымъ занятіямъ, уходили въ Италію и перепискою греческихъ рукописей доставляли себѣ средства къ существованію. Съ паденіемъ Византіи переселенія усилились, обратясь въ средство постояннаго умственнаго общенія Греціи съ Западомъ. Переселенцы встрѣчали радушный пріемъ у людей, желавшихъ ознакомиться съ классическою литературою. На нихъ смо-

трѣли съ уваженіемъ, какъ на истолкователей древнихъ поэтовъ и философовъ, какъ на проводниковъ эллинизма. Государи и города старались привязать ихъ къ себѣ почетомъ и жалованьемъ; университеты предлагали имъ каѳедры; преподаваніе ихъ привлекало многочисленныхъ слушателей. Въ важнѣйшихъ итальянскихъ городахъ заводились библіотеки; греческія рукописи тщательно спасались отъ истребленія: въ Италіи впервые начали печатать греческія книги. Греки выказали разностороннюю дѣятельность, какъ учители, авторы и издатели. Главное направленіе ихъ учености было филологическое. Максимъ Грекъ основательно изучилъ греческій, латинскій, французскій и италіянскій языки. Древне-греческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Филологическое образованіе послужило ему съ пользою при переводахъ, давъ ему средство отличать подлинныя сочиненія отъ подложныхъ. Философіи не придавалъ онъ большой важности: онъ требовалъ отъ нея не самостоятельнаго значенія и первенствующей роли, а служенія религіи. Богословіемъ занимался онъ на Аѳонѣ, гдѣ, по возвращеніи изъ Италіи, постригся въ монахи; здѣсь читалъ онъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, Максима Исповѣдника, Дамаскина и другихъ.

Не однимъ образованіемъ Максимъ былъ обязанъ Италіи: въ лицѣ Іеронима Савонаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника и настоятеля монастыря св. Марка во Флоренціи, она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Италія XV вѣка, на ряду съ блистательными успѣхами въ наукахъ и искусствахъ, представляла многія явленія, которыми возмущались люди строго-христіанской жизни: слабость вѣры и даже безвѣріе въ образованномъ классѣ, усвоившемъ понятія языческаго міра посредствомъ знакомства съ произведеніями классической философіи и поэзіи, суевѣріе простого народа, не имѣвшаго въ дѣлахъ религіи заботливыхъ руководителей и предоставленнаго собственнымъ силамъ, безпорядки духовнаго управленія, сильное послабленіе нравственности, высказавшееся роскошью, праздностью, любовью къ чувственности. Савонарола обличалъ эту нравственную распущенность, своеволіе папской власти и зазорную жизнь духовенства. Онъ требовалъ возстановленія древне-христіанскаго духа, и его краснорѣчіе вначалѣ увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ, но потомъ, обвиненный въ ереси и преданный проклятію папою Александромъ VI-мъ, онъ былъ сожженъ на кострѣ. Исторія его напоминаетъ нѣкоторымъ образомъ судьбу Максима Грека, которому также пришлось быть обличителемъ современныхъ настроеній, также пріобрѣсть уваженіе въ первое время своей дѣятельности, а потомъ пострадать за нее, какъ бы еретику.

Въ „Повѣсти о совершенномъ иноческомъ жительствѣ" Максимъ ставитъ въ примѣръ русскимъ монахамъ Савонаролу, этого образцоваго инока, который силою проповѣди и строгою жизнью обратилъ къ исправленію современное порочное общество. Между обстоятельствами, сопровождавшими дѣятельность того и другаго лица, существуетъ извѣстная аналогія. Состояніе русскаго общества въ XVI в., при Василіи Іоанновичѣ и Грозномъ, обнаруживаетъ черты сходства съ состояніемъ Флоренціи въ XV в. при Медичи: у насъ тоже, какъ выше замѣчено, существовали безпорядки церковнаго управленія, языческіе обычаи, суевѣ-

ріе, упадокъ нравственности въ духовенствѣ и народѣ. Эти сходственныя явленія имѣли, конечно, своимъ источникомъ другіе, противоположные предметы, что въ Италіи было дѣломъ усиленнаго хода цивилизаціи, то у насъ происходило преимущественно отъ тугого развитія просвѣщенія, отъ невѣжества.

Подобно многимъ ревнителямъ своихъ идей, Савонарола переступилъ за черту надлежащихъ дѣйствій: обличая пристрастіе къ языческимъ представленіямъ, онъ вооружился на классическое образованіе вообще, въ которомъ исторія справедливо признаетъ важный моментъ развитія человѣчества и драгоцѣнное наслѣдіе новаго міра. Такъ и Максимъ Грекъ. Великая заслуга его заключается въ томъ, что онъ раскрывалъ истинныя начала христіанства и точныя научныя понятія; но, съ другой стороны, обличая ложные толки въ сферѣ православія и сферѣ науки, онъ относился отрицательно къ такимъ фактамъ, которые на Руси имѣли совсѣмъ другой смыслъ, нежели во Флоренціи. Если религія флорентійскихъ ученыхъ XV в. пострадала отъ ихъ пристрастія къ языческой мудрости, отъ ихъ благоговѣнія предъ Платономъ и Аристотелемъ, если долгое господство схоластики вызвало на Западѣ законное ей противодѣйствіе, то, напротивъ, въ Россіи первой половины XVI в. или вовсе не было повода опасаться такихъ вредныхъ пристрастій, или рѣдкіе примѣры какого-либо знакомства нашихъ предковъ съ Аристотелемъ служили знакомъ похвальнаго успѣха, утѣшительнаго движенія впередъ. Схоластика составила бы эпоху въ исторіи нашего научнаго образованія. Самая любовь къ астрологіи должна быть объясняема въ пользу нашихъ старинныхъ грамотниковъ: она говоритъ о ихъ любознательности, о желаніи постигнуть таинственную связь между землей и видимымъ небомъ. Такая любознательность не заслуживаетъ безусловнаго порицанія даже и въ томъ случаѣ, когда она, по силѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уклоняется въ сторону отъ прямаго пути.

Предметомъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека было раскрытіе ложныхъ понятій и дѣйствій. Существенный характеръ ихъ обличительный, критическій. Хотя критика немыслима безъ опредѣленныхъ началъ, но догматическое, положительное ученіе стоитъ въ нихъ не на первомъ планѣ. Главное вниманіе обращено на опроверженіе мнѣній, противныхъ христіанскому просвѣщенію.

Дѣятельность Максима началась трудами по объясненію Св. Писанія. Онъ перевелъ съ греческаго сводное толкованіе на псалтырь, составленное изъ объясненій древнѣйшихъ писателей церковныхъ, потомъ толкованіе на Дѣянія апостольскія и Златоустовы бесѣды, на евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна. Такъ-какъ онъ не успѣлъ еще достаточно освоиться съ церковно-славянскимъ языкомомъ, то въ пособіе дали ему двухъ толмачей, знавшихъ языкъ латинскій: Дмитрія Герасимова и Власія, бывшаго посадникомъ въ Даніи и къ Карлу V. Максимъ диктовалъ имъ свой переводъ съ греческаго на латинскій, а они уже переводили съ латинскаго на церковно-славянскій.

Важнѣйшія сочиненія Максима принадлежатъ къ отдѣлу полемико-догматическихъ: здѣсь онъ отвергаетъ ученія евреевъ, язычниковъ, магометанъ, католиковъ и лютеранъ, противопоставляя имъ христіанское православное исповѣданіе. Между ними замѣчательно „Обличительное слово на эллинскую (языческую) прелесть", по своей видимой связи съ

пребываніемъ Максима въ Италіи, въ которой, какъ сказано выше, преданность образованнаго класса языческимъ понятіямъ породила равнодушіе къ воззрѣніямъ христіанства. Многіе ученые, въ порывѣ увлеченія дохристіанскимъ міромъ, мечтали воскресить греческую миѳологію. Знакомство съ классической литературой и миѳологіей внушило имъ чрезвычайное уваженіе къ Сократу, Платону, Аристотелю. Максимъ Грекъ, желая предостеречь русское православіе отъ подобныхъ стремленій, написалъ вышесказанное обличительное слово.

Многія сочиненія Максима Грека направлены противъ „льстивыхъ писаній“ Николая Шомберга, „родомъ нѣмчина, а вѣрою латинянина“, который старался отклонить русскихъ отъ православія въ латинство. Два слова: „На латинянъ“ и „Противъ Николаевыхъ главизнъ“ составляютъ одно цѣлое и адресованы какому-то боярину Карпову, который интересовался религіозными вопросами и получилъ особое посланіе отъ нѣмчина. Авторитетъ философіи, разсуждающей, какъ выражается Максимъ, „по преданію человѣковъ, по стихіямъ міра“, былъ для него подорванъ съ того времени, какъ онъ на Аѳонѣ изучилъ творенія святителей церкви. Потому въ „Словѣ къ Николаю латинянину объ исхожденіи Св. Духа“ онъ совѣтуетъ „удовольствоваться богодухновеннымъ богословіемъ оныхъ блаженныхъ мужей и не искать новѣйшаго хитрословія; латинское ухищреніе—больше суесловіе, чѣмъ богословіе: оно изобрѣтено вчера и можетъ хвалиться мудростью Аристотелевскою, а не Святымъ Духомъ, свыше возглашающимъ“.

Жидовствующіе имѣли еще тайныхъ приверженцевъ: и Максимъ обличалъ „іудейское зловѣріе“, чтобы соблюсти отъ него Русскую землю чистою и невредимою. Магометане вступали нерѣдко въ религіозные споры съ православными: Максимъ далъ послѣднимъ по этому поводу нѣсколько совѣтовъ. Не оставлены имъ безъ вниманія народныя суевѣрія, въ которыхъ высказывалось грубое противорѣчіе или догматамъ вѣры, или доброй нравственности. Въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, самомъ живомъ изъ вопросовъ того времени, Максимъ сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые рѣшили его отрицательно, т. е. не признавали за монастырями права владѣть селами и деревнями. Да и не могъ ученый инокъ, видѣвшій образцы совершеннаго одиночества и на Западѣ, и на Аѳонѣ, сочувствовать тому устройству, которое людей, отрекшихся отъ міра, необходимо втягивало въ міръ, и которымъ поэтому ослаблялся аскетизмъ. Не могъ онъ также умалчивать правду при видѣ многихъ неправдъ эпохи Василія Іоанновича и малолѣтства его сына.

Но духовное поборничество навлекло Максиму Греку многихъ враговъ и послужило ему въ осужденіе. Прежде всего возбудилъ онъ ропотъ невѣжества обличеніемъ нравственной безурядицы и ложныхъ ученій. Люди, строго державшіеся старины, не умѣвшіе отличать въ писаніяхъ буквы отъ духа, вооружились на него за указаніе ошибокъ въ церковныхъ книгахъ и за исправленіе ихъ. Вторая причина неудовольствія вытекала изъ отношеній Максима къ митрополиту Даніилу, бывшему игумену Волоколамскаго монастыря, и вообще къ волоколамскимъ инокамъ, которые, начиная съ царствованія Іоанна III, играли важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Сила ихъ возросла особенно при Василіи Іоанновичѣ. Курбскій называетъ ихъ „презлыми осифлянами (по имени Іосифа Волоцкаго), скорыми послушниками и во всемъ зломъ потаков-

никами“, а самого Даніила „прегордымъ и прелютымъ“. Между недовольными Даніиломъ находились знакомые Максиму, къ которому они обращались съ вопросами о дѣйствіяхъ высшей духовной власти и ея отношеніи къ цареградскому патріарху, къ великому князю и боярамъ. Мнѣніе о монастырскихъ имѣніяхъ также раздѣляло святогорскаго инока и митрополита: послѣдній отстаивалъ неприкосновенность всѣхъ правъ, какими до того пользовались обители, тогда какъ первый писалъ противъ этихъ правъ. Положеніе Максима на Руси было особенное; его спрашивали о многомъ, что дѣлалось въ правительственной и придворной средѣ. Немало было людей любознательныхъ и вмѣстѣ недовольныхъ современнымъ порядкомъ, которые желали знать, такой ли порядокъ въ чужихъ земляхъ. Къ кому другому могли они обратиться, съ кѣмъ другимъ бесѣдовать, какъ не съ Максимомъ, строгимъ инокомъ, ученымъ мужемъ, человѣкомъ бывалымъ въ Греціи, на Западѣ, на горѣ Аѳонской? Онъ самъ пишетъ, что многіе пытали у него о разныхъ вещахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ бесѣдахъ произносились невыгодные отзывы о современномъ состояніи Руси. Скопившіяся неудовольствія выжидали только случая разрѣшиться. Случай представился въ разводѣ великаго князя съ первою его супругою. Когда приверженцы новой супруги, Елены Глинской, взяли при дворѣ перевѣсъ, тогда, разумѣется Максиму и другимъ, которые не нравились торжествовавшей партіи, стала угрожать невзгода, тѣмъ болѣе, что Максимъ писалъ противъ расторженія брака. Въ 1525 г., подъ предлогомъ подозрительныхъ сношеній съ двумя опальными, Берсенемъ-Беклемишевымъ и Жаренымъ, его заключили въ Симоновъ монастырь и допрашивали обо всемъ, что было говорено о дѣлахъ князя. Когда, по слѣдствію, онъ оказался невиновнымъ, обратились къ трудамъ его по исправленію церковныхъ книгъ. Нѣкоторымъ неточностямъ въ исправленіи, происходившимъ или отъ малаго знакомства Максима съ церковно-славянскимъ языкомъ, или отъ невѣрно-переданной мысли его помощниками, придали чрезвычайную важность, созвали для того соборъ (1525), на которомъ и осудили исправителя, какъ еретика, испортившаго Св. Писаніе. Максимъ былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь, подъ надзоръ недоброжелательныхъ ему иноковъ. Послѣ новаго собора перевели его въ тверской Отрочъ монастырь, а отсюда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ онъ и скончался.

Максимъ Грекъ принадлежитъ исторіи русскаго просвѣщенія не только своими сочиненіями, но и вліяніемъ на образованіе многихъ лицъ. Кн. Вассіанъ Косой, кн. Курбскій, Зиновій Отенскій, инокъ Силуанъ, находившіеся при немъ въ писцахъ, были его учениками. Князь Курбскій отзывается о немъ съ великимъ уваженіемъ. Іоаннъ Грозный цѣнилъ его ученость, хотя не хотѣлъ ни освободить его изъ заточенія, ни отпустить на Аѳонскую гору.

XCVII. ВОПРОСЪ О МОНАСТЫРСКИХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ.

(*Изъ соч. Иконникова: „Максимъ Грекъ"*).

Въ сочиненіяхъ, представляющихъ общественное состояніе, Максимъ Грекъ разсматриваетъ монастырскую жизнь и общественныя отношенія въ обширномъ смыслѣ слова. На эти стороны обратимъ и мы свое вниманіе.

Въ древней Руси мы замѣчаемъ особенно рѣзкое направленіе народнаго духа—наклонность къ мистицизму. Она сильнѣе всего проявилась въ постоянной мысли о близкой кончинѣ міра и въ страсти къ монашеству. Стремленіе къ монастырской жизни поддерживалось и развивалось, съ одной стороны, подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній византійской литературы, съ другой, исключительно религіознымъ испытаніемъ вообще. Такому развитію аскетическихъ твореній еще болѣе способствовало то обстоятельство, что книжность исходила преимущественно изъ монастырей, отчего и въ переводахъ встрѣчается болѣе сочиненій иноческаго характера.

Монашество, согласно съ восточно-византійскими понятіями, было поставлено, въ глазахъ русскихъ, какъ идеалъ христіанской жизни, и потому весьма естественно, что для тѣхъ изъ нихъ, которые проникись новымъ началомъ христіанскимъ, и монашество стало конечною цѣлью всѣхъ желаній. Оно представлялось имъ „лучше царской державы"; о немъ говорили: „Свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ же мирянамъ иноки", а потому давался такой совѣтъ: „Монастыри любите, это сыновья святыхъ, пристанища сего свѣта". При взглядѣ на монастырь, какъ мѣсто покоя отъ мірской суеты, онъ сдѣлался убѣжищемъ отъ неудачъ, бѣдствій и преслѣдованій. Князья и бояре искали въ немъ успокоенія отъ неурядицъ земскихъ; физическія и общественныя бѣдствія заставляли идти туда ради покаянія въ грѣхахъ, потому что русскіе на всякое бѣдствіе смотрѣли, какъ на наказаніе Божье за ихъ грѣхи. Если же принять во вниманіе многочисленность общественныхъ бѣдствій въ древней Руси и связь ихъ съ мыслью о близкой кончинѣ міра, то становится понятнымъ, на сколько эти обстоятельства способствовали развитію монастырской жизни. Для поступленія въ монашество богатые считали долгомъ помогать бѣднымъ, такъ какъ при этомъ дѣлались вклады. Князья, бояре и многіе другіе считали даже религіозною обязанностью постригаться предъ смертью. Напримѣръ, Василій Іоанновичъ говорилъ митрополиту, что если его не допустятъ постричься, то чтобы на мертваго положили монашеское платье. За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ Божьимъ.

Для древне-русскаго религіознаго человѣка самый переходъ отъ мірской жизни къ монастырю не составлялъ особенной трудности, потому что и въ обыкновенной жизни онъ былъ проникнутъ аскетизмомъ. Ему запрещались гусли, пѣсни и пляски, и совѣтовалось проводить время въ „молитвахъ и славословіи"; по взгляду церковныхъ намѣстниковъ, постъ мірянъ мало чѣмъ долженъ былъ отличаться отъ поста монаховъ. Относительно женщинъ давался такой совѣтъ: „Блюдите же и воззрѣнія на лица женьска, яко тѣ и святыхъ соблазниша; не бесѣдуй съ мужатицами, яко не вси жены добры правы (имѣютъ). Се же не хуля глаголю о женахъ, но блюдитеся діаволя сѣти". Въ другомъ старинномъ поученіи, на вопросъ: „Что есть жена?" дается такой отвѣтъ: „Сѣть утворена прельщающи человѣки во властяхъ, свѣтлымъ лицомъ убо и высокими очима намигающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгарается. Что есть жена? святымъ обложница, покоище змiино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, подпѣчающая сковрода, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская". Подъ вліяніемъ подобныхъ наставленій и понятій сложилось убѣжденіе, что тотъ, кто „не имѣ жены и кромѣ міра пребывая, заповѣди Господни исправити можетъ; а съ женою и съ чады живуще не можетъ спастися"; вслѣдствіе чего бросали женъ и дѣтей безъ пристанища и шли въ монастырь; изъ посланія же Фотія видно, что „жены отъ мужей стриглись тайно въ черницъ". На жизнь смотрѣли съ отрицательной стороны; о ней обыкновенно говорили: „Вскорѣ житіе минуется и вся въ немъ времена суть и мечетна". Религіозная мистика простиралась до того, что многіе еще при жизни просили поминать ихъ за упокой. Всеобщее сочувствіе къ

монастырямъ въ древней Руси наглядно выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ и надѣлахъ ихъ недвижимою собственностью. Уже въ XI в. мы встрѣчаемъ извѣстіе о надѣлѣ монастырей недвижимымъ имуществомъ. Въ Ипатіевской лѣтописи говорится, что князь Ярополкъ Изяславичъ (ум. 1086 г.) далъ Печерскому монастырю „всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Кіева“. Въ XII в. дочь его, при своей смерти, отказала монастырю все свое имѣніе. Мы не станемъ приводить далѣе подобныхъ примѣровъ, а замѣтимъ, что подобные вклады дѣлались князьями, княгинями, боярами, наслѣдниками, духовными, лицами низшаго званія и женщинами. Для нашей цѣли достаточно будетъ представить только причины, способствовавшія развитію громадной монастырской собственности. Эти причины были слѣдующія:

1. Первоначальное побужденіе въ надѣлѣ духовенства недвижимою собственностью вытекало изъ необходимости обезпечить его и невозможности достигнуть этой цѣли иначе, какъ пожалованіемъ ему недвижимыхъ имуществъ. Такая невозможность зависѣла отъ экономическаго устройства древней Россіи. При общемъ же уваженіи къ монастырямъ, весьма естественно, что они скоро получили перевѣсъ въ численности своихъ имуществъ надъ остальными церквами. Кромѣ того, надѣлъ церквей и монастырей имуществами въ глазахъ благочестивыхъ жертвователей имѣлъ значеніе еще потому, что пожертвованныя имущества должны были служить вспомоществованіемъ для бѣдныхъ.

2. Пожалованіе вотчинъ духовенству и въ особенности монастырямъ давало возможность заселить и разработать такія земли, которыя оставались безъ всякаго употребленія, и потому князья при своихъ пожалованіяхъ иногда ставили, какъ условія даренія, заселеніе земель купленными людьми или людьми свободнаго званія.

3. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили на русскихъ общественныя бѣдствія: въ послѣднихъ они даже видѣли милость Божью, предупреждающую людей отъ конечной гибели, и потому для умилостивленія гнѣва Божья дѣлали большіе вклады на церкви и монастыри. Вслѣдствіе же постоянной тревоги во время владычества татаръ и тѣхъ льготъ, какими пользовалась подъ ихъ властью церковь, весьма естественно, что многіе спѣшили укрыться въ монастырь, избѣгая разныхъ повинностей и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывая тамъ свои богатства, или просто передавали ихъ туда на сбереженіе. Въ монастырѣ можно было сохранить богатство, которое по смерти вступившаго въ монашество становилось собственностью монастыря.

4. Въ монастыряхъ скопились денежныя богатства, а это дало имъ возможность пріобрѣтать вотчины покупкою у другихъ лицъ.

5. Постоянною же причиною распространенія монастырской недвижимой собственности была та религіозность, которая проникла во всѣ побужденія древнерусскаго человѣка. Лѣтописцы, въ числѣ добродѣтелей князей, обыкновенно ставятъ: „Чтяше паче мѣры іерескій и мнишскій чинъ, подавая имъ еже на потребу“. Главною заботою для религіознаго человѣка было спасеніе души, которое обусловливалось, въ числѣ другихъ внѣшнихъ формъ религіи, и посмертнымъ поминовеніемъ; вотъ почему въ большой части жалованныхъ грамотъ духовенству говорится, что имущество даруется въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по душѣ, для поминовенія души, въ вѣчный помипокъ души. Если же умершій не успѣвалъ сдѣлать распоряженіе на счетъ вклада по душѣ, то родственники его считали долгомъ назначить часть наслѣдства на поминъ по немъ. Кромѣ того, въ жалованныхъ граматахъ встрѣчаются обязательства молить Бога о здравіи и долголѣтіи вкладчика, а иногда упоминается, что дареніе сдѣлано по поводу какого-либо счастливаго событія или исполненія намѣреній и предпріятій. Наконецъ,

9. Увеличенію монастырской недвижимой собственности (и вообще богатства, содѣйствовали также добровольныя или насильственныя постриженія бояръ, князей, княгинь и царей, такъ какъ они въ этихъ случаяхъ дѣлали большіе вклады. А у знатныхъ лицъ существовалъ обычай имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ какъ бы родовыя кладбища, при чемъ они не упускали случая вознаграждать эти монастыри.

Вслѣдствіе такихъ условій произошло громадное развитіе монастырской собственности. Не считая нисколько преувеличеннымъ извѣстіе одного иностранца, можно судить о ея обширности уже въ XVI в. Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 г., говоритъ, что монастырскія имѣнія въ это время составляли третью часть всего государства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри получили обширныя привиллегіи на свои владѣнія: такъ, они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ съ другихъ, неподвѣдомственныхъ имъ лицъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ (впрочемъ не всѣ); монастыри получали право суда и расправы надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ), право призывать виновныхъ въ ихъ обидѣ во всякій срокъ, а крестьяне ихъ могли призываться только въ опредѣленный; монастыри избавлялись отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происшедшіе въ ихъ селахъ. Многіе монастыри освобождались отъ проѣздовъ чрезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ, отъ пировъ, братчинъ и скомороховъ. Такія льготы заставляли идти на монастырскія земли; даже люди свободнаго состоянія, посадскіе и уѣздные, добровольно записывались закладчиками за монастырями.

Число монастырей и пустынь и громадное развитіе монастырскихъ имуществъ фактически подтверждаютъ, что занесенныя съ Востока правила аскетизма вполнѣ привились на русской почвѣ, Но, съ другой стороны, монашество, по своей идеѣ, было доступно для отдѣльныхъ личностей, а не для массы, которая никогда не можетъ проникнуться одинаковымъ сознаніемъ той или другой идеи, какова бы она ни была. Слѣдовательно, въ древней Руси въ самомъ развитіи монастырской жизни уже заключалась причина ея паденія. Кромѣ того монашество было создано людьми слишкомъ отвлеченными, и по ихъ идеѣ оно было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе отвлекало своихъ послѣдователей отъ дѣйствительной жизни; чѣмъ ближе оно стояло къ ней, тѣмъ болѣе было вѣроятности въ неосуществимости его идеала. Однимъ словомъ, оно не должно было сливаться съ жизнью. Слѣдовательно, и развитіе монастырской собственности въ Россіи въ конечномъ результатѣ должно было привести къ паденію монашества, потому что владѣніе помѣстьями втягивало монастыри въ самую суету жизни. И въ XVI вѣкѣ монастырская жизнь представляла уже результаты вліянія этихъ двухъ причинъ. Обличители того времени, съ одной стороны, показываютъ намъ, что монастыри не соотвѣтствовали своей идеѣ, съ другой стороны—обличители постоянно связываютъ упадокъ монашеской жизни съ владѣніемъ недвижимою собственностью.

На Стоглавомъ соборѣ говорили: „Многіе стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и по селамъ ѣздити прохлады для“. Монахъ, по словамъ Максима Грека, „частѣ піанъ, весь червленъ и безчинно слоняяся и прегордая вѣщаваетъ“.

Монастырскія богатства и выгоды монастырской жизни сами собою возбуждали въ монахахъ страсть къ роскоши. По словамъ Максима, они только заботились какъ бы украсить себя „пестрыми и мягкими шелковыми тканями, златомъ же и сребромъ и бисеры добрыми“.

Для удовлетворенія предметамъ роскоши необходимы были средства, и притомъ постоянныя, а таковыми могли быть только недвижимыя имущества. И мы видимъ, что монахи всѣми способами старались пріобрѣтать ихъ. Они совѣтовали „не давать имѣніе аще и убогимъ сродникамъ, а давати къ монастырю, за что, прибавляли они, святые умоляютъ у Бога царствіе небесное“. Они угождали царю и властямъ для того, чтобы „выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся“. Они захватывали чужія имѣнія (Максимъ говоритъ: влекли къ суду за малую земльицу и сію многажды не свою и составляли подложные акты въ пользу монастырей). Наконецъ, они говорили открыто всѣмъ: „Что имате потребно, несите къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете“. Бывало, основатель монастыря служитъ въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ, а преемники его уже облекаются въ золото.

Но такъ какъ не всѣ изъ монаховъ могли пользоваться мірскими благами монастырской жизни, то главною ихъ заботою сдѣлалось пріобрѣтеніе „пѣкой земной славицы“ или „духовнаго сана“. Максимъ Грекъ замѣчаетъ о такихъ: „Всякимъ образомъ тщимся взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властѣхъ и всякимъ образомъ угожающе имъ, и ласкающе, *но многажды и дары*, ова приносяще имъ, ова же обѣщаваше, аще довершатъ искомое нами и желаемо“. Главный мотивъ его обличеній, направленныхъ противъ недостатковъ монастырской жизни, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и печальнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ и заби-

гыхъ своими владѣльцами. Каждый изъ монаховъ, говоритъ Максимъ, „тщится богатства ради, да получитъ нѣкія земныя славицы“, а получивъ, думаетъ, что „надъ закономъ владѣти поставленъ есть... гордится, беззаконствуетъ, лютѣ гнѣвается, мучитъ, связуетъ, мзды емлетъ, блудно питается, вся его мудрованія злато есть, и много мятежное ему попеченіе како угодите властемъ. Языкъ же его разрѣшенъ священныхъ узъ молчанія вся съ яростію вѣщаетъ и досаженіемъ... ниже рука безмолствуетъ, но на высоту жезлъ воздвигши, хребетъ мужа убогаго ударити аряся... къ симъ же погубивъ и душевную доброту“...

Монахи сохраняли хлѣбъ „по вся лѣта“ на голодный годъ, руководясь „желаніемъ большаго прибытка“, а крестьяне ихъ „томились въ житейскихъ потребахъ, обильна сія имъ уготовляюще, во скудостѣ и нищетѣ всегда пребывали, ниже ржанаго хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты“; если крестьяне не могли возвратить заимодавцамъ-монахамъ долга, то послѣдніе „расхищали оставшая имъ отъ крайнія нищеты худа стяжаніица“. Когда же обремененные „тягостью“ крестьяне хотѣли куда-нибудь переселиться, то съ нихъ монахи требовали плату за прожитое на монастырской землѣ время, а въ крайнихъ случаяхъ и продавали ихъ. Это свидѣтельство Максима Грека получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что монастырскіе крестьяне пользовались большими льготами, и если уже рѣшались оставлять свои мѣста раньше срока, то, видно, притѣсненія со стороны монаховъ пересиливали всякое терпѣніе. И Максимъ Грекъ особенно нападаетъ на сильно развившееся у монаховъ лихоимство. Кромѣ того, они морили крестьянъ „безпрестанно и всяческими монастырскими работами, внутри же и внѣ горчайши ихъ житіе содѣлающе, кромѣ щедротъ и милости“.

Высшая іерархія служила для нихъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ злѣ. Максимъ Грекъ въ рѣзкихъ чертахъ представилъ подобныя же отношенія высшихъ духовныхъ лицъ и ихъ частную жизнь. Они (въ родѣ тверскаго епископа Акакія) хвалили Бога „пѣніи красногласными“, „шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ“, „миры благоуханными, иконы велелѣпнѣ украшая златомъ и сребромъ и многоцѣнными каменіи“, но средства на украшеніе храмовъ шли „отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ и хищенія чужихъ имѣній“. Эти представители духовенства „свѣтло и обильно напивались во вся дни и пребывали въ піянствѣ и всяческихъ играніяхъ“, а „сиротъ и вдовицъ безщадно и безмилостиво расхищали“. Тѣ дары и вклады, которые назначались на церкви, для употребленія въ пользу бѣдныхъ, они брали себѣ „въ различна наслажденія душъ и украшеніе ризное и свѣтлопированія“. Они призывали на пиръ богатыхъ и удовлетворяли во всемъ своихъ родственниковъ, а „нищихъ и сиротъ мразомъ и гладомъ тающихъ и внѣ вратъ стоящихъ и горько плачющихъ своея скудости (ради), прежде обложивше горькими лайбами (ругательствами), отгоняли кинувше кусъ хлѣба гнилаго“.

Современное Максиму духовенство, заботясь только о личныхъ выгодахъ, совершенно забывало даже о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Съ чувствомъ глубокой скорби взывалъ Максимъ о печальной дѣйствительности. „Нѣсть ни единъ учай прилѣжнѣ, ни наказуя безчинныя, никто же утѣшая малодушныя, никто же заступаяй и прилежа и немощныхъ, никто же обличаяй противящихся слову благочестія, никто же запрещаяй безстуднымъ, никто же обращаяй заблудшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго, никто же за совершенное смиреномудріе отбѣгаетъ священническихъ санъ, ниже по божественнѣй ревности взыщетъ ихъ, да люди беззаконнующая и безчинствующая исправитъ. Но сопротивное паче обрящеши нынѣ дерзаемо: вси готови дары великими сихъ купити, да въ отрадѣ и покои живутъ. О, како кто достойнѣ восплачетъ постигшую нынѣ родъ нашъ тму!... наши же пастыріе безчувственнѣйшими каменіи устроившася, довольно себѣ въ отвѣтъ тогда непщующе, аще себе спасти возмогутъ“. При томъ вліяніи и значеніи, какое имѣло духовенство въ древней Руси, Максимъ Грекъ весьма основательно замѣчалъ, что духовныя лица были „наставницы всякаго безчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и безчиннымъ людемъ“. И, дѣйствительно, безпорядочная жизнь духовенства вызывала обличенія въ обществѣ. Еще стригольники говорили о святителяхъ и понахъ: „Си человѣцы суть и виновницы, друзи мытаремъ грѣшникомъ“.

Общественные дѣятели XVI в., для устраненія монастырскихъ безпорядковъ, предлагали два средства: отнятіе у монастырей недвижимыхъ имуществъ и воз-

становленіе древнихъ монастырскихъ уставовъ. Кромѣ того, Максимъ предлагалъ еще одно частное средство, о которомъ мы скажемъ ниже.

Вкладчики монастырскихъ имуществъ угрожали наказаніями въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ тѣмъ, которые рѣшатся прикоснуться къ ихъ дареніямъ. Но неумѣстность обогащенія монастырей сознавалась еще въ первую пору ихъ существованія. И такое мнѣніе, что далѣе, то становилось болѣе общимъ.

Въ XIV же в. уже ясно обнаружилось движеніе противъ церковныхъ имуществъ. Оно явилось на почвѣ Новгорода и Пскова, вѣроятно подъ вліяніемъ распространившейся тамъ тогда ереси стригольниковъ, которая вообще имѣла анти-іерархическое направленіе. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начался рядъ посланій русскихъ митрополитовъ въ Новгородъ и Псковъ, съ запрещеніями прикасаться къ церковнымъ имуществамъ и пастырскими угрозами. Въ своихъ посланіяхъ митрополиты напоминали о религіозномъ назначеніи церковныхъ имуществъ (поминовеніе души); прикосновеніе къ нимъ называли „обидою святой церкви", „великимъ грѣхомъ" и даже грозили за нарушеніе ихъ церковными проклятіями. Въ новгородскихъ и псковскихъ попыткахъ, направленныхъ противъ нихъ, видно намѣреніе сдѣлать изъ нихъ общественное употребленіе.

Когда же въ 1477 г. Іоаннъ III овладѣлъ Новгородомъ, то, отобравъ архіепископскія и монастырскія волости, отдалъ ихъ въ „помѣстье" дѣтямъ боярскимъ. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ была уже заявлена государственная потребность, для которой нужно было найти безобидный исходъ; на первый разъ ограничились землями завоеванными, слѣдовательно, болѣе другихъ подверженными случайности. Но, такъ какъ этихъ имуществъ оказалось недостаточно, то великій князь рѣшился взять въ вѣдомство государства и остальныя вотчины духовенства. Онъ предложилъ обсудить это на соборѣ, созванномъ по поводу „вдовыхъ поповъ и дьяконовъ" (1503 года). На соборѣ мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились: въ пользу великаго князя говорили—Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и пустынники бѣлозерскіе, потому что они были блюстителями пустыннической жизни. Такъ Нилъ Сорскій съ бѣлозерскими пустынниками замѣчалъ, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ". Остальныя члены собора держались противнаго мнѣнія, и главнымъ защитникомъ его былъ Іосифъ Волоколамскій. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ въ примѣръ Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія Великаго, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и многіе монастыри, которые владѣли селами; наконецъ, заключилъ: „Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или архіепископію, или епископа, и на всякія честныя власти? а коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе". Его мнѣніе восторжествовало, и здѣсь началась та вражда между Іосифовскими и Кирилловскими монастырями, которая продолжалась и далѣе, какъ бы по преданію.

Послѣ своихъ обсужденій, соборъ отвѣчалъ великому князю, что „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная Божія суть", причемъ ссылался на примѣръ греческой и русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава и ханскіе жалованные ярлыки. Духовенство отстояло свое дѣло, и великій князь долженъ былъ отказаться отъ своей мысли.

Іосифъ Волоколамскій и его сторонники дѣйствовали на соборѣ въ интересахъ іерархическихъ, тогда какъ Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ и бѣлозерскіе пустынники защищали свое мнѣніе на религіозно-нравственномъ основаніи. Но этимъ дѣло не кончилось; послѣ нихъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ продолжали развивать князь-инокъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ.

Максимъ Грекъ постоянно указываетъ на владѣніе монастырей имуществами, какъ на главную причину зла, обнаруживавшагося въ монастырской жизни: „Ничто же бо обаче,—говоритъ онъ, толь возвѣрити насъ, яко же еже господьски владѣти стяжаніи", потому что, „не можетъ душа двѣма господинома работати, вкупѣ Богу и мамонѣ, яко же убо ни единымъ окомъ на земли зрѣти, а другимъ на высоту небесную, по обоими нужно зрѣти ли горѣ или долу". И въ этомъ случаѣ онъ представлялъ въ примѣръ русскимъ монахамъ—монаховъ картезіянскихъ которые питались однимъ подаяніемъ. „Сіе же пишу, прибавляетъ Максимъ, не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенно и прямо ходящу—да не будетъ во мнѣ таково безуміе—но да яко покажу православнымъ, яко же и не у правомудренныхъ, у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спаситель-

ныхъ заповѣдей". Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Максимъ представилъ два противоположныя мнѣнія о монастырскихъ имуществахъ, существовавшія тогда въ русскомъ обществѣ. Это сочиненіе написано въ діалогической формѣ, подъ заглавіемъ: „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ". Лица же стязующихъ—Филоктимонъ, сирѣчь любостяжательный, да и Актимонъ, сирѣчь не стяжательный. Въ лицѣ „нестязателя" Максимъ приводитъ собственныя возраженія.

Защитники монастырскихъ имуществъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводили слова Евангелія, въ которомъ за отреченіе отъ отца, матери, дѣтей и селъ обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ „нынѣшнемъ вѣцѣ" (Матѳ. 19, 29). Они указывали въ примѣръ на Авраама, Исаака, Іакова, Іова, Давида, Самуила, левитовъ и священниковъ (Ветх. Завѣта), которые владѣли имуществомъ. Наконецъ, говорили, что и при существованіи монастырскихъ имуществъ „вся обща всѣмъ" и каждый изъ монаховъ самъ по себѣ не можетъ располагать ничѣмъ.

Максимъ Грекъ на это возражаетъ, что поступающій въ монастырь изъявляетъ свободное желаніе, причемъ отказывается „отъ стяжанія",—слѣдовательно, „приложеніе стяжанія" есть нарушеніе обѣта, тѣмъ болѣе, что съ многостяжаніемъ и лихоимствомъ соединяются безчеловѣчные поступки; евангельскія же обѣщанія слѣдуетъ понимать духовно, потому что въ противномъ смыслѣ выходитъ, что „и за едину жену, юже оставитъ кто, восприимемъ иныя многи и чады породитъ больша первыхъ". Противъ указанія на примѣръ Авраама, Исаака и др., Максимъ замѣчаетъ, что они заботились о бѣдныхъ, вдовицахъ и сиротахъ; при томъ они жили съ женами, дѣтьми и рабами „по данному закону", и заповѣдь не запрещала имъ владѣть имѣніями и рабами, почему они и „угодили Вышнему". „Мы же, иноцы,—продолжалъ онъ,—како яже о себѣ нынѣ устроимъ, паче же како и отнюдь смѣемъ, яже о себѣ прикладывати къ правдѣ преправедныхъ онѣхъ? Гдѣ бо о онѣхъ писано есть, яко свое сребро чрезъ заповѣди законныя съ ростомъ взаимъ даяху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и не могущихъ отдати истину за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищаху оставшая имъ отъ послѣдняя нищеты худая стяжаница, якова же нынѣ дерзаемъ мы на бѣдныхъ селянѣхъ, лихоимствующе ихъ тяжчайшими росты и расхищающе ихъ, и не могущихъ отдачи заемое, и наипаче тружающихся безпрестанно и стражущихъ въ селѣхъ нашихъ и во всѣхъ нашихъ потребахъ и внутрь и внѣ монастыря? Гдѣ таково что безчеловѣчьное дерзнуто бывша праведными онѣми писано есть"? Далѣе Максимъ говоритъ, что монахи, вслѣдствіе владѣнія имуществами, нарушили „главизну всѣмъ божественнымъ заповѣдемъ—заповѣдь о нищелюбіи". А между тѣмъ, сколько теперь вопіетъ обиженныхъ и оскорбленныхъ нищихъ, вдовъ и сиротъ, проливающихъ слезы предъ Отцомъ сирыхъ, Судіею вдовицъ и Заступникомъ убогихъ! Мы же нисколько не склоняемся къ ихъ скорби и слезамъ, хотя всякій день слышимъ, „яко судъ безъ милости не сотворшимъ милости. Во истину уподобихомся аспиду глухому, затыкающему уши свои".

На доводъ защитниковъ монастырскихъ имуществъ, что левиты и священники ветхаго завѣта владѣли собственностью и получали десятину, Максимъ отвѣчаетъ: „Ветхая мимондоша и се вся быша нова", и представляетъ имъ въ примѣръ извѣстныхъ пустынниковъ. „Корень всѣмъ злымъ, говоритъ онъ, сребролюбіе есть", потому что оно приводило многихъ къ самоубійству, умерщвленію другихъ и къ отреченію отъ вѣры. Любостяжателенъ же и сребролюбивый инокъ боголюбецъ, яко же подобаетъ, и нищелюбецъ быти не можетъ, занеже въ преступленіи святыхъ Божіихъ заповѣдей ходитъ". Слѣдовательно, Максимъ Грекъ, признавая невозможность монастырскихъ имуществъ, требовалъ возстановленія ихъ прежняго назначенія, т. е. чтобы они служили вспомоществованіемъ для нищихъ, вдовъ и сиротъ.

И Вассіанъ, и Максимъ Грекъ, въ своихъ сочиненіяхъ, разбирали этотъ вопросъ съ религіозно-нравственной стороны. Слѣдовательно, они были прямыми продолжателями въ развитіи мнѣнія, высказаннаго на московскомъ соборѣ Ниломъ Сорскимъ и его сторонниками.

И Вассіанъ, и Максимъ, подобно Нилу, указывали монахамъ на пустынножительство, какъ на образецъ монашеской жизни.

Однако напрасны были совѣты Вассіана и Максима Грека великому князю. Василій Іоанновичъ не раздѣлялъ убѣжденій своего отца. Во время своего правленія, онъ безпрестанно подтверждалъ жалованныя грамоты своихъ предшественниковъ (на монастырскія имущества), давалъ новыя, строилъ монастыри и надѣ-

лялъ ихъ вотчинами. Въ борьбѣ духовенства за право владѣнія церковными имуществами рѣзче всего обнаружилась сила его вліянія въ Россіи.

При каждомъ важномъ случаѣ духовенство непремѣнно напоминало о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Такъ, въ числѣ условій, предложенныхъ Владиславу, при избраніи его въ цари, было поставлено и требованіе, чтобы новый царь никакимъ образомъ не нарушалъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и доходовъ. То же поставлено на видъ и въ уставной граматѣ 1611 года въ числѣ условій, предписанныхъ земскою думою тремъ избраннымъ ею для управленія Россіею военачальникамъ. Въ 1648 году люди всѣхъ сословій донесли Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просили, чтобы онъ отобралъ у духовенства всѣ вотчинныя земли, неправильно имъ пріобрѣтенныя послѣ запретительнаго указа 1580 года и роздалъ бы ихъ служилымъ людямъ. Хотя за это дѣло принялись, но просьба осталась все-таки безъ послѣдствій. Даже Петръ Великій не могъ окончательно разрѣшить вопроса о церковныхъ имуществахъ, а Екатерина II, за отобраніе ихъ, сама чувствовала обидчивость духовенства. Могло ли помочь исправленію монастырской жизни возстановленіе древнихъ уставовъ? Посмотримъ, къ чему приводили подобныя попытки.

Когда Іосифъ Волоколамскій хотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ болѣе строгій уставъ, то встрѣтилъ противодѣйствіе въ большинствѣ братіи. Когда Ѳеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то „сего ради, говоритъ Курбскій, сложившеся со діаволомъ, мниси оные вознепствовавшаяся; имаютъ старца святаго и біютъ нещадно, и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и отъ страны тоя изгоняютъ, аки врага нѣкоего". Артемій оставилъ игуменство въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ „многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ". Извѣстный Паисій оставилъ игуменство, потому что „не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе": они хотѣли даже убить его, такъ какъ между монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Вотъ вся несостоятельность тѣхъ попытокъ, которыми думали поправить дѣло и которыя снова предлагались.

Максимъ Грекъ, съ своей стороны, предлагалъ еще частную мѣру,—именно, чтобы игумены избирались „соборомъ" братіи, а не „дарами сребра и злата". Такіе игумены, замѣчаетъ онъ, „суть безчинники житіемъ, въ пьянствѣ всегда и нищѣ всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и не брегоми духовнѣ скитаются безпутіемъ, яко же овцы не имуще пастыря". Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ хорошихъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба представленныхъ здѣсь нами лицъ. Іосифъ Волоколамскій, Паисій, Артемій и Ѳеодоритъ очень извѣстны своею жизнью, чтобы подтвердить это, а въ сочиненіи Іосифа Волоколамскаго „о святыхъ отцахъ, бывшихъ рустѣхъ монастырѣхъ", ясно представляются безпорядки монастырской жизни именно отъ выбранныхъ монахами игуменовъ. И старое зло, не смотря на всѣ обличенія, осталось во всей силѣ.

XCVIII. ВЛІЯНІЕ ВИЗАНТІИ НА РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ЮРИДИЧЕСКИХЪ ПОНЯТІЙ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

(*Изъ соч. Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи"*).

Въ теченіи продолжительнаго періода непосредственной зависимости Россіи отъ Византіи (998—1448) въ церковномъ отношеніи, византійское правительство постоянно стремилось утвердить за собою политическое вліяніе на Россію. Русскіе митрополиты обязаны были каждые два года являться въ Константинополь и отдавать отчетъ въ своемъ управленіи; а если болѣзнь или другія обстоятельства мѣшали этому, то они должны были присылать отъ себя довѣренныхъ лицъ. Въ

лицѣ константинопольскаго патріарха сосредоточивался верховный судъ надъ русскими митрополитами и епископами, и патріархъ въ такихъ случаяхъ вызывалъ ихъ въ Константинополь или, для производства слѣдствія, посылалъ отъ себя въ Россію уполномоченныхъ лицъ. Патріархъ бралъ на себя разбирательство жалобъ духовенства на свѣтскую власть и не всегда рѣшалъ ихъ въ пользу послѣдней; къ нему же поступали для разъясненія сомнительные вопросы изъ области канонической (напр., о бракѣ ярославскаго князя Θеодора на дочери татарскаго князя Менгу-Темира). Но при этомъ константинопольскіе патріархи старались установить зависимыя отношенія и къ византійскимъ императорамъ. Такъ, въ Россіи существовалъ обычай при церковномъ богослуженіи упоминать имена послѣднихъ, и когда вел. князь Василій Дмитріевичъ запретилъ это, сказавъ митрополиту: „мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ", то патріархъ отправилъ къ вел. князю строгое посланіе съ убѣжденіемъ исправиться и по-прежнему чтить царя и патріарха. „Я, пишетъ онъ тамъ, какъ общій учитель всѣхъ христіанъ, необходимымъ считаю, если только гдѣ слышу о чемъ-либо, допущенномъ тобою, вредномъ для души твоей, писать тебѣ, и пишу, какъ отецъ и наставникъ, съ увѣщаніемъ и убѣжденіемъ, да исправишь это. А ты, какъ христіанинъ и сынъ церкви, обязанъ исправить. Отчего ты не уважаешь меня, патріарха, и, не отдавая должной чести, какую воздавали твои предки, великіе князья, не почитаешь не только меня, но и людей, которыхъ я посылаю къ вамъ, и которые не получаютъ ни чести, ни мѣста, всегда и вездѣ принадлежавшихъ патріаршимъ людямъ? Неужели не знаешь, что патріархъ носитъ образъ Христа и имъ поставляется на владычній престолъ? Ты не уважаешь не человѣка, но самого Христа, потому что воздающій честь патріарху почитаетъ самого Іисуса Христа. Пусть мы не пользуемся мірскою властью; но христіанство владычествуетъ повсюду, и намъ принадлежитъ та самая честь, которую имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, сынъ мой, пишу, убѣждаю и совѣтую благородству твоему, чтобы ты почиталъ, какъ самого Христа, такъ и патріарха, а вмѣстѣ и слова его, граматы, указанія и людей, которыхъ онъ посылаетъ. Это я обязанъ возвѣстить и внушить благородству твоему, а ты, какъ сынъ церкви, обязанъ послушаться и исправиться. Кромѣ того, я слышу нѣкоторыя слова, которыя произноситъ благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты возбраняешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя на эктиніяхъ: это дѣло небывалое! Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ церкви; онъ не такой царь, какъ другіе начальники и мѣстные правители... Царь имѣетъ такую власть надъ всѣми, что и сами латины, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, воздаютъ ему ту же самую честь и то же самое уваженіе, какое оказывали въ прежнія времена, когда были съ нами въ единеніи; тѣмъ болѣе, православные христіане обязаны оказывать ему это. А изъ-за того, что народы языческіе стѣснили державу царя, христіанамъ отнюдь не слѣдуетъ презирать его... И такъ, очень нехорошо, сынъ мой, что ты говоришь: „церковь имѣемъ, а царя неимѣемъ". *Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и невозможно отдѣлять одно отъ другаго.* Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ церкви и вводили догматы, извращенные и чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благости Божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель ея, и невозможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не поминалъ его. Послушай верховнаго апостола Петра, который говоритъ: „Бога бойтесь, царя чтите!" Не сказалъ *царей*, чтобы кто не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа, но *царя*, показывая тѣмъ, что одинъ есть каθолическій царь. Какого же это царя? конечно, нечестиваго, который былъ въ то время и преслѣдовалъ христіанъ. Но святой апостолъ, провидя въ будущемъ, что христіане будутъ имѣть и единаго царя, повелѣвалъ чтить даже нечестиваго царя, дабы они научились изъ того, какъ должно почитать царя благочестиваго и православнаго".

Изъ этого видно, что въ Константинополѣ уменьшеніе императорскаго авторитета въ глазахъ московскаго правительства считали тѣсно-связаннымъ съ ослабленіемъ вліянія константинопольскаго патріарха; и потому въ возстановленіи одного видѣли успѣхъ другаго. Вотъ почему борьба противъ такого вліянія возникала въ Россіи каждый разъ, когда во главѣ ея управленія стояли болѣе самостоятель-

ныя личности. Съ возвышеніемъ Московскаго княжества прекращается и господственное отношеніе Византіи къ Россіи.

Но въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, она едва выступила на историческій путь; ея развитіе, какъ страны, которая начинала свое политическое существованіе, далеко уступало вполнѣ образовавшемуся государству, какъ Византійская имперія, политическія формы которой сдѣлались образцомъ для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ, о чемъ хлопотали государи, духовенство и юристы. При слабости политическаго элемента въ Россіи, на первыхъ порахъ, естественно долженъ былъ получить громадное значеніе авторитетъ духовный. Между тѣмъ, какъ политическія формы государства только начали развиваться, во главѣ общества стало духовенство, единственное вполнѣ сформировавшееся сословіе, съ своими преданіями и строго-опредѣленными цѣлями. Преобладаніе греческаго элемента въ высшей іерархіи еще болѣе способствовало утвержденію византійскихъ началъ.

Духовная зависимость Россіи отъ Византіи начинается вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое обязано своимъ началомъ свѣтской власти, а потому вмѣстѣ съ распространеніемъ княжеской фамиліи, которая подчинила своему непосредственному вліянію даже отдаленныя области, находившіяся прежде только въ номинальной зависимости отъ вел. князя, расширяется и территорія христіанства. Удѣльныя князья, какъ мы видѣли, были постоянными покровителями новой религіи, а это, естественно, приводило ихъ въ ближайшія отношенія къ духовенству, вліяніемъ котораго они пользуются для установленія юридическаго быта своихъ гражданъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. При такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Россіи, согласныхъ между собою или враждующихъ, на всемъ ея пространствѣ утверждаются однѣ и тѣ же явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе Россіи.

Въ силу такого господствующаго положенія въ странѣ, духовенство получаетъ обширныя духовныя и гражданскія права. Духовныя лица становятся ближайшими совѣтниками древнихъ князей. Во время безпрерывныхъ войнъ и распрь древней эпохи они являются посредниками и примирителями враждующихъ сторонъ, и нерѣдко сами берутъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ; они берутъ на себя защиту передъ властью слабыхъ и обиженныхъ (*печалованіе*). Вѣдѣнію духовенства были подчинены всѣ лица, страдавшія какими-нибудь недостатками—умственными или физическими: всѣ, живущіе въ богадѣльняхъ и больницахъ; странники и лица, вышедшія изъ духовнаго званія. Они подлежали церковному надзору и духовному суду. Но еще далѣе простиралось непосредственное вѣдѣніе духовенства, вслѣдствіе подсудности ему важнѣйшихъ юридическихъ отношеній. Все, что относилось къ быту религіозному, нравственному и семейному, подлежало духовному суду. Таковы: взаимныя распри родителей и дѣтей, мужей и женъ, господъ и рабовъ; нарушеніе семейной чести; незаконные браки (въ родствѣ кровномъ и духовномъ) и незаконныя дѣти; усыновленіе, раздѣлъ имущества и вообще дѣла о завѣщаніяхъ (послѣднія сохранялись въ вѣдѣніи духовенства до Петра В.); жалобы духовниковъ на духовныхъ дѣтей и прихожанъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ; дѣла о волшебствѣ, ереси, расколъ и оскорбленіе церковной святыни (святотатство). Духовный судъ имѣлъ весьма важную привиллегію, распространившуюся на всѣ другія дѣла, въ силу которой каждый истецъ могъ избрать вмѣсто гражданскаго суда—разбирательство у духовной власти.

Далѣе духовенство пріобрѣтаетъ нравственное вліяніе на общество. Его наставленія служатъ выраженіемъ слова Божія, а потому нарушителей ихъ постигаетъ высшая кара; другая нравственная сила заключается въ эпитеміяхъ и отлученіи, которыя были для всѣхъ равно обязательны. Оскорбленіе духовенства равняется порицанію церкви. Одновременно съ развитіемъ его нравственнаго вліянія развиваются его гражданскія права и матеріальное положеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковь пользовалась десятиною изъ княжескихъ доходовъ и сборовъ съ торговаго вѣса. Весьма часто гражданскія наказанія замѣнялись денежными штрафами (за воровство, похищеніе дѣвицы), которые раздѣлялись между свѣтскою и духовною властью поровну. Постепенно, по примѣру византійской церкви, въ рукахъ духовенства сосредоточилась обширная территорія, подлежав-

шая непосредственному его управленію и суду. Оно владѣло землями на правахъ *вотчинниковъ* „съ предоставленіемъ множества привиллегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало-по-малу сдѣлались почти общимъ правиломъ". Желая оградить свои права, духовныя лица и монастыри при каждой перемѣнѣ правительства спѣшатъ получить утвержденіе правъ, данныхъ имъ предшественниками, или выхлопотать новыя льготы. Поэтому наибольшее количество жалованныхъ граматъ, находящихся въ древнихъ архивахъ, принадлежитъ духовенству. Все это ясно показываетъ, какимъ положеніемъ пользовалось оно въ то время въ русскомъ обществѣ. У духовенства, какъ и у верховной власти, были свои бояре, боярскія дѣти, волостели и тіуны. Своихъ подчиненныхъ и крестьянъ оно судитъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ свѣтскомъ судѣ, и пользуется тѣми же постановленіями. Рѣдко юрисдикція въ вотчинахъ духовенства предоставляется вполнѣ князю; между тѣмъ, духовенству иногда ввѣряется и судъ уголовный. Но отъ этихъ правъ еще слѣдуетъ отличать спеціально духовный судъ, которому подлежали только духовныя лица, независимо отъ участія свѣтской власти. Отсюда исключались только уголовныя дѣла; но въ такихъ случаяхъ свѣтскій судъ долженъ былъ судить ихъ при участіи духовнаго посредника (заказчика), который въ судѣ занималъ высшее мѣсто и притомъ велъ самый процессъ. Участіе мирянъ въ духовномъ судѣ, проявившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе отсутствія іерархической власти (во Псковѣ), было встрѣчено неодобреніемъ и запрещеніемъ, какъ противное церковнымъ правиламъ. Духовенство постоянно старалось удержать за собою это право, и потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, заботилось о подтвержденіи его.

Нравственное значеніе духовенства въ общественной жизни и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника („недвижимыхъ имѣній духовенства было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ"), давали ему право на постоянное участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Это участіе началось вмѣстѣ съ появленіемъ его въ Россіи. Владиміръ Св., „подобно Константину В.", отличался уваженіемъ къ духовенству и охотно исполнялъ его требованія. Однажды, когда въ Россіи умножились разбои, епископы пришли къ Владиміру и сказали ему: „вотъ, умножились разбойники—почему ты не казнишь ихъ?" Онъ отвѣчалъ: „боюсь грѣха". Епископы замѣтили: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ; тебѣ слѣдуетъ казнить разбойниковъ, только съ испытаніемъ". Владиміръ рѣшился отмѣнить древній народный обычай, по которому за разбой вносилась только плата (вира) и сталъ казнить смертью за убійства. Но въ скоромъ времени, вслѣдствіе войны, понадобились денежныя средства для покрытія издержекъ, и потому, епископы съ старѣйшинами снова пришли къ князю и предложили ему возстановить виру съ тѣмъ, чтобы она шла на оружіе и лошадей. Владиміръ согласился съ ними. У древнихъ лѣтописцевъ лучшею похвалою для хорошаго князя обыкновенно служатъ выраженія: „онъ любилъ поповъ и монаховъ сверхъ мѣры и почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа". Духовенство давало совѣты князю, какъ управлять и какъ чинить судъ въ странѣ; къ нему обращались князья за благословеніемъ передъ походами, съ нимъ совѣтовались передъ важными предпріятіями, ему представляли на разсмотрѣніе свои законы и постановленія.

Какими же основаніями руководствовалось духовенство въ развитіи юридическихъ понятій въ русскомъ обществѣ? Такимъ руководствомъ для него постоянно служилъ византійскій церковный кодексъ, или Номоканонъ, по образцу котораго впослѣдствіи составлялись русскія Кормчія. Есть основаніе предполагать, что въ Россіи долгое время (до 1274) Номоканонъ употреблялся одновременно въ греческомъ спискѣ (при господствѣ греческой іерархіи) и въ славянскомъ переводѣ, который, какъ и всѣ древніе переводы, отличался множествомъ греческихъ словъ и оборотовъ, затемнявшихъ подлинный смыслъ постановленій. Вотъ почему такъ привѣтствовалъ митрополитъ Кириллъ II новый переводъ Кормчей, присланный ему изъ Болгаріи (1270 г.). По его словамъ, прежде церковныя правила не были доступны для русскихъ, по причинѣ „мудрости греческаго языка", а теперь они были объяснены и понятны для всѣхъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что къ переводу были присоединены толкованія византійскихъ юристовъ—Зонары и Аристена, появившіяся во второй половинѣ XII в. Благодаря такимъ достоинствамъ, этотъ переводъ скоро распространился въ Россіи. Но обширное примѣненіе самаго памятника было причиною, что и впослѣдствіи приносили изъ Греціи новые списки Номоканона (митр. Кипріанъ принесъ изъ Константи-

нополя собственный переводъ, а Савва, игуменъ тверской,—аѳонскій списокъ) и толкованія къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали извѣстны въ Россіи византійскіе юридическіе сборники и сборники, въ которыхъ помѣщались извлеченія изъ византійскихъ законовъ, въ связи съ русскими постановленіями (Мѣрило праведное).

По своему составу, греческій Номоканонъ представляетъ двѣ части: въ первой помѣщены собственно церковныя правила (апостоловъ, семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, отцовъ церкви), которыя назывались канонами; а во второй заключаются гражданскіе законы, касательно церковныхъ дѣлъ, изданные греческими императорами, преимущественно Юстиніаномъ, и называвшіеся указами или узаконеніями. Отсюда и самое названіе греческаго церковнаго кодекса—*Номоканонъ*. Такое общее названіе этого памятника не случайно: здѣсь постановленія каноническія тѣсно соединены съ свѣтскими и ими подтверждаются; Номоканонъ представляетъ неразрывное соединеніе церковныхъ и свѣтскихъ законовъ. Отъ предметовъ вѣры и нравственныхъ правилъ церковные законодатели постоянно переходятъ къ самому праву—то гражданскому, то уголовному, то публичному. Свѣтская власть принимаетъ непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, которое, въ свою очередь, отражается на церковныхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ, смѣшеніе правъ свѣтской и духовной власти составляетъ отличительную черту Византійской имперіи.

Первая часть Номоканона была цѣликомъ принята въ Россіи; вторая подвергалась иногда необходимымъ измѣненіямъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ (замѣна однихъ наказаній другими и т. п.), но въ совокупности оказала большое вліяніе на развитіе юридическихъ понятій и обычаевъ страны. Не говоря о канонической части, но вообще Номоканонъ оказалъ большое вліяніе на духъ гражданскаго законодательства до Петра Великаго.

Общее основаніе первой части Номоканона, т. е. соглашеніе общественной дѣятельности съ правилами и постановленіями апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви, сдѣлалось постояннымъ руководствомъ въ рѣшеніяхъ русскихъ церковныхъ соборовъ (Владим. соб. 1274 г.; соборы: 1503 г., 1667 г.). нравственныхъ постановленіяхъ (Стоглавъ) и даже гражданскомъ законодательствѣ (Уложеніе). Но въ то же время духовенство любитъ подкрѣплять свои доводы постановленіями греческихъ императоровъ. Въ этихъ случаяхъ оно цитируетъ законы Константина Вел., Юстиніана, Льва Философа, Василія Македонянина, Мануила Комнина, Эклогу Леона, Базилики и др. На основаніи ихъ оно старается склонить князей къ измѣненію постановленій и обычаевъ древней Россіи, какъ *несовмѣстныхъ съ государственнымъ бытомъ* и несогласныхъ съ ученіемъ отцовъ церкви и законами византійскихъ императоровъ. Предлагая Владиміру ввести смертную казнь за разбой, епископы (греки и болгары) основывались въ этомъ случаѣ на греческомъ Номоканонѣ; такъ запрещало духовенство супружество въ близкихъ степеняхъ родства и четвертый бракъ; на основаніи постановленій царей Леона и Константина оно рѣшало вопросы, о раздѣлѣ имущества между бездѣтною женою и родственниками умершаго, объ усыновленіи пріемышей, о необязательности долговъ умершаго мужа для жены. Важный вопросъ, касавшійся интересовъ церкви, состоялъ въ отобраніи монастырскихъ имуществъ въ пользу казны, и въ этомъ случаѣ духовенство отстояло существующій порядокъ, строго стоя на постановленіяхъ каноническихъ и опредѣленіяхъ греческихъ царей, дѣлая отсюда заключеніе, что нарушеніе ихъ будетъ равняться законопреступленію и нарушенію церковныхъ постановленій. Духовенство постоянно получало право руководствоваться въ своихъ дѣлахъ каноническими правилами и законами византійскихъ царей, которые, въ силу такого движенія, были даже освящены правомъ неприкосновенности на ряду съ первыми. Упрекая князя Вассіана Патрикѣева за измѣненія въ церковныхъ правилахъ, допущенныя имъ въ своемъ спискѣ, митр. Даніилъ на судѣ возражалъ въ защиту непоколебимости какъ каноническихъ правилъ, такъ и постановленій греческихъ царей, внесенныхъ въ Номоканонъ, прибавивъ въ заключеніе: „а изъ этой книги никто не могъ измѣнить или поколебать что-либо, начиная отъ седьмаго собора до крещенія Россіи, и въ нашей землѣ та книга болѣе 500 лѣтъ сохраняетъ церковь и спасаетъ христіанъ, и до нынѣшняго царя и великаго князя Василія Іоанновича не была ни отъ кого поколеблена“.

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, греческій Номоканонъ легъ въ основаніе постановленій русскихъ князей по церковнымъ дѣламъ. По образцу греческаго Номоканона стали составляться русскія Кормчія.

При постоянномъ соприкосновеніи правъ свѣтской и духовной власти, переходъ византійскихъ постановленій изъ области церковной въ гражданскую былъ вполнѣ естественъ. Изъ гражданскихъ источниковъ византійскаго права въ русской судебной практикѣ имѣли силу слѣдующіе памятники: а) узаконенія императоровъ Константина Вел., Юстиніана, Льва Философа, Исаака и Мануила Комненовъ; b) эклога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима; и с) Прохиронъ императора Василія Македонянина, который занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ ряду указанныхъ памятниковъ по отношенію къ русскому законодательству. Насколько византійское право служило руководствомъ для русскаго, можно видѣть изъ того, что къ судебнику Іоанна Грознаго были приложены статьи, подъ именемъ: „Древніе законы изъ юстиніановыхъ книгъ", а въ предисловіи къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича прямо высказано, что между прочими источниками редакторы прежде всего пользовались „правами св. апостоловъ, отцовъ церкви и гражданскими законами греческихъ царей", и въ этомъ убѣждаетъ множество соотвѣтственныхъ статей. Есть извѣстіе, что Алексѣй Михайловичъ, уже по изданіи Уложенія, въ 1654 г., разослалъ ко всѣмъ воеводамъ выписки изъ греческихъ законовъ Номоканона и велѣлъ судить по нимъ уголовныя дѣла.

Распространеніе въ Россіи юридическихъ понятій Византіи произвело рѣшительный переворотъ во взглядѣ на преступленія уголовныя, семейныя, религіозныя и политическія.

Мы видѣли, какъ на первыхъ порахъ произошло измѣненіе въ наказаніи за разбой. Древняя обычная вира была замѣнена смертною казнью. Владиміръ сталъ судить по Номоканону, хотя его христіанское чувство, на первыхъ порахъ, возмутилось такимъ правомъ: „я не дерзаю казнить разбойниковъ,—говорилъ онъ епископамъ,—боясь Бога, чтобы онъ не вмѣнилъ мнѣ этого въ грѣхъ. И кто я такой, чтобы осуждать человѣка на смерть? Самъ я много согрѣшилъ и виновенъ болѣе всѣхъ людей на землѣ; но если такъ повелѣно Богомъ, скажите мнѣ, и я васъ послушаю". Епископы ссылались на божественное значеніе *градскихъ законовъ*, и Владиміръ согласился. Въ Судебникѣ и Уложеніи смертная казнь за разбой удерживается. Подобная же параллель существуетъ и въ другихъ наказаніяхъ. Въ губной граматѣ, данной селамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (1549), за воровство опредѣляется слѣдующая постепенность наказаній: въ первый разъ кнутъ и изгнаніе изъ общины, за второе воровство—кнутъ и отсѣченіе руки, за третье—кнутъ и смертная казнь чрезъ повѣшеніе въ томъ же мѣстѣ, гдѣ совершилось воровство. Почти такія же наказанія, съ сохраненіемъ той же градаціи ихъ, положены въ градскомъ законѣ и въ эклогѣ Льва и Константина. За святотатство, какъ Судебники, такъ и Уложеніе полагаютъ смертную казнь; а соборное опредѣленіе 1667 г. ссылается при этомъ на Уложеніе; но эта статья цѣликомъ заимствована изъ византійскихъ источниковъ. Въ 1669 г. смертная казнь была положена только за второе святотатство, а за первое—опредѣлено отсѣченіе рукъ, какъ полагаютъ, на основаніи „градскаго закона" (Прохиронъ) и Эклоги. Но въ 1683 г. встрѣчается боярскій приговоръ о возстановленіи за святотатство смертной казни. Поджогъ въ городѣ по Уложенію, согласно съ византійскимъ правомъ, наказывается сожженіемъ „безъ всякаго милосердія", а за поджогъ внѣ города положено отсѣченіе рукъ. За поддѣлку монеты, по Уложенію, было назначено залитіе горла; но на практикѣ, какъ видно изъ лѣтописей и соч. Константина, виновные подвергались и другимъ казнямъ, особенно отсѣченію рукъ. Поэтому обращаетъ на себя особенное вниманіе одинъ изъ пунктовъ соборныхъ опредѣленій 1667 г., по которому, согласно съ Синтагмою Матѳея Властаря, фальшивые монетчики подлежали отсѣченію обѣихъ рукъ, а знавшіе объ этомъ—отсѣченію одной руки. Также высоко были поставлены преступленія семейныя: за оскорбленіе отца или матери, будетъ ли оно выражаться словами или побоями, было положено наказаніе кнутомъ; но сравнительно съ Кормчей, оно смягчено, такъ какъ тамъ за подобное преступленіе назначается смертная казнь.

Особенной строгости подвергались преступленія религіозныя и политическія. По поводу появленія ереси жидовствующихъ и споровъ, возникшихъ объ ея истребленіи, уже былъ признанъ принципъ гражданской казни еретиковъ. Уложеніе ставитъ этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно: „Всякій, будетъ ли это иновѣрецъ или русскій, кто хулитъ Іисуса Христа, Богородицу, св. крестъ и угодниковъ Божіихъ, и это подлинно подтвердится, тотъ долженъ быть сожженъ", Но на соборѣ 1667 г. было заявлено сомнѣніе со стороны свѣтской власти, слѣдуетъ ли ерети-

ковъ и раскольниковъ подвергать только одному церковному наказанію или же наказывать и „градскимъ закономъ". Члены собора, основываясь на правилахъ вселенскихъ соборовъ, отвѣчали, что такіе преступники должны наказываться также „царскимъ" или „градскимъ закономъ", что было подтверждено соборомъ 1681 г. и принято Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. На этомъ основаніи, верховная власть опредѣлила подвергать раскольниковъ свѣтскимъ уголовнымъ наказаніямъ. За злоумышленіе на жизнь государя Уложеніе полагаетъ смертную казнь и конфискацію имущества, вполнѣ согласно съ Номоканономъ: точно также смертная казнь опредѣляется за измѣну на войнѣ, причемъ не считается преступленіемъ убійство измѣнника, опять согласно съ Кормчею книгою.

Сличеніе „градскихъ законовъ" съ русскимъ законодательствомъ,—заключаетъ Калачовъ,—не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ближайшемъ отношеніи, въ какомъ должны были находиться между собою оба законодательства, въ теченіе всего древняго періода русской исторіи".

Изъ Византіи духовенство принесло высокія понятія о гражданской власти. Уже Владиміра св. епископы величаютъ „царемъ" и „самодержцемъ" и подаютъ ему мысль о божественномъ происхожденіи его власти („ты поставленъ отъ Бога"). „Какъ Богъ царствуетъ на небесахъ,—говоритъ митр. Никифоръ въ посланіи къ Владиміру Мономаху,—такъ князьямъ, съ помощью Его, опредѣлено царствовать на землѣ въ роды и роды". Родство Владиміра Мономаха (по матери) съ греческою императорскою фамиліею даетъ ему поводъ еще яснѣе указать на положеніе послѣдняго между прочими русскими князьями: „тебя, говоритъ Никифоръ, Богъ издавна предопредѣлилъ и отъ утробы матери освятилъ и помазалъ, смѣшавъ отъ царской и княжеской крови". „Царь, по словамъ Максима Грека, есть живой и видимый или одушевленный образъ самого Царя небеснаго". А въ обращеніи къ Іоанну Грозному онъ выражается: „ты вмѣсто Его царь, и государь, и властитель, поставленный отъ Него". Такъ формулировали теорію свѣтской власти духовныя лица греческаго происхожденія, усвоившія эти понятія среди византійскаго общества. Греческій Номоканонъ утверждаетъ „единство" царской власти и ея божественное значеніе („намѣстникъ Божій"). Русское духовенство съ самаго начала усвоило эти взгляды и старалось проводить ихъ въ общество. Первый изъ русскихъ епископовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ писателей, Лука Жидята, въ своемъ поученіи къ народу говоритъ такъ: „Бога бойтеся, князя чтите: мы рабы—во-первыхъ Бога, а потомъ государя". Въ другомъ древнемъ наставленіи (XIII в.) дается совѣтъ: „наиболѣе питать привязанность къ своему князю и не мыслить противъ него зла, потому что всякая власть установлена отъ Бога, и если кто противится властямъ — тотъ противится велѣнію Божію и повиненъ суду". Современникъ Максима Грека, князь-инокъ, Вассіанъ Патрикѣевъ, ставитъ эту мысль уже вполнѣ опредѣленно: „Добра своимъ государямъ во всемъ желайте,—говоритъ онъ,—за нихъ слѣдуетъ и умирать, и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру, потому что Богомъ все предано свыше. Его помазаннику-царю и вел. князю, Богомъ избранному, которому Богъ даетъ власть надъ всѣми и отъ всего міра". Ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, въ своемъ взглядѣ на этотъ предметъ, только повторяетъ его мысль. Въ устахъ духовенства эти идеи вполнѣ понятны. Они достались ему двоякимъ путемъ, путемъ традиціи, которая шла изъ Византіи, гдѣ эти взгляды существовали на почвѣ дѣйствительности, и путемъ книжнаго образованія, которое заключалось въ такихъ источникахъ, гдѣ идея свѣтской власти развивалась исторически на пространствѣ многихъ вѣковъ и облекалась въ опредѣленіе высшей санкціи. При этомъ ясно высказывается различіе стремленій западнаго и восточнаго духовенства въ ихъ отношеніи къ свѣтской власти. Тѣ же самыя лица, которыя отстаивали необходимость подчиненія Россіи политическому и іерархическому вліянію Византіи, были жаркими поборниками утвержденія политическаго единства въ Россіи и авторитета московскихъ князей.

Но, сравнивая развитіе политическихъ понятій Россіи на пространствѣ времени, видно, что они пріобрѣтали болѣе опредѣленную форму вмѣстѣ съ развитіемъ политическаго устройства страны. Содѣйствуя утвержденію въ Россіи такого порядка, духовная власть, въ свою очередь, дѣйствовала рѣшительнѣе тамъ, гдѣ почва для ея вліянія была болѣе удобною. Такъ, южная Россія уступала въ этомъ случаѣ сѣверо-восточной, а тамъ Московское княжество возвысилось надъ остальными.

Существованіе въ Россіи одного митрополита, при недостаткѣ общей цент-

ральной власти, давало ему важное значеніе въ странѣ. Поэтому перемѣщеніе религіознаго центра вело къ важнымъ политическимъ перемѣнамъ. Сосредоточеніе политической жизни Россіи, послѣ татарскаго порабощенія, во Владимірѣ вполнѣ установилось только съ переселеніемъ туда митрополита (1299 г.). Точно также возвышеніе Московскаго княжества стало рѣшительнымъ, когда русскіе митрополиты поселились въ Москвѣ (съ 1325), хотя они продолжали называться кіевскими и владимірскими. Митр. Петръ хорошо понималъ наступавшій порядокъ вещей, когда предсказывалъ торжество Москвы, соединяя его при этомъ съ собственнымъ пребываніемъ въ ней и обращеніемъ ея въ религіозный центръ. Большая обезпеченность Московскаго княжества отъ политическихъ потрясеній благопріятствовала интересамъ церкви, точно также, какъ покровительство хановъ, оказываемое постоянно духовенству и въ особенности его представителямъ, заставляло со стороны московскихъ князей желать тѣснаго союза съ послѣдними. Объѣзжая русскіе города, митр. Петръ любилъ долго проживать въ Москвѣ у Іоанна Калиты, щедрость котораго къ церкви и любовь къ духовенству были ему извѣстны. Желая ему успѣха во время тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствъ Россіи, Петръ присовѣтовалъ Іоанну построить каменный храмъ Богородицы и самъ поселился въ Москвѣ, гдѣ стали жить его преемники. Это не понравилось остальнымъ князьямъ, потому что они понимали настоящее значеніе совершившагося факта. Теперь духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ возвышеніи московскаго князя и переноситъ на него свои понятія о свѣтской власти.

„Проникнутое понятіями о власти царской,—говоритъ Соловьевъ,—власти, получаемой отъ Бога и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей... Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный".

XCIX. Вліяніе Византіи на древнюю Россію въ отношеніи церковномъ и литературномъ.

(Изъ статей Пыпина: „Древній періодъ русской литературы и образованности", помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1876 г.).

Пути, которыми дѣйствовала Византія на старую русскую жизнь, были очень разнообразны и приводятся къ основному факту—принятію христіанства изъ этого восточнаго источника. Этотъ фактъ поддержанъ былъ потомъ и другими историческими обстоятельствами, которыя еще увеличили его значеніе. Съ принятіемъ византійскаго христіанства въ древнюю Русь перешло вмѣстѣ множество элементовъ, чисто византійскихъ: на ряду съ церковными учрежденіями, переносимыми цѣликомъ, проникали византійскіе элементы гражданскаго законодательства; съ славянскимъ переводомъ писанія—многочисленныя произведенія византійской церковной и легендарной литературы; церковная связь поддерживалась личнымъ присутствіемъ греческаго духовенства, военными и родственными сношеніями князей, странствіями паломниковъ, и т. д.

Одинъ изслѣдователь греческаго вліянія въ древней Руси высчиталъ, что, по основаніи кіевской митрополіи, только пятый митрополитъ былъ родомъ русскій, что вообще въ дотатарскій періодъ изъ 23 митрополитовъ въ Кіевѣ 17 были несомнѣнно греки, происхожденіе трехъ неизвѣстно, и только остальные трое были русскіе; нѣкоторые изъ митрополитовъ до того оставались греками, что даже не выучивались по-русски. Епископы въ большинствѣ случаевъ были русскіе, но и между ними было не мало грековъ въ главнѣйшихъ городахъ, какъ Новгородъ, Ростовъ, Смоленскъ, Черниговъ и пр. Въ первое время приходили даже греческіе священники и клирики, церковные пѣвцы; церкви строились греческими мастерами, напр. знаменитѣйшія церкви: Десятинная, Софійская, Успенія въ Печерскомъ монастырѣ,—онѣ украшались привознымъ мраморомъ, всѣмъ искусствомъ греческой архитектуры, „мусіи" (мозаики) и т. д. Византія, давно знакомая воен-

нымъ дружинамъ, какъ цѣль походовъ и искапія богатой добычи, а „гостямъ“ по торговымъ сношеніямъ, стала теперь привлекать многочисленныхъ странниковъ своими религіозными святынями; Ольга уже странствовала въ Константинополѣ; въ началѣ XI вѣка Антоній обошелъ аѳонскіе монастыри и сталъ начинателемъ русскаго монашества; игуменъ Варлаамъ около половины того же вѣка доходилъ до самаго Іерусалима; въ началѣ XII ст. путешествуетъ въ святыя мѣста Палестины знаменитый игуменъ Даніилъ, съ которымъ вмѣстѣ была цѣлая „дружина“ русскихъ паломниковъ. Подъ конецъ, церковныя власти даже стали вооружаться противъ паломничества, которое, повидимому, переходило уже въ злоупотребленіе.

Паломничество доставляло множество подтвержденій новому ученію: о чемъ разсказывали книги, то разсказывали и „калики перехожіе“, бывшіе на мѣстахъ. Паломники, въ своихъ странствіяхъ, видѣли тѣ самыя мѣста, гдѣ совершалась библейская исторія, и видѣли многочисленные памятники ея событій: тогдашній Константинополь, въ особенности св. Софія, былъ преисполненъ множествомъ священныхъ реликвій, оставшихся воспоминаніемъ о земной жизни Христа и предметомъ поклоненія, множествомъ мощей святыхъ и всевозможныхъ предметовъ, оставшихся отъ нихъ памятью. Здѣсь были многочисленные памятники исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, памятники исторіи святыхъ и мучениковъ, чудотворные предметы и изображенія. Вотъ, напримѣръ, что собственными глазами видѣлъ русскій паломникъ въ святой Софіи, въ царскихъ золотыхъ и въ иныхъ церквахъ Царьграда: тамъ была трапеза, на которой праотецъ Авраамъ ѣлъ хлѣбъ съ посѣтившей его св. Троицей; крестъ изъ той лозы, которую посадилъ Ной послѣ потопа, и масличный сучекъ, принесенный голубемъ въ ковчегъ; палица Моисеева, которою онъ раздѣлилъ Черное море и провелъ черезъ него людей израильскихъ; скрижали Моисеева закона и кіотъ, а въ немъ манна; „труба мѣдная іерихонскаго взятія“ Іисуса Навина,—въ которую вострубитъ ангелъ при второмъ пришествіи. Отъ земной жизни Іисуса Христа сохранились многочисленные памятники: здѣсь были пелены Христовы; златые сосуды, принесенные младенцу Христу въ даръ волхвами; свердлы и пилы, которыми дѣланъ былъ крестъ Господень; честной крестъ, вѣнецъ, губка, гвозди, копіе—орудія страданія Іисуса Христа; сорочка, шейный платокъ и калиги (обувь) Христа; мраморная лохань, въ которой онъ умылъ ноги своимъ ученикамъ; его трапеза; мраморный камень колодезя, у котораго Христосъ говорилъ съ самарянкой; камни отъ гроба Господня; Нерукотворенный образъ и проч. Здѣсь было множество частей и цѣлыхъ мощей святыхъ, угодниковъ и мучениковъ, начиная отъ Іоанна Крестителя. Здѣсь были чудотворныя иконы, какъ, напримѣръ, икона Богородицы, держащей Христа, въ которую жидовинъ ударилъ ножомъ въ гортань Христа и изъ нея истекла кровь; икона Богородицы, изъ очей которой шли слезы. Русскаго паломника поражали и тѣ необычайныя богатства, которыя собраны были для украшенія перваго храма восточнаго христіанства,—золото, серебро, мраморъ, драгоцѣнные камни,—наконецъ, произведенія искусства, наполнявшія св. Софію: все это вмѣстѣ должно было производить чрезвычайное впечатлѣніе — лѣтописное преданіе разсказываетъ, что одинъ видъ св. Софіи и церковнаго служенія въ ней увѣрилъ посла князя Владиміра, что здѣсь, у грековъ, должна быть истинная вѣра. Эти живыя впечатлѣнія странниковъ, безъ сомнѣнія, не меньше книжнаго ученія и проповѣди содѣйствовали успѣху христіанства: Царьградъ получилъ народную славу; легенда, принесенная очевидцами священныхъ памятниковъ, получила полную убѣдительность.

Кромѣ сношеній церковныхъ и торговыхъ, съ Византіей велись и военныя и политическія дѣла. Русскіе отряды не одинъ разъ отправлялись въ греческую землю въ качествѣ вспомогательнаго войска; князья роднились съ семьей императора; византійскіе претенденты заходили на Русь; русскіе князья не одинъ разъ уходили въ изгнаніе въ Грецію.

Для новой народной жизни особенное значеніе получили церковныя связи, съ которыми соединялась и первая письменность. Греческая церковь при самомъ началѣ стала передавать русской свои отличительныя особенности—строгое храненіе православія, соборныхъ постановленій и преданія, враждебное отношеніе къ западной церкви и ея догматическимъ и инымъ нововведеніямъ, свое церковногражданское законодательство. Русская литература складывалась подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ византійскихъ образцовъ: въ догматикѣ, въ поученіи, въ „житіи“ русскіе писатели примѣняли византійскую манеру. Византійская догма-

тика повторяется съ точностью и догматическія тонкости внушаются въ поучительныхъ словахъ; русскіе писатели достигали иногда замѣчательнаго историческаго совершенства, какъ, напр., Кириллъ Туровскій; въ житіяхъ святыхъ съ самаго начала устанавливается условный стиль, перенятый у грековъ и отличавшій потомъ наши произведенія этого рода. Единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о древнемъ мірѣ былъ византійскій хронографъ.

Успѣхъ церкви былъ несомнѣнный и обширный: ея авторитетъ былъ неоспоримый; духовенство со времени Владиміра поставлено было въ извѣстное независимое—нравственно и матеріально—положеніе; князья строили по собственному усердію церкви и приказывали строить; искали поученія и руководства у игуменовъ и епископовъ; сами вступали въ монашество и выдерживали его съ замѣчательной ревностью. Благодаря этому положенію, духовенство стало, наконецъ, богатѣйшимъ и привиллегированнымъ землевладѣльцемъ и самобытной властью, со множествомъ своихъ чиновниковъ и управителей.

Такъ-какъ первое распространеніе грамоты началось съ принятіемъ христіанства и первыя книги были церковныя, то и послѣ книжное образованіе было отождествлено съ церковнымъ ученіемъ, оно было въ особенности принадлежностью церковнаго сословія и высшаго класса. Древняя Русь еще знала не-церковную книжность, какъ доказываетъ „Слово о полку Игоревѣ", но затѣмъ мы почти не видимъ слѣдовъ этой свѣтской письменности; въ наши средніе вѣка церковная книжность господствуетъ, но уровень знаній, внѣ церковныхъ интересовъ, былъ крайне невысокій, что, наконецъ, отозвалось ко временамъ Петровской реформы. Первыя вліянія новой европейской образованности въ формѣ схоластической школы и литературы, появляются только съ XVI вѣка въ южной Руси, откуда въ XVI—XVII ст. они только съ трудомъ проникали въ Москву...

Въ какомъ же отношеніи оказалось старое содержаніе народныхъ понятій къ новому въ періодъ введенія христіанства? Какъ ни умѣренными могутъ намъ представляться успѣхи образованія того времени, но древній періодъ обнаруживалъ замѣчательную для своихъ условій ревность къ новому просвѣщенію.

Старое и новое были такъ несходны, что преобладаніе и потомъ господство христіанскаго міровоззрѣнія должно было составить сильный умственный и нравственный переворотъ. Это, дѣйствительно, такъ и было: характеръ понятій измѣнился. Христіанство смѣнило прежнюю естественную религію и внесло новое нравственное сознаніе—личнаго долга святой жизни, воздаянія за гробомъ; христіанская литература выставила новую космогонію и теогонію, легенда принесла новую миѳологію; церковь дала освященіе власти, поддержала стремленіе къ единодержавію, сообщила новую опору учреждаемому порядку вещей. Перемѣна произошла и въ нравственныхъ понятіяхъ, и въ устройствѣ, и въ общественной жизни.

Въ первые вѣка христіанства церковь старалась замѣнять языческія преданія и предметы поклоненія христіанскими, превращая языческіе храмы въ церкви, замѣщая память о языческихъ божествахъ христіанскими святыми, языческія праздиества христіанскими торжествами. Лѣтопись замѣчаетъ, что князья повелѣвали ставить церкви тамъ, гдѣ стояли кумиры, и могло быть, что это были въ особенности церкви въ честь святыхъ, которые пріобрѣтали наибольшую популярность въ упомянутомъ смыслѣ. Церковь начала противодѣйствовать и бытовымъ обычаямъ, и нравственнымъ понятіямъ народа: она возставала противъ многоженства или отсутствія брака, противъ языческихъ праздниковъ, изъ которыхъ иные съ новой точки зрѣнія были простымъ развратомъ, хотя съ языческой были только праздникомъ и весельемъ, въ честь какого-нибудь славянскаго Вакха или Афродиты; возставала противъ „бѣсовскихъ" пѣсенъ. Проповѣдь этого рода была настолько дѣйствительна, насколько новые христіане успѣвали проникнуться церковнымъ ученіемъ: всего сильнѣе она была въ княжеской обстановкѣ и въ городскомъ населеніи, ближе къ оффиціальной церковной власти и духовному поученію. Дѣйствительно, уже вскорѣ являются въ этомъ кругу примѣры большой религіозной ревности; церковное освященіе сопровождаетъ крупныя событія ихъ жизни: въ удѣльныхъ раздорахъ и войнахъ городскія дружины идутъ „за Спаса и Пречистую", „за св. Софію", которыя олицетворяютъ для нихъ родной городъ и землю.

Съ христіанскимъ ученіемъ входило новое понятіе о природѣ. Если, какъ надо полагать, наше язычество не представляло достаточно опредѣленной космогоніи, исторіи божествъ и творенія міра, то тѣмъ легче могло привиться новое представленіе о мірѣ, основанное на библейскомъ разсказѣ, по-своему весьма

точное, особенно украшенное средневѣковой фантазіей и легендой. Здѣсь просвѣщаемый новымъ ученіемъ узнавалъ исторію шестидневнаго творенія міра („Шестодневъ" является однимъ изъ древнѣйшихъ произведеній старославянской литературы), низверженіе непокорныхъ духовъ въ бездну, строеніе ада и рая, затѣмъ исторію первыхъ людей и человѣчества, пришествіе Спасителя. Изображеніе природы, полученное изъ византійскихъ книгъ, во всякомъ случаѣ должно было превышать старыя народныя понятія объ этомъ предметѣ; то, что оставалось неяснымъ и непонятнымъ, восполнялось изобильной фантастикой, всесильной тамъ, гдѣ для испытанія ея не было никакихъ знаній. Впослѣдствіи, когда въ русскую письменность проникла цѣлая масса такъ-называемыхъ апокрифическихъ сочиненій христіанской легендарной поэзіи именно этого фантастическаго характера—поэзіи, дополнявшей то, чего не знали изъ писанія о событіяхъ священной исторіи, о тайнахъ загробной жизни, наконецъ, о явленіяхъ природы, эта легендарная поэзія стала у большинства господствующей космогоніей и теогоніей, гдѣ все уже было ясно и гдѣ съ полной увѣренностью и подробностью описаны и тайны неба, адъ и рай, странствія души, покинувшей тѣло. Природа, изъ которой изгнаны были языческія божества, населилась, въ понятіяхъ этого большинства, новыми обитателями: средневѣковая легенда давала особыхъ ангеловъ солнцу, которое они двигали, и другимъ небеснымъ свѣтиламъ, населяла землю добрыми и злыми духами, которые управляли явленіями природы, и вели между собою споръ о человѣкѣ, желая пріобрѣсти его для рая и ада.

Книжники вскорѣ усвоили себѣ христіанскую космогонію и съ пренебреженіемъ опровергали то, что говорили о разныхъ явленіяхъ природы (напримѣръ, затменіяхъ и т. п.) „невѣгласы", т. е. люди невѣжественные, незнающіе книжнаго ученія: книжники не вѣрили, чтобы во время затменія кто-то съѣдалъ солнце, но были убѣждены, что подобныя знаменія бываютъ не даромъ, что они посылаются по особеннымъ случаямъ, когда Богъ хочетъ напомнить людямъ о покаяніи, исправленіи отъ грѣховъ, предвѣщаютъ казнь за грѣхи, войну, моръ и т. п. Все въ природѣ дѣлается по непосредственному Божію велѣнію, и явленія необычныя имѣютъ смыслъ особеннаго указанія, предзнаменованія, угрозы.

Русское христіанство, въ руководящемъ классѣ народа, уже вскорѣ пріобрѣтаетъ значительную самобытность. Благодаря болгарамъ и сербамъ, оно получило переводъ писанія, необходимѣйшихъ церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, и произведенія писателей южно-славянскихъ, такъ что располагало съ самаго начала обширной церковной и легендарной литературой. Произведенія первыхъ русскихъ писателей свидѣтельствуютъ, что этотъ литературный запасъ былъ хорошо усвоенъ. Церковь начинаетъ обнаруживать собственную дѣятельность, довольно независимую отъ византійскаго первенства и руководства. Эта независимость рѣзко обнаружилась въ примѣрѣ избранія митрополита безъ всякаго сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Церковь имѣла уже русскихъ святыхъ, признанныхъ и славянскимъ югомъ; имѣла даже праздники греческимъ святынямъ, не существовавшіе у самихъ грековъ.

Съ теченіемъ времени христіанское сознаніе стало господствующимъ; народъ еще въ древнемъ періодѣ сталъ считать свою вѣру однимъ изъ тѣхъ основныхъ качествъ, которыя отличали его отъ нехристіанскаго восточнаго сосѣдства: это были „крестьяне" и „поганые".

Но прежнія понятія такъ были вплетены во всѣ отношенія обыденной жизни, что для народной массы отказаться отъ нихъ было невозможно за одинъ разъ, и они продолжали жить въ народѣ долгое время, то окрашивая христіанскія понятія примѣсью стараго суевѣрія, то сохраняясь чисто-языческимъ обычаемъ. Языческое сознаніе такого обычая обыкновенно ослабѣвало, но онъ сохранялся, какъ дополненіе новой вѣры.

Самъ народъ, очевидно, не отдавалъ себѣ отчета въ этой двойственной вѣрѣ, онъ, вѣроятно, скоро воспринялъ понятіе о христіанскомъ всемогущемъ Богѣ, о будущей жизни, о грѣхѣ, о наградѣ и наказаніи, но никогда не умѣлъ отчетливо раздѣлить старыхъ и новыхъ понятій, которыя не совсѣмъ умѣли дѣлить и его руководители; онъ наивно принималъ и то, что было стародавнимъ преданіемъ, и то, въ чемъ убѣждало его церковное ученіе; воображеніе и чувство одинаково поражались и тѣми страхами, какіе внушало старое суевѣріе, и тѣми, какими угрожало грѣшнику церковное ученіе—по преданью, ни одинъ разъ прибѣгавшее къ картинѣ страшнаго суда для убѣжденія язычниковъ; въ особенности, народъ

не могъ дѣлить стараго и новаго въ области фантастическаго и поэтическаго, и простодушно вѣрилъ чудесному—и христіанскому и языческому одинаково. Понятно, что эти старыя мнѣнія и привычки всего сильнѣе держались именно въ народѣ. Въ первое время церковь не имѣла, конечно, никакихъ средствъ обезпечить его христіанское обученіе; это продолжалось и потомъ; если въ XV ст. церковные правители жаловались на недостатокъ сельскихъ священниковъ, порядочно знающихъ грамоту, то прежде народная масса, безъ сомнѣнія, еще больше бывала предоставлена случаю. Извѣстно, что въ народѣ въ тѣ времена являлась даже мысль, что церковный обрядъ предназначается только для высшаго класса; напримѣръ, что вѣнчаніе браковъ нужно только для бояръ. Понятно, что въ сельскомъ быту далекихъ отъ центра краевъ свободно могли жить остатки язычества въ самыхъ очевидныхъ формахъ.

Это было то „двоевѣріе", которое ревностно обличали старинные моралисты; для нихъ, успѣвшихъ усвоить аскетическій идеалъ, невыносимо было зрѣлище народнаго быта, въ которомъ языческія воспоминанія были несомнѣнны, гдѣ въ первое время, вѣроятно, поминались въ пѣсняхъ поименно языческія божества и продолжали совершаться языческіе обряды и праздники.

Языческая старина еще не вымерла окончательно въ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, заговорахъ, былинахъ и проч.

Отвращеніе къ католицизму, возбужденное въ древней Руси изъ Византіи, имѣло свое благотворное вліяніе, устранившее отъ русскаго народа властолюбивыя притязанія папства,—но Византія не выяснила вполнѣ настоящихъ зловредныхъ сторонъ католическаго клерикализма и отдалила древнюю Русь не только отъ католицизма, но вообще отъ Запада, и, сдѣлавъ невозможными образовательныя связи съ Западомъ, сама нимало не вознаградила этого собственными источниками образованія.

Вслѣдствіе этого, древняя Русь была связана въ умственныхъ интересахъ только съ одной Византіей, и это было великой потерей для ея просвѣщенія и причиной крайней непрочности науки и образованія.

Та высокая цивилизація, какую приписывають Византіи ея поклонники, осталась неизвѣстна древней Руси; Византія не сообщила ей ничего изъ тѣхъ преданій античной цивилизаціи, какія сохранялись для собирателей, схоліастовъ и компиляторовъ, и передала только свои церковно-клерикальныя произведенія и популярно-монашескую легенду. Тѣ запасы чисто-образовательнаго содержанія, какіе въ ней все-таки были, не доходили до древней Руси; дошла только клерикально-исключительная литература. Мы не скажемъ, чтобы вина односторонности и скудости просвѣщенія въ древней Руси пала на одну Византію: надо признать, что запросъ на это просвѣщеніе не былъ великъ,—но, вѣроятно, и самое просвѣщеніе Византіи было таково, что его другія стороны не на столько были замѣтны въ общемъ тонѣ литературы, чтобы привлекать на себя вниманіе и возбуждать любознательность.

Такимъ образомъ, по началу и направленію образованности, древняя Русь примыкала къ Византіи и осталась чужда западно-европейскому движенію; тѣсныя связи съ Византіей въ политическомъ и особенно церковномъ отношеніи не дали ей элементовъ свѣтской науки; отношенія къ Западу еще не были затруднены той церковной и національной нетерпимостью, которая развилась впослѣдствіи; но Западъ былъ далекъ, и его возбужденная дѣятельность не отразилась почти ничѣмъ въ жизни древней Руси. Преобладающимъ вліяніемъ осталась византійская церковность, которая возъимѣла свое полное дѣйствіе въ слѣдующемъ періодѣ.

Съ паденіемъ Византіи, Московское царство осталось единственнымъ представителемъ восточнаго православія, и это еще увеличило его самодовольство, но не увеличило образованности. Восточные патріархи, вызванные въ Москву для устраненія внутреннихъ неурядицъ московской религіозной жизни, замѣтили недостатокъ просвѣщенія; византійцы не сознавали, что прежде всего это была ихъ собственная вина.

С. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ ДО ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, томъ IV).

Мы окончили тотъ отдѣлъ русской исторіи, который по преимуществу носитъ названіе *древней* исторіи: мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія и отношеній его къ слѣдующему отдѣлу.

На великой сѣверо-восточной равнинѣ, на перекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азіею и между новою Европою и старою, на пути „изъ варягъ въ греки“, основалось государство Русское. Земля наша велика и обильна—сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя русская исторія есть исторія страны, которая колонизуется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: лѣса горятъ, готовится богатая почва, но поселенецъ не долго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населеніи. Народонаселеніе движется; славянскій колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косою и плугомъ идетъ впередъ все къ сѣверо-востоку, сквозь финскихъ звѣролововъ. Отъ такой расходчивости, расплывчивости, привычки уходить при первомъ неудобствѣ происходила полуосѣдлость, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, пріучало къ исканію легкаго труда, къ безразсчетливости, къ какой-то междоумочной жизни, къ жизни день за день. Но разсматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ метрополіи: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались, государственныя отправленія осложнялись все болѣе и болѣе, а между тѣмъ страна не лишилась характера страны колонизующейся: легко понять, какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ; легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земель.

Если колонизація имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка направленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ вмѣстѣ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ лѣтописца, который говоритъ о движеніи славянскихъ племенъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ, два племени, которымъ принадлежитъ новая исторія Европы, славянское и германское, при раздѣленіи между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское—отъ сѣверо-востока къ юго-западу, славянское, наоборотъ—отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлилась означеннымъ движеніемъ,

опредѣлилась природою странъ, занятыхъ, вслѣдствіе движенія, прежнимъ бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго славянскаго государства, представителя славянскихъ государствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверо-востокъ? Если германскія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили и Западную римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльныя государства,—то почему же славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили Восточной римской имперіи и не основали на ея развалинахъ новыхъ государствъ? Почему, вмѣсто юго-восточнаго направленія, они приняли сѣверо-восточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юго-востоку, славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ азіатскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота по нынѣшней южной Россіи къ западу. Извѣстны движенія гунновъ, аваровъ и судьба народовъ, которые подпадали ихъ натиску. Отъ средняго Днѣпра славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юго-востоку; оставалось только направленіе сѣверо-восточное, и мы видимъ, что племена отъ средняго Днѣпра двигаются въ этомъ направленіи—къ Деснѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они небезопасны отъ азіатцевъ — и здѣсь они принуждены были платить дань козарамъ. Азіатскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно разрѣзывали славянъ; какъ азіатцы оттолкнули русскихъ славянъ отъ юга и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверо-восточное направленіе, такъ западныхъ славянъ задерживали нѣмцы; такимъ образомъ, къ нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ, не приходили постоянно новыя массы славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили однѣ другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это было на западѣ у германскихъ племенъ. Основаніе Русскаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе подъ одною властью славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло, повидимому, перемѣнить дѣла на востокѣ: лодки Олега являются подъ Константинополемъ, Святославъ поселяется на Дунаѣ. Но судьба Святослава показала ясно, что первые русскіе князья не могли имѣть для Восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловисы имѣли для Западной: славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверо-восточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверо-востока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западѣ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ: онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди него и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: „Ты, князь, чужой земли ищешь, а насъ здѣсь чуть не взяли печенѣги“, говорятъ кіевляне въ преданіи,—знакъ, что у кіевлянъ была *своя* земля, а *чужой* искать они не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только небольшой дружины, которая, не смотря на всю храбрость, не могла произвести никакого

важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цимисхіемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ печенѣговъ,— знакъ, что, съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны—степные варвары по прежнему отрѣзывали сѣверо-восточныхъ славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно, мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями вначалѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византіею, вслѣдствіе того, что печенѣги, половцы, татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновенія первыхъ русскихъ князей съ Византіей было не разрушеніе имперіи, но принятіе христіанства Русью изъ Византіи: мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преданіе, заимствованное въ Византіи.

Такимъ образомъ, и послѣ основанія Русскаго государства, т. е. послѣ соединенія восточныхъ славянскихъ племенъ, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т. е. съ юго-запада на сѣверовостокъ, потому что юговосточная часть великой равнины по-прежнему занята кочевыми азіатскими ордами, на которыя новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, вначалѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ днѣпровской волости, мы замѣчаемъ въ князьяхъ стремленіе переводить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять людьми сѣвера южные украинскіе города, долженствовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствовавшія обстоятельства взяли свое: степная Украйна, область Днѣпровская, подвергается постояннымъ, сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ея города пусты: въ нихъ живутъ псари да половцы, по отзыву самихъ князей; куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и раззоренія? Конечно, не на юго-востокъ, прямо въ руки къ половцамъ; конечно, не на западъ, къ иновѣрнымъ ляхамъ и венграмъ; свободный путь оставался одинъ—на сѣверо-востокъ: такъ Ростовская, изначала финская область, получила свое славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приплывомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершившаяся въ историческое уже время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князя.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ побужденія, заставлявшія народонаселеніе двигаться отъ юго-запада къ сѣверовостоку, становятся еще сильнѣе: съ юго-востока—татары, съ запада—литва; крайній сѣверо-востокъ еще неподвластный русскимъ князьямъ, населенный зырянами и вогуличами, непривлекателенъ и опасенъ для поселенцевъ невоинственныхъ, идущихъ небольшими массами; такимъ образомъ, теперь съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы-рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее насельниковъ, какъ Москва собрала около себя сѣверо-восточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней русской исторіи.

Громадность русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія—колоссальное

государство въ родѣ древнихъ—Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательнѣе вглядѣться въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо долженствовала быть областью единаго государства. Страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область по-прежнему осталась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большею частью не было ничего; нужно было все населить, все устроить, все создать: „земля была велика и обильна, по наряду въ ней не было"— и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ-будто бы раздѣлилась на части, находящіяся подъ властью разныхъ владѣтелей. Всматриваясь внимательнѣе, однако, мы видимъ, что, при этомъ наружномъ раздѣленіи, государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и на долго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній новыя европейскія государства раздѣляются на двѣ группы: на группу государствъ германскихъ и на группу государствъ славянскихъ. Въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большой чистотѣ славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго (вассала отъ сюзерена), зависимость, развившаяся изъ первоначальной зависимости члена дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ; отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго; этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ: единство государства повидимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь млад-

шій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и не смотря на то, благодаря извѣстной экономіи человѣческихъ обществъ, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; не смотря на частныя нарушенія обязанностей— феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ,—вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало образовываться крѣпкое государственное средоточіе, родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное средоточіе, какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и кончилась эта борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена Русской исторіи, знаменитая дорога изъ варягъ въ греки, въ концѣ XII ст., оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, народонаселеніе движется въ этомъ направленіи, и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область верхней Волги колонизуется; мы видѣли, подъ вліяніемъ какого начала произошла эта колонизація, какой характеръ вслѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія къ власти, его призвавшей, новыхъ городовъ къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе, какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей со старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, вслѣдствіе чего сѣверо-восточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ московскія князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатѣютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и татаръ и Литву.

Препятствій имъ при этомъ мало, пособій много. Способствовало имъ отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что обусловливалось природою страны, передвиженіемъ народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ сѣверо-восточной Руси, вслѣдствіе чего голоса при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія, вообще изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго: народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе, чѣмъ какому-либо другому, должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойство, бѣдствія; такое

народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному сильнѣйшему, при чемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особенности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ княжествомъ, имѣли право переходить отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

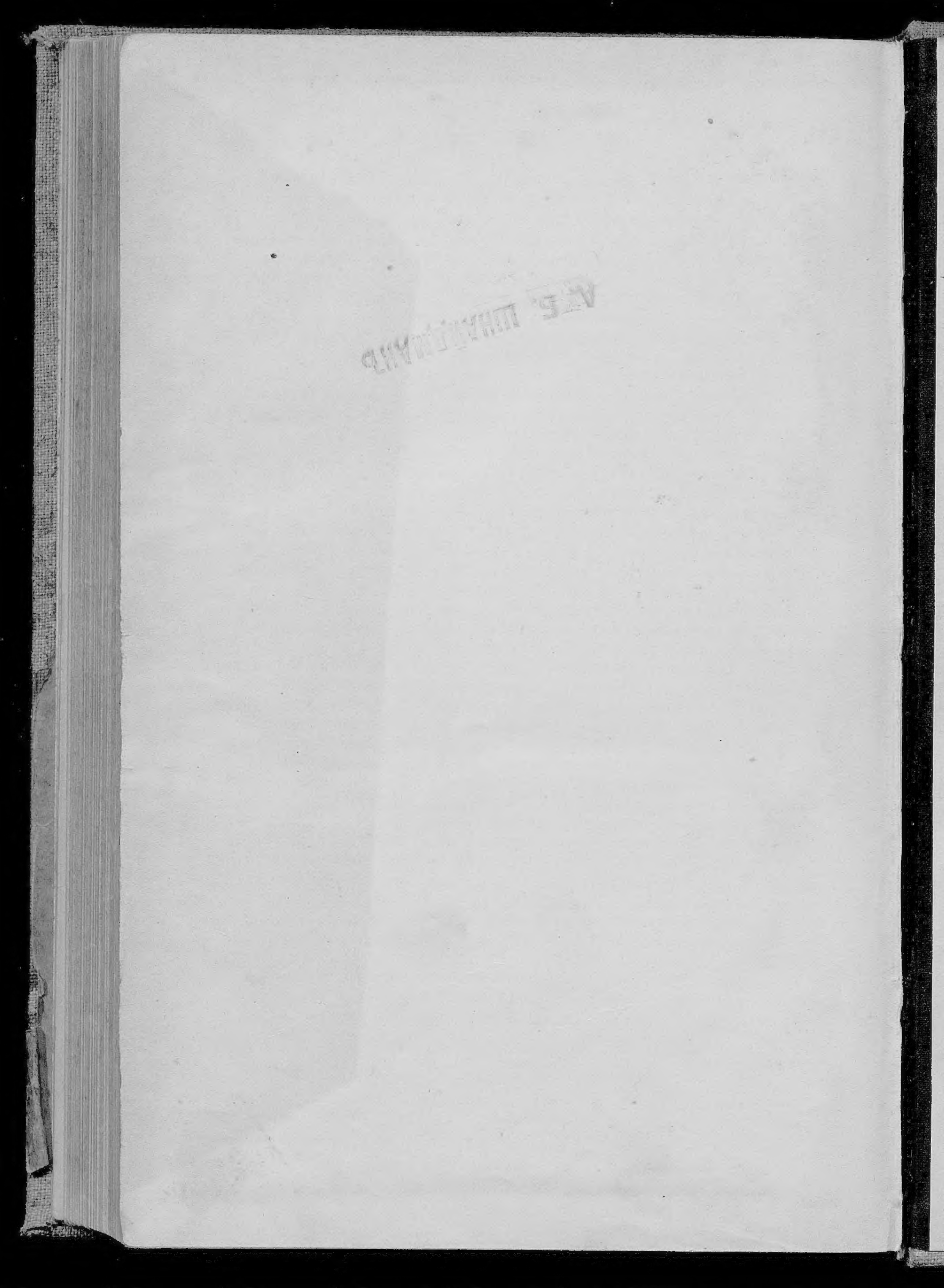
Извнѣ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества; спачала Тевтонскій орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе литовскихъ князей на западѣ; потомъ, послѣ брака Ягайлова на Ядвигѣ, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія къ падающему и распадающемуся ордену—къ Богеміи, Венгріи. Натиски Швеціи и ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ.

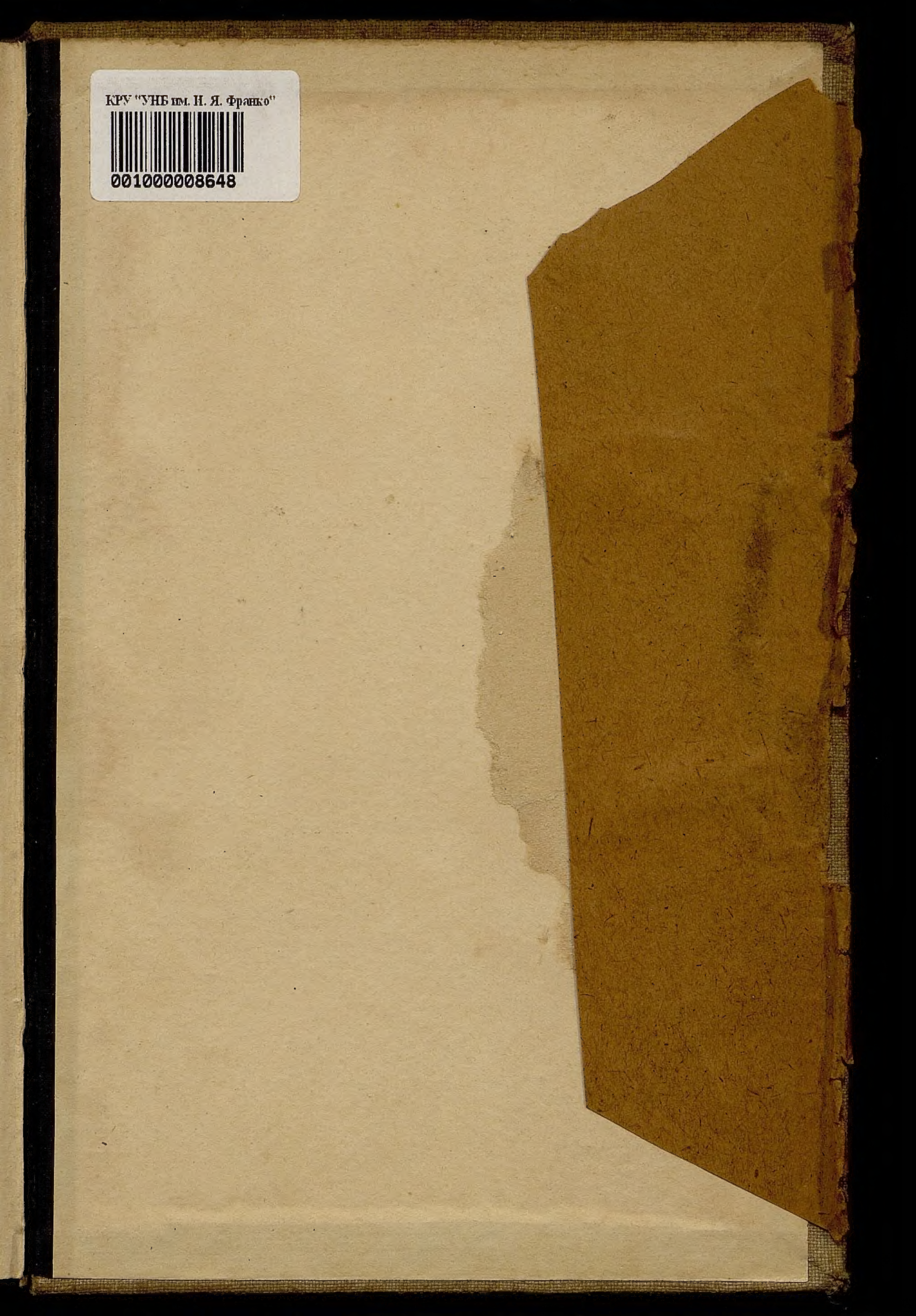
Продаваемая за деньги помощь татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя. Между тѣмъ, въ Европѣ происходятъ великія явленія: если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго Московскаго государства, если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ, вслѣдствіе начавшагося здѣсь сосредоточія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала передъ турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали Греческой имперіи: подобныя государства нельзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того, европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV-й вѣкъ, когда юныя европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ-называемую среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоточенію какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ единовременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши, образованіе Литовскаго государства преимущественно изъ областей юго-западной Руси. Польша соединяется съ Литвой подъ одной династіей, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устраиваетъ дѣло соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнутъ, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которое на многіе вѣка впередъ опредѣляетъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ,—борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гусомъ,—опредѣлила надолго судьбы западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, обусловленная отринутіемъ флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы восточной: вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ,

поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось московское государство. Формы, въ которыхъ оно образовалось, обусловливались отношеніемъ къ духовенству, дружинѣ и остальному народонаселенію: отношенія духовенства обусловливались византійскими преданіями; дружина не была дружиной завоевателей; сначала на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ значенія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, при осѣдлости князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатыя могущественныя фамиліи, но сначала уже замѣчаемъ, что при самыхъ богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ и богатство и могущество не остаются долго: Алексѣй Петровичъ Хвостъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вельяминовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Дмитріи Донскомъ, при Василіи Дмитріевичѣ поднимаются Кошки, но не сохраняютъ своего первенствующаго значенія при Василіи Темномъ; Всеволожскій, поднявшійся-было въ малолѣтство послѣдняго, скоро падаетъ, имѣніе его также переходитъ къ великому князю, равно какъ имѣніе Свибловыхъ и Константиновичей. Соперничество фамилій, безспорно, много помогало князьямъ управляться съ отдѣльными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неугодными,—тѣмъ болѣе, что общее, очень важное значеніе дружины не затрогивалось съ другой стороны, значеніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приплывомъ знатныхъ выходцевъ, искавшихъ службы при дворѣ сильныхъ князей московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаетъ много князей—Рюриковичей и Гедиминовичей, которые въ описываемый періодъ сохраняютъ свое первенствующее положеніе, именуются прежде бояръ; пришлецы *заѣзжают*, оттѣсняютъ членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ не можетъ вести ни къ чему: безъ нихъ обойдутся, другихъ слугъ много; невыгодно промѣнять службу въ сильной, богатой Москвѣ на службу въ другомъ княжествѣ; если же недовольный отъѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать усобицы, то всѣ эти усобицы оканчивались торжествомъ князя московскаго, причемъ извѣстна участь Вельяминова, Всеволжскаго, Константиновичей. При постоянномъ движеніи, пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ-нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому видимъ смѣны, перемѣщенія. Въ концѣ описываемаго времени видимъ на первомъ планѣ или князей, или членовъ такихъ родовъ, которыхъ не видимъ прежде на первомъ планѣ.

Такъ образовалось Московское государство.





Продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Часть 3-я. Эпоха Петра Великаго.

Составлена **Я. Г. Гуревичемъ.**

Цѣна 2 руб. 25 коп.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО

и

КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ.

Сочиненіе **Я. Г. Гуревича.** Цѣна 1 руб.

ЗНАЧЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ЛЮДОВИКА XIV

И ЕГО ЛИЧНОСТИ.

Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ приватъ-доцентомъ Я. Г. Гуревичемъ.

Цѣна 20 коп.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЫ.

Фримана.

Переводъ съ 5-го англійскаго изданія подъ редакціею **Я. Г. Гуревича.**

Цѣна 1 руб.

Дозв. ценз. Спб. 30 Сент. 1896 г.